XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

1.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЙ.

1890.

1.

Выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

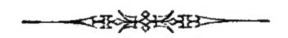
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Два чувства чудно близки намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
Пушкинъ.

1890.

КНИГА ПЕРВАЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1890.

ГОСУДАРЫНЯ-ПУБЛИЦИСТЪ.

„Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа“ (Екатерина II-я, въ „Наказѣ“).

Немного въ Исторіи коронованныхъ главъ, которыя посвящали свои силы и досуги литературѣ; еще менѣе можно указать на тѣхъ изъ нихъ, которыя видѣли въ своихъ литературныхъ занятіяхъ не одно только отдохновеніе отъ тяжелыхъ государственныхъ заботъ, а считали эти занятія частью своей государственной дѣятельности и ставили главною ихъ задачею достиженіе государственныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей для блага своихъ подданныхъ. Литературная дѣятельность многихъ изъ государей вовсе не имѣла связи съ ихъ политическою системою или же, иногда, вызывалась чисто - внѣшними обстоятельствами; таковы, напр., писанія Генриха VIII и Іоанна Грознаго. Даже въ новѣйшее время, когда литература сдѣлалась могучимъ орудіемъ для распространенія идей въ обществѣ и неоднократно проявляла присущую ей въ этомъ отношеніи силу, даже въ это время такой геній - правитель (хотя и дурной писатель) какъ Фридрихъ II-й, современникъ императрицы Екатерины II-й, считающійся безспорно главнымъ виновникомъ возрожденія Германіи,—и онъ ставилъ свои литературныя произведенія внѣ круга политическихъ и образовательныхъ успѣховъ Нѣмецкаго народа; мало того, и по характеру, и по языку, сочиненія его были по преимуществу Французскими и относятся къ литературѣ Французской, а не къ Нѣмецкой.

Поэтому, литературныя произведенія Екатерины II-й, почти всѣ имѣющія прямое отношеніе къ тогдашней Русской жизни, не могутъ не останавливать на себѣ вниманія историка: они важны для ближайшаго знакомства какъ съ личностью и дѣятельностью державной писательницы, такъ и съ состояніемъ Россіи ея времени.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы постараемся, по возможности, указать на положеніе, принятое Екатериной, какъ писательницей, въ журнальномъ движеніи 1769 года, и вообще на отношеніе ея къ журнали-

спикѣ этого времени. Для общей связи припомнимъ, что это былъ годъ первой Турецкой войны (на которую вызвало Россію тогдашнее зложелательство Франціи), еще до блистательныхъ послѣдующихъ успѣховъ на сушѣ и водахъ. Лишь осенью этого года, послѣ всяческихъ неудачъ, взятъ былъ Хотинъ. Новое царствованіе вело первую войну свою съ внѣшнимъ врагомъ и находилось наканунѣ страшной борьбы съ Пугачевщиной.

*

О первыхъ шагахъ Екатерины на литературномъ поприщѣ, если не считать ея «Наказа», не было ничего почти извѣстно до начала 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Правда, по изслѣдованіямъ Булича (о Сумароковѣ) и Аѳанасьева (о Русскимъ сатирическихъ журналахъ) читатели узнали о дѣятельности (въ періодъ 1769—1774 гг.) первыхъ Русскихъ журналовъ съ политической окраской, начавшихся изданіемъ «Всякой Всячины». Добролюбовъ [1]) и г. Мордовцевъ [2]) опредѣляли ихъ общественно - политическое значеніе, указывая при этомъ на будто бы недружелюбное отношеніе Екатерины II-й къ журналистикѣ того времени; но никому и въ голову не приходило, что начало этой журналистикѣ положено было самой Екатериной, и Добролюбовъ, напримѣръ, говоря объ одной изъ статей, писанныхъ Государыней, называетъ автора ея «какимъ - то» Патрикѣемъ Правдомысловымъ (псевдонимъ Екатерины).

Знаменательно и то, что, въ запискахъ современниковъ Государыни вовсе не упоминается о журнальной ея дѣятельности въ первую половину ея царствованія, тогда какъ о позднѣйшемъ участіи ея въ «Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова» сохранились подробныя свѣдѣнія, и принадлежность ея перу «Былей и Небылицъ» извѣстна была всѣмъ и въ то время. Это, по нашему мнѣнію, неслучайное различіе можно объяснить отчасти тѣмъ, что Екатеринѣ впослѣдствіи тяжело было вспоминать о журнальной полемикѣ 1769 г., въ которой она участвовала и подвергалась грубымъ выходкамъ со стороны литературныхъ своихъ противниковъ; вотъ почему, вѣроятно, она тщательно скрывала свое участіе въ изданіи «Всякой Всячины» 1769 г., и всякое напоминаніе о томъ было ей непріятно. Слѣды та-

---

[1]) *Добролюбовъ*: „Русская сатира въ вѣкъ Екатерины“ („Современникъ“, Октябрь 1859 г.).

[2]) *Мордовцевъ*: „Обличительная литература первыхъ Русскихъ журналовъ и стѣсненіе гласности“ („Русское Слово“, Февраль и Мартъ 1860 г.).

кого настроенія Екатерины, по нашему мнѣнію, замѣтны въ ея «Быляхъ и Небылицахъ». Къ сочинителю ихъ «восемь человѣкъ (между коими двѣ женщины, а прочіе всѣ мужчины) «воспріяли намѣреніе писать для освѣдомленія, не имѣется ли, полно, у него бабушки». «Почитая весьма дѣдушку вашего» (отъ лица котораго говорила Екатерина въ «Быляхъ и Небылицахъ»), писали авторы письма̀, «сердечно всѣ желаемъ, чтобъ бабушка ваша здравствовала и чтобъ вы иногда объ ней упоминали. Почтеніе, которое мы имѣемъ къ дѣдушкѣ вашему, не дозволяетъ намъ ни малѣйшаго сомнѣнія имѣть, чтобъ ея достоинства не соотвѣтствовали дѣдушкинымъ отмѣннымъ дарованіямъ, почему любопытство наше извинительно и вамъ неблагоугоднымъ быть не можетъ». Нужно знать, что «Всякая Всячина», издававшаяся Екатериной, будучи первымъ по времени выхода журналомъ, называлась по отношенію къ прочимъ «бабушкой», и что взгляды и направленіе бабушки» проводились и «дѣдушкой» въ «Быляхъ и Небылицахъ». Неудивителенъ, поэтому, сухой отвѣтъ Екатерины на обращенный къ ней вопросъ:

„По догадкамъ, запросто и правду чтобы сказать, признаться должно, что дойти и добраться возможно, что почтенный дѣдушка, имѣя изобильное число внучатъ, безъ супруги быть не можетъ; но сія догадка отнюдь тутъ не служитъ, гдѣ дѣло идетъ о спознаніи лицъ, дѣйствительно существующихъ, либо молчаніемъ свое бытіе скрывающихъ. То однако завѣрно предположить можно, что тѣ люди не ошибаются, кои о достоинствѣ прародительницы судятъ по качествамъ ея извѣстнаго супруга“ [3]).

Письмо «восьми человѣкъ» написано было послѣ извѣстныхъ «Вопросовъ» Фонвизина, вызвавшихъ у Екатерины жалобу, что «онъ хочетъ учить ее царствовать», и нѣкоторую рѣзкость въ ея «Отвѣтахъ» ему. Если принять въ соображеніе, что тонъ и содержаніе «Вопросовъ» напоминали собою «Трутень» и другіе полемизировавшіе со «Всякой Всячиной» журналы 1769 г., и что издательница «Собесѣдника», попомѣстившая въ немъ «Вопросы» и письмо «восьми человѣкъ», княгиня Дашкова, участвовала, по преданію, и въ «Трутнѣ»: то неудивительно, что напоминаніе о «бабушкѣ» не могло понравиться Екатеринѣ, въ немъ она должна была увидѣть приглашеніе къ возобновленію полемики по общественнымъ вопросамъ, которую вела она прежде во «Всякой Всячинѣ» и отъ которой только что уклонилась рѣзкими отвѣтами Фонвизину и слѣдующими словами въ «примѣчаніи» къ его покаянному письму:

„Что-жъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напе-

---

[3]) „Сочиненія Екатерины II“, изд. Смирдина, т. 3, стр. 58—60.

редъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю, что въ „Быляхъ и Небылицахъ“ гнусность и отвращеніе за собой влекущее не вмѣщаемо; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ родѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло: мы и Грамматику худо знаемъ; гдѣ намъ проповѣди писать!“ [4]).

Написавъ отвѣтъ на письмо «восьми человѣкъ», не во-время воспріявшихъ намѣреніе допытываться о существованіи «бабушки», Екатерина выразила свое неудовольствіе тѣмъ, что вслѣдъ за отвѣтомъ объявила объ отъѣздѣ «дѣдушки» изъ Петербурга, прибавивъ, что и она «думаетъ ѣхать куда-нибудь», т.-е. прекратить сотрудничество въ «Собесѣдникѣ». Тогда, чтобы смягчить Государыню, княгиня Дашкова помѣстила въ «Собесѣдникѣ» письмо къ г. сочинителю «Былей и Небылицъ» и въ письмѣ этомъ умоляла дѣдушку отложить отъѣздъ и не прекращать своего сотрудничества въ «Собесѣдникѣ», такъ какъ, въ противномъ случаѣ, его «ни хвалить, ни раскупать уже не станутъ». Извиняясь предъ Государыней за напоминаніе о «бабушкѣ», княгиня Дашкова, изъ боязни лишиться державной сотрудницы, выражалась даже рѣзко объ авторахъ письма «восьми человѣкъ»:

„Съ должнымъ почтеніемъ, испрося дозволеніе, вторую пословицу здѣсь представлю: разсердясь на блохи, да одѣяло въ печь. Неужели это и съ вами сбылось? Петры Угадаевы были, есть и будутъ; но ихъ существованіе васъ всѣхъ менѣе удивлять должно, ибо самыя ваши сочиненія ихъ болѣе рождать удобны. Писать хорошо, шутливо, пріятно, при томъ новыя совсѣмъ мысли, въ новомъ одѣяніи представленныя; вездѣ соль, дальновидность, глубокомысліе и густомысліе, соединяясь, ваши сочиненія отличаютъ отъ прочихъ; какъ же не привить желанія отгадать сочинителя, прародителя его, братьевъ и знакомыхъ ему и проч. и проч.? Противное столь же естественно, какъ обратное теченіе рѣки“ [5]).

На письмо это Императрица, хорошо понимавшая княгиню Дашкову, отвѣчала насмѣшливо:

„Всепокорнѣйше прошу болѣе не прикладывать лепешки съ похвалами болячкѣ, не свойственныя поведенціи. Съ ребячества слыхалъ я, какъ лиса говорила ворону.... Касательно-жъ Петровъ-Угадаевъ слышу только, что семья ихъ часъ отъ часу болѣе распространяется. Богъ съ ней!... Существуетъ-ли гдѣ вопрошательный народъ, того не вѣдаю, ибо окромѣ гогода Питера нигдѣ не бывалъ; но, и не бывъ пророкомъ, предсказать не

---

[4]) Тамъ же, т. III, стр. 57.

[5]) „Сочиненія Екатерины“, т. III, стр. 62.

трудно, гдѣ ко времени и кстати отвѣчательный навѣрно найтися можетъ. Пребываю съ отличнымъ почтеніемъ вашъ и прочее"[6]).

Вскорѣ послѣ этого Императрица прекратила свои «Были и Небылицы»[7]); но мы еще встрѣчаемъ въ нихъ упоминаніе о «бабушкѣ», причемъ указывается и одинъ изъ ея сотрудниковъ: это былъ Левъ Александр. Нарышкинъ, непріятель княгини Дашковой, прославившійся «какъ шпынь и балагуръ». Тотчасъ вслѣдъ за его возраженіемъ критику «Былей и Небылицъ» (причемъ Нарышкинъ скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ «Каноника»[8]), Екатерина объявила въ «Быляхъ и Небылицахъ» «во извѣстіе»:

„Съ немалою радостію сообщается знать желающимъ и не желающимъ, что нѣкоторая надежда оказывается получить свѣдѣніе о почтенной супругѣ прародителя; ибо на сихъ дняхъ на запасномъ дворѣ „Былей и Небылицъ" отыскался коверъ шерстяной съ разводами по померанцевой землѣ, отличной величины, о которомъ древности знающіе и въ оныхъ упражняющіеся судятъ, что оный нигдѣ окромѣ Смоленской губерніи, и то не въ городѣ, но въ деревнѣ, селѣ или усадьбѣ, изъ домашней шерсти вытканъ быть могъ. Изъ чего выводятъ, не безъ основанія, будто прабабушкина деревня находилась въ томъ великомъ княженіи, о чемъ чрезъ сіе сообщается любопытному и нелюбопытному свѣту"[9]).

Сквозь недомолвки и подчасъ мало понятныя намъ теперь метафоры проглядываетъ ясно нежеланіе Государыни признать свое участіе въ журналистикѣ 1769 г. Вотъ почему, вѣроятно, въ массѣ матеріала, оставшагося намъ отъ Екатерины и объ Екатеринѣ, мы не встрѣчаемъ упоминанія о ея журнальныхъ трудахъ этого времени, хотя иногда и приходилось высказаться по этому поводу.

Такъ, напримѣръ, уже послѣ того, какъ изданіе «Всякой Всячины» было закончено, Дидро писалъ ей: «Ваше величество хорошо знакомы съ порочными и смѣшными сторонами своего народа; я бы на вашемъ мѣстѣ сталъ травить ихъ Парнасскими псами». «Еслибы ваше величество лично взялись за эту задачу», говоритъ онъ далѣе, обращаясь къ Екатеринѣ, «то впечатлѣніе было бы самое сильное, какое только можно себѣ представить, и я знаю, что ваше величество

---

[6]) „Сочиненія Екатерины", т. III, стр. 75—76.

[7]) Причина желанія Екатерины прекратить „Были и Небылицы", не указанная изслѣдователями литературной дѣятельности Императрицы (Сочин. Державина, изд. Грота, т. VIII, стр. 34!), очевидно объясняется приведенной полемикой въ связи съ напоминаніемъ о „бабушкѣ", т.-е. о „Всякой Всячинѣ".

[8]) *Гротъ*: „Сочиненія Державина", т. VIII, стр. 334—336.

[9]) „Сочиненія Екатерины", т. III, стр. 84.—Нарышкины родомъ Смольняне.

можете это сдѣлать» [10]). Какъ было славолюбивой Государынѣ не отозваться на эти льстивыя совѣты? Какъ было не сказать ей, что совѣтъ Дидро является нѣсколько запоздалымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ ея журнальнымъ трудамъ, предпринятымъ ею для просвѣщенія народа и для смягченія его нравовъ? Между тѣмъ, въ перепискѣ своей съ энциклопедистами Екатерина ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ изданіи «Всякой Всячины», о своемъ сотрудничествѣ въ ней, тогда какъ охотно сообщаетъ имъ о «Собесѣдникѣ» и о «Быляхъ и Небылицахъ», безспорно не имѣющихъ такого просвѣтительнаго и руководящаго значенія, какъ статьи «Всякой Всячины» [11]).

Только счастливая случайность, находка въ Государственномъ Архивѣ покойнымъ Пекарскимъ четырехъ лоскутковъ бумаги, писанныхъ Екатериной собственноручно для «Всякой Всячины» подъ вымышленными именами, сберегла для потомства новую чрезвычайно-любопытную страницу изъ исторіи «долговременной службы государству» императрицы Екатерины II. Да и эти отрывки, по справедливому замѣчанію Пекарскаго, уцѣлѣли, вѣроятно, благодаря тому, что почему-то не были сданы Екатериной для напечатанія [12]).

Отъ какихъ иногда случайностей зависитъ точное изображеніе «минувшихъ дней»!

Доказавъ на основаніи найденныхъ рукописей Екатерины, при сопоставленіи другихъ данныхъ, что истиннымъ редакторомъ «Всякой Всячины» была сама Екатерина, Пекарскій допустилъ, однако, и ошибку въ своемъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе странную, что знакомство покойнаго академика съ источниками, безспорно очень основательное, исключало самую возможность ея. Сказавъ, что «Всякой Всячинѣ» приходилось иногда выдерживать сильныя нападки со стороны другихъ журналовъ (во главѣ которыхъ стоялъ «Трутень», издаваемый Н. И. Новиковымъ), Пекарскій замѣчаетъ: «Съ своей стороны *Всякая Всячина* заставляетъ придворнаго господчика высказывать такіе отзывы о «Трутнѣ»: «Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани; онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей знаменитыхъ и на всѣхъ; такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ

---

[10]) La Nouvelle Revue (Сентябрь 1883 г.). См. *Миллера*: „Екатерина II-я и энциклопедисты“ (Новь, т. I, стр. 242).

[11]) *Гротъ*: „Сочиненія Державина“, т. VIII, стр. 339.

[12]) *Пекарскій*: „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“. Приложеніе къ III т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 6, 1863 г., стр. 1—2.

дерзновеніе. Полно-де, ево отпряла недавно «Всякая Всячина» очень хорошо; да это еще ничего: въ старыя времена послали бы ево потрудиться для пользы государственной описывать нравы какова ни на есть царства Русскаго владѣнія» («тонкій намекъ на Сибирь», объясняетъ Пекарскій).

Но угрожать своимъ литературнымъ противникамъ ссылкою въ Сибирь, угрожать притомъ въ журнальной полемикѣ, Екатерина не могла: противъ этого говорило бы не только сердце ея, но и просто практическія соображенія. И самый «тонкій» намекъ на Сибирь, при данныхъ условіяхъ, показался бы высокому уму Государыни безтактнымъ и безразсуднымъ: въ ея власти было, еслибъ она того захотѣла, заставить замолчать своихъ противниковъ другими, болѣе, скажемъ, приличными способами. Еще менѣе возможными для «Всякой Всячины» кажутся дальнѣйшія ея слова, приводимыя Пекарскимъ: «Вѣдь-де знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что̀ и на простолюдинахъ. Кто - де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже плохой слуга»[13]).

Оказывается, что этотъ отзывъ «придворнаго господчика» о «Трутнѣ» приведенъ не во «Всякой Всячинѣ», а въ *Трутнѣ* же[14]), гдѣ нѣкій Чистосердовъ особымъ письмомъ характеризуетъ отношенія къ журналу «знатныхъ бояръ» и «придворныхъ господчиковъ». «Слѣдуетъ замѣтить, говоритъ г. Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ, издателѣ «Трутня», что взгляды подобныхъ господчиковъ не оправдались; и очень ошибется тотъ, кто подумаетъ, что Императрица въ то время раздѣляла взгляды подобныхъ господчиковъ. Въ полемикѣ «Всякой Всячины» съ «Трутнемъ» не зашло и рѣчи о придворныхъ и знатныхъ людяхъ, и Новиковъ продолжалъ обличать ихъ послѣ предостереженія Чистосердова такъ же, какъ и прежде, даже еще съ бо̀льшею рѣзкостью и безъ оговорокъ»[15]). Во всякомъ случаѣ, уже то дѣлаетъ честь уму и сердцу Государыни, что она удостоивала полемизировать съ тѣмъ, кого ея придворные считали достойнымъ Сибири, и тѣмъ оказывала ему даже нравственную поддержку. Но г. Незеленовъ не указалъ въ своемъ сочиненіи на странную ошибку Пекарскаго, и, быть

---

[13]) *Пекарскій*: „Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II“, стр. 7—8.

[14]) „Трутень“, стр. 50—51, изд. *Ефремова.*

[15]) *Незеленовъ*: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель сатирическихъ журналовъ“, стр. 168.

можетъ, поэтому она повторяется до сихъ поръ даже въ учебныхъ книгахъ по исторіи Русской литературы [16]).

На память державной писательницы кладутъ темнымъ пятномъ именно то, что̀ должно, наоборотъ, еще болѣе озарять ея образъ!

И между тѣмъ, ученымъ недосмотромъ этимъ косвенно подтверждалось врядъ ли справедливое заключеніе и о происхожденіи литературной дѣятельности Екатерины II-й. Выше мы привели совѣтъ Дидро Государынѣ «травить Парнасскими псами смѣшныя и порочныя наклонности своего народа». Хотя совѣтъ этотъ оказался и запоздалымъ по отношенію ко «Всякой Всячинѣ», но все же онъ далъ нѣкоторое основаніе мнѣнію, что Екатерина, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда ученія о просвѣщенномъ деспотизмѣ, старалась служить камертономъ для нашей литературы и своими сатирическими журналами, и своими комедіями [17]). При кажущейся своей основательности, мнѣніе это въ сущности построено на смѣшеніи понятій и является какъ бы софизмомъ. Можно сказать даже, что литературныя произведенія Екатерины скорѣе являются отрицаніемъ деспотизма, хотя бы то и просвѣщеннаго. Понятіе о просвѣщенномъ деспотизмѣ предполагаетъ насильственное, путемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, проведеніе въ жизнь народа даже такихъ теоретическихъ умозрѣній, которыя шли бы въ разрѣзъ съ исторически - сложившимся строемъ жизни народа, съ воззрѣніями и обычаями, священными въ глазахъ его. Подъ это понятіе могутъ быть подведены дѣйствія, напр., Петра В., да и то лишь отчасти (не назовемъ же мы напр. проявленіемъ просвѣщеннаго деспотизма учрежденіе Академіи Наукъ?) Иначе, каждое благое начинаніе, исходящее сверху, какова бы ни была его просвѣтительная цѣль и условія ея достиженія, разъ оно поддержано авторитетомъ правительственной власти, должно будетъ признавать проявленіемъ воли деспотической. Тѣмъ менѣе можно упоминать о деспотизмѣ, говоря про область мысли и слова, гдѣ Екатерина являлась лишь подъ псевдонимомъ—простой, рядовой писательницей, и гдѣ она могла только объяснять, совѣтовать, убѣждать, отнюдь не представляя, по собственнымъ ея словамъ, умоначертаній, которыхъ Русскіе не знаютъ. Обаяніе правительственной власти на этой дорогѣ, избранной ею для достиженія

---

[16]) См. *Порфирьева* „Исторія Русской словесности", ч. II, отд. II, Казань, 1884 г., стр. 63 и *Полеваго* „Исторія Русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ", 3-е изд. 1878 г., стр. 344—345.—Оба автора ссылаются на „Матеріалы" Пекарскаго.

[17]) См. напр., указанную выше статью *Миллера*: „Екатерина II и энциклопедисты", стр. 243.

своихъ цѣлей, могло скорѣе повредить ей, чѣмъ принести пользу. Правда, она могла бы монополизировать для себя журнальную арену; но именно этого она, какъ увидимъ ниже, и не хотѣла, безъ сомнѣнія, дорожа, прежде всего, истиною и не подозрѣвая, можетъ быть, всей щекотливости своего будущаго положенія какъ публициста. Замѣтимъ кстати, что «просвѣщенные деспоты» XVIII вѣка, Фридрихъ II, Іосифъ II, Густавъ III, вовсе не думали имѣть вліяніе на умы своихъ подданныхъ путемъ убѣжденія, предпочитая дѣйствовать исключительно силой власти.

Какія-жъ цѣли побудили Екатерину выступить въ роли публициста и основаніемъ журнала «Всякой Всячины» положить основаніе публицистикѣ въ Россіи? Мы едва-ли ошибемся, если придадимъ полную вѣру словамъ Государыни, такъ опредѣлявшей цѣль изданія «Всякой Всячины»: «Я хотѣлъ», говоритъ она отъ имени издателя, «показать, первое — что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ, и третье — говорить Русскимъ о Русскихъ и не представлять имъ умоначертаній, кои оные не знаютъ» [18]).

Въ этой программѣ все ясно и все соотвѣтствуетъ характеру, мыслямъ и дѣйствіямъ Екатерины.

Нѣтъ ни надобности, ни возможности допускать предположеніе, будто литературными своими трудами Государыня думала укрѣпить личное свое положеніе на престолѣ [19]), въ странѣ, гдѣ литература въ то время не имѣла никакого общественнаго значенія. Принимая, вмѣстѣ съ Бецкимъ, воспитательныя мѣры для созданія «новой породы людей», кладя, такимъ образомъ, основаніе для будущаго, Императрица не могла въ то же время не думать объ орудіи, которое должно было воспитательнымъ образомъ дѣйствовать и на современное ей общество. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для этого казалась сатира, пріобрѣвшая уже большое значеніе въ Англіи и во Франціи. Невѣжество и пороки слѣдовало, по мнѣнію Екатерины, представлять со смѣшной стороны, способной возбуждать къ нимъ отвращеніе; да и наставленія должны быть излагаемы въ забавной и шутливой формѣ, какъ болѣе удовлетворяющей вкусу читателей. Форма эта была тѣмъ удобнѣе, что давала возможность по общественнымъ вопросамъ высказаться лицамъ

---

[18]) „Всякая Всячина“, стр. 501—502.

[19]) *Добролюбовъ*, въ статьѣ „Русская сатира въ вѣкъ Екатерины“.

разныхъ слоевъ Русскаго общества, не придавая ихъ заявленіямъ общаго, оффиціальнаго характера. Извѣстно, что Екатерина, по собственному ея сознанію, любила извѣдывать мысли лучшихъ людей въ народѣ; для этой цѣли, между прочимъ, и для знакомства съ потребностями Россіи она и созвала знаменитую Коммиссію о составленіи проэкта новаго уложенія. Отсрочивъ по военнымъ обстоятельствамъ, въ Декабрѣ 1768 года, засѣданія этой Коммиссіи, Екатерина, можетъ быть, думала отчасти восполнить образовавшуюся около нея пустоту путемъ журналистики, которая должна была говорить Русскимъ о Русскихъ и знакомить Государыню съ состояніемъ умовъ того времени. Цѣли просвѣтительныя соединялись, такимъ образомъ, съ цѣлями политическими путемъ обмѣна мнѣній, путемъ соглашенія, опредѣлять истинныя потребности народа и отыскивать разумные, цѣлесообразные способы къ ихъ удовлетворенію. И такъ, скромныя слова Екатерины, что изданіемъ «Всякой Всячины» она хотѣла «открыть дорогу тѣмъ, которые умнѣе ея», вполнѣ объясняютъ намъ то, что вслѣдъ за «Всякой Всячиной» появился цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ съ общественно-политической окраскою, изъ которыхъ, по тону и рѣзкости своихъ обличеній и истинно-патріотическому характеру направленія, выдавался въ особенности «Трутень», изданіе знаменитаго Н. И. Новикова [20]). Поэтому, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, будто «Всякой Всячинѣ», т. е. ея издателю, не нравилось размноженіе сатирическихъ журналовъ [21]). Отрывокъ, писанный рукой Екатерины, на которомъ основываются лица, держащіяся этого мнѣнія, доказываетъ, по нашему, противное. Вотъ этотъ отрывокъ:

„Госпожа бумагомарательница „Всякая Всячина". *По милости вашей* нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями. Лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, нежели жатву словъ, которую вы причинили. Ѣли бы вы кашу, да оставили бы людей въ покоѣ; вѣдь и профессора Рихмана громъ бы не убилъ, еслибы онъ сидѣлъ за щами, а не выдумалъ шутить съ громомъ. Хрѣнъ бы васъ съѣлъ! Даже и намъ, старикамъ и старухамъ, спуску нѣтъ. Для чего вы меня съ сестрой обижаете? Я васъ въ лицо не знаю, а вы насъ описываете. Ну, хорошо ли это, я васъ спрашиваю?.. Ругатели какіе! Ну, развѣ вы не попадетесь мнѣ за городомъ, гдѣ ни на есть на встрѣчу!" [22]).

---

[20]) Поздравляя, при самомъ началѣ своего изданія, читателей съ Новымъ годомъ, „Всякая Всячина" говоритъ слѣдующее „.....Я вижу будущее. Я вижу безконечное племя „Всякой Всячины". Я вижу, что за ней послѣдуютъ законныя и незаконныя дѣти".

[21]) Такого мнѣнія держатся Пекарскій (смотри его „Матеріалы") и Незеленовъ въ своемъ изслѣдованіи о Новиковѣ.

[22]) *Пекарскій* „Матеріалы", стр. 2—3.—Первый появившійся послѣ „Всякой Всячины" журналъ „Ни то ни сё" былъ привѣтствованъ „Всякой Всячиной" весьма сочувственно. Стр. 73—74. Одновременно почти съ нею сталъ выходить журналъ „И то и сё"

Письмо это составлено Императрицей, очевидно, отъ имени какого-то лица, задѣтаго стрѣлами сатирическихъ журналовъ, и шутливый тонъ письма свидѣтельствуетъ, что фраза: «лучше бы мы любили изобиліе плодовъ земли, чѣмъ жатву словъ, которую вы причинили», есть выраженіе чувствъ обиженнаго, а не взгляды самой писательницы: тогда какъ слова: «по милости вашей (т.-е. «Всякой Всячины») нынѣшній годъ отмѣнно изобилуетъ недѣльными изданіями» доказываютъ, что виновницей ихъ появленія, по собственному сознанію и по мнѣнію общества, была сама императрица Екатерина. Журналы 1769 года смотрѣли на «Всякую Всячину» какъ на свою прародительницу, называя ее «бабушкой», а себя ея «внучатами»; такъ, по крайней мѣрѣ, продолжалось до тѣхъ поръ, пока родственныя отношенія эти не испортились острою полемикою, возникшей въ скоромъ времени между «Всякой Всячиной» и прочими журналами. Исходя изъ той точки зрѣнія, что бабушка «изображаетъ слабость своего разума», не сходясь съ нимп во мнѣніяхъ, внучата поставили вопросъ: «Почто же называться роднею? Или она уже выжила изъ ума?» [23]).

Весьма важно уяснить, насколько Екатерина своею журнальною дѣятельностью заслужила такіе рѣзкіе отзывы своихъ литературныхъ противниковъ, отзывы тѣмъ болѣе для насъ неожиданные, что намъ извѣстны уже благія цѣли предпринятаго ею изданія «Всякой Всячины». Если въ пользу ея противниковъ можетъ подкупить насъ одно присутствіе въ средѣ ихъ такого человѣка, какъ Новиковъ, который уже оцѣненъ по своимъ безспорно-великимъ заслугамъ, какъ «первая независимая общественная сила» и одинъ изъ симпатичнѣйшихъ Русскихъ людей XVIII вѣка, то посреди журнальной брани величественный образъ самодержавной Государыни не напоминаетъ ли намъ про безсмертныя слова ея «Наказа»: «мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа» [24])?

Прежде всего замѣтимъ, что полемика, возникшая у «Всякой Всячины» съ ея внучатами (между которыми по смѣлости и рѣзкости своихъ обличеній выдавались особенно «Трутень», «Смѣсь» и «Адская Почта») не могла не занимать въ высокой степени современнаго этимъ журналамъ общества, какъ по новости появленія самой журналистики, посвященной «злобѣ дня» того времени, такъ и по высокому положенію одной изъ споривших сторонъ. На литературу вообще, въ осо-

[23]) „Смѣсь" (журналъ 1769 г.) стр. 85—86. Подобныя же выходки противъ „Всякой Всячины" встрѣчаются часто на страницахъ и другихъ журналовъ этого времени.

[24]) „Сочиненія Екатерины II", т. 1, стр. 116.

бенности на Русскую, общество наше смотрѣло какъ на забаву, литераторовъ считало чуть не за балагуровъ, помогающихъ досужимъ людямъ пріятно убить свое время,—и вдругъ читаютъ въ «недѣльныхъ листкахъ» анонимныя статьи о такихъ щекотливыхъ «матеріяхъ», о которыхъ еще такъ недавно никто не смѣлъ разсуждать вслухъ. Печальное состояніе правосудія въ Россіи, ужасы крѣпостнаго права, повальное невѣжество, грубость нравовъ и продажность даже въ высшихъ классахъ общества, все это ярко обрисовывается и обсуживается на страницахъ сатирическихъ журналовъ 1769 г. Можно представить себѣ переполохъ, поднятый въ тѣхъ «темныхъ царствахъ», куда не проникалъ еще лучъ свѣта, и гдѣ, среди умственной слѣпоты и нравственной грязи, такъ привольно и легко было щукамъ ловить карасей! Смущеніе должно было усилиться, когда узнали, что во главѣ журнальнаго движенія, возмутившаго общественную тишь да гладь, стоитъ сама Государыня. Если объ участіи ея во «Всякой Всячинѣ» знали журналисты [25]), то тѣмъ менѣе могло оно укрыться отъ «придворныхъ господчиковъ» и «знатныхъ бояръ», которымъ легко было догадаться объ источникѣ небывалой еще въ Россіи свободы слова. Понятно, съ какимъ участіемъ и съ какой тревогою дворянство, чиновничество и знать, какъ и всѣ грамотные люди, должны были прислушиваться къ голосу журналовъ 1769 г. и въ особенности къ голосу «Всякой Всячины» [26]): въ издательницѣ и главномъ редакторѣ ея, т.-е. въ Екатеринѣ, всѣ видѣли не только писательницу, слова которой разносились бы вѣтромъ, а самодержавную Императрицу, имѣвшую возможность осуществлять свои мысли. Поэтому неудивительно, что Екатерина, давъ свободу другимъ журналамъ, сама, однако, вынуждена была быть крайне осторожною въ изложеніи своихъ мнѣній, лавировать, прибѣгать къ недомолвкамъ и, быть можетъ, не всегда говорить искренно: она не могла не знать, какое значеніе придадутъ каждому ея слову.

Нѣкоторая двойственность, замѣчаемая въ направленіи «Всякой Всячины», служитъ, по нашему мнѣнію, лишь отраженіемъ политическаго положенія Государыни и трудности принятой ею на себя задачи — быть публицистомъ, проповѣдникомъ новыхъ идей и реформъ, намѣченныхъ еще въ «Наказѣ», и въ то же время сохранять безпристрастіе, достоинство и умѣренность монархини при столкновеніи личныхъ мнѣній, сословныхъ интересовъ, или при возбужденіи та-

---

[25]) „Н. И. Новиковъ" соч. Незеленова, стр. 165.

[26]) Объ этомъ положительно свидѣтельствуетъ Макаровъ. См. „Отеч. Записки" 1839 г., т. V, смѣсь, стр. 27.

кихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ для нея, какъ главы государства, въ видахъ «общей пользы и общаго блага», могло казаться несвоевременнымъ. Думать, что Екатерина, будучи самодержавной императрицей, могла дѣлать что̀ хотѣла, проводить свои идеи въ жизнь безъ особыхъ затрудненій, значило бы не знать Екатерины, не знать времени, когда она жила. Умъ Государыни, практическій, холодный, чуждъ былъ однако односторонности и прямолинейности въ воззрѣніяхъ, а воля, при всей своей твердости и устойчивости, не сокрушала препятствій, а обходила ихъ, на сколько это было возможно. Вообще, Екатерина, насмотрѣвшись на многое при Елисаветѣ и особенно въ царствованіе своего супруга, избѣгала суровыхъ, жесткихъ мѣръ, любила дѣйствовать осторожно, медленно, безъ потрясеній общественнаго организма и не походила въ этомъ отношеніи на Петра Великаго, бывшаго ей въ другихъ отношеніяхъ образцомъ. Правда, и положеніе ея было очень трудное. Уже по вступленіи на престолъ, она выслушивала притязанія графа Разумовскаго на наслѣдственное гетманство въ Малороссіи, проектъ Н. Панина объ образованіи Совѣта, долженствовавшаго носить олигархическій характеръ; не говоримъ уже о хаосѣ, царствовавшемъ въ управленіи огромной имперіи, о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, сдѣлавшихся обычными явленіями. Вотъ почему Императрица дѣйствовала крайне осторожно и медленно: дѣлая одно, закрывала глаза до времени на другое; щадила личности, надѣясь уничтожить злоупотребленія въ корнѣ, и, думая предпринять какую-либо реформу, тщательно извѣдывала почву, чутко прислушиваясь къ отзывамъ лицъ знающихъ или затронутыхъ. Когда дворянство въ Коммиссіи Уложенія высказалось противъ уничтоженія крѣпостнаго права, Екатерина не рѣшилась дѣйствовать собственною властью, какъ ни желала освобожденія крестьянъ (дворянство было въ то время и мечемъ, и перомъ Россіи), но за то достигла другихъ цѣлей.

Самыя чистыя, безкорыстныя, направленныя къ «общему благу и общей пользѣ», стремленія разбивались при встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью; мало того, Государыня часто должна была скрывать свои мысли и придавать имъ иное значеніе. Что такое положеніе дѣлъ производило тяжелое впечатлѣніе на Екатерину, что разница въ мысляхъ и дѣлахъ должна была заставлять ее задумываться надъ причиной, которая вынуждала самодержавную императрицу поступать иногда вопреки собственнымъ мыслямъ и чувствамъ и идти къ цѣли окольными путями,—видно по бумагамъ, обнародованнымъ изъ переписки Екатерины съ Даламберомъ [27]). Въ числѣ этихъ бумагъ на-

[27]) Д. Ѳ. Кобеко въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 г., т. XVI.

ходится слѣдующая записка ея къ Даламберу, писанная ею въ концѣ 60-хъ годовъ, которую, по ея важности, приводимъ вполнѣ:

„Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ? „Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ."

„Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи: то, въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что неосновательно смотрѣли на эти правила, въ примѣненіи ихъ на практикѣ, какъ на правила безусловно-общія и неизмѣнныя. Примѣръ: *прекрасно прощать* — вотъ превосходное общее правило. Но однако законодатель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ; потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государства (даже не вполнѣ еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ). Другой примѣръ: *нужно всегда говорить людямъ правду.* Вообще, это вполнѣ справедливо; но справедливо ли это безъ ограниченія? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать по улицамъ Константинополя: *Магометъ обманщикъ!* Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключеніе мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила въ примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государи должны знать и принимать въ соображеніе" [28]).

Что̀ отвѣчалъ Даламберъ Екатеринѣ на этотъ вопросъ, и какими предѣлами онъ ограничивалъ путь соглашеній, на который готовилась вступить Государыня,—неизвѣстно; но можно подозрѣвать, что легкость творцовъ Энциклопедіи дала себя знать и въ этомъ случаѣ: Даламберъ долженъ былъ скорѣе наводить Екатерину на скользкій путь сдѣлокъ съ совѣстью, чѣмъ воздерживать ее отъ этого, уже въ силу присущаго энциклопедистамъ цинизма въ воззрѣніяхъ на жизнь и человѣка. Можно даже пожалѣть, что за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ Екатерина обращалась къ Французскимъ философамъ: ведя борьбу противъ грубости нравовъ и невѣжества современнаго ей общества, она въ то же

[28]) Тамъ же, стр. 295—296. Ср. Сборн. Р. И. О., т. I, 283.

время должна была, въ видахъ человѣколюбія и пользы человѣчества, быть насторожѣ и отъ самихъ философовъ, стоявшихъ во главѣ умственнаго движенія вѣка. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, митрополитъ Платонъ былъ не совсѣмъ неправъ, высказавшись открыто противъ сношеній Екатерины съ энциклопедистами, чѣмъ вызвалъ извѣстное самооправданіе Императрицы [29]).

Темныя стороны вліянія Вольтера и др. философовъ на Екатерину и современное ей Русское общество уже опредѣлены съ достаточною ясностью [30]). Тѣ дѣйствія Екатерины, которыя подвергаются порицанію въ настоящее время, совершенно оправдывались духомъ и направленіемъ философіи XVIII в., и, наоборотъ, эта же философія была противъ гуманныхъ мѣръ, которыя желала провести Императрица въ началѣ своего царствованія. Стремленіе Императрицы освободить крестьянъ встрѣчало противодѣйствіе со стороны тѣхъ же философовъ, сходившихся въ этомъ случаѣ во взглядахъ съ ярыми крѣпостниками Екатерининской эпохи. Простой народъ, по ихъ мнѣнію, «должно школить какъ медвѣдей»; «разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ; канальи (sic!) созданы не для него»; «нужно разрушить суевѣріе у благородныхъ людей и оставить канальямъ»; «народъ, это—быки, которымъ нужны ярмо, погонщикъ и кормъ». Мало того, они думали, что освобождать или не освобождать крестьянъ составляетъ право помѣщиковъ, а отнюдь не императрицы [31]). Такія воззрѣнія «передовыхъ людей» могли, разумѣется, смущать Екатерину, уже предчувствовавшую сопротивленіе дворянства и смягчившую, вслѣдствіе того, первоначальную редакцію «Наказа». Но и въ средѣ Комиссіи Уложенія мысли Екатерины объ освобожденіи крестьянъ не встрѣтили сочувствія; напротивъ, «отъ дворянства, купечества и духовенства послышался дружный и страшно-печальный крикъ: «рабовъ!» [32]). Какъ недовольна была Екатерина этимъ трогательнымъ единодушіемъ между Французскими философами и Русскими крѣпостниками, видно изъ слѣдующей записки ея, сохранившейся въ Государственномъ Архивѣ: «Естьли крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣдовательно онъ не человѣкъ, но его скотомъ извольте признавать, что̀ къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что̀

---

[29]) Р. Архивъ, 1866, 71—72.

[30]) *Незеленовъ*: „Николай Ивановичъ Новиковъ"; его же „Литература въ Екатерининскую эпоху" въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1884 г., т. XVI.

[31]) Историческій Вѣстникъ 1884 г., т. XVI, стр. 256—259.

[32]) *Соловьевъ*: Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 121.

слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано» [33]).

«Умоначертаніе» народное высказалось и въ вопросѣ о пыткѣ. Хотя въ «Наказѣ» Екатерина и осудила пытку, но гласно отмѣнить ее не рѣшилась, разославъ только секретное предписаніе губернаторамъ не употреблять ея въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки. Указъ Екатерины объ уничтоженіи пытки, уже написанный, встрѣтилъ такое сопротивленіе, что она должна была ограничиться одною только этою мѣрой. Въ извѣстной біографіи Сиверса разсказывается: «сенаторы, министры стали говорить, что теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли станетъ поутру; что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ» [34]). Ясно стало для Государыни, что мало пользы кричать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ!

Но, увидѣвъ, что почва, на которой она хотѣла посѣять добрыя сѣмена, оказалась неудобною для посѣва, Екатерина не потерялась: она задумала произвести, по выраженію Соловьева, удобреніе почвы посредствомъ нравственно-политическаго развитія народа. Для этой цѣли, какъ мы сказали выше, она и обратилась къ журналистикѣ, хотя и здѣсь должна была дѣйствовать съ осторожностью, строго взвѣшивая каждое слово и ограничивая иногда дѣйствіе хорошаго правила: нужно всегда говорить людямъ правду. За то «Трутень» и другіе журналы, вызванные Екатериной къ жизни, пользовались, какъ мы увидимъ ниже, самой широкой свободой слова, какою не пользовались почти никогда, ни прежде, ни послѣ, Русскіе журналы.

Благодаря этой свободѣ, журналы эти, преслѣдовавшіе тѣ же просвѣтительныя и общественныя цѣли, какъ и журналъ Екатерины «Всякая Всячина», разошлись скоро во взглядахъ со «Всячиной» на средства къ достиженію этихъ цѣлей, и тогда началась полемика, въ которой главнымъ противникомъ «Всякой Всячины» явился «Трутень», издаваемый Новиковымъ.

Ради чего же поссорилась «бабушка» со «внучатами?» Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что, не сойдясь во взглядахъ на реформы ни съ философами, ни съ Коммиссіей, Государыня должна была всту-

[33]) Тамъ же, стр. 329, въ „Примѣчаніяхъ".

[34]) Что уничтоженіе пытки въ Екатерининское время, съ юридической точки зрѣнія, казалось обществу опасной мѣрой, см. въ статьѣ *К. П. Побѣдоносцева* (Русскій Вѣстникъ 1860 г. т. XXX, стр. 467—471) объ убійствѣ Жуковыхъ.

пить въ борьбу и съ тѣми, которые вполнѣ сочувствовали ея преобразовательнымъ цѣлямъ и, казалось, могли быть только ея пособниками и опорой? Не испытала ли она и здѣсь новаго разочарованія, при всей искренности и наилучшихъ намѣреніяхъ своихъ литературныхъ противниковъ?

Мы уже видѣли, что высокоофиціозное значеніе «Всякой Всячины», какъ негласнаго органа главы государства, должно было отразиться и, дѣйствительно, отразилось на характерѣ и тонѣ этого изданія. «Говоря Русскимъ о Русскихъ», Екатерина, поневолѣ, должна была быть чрезвычайно сдержанной и осторожной по отношенію къ язвамъ общественнаго быта. Главными же предметами ея обличеній были злоупотребленія въ сферѣ дѣйствующаго законодательства, и преимущественно грубость нравовъ и невѣжество. Вмѣстѣ съ лучшими умами XVIII в., Екатерина думала, что корнемъ всему добру и злу является воспитаніе: взглядъ столь же односторонній, какъ и взглядъ новѣйшаго времени, когда исключительное значеніе стали придавать лишь образованію, вопреки словамъ Стародума, что «наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое орудіе дѣлать зло». Питая недовѣріе къ дѣйствительности крутыхъ мѣръ власти противъ зла, которымъ пораженъ былъ общественный организмъ, Императрица была увѣрена, что злоупотребленія и язвы общественнаго быта будутъ исчезать по мѣрѣ смягченія грубости нравовъ, когда въ порочную среду станутъ проникать свѣтлыя, человѣколюбивыя и нравственныя идеи. Частныя административныя мѣры и журнальныя обличенія зла, по мнѣнію Екатерины, не достигали цѣли, разжигая только личныя страсти, возбуждая недовольство въ обществѣ и мѣшая спокойному обсужденію вопросовъ. Преслѣдуя общія, воспитательныя цѣли,

„Всякая Всячина" предполагала только „изрѣдка касаться пороковъ, чтобы тѣмъ подъ примѣромъ какимъ не оскорблять человѣчества; но, располагая свои другимъ наставленія, поставлять примѣръ въ лицѣ человѣка, украшеннаго различными совершенствами, т. е. добронравіемъ и справедливостью... присоединять къ тому пользы, изъ того проистекающія, и сладкое сіе удовольствіе, какое чувствуетъ хранящій добродѣтель... Вотъ славный способъ исправляти слабости человѣческія!" [35]).

Характеръ журнала опредѣлился уже въ первыхъ его выпускахъ. Съ одной стороны, помѣщено было въ нихъ довольно злое стихотвореніе, направленное противъ дворянскихъ предразсудковъ, а съ дру-

---

[35]) „Всякая Всячина", въ письмѣ Добросовѣтова (стр. 213—215).

гой—статья, содержаніе которой является отвѣтомъ на вопросъ: «къ чему служатъ законы, когда нравы испорчены?»

Такая односторонняя программа «Всякой Всячины», при свободѣ «говорить Русскимъ о Русскихъ», разумѣется, не могла быть усвоена другими журналами: издатели ихъ не были въ томъ фальшивомъ и стѣсненномъ положеніи, въ какомъ находился издатель «Всякой Всячины»; а въ цѣляхъ Екатерины было очень желательно, чтобы они говорили то, чего не могла сказать она по своему высокому положенію. Въ то же время издатели журналовъ 1769 г., и въ особенности Новиковъ, не раздѣляли увлеченія Императрицы идеей исправленія язвъ общественныхъ путемъ воспитанія и, не зная о трудности положенія Государыни, возлагали, можетъ быть, слишкомъ пылкія надежды на возможность этого исправленія дѣйствіемъ власти, мѣрами законодательными. Не могли они также понять, что можно, говоря о злѣ, не указывать частныхъ его проявленій въ жизни, такъ какъ только этимъ путемъ пріобрѣталось правильное представленіе и о свойствахъ зла, и о размѣрахъ его. Самая умѣренность тона, крайняя сдержанность и терпимость «Всякой Всячины», исходившая изъ положенія и личнаго характера Императрицы, производили непріятное впечатлѣніе на ея собратьевъ по журналистикѣ—въ эпоху, о которой сама Екатерина писала впослѣдствіи: «мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ» [36]).

Нѣтъ ничего страннаго, значитъ, въ томъ, что почти тотчасъ по рожденіи, «внучата» объявили «бабушкѣ» войну, въ которую она однако вступила съ видимой неохотой. Зная великодушіе «бабушки», не будемъ также удивляться, что къ брани и оскорбленіямъ, какими осыпáли ее возмутившіеся «внучата», она отнеслась съ тѣмъ же спокойствіемъ и тою же терпимостью, которыя и послужили поводомъ къ раздору [37]).

Любопытны подробности этой замѣчательной полемики какъ по важности ея историческаго значенія, такъ и по вопросамъ, за-

[36]) „Сочиненія Екатерины II“, т. III, стр. 12.

[37]) Указанія на эти крайне-неприличныя выходки „внучатъ“ находятся, между прочимъ, и въ статьѣ г. *Тимоѳеева*: „Образцы журнальной полемики прошлаго вѣка“ (Истор. Вѣстникъ, Сентябрь 1887 г.). Авторъ, къ сожалѣнію, проглядѣлъ значеніе этихъ выходокъ для характеристики Екатерины. Слѣдуя Пекарскому и г. Незеленову, онъ относитъ эту брань вообще къ редакціи „Всячины“, забывая, что „внучата“ отлично знали, *кто* стоитъ во главѣ этой редакціи.

тронутымъ ею, о хищеніяхъ разнаго рода, съ соблюденіемъ или безъ соблюденія законныхъ формъ, о связи этихъ хищеній съ состояніемъ общества и государства и, наконецъ, о мѣрахъ къ ихъ искорененію. Въ связи съ этимъ впервыя въ Русской литературѣ былъ поднятъ и принципіальный вопросъ: является ли улучшеніе нравственныхъ свойствъ общества слѣдствіемъ коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ и законодательствѣ, или наоборотъ, не должны ли эти измѣненія совершаться лишь по мѣрѣ развитія народной нравственности и въ строгомъ соотвѣтствіи съ нею. Припомнимъ, что этотъ же вопросъ, по поводу рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ, вызвалъ рядъ тенденціозныхъ толкованій и въ современной литературѣ, хотя, казалось бы, въ настоящее время нельзя не признать самой постановки вопроса не совсѣмъ правильною въ такой рѣзкой, категорической формѣ. Истина, безспорно, находится *между* двумя этими противорѣчивыми мнѣніями, не нуждаясь для своего торжества ни въ «реакціонныхъ», ни въ «либеральныхъ» кличкахъ и измышленіяхъ. Исторія не знаетъ кабинетной прямолинейности, навязываемой ей теоретиками: запутанныя и сложныя комбинаціи общественной жизни, по извѣстному сравненію, это тѣ же морскія волны, изъ которыхъ однѣ несутся сплошными, но темными массами, а другія, поверхностныя и пѣнистыя, вздымаются вѣтромъ, въ направленіи иногда противоположномъ главному теченію... Мысль исторіи познается не въ отдѣльныхъ историческихъ фактахъ, а въ цѣлостной ихъ совокупности.

Съ самаго начала изданія »Всякой Всячины» Екатерина не только сама избѣгала столкновеній на журнальномъ поприщѣ, но, сознавая высокое значеніе печатнаго слова [38]) и имѣя въ виду лишь достиженіе намѣченной просвѣтительной цѣли, заботилась также о томъ, чтобы и другіе журналы «хранили между собой ненарушимую дружбу и согласіе вѣчное». Такъ, послѣ легкой размолвки, происшедшей между «Всякой Всячиной» и «Ни то ни сё», она спѣшила уничтожить въ самомъ корнѣ источникъ розни. «Объявляемъ нашимъ корреспондентамъ, писала она во «Всякой Всячинѣ», добровольно, непринужденно, въ удовольствіе публики, что ни единое такое письмо, ни сочиненіе не бу-

---

[38]) „О печать! Конечно самъ Богъ просвѣтилъ того человѣка, кто тебя выдумалъ. Тобою сохраняются описанія великихъ дѣлъ человѣческихъ; тобою летаютъ мысли геній отъ Востока до Запада, отъ Полудня до Полуночи; ты истребляешь вредныя роду человѣческому предразсужденія, тобою открывается истина; тобою изъ примѣровъ научаются цари царствовать, министры охранять отечество, полководцы искусству воинскому, судьи разысканію правды. Колико споспѣшествуешь ты людямъ ко благополучію!“... „Всякая Всячина“, стр. 117—118.

детъ болѣе имѣть мѣста во «Всякой Всячинѣ», изъ котораго бы могли родиться споры и брани съ прочими издаваемыми листами. Совѣтую притомъ, по праву старшинства, и поколѣнію «Всякія Всячины» отложити всѣ домашнія распри и только единственно упражняться довольствовати читателей пріятными и полезными задатками» [39]). «Корреспонденты» «Всякой Всячины» и впослѣдствіи, однако, подали поводъ къ возбужденію полемики между журналами, на этотъ разъ болѣе серьезной по своему содержанію и характеру. Нужно сказать, что уже во второмъ листѣ «Всякой Всячины», для успѣха своего дѣла, Екатерина сочла необходимымъ обратиться за содѣйствіемъ къ обществу:

„... Можетъ статься, объявила она, иногда разные люди пожелаютъ намъ сообщить свои мнѣнія, сочиненія или переводы, либо подать намъ совѣты, или имѣть съ нами переписку для внесенія чего-либо въ наши листы съ приложеніемъ имени своего *или безъ имени*; то дабы способствовать каждому изъ нихъ въ отысканіи нашихъ жилищъ, мы симъ объявляемъ, что на почтовомъ дворѣ приняты будутъ пакеты съ надписью: господину сочинителю „Всякія Всячины“. Мы же обѣщаемъ вносити въ наши листы все то что̀ насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ, лишь бы оно чуть сносно было написано; ибо подъ заглавіе „Всякая Всячина“ все годится, какъ стихи, такъ и проза“ [40]).

Такое приглашеніе, разумѣется, не могло пройти безслѣдно: чрезъ двѣ недѣли редакція «Всякой Всячины» сообщала уже объ огромномъ количествѣ полученныхъ ею писемъ [41]). Безъ сомнѣнія, содержаніе этихъ писемъ должно было въ высокой степени занимать Государыню: письма эти должны были служить ей однимъ изъ источниковъ для знакомства съ состояніемъ Русскаго общества. Касаясь сначала преимущественно литературныхъ и моральныхъ вопросовъ, авторы писемъ, по мѣрѣ уясненія «Всякой Всячиною» своей программы, не могли не затронуть потомъ и тѣхъ темныхъ сторонъ Русскаго общества, которыя въ значительной степени зависѣли отъ недостатковъ въ строѣ государственныхъ учрежденій; жаловались, главнымъ образомъ, на хищенія и злоупотребленія чиновниковъ вообще и на неправосудіе въ частности. Сама Императрица установила въ своемъ журналѣ вѣрную точку зрѣнія на хищенія вообще: «*Какъ бы подарковъ ни называли, все они суть покрываломъ подкупи*. Честный человѣкъ всегда глядитъ на сіе, какъ на вящшую неправду, и будетъ доволенъ малымъ достаткомъ, честно прі-

[39]) Тамъ же, стр. 97 — 98. Всѣ редакціонныя статьи, по нашему мнѣнію, если не писаны Императрицей, то, несомнѣнно, внушены ею, какъ главнымъ редакторомъ; вотъ почему, не говоря уже о другихъ основаніяхъ, мы и приписываемъ ихъ ей.—Внѣшнею стороною дѣла завѣдывалъ статсъ-секретарь Козицкій.—[40]) Тамъ же, стр. 16.

[41]) Тамъ же стр. 33.

обрѣтеннымъ, чѣмъ большимъ, который составленъ изъ притѣсненія и грабительства» [42]). Государыня не могла, однако, быть довольна характеромъ и тономъ присылаемыхъ ей обличеній: корреспонденты ея вовсе не думали разсуждать о злѣ вообще, съ отвлеченной точки зрѣнія, а указывали большею частію на частные факты злоупотребленій, производимыхъ тѣми или другими лицами. Иного трудно было и ожидать. Съ одной стороны, выяснить свойства и размѣры зла можно только при изученіи его проявленій; а съ другой—развѣ нельзя допустить, что цѣли многихъ корреспондентовъ, не любившихъ пускаться въ умозрѣнія, были только самыя практическія: довести до свѣдѣнія «кого слѣдуетъ» о творившихся тамъ и сямъ «вящшихъ неправдахъ», особенно въ виду слуховъ, что во «Всякой Всячинѣ» принимаетъ участіе сама Екатерина? Письма такихъ корреспондентовъ должны были поставить державнаго редактора «Всякой Всячины» въ затруднительное положеніе. Онъ обѣщалъ печатать въ своемъ журналѣ присылаемыя ему сообщенія, а между тѣмъ не имѣлъ возможности ни поручиться за ихъ достовѣрность, ни провѣрить ихъ; можетъ быть также, что авторы этихъ сообщеній, вообще не отличаясь, при разсказѣ о злоупотребленіяхъ, особою мягкостію тона и сдержанностію выраженій, не чужды были даже, въ увлеченіи негодованія, и преувеличеній. Если, наконецъ, припомнимъ, что корреспондентамъ дозволено было Императрицей прислать свои письма даже «и безъ имени», то врядъ ли ошибемся, сказавъ, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были просто анонимными доносами. Будемъ ли мы винить Екатерину за то, что она сочла эти письма за «дурную сатиру», которая, «не умѣвъ шутить въ длину и поперекъ, разсужденіями своими падаетъ всегда на особы; она задираетъ порочнаго, а не пороки» [43])?

До какой степени Екатеринѣ претило всякое «задѣваніе особъ, что по чужестранному персоналитетъ называется», видно, напр., изъ того, что совершенно невинное письмо одного корреспондента, который описывалъ литературныя занятія своего пріятеля, она обѣщала напечатать тогда только, когда тотъ «хотя одною строкою увѣритъ, что его извѣстный пріятель не осердится за внесеніе присланнаго имъ письма во «Всякую Всячину» [44]).

Каковы бы, впрочемъ, ни были цѣли присылаемыхъ въ редакцію «Всякой Всячины» сообщеній, Екатерина не могла печатать всѣ

---

[42]) Тамъ же, стр. 100.

[43]) Тамъ же, стр. 101.

[44]) Тамъ же, стр. 144. Письмо это, по представленіи желаемаго увѣренія, и было потомъ напечатано во „Всякой Всячинѣ".

сообщенія уже по многочисленности ихъ, а также, главнымъ образомъ, по крайнему разнообразію ихъ содержанія: «ни изъ чего не можно такъ узнать, писала она, различія мнѣній, кои бродятъ сквозь понятія рода человѣческаго, какъ изъ великаго числа писемъ и сочиненій, кои къ намъ почти еженедѣльно присылаются» [45]). Государынѣ стало ясно, что для успѣха журнальной работы, предпринятой ею, необходимо сосредоточить вниманіе всѣхъ своихъ собратовъ по журналистикѣ на обсужденіи извѣстныхъ, разъ поставленныхъ вопросовъ, и что рѣшеніе ихъ возможно только путемъ серьезной, разумной полемики. Поэтому, заявивъ во «Всякой Всячинѣ» о сказавшемся «различіи мнѣній», Екатерина измѣнила прежнему своему намѣренію не допускать споровъ въ журналистикѣ и въ томъ же выпускѣ своего журнала помѣстила слѣдующее письмо:.

„Спорить, по моему мнѣнію,—не говорить тамъ *да*, гдѣ кажется должно сказать *нѣтъ*; слѣдовательно, это знакъ не льстеца, да и не труса... Извольте, г. сочинитель (т. е. редакторъ), также князья, графы, дворяне, мѣщане [46]), старики, середовичи, молодые, всякаго рода люди обоего пола, и вы, листа на полтора тамъ и сямъ прочетшіе господа, кончащіеся на *сты*, т. е. волтеристы, гельвецисты и прочіе,—извольте со мною спорить обо всемъ о чемъ хотите; разумѣю я, кромѣ тѣхъ пунктовъ, о которыхъ въ цѣломъ свѣтѣ публично спорить запрещаютъ. Извольте, я начинаю. Но чтобы придать важности моимъ спорамъ, беру матерію философическую. Я утверждаю, что *человѣкъ свободенъ, т. е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое*. А инако правъ былъ бы судья, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ; также и тотъ, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обходится. Не былъ бы виноватъ и тотъ сержантъ, который, не растолковавъ солдату, какъ дѣлать на караулѣ, ударовъ триста влѣпитъ ему въ спину за то, что онъ не такъ дѣлаетъ... Вотъ, государи и государыни мои, на первый случай вамъ задача. Извольте противъ меня спорить; а я со всею охотою моею отвѣчать буду“.

Но открывая этимъ письмомъ страницы своего журнала для полемики по общественнымъ вопросамъ, Екатерина сочла нужнымъ еще разъ уяснить свой взглядъ на полемику.

„Сему нашему корреспонденту, прибавляетъ она въ редакціонномъ примѣчаніи къ его письму, въ помощь приведемъ здѣсь правило стариннаго мудреца, который произрекъ тако: спорить должно не горячась, а противорѣчить и противорѣчія терпѣть безъ сердца; мы же прибавляемъ къ сему отъ себя—и безъ брани“ [47]).

---

[45]) Стр. 111 „Всякой Всячины“.

[46]) Характерное умолчаніе про духовенство и крестьянство.

[47]) „Всякая Всячина“, стр. 118—120.

Золотое правило, малую примѣнимость котораго къ практикѣ, увы! пришлось на опытѣ испытать самому державному полемизатору...

Тезисъ, поставленный во «Всякой Всячинѣ» для обсужденія: «я утверждаю, что человѣкъ свободенъ, т. е. не принужденъ обстоятельствами дѣлать то, а не другое», очевидно, есть перифразъ основной мысли Екатерины, что нужно сначала возвысить нравственный уровень народа, а потомъ уже совершать измѣненія и въ «обстоятельствахъ», т.-е. въ учрежденіяхъ. «Если къ должностямъ, писала она ранѣе, употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и сознаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи» [18]). При обсужденіи этого тезиса, конечно, не могло остаться невыясненнымъ, что извѣстный строй и характеръ учрежденій, если даже дѣйствительно не можетъ совратить съ пути истины честнаго дѣятеля, можетъ зато дать широкій просторъ злоупотребленіямъ дѣятелей порочныхъ и безнравственно дѣйствовать на массу соприкосновенныхъ лицъ съ слабой волей и съ неустановившимися возрѣніями. Можно и должно было заботиться о просвѣщеніи народа; но должно было въ то же время измѣнить тѣ государственныя учрежденія, подъ покровомъ которыхъ совершались беззаконныя дѣянія, своею безнаказанностью оскорблявшія народную нравственность и тѣмъ парализовавшія благія мѣры Екатерины къ «исправленію нравовъ». Вопреки мнѣнію Екатерины, «обстоятельства», т.-е. институтъ крѣпостнаго права, равно какъ и духъ чиновничества и бюрократическаго порядка вещей, даже при свободѣ человѣка поступать такъ, а не иначе, «дѣлали правымъ и судью, который послѣднее пропитаніе у челобитчика отымаетъ, и того, который съ челобитчиками какъ съ своими рабами обращается». Оттого нельзя не сочувствовать журнальнымъ противникамъ Екатерины, которые цѣлымъ рядомъ сообщеній свидѣтельствовали о беззаконныхъ дѣйствіяхъ органовъ верховной власти, какъ нельзя винить и Государыню, предпочитавшую на журнальномъ полѣ, сообразно съ условіями своего положенія и съ свойствами своего характера, вмѣсто частныхъ суровыхъ обличеній, стремиться къ уничтоженію зла въ самомъ его корнѣ. Если можно сожалѣть, что Екатерина ошибалась въ опредѣленіи корня зла, то трудно согласиться и съ противниками ея, видѣвшими лѣкарство отъ хищеній и неправосудія, главнымъ образомъ, въ суровой карѣ виновниковъ злоупотребленій.

Такова, намъ кажется, точка зрѣнія, съ которой можно, болѣе или менѣе исторически-правдиво, судить о полемикѣ, возгорѣвшейся между «Всякой Всячиной» и другими журналами тотчасъ вслѣдъ за провозглашеніемъ тезиса Екатерины и приглашеніемъ къ его обсужденію.

---

[18]) „Всякая Всячина“, стр. 100.

Какъ и слѣдовало ожидать, корреспонденты Государыни по-своему поняли ея тезисъ. Если обстоятельства, разсуждали они, не могутъ оправдывать человѣка въ его дурныхъ поступкахъ: то какому наказанію должны быть подвергнуты тѣ, кто, пользуясь своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, не только не заботятся о соблюденіи государственнаго и частнаго интереса, но и дѣйствують во вредъ имъ? Оттого, конечно, и сообщенія, присылаемыя во «Всякую Всячину», не измѣнивъ своего характера, стали еще рѣзче и опредѣленнѣе въ нападкахъ и обличеніяхъ. Вѣроятно даже (какъ видно изъ послѣдующаго) нѣкоторые изъ корреспондентовъ, не ограничиваясь этимъ, навязывали Императрицѣ свои теоріи, касавшіяся управленія государствомъ, хотѣли, какъ послѣ Фонвизинъ, учить ее царствовать. Это раздражило Екатерину и заставило ее категорически отречься отъ единомыслія съ авторами обличительныхъ писемъ. Отказываясь напечатать эти письма, она объявила, что содержаніе ихъ относится не къ ея «департаменту» и что поэтому она проситъ своихъ корреспондентовъ «не трудиться впредъ подобными присылками». Любовь къ ближнему, объясняла она, должна простираться болѣе на снисхожденіе и человѣколюбіе, чѣмъ на исправленіе; а кто не имѣетъ любви, а видитъ только пороки, тотъ не способенъ подавать наставленія. Нельзя мѣрить жизнь на идеальную мѣрку, какъ дѣлаютъ то люди, увѣренные въ непогрѣшимости своихъ доктринъ и изливающіе свою желчь на все окружающее, если оно не укладывается въ излюбленныя ими рамки. Вездѣ люди эти «видятъ пороки тамъ, гдѣ другіе, не имѣвъ такихъ, какъ они, побудительныхъ причинъ, насилу приглядѣть могли слабости, и слабости весьма обыкновенныя человѣчеству. Ибо всѣ разумные люди признавать должны, что одинъ Богъ только совершенъ; люди же смертные безъ слабостей никогда не были, не суть и не будутъ». Доктринеры, по извѣстному правилу fiat justitia, pereat mundus, все готовы принести въ жертву для торжества своихъ идей и тѣмъ «похожи на Калигулу, жалѣвшаго, что родъ человѣческій не имѣетъ одной головы, дабы отрубить ее разомъ». «Нашъ же полетъ», писала Екатерина, «на землѣ, а не на воздухѣ, еще менѣе до небеси; сверхъ того, мы не любимъ меланхолическихъ писемъ». Поэтому она просила своихъ корреспондентовъ соблюдать слѣдующія правила: «1) никогда не называть слабости порокомъ; 2) хранить во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе; 3) не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было; 4) просить Бога, чтобы намъ далъ духъ кротости и снисхожденія; 5) впредъ о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ и 6) никому не думать, что онъ весь свѣтъ можетъ исправить» [49]).

---

[49]) Тамъ же, стр. 139—143.

Нигдѣ, по нашему мнѣнію, не высказалась такъ личность великой Государыни и не выясненъ такъ живо характеръ ея царствованія со свѣтлыми и темными его сторонами, какъ въ этихъ шести ея правилахъ, сдѣлавшихся не совсѣмъ справедливо предметомъ жестокихъ нападокъ со стороны не только журнальныхъ ея противниковъ, но и современныхъ историковъ литературы. Нѣтъ ни необходимости, ни основанія смотрѣть на эти правила, какъ на проявленіе матеріалистической мысли волтерьянства [50]): они подсказывались ей добрымъ сердцемъ, не допускавшимъ жестокости, и практическимъ, чуждымъ иллюзій умомъ. Весьма шаткія, при теоретическомъ ихъ обсужденіи, правила эти вытекали какъ изъ трудныхъ обстоятельствъ внутренняго положенія Россіи въ Екатерининскую эпоху, такъ и изъ личныхъ особенностей Императрицы. Мысль о томъ, что къ слабостямъ людскимъ должно относиться въ духѣ кротости и снисхожденія, явилась у Екатерины вовсе не потому, что свѣтъ казался ей совсѣмъ не такъ худъ, какъ представляется онъ инымъ людямъ, а наоборотъ, въ силу глубокаго убѣжденія ея въ нравственной испорченности современнаго ей общества и отсюда недовѣрія и къ отдѣльнымъ его представителямъ. Поставленная лицомъ къ лицу съ дѣйствительною жизнью, Екатерина, поэтому, какъ ни уважала людей мысли и науки, но къ теоріямъ ихъ относилась крайне-осторожно, никогда не забывая, что ея сфера—земля, т.-е. жизнь, какова она есть, а не воздухъ и небо, какъ называла она кабинетныя умозрѣнія. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если эти основныя мысли Екатерины мы попытаемся поставить въ связь съ безспорными историческими данными: тогда, можетъ быть, мысли эти вовсе не покажутся ему такою ересью и заблужденіемъ Государыни, какими обыкновенно выставляютъ ихъ историки литературы, тѣмъ болѣе, что этихъ мыслей держалась она неизмѣнно въ теченіе всей своей жизни.

Въ 1767 году, за два года до изданія «Всякой Всячины», въ то время, когда Государыня готовилась ѣхать въ Москву для открытія Комиссіи Новаго Уложенія, прибылъ туда сочинитель извѣстной въ то время книги: «О естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ», Мерсье - де - ла - Ривьеръ. Екатерина хотѣла поближе познакомиться съ его политико-экономическою системою и пригласила его въ Россію, обѣщавъ ему за это приличное вознагражденіе. Де-ла-Ривьеръ недолго собирался и, пріѣхавъ въ Москву, по просьбѣ Государыни остался тамъ дожидаться ея прибытія. Что̀ же въ ожиданіи дѣлаетъ Французскій писатель?

---

[50]) Таково мнѣніе г. Незеленова въ его указанныхъ выше статьяхъ.

„По пріѣздѣ своемъ (разсказывала Екатерина спустя 20 лѣтъ графу Сегюру) онъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ переднихъ покоевъ подѣлалъ пріемныя залы, а изъ прочихъ комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь для управленія имперіею и для того, чтобы онъ могъ сообщить намъ свои познанія и извлечь насъ изъ тьмы невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи пребольшими буквами: *Департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей и проч.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ пригласилъ многихъ изъ жителей столицы, Русскихъ и иноземцевъ (которыхъ ему представили, какъ людей свѣдущихъ) явиться къ нему для занятія различныхъ должностей, соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ прибылъ по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались къ нему поддѣлаться. Между тѣмъ, я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ я разсуждала съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ неглупъ, но только честолюбіе немного помутило его разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ издержки, и мы разстались довольны другъ другомъ. Онъ покинулъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко“ [51]).

Этотъ случай, болѣе похожій на фарсъ, чѣмъ на историческое событіе, показываетъ, что Екатерина не даромъ была насторожѣ по отношенію къ теоретикамъ. Другой философъ, знаменитый Дидро, бывшій у насъ шесть лѣтъ послѣ Мерсье, только укрѣпилъ въ ней это чувство.

„Я долго съ нимъ бесѣдовала, разсказываетъ Императрица, но больше изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромной его ученицей. Онъ самъ, кажется, увѣрился въ этомъ; потому что, замѣтивъ, наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: „Г. Дидро, я съ удовольствіемъ выслушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ; *но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы*

---

[51]) Записки Сегюра, стр. 148—149.

различныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагѣ, которая все терпитъ: она гладка, мягка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; *между тѣмъ какъ я, несчастная Императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая гораздо болѣе раздражительна и разборчива*“ [52]).

Развѣ не составляютъ эти слова Екатерины разъясненія сказанному ею во «Всякой Всячинѣ»: «нашъ полетъ на землѣ, а не на воздухѣ, еще же менѣе на небеси?» Четырнадцать лѣтъ спустя, ту же мысль выразила она Сегюру въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Гораздо болѣе узнаешь, бесѣдуя съ простыми людьми о дѣлахъ ихъ, чѣмъ разсуждая съ учеными, которые заражены теоріями и, изъ ложнаго стыда, съ забавною увѣренностію, судятъ о тѣхъ вещахъ, о которыхъ не имѣютъ положительныхъ свѣдѣній. Жалки мнѣ эти бѣдные ученые! Они никогда не смѣютъ сказать *я не знаю*, а слова эти очень просты для насъ, невѣждъ, и часто избавляютъ насъ отъ опасной рѣшимости. Когда сомнѣваешься въ истинѣ, то лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать дурно“ [53]).

Понятно теперь, какое значеніе придавала Екатерина 5-му и 6-му правилу «Всякой Всячины»: «впредъ о томъ никому не разсуждать, чего кто не смыслитъ, и никому не думать, что онъ одинъ весь свѣтъ исправить можетъ». Она живо представляла себѣ разницу между трудомъ на бумагѣ и работою на человѣческой кожѣ, слишкомъ чувствительной для того, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ производить надъ ней эксперименты для провѣрки тѣхъ или другихъ теорій, какъ бы заманчивы на видъ онѣ ни были. Живо интересуясь научной и литературной разработкой общественныхъ и политическихъ вопросовъ, Екатерина и мнѣніями писателей пользовалась съ тѣмъ же пониманіемъ жизни и тѣмъ же здравомысліемъ, съ какимъ принимала она мнѣнія по разнымъ вопросамъ окружавшихъ ее государственныхъ людей.

„Смѣлость ума у одного, писала Екатерина Гримму, умѣренная осторожность у другаго—и ваша покорная слуга, выступающая курцъ-галопомъ между ними, придавали изящество и мягкость дѣламъ важности величайшей. ..“ [54]).

Такимъ же «курцъ-галопомъ» проходила иногда Императрица между требованіями высшей правды, съ одной стороны, и неказистыми сторонами Русской государственной жизни ея времени—съ другой. Екатерина проявляла «матернее милосердіе» во всѣхъ тѣхъ случаяхъ,

[52]) Тамъ же, стр. 149—150.
[53]) Тамъ же, стр. 147.
[54]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XXIII, стр. 275.

гдѣ слабости и злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ казались ей неизбѣжнымъ зломъ, вытекавшимъ изъ государственнаго и общественнаго строя. На ряду съ этимъ взглядомъ Государыни слѣдуетъ поставить ея женственную доброту, сердечную мягкость и по истинѣ царственную деликатность, «и въ злодѣѣ видѣвшую человѣка». Стòитъ прочесть нѣкоторыя изъ записокъ современниковъ Екатерины, чтобы привести множество случаевъ, въ которыхъ проявлялись эти ея качества [55]). «Чтò сдѣлаетъ одинъ, то навѣрное сдѣлаетъ и всякій другой на его мѣстѣ»—вотъ мысль, на которой основывалась Екатерина, рекомендуя во «Всякой Всячинѣ» «духъ кротости и снисхожденія» по отношенію къ слабостямъ человѣческимъ. Замѣтимъ, что справедливость этой мысли, спустя полвѣка, признавалъ и внукъ ея, императоръ Александръ I: въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ съ Де-Сангленомъ, давая ему порученіе, Государь прямо заявилъ, что хотя ему и извѣстна недобросовѣстность многихъ изъ окружающихъ его лицъ, но замѣнить ихъ другими онъ боится: «эти уже нажились, объяснилъ онъ, и потому не будутъ такъ жадны, какъ вновь назначенные, которымъ только предстоитъ наживаться» [56]).

Теперь, конечно, можно доказать, что причина такого безотраднаго порядка вещей коренилась у насъ не въ нравственной испорченности общества, а гораздо глубже—въ чиновничествѣ, которое со временъ Петра сплошной стѣной отдѣляло самодержавнаго монарха отъ глубоко ему преданнаго, но большей частію закрѣпощеннаго народа. «Россія, говоритъ современникъ Екатерины, князь Щербатовъ, не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи предъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Чтò я говорю о народѣ? *Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо тотъ, кому они препоручены. А посему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, и самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того;* народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи, иногда и понапрасну; желающіе научиться способа не имѣютъ; размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою и зло зломъ, яко бы для

[55]) „Я былъ при ней, говоритъ напр. Сегюръ, когда ей донесли, что явился одинъ изъ губернаторовъ, обнаружившихъ оплошность. „Я надѣюсь, сказалъ графъ Безбородко, что ваше величество сдѣлаете ему публично строгій выговоръ, какъ онъ того заслуживаетъ".—„Нѣтъ, отвѣчала Екатерина, это было бы для него слишкомъ унизительно: я дождусь, когда мы будемъ съ нимъ наединѣ; потому что я люблю хвалить и награждать во всеуслышаніе, а журить потихоньку". Записки Сегюра, стр. 237.—[56]) „Русская Старина" 1883 г., Январь, стр. 46. Это подтверждается и другими свидѣтельствами.

поправленія, уничтожают[57]). Такой порядокъ, разумѣется, не соотвѣтствовалъ понятію о царской власти, созданному народомъ. Самодержавный Русскій царь является, по его воззрѣнію, олицетвореніемъ «высшей правды», и власть царская должна быть неограниченною по всему лицу Русской земли: и старшій членъ царской семьи, и послѣдній крестьянинъ одинаково его слуги, его подданные; оттого и всѣ власти въ Россіи, большія или малыя, суть лишь по стольку власти, по скольку онѣ служатъ выраженіемъ воли самодержавнаго государя, носителя и Божеской, и человѣческой правды. Могли быть народныя возмущенія противъ злоупотребленій помѣщиковъ или чиновниковъ, но никогда не противъ власти царя: бунтъ декабристовъ, стремившихся, по западнымъ образцамъ, къ ограниченію самодержавія, былъ (пора сказать это) послѣднимъ проявленіемъ духа той части служилаго дворянства, которая привыкла въ XVIII вѣкѣ вершить судьбу Россіи путемъ переворотовъ. Что Екатерина понимала и значеніе самодержавія, и характеръ несовмѣстнаго съ самодержавіемъ зла, указаннаго Щербатовымъ, видно изъ «Секретнѣйшаго Наставленія», даннаго ею, еще за пять лѣтъ до изданія «Всякой Всячины», въ 1764 году, князю Вяземскому, при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры [58]).

„Всѣ мѣста (правительственныя), пишетъ она, и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однакоже, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ толь великій упадокъ, что и Регламентъ вовсе по-

---

57) *Щербатова*: „О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба". См. статью: „Русская сатира во вѣкъ Екатерины". Современникъ, 1859 г., стр. 347—348.

58) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, стр. 345. Екатерина избрала кн. Вяземскаго въ генералъ-прокуроры, замѣтивъ его честность и способности, помимо другихъ кандидатовъ, имѣвшихъ по своему положенію гораздо болѣе правъ на эту должность. Безъ сомнѣнія, это сдѣлала она потому, что генералъ-прокурорская должность, совмѣщая въ себѣ три нынѣшнихъ министерства (внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ), имѣла особое значеніе при управленіи: Императрицѣ хотѣлось, чтобъ такая важная должность замѣщена была человѣкомъ, вполнѣ ей преданнымъ и обязаннымъ только ей. Въ теченіе своего царствованія она очень дорожила Вяземскимъ, хотя въ послѣдніе годы, по словамъ Державина, сожалѣла, даже по отношенію къ Вяземскому, что слишкомъ много власти дала одному человѣку.

забыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, естьли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Раболѣпство персонъ въ сихъ мѣстахъ находящихся неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется: одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.* Сенатъ, же вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однакожъ, покамѣстъ я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что, кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ протчія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, *имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ*; *а другіе всѣ, по слову Евангельскому, наемники суть*".

Въ 7-мъ пунктѣ этого «Наставленія» Екатерина такъ отзывается о канцеляріяхъ и, въ частности, о сенатской канцеляріи:

„Труднѣе всего вамъ будетъ править канцеляріей сенатской и не быть подчиненными обману. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналъ де-Ришелье, сей премудрый министръ говорилъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикамерою; понеже *всѣ празднозкившіе придворные* ему противны были и *препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами*. Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощады".

Но и этотъ «единственный способъ» рѣдко примѣнялся Екатериною на практикѣ. Какая выгода была замѣнять однихъ «сомнительныхъ и подозрительныхъ» другими, тоже, по ея мнѣнію, «сомнительными и подозрительными»? Чтобы «утвердить души не слѣдовать худымъ примѣрамъ» и чтобы не закрывать окончательно доступа къ себѣ правдѣ, Екатерина прибѣгала иногда къ оригинальнымъ средствамъ. Такъ, по преданію, передаваемому академикомъ Гротомъ, Екатерина, назначивъ на мѣсто Державина своимъ статсъ-секретаремъ Трощинскаго, при первомъ же докладѣ, прежде всего, дала ему прочесть бумагу о пожалованіи ему 1700 крестьянъ. Тронутый докладчикъ бросился къ ногамъ своей благодѣтельницы. На вопросъ его, чѣмъ онъ заслужилъ такую милость, Екатерина отвѣчала: «Я слышала о вашей честности; на новомъ мѣстѣ вы встрѣтите много искушеній, а я хочу, чтобы вы оставались честны» До тѣхъ поръ у Трощинскаго было не болѣе

30-ти душъ крестьянъ [59]). Извѣстно также, какъ дорожила она Храповицкимъ и Державинымъ, въ честности которыхъ была увѣрена, закрывая, вслѣдствіе этого, глаза на другія ихъ «слабости». Нельзя думать, чтобы, великая Государыня, полная самыхъ возвышенныхъ стремленій ко благу своего народа, горячо любившая Россію и трудившаяся для нея всю свою жизнь, не скорбѣла о необходимости попускать до времени неправду, безъ сомнѣнія, она утѣшала себя мыслію, что «выступая курцъ-галопомъ», она добьется уничтоженія неправды въ самомъ ея корнѣ. Дѣйствительно, она успѣла многое совершить на этомъ пути: дарованіемъ правъ дворянству и городскому сословію она открыла дорогу и сдѣлала необходимымъ освобожденіе крестьянъ, а «Учрежденіемъ о губерніяхъ», въ связи съ другими своими актами, провозвѣстила важность земскаго начала въ управленіи, призваннаго, наконецъ, къ жизни незабвеннымъ императоромъ Александромъ Вторымъ.

Если и теперь, спустя слишкомъ сто лѣтъ, имѣя подъ руками безспорныя историческія данныя, чтобы судить о трудномъ положеніи императрицы Екатерины, мы, какъ и она сама, испытываемъ чувство гнетущей скорби при мысли о былой необходимости, хотя бы временно, терпѣть злоупотребленія и хищничества всякаго рода: то какъ могли воспитать въ себѣ «духъ кротости и снисхожденія», по отношенію къ нимъ, современники Екатерины, бывшіе непосредственными свидѣтелями или жертвами разнаго рода государственныхъ нестроеній? «Разсуждая по человѣчеству, говорится въ одномъ изъ журналовъ 1769 года, думаю, что нельзя не застонать и за то мѣсто не хвативться рукою, гдѣ крѣпко болитъ» [60]). Дѣйствительно, на «политическія» правила, предложенныя бабушкою, всѣ внучата отвѣчали единодушнымъ взрывомъ негодованія и градомъ возраженій; въ отвѣтъ на призывъ бабушки къ кротости и снисхожденію они спѣшили раскрыть общественныя язвы въ ужасающей ихъ наготѣ, чтобы при одномъ взглядѣ на нихъ исчезла мысль даже о возможности кроткаго и снисходительнаго отношенія къ ихъ виновникамъ. Какъ часто бываетъ при страстномъ обсужденіи вопросовъ, не обошлось и безъ сильныхъ выраженій по адресу «Всякой Всячины». Уже въ V-мъ листѣ «Трутня» правила Екатерины вызвали горячее возраженіе одного изъ его сотрудниковъ, назвавшаго себя Правдолюбовымъ.

„Я самъ того мнѣнія, говоритъ онъ, что слабости человѣческія сожалѣнія достойны, однакоже и не похвалъ, и никогда того не подумаю,

---

[59]) „Сочиненія Державина", изд. Грота, т. VIII, стр. 627.

[60]) „Адская Почта" 1769 г., письмо 60.

чтобы на сей разъ не покривила своею мыслію и душою госпожа прабабка, давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не прибавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабости человѣкамъ обыкновенны, и что должно оныхъ прикрывать человѣколюбіемъ, слѣдовательно они порокамъ сшили кафтанъ; но такихъ людей человѣколюбіе приличнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, который онымъ снисходитъ или (сказать по-русски) потакаетъ... Еще мнѣ не понравилось первое правило упомянутой госпожи, то-есть, чтобы отнюдь не называть слабости порокомъ. Будто Іоаннъ и Иванъ не все одно? О слабости тѣла человѣческаго разсуждать не станемъ, ибо я не лѣкарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, что́ по мнѣнію сей госпожи значитъ слабость. Нынѣ обыкновенно слабостью называется въ кого нибудь по уши влюбиться, то есть, въ чужую жену или дочь, а изъ сей мнимой слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы ходимъ и поссорить мужа съ женой, или отца съ дѣтьми; и это будетъ не порокъ? Кои построже меня о томъ при досугѣ разсуждаютъ, назовутъ по справедливости оный беззаконіемъ. Любить деньги есть та же слабость, почему слабому человѣку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако, пьяному можно жену и дѣтей прибить до полусмерти и подраться съ вѣрнымъ своимъ другомъ. Словомъ сказать, я какъ въ слабости, такъ въ порокѣ не вижу ни добра, ни различія. Слабость и порокъ, по моему, все одно; *а беззаконіе дѣло другое.*"

Въ концѣ письма Правдолюбовъ прямо высказывалъ, что такія правила могутъ быть по сердцу лишь «криводушнымъ приказнымъ и некстати умствующему прокурору» [61]).

Эти возраженія «Всякая Всячина» назвала «ругательствами» и заявила, что не желаетъ поэтому отвѣчать на нихъ, «уничтожая оныя» [62]). «Г. Правдолюбовъ не догадался, прибавляетъ она, что, исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосердіе. Но добросердечіе его не понимаетъ, чтобы гдѣ ни на есть быть могло снисхожденіе; а можетъ статься, что и умъ его не достигаетъ до подобнаго нравоученія. Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про все кнутомъ сѣчь». Въ заключеніе, назвавъ Правдолюбова человѣкомъ тупымъ и злымъ и

---

[61]) Трутень, стр. 29—31.

[62]) Всякая Всячина, стр. 174—175. „Всякая Всячина" употребляетъ слово *уничтожать* въ значеніи *не обращать вниманія, презирать*. См. напр., стр. 327, 346. Поэтому толкованіе этого слова въ смыслѣ административной кары, какъ допускаетъ это, напр., г. Незеленовъ („Н. И. Новиковъ", стр. 165), лишено основанія.

совѣтуя ему лѣчиться отъ черныхъ паровъ и желчи, «Всякая Всячина» отдавала его на судъ публики.

Такой отвѣтъ вызвалъ новое письмо со стороны Правдолюбова, на этотъ разъ столь рѣзкое, что издатель «Трутня», Новиковъ, оговорился въ примѣчаніи къ письму, что онъ не хотѣлъ сначала печатать его «во утѣшеніе Всякой Всячинѣ», но по справедливости не могъ отказать въ томъ Правдолюбову, «тѣмъ паче, что онъ отъ «Всякія Всячины» отданъ на судъ публикѣ». Государыня, однако, вовсе «уничтожила» оскорбительное письмо своего оппонента, обойдя его презрительнымъ молчаніемъ; да и самъ Новиковъ, кажется, впослѣдствіи спохватился, рѣшительно отказавъ Правдолюбову въ помѣщеніи новыхъ его писемъ [63]). Мы склонны даже думать, что рѣзкія выраженія, помѣщенныя въ «Трутнѣ» по отношенію къ «Всякой Всячинѣ»,—дѣло не Новикова.

Безъ сомнѣнія, никто не былъ такъ доволенъ тѣмъ острымъ характеромъ, какой приняла полемика въ письмѣ Правдолюбова, какъ тѣ изъ окружавшихъ Екатерину, кто по разнымъ соображеніямъ не могъ сочувствовать ея мысли изучать Русское общество и дѣйствовать на него путемъ печати. Стали, вѣроятно, указывать, что печать—оружіе обоюдоострое и что вовсе не въ выгодахъ правительства распространять въ обществѣ воззрѣнія, которыя будто бы расшатываютъ значеніе правительства. Къ этому времени, должно быть, относится любопытное извѣстіе, сообщаемое Макаровымъ. «Весь Петербургскій народъ, который какъ-нибудь зналъ Русскую грамоту, толковалъ объ этомъ (т.-е. объ издаваемомъ Новиковымъ «Трутнѣ») публично, и даже говорили, что Рубанъ [64]) и какіе-то академики доложили о томъ при своихъ «сентенціяхъ» графу Никитѣ Ивановичу Панину, а графъ Панинъ это же докладывалъ Государынѣ. И Государыня-де порадовалась Новикову, а не прогнѣвалась на него» [65]). Очевидно, во всякомъ случаѣ, что великодушная Монархиня умѣла забывать мелочныя выходки, направленныя противъ нея, и что результаты «сентенцій» и «доклада» не соотвѣтствовали ожиданіямъ лицъ, которыя ихъ подавали. Имъ не нравились обличенія журналовъ, и они думали воспользоваться естественнымъ раздраженіемъ Екатерины; а Екатерина, избѣгая сама обличеній во «Всякой Всячинѣ», вовсе не мѣшала обличать зло другимъ

---

[63]) Трутень, стр. 260.

[64]) Издатель „Адской Почты".

[65]) Отечественныя Записки 1839 г., т. V, Смѣсь, стр. 27.

журналамъ и, ради пользы, приносимой журналами, готова была выносить многое.

Что дѣйствительно въ это время при дворѣ многіе работали во вредъ «Трутню», видно изъ VIII листа его, гдѣ напечатано письмо, съ предостереженіемъ со стороны лица, назвавшаго себя Чистосердовымъ; въ этомъ убѣждаетъ и время, когда оно напечатано— 16-го Іюня, между первымъ (26 Мая) и вторымъ (16 Іюля) возраженіемъ Правдолюбова «Всякой Всячинѣ».

„То бѣда, писалъ Чистосердовъ, что многіе испорченные нравы и злыя сердца имѣющіе люди принимаютъ на себя осмѣиваемыя вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ на свой счетъ. Это бы и не худо... Но дѣло состоитъ въ томъ, что въ вашемъ зеркалѣ, именуемомъ „Трутень", видятъ себя и многіе знатные бояре... Вотъ что̀ худо-то! Мнѣ очень будетъ прискорбно, ежели кто на васъ за то будетъ досадовать; а каково имѣть дѣло съ худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился... Намнясь при мнѣ одинъ такой придворный не господинъ, а господчикъ, говорилъ о вашемъ Трутнѣ весьма пристрастно... „Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ничто иное есть какъ дерзновеніе. Полно-де, его отпряла недавно „Всякая Всячина" очень хорошо (читатель знаетъ, за что̀ и какъ она его „отпряла"); да это еще ничего: въ старыя времена послали бы его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства Русскаго владѣнія; но нынче-де дали волю писать и пересмѣхать знатныхъ, и за такія сатиры не наказываютъ". „Продолжайте печатать, совѣтуетъ далѣе Чистосердовъ, такія пьесы, какія мы по сіе время въ „Трутнѣ" читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатныхъ бояръ и боярынь... Письмо свое заканчиваю искреннимъ желаніемъ успѣха въ вашемъ трудѣ, но чтобы мой совѣтъ принесъ вамъ пользу, а изданіе ваше всѣмъ знатнымъ господамъ чтобы такъ правилось, какъ нравится оно *семерымъ* знатнымъ боярамъ, которыхъ я знаю" [66]).

Когда, тотчасъ вслѣдъ за этимъ предостереженіемъ, сама Государыня, какъ редакторъ Всякой Всячины, испытала на себѣ несдержанность выраженій Трутня, развѣ не могли быть «знатные бояре» увѣрены, что пробилъ послѣдній часъ ненавистной журналистикѣ? Государыня не обижалась и не обидѣлась; но могло ли успокоиться сановное дворянство и чиновничество, особенно когда журналистика подвергла разбору противозаконныя дѣйствія даже высокопоставленныхъ лицъ? Безъ сомнѣнія, все чаще и чаще приходилось Екатеринѣ

---

[66]) Трутень, стр. 49—52.

выслушивать настойчивыя убѣжденія прекратить журналъ. Аргументъ, конечно, былъ одинъ и тотъ же: «кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга» [67]), не входя въ обсужденіе, заслуживаютъ ли тѣ или другія особы почтенія или нѣтъ. По мнѣнію «Трутня», при дворѣ Екатерины было извѣстно лишь «семеро бояръ», которые, «читая сатиры, никогда не краснѣютъ, для того, что никогда не дѣлаютъ того, отъ чего, читая сатиры, краснѣть должно» [68]).

При такой обстановкѣ и при такихъ вліяніяхъ Екатерина не рѣшалась печатно высказывать тѣ мысли свои и мнѣнія, которыя она же сама излагала въ «Секретнѣйшемъ Наставленіи». Мало того, подъ вліяніемъ недовольства и ропота, вызваннаго въ чиновныхъ сферахъ смѣлыми обличеніями «Трутня» и др. журналовъ, она сдѣлала одну изъ тѣхъ «тысячи странностей», которыя, по собственному ея сознанію, пришлось ей дѣлать вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, подъ давленіемъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ; «иначе, прибавляла она, я не знаю, что̀ случилось бы» [69]). Еще прежде отвѣта Правдолюбову «Всякая Всячина» помѣстила на своихъ страницахъ письмо одного изъ своихъ корреспондентовъ, просившаго редакцію «потрудиться и выписать изъ своей библіотеки, буде найдется, такой экспериментъ, коимъ бы можно перевести подъячихъ... Я старался тѣмъ отъ нихъ избавиться способомъ, которымъ переводятъ клоповъ, блохъ и всѣхъ кровососныхъ насѣкомыхъ, однако ничѣмъ не могъ оборониться; но, истоща весь свой домъ на то, и нынѣ стражду отъ сихъ кровососовъ... Если же вашей помощи не получу (прибавляетъ корреспондентъ въ концѣ письма), то больше не останется способа, какъ пѣть только по книжному: «Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны отъ рода сего и во вѣкъ». На это Екатерина отвѣчала:

„Подъячихъ не можно и не должно перевести. Не подъячіе и ихъ должности суть вредны, но статься можетъ, что тотъ или другой изъ нихъ безсовѣстенъ... Они менѣе другихъ исключены изъ пословицы, которая говоритъ, что нѣтъ рода безъ урода, для того, что они болѣе многихъ подвержены искушенію. Подлежитъ еще и то вопросу: если бы менѣе было около нихъ искушателей, не умалилася бы тогда и на нихъ жалоба".

Затѣмъ рекомендуется способъ избавиться отъ притѣсненій чиновниковъ: надо-де жить такъ, чтобы не нуждаться въ подъячихъ. Не оби-

---

[67]) Тамъ же, стр. 50.

[68]) Тамъ же, стр. 52.

[69]) *Соловьевъ*: „Исторія Россія", т. XXV, стр. 146.

жайте никого; кто же васъ обижаетъ, съ тѣмъ полюбовно миритеся безъ подъячихъ, сдерживайте слово и избѣгайте всякаго рода хлопотъ [70]). Это заявленіе вызвало цѣлый рядъ возраженій со стороны другихъ журналовъ. Болѣе другихъ горячій «Трутень» спѣшилъ въ письмѣ Чистосердова указать, что вся бѣда заключается даже не въ подъячихъ, а въ томъ, что за спинами ихъ стоятъ первостепенные государственные сановники; что нельзя и требовать честности и уваженія къ закону отъ мелкихъ чиновниковъ, если имъ подаютъ въ томъ примѣръ лица высокопоставленныя, злоупотребленія которыхъ не только остаются безнаказанными, но часто, по словамъ графа А. Р. Воронцова, «къ почестямъ и къ вознагражденіямъ были лучшею дорогою» [71]). Благородныя мысли «Трутня», высказанныя имъ по этому поводу съ горячимъ патріотизмомъ, чрезвычайно любопытны уже по своей смѣлости, для того времени изумительной.

„Я доживаю шестой десятокъ лѣтъ, пишетъ Чистосердовъ, и во всю мою жизнь имѣлъ несчастіе тягаться съ большими боярами, угнетавшими истину, правосудіе, честь, добродѣтель и человѣчество. О, г. издатель, сколько я отъ нихъ претерпѣлъ! Смѣло сказать можно, что лучше имѣть дѣло съ лютымъ тигромъ, нежели съ сильнымъ злымъ человѣкомъ; тотъ со всѣмъ своимъ звѣрствомъ и лютостью отнимаетъ только жизнь, а послѣдній оной не отнимаетъ, но, отнимая душевное спокойствіе и крѣпость, приводитъ духъ въ изнеможеніе, такъ что иногда подосадуешь за то, на что написано: не ревнуй лукавствующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе“ [72]).

По поводу приглашенія Екатерины не смѣшивать порока со слабостью Чистосердовъ продолжаетъ:

„Я слыхалъ слѣдующія разсужденія. *Въ положительномъ степени, или въ маленькомъ человѣкѣ воровство есть преступленіе противъ законовъ; въ увеличивающемъ, то есть среднемъ степени, или средостепенномъ человѣкѣ воровство есть порокъ; а въ превосходительномъ степени или человѣкѣ*, по вѣрнѣйшимъ математическимъ *новымъ* исчисленіямъ, *воровство ничто иное, какъ слабость.* Хотя бы и не такъ надлежало: ибо *кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ долженъ имѣть и превосходительный умъ, и превосходительныя знанія, и превосходительное просвѣщеніе; слѣдовательно, и преступленіе такого человѣка должно быть превосходительное, а превосходительные по своимъ дѣламъ и награжденіе, и наказаніе должны получать превосходительное.* Но, полно, вѣдь вы знаете, что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится“ [73]).

---

[70]) „Всякая Всячина“, стр. 159—160.

[71]) „Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1859 года, кн. I, смѣсь, стр. 100.

[72]) „Трутень“, стр. 49.

[73]) Тамъ же, стр. 51—52.

По мнѣнію «Трутня», сановники не должны были бы забывать, что «они въ знатныя достоинства возводятся для того только, чтобы больше могли бы дѣлать благодѣянія человѣчеству» и кто «поколику отличенъ отъ прочихъ знатностію своего сана, потолику отличался бы и добродѣтелію»[74]).

Въ своемъ обличеніи «Трутень» дошелъ до того, что рѣшился, наконецъ, въ самомъ концѣ года, обозначить начальными буквами тѣхъ изъ современныхъ Екатерининскихъ вельможъ, которые, по его мнѣнію, были добродѣтельны. Можно было заключить, слѣдовательно, что прочіе вельможи, по меньшей мѣрѣ, не отличались особою добродѣтелью. Добродѣтельными оказались: О (Григорій Орловъ), П (Панинъ—Никита), Н (Нарышкинъ Левъ), С (Салтыковъ), В (Вяземскій), Ш (Шуваловъ), Б (Бецкій) и В (Всеволожскій)[75]).

Называя добродѣтельными однихъ вельможъ и бросая бездоказательно тѣнь подозрѣнія на прочихъ, Новиковъ, конечно, поступилъ очень неосторожно. Этимъ какъ бы подтверждалась мысль «Всякой Всячины», что сатира, задѣвая особъ, можетъ подвергать многихъ незаслуженному оскорбленію. Новиковъ забылъ въ этомъ случаѣ собственное правило, которому хотѣлъ слѣдовать въ своемъ «Трутнѣ» при сатирическомъ изображеніи жизни: «критика (писалъ онъ ранѣе), писанная на лицо, но такъ, чтобы не всѣмъ была открыта, больше можетъ исправить порочнаго; въ противномъ же случаѣ, если лицо такъ будетъ означено, что всѣ читатели его узнаютъ, тогда порочный не исправится, но къ прежнимъ порокамъ прибавитъ и еще новый, т. е. злобу»[76]). Печально для Новикова было, конечно, и то, что на этотъ разъ озлобленные имъ люди имѣли видимое основаніе жаловаться на оскорбленіе и требовать отъ Государыни прекращенія журналовъ тѣмъ болѣе, что одновременно съ «Трутнемъ» вооружились противъ бабушки «Смѣсь» и «Адская Почта», подобно «Трутню» горячо обличавшія злоупотребленія въ администраціи.

„Я вижу въ городѣ, говоритъ напр. „Смѣсь“, такую бабушку, которая всѣхъ писателей журналовъ включаетъ въ свое племя и всегда на нихъ ворчитъ, хотя сквозь зубы.. Но почто же называться роднею? Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять порокъ, а въ блажной даетъ имъ по-

---

[74]) Тамъ же, стр. 195.

[75]) „Трутень“, стр. 196. Мы не можемъ согласиться съ г. Ефремовымъ („Трутень“, его изданія, стр. 355), который, вмѣсто предположенныхъ нами Вяземскаго, Шувалова и Бецкаго, ставитъ Васильчикова, Шереметева и Безбородко: Васильчиковъ и Безбородко при дворѣ появились позже; Шереметевъ же (П. Б.) не пользовался вліяніемъ.

[76]) „Трутень“, стр. 152—153.

слабленіе. Она говоритъ, что подъячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки. Сія же старушка совѣтуетъ, чтобы не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться и раздѣлываться добровольно; всякій сіе знаетъ, и конечно по пустому лягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, еслибы всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судовъ, и приказовъ, и подъячимъ бы не шло государево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей защищать подъячихъ?" [77]).

Нападки «Смѣси» послѣ этого стали касаться также не однихъ только подъячихъ, но и лицъ, стоявшихъ выше ихъ по своему положенію, указывая не только на личные ихъ пороки, но и на недостатки общественнаго строя, котораго они служили порожденіемъ.

„Благородство, говоритъ „Смѣсь" отъ лица пріѣхавшаго въ Петербургъ Камчадала, состоитъ въ добродѣтели и превосходныхъ дарованіяхъ; но здѣсь оно идетъ изъ рода въ родъ, и часто самая испорченная кровь называется благородною. Между благородными есть графы, князья, бароны... издатель! я дрожу, произнося сіи заколдованныя имена... боюсь писать... перо изъ рукъ валится... Я видѣлъ, что если потребенъ полководецъ, посолъ или другой какой важный человѣкъ, то тотчасъ изъ снабженныхъ сими именами выходятъ люди, достойные тѣхъ почестей, хотя они не только что упражнялись въ потребныхъ къ тому знаніяхъ, но не имѣли и малѣйшаго о томъ понятія... Въ судейскихъ должностяхъ также дѣйствуетъ колдовство: часто глупый сынъ, получа чинъ своего отца, получаетъ и отцовское званіе..." [78]).

«Смѣсь» утверждала даже, что всѣ судьи безъ исключенія берутъ взятки и что чины можно покупать за деньги. Нѣкто Взятковъ, «не раздаря нѣсколько тысячъ, никогда бы не назывался *превосходительнымъ*. Ѳемида (т.-е. правосудіе) съ нимъ въ ссорѣ, она на него просила; дѣло ихъ разбирали, и Взяткову конечно бы по заслугамъ быть на висѣлицѣ, еслибы Плутусъ (богатство) не избавилъ его отъ бѣды».

Одинаковаго мнѣнія со «Смѣсью» на задачи сатиры и темныя стороны общественной жизни въ Россіи была и «Адская Почта», издаваемая Эминымъ, отличавшаяся, впрочемъ, бо̀льшею умѣренностью тона.

„Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобы отъ злаго состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно, должно отрѣзывать отъ тѣла злой составъ, чтобы сохранить добрый... Прекрасно

---

[77]) „Смѣсь", стр. 85—87.
[78]) „Смѣсь", стр. 212—215.

нѣкто написалъ, что будьте незлобивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хороша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ и раззореннымъ единственно для того, чтобы идти въ судъ. Весьма бы было хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребывалъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ зло и много въ немъ есть обидчиковъ, то что̀ осталось дѣлать обиженнымъ, когда *нѣкоторые нравоучители не велятъ* жалобами своими безпокоить судей и искать справедливости?" [79])

И «Адская Почта» жаловалась на всеобщую продажность:

„Не знаю ничего о большихъ господахъ, правящихъ дѣлами; но ваша братья (т.-е. воеводы и подъячіе) *едва не всю совѣсть свою превратили въ Жидовскую, и теперь весьма малому числу изъ васъ осталось ожидовиться* [80]).

Вообще будучи болѣе осторожной, чѣмъ «Трутень» и «Смѣсь», «Почта» преимущественно обличала низшихъ чиновниковъ.

„Знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей, объясняла „Почта" уже при концѣ своей дѣятельности, мы никогда въ лицо не трогали нашими критическими разсужденіями; но мы сіе дѣлали не для ласкательства, но для того, чтобы, переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается строеніе, цѣлому зданію не причинить вреда. Главное наше намѣреніе было имѣть дѣло съ пороками; оные мы часто въ разныхъ особахъ анатомили, чтобы показать другимъ, съ которой стороны и въ какомъ составѣ можетъ нечаянно появиться такой припадокъ, который цѣлое тѣло повредить можетъ".

«Почта» не отрицала, однако, необходимости исправленія «столбовъ»: безъ этого, по ея мнѣнію, исправленіе мелкихъ подпорокъ государственнаго зданія не могло имѣть надлежащей силы и значенія. Это мнѣніе она проводила во многихъ статьяхъ и подтвердила его мѣткимъ примѣромъ, взятымъ непосредственно изъ жизни и ясно показавшимъ, что при извѣстныхъ условіяхъ и высокая нравственность низшихъ чиновниковъ не поможетъ злу. Вѣроятно извѣстный современникамъ вельможа, котораго «Почта» назвала Явнокрадовымъ по его дѣйствіямъ, взялъ себѣ при совершеніи одного казеннаго дѣла 180,000 р. Секретари, люди честные, хотя и были подчинены Явнокрадову, но не желали быть участниками «въ художествѣ его превосходительства» и, ссылаясь на законы, донесли объ этомъ художествѣ кому слѣдуетъ. Они, очевидно, не знали, что, по замѣчанію «Почты», «вора, укравшаго сто восемьдесятъ тысячъ, рѣдко вѣшаютъ, а по

---

[79]) „Адская Почта", письмо 60.

[80]) Тамъ же, письмо 58.

большей части наказуютъ дерзкихъ доносчиковъ». Кончилось дѣло тѣмъ, что секретари сами посажены были въ острогъ, а Явнокрадову хотя и велѣно было быть подъ слѣдствіемъ, но «онъ того не хотѣлъ». «Счетовъ, говоритъ «Почта», онъ никогда не подаетъ, извиняясь тѣмъ, что ихъ скоро сдѣлать нельзя; онъ думаетъ подать ихъ въ другомъ мѣстѣ» [81]).

Если подобные вельможи не могли ужиться съ честными подчиненными, сажая ихъ какъ преступниковъ въ острогъ, то пригрѣвали у себя на службѣ отъявленныхъ негодяевъ, не стѣснявшихся средствами пріобрѣсти себѣ благоволеніе начальниковъ. Одинъ изъ такихъ секретарей, разсказываетъ «Почта», впавъ въ немилость и не имѣя возможности, по своей бѣдности, ублажить начальника деньгами, прибѣгъ къ другому средству: онъ посовѣтовалъ своей «изрядной женѣ» то сдѣлать, что начальникъ не только примирился съ своимъ секретаремъ, но и далъ ему высшую должность [82]).

Грустная картина зла, такъ ярко нарисованная журналами въ отвѣтъ на призывъ Екатерины къ духу «кротости и снисхожденія», не могла не подѣйствовать на нее удручающимъ образомъ, хотя она склонна была думать, что размѣры этого зла сильно преувеличены [83]). Мало того, она поставлена была въ неловкое положеніе—защищаться отъ обвиненій въ пособничествѣ этому злу. Какъ мы видѣли уже, «Трутень» объявилъ, что статьи «Всякой Всячины» написаны «въ угожденіе криводушнымъ приказнымъ». Императрицѣ, такимъ образомъ, предстояла двойная задача: нужно было успокоить возмущенную журнальными нападками чиновную среду, очистить правительство отъ косвенно взводимыхъ на него нареканій, доказавъ, что не оно является виновникомъ печальнаго состоянія правосудія, и въ то же время выяснить, что и «Всякая Всячина», несмотря на обуявшій ее духъ кротости, къ криводушнымъ приказнымъ и лихоимцамъ относится не менѣе враждебно, какъ и прочіе журналы. Для достиженія первой цѣли Екатерина, подъ именемъ Патрикѣя Правдомыслова, помѣстила во «Всякой

---

[81]) „Адская Почта", письмо 55.

[82]) Тамъ же, письмо 71.

[83]) Екатерина очень довѣряла генералъ-прокурору Вяземскому, доклады котораго, конечно, не имѣли мрачнаго колорита. Путешествіе ея по Волгѣ въ 1767 г. должно было также убѣдить ее, что правосудіе хорошо исполняетъ свое дѣло: она писала Вяземскому, что за все время путешествія, среди множества поданныхъ ей прошеній, почти не попадалось жалобъ на лихоимство и неправосудіе. Екатерина забывала о существованіи закона, которымъ запрещалось подавать жалобы на судей изъ дворянства.

Всячинѣ» свою статью, разсматривавшую вопросъ о причинахъ неправосудія въ Россіи [84]). Къ сожалѣнію, и въ ней сказалась затруднительность положенія Екатерины, какъ публициста. «Случалось мнѣ, пишетъ Императрица, слышать отъ одной части моихъ сограждаyъ изрѣченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался, и справедливы ли жалобы о неправосудіи, наипаче тогда, когда всякій честный согражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами Монархиня имѣетъ о насъ, въ *чемъ ей* (*какъ намъ извѣстно, изъ самыхъ опытовъ доказывается*) *стараются, подражать и главныя правительства вообще* (т. е. высшія государственныя установленія и лица)?» Этими строками Екатерина успокоиваетъ приближенныхъ къ себѣ лицъ и высшихъ сановниковъ. Она, однако, противорѣчила самой себѣ или относила уже къ прошедшему свои отзывы о высшихъ государственныхъ установленіяхъ и сановникахъ въ «Секретнѣйшемъ Наставленіи» Вяземскому. Выдавая неискренно аттестатъ въ добросовѣстности своимъ не всегда чистымъ вельможамъ и объявляя, что вельможныя лица, какъ опытомъ доказывается, стараются подражать Монархинѣ, Екатерина отождествляла, такимъ образомъ, верховную власть «самодержавнаго государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ», съ тѣми «другими всѣми», которыхъ она же назвала по достоинству ихъ «наемниками». Допустивъ это несчастное отождествленіе, Екатерина логически должна была придти къ выводу, что негодовать на дѣйствія правительственныхъ лицъ, каковы бы они ни были, значитъ показывать неуваженіе и къ верховной власти. «Долгъ нашъ, говоритъ она въ концѣ статьи, «велитъ имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ (т. е. правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ) и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ, право, я еще не видалъ, чтобы съ умысла случались»; между тѣмъ, «поносили людей такихъ, у коихъ, судя по однимъ качествамъ души, они недостойны разрѣшить ремень сапоговъ ихъ».

Если этими словами Екатерина думала дать удовлетвореніе оскорбленнымъ вельможамъ, не закрывая журналовъ, то, можетъ быть, отчасти и достигла своей цѣли; но она не замѣтила, что ея слова были лишь повтореніемъ словъ «придворнаго господчика», выставленнаго ра-

[84]) «Всякая Всячина", стр. 276—280.

нѣе въ «Трутнѣ»: «кто-де не имѣетъ почтенія и подобострастія къ знатнымъ особамъ, тотъ уже худой слуга (государю)». Она не замѣтила, что осуществляетъ мысль этого же господчика: «Вѣдь-де знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что̀ и на простолюдинахъ». Этимъ уничтожалась возможность не только критики, но и жалобъ на незаконныя дѣйствія высокопоставленныхъ лицъ.

Разбирая затѣмъ вопросъ, гдѣ кроется причина неправосудія: 1) въ законахъ ли? 2) въ судьяхъ ли? 3) въ насъ ли самихъ? Екатерина, вѣрная своей основной мысли, отвѣчаетъ:

„Жалоба на правосудіе отчасти падаетъ на судей, отчасти на нравы... Колико же нравы вообще требуютъ исправленія, о томъ всякому отдаю испытаніе на совѣсть. Не замай всякъ спроситъ самъ у себя: болѣе ли онъ вчерась или сегодня сдѣлалъ справедливыхъ или несправедливыхъ заключеній? Изъ всего сказаннаго выходитъ, что нигдѣ больше несправедливости и неправосудія нѣтъ, какъ въ насъ самихъ. Любезные сограждане, перестанемъ быть злыми, не будемъ имѣть причины жаловаться на неправосудіе“.

Знатныхъ вельможъ Екатерина сочла нужнымъ оградить отъ нареканій, даже наперекоръ самой себѣ; но тѣмъ съ бо̀льшей энергіей обнаружила она свое негодованіе на укоренившіяся злоупотребленія, когда повела рѣчь о чиновникахъ низшихъ, надѣясь безъ сомнѣнія, говоря о нихъ, дать урокъ и высшимъ. Въ концѣ 1769 года на страницахъ «Всякой Всячины» стали появляться рѣзкія обличенія взяточничества чиновниковъ вообще, преимущественно подъячихъ, хотя и въ этомъ случаѣ причину взяточничества «Всякая Всячина» продолжала видѣть не въ учрежденіяхъ, а въ нравственной испорченности общества. Дѣло въ томъ, что еще въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина, издавъ строгіе указы противъ лихоимства для уничтоженія зла въ корнѣ, назначила чиновникамъ жалованье, такъ какъ прежде они жили преимущественно подарками со стороны тяжущихся лицъ. Для этой цѣли Государыня повелѣла даже, въ виду дурнаго состоянія финансовъ въ то время, отчислять ежегодно 300,000 рублей изъ комнатныхъ своихъ суммъ. Но ни строгость правительственныхъ указовъ, ни назначеніе жалованья дѣлу не помогли, какъ видно. По поводу этого неуспѣха правительственныхъ мѣръ «Всякая Всячина» напечатала письмо нѣкоего Доброжелателева, который давно уже хотѣлъ написать о подъячихъ, понимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ: «*подъ этимъ омерзѣнія достойнымъ именемъ*, говоритъ онъ, *называю и всѣхъ подъ титуломъ лихоимца содержащихся*». Изъ письма его видно, что подъячіе, получивъ жалованье, стали еще требовательнѣе по отношенію къ просителямъ,

говоря: «Что нам нужды по челобитчиковымъ дѣламъ трудиться? Мы-де и безъ труда получаемъ жалованье». Поэтому Доброжелателевъ просилъ издателя «Всякой Всячины» сообщить на страницахъ этого журнала какое-либо лѣкарство отъ взяточниковъ. «Иной скажетъ, прибавляетъ онъ, зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю, безъ того дѣла продолжаютъ (подъячіе) и пакостятъ; а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются, да не только спорными дѣлами, но и неспорными». На просьбу Доброжелателева издатель «Всякой Всячины» отвѣчалъ:

„Сердечно мы рады исполнить ваше требованіе, лишь бы успѣхъ нашихъ увѣщеваній соотвѣтствовалъ вашимъ и нашимъ желаніямъ. Но въ Евангеліи написано: *Аще Моисея и пророковъ не послушаютъ, то и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.* При томъ не можемъ и сего оставить, чтобъ не дать вамъ примѣтить, колико трудно найти средство къ поправленію сихъ людей. Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно было имъ кормиться съ дѣлъ. И не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ имъ дано жалованье, и жалоба происходитъ, что лѣнятся, для того что кормъ имѣютъ".

«Увѣщаніе лихоимцамъ», помѣщенное во «Всякой Всячинѣ», было «краткое», но сильное; властный, энергическій тонъ его обнаруживаетъ, что оно принадлежитъ перу самого державнаго редактора.

„Жалованье вамъ опредѣлено, говоритъ Императрица подъячимъ, не для того, чтобы вы сыты были и жили въ праздности, а для того вы оное получаете, чтобы вы трудилися и изъ святаго правосудія не дѣлали аукціона; и, имѣвъ достатокъ и бывъ сыты по вашему состоянію, не имѣли бы жадности къ деньгамъ; и чтобъ не былъ у васъ правъ тотъ, кто больше вамъ дастъ, а единственно тотъ, котораго требованіе справедливо. Если же вы, получая жалованье, еще сверхъ того берете взятки, то вы, кромѣ ослушанія законовъ, еще оказываете великую неблагодарность высшей власти, которая вамъ щедро опредѣлила чѣмъ жить, и обращаете во вредъ то, что учреждено для общей пользы, то есть, чтобы вы нужды не чувствовали въ прокормленіи себя и не требовали бы вамъ непринадлежащаго съ тѣхъ, кои до васъ дѣло имѣютъ. Если же притомъ вы еще и такъ дерзки, что осмѣливаетесь тѣмъ, кои на васъ просить хотятъ за волокиту, грозить такъ: изволь-ста, изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ, а за то-де наказаніе одно, что плуту-лихоимцу и проч., то уже во истину вы достойны тройнаго наказанія, и неминуемо изъ двухъ послѣдуетъ одно: или вы будете истреблены, или исправитеся, пока еще на то есть время" [65]).

Несомнѣнно, что великая Государыня провидѣла наступленіе той минуты, когда рано или поздно откроется возможность приступить къ

[65]) „Всякая Всячина", стр. 306—309.

«истребленію» лихоимцевъ; но надежда на исправленіе ихъ должна была остаться тщетною. Сохранилось преданіе, что, послѣ напечатанія во «Всякой Всячинѣ» «Краткаго увѣщанія лихоимцамъ», Екатерина, любопытствуя узнать о впечатлѣніи, какое произвело оно на чиновныхъ лицъ, спросила Льва А. Нарышкина: «А что, читаютъ ли «Всякую Всячину» наши судьи?—Объ этомъ они еще ожидаютъ меморій, отвѣчалъ Нарышкинъ.—Государыня разсмѣялась и промолвила: «виновата, я позабылась» [88]). Шуткѣ Нарышкина, конечно, не слѣдуетъ придавать буквальнаго значенія; она доказываетъ только, какъ мало потревожены были лихоимцы грозными словами «Увѣщанія», твердо надѣясь на ограждавшія ихъ безнаказанность бюрократическія формы учрежденій. Но если Екатерина и «позабылась» въ этомъ отношеніи, то не надолго: уже въ слѣдующихъ выпускахъ своего журнала она возвращается къ прежней своей мысли, что угрозами и наказаніями нельзя исправить взяточниковъ и что они съумѣютъ не только обойти направленные противъ нихъ законы, но и сдѣлать ихъ источникомъ вреда для людей честныхъ.

Одинъ воевода, разсказываетъ „Всякая Всячина", строго сталъ слѣдить, чтобы чиновники его добросовѣстно исполняли свои обязанности; тогда чиновники подослали къ своему начальнику челобитчика съ табакомъ, Французской водкой и сахаромъ, до чего воевода былъ охотникъ. Наивный воевода хотя и отказывался сначала отъ подарка, но потомъ принялъ его, положившись на слова просителя, что тотъ ищетъ этой бездѣлицей его дружбы, а не правосудія. Но на другой же день чиновники, подсматривавшіе за воеводой, сдѣлали на него доносъ, и воеводу за взятки отрѣшили отъ мѣста. Когда воевода жаловался своимъ знакомымъ на постигшее его безвинно несчастіе, говоря, что семья его осталась безъ пропитанія, то они смѣясь сказали ему: „То-то, братъ, говорится пословица: не учась въ попы не ставятся... Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и по сю пору самъ жилъ и дѣтямъ оставилъ... Ты бы съ тѣмъ, кому до тебя нужда, либо сталъ въ карты играть, и онъ бы тебѣ нарочно проигралъ, либо свою худую вещь на его добрую мѣнялъ, или далъ бы ему коммиссію что купить на твой счетъ: это бы дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ прошло... Еще способъ: продавать дешевое за большую цѣну. Безспорно, они тѣ же взятки, да въ руку прійдутъ другимъ образомъ, и потому правы".

Замѣчаніе по поводу этого разсказа сдѣлано было такое:

„Это бы дѣло было безсовѣстное: лучше жить хотя бѣднымъ, но честнымъ человѣкомъ. Только, правда, кажется, и то худо, чтобы человѣка лишить пропитанія. Нашей Всемилостивѣйшей Обладательницы не въ томъ

---

[88]) „Отечественныя Записки", 1839 г., т. III, „Смѣсь", стр. 26.

высочайшее намѣреніе, но чтобъ искоренить сіе зло къ общему благосостоянію человѣческаго рода, которое не иначе пресѣчется, какъ искорененіемъ злыхъ. Но всѣ роды паденія человѣческаго ей вѣдомы быть не могутъ, а остаются на душахъ судейскихъ, кои смотрѣть должны на количество и качество паденія и падающаго, помня, что всѣ люди. Мнѣ же кажется: такого, который охотникъ до барышей, лучше, отрѣша отъ такого мѣста, гдѣ лакомиться можно, опредѣлить, гдѣ того нѣтъ, и что онъ и по нуждѣ будетъ жить пбданнымъ, или иначе оштрафовать, а не совсѣмъ лишать мѣста и пропитанія" [87]).

Таковы были послѣднія слова «Всякой Всячины» по предмету, жестоко поссорившему бабушку съ ея мятежными внучатами. Читатель самъ можетъ судить, измѣнила ли Екатерина и послѣ полемики своему выжидательному, осторожному образу дѣйствій, основанному на убѣжденіи въ необходимости смягчить сначала нравы, а потомъ уже внести коренныя реформы въ учрежденіяхъ для «истребленія» лихоимцевъ. На этотъ разъ прямыхъ нападеній на «Всякую Всячину» со стороны другихъ журналовъ уже не было; они вняли совѣту одного изъ читателей, убѣждавшаго ихъ прекратить свои раздоры ради одной общей всѣмъ журналамъ цѣли. «Вы всѣ разныя имѣете способности, пишетъ онъ: пусть одинъ изъ васъ проповѣдываетъ добродѣтель и пишетъ наставленія, а другой пусть осмѣиваетъ пороки и, писавъ сатирическія наставленія, исправляетъ нравы; третій — разсказываетъ сказки и тѣмъ забавляетъ малосмысленныхъ людей. Вотъ вамъ мирные договоры» [88]).

Соблюдать долго мирные договоры пришлось однако не всѣмъ: по разнымъ обстоятельствамъ, намъ не вполнѣ яснымъ, внучата бабушки умирали одинъ за другимъ, такъ что въ концѣ 1769 года изъ нихъ остался въ живыхъ только «Трутень», главный антагонистъ «Всякой Всячины». Оба журнала, впрочемъ, не ссорились уже между собою, дѣлая каждый свое дѣло по своему.

Въ началѣ 1770 г. прекратила свое существованіе и «Всякая Всячина» [89]). Еще въ первыхъ выпускахъ этого журнала издатель его объявилъ, что онъ будетъ выходить только въ теченіе одного года. А вслѣдъ за бабушкой исчезъ съ журнальной арены и послѣдній, самый мятежный внукъ ея, «Трутень», смерть котораго несомнѣнно имѣетъ связь съ его нападками на «главныя правительства вообще».

---

[87]) „Всякая Всячина", стр. 393—396.

[88]) „Трутень", изд. Ефремова, стр. 125—126.

[89]) Въ 1770 году она выходила уже подъ заглавіемъ „Барышекъ Всякія Всячины", у котораго счетъ страницъ есть продолженіе „Всякой Всячины". Всего въ этомъ нынѣ рѣдкомъ изданіи 176 померовъ на 502 страницахъ. Выходило по Пятницамъ. П. Б.

Чашу негодованія чиновныхъ «правительствъ» «Трутень» переполнилъ, вѣроятно, напечатавъ совѣты «Китайскаго философа Чензыя» своему государю: въ нихъ главнымъ образомъ выставлялась на видъ необходимость для государей имѣть около себя такихъ вельможъ, которые отличались бы безукоризненною нравственностію и внушали бы къ себѣ полное довѣріе. Не могло, конечно, никого обмануть слѣдовавшее за статьею замѣчаніе редакціи журнала, что если бы Чензый побывалъ въ Россіи, то, безъ сомнѣнія, онъ «посовѣтовалъ бы своему монарху идти въ храмъ вѣчности по стопамъ Великія Екатерины» [30]). Вѣроятно также поставлено было на видъ и то обстоятельство, что, съ прекращеніемъ изданія «Всякой Всячины», «Трутень», извѣстный по своей рѣзкости, не имѣлъ вовсе соперниковъ на журнальномъ поприщѣ. «Такое несчастное сложеніе (говорила еще ранѣе «Всякая Всячина» о «Трутнѣ») наполненное злостію и злословіемъ, при свободности языка и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ».

Для насъ въ особенности важно то, что не Екатерина лично была гонительницею журналистики, ею же созданной [31]). Даже рѣзкія полемическія выходки ея противниковъ не возбудили съ ея стороны дурнаго чувства «Прощайте, господа, писала она, оканчивая изданіе «Всякой Всячины». я съ великимъ терпѣніемъ часто слушалъ ваши осужденія и смѣялся отъ чистаго сердца всему тому, за что другой бы сердился, и не пересталъ писать, пока мнѣ самому не вздумалось окончить «Всякую Всячину»; и сіе оканчивая, объявляю вамъ, что я пріемлю другое ремесло, гдѣ достанутся отъ меня многимъ щедрыя милости» [32]). Послѣдняя фраза ясно показываетъ намѣреніе великой Монархини приступить къ реформамъ, которыя осуществила она впослѣдствіи, которыя сдѣлали память ея священною для каждаго Русскаго и заставляютъ прощать ей темныя стороны ея царствованія.

Отношеніе Государыни къ журналистикѣ и къ своимъ противникамъ характеризуется тѣмъ, что, два года спустя, главный изъ нихъ,

---

[30]) „Трутень", стр. 267—271.

[31]) Отрывокъ изъ письма, найденнаго Пекарскимъ въ бумагахъ Екатерины и адресованнаго къ „Издателю", г. Незеленовъ напрасно считаетъ письмомъ Екатерины къ Новикову, вызвавшимъ будто бы прекращеніе журнала. По шутливой формѣ порицаній и оборотамъ своимъ, оно, очевидно, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя печатались въ журналахъ отъ имени осмѣянныхъ ими лицъ, и адресовано было дѣйствительно ко „Всякой Всячинѣ", а не къ „Трутню"; такъ упоминаемыя въ немъ „Поздравленіе съ Новымъ Годомъ", „Предисловіе" и „Привѣтствіе къ публикѣ", это—статьи, которыми началась именно „Всякая Всячина". (*Незеленовъ*: „Н. И. Новиковъ", стр. 168—170).

[32]) „Всякая Всячина", стр. 672.

Новиковъ, вновь началъ изданіе журнала—знаменитаго «Живописца» при личномъ ея содѣйствіи и даже сотрудничествѣ. Государыня на опытѣ узнала достоинства Новикова, какъ журналиста, и относилась къ нему съ уваженіемъ. На этотъ разъ, однако, во избѣжаніе опытомъ извѣданныхъ затрудненій, положено было принять за правило: «*Не вдаваясь въ даль*, хлопотать только *школьно*, классически, о просвѣщеніи Русскаго царства». «Въ силу этого правила, говоритъ Макаровъ, опредѣлено было Новикову издавать одинъ нравственно-критическій листокъ еженедѣльно, въ немъ все и болѣе всего налегать на нравы, однако съ замѣчаніемъ, чтобы вся разборка нашихъ нравовъ была легка, забавна, хороша» [93]).

Заканчивая наше изложеніе ссоры бабушки съ внучатами, не можемъ не замѣтить, какъ много даетъ эта ссора для характеристики Екатерины и Русскаго общества ея времени. Еще болѣе живыми и поучительными являются тѣ выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе этого эпизода литературной дѣятельности Екатерины. Мы уже имѣли случай ознакомиться съ тѣмъ истинно-народнымъ взглядомъ на духъ и значеніе самодержавія для Россіи, какой имѣла Екатерина, начертывая секретную программу дѣйствій для Вяземскаго. Тѣмъ болѣе любопытнымъ является ея отношеніе къ печати въ первую половину ея царствованія. Самодержавная Императрица сама создаетъ въ своей странѣ политическую журналистику, обсуждавшую съ замѣчательною смѣлостію вопросы государственной жизни Россіи, которыхъ печатно никто не смѣлъ затрогивать съ такой опредѣленностію и широтою взгляда долгое время спустя и въ XIX вѣкѣ. Ошибемся ли мы, если скажемъ, что Екатерина, исходя изъ началъ самодержавія, находила одно время полезнымъ возможно-полное и свободное развитіе печатнаго слова? Свободная Русская печать, при извѣстныхъ условіяхъ, могла быть для нея отличнымъ средствомъ къ полному знакомству съ дѣйствительными потребностями и настроеніемъ Русскаго народа во всемъ его цѣломъ.

Если опытъ не оправдалъ ожиданій Императрицы, то, безъ сомнѣнія, это случилось потому, что, во-первыхъ, самодержавіе Екатерины, отдѣленной отъ народа чиновничествомъ и высшимъ дворянствомъ, было далеко отъ намѣченнаго ею же идеала самодержавія и, во-вторыхъ, журналистика, выросшая по мановенію державной руки, при массѣ безправнаго, закрѣпощеннаго и невѣжественнаго на-

---

[93]) „Отечественныя Записки", 1839 г., т. III, Смѣсь, стр. 28.

рода, и не могла быть выраженіемъ дѣятельности народной, а была лишь органомъ небольшаго числа лицъ, правда, образованныхъ, стремившихся ко благу Россіи, но представлявшихъ все-таки личныя или кружковыя мнѣнія; говоря короче, еще не было тогда Русскаго *общества*, безъ котораго и существованіе журналистики является безцѣльнымъ. Нельзя ставить въ вину Государынѣ, что исправленіе ею же указанныхъ государственныхъ нестроеній она вынуждена была силою вещей предоставить болѣе позднему времени и, среди множества представлявшихся ей неодолимыхъ затрудненій, не рѣшаясь даже уничтожить крѣпостнаго права (что̀ должно было дать основаніе для другихъ необходимыхъ реформъ), считала необходимымъ «идти курцъ-галопомъ», примѣняясь къ обстоятельствамъ, дѣлая иногда то, чего не хотѣла дѣлать.

Это не мѣшало ей, горячо любя Россію, намѣтить въ главныхъ чертахъ ту программу, осуществлять которую пришлось ея Правнуку, императору Александру Второму, воздвигнувшему ей памятникъ и поощрившему всестороннее историческое изученіе какъ ея царствованія, такъ и ея геніальной личности.

Евгеній Шумигорскій.

БРАТЬЯ ГРАФЫ ПАНИНЫ

въ царствованіе Елисаветы Петровны[1].

1755.

Письмо Никиты Ивановича Панина къ брату Петру Ивановичу Панину изъ Стокгольма въ Россію.

Дорогой братецъ.

Ко времени прибытія сего письма, почитаю васъ по послѣдней мѣрѣ въ дорогѣ, а сестрицу въ С.-Петербургѣ, и для того къ ней его адресую, благодаря вамъ, мой другъ, за оказанное ваше объ моихъ интересахъ усердіе въ письмѣ отъ 24-го Октября. Извините же меня, что я такъ долго на него не отвѣтствовалъ: бытность здѣсь Сергѣя Васильевича Салтыкова [2]), его отправленіе и припадшія при томъ мнѣ

---

[1]) Со стариннаго списка. Доставлено И. И. Василёвымъ изъ Пскова и найдено въ бумагахъ Михаила Михайловича Философова, который былъ нашимъ посланникомъ въ Даніи, гдѣ началъ свое дипломатическое поприще и графъ Н. И. Панинъ. (Графство братья Панины получили позднѣе этой переписки.) Высокое понятіе обоихъ братьевъ о государственной службѣ было образцомъ для подражанія. П. Б.

[2]) Молодой (но уже женатый) красавецъ С. В. Салтыковъ, герой Елисаветинскаго двора, посланъ былъ въ Стокгольмъ съ извѣщеніемъ о рожденіи Великаго Князя Павла Петровича. Его нескромные отзывы о Великомъ Князѣ Петрѣ Θеодоровичѣ (имя котораго было дорого Шведамъ, какъ внука Карла XII-го и прямаго наслѣдника Шведскаго престола) были причиною того, что онъ уже не возвращался въ Россію, а посланъ былъ резидентомъ въ Гамбургъ, потомъ посланникомъ въ Мадритъ, и оттуда не надолго въ Парижъ. Екатерина отозвалась о немъ въ письмѣ къ графу Н. И. Панину (1764), что „онъ вездѣ будетъ пятое колесо у кареты“. Судьба этого любопытнаго человѣка доселѣ не разъяснена. Есть преданіе, что онъ уже старикомъ уѣхалъ во Францію и тамъ пропалъ безъ вѣсти въ смутахъ революціи. Другое преданіе увѣрнетъ, будто онъ дожилъ до вре-

особливыя суеты отнимали у меня все къ тому время; а не видавъ дороги при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, чтобъ кѣмъ можно было мои недостатки исправить, я вашимъ въ С.-Петербургъ пріѣздомъ васъ напрасно трудить не хотѣлъ. Какое же напротиву того [3]) я принялъ намѣреніе, о томъ въ свое время васъ, моего друга, упредить не оставлю.

За второе ваше пріятное отъ 17 Ноября не меньше благодарствую и вслѣдствіе той матеріи только сказать имѣю, что я получилъ отъ двора указъ учинить здѣсь публичное торжество о рожденіи Государя Великаго Князя Павла Петровича, на что мнѣ отъ коллегіи [4]) опредѣлено двѣ тысячи рублевъ. Я бы лучше былъ въ состояніи согласить мое неимущество съ достоинствомъ Имперіи, ежелибъ отъ сего освобожденъ остался. Слава Ея Императорскаго Величества и честь ея всевысочайшаго двора и во всякомъ мѣстѣ необходимо заставляютъ сравненно слѣдовать общимъ обычаямъ знатныхъ дворовъ, или же лучше не брать ихъ примѣровъ; а здѣсь наипаче и особливо дѣйствительной интересъ Ея Величества требуетъ, чтобъ, вмѣсто прославленія по послѣдней мѣрѣ, я себя не подвергнулъ посмѣянію публики, которая, слыша отовсюду наши торжества о такъ великомъ и полезномъ происшествіи, по многимъ резонамъ здѣсь отъ меня ожидаетъ равнаго моихъ предмѣстниковъ князя Долгорукова и графа Головина, кои въ подобныхъ обстоятельствахъ находились и конечно не для собственнаго тщеславія, но по познанію надобности соотвѣтствовали достоинству двора своего.

Они отъ него инако нежели я плочены были и собственный достатокъ знатный имѣли, доходы котораго въ отличныхъ дѣлахъ охотно къ чести и надобности службы употребляли. А я не имѣю собственной способности; сколько же ревностію и усердіемъ съ тѣми ни равняюся, однакоже нѣтъ въ томъ способа поспѣшествовать празднеству. При чемъ ясно доказать можно, что, по многимъ настоящимъ политическимъ резонамъ и въ разсужденіи общаго нынѣшняго образа жизни, ихъ благопристойность и надобность моихъ не превосходятъ. Умалчи-

---

менъ императора Павла, который его видѣлъ. Его портретъ масляными красками находится близъ Савина монастыря подъ Москвою, въ селѣ Ершовѣ, и принадлежитъ родному правнуку его сестры графу А. В. Олсуфьеву. П. Б.

[3]) „На противу того"—по нынѣшнему сказать: въ соотвѣтствіе тому. П. Б.

[4]) Т.-е. отъ Иностранной Коллегіи, которой управляли канцлеръ графъ Бестужевъ и вице-канцлеръ графъ Воронцовъ. П. Б.

вая о первомъ, о второмъ объявить можно: тогда изобиліемъ казалось, когда для дву сотъ танцующихъ персонъ столъ смѣшанной, кушанья съ заѣдками, съ шестьюдесятью приборами, покрытъ былъ, за которымъ гости, перемѣняясь, стоя ужинали; а народъ освѣтенъ двумя смоляными бочками, очень уподчиванъ, выпивъ четыре бочки крѣпкаго пива. Теперь же я, учреждая на сто персонъ три регулярные стола, еще боюсь, чтобъ не навесть на себя какого невѣжества или переговоровъ, ежели поставлю четвертый, какъ выше сказалъ, смѣшанный столъ для оставшей компаніи, которой, по послѣдней мѣрѣ, еще сто двадцать человѣкъ будетъ. Сверхъ сего и народъ ко иному пріученъ: ему теперь надобно украшенную иллуминацію, оркестръ музыки, разныя мяса и виноградное вино.

Сожалѣть надобно о напрасномъ двора нашего убыткѣ, ежели опредѣленіе каждому втораго класса министру по двѣ тысячи рублевъ въ томъ намѣреніи учинено, чтобъ онъ изъ того своей собственной персонѣ честь сдѣлалъ: ибо одного дня роскошь не уловитъ публику въ его авантажъ, а благородство требуетъ всегдашнее хорошее содержаніе. Но когда же мнѣніе было распространеніемъ повсюду торжественной радости увеличить государственную славу (чему неинако какъ съ пользою быть надобно), то тутъ необходимо мѣстá и ихъ интересы, а не министерскіе характеры отличаются, такъ что по существу интереса и въ разсужденіи надобности благоволенія публики каждой земли, чтó во одномъ мѣстѣ довольно славы приноситъ, то въ другомъ едва ли иногда можетъ избавить стыда и переговоровъ, и изъ того натурально послѣдуемыхъ худыхъ въ публикѣ импрессій.

Вы, узнавъ мои сантименты и образъ мыслей въ разсужденіи всевысочайшей Ея Величества службы, изъ сего легко заранѣе узнаете, что я ни для какихъ моихъ собственныхъ уваженій не отважу достоинство, славу и интересъ двора моего, и въ каковомъ бы послѣ состояніи ни нашелся, со удовольствіемъ совѣсти всегда напоминать буду, что вездѣ долгъ службы предпочиталъ собственной пользѣ, и конечно безъ тщеславія о моемъ маломъ имени, но по знати мѣста службы моего званія. Въ томъ мнѣ отдастъ справедливость разумной и дѣла знающій свѣтъ.

Вотъ, мой другъ, какія обстоятельства. Я въ нихъ теперь послѣдки доживаю, имѣя еще несъѣденнаго малой остатокъ на счетъ моего серебра и извѣстныхъ вамъ алмазныхъ вещей и меблей, чему нынѣ конецъ получу. И такъ уже ни въ какомъ мѣстѣ не буду въ состояніи служить въ нынѣшнемъ моемъ званіи. Не подумай, мой дорогой,

чтобъ сіе меня огорчало; истинно нѣтъ, и ей-ей не о себѣ пекуся, но о надобности службы Ея Величества. Въ разсужденіи собственно меня самого, мнѣ бы и того много было, что́ я получаю, ежелибъ оно для моей одной пользы служило. Почему и дворъ нашъ отъ меня конечно ни жалобъ, ниже другихъ просьбъ не услышитъ кромѣ одной отставки, когда все то дѣйствительно прожито будетъ, что́ единственно имѣлъ отъ монаршеской милости и что́ законнѣе мною употреблено быть не могло какъ въ истинную Ея Величества службу, чѣмъ я несумнѣнно усугублю мою вѣрность, стараясь собою очистить такое мѣсто, въ которомъ государственному интересу мое дальное пребываніе вредительно будетъ и въ которое при нынѣшнемъ дворѣ не трудно сыскать съ бо́льшими передо мною достоинствами человѣка, который бы, имѣвъ достатокъ, имъ охотнѣе поспѣшествовалъ истинной пользѣ Имперіи Ея Величества, нежели напрасно и праздно его употреблялъ [*]).

Прости, мой дорогой; передъ не оставлю вамъ сообщить мои дальнія мнѣнія, теперь же, такъ какъ и вѣкъ, остаюсь

вашъ истинной слуга Н. Панинъ.

Стокгольмъ, Генваря 5 (16) дня 1755 г.

Отвѣтъ на прежде слѣдующее письмо.

Ваше письмо отъ 16-го Генваря, которое, бывъ напередъ въ Москвѣ, меня здѣсь нашло, и я совѣстно, любезной другъ, вамъ признаюсь, что еще ничего въ жизни горестнѣе для себя не чувствовалъ, когда увидѣлъ въ немъ, что вы, въ которомъ я твердо полагалъ получить славу и пользу не только мою собственную, но всей нашей затмѣвающейся фамиліи, принужденнымъ себя находите искать отставки изъ службы, имѣя всегда ревность и предпочитая передъ всякою своею пользою службу Ея Императорскаго Величества, по которымъ самымъ лучшимъ подданническимъ и вѣрнаго сына отечества намѣреніямъ, до той крайности доведеннаго себя быть и почитаете, въ разсужденіи, что нашъ отеческой капиталъ нимало не способствуетъ помогать вамъ себя при опредѣленномъ мѣстѣ содержать, въ сходность славы и истинной пользы Имперіи. А то все, что̀ вы отъ монаршеской милости имѣли, уже по вашимъ ревностнымъ мыслямъ на жертву оной принесли.

Правда, я отъ истиннаго сердца въ томъ согласуюсь, что нельзя лучше таковыхъ милостей употребить, какъ въ пользу службы того,

[*]) Вѣроятно, желанія Н. И. Панина были исполнены: онъ оставался на службѣ въ Стокгольмѣ до 1760 года, когда поступилъ въ должность гофмейстера при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ. П. Б.

отъ кого онѣ происходили, и когда бы неминуемый случай потребовалъ, то бы не только остаточнаго малѣйшаго отеческаго своего капитала (который конечно не болѣе 1500 р. годоваго дохода состоитъ), но и живота своего, не за чѣмъ въ то не щадить. Но тоже самое ревностное признаніе научаетъ насъ разсматривать съ великимъ осмотрѣніемъ въ таковыхъ случаяхъ, чтó совершеннѣйше полезнѣе въ нихъ быть можетъ человѣку, зная свою годность къ принесенію впередъ прямыхъ пользъ своею службою, первымъ себя отъ тѣхъ отлучить навсегда, или соблюстись на продолженіе тѣхъ, которыми бы, можетъ быть, легко ему можно было недостаточное въ начальномъ своемъ обращеніи не только наградить, но еще гораздо больше услуги сдѣлать, нежели недостатки первые предосужденія наносили.

Вотъ, мой любезнѣйшій другъ, мое скудное мнѣніе о должности истиннаго ревнованія къ подданнической вѣрной службѣ, и конечно его столь недостаточно быть почитаю, что нимало оной вашему просвѣщенному разсмотрѣнію служить ни къ чему не можетъ; только искренность моего къ вамъ братства и дружбы не оставила мнѣ столько силы, чтобъ при семъ моемъ о состояніи вашемъ смущеніи возможно было воздержаться и всего того вамъ не открыть, чтò моя мысль мнѣ въ томъ представить могла. А сверхъ того я беру смѣлость позволить себѣ въ слѣдующемъ представить и то, чтò я еще довольно быть почитаю оставшимъ въ вашемъ обстоятельствѣ, которое сколько нибудь, кажется мнѣ, можетъ васъ еще отъ крайности отвратить.

Я безъ всякаго отягощенія по нынѣшнему моему состоянію могу къ вамъ переводить изъ нашихъ деревенскихъ доходовъ по 1500 р. въ годъ, потому что вы уже ничего обще со мной здѣсь не должны; а я долженъ только 1800 р., которые мнѣ по кончинѣ покойной нашей матери свободно было заплатить можно, ежелибъ дѣдъ жены моей [6]) въ Москвѣ тѣ два года не содержался, для котораго, какъ двѣ мои бывшія отъ полку въ Москву поѣздки, такъ и тамошнее безъиѣздное съ прибавкомъ и его многолюднаго дому содержаніе съ нашихъ деревень, никакъ до того меня не допустило. Способъ же учрежденныхъ милостивно у насъ нынѣ монаршескихъ банковъ произвелъ, что болѣе 6 процентовъ съ долговыхъ денегъ уже не плотится: то потому никакого почти чувствія о семъ моемъ долгу не имѣю.

Польза отъ того мнѣ дѣда сдѣлана еще только будущая, чтобъ по смерти его получить женѣ моей 700 душъ; а въ такомъ случаѣ вы

[6]) Говорится о первой женѣ графа П. И. Панина, урожденной Татищевой. П. Б

уже всеконечно изволите почитать доходу себѣ ежегоднаго по 2000 р. и слишкомъ, по состоянію урожая хлѣба.

Буде вамъ и вдругъ знатная сумма понадобится, то по случаю тѣхъ банковъ изволите только прислать ко мнѣ вѣрющее письмо; а въ разсужденіи такого процента видится, что безъ дальной опасности изъ несноснаго долгу выплатиться можно. И я всеконечно себя почитаю быть вамъ братомъ и другомъ на то, чтобъ все хорошее и худое дѣлить пополамъ.

Теперь мнѣ осталось еще вамъ представить средство полезнѣйшее, но боюсь, что вамъ оно представится тяжелѣйшимъ всѣхъ. Извольте обратить ваше осмотрѣніе на свои достоинства, характеръ, тѣлесныя дарованія и среднія ваши лѣта. Не все ли то прелестно для достойныхъ и съ хорошими достатками невѣстъ? Жизнь же съ женою, я по практикѣ васъ могу искренне увѣрить, не такъ страшна, какъ философскія разсмотрѣнія быть ее представляютъ, а въ ней все тожъ что и въ другихъ жизненныхъ смятеніяхъ: прилежное ко всему и неупустительное просвѣщенное наблюденіе къ благополучному спокойствію приводитъ [1]). А ваши ближніе конечно не то въ свою пользу почитаютъ, что послѣ ихъ наслѣдникамъ оставить можете, но конечно то, чѣмъ талантами вашими къ ихъ чести, обновленію фамиліи и славѣ своей споспѣшествовать имѣете. Буде же у васъ таковыхъ невѣстъ нѣтъ, то у насъ довольно, ежели вы только склоннымъ себя къ тому покажете.

Итакъ, мой любезный другъ, пожалуй, награди дружбу мою тѣмъ, чтобъ не мыслить о таковыхъ смущеніяхъ, кои васъ и всѣхъ вашихъ ближнихъ язвительно печалятъ, а употребляй себя въ то, чего отъ васъ они въ совершенное себѣ счастіе ожидаютъ. Впрочемъ вѣрь, что мое счастіе и несчастіе въ произвожденіи вашемъ, а не моемъ собственно полагаются и что я все то съ радостію съ вами понесу, что только отъ ревности вашей къ службѣ произойти имѣетъ; потому что и я, можетъ быть, по единой съ вами крови, заимствовалъ конечно предпочитать оную передъ собственною пользою. Доколѣ живъ, всегда буду, какъ нынѣ есмь, вашъ истинной другъ и слуга

П. Панинъ.

4 (15) Марта 1755 году.
Мѣстечко Лемзаль, близъ Риги.

---

[1]) Графъ Никита Ивановичъ послѣдовалъ совѣту младшаго своего брата 13 лѣтъ спустя, уже на шестомъ десяткѣ лѣтъ; но невѣста его, молодая, прекрасная и умная графиня Анна Петровна Шереметева, скончалась отъ оспы въ 1768 году. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ МАТВѢЯ МАТВѢЕВИЧА МУРОМЦОВА [1]).

J'emploierai souvent dans ce qu' on va lire le Je et le Moi. Ce qui est pour ceux-ci l'orgueil est de la modestie pour ceux-là. En parlant de lui-même, l'homme qui n' a joué que le plus obscur des rôles dans ces immenses drames où se décide le sort des nations, fait, je crois, preuve d'humilité. Ce n'est, du reste, aucune considération personnelle qui m' a guidé, etc.

M. Paul de Molènes.

Я не имѣлъ никогда привычки записывать своевременно ничего. Это не входило въ наше воспитаніе. Вотъ теперь долженъ писать все на память, и потому будетъ неудивительно, если забудется много происшествій въ продолженіе 72-хъ лѣтней жизни моей, и записки будутъ написаны безъ всякой системы.

Вѣкъ, въ которомъ я жилъ, такъ разнообразенъ событіями, въ коихъ я былъ дѣйствующимъ лицемъ, что я не надѣюсь, не только всѣ ихъ описать, но и сохранить послѣдовательность. Но какъ я пишу не для печати, а дѣтямъ на память, то моя исповѣдь можетъ быть и безъ требуемаго хронологическаго порядка.

Юность до 10-ти лѣтняго возраста.

Я родился въ Москвѣ, отъ втораго брака, кажется въ 1791-мъ году. Лѣта мои извѣстны только по преданію, потому что вѣрной записи не было, а метрическихъ свидѣтельствъ не требовалось, слѣдовательно въ формулярѣ лѣта означены не вѣрно. Первая жена моего отца была Екатерина Яковлевна Засѣцкая. Отъ нея было пять сестеръ и двѣ брата. Моя же

[1]) Писаны въ 1863 году, по настоятельной просьбѣ дѣтей. П. Б.

мать была Екатерина Александровна Волкова. Насъ было у нея одна сестра и два брата, я и Петръ. Мать моя была большая музыкантша; она играла превосходно на фортепіяно, что̀ тогда считалось чрезвычайной рѣдкостью, Моцартъ посвятилъ ей сонату, которая къ несчастію утратилась.

Отецъ мой, генералъ-поручикъ Матвѣй Васильевичъ, находясь въ военной службѣ, участвовалъ въ Турецкихъ войнахъ, былъ генералъ-квартирмейстеромъ у графа П. А. Румянцова, зналъ хорошо инженерную часть и имѣлъ Георгія на шеѣ, что̀ и доказываетъ его храбрость: тогда орденъ этотъ давался рѣдко и всегда справедливо [2]).

Послѣ военной службы онъ былъ губернаторомъ въ Тулѣ при открытіи намѣстничества. Выйдя въ чистую отставку около 1780-го года, онъ поселился въ с. Ба̀ловневѣ, родовомъ имѣніи, гдѣ жили его мать Авдотья Александровна, урожденная Бибикова (сестра Ильи Александровича) и отецъ Василій Яковлевичъ. По преданію извѣстно, что у нихъ былъ маленькій деревянный домикъ, тамъ гдѣ теперь большой каменный, и что въ годъ свадьбы была противъ дома посажена липа, и теперь еще существующая.

Отецъ мой сдѣлался великимъ хозяиномъ; а такъ какъ онъ въ молодости, по выпускѣ изъ инженернаго корпуса, ѣздилъ за границу, то и хозяйство его велось какъ у человѣка просвѣщеннаго. Вездѣ по деревнямъ строилъ онъ дома̀ каменные, крытые черепицей, вездѣ завелъ фруктовые сады. Тогда ни того, ни другаго почти нигдѣ не имѣлось, а ежели и было впослѣдствіи, то взяли съ него примѣръ, на что онъ всѣхъ уговаривалъ и давалъ средства.

Хлѣбопашество у него было отличное; онъ первый сѣялъ озимую пшеницу въ большомъ размѣрѣ. Въ нѣсколькихъ имѣніяхъ устроилъ винокуренные заводы, суконныя фабрики и кожевенное производство. Всѣ эти отрасли давали тогда громадные доходы, и онъ при себѣ имѣлъ уже 3 т. душъ крестьянъ. Имѣнія имъ покупленныя были многоземельныя и лѣсныя; напр. имъ было куплено отъ казны въ Сапожковскомъ и Скопинскомъ уѣздахъ лѣсу 3500 десятинъ за 3500 р. асциг., изъ Рановской дачи. Онъ туда перевелъ крестьянъ и построилъ большой винокуренный заводъ, который приносилъ необыкновенные доходы.

Хотя отецъ мой былъ умный хозяинъ, но по принятой общей системѣ того времени держалъ множество дворовыхъ: по старымъ вѣдомо-

---

[2]) См. патентъ выданный М. В. Муромцову графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878, I, 173 и 496. П. Б.

стямъ видно, что на мѣсячинѣ находилось до 600 душъ. У него было множество мастеровыхъ, что̀ нѣсколько извиняетъ тогдашнее хозяйство, потому что производились огромныя постройки, а нанимать людей было негдѣ. Музыканты, пѣвчіе, прислуга, садовники и пр. все это въ большихъ размѣрахъ. Въ домѣ жили архитекторъ Голандецъ Верженъ, капельмейстеръ, учитель Итальянскій Жульяни, дядька Нѣмецъ Ф. І. Вельцъ, живописцы Легоцкій и Дюронье, лѣпной мастеръ Замараевъ, рѣзчикъ Базетти, и еще многихъ не упомню.

Сосѣдей у насъ было много и гостей всегда пріѣздъ. Въ Данковскомъ уѣздѣ было шесть охотъ съ гончими и борзыми. У Нечаева и Огарева оркестры. По обычаю лѣто мы жили въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ, гдѣ у насъ былъ въ Нѣмецкой Слободѣ каменный и деревянный дома. Особенно замѣчателенъ новый каменный, гдѣ все было изящно: стѣны разноцвѣтныхъ мраморовъ, вездѣ паркетъ, золоченые замки, штофные Французскіе обои. Мраморъ работалъ Кампіони, только-что пріѣхавшій изъ Италіи и потомъ разбогатѣвшій въ Москвѣ. Бывали балы и концерты, въ которыхъ матушка отличалась игрою на фортепьяно.

Въ 1796-мъ году пришло къ намъ извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины. Оно неимовѣрно огорчило моего отца, такъ что онъ даже плакалъ; а по его суровому характеру это было весьма необыкновенно. Земскій судъ привелъ всѣхъ, и даже насъ дѣтей, къ присягѣ.

Мнѣ было шесть лѣтъ, когда начали учить меня мадамъ Комбъ по-французски, а дядька Ф. І. Вельцъ по-нѣмецки; кромѣ того изъ Данкова ѣздилъ учитель народнаго училища Сахаровъ для преподаванія Русскаго языка и ариѳметики. Кстати замѣчу, что этотъ г. Сахаровъ былъ одинъ въ Данковскомъ училищѣ для всѣхъ предметовъ, и ученики у него были отличные; дворяне и крѣпостные мальчики учились всѣ вмѣстѣ, и я зналъ нѣсколькихъ дворянъ, окончившихъ у него свое воспитаніе, которые послѣ того отлично служили. Жалованья отъ казны Сахаровъ получалъ 150 р. ассигнаціями.

До десяти лѣтъ я кое-какъ зналъ грамотѣ, но говорилъ по-французски и по-нѣмецки; послѣдній я зналъ лучше, потому что дядька Вельцъ не смѣлъ съ нами говорить иначе, какъ на этомъ языкѣ; къ тому же Вельцъ былъ строгъ и нерѣдко бивалъ меня до крови. Деликатности онъ имѣть не могъ, ибо былъ кузнецъ, и ему часто поручали лудить посуду и ковать лошадей. Онъ же ковалъ намъ коньки и выучилъ насъ кататься по льду. Физическое воспитаніе наше тоже было довольно сурово: шубы мы

не знали и въ морозъ бѣгали въ какихъ-то байковыхъ сюртукахъ. Всякій годъ весною къ намъ пріѣзжалъ лѣкарь І. І. Кохъ и прописывалъ слабительное всѣмъ дѣтямъ. Посылали тогда за лѣкарствомъ въ Елецъ, за 80 верстъ, потому что аптекъ ближе нигдѣ не имѣлось.

Кромѣ учителей и дядьки все-таки была у насъ старушка няня, которая кормила насъ ночью секретно сливками и пирогами, отчего я былъ долго въ лихорадкѣ, и лѣкаря удивлялись продолжительности ея. Мать моя застала меня однажды за пирогами, и съ тѣхъ поръ няню отставили. Я много о ней плакалъ, но дѣлать было нечего. Ее удалили въ другой флигель. Взятъ былъ учитель Французъ Дюкре (Ducrest). Онъ хорошо училъ языку. Въ наказаніе задавалъ спрягать глаголы: чѣмъ болѣе вина, тѣмъ болѣе глаголовъ, иногда до 10-ти.

Въ 1797-мъ году мы всѣ поѣхали въ Москву на коронацію Павла I-го. Въ это время возвратился изъ-за границы старшій братъ Павелъ. Онъ былъ во время Польской революціи раненъ, служа при Игельстромѣ. Отецъ послалъ его лѣчиться въ Лейпцигъ, гдѣ онъ долженъ былъ по излѣченіи кончить курсъ образованія въ университетѣ. Когда онъ былъ раненъ, ему было всего 17 лѣтъ, и онъ имѣлъ уже чинъ капитана, за отличіе же произведенъ въ маіоры.

По прибытіи въ Москву домъ нашъ наполнился жильцами. Пріѣхала изъ Петербурга бабушка К. Д. Волкова съ двумя дочерьми фрейлинами. Къ брату Павлу поселились во флигель: адъютантъ Паскевичъ (послѣ фельдмаршалъ), искренній его другъ; А. А. Башиловъ, пріѣхавшій изъ Парижа и привезшій моду тупоносыхъ сапоговъ (здѣсь всѣ носили востроносые, какъ носъ у стерляди). Часто у насъ бывали товарищи дяди А. А. Волкова (служившаго капитаномъ въ Семеновскомъ полку): графъ Сенпри, Окуневы, графъ Дебальменъ, Ржевской и многіе другіе.

Въ день коронаціи насъ повезли смотрѣть переѣздъ Государя изъ Петровскаго дворца въ Слободскій. Хотя мнѣ было 7-мь или 8-мь лѣтъ, но я какъ теперь помню всю процессію. Мы сидѣли въ концѣ улицы на углу, на подмосткахъ, устроенныхъ въ домѣ графа Орлова. Мимо насъ шли полки, ѣхалъ царь на бѣлой лошади, по обѣ руки его великіе князья Александръ и Константинъ. Передъ каретами, запряженными цугами одномастныхъ въ шорахъ лошадей, шли скороходы, проходилъ эскадронъ кавалергардовъ въ латахъ чистаго серебра и шишакахъ съ страусовыми перьями. Онъ былъ составленъ изъ дворянъ; всѣ большаго роста. У насъ между ними было много знакомыхъ, подъѣзжавшихъ къ намъ и дававшихъ

намъ въ руки свои каски, которыя я тогда едва могъ поднять. Процессія окончилась поздно вечеромъ. Такъ какъ Слободскій дворецъ находился близко отъ нашего дома, то насъ часто отпускали гулять съ дядькой смотрѣть вахтъ-парадъ, но мы должны были надѣвать трехугольныя шляпы (круглыя были запрещены). Мы встрѣчались съ другими знакомыми намъ дѣтьми въ такомъ же нарядѣ. Такой маскарадный костюмъ на дѣтяхъ былъ очень смѣшонъ.

Во время парада строго возбранялся въѣздъ на площадь. По невѣдѣнію, карета наша, цугомъ, въ которой находились фрейлины, отправлявшіяся во дворецъ на выходъ, въѣхала на запрещенное мѣсто. Царь, увидѣвъ карету, махнулъ платкомъ; ее тотчасъ остановили, тетокъ моихъ высадили, а карету и людей повели въ полицію. Тетки дошли до дворца пѣшкомъ. Послѣ выхода, тетушка Прасковья Александровна подходитъ къ Государю и смѣло его упрекаетъ въ томъ, что онъ заставилъ ее идти пѣшкомъ, причемъ, объяснивъ, что въѣздъ на площадь произошелъ вслѣдствіе недоразумѣній, проситъ приказать возвратить карету и людей. Государь, извиняясь, сказалъ: Je n'ai rien à refuser à mon portrait, на что тетка ему отвѣчала: Je suis donc bien laide [3]). Царь засмѣялся и увѣрялъ, что до болѣзни онъ былъ очень хорошъ собою. Эти всѣ вещи такъ мнѣ врѣзались въ память, что я какъ будто теперь ихъ вижу и слышу. Карета была отдана, что́ и спасло всѣхъ отъ ужасной брани отца, который былъ очень строгъ (отъ него долго скрывали это обстоятельство).

Около того же времени сестра моя Александра Матвѣевна вышла замужъ за Степана Николаевича Волкова. Изъ Нѣмецкой Слободы свадебный поѣздъ ѣхалъ въ Конюшенную улицу, что́ очень далеко. Вдругъ кричатъ: Стой! Государь! Карета остановилась; всѣ вылѣзаютъ въ дождь и слякоть. Никто не смѣлъ остаться въ экипажахъ, даже дамы. Государь остановился противъ самой кареты невѣсты, спросилъ, чья свадьба, и отправился далѣе.

Во все время пребыванія Государя въ Москвѣ, отецъ сказывался больнымъ и притворно хромалъ: ему не хотѣлось ѣхать во дворецъ вопреки требованію Государя, чтобъ онъ къ нему явился. Графъ Аракчеевъ, по приказанію самого царя, пріѣзжалъ нѣсколько разъ и, звалъ его неотступно; но отецъ изъ любви къ матери не любилъ сына. Государь велѣлъ спросить всѣ планы и бумаги, которые онъ сохранилъ послѣ Румянцов-

---

[3]) Я ни въ чемъ не могу отказать моему портрету.—Такъ я очень невзрачна.

ской кампаніи. Братъ Павелъ былъ за ними посланъ въ Ба́ловнево и привезъ нѣкоторые планы, кои много послужили для войны, открывшейся при Александрѣ Павловичѣ, что̀ видно изъ бумаги, присланной изъ штаба генераломъ Нейдгардомъ.

Многимъ сослуживцамъ отца даны были имѣнія, что̀ и ему обѣщали; но онъ не хотѣлъ ничѣмъ одолжаться и являться къ Государю и, сколько друзья ни уговаривали, не могли склонить его на это. Часто къ отцу ѣздили: генер.-пор. Языковъ, княгиня Дашкова (которую я помню разъ въ орденской лентѣ, а другой разъ въ колпакѣ), А. А. Волковъ, В. И. Левашовъ, Трощинской, Кречетниковъ, Фаминцынъ, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, Н. П. Высоцкой и проч.

Второй періодъ.

1799 года, 30-го Октября, батюшка скончался, 62-хъ лѣтъ, отъ pleurésie. Никто не могъ ожидать этого несчастія, потому что онъ былъ очень свѣжъ и здоровъ, но по упрямству не хотѣлъ послушать пріѣхавшихъ докторовъ пустить кровь и отвергъ прочія средства. Шесть недѣль до смерти было освященіе придѣла Николая Чудотворца. У насъ былъ старикъ священникъ Филатъ, который въ день освященія 13-го Сентября предсказалъ смерть отца и именно, что она послѣдуетъ черезъ шесть недѣль. Этотъ попъ Филатъ имѣлъ репутацію пророка. Отецъ всегда съ нимъ совѣтовался въ посѣвахъ хлѣба, и онъ предсказывалъ вѣрно урожаи или неурожаи.

Послѣ смерти отца домъ измѣнился во многомъ. Братья Павелъ и Александръ, получивъ части своего материнскаго имѣнія, уѣхали въ Петербургъ. Хотя доходы сдѣлались меньше, но гости не убывали. Скоро послѣ того совершился общій раздѣлъ; по завѣщанію отца остались въ управленіи матушки имѣніе мое и брата Петра и отданное ей отцомъ на седьмую часть с. Ба́ловнево. Изъ огромныхъ доходовъ сдѣлались малые; къ тому же управленіе было дурное. Сестры всѣ вышли замужъ. Старшая за ген.-лейт. Николая Ивановича Лаврова, съ которымъ и уѣхала въ Сибирь, гдѣ онъ былъ инспекторомъ войскъ. Съ ней отправилась и Анна Матвѣевна и тамъ вышла замужъ за Алексѣя Ивановича Трескина. Софью Матвѣевну взяли воспитывать тетки Засѣцкія, и у нихъ она вышла за полковника Гинца. При матушкѣ остались: Елисавета и Екатерина. Въ 1802 году Лиза вышла за Павла Матвѣевича Бибикова. Это была романическая по любви

свадьба. До самой смерти своей она была совершенный другъ матушки и утѣшала ее въ ея горестяхъ.

Московскій домъ достался брату Александру, а матушка купила домъ у г. Пушкина близъ Яхлохова моста. Она имѣла много вкуса, была охотница до цвѣтовъ, и потому у насъ была во весь домъ оранжерея теплая, въ которую изъ залы вело нѣсколько дверей. Это было прекрасно, но жизнь и лишняя роскошь разстроивали все болѣе и болѣе имѣнье, а пріѣздъ гостей, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, не прекращался. Также ѣздили каждую зиму въ Москву, а лѣтомъ жили въ деревнѣ; учителя нанимались и сопровождали насъ. Въ Москвѣ жили очень пышно. Сестру Екатерину и насъ также начали вывозить на балы. Хотя мы были еще малы, не менѣе того танцовали по неимѣнію кавалеровъ. Всякое Воскресенье были приглашаемы къ графу А. Г. Орлову. Его балы заслуживаютъ, чтобъ о нихъ было сказано нѣсколько словъ. Графъ съ молодой графинею встрѣчалъ гостей въ первой комнатѣ; когда всѣ уже съѣхались, то переходили Польскимъ при звукахъ музыки въ залу, и начинались танцы: экосезъ, Русскій кадриль съ вальсомъ. Среди бала графъ заставлялъ дочь танцовать характерный танецъ съ шалью. По окончаніи его, она всегда подходила къ отцу, и онъ цѣловалъ ее, причемъ публика аплодировала. На всѣхъ балахъ всегда бывалъ князь П. М. Дашковъ; хотя немолодой, но танцовалъ легко, граціозно и выдѣлывалъ разныя па. Во время ужина за графомъ становился шутъ, и гуслистъ начиналъ играть на гусляхъ. Графъ всегда бывалъ во всѣхъ орденахъ. Послѣ ужина танцы уже не возобновлялись и гости отправлялись по домамъ. Домъ его былъ деревянный подъ Донскимъ.

Въ 1803 и 1804 году насъ отдали въ пансіонъ къ г. Фонкѐ и Дюрé (Durest). Тамъ мы учились довольно хорошо, но къ несчастію пансіонъ закрылся въ 1805 году, и насъ снова взяли домой. Наняли учителей. Былъ Дюбуа, у котораго много профитовали по всѣмъ предметамъ. Но онъ скоро отошелъ, и къ намъ нанялся молодой Французъ, воспитанникъ Политехнической Школы и охотникъ до химіи. Онъ большую часть времени проводилъ у Бибиковыхъ. Павелъ Матвѣевичъ завелъ лабораторію, и такимъ образомъ цѣлый 1806 годъ я могу считать пропавшимъ для ученія

Этотъ годъ былъ для меня самый вредный, какъ въ отношеніи ученія, такъ и нравственности.

Третій періодъ.

Въ 1807 году мы съ братомъ Петромъ пріѣхали въ Петербургъ и остановились въ домѣ бабушки К. Д. Волковой. Матушка поручила насъ Б. И. Озерову, женатому на теткѣ М. А. Волковой.

Онъ рѣшилъ опредѣлить насъ въ лейбъ-гвардіи Измайловской полкъ, гдѣ самъ прежде служилъ. Послѣ подачи прошенія намъ велѣно было представиться къ г. Клингеру, директору кадетскаго корпуса, на экзаменъ. Онъ насъ принялъ весьма хорошо и при себѣ велѣлъ экзаменовать въ залѣ, гдѣ было собрано нѣсколько профессоровъ. Экзаменъ состоялъ въ языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Русскомъ, изъ алгебры уравненіе 1-й степени, изъ геометріи и фортификаціи по системѣ Вобана. Такъ какъ прошло мало времени послѣ того какъ мы всему учились, то экзаменъ былъ блистательный. Отношеніе Клингера въ полкъ было прекрасное, и мы сейчасъ же были записаны въ 3-й баталіонъ, въ роту полковника Храповицкаго.

Не могу умолчать про случай, который могъ имѣть непріятныя послѣдствія. Въ домъ бабки ѣздилъ какой-то Полякъ графъ Грабянка, бывшій пріятель С. И. Плещеева въ чужихъ краяхъ; онъ былъ принятъ его родственниками въ Петербургѣ и умѣлъ составить общество религіозно-мистическое. Въ этомъ обществѣ находились: Н. Ѳ. Плещеева, М. А. Лѣнивцовъ, П. И. Озеровъ, князь А. Н. Голицынъ, Р. А. Кошелевъ. Меня рекомендовали графу Грабянкѣ, какъ достойнаго принять его ученье. Я по молодости, не понялъ этого выраженія, принявъ графа за проповѣдника или католическаго аббата. Онъ назначалъ у своихъ адептовъ дни собраній. За нимъ по очереди посылалась карета, и привозили его къ обѣду. Послѣ обѣда съѣзжались слушатели или ученики. Въ наше общество Кошелевъ, Плещеева и князь Голицынъ не пріѣзжали, а собирались у Плещеевой (вдовы покойнаго С. И. Плещеева). За обѣдомъ подавали Грабянкѣ любимыя его блюда.

Особенно отличались роскошью обѣды у М. А. Лѣнивцова, тогда управлявшаго откупными дѣлами гр. Зубова, котораго въ послѣдствіи онъ и разорилъ. Онъ былъ главный другъ графа Грабянки, который открывалъ засѣданіе на Французскомъ языкѣ. Вскрывъ книгу, примѣшивая безпрестанно Польскія слова „якъ се зове“, онъ проповѣдывалъ и толковалъ тексты религіозные и прибавлялъ анекдоты и легенды изъ своей святой жизни. Слушатели были въ восхищеніи; особенно боготворили его дамы, посылали ему свои работы, а мужчины значительные подарки.

Одинъ разъ при съѣздѣ у дяди П. И. Озерова (тогда служившаго гофмаршаломъ у великаго князя Константина Павловича) графу объявили, что Марія Александровна, жена его, присутствовать не можетъ по случаю тяжкой болѣзни. Графъ сталъ хозяина и всѣхъ успокоивать и разсказалъ намъ слѣдующій анекдотъ. Въ Парижѣ, говорилъ онъ, во время террора, я былъ взятъ въ тюрьму. Вдругъ увидѣлъ я передъ собою Іоанна Крестителя. Я палъ къ его ногамъ и просилъ спасти меня. Іоаннъ отвѣчалъ что, зная мою невинность, онъ и пришелъ. Двери тюрьмы отворились, и меня онъ, взявъ за руку, вывелъ на улицу, гдѣ и далъ мнѣ вотъ эти три зернушка. (Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вынулъ ихъ и показалъ намъ). Ежели хочешь кого вылѣчить, сказалъ ему Іоаннъ, то положи ихъ въ воду и дай выпить больному. Само собою разумѣется, П. И. Озеровъ сталъ просить его употребить это средство, что̀ онъ и исполнилъ, и Марія Александровна выздоровѣла дѣйствительно. Это, полагаю, было бы и безъ зернушка.

Слушатели были все люди образованные и искренно вѣрили шарлатану. Такимъ образомъ съѣзды продолжались около мѣсяца. Разъ вечеромъ тетка Марья Александр. Озерова вручила мнѣ записку, прося отнести ее къ графу. Я на другой день всталъ рано утромъ и пошелъ къ нему. Къ удивленію моему, въ воротахъ останавливаетъ меня полицейскій офицеръ и спрашиваетъ, зачѣмъ я иду къ графу. Въ невинности моей я откровенно сказалъ, что несу ему записку. Меня ввели къ нему и прочитали записку въ слухъ; дозволили остаться нѣкоторое время и велѣли идти. Графъ при прощаніи просилъ меня кланяться его знакомымъ и увѣрить ихъ отъ его имени, что случай этотъ конечно есть недоразумѣніе, и чтобы всѣ были на его счетъ покойны, потому что онъ совершенно невиненъ. Я поспѣшилъ къ дядѣ Озерову передать эту катастрофу. Его удивленіе было такъ велико, что въ первую минуту онъ не повѣрилъ, а приписалъ сплетнямъ Но вскорѣ пріѣхали къ нему адепты, съ удостовѣреніемъ неожиданнаго происшествія, и положили ходатайствовать у начальства объ освобожденіи графа. Кн. А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ лично просили у Государя его помиловать; но Государь, вѣроятно лучше ихъ зналъ графскія продѣлки и приказалъ посадить его въ крѣпость, гдѣ онъ скоро умеръ, какъ говорили, принявъ яду.

Всѣ тогда въ Петербургѣ утверждали, что онъ былъ шпіонъ Наполеона. Это и вѣроятно, потому что за религіозныя проповѣди и анекдоты въ крѣпость не сажаютъ. Никогда въ засѣданіяхъ не было ни слова о политикѣ. И такъ графъ Грабянка умеръ въ крѣпости. Дѣло его адептовъ

и слушателей потушили частью по ходатайству сильныхъ, а болѣе, полагаю, по важнымъ извѣстіямъ, привезеннымъ тогда кн. Багратіономъ изъ арміи, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Гвардія выступила въ Пруссію, и все дѣло кануло въ воду. Впрочемъ я тоже пошелъ въ походъ и болѣе ничего не слыхалъ. У многихъ есть портреты графа; между прочимъ у В. И. Мюллера, по наслѣдству отъ матери, урожденной Волковой.

Скоро по опредѣленіи, мы, въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ, выступили въ походъ въ Пруссію. Мы несли знамена и шли пѣшкомъ. Нашъ капитанъ Рагозинъ не взлюбилъ насъ, потому что ему не нравилось наше воспитанье. Но скоро полковникъ Храповицкой и капитанъ В. Н. Шеншинъ, узнавъ объ этомъ, настояли, чтобы мы чередовались и помѣстили насъ въ артель съ офицерами.

Молодая жена Храповицкаго (недавно женившагося), въ офицерскомъ сюртукѣ, ѣхала весь походъ при баталіонѣ верхомъ. Въ самую полую воду мы шли и, наконецъ, пришли въ Юрбургъ на Нѣманѣ, гдѣ полки ожидалъ Государь.

Перейдя рѣку, насъ встрѣтилъ Прусской король, мы приготовились, вычистились, напудрились и передъ Государемъ и королемъ прошли церемоніальнымъ маршемъ. Пришли въ Бартенштейнъ. Въ это время было перемиріе, войска голодали, и гвардія разговѣлась картофелемъ, который отыскали въ ямахъ. Жители умирали съ голоду. Кампанія продолжалась, слава Богу, недолго; послѣ многихъ стычекъ, главнокомандующій Бенигсенъ вынужденъ былъ дать сраженіе подъ Фридландомъ, окончившееся для насъ дурно. Рѣка была сзади; мосты были зажжены не въ свое время, и отъ того часть войска должна была переходить вплавь, другая же осталась на той сторонѣ и была взята въ плѣнъ. Вообще былъ безпорядокъ. Гвардію поставили подъ ядра, такъ что мы безъ драки потеряли много людей. Мы ретировались, и переходъ нашъ съ малыми привалами въ 80 верстъ измучилъ насъ; грязь была такая, что многіе пришли даже безъ сапогъ. Послѣдовало перемиріе и Тильзитской миръ. Такъ много было писано о свиданіи Государя съ Наполеономъ, что мнѣ писать объ этомъ лишнее.

Возвратились въ Петербургъ. Новаго привезли: новые марши для музыки, новые бои для барабанщиковъ. Червонецъ съ 3-хъ р. асс. поднялся до 12-ти руб. ассиг. Скоро потомъ отмѣнили пудру, что̀ насъ очень обрадовало, и перемѣнили форму киверовъ.

Меня произвели въ портупей-прапорщики, т. е. вмѣсто тесака я надѣлъ шпагу съ темлякомъ. Но къ несчастію, въ это время вышло прика-

азніе не производить въ офицеры прежде выслуги двухъ лѣтъ. Въ нижнемъ чинѣ мы такъ служили два года. Носили на парадахъ знамена, чтó было очень трудно, особенно въ дурную погоду. Жили мы близъ полка на квартирѣ съ Степаномъ Петровичемъ Жихаревымъ [4]). Онъ тогда считался литераторомъ, сочинялъ куплеты и переводилъ водевили для актеровъ, которые къ намъ часто ходили. Тогда въ славѣ были: трагикъ Яковлевъ, теноръ Самойловъ. Я также помогалъ ему въ переводахъ, но даромъ, по дружбѣ актеровъ и актрисъ. Тогда была большая строгость, и мы не имѣли права ѣздить на извощикахъ и ходить въ театръ. Но я досталъ парикъ, наклейные бакенбарды и ходилъ въ раекъ, который стоилъ 25 коп. мѣдью. Меня познакомилъ Жихаревъ съ кн. Ал. А. Шаховскимъ и баснописцемъ Крыловымъ; я также написалъ басню и кропалъ стихи, но какъ они были очень плохи, то я, слава Богу, понялъ, что писать не долженъ.

Разъ Самойловъ принесъ мнѣ кресло въ свой бенефисъ, и я рѣшился имъ воспользоваться, надѣлъ свой маскарадный костюмъ и сѣлъ въ 3-мъ ряду. Каково было мое положеніе, когда подлѣ меня сѣлъ штабсъ-капитанъ Сергѣй Семеновичъ Волчковъ! Сколько я отъ него ни отворачивался, но наконецъ онъ со мною заговорилъ и увѣрялъ, что я очень похожъ на портуп.-прапорщика Муромцова, на чтò я отвѣчалъ ему, что это мой младшій братъ и что я только что пріѣхалъ изъ Москвы. Хотя комедія была хорошо сыграна, однако Волчковъ на другой день, вступая въ караулъ, подошелъ ко мнѣ и совѣтывалъ быть осторожнѣе.

Къ намъ назначили полковымъ командиромъ коменданта ген. Башуцкаго, прославившагося своею глупостію. Но, право, онъ былъ не такъ глупъ и командовалъ полкомъ хорошо; про него есть много анекдотовъ, и кто бы ни сдѣлалъ глупость, ему ее приписывали.

Разъ при спускѣ корабля онъ сталъ такъ, что на его голову капала вода, а потому онъ и ушелъ, на чтò А. Л. Нарышкинъ сказалъ: l'eau qui tombe goutte à goutte perce le plus dur rocher [5]). Чтобы узнать градусы холода, онъ приказывалъ вносить термометръ къ себѣ въ комнату, отъ чего ошибался, отдавая приказъ для парада, такъ какъ свыше 10-ти градусовъ мы должны были безъ церемоніи выходить въ шинеляхъ.

Разъ хвастался онъ новою шляпою. А. Л. Нарышкинъ, который былъ извѣстенъ какъ острякъ, отвѣчалъ ему, что это вовсе неудивительно, такъ какъ эта шляпа всегда на болванѣ.

---

[4]) С. П. Жихаревъ былъ тоже Данковскій помѣщикъ. П. Б.

[5]) Вода, падающая по каплѣ, пробиваетъ самую крѣпкую скалу.

Четвертый періодъ.

Въ 1809-мъ году въ Мартѣ мы были произведены въ офицеры. Намъ дана была квартира въ Измайловскомъ полку въ офицерскихъ казармахъ въ домѣ называющемся, по прежнему владѣльцу его, Гарновскаго, у Измайловскаго мосту. Квартира состояла на двухъ насъ съ братомъ изъ трехъ комнатъ, кухни и конюшни на 4 стойла.

Я по своей охотѣ бросился въ свѣтъ, а братъ Петръ, также по призванію, сидѣлъ дома, или ежедневно ходилъ къ Евгеніи Михайловнѣ Твороговой (жена старика флигель-адъютанта). Онъ былъ съ нею очень друженъ, а я только ѣздилъ къ ней обѣдать, что̀ было очень хорошо, потому что дома мы не имѣли средствъ чтобы порядочно ѣсть. У нея жилъ нашъ поваръ, которому братъ заказывалъ обѣдъ, особенно хорошій, когда меня ожидали, что̀ было почти каждый день.

Братъ былъ весь привычка. Хотя Евгенія Михайловна была вовсе нехороша собой, но онъ съ нею не скучалъ и проводилъ цѣлые дни; а она была рада имѣть молодаго друга.

Матушка присылала намъ денегъ едва достаточно для обмундировки. Но для меня этого было недостаточно, ибо мнѣ нужна была карета и четыре лошади: тогда bon-ton не терпѣлъ пары лошадей. Разными изворотами я завелъ карету, дрожки и четыре лошади. Мое знакомство распространилось; меня ввели въ домъ А. А. Нарышкина, высоко-аристократическій домъ. Кромѣ высшаго сословія, у него была еще комната для игроковъ, гдѣ играли въ кости, и я тамъ часто выигрывалъ. Такимъ образомъ я попалъ въ замѣчательные офицеры. Такъ какъ офицеровъ имѣвшихъ кареты было мало, то ко мнѣ являлись товарищи по утру, и я давалъ мѣсто въ моей каретѣ, что́ кажется пустяки, а придавало много вѣсу. Такимъ образомъ время шло благополучно.

Лѣтомъ 1809-го года завелось общество, занимавшееся военными науками. Мы собирались у нашего поручика Мих. Ал. Фонъ-Визина. Тутъ бывали Дибичъ, Березинъ, графъ Дамасъ, Спиридовъ и многіе, которыхъ не упомню. Читали Commentaires de César, Семилѣтнюю войну Фоларда и Вобана. Всѣ чувствовали, что война будетъ неизбѣжна, а потому множество офицеровъ стали заниматься военными науками.

Командующій полкомъ Башуцкій приглашалъ по-очереди офицеровъ къ себѣ на дачу обѣдать. Разъ пригласилъ онъ меня и Фонъ-Визина. Мы конечно говорили съ нимъ смѣлѣе, нежели онъ желалъ. Смѣялись, шутили, и такъ какъ онъ не слишкомъ-то былъ свѣдущъ, то мы ему вздоръ говорили объ исторіи. Мы сидѣли за круглымъ столомъ. Мнѣ вздумалось увѣрять, что

въ Греціи сажали за круглый столъ, потому что во время обѣда всѣ равны между собою, а кругъ не имѣетъ ни начала, ни конца. Это Башуцкаго видимо взбѣсило. Впослѣдствіи онъ уже насъ не звалъ, и офицеры сказывали, что круглаго стола больше никогда не ставили.

Кругъ нашъ прибавился А. А. Вельяминовымъ и П. А. Рахмановымъ, людьми замѣчательными. Они издавали Военный Журналъ. Этому обществу я много обязанъ тѣмъ малымъ образованіемъ, какое пріобрѣлъ Тактика вошла уже въ моду. Вдругъ мы читаемъ въ приказѣ, что я и Фонъ-Визинъ командируемся въ Финляндію, гдѣ находился второй баталіонъ нашего полка. Башуцкій думалъ сдѣлать намъ этимъ переводомъ великое зло. Мы же этому обрадовались, потому что война еще не была кончена, и мы надѣялись попасть въ дѣло. Насъ выслалъ Башуцкой изъ Петербурга, вѣроятно за наши вольныя рѣчи, или за общество. Богъ знаетъ; но онъ, какъ человѣкъ необразованный, терпѣть не могъ хорошихъ офицеровъ, особенно имѣющихъ карету. Ѳедора Васильевича Самарина онъ ненавидѣлъ именно за карету и за репутацію ученаго офицера, чего онъ и не скрывалъ. За его невѣжливость офицеры сдѣлали, наконецъ, заговоръ и начали по закону, всѣ безъ исключенія, черезъ день подавать прошенія въ отставку. Но Государь дѣло остановилъ и, пропустя нѣкоторое время, опредѣлилъ къ намъ полковымъ командиромъ полковника Храповицкаго. Эта исторія оборвалась на мнѣ и Фонъ-Визинѣ, т. е. насъ отослали въ Финляндію въ Маѣ 1809-го года.

Мы пріѣхали въ Або, прекрасный и веселый городъ. Тамъ стояла главная квартира, нашъ баталіонъ и гвардейскій егерскій. Арміей командовалъ Барклай-де-Толли. Нашъ баталіонный командиръ былъ полковникъ Петръ Ѳедоровичъ Желтухинъ, деспотъ и невѣжливый. Мы почуяли, что и тутъ намъ будетъ не хорошо. Онъ былъ увѣдомленъ о причинахъ нашего перевода.

Я немедленно написалъ матушкѣ, чтобъ она черезъ Маргариту Александровну Волкову (ее тетку) просила о назначеніи меня адъютантомъ къ князю С. Ѳ. Голицыну, который командовалъ союзною съ Польскими войсками арміею въ Галиціи противъ Австріи.

Въ Або мы жили очень весело. Корпусъ офицеровъ, особенно гвардіи егерскаго полка, былъ прекрасный. У Барклая были балы, не отличавшіеся угощеніемъ, но очень веселые; освѣщенія не было, потому что день былъ почти всю ночь. Шведки очень красивыя женщины. Онѣ приходили пѣшкомъ и перемѣняли обувь въ передней. Танецъ народный былъ Шведскій, кадриль, совершенно схожій съ Французскимъ, и я танцовалъ его до упаду.

Рано утромъ весь городъ пѣшкомъ ходилъ на минеральный колодезь въ двухъ верстахъ отъ Або; тамъ послѣ пасторской рѣчи начинали пить воду и качаться на доскахъ въ видѣ скамеекъ. Зала раздѣлялась чертою меломъ для дамъ и мужчинъ. Кто переходилъ черту, платилъ штрафъ одну копѣйку. Русскіе ввели и тутъ Славянскій безпорядокъ, переходили черту и платили штрафъ. Это время было перемиріе со Шведами. Я досталъ себѣ Шведскую грамматику и такимъ образомъ скоро научился объясняться на этомъ языкѣ. Все бы шло хорошо, еслибы не притѣсненія Желтухина. Къ счастію моему, я былъ поддержанъ Ник. Ник. Раевскимъ и полковникомъ А. В. Воейковымъ, адъютантомъ Барклая.

Барклай посылалъ часто гвардейскихъ офицеровъ съ деньгами въ разные корпуса войскъ, и я былъ разъ посланъ въ Куопіо на Сѣверъ, гдѣ я видѣлъ почти цѣлую ночь солнце.

Непріятности съ Желтухинымъ продолжались и кончились бы для меня очень дурно, какъ вдругъ читаемъ въ приказѣ о назначеніи меня адъютантомъ къ князю Голицыну. Радость моя была несказанна; даже всѣ офицеры радовались этому назначенію, на зло Желтухину, котораго терпѣть не могли.

Я немедленно уѣхалъ въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ 9-го Августа, день мнѣ очень памятный, потому что Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій праздновалъ свои имянины въ лагерѣ, гдѣ меня обворожила его жена, что́ задержало меня въ лагерѣ цѣлую недѣлю, и я бы еще остался, но фельдъегерь пріѣхалъ за мною и привезъ меня къ графу Аракчееву. Офицеры полка меня проводили, Храповицкая пожалѣла; въ полку меня любили.

Графъ Аракчеевъ (всемогущій) приказалъ мнѣ явиться на другой день за депешами. Я являюсь; отдавая ихъ мнѣ, графъ самыми грубыми словами объявилъ, чтобъ я не болталъ лишняго и велѣлъ казаку проводить меня до заставы, дозволивъ мнѣ заѣхать взять свои вещи. Подорожная и прогоны были поручены казаку, который на заставѣ мнѣ ихъ отдалъ, не дозволивъ мнѣ укладываться болѣе часа.

Я поскакалъ на курьерскихъ въ почтовой телѣжкѣ. Едва живой доѣхалъ до Луги по деревянной, скверной мостовой; хотѣлъ отдохнуть нѣсколько часовъ. Почтмейстеръ далъ мнѣ отдыху едва одинъ часъ и требовалъ, чтобы я ѣхалъ. До Пскова опять ѣхалъ по деревяшкамъ; но молодое тѣло привыкло, и я, не останавливаясь, ѣхалъ на Гродно, Лембергъ, проѣхалъ всю Галицію и нашелъ князя въ Тарновѣ.

Князь принялъ меня весьма милостиво; онъ былъ уже лѣтъ 70-ти. Въ молодости служилъ хорошо и храбро противъ Турокъ. Большихъ военныхъ способностей не имѣлъ, но для этой войны, болѣе политической, онъ совершенно понималъ свое положеніе.

По настоянію Наполеона мы были противъ Австрійцевъ въ подкрѣпленіе Польской арміи, командуемой княземъ Понятовскимъ. Австрійцы заставили его ретироваться, и ему было бы весьма дурно, ежели бы они его преслѣдовали, но тогда мы двигались впередъ: Австрійцы отходили, и мы возвращались безъ боя на прежнія квартиры.

Послѣ дѣлъ въ Австріи было перемиріе, и всѣ войска наши заняли Галицію отъ Лемберга до Кракова, гдѣ находился нашъ авангардъ, командуемый молодымъ княземъ Суворовымъ.

Я былъ посланъ къ нему съ приказомъ, во что̀ бы ни стало занять Краковъ. Онъ зналъ движеніе Польской арміи, которая тоже спѣшила занять его. Намъ оставалось нѣсколько переходовъ; Поляки же были ближе. Суворовъ подхватилъ конную батарею, два гусарскихъ полка и на рысяхъ, безъ остановки, прибылъ къ Кракову съ этой стороны, въ тоже время какъ князь Понятовскій въѣзжалъ съ корпусомъ войскъ по ту сторону. Оба командира съѣхались на площади, съ тою разницею, что Поляки въ большемъ числѣ, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею, а мы всего съ шестью орудіями и тремя эскадронами (прочіе отъ усталости остались на дорогѣ). Тогда князь Суворовъ объявилъ, что займетъ половину города, а другую половину предоставляетъ князю. Понятовскій указалъ ему на свое войско и объявилъ, что онъ на это не согласенъ. Князь Суворовъ отвѣчалъ, что онъ будетъ сопротивляться силою, но такъ какъ у насъ войскъ мало, то онъ будетъ считать занятіе силою какъ личную обиду, и будетъ стрѣляться съ княземъ на смерть. „Вы должны знать, князь, что политическое положеніе заставляетъ насъ уступить; но въ этомъ случаѣ я не потерплю уничиженія, потому что моя честь тутъ страдаетъ". По многимъ переговорамъ князь Понятовскій уступилъ. Мы заняли половину площади и половину города, разставили караулы и полки по квартирамъ.

Итакъ, князь Суворовъ личною храбростію выигралъ важный процессъ, и за нами осталась вся часть Галиціи, которая приносила намъ множество доходовъ. Соляныя копи въ Бохнѣ, Величкѣ производили множество соли которую мы продавали въ свою пользу. Главнокомандующій былъ очень обрадованъ занятіемъ Кракова, особенно когда я ему передалъ всю эту исторію.

Въ Тарновѣ жило семейство Сангушки; у нихъ на воспитаніи были двѣ сестры графини Потоцкія, музыкантши и высокаго образованія. Намъ было очень весело. Адъютанты со мною были графъ Полиньякъ, Обрѣзковъ, А. А. Панчулидзевъ и Н. М. Исленьевъ.

Скоро князь Голицынъ опять меня командировалъ къ князю Суворову въ Краковъ, откуда я долженъ былъ доносить въ случаѣ какихъ-либо встрѣчающихся обстоятельствъ между княземъ Суворовымъ и Понятовскимъ, секретно. По пріѣздѣ моемъ въ Краковъ, князь Суворовъ отвелъ мнѣ помѣщеніе въ своемъ домѣ, подлѣ самой своей спальни. Поведеніе его съ кн. Понятовскимъ было совершенно свободное. Онъ часто принималъ его безъ доклада, раздѣтый, и такимъ образомъ они очень сблизились.

Графиня Вельепольская, красавица, баронесса Раутенштраухъ, гр. Потоцкая, Чосницкая давали обѣды, вечера, и всегда князь былъ приглашаемъ съ Понятовскимъ, также и я съ нимъ. Князь Суворовъ былъ совершенный красавецъ; едва пухъ на бородѣ, пѣлъ прекрасно и имѣлъ все, чтобы нравиться дамамъ, особенно Полячкамъ весьма падкимъ.

Суворовъ отбилъ любовницу князя Понятовскаго Скодницкую, но дѣло обошлось миролюбиво. Поляки совращали нашихъ солдатъ деньгами, но войско такъ предано было Суворову, что очень мало было дезертировавшихъ; въ другихъ же корпусахъ, хотя далеко стоявшихъ отъ Польскихъ войскъ, много людей дезертировало, но подъ конецъ Поляки должны были ихъ всѣхъ выдать.

Когда пришла вѣсть о мирѣ, данъ былъ въ Краковѣ балъ въ Сукеницахъ: это зала, гдѣ продавалось сукно. Балъ стоилъ много денегъ, пожертвованныхъ Поляками. Освѣщеніе, убранство были превосходны. Вся Польская знать съѣхалась, между ними множество прекрасныхъ женщинъ. Фанатизмъ ихъ такъ былъ великъ, что первыя дамы выводили простыхъ солдатъ и танцовали съ ними Польскій.

Князь украсилъ меня большимъ, брильянтовымъ отцовскимъ, Мальтійскимъ крестомъ, отъ котораго я на балѣ игралъ непослѣднюю роль. Кромѣ мазурки много танцовали Французской кадриль, и я, смѣю сказать, танцовалъ очень хорошо. Тогда требовали прыжки, антрша, разныя па, надъ которыми теперь смѣялись бы; ихъ только употребляютъ въ bal mabile.

Наконецъ пріѣхали два адъютанта Наполеона съ мирными трактатами. Велико было разочарованіе Поляковъ. Они ожидали возстановленія Польши, но она осталась все въ томъ же положеніи.

У Суворова была съ собою псовая охота съ гончими и борзыми. Самъ князь Понятовскій и множество офицеровъ Польской арміи выѣзжали съ нами охотиться.

Наконецъ, войска выступили, и я возвратился въ Тарновъ, откуда вскорѣ кн. Голицынъ переѣхалъ въ Лембергъ, гдѣ ожидалъ прохода войскъ къ границѣ, въ Тарнополь, область доставшуюся намъ отъ Австріи въ вознагражденіе. Въ Лембергѣ мы стояли около мѣсяца. Когда были получены кн. Голицынымъ оффиціальныя извѣстія о мирѣ, привезенныя отъ Наполеона его адъютантами гр. Флаго и Лагранжемъ, а отъ Австрійскаго императора графомъ Сенъ-Жульеномъ, то князь немедленно отправилъ меня курьеромъ въ Турецкую армію съ извѣщеніемъ къ князю Багратіону, который стоялъ за Дунаемъ въ г. Гирсовѣ.

Мнѣ даны были прогоны червонцами; а курсъ гульденовъ упалъ, такъ что мнѣ размѣняли червонецъ на 160 гульденовъ, тогда какъ нарицательная цѣна была 5⅓ гульд., а Австрійская почта обязана была брать по прежнему, то и вышло, что у меня осталось множество денегъ отъ прогоновъ.

Я ѣхалъ на Буковину, Молдавію и Валахію. Австрійское правительство до такой степени было подозрительно, что на границѣ прикомандировали ко мнѣ Венгерскаго офицера, который долженъ былъ надзирать за мною и не допускать меня до сообщенія съ жителями.

Во всякомъ городкѣ списывали мой паспортъ, распрашивали куда я ѣду, за чѣмъ. Въ Станиславовѣ я долженъ былъ явиться къ командующему войсками, который еще болѣе замутилъ меня распросами. Я ему жаловался на непріятныя остановки властями, но не получилъ удовлетворенія. Онъ мнѣ объявилъ, что эти мѣры имъ предписаны по волѣ начальства.

Наконецъ въ Черновицѣ, т. е. на границѣ Молдавіи, я разстался съ моимъ шпіономъ и встрѣченъ уже былъ нашими. Въ Яссахъ я остановился на нѣкоторое время, былъ у гражданскаго правителя области С. С. Кушникова и продолжалъ путь на Батушаны, Бухарестъ, въ Гирсово. Не доѣзжая до Дуная за 150 верстъ, долженъ я былъ ѣхать верховой почтой, и, перемѣняя на каждой станціи казачью лошадь, ѣхалъ такимъ образомъ очень скоро. Переѣхавъ Бузео, я къ счастію моему нашелъ въ монастырѣ Петра Ив. Бибикова, который стоялъ тамъ съ коммиссаріатскою коммиссіею. Я говорю къ счастью моему, потому что былъ голоденъ, болѣе сутокъ не ѣвши ничего кромѣ яблокъ: у жителей, которыхъ очень рѣдко можно было встрѣтить, я ничего не могъ достать. Всѣ деревни были разорены, жи-

тели ихъ покинули, и остались только огромныя стада голодныхъ собакъ, которыя были довольно опасны. Но такъ какъ по дорогѣ валялось много мертвыхъ лошадей и воловъ, то онѣ на проѣзжихъ не бросались.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ Гирсово и не медля явился къ главнокомандующему кн. Багратіону. Онъ жилъ въ низенькомъ Турецкомъ домикѣ; окна у него были вдѣланы изъ его дормеза; ибо тогда (думаю, что даже и теперь) у жителей были вмѣсто стеколъ пузыри.

Онъ принялъ меня чрезвычайно благосклонно. Во время чтенія бумагъ велѣлъ подать мнѣ обѣдъ, и послѣ того распрашивалъ обо всемъ. Я ему долженъ былъ разсказать всю кампанію отъ начала до конца.

Это было въ началѣ Декабря; хотя морозовъ и не было, но сырая погода, туманы и холодныя ночи были очень непріятны. Въ продолженіи пути мнѣ случалось ночевать съ казакомъ въ стогѣ сѣна, сбиваясь отъ темноты съ дороги. Мнѣ отвели какую-то лачужку, холодную, сырую; но утомленный я выспался очень хорошо.

На другой день я познакомился съ маіоромъ Миллеромъ, Колыванскаго полка, къ которому у меня было письмо отъ его сослуживца. Лагерь былъ недалеко отъ главной квартиры и помѣщался весь въ землянкахъ. У офицеровъ онѣ были обвѣшаны внутри полами палатокъ; въ бокахъ были сдѣланы двери и вмѣсто печей топились собираемой солдатами въ поляхъ травой. Главное неудобство было это множество блохъ, такъ что Миллеръ вынужденъ былъ послать за солдатомъ-знахаремъ. Онъ пришелъ, положилъ на земь пучекъ травы, куда взобралось ихъ множество, вынесъ ее и кинулъ въ воду. Онъ ходилъ по приглашенію по всему лагерю, и подобная операція повторялась почти каждый день. Воловьи фуры привозили фуражъ и, придя въ лагерь съ половиною того, чтó было нагружено, съѣдались, а каруцы или телѣги рубились на дрова. Голодъ войска дошелъ до того, что два эскадрона кавалеріи были розданы въ роты, гдѣ изъ лошадей варили бульонъ; и я не могу сказать, чтобъ онъ, съ брошенной въ него крупой, былъ непріятнаго вкуса. Государь непремѣнно до весны не приказалъ переходить на эту сторону Дуная, чтобы не дать Туркамъ причины думать, что мы ретируемся.

Черезъ недѣлю князь Багратіонъ получилъ извѣстіе, что Браиловъ и Измаилъ сдались. Онъ непремѣнно самъ желалъ туда ѣхать. Графъ Строгоновъ и князь Трубецкой сѣли съ нимъ въ коляску, а я и адъютанты поѣхали верхами. Отъѣхавъ верстъ 10, вдругъ шкворень выскочилъ, и князь ударился носомъ въ передокъ и попалъ на гвоздь, отчего кровь хлынула

и заставила его воротится опять въ Гирсово. Все лицо его распухло, а особенно носъ его, и безъ того огромный, былъ страшенъ.

Проживъ еще недѣлю, меня отправили обратно къ князю Голицину. По дорогѣ я встрѣтилъ графа Каменскаго, посланнаго на смѣну князя Багратіона.

Я ѣхалъ тѣмъ же путемъ. Въ Австрійскихъ владѣніяхъ имѣлъ тѣже непріятности. Узналъ отъ офицеровъ, что наша армія изъ Лемберга перешла въ Тарнополь, гдѣ и находилась главная квартира, направился прямо туда и благополучно прибылъ. Привезъ Турецкаго табаку въ мѣшкахъ, на которыхъ была надпись на имя главнокомандующаго князя С. Ѳ. Голицына: иначе Австрійскія начальства его бы у меня конфисковали. Нѣсколько дней я долженъ былъ пересказывать князю все видѣнное мною въ нашей Турецкой арміи, жалкое ея и голодное состояніе.

Января 7-го числа 1810 г. я былъ дежурнымъ. Въ семь часовъ вечера всегда собирались къ князю генералы, штабъ-офицеры, и онъ игралъ въ шахматы. (Графъ Кутайсовъ и князь В. Ю. Долгорукій были его партнерами). За полчаса я и Сергѣевъ (правитель канцеляріи) были у него, и въ то время когда князь заставилъ меня указывать границу новопріобрѣтенной области, вдругъ онъ поднялся съ дивана и опять упалъ. Я съ Сергѣевымъ бросился къ нему, но онъ былъ уже мертвъ. Съ ординарцами перенесли мы его на кроват. Явился докторъ Вальтеръ; но всѣ средства, имъ употребляемыя, доказали только, что князь скончался. Команду принялъ князь Суворовъ. Въ Петербургъ былъ посланъ фельдъегерь.

На другой день послѣ смерти его мы получили извѣстіе, что князь назначенъ членомъ въ Государственный Совѣтъ; въ надгробной надписи было это прибавлено къ прочимъ его титуламъ и орденамъ. Его бальзамировали, положили на катафалку и ожидали повелѣнія изъ Петербурга. Родные его испросили дозволеніе отвести тѣло его въ Саратовскую губернію, въ село Зубриковку, чтобъ положить его въ родовой склепъ.

Насъ, троихъ адъютантовъ, командировали къ тѣлу, и мы на почтовыхъ отправились черезъ Волынь, Курскъ и, пробывъ болѣе трехъ недѣль въ дорогѣ, привезли тѣло благополучно въ Зубриковку, Балашовскаго уѣзда, гдѣ уже были собраны всѣ его сыновья, изъ которыхъ одинъ только князь Ѳедоръ былъ женатъ на княжнѣ Прозоровской.

Схоронили, разъѣхались, и всѣ адъютанты отправились черезъ Москву и Петербургъ въ свои полки.

Пятый періодъ.

Такъ кончились двѣ кампаніи безъ боя, но весьма веселыя, особенно Польская. Не могу забыть множество разнообразныхъ удовольствій! Товарищи были прекрасные. Князь Голицинъ, какъ старый Русскій баринъ, былъ добръ въ своемъ съ нами обращеніи. Въ Краковѣ было много дуэлей; отличались нашихъ трое гусарскихъ офицеровъ: Вольфъ, Бартеневъ и Полозовъ. Въ Тарновѣ между товарищами былъ адъютантъ графа Кутайсова, Арнольди, храбрѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, въ послѣдствіи отличавшійся во всѣхъ войнахъ.

Хотя нельзя назвать кампаніей посылку мою за Дунай къ кн. Багратіону, но она была для меня самою трудною службой. Молодость только могла спасти меня! Перебирая прошедшее время съ 1809 года отъ 5-го Августа (день отъѣзда моего изъ Або), въ шесть мѣсяцевъ проѣхалъ я: въ Петербургъ, въ Краковъ, за Дунай въ Гирсово, обратно въ Тарновъ, потомъ съ тѣломъ князя въ Саратовъ и въ Москву и обратно въ Петербургъ—составляетъ 6 тысячъ верстъ. Времени прошло немного, а похожденій множество. Нѣкоторыя я помнилъ и описалъ, а много и позабылъ.

Изъ Зубриловки я пріѣхалъ въ Москву. Заѣзжалъ въ Бáловнево, но матушки тамъ уже не засталъ. Она уѣхала въ Москву, куда и я немедленно отправился. У насъ былъ собственный домъ у Яохова моста, купленный у графа Пушкина. Онъ былъ на прекрасной мѣстности, потому что цѣлый фасадъ окошками выходилъ съ одной стороны на прекрасный Англійскій садъ, съ водами, растительностью и цвѣтами. На другой половинѣ во весь домъ была оранжерея. Входъ въ нея былъ изъ залы, раздѣлявшейся съ нею окошками, чтò составляло какъ бы одну комнату. Матушка была большая охотница до цвѣтовъ и жила очень открыто.

Въ настоящее время край этотъ оставленъ, и послѣ 1812 года начали строиться ближе къ Кузнецкому мосту, Тверской и т. д. Но въ то время было множество аристократическихъ домовъ, начиная съ Басманныхъ и даже до Гороховаго поля. Всѣ родные наши жили близко.

Зима въ Москвѣ была очень весела и шумна, балъ за баломъ. Иногда даже по три въ одинъ день, и я попадалъ на каждый изъ нихъ, къ Пашковымъ, В. С. Шереметеву, къ М. И. Корсаковой. Къ однимъ ѣхалъ ранѣе, а къ другимъ позже; къ М. И. Корсаковой можно было пріѣхать очень поздно, потому что у нея плясали до разсвѣту.

Тогда не требовались на балъ такіе расходы, какъ нынче. Освѣщеніе было слабое, такъ что отъ одного конца залы до другаго нельзя узнать другъ друга. Ни земляники, ни дорогихъ грушъ; ужинъ же посредственный. Освѣщеніемъ однако отличались балы М. И. Корсаковой. Дядя Ал. Ал. Волковъ былъ женатъ на ея дочери Софьѣ Александровнѣ, слѣдственно я въ домѣ былъ какъ свой. Онъ меня ввелъ во многіе дома и познакомилъ между прочимъ съ Позняковымъ, у котораго былъ театръ съ домашней музыкой, актерами и актрисами. Съ ними мы, по окончаніи спектакля, забавлялись.

Всѣ адъютанты кн. Голицына были въ Москвѣ: графъ Полиньякъ, Исленьевъ, Алмазовъ и я; и мы, какъ пріѣзжіе изъ Польши, завели мазурку, настоящую въ четыре пары, съ прихлопываньемъ шпорами; становились на колѣни, обводили около себя даму и цѣловали ея руку. Французская кадриль нигдѣ еще не танцовалась. Экосезъ - кадриль, называемый Русскій съ вальсомъ; вальсъ en trois temps, и балъ оканчивался à la grecque со множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парою, и оканчивалось обыкновенно бѣготней попарно по всѣмъ комнатамъ, даже въ дѣвичью и спальни. Бальная музыка была весьма плоха, однообразна, а вальсъ въ два колѣна. Зима подходила къ концу, а мы и не думали возвращаться въ Петербургъ.

Комендантъ Гессе, по своей добротѣ, смотрѣлъ на насъ снисходительно. Наконецъ, онъ получилъ строгое повелѣніе всѣхъ насъ выслать, и мы выѣхали. Я явился къ своему Измайловскому полку, которымъ тогда уже командовалъ не Башуцкой, а полковникъ Храповицкой, ко мнѣ весьма благосклонный. Я соединился съ братомъ Петромъ, и мы зажили въ казармахъ

Опять по прежнему потекла Петербургская жизнь; братъ былъ ежедневно у Твороговой, а я пустился въ свѣтъ.

Главные знакомые дома были Е. И. Кутузовой, къ которой собирались ея дочери: Толстая, Хитрово (бывшая Тизенгаузенъ), княгиня Кудашева (во второмъ бракѣ Сорочинская), Опочинина. У князя Ѳ. С. Голицына бывали прекрасные балы, и я, бывъ у его отца адъютантомъ, былъ коротокъ со всѣми Голицыными. У А. Л. Нарышкина также бывалъ на вечерахъ.

Служба фронтовая, хотя и скучная, но вознаграждалась другими удовольствіями. Театръ Французскій и Нѣмецкій были очень хороши, особенно же первый; ѣздить въ кресла было bon-ton, и я рѣдко манкировалъ.

Въ театръ Эрмитажа ѣздилъ почти всякое Воскресенье съ билетомъ тётокъ Волковыхъ, которыя, какъ фрейлины, получали постоянно билеты.

Когда бывали балы во дворцѣ, то я почти также всегда на нихъ бывалъ, потому что съ полка дѣлался нарядъ офицерамъ: а такъ какъ я танцовалъ хорошо и имѣлъ карету, то всегда назначался.

Тогда во дворецъ на балъ ѣздили въ короткихъ штанахъ и башмакахъ. Въ 1811-мъ году въ первый разъ во дворцѣ начали вводить Французской кадриль; и такъ какъ кавалеровъ было очень мало, то и я попалъ вмѣстѣ съ Балабинымъ, М. Орловымъ и Лагрене (изъ Французской миссіи) въ кадриль. Насъ обступала царская фамилія. Конечно, талантъ этотъ былъ ничтожный, но тогда въ мои лѣта казался великимъ отличіемъ.

Лѣто 1811-го года начиналось грустно. Всѣ предчувствовали войну. Появилась комета; солдаты, стоя въ караулѣ и смотря на нее, предсказывали великія бѣдствія.

Возникла исторія Сперанскаго и Н. З. Хитрова, у которыхъ нашли переписку съ Коленкуромъ. Посланникъ этотъ держалъ себя гордо, и съ нимъ было у офицеровъ нѣсколько непріятностей; а такъ какъ послѣ сего послѣдовали аресты, то офицеры злились, чувствуя какое-то уничиженіе, чтó производило общее уныніе.

Государь былъ съ офицерами очень милостивъ, а великій князь Константинъ не смѣлъ дѣлать тѣхъ непріятностей, какъ прежде. Мы начали по утрамъ опять съѣзжаться у Фонъ-Визина и заниматься военными науками. Дибичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) читалъ намъ Семилѣтнюю войну. Въ это же время Д. Давыдовъ написалъ: „Жомини, да Жомини, а объ водкѣ ни полслова“.

Со мною былъ случай, который могъ разрушить всю мою карьеру. Разъ послѣ завтрака у князя Голицына, мы вышли на дворъ играть въ свайку. На дворѣ стояла ямская карета. Гурьеву вздумалось сѣсть верхомъ на подсѣдельную, я сѣлъ на козлы, и мы двинулись по двору. Подошли гр. Вельегурской, Сумароковъ (въ то время бывшій еще унтеръ-офицеромъ, впослѣдствіи же ген. адъютантъ и графъ). Кто сѣлъ въ карету, кто сталъ на запятки, закричали пошелъ, и мы выѣхали со двора (это было въ грязной улицѣ), какъ были, во всей формѣ. Насъ, разумѣется, многіе узнали; мы ѣхали по Литейной. На другой день не только публика объ этомъ говорила, но узналъ уже и Государь. Меня и Гурьева позвали къ полковымъ командирамъ къ допросу. Мы съ нимъ не могли запереться, но другихъ никого не выдали, отзываясь незнаніемъ. Насъ обоихъ посадили подъ арестъ; его на главную гаубвахту, а меня на арсенальную, гдѣ караулъ содержали артилеристы. Сидѣлъ я девять дней; мнѣ было нескуч-

но, ко мнѣ часто ходили близко жившіе офицеры; между прочимъ я коротко познакомился съ князьями Горчаковыми. Они были очень обрадованы, особенно же князь Михайло (впослѣдствіи главнокомандующій). У насъ бывали военные диспуты. Со мною же вмѣстѣ былъ посаженъ за политическія мнѣнія какой-то Полякъ (фамилію забылъ), прекрасный музыкантъ, пѣлъ и игралъ на гитарѣ.

Государь, благосклонно принявъ нашу шалость, велѣлъ просто насъ освободить, чего мы никакъ не могли ожидать; меньшее наказаніе могла бы быть выписка въ армію. Но 1811-й годъ смягчалъ сердце начальства: офицеровъ берегли; да къ тому же мой наказанный товарищъ былъ сынъ министра финансовъ, слѣдственно по немъ и меня, вѣроятно, пощадили.

Въ эту зиму въ домѣ Державина было открыто собраніе Русской словесности. Старикъ Державинъ былъ президентомъ; подлѣ него сидѣлъ старикъ А. С. Шишковъ, а секретаремъ Кикинъ. Я былъ при открытіи. Крыловъ читалъ на этотъ случай сочиненную имъ басню Соловей. Она кончается стихами: *Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей*! Читалъ ее онъ прекрасно и произвелъ общій восторгъ.

Домъ Державина былъ очень близко отъ казармъ и я, бывъ знакомъ съ его племянниками Львовыми, былъ приглашаемъ на всякое засѣданіе. Въ этомъ году часть нашихъ казармъ занялъ гвардейскій егерскій полкъ. У нихъ корпусъ офицеровъ былъ составленъ изъ множества молодыхъ, образованныхъ людей; между ними были нѣкоторые Французскіе эмигранты: графы Сенъ-При, Лагардъ, Растиньякъ, все очень замѣчательныя личности; Кривцовъ, Ланскіе, Левшины и пр. Мы и дóма проводили время очень весело. Иногда по вечерамъ собирались къ М. А. Фонъ-Менгдену, который металъ банкъ; тогда онъ былъ просто Фонъ-Менгденъ; теперь же слышу, что дѣти его бароны.

Такъ протекъ 1811-й годъ. Въ началѣ 1812-го уже гласно говорили о войнѣ; извѣстно было, что Французскія войска двигались къ Вислѣ. Но всѣ эти извѣстія нисколько насъ не огорчали; напротивъ того, офицеры и солдаты, всѣ радовались, что будетъ война. Энтузіазмъ былъ общій. Наконецъ, мы выступили въ походъ въ Вильну. Гвардія расположилась около Вильны, а армія по Нѣману по границѣ. Хотя война была вѣрна, но дипломатически еще не была объявлена. Ежедневно ожидали начала военныхъ дѣйствій. Къ примиренью была сдѣлана послѣдняя попытка, и Государь отправилъ Балашова къ Наполеону...

ДОНСКОЙ АТАМАНЪ ГРАФЪ ПЛАТОВЪ ЛЕЙБЪ-МЕДИКУ ВИЛЬЕ.

(1814 г.).

Милостивый государь мой Яковъ Васильевичъ.

Если не затрудню я васъ моею просьбою, то пріятельски прошу васъ, милостивый государь мой, одолжить меня покупкою въ Вѣнѣ пяти паръ сережекъ въ хорошей золотой оправѣ съ изображеніемъ казака, только чтобы изображеніе сіе сходствовало съ природою, какъ вы сами изволите знать; а также пять кольчиковъ въ золотой же оправѣ и съ тѣмъ же самымъ изображеніемъ. Я сейчасъ бы послалъ къ вамъ на сіе деньги, но пересылка оныхъ крайне здѣсь затруднительна; а при свиданіи возвращу я вамъ все то, что̀ они будутъ стоить, съ чувствительнѣйшею моею благодарностію.

Впрочемъ, желая вашему превосходительству отъ всей души моей совершеннаго вамъ здоровья и благоденствія, я молю Бога, чтобы Онъ возвратилъ къ намъ скорѣе и съ успѣхомъ Всеавгустѣйшаго Императора нашего, а съ нимъ и васъ, моего искренняго благопріятеля, удостовѣряя котораго въ истиннѣйшемъ почитаніи и всегдашней преданности, я пребыть честь имѣю навсегда, милостивый государь мой, вашего превосходительства «покорнѣйшій слуга

Графъ Платовъ.

«Естли есть таперь в Вѣнѣ изъ господъ Агличанъ мои приятели, прошу от меня имъ кланятца. Сабля ваша у меня и васъ ожидаетъ» *.

Его превосходительству Я. В. Виллію.

4-го Октября 1814 г. Г. Варшава.

*) Означенное кавычками—своеручно.

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

Воспоминанія Г. Д. Щербачева.

I.

Въ 1840 году я поступилъ на службу въ гвардейскую конную артилерію юнкеромъ. Въ 1843 году, по выдержаніи экзамена въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища (нынѣ Артилерійская Академія), я былъ произведенъ въ офицеры. Мнѣ было тогда около 19 лѣтъ.

Я былъ въ восторгѣ и отъ эполетъ, и отъ шляпы съ бѣлымъ султаномъ, которую носилъ. Я смотрѣлъ на предстоявшую мнѣ жизнь, какъ на рядъ удовольствій и всякаго рода наслажденій; мнѣ казалось, что не было на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня. По производствѣ въ офицеры, я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ и, въ теченіе этого времени, съ утра и до глубокой ночи не бывалъ дôма: утромъ проводилъ время съ товарищами, въ 3 часа дня отправлялся гулять на Невскій проспектъ, а вечеромъ бывалъ въ театрахъ, маскарадахъ и на вечерахъ. Не имѣя никакихъ музыкальныхъ способностей, я, тѣмъ не менѣе, посѣщалъ и Итальянскую оперу, тогда только что открывшуюся въ Петербургѣ, съ знаменитыми артистами Рубини, Тамбурини и Віардо-Гарсіей. Слыша восторженные о нихъ отзывы, я старался также ими восхищаться, хотя пѣніе ихъ не производило на меня никакого впечатлѣнія. Помню, что давали оперу «Севильскій Цирюльникъ». Я пріѣхалъ въ театръ и взялъ мѣсто въ первомъ ряду, такъ какъ въ другихъ рядахъ мѣстъ не было. Проведя передъ тѣмъ двѣ безсонныя ночи, я не могъ устоять отъ сна меня клонившаго и, сознаюсь, былъ на столько профаномъ, что заснулъ въ то время, когда Віардо-Гарсія пѣла романсъ, приводившій въ восторгъ весь Петербургъ; романсъ этотъ былъ, какъ помнится, «Соловей». По несчастію, когда я сплю, то имѣю привычку храпѣть; всхрапнувъ и тутъ, я тотчасъ же проснулся и увидалъ удивленные и насмѣшливые взгляды, обращенные на меня моими сосѣдями, изъ которыхъ одинъ былъ какой-то генералъ. Я до того сконфузился, что готовъ былъ провалиться сквозь

землю. Досидѣвъ до конца дѣйствія, я вышелъ во время антракта изъ театра и болѣе не возвращался.

Вскорѣ, частыя мои посѣщенія театровъ навлекли на меня бѣду. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывши въ Михайловскомъ театрѣ, замѣтилъ, что у одного офицера гвардейской конной артиллеріи, сидѣвшаго въ первомъ ряду креселъ, были длинные волосы, чего онъ не терпѣлъ, видя въ этомъ какой-то особый родъ вольнодумства. На другой же день онъ сказалъ объ этомъ начальнику гвардейской конной артилеріи полковнику Шварцу и велѣлъ доложить ему, кто былъ этотъ офицеръ. Полковникъ Шварцъ собралъ офицеровъ и хотя я былъ коротко остриженъ, но зная, что я часто бывалъ въ театрахъ, онъ рѣшилъ, что офицеръ съ длинными волосами былъ—я. Какъ я не разувѣрялъ его въ этомъ, доказывая свое alibi, но онъ доложилъ Его Высочеству, что съ длинными волосами былъ я, и не прошло послѣ этого одной недѣли, какъ я былъ переведенъ въ батарею, которая находилась эту зиму въ Новогородской губерніи.

Въ гвардейской конной артилеріи было въ то время четыре батареи, которыя стояли: двѣ въ Петербургѣ, одна—въ Новогородской губерніи, въ 3-мъ округѣ пахатныхъ солдатъ, въ казармахъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, и одна въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга на мызѣ Пеллѣ, при селѣ Ивановскомъ. Батарейная батарея имѣла постоянную стоянку въ Петербургѣ, а три легкія батареи стояли по очереди въ Петербургѣ, на мызѣ Пеллѣ и въ Новогородской губерніи. Кромѣ того, въ составъ гвардейской конной артилеріи входили образцовая конная и сводная казачья батареи, которыя зимой находились постоянно: первая въ Царскомъ Селѣ, а вторая въ Новой Ладогѣ. Въ этомъ году, въ Новогородской губерніи стояла 1-я (нынѣ Его Величества) батарея, въ которую я былъ переведенъ и высланъ на службу.

Служба въ этой батареѣ оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Командовалъ ею полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Кнорингъ. Говоря плохо по-русски, онъ былъ въ душѣ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ и имѣлъ много особенностей, свойственныхъ Русскому характеру. Безпечность, беззаботность, неакуратность, отсутствіе низкопоклонства передъ начальствомъ и самое теплое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ составляли главныя его черты, которыя снискали ему любовь всѣхъ офицеровъ, считавшихъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ и лучшимъ изъ батарейныхъ командировъ.

Изъ офицеровъ, служившихъ въ 1-й батареѣ, я болѣе всѣхъ сошелся съ Левинымъ. Проживъ съ нимъ на одной квартирѣ всю зиму, я такъ его полюбилъ, что, до самой его смерти, насъ соединяла самая тѣсная дружба. Левинъ былъ старше меня 4-мя годами, но по пылкости чувствъ и впечатлительности характера его можно было считать моимъ ровесникомъ, хотя мнѣ было всего 19 лѣтъ. Разница между нимъ и мной проявлялась только въ нашихъ взглядахъ на службу. Онъ успѣлъ уже побывать на Кавказѣ въ дѣлахъ съ горцами, а потому, испытавъ боевую жизнь, смотрѣлъ на службу болѣе серьезно, чѣмъ я. Онъ охотно исполнялъ свои служебныя обязанности и считался отличнымъ строевымъ офицеромъ; я же, какъ и всѣ молодые офицеры того времени, не только не любилъ службы, но и считалъ какимъ-то молодечествомъ легко относиться къ служебнымъ обязанностямъ.

Другой офицеръ (старшій въ батареѣ) былъ штабсъ-капитанъ Кельдерманъ, который служилъ прежде въ полевой конной артилеріи и только два или три года передъ тѣмъ былъ переведенъ въ гвардію. Кельдерманъ былъ старше меня 12-ю годами. Хотя онъ пользовался репутаціей хорошаго человѣка и прекраснаго офицера, но его всѣ звали Бурбономъ, такъ какъ онъ вышелъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Въ гвардейской конной артилеріи, въ то время, всѣ почти офицеры были изъ Артилерійскаго Училища, изъ Пажескаго корпуса и изъ юнкеровъ; изъ кадетскихъ же корпусовъ было два или три офицера, которые рѣзко отличались отъ всѣхъ другихъ своими манерами и своимъ воспитаніемъ; надъ ними смѣялись и на нихъ смотрѣли, какъ на выслужившихся вахмистровъ, называя ихъ Бурбонами. И дѣйствительно, офицеры эти, своимъ неумѣніемъ держать себя въ обществѣ и полнымъ незнаніемъ Французскаго языка (который былъ въ большомъ употребленіи не только въ высшемъ, но и въ среднемъ кругу общества) нерѣдко подавали поводъ къ самымъ злымъ надъ ними насмѣшкамъ.

Я помню двѣ выходки одного изъ такихъ офицеровъ. Батарея, въ которой онъ служилъ, пришла на траву послѣ лагеря, въ имѣніе одной помѣщицы, М. С. Мартыновой, принадлежавшей къ высшему Петербургскому обществу. Какъ гостепріимная хозяйка, она радушно принимала у себя всѣхъ офицеровъ батареи. Офицеръ О., имѣвшій о себѣ очень высокое мнѣніе, но принадлежавшій къ числу самыхъ отчаянныхъ Бурбоновъ, желая сказать ей пріятное и видя у ней на рукахъ маленькую собачку, выразился такъ: «Какой у васъ прекрасный песъ, Марья Степановна; нельзя имъ не восхищаться». Отъ этихъ

словъ Марью Степановну покоробило, а офицеры расхохотались. Затѣмъ, Марья Степановна, зная, что О. былъ боленъ, спросила объ его здоровьѣ. О. употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать граціозный поклонъ въ благодарность за оказанное вниманіе и объяснилъ, что его болѣзнь—геморой, отъ котораго онъ страдаетъ только по временамъ, но что въ настоящую минуту онъ совершенно здоровъ. Послѣ такихъ выходокъ, Марья Степановна стала замѣтно избѣгать говорить съ нимъ.

Кельдерманъ былъ не похожъ на этого офицера; онъ умѣлъ держать себя въ товарищескомъ кругу такъ, что всѣ его любили; въ дамскомъ обществѣ онъ бывалъ рѣдко, а если бывалъ, то благодаря своему такту и своей скромности внушалъ къ себѣ симпатію, хотя роль, которую онъ игралъ, была далеко не изъ первостепенныхъ. Не имѣя никакого состоянія, онъ отказывалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, сопряженныхъ съ денежными расходами. Онъ не могъ даже позволить себѣ имѣть хорошій столъ. Офицеры, зная это и обѣдая съ нимъ за однимъ общимъ столомъ, соразмѣряли свои гастрономическія требованія не съ своимъ, а съ его карманомъ; они дѣлали это изъ деликатности и изъ товарищескаго чувства, которое въ то время было гораздо болѣе развито въ военныхъ частяхъ, нежели теперь.

Говоря о Кельдерманѣ, я позволю себѣ сдѣлать маленькій перерывъ въ моемъ разсказѣ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу возникшей въ послѣднее время моды осыпàть похвалами прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ получили, какъ говорятъ, воспитаніе наши лучшіе генералы и традиціями которыхъ мы должны дорожить. Что многіе изъ нашихъ хорошихъ генераловъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, точно также несомнѣнно и то, что всѣ знаменитые іерархи нашей церкви вышли изъ семинарій; но отсюда, однакожъ, нельзя вывесть заключеніе, что семинаріи прежняго времени были образцовыми заведеніями. Чтò относится до традицій, то какія онѣ, я не знаю; но знаю, что одно лицо, знавшее злоупотребленія, дѣлаемыя въ кадетскихъ корпусахъ и принимавшее во время òно дѣятельное участіе въ переименованіи ихъ въ военныя гимназіи, сказало въ оффиціальной рѣчи, что оно желало бы, чтобы, вмѣстѣ съ именемъ корпусовъ, исчезли бы и традиціи ихъ во вновь формируемыхъ заведеніяхъ. Каковы были корпуса прежняго времени, я позволю себѣ уяснить нѣкоторыми примѣрами, взятыми мной изъ разсказовъ моихъ товарищей и лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ.

Всѣ молодые дворяне 40-хъ годовъ стремились служить въ военной службѣ, какъ потому, что служба эта доставляла нѣкоторый почетъ въ обществѣ, такъ и потому, что служебную карьеру можно было составить себѣ почти исключительно служа въ войскахъ. Всѣ высшія государственныя должности, министровъ, сенаторовъ, губернаторовъ давались военнымъ, которые были болѣе на виду у Государя, чѣмъ чиновники гражданскаго вѣдомства. Кромѣ того, военно-дисциплинарная закваска, по понятіямъ того времени, считалась необходимымъ качествомъ каждаго высокопоставленнаго лица; но не всѣ носившіе военный мундиръ пользовались одинаковымъ вниманіемъ властей. Карьеру можно было себѣ составить преимущественно въ строевой службѣ; служба же нестроевая и служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ считались ниже строевой, что̀ можно было видѣть изъ того, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывъ одновременно генералъ-фельдцейхмейстеромъ, начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и командиромъ гвардейскаго корпуса, могъ имѣть 12 адъютантовъ, и всѣ бывшіе при немъ адъютанты были имъ взяты изъ строя; изъ военно-учебныхъ же заведеній и изъ нестроевыхъ артилерійскихъ частей онъ не имѣлъ ни одного адъютанта. Предпочтеніе, оказываемое строевой службѣ передъ службою въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, имѣло, конечно, немалое вліяніе на качество служебнаго персонала въ кадетскихъ корпусахъ. Всѣ наиболѣе способные офицеры стремились служить въ полкахъ; въ кадетскіе же корпуса поступали или мало способные, или болѣзненные, или обремененные большимъ семействомъ, которое не могли содержать, служа въ полкахъ. При такихъ импровизованныхъ воспитателяхъ юношества, воспитательное значеніе корпусовъ было ниже всякой критики. Все воспитаніе было основано на розгахъ. Кадетъ воспитывали въ корпусахъ также, какъ отставной фельдфебель воспитываетъ своихъ сыновей; въ чемъ бы и какъ бы ни провинился мальчикъ, ему давали розги, не разбирая ни степени его вины, ни побужденія къ ней. Случалось подчасъ, что сѣкли и ничѣмъ неповинныхъ кадетъ. Кельдерманъ мнѣ разсказывалъ, что, въ бытность его въ одномъ изъ корпусовъ, директоръ, обходя зданіе корпуса, почувствовалъ въ одномъ помѣщеніи запахъ водки и табака. По сдѣланному осмотру найдено было нѣсколько пустыхъ штофовъ отъ водки и кисетъ съ табакомъ. Директоръ былъ очень строгъ; дежурнаго офицера онъ тотчасъ посадилъ подъ арестъ, а командиру роты, въ помѣщеніи которой найдены были пустые штофы и кисетъ съ табакомъ, онъ приказалъ указать виновныхъ; когда же виновные не нашлись, онъ принялъ слѣдующую, придуманную имъ мѣру: построилъ роту въ залѣ, велѣлъ принести побольше розогъ и, вызвавъ одного изъ лучшихъ

кадетъ, наиболѣе любимаго товарищами, велѣлъ его сѣчь, объявивъ при этомъ, что онъ до тѣхъ поръ будетъ сѣчь, покуда виновные не сознаются. Кончилось тѣмъ, что виновные не сознались, а несчастнаго кадета, почти безъ чувствъ, унесли въ лазаретъ. Этотъ случай обличаетъ, съ одной стороны, отсутствіе въ директорѣ сердца и педагогической подготовки, а съ другой стороны, онъ доказываетъ очерствѣлость чувствъ кадетъ и худо понимаемое ими товарищеское чувство.

О другомъ случаѣ, не менѣе странномъ въ педагогическомъ отношеніи, бывшемъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, мнѣ разсказывалъ самъ директоръ, съ которымъ я былъ знакомъ, когда онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ моемъ сосѣдствѣ, въ деревнѣ. Докладываютъ мнѣ, говоритъ онъ, что, за обѣдомъ, кадеты начали шумѣть вслѣдствіе того, что имъ подали не совсѣмъ свѣжую рыбу. Я тотчасъ же пошелъ въ столовую, велѣлъ наказать (какъ, онъ не сказалъ) зачинщиковъ и распорядился, чтобы экономъ всю недѣлю кормилъ ихъ тухлою рыбой.

Много подобныхъ случаевъ я могъ бы привести изъ воспитательской практики кадетскихъ корпусовъ, но разскажу только одинъ, свидѣтельствующій, какъ низокъ былъ образовательный цензъ дежурныхъ офицеровъ кадетскихъ корпусовъ. Мнѣ разсказывалъ его преподаватель математики Орловской военной гимназіи Гельманъ. Когда въ курсъ кадетскихъ корпусовъ введено было преподаваніе Тригонометріи, кадетамъ очень понравились названія тригонометрическихъ линій: синусъ, тангенсъ и др.; одинъ изъ кадетъ, выходя изъ класса, обратился къ дежурному офицеру и объяснилъ ему, что отецъ его обѣщалъ прислать ему боченокъ соленыхъ синусовъ и сотню копченыхъ тангенсовъ. Экая невидаль, сказалъ офицеръ съ улыбкой: вы можете достать этой дряни, сколько хотите, у Ситникова *).

Своеобразный характеръ директора Орловскаго кадетскаго корпуса, который управлялъ корпусомъ около 20 лѣтъ, можно видѣть и въ слѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Получая по Субботамъ отмѣтки о балахъ, поставленныхъ воспитанникамъ въ теченіе недѣли, онъ отмѣчалъ тѣхъ кадетъ, которые получили штрафные балы и, придя въ корпусъ, подзывалъ къ себѣ каждаго изъ нихъ, дѣлалъ ему замѣчаніе и ударялъ его въ лобъ пальцемъ, на который былъ надѣтъ массивный перстень; послѣ этого удара на лбу кадета появлялось обыкновенно синее пятно, которое служило знакомъ его неуспѣховъ по клас-

*) Фамилія содержателя магазина колоніальныхъ товаровъ, въ Орлѣ.

самъ. Этотъ же директоръ, обходя, одинъ разъ, корпусъ, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе одному изъ служащихъ; этотъ послѣдній оправдывался неимѣніемъ инструкціи и просилъ ее дать на будущее время. Въ порывѣ неудовольствія на служащаго за его неумѣстную просьбу, директоръ объяснилъ все дѣло въ приказѣ по корпусу и прибавилъ, что тѣ изъ его подчиненныхъ, которые позволятъ себѣ обращаться къ нему съ просьбами объ инструкціи, *будутъ анаѳемы прокляты*. При этомъ справедливость требуетъ сказать, что директоръ этотъ былъ добрый и честный человѣкъ и, конечно, при лучшей педагогической подготовкѣ, онъ могъ бы быть весьма полезенъ для заведенія, которымъ управлялъ.

Нѣкоторые думаютъ, что въ корпусахъ была особенно хороша военная дисциплина. Еслибы дисциплина должна была заключаться только въ томъ, чтобы умѣть правильно становиться во фронтъ передъ офицерами и стоять на вытяжку передъ начальствомъ, то этого рода дисциплина была безупречно хороша въ корпусахъ; но если взять во вниманіе вседневную жизнь корпусовъ и вникнуть въ отношенія кадетъ къ офицерамъ, то нельзя не удивляться тѣмъ безобразіямъ, которыя творились въ корпусахъ: дежурныхъ офицеровъ забрасывали картофелинами, преподавателямъ обрѣзывали фалды, писали имъ разные пасквили, которые прикалывали къ ихъ платью, обливали чернилами и т. п. Въ одномъ изъ Петербургскихъ корпусовъ забросали картофелемъ и даже, какъ многіе говорили, поколотили батальоннаго командира Савримовича; про другое военно-учебное заведеніе, директоръ котораго очень любилъ читать Капфига, напечатали въ полицейской газетѣ, что изъ квартиры директора сбѣжала собака, кличка которой Капфигъ; при этомъ описали примѣты ея, схожія съ генераломъ и обѣщали дать приличное вознагражденіе доставившему ее. Большая часть этихъ безобразій оставалась неизвѣстна высшему начальству, такъ какъ было въ интересѣ и директоровъ, и офицеровъ скрывать ихъ, чтобы не подвергаться замѣчаніямъ.

Вообще, во внутренней своей жизни, корпуса представляли два враждебные лагеря, которые вели ожесточенную борьбу: съ одной стороны кадеты, а съ другой ихъ начальники. Кадеты составляли сплоченную массу, имѣвшую въ средѣ своей руководителей, которые давали своимъ товарищамъ желаемое ими направленіе и заставляли ихъ безотговорочно дѣйствовать по ихъ указаніямъ. Такъ напримѣръ, существовалъ обычай бить новичковъ и, несмотря на ужасныя страданія, переносимыя новичками, они не смѣли жаловаться офицерамъ. Если

бывали рѣдкіе случаи, когда новичекъ обращался къ защитѣ начальства, то жизнь его дѣлалась рядомъ истязаній, и онъ очень раскаявался въ своемъ поступкѣ. Сплоченность массы и отсутствіе уваженія къ офицерамъ дѣлали внутреннюю жизнь кадетъ непроницаемою для ихъ наставниковъ. Офицеры вовсе не знали своихъ воспитанниковъ, а потому не могли сообразовать съ ихъ характерами своихъ воспитательныхъ мѣръ. Лучшею изъ нихъ и почти единственною считались розги; но мѣра эта не только не могла улучшить нравственность воспитанниковъ, но убивая въ нихъ самолюбіе и очерствляя ихъ сердца, не возбуждала даже особеннаго страха, такъ какъ самые отчаянные кадеты скоро съ ней свыкались. Кромѣ того, эта мѣра до такой степени озлобляла кадетъ противъ начальства, что нѣтъ такой непріятности, которую они не желали бы сдѣлать своему начальнику, не заслужившему ихъ любви и стороннику этой мѣры. Такъ у одного директора они потушили газъ, проведенный въ его квартиру и сдѣлали это во время званаго обѣда, когда у него было много гостей; другому бросали камни въ окна и т. п.

Въ заключеніе я могу представить небольшую илюстрацію нравственнаго положенія, въ которомъ находились корпуса, передъ преобразованіемъ ихъ въ военныя гимназіи. Генералъ Бушенъ былъ назначенъ директоромъ Орловскаго кадетскаго корпуса въ 1863 году; на него было возложено порученіе преобразовать его въ военную гимназію. Въ день его пріѣзда въ Орелъ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, къ нему явился адъютантъ корпуса и доложилъ, что, наканунѣ, нѣсколько кадетъ совершили кражу со взломомъ въ городѣ; о случаѣ этомъ онъ тотчасъ же донесъ начальнику военно-учебныхъ заведеній. Затѣмъ онъ мнѣ говорилъ, что, въ первые дни по пріемѣ имъ корпуса, проводя большую часть времени въ стѣнахъ заведенія, онъ находилъ полный порядокъ во всемъ; чистота была образцовая; ротные командиры ему докладывали, что кадеты ведутъ себя отлично, проступковъ не было. Но прошло нѣкоторое время, и онъ убѣдился, что корпусъ страдаетъ такими нравственными язвами, которыя ведутъ его къ полному разложенію, о чемъ онъ тогда и донесъ генералъ-адъютанту Исакову. Генералъ Бушенъ былъ человѣкъ недюжинный; обладая свѣтлымъ умомъ и особенными педагогическими способностями, онъ въ высшей степени добросовѣстно исполнялъ свои обязанности. Въ словахъ его нельзя сомнѣваться. По преобразованіи корпуса въ военную гимназію, Бушенъ былъ назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса. Я, какъ его преемникъ, могу засвидѣтельствовать, что оставшіеся отъ корпуса старые кадеты были до такой степени

нравственно испорчены, что я вынужденъ былъ выдѣлить ихъ въ особыя классныя отдѣленія, чтобы обезпечить отъ ихъ пагубнаго вліянія вновь поступающихъ воспитанниковъ. Наконецъ, лучшимъ доказательствомъ грустнаго положенія, въ которомъ находились кадетскіе корпуса, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: до генералъ-адъютанта Исакова, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ Корсаковъ объѣхалъ всѣ корпуса и подробно ихъ осмотрѣлъ. Послѣдствіемъ этого осмотра было преданіе военному суду за злоупотребленія весьма многихъ лицъ и одного директора. Если всякое злоупотребленіе начальника дѣйствуетъ развращающимъ образомъ на служащихъ, то въ воспитательномъ заведеніи, гдѣ примѣръ наставниковъ составляетъ не только главное, но почти единственное средство нравственнаго воспитанія, оно губитъ нравственно юношей, закрывая ихъ сердца къ восприятію благородныхъ чувствъ. Военному искусству можно научить человѣка во всякомъ возрастѣ; но уничтожить въ немъ сѣмена безнравственности, посѣянныя въ самомъ раннемъ возрастѣ, не только трудно, но бываетъ подчасъ невозможно.

Сдѣлавъ это отступленіе въ моемъ разсказѣ, я буду его продолжать, имѣя въ виду въ послѣдствіи снова обратиться къ реформѣ кадетскихъ корпусовъ.

Жизнь моя въ батареѣ показалась мнѣ сначала весьма скучной, но ознакомившись короче съ моими товарищами, я былъ вполнѣ доволенъ ихъ обществомъ. Всѣ мы, какъ намъ казалось, проводили время довольно пріятно; поутру дивизіонные командиры Кельдерманъ и Левинъ ходили на ученія, а взводные офицеры, къ числу которыхъ я принадлежалъ, спали до 10-ти часовъ утра. Затѣмъ мы всѣ приходили въ квартиру Кельдермана, гдѣ была довольно большая зала, въ которой мы обѣдали. Въ то время на балахъ появился новый танецъ— полька съ фигурами; этотъ танецъ намъ очень нравился, и мы всѣ танцовали его, и до обѣда, и послѣ обѣда, съ особеннымъ увлеченіемъ, причемъ, вмѣсто музыки, напѣвалъ его одинъ изъ насъ. Вечеромъ приходилъ къ намъ батарейный командиръ Кнорингъ, или мы ходили къ нему, и при веселомъ характерѣ, которымъ отличались всѣ офицеры, разговоры наши были самые оживленные. Предметомъ ихъ были, большею частію, мелкія сплетни, касавшіяся полковыхъ дамъ драгунскаго полка, въ казармахъ котораго мы жили.

Драгунскимъ полкомъ командовалъ въ то время г.-м. Сталь фонъ-Голштейнъ, женатый на m-lle Гербель. Г-жа Сталь была не столько хороша собой, сколько мила и добра; отъ нея всѣ были въ восторгѣ. При

полномъ отсутствіи кокетства, она ко всѣмъ относилась съ одинаковой любезностью, а потому ее любили всѣ; но влюбленныхъ въ нее не было. Затѣмъ, старшимъ штабъ-офицеромъ въ полку былъ полковникъ Энгельгардтъ, у котораго жена была молода и хороша собой. Полковой адъютантъ Траубенбергъ былъ тоже женатъ; жена его была не менѣе миловидна, какъ г-жа Сталь и имѣла съ этой послѣдней много общаго, какъ по умѣнію себя держать, такъ и по любезности въ обращеніи.

Мы всѣ, кромѣ Кельдермана, были знакомы съ этими дамами и изрѣдка ихъ посѣщали; но ни съ однимъ изъ этихъ семействъ наше знакомство не было такъ интимно, какъ съ семействомъ молодаго офицера Бове, который жилъ въ одномъ домѣ съ нами. Мнѣ было, какъ я сказалъ, 19 лѣтъ. Проведя юношескіе года за книгами, я рѣдко бывалъ въ дамскомъ обществѣ, вслѣдствіе чего застѣнчивость моя доходила до того, что я конфузился и краснѣлъ при каждомъ словѣ, которое произносилъ. M-me Бове своимъ привѣтливымъ обращеніемъ умѣла значительно уменьшить во мнѣ этотъ недостатокъ, вслѣдствіе чего, неохотно посѣщая другихъ драгунскихъ дамъ, у нея я бывалъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Драгунскія казармы, въ которыхъ стояла наша батарея, были отъ Новгорода въ 15 верстахъ. Наши офицеры въ Новгородъ не ѣздили, а потому и не были знакомы съ Новгородскимъ обществомъ; но тѣмъ, не менѣе по разсказамъ драгунскихъ дамъ, мы знали многое изъ того, что̀ дѣлалось въ Новгородѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1844 года, въ Новгородскомъ Дворянскомъ Собраніи былъ назначенъ маскарадъ. Я, Левинъ и одинъ изъ моихъ товарищей Хлюстинъ рѣшились поѣхать въ этотъ маскарадъ. Я и Хлюстинъ были въ мундирахъ, а Левинъ надѣлъ маску и костюмъ капуцина. Маскарадъ былъ очень многолюденъ. Едва мы вошли въ залу, какъ меня и Хлюстина окружили маски, выражая удовольствіе, что видятъ, наконецъ, конно-артилерійскій мундиръ въ Новгородѣ; при этомъ одна маска замѣтила мнѣ, что ей было особенно любопытно видѣть конно-артилеристовъ, такъ какъ она слышала, что драгунскія дамы всѣ влюблены въ нашихъ офицеровъ; когда же я ее спросилъ, не желаетъ ли она вступить въ конкуренцію съ драгунскими дамами, она смѣясь, отвѣтила, что не стоитъ труда, такъ какъ ея вкусъ гораздо требовательнѣе драгунскаго. Въ это время подошелъ Левинъ и сказалъ ей что-то на ухо; она быстро бросила мою руку и взяла его. Вскорѣ я увидѣлъ, что Левина окружили не только маски, но и дамы, бывшія въ бальныхъ туалетахъ. Случилось это такъ. Левинъ успѣлъ передъ маскарадомъ собрать всевозможныя свѣдѣнія о

частной жизни Новогородскихъ дамъ и, будучи недюжиннаго ума, умѣлъ такъ скомбинировать всѣ собранныя имъ свѣдѣнія, что заинтересовалъ всѣхъ, предсказывая однимъ будущее, а другимъ описывая ихъ прошедшее. Въ концѣ маскарада, у всѣхъ была одна мысль, одно желаніе—узнать, кто былъ таинственный капуцинъ. Ходившая со мной маска, замѣтивъ, что я говорилъ съ Левинымъ, снова подошла ко мнѣ и просила неотступно, чтобы я сказалъ ей, кто онъ? Я отвѣчалъ, что я готовъ исполнить ея желаніе только въ томъ случаѣ, если она откроетъ свое лицо, и я найду ее хорошенькой. Она тотчасъ же приподняла маску и хотя я увидѣлъ передъ собой въ полной мѣрѣ красавицу, но сказалъ ей, что если ея вкусъ, какъ она говорила, требовательнѣе драгунскаго, то и мой вкусъ также очень требователенъ: а потому, не находя ее достаточно красивою, чтобы подкупить меня въ ея пользу, я не могу сказать ей имени капуцина. Впослѣдствіи я узналъ, что это была Итальянка Касини, дочь содержательницы моднаго магазина, извѣстная своей красотой (вскорѣ она вышла замужъ за какого-то Петербургскаго купца, и черезъ два года я снова встрѣтилъ ее въ одномъ изъ Петербургскихъ маскарадовъ). На другой день маскарада, въ Новгородѣ, не было другаго разговора какъ о таинственномъ капуцинѣ; узнали, что это былъ Левинъ, и въ Новогородскомъ обществѣ явилось желаніе съ нимъ познакомиться.—Изъ Новогородскихъ дамъ наиболѣе выдѣлялись г-жа Катенина, жена начальника штаба гренадерскаго корпуса, сестра ея m-lle Вадковская, дочь вице-губернатора Бунакова, и три дочери директора гимназіи Лыкшина: Екатерина, Мира (такъ ее всѣ называли) и Марія. Наиболѣе красивая изъ трехъ сестеръ была Мира, вышедшая впослѣдствіи замужъ за извѣстнаго нашего литератора Щебальскаго. Со всѣми этими дамами Левинъ вскорѣ познакомился, а затѣмъ познакомились и другіе наши офицеры. У Лыкшиныхъ были назначены вечера по Субботамъ, на которые мы всегда являлись и нерѣдко пріѣзжали въ Новгородъ вечеромъ верхами съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ былъ завернутъ мундиръ или новый сюртукъ. Случалось, что пріѣзжали мы и по утру, и тогда все послѣобѣденное время проводили въ кондитерской Мишель, которая съ утра до вечера была наполнена офицерами разныхъ полковъ: тутъ были и драгуны, и уланы, и гусары, и артилеристы пѣшіе и конные. Приманкой для всѣхъ была 17-ти лѣтняя дочь кондитера, м-ль Софи, которая не только по красотѣ, но и по образованію и умѣнью себя держать, могла служить примѣромъ молодымъ дѣушкамъ Новогородскаго общества. Болѣе всѣхъ за ней ухаживалъ драгунскій офицеръ С., который впослѣдствіи на ней женился и умеръ въ недавнее время, занимая въ Москвѣ весьма важный служебный постъ. Одна изъ его дочерей, сколько мнѣ помнится,

была фрейлиной Императрицы Маріи Александровны.—Въ кондитерской Мишель я познакомился съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, который былъ произведенъ въ офицеры Гродненскаго гусарскаго полка почти одновременно со мной; ему было въ то время, какъ и мнѣ, 19 лѣтъ. Онъ былъ скромный молодой человѣкъ, весьма любимый товарищами; въ гусарскихъ кутежахъ онъ не участвовалъ и весьма рѣдко пріѣзжалъ въ Новгородъ. Съ нѣкоторыми артилерійскими офицерами онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; я помню, что у одного изъ моихъ товарищей князя Волконскаго онъ купилъ лошадь, которую звали Веллингтонъ. Умѣніемъ себя держать онъ пріобрѣлъ общія симпатіи не только среди своихъ однополчанъ, но и среди офицеровъ другихъ полковъ. Я его мало зналъ, но очень хорошо помню, что, не смотря на его скромность, во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ просвѣчивалъ недюжинный умъ и самостоятельный образъ мыслей. Былъ такой случай. Пріѣхавъ въ Новгородъ на масляницѣ, я обѣдалъ съ нѣсколькими драгунскими офицерами въ почтовой гостиницѣ; нѣкоторые изъ офицеровъ остались недовольны обѣдомъ, и чтобы доказать какъ онъ былъ малопитателенъ, предложили пари по бутылкѣ шампанскаго, что, тотчасъ послѣ обѣда, они съѣдятъ по дюжинѣ блиновъ; въ числѣ предложившихъ пари былъ и я. Во время этихъ разговоровъ, въ комнату вошелъ Лорисъ-Меликовъ; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ мнѣ сказалъ, смѣясь, что если бы онъ имѣлъ неосторожность держать такое пари, то призналъ бы себя побѣжденнымъ на первомъ же блинѣ, а не сталъ бы разстраивать свой желудокъ, чтобы выпить шампанскаго на чужой счетъ. Мнѣ помнится, что я послѣдовалъ его совѣту.

Познакомившись съ Новогородскимъ обществомъ, мы, то-есть я, Левинъ и Хлюстинъ, стали часто бывать въ Новгородѣ; нашихъ же драгунскихъ знакомыхъ мы почти совсѣмъ оставили. Левинъ проводилъ большую часть времени у Катениныхъ (ему очень нравилась м-ль Вадковская), Хлюстинъ бывалъ чаще другихъ у Лыкшиныхъ, а я проводилъ немало времени въ кондитерской Мишель, любуясь хорошенькимъ личикомъ м-ль Софи.

Наконецъ, наступила весна. Страдая золотухой, я испросилъ себѣ отпускъ на лѣто въ Старую Русу, куда уѣхалъ въ Маѣ мѣсяцѣ; а батарея пошла въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ.

Пріѣхавъ въ Старую Русу я нанялъ себѣ квартиру близъ лечебнаго заведенія. Въ одномъ домѣ со мной помѣстился сосѣдъ по имѣнію моему въ Калужской губерніи, Александръ Өедоровичъ Шиллингъ.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, воспитанный двумя тетушками и никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни. Такое воспитаніе и уединенная деревенская жизнь сдѣлали его застѣнчивымъ и крайне нервнымъ; онъ боялся всего—и грозы, и простуды, и быстрой ѣзды въ экипажѣ; но болѣе всего онъ боялся женщинъ, на которыхъ, однакожъ, боязнь не мѣшала ему засматриваться. Я взялъ съ собою въ Старую Русу экипажъ и пару хорошихъ лошадей, на которыхъ катался по городу и по окрестностямъ. По пріѣздѣ въ Старую Русу я познакомился вскорѣ съ гвардейскими офицерами, которые прибыли съ командами нижнихъ чиновъ, присланныхъ для лѣченія Старорусскими минеральными водами; то были: Семеновскаго полка капитанъ Савицкій, Измайловскаго полка поручикъ Лачиновъ и гвардейскаго экипажа лейтенанты Цимутали и Шумовъ. Со всѣми этими офицерами я видался почти каждый день, и къ нашему обществу присоединился Шиллингъ, который вскорѣ сдѣлался неузнаваемъ: его не коробило больше (какъ это было прежде) отъ разсказовъ эротическаго содержанія и отъ лишне-выпитаго бокала шампанскаго; онъ сдѣлался веселымъ собесѣдникомъ, добрымъ товарищемъ, но мнительность свою не могъ преодолѣть: при малѣйшемъ вѣтеркѣ онъ окутывалъ себѣ горло шарфомъ, надѣвалъ огромные калоши и теплое пальто. Надъ нимъ, конечно, смѣялись, но тѣмъ не менѣе его любили. Я болѣе всѣхъ старался его перевоспитать на военный ладъ и помню два случая, когда Шилингъ по милости моей испыталъ немалый страхъ и чуть было не слегъ въ постель. Въ Старой Русѣ давались пріѣзжей труппой театральныя представленія; во время одного изъ этихъ представленій, на которомъ я былъ вмѣстѣ съ Шиллингомъ, разразилась сильная гроза; выходя изъ театра, я предложилъ Шиллингу, дрожавшему отъ страха, ѣхать домой въ моемъ экипажѣ, на что онъ тотчасъ же согласился, но когда мы сѣли въ пролетку, я велѣлъ кучеру ѣхать за-городъ, чтобъ прокатиться передъ сномъ. Шилингъ умолялъ выпустить его, но лошади помчались, и мы вернулись домой, промокнувъ совершенно отъ дождя, который все время насъ обливалъ; при каждомъ блескѣ молніи, Шиллингъ крестился и просилъ скорѣе вернуться домой, увѣряя, что онъ можетъ схватить сильную простуду. Но оказалось, что онъ не только не простудился, но остался живъ и здоровъ и до настоящаго времени (ему слишкомъ 70 лѣтъ отъ роду).

Другой случай былъ слѣдующій. Домъ, въ которомъ жили я и Шиллингъ, былъ на берегу небольшой, но глубокой рѣчки; на другой ея сторонѣ противъ нашихъ оконъ жилъ главный врачъ водъ *Вельсъ*, къ которому мы съ Шиллингомъ ходили иногда по вече-

рамъ; чтобы не дѣлать обхода на мостъ, что̀ довольно далеко отъ нашего дома, я велѣлъ сбить изъ досокъ небольшой плотъ, на которомъ лакей мой, отпихиваясь шестомъ отъ берега, перевозилъ насъ на другой берегъ рѣчки. Получивъ въ одинъ прекрасный день приглашеніе отъ m-me Вельсъ къ ней на имянины, Шиллингъ принарядился, надѣлъ на голову цилиндръ и взялъ съ собой пачку Нѣмецкихъ газетъ, которыя ему давалъ читать Вельсъ. Мы стали на плотъ; но лакей, какъ потомъ оказалось, былъ немного на веселѣ и, отталкивая плотъ отъ берега, оступился и упалъ въ воду. Плотъ конечно покачнулся; Шиллингъ, не ожидая сотрясенія плота, не удержался и полетѣлъ въ воду за лакеемъ; я одинъ остался на плоту. Падая въ воду, Шиллингъ выпустилъ изъ рукъ газеты, которыя вмѣстѣ съ его цилиндромъ поплыли по рѣчкѣ, а онъ успѣлъ ухватиться руками за плотъ и, находясь въ водѣ, кричалъ самымъ ужаснымъ голосомъ: «Ахъ помогите, тону!» Дурная сторона моего характера заключается въ томъ, что при паденіи кого-либо я не могу удержаться отъ смѣха; сцена, представившаяся мнѣ, возбудила во мнѣ такой смѣхъ, что я нескоро могъ собрать достаточно силъ, чтобы подать руку Шиллингу и вытащить его на плотъ. Послѣ этого приключенія мы вернулись домой. Шиллингъ улегся въ постель, напившись чего-то горячаго, такъ какъ вечеръ былъ довольно холодный, и онъ очень озябъ; а я отправился снова къ Вельсу, который видѣлъ изъ своихъ оконъ все происшедшее и прислалъ Шиллингу какое-то антинервное лѣкарство. Мнѣ было очень досадно на себя, что я не скоро подалъ руку Шиллингу, котораго я очень любилъ; но слава Богу, случай этотъ, какъ и первый, не имѣлъ для него никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Въ Старой Русѣ былъ штабъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи. Хотя военныя поселенія, въ томъ видѣ, какъ они существовали при Аракчеевѣ, были уничтожены, но военные поселенцы, у которыхъ отнято было оружіе и которыхъ называли пахатными солдатами, остались и продолжали заниматься земледѣліемъ въ своихъ селахъ, наравнѣ съ крестьянами. Начальникомъ всѣхъ пахатныхъ округовъ Новгородской губерніи былъ генералъ-лейтенантъ Фрикенъ, а помощникомъ его былъ генералъ-маіоръ Набоковъ, родной братъ командира гренадерскаго корпуса. Оба эти лица жили въ Старой Русѣ, и съ обоими я познакомился. Я познакомился также и съ семействами другихъ лицъ, жившихъ въ Старой Русѣ, какъ напримѣръ, съ семействомъ полковника Сутгофа, у котораго одна дочь была замужемъ за Отилье, а другая незамужняя, обѣ премилыя особы. Но въ особенности я сошелся съ семействомъ чиновника Шотенъ, который пріѣхалъ въ

Старую Русу съ институтками изъ разныхъ институтовъ, присланными для пользованія минеральными водами. Шотенъ былъ женатъ на Англичанкѣ; дочь его Бетси получила прекрасное образованіе и заполонила мое 19-тилѣтнее сердце! Это была моя первая любовь. Видѣвшись съ ней почти каждый день, то на водахъ, то на прогулкахъ и пикникахъ, устроиваемыхъ мной и другими офицерами, я сталъ уже мечтать о женитьбѣ. Дѣйствительно, Бетси была дѣвушка, которая имѣла все, чтобы сдѣлать своего мужа счастливымъ: она была образована, какъ немногія дѣвицы того времени, и соединяла нѣжное сердце съ серьезнымъ взглядомъ на жизнь; въ ней не было и тѣни кокетства, и она была даже некрасива, но обладала какой-то особой миловидностью, которая привлекала къ себѣ всѣ сердца. Кромѣ меня за ней ухаживалъ одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, который былъ очень красивъ собой и 10-ю годами старше меня. Не имѣя въ жизни опытности и будучи крайне застѣнчивъ, я сознавалъ его превосходство надо мной, и ревность невольно запала въ мое сердце; не умѣя владѣть собой, я не разъ придирался къ нему и желалъ вызвать серьезное съ нимъ объясненіе, но онъ это понималъ и уклонялся отъ моего вызывательнаго образа дѣйствій. Я помню, что, поспоривъ съ нимъ о чемъ-то, я предложилъ ему пари въ присутствіи Бетси и просилъ ее назначить въ чемъ должно заключаться пари; она, смѣясь, указала на графинъ, стоявшій на столѣ, и сказала: пусть проигравшій пари выпьетъ эту воду. Оказалось, что я выигралъ и, несмотря на то, что въ графинѣ было много воды, я заставилъ моего соперника, какъ онъ ни давился, выпить всю воду, бывшую въ графинѣ, предваривъ его, что если онъ честный человѣкъ, то долженъ въ точности исполнить условіе проиграннаго имъ пари. Видя мою неумѣстную подчасъ запальчивость, Бетси, какъ я замѣтилъ, останавливала на мнѣ, иногда, такой ласковый и выразительный взглядъ, который мнѣ ясно говорилъ, что она ставила меня выше моего соперника. Это были самыя счастливыя минуты моей жизни; я становился тотчасъ же кротокъ и уступчивъ, но на другой день ревность заставляла меня дѣлать новыя выходки, которыя Бетси снова останавливала своимъ взглядомъ. Такимъ образомъ дни шли за днями, и хотя между мной и Бетси не было сказано ни одного слова о любви, но мнѣ казалось, что она понимала меня.

Слѣдующій случай мнѣ ясно указалъ, что она была не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна. Въ то время, въ какомъ-то журналѣ былъ помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ морской офицеръ Цимутали переѣхалъ въ маленькой лодкѣ черезъ Финскій заливъ изъ Ревеля въ Гельзингфорсъ, не имѣя компаса и взявъ только съ собой собаку, которая,

какимъ-то образомъ, его спасла отъ смерти. По прочтеніи этого разсказа, Цимутали, бывшій въ Старой Русѣ, и его собака сдѣлались предметомъ общаго вниманія. Замѣтивъ, что и Бетси смотрѣла на него какъ на героя, я и другой морякъ Шумовъ, прибывшій въ Старую Русу съ командою нижнихъ чиновъ, придумали сдѣлать поѣздку на лодкѣ въ Новгородъ. Разстояніе отъ Старой Русы до Новгорода было почти тоже самое, какъ отъ Ревеля до Гельзингфорса, опасность же переѣзда была даже болѣе, такъ какъ Ильменское озеро извѣстно своей бурливостью: на немъ ежегодно погибало немало судовъ, перевозившихъ разные грузы. Рѣшившись сдѣлать эту поѣздку, мы обратились къ Фрикену съ просьбой дать намъ его лодку, чтобы покататься по рѣкѣ; намѣреніе же наше отправиться въ Новгородъ мы скрыли отъ него, зная навѣрно, что для этой цѣли онъ не дастъ намъ лодки. Лодка была безъ парусовъ. Шумовъ успѣлъ достать у какого-то рыбака два паруса, пригналъ ихъ кое-какъ къ лодкѣ, и, запасшись провизіей, состоявшей изъ хлѣба, колбасы и сыру, мы отплыли отъ берега, сопровождаемые пожеланіемъ успѣшнаго плаванія всѣхъ лицъ, пріѣхавшихъ насъ проводать. Сначала, при отличной погодѣ и небольшомъ попутномъ вѣтрѣ, плаваніе наше было очень пріятно; но къ вечеру, когда берегъ едва былъ видѣнъ, вѣтеръ усилился, пошелъ проливной дождь, и лодку нашу стало бросать по волнамъ какъ мячикъ; въ это время упала мачта, сломавъ гнѣздо, въ которомъ она была утверждена, руль выскочилъ изъ пазовъ и раскололъ верхнюю доску, а въ довершеніе несчастья, нѣкоторыя волны, заливая лодку, наполнили ее до половины водой; положеніе наше было ужасно. Стоя по колѣна въ водѣ, мы фуражками выливали воду изъ лодки; но, несмотря на всѣ наши усилія, вода быстро прибывала, и мы ждали съ минуту на минуту сдѣлаться жертвами озера. Потерявъ почти всякую надежду на спасеніе, я сознаюсь, что ни о чемъ и ни о комъ болѣе не думалъ какъ о Бетси; мнѣ жаль было жизни, меня мучила мысль, что я съ ней болѣе не увижусь. Шумовъ все время молчалъ. Наконецъ счастье намъ улыбнулось, вѣтеръ стихъ, и, удвоивъ наши усилія, мы успѣли вылить воду изъ лодки; но, не имѣя ни мачты, ни руля и не видя берега вслѣдствіе ночной темноты, мы вынуждены были ждать утра. Продолжать нашъ путь въ Новгородъ въ лодкѣ, которая была вся поломана, не было никакой возможности, а потому мы рѣшились вернуться въ Взватъ, куда и пошли на веслахъ, какъ только занялась утренняя заря, но измученные и обезсиленные безсонной ночью и сильными ощущеніями, нами испытанными, мы подвигались весьма медленно; наконецъ, силы намъ окончательно измѣнили: бросивъ весла, мы легли спать и—молодость взяла свое — мы заснули глубокимъ сномъ.

Я не знаю сколько времени мы спали; насъ разбудилъ свистокъ парохода, который, какъ оказалось, былъ присланъ за нами. Капитанъ парохода намъ объявилъ, что генералъ Фрикенъ приказалъ ему отыскать насъ на озерѣ и немедленно доставить въ Старую Руссу. Во исполненіе приказанія Фрикена, мы пересѣли на пароходъ и къ вечеру того же дня подошли къ Старорусской пристани. Стоя на палубѣ, мы замѣтили, что по первому свистку парохода, служившему сигналомъ его приближенія къ пристани, пристань наполнилась народомъ; когда мы подошли, раздались аплодисменты и крики: «вотъ они бѣглецы!» Сердце у меня сильно забилось: въ числѣ лицъ, насъ встрѣчающихъ, я замѣтилъ Бетси; она стояла сзади всѣхъ съ своею пріятельницей Сергѣевой. Протиснувшись черезъ толпу, выражавшую намъ свои привѣтствія различными восклицаніями, я не нашелъ уже Бетси на пристани, а увидалъ ее идущею по набережной съ носовымъ платкомъ въ рукѣ, которымъ, какъ мнѣ показалось, она вытирала слезы. Бросившись ее догонять, я былъ остановленъ Шиллингомъ, который, какъ добрый сосѣдъ, обратился ко мнѣ съ выраженіемъ своей непритворной радости по случаю нашего благополучнаго возвращенія. По его словамъ весь городъ, узнавъ о предпринятомъ нами путешествіи, считалъ насъ погибшими. Многіе изъ нашихъ знакомыхъ просили Фрикена отправить для поисковъ за нами пароходъ, что̀ онъ и сдѣлалъ. Вернувшись домой, я быстро переодѣлся и черезъ полчаса стоялъ уже передъ дверьми Шотена. Трудно выразить словами чувства, которыя меня волновали при свиданіи съ Бетси; мнѣ показалось, что она какъ бы похудѣла въ три дня, которые я ея не видалъ. Въ то время, какъ отецъ и мать ея осыпали меня упреками за мое безразсудство, она молча смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, который дѣлалъ меня счастливѣйшимъ изъ людей: я видѣлъ въ немъ не простое участіе въ моей судьбѣ, но то чувство, о которомъ, до сихъ поръ, я могъ только мечтать. Гостиная Шотенъ вскорѣ наполнилась гостями; улучивъ свободную минуту, я вышелъ съ Бетси на балконъ. Вечеръ былъ превосходный, луна свѣтила съ полнымъ блескомъ, вѣтерокъ едва шелестилъ листьями. Выслушавъ упреки вашихъ родителей, сказалъ я ей, буду ожидать вашего приговора надо мной. «Мы скоро уѣзжаемъ въ Петербургъ, сказала она, не обративъ вниманія на мои слова, и я очень рада, что могу высказать вамъ откровенно то, что̀ у меня на сердцѣ и то, что̀ меня мучаетъ. Я воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; вы вѣроятно знаете, что всѣ институтки имѣютъ обыкновеніе кого нибудь обожать; въ младшихъ классахъ обожаютъ классныхъ дамъ или институтокъ старшихъ классовъ, а въ старшихъ классахъ обожаютъ учителей. Обожаніе это не есть какое либо чув-

ство; оно является вслѣдствіе отсутствія всякихъ развлеченій въ той скучной замкнутой жизни, которую ведутъ институтки; въ немъ выражается потребность молодыхъ сердецъ имѣть привязанности. Я, также какъ и другія институтки, обожала; въ младшемъ классѣ предметомъ моего обожанія была институтка старшаго класса С., а въ старшемъ классѣ я обожала одного учителя; но увы! институтка С. умерла отъ чахотки, а обожаемый учитель сошелъ съ ума и, какъ я недавно узнала, умеръ въ сумашедшемъ домѣ. Эти два случая произвели на меня глубокое впечатлѣніе; во мнѣ явилось убѣжденіе, что моя привязанность къ людямъ пагубна для нихъ, вслѣдствіе чего я стараюсь никого не любить; но вы, вашимъ вниманіемъ и любезностію ко всему нашему семейству, не могли не возбудить во мнѣ чувства расположенія... дружбы къ вамъ. Узнавъ, что вы предприняли опасное путешествіе въ Новгородъ, я была увѣрена, что вы не вернетесь и пережила въ три дня вашего отсутствія изъ Старой Русы такія душевныя волненія, которыхъ другіе не переживаютъ въ теченіе всей своей жизни. Слава Богу вы вернулись, но я и теперь непокойна за васъ. Вы говорили, что вы лѣчитесь паровыми ваннами, которыя, я знаю, располагаютъ къ простудѣ; проведя цѣлую ночь на озерѣ подъ проливнымъ дождемъ и въ лодкѣ, наполненной водой, вы не могли не простудиться. Прошу васъ обратите вниманіе на ваше здоровье, если не для себя, то для меня, вѣрьте, что я вѣкъ не прощу себѣ, если съ вами случится что либо недоброе, что я была причиной вашего несчастья». Я старался ее успокоить, говоря, что я совершенно здоровъ; но она прервала меня и сказала: «Еще просьба къ вамъ; старайтесь меня забыть, мы не рождены другъ для друга... предчувствіе мнѣ говоритъ»... При этихъ словахъ она зарыдала и быстро ушла отъ меня. Въ этотъ вечеръ она болѣе не выходила изъ своей комнаты; мать ея сказала, что у ней сильно разболѣлись зубы. На другой день рано утромъ я пріѣхалъ справиться о ея здоровьѣ и узналъ, что она слегла въ постель; болѣзнь ея продолжалась около недѣли, въ теченіе которой я испыталъ сильныя душевныя страданія, первыя въ моей жизни. По вечерамъ я ходилъ къ ея окнамъ и просиживалъ на скамейкѣ противъ нихъ до глубокой ночи; чувствовать, что я находился близъ нея, хотя и не видѣть ея, мнѣ доставляло немалое утѣшеніе. Наконецъ, она поправилась, и наступилъ день отъѣзда ея родителей въ Петербургъ. Я провожалъ ихъ на пароходѣ до Новгорода. Болѣзнь, которую приписывали нервамъ, страшно измѣнила Бетси; она поблѣднѣла и была такъ слаба, что едва ходила; мать ея находилась постоянно при ней, такъ что, сидя на пароходѣ, я, какъ ни старался, не могъ найти ни одной минуты, чтобы поговорить съ ней наединѣ. Наконецъ, пароходъ подошелъ къ пристани

въ Новгородѣ, всѣ начали собирать свои вещи, ттобы перенести ихъ въ почтовыя кареты, которыя стояли у пристани; мать Бетси отошла, чтобы сдѣлать какія-то распоряженія и въ ту минуту, когда я остался съ Бетси одинъ, она протянула мнѣ руку и сказала: «Обѣщайте мнѣ исполнить то, о чемъ я васъ просила на балконѣ; будьте счастливы; я чувствую, что мы съ вами болѣе не увидимся». Я съ жаромъ поцѣловалъ ея руку и, взволнованный, первый разъ сказалъ ей, что я ее люблю и что мы скоро увидимся въ Петербургѣ. Лицо ея покрылось румянцемъ, она опустила глаза и почти шепотомъ проговорила: «ахъ, какъ я счастлива!» Въ это время раздался около насъ голосъ ея матери, приглашавшій ее идти садиться въ карету; я послѣдовалъ за ней и помогъ ей сѣсть. Садясь она снова пожала мнѣ руку и, со слезами на глазахъ, сказала мнѣ съ особенною выразительностію: «*прощайте*!» Ямщикъ ударилъ кнутомъ по лошадямъ, карета помчалась... Долго стоялъ я на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами за каретой, уносившей, какъ мнѣ казалось, счастіе всей моей жизни; я чувствовалъ какую-то жгучую боль въ сердцѣ; слезы потекли изъ глазъ, и я вернулся на пароходъ, который долженъ былъ отправиться обратно въ Старую Русу на другой день рано утромъ.

По возвращеніи въ Старую Русу я заперся у себя на квартирѣ, мнѣ никого не хотѣлось видѣть, я съ трудомъ могъ говорить съ лицами, которыхъ общество было мнѣ прежде пріятно; только Сергѣева, подруга Бетси, умѣла меня нѣсколько развлечь, разсказывая мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ жизни Бетси и о ея дружескихъ отношеніяхъ къ ней.

Прошла такимъ образомъ недѣля. Я сидѣлъ вечеромъ у окна съ книгою въ рукахъ, которую мнѣ далъ докторъ Вельсъ, но которую я не могъ читать, такъ какъ мои мысли были далеко.... Вдругъ раздался звонокъ, и въ комнату вошла моя мать, только что пріѣхавшая на пароходѣ въ Старую Русу. Пріѣздъ ея меня поразилъ своею неожиданностью; она жила въ Москвѣ и о намѣреніи ея пріѣхать ко мнѣ, она ничего не писала. Впрочемъ изъ первыхъ же словъ ея для меня стала понятна причина ея пріѣзда: до нея дошли слухи о моихъ романическихъ похожденіяхъ и, любя меня горячо, она хотѣла лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до нея слуховъ. Немало мнѣ пришлось выслушать отъ нея упрековъ и за мое небрежное отношеніе къ леченію минеральными водами, и за поѣздку на лодкѣ; но о любви моей къ Бетси она ничего не говорила, подсмѣиваясь только надъ моимъ ловеласничествомъ, какъ она называла мои отношенія къ Бетси, и поздравляя меня съ успѣхомъ въ ухаживаніи за Старорусскими красавицами, изъ которыхъ съ одной она познакомилась, какъ она ска-

зала, ѣхавши на пароходѣ. Это была жена одного квартальнаго, съ которой я вовсе не былъ знакомъ, но которая, торгуя своей красотой и думая, что я богатъ, очень желала со мной сойтить. Матери моей, не знавшей ея, она очень понравилась тѣмъ, что выхваляла меня и льстила ея самолюбію, увѣряя, что она приняла бы ее скорѣе за мою сестру, чѣмъ за мать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда моей матери окончился срокъ моего отпуска, и я вмѣстѣ съ ней отправился въ батарею, которая и въ этомъ году должна была зимовать, почему-то, въ драгунскихъ казармахъ. По пріѣздѣ въ батарею, я горѣлъ желаніемъ скорѣе уѣхать въ Петербургъ, чтобы видѣть Бетси, но вынужденъ былъ ждать отъѣзда моей матери въ Москву, чтобы исполнить мое желаніе. Я твердо рѣшился просить руки Бетси и хотя имѣлъ надежду, что она мнѣ не откажетъ, но боялся говорить объ этомъ съ моей матерью, будучи увѣренъ въ сильной съ ея стороны оппозиціи; кромѣ того, мнѣ невольно вспоминались слова Бетси на балконѣ: «забудьте меня, сказала она, мы не рождены другъ для друга». Для чего, думалъ я, она меня просила ее забыть, если она любитъ меня? Нетерпѣніе мое разъяснить эту загадку еще болѣе влекло меня въ Петербургъ. Наконецъ, моя мать уѣхала, и я, на другой же день послѣ ея отъѣзда, мчался на перекладной по Петербургскому шоссе. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я черезъ полчаса стоялъ уже у дверей квартиры Шотенъ. Когда горничная, которую я зналъ въ Старой Русѣ, отворила мнѣ дверь, у меня такъ забилось сердце, что я едва могъ спросить ее: дома ли господа? Увидѣвъ меня, она залилась слезами и объявила мнѣ, что барышня ея умерла и что господа не возвращались еще съ похоронъ ея, которые были въ этотъ день. Слова горничной меня такъ поразили, что я не устоялъ на ногахъ и упалъ скорѣе чѣмъ сѣлъ на стоявшій тутъ стулъ. Выпивъ стаканъ воды, принесенный мнѣ горничной, я вернулся ко себѣ въ гостинницу, гдѣ остановился, и на другой день отправился снова къ Шотенъ, чтобы узнать подробности о смерти Бетси. M-me Шотенъ, прерывая свой разсказъ слезами, объяснила мнѣ, что Бетси простудилась еще въ Старой Русѣ и хотя, передъ отъѣздомъ, она нѣсколько поправилась, но пріѣхавъ въ Петербургъ, окончательно слегла въ постель, съ которой не вставала болѣе; болѣзнь ея была скоротечная чахотка. Видя мое отчаяніе, m-me о Шотенъ дала мнѣ на память дагеротипный портретъ Бетси, который цѣлъ у меня и въ настоящее время, то-есть черезъ 45 лѣтъ послѣ ея смерти. Такъ окончился первый романъ въ моей жизни. Онъ имѣлъ огромное на меня вліяніе.

Тѣ сильныя ощущенія, которыя я испыталъ подъ вліяніемъ любви къ Бетси возбудили дѣятельность моего воображенія и внесли экзальтацію въ мои чувства. Будучи слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы смотрѣть на жизнь съ серьезной точки зрѣнія и преслѣдовать какія-либо практическія цѣли, я сдѣлался искателемъ тѣхъ ощущеній, которыхъ прелесть уже испыталъ и которыми я былъ обязанъ Бетси; начитавшись къ тому же романовъ Жоржъ-Санда, я сталъ видѣть въ женщинѣ жертву несправедливости мущинъ и поставилъ ее въ моихъ понятіяхъ на такой высокій пьедесталъ, съ котораго не были видны ея слабости и недостатки. Я сдѣлался, такимъ образомъ, поклонникомъ прекраснаго пола и думалъ найти въ немъ разрѣшеніе вопроса о счастьи нашей жизни. Во мнѣ явилось полное равнодушіе къ матеріальнымъ благамъ и къ требованіямъ нашихъ низшихъ чувствъ; въ любви (въ обширномъ смыслѣ этого слова) я видѣлъ единственное высокое и облагороживающее человѣка чувство и къ нему направилъ всѣ мои помыслы; всѣ же другія чувства, какъ мнѣ казалось, должны унижать человѣка, а потому онѣ не имѣли для меня никакого соблазна. Такое направленіе имѣло конечно хорошую сторону, но послѣдствіемъ его явились увлеченія и разочарованія, не разъ испытанныя мной въ жизни.

II.

По возвращеніи моемъ изъ Петербурга въ батарею, товарищи нашли меня неузнаваемымъ: изъ веселаго, живаго я сдѣлался молчаливымъ и апатичнымъ. Мнѣ случалось по нѣскольку часовъ просиживать въ товарищескомъ кругу и не сказать ни одного слова; дамское же общество я совершенно оставилъ. Только въ бесѣдахъ съ Левинымъ, который зналъ мою сердечную рану, я находилъ нѣкоторое утѣшеніе. Съ своей стороны и Левинъ разсказалъ мнѣ, что онъ былъ влюбленъ въ свою двоюродную сестру, которая платила ему взаимностью, но, не имѣя возможности выйти за него за-мужъ, вышла за другаго, по принужденію родителей. Восторженное описаніе Левинымъ его любви и тайныхъ свиданій съ любимой имъ женщиной возбуждало во мнѣ какое-то сладкое чувство, которое нѣсколько умѣряло мою грусть.

Наконецъ, прошла зима, и батарея наша стала готовиться къ выступленію въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. По окончаніи лагеря мы должны были идти въ Петербургъ, а въ Новгородъ назначалась другая батарея. На молебнѣ, отслуженномъ передъ выступленіемъ батареи въ походъ, присутствовали всѣ драгунскія дамы, я долженъ былъ сдѣлать

надъ собой немалое усиліе, чтобы подойти проститься съ каждой изъ нихъ. Наконецъ, раздалась команда: *справа въ одно орудіе*, и мы тронулись съ мѣста нашей стоянки безъ всякаго о ней сожалѣнія. Офицеры были въ самомъ веселомъ расположеніи духа, пѣсенники шли впереди, распѣвая веселыя солдатскія пѣсни, погода была превосходная. Я невольно поддался общему настроенію и въ первый разъ послѣ смерти Бетси почувствовалъ, что у меня на сердцѣ стало легко. Походъ нашъ до Краснаго Села продолжался 9 дней, въ теченіе которыхъ разнообразіе впечатлѣній и чистый весенній воздухъ подѣйствовали такъ успокоительно на мои нервы, что жизнь, казавшаяся мнѣ тяжелымъ бременемъ, снова получила для меня прелесть. Но наилучшимъ лечебнымъ для моего сердца средствомъ было свиданіе мое съ товарищами, служившими въ другихъ батареяхъ, изъ которыхъ съ однимъ (княземъ Николаемъ Волконскимъ) я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Новая жизнь которую я началъ въ лагерѣ, все болѣе и болѣе изглаживала изъ моей памяти образъ Бетси, ко мнѣ вернулась прежняя веселость характера и прежняя воспріимчивость чувствъ; если случалось, что я вспоминалъ иногда о Бетси, то эти воспоминанія не были уже грустны, а даже пріятны, какъ вообще воспоминанія о хорошемъ прошломъ.

Первая батарея, въ которой я служилъ, стояла въ Чухонской деревнѣ Телези, въ 6-ти верстахъ отъ Краснаго Села. Я помѣстился съ Левиномъ въ грязной избѣ, половину который занимала Русская печь. Кельдерманъ, какъ старшій офицеръ въ батареѣ, занялъ болѣе просторную избу, а другіе офицеры размѣстились не лучше нашего. Во всѣхъ избахъ была ужасная грязь и какой-то особый запахъ, для уничтоженія котораго не было придумано въ то время дезинфекціонныхъ средствъ; обои, которыми въ прошлое лѣто оклеена была изба, висѣли клочьями по стѣнамъ; полъ былъ такъ гнилъ, что половицы ходили подъ ногами какъ клавиши; мебель наша состояла изъ нѣсколькихъ деревянныхъ табуретокъ и изъ простаго, сколоченнаго изъ досокъ, стола. Большую часть комнаты, за исключеніемъ печи, занимали наши двѣ складныя желѣзныя кровати, которыя мы привезли съ собой; потолокъ былъ такъ низокъ, что офицеры высокаго роста стирали пыль и сажу съ потолка своими головами.

Какъ ни дурна была обстановка, въ которой мнѣ пришлось жить, но я не тяготился ею; напротивъ, она мнѣ нравилась вслѣдствіе тѣхъ новыхъ ощущеній, которыя я испытывалъ отъ отсутствія комфорта: мнѣ казалось, что всѣ носящіе военный мундиръ, должны подвергаться лишеніямъ, сопряженнымъ съ военной службой. Помню, что черезъ 10

лѣтъ послѣ этого, въ 1854 году, стоя на бивакахъ на Альмѣ и на Бельбекѣ, я испытывалъ гораздо больше лишеній; но тамъ я еще менѣе тяготился ими, такъ какъ сознавалъ себя на боевой службѣ.

Гвардейская артилерія приходила обыкновенно въ лагерь въ половинѣ Мая мѣсяца, а пѣхота и кавалерія вступали въ Красное Село въ половинѣ Іюня. Мѣсяцъ времени, который мы проводили безъ другихъ родовъ войскъ, посвящался практической стрѣльбѣ. На военномъ полѣ были разставлены мишени, въ которыя, по очереди, стрѣляли всѣ батареи. Взводные офицеры вели журналы стрѣльбѣ, записывая въ нихъ, гдѣ упалъ каждый снарядъ; журналы эти представлялись изъ батарей въ бригаду, изъ бригады они шли въ дежурство начальника гвардейской артилеріи, а отъ этого послѣдняго въ штабъ генералъ-фельдцейхмейстера; штабъ же генералъ - фельдцейхмейстера препровождалъ ихъ для окончательнаго разсмотрѣнія въ артилерійское отдѣленіе Военно-ученаго Комитета, откуда они поступали въ архивъ. Хотя журналы эти разсматривались, какъ выше сказано, въ трехъ инстанціяхъ, но тѣмъ не менѣе писаніе ихъ составляло пустую формальность, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться въ послѣдствіи, когда я служилъ въ Военно-ученомъ Комитетѣ. Начальникъ артилерійскаго отдѣленія возложилъ на меня обязанность разсматривать всѣ доставляемые изъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера журналы, и я находилъ въ нихъ не только невѣрности, но даже явныя нелѣпости; такъ напримѣръ въ графѣ отклоненій снаряда нерѣдко показывалось нѣсколько сажень вправо или влѣво, а въ графѣ попалъ ли снарядъ въ мишень значилось, что онъ попалъ; кромѣ того, не могло не казаться страннымъ, что, по числу попавшихъ въ мишени снарядовъ, стрѣльба всегда подводилась, на основаніи оцѣнки, подъ *отличную*. Причиною невѣрности журналовъ было то, что офицеры нисколько не интересовались стрѣльбою и нерѣдко вовсе не писали журналовъ, а предоставляли составлять ихъ писарямъ на обумъ; артилерійское же начальство относилось къ нимъ безразлично и не брало на себя труда повѣрять ихъ, заботясь исключительно о формальной сторонѣ дѣла, то есть о своевременномъ представленіи ихъ въ высшую инстанцію.

По поводу этой формальности, поглощавшей немало писарскаго труда, позволю себѣ указать еще на другую существовавшую въ артилеріи нѣсколько десятковъ лѣтъ, а именно на экзамены, которые производились ежегодно офицерамъ, служившимъ въ строю. Съ цѣлью, вѣроятно, заставить офицеровъ заниматься учебными предметами и по производствѣ ихъ въ офицеры, состоялся приказъ по артилеріи, которымъ

предписано было подвергать ежегодно экзамену всѣхъ прапорщиковъ, и подпоручиковъ изъ того курса, который былъ пройденъ ими до производства въ офицеры; при этомъ, всѣхъ невыдержавшихъ экзамена приказано было обходить чиномъ. Экзаменъ производился офицерамъ служившимъ въ Петербургѣ и окончившимъ курсъ Артилерійскаго училища въ этомъ послѣднемъ училищѣ, а всѣмъ другимъ офицерамъ въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета; офицеры же, служившіе внѣ Петербурга, подвергались экзамену по распоряженію бригадныхъ командировъ. Угроза обходить. чиномъ офицеровъ не выдержавшихъ экзамена никого не пугала, но обратила экзаменъ въ пустую и даже смѣшную формальность. Экзаменъ производился слѣдующимъ образомъ. Офицеры собирались въ назначенный день въ Артилерійскомъ Училищѣ или въ артилерійскомъ отдѣленіи Военно-ученаго Комитета и получали отъ экзаменаціонной комиссіи билеты, на которыхъ были написаны вопросы изъ разныхъ учебныхъ предметовъ. Получивъ билеты, они поручали своимъ знакомымъ юнкерамъ или учителямъ составить отвѣты, и отвѣты эти они представляли въ экзаменаціонную комиссію иногда по истеченіи двухъ и трехъ дней. Офицеровъ, служившихъ не въ Петербургѣ, бригадные командиры обыкновенно не экзаменовали и никому не поручали ихъ экзаменовать, а предоставляли имъ самимъ составить вопросы и написать на нихъ отвѣты. Какъ мало вниманія обращало артилерійское начальство на представляемые офицерами отвѣты, можно видѣть изъ того, что вопросы, которые офицеры дѣлали самимъ себѣ были весьма оригинальнаго свойства. Такъ я себѣ написалъ вопросъ изъ ариѳметики: сколько золотниковъ въ пудѣ? а мой товарищъ князь Шаховской сдѣлалъ на своемъ экзаменномъ листѣ примѣръ большаго умноженія. Въ теченіе всего времени, когда существовали экзамены, былъ только одинъ офицеръ, кажется, подпоручикъ Григорьевъ, который, за невыдержаніе экзамена, обойденъ былъ чиномъ. Какъ могло это случиться, я не знаю; но, кажется, въ этомъ дѣлѣ экзаменъ служилъ только придиркою, а главную роль играли личныя отношенія Григорьева къ его начальству.

Командиръ гвардейской конной артилеріи былъ флигель-адъютантъ полковникъ Шварцъ, хорошій строевой офицеръ, но сухой, желчный и недоступный для молодыхъ офицеровъ; его всѣ боялись, и никто не любилъ. Зная хорошо своихъ офицеровъ, онъ позволялъ себѣ самыя грубыя выходки относительно тѣхъ, отъ которыхъ не ожидалъ получить отпора. Бывши еще юнкеромъ, я служилъ одно время въ батарейной батареѣ, которою онъ командовалъ; при мнѣ былъ такой случай. Одинъ изъ офицеровъ, только что произведенный изъ юнкеровъ,

сдѣлалъ на ученіи какую-то ошибку. Шварцъ разсердился и чуть не съ пѣной у рта закричалъ, что онъ посадитъ его—туда, указавъ рукой на конюшню. Надобно сказать, что для юнкеровъ существовало въ то время наказаніе — арестъ на конюшню, то-есть провинившіеся юнкера должны были находиться безотлучно день и ночь на конюшнѣ; тамъ они обѣдали и спали. Случалось, что нѣкоторые изъ наказанныхъ вѣшали въ пустыя стойла ковры, приносили мебель, а по вечерамъ устраивали даже кутежи, на которые приглашали своихъ товарищей. Конечно, еслибы начальство застало въ расплохъ кутившихъ юнкеровъ, то за это сильно досталось бы дежурному по конюшнямъ фейерверкеру, а также и дежурному офицеру; но юнкера были большею частію люди богатые: платя очень щедро фейерверкамъ, они ставили часовыхъ къ крыльцу бригаднаго и батарейнаго командировъ и поручали имъ тотчасъ же дать знать, если который нибудь изъ этихъ командировъ направится къ конюшнѣ; дежурныхъ же офицеровъ, которые смотрѣли сквозь пальцы на кутежи юнкеровъ, просили не приходить въ конюшню въ извѣстные часы, что̀ тѣ охотно исполняли. Послѣ ученія, на которомъ Шварцъ, какъ я выше сказалъ, обѣщалъ посадить вновь произведеннаго офицера на конюшню, офицеры собрались въ кружокъ и выразили этому офицеру удивленіе, что онъ позволилъ Шварцу сказать ему такую дерзость. Офицеръ отвѣчалъ на это очень наивно, что Шварцъ только сказалъ, но не исполнилъ того, что́ сказалъ. Отвѣтъ этотъ вполнѣ характеризуетъ офицера ,и конечно съ такими офицерами Шварцъ не церемонился. Онъ былъ грубъ и дерзокъ до невозможности; но съ офицерами, отъ которыхъ онъ могъ ожидать отпора, онъ былъ очень остороженъ. Въ его памяти сохранилось еще преданіе о скандалахъ, бывшихъ не за долго передъ тѣмъ въ Артилерійскомъ Училищѣ, гдѣ юнкеръ Елагинъ ударилъ директора Ковалько, и въ гвардейской конной артилеріи, гдѣ предмѣстникъ его генералъ Ганичевъ былъ оскорбленъ однимъ молодымъ офицеромъ Исаковымъ. Боясь такихъ исторій, Шварцъ умѣлъ себя сдерживать и былъ даже уступчивъ съ офицерами горячаго темперамента, но въ тайнѣ вредилъ имъ своими атестаціями, которыя въ то время вносились въ кондуитные списки, составлявшіе для всѣхъ секретъ. Для лучшаго выясненія характера Шварца, я разскажу въ послѣдствіи исторію столкновенія, бывшаго между нимъ и батарейнымъ командиромъ Левинымъ въ 1849 году.

Практическая стрѣльба производилась каждой батареей отдѣльно отъ другихъ батарей, съ двухъ опредѣленныхъ дистанцій; дистанціи эти были: для батарейныхъ батарей, стрѣлявшихъ $^1/_2$ пудовыми единорогами и 12-ти фунтовыми пушками—500 и 400 саженъ; а для лег-

кихъ батарей, стрѣлявшихъ $^1/_4$ пудовыми единорогами и 6-ти фунтовыми пушками—400 и 300 саженъ. По окончаніи практической стрѣльбы, назначался смотръ всей артилеріи сначала генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а потомъ Государемъ Императоромъ. На этихъ смотрахъ батареи должны были стрѣлять съ неопредѣленныхъ дистанцій; но въ виду того, что каждая батарея ставила свою мишень для стрѣльбы заранѣе и что ей указано было мѣсто, гдѣ она должна открыть огонь, такъ-называемыя неопредѣленныя дистанціи были точно вымѣрены, и мѣсто, гдѣ батарея должна сняться съ передковъ, обозначено было колышками или какимъ-нибудь другимъ знакомъ. Конечно, это былъ обманъ, котораго Государь, можетъ быть, не зналъ; но что о немъ знали всѣ артилерійскіе начальники, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Въ приказѣ, назначавшемъ день смотра, указывалось сколько зарядовъ батареи должны были имѣть съ собой и сколько онѣ должны были выпустить съ дальнихъ и ближнихъ дистанцій. По окончаніи стрѣльбы Государь Императоръ объѣзжалъ мишени; ему докладывали, сколько снарядовъ попало въ каждую мишень и сколько выстрѣлено и, судя по проценту попавшихъ, Государь выражалъ свое спасибо батареямъ. Конечно, батарейные командиры употребляли всѣ усилія, чтобы число попавшихъ снарядовъ было какъ можно болѣе и для достиженія этой цѣли прибѣгали къ разнымъ обманамъ; такъ напримѣръ, брали съ собой болѣе зарядовъ, чѣмъ было приказано, стрѣляли рѣже съ дальней дистанціи чѣмъ съ ближней, насыпали песокъ въ гранаты и т. п. Первый изъ этихъ обмановъ былъ разоблаченъ тѣмъ, что въ одной батареѣ число попавшихъ снарядовъ оказалось болѣе числа взятыхъ съ собой зарядовъ. Противъ этого обмана принята была мѣра, заключавшаяся въ томъ, что назначались штабъ-офицеры пѣхоты и кавалеріи, которые обязаны были, по прибытіи батарей на военное поле, передъ смотромъ провѣрить въ зарядныхъ ящикахъ число взятыхъ съ собою зарядовъ и затѣмъ, по окончаніи смотра, счесть число оставшихся зарядовъ. Какъ ни надежна казалась эта мѣра контроля, принятая противъ обмана, но казачья батарея, какъ говорили въ то время, умѣла обойти и этотъ контроль: пользуясь удобной формой своего обмундированія, она не клала лишне-взятые ею заряды въ зарядные ящики, а раздавала ихъ нижнимъ чинамъ, которые возили ихъ въ карманахъ своихъ широкихъ шароваръ. Вѣренъ ли этотъ фактъ съ истиной—я не знаю; но вѣрно то, что обманъ въ служебныхъ дѣлахъ былъ въ то время широко распространенъ. Подчасъ, даже нижніе чины принимали участіе въ обманѣ, чтобы поддержать своихъ начальниковъ, что́ можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства.

Многіе молодые офицеры не знали въ лицо нижнихъ чиновъ своего взвода, между тѣмъ на инспекторскомъ смотру ихъ заставляли дѣлать перекличку, ставя передъ ними взводъ. Перекликая, офицеры называли фамиліи, какія имъ приходили въ голову; а солдаты, чтобы не подвергать своего офицера отвѣтственности, по очереди отвѣчали «я», какую бы фамилію ни назвалъ офицеръ, и это дѣлалось безъ всякаго предварительнаго соглашенія или приказанія офицера, а какъ будто бы такъ и слѣдовало. Впрочемъ, надобно сказать, что не всѣ офицеры пользовались готовностью нижнихъ чиновъ поддерживать ихъ въ обманѣ; мнѣ случилось два дня сидѣть подъ арестомъ за то, что я отказался на инспекторскомъ смотру перекликать свой взводъ, объявивъ, что я знаю только нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ, но не всѣхъ. Сознаюсь, что и мнѣ приходилось подписывать бумаги, заключавшія въ себѣ явную ложь. Въ 1847 году я былъ назначенъ адъютантомъ гв. конной артилеріи. Принимая бригадную канцелярію, я былъ крайне удивленъ, когда писарь, писавшій мѣсячные рапорты, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: сколько прикажете, ваше благородіе, изъ запасныхъ покойниковъ показать умершими въ этомъ мѣсяцѣ? Я потребовалъ отъ писаря объясненія его словъ и узналъ слѣдующее. Смертность въ войскахъ была одно время такъ велика, что высшія военныя власти обратили на нее серьезное вниманіе, вслѣдствіе чего состоялся приказъ, что если, въ теченіе одного мѣсяца, умершихъ въ отдѣльныхъ частяхъ войскъ будетъ болѣе указаннаго въ приказѣ числа, то командирамъ частей долженъ быть сдѣланъ выговоръ. Въ виду того, что смертность не могла быть совершенно одинакова во всѣ 12 мѣсяцевъ года, для избѣжанія выговора показывалось въ каждомъ мѣсяцѣ не болѣе максимальнаго по приказу числа умершихъ; въ тѣхъ же мѣсяцахъ когда умирало больше этого числа, лишнихъ покойниковъ оставляли въ запасѣ, какъ выражались писаря, то-есть, они не исключались изъ списковъ и продолжали получать все содержаніе и довольствіе какъ живые; показывались же они умершими только въ тѣ мѣсяцы, когда умирало менѣе того числа, которое значилось въ приказѣ. Этимъ способомъ устранялась причина выговора, и доставлялась нѣкоторая выгода батареямъ, получавшимъ содержаніе на умершихъ. Эти невѣрности въ мѣсячныхъ отчетахъ, которыя я обязанъ былъ подписывать, переходили не только изъ одного мѣсяца въ другой, но онѣ оставлялись иногда отъ одного года до другаго.

Оффиціальный обманъ, который никѣмъ не считался за преступленіе, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ недовѣріе начальниковъ къ ихъ подчиненнымъ; на офицеровъ смотрѣли какъ на школьниковъ, которые

способны были прибѣгать ко всякимъ лживымъ уловкамъ, чтобы избѣжать взысканій по службѣ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ считалъ за особое достоинство, если офицеръ, на сдѣланный ему вопросъ, скажетъ правду, его компрометирующую. Былъ такой случай. Подпоручикъ л.-гв. гренадерскаго полка, князь Д. Волконскій, позабывъ, что былъ царскій день (въ теченіе котораго всѣ офицеры должны быть въ полной парадной формѣ), поѣхалъ обѣдать въ гостинницу въ сюртукѣ. Въ то самое время Великій Князь ѣхалъ по Литейной и замѣтилъ, что одѣтый не по формѣ *) князь Волконскій повернулъ съ Литейной на Пантелеймоновскую улицу. Не зная князя Волконскаго въ лицо и не узнавъ полка, такъ какъ онъ былъ въ зимней шинели съ бобровымъ воротникомъ, но будучи увѣренъ, что онъ желаетъ отъ него скрыться, Его Высочество собралъ всѣхъ полковыхъ командировъ и приказалъ имъ узнать, кто былъ офицеръ, котораго онъ встрѣтилъ одѣтымъ не по формѣ. Полковые командиры опросили, въ свою очередь, офицеровъ, и князь Волконскій тотчасъ же сказалъ, что это былъ онъ. Великій Князь былъ такъ доволенъ сознаніемъ князя Волконскаго, что не только не сдѣлалъ съ него никакого взысканія, но отдалъ даже въ приказахъ ему благодарность.

Служба въ лагерѣ до прихода пѣхоты и кавалеріи была легкая; практическая стрѣльба производилась батареями по очереди черезъ день, затѣмъ дѣлались домашнія ученія по распоряженію батарейныхъ командировъ, а остальное время, котораго было много, офицеры проводили большею частію въ товарищескомъ кругу, разъѣзжая изъ одной батареи въ другую. Устроивались иногда общіе обѣды всей конной артилеріи, на которые собирались всѣ офицеры, жившіе вообще очень дружно между собой. Сравнивая прошлое время съ настоящимъ, нельзя не сказать, что товарищеское чувство въ гв. конной артилеріи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ было гораздо болѣе развито, чѣмъ теперь. Офицеры составляли въ то время сплоченную корпорацію, въ которой начальство не разъ находило сильную оппозицію его произвольнымъ дѣйствіямъ; стоило начальнику сдѣлать несправедливость относительно одного офицера, чтобы возбудить противъ себя неудовольствіе всѣхъ его товарищей. Отъ этого происходило, что въ прежнее время, хотя начальники пользовались гораздо большей властію, чѣмъ потомъ, но они не рѣшались употреблять ее во зло; позднѣе же, не имѣя прежней власти, командиры частей очень часто, въ своихъ дѣйствіяхъ, руководство-

*) При мундирѣ надѣвалась каска съ султаномъ, а князь Волконскій былъ въ каскѣ безъ султана.

вались исключительно личнымъ произволомъ, зная, что всегда найдутся офицеры, которые будутъ на ихъ сторонѣ ради своихъ личныхъ интересовъ. Товарищеское чувство содѣйствовало тогда къ поддержанію на должной высотѣ нравственности и чести военной корпораціи, заставляя каждаго офицера дорожить мнѣніемъ своихъ товарищей и не увлекаться эгоизмомъ на путь своекорыстныхъ цѣлей, несогласныхъ съ достоинствомъ военнаго званія. Въ то время не существовало офицерскаго суда, но офицеры такъ чутко относились къ дѣламъ чести, что и безъ всякой регламентаціи умѣли оберегать свое достоинство отъ покушеній на него. Слѣдующій случай можетъ служить тому доказательствомъ.

Гвардейская артилерія комплектовалась въ то время преимущественно офицерами, окончившими курсъ въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища. Изъ числа окончившихъ курсъ въ 1844 г. и пожелавшихъ служить въ гв. конной артилеріи, были два офицера, которые въ офицерскихъ классахъ имѣли весьма непріятную исторію. Одинъ изъ нихъ П—въ постоянно подсмѣивался надъ другимъ X—мъ; наконецъ, насмѣшки П—ва до такой степени разсердили X—на, что, держа въ рукахъ линейку, онъ ударилъ П—ва по лицу. Товарищи помирили ихъ, и исторія эта не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій; но когда о ней узнали офицеры гв. конной артилеріи, то они, не входя въ разбирательство, кто былъ правъ и кто виноватъ, объявили, что не хотятъ служить съ офицеромъ, который былъ битъ; можетъ быть, этотъ послѣдній получилъ ударъ совершенно невинно, но оберегая честь мундира, они считали себя обязанными просить П—ва не выходить на службу въ гв. конную артилерію. Получивъ этотъ запретъ, П—въ довелъ о немъ до свѣдѣнія Сумарокова, бывшаго въ то время начальникомъ гвардейской артилеріи. Сумароковъ, считая поступокъ офицеровъ съ П—ымъ и самовольнымъ, и подрывающимъ авторитетъ власти (которая одна, по его мнѣнію, была въ правѣ судить о нравственныхъ качествахъ офицеровъ) перевелъ П—ва въ гв. конную артилерію, не смотря на протестъ офицеровъ. Тогда офицеры рѣшили единогласно не кланяться, не говорить съ П—ымъ и не принимать его въ свое общество, сколько бы времени онъ ни служилъ въ гв. конной артилеріи, и рѣшеніе это они исполнили. Надобно было имѣть особенное терпѣніе П—ва, чтобы жить и ежедневно встрѣчаться съ людьми, которые отъ него отворачивались и переносить отъ нихъ разныя униженія и невѣжливыя выходки. П—въ имѣлъ это терпѣніе и дослужился до капитанскаго чина; но затѣмъ ему объявлено было отъ имени начальства, что онъ не получитъ гвардейской батареи, вслѣдствіе чего онъ перешелъ на какую-то другую службу. Если провести паралель между

этимъ случаемъ, бывшимъ въ 40-хъ годахъ и исторіей Квитницкаго, бывшаго въ гв. конной артилеріи въ 70-хъ годахъ, то нельзя не видѣть громадной разницы между нравственнымъ направленіемъ офицеровъ того времени и взглядами ихъ на честь мундира въ позднѣйшее время. Въ исторіи П—ва офицеры единогласно отказались принять въ свою среду человѣка, который имѣлъ несчастіе получить ударъ въ лицо; не зная вовсе П—ва, они это сдѣлали исключительно въ огражденіе чести своего мундира. Въ исторіи Квитницкаго офицеры раздѣлились на партіи, изъ которыхъ одну поддерживало начальство гв. конной артилеріи и, хотя никто изъ офицеровъ не могъ указать ни одного позорящаго поступка, сдѣланнаго Квитницкимъ, тѣмъ не менѣе, партія обвинителей, при поддержкѣ начальства, добилась преданія Квитницкаго офицерскому суду и исключенія его изъ гв. конной артилеріи за то, какъ выяснилось на судѣ, что онъ неуживчиваго характера и что онъ одѣвается неряшливо. И такъ, въ исторіи П—ва офицеры, подъ вліяніемъ высокаго понятія о воинской чести, рѣшились идти даже въ разрѣзъ съ желаніемъ начальства; въ исторіи же Квитницкаго, они, въ угоду начальству, исключили изъ своей среды человѣка, неповиннаго ни въ одномъ безчестномъ поступкѣ. Сопоставленіе этихъ фактовъ ясно говоритъ, что прежніе офицеры умѣли высоко держать знамя своей корпораціи, хотя не имѣли на это ни правъ, ни писаныхъ правилъ. Въ позднѣйшее же время даже такое высокое учрежденіе, какъ офицерскій судъ, не только не обезпечивало достоинства корпораціи офицеровъ, но служило подчасъ средствомъ для достиженія личныхъ своекорыстныхъ цѣлей. Кромѣ описанныхъ фактовъ, я могу привести еще и то обстоятельство, о которомъ я уже говорилъ, а именно, что офицеры 1-й легкой батареи отказывали себѣ въ хорошемъ обѣдѣ, единственно потому, что не хотѣли поставить своего товарища Кельдермана въ щекотливое относительно ихъ положеніе; позднѣе же, какъ мнѣ извѣстно, въ нѣкоторыхъ полкахъ устроивались дорого стоящіе офицерскіе клубы, покупались разные подарки, сбирались съ офицеровъ немалыя деньги для празднованія полковыхъ праздниковъ, и все это дѣлалось, отчасти, въ противность писанымъ правиламъ и безъ всякаго вниманія къ тѣмъ небогатымъ офицерамъ, которые, не имѣя средствъ для оплаты заводимой роскоши въ полкахъ, бываютъ вынуждены оставлять службу. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы существовало между офицерами товарищеское чувство прежняго времени, то удаленіе офицеровъ изъ службы только потому, что они бѣдны, было бы дѣломъ невозможнымъ.

III.

Имѣя въ лагерѣ свой экипажъ, я ѣздилъ къ товарищамъ въ другія батареи и къ знакомымъ на дачи. Чаще всего я бывалъ въ 3-й легкой батареѣ у князя Николая Волконскаго, съ которымъ служилъ юнкеромъ и съ которымъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Нерѣдко пріѣзжали и къ намъ офицеры другихъ батарей. Всѣмъ очень нравилось мѣсто нашей стоянки какъ потому, что она была вдали отъ шума и постояннаго движенія центральныхъ мѣстностей лагеря, такъ и потому, что у насъ были чистый деревенскій воздухъ и красивая мѣстность. Деревня Телези расположена у опушки небольшаго сосноваго лѣса, дававшаго прекрасную тѣнь, что̀ было особенно пріятно въ жаркіе лѣтніе дни; близъ избы, въ которой я помѣстился съ Левинымъ, была небольшая лужайка, на которой мы обыкновенно пили чай и гдѣ принимали нашихъ гостей, которыхъ собиралось иногда до 10 человѣкъ. Веселый говоръ, шутки и разсказы о разныхъ любовныхъ похожденіяхъ поддерживали на нашихъ сборищахъ общую веселость; случалось, что варили иногда жженку и пѣли хоромъ пѣсни нецензурнаго содержанія, но игры въ карты вовсе не было: большинство молодыхъ офицеровъ не умѣли даже играть въ карты, а изъ старшихъ офицеровъ, если нѣкоторые играли, то вели большую игру въ банкъ. Такъ напримѣръ говорили, что извѣстный герой Севастополя Хрулевъ, бывшій въ то время казначеемъ гвардейской конной артилеріи, выигралъ у Вадковскаго 300 тысячъ рублей. По праздникамъ мы ѣздили съ Левинымъ въ Петергофъ и въ Павловскъ, но чаще всего мы бывали въ гостяхъ у одного батарейнаго командира гв. пѣшей артилеріи полковника С..., жена котораго была чрезвычайно миловидна; у нея собирались ея пріятельницы, жены товарищей ея мужа, одна другой красивѣе и кокетливѣе. Скучать въ такомъ обществѣ было, конечно, невозможно. Посѣщая его, я окончательно забылъ Бетси и готовъ былъ влюбиться въ m-me С... Мужъ ея былъ дальній родственникъ моей матери; зная меня съ дѣтства и будучи почти вдвое старше меня лѣтами, онъ считалъ себя въ правѣ давать мнѣ совѣты и дѣлать наставленія, что̀ мнѣ весьма не нравилось, и вслѣдствіе этого я у него бывалъ весьма рѣдко. Съ женой же его я познакомился за два года передъ тѣмъ, когда она ожидала появленія на свѣтъ ея перваго сына; она мнѣ показалась весьма некрасивою. По приходѣ батареи въ лагерь, я случайно встрѣтилъ С... на военномъ полѣ; увидавъ меня, онъ очень обрадовался и взялъ съ меня слово, что я пріѣду къ нему въ Горки (деревня на лѣвой сторонѣ Дудергофской горы), гдѣ

жена его нанимала дачу. Я обѣщалъ быть у него и черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Горки. Я нашелъ тамъ большое общество. M-me С... приняла меня очень любезно и познакомила съ бывшими у нея ея пріятельницами, изъ которыхъ одна, а именно К..., тоже жена одного батарейнаго командира, была такъ хороша собой и такъ граціозна, что невольно бросилась мнѣ въ глаза; за ней ухаживали нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ офицеровъ гв. пѣшей атиллеріи. Мужъ С... предложилъ мнѣ остаться обѣдать; оказалось, что я попалъ на какой-то семейный праздникъ; послѣ обѣда сѣли играть въ карты, предлагали и мнѣ принять участіе въ игрѣ, но я отказался, чѣмъ m-me С... осталась очень довольна и удвоила свою любезность относительно меня. Я пробылъ у С...ыхъ цѣлый день и уѣхалъ очарованный моими новыми знакомыми; надѣвая передъ отъѣздомъ шинель, я, по разсѣянности, взялъ шинель мужа С.... Обстоятельство это дало мнѣ предлогъ поѣхать къ С... на другой же день для обмѣна шинели. Этотъ разъ жена С..., которую буду называть Ольгой, была дòма одна. Извинившись въ моей разсѣянности и пробывъ у нея нѣсколько минутъ, я хотѣлъ вернуться домой; но она меня просила провести съ ней вечеръ, чтò я охотно исполнилъ и уѣхалъ отъ нея только въ 12 часовъ ночи. Ольгу С... нельзя было назвать красавицей; черты ея лица были неправильны, глаза сѣрые, но при живомъ и веселомъ характерѣ, обращеніе ея со мной было такъ непринужденно и безцеремонно, и она съ такой искренностію и откровенностью высказывала мнѣ свои взгляды, что во мнѣ невольно пробудилось какое-то особенное къ ней чувство, которое было весьма близко къ любви. Съ Левинымъ я былъ вполнѣ откровененъ, но не рѣшился признаться ему въ томъ чувствѣ, которое возбудила во мнѣ Ольга С...: мнѣ было совѣстно, и передъ нимъ, и передъ самимъ собой сознать свое непостоянство и свою вѣтренность; мнѣ хотѣлось думать, что я не забылъ еще Бетси и что чувство мое къ Ольгѣ С... было не любовь, а лишь уваженіе къ высокимъ качествамъ ея ума и сердца. Левинъ, какъ оказалось, гдѣ-то встрѣчалъ Ольгу С...; я предложилъ ему познакомиться съ ней, поѣхавъ вмѣстѣ со мной; онъ согласился. Мужъ С... принялъ его очень хорошо, какъ товарища по оружію и какъ моего пріятеля; Ольга же С... меня благодарила даже за пріятное знакомство, которое я ей доставилъ. Я побывавъ нѣсколько разъ у Ольги С... вмѣстѣ съ Левинымъ и замѣтилъ, что она ему очень нравится. Возвратившись однажды поздно вечеромъ изъ Горокъ, я легъ спать; Левинъ сѣлъ ко мнѣ на кровать и сказалъ, что онъ не дастъ мнѣ спать, пока не подѣлится со мной тѣмъ счастьемъ, которое выпало на его долю; при этомъ онъ объяснилъ, что съ перваго дня его знакомства съ Ольгой С... онъ почувствовалъ къ ней горячую любовь; но затаивъ это чувство въ душѣ

своей, онъ страдалъ и молчалъ. «Наконецъ, сегодня, сказалъ онъ, я убѣдился, что С... платитъ мнѣ взаимностью, и я считаю себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!» При этомъ онъ взглянулъ на меня; я лежалъ недвижимъ съ закрытыми глазами... Предположивъ, что я сплю, онъ съ досадой ушелъ къ себѣ на кровать. Но я не спалъ: сонъ былъ далекъ отъ меня; услышанное мной признаніе Левина поразило меня какъ громовой ударъ; ревность и злоба овладѣли моимъ сердцемъ, и въ головѣ тѣснились такія нелѣпыя мысли, о которыхъ совѣстно даже вспомнить. Я прочиталъ передъ тѣмъ какой-то Французскій романъ, въ которомъ герой разсказа рѣшился на самоубійство съ цѣлью возбудить въ его соперникѣ упреки совѣсти и тѣмъ отравить его счастіе; мнѣ казалось, что я нахожусь въ такомъ точно положеніи и что я долженъ поступить также какъ этотъ герой. Отъ этихъ сумасбродныхъ мыслей голова моя горѣла какъ въ огнѣ, я всталъ и вышелъ изъ избы; заря уже занялась, но солнце было за горизонтомъ; холодный утренній воздухъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ и благотворно подѣйствовалъ на мое нервное возбужденіе; наконецъ, разсудокъ мало по малу вступилъ въ свои права, я разсмѣялся, вспомнивъ тѣ нелѣпыя представленія, которое создало мое разстроенное воображеніе и твердо рѣшился, скрывъ отъ Левина все, что̀ я перечувствовалъ въ эту ночь, быть вѣрнымъ хранителемъ тайны его любви къ С... и употреблять всѣ усилія надъ собой, чтобы изгнать изъ сердца то чувство, которое она во мнѣ зародила. Этого требовали моя честь и дружба къ Левину. Успокоенный принятымъ рѣшеніемъ, я хотѣлъ вернуться въ избу; но въ это время въ авангардномъ лагерѣ взвилась ракета, и за ней послѣдовали выстрѣлы съ разныхъ батарей въ большомъ лагерѣ. Тревога! закричалъ я дежурному фейерверкеру и бросился въ комнату будить Левина. Черезъ пять минутъ намъ подали лошадей, а черезъ ¼ часа батарея шла уже прибавленной рысью на военное поле.

Батарея наша состояла при кирасирской дивизіи, которая собиралась по тревогѣ на военномъ полѣ, у самаго выхода изъ Краснаго Села. Хотя кавалергарды, конная гвардія и кирасиры Его Величества стояли въ самомъ Красномъ Селѣ, а мы были въ 7 верстахъ отъ него, тѣмъ не менѣе батарея наша пришла къ сборному пункту ранѣе, чѣмъ собралась вся кирасирская дивизія. Надобно сказать, что кирасиры того времени были, можетъ быть, очень хороши для парадовъ, но они никуда не годились для военнаго времени: на нихъ были надѣты кирасы, которыя вѣсили около 30 фунтовъ; каска и все вооруженіе ихъ, состоявшее изъ пикъ, карабиновъ и палашей, представляли такую тяжесть которая стѣсняла ихъ свободныя движенія; имѣя громаднаго роста ло-

шадей, они садились на нихъ не иначе какъ съ помощію пики, втыкая ее въ землю. Какъ неповоротливы и неловки были кирасиры, примѣромъ можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Близъ деревни Лемпелево, поле было покрыто мелкимъ кустарникомъ, среди котораго была небольшая яма; яма эта называлась *кирасирской*, потому что послѣ прохода по этой мѣстности кирасирской дивизіи, что̀ всегда бывало во время маневровъ, въ ней обыкновенно лежало два или три кирасира съ лошадьми. Наши артилеристы, помогая имъ выкарабкиваться изъ ямы, смѣялись надъ ними и называли ихъ *талагаями*. Каріеръ у кирасиръ былъ такъ малъ, что наша батарея безъ труда перегоняла ихъ, идя большимъ галопомъ.

Вызвавъ войска по тревогѣ, императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ обыкновенно односторонній маневръ, послѣ котораго всѣ полки и артилерія собирались у *валика* на военномъ полѣ, строились въ густыя колоны и проходили мимо Императора съ музыкой и пѣснями. Этотъ церемоніальный маршъ называли Французскимъ словомъ *coup d'oeil*, а солдаты прозвали его *куделькой*. Вернувшись послѣ тревоги домой, я такъ былъ утомленъ безсонной ночью, что заснулъ какъ убитый, позабылъ все и всѣхъ и проснулся только на другой день, въ которой войскамъ былъ данъ отдыхъ. Пообѣдавъ, я предложилъ Левину ѣхать вмѣстѣ съ нимъ къ С...; но ради осторожности, чтобы не возбудить *какого либо* подозрѣнія мужа, Левинъ просилъ меня ѣхать одного и передать Ольгѣ С... письмо, въ которомъ онъ назначалъ ей гдѣ-то свиданіе; при этомъ онъ сказалъ, что открылъ мнѣ свою сердечную тайну съ согласія Ольги С., что она имѣетъ великое ко мнѣ довѣріе и называетъ меня своимъ лучшимъ другомъ. И горько, и пріятно отозвались слова Левина въ моемъ сердцѣ. Я взялъ письмо и поѣхалъ. Когда я пріѣхалъ къ С., мужъ ея игралъ въ карты въ комнатахъ, а она пила чай въ саду съ своей пріятельницей К. и съ однимъ офицеромъ гвардейской пѣшей артилеріи Р., который былъ по уши влюбленъ въ К. Помѣстившись за чайный столъ, я вскорѣ остался одинъ съ Ольгой С., такъ какъ К. и Р. въ это время пошли прогуляться по саду. «У меня есть письмо къ вамъ», сказалъ я ей.— Отъ кого? спросила она, слегка покраснѣвъ. —«Отъ Левина», отвѣчалъ я, и подалъ ей письмо. Она быстро его спрятала и предложила мнѣ такой вопросъ: «Хорошо ли вы знаете моего мужа?» Я отвѣчалъ, что знаю его очень мало. «Я васъ познакомлю съ нимъ, сказала она, и тогда вы поймете все и, можетъ быть, не осудите меня за мой, повидимому, легкомысленный поступокъ». Послѣ этого предисловія, она мнѣ разсказала, что мужъ ея сквернѣйшаго и деспотическаго характера, что онъ постоянно

оскорбляетъ ея самолюбіе, что онъ ревнуетъ ее даже къ ея пріятельницамъ, а этимъ послѣднимъ говоритъ не только непріятныя вещи, но даже грубости, наконецъ, что онъ окружаетъ ее людьми, которыхъ она не терпитъ и которые служатъ ему шпіонами; тѣхъ же, которые ей симпатичны, онъ старается всячески удалять отъ нея, и такъ далѣе. «Я любила мужа, продолжала она, но онъ сдѣлалъ все, чтобы уничтожить во мнѣ эту любовь; жить же безъ любви женщина не можетъ: въ любви ея горе и радость, ея счастье и несчастье. Чѣмъ же я виновата, что судьба послала мнѣ вполнѣ достойнаго человѣка, который отдалъ мнѣ свое сердце и потребовалъ моего? Отказать ему я была не въ силахъ; пусть Богъ за это меня судитъ, а не люди! Скажите, прибавила она, считаете ли вы себя въ правѣ бросить въ меня камнемъ, или нѣтъ?»—«Нѣтъ» отвѣчалъ я. Въ это время подошла К.; я взялъ фуражку и уѣхалъ.

На другой день мы поѣхали съ Левинымъ верхомъ на Дудергофъ, гдѣ Левинъ назначилъ свиданіе С. на какой-то тропинкѣ. Проѣхавъ Вилози, я повернулъ на право, а Левинъ взялъ на лѣво; при этомъ мы условились къ 9-ти часамъ быть на фермѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ обратный путь. Поднявшись на Дудергофскую гору, я увидалъ К. верхомъ, окруженную офицерами гвард.-пѣшей артилеріи. Она лихо подскакала ко мнѣ и, заливаясь смѣхомъ, сказала мнѣ пофранцузски: «Je veux me casser la tête, voulez-vous me tenir compagnie?» *) При этомъ она объяснила, что она предложила своимъ кавалерамъ спуститься съ горы въ карiеръ, но всѣ они отказались. «Надѣюсь, прибавила она, что вы согласитесь исполнить этотъ маленькій мой капризъ и не откажитесь быть моимъ кавалеромъ». Я сказалъ ей, что жизнь мнѣ не дорогá, что я готовъ исполнить ея желаніе; но я увѣренъ, прибавилъ я, что она ничѣмъ не рискуетъ, такъ какъ сама судьба позаботится о спасеніи такой прекрасной головки, какъ ея, для счастья преданныхъ ей сердецъ. Она ударила свою лошадь хлыстомъ, и мы понеслись подъ гору полнымъ карiеромъ. Спустившись благополучно внизъ и дождавшись кавалеровъ К....ой, я съ ней раскланялся и поѣхалъ на ферму, гдѣ Левинъ меня уже ждалъ. Когда мы ѣхали съ нимъ домой, разговоръ нашъ коснулся К. По словамъ его эта женщина горячо любила своего мужа; она позволяла себѣ кокетничать ради забавы; ей нравилось быть окруженной обожателями; она играла съ ними въ любовь, но сердце ея всецѣло принадлежало мужу. Конечно, кокетство ея было весьма предосудительно, она разжигала страсти и давала надежды, которыхъ не могла и не хотѣла исполнить, и тѣмъ самымъ довела одного изъ своихъ обожателей до сумашедствія. Мужъ

*) Я хочу сломать себѣ голову; хотите вмѣстѣ?

зналъ и видѣлъ все, но будучи увѣренъ въ своей женѣ, онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на ея вольное обращеніе съ молодыми людьми. Случай, бывшій съ ней чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того времени, которое я описываю, можетъ дать наилучшее понятіе о ея характерѣ. Мужъ ея, прокомандовавъ около семи лѣтъ одной изъ батарей 1-ой гвардейской артилерійской бригады, былъ назначенъ командиромъ армейскаго кавалерійскаго полка, стоявшаго гдѣ-то на Югѣ. Будучи звѣздой немалой величины въ Петербургѣ, она блистала особеннымъ блескомъ въ провинціальномъ обществѣ; ей всѣ поклонялись: ее любили старики, которымъ она умѣла каждому сказать что нибудь пріятное; въ нее были влюблены всѣ молодые офицеры полка. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, имѣя смѣлый и рѣшительный характеръ, пришелъ къ ней въ то время когда она сидѣла одна въ саду съ книгой въ одной рукѣ и держала въ другой маленькій металическій ножикъ въ видѣ кинжала для разрѣзыванія листовъ. Объяснивъ ей свою пламенную любовь, онъ хотѣлъ ее обнять, но она быстро вскочила и объявила, что будетъ защищаться маленькимъ кинжаломъ; въ это время на помощь офицеру вышелъ изъ кустовъ его товарищъ, но не смотря на общую ихъ атаку, она такъ хорошо дѣйствовала своимъ маленькимъ оружіемъ, что, нанеся нѣсколько ранъ обоимъ противникамъ, обратила ихъ въ бѣгство. Исторія эта надѣлала много шума въ той мѣстности, гдѣ стоялъ полкъ, и затѣмъ дошла до Петербурга.

Лагерь близился къ концу; въ исходѣ Іюля мѣсяца назначены были 18-ти дневные маневры подъ Нарвой. Одной стороной командовалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій), а другой стороной—какой-то генералъ подъ главнымъ руководствомъ самаго императора Николая Павловича. Государь не любилъ Муравьева; но, желая удовлетворить общественное мнѣніе, которое считало его способнымъ генераломъ, онъ далъ ему командовать отрядомъ на маневрахъ, съ тѣмъ, какъ говорили, чтобы, испытавъ его военныя способности, дать ему корпусъ. Муравьевъ блестящимъ образомъ выдержалъ испытаніе; онъ разбилъ врага, который былъ гораздо сильнѣе его. Сколько я помню, случилось это слѣдующимъ образомъ. Въ двухъ или трехъ переходахъ отъ Нарвы, карасирская дивизія, при которой состояла наша батарея, атаковала войска Муравьева и, заставивъ ихъ отступить, направилась на назначенный ей по росписанію ночлегъ, верстахъ въ 10-ти отъ мѣста боя. Дорога лежала по лѣсу, мы шли въ походномъ порядкѣ, орудія были разряжены; позабывъ совершенно о непріятелѣ, мы думали только о томъ, какъ бы скорѣе дойти до нашихъ обозовъ, которые заранѣе были посланы на мѣсто ночлега. Вдругъ мы услышали въ лѣсу вы-

стрѣлы и увидѣли непріятельскихъ стрѣлковъ, стрѣлявшихъ въ насъ изъ за деревьевъ. Конечно, еслибы это было настоящее дѣло, то кирасирскую дивизію и нашу батарею можно было бы считать погибшими. При первыхъ раздавшихся выстрѣлахъ, колона наша пошла большимъ галопомъ, чтобы скорѣе выйти изъ лѣса; но мы проскакали около 15 верстъ, прежде чѣмъ дошли до поляны, на которой могла развернуться и дѣйствовать кавалерія. Была уже ночь, мы остановились на этой полянѣ и прождали до утра нашихъ обозовъ; въ кирасирской дивизіи пало нѣсколько лошадей. Муравьевъ, какъ оказалось, сдѣлалъ обходное движеніе и умѣлъ такъ его замаскировать, что въ нашемъ отрядѣ узнали о немъ только тогда, когда стрѣлки заняли лѣсъ у насъ въ тылу; оплошность нашего отряда объясняли тѣмъ, что, по картамъ нашего генеральнаго штаба, мѣстность, по которой прошелъ Муравьевъ, считалась непроходимою. Государь очень благодарилъ Муравьева за маневры и вскорѣ назначилъ его командиромъ гренадерскаго корпуса; мы же, просидѣвъ цѣлый день на лошадяхъ, ничего не пивши и не ѣвши, посылали ему немало проклятій за его военную хитрость.

Послѣ маневровъ, черезъ два дня, назначенъ былъ парадъ всѣмъ войскамъ на военномъ полѣ, въ парадной формѣ, какъ это дѣлалось каждый годъ; а на другой день парада войска выступили изъ лагеря.

IV.

По окончаніи лагеря, батареи гвардейской конной артилеріи отправлялись обыкновенно на травяное довольствіе, то-есть батарейные командиры нанимали въ окрестностяхъ Петербурга луга, которые солдаты косили и кошеной травой кормили лошадей. Травяное довольствіе давало батарейнымъ командирамъ значительныя денежныя выгоды, такъ какъ весь отпускаемый за это время фуражъ оставался у нихъ въ экономіи. Солдаты были очень довольны идти на траву вслѣдствіе свободы, которою они тамъ пользовались и вслѣдствіе отдыха имъ даваемаго отъ строевыхъ ученій; кромѣ того, во время травянаго довольствія ихъ кормили улучшенною пищей. Офицерамъ не было надобности находиться въ это время всѣмъ въ батареяхъ на лице, такъ какъ никакихъ ученій больше не было; требовалось только, чтобы во всякое время находилось въ батареяхъ, по очереди, не менѣе двухъ офицеровъ; остальные же офицеры могли жить гдѣ имъ было угодно; нѣкоторые уѣзжали даже за сотни верстъ отъ Петербурга. Въ томъ году, который я описываю, погода въ Августѣ мѣсяцѣ была великолѣпная, дачи были

полны народомъ; въ Новой Деревнѣ давались ежедневно представленія подъ управленіемъ извѣстнаго антрепренера Излера; въ Царскомъ Селѣ происходили скачки, на которыя собиралась масса офицеровъ; Царскосельская желѣзная дорога перевозила по 8-ми огромныхъ поѣздовъ въ день изъ Петербурга въ Павловскъ, гдѣ игралъ по вечерамъ извѣстный въ то время оркестръ Ивана Гунгля и гдѣ назначались иногда маскарады. Маскарады были очень оживлены; лейбъ-гусары не жалѣли денегъ на Шампанское, которымъ сами угощались и угощали масокъ, принадлежавшихъ большею частію къ категоріи дамъ изъ полусвѣта.

Во время танцевъ я былъ свидѣтелемъ, на одномъ изъ этихъ маскарадовъ, слѣдующаго случая. Какой-то штатскій господинъ въ сѣрой шляпѣ пустился танцовать легкіе танцы и выдѣлывалъ ногами пресмѣшные па; офицеры окружили танцующихъ, аплодировали этому господину, и едва онъ переставалъ танцовать, кричали ему: «*сѣрая шляпа, танцуй!*» Не смѣя ослушаться, онъ продолжалъ танцовать, хотя потъ лилъ съ него градомъ. Въ это время изъ толпы выдѣлился какой-то весьма порядочный молодой человѣкъ, подошелъ къ смѣшному танцору и, попросивъ у него шляпу, надѣлъ ее себѣ на голову; затѣмъ, обратившись къ кричавшимъ офицерамъ, онъ имъ объяснилъ, что сѣрая шляпа теперь на его головѣ и что тотъ, который повторитъ возгласъ: *сѣрая шляпа, танцуй!* будетъ имѣть дѣло съ нимъ, а не съ ея владѣльцемъ. Видя его рѣшительный и вызывающій тонъ, офицеры разсмѣялись и, ничего не сказавъ, отошли отъ танцующихъ. Этотъ случай можетъ служить, въ нѣкоторомъ родѣ, характеристикой того времени, которое я описываю. Офицеры очень хорошо понимали, что всякое слово, сказанное кѣмъ-нибудь изъ нихъ защитнику плохаго танцора, могло имѣть своимъ послѣдствіемъ дуель; рисковать же дуелью по такому пустому поводу и съ лицемъ никому неизвѣстнымъ было бы крайне неблагоразумно. Въ настоящее время мысль о дуэли никому вѣроятно не пришла бы въ голову, и съ смѣльчакомъ раздѣлались бы кулаками; но въ то время, хотя кулачная расправа была въ большомъ ходу, но только съ лицами, принадлежавшими къ низшимъ сословіямъ, между же дворянами и лицами, занимавшими одинаковое общественное положеніе, дуэль была единственнымъ принятымъ средствомъ для защиты своей чести, не смотря на то, что, по законамъ тогдашняго времени, наказанія за дуэль были гораздо строже, чѣмъ въ настоящее время. Отказаться отъ дуэли, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, или не вызвать на дуэль оскорбителя считалось въ то время дѣломъ нечестнымъ.

Позволю себѣ, при этомъ случаѣ, разсказать о двухъ дуэляхъ, въ которыхъ я долженъ былъ быть секундантомъ, но которыя не состоялись по счастливымъ, но независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ. Обѣдая нерѣдко на Михайловской улицѣ въ гостинницѣ Кулона (перешедшей потомъ къ Клею), я познакомился тамъ съ однимъ офицеромъ Семеновскаго полка П.; затѣмъ я его встрѣчалъ у Левина, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Пріѣхавъ однажды обѣдать къ Кулону, я замѣтилъ, что П. говорилъ очень горячо съ какимъ-то пѣхотнымъ офицеромъ; я сѣлъ обѣдать за другимъ столомъ. Послѣ обѣда П. подошелъ ко мнѣ и объяснивъ, что онъ вызвалъ на дуэль офицера, съ которымъ говорилъ, за то, что тотъ оскорбительно отозвался о знакомой П. особѣ, просилъ меня быть его секундантомъ. Отказаться я считалъ невозможнымъ. Вскорѣ послѣ П. подошелъ ко мнѣ и офицеръ, вызванный на дуэль. «Наказаніе для секундатовъ по нашимъ законамъ, сказалъ онъ, весьма строгое; но такъ какъ вы согласились уже быть секундантомъ у П., то позвольте васъ просить быть одновременно и моимъ секундантомъ; этимъ вы нисколько не увеличите вашей отвѣтственности передъ закономъ, а избавите отъ наказанія то лице, котораго, въ случаѣ вашего отказа, я долженъ буду пригласить въ секунданты». Неожиданная просьба офицера, котораго я не только не зналъ, но и никогда не видалъ, такъ меня поразила, что, не сообразивъ ея нелѣпости, я согласился ее исполнить; противники поручили мнѣ назначить условія дуели, сказавъ, что они вполнѣ полагаются на меня и на все будутъ согласны. Пріѣхавъ домой и обдумавъ то странное положеніе, въ которое я себя поставилъ, я рѣшился назначить самыя строгія условія дуели, полагая, что если причина дуели, которой въ точности я не зналъ, была серьозная, то и дуель должна быть серьозная; а если причина пустая, то назначеніе серьозной дуели можетъ повести къ примиренію. Оказалось, что я не ошибся. Объявивъ противникамъ, что дуель должна быть черезъ платокъ съ однимъ заряженнымъ пистолетомъ, я замѣтилъ видимое ихъ смущеніе; вскорѣ послѣдовалъ миръ, и на другой день мы пили втроемъ Шампанское въ гостинницѣ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ должна была состояться дуель.

Другая дуель имѣла серьозный поводъ, и съ однимъ изъ противникомъ меня связывала тѣсная дружба. Дѣло это было въ 1849 году, въ Дерптѣ, во время похода гвардіи въ наши западныя окраины. Товарищъ мой к. В. имѣлъ несчастіе обѣдать съ однимъ офицеромъ Ш. который, воспользовавшись тѣмъ, что к. В. растегнулъ сертукъ, вынулъ у него изъ кармана тысячу рублей денегъ и часы съ цѣпочкой. Затѣмъ, когда к. В. просилъ возвратить взятыя у

него вещи, офицеръ Ш. отвѣчалъ, что онъ никогда ихъ не бралъ и что вѣроятно к. В. былъ пьянъ и ихъ потерялъ. Такое нахальство такъ разсердило к. В., что онъ публично заявилъ, что Ш. его обокралъ; этотъ же послѣдній увѣрялъ всѣхъ, что к. В. взвелъ на него клевету. Конечно, исторія эта не могла иначе кончиться какъ дуелью. Любя к. В. и будучи убѣжденъ, что онъ былъ жертвой нахальнаго воровства, я предложилъ ему быть его секундантомъ. По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, офицеръ Ш. дѣйствительно вызвалъ к. В. на дуель и обѣщалъ прислать въ назначенный день и часъ ко мнѣ своего секунданта, для регулированія условій дуели, но я просидѣлъ нѣсколько дней дома и секунданта не дождался; наконецъ, я узналъ, что Ш. уѣхалъ въ отпускъ въ Ярославскую губернію, а затѣмъ офицеры полка, въ которомъ онъ служилъ, заставили его выдти въ отставку. Если бы эта грустная исторія случилась въ позднѣйшее время, то она вѣроятно и велась бы иначе и имѣла бы другой исходъ. Во первыхъ, к. В. счелъ бы себя, можетъ быть, въ правѣ отказаться отъ дуели, такъ какъ противникъ его былъ отъявленный воръ; во вторыхъ, если бы полкъ, въ которомъ служилъ Ш., назначилъ надъ нимъ офицерскій судъ, то, не имѣя никакихъ уликъ противъ Ш. въ сдѣланной имъ кражѣ и слыша его увѣренія, что к. В. его оклеветалъ, судъ, можетъ быть, не выгналъ бы его изъ полка, и такимъ образомъ виноватымъ остался бы честнѣйшій и благороднѣйшій к. В., а Ш. служилъ бы по прежнему подъ Русскими знаменами. Полковые товарищи Ш. мнѣ говорили впослѣдствіи, что они выгнали Ш. не за воровство, въ которое они не считали себя въ правѣ вѣрить, а за то, что онъ уклонился отъ дуели.

По окончаніи травянаго довольствія, 1-я батарея пришла въ Петербургъ на зимнюю стоянку. Обученіе нижнихъ чиновъ лежало на обязанности старшихъ офицеровъ, командовавшихъ дивизіонами (полубатареями); младшіе же офицеры (взводные командиры) дежурили, ходили во внутренній караулъ въ Зимній Дворецъ и ѣздили на ординарцы. Ѣздившихъ на ординарцы въ 1-й батареѣ было трое: я, Хлюстинъ и Павловъ (Владимиръ). У насъ были прекрасныя лошади, извѣстныя въ то время всей конной артилеріи: Милордъ, Кочуй и Пѣтухъ. Дежурить приходилось по двумъ батареямъ, стоявшимъ въ Петербургѣ одинъ разъ въ 8 или 10 дней; внутренній караулъ на половинѣ Наслѣдника Цесаревича занимали по очереди конная артилерія, конно-піонеры и гвардейскіе жандармы (для каждаго офицера очередь наступала не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ); на ординарцы же къ Государю Императору каждому изъ насъ пришлось подъѣхать во всю зиму всего два или три раза.

Изъ этого видно, что служба была не тяжелая; тѣмъ не менѣе многіе молодые офицеры ею тяготились, а нѣкоторые такъ манкировали своими обязанностями, что позволяли себѣ на ночь уѣзжать съ дежурствъ. Служба вообще никого не интересовала, никто не относился къ ней серьезно, всѣ смотрѣли только на формальную сторону дѣла, не заботясь о сущности. Такъ напримѣръ, приказано было нижнимъ чинамъ имѣть съ собой пистолеты во внутреннемъ караулѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, и пистолеты у нихъ пристегивались съ боку съ точнымъ соблюденіемъ формы, а о томъ что при пистолетахъ не было патроновъ никто не заботился; въ офицерскихъ сѣдлахъ имѣлись кебуры для пистолетовъ и чемоданчики, но въ кебуры, вмѣсто пистолетовъ, вкладывались деревянные болванки, а чемоданчики дѣлались глухіе и набивались соломой. Случалось, что на маневрахъ отдавалось въ приказахъ, чтобы передъ выступленіемъ нижніе чины пообѣдали, а выступленіе назначалось въ 5 часовъ утра! Солдаты, видя, что ихъ взводные командиры относятся къ службѣ пренебрежительно, ставили ихъ ни во что, а боялись болѣе вахмистра и своихъ взводныхъ фейерверкеровъ. Мнѣ кажется, что если бы у батареи взяли въ то время всѣхъ взводныхъ офицеровъ, то строевое образованіе нижнихъ чиновъ нисколько отъ того не пострадало бы. На конно-артилерійскихъ ученіяхъ, молодые офицеры иногда ошибались въ командахъ; но уносные фейерверкеры вовсе ихъ не слушались, а прослуживъ около 20 лѣтъ и зная хорошо всѣ построенія, они исполняли то, что̀ слѣдовало, а не то, что̀ имъ скомандовалъ офицеръ. Одинъ изъ моихъ товарищей Василій Денисовичъ Давыдовъ (сынъ извѣстнаго партизана) говорилъ мнѣ, что онъ часто вовсе не зналъ, что̀ ему слѣдуетъ командовать; но, желая, чтобы его голосъ былъ слышанъ, кричалъ особенно громко: *маршъ*, а затѣмъ смотрѣлъ на фейерверкера, куда онъ повернется, чтобы повернуть туда же и свою лошадь. Конечно, изъ числа молодыхъ офицеровъ были и такіе, которые занимались службой и знали уставы, но это было меньшинство; большинство же не только не знало службы, но даже не хотѣло ея знать. Сознаюсь, что я принадлежалъ къ большинству въ первые три года моей службы по производствѣ меня въ офицеры.

Со мной былъ такой случай. Стоя въ караулѣ во дворцѣ, я разрѣшилъ трубачу пойти внизъ. Въ это время показался въ дверяхъ половины Наслѣдника Цесаревича принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; караулъ построился. Слышавъ отъ моихъ товарищей, что если офицера нѣтъ при караулѣ, то трубачъ не долженъ выходить съ карауломъ, я почему-то вообразилъ, что и на оборотъ, если уходитъ трубачъ, то офицеръ не долженъ командовать карауломъ, а потому

приказалъ замѣстить меня фейерверкеру, а самъ, не вынимая сабли, сталъ въ сторонѣ отъ караула. Принцъ такъ былъ удивленъ, что остановился противъ меня и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, отчего я не командую карауломъ? Я ему смѣло отвѣчалъ: отъ того, что трубача нѣтъ, Ваше Императорское Высочество. Принцъ задумался, посмотрѣлъ на меня и, ничего не сказавъ, пошелъ дальше; не зная точно устава, онъ вѣроятно удовлетворился моимъ отвѣтомъ.

Многіе думаютъ, что въ Николаевскія времена была очень строгая военная дисциплина и что въ позднѣйшее время она упала вслѣдствіе того, что власть командировъ частей прежде была менѣе ограничена, чѣмъ послѣ. Что власть командировъ была сильна, это вѣрно; что они имѣли право сѣчь нижнихъ чиновъ сколько имъ было угодно, это также вѣрно (одинъ изъ батарейныхъ командировъ сѣкъ даже нерѣдко жену своего денщика, потому что она была красива собой и ему нравилось смотрѣть на нее во время процесса сѣченія); но чтобы эта власть, или лучше сказать самоуправство, могла создать настоящую военную дисциплину, какою она должна быть, съ этимъ согласиться нельзя. На солдатъ смотрѣли въ то время, не какъ на людей, а какъ на машины, которыя должны были, не разсуждая, исполнять всѣ приказанія начальства; этимъ способомъ, хотя и обратили большинство солдатъ въ истукановъ ничего не понимавшихъ и ни о чемъ не разсуждавшихъ, но между ними нерѣдко встрѣчались такія личности, которыя не въ состояніи были выносить тяготѣвшаго надъ ними гнета и выражали свой протестъ очень крупными нарушеніями дисциплины. Такъ напримѣръ, въ первый же годъ моего производства въ офицеры, я былъ назначенъ, съ командою нижнихъ чиновъ 1-й батареи, присутствовать при наказаніи шпицрутенами рядоваго лейбъ-гвардіи Егерскаго полка за то, что онъ на разводѣ, въ присутствіи Государя Императора, сорвалъ эполеты съ своего ротнаго командира; затѣмъ, почти въ тоже самое время, рядовой другаго полка убилъ одного изъ офицеровъ. Конечно, оба они были засѣчены шпицрутенами до смерти. Хотя подобные случаи бывали рѣдко, но тѣмъ не менѣе они ясно говорятъ, что однимъ страхомъ нельзя остановить преступленій. Я зналъ одного чиновника Департамента Общихъ Дѣлъ Николая Антоновича Ратынскаго, который писалъ ежегодно годовые отчеты, представляемые Государю Императору министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что въ этихъ отчетахъ былъ особый отдѣлъ, въ которомъ показывалось число убитыхъ помѣщиковъ ихъ крѣпостными людьми; число это, по его словамъ, годъ отъ году увеличивалось, не смотря на то, что совершившіе преступленія умирали большею частію

подъ ударами кнута, то-есть подвергались самой мучительной казни. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, уничтожились конечно и убійства помѣщиковъ ихъ крѣпостными; думаю, что съ дарованіемъ человѣческихъ правъ нижнимъ чинамъ, какъ это сдѣлано въ настоящее время, должны уничтожиться, или значительно уменьшиться, крупныя нарушенія дисциплины, бывавшія прежде.

Характеръ прежней дисциплины очень хорошо выяснилъ одинъ артилерійскій генералъ, сказавъ офицерамъ, окончившимъ курсъ въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища и являвшимся къ нему по случаю перевода на службу въ гв. конную артилерію: «Прошу васъ, господа, выкинуть изъ головы премудрости, которымъ васъ учили; помните, что голова вамъ дана для того, чтобъ носить каску, а не для того, чтобъ разсуждать». Какимъ ужаснымъ диссонансомъ звучатъ эти слова съ сознаніемъ Нѣмцевъ, что они обязаны побѣдой надъ Французами своему школьному учителю! Прежняя дисциплина не развивала, а мертвила душевныя силы солдата; она уничтожала въ немъ чувство человѣческаго достоинства и дресировала его, какъ дресируютъ животныхъ для цирка; палка была единственнымъ орудіемъ, а страхъ единственнымъ средствомъ этой дресировки.

Какъ маленькій образчикъ прежней дисциплины, могу привести случай, бывшій въ одномъ изъ полковъ, стоявшихъ въ Польскихъ губерніяхъ. Ротмистръ, командовавшій эскадрономъ, игралъ въ карты съ своими товарищами, пріѣхавшими его навѣстить; въ то время, какъ онъ поставилъ карту вá банкъ, вошелъ вахмистръ и доложилъ ему, что какой-то Еврей не доставилъ фуража. Ротмистръ взбѣшенный, что карта была убита, ругнулъ вахмистра и крикнулъ: «Повѣсить Жида!» Вахмистръ отвѣчалъ «слушаюсъ», повернулся на лѣво кругомъ, вышелъ изъ избы и въ точности исполнилъ приказаніе ротмистра.

Лучше всего я имѣлъ возможность ознакомиться съ дисциплиной того времени въ Севастопольскую войну. Въ оборонѣ Севастополя участвовали пѣхота, артилерія и моряки Черноморскаго флота. Дисциплина въ Черноморскомъ флотѣ была совсѣмъ иная, чѣмъ въ пѣхотѣ и артилеріи. Адмиралъ Лазаревъ, котораго можно считать основателемъ Черноморскаго флота, приложилъ всевозможное стараніе, чтобы развить матроса и заставить его исполнять свои обязанности сознательно, а не изъ страха къ палкѣ; на этомъ основаніи, внѣшнее проявленіе дисциплины, какъ напримѣръ, сниманіе фуражекъ, повертываніе на лѣво кругомъ на каблукахъ и изображеніе изъ себя истукановъ

при встрѣчѣ съ офицерами отошли на заднiй планъ строеваго образованія нижнихъ чиновъ; пѣхотные офицеры, стоявшіе въ Севастополѣ до войны, говорили, что между матросами нѣтъ никакой дисциплины, что они какъ бы нехотя снимаютъ фуражки предъ офицерами и что какъ солдаты они никуда не годятся. Послѣдствія указали, какъ жестоко ошибались эти офицеры: въ то время какъ пѣхотные полки посылались по очереди для обороны укрѣпленій Севастополя, матросы находились безотлучно при своихъ орудіяхъ въ теченіи всей 11-ти мѣсячной осады и своей стойкостью и беззавѣтной храбростью удивили весь свѣтъ: въ теченіи всей осады не было ни одного пропавшаго безъ вѣсти матроса. О бывшей же дисциплинѣ въ пѣхотѣ я могу разсказать слѣдующее.

10-го Ноября 1854 года я былъ контуженъ въ голову и, потерявъ почти зрѣніе, долженъ былъ поступить въ Севастопольскій госпиталь, гдѣ меня помѣстили въ одной комнатѣ съ командиромъ Колыванскаго пѣхотнаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ, получившимъ двѣ раны въ Инкерманскомъ сраженіи 24 Октября. Пересвѣтовъ былъ очень словоохотливъ; проживъ съ нимъ болѣе двухъ недѣль въ одной комнатѣ, я слышалъ отъ него много интересныхъ разсказовъ. Такъ напримѣръ, онъ мнѣ говорилъ, что полкъ его пришелъ съ Дуная въ Севастополь за день до Инкерманскаго дѣла, что 23 Октября его перевезли на южную сторону и что въ ночь того же дня онъ долженъ былъ выйти изъ Севастопольскихъ укрѣпленій, чтобы атаковать Англійскія батареи. Исполнивъ все ему приказанное, онъ подошелъ на зарѣ къ Англійскимъ батареямъ и, объѣзжая свой полкъ, замѣтилъ, что при полку не было полковаго адъютанта и семи человѣкъ офицеровъ. Обстоятельство это, какъ онъ говорилъ, его не удивило, такъ какъ полковой адъютантъ заранѣе предупредилъ, что у него слабы нервы и что онъ не можетъ быть въ бою; другіе же офицеры вѣроятно послѣдовали примѣру адъютанта и, воспользовавшись темнотою ночи, остались въ Севастополѣ. Когда были взяты Англійскія батареи (чтó было сдѣлано безъ большихъ потерь, такъ какъ застигнутые въ расплохъ Англичане оказали весьма слабое сопротивленіе), Пересвѣтовъ увидалъ, что полкъ его значительно уменьшился въ численномъ составѣ: оказалось, что, для перенесенія небольшаго числа раненыхъ на перевязочный пунктъ, изъ полка ушли огромныя команды, безъ всякаго со стороны его приказанія. Возмущенный этимъ безпорядкомъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить вернуться уходящихъ съ поля сраженія, но ничего не могъ сдѣлать, а вскорѣ и самъ былъ раненъ. Разсказывая мнѣ этотъ эпизодъ, онъ прибавилъ къ нему слѣдующее заключеніе: «нашъ солдатъ, сказалъ онъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о чувствахъ

чести и долга; онъ хорошъ, когда надъ нимъ держатъ палку; но когда является страхъ смерти, который сильнѣе страха палки, то никакая военная дисциплина съ нимъ ничего не подѣлаетъ». Горько было слышать подобное мнѣніе о нашемъ солдатѣ отъ человѣка, который прослужилъ болѣе 35 лѣтъ въ строю; но, приводя его, я вовсе не хочу подвергать сомнѣнію доблесть нашего солдата; Боже меня упаси! Я хочу указать только, что если въ солнцѣ есть пятна, то они были и въ боевой службѣ нашей арміи, но что этими пятнами она была обязана не характернымъ особенностямъ нашего солдата, а нашей бывшей военной дисциплинѣ, которая, задавшись цѣлью сдѣлать изъ солдата машину, хотѣла убить въ немъ самолюбіе и всѣ хорошія чувства. Наши пѣхотные офицеры того времени были немногимъ болѣе развиты, чѣмъ солдаты; а потому и на нихъ военная дисциплина не могла не оказать вреднаго вліянія. Но совсѣмъ не то было въ Черноморскомъ флотѣ. Адмиралъ Лазаревъ и воспитанные имъ герои Севастополя, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Заринъ и др. умѣли развить въ матросахъ тѣ чувства чести и любви къ родинѣ, которыми сами были воодушевлены, и научили ихъ исполнять свои обязанности сознательно и съ полнымъ самоотверженіемъ.

Нѣкоторые факты, служащіе къ уясненію прежней военной дисциплины, я могу представить и изъ моей служебной практики въ гв. конной артилеріи. Въ 1850 году командиромъ 1-й батареи назначенъ былъ полковникъ Овсянниковъ на мѣсто полковника Кноринга, получившаго другое назначеніе. Овсянниковъ провелъ всю свою службу въ кадрахъ образцовой конной батареи; кадровые офицеры того времени рѣзко отличались отъ строевыхъ офицеровъ гв. конной артилеріи своимъ педантствомъ, формализмомъ и жестокимъ обращеніемъ съ нижними чинами. Назначеніе Овсянникова командиромъ нашей батареи было весьма непріятно для офицеровъ; мы твердо рѣшились противодѣйствовать ему, еслибы онъ вздумалъ вводить у насъ солдатизмъ образцовой конной батареи. Овсянниковъ, хотя былъ изъ Бурбоновъ, но очень хорошо понималъ, что нравственная сила находилась не у него, а въ рукахъ офицеровъ, а потому думалъ склонить насъ къ своимъ взглядамъ на службу не начальническими пріемами, а просьбами, деликатными намеками и увѣщаніями. Мѣры эти были бы хороши, еслибы самъ онъ пользовался нашимъ уваженіемъ; но въ виду того, что онъ не только имъ не пользовался, но мы даже смѣялись надъ нимъ, называя графомъ Овсовымъ, между нимъ и нами было немало столкновеній. Въ лагерѣ 1850 года составъ нашей батареи значительно измѣнился; изъ старыхъ офицеровъ остались только я и Владимиръ Павловъ, прочіе же

офицеры были большею частію прапорщики, только что начинавшіе службу. Овсянниковъ прежде всего хотѣлъ сблизиться со мной и Павловымъ и расточалъ намъ свои любезности, но мы отвѣчали ему холодной вѣжливостью и старались держать себя подальше отъ него. Первое столкновеніе у Овсянникова было со мной. Въ фронтовомъ отношеніи 1-я батарея, при Кнорингѣ, считалась одной изъ лучшихъ; всѣ офицеры служили добросовѣстно; но у насъ практиковались нѣкоторыя отступленія отъ служебныхъ требованій, которыя, не принося вреда службѣ, доставляли нѣкоторыя удобства офицерамъ. Такъ напримѣръ, въ праздничные дни въ лагерѣ было принято, чтобы при батареѣ находился непремѣнно одинъ офицеръ; но Кнорингъ не обращалъ вниманія, дежурный это офицеръ, или другой. Овсянниковъ затѣтилъ, что дежурный офицеръ иногда уѣзжаетъ изъ батареи, и не могъ переварить этого безпорядка; узнавъ, что, будучи назначенъ дежурнымъ въ одно Воскресенье, я думаю ѣхать въ Царское Село, онъ пришелъ ко мнѣ въ то время когда лошади были уже готовы, и я стоялъ у крыльца. «Я пришелъ васъ просить, сказалъ онъ, чтобы вы перевезли казенный ящикъ отъ моей квартиры къ вашей, такъ какъ я уѣзжаю въ Красное Село и желалъ бы, чтобы казенный ящикъ былъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ дежурнаго офицера».—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, прикажите его поставить къ квартирѣ Павлова, такъ какъ я уѣзжаю сейчасъ въ Царское Село, и Павловъ остается, вмѣсто меня, дежурить». «Это невозможно: дежурнымъ офицеромъ въ приказахъ по бригадѣ назначены вы, а не Павловъ», горячо возразилъ Овсянниковъ. «Не знаю отчего вы считаете это невозможнымъ; но мнѣ нужно быть сегодня въ Царскомъ Селѣ, и я поѣду». Съ этими словами я сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Страшно разсерженный Овсянниковъ отправился къ Павлову и, жалуясь на меня, объяснилъ, что ему, главнымъ образомъ, не понравилась рѣзкость, съ которой я съ нимъ говорилъ; вмѣсто того, чтобы просить у него позволенія ѣхать въ Царское Село, я, не смотря на его замѣчаніе, сказалъ, что *поѣду*: въ этомъ онъ находилъ оскорбленіе его достоинства какъ начальника и нарушеніе военной дисциплины. Павловъ горячо вступился за меня и имѣлъ съ нимъ рѣзкое объясненіе, окончившееся тѣмъ, что Овсянниковъ пересталъ ловить дежурныхъ офицеровъ, когда они, въ дни своихъ дежурствъ, уѣзжали изъ батареи.

Другое столкновеніе съ Овсянниковымъ было на назначенной имъ репетиціи парада на военномъ полѣ. Въ то время орудійная прислуга конныхъ батарей, на церемоніальномъ маршѣ, строилась въ двѣ шеренги, какъ въ кавалеріи эскадроны; впереди ѣхали офицеры, а сзади шли орудія. При такомъ построеніи равненіе вполнѣ зависѣло отъ офице-

ровъ: если линія офицеровъ была вѣрна, то нижніе чины, обязанные идти на хвосту у офицеровъ, составляли также прямую линію. Проходя церемоніяльнымъ маршемъ мимо Овсянникова, я не замѣтилъ, что на землѣ лежалъ солдатскій ранецъ, лошадь моя споткнулась, я ее невольно задержалъ и, такъ какъ я ѣхалъ на лѣвомъ флангѣ, то черезъ это весь лѣвый флангъ завалилъ. Овсянниковъ разсердился, остановилъ батарею и вмѣсто того, чтобы распечь меня, такъ какъ я одинъ былъ виноватъ, онъ подскакалъ къ лѣвофланговому фейерверкеру и началъ его бить саблей. Такая несправедливость вывела меня изъ себя. Сказавъ громко Овсянникову, что я болѣнъ, я вложилъ саблю въ ножны и уѣхалъ отъ батареи. Овсяниковъ поскакалъ за мной и умолялъ меня вернуться; я вернулся, но предварительно высказалъ ему причину моего неудовольствія.

Съ Павловымъ у него была слѣдующая исторія. Три взвода батареи стояли въ Телези, гдѣ жили всѣ офицеры, а одинъ взводъ стоялъ въ деревнѣ Лемпелево, гдѣ находилась квартира Овсянникова. Между Телези и Лемпелево былъ небольшой лѣсъ, къ которому примыкала площадь, гдѣ помѣщался паркъ батареи. Овсянниковъ назначилъ конно-артилерійское ученіе на военномъ полѣ довольно рано, такъ что батарея должна была выступить изъ парка около 4-хъ часовъ утра. Къ назначенному часу всѣ офицеры кромѣ Павлова пріѣхали въ паркъ, орудія были запряжены; наконецъ, показался изъ Лемпелева Овсянниковъ. Вмѣсто того чтобы вести батарею не дожидаясь Павлова, онъ подъѣхалъ къ лѣсу и, увидавъ, что Павловъ ѣдетъ изъ Телези шагомъ, работая поводомъ свою лошадь, онъ крикнулъ ему: «Поручикъ Павловъ, извольте ѣхать рысью». Но Павловъ не обратилъ никагого вниманія на слова Овсянникова и доѣхалъ до своего мѣста шагомъ. Когда батарея тронулась съ мѣста, Овсянниковъ подъѣхалъ къ Павлову и сказалъ ему начальническимъ тономъ: «отъ чего вы, поручикъ Павловъ, опоздали?» Отъ того, отвѣчалъ Павловъ, что у меня пошла кровь носомъ, и я долженъ былъ употребить нѣкоторое время, чтобы унять ее. Перемѣнивъ тонъ, Овсянниковъ продолжалъ: «а отчего вы, Владимиръ Николаевичъ, не поѣхали рысью, когда я вамъ кричалъ?» Павловъ, не спавъ всю ночь, былъ въ желчномъ настроеніи духа. «Отъ того, Алексѣй Васильевичъ, сказалъ онъ, что я не хотѣлъ ѣхалъ рысью». Овсянниковъ, не ожидавшій этого отвѣта, круто повернулъ лошадь и уѣхалъ отъ Павлова.

Описывая эти выходки офицеровъ 1-й батареи относительно Овсянникова, я долженъ сказать, что ничего подобнаго не было въ другихъ батареяхъ, по той причинѣ, что командиры другихъ батарей

умѣли заставить себя уважать, вслѣдствіе чего отношенія къ нимъ офицеровъ регулировались этимъ уваженіемъ, а не военно-дисциплинарными требованіями.

Начальникъ гв. конной артилеріи генералъ Шварцъ имѣлъ также столкновенія съ батарейными командирами. Самое крупное изъ нихъ было съ полковникомъ Левинымъ въ 1849 году. Левинъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи всѣхъ начальствующихъ лицъ, грозя пальцемъ, сказалъ Шварцу, что онъ подлецъ, какъ говорили одни, а по словамъ другихъ, Левинъ назвалъ его не подлецомъ, а лжецомъ. О причинахъ этого столкновенія я буду еще говорить, а теперь скажу только, что Левинъ не былъ преданъ суду, а получилъ батарею на Кавказѣ, гдѣ отличившись, былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора ранѣе своихъ гвардейскихъ товарищей.

(Окончаніе будетъ).

ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ.

Изъ воспоминаній Теобальда.

Больше 40 лѣтъ назадъ, Динабургскимъ уѣзднымъ казначеемъ былъ *Августъ Константиновичъ Гизбертъ*, прекрасный молодой человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ: честный, благородный, умный. Недостатками его были развѣ излишняя доброта и неумѣніе отказать тому, кто тянулъ бы съ него даже послѣднюю рубашку. Пользуясь добротою этою, многіе помѣщики выпрашивали у него въ долгъ довольно крупныя суммы, и онъ не имѣлъ духа отказывать, потому что просили денегъ все друзья да пріятели. Въ тѣ блаженныя времена такія операціи были возможны, лишь бы ко времени повѣрки казначейства, 1-го числа каждаго мѣсяца, всѣ деньги бывали на лице; 2-го же числа призанятыя на одинъ день деньги возвращались по принадлежности. Будучи, однако, довольно осторожнымъ человѣкомъ, Гизбертъ всегда хранилъ въ казначействѣ, на всякій случай, по нѣскольку тысячъ собственныхъ денегъ.

Въ одинъ роковой день, въ серединѣ мѣсяца, какъ снѣгъ на голову свалился чиновникъ изъ Министерства Финансовъ, предъявилъ Гизберту министерскій указъ и опечаталъ денежную кладовую.

О, ужасъ! У Гизберта не доставало ровно 12 тысячъ! Положимъ, достать ихъ чрезъ день-два было бы возможно; но какъ вложить ихъ въ кладовую, когда она опечатана?

Къ казначею зашелъ большой другъ его, уѣздный стряпчій *Шостакъ*. Гизбертъ разсказалъ ему о своей бѣдѣ и прибавилъ: Спасай, если можешь!

Шостакъ завертѣлъ мозгами, закручинился и наконецъ сказалъ:

— Ничто тебя не спасетъ теперь! Хотя бы деньги и были доставлены сію минуту, ревизоръ не приметъ ихъ и постановитъ протоколъ о растратѣ. Остается одно: повинись предъ ревизоромъ, что ты несъ изъ дому деньги въ казначейство и случайно обронилъ ихъ на улицѣ. Конечно, ты пойдешь подъ судъ; но на повальномъ обыскѣ всѣ присягнутъ за твою

честность и за то, что ты не промоталъ денегъ, а дѣйствительно могъ потерять ихъ на улицѣ. Это должно облегчить твою участь. Впрочемъ, я еще подумаю: авось удастся сколько-нибудь помочь тебѣ.

Гизбертъ такъ и сдѣлалъ: сознался ревизору, что не далѣе, какъ сегодня утромъ, случайно выронилъ 12 тысячъ изъ кармана.

— Но какъ вы смѣли держать казенныя деньги не въ казначействѣ, а у себя дома? спросилъ ревизоръ.

— Виноватъ! Два дня, по болѣзни, продержалъ у себя доставленныя мнѣ нѣсколькими помѣщиками подати, сегодня несъ ихъ въ казначейство, и вотъ какое несчастіе случилось!

Ревизоръ составилъ актъ о растратѣ, устранилъ отъ должности казначея и отправилъ его въ острогъ.

Между тѣмъ полетѣли гонцы во всѣ концы собирать съ должниковъ деньги. Стряпчій, городничій и другія лица большаго свѣта небольшаго городка начали умасливать ревизора и упрашивать, чтобы онъ не губилъ молодаго, всѣми любимаго и уважаемаго человѣка. Ревизоръ оказался также человѣкомъ съ сердцемъ, но далъ замѣтить, что покуда деньги не пополнены, о какой бы то ни было милости для Гизберта не можетъ быть и рѣчи.

Дня черезъ два послѣ арестованія казначея, Шостакъ пригласилъ къ себѣ на чай ревизора и другихъ „великихъ міра сего“. Вдругъ, во время ужина, большой камень, разбивъ окошко, влетаетъ въ комнату, а вслѣдъ за тѣмъ и большой опечатанный пакетъ. Всѣ встревожились, схватили пакетъ и нашли въ немъ 12 тысячъ рублей, съ слѣдующимъ анонимнымъ письмомъ на имя Шостока:

„Господинъ стряпчій! Я поднялъ оброненныя г. Гизбертомъ на улицѣ деньги и хотѣлъ ихъ утаить; но совѣсть не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать, въ виду тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, какія ожидаютъ несчастнаго молодаго человѣка. Возьмите эти деньги и спасите его“.

Ревизоръ понялъ эту продѣлку и, кусая губы, только замѣтилъ: Вотъ летучія деньги. Вылетѣли въ трубу, а влетѣли въ окошко!

На другой день, ревизоръ отнесъ деньги въ казначейство, освободилъ Гизберта изъ-подъ ареста и донесъ по начальству, что часть денегъ, именно 12.000 рублей, онъ нашелъ не въ казначейской кладовой, а у казначея на рукахъ.

За это Гизбертъ былъ устраненъ министромъ отъ должности, безъ вреда, впрочемъ, для его дальнѣйшей службы, и причисленъ къ Министерству.

Всю эту комедію устроилъ добрѣйшій Шостакъ: братья Гизберта собрали деньги и кинули въ окно къ стряпчему, который нарочно, къ условленному часу, созвалъ къ себѣ гостей.

*

Стряпчій Шостакъ былъ хорошій человѣкъ, тонкій, умный, понималъ мошенниковъ насквозь, и они не могли провести его: онъ всегда умѣлъ доводить ихъ до сознанія. Но разъ и онъ попался въ просакъ.

Незадолго предъ случаемъ съ Гизбертомъ, въ Динабургскомъ уѣздѣ былъ пойманъ одинъ каторжникъ-старовѣръ, бѣжавшій изъ Сибири и потомъ не разъ ускользавшій изъ рукъ уѣздной полиціи. Шостакъ зашелъ къ нему въ тюрьму и сказалъ, что сегодня потребуетъ его въ свою камеру для допроса. Арестантъ отвѣчалъ ему:

— Да что, ваше благородіе! Поведемъ дѣло на чистоту. Вотъ у меня 400 рублей. На возьми, да ослобони меня, какъ знаешь.

Въ тѣ времена взятка не считалась ни преступленіемъ, ни позоромъ, но возводилась чуть не въ добродѣтель, на основаніи изреченія, „всякое даяніе благо“. Это былъ только „доходъ по должности„ на „доходномъ мѣстѣ“.

Стряпчій спряталъ въ карманъ четыре сторублевки и научилъ арестанта, что̀ онъ долженъ дѣлать для своего побѣга.

Въ назначенный часъ двое конвойныхъ привели каторжника, еще не закованнаго, въ камеру стряпчаго, гдѣ находились лица, обязанныя, по тогдашнему уголовному судопроизводству, допрашивать обвиняемаго.

— Прежде всего, началъ Шостакъ, разскажи намъ, какимъ образомъ бѣжалъ ты изъ Рѣжицкаго полицейскаго управленія?

— Да вотъ какимъ образомъ: такъ какъ вы теперь—сидѣлъ городничій; здѣсь, какъ эти господа, сидѣли квартальные надзиратели и понятые; а тутъ, какъ и здѣсь, стояли конвойные. Я вотъ такимъ манеромъ подошелъ къ двери, взялся за ручку, отворилъ ее и, выйдя въ сѣни, крикнулъ: „прощайте, дурачье!“

Арестантъ показывалъ на практикѣ, какъ все это онъ продѣлывалъ и съ послѣдними словами захлопнулъ дверь камеры, повернулъ въ ней ключъ—и былъ таковъ!

Сначала присутствующіе какъ бы поджидали возвращенія преступника; но какъ прошло двѣ-три минуты, и онъ не появлялся, то стряпчій приказалъ конвойнымъ выйти за нимъ. Конвойные бросились къ двери, но она оказалась запертою снаружи. Всѣ встревожились, подняли крикъ и

стукъ въ двери; но какъ на зло, на дворѣ ни одного сторожа не оказалось. Дѣло было зимою: въ окно выскочить нельзя. Бросились къ форточкѣ, но скоро увидали какого-то прохожаго, котораго и попросили отворить дверь. Между тѣмъ, каторжникъ успѣлъ убѣжать къ своимъ староверамъ, которые и скрыли его безслѣдно.

Спустя дня два, Шостакъ пошелъ въ казначейство и попросилъ Гизберта размѣнять ему сторублевую бумажку. Тотъ, разсмотрѣвъ ее, сказалъ:—Помилуй, да вѣдь она фальшивая!

— Какъ, фальшивая? Я получилъ отъ одного моего должника съ почты четыре такихъ бумажки. Неужели всѣ онѣ фальшивыя?

Казначей началъ разсматривать остальныя бумажки.

— Разумѣется, фальшивыя, и въ добавокъ всѣ подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ. Это извѣстное Нахичеванское издѣліе. Можешь своего должника привлечь къ суду.

— Ну нѣтъ, я губить его не стану! Безъ сомнѣнія, его самого надули.

Такъ Шостаку по усамъ текло, а въ ротъ не попало!

*

Когда-то, передъ Венгерскою войною, въ Россіи находился такой огромный запасъ серебра, что буквально некуда было его дѣвать. Бывало, при полученіи жалованья, какъ милости просишь у своего полковаго казначея: „дай хоть одну бумажку".

— Бумажку! передразниваетъ казначей, швыряя мѣшокъ серебра. Держи карманъ! Бумажки кусаются.

Нечего дѣлать, тащишь мѣшокъ серебра домой.

Да, тогда былъ истинно „серебряный вѣкъ" Россіи. За то, сколько встрѣчалось и неудобствъ, если приходилось имѣть при себѣ крупную сумму! Одинъ оставался исходъ: мѣнять серебро на полуимперіалы, которыхъ также было немало; полуимперіалы все-таки занимали меньше мѣста въ кошелькѣ, меньше рвали карманы и рѣже продавливали дно ящиковъ и сундуковъ. Но вотъ случай и съ полуимперіалами.

Гренадерскій саперный баталіонъ квартировалъ въ м. Иллукстѣ, въ Курляндіи, въ 18-ти верстахъ отъ Динабурга. Баталіонный казначей Кренке обыкновенно ѣздилъ въ Динабургъ за разными казенными полученіями въ бѣговыхъ дрожкахъ. Случилось ему получить мѣшокъ съ 5.000 полуимперіаловъ, который онъ, по обыкновенію, положилъ въ ящикъ подъ сидѣ-

ніемъ и поѣхалъ въ Иллуксту. По пріѣздѣ домой, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что дно ящика проломалось, и денегъ нѣтъ. Онъ немедленно поворотилъ назадъ, доѣхалъ до самаго Динабурга, разспрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ о своей потерѣ—ни слуху, ни духу! Возвратясь въ Иллуксту, Кренке явился къ баталіонному командиру полковнику Малаѳееву и доложилъ ему о своемъ несчастіи. Пошла переписка. Вся полиція, какъ уѣздная, такъ и Динабургская городская, была поднята на ноги; комендантъ крѣпости генералъ-лейтенантъ Гельвихъ объявилъ объ этомъ по гарнизону. Но все было напрасно.

Прошла недѣля. Полковникъ Малаѳеевъ не могъ долѣе скрывать происшествія, донесъ о немъ по начальству, а казначея отправилъ въ Динабургъ подъ арестъ.

Прошла еще недѣля.

Къ настоятелю Динабургскаго военнаго собора, протоіерею Александру Погонялову, зашелъ солдатъ арсенальной роты.

— Пришелъ я къ вамъ, батюшка, не то съ жалобою, не то съ просьбою—не знаю, какъ ужъ и сказать. Все вотъ на счетъ жены-съ. Недѣли двѣ, почитай, не спитъ, не ѣстъ, ходитъ, плачетъ, хохочетъ, то лежитъ неподвижно, словно колода. Что̀ съ нею дѣется, не придумаю. Ужъ я и лаской, и грозьбою, а разъ даже постегалъ маленько — ничего не помогаетъ: забыла и меня, и дѣтей; просто свѣтъ опостылѣлъ ей. Боюсь, какъ бы не сдѣлала чего дурнаго съ собою, да пожалуй и со мною и съ дѣтками. Совсѣмъ ошалѣла! Думаю—наше мѣсто свято—не злой-ли духъ вошелъ въ нее?... Такъ вотъ и пришелъ просить, батюшка: отчитайте ее и спасите крестною силою.

— Странно! отвѣчалъ отецъ протоіерей. А прежде ничего подобнаго съ нею не случалось?

— Никакъ нѣтъ-съ. Вотъ живемъ вмѣстѣ уже 12 годовъ, и никогда пальцемъ я не тронулъ ея: такая усердная и работящая всегда была!

— Посмотримъ. Помолясь Богу, авось и отгонимъ отъ нея всякую напасть. Приведи свою жену ко мнѣ.

Когда супруги пришли къ настоятелю, мужъ остался въ передней, а жена была позвана отцомъ Александромъ въ его молельню. Долго длилась бесѣда старика-священника съ солдаткою; мужъ слышалъ по временамъ стоны и рыданія своей жены. Должно быть сила краснорѣчія протоіерея была велика, потому что мужъ, когда былъ также позванъ въ молельню, нашелъ жену свою успокоившеюся и съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Вотъ что, сказалъ настоятель: жену твою попуталъ лукавый; но Богъ, въ благости Своей, не отступился отъ нея и не попустилъ погиб-

нуть душѣ христіанской. Жена твоя нашла тѣ пять тысячъ полуимперіаловъ, которые потерялъ саперный казначей, спрятала ихъ, боялась сказать тебѣ, чтобъ ты не отнялъ ихъ и не возвратилъ въ баталіонъ. Но когда узнала, что это деньги солдатскія и что за нихъ погибнетъ напрасно казначей, она начала борьбу съ собою: совѣсть и боязнь наказанія Божія приказывали ей отдать деньги, а врагъ человѣческаго рода искушалъ ее и поселилъ въ ней грѣхъ сребролюбія. Теперь она покаялась предъ Господомъ и возвращаетъ деньги по принадлежности. Такъ вотъ, возьми деньги, которыя у нея спрятаны и отнеси къ своему командиру арсенала (полковнику Аглаимову).

Мужъ поцѣловалъ руку священника, а жена повалилась въ ноги ему и мужу.

Такимъ образомъ Кренке былъ спасенъ. Полковникъ Малаѳеевъ поѣхалъ въ Петербургъ и лично просилъ о немъ Великаго Князя Михаила Павловича, который великодушно повелѣлъ прекратить дѣло и даже не смѣщать Кренке съ должности казначея. Арсенальнаго солдата саперные офицеры щедро наградили.

*

Простой народъ, изъ денежныхъ, носилъ при себѣ деньги въ особыхъ поясахъ, повязываемыхъ вокругъ тѣла подъ одеждою и называемыхъ *чѐресъ*. Теперь вышли изъ употребленія череса̀, потому что деньговладѣльцы обвязываютъ все свое богатство вокругъ ноги.

Разъ, по Динабургскому шоссе ѣхалъ верхомъ казакъ. Заѣхавъ на станцію Египтино, въ 20 верстахъ отъ Динабурга, онъ остановился въ тамошней корчмѣ ночевать. Содержатель корчмы, Еврей, замѣтилъ, какъ казакъ отпоясывалъ украдкою свой чересъ, который носилъ подъ чекменемъ, и вынималъ изъ него цѣлковые. Узнавъ, что казакъ ѣдетъ на Динабургъ, Жидъ началъ приставать къ нему съ изъявленіями своей дружбы и поить его безплатно водкою, пивомъ и медомъ. Накативъ казака до безчувствія, онъ отвязалъ его чѐресъ, посчиталъ въ немъ деньги и подвязалъ его обратно.

Утромъ рано, когда казакъ еще спалъ, корчмарь уѣхалъ въ Динабургъ, явился къ стряпчему Шостаку и сказалъ, что проѣзжій казакъ обокралъ его, вытащивъ изъ сундука 137 цѣлковыхъ. Шостакъ, съ полицейскимъ чиновникомъ и Жидомъ-доносчикомъ, встрѣтили казака на переправѣ чрезъ Двину и отвели въ участокъ. При обыскѣ, у казака дѣйствительно нашли большое количество серебряныхъ рублей.

— Сколько, ты говорилъ, онъ укралъ у тебя рублей? спросилъ стряпчій у Жида.

— Сто тридцать семь чалковыхъ.

Посчитали—ровно 137.

— Стало быть, деньги твои! Получай ихъ.

Жидъ алчно бросился на цѣлковые, началъ собирать ихъ и второпяхъ уронилъ одинъ на полъ. Рубль не издалъ металлическаго звука, но шлепнулся какъ черепокъ.

— Это что значитъ? спросилъ стряпчій. Постой! Дай-ка его сюда.

Звякнулъ о столъ, посмотрѣлъ ближе—э! да онъ оловянный! Начали осматривать остальные—всѣ оловянные.

— Гдѣ ты взялъ эти рубли? спросилъ стряпчій у казака.

— Виноватъ, ваше благородіе: укралъ у этого Жида.

— Ай вай миръ!!... возопилъ Жидъ. Не правда, гашпадинъ штрабчій! Онъ въ мене не вкралъ, это его деньги.

— Ну, братъ, шалишь! Ты далъ намъ доказательство, что они у тебя украдены. Почемъ ты зналъ, что у него въ чересѣ ни больше, ни меньше, какъ 137 цѣлковыхъ!

Казака и Жида отправили въ острогъ, въ которомъ продержали ихъ болѣе двухъ лѣтъ и, наконецъ, по тогдашнему правосудію, обоихъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, сослали въ Сибирь на поселеніе: Жида за храненіе у себя фальшивыхъ денегъ, а казака — за кражу ихъ, съ цѣлью распространенія.

*

Куда же потомъ дѣвалась вся масса Русскихъ цѣлковиковъ? Какой министръ дохозяйничалъ до того, что потомъ серебряный рубль началъ составлять собственность только мюнцъ-кабинетовъ? *)

Послѣ Венгерской войны всѣ рубли какъ бы сразу провалились сквозь землю. Послѣдовало и Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи вывоза серебра заграницу, и строго наказывали нарушителей этого повелѣнія; но серебро на Русскіе рынки не возвратилось и даже въ мелкой размѣнной монетѣ уплыло за границу, какъ будто Венгерская война отворила Русскому серебру неизвѣстные ему дотолѣ ворота къ Европу.

Очень хорошо помню, какъ въ началѣ 50-хъ годовъ, на Динабургскомъ шоссе, не доѣзжая Новоалександровска, загорѣлось отчего-то огромная Жидовская балагула, нагруженная нѣсколькими боченками мелкаго серебра. Балагула сгорѣла до тла, а находившееся въ ней серебро спла-

*) Это изложено въ „Экономическихъ Провалахъ“ В. А. Кокоревымъ. См. „Русскій Архивъ“ 1886 года. П. Б.

вилось въ слитки. Жидъ-извощикъ, боясь отвѣтственности, отпрягъ лошадей и пропалъ съ ними безъ вѣсти, а полиція завладѣла слитками.

Исчезновеніе серебра крѣпко безпокоило и возмущало императора Николая Павловича. Онъ началъ заботиться о сокращеніи расходовъ повсемѣстно. Въ тоже время Его Величество помышлялъ и о нравственности народа, желая уменьшить среди его пьянство, чрезъ уменьшеніе числа мѣстъ продажи питей; но въ послѣднемъ случаѣ онъ всегда встрѣчалъ препятствіе со стороны министра финансовъ. Еще графъ Канкринъ твердилъ Государю: одынъ кабакъ менше—одынъ баталіонъ менше!

Случилось, что въ самый разгаръ борьбы за удержаніе звонкой монеты въ Россіи, одинъ Польскій помѣщикъ въ Бѣлоруссіи, *Р.*, имѣвшій въ Государственномъ Банкѣ сто тысячъ рублей и испугавшійся за свой капиталъ, потребовалъ возврата его, но не иначе, какъ *звонкою монетою*; а ея-то тогда и не было. Доложили Государю.

— Что̀ жъ, онъ не вѣритъ мнѣ? Боится банкротства Россіи? Возвратить ему капиталы его *звонкою*, но *мѣдною* монетою.

И вотъ нагрузили нѣсколько телѣгъ бочками, наполненными тогдашними огромными пятаками, нарядили къ нимъ конвой и отправили къ помѣщику на его счетъ. Помѣщикъ ужаснулся, долженъ былъ отвести особый сарай для храненія своего богатства, держать при немъ часовыхъ, принять много хлопотъ и перенести потери, покуда всю эту массу *звонкой монеты* размѣнялъ опять на ассигнаціи.

Знаменательный урокъ этотъ такъ подѣйствовалъ на прочихъ помѣщиковъ изъ Поляковъ, что ни одинъ уже не осмѣлился требовать въ возвратъ своихъ капиталовъ.

ГОГОЛЬ И СЛАВЯНОФИЛЫ.

(По поводу прилагаемыхъ писемъ К. С. Аксакова).

Истый уроженецъ Петербурга и его воплощенное *comme il faut*, Евгеній Онѣгинъ (какъ всѣмъ извѣстно) плохо оканчиваетъ карьеру. Этотъ „*чужихъ причудъ истолкователь, словъ модныхъ полный лексиконъ*" или еще „*Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ*" (о комъ невольно приходитъ на умъ спросить: „*ужъ не пародія ли онъ?*")– усумнился напослѣдокъ въ собственномъ величіи и повергается во прахъ у ногъ, когда-то имъ отвергнутой, Татьяны. А Княгиня больше не вольна въ себѣ. „*Татьяна Русская душою*", ни по чьей винѣ какъ самого Онѣгина, не можетъ быть его женою. Какъ только по сердцу суженый миновалъ её: „*для бѣдной Тани всѣ были жребіи равны*". Судьба ея ужъ рѣшена; слѣдовательно и Евгенія. Нельзя быть союзу между ними –„*какъ онъ ни бейся, хоть умри*", ни подъ какимъ видомъ. Она не можетъ быть за нимъ замужемъ, а стать его любовницей и подавно. Въ томъ и вся у нихъ развязка „*надолго... навсегда*".

Но Онѣгинъ, по его родинѣ, всѣмъ намъ землякъ и нашъ общій пріятель: тамъ же родилась и вся молодая, послѣ-петровская, Россія. „Онѣгинъ, добрый мой пріятель, родился *на брегахъ Невы*, гдѣ можетъ быть родились вы, или *блистали*, мой читатель". Родной городъ Онѣгина произвелъ на свѣтъ цѣлый періодъ въ нашей исторіи и окрестилъ его въ свое имя: „*блистательный*", какъ и общепринято его величать. Итакъ, что же? Въ горькой участи своего „*добраго пріятеля*" не нашу ли горемычную участь, судьбу цѣлаго множества поколѣній, разгадалъ вѣщій поэтъ: злую судьбу всѣхъ насъ, виновныхъ въ непризнаніи отечественной героини? А финалъ Онѣгина, этотъ его прощальный образъ, когда онъ „*на мертвеца похожій*" и заливаясь слезами у ногъ Татьяны, умоляетъ ее, самъ больше не зная о чемъ (—такимъ и замираетъ онъ „*надолго...навсегда*" въ ясновидѣніи поэта—): развѣ это не пророчество? Неужели еще и въ наши дни не для всѣхъ ясенъ, сбывающійся, смыслъ его?

Друзья великаго поэта одолѣвали его просьбами приняться за продолженіе „Евгенія Онѣгина“. Грѣшно и безжалостно, казалось имъ, поставить общаго любимца въ безвыходное положеніе; да еще и напророчить, что это „надолго... навсегда“. Но Пушкинъ не дался въ обманъ: не сталъ дописывать какой-то второй томъ совершенно-законченнаго произведенія. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ попасть въ заколдованный кругъ, куда скоро потомъ попалъ Гоголь со своимъ вторымъ томомъ „*Мертвыхъ Душъ*“. Пушкинъ не обѣщалъ дать больше, чѣмъ могъ захватить. Онъ далъ только совѣтъ: „*По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ: отстать отъ моды обветшалой*“, причемъ и прибавилъ чистосердечно, за себя и за читателей, про Онѣгина: „*Знакомъ онъ вамъ? И да и нѣтъ*“. Пушкинъ, кромѣ того оставилъ намъ еще добрую заповѣдь, чтобы всякій изъ насъ постарался какъ можно скорѣе раздѣлаться съ Онѣгинымъ, этимъ „*печальнымъ сумасбродомъ, иль сатаническимъ уродомъ, иль даже демономъ моимъ*“. Такъ напослѣдокъ зоветъ поэтъ своего друга, о комъ признавался вначалѣ: „*мнѣ нравились его черты*“. Онъ похвалился также собственнымъ примѣромъ и съ гордостью указалъ прямо на себя. Какъ ни долго бродилъ онъ однимъ путемъ „*съ Онѣгинымъ моимъ*“, но въ концѣ концевъ умѣлъ однакожъ „*вдругъ разстаться съ нимъ*“. Видно, демонъ и въ самомъ дѣлѣ такого рода, что иначе какъ вдругъ, съ нимъ не покончишь. Хотите ли съ нимъ раздѣлаться, надо именно „вдругъ“. Вѣчная благодарность поэту. Довлѣетъ дневи злоба его. Пушкинъ сдѣлалъ что могъ—онъ-же и умеръ такъ рано!

Гоголь пережилъ его надолго.. увы! какъ бы въ доказательство того, что разъ они вдвоемъ съ Пушкинымъ замкнули цѣлую историческую эпоху, нé-зачѣмъ было ему такъ долго и скитаться по бѣлу-свѣту, отыскивая чего нѣтъ. Пожалуй еще неотступнѣе самого автора „Онѣгина“, обращался онъ къ своей собственной Татьянѣ, допытываясь у нея: „*Ужель загадку разрѣшила? ужели слово найденó?*“; не добился отвѣта и не разслушалъ ея словъ. Правда, онъ воскликнулъ: „У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“ еще прибавилъ къ тому: „Не такъ ли и ты, Русь, чтó бойкая неутомимая тройка, несешься“; наконецъ заключилъ: „И косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“... Но и только всего, на одномъ этомъ и замолкъ навсегда. Съ одной стороны, оно, конечно.. но съ другой стороны, воля ваша, однако . Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принять за разрѣшеніе загадки имъ найденное слово, столь прославленное во всѣхъ нашихъ риторикахъ, характерное слово

о ямщикѣ, что онъ, видите ли: „не въ Нѣмецкихъ ботфортахъ, а борода да рукавицы, и сидитъ чертъ знаетъ на чемъ“.

Такъ или иначе, обидно это кому или нѣтъ, историческій фактъ таковъ: съ одной стороны „Евгеній Онѣгинъ“, а съ другой „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“—вотъ все, что́ наша литература выставила какъ плодъ національнаго самосознанія.. за весь *„блистательный періодъ“*. Угодно ли, православные, узнать: чѣмъ возвеличилась родная *на брегахъ Невы?* Читайте Онѣгина. А хотите знать, въ ту ли мѣру возросла тогда же губернская и уѣздная, однимъ словомъ провинціальная Россія? Вотъ вамъ „Ревизоръ и Мертвыя Души“, читайте сами. Это нашъ полуторастолѣтній итогъ.

„Великъ-же итогъ, дождалися!. Ай-да Пушкинъ съ Гоголемъ! За чтожъ имъ столбы ставятъ? *„или нѣжный“*: такъ за это-то имъ воздвигаютъ монументы?“

Не входимъ въ разсужденія съ тѣми, кто не только не оспариваетъ ихъ славы, а еще въ томъ полагаетъ свою собственную славу, чтобы слыть подражателями и продолжателями ихъ,—имъ и книги въ руки! Но для простяковъ искренно недоумѣвающихъ, „въ чемъ же тутъ дѣло?“ и которые въ самомъ дѣлѣ никакъ не могутъ взять себѣ его въ толкъ,—вотъ нашъ посильный отвѣтъ.

Представьте себѣ, что въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ разсказывали бы (именно простяку, ничего не вѣдающему о томъ) сказку о Котошихинскихъ боярахъ, да о Московской волокитѣ, да о бородатыхъ стрѣльцахъ. Простякъ, разумѣется, развѣсилъ бы уши. Потомъ, въ видѣ продолженія все той же сказки, стали бы еще сказывать о нѣкоторомъ великомъ дивномъ могучемъ богатырѣ, сущемъ чародѣѣ и волшебномъ великанѣ: онъ бы все это (какъ всегда бываетъ въ сказкахъ) и перевернулъ своею чудодѣйственною дубинкой—все къ верху дномъ. Надо полагать, очень-бы заинтересовался простякъ узнать конецъ-вѣнецъ дивной сказки: хорошо сказывается, да чѣмъ кончится? къ чему она привела напослѣдокъ? Къ чему все пришло? Никто не умѣлъ досказать окончанія сказки. Минуло сто лѣтъ, прошло полтораста—всякій ее досказывалъ по своему; думали-гадали большею частью; сказочный богатырь звѣздъ досягнулъ за это время. И вдругъ, когда и звѣздъ для богатыря уже казалось мало, а стали его возводить выше самаго неба, въ самую эту пору народилось два добрыхъ человѣка на Руси. Благодаря имъ, все объяснилось. То чно ко-

ра слѣпоты у всѣхъ спала съ глазъ. Для всѣхъ стало ясно: къ чему пришло? „Коротко вамъ отвѣтить, господа: отъ Котошихинскаго, на мутной рѣкѣ, боярина—мы перешли къ Евгенію Онѣгину *на брегахъ Невы*", во всеуслышаніе объявилъ Пушкинъ. А что̀ сталось тѣмъ временемъ со всею остальною, провинціальною Россіей? Она—*Мертвыя Души*, добавилъ Гоголь. Дальше въ этомъ направленіи идти было некуда: мы наконецъ пережили „*блистательный*" періодъ. Отсюда (назовите какъ хотите, но другаго и слова нѣтъ) поворотъ къ „народности"; все остальное, хотя бы и самое модное — анахронизмъ. Отселѣ возможна лишь такая новизна, чтобы въ ней *старина наша слышалась*. Благодаря именно Пушкину и Гоголю, мы дожили до этого наконецъ.

Такъ ли понимали сами поэты свое призваніе? Могло ли оно выразиться еще ярче съ ихъ стороны — это вопросъ особый. Пушкинъ обѣщалъ такъ много! Въ „*Дубровскомъ*" онъ перешелъ отъ современности къ вѣку еще отцовъ Онѣгина, и что̀ за живое воспроизведеніе той эпохи, когда подъ Французскимъ кафтаномъ и пудреннымъ парикомъ еще угадывалась заматерѣлая старина наша. Въ „Капитанской Дочкѣ", опустившись еще глубже, такъ и истолковываетъ поэтъ —въ спибкѣ прогрессивнаго Швабрина съ консервативнымъ Гриневымъ—будущее многихъ грядущихъ поколѣній; а своими Кузмичами да Игнатьичами, да Савельичемъ, можно бы сказать, такъ ужъ и перекидываетъ мостъ къ древней Руси для сознанія старины по ту сторону Петровскаго переворота. Наконецъ, въ „Арапѣ Петра Великаго" разгадываетъ его самого, этого „шкипера, стрѣляющаго табачнымъ дымомъ изъ своей Голландской трубки" въ носъ шахматному партнеру; разгадываетъ и самую эпоху, когда уже начали проникать въ молодую здоровую природу Русскаго человѣка болѣзненныя и тлетворныя приращенія Французскихъ развращенныхъ нравовъ временъ Регентства. Только переступивъ за этотъ рубежъ, рубежъ родоначалія всѣхъ Онѣгиныхъ, очутился онъ, наконецъ, въ области, очевидно, вовсе ему невѣдомой: въ „Борисѣ Годуновѣ", посвященномъ „драгоцѣнной для Россіянъ памяти" историографа — такъ и не пошелъ далѣе „*генія, на трудъ его вдохновившаго*". Но Гоголь, давъ Мертвыя Души, отдалъ все, что̀ только могъ, и ничего не могъ дать больше.—Итакъ, понимали ли сами Пушкинъ и Гоголь, эта двоица нашей славы, величіе совершаемаго подвига, всю высоту своего призванія? Отвѣчать нетрудно. Со стороны Пушкина—это еще вопросъ, далъ ли бы онъ намъ больше того, что̀ далъ, или нѣтъ? Спросите у той пули, которая не мимо шла, такъ преждевре-

менно его сразила; это навсегда открытый вопросъ! Но что Гоголь не понималъ своего призванія, или вѣрнѣе: то понималъ, то не понималъ его, это самое—авторъ Мертвыхъ Душъ, по написаніи ихъ, и не переставалъ уже доказывать о себѣ—до гроба. На это израсходовалъ онъ всѣ свои остававшіяся силы и истратилъ полжизни.

Геніальный писатель самымъ геніальнымъ образомъ не понималъ собственнаго произведенія. Онъ просто писалъ тò, чего не могъ бы не написать; чтò ему диктовала его художественная совѣсть — одно это онъ и писалъ. Онъ свою поэму, какъ и всѣ прежнія сочиненія, писалъ вольно, прямо отъ души: это вылилось само собою. А публику ошеломило. Публика вела себя на этотъ разъ такъ, какъ бы покусились на самое ея существованье и коснулись, чтó называется, самыхъ священныхъ ея убѣжденій. „Помилуйте, Бога ради!" обращался авторъ къ волновавшейся публикѣ: „да, что съ вами?". Онъ обращался къ друзьямъ и недругамъ, наконецъ чуть не къ цѣлой Россіи, прося растолковать толкомъ; но всѣ были сбиты съ толку, всѣ опалѣли.

Публика наступала требуя отчета: „чтò вы этимъ хотѣли сказать, милостивый государь?" и звала милостиваго государя къ отвѣту: „молъ, знаетъ ли еще и самъ авторъ, кому именно и чему именно подписанъ смертный приговоръ въ его книгѣ?" Авторъ не зналъ. Издавъ свою книгу въ свѣтъ, авторъ и не подозрѣвалъ, что хоронитъ ею цѣлый періодъ. Самъ теперь былъ испуганъ неожиданностью эффекта и клялъ плодъ легкомысленности своей. Все, чѣмъ вѣкъ цѣлый жива была публика, чѣмъ она возносилась, и чему за минуту передъ тѣмъ рукоплескала, лопнуло на ея собственныхъ глазахъ, какъ мыльный пузырь. Публика къ шутнику, который проткнулъ его, этотъ мыльный пузырь, своимъ пальцемъ; а на немъ лица нѣтъ. Нашалилъ, а какъ лопнуло, своимъ очамъ не вѣритъ: самъ ни живъ ни мертвъ стоитъ, напугалъ даже и публику. Ну, вотъ то-то же! Безпокойствомъ самого автора успокоилась публика,—впередъ надо обдуманнѣе творить! Необдуманность тутъ всему виною; обдуманность все и исправитъ. И авторъ съ публикой билъ по рукамъ. Изъ того, чтò лопнуло, чтò исчезло, въ синюю мглу обратилось, вызвался онъ создать непостижимаго героя и ужъ непремѣнно безсмертнаго на этотъ разъ. Гоголь не въ шутку обѣщалъ публикѣ: изъ „Мертвыхъ Душъ" извести *душу-живу*, – и это безъ дальнихъ отсрочекъ. Публика, на прощаньи, взяла съ него въ томъ слово, и разошлись братски. Съ того-то мига и не прекращались потомъ обращаемые къ нему со всѣхъ сторонъ запросы друзей и недруговъ, и чуть не всей

Россіи: пишетъ ли, много ли написалъ, готовъ ли второй томъ, и скоро ли онъ выйдетъ?

Да! Авторъ самымъ искреннимъ образомъ не подозрѣвалъ, что періодъ, навѣявшій на него образы Мертвыхъ Душъ и вдохновившій написать столь чудную поэму, не можетъ быть долговѣченъ: разъ онъ сознанъ—онъ уже прошелъ. Авторъ и не подозрѣвалъ, что идти далѣе въ томъ же направленіи—значитъ уже ловить вѣтра въ полѣ и кружиться на одномъ мѣстѣ. Что отсюда возможна лишь такая новизна, въ которой бы старина наша слышалась; что *„пора домой“* (по памятному выраженію К. С. Аксакова), этого ему и въ голову не приходило.

Какъ бы въ явное доказательство, что онъ никакимъ, хотя бы самымъ иносказательнымъ намекомъ, никого не приглашалъ: *пора домой,*—авторъ безъ всякихъ иносказаній проживалъ за границей и изъ „чужаго-далека“ домой не спѣшилъ. Тогда-то изъ Москвы и изъ всѣхъ городовъ, что́ крестъ-на-крестъ отъ нея распространились во всѣ концы Руси, сыпались къ нему письма—и въ Дюссельдорфъ, и въ Неаполь, и въ Карлсбадъ, и въ Швальбахъ, и въ Римъ, и въ Ниццу, и въ Дармштадтъ, и въ Остенде, и въ Берлинъ, и во Флоренцію, и въ Грейфенбергъ, и въ Парижъ, и во Франкфуртъ, и въ Баденъ, и въ Страсбургъ, и въ Гомбургъ, и въ Гастейнъ, и всѣхъ не перечтешь... Повидимому тогда пуще самого Онѣгина „имъ овладѣло безпокойство, охота къ перемѣнѣ мѣстъ“... Друзья и недруги, и почти вся Россія, не знали куда ужъ больше и обращаться съ запросами къ автору: скоро ли? готовъ ли второй томъ?

Но изъ „Мертвыхъ Душъ“ произвести *душу живу*—ни даже такому творцу, какимъ былъ Гоголь, не удавалось. Изъ внутренняго содержанія поэмы, воплотившей всѣ тѣ неизъяснимые запахи, неуловимыя вѣянія и тончайшія безтѣлесности, коими цѣлый періодъ уже свидѣтельствовалъ о своемъ разложеніи, и именно въ Гоголевскомъ самооткровеніи уже самъ на себя занесъ руку, изъ трупа создать жизнь — развѣ это можно? Изъ содержанія поэмы, воплотившей бытъ и духъ эпохи, ни въ чемъ болѣе не умѣвшей разгадать родину, какъ въ томъ одномъ, что ямщикъ *„сидитъ чертъ знаетъ на чемъ“*, извнутри этой-то духоты вывести чье-то вселенское значеніе въ мірѣ,—помѣшаться можно надъ исполненіемъ такой задачи. И Гоголь занялся именно этимъ.

Въ томъ же, чему нанесъ смертельный ударъ, что̀ самъ же повалилъ на́-земь и опряталъ для похоронъ, ни въ чемъ другомъ, какъ въ этомъ и

сталъ онъ искать источникъ силъ и родникъ жизни. Разбивъ лживый идеалъ вдребезги, въ его же черепкахъ и сталъ доискиваться идеаловъ. Возможно ли это? Нельзя, хотя бы и изъ самыхъ рыцарскихъ, высоко-благородныхъ порывовъ. Поэтическое творчество отказывалось служить поэту, и художественная совѣсть запрещала лгать. Бѣднякъ отчаялся тогда въ собственномъ поэтическомъ дарованіи; пробовалъ истолковать себѣ и другимъ мучившіе его неразрѣшимые вопросы—другимъ способомъ. Всѣ носимые въ груди, да еще невыношенные, какіе-то предначатки чего-то, чтó было то да не то -- пробовалъ онъ истолковать не какъ поэтъ, а какъ публицистъ. Изъ области поэзіи спустился въ низменную область публицистики, издалъ свою „*Переписку съ Друзьями*". Но—чего и слѣдовало ожидать -- вышла со всей этой исторіею двойная чепуха, и поднялась кутерьма такая: знать бы раньше, лучше бы и не затѣвать публицистики. И Гоголь не умеръ съ горя.

Русскій, несомнѣнно-Русскій человѣкъ по живому неумолимому требованію имѣть Бога у себя въ сердцѣ, по неискоренимому запросу *нравственной* правды выше и прежде всего, въ силу того, чтó издревле нудило Русскаго человѣка не на пьедесталѣ позировать героемъ, а хорониться въ схиму; ради того самаго чувства, которое ужъ, хочетъ ли того, не хочетъ ли Русскій человѣкъ и какъ отъ него ни бѣгай, а оно рано или поздно доищетъ само себя въ душѣ Русскаго человѣка, - Гоголь пропалъ для міра. Все мучительнѣй и мучительнѣй прозиралъ онъ въ искренности своей, отчего въ „Мертвыхъ Душахъ" на кликъ, вырвавшійся такъ невольно: *Дай отвѣтъ*, по искренности же расписался за всѣхъ насъ грѣшныхъ: *Не даетъ отвѣта*,—отчего? Нѣтъ, не поэта и не публициста приходилось перевоспитывать въ себѣ талантливому писателю (и поэтъ, и публицистъ онъ былъ равно великій), а надо было перевоспитать въ себѣ *человѣка*. Бездѣлицы ли потребовалось напослѣдокъ? Перекреститься въ „*душу нову*": вотъ чего потребовала напослѣдокъ неумолимая православная совѣсть. Сокрушенный духомъ, не былъ онъ къ тому же здравъ и тѣломъ. Вотъ на что израсходовалъ Гоголь всю вторую половину своей жизни послѣ того какъ его послѣднее заключительное геніальное произведеніе всѣхъ ошеломило, — а главное: ошеломило, больше всѣхъ, самого его. Мученикомъ, какъ пониманья, такъ и непониманья своей задачи, и умеръ великій художникъ—великій не тогда, какъ писалъ и переписывалъ вторыя „Мертвыя Души", а всякій разъ какъ ихъ сжигалъ, и особенно великій—напослѣдокъ.

Пушкинъ умеръ 37-ми лѣтъ, Гоголь 42-хъ лѣтъ ὀтъ роду: оба такъ молоды! Разгадавъ наконецъ того демона, который долго держалъ Русскихъ людей въ обманѣ и застилъ отъ нихъ истину, сами они очевидно не были въ силахъ окончательно освободиться отъ всѣхъ чаръ его. Для того надлежало съ дѣтства быть отъ него застраховану, омыться еще въ купели ото всѣхъ его приражений. Разгадавъ его въ свое время лишь настолько, что на вопросъ: „знакомъ онъ вамъ?" можно было отвѣчать: „и да и нѣтъ",—они предоставили слѣдующимъ поколѣніямъ вовсе не знаться съ нимъ, въ конецъ отречься и отплюнуться отъ него, крестясь въ „*душу нову*".

Исполнили ли мы ихъ завѣтъ? Рѣшились ли, какъ Пушкинъ, вдругъ разстаться съ Онѣгинымъ? И всякую нерѣшительность въ томъ готовы ли, какъ Гоголь, хоть напослѣдокъ бросить въ огонь? „*Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ*" не драпируется ли еще новомодными складками въ каждомъ изъ насъ? А для всего чтὸ пало и опрятано для похоронъ—не продолжаемъ ли мы до сихъ поръ (въ укоръ православной совѣсти и въ живую улику длящагося въ ней раздвоенія) пріискивать невозможныхъ улучшеній и немыслимыхъ поправокъ, невозможной II-й части? — Жива Русская народность, и не за горами отъ насъ православная старина; но до чего рукой достать—намъ все еще кажется за горами. Не открестились мы, значитъ, и до сихъ поръ отъ попутавшаго врага и еще не переродились въ „*душу нову*".

Освободивъ насъ отъ „*чуждаго вліянія*" и возвративъ изъ долгаго иноземнаго плѣна родной землѣ, Пушкинъ и Гоголь истинно возвѣстили зарю народно - русскаго самосознанія и положили ему доброе начало. Это были истинно-національные и всемірно-великіе поэты Русской земли, достойные, разумѣется, еще лучшихъ памятниковъ, чѣмъ тѣ, которые имъ нѣтъ - нѣтъ ставитъ то одинъ, то другой городъ. Но если, измѣнивъ ихъ родному завѣту, мы даже до сихъ поръ не выполнили завѣщанныхъ ими идеаловъ; если мы, просвѣщенные люди Русской земли, не явимъ наконецъ осязательныхъ доказательствъ своему народу, что успѣли довершить все то, чтὸ они, великіе, завѣщали намъ, послѣдователямъ своимъ, къ непремѣнному исполненію,—тогда темный Русскій человѣкъ совершенно вправѣ обвинять насъ въ томъ, что мы сами не знаемъ, кому и чему ставимъ столбы?

Какъ бы оспаривая неоспоримое первенство Пушкинской славы, многіе у насъ еще и сейчасъ тычутъ пальцемъ: имя одного Гоголя удер-

жалось въ памяти, длится даже до сегодня Гоголевскій періодъ. Но если и такъ, кому отъ того хорошо? Гоголь, дѣйствительно, не только тѣми произведеніями, которыя далъ намъ, а еще и тѣмъ самымъ, надъ чѣмъ долго ломалъ голову да не могъ дать—характерный выразитель эпохи. Покончивъ съ тѣмъ „періоцомъ", который раньше его разгаданъ былъ отгадчикомъ *Онѣгина*, самъ Гоголь не вышелъ изъ него вонъ и не переступилъ его предѣловъ: думая идти впередъ, все кружился на одномъ и томъ же мѣстѣ. Этимъ самымъ, разумѣется, уже предвозвѣстилъ онъ еще надолго, что въ лицѣ его подражателей и продолжателей—цѣлый рядъ поколѣній осужденъ будетъ: думая идти впередъ, все кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ!.. Долго еще горемыкать народно-русскому самосознанью. Гоголь, дѣйствительно, полный выразитель той эпохи, которой далъ свое имя: съ одной стороны, по силѣ отрицанія, онъ представитель ея силы; а съ другой стороны, по немощи произвести что-либо положительное, представитель и всей же „импотенціи" его. И кружатся даже до сихъ поръ на одномъ мѣстѣ, какъ „болѣющій своимъ Европейскимъ всесовершенствомъ", такъ и самъ русачекъ, для кого „борода да рукавицы" — въ томъ и вся Русская народность и весь Русскій духъ. Первый кружится на одномъ мѣстѣ, дожидаясь *послѣдняго слова* Англо-французско-нѣмецко-русскаго самосознанья и накликая его *окончательную фазу*; другой кружится на одномъ мѣстѣ, не находя ужъ чего и желать болѣе, разъ констатированъ фактъ въ прежней силѣ, что ямщикъ сидитъ „чортъ знаетъ на чемъ".

Пишущему эти строки приходилось слышать отъ весьма ученыхъ мужей, не безызвѣстныхъ въ нашей литературѣ: „это Славянофилы погубили Гоголя! Они виноваты въ томъ, что онъ издалъ *Переписку съ Друзьями*! По ихъ же винѣ онъ не дописалъ и II-го тома „Мертвыхъ Душъ!"

Сколько бы кто ни пересчитывалъ на своихъ пальцахъ подобныхъ губителей Гоголя, но кто жъ другой и Славянофилъ, какъ не Константинъ Аксаковъ? По нашему мнѣнію, самый онъ и есть, одинъ онъ только. Другой, это, пожалуй, родной братъ его, Иванъ Сергѣевичъ; но это ужъ и „послѣдній Славянофилъ", какъ объ немъ вѣрно писали послѣ его кончины. Итакъ, что̀ же такое сдѣлалъ на своемъ вѣку Константинъ Аксаковъ? Надѣлъ на себя кафтанъ да мурмолку, или, по мѣткому выраженію Герцена, „нарядился въ такой костюмъ, что народъ на улицѣ принималъ его за Персіянина",—это что ли? Оставьте всѣ эти анекдоты; они есть у вся-

каго времени; найдутся и у нашего—свои. Пока бритый подбородокъ почитался дворяниномъ и все, что лѣзло и тянулось за господами, то-есть публика, почитали черный фракъ да лоснящійся цилиндръ за *цивилизацію*, почему же въ самомъ дѣлѣ и не допустить, съ другой стороны, чтобы кафтанъ да мурмолка, всякимъ носящимъ бороду, выдавались за *просвѣщеніе?* Разумѣется, объ этомъ и толковать смѣшно въ наши дни: много совершилось перемѣнъ съ тѣхъ поръ. Дѣти и внуки тѣхъ самыхъ туристовъ, что въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ восхищались въ Парижѣ двумя камерами и въ Лондонѣ двумя палатами (переродясь въ 60-хъ годахъ во что-то нечаянное для самихъ родителей) давнымъ давно износили въ тряпки, въ дрянь и ветошь кафтанъ да мурмолку. Вотъ что совершилось у всѣхъ на глазахъ въ наши дни. И кто жъ гремѣлъ тогда противъ нихъ горячѣй и искреннѣй, какъ не „послѣдній Славянофилъ" Ив. Серг. Аксаковъ—за одно, впрочемъ, со всѣми носящими фракъ и съ самимъ народомъ? Итакъ, бросьте пустые анекдоты. Обвиняющіе Славянофиловъ въ губительствѣ Гоголя какъ же не подумаютъ вотъ о чемъ. Вѣдь, еслибы Славянофилы вправду думали, что стоитъ только нарядиться въ кафтанъ да въ мурмолку, да наплодить какъ можно больше Котошихинскихъ бояръ, да велѣть всѣмъ отпустить усы и бороды—и станешь „Русскимъ душою"... чего-жъ лучше? Тогда бы этотъ самый секретъ и могли они сообщить своему пріятелю Гоголю: вотъ и второй томъ „Мертвыхъ Душъ" поспѣлъ бы моментально. Тогда и мучительная разгадка—какъ намъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ періодъ произведшій Евгенія Онѣгина и Мертвыя Души, возвратиться домой въ православную Русь—не уложила бы Гоголя во гробъ.

И кто изобрѣлъ еще этотъ геніальный патріотизмъ „*борода да рукавицы*", кто его пустилъ въ ходъ, какъ не самъ Гоголь? Стоило только согласиться съ нимъ, что Мертвыя Души „выдумка"; что надо лишь ихъ подкрасить да поправить, пришивъ къ нимъ вторую часть, и ото всего, отъ чего несетъ мертвечиной, повѣетъ жизнью—тогда бы и горевать не объ чемъ. Зачѣмъ бы тогда и самимъ Славянофиламъ являться на свѣтъ?

Если же они первые открывали самому Гоголю глаза на то, что его *бойкой и необгонимой тройки* мало и недостаточно для Русскаго человѣка, какъ бы ни льстила шибкая ѣзда патріотическому чувству его компатріотовъ, можно ли за это не благодарить Славянофиловъ? Если это и въ самомъ дѣлѣ одни они надоумили его всмотрѣться въ просмотрѣнный его поэмою народъ, прежде чѣмъ какія-то вселенскія судьбы выставлять на

показъ публикѣ и на позоръ міру, — опять можно ли за это не благодарить Славянофиловъ? Если, благодаря именно имъ (въ чемъ сами мы, искренно говоря, позволяемъ себѣ сомнѣваться), Гоголь додумался наконецъ и до простой истины, что надо православному человѣку отдунуться и отплюнуться отъ сатаны и отъ всѣхъ дѣлъ его, прежде чѣмъ позволить себѣ зваться христіаниномъ, — честь и слава была бы обвиняемымъ. Съ ихъ стороны это не только не была бы вина, а истинная заслуга; только (сколько намъ помнится) самъ *„послѣдній Славянофилъ“* И. С. Аксаковъ сознался лишь напослѣдокъ въ томъ, что „всѣхъ насъ, всю нашу публику (мы не исключаемъ и самихъ себя) преслѣдуютъ по пятамъ, словно дьявольское навожденіе, казеньщина и формализмъ“; что „къ вопросамъ Русской жизни, требующимъ сроднаго Русскаго рѣшенія, мы и подойти иначе не можемъ, какъ исходя изъ началъ жизни противуположныхъ,— „вотъ гдѣ трагизмъ нашего положенія!“—это было высказано редакторомъ „Руси“ почти уже въ заключеніе.

Да, и Славянофилы были дѣтьми своего вѣка, и на нихъ лежалъ отпечатокъ Гоголевской эпохи, хотя они того не замѣчали. Въ чемъ нибудь, разумѣется, могли ошибаться и „Славянофилы“. Но при всемъ томъ и не смотря на то, что они были дѣтьми одного періода съ Гоголемъ, *„правда“*, однако, по его же собственнымъ словамъ, была на ихъ сторонѣ: „правда тамъ именно и есть, гдѣ они ее ищутъ“, сказалъ онъ. Кого бы лично ни подразумѣвалъ Гоголь, сказавъ это, воздадимъ вѣчную благодарность, честь и славу такому „славянофильству“. *Быть Русскимъ душою*—вотъ въ чемъ заключалось славянофильство Константина Аксакова. Не „бородой да рукавицами“, а святынею души своей быть „Русскимъ душою“—вотъ и все славянофильство, какъ его понималъ Константинъ Аксаковъ. Что не за горами отъ насъ старина и что жива Русская народность кругомъ, куда ни погляди—этому и научилъ всѣхъ онъ первый. За то самое, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ „Русскій душою“, и далось ему такое удивительное прозрѣніе—и родной Исторіи, и своего народа. Онъ первый научилъ тому, что для того, чтобы Русская народность и православная старина не казались намъ за горами—ни бороды, ни усовъ, ни, вообще говоря, переряживаться для этого не надо; можно, и оставаясь въ платьѣ Онѣгина, быть *„Русскимъ душою“*.

„Татьяна Русская душою“ (возвращаемся къ тому, съ чего начали) за то ли, въ самомъ дѣлѣ, прогнала Онѣгина, что онъ носилъ модный

фракъ? Но были же у нея женихи по сосѣдству: и *„отставной совѣтникъ Фляновъ“*, и *„уѣздный франтикъ Пѣтушковъ“*, и *„Буяновъ, братецъ мой задорный“*, наконецъ Скотинины и Пустяковы, мало ли ихъ тамъ было? И всѣ они разумѣется *„хранили въ жизни мирной родной обычай старины“* даже крѣпче самихъ Лариныхъ. Почему же Татьяна всѣмъ имъ предпочла Онѣгина? Вѣроятно, не за его шляпу. Чтó и говорить! Очень могъ бы Онѣгинъ заказывать свои *„панталоны, фракъ, жилетъ—всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ“*, не только *на брегахъ Невы*, хоть Темзы; и въ тоже время, полюбивъ Русскую душою, имѣлъ бы въ ней *„по сердцу друга, вѣрную супругу и добродѣтельную мать“*; могъ бы, говоримъ, *„внимать* ей *долго, понимать душой все* ея *совершенство“*—безъ малѣйшаго ущерба своему Лондонскому портному. Сама Княгиня порукой въ томъ. Не была ли уже она „законодательницей залъ?“ Онѣгинъ не вѣрилъ своему лорнету, принимая ее: *„за вѣрный снимокъ du comme il faut“* и не находя въ ней ничего такого, что *„въ высокомъ Лондонскомъ кругу зовется vulgar...“* Да, она уже была полномощною, настоящею хозяйкой, *„сей недоступною богиней блестящей, царственной Невы“*, а между тѣмъ что же? Кто бы еще и *„прежней Тани, бѣдной Тани теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ?“* Все это такъ просто; въ наши дни пора бы ужъ это понимать даже дѣтямъ.

Бѣдная Русская народность и бѣдная добрая старина наша, которую все еще мы ищемъ за горами! Изныла, изнемогла она, дожидаясь своего суженаго, своего милаго и желаннаго, котораго звала къ себѣ такъ долго. Звала изстари, когда самъ обновившій „Гарольдовъ плащъ“ на берегахъ Невы— былъ еще „Москвичъ“. Звала и послѣ того всѣми силами души своей, зоветъ, увы, и послѣ того, какъ XVIII-й вѣкъ обѣщалъ ей доставить его во что бы то ни стало, выписавъ хоть изъ-за границы; зоветъ и сейчасъ. Такъ и слышатся ея горькія жалобы, точь въ точь слова самой Татьяны, когда „Русская душою“ обращалась къ своему по сердцу суженому: *„меня никто не понимаетъ, вообрази, я все одна; разсудокъ мой изнемогаетъ, и, молча, гибнуть я должна“*. Молча и гибнетъ, чахнетъ Русская народность, не находя себѣ выхода въ ширь и въ высь: это ужъ не она, а задыхающаяся въ убожествѣ и потемкахъ „простонародность“. Не опоздать бы намъ? Все, отъ чего и до сихъ поръ не рѣшились мы отречься и чѣмъ упорно продолжаемъ коснѣть и болѣть до сихъ поръ, не начинаетъ ли уже мало по малу спускаться отъ насъ и въ народъ? Не сами ли мы сдаемъ это отъ себя туда внизъ, въ самый народъ? Зло, нѣкогда обуевавшее вершины, уже не касается ли и самихъ низинъ? Гдѣ новый Пушкинъ и Гоголь, чтобы пробудить наконецъ въ полной силѣ все то, чему Пушкинъ,

умершій въ 1837 году и Гоголь, умершій въ 1852 году, положили лишь начало?

*

Всѣ эти (не совсѣмъ быть можетъ ожиданныя для читателя, каемся въ томъ) долгія и горькія размышленія о Гоголѣ — невольно пришли на умъ и затѣснили душу, какъ только привелось намъ вскрыть, и разобрать и привести въ порядокъ цѣлый архивъ, и ворохъ бумагъ, и связки писемъ—неистощимый матерьялъ, относящійся до эпохи Гоголя. Это, прежде всего, рукопись Серг. Тимоѳ. Аксакова „*Исторія моего знакомства съ Гоголемъ*" въ томъ самомъ видѣ, какъ она была составлена авторомъ; потомъ письма къ Гоголю и объ немъ Аксаковыхъ—сыновей; наконецъ множество и постороннихъ писемъ, и выдержекъ изъ дневниковъ, и записанныхъ разсказовъ—все о томъ же, все о великомъ писателѣ, давшемъ свое имя литературной эпохѣ, продолжающейся и до сихъ поръ.

Письма къ Гоголю Константина Аксакова составляютъ, показалось намъ, совершенно особый эпизодъ въ этомъ, безъ того огромномъ матерьялѣ; важнѣйшія изъ нихъ мы и отобрали для сообщенія въ „*Русскій Архивъ*".

Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ написаны эти письма; разумѣется, и представляемый ими интересъ теперь, главнымъ образомъ, историческій. Сверстники - современники Гоголя уже потому одному не могли объективнѣе судить о немъ, также и о самихъ предметахъ спора съ нимъ, что участвовали въ одной и той-же борьбѣ, дышали воздухомъ одной и той-же исторической минуты, кружились за одно съ нимъ въ одномъ и томъ-же водоворотѣ.

Можетъ быть, обвиняющіе Славянофиловъ въ губительствѣ Гоголя сами теперь откажутся отъ напрасныхъ обвиненій. Славянофилы, разумѣется, ожидали отъ втораго тома Мертвыхъ Душъ не того, чтó стали писать и не перестаютъ писать до сихъ поръ, такъ называемые подражатели и продолжатели Гоголя. Но въ чемъ же тутъ грѣхъ? Отъ II-го тома всѣ ожидали чудесъ—всякій въ своемъ духѣ; и самъ Гоголь былъ виноватъ въ томъ. Онъ именно сулилъ, что его книга составитъ эру всеобщаго примиренія: не сомнѣвались и Славянофилы въ ея наступленіи тотъ же мигъ. Что и они ожидали II-го тома, и вѣрили въ его возможность, и даже не подозрѣвали внутренней, по существу дѣла, невозможности его—это фактъ. Когда самъ Гоголь, изрѣдка и всегда неохотно, прочитывалъ кому-нибудь изъ нихъ отрывки изъ своего II-го тома, и они, какъ всѣ прочіе слушатели, были подкупаемы чтеніемъ автора: даже не разбирали и не примѣчали въ новыхъ Мертвыхъ Душахъ того, чтò навсегда рѣшило ихъ участь въ умѣ самаго Гоголя.

А что касается до „Переписки съ Друзьями", такъ кто-же, изъ самыхъ заклятыхъ враговъ Гоголя, высказалъ ему ту горчайшую, жесточайшую и убійственнѣйшую правду объ этой книгѣ, какъ не Константинъ Аксаковъ въ письмѣ, помѣщенномъ ниже? Думается напослѣдокъ, что — хотя и въ самомъ дѣлѣ прошло 40 лѣтъ, какъ написаны эти письма — есть въ нихъ однако, и помимо историческаго интереса, нѣчто назидательное и для нашихъ дней. **Н. М. Павловъ.**

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА КЪ ГОГОЛЮ.

(*Печатаются съ подлинниковъ*).

1.

О „Перепискѣ съ Друзьями" (1848).

Наконецъ вы въ Русской землѣ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ; наконецъ я пишу къ вамъ, и не за границу. Шесть лѣтъ! порядочно. Но какъ говорить мнѣ съ вами теперь? Многое было не высказано, а не высказанныя слова остаются въ душѣ или оставляютъ въ ней слѣдъ. Во всякомъ случаѣ, полная откровенность необходима: безъ нея не можетъ быть прямыхъ отношеній. Я долженъ сказать вамъ все, что̀ у меня на душѣ. Лучше или прямо не сойдтись или прямо сойдтись. Особенно же когда съ человѣкомъ былъ въ короткихъ отношеніяхъ, такая полная откровенность есть настоятельная необходимость; кто не шутя думаетъ о короткой пріязни, тотъ не станетъ смущаться и останавливаться, чтобы сказать всю правду по своему мнѣнію. Вы сами, я думаю, это знаете, и больше объ этомъ толковать нечего.

Я писалъ вамъ длинное письмо по выходѣ въ свѣтъ вашей книги, оно было довольно жестко; я написалъ уже много, но еще не кончилъ и потерялъ его. Подумавъ, что можетъ быть это и лучше, что можетъ быть не надо давать воли негодованію, когда въ душѣ одно негодованіе и только, я не начиналъ новаго письма. Но теперь вы уже въ Россіи; ваша *простая* записочка такъ просто отозвалась въ насъ, что, сколько мнѣ кажется, негодованіе не ослѣпитъ меня. Батюшка также думаетъ о вашей записочкѣ: видитъ въ ней дружескія, простыя строки. Николай Васильевичъ, нечего мнѣ говорить вамъ объ общей нашей и о своей дружбѣ, хотя, мнѣ кажется, вы понимали ее въ родѣ какой-то *привязанности*, подчиненной съ моей стороны, чего никогда не бывало: въ такомъ чувствѣ нѣтъ прочности, ни глубины, не можетъ быть истины, а главное нѣтъ *свободы*. Какъ бы то ни было, года два-три, не болѣе, можетъ быть, не такимъ уже являлись вы мнѣ, какъ прежде. Не думаю, чтобы я ошибался, а думаю, что вы перемѣнились. Если вы увидите въ этихъ сло-

вахъ моихъ самонадѣянность, вы ошибетесь. Ваши важныя и еще болѣе важничающія письма, съ ихъ глубокомысліемъ, часто наружнымъ, часто ложнымъ, ваши благотворительныя порученія съ ихъ неискреннею тайной, ваше возмутительное предисловіе къ второму изданію Мертвыхъ Душъ, наконецъ ваша книга, повершившая все, далеко оттолкнули меня отъ васъ. Я нападалъ на васъ и дѝма, и въ обществѣ почти также горячо, какъ прежде стоялъ за васъ. Не знаю, дошли ли до васъ слухи объ этомъ; я думаю, что дошли. Ваши дополнительныя письма еще болѣе усиливали негодованіе. Знакомство же съ Смирновой, воспитанницей вашей, еще болѣе объяснило и васъ, и вашъ взглядъ, и состояніе души вашей, и ученіе ваше ложное, лживое, совершенно противуположное искренности и простотѣ. Говоря о книгѣ вашей, говоришь вмѣстѣ о всемъ томъ, что̀ въ васъ, какъ я думаю, недобро (sic).

Во всемъ, что̀ вы писали въ письмахъ, и въ книгѣ вашей особенно, вижу я прежде всего одинъ главный недостатокъ: это *ложь*. Ложь не въ смыслѣ *обмана* и не въ смыслѣ *ошибки*; нѣтъ, а въ смыслѣ *неискренности* прежде всего. Это внутренняя неправда человѣка съ самимъ собою, внутренняя непростота и раздвоенность, которая является передъ міромъ и передъ самимъ человѣкомъ, какъ скоро онъ выражаетъ себѣ эту неправду какъ что-то цѣльное. Отъ этого онъ не менѣе виноватъ; виноватъ, что допустилъ эту ложь, виноватъ, что не замѣтилъ ея и вынесъ ее еще съ тайною гордостью на показъ. Такая ложь, ложь внутренняя, рядится всего болѣе въ одежду правды, искренности, простоты и прямоты. Такова ваша книга. Ложь у Французовъ, у этого народа дѣтей, смѣшныхъ и жалкихъ дѣтей (не во внутреннемъ значеніи слова, но по внѣшней недозрѣлости) принимаетъ надутыя формы, рядится въ эффекты, становящіеся, отъ ограниченности ихъ народа, наивными. Что же? И у васъ прорвалась природа лжи, и у васъ есть надутыя и такія студеныя фразы, которыхъ странно, какъ сами вы не замѣтили; но вы не Французъ, и эти фразы у васъ не смѣшны, не наивны, а возмутительны. Ложь лжетъ истиной, а гордость рядится смиреніемъ. Затронуты нравственныя глубины, и оба зла совпадаютъ. Такова опять ваша книга. Или не видите вы страшной гордости, одѣтой въ рубище, которое носитъ она, какъ драгоцѣнное платье? Въ вашей книгѣ нѣтъ даже того труднаго пути униженія искренняго, которымъ доходитъ человѣкъ, часто съ болью, до смиренія, и иногда, тутъ - же, грѣшитъ гордостью; не видать, чтобы вы со стыдомъ сперва надѣли рубище духа и потомъ возгордились имъ какъ драгоцѣнностью. Нѣтъ, вамъ прямо понравилось смиреніе, прямо полюбилось рубище; вы приняли смиреніе, облеклись въ рубище, очень довольные; оно досталось вамъ безъ труда и борьбы: *вы поняли кра-*

соту смиренія. Къ вамъ привилось внутреннее зеркало, сопровождающее васъ всюду и въ движеніяхъ внутреннихъ души; вы уже успѣли въ мигъ посмотрѣться въ зеркало. Вы лежите въ прахѣ и видите себя, какъ вы лежите въ прахѣ.

О зеркало, зеркало внутреннее, о внутреннее кокетство! Хуже оно наружнаго. Знаю я этотъ грѣхъ: я самъ имъ страдаю. Но кажется мнѣ я вижу его, и потому я не проповѣдую смиренія, потому что слишкомъ высоко цѣню его, и смиреннымъ себя не выставляю. Давно уже много цѣню я простоту, и цѣню ее съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Простоты я не вижу въ васъ. Потомъ: самыя мысли ваши ложны; вы дошли до невѣроятныхъ положеній. Таково письмо о семи кучкахъ, непостижимое, возмутительное; о сколько хитрости и искусственности въ немъ! Таково письмо ваше къ Жуковскому, письмо такъ сильно противорѣчащее, по моему, Вѣрѣ Православной. Да и мало ли еще другихъ мѣстъ, ложныхъ ужъ и по мысли своей, въ письмахъ вашихъ!

Въ подробности вдаваться я не стану, а укажу еще на великій проступокъ вашъ: на презрѣніе къ народу, къ Русскому простому народу, къ крестьянину. Это выражается въ вашемъ предисловіи ко второму изданію *М. Д.*; это выражается въ письмахъ вашихъ, въ вашей книгѣ, особенно въ наставленіи помѣщику, гдѣ грубо и необразованно является незнаемый и, къ сожалѣнію, не подозрѣваемый вами даже народъ, и гдѣ помѣщикъ поставленъ выше, какъ помѣщикъ и въ нравственномъ отношеніи. Странная нравственная аристократія, странное основаніе духовнаго достоинства! Не достаетъ, чтобы вы сказали, что тотъ у кого больше душъ выше въ нравственномъ отношеніи. Вотъ великая вина: *поклоненіе передъ публикою и презрѣніе къ народу.* Знаете вы знаменитое восклицаніе полицейместера: *публика впередъ, народъ назадъ*? Это можетъ стать эпиграфомъ къ исторіи Петра; это слышно и въ вашей книгѣ. Но знаете ли вы, которые говорите о простотѣ и смиреніи, что простота и смиреніе есть только у Русскаго крестьянина. Вотъ почему такъ высокъ онъ,—выше всѣхъ насъ, выше писателей, и вкривь и вкось о немъ толкующихъ и не знающихъ его. Какъ же могло это случиться, что вы, Ник. Вас., человѣкъ Русской, такъ не понимаете, не предполагаете Русскаго народа; что вы, столько искренній въ своихъ произведеніяхъ, стали такъ глубоко не искренны? Отвѣтъ на это простъ. Не вы ли, въ ложномъ мудрованіи, бросили свою землю, бѣжали изъ Россіи и шесть лѣтъ были внѣ ея, не дышали ея святымъ, нравственнымъ воздухомъ? Не вы ли, бѣглецъ родной земли, жили на Западѣ и вдыхали въ себя его тлетворныя испаренія? Или вы думаете,

что ничего не значитъ для человѣка то окруженіе, въ которомъ онъ находится? Не вы ли собирались ѣхать въ Іерусалимъ, шесть лѣтъ, у святаго Петра, въ католическомъ Римѣ или въ другихъ земляхъ? Не Успенскій соборъ, не Софійскій, не Православная Русь и не пустыня готовили васъ къ подвигу, и вотъ что произвели эти шесть лѣтъ. Подвигъ совершенъ. О немъ я не говорю и говорить не смѣю; но говорю вамъ о вашей дѣятельности до этого подвига. Нѣтъ имени святѣе Вѣры, и чѣмъ святѣе имя, тѣмъ больнѣе его злоупотребленіе: таковымъ кажется мнѣ ваша дѣятельность въ эти шесть лѣтъ. Книгу вашу считаю я полнымъ выраженіемъ всего зла, охватившаго васъ на Западѣ. Вы имѣли дѣло съ Западомъ, съ этимъ воплощеннымъ лгуномъ, и ложь его проникла въ васъ.

Есть, мнѣ кажется, и другая причина: вы погрѣшили вашимъ достоинствомъ, даромъ, *художничествомъ*. Переставъ писать и подумавъ о подвигѣ жизни, вы, въ подвигѣ личной вашей жизни, себя сдѣлали предметомъ художества; но это вопросъ другой, и то самое, что̀ было искренно въ искусствѣ, стало ложно въ жизни. Искусство не жизнь. Искусство—обманъ: оно можетъ быть искренно, какъ обманъ; но оно станетъ просто обманомъ, какъ скоро перейдетъ въ жизнь. Искусство непремѣнно раздѣльно внутри: жизнь есть цѣльное живое дѣло.

Актеръ-художникъ простъ на сценѣ, но самый естественный актеръ-художникъ въ жизни—все актеръ. Ваше погрѣшеніе есть погрѣшеніе художника. Художникъ отнялъ у себя предметъ художественной дѣятельности и обратилъ свою художественную дѣятельность на самаго себя и началъ себя обработывать то такъ, то эдакъ, точно также какъ актеръ, превосходно игравшій роли, бросивъ играть, станетъ разыгрывать себя въ жизни. Сверхъ того, васъ плѣнила, какъ сказалъ я выше, художественная красота подвига; вы предались ей, этой опасной красотѣ, столько разъ облыгающей вѣру и чувство и принимающей на себя ихъ образъ, столько соблазнительной, прекрасной и столько ложной, въ настоящей живой жизни и въ настоящей истинной истинѣ.

Вотъ, что́ я думаю объ васъ, что̀ высказываю я вамъ прямо. Но Боже меня сохрани произносить вамъ приговоръ: напротивъ, я увѣренъ, что Святая Русь благотворна для васъ.

Я такъ много написалъ вамъ о васъ самихъ, что немного уже мѣста написать о себѣ; впрочемъ, мнѣ самому хочется сказать вамъ что̀ теперь думаю, что̀ на душѣ. Мы такъ долго не говорили съ вами. Хотя и въ томъ

чтò написалъ я вамъ объ васъ, вы видите уже образъ моихъ мыслей; но мнѣ хочется, сколько помѣстится на этомъ листѣ, написать вамъ собственно о себѣ, хотя сколько-нибудь. Можетъ быть, вы напишите тоже къ намъ.

Я все тотъ же: еще болѣе стою за Русскую землю, еще сильнѣе противъ Запада; но кажется взглядъ мой и на это, и на другое сталъ яснѣе, и больше я узналъ. Въ высшей степени противна мнѣ красивая ложь, красивые эффекты Запада, которые тѣмъ самымъ уже исключаютъ правду. Неотъемлемая принадлежность Запада—*картинка*, хотя ложь основанія не въ ней. А какъ могущественна картинка надъ человѣкомъ! Для нея много дѣлается блестящихъ, но въ сущности безплодныхъ дѣлъ. Эта ложь вошла въ правду Русской жизни. Западное вліяніе у насъ есть и медленно уступаетъ Русскому началу. Да и какъ не быть ему сильну, когда оно поблажаетъ всѣмъ порокамъ человѣка, избавляетъ отъ труда и простоты истины, и даетъ вамъ милую, легкую, красивую и затѣйливую ложь? Послѣднія событія въ Западной Европѣ обнаружили всю ея гнилость. Авось теперь пойметъ наше общество вредъ Западнаго вліянія и, видя, что оно у насъ есть, постарается освободиться отъ него со всѣми его искушеніями и придти къ народной Русской жизни. Я тотъ же, но однако я много перемѣнился, Ник. Вас. Я оставилъ Нѣмецкую философію; Русская жизнь и исторія стали мнѣ еще ближе; и главное, основное для меня то, о чемъ вы думаете и говорите—Вѣра, Православная Вѣра. Признаюсь, когда въ книгѣ вашей находилъ я слова объ ней, которыя ей противорѣчили, это оскорбляло меня тѣмъ болѣе. Я, кажется, сталъ серьезнѣе; но, думаю, не по наружности. Читали ли вы статью Хомякова въ Московскомъ Сборникѣ? Вы очень ошибочно смотрѣли на Русское направленіе: изъ словъ вашихъ, довольно легкомысленно сказанныхъ, видно, что оно вовсе вамъ неизвѣстно. Надѣюсь, что письмо это не будетъ принято вами враждебно. Я пишу къ вамъ по старому. Прощайте, любезнѣйшій Николай Васильевичъ; обнимаю васъ.

Надѣюсь, вашъ по прежнему Константинъ Аксаковъ.

II. (1848).

Любезнѣйшій Николай Васильевичъ. Я получилъ вашъ отвѣтъ на мое письмо. Я надѣялся, что вы иначе его примете; но что̀ дѣлать? Слово ложь, кажется, вы тоже не такъ поняли; я именно писалъ: *ложь не въ смыслѣ ошибки и не въ смыслѣ обмана.* Жаль мнѣ очень, если письмо это доставило вамъ непріятное ощущеніе, которое оно же не въ силахъ было разогнать. Впрочемъ поясненія на бумагѣ большею частію еще болѣе затемняютъ, а потому я перестаю толковать о своемъ письмѣ.

Вы пишете, что ждете нетерпѣливо мою драму и надѣетесь увидать въ ней мой взглядъ на Русскаго человѣка,—то, что̀ истина по моему мнѣнію. Точно, въ драмѣ высказалось все это; но высказалось ли оно ясно и внятно—не знаю. Я не художникъ, и очень можетъ быть, что драма моя неразборчиво написана, и потому признаюсь, не знаю, какъ она вамъ покажется, выступитъ ли передъ вами тайная мысль и духъ драмы. Въ ней является великое событіе, которое не кажется великимъ, которое совершается безо всякихъ эффектовъ, безо всякихъ героическихъ прикрасъ; но въ томъ-то вся и сила. Эта *простота*, о которой можетъ быть ни одинъ народъ міра не имѣетъ понятія, и есть свойство Русскаго народа. Все просто, все кажется даже меньше, чѣмъ оно есть. Невидность—это тоже свойство Русскаго духа. Великой подвигъ совершается невидно. О, кто пойметъ величіе этой простоты, передъ тѣмъ поблекнутъ всѣ подвиги свѣта. А кто не пойметъ ея, будетъ говорить: помилуйте, да что̀ въ Русской исторіи, что̀ въ Русскомъ человѣкѣ? Для такихъ людей, всего лучше указать не на нравственную силу, которая выше всего, а на географическую карту, гдѣ, увидавъ огромное пространство, они невольно задумаются, не догадываясь, что это только еще самая плохая сторона силы, живущей въ духѣ, силы внутренней. Такъ понимаю я событія междуцарствія, такъ понимаю Русскаго человѣка и Русской народъ. Эти слова еще далеко не исчерпываютъ моей мысли; это только еще одна сторона, но сторона, по моему, неотъемлемая. Еслибъ я хотѣлъ высказывать въ драмѣ свою мысль, какъ теорію, то я бы былъ неправъ; но это не теорія, это такъ есть, сколько я могу понимать. Въ подтвержденіе могу сказать, что сперва меня это огорчало,—эта безъэффектность и что только послѣ увидалъ я все ея величіе. Въ Русской исторіи нѣтъ ни одной фразы—все чистое безпримѣсное дѣло, до Петра разумѣется; но съ него я нашу исторію не называю Русскою. Русской народъ участвовалъ въ ней рекрутами и деньгами. Долго думалъ я о власти картинки надъ человѣкомъ. Западъ всего больше это чувствуетъ: онъ

весь состоитъ изъ картинокъ; ко всякому своему дѣлу онъ непремѣнно придѣлаетъ виньетку, а иногда изъ виньетки затѣваетъ и совершаетъ самое дѣло. Пока былъ онъ молодъ, онъ былъ и красивъ, хотя всегда ложенъ въ своихъ позахъ; но теперь онъ до того ужъ изолгался, что нуждается во всякихъ раздражительныхъ средствахъ, чтобы придать себѣ энергіи; энергіи нѣтъ, убѣжденія нѣтъ, а на однихъ картинкахъ безъ этого ужъ недалеко уѣдешь. И противенъ теперь Западъ, мутящійся безъ всякаго даже увлеченія.

Посылаю вамъ небольшую статью, въ которой высказываю свои основныя гражданскія убѣжденія, написанную мѣсяцъ слишкомъ. Скажите ваше мнѣніе. Прощайте, любезнѣйшій Ник. Вас. Когда вы въ Москву? Обнимаю васъ, вашъ Константинъ Аксаковъ.

У меня много лежитъ въ портфелѣ, но цензура ужасно строга.

III (1851).

Дорогой нашъ Николай Васильевичъ.

Наконецъ, послѣ драмы [1]) и всякихъ съ нею соединенныхъ хлопотъ, послѣ толковъ и другихъ помѣхъ, вновь принимаюсь я за дѣло и вновь пишу къ вамъ. Согласно съ вашимъ желаніемъ, должно бы мнѣ писать къ вамъ о драмѣ...

Актеры поняли и оцѣнили драму; имъ она понравилась. Играли они охотно, со рвеніемъ. Это народъ славный, нечего сказать. Что̀ касается до публики, то вообще всѣ, при биткомъ набитомъ театрѣ, слушали чрезвычайно внимательно, и никто не уѣхалъ до самаго окончанія драмы. Шиканье было, но оно имѣло особый источникъ; хлопающимъ также дѣлались непріятности. Но рѣчь не объ этомъ. Было много за драму: задняя половина креселъ, верхніе ярусы и раекъ; было много и противъ драмы: всѣ бенуары, бель-этажъ и всѣ передніе ряды креселъ.

Надо сказать и то, что, кромѣ игры актеровъ, драма постановлена была какъ нельзя хуже; народу [2]) было мало, декораціи не только дрянь, но совсѣмъ не представляли того, что̀ слѣдуетъ, костюмы дрянь, перемѣны декорацій дѣлались, изъ рукъ вонъ, медленно. Толки о драмѣ впрочемъ главные происходили отъ раздраженнаго аристократическаго чувства. Обозлились считающіе себя потомками бояръ за то, что имъ не поль-

[1]) Первое и единственное представленіе драмы К. С. Аксакова „Освобожденіе Москвы“ происходило въ бенефисъ Леонидова, въ Декабрѣ 1850 года. Въ ней находится припѣвъ про „городъ съ именемъ чужимъ“, за который она и была снята со сцены. П. Б.

[2]) Т.-е. народу на сценѣ. П. Б.

стили, что крестьянинъ - ихъ братъ. Въ этихъ толкахъ приняли участіе не попавшіе въ драму, и въ особенности Строгановъ, позабывши всякое приличіе. Мнѣ очень бы хотѣлось втораго представленія; но не знаю, будетъ ли оно. Извѣстно впрочемъ, что драма вполнѣ оправдана въ Петербургѣ; а позволена ли вновь къ представленію, это еще невѣрно.

Между тѣмъ въ отдаленіи рисуется мнѣ другая драма, разумѣется въ томъ же духѣ, какъ и первая. Не стою я очень за свою драму, какъ за исполненіе, но стою рѣшительно, какъ за систему. Увѣренъ я, что Русская драма можетъ быть только въ такомъ духѣ и не иначе. Сама драма, уже послѣ того, какъ я написалъ ее, открыла мнѣ многое для Русскаго искусства. Такъ я вижу, что въ ней есть *хоръ*, элементъ Греческой драмы, съ которою Русская только и можетъ имѣть сходство. *Хоръ* же есть начало Русской жизни. Теперь думаю я о драмѣ изъ временъ княжіихъ междоусобій, когда еще не сложился Всерусскій хоръ, когда гремѣлъ онъ отдѣльно въ Новгородѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ. Это множество хоровъ, звучащихъ разнообразно, съ своими корифеями, съ князьями, выбираемыми отъ нихъ; я чувствую, что оно можетъ быть очень живо и драматично особеннымъ образомъ. Носящееся надъ всѣмъ этимъ—общее чувство Русской земли. Ахъ, какъ бы это все могло быть хорошо! Но что̀ касается до личнаго своего таланта, я охотно сознаю его недостаточность и дѣлаю, что̀ могу. Какъ бы хотѣлъ я, чтобы эта мысль художественная, мною понимаемая, наполнила великаго художника, что̀ бы могло изъ этого выдти! Еслибъ вы выдвинули эту мысль, со всей ея строгостью, Николай Васильевичъ!

Знаете ли вы, что полныя ваши сочиненія продаются по 20 р. серебромъ; да и то книгопродавцы считаютъ за дешевую цѣну; теперь они стали просить 25. Вамъ надо бы сдѣлать еще изданіе. Вотъ о чемъ я еще не говорилъ съ вами: о Малороссіи, о Кіевѣ. Ну, да это надѣюсь до слѣдующаго письма. Теперь же крѣпко обнимаю васъ, дорогой нашъ Николай Васильевичъ; дай Богъ вамъ духъ бодрости и труда. Вамъ хорошо трудиться: вы знаете, какъ всѣмъ нуженъ вашъ трудъ.

Душою вашъ Константинъ Аксаковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Сужденія и отзывы, которые случается намъ слышать по поводу помѣщенныхъ въ Русскомъ Архивѣ Дневника графа Граббе и поденныхъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, вынуждаютъ насъ обратить вниманіе читателей на значеніе этого рода памятниковъ исторіографіи. Главная цѣна ихъ заключается въ подлинности, въ непосредственномъ отраженіи прошедшаго: это, можно сказать, фотографіи прожитаго времени, но всякій разъ только за данное время. Это лѣтописи частныя, личныя, драгоцѣнныя для художника и вполнѣ пригодныя историку для изображенія подробностей общей картины, и въ тоже время односторонніи уже по тому самому, что они ведутся подъ впечатлѣніями минуты. Такъ напр. отзывы Н. Н. Муравьева-Карскаго объ А. П. Ермоловѣ, занесенныя въ его дневникъ, опровергнуты имъ же въ дальнѣйшемъ изложеніи. Они были вызваны временнымъ раздраженіемъ неутомимаго служаки, который, по молодости и въ тогдашнемъ кругу своей должности, не могъ знать общаго хода дѣлъ и которому хотѣлось, чтобы всѣ также неустанно работали, какъ онъ самъ. Точно также и графъ П. Х. Граббе въ замѣткахъ своихъ объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ не всегда одинаковъ, что́, въ обоихъ примѣрахъ, не мѣшаетъ общему выводу о привязанности этихъ лицъ, одного къ Ермолову, другаго къ Государю. П. Б.

*

Статья Е. С. Шумигорскаго „Государыня-публицистъ“ была издана въ Петербургѣ отдѣльною тетрадью въ 1886 году. Авторъ значительно переработалъ ее для настоящей книжки „Русскаго Архива“. П. Б.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. г. Къ крайнему сожалѣнію, по обстоятельствамъ, совершенно отъ меня не зависящимъ, я вынужденъ пріостановить на нѣсколько мѣсяцевъ печатаніе третьяго (послѣдняго) тома біографіи фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго. Тѣмъ не менѣе надѣюсь, что томъ этотъ все-таки выйдетъ въ концѣ 1890 года.

Читатели „Русскаго Архива“, конечно, очень хорошо поймутъ, что когда приходится вести рѣчь о дѣлахъ, удаленныхъ отъ нашихъ дней на какія-нибудь 10—15 лѣтъ, нужна сугубая осмотрительность, и невозможно оглашать многихъ документовъ безъ предварительныхъ сношеній и разъясненій, на что требуется немало времени.

А. Зиссерманъ.

15 Декабря 1889 г. С. Лутовиново, Тульскаго уѣзда.

КАПИЩЕ
МОЕГО СЕРДЦА

или

СЛОВАРЬ ВСѢХЪ ТѢХЪ ЛИЦЪ,

съ коими

Я БЫЛЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВЪ ТЕЧЕНІИ МОЕЙ ЖИЗНИ.

сочиненіе

Князя Ивана Михайловича

ДОЛГОРУКОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1890 года.

Москва. Университ. типогр. Страст. бул.

*

„Капище моего сердца“ было въ первый разъ помѣщено въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1872 и 1873 годовъ. Это пестрый словарь лицъ, составлявшихъ наше лучшее, образованное общество во вторую половину XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ. За дозволеніе напечатать его вторымъ изданіемъ приносимъ благодарность нашу родной внукѣ сочинителя, княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Долгоруковой, передавшей намъ и подлинную рукопись, съ которой сдѣлана точная свѣрка (при чемъ оказались пропуски).

Для удобства справокъ словарь расположенъ въ азбучномъ порядкѣ, тогда какъ въ первомъ изданіи (согласно съ рукописью) онъ изложенъ по достопамятнымъ для сочинителя днямъ мѣсяцевъ.

Князь И. М. Долгоруковъ, (род. 1764 † 1823) извѣстный во время оно писатель, оставилъ также подробныя автобіографическія Записки, которыя остаются не изданными. Его дѣятельность на поприщѣ словесности составляетъ предметъ отдѣльной книги, написанной М. А. Дмитріевымъ (М. 1863).

П. Б.

*

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ СЛОВАРЮ.

Исписавши въ мой вѣкъ стихами и прозой множество бумаги и приближась къ старости, я думалъ, что воображеніе мое совсѣмъ остыло, и хотѣлъ разстаться съ перомъ и чернилами, не называя упражненіемъ, впрочемъ, переписки съ друзьями и ближними, которая, доколѣ правая рука не потеряетъ своихъ способностей, всегда будетъ занимать чувства мои наиприятнѣйшимъ образомъ. Но писать (я разумѣю сочинять) я совсѣмъ было пересталъ и не раскаявался, потому что меня меньше стали бранить, меньше стали обо мнѣ толковать, словомъ, я сдѣлался спокойный гражданинъ въ моей дражайшей родинѣ—Москвѣ.

Недолго продолжалось такое бездѣйственное положеніе. По пословицѣ: „Повадился кувшинъ по воду ходить", снова напало на меня желаніе марать бумагу. Встрѣтилъ меня не опасной, но мучительной недугъ, которой, продолжаясь близъ двухъ лѣтъ и отъ котораго я еще не совсѣмъ свободенъ, омрачилъ такъ мои мысли, что мнѣ нужно было ихъ развлечь какимъ-либо занятіемъ, дабы не углубить въ одну точку, удобную разстроить все мое спокойствіе, по склонности физической къ излишней меланхоліи. Надобно было это зло отвратить, и для этого надобно было писать. Опять принялся за перо; но думалъ, думалъ, чѣмъ же заняться? Какой трудъ предпринять? И, сидя неподвижно въ креслахъ, не примыслилъ ничего лучше, какъ составить Календарь отношеній, изъ коего видно бы было, съ кѣмъ, какъ и почему я былъ въ связи.

Читалъ я нѣкогда съ удовольствіемъ книгу подъ названіемъ: „Памятникъ Событій" *). Планъ ея мнѣ понравился. Я

*) „Памятникъ событій", соч. Якова Орлова, 5 ч. Спб. 1816. Въ 1818 г. вышло 2-е изданіе. Стоило 50 рублей. П. Б.

всегда думалъ, что такимъ же порядкомъ написанный Лексиконъ отношеній и связей частнаго человѣка долженъ быть занимателенъ, какъ во время составленія онаго, такъ и послѣ. Нѣкто Французской замысловатой писатель (Retif de la Bretonne) вздумалъ и написалъ подобный Календарь *). Плѣнясь его примѣромъ, я туже идею возымѣлъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, съ другими намѣреніями приступилъ къ такому же Списку или Словарю. Эта работа меня пріятно и сильно заняла. Вопервыхъ, надобно было мнѣ привесть себѣ на мысль всѣхъ моихъ знакомыхъ отъ колыбели и до дня настоящаго. Написавши имъ вѣрнѣйшій реестръ, я привелъ его въ азбучной порядокъ, и когда составилъ счетъ 365, то и началъ упражняться слѣдующимъ образомъ.

Извлекъ изъ общихъ дней года всѣ тѣ числы, кои ознаменованы были для меня какимъ-либо уважительнымъ и достопамятнымъ семейнымъ происшествіемъ, и противъ каждаго изъ дней такихъ выставилъ имя той особы, которая въ ближайшемъ отношеніи находилась къ событію, приводимому на память; прочіе же дни года, и за выборомъ оставшіеся имена, я смѣшалъ въ одну массу порознь, и по жеребью вносилъ подъ каждое число то имя, которое выходило. Сіе мелочное и механическое упражненіе уже очень меня забавляло, и досуги мои, при болѣзненныхъ ощущеніяхъ, менѣе были для меня тягостны. Еще болѣе нашелъ я удовольствія, когда занялся настоящимъ письменнымъ трудомъ, т. е. началъ описывать отношенія мои и приводилъ себѣ на мысль то того, то другаго изъ людей, кои въ разныя времена на меня дѣйствовали. Такимъ образомъ писавши почти годъ, я совершилъ свой Лексиконъ, и окрестилъ его названіемъ „Календаря моего сердца“.

Главная цѣль моя, какъ выше видно, принявшись за сію работу, была та, чтобъ не задумываться, разгонять гипо-

*) Ретифъ де-ла-Бретоннъ (1734—1806), плодовитый писатель, судя по критическимъ отзывамъ о немъ, былъ отчасти тоже, что у насъ князь И. М. Долгоруковъ. П. Б.

хондрію и разбивать мысли, омраченныя продолжительнымъ недугомъ и скукою неподвижной жизни, которая совершенно противна моему натуральному свойству. Никакой другой трудъ не далъ бы мнѣ средства такъ успѣшно достигнуть предположенной цѣли, какъ этотъ, и мысль моя безпрестанно переносилась изъ возраста въ другой, изъ стороны въ сторону, отъ одного человѣка къ другому и, по разности отношеній, разныя чувства наполняли мое сердце: то радость, то печаль, то гнѣвъ, или благодарность, то презрѣніе, или восторгъ, то любовь, или равнодушіе. По перемѣнкамъ всѣ ощущенія моральнаго добра и зла пробѣгали сквозь мое воображеніе и, ни на одномъ не успѣвая остановиться, я леталъ какъ бабочка по всей сентиментальной стихіи, въ коей, какъ въ видимомъ мірѣ, есть крутизны, пологости, буераки и пріятныя отдохновенія.

Писавши здѣсь откровенно голую правду о себѣ и другихъ, я не публикѣ посвящаю настоящій трудъ мой, но, предпринявъ его для себя, дарю моимъ дѣтямъ, въ надеждѣ на ихъ скромность. Здѣсь они увидятъ, съ кѣмъ, когда и въ какой связи я находился; увидятъ мои шалости, мои страсти, мои грѣхи; увидятъ услуги, мнѣ оказанныя, благодѣянія, мною испытанныя, и плоды ненависти тѣхъ, кои наполнили жизнь мою многими тяжкими днями. Все тутъ описано. Картина жизни моей полна, и я, въ этой широкой рамѣ помѣстя до 400 лицъ, никого не включилъ въ огромной списокъ моихъ отношеній кромѣ такихъ людей, которые чѣмъ-нибудь, или смѣшнымъ, или пріятнымъ, или ненавистнымъ, заставили меня помнить себя до послѣдней минуты. Не совѣтуясь никогда, при какомъ бы то ни было сочиненіи, съ Адресъ-Календарями, я не объ однихъ помышлялъ генералахъ, министрахъ и тѣхъ, кои печатаются въ газетахъ, когда выѣдутъ изъ Москвы шататься по своимъ маетностямъ; напротивъ, здѣсь найдутъ смѣсь всякихъ состояній: и бояръ, и духовныхъ, и купцовъ, и рабовъ; словомъ, тотъ только, не смотря на чинъ

его и классъ, имѣлъ право помѣститься въ моемъ Словарѣ, кто заслужилъ, чтобъ я его всегда или любилъ, или чувствовалъ противное, разумѣя, однако, частную жизнь мою: ибо отношенія мои по службѣ совсѣмъ не принадлежали лично мнѣ, а моему кафтану, который снявши, я забывалъ и тѣхъ, кои по немъ одномъ были со мною въ обращеніи.

Между тѣмъ, доколѣ проживу, буду я и самъ съ удовольствіемъ заглядывать каждодневно въ эту книгу. Она станетъ напоминать мнѣ младенчество, юность, молодость и зрѣлой возрастъ жизни моей; она представитъ мнѣ въ живѣ галерею тѣхъ мужей и женъ, съ коими я встрѣчался на поприщѣ мірскихъ суетъ. Она укажетъ мнѣ заблужденія моего ума и сердца и остережетъ отъ новыхъ. Она научитъ меня презирать тщету мірскихъ нашихъ связей и прилѣпляться къ той непреложной истинѣ, что въ мірѣ все непрочно, всякой союзъ имѣетъ свой конецъ, всякая страсть свои тревоги, и всякая радость несетъ за собой свои печали. Вотъ уже и довольно для моральной цѣли сего сочиненія.

Не ищите здѣсь того малаго числа, съ коими я связанъ тѣснѣйшими узами крови и природы. Я не говорю о родителяхъ моихъ и супругахъ, дѣтяхъ, братьяхъ и сестрахъ родныхъ: сіи союзы не суть временныя отношенія; они сильны, крѣпки, прочны, ихъ связываетъ сама натура, а не обстоятельства, и потому ничто разорвать ихъ не можетъ, кромѣ смерти. Здѣсь описываются только тѣ эпизодическія связи, кои случаи производятъ, случаи нерѣдко и расторгаютъ, и о которыхъ, воспоминая исторію вымышленную Филибера, скажу здѣсь, при концѣ моего Предисловія, и въ началѣ Лексикона поставлю эпиграфомъ слѣдующіе извѣстные мои стишки:

„Ахъ, подлинно вся жизнь проходитъ въ отношеньяхъ.
Я вижу ихъ въ бѣдахъ, я зрю ихъ въ наслажденьяхъ;
Иное длится день, другое цѣлой годъ,
По отношеніямъ весь движется народъ“.

Аввакумъ.

2-го Апрѣля. Сегодня бывалъ празднуемъ у насъ день рожденія покойнаго отца моего. Вотъ уже двадцать лѣтъ *), какъ въ это число вмѣсто праздниковъ и торжества въ нашемъ домѣ, я поклоняюсь въ Донскомъ монастырѣ остаткамъ его и привожу себѣ на память того изъ настоятелей монастыря, съ которымъ родитель мой былъ друженъ. Аввакумъ, Черногорецъ родомъ, архимандритъ Донскаго монастыря. Первый монахъ, съ которымъ я былъ знакомъ, человѣкъ умный, тонкій и благопріятнаго обхожденія. Будучи въ короткой связи съ отцомъ моимъ, онъ въ юношествѣ моемъ напиталъ меня хорошими наставленіями; я иногда одолжался ему денежными небольшими ссудами, всегда находя въ немъ мужа благодѣтельнаго и скромнаго. Мнѣ пріятно будетъ до конца дней моихъ вспоминать его добрые со мной поступки, и изъ духовенства я ни съ кѣмъ не имѣлъ такихъ пріятныхъ и полезныхъ отношеній, какъ съ нимъ. Онъ посѣщалъ нашъ домъ на ногѣ искренняго пріятеля, неоднократно служивалъ у насъ въ подмосковной, и вѣренъ былъ до смерти обязательствамъ пріязни къ нашему семейству. Скончался и похороненъ въ теплой церкви Донскаго монастыря.

Августинъ.

16-го Августа. Архіерей Московской. Охотно забывая грубое его со мной обращеніе въ разныхъ случаяхъ, доводившихъ меня имѣть съ нимъ дѣло, я съ признательностію храню въ памяти услугу, отъ него мнѣ оказанную, въ самое злосчастнѣйшее время нашего государства. Когда Наполеонъ покорилъ, сжегъ и разорилъ столицу нашу Москву, и я, имѣя въ ней домъ, потерпѣлъ общіе со многими убытки. Болѣе всего огорчило меня оскверненіе моей домовой церкви,

*) Этимъ опредѣляется время написанія Словаря: 1814-й годъ. П. Б.

которую имѣлъ я отъ родителей, какъ залогъ ихъ благословенія. Августинъ позволилъ мнѣ ее возобновить, далъ новой антиминсъ на мое имя, отобралъ тотъ, который данъ былъ отцу моему, и хотя долго затруднялся оказать мнѣ это одолженіе, однако рѣшился удовлетворить моему желанію и тѣмъ загладилъ всѣ прочіе худые со мной поступки, о которыхъ не хочу упоминать потому, что они происходили болѣе отъ худаго его образованія, недостатка общежитія, нежели отъ порочныхъ началъ сердца и разсудка.

Ададуровъ.

9-го Ноября. Алексѣй Петровичъ. Я съ нимъ познакомился въ то время какъ онъ былъ офицеръ гвардіи и кавалеръ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ: сходство лѣтъ и нравовъ сдѣлали насъ пріятелями, мы были очень коротки. Во время Шведской войны, въ которой я былъ въ походѣ, равно какъ и зять мой родной графъ Ефимовскій, онъ жену мою и сестру провожалъ къ намъ въ армію и доставилъ имъ легчайшій способъ до насъ туда достигнуть. Вышедши изъ гвардіи, я такъ удалился отъ Двора и столицъ, что не могъ продолжать пріятной съ нимъ связи, и мы подъ старость совсѣмъ почти раззнакомились: общая участь свычекъ нашихъ въ молодости.

Аксакова.

4-го Генваря. Молодая дѣвушка, выпущенная изъ Смольнаго и жившая при дворѣ Великаго Князя Павла Петровича. Я съ ней пріятно былъ знакомъ и игрывалъ комедію въ Павловскомъ и Гатчинахъ. Случай наиболѣе мнѣ объ ней напоминающій до сихъ поръ, есть тотъ, что когда жена моя, по беременности, не могла играть у Двора, то ея роли отдавались Аксаковой. Она однажды представляла нѣсколько минутъ настоящую мою жену на сценѣ; она была недурна собой и любезна, и я имѣлъ нужду въ большой осторожности, чтобъ не попасть въ ея сѣти; но съ того времени нигдѣ уже съ ней не встрѣчался и знаю только то, что она, нако-

нецъ выдана была при Дворѣ замужъ за своднаго брата Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, господина Шаца, служившаго ротмистромъ въ Кирасирскомъ полку Его Высочества.

Александръ Первый.

15-го Сентября. Императоръ Всероссійской. Во время малолѣтства его я, по порученію начальниковъ того полка гвардіи, въ которомъ служилъ тогда офицеромъ, обучалъ нѣсколько солдатскихъ дѣтей военной экзерциціи, для забавы Его Высочества, и имѣлъ счастіе представлять оныхъ ему не только въ городскомъ дворцѣ, въ собственныхъ его покояхъ, но неоднократно возилъ ихъ въ Царское Село, въ лѣтнее время, и живалъ тамъ по недѣлѣ, занимаясь одной школой сихъ ребятъ, дабы ею забавлять порфиророднаго ребенка. Не смотря на сіи мои разъѣзды, которые стоили мнѣ труда, убытковъ и не приносили никакого удовольствія, я никогда не былъ удостоенъ Великими Князьями, Александромъ и Константиномъ, ни приглашенія къ ихъ столу, ниже какой-либо особенной милости, и суетное сіе упражненіе не принесло мнѣ никакой пользы какъ тогда, такъ и по времени. До самыхъ тѣхъ поръ и до той эпохи, какъ Александръ воцарился, я не имѣлъ никакого отношенія къ его особѣ. При вступленіи его на престолъ, будучи отцомъ его обойденъ въ чинѣ тайнаго совѣтника и служа въ Соляной Конторѣ членомъ 4-го класса, я подавалъ Государю два письма о возвращеніи мнѣ моего старшинства, неправосудно у меня похищеннаго. Обѣ мои просьбы не имѣли успѣха. Я рѣшился на странной поступокъ: написалъ четыре стиха, изъявилъ въ нихъ всю мою просьбу, и подалъ черезъ секретаря. На докладъ его послѣдовалъ отказъ, съ выговоромъ за то, что я стихами подалъ прошеніе по дѣлу службы *). Скоро потомъ Сенатъ представилъ меня кандидатомъ на губернаторское мѣсто. Государь изволилъ меня опредѣлить въ Володимиръ, гдѣ я, въ теченіи 10 лѣтъ моего правленія, получилъ чинъ тайнаго совѣтника, награжденъ столовыми деньгами, при всемилостивѣйшемъ рескриптѣ, удостоенъ по

*) Н. В. Сушковъ, будучи Минскимъ губернаторомъ, заключилъ годовой отчетъ свой стихами. Николай Павловичъ за это уволилъ его отъ службы. П. Б.

дѣламъ службы многими имянными повелѣніями за собственноручнымъ подписаніемъ, пожалованъ орденомъ Св. Анны I-й степени, и наконецъ съ негодованіемъ отставленъ отъ службы, отданъ подъ слѣдствіе, наказанъ денежными штрафами и публичнымъ выговоромъ въ Общемъ Собраніи Московскихъ Сената департаментовъ. Вообще, говоря о расположеніи ко мнѣ Государя, я не могу похвастать его ко мнѣ благоволеніемъ. Все, что̀ получилъ пріятнаго, доставлено было мнѣ ходатайствомъ окружавшихъ его министровъ; самъ же онъ оказывалъ мнѣ всегда явные знаки своего личнаго негодованія, котораго побудительныхъ причинъ я никогда не могъ проникнуть. Во время моего губернаторства имѣлъ я двѣ аудіенціи у него и, кромѣ холоднаго обращенія, не былъ ничѣмъ ободренъ къ разговору съ Его Величествомъ. Вотъ всѣ мои отношеніи къ сему Монарху, которой столь жестоко разстроилъ судьбу мою, что я никакъ не могу имяни его поставить въ рядъ съ моими благодѣтелями, и, со страхомъ и трепетомъ служа престолу его, какъ членъ деспотическаго государства, не испыталъ ни милости его въ гражданскомъ поприщѣ, ни правосудія въъ искушеніяхъ.

Александръ (протопопъ).

3-го Марта. Я нѣкогда въ сей день, разставаясь съ родиной, ѣхалъ въ Володимеръ въ губернаторы, проливая горькія слезы: онѣ были предчувствіемъ тѣхъ золъ, кои меня тамъ постигли и которыхъ самое лютое орудіе невольно приходитъ мнѣ на мысль въ этотъ день каждогодно.

Александръ, протопопъ въ Володимирѣ Дмитріевскаго собора, человѣкъ, отъ котораго я сильно пострадалъ въ моей жизни. Это тотъ самый попъ, который зашелъ однажды ко мнѣ на балъ мертвецки пьянъ и котораго я велѣлъ посадить на съѣжжу, пока вытрезвится, потому что архіерея въ то время въ городѣ не было. Сіе пустое обстоятельство, не заслуживающее ничьего вниманія, такъ горячо было принято у Двора, потому что попъ Александръ былъ въ родствѣ съ сильнымъ и знаменитымъ Сперанскимъ, что наряжено слѣдствіе, которое разсматриваемо было въ Сенатѣ Московскомъ.

Въ ономъ приговорили отдать меня подъ судъ за оскорбленіе святыни; но, при докладѣ о семъ Государю, ему угодно было безъ суда написать въ конфирмаціи, чтобъ меня отставить. И такъ исторія негоднаго этого попа, котораго, ни мало не оскорбляя религіи, всегда назову такимъ по его худому поведенію, будетъ мнѣ также, какъ и онъ самъ, во всю жизнь памятна.

Алферова.

17-го Мая. Надежда Сергѣевна, родная сестра первой жены моей; она воспитывалась съ ней въ одномъ Смольномъ монастырѣ, на казенномъ коштѣ, и выпущена три года позже. По отъѣздѣ моемъ изъ Москвы въ Пензу, мы взяли ее съ собою изъ тещиной деревни, и тамъ она, противъ воли нашей, не смотря ни на какія мои убѣжденія, вышла замужъ за купца Алферова. Молодой, красивый малый, но дикарь, безъ всякаго воспитанія, медвѣдь въ человѣческомъ кафтанѣ. Она польстилась на его богатство, надѣялась управлять имъ и ошиблась во всѣхъ своихъ разсчетахъ. Много слезъ и досадъ нанесла намъ съ женой эта свадьба, но не въ силахъ нашихъ было отклонить оную. Рокъ того желалъ и совершилъ. Алферовъ обходился съ ней очень дурно и даже жестоко: онъ ее заперъ, оторвалъ отъ общества и лишилъ здоровья. Недолго живши въ такомъ мучительномъ состояніи, она оплакивала, наконецъ, горькими слезами свое заблужденіе, скоро зачахла и скончалась бездѣтно. Жена моя убѣдила мать свою отдать ей въ приданое единственную ея деревнишку, Подзолово, состоящую въ 22-хъ душахъ въ Тверской губерніи. По счастію, Алферовъ не успѣлъ, сколько ни домогался, перекрѣпить ее за себя, и она по смерти ея поступила въ раздѣлъ братьямъ. Другой поступокъ жены моей съ ней, оказывающій великость души ея, былъ тотъ, что, не смотря на сопротивленіе ея сему браку, она имѣла твердость сопровождать сестру къ вѣнцу и всѣми наружными видами истиннаго состраданія закрыть отъ публики неравенство сестринаго супружества и извинить ея низкое малодушіе. Я признаюсь, что не могъ также себя выработать и на пиршество

свадебное не показывался. Съ именемъ Надежды Сергѣевны всегда связываться будетъ въ мысляхъ моихъ память тѣхъ прискорбныхъ минутъ, коими сія бѣдная жертва корыстолюбія наполнила нѣкогда жизнь мою.

Алябьевъ.

21-го Марта. Александръ Васильевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ. Онъ присутствовалъ въ Московскихъ департаментахъ. Мало людей въ столицѣ, да и во всей Россіи, на которыхъ я могъ бы съ такой ненавистью взглянуть, какъ на него. Не будучи со мной знакомъ, онъ всѣми образами старался мнѣ наносить обиды: сіе доказано многими дѣлами въ Сенатѣ, въ которыхъ голоса́ его всегда мнѣ вредили. Изъ всѣхъ случаевъ подобныхъ одинъ особенно сохранится до гроба въ памяти моей и, при произношеніи имени его, я никогда не буду равнодушенъ, потому что и самое злодѣяніе низкаго изверга менѣе меня ожесточить можетъ, нежели уничиженіе; а его-то я и испыталъ отъ г-на Алябьева въ самую чувствительную минуту. Когда высочайше повелѣно было отъ верховнаго совѣта сдѣлать мнѣ, въ общемъ собраніи Сената Московскаго, выговоръ за неосновательную на него будто бы жалобу и дерзкія въ ней выраженія, я явился въ Сенатъ. Г. Алябьевъ, какъ старшій членъ его по чину, имѣлъ духъ, не смигая, на меня глядѣть во все время исполненія сего неправосуднаго приговора, и безъ малѣйшаго смущенія, отъ котораго не свободны были прочіе его сотоварищи, онъ, какъ бы съ торжественнымъ удовольствіемъ, приказалъ чтецу сего указа подойти ко мнѣ ближе, дабы я внятнѣе могъ выслушать все его содержаніе, и безъ того мнѣ весьма извѣстное. Такая тонкость въ оскорбленіи человѣка, ни въ чемъ передъ нимъ не виноватаго, есть вывѣска его характера. Эта минута всегда свѣжа въ моей памяти, и прикосновеніе моровой язвы не столь, я думаю, злотворно, какъ для меня несносенъ взглядъ и видъ г. Алябьева былъ съ тѣхъ поръ и останется навсегда.

Анджели.

21-го Октября. Недужной и престарѣлой маіоръ. Ему было слишкомъ 80 лѣтъ, когда я съ нимъ случайно познакомился. Онъ служилъ, во время похода нашего въ Финляндіи, въ гарнизонѣ Вильманстрандскомъ. Когда жена моя пріѣзжала для свиданія со мной въ армію, то она останавливалась на квартирѣ въ этой крѣпости, и я тутъ съ ней нѣсколько дней прожилъ. Въ это время Анджели былъ всякую минуту у насъ. Онъ имѣлъ хорошія познанія, зналъ иностранные лучшіе языки, разсказчикъ неутомимой старинныхъ анекдотовъ, изъ которыхъ иные скрашивалъ мастерски своимъ повѣствованіемъ. Бесѣда съ нимъ была для насъ находка: въ такомъ пустомъ мѣстѣ мы ему были одолжены пріятнымъ провожденіемъ самаго скучнаго времени въ жизни нашей. Онъ волочился за моей женой, и это дѣлало его очень забавнымъ: онъ ей подносилъ Французскіе стишки, которые сочинялъ на Финляндскихъ холмахъ и утесахъ, ходя туда до свѣта углубляться въ мистическія мечтанія. При случившейся вдругъ въ лагерѣ тревогѣ, когда я долженъ былъ бросить жену и скакать къ своей ротѣ, стоявшей въ 36-ти верстахъ оттуда, жена моя оставалась цѣлые сутки на его рукахъ, и онъ оказалъ ей всякое попеченіе, отвращая отъ нея страхи и безпокойства, столь естественные въ ея разлукѣ со мной на чужой сторонѣ. Сей опытъ усердія далъ ему право помѣщенія въ Лексиконѣ моихъ отношеній.

Апочинина.

26-го Генваря. Катерина Николаевна, нынѣ жена сенатора Нарышкина. Мать ея, зажиточная и тщеславная женщина, старалась ей дать наилучшее модное воспитаніе, въ чемъ и успѣла. Дѣвушка хорошо говорила по-французски, знала музыку, пѣла пріятно, танцовала съ искусствомъ и играла удачно разныя роли на театрѣ. Словомъ, эта дѣвушка совершенно приготовлена была для свѣта, а при томъ натура одарила ее главными своими преимуществами, умомъ и при-

гожествомъ. Она зачала рано выѣзжать въ публику, лѣтъ 15-ти; я сталъ ее знать, и такъ какъ мать ея охотно принимала къ себѣ молодежь фамильную, то я старался быть въѣзжъ въ домъ ея, въ чемъ и успѣлъ. Побывавши у нея раза съ два, я ей какъ-то полюбился и сдѣлался по времени такъ коротокъ, что участвовалъ во всѣхъ ихъ пирахъ, даже и въ отборныхъ обществахъ. Начались театры, балы. Я готовъ былъ всячески забавляться. Молодому человѣку рѣдко такое обращеніе сходитъ съ рукъ безъ послѣдствій. Я скоро влюбился въ Катерину Николаевну и, дѣйствительно, зачалъ помышлять о соединеніи судьбы своей съ нею. Мать ея казалась на это очень наклонной; ибо, по суетному ея тщеславію, она высоко цѣнила удовольствіе видѣть дочь свою княгиней. Дѣвушка, будучи сама молода и рѣзва, а я хоть непригожъ, да затѣйливъ и пылокъ, мы скоро поняли другъ друга, и естьли бъ отецъ мой не имѣлъ какого-то непреодолимаго отвращенія къ этому союзу, то бы тотчасъ приступилъ къ рѣшительнымъ переговорамъ. Провидѣніе иначе расположило и ея и моей участью: служба заставила меня ѣхать въ Питеръ. Тамъ, завербованъ будучи ко Двору въ актеры, я сильнѣе еще влюбился въ Смирную, на которой женясь, пріѣхалъ въ Москву въ отпускъ въ то самое время, какъ Апочинина помолвлена была уже за Петра Петровича Нарышкина, моего пріятеля и сверстника въ лѣтахъ. Сіи событія въ обоихъ семействахъ не прекратили нашего знакомства. Я также ѣздилъ къ Апочининой, какъ и прежде; старая страсть возобновилась и, будучи въ отставкѣ бригадиромъ, живучи праздно въ Москвѣ, я безпрестанно посѣщалъ Апочинину. Дочь ея всегда ѣзжала къ ней на вечеръ. Мужъ ея тогда посѣщалъ клобы и мужскія собранія, а я, просиживая одинъ съ его тещей часовъ до 3 ночи, увлекался до того моимъ пристрастіемъ къ Нарышкиной, что жена моя зачала питать безпокойныя подозрѣнія, которыя дѣйствовали на благосостояніе нашего семейства. Я чрезвычайно, наконецъ, былъ влюбленъ въ Нарышкину и готовъ былъ даже удалиться отъ всѣхъ своихъ обязанностей, для того только, чтобъ уловить взоръ ея, услышать изъ устъ ея пѣсенку и просидѣть съ нею, хотя молча, цѣлые сутки. Такая страсть явно угрожала

опасностью семейному нашему счастью. Жена моя, женщина несравненная, увидала ясно, что одинъ способъ спасти сердце мое есть удалить меня изъ Москвы. Она въ этомъ успѣла весьма нечаянно, и своими убѣжденіями, совѣтами, общими силами съ отцомъ моимъ, который чрезвычайно любилъ ее, произвела то, что я искалъ мѣста въ статско йслужбѣ и, надѣясь опредѣлиться въ Москвѣ, попалъ въ Пензу. Надобно было разстаться съ Нарышкиной: я уѣхалъ, и страсть погасла. Потомъ, бывая въ Москвѣ и наконецъ сдѣлавшись снова ея обывателемъ, я остался друженъ въ домѣ Нарышкиной, но уже это было неопасно. Я и понынѣ преданъ Катеринѣ Николаевнѣ, по воспоминаніямъ прошедшаго, но безъ прежняго пристрастія. Говоря о ней, признаться долженъ, что изъ всѣхъ женщинъ, которыя сердце мое плѣняли, ни одна такъ соблазнительно не очаровывала его, какъ Апочинина, ни въ одну я до такого безумія не влюблялся, и даже долго, очень долго, не смѣлъ быть увѣренъ, что она не сдѣлаетъ изъ меня всего, чтó захочетъ. Ей стоило только принять на себя маленькій трудъ, и я такъ раболѣпно повиновался ей, что всегда могъ бы снова въ нее, и очень горячо, влюбиться. Пусть меня увѣрятъ послѣ того, что человѣкъ одинъ только разъ въ жизни можетъ любить! Я испыталъ неоднократно противное. Память тѣхъ минутъ, часовъ и даже цѣлыхъ дней, которые я препровождалъ съ Нарышкиной, никогда не изгладятся въ умѣ моемъ. Я всегда съ живымъ удовольствіемъ вспомню мое къ ней отношеніе, нашу взаимность, ея довѣренность ко мнѣ въ ея несчастіи (ибо она была подвержена нѣкогда самому жестокому бѣдствію во время проказъ ея мужа) и мою горячую любовь къ ней, готовую на всякое пожертвованіе. О, какъ сильно и хитро она управляла моей душой! Какъ она мастерски меня соблазняла пустяками, ничѣмъ, однимъ словомъ, взглядомъ, и я былъ у ногъ ея. Ни одна женщина, можетъ быть, легкимъ и неосторожнымъ поведеніемъ не заслуживала болѣе ревности, какъ она; но я не смѣлъ, хотя и имѣлъ причины, ее ни къ кому ревновать. Она такъ умѣла хорошо располагать своими часами, что тѣ, которые я дѣлилъ съ нею, точно принадлежали мнѣ и ничѣмъ не были возмущаемы. Никогда не забуду очень

забавнаго случая. Я ѣхалъ къ ней въ такое время, въ которое она сама назначила свиданіе въ другомъ домѣ. Наши кареты встрѣтились и, прежде чѣмъ мы закричали: „стой!“ люди наши сами остановились, не зная, по постоянной нашей привычкѣ видѣться всякій день, она ли для меня воротится домой, или я ворочусь, чтобъ выбрать другой часъ для моего посѣщенія. При всемъ томъ я такъ покойно любилъ, что никакое подозрѣніе не волновало души моей. Всякая ли женщина умѣетъ такъ удачно обольстить и приковать своего узника? Я уже старъ теперь и, конечно, въ Нарышкину не влюбленъ; но безъ восторговъ не могу вспоминать того времени, въ которое она владѣла всѣми моими чувствами и учила меня находить блаженство въ обманахъ страсти. Въ сочиненіяхъ моихъ найдутся два привѣтствія, написанныя мною ей, по случаю ея отъѣзда въ Кіевъ. Ей же принадлежатъ стихи подъ названіемъ: „Желанія“, и многія пѣсни, которыя я писалъ, будучи воспламененъ ею. Одна она, рѣшительно скажу, одна могла быть опасна для безподобной моей Евгеніи, и жена моя, во всѣ 17 лѣтъ нашего супружества, ни къ одной женщинѣ, кромѣ Нарышкиной, меня не ревновала, потому что, будучи смѣтлива и прозорлива, она тотчасъ увидѣла, что Нарышкина мастерски управляетъ средствомъ обольщенія, и кокетство ея тѣмъ страшнѣе было, что его замѣтить было трудно. Отдадимъ сію послѣднюю похвалу женщинѣ, которая уже отыграла роль свою въ свѣтѣ и теперь, удалившись отъ него въ строгое семейное уединеніе, можетъ только требовать пріязни, въ чемъ я ей не откажу до послѣднихъ дней моихъ.

Апраксинъ.

3-го Апрѣля. Степанъ Степановичъ. Я съ нимъ ознакомился, когда онъ служилъ флигель-адъютантомъ и былъ во всей своей славѣ въ царство Екатерины. Холостъ, молодъ, пригожъ, любезенъ, богатъ, онъ все привлекалъ къ себѣ и, живучи въ домѣ родной сестры своей, Талызиной, давалъ роскошные праздники. Въ самое то время я вступилъ въ свѣтъ и бросился во всю житейскую суету. У него былъ

благородный театръ. Я завербовался въ его общество и часто игрывалъ тамъ разныя второклассныя роли. Я не искалъ прославиться въ этомъ искусствѣ: для меня все равно было что́ ни играть, лишь бы забавляться, а въ Москвѣ домъ Апраксина былъ храмъ всѣхъ чувственныхъ наслажденій. Сколько я тутъ насмотрѣлся на фигляръ, наслушался виртуозовъ, безъ всякой своей собственной издержки! Знакомство мое съ нимъ осталось для меня памятно на всегда. Я ему обязанъ первыми успѣхами моими въ общежитіи и удовольствіемъ молодости. Я пробовалъ свои силы въ мимическомъ искусствѣ, готовился къ быстрому полету. Безпрестанные балы, ежедневные съѣзды лучшихъ людей въ городѣ такъ меня притерли, что я сдѣлался годнымъ на всякую круговую забаву. Знакомство со многими молодыми барышнями послужило болѣе всего къ развитію моего пылкаго характера, и я могу по справедливости назвать очаровательнымъ въ жизни моей то время, въ которое я посѣщалъ Апраксина. Отношенія мои съ нимъ продолжаются донынѣ очень пріятно: мы оба состарѣлись, но я всегда люблю къ нему ѣздить и старость свою украшать воспоминаніемъ прошедшихъ моихъ удовольствій въ его домѣ. Недавно еще дочь моя играла разныя піесы на его театрѣ, и я управлялъ этимъ зрѣлищемъ, какъ староста всей труппы.

Арбеневъ.

31-го Марта. День особенно памятный въ моей жизни потому, что мы выходили сего числа изъ Петербурга въ походъ подъ Шведа, подъ командою того, которому посвящается слѣдующая статья.

Іоасафъ Іевлевичъ, маіоръ гвардіи Измайловскаго полка. Въ Шведскій походъ онъ командовалъ всѣмъ отрядомъ гвардіи, и въ то время оказывалъ мнѣ особенное вниманіе. Я былъ у него въ домѣ принятъ какъ родной и могу его назвать лучшимъ моимъ знакомствомъ во время юности моей. По дружеской его связи съ покойнымъ дядей моимъ роднымъ, барономъ Строгановымъ, онъ важную оказалъ дому нашему услугу, и зятя моего, Ефимовскаго, который женился

на сестрѣ моей сержантомъ, перевелъ съ старшинствомъ въ Измайловскій полкъ, пособіемъ чего ему тотчасъ досталось въ офицеры, что̀ тогда не такъ-то легко было сдѣлать безъ денегъ, изъ одной пріязни. Подобныя заслуги не должны забываться, и поэтому я внесъ его въ сей списокъ.

Арсеньевъ.

11-го Мая. Александръ Ивановичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и членъ Департамента Удѣловъ, человѣкъ мрачный, напитанный Мартинистскимъ суевѣріемъ и ко всякой жестокости наклонный, а потому слылъ человѣкомъ благочестивымъ и правосуднымъ; ибо во времена императора Александра быть мистическимъ энтузіастомъ значило быть справедливымъ и честнымъ. Съ сими понятіями наряженъ былъ г-нъ Арсеньевъ въ Володимирской губерніи изслѣдовать злоупотребленія по лѣсной части, на кои дошелъ ко Двору доносъ отъ сумазброднаго морскаго офицера. Арсеньевъ принялся за сіе порученіе съ свойственнымъ ему лукавствомъ, преслѣдовалъ жаркимъ образомъ полицейскихъ чиновниковъ, и въ нелѣпыхъ своихъ донесеніяхъ къ министру, князю Куракину, писалъ, что Владимирское губернское правленіе не покоряется законной власти и что въ губерніи истреблено лѣсу на нѣсколько сотъ милліоновъ. Онъ доказывалъ, что Россія безъ флота отъ сего расхищенія лѣсовъ, именно въ Володимирской губерніи, хотя ни одного не было въ ней дерева, заклейменнаго морскимъ правительствомъ для корабельнаго строенія. Естьлибъ его донесенія были правдивы, то мало бы и Сибири для наказанія за такое хищничество меня и всѣхъ моихъ подчиненныхъ. Все сіе онъ писалъ, обходясь со мной очень ласково и ведя со мной пріятельскую хлѣбъ-соль. Такая была мода. Я съ успѣхомъ посылалъ на него возраженія, ѣздилъ самъ въ Петербургъ, опрокинулъ всѣ его злостные на меня лично рапорты и поворотилъ мнѣніе властей въ мою пользу. Министерство увидѣло ясно, что всѣ его донесенія дышали одной злобою, которая составляла основу его характера. Сколь ни счастливо для меня кончилось его пристрастное слѣдствіе (ибо, по окон-

чаніи онаго, я получилъ орденъ Святой Анны первой степени), однако время его пребыванія въ Володимирѣ было для меня тяжкимъ испытаніемъ, и память о немъ твердо вкоренилась въ моемъ воображеніи. Подобныя искушенія посылаются на насъ Провидѣніемъ, конечно, для улучшенія нашихъ сердецъ, и дабы мы чувствовали сильнѣе, что таже рука Божія, которая насъ караетъ, таже одна и возставить насъ можетъ. Сколь ни отчаянны были мои надежды побороть Арсеньева, но Богъ попустилъ его раздраженіемъ суетнымъ исправить мое положеніе, и чѣмъ онъ злѣе вооружался противъ меня, тѣмъ сильнѣе защищали мою сторону тѣ, кои знали истинныя побужденія сего фанатика.

Баронъ Ашъ.

10-го Ноября. Отставной бригадиръ и узникъ Спаса-Ефимьева монастыря, въ которомъ я его нашелъ, пріѣхавши въ губернію. Судьба его зависѣла нѣкоторымъ образомъ отъ меня. Онъ уже по разнымъ тюремнымъ домамъ заключаемъ былъ и лѣтъ 30 жилъ въ неволѣ. Вина его состояла въ томъ, что онъ не хотѣлъ ни которому изъ государей присягать, доколѣ жилъ извѣстной Алексѣй Антоновичъ, братъ малолѣтняго царя Іоанна. Политическое сіе упрямство помутило въ немъ разумъ, а долговременное заключеніе сдѣлало его вовсе безумнымъ. Онъ возбудилъ во мнѣ чувство состраданія. Я находилъ въ немъ жалкаго сумасброда, болѣе нежели злостнаго преступника, и старался улучшить жребій его, сколько могъ. Ему было уже 80 лѣтъ. Онъ не могъ долго тяготить собою никого: покойной уголъ и чашка кофію составляли все его благоденствіе; но въ страшныхъ башняхъ Ефимьева монастыря онъ его имѣть не могъ. Я представлялъ неоднократно министру объ освобожденіи его. Старанія мои хотя не совершенной получили успѣхъ, но достаточной къ облегченію его участи. Мнѣ позволено выпустить его изъ монастыря и, взявъ поведеніе его на собственную свою отвѣтственность, содержать подъ присмотромъ въ губернскомъ городѣ. Такимъ образомъ баронъ Ашъ освобожденъ и приведенъ къ присягѣ, противъ которой ужъ онъ

въ то время ничего не возражалъ, и началъ жить у меня въ домѣ. Казна производила ему до 300 рублей въ годъ на содержаніе; сверхъ того онъ имѣлъ собственныхъ своихъ денегъ до 4000 рублей, которые я съ большимъ трудомъ у брата его роднаго вырвалъ, по окончаніи надъ нимъ предохранительной опеки. Деньги сіи отдавались въ процентъ изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, и сей бѣдной старецъ, желая мнѣ оказать свою благодарность за мои о немъ попеченія, вздумалъ сдѣлать меня наслѣдникомъ сего капитала, о чемъ писалъ онъ отъ себя и къ министру; но я отъ подарка его отказался, и по смерти его сіи деньги отданы мной его ближайшему наслѣднику, барону же, Казимиру Ашу. Не долго онъ пожилъ у меня въ домѣ и безъ всякой болѣзни, отъ одной старости и разслабленія силъ, весьма тихо скончался. Я его похоронилъ на кладбищѣ. Когда онъ говаривалъ о предметахъ, касающихся до политики временъ Елисаветы Петровны, то разсуждалъ съ здравымъ смысломъ, любилъ читать газеты болѣе всего и завирался въ отвлеченныхъ соображеніяхъ; впрочемъ охотникъ былъ до людей и сообществъ, чванился своимъ бригадирскимъ чиномъ и вообще болѣе былъ жалокъ, нежели кому-либо опасенъ. Да и что̀ бы могъ затѣять вреднаго человѣкъ въ 80 лѣтъ? Естьли бъ онъ умеръ въ тюрьмѣ, то конечно отъ однаго только равнодушія къ подобнымъ несчастливцамъ со стороны тогдашняго подозрительнаго нашего правительства.

Бабаевъ † 1830 *).

29-го Сент. Подъ симъ названіемъ знакомо было мнѣ цѣлое семейство: братъ служившій при мнѣ въ Володимирскомъ почтамтѣ и нѣсколько сестеръ. Они были у насъ въ домѣ очень коротки, братъ мастеръ играть комедіи; онъ одаренъ былъ отъ природы лицемъ сатирическимъ и крайне способенъ представлять buffo caricato. Я никогда не забуду того удовольствія, которое доставлялъ онъ мнѣ въ роли совѣтника

*) Въ подлинной рукописи при нѣкоторыхъ именахъ поставлены означенія ихъ кончины. П. Б.

въ „Бригадирѣ“: такъ совершенно, какъ онъ, конечно, никто этой роли не разыгрывалъ. Сестра его меньшая, Катерина, образована была въ одномъ знатномъ домѣ для лучшаго свѣта, но по бѣдности рѣшилась выйти за изувѣченнаго офицера. Сколько я ни старался отклонить ее отъ этого намѣренія, предлагая ей даже способъ жить у насъ въ домѣ, доколѣ сыщется ей женихъ надежнѣйшій; но къ бѣдности всего семейства присоединялось и тайное пристрастіе къ этому молодому человѣку, которой, лишась ноги по трупъ, сохранилъ однако милое лице двадцатилѣтняго юноши. Все это рѣшило судьбу ея, она вышла за него, и съ тѣхъ поръ уже я объ ней ничего не слыхалъ и самой не видалъ.

Бабарыкинъ.

15-го Апрѣля. Петръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ и премьеръ-маіоръ Семеновскаго полку, человѣкъ посредственнаго смысла и отмѣнно задорной. Ближайшее его родство съ фаворитомъ Мамоновымъ доставило ему сіе почетное мѣсто, и онъ былъ уже въ лѣтахъ, когда принялъ команду надъ нашимъ полкомъ. Я служилъ въ немъ тогда полковымъ адъютантомъ и цѣлый годъ находился въ непосредственномъ съ нимъ сношеніи. Много было бы труда разсказывать всѣ тѣ смѣшныя приключенія, какія между нами происходили; довольно сохранить въ памяти, чтобъ дать понятіе, сколько онъ былъ горячъ, а я также пылокъ и вѣтренъ, что онъ однажды гонялся за мной съ ножомъ по двору въ одномъ халатѣ. Такому странному поступку невольно подалъ поводъ я самъ, будучи принужденъ передавать ему разные выговоры и колкія замѣчанія главнаго начальника, графа Брюса, которой съ нимъ не могъ ужиться. Другой постарался бы смягчить такія порученія; но я, любя выводить изъ нихъ потѣшныя сцены, слово въ слово отдавалъ маіору, что́ приказывалъ подполковникъ. И такъ всякой день поутру у насъ бывала стычка, впрочемъ, рѣдко выгодная для меня: ибо, будучи такимъ Меркуріемъ между двухъ начальниковъ, я могъ опасаться, что подполковникъ отопрется отъ своихъ словъ, извинится передъ маіоромъ тѣмъ, что я не такъ сказалъ

или исполнилъ его порученіе, и тѣмъ легче могло это случиться, что у маіора племянникъ родной былъ фаворитъ. А потому я рисковалъ всегда попасть въ непріятной переплетъ между двумя сильными лицами; но, по счастью моему, графъ Брюсъ не уважалъ Бабарыкина и нерѣдко гораздо суровѣе дѣлалъ ему выговоры въ глаза, чѣмъ тѣ, которые посредствомъ моимъ до него доходили. При такомъ пламенномъ свойствѣ сего начальника и неустроенномъ его разсудкѣ, онъ былъ, однако, внутренно добръ и тѣмъ скорѣе забывалъ досады, чѣмъ онъ сильнѣе за нихъ воспламенялся— обыкновенное свойство людей вспыльчивыхъ! Служба моя подъ командой его кончилась тѣмъ, что онъ оказывалъ мнѣ самыя благосклонныя услуги. Вышедши изъ адъютантовъ, я отъ него удалился, и всѣ причины на меня сердиться исчезли. Онъ увидѣлъ, что естьли я ему досаждалъ, причиной тому былъ не собственной мой произволъ, а положеніе, въ которое я былъ поставленъ отношеніями адъютантскаго званія. Тогда-то онъ меня полюбилъ, познакомился съ моей женой, ѣзжалъ иногда къ намъ обѣдать и, надѣлавъ мнѣ пропасть огорченій прежде, заставилъ ихъ забыть прекраснымъ своимъ поступкомъ. У меня былъ уже тогда сынъ Павелъ, ребенокъ еще. Бабарыкина развели съ графомъ Брюсомъ и дали ему въ команду полкъ конной гвардіи, гдѣ онъ, сдѣлавшись верховнымъ и единственнымъ начальникомъ на короткое время, поспѣшилъ записать нашего сына въ вахмистры и, въ самую неожиданную минуту, подарилъ жену мою этимъ ребячьимъ паспортомъ, которой тогда для насъ былъ очень дорогъ, а паче отъ его лица. Вотъ вся исторія нашего знакомства.

Балашовъ † 1837.

23-го Марта. Симъ числомъ подписанъ указъ о моей отставкѣ изъ губернаторовъ. Воздадимъ за сіе должное воспоминаніе исходатайствовавшему оной.

Александръ Дмитріевичъ, министръ полиціи при императорѣ Александрѣ I-мъ, человѣкъ черной, владѣющій въ тончайшемъ степени шпіонскимъ искусствомъ и по сердцу привязанный къ сему низкому ремеслу. Въ то время, когда

лукавство называлось мудростью, а пронырства государственнымъ достоинствомъ, онъ слылъ человѣкомъ необходимымъ въ его званіи. Съ самаго начала Балашова управленія начались и мои невзгоды по службѣ. Онъ обходился со мной неблагонамѣренно, искалъ всячески меня сбить съ мѣста, потому что я не старался его удержать низкими поклонами,— и успѣлъ въ трудахъ своихъ: при немъ и чрезъ него я отставленъ изъ губернаторовъ. Изъ всѣхъ его дурныхъ поступковъ со мной самой худшій тотъ, что, когда я къ нему писалъ партикулярное письмо, въ которомъ просилъ позволенія по командѣ пожаловаться по одному случаю самому Государю на Сенатъ, онъ подлинное мое письмо, въ видѣ оффиціальнаго донесенія, представилъ Государю и былъ первая пружина того огромнаго дѣла, по которому сдѣланъ мнѣ въ Сенатѣ выговоръ, упомянутый въ другой статьѣ сего Словаря. Сверхъ того, онъ принялъ противъ меня жаркое участіе въ дѣлѣ пьянаго попа, родственника перваго любимца государева, и изъ одной подлости далъ самому низкому происшествію всѣ виды важнаго дѣла, слѣдуя меня, какъ нарушителя святыни. Наконецъ, онъ наряжалъ въ губерніи и тайныхъ, и явныхъ шпіоновъ смотрѣть за мной и всѣ усилія власти своей приложилъ къ тому, чтобъ меня смѣнить. Я въ поведеніи моемъ съ нимъ по службѣ ни въ чемъ себя иномъ укорить не могу, развѣ въ томъ только, что я ему не трусилъ, стоялъ передъ нимъ прямо и глядѣлъ ему въ глаза безъ замѣшательства. По притѣсненіямъ, которыя я отъ него вытерпѣлъ, я въ правѣ называть его своимъ злодѣемъ, и никогда не произнесется имя его въ устахъ моихъ иначе.

Барковъ.

7-го Сентября. Николай Александровичъ, сынъ крестный матери моей и пріятель мой въ юношескомъ возрастѣ: мы служили съ нимъ въ одномъ полку. Я былъ гвардіи офицеромъ, а онъ сержантомъ. Мнѣ всегда смѣшно вспомнить ребяческой анекдотъ, которому онъ подалъ причину. Мы стояли на караулѣ лѣтомъ въ пустомъ Зимнемъ дворцѣ, онъ старшимъ сержантомъ, а я начальникомъ отряда. Мнѣ хо-

тѣлось надъ нимъ почваниться своею властью, и я придрался въ какой-то мелочи, осматривая часовыхъ, и поставилъ его въ будку. Эта шутка не продолжалась пяти минутъ, но во всю жизнь нашу мы, при всякомъ нашемъ свиданіи, напоминали эту проказу, и онъ мнѣ всегда говаривалъ: „Помнишь ли, какъ я у тебя сидѣлъ въ будкѣ?“ Такіе дѣтскіе случаи живѣе возобновляются въ памяти нашей многихъ важныхъ происшествій зрѣлаго возраста. Мы съ нимъ потомъ были въ походѣ, и онъ недолго числился у меня въ ротѣ, а послѣ выбылъ въ другой батальонъ; слѣдовательно, съ дѣтскими нашими годами прекратились почти всѣ наши отношенія, и подъ старость осталось между нами одно шапочное знакомство.

Барсовъ.

5-го Августа. Антонъ Алексѣевичъ, университетской профессоръ, умной и достойной человѣкъ, искусной въ риторствѣ и изящной словесности. Я у него обучался слогу и поэзіи и выслушалъ полный курсъ его лекцій. Онъ оказывалъ ко мнѣ особенное вниманіе, къ которому я былъ до конца жизни признателенъ, да и за гробомъ его чту обязанностью воспоминать его попеченія съ похвалой. Я ему одолженъ первыми опытами моего пера. Онъ съ отличной благосклонностью выправлялъ переводъ мой съ одной Французской комедіи и не только въ классѣ, но и внѣ онаго, въ домашнихъ своихъ бесѣдахъ, давалъ мнѣ полезныя наставленія. Когда по его факультету назначены были диссертаціи на Латинскомъ языкѣ, онъ присудилъ мнѣ дать установленную въ награжденіе медаль серебряную, которою я болѣе былъ обязанъ его снисхожденію, нежели достоинству моего сочиненія. Такихъ мужей, каковъ былъ г-нъ Барсовъ, во всякомъ царствѣ и вѣкѣ немного, и онъ въ сословіи ученыхъ былъ отлично уважаемъ.

Бартнянской.

24-го Октября. Искусной музыкантъ и директоръ придворной пѣвческой капеллы. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ воспоминая, я живо привожу себѣ на мысль картину молодости моей и лучшія ея минуты. При меньшомъ дво-

рѣ были частыя театральныя зрѣлища между благородными особами, составляющими штатъ наслѣдника престола. По врожденному таланту имѣлъ и я счастіе быть причисленъ къ ихъ обществу. У меня голосъ былъ хорошъ, но не обработанъ. Я обучался пѣть у г-на Бартнянскаго; онъ руководствовалъ нашими операми, и при имени его я съ удовольствіемъ воображаю многія репетиціи, отъ которыхъ созидалось постепенно и совершилось блаженство среднихъ лѣтъ моихъ. Онъ былъ артистъ снисходительной, доброй, любезной; попеченія его сдѣлали изъ меня въ короткое время хорошаго опернаго лицедѣя и, не зная вовсе музыки, не учась ей никогда, я памятью одной вытверживалъ и пѣвалъ на театрѣ довольно мудрыя оперныя сцены, не разбиваясь ни съ оркестромъ, ни съ товарищами, что́ почесть можно было диковинкой природы. Государыня Марія Ѳеодоровна никакъ сему вѣрить не хотѣла. Бартнянскій пригласилъ ее на одну изъ репетицій; она изволила пожаловать, онъ сѣлъ за фортепьяно и заставилъ меня пѣть арію. Я взялъ ноты и затянулъ. Государыня подошла ко мнѣ и удивилась чрезвычайно, увидя, что я держу ноты вверхъ ногами, и на вопросы ея, гдѣ я пою и что́, не умѣлъ ей ничего сказать, между тѣмъ какъ всю арію пропѣлъ безъ ошибки противъ музыки. Слухъ и память одни мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогали, а Бартнянскаго терпѣнью честь и слава, потому что его надобно было имѣть со мною очень много.

Барятинская.

11-го Марта. Свѣтлѣйшая принцесса Голштейнъ-Бекъ, вышедшая за мужъ за Россійскаго князя и генерала. Она составила важную эпоху въ моей жизни и должна стать въ рядъ со всѣми особами, занимающими отличное мѣсто въ моей памяти. Скоро по пріѣздѣ моемъ въ первой разъ въ Петербургъ, для службы въ гвардіи, я пріобрѣлъ ея знакомство и сдѣлался вхожъ въ ея домъ. Пустое самое достоинство отворило мнѣ дверь въ оной. Я имѣлъ маленькой талантъ театральной; нѣсколько опытовъ сей забавы въ Москвѣ, и довольно удачныхъ, развернули его и сдѣлали меня

извѣстнымъ въ отборныхъ обществахъ. Въ царство Екатерины, въ сей вѣкъ мудрости и просвѣщенія, театръ былъ въ большой модѣ у Двора и между благородными людьми. Принцесса имѣла дѣтей на возрастѣ и всякую зиму забавлялась ихъ мимикой. Богатство ея, имя, а болѣе еще мягкость характера и любезныя свойства сердца, привлекали къ ней весь отборный городъ. Она жила пышно и вмѣстѣ пріятно, со всѣми была вѣжлива, благосклонно и примѣрно гостепріимна; будучи всегда розно съ мужемъ своимъ, ей хотѣлось наполнить общество театральное дѣтей своихъ благовоспитанными молодыми людьми, въ числѣ коихъ и я скоро удостоился чести быть принятъ. Знакомство и короткость въ ея домѣ составляли лучшій атестатъ поведенія. У нея года три сряду въ каждую зиму я игралъ комедіи; чрезъ нея попалъ я и ко Двору. Появленіемъ моимъ туда обязанъ я былъ принцессѣ, которая, изъ особеннаго ко мнѣ благоволенія, рекомендовала меня Великому Князю и доставила мнѣ случай препровождать пріятнѣйшіе дни года въ царскихъ увеселительныхъ домахъ. Сей поступокъ ея въ мою пользу сопровождался такой обо мнѣ похвалой, которая давала мнѣ право удостовѣриться, что принцесса не по одному актерству меня принимаетъ, но интересуется въ дальнѣйшей судьбѣ моей. Дочь ея была милая и скромная дѣвушка; судя по разнымъ догадкамъ, можно было думать, что принцесса не воспротивилась бы моему съ ней соединенію, но я не смѣлъ никогда о томъ и помыслить, по чрезвычайному разстоянію нашихъ фортунъ. Она была богата, я бѣденъ. Такіе союзы никогда не начинаются съ успѣхомъ, и все мое знакомство въ этомъ домѣ началось и кончилось театромъ.

По крайней мѣрѣ я весело провелъ нѣсколько лѣтъ и жилъ въ сладчайшихъ обольщеніяхъ, о которыхъ мнѣ подъ старость и до гроба пріятно будетъ воспоминать.

Безобразова.

16-го Іюня День рожденія жены моей, и для меня день пріятной. Я не хочу напоминать ничего горестнаго, хотя въ сей самой день нѣкогда начались озлобленіи мои по служ-

бѣ. Вообразимъ себѣ другое время и остановимъ взоры на пріятные предметы.

Елисавета Алексѣевна, сестра родная второй жены моей, вышедшая замужъ за графа Апраксина и скоро оставшаяся послѣ него вдовою. Будучи въ дѣвушкахъ, она жила изъ пріязни въ домѣ графини Пушкиной, гдѣ я съ ней познакомился въ крайней молодости. Ежедневное съ нею свиданіе и короткое обращеніе были поводомъ моему къ ней пристрастію; я не былъ въ нее влюбленъ, но нравилась она мнѣ болѣе прочихъ. Въ то время, какъ я только что вступилъ еще въ свѣтъ, и ежели бы она не была уже занята Апраксинымъ, можетъ быть я бъ на ней сталъ свататься изъ того только, чтобъ жениться, чего мнѣ нетерпѣливо хотѣлось, какъ скоро я сталъ ощущать чувство склонности къ женщинамъ. Такое отношеніе мое къ ней было недолговременно, но осталось памятно, потому что оно доставило мнѣ множество пріятныхъ обольщеній, а химеры всегда составляли основу моего счастія въ мірѣ. Не странно ли вообразить, что, спустя 20 лѣтъ или болѣе, я женился на родной сестрѣ той, на которой мыслилъ жениться прежде? Видно, въ судьбѣ моей на роду было написано попасть въ семейство Безобразовыхъ, по сходству наружности моей съ прозваніемъ *).

Безобразова.

13-го Генваря. День достопамятный въ моей жизни по тому, что я въ оной соединился вторымъ бракомъ съ госпожей Пожарской, урожденной Безобразовой, и потому хочу вспомнить особенно сегодня и интереснѣйшую для меня особу въ новомъ моемъ родствѣ, Прасковью Михайловну Безобразову, урожденную Прокудину.

Она была за мужемъ за братомъ роднымъ второй жены моей, Григорьемъ. Я очень любилъ ее и звалъ Полиной. Свадьба ея послѣдовала не за долго до моей. Будучи уже въ связи съ Пожарской и готовясь на ней жениться, я принималъ живѣйшее участіе въ бракосочетаніи столь близкой

*) Авторъ въ обществѣ носилъ прозваніе „балкона". П. Б.

ея родственницы. Это происходило въ Володимерѣ. Будучи первымъ гостемъ на всѣхъ свадебныхъ пирахъ, я тѣмъ тѣснѣе связывалъ собственный мой жребій со второй моей женой. Полина много содѣйствовала къ успѣху моей женитьбы: она была органъ всѣхъ нашихъ окончательныхъ переговоровъ, и въ самой день свадьбы моей, она изъ блажи сдѣлалась моимъ парикмахеромъ и чесала мнѣ волосы къ вѣнцу. Естьли бъ я долженъ былъ наименоваться ея супругомъ, признаюсь, что я бы почелъ такую ея услугу за непріятное предзнаменованіе; ибо она была очень вертопрашна, но молода, пригожа и любезна. Я къ ней очень былъ привязанъ и почти всѣхъ дѣтей ея крестилъ. Она скончалась родами, и я чрезвычайно сожалѣлъ о сей потерѣ, потому что смерть ее постигла въ такую минуту, въ которую она зачинала становиться необходимой всему своему семейству. Я долго помнить буду пріятныя мои съ ней отношенія.

Безобразова.

21-го Апрѣля. Воздадимъ должную похвалу и справедливость скончавшейся въ сіе число тещѣ моей и вспомнимъ краткимъ словомъ хорошія качества, отличавшія ее въ нарожденномъ ею семействѣ.

Марья Яковлевна, мать второй жены моей, старушка чадолюбивая и благочестивая. Я долженъ незабвенно помнить хорошее ея ко мнѣ расположеніе: она любила меня наровнѣ съ своими дѣтьми, а я старался оказывать ей всякое угожденіе. Обстоятельства принудили ее остальные дни жизни своей провести въ Тулѣ; тамъ проживала она зиму, а лѣтомъ съѣзжала въ Тульскую деревню, въ которой мы съ женой всякой годъ почти ее посѣщали. Деревня весьма уединенная; въ ней сочинены стихи мои подъ названіемъ „Семира Болеславна", на счетъ одной барышни, жившей у нея въ домѣ. Теща моя скончалась почти 80 лѣтъ, оставя по себѣ широкое племя. Дѣтей, внучатъ и даже правнучатъ, отъ корня сего происшедшихъ, считалось до семидесяти человѣкъ, коими всѣми она была оплакана, не смотря на ея долголѣтіе. Толико она была добра и всѣмъ въ семействѣ своемъ любезна.

Бенедиктовъ.

21-го Февраля. Михайла Степановичъ, совѣтникъ Владимирской палаты уголовнаго суда, человѣкъ умной, ученой и пріятнаго обращенія. Рано, но холодно, мы съ нимъ познакомились; мы были въ одно время студентами въ университетѣ и вмѣстѣ слушали разныя лекціи; онъ былъ старѣе меня, и потому между нами не было никакой связи. Подошедши близко къ половинѣ своего вѣка, я съ нимъ сошелся въ одномъ городѣ и въ одной службѣ: я былъ губернаторомъ, онъ совѣтникомъ уголовнымъ. Частыя сношенія мои съ нимъ по дѣламъ сблизили насъ, и мы сдѣлались хорошими пріятелями. Онъ, можно сказать, былъ почти всѣхъ просвѣщеннѣе въ губерніи. Мы часто состязались о разныхъ предметахъ; бесѣда его была поучительна. Не всегда соглашались мы въ чувствахъ и моральныхъ тонкостяхъ, но никогда не разбивались до того, чтобъ поссориться, или быть другъ другомъ сильно недовольны. По отставкѣ моей онъ болѣе всѣхъ сослуживцевъ моихъ старался оказывать мнѣ знаки постоянной преданности, и сія благородная черта его характера совершенно меня съ нимъ подружила навсегда. Думаю такъ, по крайней мѣрѣ, потому что въ лукавомъ нашемъ мірѣ ни за что ручаться не должно.

Бенкендорфъ.

24-го Генваря. Ермолай Ивановичъ, смотритель Гатчинскаго замка, человѣкъ маленькаго росту, отставной маіоръ, извѣстной только по тому, что одна изъ родственницъ его и той же фамиліи была ближайшей пріятельницей великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Этотъ деверь ея женатъ былъ на претолстой и высокаго росту Нѣмкѣ, которая умѣла хорошо готовить всякія картофельныя приправы и едва ли знала что нибудь другое. Съ сими двумя супругами мнѣ довелось однажды въ жизнь мою, и когда мнѣ было только 20 лѣтъ, провести изъ минуты въ минуту цѣлую недѣлю какъ бы въ заточеніи. Вотъ что подало тому поводъ. Государыня готовила сюрпризу своему супругу, ко дню его рожденія; она состояла

въ театральномъ зрѣлищѣ. Придворные господа хотѣли сыграть Французскую піесу. Выборъ палъ на драму: „L'honnête Criminel“ (Честной Преступникъ). Тутъ есть роль престарѣлаго отца; никому изъ франтовъ она не нравилась. Въ городѣ уже твердили тогда о моей способности представлять такія роли. Государыня благоволила приказать сдѣлать мнѣ предложеніе. Взялся за это графъ Чернышовъ. Дошло до свѣдѣнія принцессы Барятинской (см. лит. Б.); она уговорила меня на это согласиться и ѣхать въ Гатчину. Я собрался и отправился. Но такъ какъ у Двора и безъ театра бываютъ комедіи въ обыкновенномъ общежитіи, то, дабы Великой Князь прежде времени не свѣдалъ о затѣянномъ зрѣлищѣ (хотя, конечно, онъ объ немъ уже зналъ, и только для того притаился, чтобъ не разстроить удовольствія внезапности, приготовляемой ему его супругой), велѣно было мнѣ не показываться нигдѣ и никому, кромѣ репетицій, которыя дѣлались послѣ ужина, когда всѣ расходились будто бы спать, и жить мнѣ назначено въ покояхъ упомянутаго Ермолая Бенкендорфа. И такъ я тутъ выжилъ цѣлую недѣлю въ отчаянной скукѣ, питался за трапезой господина Бенкендорфа картофелемъ съ масломъ и въ сумерки имѣлъ свободу, когда всѣ соберутся въ покои, гулять по саду, какъ школьникъ для рекреаціи. Около полночи выпускали меня на репетицію, и тутъ я видался со всѣми придворными господами. Признаюсь, что такой родъ жизни казался мнѣ великопостнымъ искушеніемъ, и я обрадовался, наконецъ, представленію нашей драмы, какъ высокоторжественному празднику. До сихъ поръ помню еще ту комнату, въ которой училъ свою роль по цѣлымъ суткамъ, тотъ картофель, которымъ кормился, и ту, въ три сажени длины, ужасную Нѣмку, которая меня онымъ потчивала. Это было чистилище, изъ котораго я выскочилъ прямо въ волшебной рай.

Берхманъ.

10-го Августа. День начавшійся нѣкогда сильнымъ страхомъ и, по милости Божіей, увѣнчанный полнымъ торжествомъ радости: ибо въ оной жена моя родила близнецовъ, Дмитрія и Рафаила.

Берхманъ, славной своего времени акушеръ и притомъ врачъ некорыстолюбивой, рѣдкое достоинство въ этомъ родѣ людей; онъ до глубокой старости исправлялъ повивальное искусство. Во время трудныхъ родовъ первой жены моей, когда она произвела на свѣтъ двухъ мальчиковъ, Дмитрія и Рафаила, Берхманъ былъ къ намъ призванъ, и особеннымъ его раченіемъ жена моя спаслась отъ угрожавшей ей опасности: онъ вынулъ обоихъ младенцевъ, сохранилъ и ихъ, и мать. Съ тѣхъ поръ такъ полюбилъ насъ, что даже безъ всякой въ немъ нужды бывалъ при всѣхъ родахъ жены моей и никогда не хотѣлъ взять ничего деньгами, довольствовался самыми ничтожными подарками, кои назначалъ самъ, какъ то: жилетъ, иногда простую косынку. Я никогда его не забуду, не только какъ врача, оказавшаго намъ самую важную услугу и въ такое время, когда она бываетъ столь необходима, но какъ человѣка рѣдкаго по добротѣ сердца и вниманію къ страждущему человѣчеству. Подобные люди насылаются въ дома наши благостью самаго Провидѣнія, и множество женъ, множество чадъ должны вѣчно помнить имя старика Берхмана.

Берхова.

6-го Мая. Александра Ивановна, милая и пригожая дѣвушка. Ихъ было двѣ сестры; онѣ жили съ матерью, женщиной весьма простой. Я съ ними ознакомился въ Володимерѣ. Онѣ обѣ, особенно Александра, составляли красу и прелесть нашихъ баловъ: безъ нихъ не было удовольствія, ни забавы; всѣ тамошніе молодые и даже пожилые люди около ихъ увивались. Домъ ихъ стоялъ на горѣ, называемой Студеной; я прозвалъ ее Золотой и, по стеченію безпрестанному къ ней волокитъ, я выпустилъ въ шутку, что у нихъ Златогорской Комитетъ. Эта шутка ихъ не оскорбляла; напротивъ, онѣ сами тому смѣивались, и въ теченіе десяти лѣтъ, кои я провелъ въ Володимерѣ, Златогорской Комитетъ имѣлъ важное мѣсто въ моихъ отношеніяхъ къ тамошнему обществу и людямъ.

Бехтеевъ.

16-го Генваря. Алексѣй Алексѣевичъ. Онъ очень мало со мной былъ знакомъ, но по двумъ пріятнымъ случаямъ, во время моего губернаторства, помѣщается въ настоящемъ алфавитѣ. Жена его и все ихъ общество пріѣзжали однажды ко мнѣ въ городской домъ и съ крайнимъ снисхожденіемъ сыграли на моемъ театрѣ Русскую комедію: „Школа Злословія“, которая доставила мнѣ незабвенное удовольствіе. Я также, съ покойной женой моей, былъ у нихъ на знаменитомъ праздникѣ въ селѣ Дубкахъ, гдѣ, кромѣ театра, музыки, фейерверку и балу, къ умноженію тщеславной роскоши, вся зала убрана была фестонами изъ зелени, сквозь которую сіяли разноцвѣтные стаканчики, а вмѣсто кистей коптились ананасы натуральные, дабы показать, въ какомъ изобиліи у нихъ сей плодъ разведенъ былъ. Такой праздникъ долго не забудется. Хотя жена моя пользовалась имъ въ слабомъ состояніи здоровья, но не безъ удовольствія, соразмѣрнаго общему. Потомъ, во время моего вдовства, былъ я приглашенъ въ туже деревню и съ новымъ очарованіемъ угощаемъ. Въ честь роскошнымъ хозяевамъ я написалъ стишки, которые, подъ названіемъ „Дубки“, напечатаны въ моихъ сочиненіяхъ, и по онымъ село и владѣльцы остались навсегда въ моей памяти.

Бецкой.

28-го Октября. Иванъ Ивановичъ, главной попечитель Смольнаго монастыря и всѣхъ воспитательныхъ домовъ въ Россіи. Я его лично имѣлъ честь знать и пользовался благосклоннымъ его пріемомъ, особенно же какъ женился на Смирной, которую онъ отличалъ и въ Смольномъ. По случаю нашей свадьбы онъ намъ давалъ обѣдъ и очень ласковъ былъ съ нами во всякое время. Старикъ почтенной, доброй, уважительной, о которомъ я долгомъ поставляю помнить, какъ о протекторѣ такого заведенія, въ которомъ образовалась моя Евгенія, и человѣкѣ, оказавшемъ ей самой лично особенные знаки своего благорасположенія, во все время воспитанія ея и потомъ. Отецъ мой нѣкогда служилъ въ Опе-

кунскомъ Совѣтѣ подъ его начальствомъ, и когда онъ въ Петербургъ изволилъ ѣздить съ матушкой и возилъ туда одну сестру мою большую, лѣтъ 13-ти, то Бецкой ее очень полюбилъ и разные знаки своего благоволенія ей оказывалъ, даже хотѣлъ выпросить ее у батюшки въ Смольной; а какъ сегодня день имянинъ той сестры моей, то я нарочно о немъ сегодня и вошелъ въ рѣчь.

Бибикова.

14-го Ноября. Настасья Петровна. Ей было уже 30 лѣтъ, когда я ее узналъ, а мнѣ только 20. Она охотно со мной танцовала на балахъ въ клобѣ, и мое самолюбіе всегда меня влекло къ ней преимущественно; отъ сего танцовальнаго между нами союза произошелъ анекдотъ, которой мнѣ навсегда остался памятнымъ. Нѣкто былъ князь Голицынъ, прозванной въ публикѣ, не знаю по чему, Чепурой. Сестра его родная была въ замужествѣ за отцомъ моимъ до втораго соединенія его съ моей матерью. Она, скончавшись бездѣтна, истребила всякое родство между своимъ домомъ и нашимъ; но отецъ мой ставилъ себѣ въ обязанность сохранить со всѣми родственниками первой жены своей уважительное отношеніе. Чепура былъ въ Бибикову влюбленъ и скупъ, какъ всѣ старые холостяки: онъ присматривалъ за нею Аргусовыми глазами на всѣхъ балахъ и скоро примѣтилъ, что изъ молодыхъ мущинъ я всѣхъ чаще и охотнѣе съ ней танцую. Случалось ей послѣ сильнаго движенія въ контреданцѣ пожелать чашки чаю или стакана прохладнаго питія; я, какъ вѣтреной мальчикъ, бѣгалъ въ буфетъ и успѣвалъ прежде поподчивать ее, нежели Чепура, которой четверть часа поторгуется бывало что̀ заплатить за лимонадъ или чай, слѣдовательно всегда опоздаетъ съ своимъ подносомъ; а Бибикова, напившись чего ей угодно, отзовется ему, что она уже ничего не хочетъ. Для Чепуры два наклада разомъ: и деньги потеряны, и трудъ услужить пропалъ. Подобные случаи, наконецъ, до того его встревожили, что онъ не постыдился жаловаться на меня батюшкѣ и требовать, чтобъ мнѣ заказано было танцовать съ Бибиковой. Сколь

ни глупо было такое требованіе, но батюшка, не замѣчая, чтобъ я самъ особенное имѣлъ пристрастіе къ этой дѣвушкѣ, убѣдилъ меня ласковымъ словомъ не тѣшиться такой надъ старикомъ проказой и оставить его въ покоѣ. Съ тѣхъ поръ я сталъ удаляться отъ Бибиковой; она это замѣтила, мы изъяснились, и Чепурѣ досталось. Онъ выдержалъ весь гнѣвъ ея и снова жаловался, но батюшка посмѣялся его сумасбродству, и пляска наша возобновилась по прежнему. Время все это унесло въ мракъ вѣчнаго забвенія, но для меня всегда пріятно будетъ вспомнить всякую бездѣлицу относительно къ моей молодости.

Бобринская.

13-го Іюля. Графиня, супруга вдовствующая извѣстнаго сына свободнаго Екатерины, по породѣ Лифляндка. По веселому ея характеру, ей очень прилично стать въ знакомствѣ моемъ рядомъ съ Бороздиной: таже веселость, таже доброта въ намѣреніяхъ, простота въ обычаяхъ; но другія времена, другія средства, другія обстоятельства дѣлали розницу и въ отношеніяхъ моихъ. Я свелъ знакомство съ ней уже въ старыхъ и немолодыхъ годахъ моихъ; есть ли бъ я не продолжилъ еще для собственнаго своего увеселенія забавляться актерскою игрой, то, вѣроятно, никогда бы и не узналъ, что есть на свѣтѣ графиня Бобринская. Она пріѣхала въ Москву, купила домъ и расположилась, во что бы то ни стало, жить весело и забавлять весь городъ. Вся публика къ ней хлынула. Она была и сама уже немолода, но здорова и во всѣхъ физическихъ силахъ, чрезвычайно богата; она увлекалась во всѣ роды житейскаго удовольствія; скоро появился въ домѣ ея театръ, и тотчасъ приглашенъ я былъ въ ея сообщество. Первое намѣреніе мое, познакомясь съ ней, клонилось къ пользѣ взрослыхъ двухъ моихъ дочерей, коимъ я хотѣлъ доставить пріятной выѣздъ; вмѣсто того попалъ я самъ въ актеры и, изъ снисхожденія, согласился участвовать съ дочерью ея, княгиней Гагариной, въ Венеціянской фарсѣ. Данъ былъ у нея маскарадъ, во время котораго нѣсколько человѣкъ благородныхъ, смѣшанныхъ съ инозем-

цами, въ томъ числѣ и я, мы сыграли пресмѣшную трагикомедію подъ названіемъ Клеопатры. Всѣ мы одѣты были въ маскарадное платье и спрятаны подъ живописныя личины; я представлялъ роль самой Клеопатры. Это было очень смѣшно, вся публика хохотала и била въ ладоши поминутно. Подобные праздники у нея давались очень часто, и я во всякомъ былъ какимъ нибудь дѣйствующимъ лицомъ; нельзя забыть и того, которой воспослѣдовалъ 6-го Генваря. Кромѣ маленькой комедіи, которую мы разыграли въ троемъ: Пушкинъ, я и одинъ Французъ (да не просто въ комнатѣ, а на возвышенномъ помостѣ и съ оркестромъ) мы играли въ короли, т. е. „Tour des Rois“, и я былъ оберъ-шенкъ въ разныхъ пестрыхъ орденахъ, а потомъ прохаживался въ верстѣ изъ бумаги и никѣмъ не былъ узнанъ; превращеніе сіе было ново и очень позабавило весельчаковъ. Послѣ піесы, о которой упомянуто, каждой изъ насъ трехъ дѣйствующихъ лицъ пропѣлъ въ честь графини куплетъ Французской, и мнѣ посчастливилось за свой получить всеобщія рукоплесканія. Передаю его здѣсь читателю:

„Moi, sans prétendre à la couronne,
Je vais droit mon petit chemin
Et tour à tour je m'abandonne
Au sexe aimable et au bon vin.
Près de la cour qu' ici s'apprette,
Quoi de plus doux, qu' être échanson:
Car, quand le coeur est de la fête,
On aime à perdre la raison“.

Знакомство это, какъ пришло, такъ и исчезло. Она только одну зиму жила въ Москвѣ и переселилась въ Питеръ; но забавы, коими я пользовался въ ея домѣ, сохранятъ на всегда имя ея въ моей памяти.

Бобровъ.

8-го Ноября. День, съ котораго не прекращался почти черезъ двѣ трети вѣка плачь Іеремієвъ въ нашемъ племени: ибо въ оной, съ отрубленной на эшафотѣ въ Новѣгородѣ головой дѣда моего, пало огромное зданіе нашего счастія, надеждъ и фортуны. Лютое воспоминаніе! Мысль моя летитъ

въ Сибирь, ищетъ темницы страдальца и тамъ находитъ добраго Боброва.

Сынъ дворянина того же имени, который былъ приставленъ въ Сибири у Березовскаго острога, во все время заключенія въ ономъ дѣда моего, сей достопамятный для насъ чиновникъ оказывалъ всякое христіянское состраданіе несчастному узнику, томящемуся подъ его присмотромъ. онъ облегчалъ его участь, сколько могъ, и потому заслужилъ отъ рода нашего вѣчную къ себѣ признательность. По странному стеченію случаевъ г-нъ Бобровъ, о которомъ теперь говорится, Сибирской постоянный житель, пріѣзжалъ въ Россію для того, чтобъ внуку свою родную дѣвицу Хитрову, единственную наслѣдницу достаточнаго имѣнія, выдать замужъ за племянника моего роднаго, старшаго сына графа Ефимовскаго, правнука самаго того несчастливца, за которымъ надзиралъ темничной стражъ г-нъ Бобровъ, отецъ его. Игра фортуны! По окончаніи свадебныхъ пировъ, Бобровъ, возвращаясь на родину свою въ Сибирь, остановился на сутки у меня въ Володимерѣ. Свиданіе мое съ нимъ была одна изъ трогательнѣйшихъ минутъ моей жизни. Я кипѣлъ сердцемъ и заливался слезами, слушая изустныя отъ него преданія на счетъ дѣда моего и разныя злоключенія, постигавшія его въ темницѣ. Одинъ только разъ я съ этимъ почтеннымъ старичкомъ видѣлся, бесѣдовалъ и никогда повѣствованій его не забуду.

Волотникова.

3-го Ноября. Молодая замужняя дворянка, живущая въ Орловской деревнѣ. Не зная ея въ лицо, не вѣдая даже, что она существуетъ, я привлеченъ былъ къ знакомству съ ней заочному и весьма странному ея стихами. Она ихъ писывала очень посредственно, чтобъ не сказать худо, но любила ими заниматься, изволила сочинить книжку подъ названіемъ: „Плодъ моего уединенія“ и разсудила посвятить ее мнѣ, напечатала, пустила въ публичную продажу и мнѣ при письмѣ прислала препорядочной экземпляръ въ сафьянѣ. Надобно было писать, благодарить, хвалить. Я истощался въ привѣтствіяхъ, надѣясь, что ими все кончится: напротивъ г-жа Бо-

лотникова, начитавшись моихъ сочнненій и приходя ежедневно отъ нихъ въ восторгъ, не по заслугамъ моимъ, а по капризу ея воображенія, повела со мной переписку, которая хоть изрѣдка, но приняла характеръ твердаго знакомства. Неожиданное сіе отношеніе между нами началось уже послѣ Московскихъ бѣдствій и долго ли продолжится, не знаю. Нерѣдко я отъ нея получаю новые стихи, стараюсь отвѣчать моими и не безъ крайняго удивленія вижу на опытѣ, что можно быть очень близко знакому съ человѣкомъ, котораго отъ роду въ глаза не видывалъ. Сей диковинкой я обязанъ г-жѣ Болотниковой и потому далъ ей право гражданства въ моемъ Словарѣ. Въ то время, какъ я упражнялся собраніемъ онаго, г-жа Болотникова прибыла на короткое время по дѣламъ своимъ въ Москву; я ее видѣлъ, наконецъ, и ознакомился съ ней лично, нашелъ даму скромную, тихую, застѣнчивую даже, и съ трудомъ могъ понять, какимъ образомъ, будучи благоразумна, она такъ свободно приняла на себя званіе автора, съ которымъ, кажется, вовсе не сладитъ.

Бороздина.

15-го Ноября. Настасья Андреевна, дама среднихъ лѣтъ, милая и веселаго духа. Семейство ея составляли мужъ генералъ-поручикъ, которой давалъ ей волю дѣлать все, что́ она хотѣла, три сына, нашего полку унтеръ-офицеры, и барышня проживающая у нея изъ ласки, о которой особая есть статья въ этомъ Лексиконѣ (см. Львову). Г-жа Бороздина была полная владычица въ своемъ домѣ; страсть ея къ карточной игрѣ привлекала къ ней множество гостей нашего пола, а чтобъ еще было веселѣе, она затѣяла театръ, на которомъ дѣти ея игрывали комедіи по-французски: въ то время стыдно было заниматься Русскимъ языкомъ. Скоро по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ на службу въ гвардію я съ ней ознакомился, и она меня очень полюбила. Дѣло до того дошло, что я былъ всякой день у нея въ домѣ и нигдѣ, кромѣ ея. Я заправлялъ ея спектаклями, и тутъ самъ, какъ говорится, набилъ руку къ этому ремеслу. Всѣхъ замѣчательнѣе былъ у насъ спектакль: „Сивильскаго Цирюльника“: я игралъ

Линдора съ успѣхомъ, вся публика къ намъ съѣзжалась; но какъ репетиціи гораздо забавнѣе самаго представленія, то я цѣлой годъ занимался ими, прежде нежели мы піесу сыграли. Чтó до того за дѣло? И ей, и намъ было весело, вотъ и главное. Въ теченіе столь продолжительнаго времени мы, какъ водится между благородными охотниками до театра, и сердились, и ссорились, и также скоропостижно мирились. Однажды дошло до того, что сынъ ея старшій вызвалъ меня на поединокъ: мальчика уняли, и мы разцѣловались. Нигдѣ нельзя было такъ строго наблюдать этой пословицы: „Сору изъ избы не выносить“, какъ въ домѣ любезной Бороздиной; ибо въ немъ Богъ знаетъ чего по временамъ не происходило. Я всегда съ пріятностью вспомню время моего съ ней знакомства, потому, что я тутъ провелъ два года моей молодости отмѣнно весело. Ласковость ея ко мнѣ была искренна и всегда ровна; мы съ ней иногда ѣзжали вмѣстѣ изъ Царскаго Села въ городъ, въ свѣтлыя лѣтнія ночи, проведя прескучной вечеръ изъ приличія въ покояхъ графа Салтыкова, дядьки Великихъ Князей, и въ каретѣ во всю дорогу поемъ водевили какъ безумные; она имѣла прекрасный голосъ и всѣ навыки образованнаго общежитія; обращеніе ея было пріятно и просто. Я обязанъ ей многими сладкими минутами въ жизни, безъ всякаго превратнаго смысла моему выраженію. Нѣтъ! Мы не влюблены были другъ въ друга, но другъ друга взаимно искали по сходству нравовъ, и наполняли время нашего знакомства невинными забавами, которыя однѣ составляютъ истинное счастіе жизни. Мнѣ живо представляется и теперь, какъ я, однажды, пріѣхавши къ ней на вечеръ, воротился домой въ 7 часовъ утра; и чтó жъ я дѣлалъ во всю ночь? Оба сына ея, я и барышня, мы наставили стульевъ, и между ими плясали кадрили да променады подъ музыку пьянаго домашняго скрипача, между тѣмъ какъ хозяйка съ кѣмъ нибудь игрывала въ макао и покрикивала съ безсоницы въ игрецкомъ изступленіи: „Милліонъ съ прессомъ!“ Пусть назовутъ это все, какъ хотятъ, шалостью, блажью, дурачествомъ: согласенъ. Но намъ было весело—и полно!!!

Брагина.

11-го Апрѣля. Анна Григорьевна, дитя Фортуны. Родясь отъ двороваго человѣка тетки моей родной, баронесы Строгановой, она взята была ею, по бездѣтству ея, въ верхъ и названа фавориткой. Тетушка имѣла большое состояніе, привязалась къ этому ребенку, воспитывала ее съ большимъ попеченіемъ, образовала, научила иностраннымъ языкамъ, и наконецъ поставила ее на такую ногу въ свѣтѣ, что всякой забывалъ ея породу и плѣнялся талантами: она прекрасно пѣла и играла въ операхъ. Тетушка дала ей хорошее приданое и выдала ее за мужъ за офицера гвардіи нашего полку Сѣверина, который послѣ дослужился до чина тайнаго совѣтника и былъ въ Бѣлоруссіи губернаторомъ. Вотъ біографія дѣвицы Брагиной, съ которой я былъ въ молодости очень коротко знакомъ и, по тѣсному моему родству съ ея благодѣтельницей, привыкъ съ ней обходиться какъ родной. Во время малолѣтства меньшихъ сестеръ моихъ, имъ, вмѣстѣ съ ней, прививалъ оспу знаменитой Димсдаль, выписанный изъ Англіи для Императрицы. Чего не дѣлаетъ слѣпой случай, когда онъ подкрѣпленъ богатствомъ? Брагина есть доказательство, что мы всѣ родимся равны, но что различны бываемъ по качеству нашихъ естественныхъ дарованій и по средствамъ, какія кто имѣетъ къ нравственному образованію. Брагина достойна была той участи, которую доставила ей Фортуна.

Брогліо.

16-го Октября. Графиня Анна Петровна, урожденная Левашова. Она была за двумя мужьями: сперва за княземъ Трубецкимъ, а потомъ за Французомъ. Она любила театръ и, по согласіи сей склонности съ моею, я съ ней познакомился во время перваго ея мужа. Мы съ ней разыграли драму подъ названіемъ: „Эдуардъ и Эмма", сочиненіе одной княгини Трубецкой, въ которомъ представлены только двѣ роли. Частыя пробы сдѣлали между нами пріятельскую связь: а какъ я имѣлъ пламенное воображеніе и сердце, то и почувствовалъ къ ней любовь сильнѣе той, которую можно назвать

пріязнью. Графиня была хороша, виднаго роста и пріятнаго обращенія. Будучи вмѣстѣ съ ней и на сценѣ, и въ отборныхъ круговенькахъ, я до того къ ней пристрастился, что начиналъ скучать тамъ, гдѣ ея не было. Нѣсколько зимъ сряду мы забавлялись театромъ въ разныхъ обществахъ, и комедія Bon Ton была одна изъ тѣхъ, которыя мнѣ привлекли наиболѣе похвалъ отъ публики. Кто читаетъ мои сочиненія, тотъ долженъ знать и Низовую повѣсть, подъ заглавнымъ титуломъ „Ана“. Ей была посвящена эта сказка, для нея и написана. По чувству, съ которымъ она вылита изъ пера, можно отгадать, въ какомъ расположеніи были сердце мое и голова, во время частыхъ свиданій съ любезной княгиней Трубецкой. Отсутствіе мое изъ Москвы прекратило короткость въ ея домѣ. Театръ былъ основаніемъ моего пристрастія; сойдя съ него, я нашелъ въ ней постороннее лицо. Воротясь, по долговременной отлучкѣ на родину, я уже нашелъ ее женой генерала, эмигранта графа Брогліо, и знакомство наше возобновилось, но уже въ другомъ видѣ: я не плѣнялся ею и не игралъ комедіи; лѣта много перемѣны произвели въ насъ въ обоихъ. Умные и ученые люди съѣжжались къ ней уже не очарованія искать, а наслаждаться хорошимъ столомъ, къ которому и я, бывая нерѣдко приглашаемъ, воспоминалъ тѣ счастливые порывы молодости, которые составляютъ сокровище дней человѣческихъ и, какъ легкой сонъ, скоро проходятъ.

Бромонтова.

1-го Апрѣля. Марья Карповна. Вдова свободнаго состоянія, она принята была къ намъ въ домъ въ мамушки, ходила за мной во все время моего ребячества, состарѣлась въ нашемъ домѣ и скончалась въономъ тогда уже, какъ я былъ женатъ и имѣлъ дѣтей. Женщина добрая, прилежная и способная къ своему званію. Она меня чрезвычайно любила. Я никогда не забуду нѣжныхъ ея обо мнѣ попеченій. Всѣхъ насъ у батюшки взлелѣяла и возрастила, и никому изъ насъ нельзя забыть ее. Вѣчная память доброй и почтенной нашей мамушкѣ! Сегодня она бывала имянинница Тѣло ея похоронено на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Брюсъ.

10-го Октября. Графъ Яковъ Александровичъ, подполковникъ Семеновскаго полка и мой начальникъ. Я ему обязанъ многими пріятными событіями въ моей жизни. Кромѣ того, что онъ всегда благосклонно со мной обходился, не оказывалъ мнѣ никогда криваго вида и съ участіемъ въ разныя времена занимался судьбой моей, я по особенной его милости произведенъ изъ полковыхъ адъютантовъ въ капитанъ-поручика; мнѣ бы пришлось еще лишній годъ прослужить въ адъютантахъ, естьли бъ графъ не очистилъ нарочно въ пользу мою ваканціи, дабы меня произвести скорѣе. По случаю размолвки его съ маіоромъ Бабарыкинымъ, въ которую я былъ часто употребляемъ (см. лит. Б.), онъ никогда не отдавалъ меня ему на жертву и защищалъ противъ его непріязни, не смотря на связь родства его съ любимцемъ Государыни. По милости его я, годъ только прослуживъ капитаномъ, былъ отставленъ къ статскимъ дѣламъ бригадиромъ, не смѣя по старшинству даже и ожидать столь отличнаго повышенія, ибо я былъ послѣдній капитанъ по списку. Онъ былъ на первой свадьбѣ моей у Двора отцемъ посаженымъ со стороны невѣсты, и потомъ даже по отставкѣ моей изъ гвардіи, когда я искалъ службы гражданской, ходатайствовалъ объ опредѣленіи меня къ должности, и, хотя старанія его не имѣли успѣха, но тѣмъ менѣе ли долженъ я ему признательностію? Будучи уже вице-губернаторомъ въ Пензѣ, я во всякомъ случаѣ смѣло прибѣгалъ подъ его покровительство и всегда находилъ его расположеннымъ мнѣ оказывать всякія полезныя услуги. Таковы были мои отношенія къ сему знаменитому и твердому царедворцу. Онъ характера былъ спокойнаго и умѣлъ вступаться за тѣхъ, которыхъ разумѣлъ хорошо, во всякомъ опасномъ наитіи рока. Графъ Брюсъ есть одинъ изъ тѣхъ вельможъ Екатеринина вѣка, о которомъ я не могу иначе отозваться, какъ съ похвалой и благодарностью.

Бургардъ.

28-го Іюля. Докторъ и членъ Владимирской Врачебной Управы. Его искусствомъ и трудами я вылѣченъ былъ отъ тяжкой и опасной болѣзни, отдавшись въ полную волю его

съ самаго начала оной и съ искренной довѣренностью къ его познаніямъ. Я не ошибся въ выборѣ моего врача. Четыре мѣсяца слишкомъ бывши на однихъ его рукахъ, я возвращенъ къ жизни съ новыми силами и крѣпчайшимъ здоровьемъ; онъ меня лѣчилъ болѣе какъ другъ, нежели какъ медикъ, которой ждетъ за визитъ денегъ. Я долженъ былъ даже насильно заплатить ему за труды его и попеченія, и врачество его я обязанъ почитать самой важной для себя услугой. Медики рѣдко бываютъ вмѣстѣ и друзья своихъ больныхъ, а въ немъ я находилъ и то, и другое: онъ всячески старался быть полезенъ моему семейству, ѣзжалъ со мною въ Питеръ и Москву, забывая всѣ свои мѣстныя выгоды въ Володимирѣ, лѣчилъ дочь мою и падчерицу, и хотя не съ тѣмъ же счастіемъ, какъ меня, но ему ли я въ вину поставлю волю Провидѣнія, назначившаго ихъ обѣихъ быть жертвами неизлѣчимаго недуга, чахотки? Впрочемъ, онъ все то дѣлалъ, что̀ могъ, къ облегченію ихъ немощи, и я ни на какого бы другаго доктора такъ не положился въ опасномъ случаѣ, какъ на него: столько-то былъ я увѣренъ въ его усердіи, знаніи и тщательности. Вышедши изъ Владимирской губерніи, изъ которой и онъ тотчасъ послѣ меня выбылъ, не желая ни отъ кого, кромѣ меня, зависѣть, я уже разстался съ нимъ совершенно, но всегда буду помнить объ немъ съ признательностію.

Бутенева.

12-го Декабря. Благородная дѣвушка, жившая въ домѣ княжны Варвары Юрьевны Горчаковой, выданная оттуда замужъ за чиновника мелкаго, г-на Эри. Она, по любезности своей, заслуживала лучшей участи. Вотъ случай, по которому она незабвенно останется въ памяти моей. Въ тѣ лютые для сердца моего часы, въ которые погребали тѣло меньшой моей дочери, милой Евгеши, и я одинъ съ моей женой сидѣлъ заключенъ въ чужихъ стѣнахъ безъ чувствъ и помышленія, сострадательная эта дѣвушка одна пріѣхала къ намъ поутру, не отходила отъ меня, вспомоществовала мнѣ лѣкарствами, во время сильныхъ моихъ нервическихъ потрясеній, и я во всю жизнь мою не забуду той рюмки Гофманскихъ капель, ко-

торую она мнѣ, въ сіи несносныя минуты, насильно влила въ горло, заливаясь сама слезами. Подобныя движенія означаютъ полной характеръ человѣка и, вспоминая дочь мою, я всегда представлю себѣ глазами воображенія почтенную Бутеневу, какъ образецъ чувствительной женщины, въ самомъ вѣрномъ смыслѣ слова.

Бѣшенцова.

12-го Ноября. Варвара Ивановна. Бѣдная монастырка, вышедшая замужъ за бѣднаго же генерала Евреинова. Я съ нею ознакомился до ея замужества; это первая дѣвушка, за которой я волочился, показавшись въ Московскую публику. Мнѣ было 18 лѣтъ, ей годъ или два меньше. Я ни съ кѣмъ въ жизни моей такъ странно не сходился знакомствомъ, какъ съ ней. Первое наше свиданіе было въ клобѣ (я говорю языкомъ того вѣка), на балѣ. Я увидѣлъ дѣвушку въ мордорстовомъ платьѣ; сперва приглянулся мнѣ цвѣтъ наряда, а потомъ и личико полюбилось. Я поднялъ ее танцовать, прыгалъ съ ней съ одной весь тотъ вечеръ и повелъ пріятную болтовню, безъ всякаго любопытства на счетъ имени ея и чина. Отправился я съ балу домой въ пріятнѣйшихъ мечтахъ. Чрезъ недѣлю опять собранье. Я тутъ ищу глазами мою Дулцинею и по цвѣту платья опять встрѣчаюсь съ ней же. Новые танцы, новые разговоры. Такъ провелъ я цѣлую зиму, и она видно, не имѣя пышнаго гардероба, выѣзжала всякой разъ на балъ въ томъ же самомъ платьѣ, въ которомъ такъ мнѣ понравилась. Кончилась зима, кончились и наши отношенія. И такъ я могу назвать мою къ ней склонность—любовь по платью.

Вадковской.

1-го Ноября. Ѳедоръ Ивановичъ, подполковникъ старшій Семеновскаго полку. Я еще засталъ его и нѣсколько лѣтъ былъ подъ его начальствомъ. Я не имѣлъ причины быть недоволенъ его со мной поступками; впрочемъ, не видалъ отъ него ни зла, ни добра, но и за то долженъ быть ему благодаренъ, что онъ снисходительно прощалъ мнѣ разныя мои шалости по службѣ, за которыя другой строгое бы обратилъ

на меня взысканіе. Вотъ два довольно забавныя происшествія. Въ обычаѣ было тогда читать по Субботамъ на съѣзжемъ ротномъ дворѣ всѣмъ солдатамъ артикулъ; наряжался младшій офицеръ въ ротѣ для порядка; мнѣ дошла очередь отправить эту службу. Я только что попалъ въ офицеры и понятія не имѣлъ о воинскихъ регулахъ. Пріѣхавши на съѣзжій дворъ, прокликалъ всю роту, и по перекличкѣ не явился одинъ молодой мальчикъ изъ дворянъ унтеръ-офицерскаго чина. Онъ пришелъ, когда чтецъ читалъ уже артикулъ громогласно. Я, какъ новой стражъ благочинія военнаго, счелъ себя обязаннымъ наказать унтеръ-офицера. Но какъ и чѣмъ? Дворянъ бить нельзя, надобно пристыдить самолюбіе. Мнѣ лучше ничего не вошло въ голову, какъ велѣть ему лечь на широкій столъ и, въ видѣ усопшаго, принимать отъ солдатъ послѣднее цѣлованіе. Затѣя глупая; но я былъ командиръ, дѣлать нечего, надлежало повиноваться. Мальчика разложили, и вся рота съ нимъ прощалась, усастые солдаты наши расцѣловали его въ пухъ, тѣмъ и кончилась аудіенція. Проказа моя скоро разнеслась по полку, дошла и до Вадковскаго. Всѣ хохотали; а онъ, доброй старичекъ, только сказалъ мнѣ при первомъ послѣ свиданіи въ собраньи всѣхъ офицеровъ: „Скажи-ко мнѣ, пожалуй, проказникъ, гдѣ ты нашелъ правило за живо людей хоронить?“ Симъ кроткимъ выговоромъ все дѣло обошлось. Въ другой разъ, будучи дежурной при полку, я прискакалъ на пожаръ въ полковой лазаретъ, въ которомъ выкинуло изъ трубы безъ всякихъ опасныхъ послѣдствій. Въ досадѣ я обоихъ лѣкарей, ни въ чемъ въ этомъ невиноватыхъ, по приказанію маіора арестовалъ, а потомъ самъ отъ себя разсудилъ посадить ихъ лицомъ къ стѣнѣ каждаго, въ противоположной уголъ комнаты, чтó произвело явной смѣхъ между больными и здоровыми. Въ такомъ положеніи хирурги мои просидѣли съ полсутокъ, и потомъ я ихъ выпустилъ. Старикъ Вадковской, узнавъ о семъ, покачалъ только головой и посмѣялся. Я при немъ поступилъ въ полкъ прапорщикомъ, и получилъ чинъ подпоручика. При погребеніи его я отдавалъ ему послѣднюю честь эксъ-пантономъ (hallebarde) въ парадномъ полковомъ строѣ, передъ своимъ взводомъ, и проводилъ его до земли съ искреннимъ желаніемъ душѣ его небесныхъ благъ.

Вадковской.

2-го Ноября. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сынъ выше помянутаго моего начальника, камергеръ при Большомъ Дворѣ и любимецъ Наслѣдника Престола. Я съ нимъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, когда ѣзжалъ ко двору играть съ нимъ на театрѣ Великаго Князя. Онъ меня любилъ, и я льнулъ къ нему преимущественно предъ всѣми прочими шаркателями царскихъ чертоговъ. Во время моей страсти къ Смирной и сватовства на ней, онъ принялъ жаркое участіе въ успѣхѣ моихъ намѣреній. Ему я обязанъ первыми свиданіями съ любезной, онъ входилъ за меня и отъ меня въ разные съ ней переговоры и былъ единственнымъ повѣреннымъ сердецъ нашихъ: стараніемъ его я достигъ своей цѣли и пріобрѣлъ лестные знаки вниманія Великаго Князя. Онъ былъ на нашей свадьбѣ шаферомъ со стороны невѣсты и держалъ на головѣ ея вѣнецъ. На завтра сего торжественнаго дня, онъ былъ первой нашъ гость, и мы самъ-третей съ нимъ отужинали въ новомъ нашемъ хозяйствѣ. Я каждое мгновеніе того времени воспоминаю и нынѣ съ восторгомъ. Вадковской остался и потомъ хорошимъ моимъ пріятелемъ, мы часто видались и въ сообщеніяхъ нашихъ не было ни коварства, ни принужденія. Рѣдкое преимущество въ связи съ придворнымъ! Онъ недолго прожилъ, томился въ мучительномъ недугѣ и слишкомъ рано скончался для всѣхъ тѣхъ, кои способны были разумѣть и цѣнить, не смотря на холодной съ виду характеръ, отличныя его достоинства.

Ваксел ева.

15-го Марта. Элеонора или Ольга Васильевна, по фамиліи падчерица роднаго брата второй жены моей, Дм. Алек. Безобразова, а по естеству—потаенная дочь его. Дѣвушка молодая и скромная; она, между прочими талантами, имѣла даръ живописи и рисовала прекрасные портреты съ натуры въ миніатюрѣ. Ей непремѣнно захотѣлось списать и мой, которой очень хорошо выработанъ и у меня хранится, какъ памятникъ ея хорошаго ко мнѣ расположенія. По портрету видно, что я писанъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ; слѣдователь-

но я обязанъ почитать поступкомъ самымъ дружескимъ съ ея стороны, что она, будучи молода, согласилась удѣлять свои досуги на то, чтобъ углублять взоръ въ мои морщины, и передать черты мои въ ближайшемъ сходствѣ людямъ, интересующимся во мнѣ.

Вальцъ.

25-го Іюня. Иностранецъ, сосланной за неизвѣстные мнѣ проступки въ Пензу, гдѣ онъ и умеръ. Онъ служилъ при канцлерѣ графѣ Остерманѣ секретаремъ, и дослужился до чина надворнаго совѣтника и до Владимирскаго ордена 4-й степени. Вскорѣ послѣ Шведской войны явился онъ въ Пензу, по императорскому указу Екатерины, не лишенъ ни чина, ни креста, напротивъ даже съ позволеніемъ употребить его и при народныхъ школахъ, но съ повелѣніемъ изъ Пензы никуда не выпускать и имѣть надзоръ какъ за поведеніемъ его, такъ и за перепиской. На семъ основаніи тамъ живучи, въ сторонѣ чужой, съ женой и кучей малолѣтныхъ дѣтей, онъ былъ очень несчастливъ, и я принялъ въ немъ искренное участіе. Другимъ ничѣмъ, однако, не могъ быть ему полезенъ, какъ тѣмъ, что принималъ его свободно къ себѣ въ домъ, и онъ у насъ бывалъ ежедневно; человѣкъ умной, съ свѣдѣніями полезными и пріятнаго сообщества; для насъ онъ былъ находка въ Пензѣ, особливо на первыхъ порахъ моего тамъ пребыванія. По отставкѣ моей, которую далъ мнѣ Павелъ, я велъ съ Вальцомъ постоянную переписку и всячески старался раздуть хоть малую искру сострадания къ нему въ старыхъ его протекторахъ, но все было безуспѣшно, всѣ отъ него отступились, никто не хотѣлъ ему помочь, и онъ бѣдной, потерявъ сперва жену, скоро въ слѣдъ за нею умеръ съ тоски и унынія. Я съ удовольствіемъ прочитывалъ и по смерти его иногда письма его ко мнѣ, наполненныя остроты и очень занимательныя.

Варчъ.

18-го Марта. Анна Ѳедоровна, Нѣмка, мама всѣхъ дѣтей моихъ. Лишась ея въ это число, я всякой годъ люблю воспоминать ея заслуги и ими питать мое воображеніе. Случай

часто благопріятствуетъ намъ страннымъ образомъ. Передъ первыми родинами покойной жены моей, оба мы заботились о наймѣ хорошей няни. Варчъ тогда жила въ Смольномъ монастырѣ, отправляя должность кастелянши, и по какимъ-то капризамъ надзирательницы принуждена была искать себѣ мѣста. Она, между многими другими, явилась къ намъ. Такъ какъ жена моя, сама воспитавшись въ монастырѣ, знала ее хорошо, да и всѣ тамъ называли ее „la bonne femme“, то мы тотчасъ ее приняли за 70 руб. въ годъ. Это было въ 1787-мъ, скончалась же она въ 1817 году, и до послѣдняго издыханія жила въ нашемъ домѣ, какъ ни старались во многихъ мѣстахъ ее подманить. Да и изъ Смольнаго скоро по отпускѣ ея за нею подсылали, но все было тщетно: она никуда отъ насъ не пошла и во всѣ наши переѣзды насъ сопровождала, жила съ нами въ Питерѣ, въ Москвѣ, въ Пензѣ, въ Володимерѣ; всѣхъ дѣтей нашихъ, а ихъ жена родила десять, она приняла, взростила и была для нихъ второю матерью. Перваго моего сына, Павла, она болѣе прочихъ любила, но попеченія ея обо всѣхъ были ровны. Женщина во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкая и, смѣю сказать, въ семъ родѣ услугъ единственная. Проживши 30 лѣтъ въ нашемъ домѣ, въ которомъ такъ часто и рѣзко мѣнялись обстоятельства, она всегда была ровна, одинакова, ни на кого не слыхалъ отъ нея жалобы, никто не тяготился ею; всѣ наши люди плакали о ней, когда она скончалась. Трудолюбива, дѣятельна, она никакихъ услугъ отъ нихъ не требовала и сама около себя все нужное исправляла; безпрестанно обращаясь съ дѣтьми, радѣла неусыпно о ихъ здоровьи и поведеніи: сыновья мои до самыхъ отроческихъ лѣтъ не сходили съ рукъ ея. Не имѣя никакихъ прихотей, довольна была всѣмъ, и во все время своего у насъ пребыванія никогда ничего не просила; жалованье ея по времени дошло отъ 70 до 150-ти, и мы его увеличивали, а она не заикнулась. Не выходя изъ сферы своей, она не хотѣла даже никогда обѣдать съ нами за однимъ столомъ, говоря, что это не ея мѣсто. Всѣ ея занятія состояли въ присмотрѣ за дѣтьми, досуги наполнялись чтеніемъ Библіи и книгъ духовныхъ. Сколько бы я объ ней ни говорилъ, все будетъ мало, по чрезвычайности ея свойствъ

тихихъ и благонравныхъ. Она была отмѣнно привязана къ женѣ моей, ко мнѣ и дѣтямъ. Во время моего вдовства и при второй женидьбѣ, когда все въ домѣ болѣе или менѣе почувствовало нѣкоторую перемѣну, она одна всегда была таже, умѣя находиться во всякомъ мѣстѣ и состояніи. Во многихъ случаяхъ я пользовался ея совѣтами; она съ кротостію исправляла разные домашніе безпорядки, когда еще мы были молоды, указывала ихъ намъ и учила жить хозяйственно. Бережлива была до крайности: ни одна ленточка, ни одна тесемочка дѣтская не пропадала на рукахъ ея; всякая мелочь находила свое мѣсто и пристойное употребленіе. Она имѣла своихъ собственныхъ дѣтей, сына и дочерей; всѣ были пристроены и народили ей внучатъ. Каждому изъ ихъ семейства хотѣлось ее успокоить при себѣ, вызывали ее усильно. Она всѣмъ пожертвовала моимъ дѣтямъ и, видя, сколь она для нихъ необходима, не рѣшилась насъ оставить ни изъ какихъ выгодъ своихъ. Сынъ ея и внукъ были въ службѣ подъ моимъ начальствомъ, и Богъ, избравъ меня орудіемъ къ вознагражденію христіанскихъ подвиговъ ея въ семъ мірѣ, допустилъ меня быть полезнымъ всему ея племени. Я ихъ распредѣлилъ по мѣстамъ, въ которыхъ они дослужились, еще при жизни ея, до офицерскихъ чиновъ и были ей въ отраду.

Такова была госпожа Варчъ, простая, незнаменитая дама, но надъ гробомъ которой все мое семейство пролило искреннія слезы, и которой заслуги благословлять будемъ, доколѣ поживемъ на землѣ, сугубо помня, что Евгенія, мать дѣтей моихъ, испустила духъ на рукахъ ея, поручивъ ей здоровье и благосостояніе юнаго своего потомства. И она вполнѣ оправдала священную сію довѣренность.

Графъ Васильевъ.

8-го Февраля. Будучи въ сіе число опредѣленъ въ Володимеръ губернаторомъ, прежде всѣхъ вспомнить обязанъ главное лицо, къ тому способствовавшее, и именно графа Алексѣя Ивановича.

Онъ пріобрѣлъ славу искуснѣйшаго министра финансовъ Россійской державы и въ прямомъ смыслѣ былъ государ-

ственной человѣкъ. При вступленіи моемъ изъ бригадировъ въ гражданскую службу въ званіи вице-губернатора, онъ находился еще въ первыхъ генеральскихъ чинахъ и не имѣлъ никакого титула. Екатерина II, примѣтя въ немъ ревностнаго сотрудника своего генералъ-прокурора, вела его постепенно къ важнѣйшимъ должностямъ. Служба поставила меня въ ближайшее къ нему отношеніе. Генералъ-прокуроръ былъ уже безъ языка, и подъ именемъ его Васильевъ управлялъ гражданскимъ тѣломъ всей Имперіи. Мужъ опытной, свѣдущій въ своемъ дѣлѣ и при томъ самыхъ кроткихъ свойствъ. Онъ могъ назваться, какъ Французы говорятъ „un des meilleurs routiers de l'Empire;“ не было въ немъ генія превосходнаго, но за то навыкъ къ дѣламъ и познаніе отечества необыкновенные. Я дорожилъ всякой его похвалой и добрымъ словомъ его гордился болѣе чиновъ и отличій; я обязанъ ему многими полезными наставленіями; онъ покровительствовалъ мнѣ во всякое время; въ случаяхъ тѣсныхъ, которымъ я не рѣдко бывалъ подверженъ, я всегда имѣлъ надежное къ нему прибѣжище. и онъ былъ главной моей опорой. Такъ, напримѣръ, во время моего вицъ-губернаторства, онъ защитилъ меня противъ нелѣпыхъ доносовъ безумнаго директора экономіи Зубова. Когда я служилъ членомъ въ Главной Соляной Конторѣ, онъ ходатайствомъ своимъ отклонилъ взысканіе значительнаго штрафа со всей конторы, въ томъ числѣ и съ меня, крѣпко принявшись за особенную жалобу, которую я, отдѣлясь отъ конторы, вынужденъ былъ подать въ Сенатъ, и даже потомъ на Сенатъ къ Государю. Онъ участвовалъ въ выборѣ меня въ кандидаты на губернаторское мѣсто и до конца дней своихъ былъ мнѣ хорошимъ протекторомъ; помня службу свою въ однихъ чинахъ и должностяхъ съ отцомъ моимъ, онъ оказывалъ и мнѣ туже ласку, которая должна была быть послѣдствіемъ его съ нимъ пріязни. Достигши до сана и почестей вельможи у трона Павла I-го и пробившись къ верховной степени изъ кучи, такъ сказать, приказныхъ служителей, коимъ началъ онъ и самъ свое гражданское поприще, онъ никогда не воздымался тщеславною гордостью, былъ ласковъ, привѣтливъ, благоприступенъ всѣмъ, и современники его погрѣшатъ, естьли многіе изъ нихъ забудутъ

личныя имъ отъ него одолженія, а всѣ вообще знаменитыя его заслуги государству.

Веверовы.

18-го Апрѣля. Двѣ родныя сестры: имя одной Ольга, другой Александра, обѣ уже лѣтъ подъ 30. Отецъ ихъ былъ штабъ-лѣкарь и надворный совѣтникъ. Мать, оставшися вдовой, сохранила домъ свой въ Володимирѣ, жила въ немъ съ дочерьми, когда я пріѣхалъ въ губернію. Первой мой взглядъ на Ольгу рѣшилъ мое къ ней пристрастіе, она была не пригожа, но привлекательна и плѣнила мое воображеніе, а отъ него недалеко и до сердца: я въ нее совершенно влюбился. Жена скоро примѣтила мою слабость, но, будучи неревнива, зная, что честь мнѣ всегда драгоцѣнна, не опасалась никакихъ худыхъ послѣдствій для семейнаго спокойствія. Такое снисхожденіе увеличивало день отъ дня страсть мою: барышни ѣжали къ намъ всякой день, сдѣлались домашними у насъ, и Александра истощалась въ услугахъ пріятныхъ женѣ моей, въ то время какъ Ольга очаровывала меня и опутывала въ свои сѣти. Во время послѣдней болѣзни жены моей Александра не отходила отъ нея прочь, подавала ей лѣкарства, кормила и поила, словомъ, была при ней услужливѣе всякой горничной дѣвки. Евгенія съ полной къ ней довѣренностью кончила дни свои. Она по смерть ея исполнила разныя порученія, и жена моя ни на чьихъ рукахъ не хотѣла умереть, какъ на ея, мимо всѣхъ приближенныхъ къ ней людей. Такъ и случилось. Изъ устъ ея я услышалъ приговоръ судьбы своей и что Евгеніи не стало. Меня съ старшей дочерью вывезли въ подмосковную, куда она насъ сопровождала и со мной воротилась въ городъ. Услуги ея незабвенны: я въ сію несчастную эпоху до того свыкся съ нею, что не умѣлъ даже разобрать и самъ, которую изъ двухъ сестеръ болѣе люблю: Ольгу или Александру. Обѣ были до крайности ревнивы, но Ольгинъ характеръ былъ гораздо нѣжнѣе и мягче другой сестры, а потому Ольга владѣла мной гораздо сильнѣе. Уныніе вдовства, скука городской жизни, необходимость искать разсѣянія послѣ тяжкихъ трудовъ мо-

его званія, способствовали къ распространенію моего огня: я смертельно влюбился въ Ольгу, и взаимное ея ко мнѣ расположеніе связало между нами любовную интригу, которую боялся я, однако, доводить до послѣдняго конца, дабы, по чувству чести, не быть въ обязанности поставить ее на мѣсто Евгеніи, что̀ мнѣ и въ мысль не входило. По прошествіи нѣкотораго времени Ольга начала выискивать средства быть моей женой. Александра сильно ей помогала въ этомъ намѣреніи, и обѣ такъ вскружили мнѣ голову, такъ овладѣли мной, что всѣ родные мои начинали уже бояться внезапнаго и тайнаго моего съ Ольгой супружества, къ которому всѣ обстоятельства были весьма наклонны и, кажется, естьли бъ Ольга не раздражила меня излишней ревностью и меньше оказала деспотизму въ управленіи мною, кажется, что она достигла бы желаемой цѣли; но разсудокъ скоро пришелъ ко мнѣ на помощь. Я ожесточенъ былъ ревностью, это открыло мнѣ глаза, я сталъ подозрѣвать болѣе тщеславія, нежели истинной любви въ вольномъ ея со мной обращеніи. Скоро влюбился въ другую, женился, и тѣмъ рушились всѣ мои отношенія съ сими двумя сестрами, съ коими послѣ того нигдѣ уже не встрѣчался. Доколѣ я живъ, не забуду ни тѣхъ угожденій, кои оказывала Александра женѣ моей, въ продолжительной ея болѣзни, и которыя дали ей право на безпредѣльную мою признательность, тѣмъ болѣе, что и Евгенія удостоивала ее при смерти всей своей довѣренности, ни тѣхъ очаровательныхъ минутъ, коими я обязанъ Ольгѣ, съ которой ласковая моя связь облегчала тягость моего положенія въ такое время, когда безъ нея я, можетъ быть, не въ силахъ былъ перенести бремя жизни. Я долго, разставшись съ ней, тужилъ болѣе о томъ, что она не успѣла меня сдѣлать своимъ, нежели о томъ, что я былъ въ сѣтяхъ ея. Признаюсь въ моей слабости, я обвороженъ былъ ею совершенно, и память тогдашнихъ моихъ ощущеній, не доходившихъ никогда до послѣдней точки, которой она съ хитрымъ намѣреніемъ избѣгала, память сихъ сладостныхъ взаимностей никогда не истребится въ моемъ помышленіи.

Великія княжны.

8-го Іюля. Во время молодости моей, когда я ѣзжалъ въ загородные дворцы Павла 1-го забавлять его театральными позорищами, тогда мнѣ случалось по вечерамъ, не играя въ карты и будучи празднымъ, тѣшить малолѣтныхъ дочерей его разными дѣтскими игрушками, въ большой гостиной, куда ихъ приводила г-жа Ливенъ. Я около ихъ стола строилъ имъ карточные домики, онѣ дули на нихъ, тѣ валились, и это ихъ забавляло. Сіи ребяческія игры такъ были имъ памятны послѣ, что, когда я представлялся имъ уже какъ чиновникъ государственной, и сами великія княжны были въ зрѣломъ возрастѣ, то онѣ благоволили, и имянно Марья Павловна, мнѣ напомнить о своемъ младенчествѣ, и по преданіямъ генеральши Ливенъ, узнавъ мои тогдашнія отношенія ко двору ихъ родителей, оказывали мнѣ весьма лестное благоволеніе, удостоивъ продолжительнаго разговора и любопытнаго участія въ моихъ обстоятельствахъ.

Вельяминова.

30-го Декабря. Анисья Ѳедоровна, молодая дѣвушка, прекрасно образованная, съ которой я нечаянно и почти нехотя познакомившись, чувствую, что никогда не перестану ее любить. Она, войдя въ мое сердце, заперла за собой въ оное дверь всѣмъ прочимъ женщинамъ. Все ея семейство состоитъ изъ людей болѣе, или менѣе, заслуживающихъ нѣкоторое усердіе. Отецъ ея, потерявъ зрѣніе, не такъ уже веселъ, какъ прежде, но все еще сохранилъ врожденную доброту въ характерѣ, которая дѣлаетъ его любезнымъ. Мать, женщина добрая и нрава самаго обходительнаго; сестры всѣ любезны; одна изъ нихъ замужемъ. Сыновья отстали во всемъ отъ дочерей. Но, посреди всѣхъ сихъ лицъ, Анисья Ѳедоровна отличается, какъ солнце отъ звѣздъ, умомъ, разговоромъ, познаніемъ и многими пріятными дарованіями ума и сердца. Не бывъ хороша лицомъ, она лучше многихъ красавицъ; физіогномія ея выразительна, и ни на одной я не видалъ такого соединенія прелестей, что̀ Французы называютъ charmes, какъ на ней. Она знаетъ разные иностран-

ные языки, обучалась многимъ наукамъ, и не безъ успѣха; словомъ, я мало знаю дѣвушекъ такъ тщательно и даже роскошно, воспитанныхъ, какъ она, не смотря на самое умѣренное состояніе семейства, котораго доходы очень ограниченны. Не знаю, положенъ ли Промысломъ срокъ настоящему моему съ ней отношенію; по крайней мѣрѣ теперь оно таково, что я не могу вспомнить въ цѣлой жизни моей связи съ другимъ человѣкомъ столь крѣпкой, какъ та, которая сближаетъ меня съ ней. Вездѣ, болѣе или менѣе, чувственность вмѣшивалась въ мои душевные припадки: здѣсь она никакого участія не имѣетъ, совершенно никакого, и тѣмъ-то самымъ усиливается чувство сердца, доводя его до возможной степени восторга въ мои годы. Натуральное слѣдствіе человѣческой организаціи: чѣмъ меньше тревожитъ физика, тѣмъ сильнѣе работаетъ душа, и вотъ гдѣ надобно искать зародыша пламенныхъ страстей нашихъ. Человѣкъ влюбляется только тогда, когда онъ еще не наслаждается, или уже перестаетъ наслаждаться, и потому неудивительно, что многіе старики пламеннѣе любятъ, чѣмъ юноши. Сердце и душа суть такія существа въ нашемъ составѣ, которыя никогда не старѣются. Я, узнавъ Вельяминову, расположился къ ней съ начала очень холодно, долго даже не собрался быть у нихъ въ домѣ; но, ознакомясь съ ней, я нашелъ всѣ тѣ качества, кои способны подѣйствовать на такой живой характеръ, каковъ мой, не смотря на прожитые мною полвѣка; ибо я не хочу скрывать, что мнѣ тогда ужъ было полныхъ пятьдесятъ лѣтъ. Скоро постигла ее жесточайшая болѣзнь: она была на прагѣ смерти. Слишкомъ годъ отчаявались въ ея выздоровленіи. Въ это время, любя ее уже съ горячностью, страшась ея потери и изъ состраданія къ ея семейству, которое лишилось бы въ ней послѣднихъ отрадъ въ жизни, я посѣщалъ ее сколько могъ чаще, и чѣмъ больше распознавалъ великость души ея въ такомъ отчаянномъ положеніи, еще въ молодыхъ ея лѣтахъ, тѣмъ сильнѣе привязывался къ ней, и съ той поры долженъ признаться, что люблю ее съ необыкновеннымъ пристрастіемъ. Давно уже я искалъ сердца нѣжнаго, съ которымъ могъ бы раздѣлить свое, и, найдя его въ этой дѣвушкѣ, позволилъ своему при-

вязаться къ ней. Я люблю ее съ такимъ жаромъ души, съ какимъ, говоря здѣсь откровенно самъ съ собою, едва ли я любилъ кого, кромѣ Евгеніи, потому именно, что вездѣ была какая-то примѣсь, которой здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, и потому-то сердце мое сильнѣе чувствуетъ, разумъ пылче восхищается, весь я предаюсь чувству, давно уже меня не оживотворявшему. Здѣсь нѣтъ ничего матеріальнаго: все проистекаетъ отъ души, все восторгъ, и ничего болѣе. Когда она выздоровѣла, я плакалъ отъ радости, что Богъ ее возвратилъ къ жизни. Никогда, о, никогда, конечно, не забуду того мрачнаго вечера (сегодняшній день ея имянинъ), въ которой, посреди многихъ гостей, ужинавши за маленькимъ столикомъ въ ея спальнѣ самъ-третей съ докторомъ ея и съ ней, я, пивши за здоровье ея бокалъ Шампанскаго, глоталъ слезы, можно сказать, огненныя, воображая, что сей бокалъ есть предтеча надгробнаго сѣтованія, вмѣсто многихъ лѣтъ, которыя я желалъ ей дрожащимъ голосомъ. Когда Провидѣніе возвратило ее къ жизни, я почувствовалъ тогда, сколько она мнѣ необходима; ибо безъ любви къ ней я не могъ бы выносить моего положенія; и потому, доколѣ отношеніе наше продолжится, я могу быть увѣренъ, что оно послужитъ мнѣ средствомъ перенести многія тяжкія минуты, коими участь моя обременяется. Не имѣя возможности столько часто ее видѣть, сколько бы желалъ, я испросилъ у нея позволенія вести съ ней переписку: всякой день она составляетъ наипріятнѣйшее для меня удовольствіе. Она еще рѣзва, скора и суетой мірской слишкомъ плѣняется: отъ этого между нами бываютъ споры, и довольно жаркіе, послѣ которыхъ всегда побѣда на ея сторонѣ: ибо она дѣйствуетъ на меня съ такой силой убѣжденія, что я не могу не дать ей полной вѣры во всемъ. И такъ, послѣ всякой нашей распри, я вспоминаю старинной финалъ простой пастушеской пѣсни:

„Je me plains toujours d'elle,
Et je l'aime toujours".

Вотъ истинная картина моего сердца въ отношеніи къ Вельяминовой. Я смѣло могу примѣнить къ ней старинной мой стихъ:

„Всѣ пали предъ тобой Параши, Селимены".

Одна могла ей противоборствовать въ мірѣ женщина, одна, конечно, Евгенія! Съ ней нѣтъ сравненія въ мірѣ. Болѣе никто. Сегодня ея имянины, и я здѣсь ставлю памятникъ сему новому кумиру, и послѣднему въ моемъ сердцѣ: онъ не расшибется въ немъ до гроба. Измѣнятся, можетъ быть, наружные виды моего восхищенія, такъ много причинъ могутъ на это подѣйствовать: но любовь моя къ ней на всегда и вездѣ въ одинаковой мѣрѣ сохранится. Въ этомъ ручаются мнѣ мои годы и внутреннія достоинства ея, столь близкія къ понятію, которое я имѣю объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ нравственномъ смыслѣ.

Венцъ.

21-го Ноября. День рожденія перваго моего младенца, сына Павла. Обязанъ будучи благими успѣхами образованія его сему иноземцу, стану о немъ и говорить.

Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ моемъ домѣ, для воспитанія старшихъ сыновей моихъ. Я съ нимъ нечаянно сошелся и принялъ еще при покойной женѣ моей. Онъ имѣлъ хорошія познанія и прилеженъ былъ въ своемъ званіи; мнѣ всегда памятны будутъ его заслуги. Онъ до того пріобрѣлъ мою довѣренность, что я ни мало не поколебался, во время моего вдовства, отпустить съ нимъ старшихъ моихъ сыновей. Павла и Александра, въ чужіе краи, гдѣ онъ съ ними прожилъ два года съ половиной въ Гетингенѣ, ничѣмъ другимъ не занимаясь, какъ ихъ обученіемъ. Онъ былъ умѣренъ въ требованіяхъ, бережливъ въ издержкахъ, и по возвращеніи своемъ въ Россію представилъ мнѣ сыновей моихъ въ томъ состояніи, въ какомъ я желалъ ихъ увидѣть. Рѣшимость моя ввѣрить ему столь драгоцѣнной залогъ произошла отъ того уваженія, которое ему оказывала мать дѣтей моихъ: самъ собой я никогда бы на сей поступокъ не отважился, но оцѣнка Евгеніи была мнѣ закономъ, и по смерти ея я увѣренъ былъ, что она сдѣлала бы тоже, и потому отпустилъ юношей своихъ въ чужіе краи, не смотря на смутныя обстоятельства Европы въ то время. Наставникъ умѣлъ ихъ предостеречь отъ общей заразы нравовъ, и я ни минуты не раская-

вался въ моемъ предпріятіи ни тогда, ни потомъ. Венцъ поѣхалъ отъ меня холостъ; но въ Германіи, приближась къ своей родинѣ, увидя все свое семейство, по убѣжденію онаго, женился и привезъ въ домъ ко мнѣ жену свою. Къ несчастію, она ни въ чемъ не сходствовала съ нимъ и отравила дни его. Онъ, по возвращеніи своемъ, еще долго жилъ въ моемъ домѣ, при второй женѣ моей; оба сыновья ея были также у него на рукахъ, но скоро онъ сдѣлался боленъ, гипохондрія начинала его мучить безпрестанно: онъ сталъ пить, и невозможно было уже держать его при дѣтяхъ. Мы разстались: онъ принялся въ домъ къ кому-то въ отъѣздъ, и тамъ скоро скончался. Грѣхъ былъ бы тяжкой на душѣ моей, естьли бъ я когда нибудь забылъ его ко мнѣ усердіе: онъ привязанъ былъ до чрезвычайности ко всякому члену моего семейства. Во всѣ эпохи моей жизни, при немъ замѣчанія особаго достойныя, онъ былъ мнѣ другъ, сострадатель и подпора; наставляя правильно дѣтей моихъ, былъ мнѣ самому полезенъ своими совѣтами; обучая ихъ рачительно, посвящалъ бесѣдѣ со мной всѣ прочія минуты своихъ досуговъ, не вмѣшиваясь ни въ какія постороннія дѣла; жаркое принималъ участіе во всемъ, что́ собственно до дома моего касалось; онъ первой со слезами объявилъ мнѣ о потери моей дочери; словомъ, вездѣ былъ со мной, при мнѣ, около меня, какъ самой ближайшій мой родственникъ, и до конца дней своихъ сохранилъ къ моему дому, къ моему семейству, примѣрное усердіе, о которомъ я обязанъ отзываться всегда съ похвалою. И да не помыслитъ кто, что онъ таковъ былъ изъ прибытковъ. Нѣтъ! Онъ получалъ меньше всякаго иноземца въ моемъ домѣ; всѣми его услугами одолженъ я былъ сердцу его, а не разсчетамъ ума любостяжательнаго. Да будетъ убо Богъ мздовоздаятель его за то добро, котораго онъ такъ много опытовъ оказалъ мнѣ и моему потомству!

Веревкинъ.

24-го Августа. Сверстникъ мой, бѣдной дворянинъ, котораго отецъ мой содержалъ въ своемъ домѣ, для сотоварищества со мной: мы росли и воспитывались вмѣстѣ. Однажды, играя съ нимъ въ мячъ, мнѣ случилось попасть ему онымъ

прямо въ високъ такъ сильно, что онъ чуть не упалъ: весь день тотъ у него болѣла голова. Я вообразилъ, что онъ умретъ, что я убійца, и это меня такъ испугало, что я никогда не могъ забыть несчастной моей рѣзвости; но ему ничего худаго отъ нея не произошло. Онъ, окончивъ свои науки со мной въ нашемъ домѣ, вышелъ изъ онаго, и съ тѣхъ поръ мнѣ уже не довелось ни встрѣтиться съ нимъ гдѣ нибудь, ни слышать что либо о судьбѣ его. Такъ прерываются связи нашихъ юныхъ лѣтъ! Время всѣ узлы ослабляетъ и уничтожаетъ.

Визапуръ.

27-го Февраля. Черной человѣкъ, Арабской породы, котораго мнѣ не довелось никогда видѣть въ лицо, но странной случай приводитъ мнѣ его часто на память. Онъ, какъ иностранецъ, принадлежалъ большому обществу и, женившись на Россійской дворянкѣ, пользовался хорошимъ достаткомъ, слѣдовательно со всѣми былъ знакóмъ. Однажды, проѣзжая изъ любопытства черезъ Володимеръ въ Казань, онъ не засталъ меня въ городѣ: я тогда набиралъ рекрутъ въ Суздалѣ; это было зимою. Вдругъ получилъ отъ него съ эстафетой большой пакетъ и кулёчекъ. Я не зналъ чтó подумать о такой странности. Въ пакетѣ нашелъ коротенькое письмо на свое имя, въ 4-хъ Французскихъ стихахъ, коими проситъ меня принять отъ него 12 самыхъ лучшихъ устерсъ, изъявляя между прочимъ сожалѣнье, что не засталъ меня въ губернскомъ городѣ и не могъ со мною ознакомиться. Устерсы были очень хороши; я ихъ съѣлъ за затракомъ съ большимъ вкусомъ и поблагодарилъ учтивымъ письмомъ его сіятельство (ибо онъ назывался графомъ) за такую пріятную ласковость съ его стороны. Изъ Казани онъ еще прислалъ мнѣ эпистолу къ рѣкѣ Клязьмѣ, Французскими стихами, очень хорошо написанную. Тѣмъ началось и кончилось наше знакомство. Нигдѣ его не видалъ, ничего объ немъ не слыхалъ, а помню объ его существованіи по одному только необыкновенному его со мной поступку, къ которому побудилъ его, вѣроятно, одинъ капризъ. Впрочемъ, ни по службѣ, ни иначе онъ не имѣлъ до меня никакого дѣла, и хотѣлъ видно

потѣшить самолюбіе своего брата-рифмача льстивымъ отношеніемъ ко мнѣ о моихъ сочиненіяхъ. Лучшее, чѣмъ я воспользовался во всей этой нечаянности, были устерсы,

> Которыхъ гдѣ при мнѣ за столъ ни подадутъ,
> А въ памяти моей графъ Визапуръ какъ тутъ.

Вилоклеръ.

9-го Февраля. Madame de la Ville aux Clères, Француженка, лѣтъ сорока съ небольшимъ, жившая въ домѣ графа Строганова, дяди моего, при воспитаніи малолѣтной его дочери; у нея была и своя дочь, лѣтъ 17-ти, которая прелестями своими обворожила старичка и дѣлала изъ него, что́ хотѣла. Будучи коротокъ въ домѣ, какъ ближній родственникъ, и еще свободенъ, я свелъ съ ними съ обѣими пріятное знакомство, и оно было для меня небезполезно. Мать имѣла хорошія познанія и сохраняла со всѣми въѣзжими въ домъ очень благородное обращеніе. Дочь графская по малолѣтству не выходила къ большимъ столамъ; и такъ, за обѣдомъ ея, вверху, съ дозволенія хозяина, madame de la Ville aux Clères имѣла право приглашать учителей и нѣсколько иноземцевъ лучшаго поведенія; тутъ бывали всегда всѣ Французскіе остряки Петербурга; я вертѣлся почти ежедневно въ ихъ обществѣ и много пріобрѣлъ наружныхъ преимуществъ, кои скрашиваютъ молодаго человѣка въ большой публикѣ. Я много былъ обязанъ этой женщинѣ: она меня вытерла и поставила въ возможность появиться въ большой свѣтъ, безъ этой школьной пыли и педантства, съ коимъ мы вступаемъ въ оной, вышедши изъ подъ присмотра домашнихъ нашихъ надзирателей. Madame de la Ville aux Clères, могу сказать, образовала меня по вкусу тогдашняго Петербурга: она осмѣивала мои дурачества и худыя привычки. и я ей обязанъ тѣми успѣхами, кои получилъ въ обществѣ. Изъ смѣшныхъ случаевъ, современныхъ моему съ ней знакомству, я съ удовольствіемъ вспоминаю и нынѣ подъ старость тотъ проказливой маскерадъ, въ которой мы съ ней однажды ѣздили вмѣстѣ въ полночь. Она уложила графиню спать, потомъ одѣлась монашенкой, а меня одѣла въ прекраснѣйшіе женскіе уборы; отпра-

вились, и лишь только показались въ залу, какъ мадамъ, не зная нашихъ обычаевъ и слѣдуя своимъ, начала задирать всѣхъ вельможъ шутками; разумѣется, что и я отъ нея не отставалъ. Мало намъ показалось тормошить людей обыкновенныхъ: мы подбѣжали къ Потемкину, начали около него суетиться, а онъ не очень любилъ такіе Французскіе смѣшки и приказалъ узнать, кто мы такіе. Увидя, что шутка можетъ кончиться слезами, я уговорилъ ее уѣхать и, тихонько скрывшись въ толпу, успѣли выбраться домой, прежде нежели насъ остыдили полицейскимъ проводомъ. На другой день разнеслась по городу молва о двухъ забавныхъ маскахъ. Старой графъ Строгановъ смѣялся самъ надъ ними очень много, не зная, что въ нихъ спрятаны были я и мать его прелестницы, и тайна наша такъ была хорошо сохранена, что никто о ней не узналъ даже очень долго спустя. Обѣ сіи иноземки были счастливаго свойства. Дочь добра, рѣзва и очень соблазнительна; а мать, по уму и качествамъ сердца, женщина уважительная, и я всегда вспомню время моего съ ней знакомства съ удовольствіемъ и особенною къ ней признательностію. Я у нея узналъ ту неопровергаемую истину, что никакая школа такъ не образуетъ молодаго юноши и не приготовитъ его столь удачно жить въ свѣтѣ, какъ обращеніе съ женщиной благонравной и уже среднихъ лѣтъ, когда разсудокъ ея можетъ охлаждать пылкіе восторги молодости. Такова была для меня, при вступленіи моемъ въ свѣтъ, госпожа Ville aux Clères.

Власовъ.

6-го Іюня. Иванъ Петровичъ, старичокъ почтенной, имѣющій большое семейство. Онъ служилъ въ однихъ чинахъ съ отцомъ моимъ и жилъ въ Петербургѣ; это было первое мое знакомство по пріѣздѣ туда. Батюшка очень уважалъ и любилъ весь ихъ домъ, и къ тому же они, какъ слыхалъ я, были намъ нѣсколько свои. Я учился въ ихъ домѣ волочиться. Первой предметъ моихъ опытовъ была Анна Ивановна, меньшая дочь, которая кое-что брянчала на клавикордахъ, и на первый случай меня этимъ взманила. Домъ ихъ стоялъ на Петербургской Сторонѣ: это такъ, какъ бы у насъ въ

Москвѣ на Бутыркахъ. Люди они были небогатые и жили очень скромно; сыновья служили въ гвардіи тогда унтеръ-офицерами. Всякое Воскресенье батюшка возилъ меня къ нимъ обѣдать, и я тамъ забавлялся разными простыми увеселеніями во весь день. Все что́ съ нами случится въ первой нашей молодости, оставляетъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ и всегда воспоминается съ пріятностью. Такъ и знакомство мое съ семействомъ Власовыхъ осталось мнѣ на всегда памятно: они являются моему воображенію и донынѣ, какъ скоро я переношусь мысленно въ первые дни Петербургской моей жизни. Семейство ихъ состояло изъ двухъ дочерей и двухъ сыновей; все это померло уже. Меньшая Анна имѣла несчастную страсть и вышла замужъ за лѣкаря въ Твери. Рано скончалась мать ихъ, Анисья Ивановна, женщина весьма умная и пронырливая, при которой семейство цвѣло, и каждой членъ его могъ ожидать порядочной участи. Такъ нерѣдко случается, что кончиной одного лица въ домѣ все разрушается, и остаются только горестныя воспоминанія о прошедшихъ благахъ жизни.

Воейкова.

5-го Ноября. Авдотья Александровна, женщина добрая и очень романическая. Ей вздумалось однажды, не будучи со мной знакомой, писать ко мнѣ и просить нѣкоторыхъ моихъ стиховъ: я ихъ послалъ. За симъ послѣдовалъ зовъ къ себѣ, и я познакомился съ нею. Начались довѣрія и откровенности; она не очень была счастлива со стороны мужа. Знакомство наше отъ того укоренилось, сдѣлалось продолжительнымъ и до конца дней ея постояннымъ; она меня очень полюбила и имѣла ко мнѣ большую довѣренность. Я посѣщалъ ее иногда въ Владимирской ея деревнѣ, и тамъ, въ унылые дни моего вдовства, посвятилъ ей стишки подъ названіемъ „Тальша“ (см. „Сумерки моей жизни“). Связь моя съ ней основана была на чистыхъ началахъ безкорыстной пріязни, и я многими пріятными часами въ жизни обязанъ доброму и привѣтливому ея характеру.

Воейкова.

1-го Іюня. Катерина Ивановна, дама умная и охотница до стиховъ. Замѣтить должно къ тому, что собой очень нехороша и немолода уже была тогда, какъ я съ ней, по самому странному случаю, ознакомился. Она полюбила мои стихи и изъявила желаніе меня видѣть; я же убѣгалъ всякаго новаго знакомства, будучи въ то время въ пріятныхъ связяхъ сердечныхъ въ другомъ мѣстѣ, и написалъ стихи, напечатанные въ моихъ сочиненіяхъ, подъ названіемъ: „Незнакомой въ Столицѣ“. Они до нея дошли и усилили желаніе ея меня узнать лично; посредницей въ этомъ была графиня Строганова, родня моя и очень милая женщина. Она приготовила для себя изъ нашего перваго свиданія самую смѣшную сцену въ своемъ домѣ. Воейковой описала меня красавцемъ, а мнѣ объ ней сказала, что она прекраснѣйшая женщина. День свиданія назначенъ; мы съѣзжаемся въ сумерки, хозяйка съ умыслу не требуетъ огня и не называетъ насъ другъ другу, такъ что мы съ четверть часа сидѣли у нея въ уборной, не зная, она, Воейкова, что это я, а я, что это она. Вдругъ насъ озаряютъ свѣчи и лампы, и мы, увидя другъ друга въ лицо, ужасаемся взаимно и, при первой рекомендаціи, отступаемъ назадъ: такъ мало мы были приготовлены увидѣть другъ въ другѣ самыя неблагообразныя черты лица. Эта встрѣча разсмѣшила всѣхъ гостей графини, и свиданье наше обратилось въ общую забаву. Съ сего случая началось наше знакомство. Оно было холодно, далеко и ничего не представляетъ занимательнаго, кромѣ этого анекдота, которой люблю и теперь вспомнить, когда мнѣ хочется посмѣяться надъ собою.

Волкова.

5-го Мая. Прасковья Воиновна, чтó называется удалая барыня. Мужъ ея былъ статской совѣтникъ: они жили, какъ кошка съ собакой, но для взрослыхъ дочерей ловили жениховъ и давали иногда вечеринки съ танцами. Съ первыхъ дней моего пріѣзда въ Петербургъ, не ознакомясь еще въ большомъ свѣтѣ, я искалъ забавъ въ среднемъ дворянствѣ

и попалъ къ ней въ домъ. Она жила въ Коломнѣ: тутъ я танцовалъ, рѣзвился, игралъ въ фанты, и г-жа Волкова меня очень заманивала, но я, кромѣ смѣху и забавъ, ничего у нея на искалъ. Однажды, просидя у нея на балѣ часовъ до двухъ за полночь, вздумалось ей погулять на зарѣ по набережной. Нѣсколько нашей братіи взялись ей сопутствовать. Мы встрѣтили солнечной восходъ на Невѣ и, возвращаясь домой, почувствовали, по нѣкоторымъ признакамъ, что прогулка ея не сойдетъ ей благополучно съ рукъ: вороты были заперты на крюкъ, насилу мы достучались, сторожъ впустилъ ее одну съ дочерью, а намъ прихлопнули вороты; мы сѣли по своимъ каретамъ, и еще не успѣли отъѣхать, какъ услышали, что угрюмый статскій совѣтникъ г. Волковъ, которой уже выспался, встрѣтилъ сожительницу свою нагайкой, и по крику ея оставалось намъ отгадывать, что вступиться за нее опасно. И такъ я уѣхалъ домой, и съ тѣхъ поръ не бывалъ въ ея домѣ, которой почиталъ самымъ низкимъ и невыгоднымъ знакомствомъ для молодаго и благовоспитаннаго человѣка.

Княжна Волконская † 1830.

11-го Октября. День рожденія ея, въ который я нѣсколько лѣтъ такъ часто былъ одушевляемъ Амуромъ и Аполлономъ.

Княжна Варвара Петровна. Говоря о ней, долженъ признаться, что, не смотря на возрастъ ея, ибо ей было уже за 30 лѣтъ, когда я съ ней познакомился, на черты лица ея, которыми она весьма далеко была отъ того, что́ мы называемъ не только прекраснымъ, даже пригожимъ, я однако былъ въ нее чрезвычайно влюбленъ. Первому моему знакомству съ нею подалъ поводъ братъ ея, съ которымъ я служилъ вмѣстѣ въ Соляной Конторѣ. Мнѣ было тогда самому за 30 лѣтъ, слѣдовательно я не въ самомъ энтузіазмѣ молодости очарованъ былъ ею, у меня же тогда была безподобная жена и миленькія дѣти: все это не удержало меня въ границахъ цѣломудрія и разсудка. Дивиться этому не должно. Тотъ вѣчно ошибется, кто понадѣется на свою мудрость, когда любовь зажжетъ его душу. Достоинства княж-

ны,острой умъ, познанія, все меня въ ней плѣнило. Чѣмъ труднѣе мнѣ казалось пріобрѣсти взаимность склонности, тѣмъ сильнѣе я напрягалъ къ тому всѣ средства моего разумѣнья. Домъ ихъ былъ, при отцѣ, а послѣ и при братѣ, всегда открытъ и содержался пышнымъ образомъ. Игравши у нихъ очень часто комедіи, привыкнувши постепенно изъ гостя дѣлаться у нихъ домашнимъ, я, по сотовариществу службы съ братомъ, скоро влюбился въ нее до безумія. Жена моя, безошибочно полагаясь всегда на честность моихъ правилъ, глядѣла и на сіе изступленіе, какъ на новой метеоръ, которой, подобно многимъ другимъ, долженъ былъ погаснуть, какъ скоро лишится своей пищи. Интриги всѣ имѣютъ одинъ ходъ; толковать объ нихъ не стоитъ труда, во всякомъ романѣ онъ списанъ съ натуры. Сперва были свободные разговоры, потомъ тайныя довѣренности, догадливыя молчанія, потомъ ежедневная утренняя переписка подъ разными предлогами, вслѣдъ затѣмъ скромныя свиданія наединѣ, гдѣ ласковости разнаго рода заставили насъ мысленно посвятить себя другъ другу. Судьба назначила мнѣ непремѣнную разлуку съ княжной. Я поѣхалъ въ Володимеръ. Горькихъ слезъ стоило мнѣ прощанье съ ней; но, переставши ее видѣть, внимать ей, впиваться въ страсть свою, я чувствовалъ, что жаръ мой началъ простывать; однако и заочно переписка съ каждой почтой питала еще мое пристрастіе. Братъ ея по обстоятельствамъ домашнимъ переѣхалъ жить въ свою Владимерскую деревню. Она была только въ трехъ верстахъ отъ города. Все споспѣшествовало продолженію нашей связи. Княжна пріѣзжала туда лѣтомъ, мы съ ней видались по прежнему, портретъ ея не выходилъ изъ моего кармана; уста наши смыкались нѣжнѣйшими поцѣлуями, кои умножали восторгъ мой и любовь ея ко мнѣ. Измѣнивъ женѣ моей для нея, я и ей становился часто невѣренъ; но она столько же имѣла преимущества надъ минутными моими заблужденіями во время интриги съ ней, сколько, въ сравненіи съ моей женой, теряла сама въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ сердца, коими я былъ привязанъ къ Евгеніи. Скоро явилось тому пагубное доказательство. Я лишился жены и низринулся въ бездну отчаянную всякаго зла. Въ первомъ волненіи чувствъ,

мнѣ опротивѣла княжна Волконская. Я пересталъ къ ней писать, разорвалъ съ ней всякое знакомство, отказалъ свиданіе съ ней въ проѣздъ мой черезъ Москву и, казалось, вырвался изъ сѣтей, кои нѣсколько лѣтъ опутывали меня у ногъ ея. Къ такому сильному и внезапному отвращенію много послужилъ весьма замѣчательный сонъ, которой видѣлъ я, уснувши очень крѣпко на голомъ полу, въ послѣдніе часы жизни Евгеніи. Я видѣлъ себя во мракѣ, и въ немъ явственно мнѣ представилось лицо княжны, окруженное отвсюду мглою. Видъ сей меня поразилъ. Я вскочилъ, услышалъ около себя шумъ, хотѣлъ идти къ женѣ..... ея уже не было на свѣтѣ. Сонъ сей предтечей былъ моего вдовства и разрыва съ княжною. Но всякая печаль имѣетъ свое время. Моя была сильна, однако, не выше естественнаго закона сердецъ человѣческихъ. При первомъ отдыхѣ отъ сильныхъ волненій, образъ княжны Волконской снова началъ дѣйствовать на мои чувства; приступъ ея къ сердцу былъ тѣмъ опаснѣе, что къ несчастью оно сдѣлалось свободно. Я снова сталъ искать отрадъ въ ея любви, мало-по-малу переписка наша возобновилась и не только получила прежнюю волшебную силу, но дѣло дошло до взаимнаго обѣщанія соединиться новыми крѣпчайшими узами навсегда. Все между нами положено было на мѣрѣ. Однажды, въ разговорѣ о необходимости моей искать товарища, дабы избѣжать, при большомъ семействѣ, развратности вдовьей жизни, отъ которой не всякой имѣетъ силу и мужество остеречься, дочь моя старшая, будучи уже 15 лѣтъ, и любимѣйшее мое дитя, при исчисленіи многихъ сверстницъ моихъ въ ея полѣ, со слезами спросила меня: „Уже ли, папенька, вы женитесь на Волконской?“ Этого было довольно. Пистолетный выстрѣлъ не попадалъ такъ мѣтко въ цѣль свою. Съ той минуты я оледенѣлъ скоропостижно къ княжнѣ Волконской, отослалъ ей портретъ ея, рѣшительно прекратилъ связь мою съ нею и остался при холодномъ одномъ къ ней уваженіи. Вотъ исторія сей страсти моей, которая продолжалась почти 10 лѣтъ. Въ нѣсколькихъ страницахъ не помѣстилъ бы я всѣхъ тѣхъ случаевъ, кои знакомство мое съ ней приводитъ мнѣ на память; да и къ чему разстроивать ими свое воображеніе?

Главныя черты моей связи описаны. Тогдашее время составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ моей жизни: я былъ пресыщенъ наслажденіями души и сердца, я любилъ пламенно, былъ любимъ съ жаромъ. Лучшій свидѣтель моего положенія есть книга моихъ сочиненій; тамъ все, что́ найдетъ читатель на имя Глафиры, посвящено было княжнѣ Волконской. Она произвела изъ меня стихотворца; безъ любви къ ней я бы, можетъ быть, никогда не написалъ лучшихъ моихъ сочиненій; ей, точно ей, обязанъ былъ вдохновеніемъ Аполлона, и по сему уже одному имя ея не умретъ въ памяти, доколѣ сердце мое будетъ биться. Она казалась мнѣ образцомъ всѣхъ совершествъ; одна Евгенія стояла выше ея въ сердцѣ моемъ и одерживала всегда надъ ней побѣду; все прочее въ природѣ уступало ей преимущество, и я, сотворивъ себѣ идеалъ, поклонялся ему въ ней раболѣпно.

У меня донынѣ хранится, и всегда на глазахъ, памятникъ моей страсти къ ней—тотъ силуетъ, которой, на одной забавной вечеринкѣ у нихъ домѣ, въ Великой постъ, снялъ съ меня одинъ изъ собесѣдниковъ нашихъ. Подлинной остался у князя, а у меня копія съ него. Я, какъ теперь, гляжу на тотъ стулъ, на которомъ я списанъ, протянувъ руку къ компаніи и важно говоря: „Je gave“ *). Такъ говаривали тогда изъ проказы, вмѣсто того, чтобъ сказать: „Я говѣю“.

Чего не вспомнишь, когда заглянешь въ старинку!

Князь Г. С. Волконской.

3-го Августа. Князь Григорій Семеновичъ. Старецъ почтенный, бывшій военнымъ начальникомъ Оренбургскихъ странъ. Онъ былъ всегда ко мнѣ очень милостивъ; доказательствомъ его хорошаго расположенія служатъ многія письма его ко мнѣ, въ разное время писанныя. Онъ особенно

---

*) Gaver пофранцузски значитъ слишкомъ много накормить. П. Б.

чтилъ и уважалъ мать мою, помня всегда, что онъ въ малолѣтствѣ воспитывался въ домѣ дѣда моего, барона Строганова, и съ матушкой вмѣстѣ обучался пофранцузски у одного учителя. Страннаго будучи характера, онъ прославился въ публикѣ многими проказами, которыя сдѣлали его настоящимъ чудакомъ. Все это не освобождаетъ меня отъ той благодарности, на которую онъ пріобрѣлъ полное право своимъ благосклоннымъ со мной обращеніемъ. Онъ однажды, отправляя курьера въ Питеръ изъ Азіи, прислалъ ко мнѣ съ нимъ въ подарокъ прекрасный тамошній тулупъ. Проѣзжая черезъ Володимеръ ко Двору, любилъ останавливаться у меня въ домѣ, иногда по цѣлымъ суткамъ, и довольствовался самымъ простымъ угощеніемъ; всякій годъ имѣлъ обыкновеніе писать ко мнѣ два раза, въ Святки и въ Святую Недѣлю и, поздравляя съ обоими сими праздниками, приписывалъ нѣсколько почтительнѣйшихъ привѣтствій престарѣлой моей матери. Тронутъ будучи такими поступками, я написалъ къ нему посланіе въ стихахъ, напечатанное въ моихъ книгахъ. Онъ до чрезвычайности былъ обольщенъ симъ моимъ приношеніемъ и, въ знакъ благодарности, прислалъ мнѣ очень похожій съ себя портретъ, писанный въ Вѣнѣ отличнымъ живописцемъ. Я его храню до сихъ поръ у себя, на виду въ кабинетѣ.

Всего страннѣе то, что, будучи такъ имъ обласканъ, я не имѣлъ ни случая, ни удобства сойтиться не только близко, ниже шапочнымъ знакомствомъ съ кѣмъ-либо изъ его семейства; напротивъ, жена его и дѣти очень сухо и холодно меня всегда встрѣчали.

Князь М. Н. Волконской.

3-го Мая. Сегодня нѣкогда помолвлена сестра моя Анна за графа Ефимовскаго. Сіе приводитъ мнѣ на память прежняго ея обожателя, князь Михайла Николаевича. Товарищъ и другъ лѣтъ моихъ, онъ былъ влюбленъ въ середнюю сестру мою Анну, искалъ ея руки, но, будучи небогатъ, се-

стра моя также, родители наши не могли на бракъ сей согласиться; и такъ знакомство наше осталось, вмѣсто родства, одной пріязнью, которая донынѣ между нами сохранилась. Сколько пріятныхъ дней, недѣль цѣлыхъ, я вспоминаю во время нашей связи! Онъ былъ съ нами ежедневно, мы ѣзжали вмѣстѣ въ подмосковную, зажигали фейерверки, дѣлали всякія дѣтскія шалости, хаживали въ одноцвѣтныхъ фракахъ, словомъ были каждый про себя настоящіе Филиберы, сочиненія г-на Коцебу. Время истребило сію короткость; но кто не признается, что воспоминанія ребячьихъ нашихъ годовъ всегда пріятны, и кто подъ старость не мурлычалъ:

„Des simples jeux de son enfance,
Heureux qui se souvient longtems!“

Князь П. М. Волконской.

14-го Августа. Князь Павелъ Михайловичъ, одинъ изъ богатыхъ царедворцевъ Екатеринина времени. Онъ служилъ камеръ-юнкеромъ; знакомство мое съ нимъ началось и кончилось на театрѣ, въ увеселительныхъ домахъ Наслѣдника Престола. Тамъ, игравши комедіи вмѣстѣ, мы были близки въ отношеніяхъ; онъ памятенъ мнѣ остался наиболѣе по тому, что былъ мнѣ совмѣстникомъ, влюбился, какъ и я, да и прежде меня, въ дѣвицу Смирную; но супругомъ ея сдѣлался я, не онъ.

Съ тѣхъ поръ мы съ нимъ нигдѣ не встрѣчались, а теперь уже его давно нѣтъ на свѣтѣ.

Графъ Воронцовъ.

27-го Сентября. Графъ Александръ Романовичъ, канцлеръ и вельможа Россійскаго Двора. Я не имѣлъ никогда чести ни зависѣть отъ него, ни даже быть вхожъ къ нему въ домъ,

но по одному случаю удалось ему оказать мнѣ услугу, которой я забыть не долженъ. Достигши глубокой старости и надоѣвши Двору, онъ пріѣхалъ окончить недужную и мрачную жизнь свою въ богатое помѣстье родовое, состоящее въ Владимирской губерніи. Тогда я былъ тамъ губернаторомъ и вмѣнялъ себѣ въ обязанность ѣздить къ нему, какъ къ барину, чтó называется на поклонъ, раза два въ годъ. Онъ всегда принималъ меня очень учтиво, но холодно; потому что онъ былъ самаго мизантропическаго свойства, а женщинъ вовсе терпѣть не могъ. Владимирская губернія вся была ему знакома, потому что отецъ его нѣсколько лѣтъ былъ въ ней генералъ-губернаторомъ при Екатеринѣ и наполнилъ ее своими креатурами; а самъ онъ, будучи еще сенаторомъ, ревизовалъ ее. По симъ отношеніямъ всѣ чиновники въ губерніи и дѣла ихъ были ему извѣстны. Нѣкто Бóрыковъ, худой исправникъ Переславскаго уѣзда, подпалъ уголовному суду по моему предписанію. Онъ жаловался на меня Сенату. Сенатъ бралъ съ меня отвѣтъ, и въ послабленіе исправнику наслали мнѣ самой жестокой указъ, на которой я отвѣчалъ довольно горячо. Сенатъ захотѣлъ подать на меня докладъ Государю. Графъ Воронцовъ о семъ свѣдалъ и, зная Борыкова, зная меня, нашелъ сенатской поступокъ со мной противозаконнымъ. Онъ вытребовалъ отъ меня полное свѣдѣніе о сихъ бумагахъ, лично со мной переговорилъ и, поѣхавши по привычкѣ своей на зиму въ Москву, съ нѣкоторыми сенаторами снесся, защитилъ меня, доказалъ имъ неправильность ихъ приговора, отклонилъ предположенной докладъ, которой по убѣжденію его не состоялся. Все его разсужденіе о семъ предметѣ было въ мою пользу, и я оставленъ въ покоѣ.

Такой поступокъ требуетъ моей признательности. Не всякой, можетъ быть, пріятель и родственникъ оказалъ бы мнѣ оной, и я, для сохраненія его въ памяти моей, помѣстилъ здѣсь сіи строки въ честь и похвалу правосудному свойству графа Воронцова. По смерти его долго спустя, я имѣлъ непріятное порученіе отъ Государя Императора, не знаю по какой-то придворной сплетнѣ, опечатать всѣ его

бумаги и дѣла, и все что̀ найду письменнаго, отправить по почтѣ въ Питеръ, вмѣстѣ съ его домоправителемъ *), и я при исполненіи сего крутаго повелѣнія всячески старался смягчить суровость онаго, благопріятными поступками со всѣми оставшимися послѣ него въ домѣ довѣренными лицами въ управленіи его имѣнія. Вотъ краткая исторія моихъ похожденій относительно особы канцлера.

Враскіе.

24 Іюня. Четыре брата родные, изъ которыхъ одинъ служилъ предсѣдателемъ Уголовной Палаты, другой прокуроромъ, третій совѣтникомъ Винной Экспедиціи, четвертый въ отставкѣ, всѣ въ Пензѣ и тамошніе помѣщики. Можно себѣ легко представить по связи мѣстъ, ими занимаемыхъ, какъ они сильны были въ тамошнемъ правительствѣ, и губернаторъ, будучи подъ сокровеннымъ ихъ вліяніемъ, не смѣлъ ничего противъ нихъ предпринять: слѣдовательно, они дѣлали въ губерніи, что́ хотѣли. Когда я вздумалъ поставить имъ собой перевѣсъ и подружился съ начальникомъ **), то они, зная его короче, чѣмъ я, постарались насъ поссорить, въ чемъ математическимъ образомъ успѣли, разочтя заранѣе дѣйствіе, которое они произведутъ на слабую его голову своими тонкими и ядовитыми внушеніями. Много я въ то время вытерпѣлъ разныхъ неудовольствій отъ нихъ, о которыхъ и вспоминать незабавно; они дѣлали подъ меня всякія подлыя привязки, и бороться съ ними было тяжело, но уступить также я не хотѣлъ, потому что не могъ руководствоваться ихъ правилами: они искали выгоды, я чести; цѣли наши были совершенно противоположны, и мы, во все время моей тамошней службы, въ жестокихъ были между собой несогласіяхъ.

---

*) Живучи въ деревнѣ, канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ получалъ курьеровъ изъ Петербурга съ дѣлами по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Вѣроятно эти-то бумаги и были опечатаны и увезены обратно. При немъ состояла цѣлая канцелярія. П. Б.

**) Это былъ Иванъ Алексѣевичъ Ступишинъ. П. Б.

Мой совѣтникъ, однакожъ, не выдержалъ сего воинственнаго положенія и отошелъ отъ дѣлъ прежде меня. Послѣ, спустя очень много времени, я съ нимъ съѣхался на житье въ Москвѣ; онъ на роскошной ногѣ повелъ домъ свой, возобновивъ со мной знакомство, которое уже ни для него, ни для меня, не могло быть въ тягость. Мы не имѣли другъ до друга никакого дѣла, и стали видаться какъ пріятели.

Такъ-то время стираетъ впечатлѣнія чувствъ всякаго рода. Между моими рукописьми есть стихи, сочиненные мной въ Пензѣ по случаю одного дѣла, которое производилось въ тамошней Уголовной Палатѣ и о которомъ я имѣлъ случай говорить пространнѣе, подъ именемъ Полочанинова(см. лит. П). Въ немъ всѣ братья Враскіе списаны съ натуры. Я не хотѣлъ ихъ напечатать ни въ которомъ изданіи, ибо не въ правилахъ моихъ занимать публику негодной личностью и разсказомъ скареднаго дѣла, которое не послужило бы къ чести тогдашнихъ судилищъ и нашей братьи-дворянъ.

Князь Вяземской.

30 Ноября. Князь Александръ Алексѣевичъ, знаменитой и долговременной генералъ-прокуроръ при Екатеринѣ. Отецъ мой служилъ подъ его начальствомъ и былъ имъ уважаемъ. При появленіи моемъ въ Петербургѣ, батюшка тотчасъ меня ему представилъ, и это было первое мое знакомство. Я постоянно ѣздилъ въ домъ его и пользовался ласковымъ пріемомъ.

Потомъ довелось мнѣ и служить въ гражданской службѣ еще въ его время, но уже онъ почти не дѣйствовалъ, разбитъ будучи параличемъ. Я нашелъ его въ самомъ жалкомъ положеніи, когда, для формы, представленъ ему былъ въ званіи Пензенскаго вице-губернатора: онъ катался по залѣ своей въ колясочкѣ и едва меня узналъ: все мое обращеніе устремилось тогда къ Васильеву (см. лит. В.).

Семейство князя Вяземскаго было большое. Жена его любила иностранное общежитіе; нѣсколько дочерей, богатыхъ невѣстъ, привлекали молодежь, а старики ѣзжали къ князю наслушиваться государственныхъ соображеній. Посѣщенія мои въ этомъ смыслѣ были для меня очень полезны; я и забавлялся по вечерамъ на ихъ домашнихъ балахъ, и учился со временемъ быть штатскимъ чиновникомъ. По симъ выгодамъ нельзя не упомянуть мнѣ здѣсь объ этомъ вельможѣ, у котораго, впрочемъ, я не могу вспомнить ничего пріятнаго для сердца.

У меня хранятся до нынѣ нѣсколько писемъ его къ отцу моему, изъ коихъ видно, что онъ умѣлъ цѣнить его труды и былъ къ нимъ признателенъ.

Князь Вяземской.

22 Сентября. Князь Андрей Ивановичъ, человѣкъ свѣтской, весьма пріятнаго обращенія. Мы съ нимъ нѣсколько были въ родствѣ: мать его нашего племени. Онъ счастливо служилъ, много путешествовалъ и рано попалъ въ генералы, женился на Агличанкѣ *) и въ Москвѣ открылъ домъ. Къ нему съѣзжались лучшіе люди, вечера его были очень занимательны. Я съ первой женой моей нерѣдко посѣщалъ его сообщество, и онъ также иногда ѣзжалъ поболтать къ намъ. Такъ текло пріятное наше знакомство до тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ гражданскую службу. Вдругъ перемѣнилась картина: пожаловали его въ генералъ-губернаторы въ Пензу. Онъ меня засталъ вице-губернаторомъ. Князь Вяземской обходиться со мной сталъ очень надменно, и я отъ него удалился; поступки его со всѣми чиновниками были таковы, что никто его не взлюбилъ, и всякой называлъ его фанфарономъ, а въ самомъ дѣлѣ онъ былъ для столь высокаго званія слишкомъ пустой человѣкъ. И такъ знакомство наше по службѣ

---

*) Княгиня Евгенія Ивановна Вяземская (мать поэта) была родомъ Ирландка, Д'Орельи. П. Б.

было для обоихъ взаимно непріятно. Недолго онъ надъ нами чванился.

Воцарился Павелъ. Ходули намѣстниковъ затрещали: всѣ они сошли съ нихъ долой, и Вяземской возвратился въ Москву диспутовать въ Сенатѣ. По смѣнѣ моей изъ Пензы, я опять съ нимъ встрѣтился на板 родинѣ, и снова старое наше знакомство продолжалось. Во время службы моей въ Соляной Конторѣ членомъ, онъ былъ наряженъ ревизовать ее, и оказалъ при семъ случаѣ много пустаго педантизма, которое на соль въ государствѣ не прибавило ни цѣнъ, ниже не понизило.

Таковы были мои съ нимъ отношенія. Я временно ихъ напоминаю себѣ въ двухъ различныхъ видахъ: съ пріятной стороны, когда воображаю наши словесныя бесѣды, чтеніе стиховъ, острыя его шутки и образованность; напротивъ съ непріятной, когда представляю себѣ его въ качествѣ государственнаго чиновника, съ безприкладными его теоріями и нелѣпыми затѣями ума, испорченнаго Англійскими предразсудками. Онъ хотѣлъ въ Пензѣ создать Лондонъ и, начавъ съ сей точки, что̀ ни дѣлалъ, что̀ ни писалъ, какъ начальникъ Русской провинціи, все было не у мѣста и не кстати.

У всякаго свой конекъ. Впрочемъ, онъ не успѣлъ и не могъ мнѣ сдѣлать ни худа, ни добра, а въ обществѣ былъ отмѣнно пріятной товарищъ.

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ
БРОКГАУЗА

ИЗДАНІЕ А. ГАРБЕЛЬ и К°.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ въ магазинахъ: Дейбнеръ (Кузнецкій мостъ), Якобсонъ (Неглинная), «Сотрудникъ Школъ» (Воздвиженка), Карбасникова (Моховая и въ его отдѣленіяхъ въ Петербургѣ и Варшавѣ), Ильинъ, Фену и К° (Петровскія линіи и въ его отдѣленіи въ Петербургѣ) и въ конторѣ Гиляровскаго (Петровка, Столешниковъ пер., д. Корзинкина).

Словарь будетъ выходить въ свѣтъ съ начала 1890 года, отдѣльными выпусками (отъ 2-хъ до 3-хъ листовъ in 4°). Всѣхъ выпусковъ предполагается 50.

Подписная цѣна:

На всѣ выпуски на лучшей веленевой бумагѣ	12	руб.
» » » » обыкновенной »	10	»
» каждый выпускъ отдѣльно на лучшей »	35	коп.
» » » » » обыкн. »	25	»

Цѣна словаря въ продажѣ (неподписчикамъ):

на лучшей бумагѣ........................	20	руб.
» обыкнов. »	15	»

☛ Подписчики по выходѣ всѣхъ выпусковъ въ свѣтъ получаютъ: **карты, рисунки и роскошную папку БЕЗПЛАТНО.** ☚

Адресъ издателей почтѣ извѣстенъ.

ОТКРЫТА

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ** Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ**.

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

2.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1890 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1890 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской эпархіи,—и будетъ выходить **два раза** въ мѣсяцъ по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ Харьковѣ:** въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ, Д. Н. Полуехтова, на Московской улицѣ; **въ Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; **въ Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т.-е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости за 1883 годъ по 5 руб. за экземпляръ съ пересылкою.

ПИСЬМА КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ВОРОНЦОВА КЪ АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ.

Въ „Русскомъ Архивѣ" помѣщаются Записки покойнаго Н. Н. Муравьева (Карскаго). Записки эти относятся ко времени его молодости и писаны часто въ формѣ бѣглыхъ ежедневныхъ замѣтокъ, и потому сужденія о лицахъ въ нихъ упоминаемыхъ могли быть иногда выражены подъ впечатлѣніемъ минуты. Ихъ трудно принять за вѣрную характеристику лицъ и дѣйствій, такъ какъ эти сужденія нерѣдко опровергаются изъ словъ самого писавшаго. Напримѣръ относительно А. П. Ермолова Муравьевъ противорѣчиво высказывается: то говоритъ бездоказательно о недостаткахъ его, записывая часто постороннее мнѣніе, въ которомъ могла быть выражена голословная клевета, то преклоняется передъ достоинствами своего начальника, къ которому потомъ до конца жизни заявлялъ благоговѣніе.

Не считая себя причастными такому сужденію покойнаго Муравьева объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, мы предлагаемъ читателямъ въ высшей степени интересныя письма къ Ермолову князя М. С. Воронцова, умѣвшаго цѣнить необычайный умъ, знаніе края и всю пользу, которую принесъ Кавказу его достопамятный предшественникъ. Изъ этихъ писемъ живо и вѣрно предстанутъ предъ читателями два историческія лица, связанныя дружбою въ теченіи слишкомъ 40 лѣтъ. Это живая лѣтопись славнаго времени, славныхъ и чистыхъ дѣлъ.

Письма князя М. С. Воронцова переданы намъ генералъ-маіоромъ Григоріемъ Петровичемъ Ермоловымъ и Екатериной Петровной Ермоловой. Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ отвѣтными письмами Ермолова, недавно появившимися въ XXXVI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова". Для исторіи Кавказа, за то время, нѣтъ болѣе важнаго свидѣтельства, какъ эта переписка. Говорятъ, что дружба возможна между лицами равными. Тутъ именно было равенство положенія, равенство дарованія и беззавѣтной любви къ родинѣ; но характеры разные, и эта разница только скрѣпляла и оживляла дружескія отношенія. Къ сожалѣнію, Воронцовскія письма сохранились только съ 1845 года, тогда какъ Ермоловскія начинаются съ 1812 года. Слогъ писемъ вполнѣ отвѣчаетъ характеру писавшихъ. П. Б.

1.

С.-Петербургъ, 24 Января 1845 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ. Ты вѣрно удивился, когда узналъ о назначеніи моемъ на Кавказъ. Я также удивился, когда мнѣ предложено было это порученіе, и не безъ страха оное принялъ: ибо мнѣ уже 63-й годъ [1]), дѣла тамъ очень много, и край сей, особливо въ теперешнемъ его положеніи, совершенно мнѣ неизвѣстенъ; отказаться было однако невозможно. Не я себя выбралъ, не я себя выставилъ; могу только отвѣчать за усердіе и добрую волю; за прочее же отвѣчать не могу, ибо думаю и объявляю, что почитаю порученіе это превышающимъ мои силы.

Мнѣ даютъ полную волю, и это необходимо [2]). Государь ни въ какихъ способахъ мнѣ не отказываетъ; дай Богъ, чтобы я могъ оправдать его довѣріе. Безъ его помощи я ни въ чемъ успѣть не надѣюсь. Я увѣренъ, что ты помолишься за стараго товарища, чтобы онъ поддержалъ имя Русское въ странѣ, гдѣ ты столько лѣтъ прославлялъ оное. Я бы желалъ нарочно ѣхать отселѣ чрезъ Москву, чтобы видѣться съ тобою и съ Головинымъ и получить отъ васъ обоихъ и свѣдѣнія, и совѣты; но боюсь, что это не будетъ мнѣ возможно, и такъ какъ мнѣ надобно еще ѣхать чрезъ Одессу и что время очень коротко, то, кончивъ здѣсь, надобно мнѣ будетъ ѣхать какъ можно прямѣе. Во всякомъ случаѣ буду просить тебя объ одномъ и сочту твое согласіе большимъ одолженіемъ: у тебя есть много записокъ и свѣдѣній вообще о Кавказѣ; не можешь ли ты мнѣ сдѣлать изъ нихъ хотя выписку и прислать мнѣ оную чрезъ Закревскаго, который всегда будетъ знать, какъ мнѣ оную доставить, или чрезъ Александра Яковлевича Булгакова [3]).

Три предмета болѣе всѣхъ меня интересуютъ: 1, о нашемъ Правомъ флангѣ и о горахъ прямо Черкесскихъ между Кубанью и Грузіею; 2, о Чечнѣ и Дагестанѣ; 3, о мусульманскихъ и Персидскихъ

---

[1]) Князь М. С. Воронцовъ род. 19 Мая 1782 г., слѣдовательно былъ пятью годами моложе Ермолова. П. Б.

[2]) Полномочія, испрошенныя княземъ Воронцовымъ у императора Николая Павловича, были еще обширнѣе тѣхъ, которыя даны были ему передъ его отъѣздомъ на Кавказъ; ихъ значительно съузилъ тогдашній главный дѣлецъ Военнаго Министерства, М. П. Позенъ. И князю Воронцову, какъ нѣкогда Ермолову, приходилось бороться съ хитростями бюрократіи. П. Б.

[3]) Московскаго почтъ-директора. Сохранился (но еще не изданъ) цѣлый томъ писемъ къ нему отъ князя Воронцова, который дорожилъ мнѣніемъ Москвы и при тогдашнемъ стѣсненіи гласности черезъ Булгакова сообщалъ свѣдѣнія въ Москву о ходѣ дѣлъ на Кавказѣ. П. Б.

провинціяхъ. Все что̀ ты мнѣ пришлешь по этимъ тремъ отношеніямъ и все что̀ ты еще къ тому прибавишь, будетъ принято мною съ истинною душевною признательностію. Я думаю отселѣ выѣхать дней черезъ 10, и я бы желалъ ѣхать въ Грузію черезъ Сухумъ-Кале; ибо пунктъ сей я считаю, особливо въ будущности, лучшимъ всѣхъ другихъ для всѣхъ нашихъ сношеній съ Новороссійскими и западными губерніями, а иногда съ Тифлисомъ и самимъ Петербургомъ; въ случаѣ же развитія возможной торговли, Сухумъ не только лучшій, но единственный безопасный портъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Я надѣюсь быть въ Тифлисѣ въ первой половинѣ Марта; часто буду о тебѣ тамъ думать. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; еще разъ прошу тебя не отказать мнѣ въ моей просьбѣ и пожелать мнѣ нужныя силы исполнить долгъ мой какъ слѣдуетъ старому и вѣрному слугѣ Царя и Отечества. Навсегда тебѣ преданный М. Воронцовъ.

Проѣздомъ черезъ Москву князь (тогда еще графъ) Воронцовъ повидался съ Ермоловымъ. П. Б.

2.

Ташкичу, 26-го Мая 1845 г.

Я бы долженъ былъ и хотѣлъ писать къ тебѣ, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, еще изъ Тифлиса; но все что-нибудь какъ нарочно мнѣ въ этомъ мѣшало, а когда время приближалось къ моему оттуда отъѣзду, то уже предпочелъ писать по осмотрѣ всѣхъ этихъ мѣстностей, гдѣ ты нѣсколько лѣтъ игралъ такую роль и гдѣ все еще полно памятью о тебѣ, о твоихъ подвигахъ, твоихъ распоряженіяхъ. Изъ Владикавказа я пошелъ по Сунжѣ, черезъ Назранъ, укрѣпленіе Волынское, Казакичу и Заканъ-Юртъ до Грозной. Въ этомъ мѣстѣ, тобою основанномъ, я нашелъ землянку, называемую домомъ Ермолова, и съ удовольствіемъ узналъ, съ какимъ почтеніемъ всѣ здѣшніе начальники берегутъ этотъ памятникъ, окружили оный палисадомъ и предостерегли отъ всякой порчи; видѣлъ тополи и другія деревья тобою посаженныя. Потомъ, идучи изъ Грозной въ Чахъ-Гирей по прекрасной Ханкалинской долинѣ, которую ты началъ разчищать, мнѣ показали курганъ Ермолова, на который всякій безъ изъятія всегда въѣзжаетъ, помня или слышавъ о тебѣ. Чахъ-Гирей или Воздвиженское есть пунктъ важный и полезный и долженъ сильно способствовать къ будущему покоренію Чечни. На этомъ маршѣ я узналъ подробно о всѣхъ дѣйствіяхъ генерала Пулло и не понимаю, какъ Граббе могъ предписать или позволить оныя. Воротясь въ Грозную, я пошелъ чрезъ Старый Юртъ и Горячеводскъ въ Червленую, потомъ уже въ экипажѣ поѣхалъ лѣвымъ берегомъ до Кизляра, осмотрѣвъ на пути переправу въ Амираджи-Юртъ. Кизляръ я видѣлъ процвѣтающимъ 40 лѣтъ тому на-

задъ отъ своихъ винъ и водокъ; съ тѣхъ поръ не столько Кази-Мулла и набѣги, какъ откупа и откупщики разорили этотъ несчастный городъ.

Изъ Кизляра я опять пошелъ, отчасти съ пѣхотными и отчасти съ кавалерійскими прикрытіями, черезъ Магометовъ мостъ въ Кази-Юртъ на Сулакѣ, оттуда черезъ Озень въ Петровское укрѣпленіе и портъ на Каспійскомъ морѣ; это недалеко отъ твоей бывшей крѣпости Бурной. Здѣсь я нашелъ суда изъ Астрахани, которыя привезли намъ большое количество провіанта. Крѣпость хороша и красива; но жаль, что вода не совсѣмъ внутри оной. Надѣюсь, что можно будетъ вырыть колодезь на той же глубинѣ и такой же обильный, какъ тотъ, который теперь находится снаружи, хотя подъ выстрѣлами. Изъ Петровскаго мы пошли черезъ Кунтуръ-Кале въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ командуетъ князь Бебутовъ; это мѣсто сдѣлалось важнымъ, и въ немъ завелись лавки и торговля. Я ѣздилъ съ визитомъ къ семейству шамхала въ Казанище; самъ шамхалъ уже встрѣтилъ меня въ Кази-Юртѣ. Изъ Темиръ-Ханъ-Шуры я также ѣздилъ въ Чиркей и Евгеньевское, укрѣпленіе хорошее съ прекраснымъ мостомъ на Сулакѣ и съ башнею на лѣвомъ берегу. Потомъ мы пошли черезъ Кази-Юртъ во Внезапную, гдѣ я познакомился съ большою и вѣрною намъ деревнею Андреевскою; оттуда мы прошли сюда, для послѣднихъ распоряженій до похода. Послѣ завтра идемъ опять отселѣ во Внезапную, а 31-го идемъ въ горы.

Будемъ искать Шамиля; но дастъ ли онъ намъ случай ему вредить, одинъ Богъ это вѣдаетъ. По крайней мѣрѣ мы сдѣлаемъ все, что̀ можемъ, и ежели бы былъ какой-нибудь благопріятный случай, постараемся имъ воспользоваться. Боюсь, что въ Россіи вообще много ожидаютъ отъ нашего предпріятія; но ты хорошо знаешь положеніе вещей и особливо мѣстности. Надѣюсь, что мы ничего не сдѣлаемъ дурнаго; но весьма можетъ статься, что не будетъ возможности сдѣлать что-нибудь весьма хорошее, лишь бы нашей вины тутъ не было. Можешь вообразить, какъ пламенно желаю найти возможность какому-нибудь удару; послѣдствія отъ онаго были бы самыя важныя и благопріятныя; но не могу не признаться, что ежели Шамиль такъ уменъ, какъ увѣряютъ, то онъ намъ такого случая не дастъ. Впрочемъ, что̀ Богъ дастъ! Надобно покориться Его святой волѣ.

Въ Тифлисѣ я имѣлъ случай видѣть всю правду сказаннаго тобою объ нѣкоторыхъ лицахъ. Безакъ просится отселѣ, и я въ этомъ ему помогаю; Калачевскій давно удаленъ; съ Куткашинскимъ я отдѣ-

лался учтивостями, но отказалъ въ употребленіи при мнѣ по службѣ. Аббасъ-Кули ѣдетъ въ отпускъ въ Персію и занимается, какъ говорятъ, ученостью; Сумбатова я не видалъ. О Ванькѣ-Каинѣ меня просила жена его и другіе, но я совершенно отказался отъ всякаго содѣйствія къ его возвращенію. Ладинскій принялся за дѣло хорошо, съ натуральнымъ умомъ, и знаетъ край хорошо. По гражданскому управленію негодяи въ большинствѣ, по военной части генераловъ и полковниковъ весьма много хорошихъ, и войска вообще въ самомъ лучшемъ духѣ и расположеніи. О себѣ я скажу, что здоровьемъ держусь хорошо, но устаю отъ трудовъ больше прежняго, что̀ весьма натурально.

Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; сдѣлай милость не оставляй меня извѣстіями и совѣтами и будь увѣренъ, что я въ полной мѣрѣ цѣню всякую строчку и всякое отъ тебя слово.

*

На это письмо Ермоловъ отвѣчалъ изъ Москвы 19 Іюня 1845 г. и между прочимъ писалъ.

Никогда еще начальникъ не являлся въ той странѣ облеченный такою властью, столько могущественный, въ такой высокой у Государя довѣренности. Тебѣ никто изъ министровъ не осмѣлится дѣлать препятствій, и еще менѣе вредить могутъ. Представленія твои всѣ будутъ уважаемы, и ты самъ имѣешь власть поощрять служеніе подчиненныхъ лестными наградами. Словомъ, Императоръ имѣетъ въ тебѣ достойнаго намѣстника. Знаменитый и по справедливости незабвенный князь Циціановъ далеко не имѣлъ равныхъ способовъ.

Благодарю весьма за привѣтствіе, сдѣланное мнѣ увѣдомленіемъ, что еще есть память о пребываніи моемъ въ вашей странѣ. Конечно привѣтствіе, почтеннѣйшій графъ: ибо до тебя никто не смѣлъ говорить о томъ, и я нимало не удивляюсь, разсуждая объ обстоятельствахъ прошедшаго времени и моемъ собственно положеніи. Послѣ войны Отечественной, оконченной самымъ блистательнымъ оборотомъ дѣлъ, занятіемь Парижа и смиреніемъ Франціи (причемъ ты былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ), покойный Императоръ, почти ежегодно являвшійся на конгрессахъ, гдѣ вліяніе его было могущественнѣйшее, не могъ не скрывать, что Кавказъ вмѣщалъ народы непокорствующіе его власти и дерзающіе оказывать ей противоборствіе, и потому все, что̀ я дѣлалъ покрывалось полною безгласностію и, можно сказать, тайною. Между горцами не допускалось согласіе, и не было тѣни религіознаго фанатизма, ихъ соединившаго; непокорные наказывались по одиночкѣ, слѣдовательно безъ большаго затрудненія. Не было нужды въ чрезвычайныхъ усиліяхъ и въ подобныхъ предпріятіяхъ, каковы взятіе Ахульго и Ичкеринскій походъ, сохраняющіе незавидную знаменитость. Число войскъ, хотя умно-

женное въ мое время, было однакоже весьма ограничено и конечно уже не хуже теперешнихъ, и потому повторю, удобно было происшествія на Кавказѣ сохранить въ неизвѣстности, а самого меня покрыть мракомъ. Вмѣстѣ съ назначеніемъ моимъ уничтожено званіе главнокомандующаго, которое имѣлъ Ртищевъ и даже *маркизъ* Паулуччи. Иностранные журналы не только не были язвительны, но даже молчали. Теперь совсѣмъ другое: они умышленно оскорбительны и наглы, и къ досадѣ имъ многіе вѣрятъ, хотя наполнены они неистовою ложью отъ первой строки до послѣдней. Заставить ихъ молчать надобны успѣхи или, если въ нихъ отказываетъ судьба, необходимы по крайней мѣрѣ не столь значительныя, какъ доселѣ, потери.

Слѣдуетъ разсказъ о несчастномъ походѣ въ горы. П. Б.

3.

Темиръ-Ханъ-Шура, 1 Августа 1845 г.

Я получилъ здѣсь, третьяго дня, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ *)   и хочу безъ отлагательства какъ благодарить тебя за оное, такъ и дать тебѣ краткій, но акуратный отчетъ о всемъ, что́ съ нами случилось съ тѣхъ поръ какъ мы вошли въ горы и до возвращенія нашего чрезъ Герзель-аулъ на плоскость. Походъ, сперва легкій и почти безъ драки, сдѣлался потомъ труднымъ во всѣхъ отношеніяхъ и кровавымъ; но мы окончили оный съ честью и, смѣю сказать, не безъ славы. Духъ въ войскахъ не только сохранился во всей своей прекрасной цѣлости, но еще увеличился, по мѣрѣ какъ увеличивались препятствія и по ежедневному опыту, что Русской груди и Русскимъ штыкамъ ничто противустоять не можетъ.

Ты знаешь, какъ мы легко дошли до Андіи, проходя почти безъ драки всѣ приготовленныя прежде противъ насъ позиціи въ Бортунаѣ, у Мичикале и у Андійскихъ воротъ. Тутъ я увидѣлъ не безъ сожалѣнія, что Шамиль, понимая очень хорошо, что намъ противиться не можетъ, открыто взялъ систему немного похожую на нашу 1812 года, и уступалъ весь атакованный край, раззоряя и выжигая деревни онаго, въ надеждѣ вредить намъ при отступленіи, поелику намъ зимовать тамъ было невозможно. Жителямъ это было очень больно, и нѣкоторые даже военною рукою ему въ этомъ сопротивлялись; но сила его и приверженныхъ ему мюридовъ такъ велика, что никто не могъ помѣшать ему въ его намѣреніи. Въ самой Андіи, наканунѣ нашего прихода, были даже ружейные выстрѣлы между жителями и мюридами; но сила превозмогла, и всѣ богатыя деревни Андійскаго общества достались намъ сожженными и опустошенными. Шамиль самъ промедлилъ съ

*) Въ подлинникѣ пропускъ. Письмо Ермолова было отъ 19 Іюня 1845. П. Б.

часъ или полтора отступленіемъ съ высотъ Андійскихъ за горы и этимъ себя унизилъ, давъ случай двумъ ротамъ Кабардинскаго полка съ помощью Грузинской милиціи атаковать и прогнать его и сборище его, отъ 4 до 5 тыс., самымъ постыднымъ для него образомъ. Со всѣмъ тѣмъ главнаго результата отъ входа въ горы, т.-е. покоренія жителей, мы не пріобрѣли: они ушли въ разныя мѣста съ семействами, на насъ не возставали и Шамилю почти ни въ чемъ не помогали; но страхъ его казни, какъ мечъ Дамоклеса, постоянно вертѣлся предъ глазами ихъ, и никто не смѣлъ къ намъ присоединиться. Въ Анди мы постояли двѣ недѣли и, для снабженія отряда продовольствіемъ, были оставлены между Чиркеемъ и Анди 3 эшелона: 1-й главный въ урочищѣ Кирки (гдѣ было у Граббе укр. Удачное при 5 батальонахъ), 2-й въ урочищѣ Мичикальскомъ, два батальона, а 3-й у Андійскихъ воротъ или Куршукале, также въ два батальона. Такимъ образомъ продовольствіе наше было уже совершенно обезпечено, и у насъ все осталось довольно войскъ для дѣйствія; но съ 6 по 13 Іюня явился къ намъ непріятель, гораздо опаснѣе всѣхъ Шамилей: ужасная стужа, морозъ и снѣгъ, имѣли сильное вліяніе на часть отряда расположенную въ горахъ съ генераломъ Пассекомъ, и нѣсколько сотъ человѣкъ оказались съ отмороженными ногами, и болѣе половины черводарскихъ лошадей, которыя намъ возили сухари, пропали. По сей причинѣ мы уже получали продовольствіе, можно сказать, день въ день, и запасовъ составлять уже было невозможно.

Основать что-нибудь въ Андіи надолгое время было невозможно: снѣгъ и морозы до 5° въ Іюнѣ мѣсяцѣ по единственной открытой туда дорогѣ могли дать понятіе о сообщеніяхъ осенью и зимой. Но прежде выхода изъ горъ необходимо было занять и истребить гнѣздо разбойника нашего, Дарго; вся Россія этого ожидала, и мы бы стыдились показаться на плоскость, не бывъ въ Дарго. При единогласныхъ со всѣхъ сторонъ показаніяхъ, дорога изъ Андіи въ Дарго не представляла никакихъ затрудненій; всѣ увѣряли, что мы найдемъ около двухъ верстъ лѣса, рѣдкаго и при хорошей дорогѣ. Во всякомъ случаѣ надобно было идти, и мы пошли, оставивъ одинъ батальонъ въ укр. въ Анди. Вмѣсто двухъ верстъ мы нашли пять верстъ лѣса самаго труднаго и съ такимъ географическимъ мѣстоположеніемъ, что цѣпи ни съ права ни съ лѣва имѣть было невозможно почти на всемъ протяженіи; 23 завала были устроены на единственной дорогѣ. Завалы были взяты одинъ за другимъ, можно сказать шутя; но боковые выстрѣлы на многихъ пунктахъ слѣдованія, противъ коихъ весьма было трудно что-либо дѣлать, сильно намъ вредили. Мы прошли мо-

лодецки и въ тотъ же вечеръ пришли изъ Андіи въ Дарго; потеря была небольшая—всего убито, ранено и контужено отъ 2-хъ до 300 человѣкъ, между коими убитъ генералъ-маіоръ Фокъ. Послѣ взятія послѣдняго завала, при выходѣ на маленькую площадку, мы увидѣли, что въ Дарго Шамиль распоряжался какъ въ Андіи; здѣсь однако онъ зажегъ только свой домъ и два или три окружающіе, прочее осталось на нашу долю. Въ Андіи мы сберегали, здѣсь съ усердіемъ истребляли все, что̀ оставалось цѣлымъ. Шамиль ушелъ за Аксай и расположился съ малою толпою на пушечный выстрѣлъ отъ нашего лагеря. На другой день мы оттуда его прогнали; но такъ какъ нельзя было намъ раздѣлиться на двѣ позиціи, ни отойти отъ занимаемой нами до полученія ожидаемаго чрезъ три дня транспорта съ сухарями, онъ опять воротился на свое мѣсто и велъ съ нами пушечную перестрѣлку.

Между тѣмъ, истребляя Дарго и всѣ заведенія, мастерскія и проч. Шамиля, я не могъ не видѣть, что транспорты съ продовольствіемъ чрезъ пройденный мною лѣсъ слѣдовать къ намъ не могутъ. Мы пришли въ Дарго 6 Іюля, первый транспортъ ожидали 10-го, и я рѣшился, по полученіи онаго, или возвратиться въ Анди и тамъ еще постоять для моральнаго дѣйствія или не отступая идти на плоскость по направленію въ Герзелъ-аулъ, не по дорогѣ, которою шелъ Граббе въ 1842 году, но ближе къ Аксаю, по лѣвому берегу онаго. Для полученія же продовольствія, 10-го числа, одинъ только способъ могъ дать надежду, но надежду сильную успѣха: это было не ждать транспорта въ Дарго, но послать на встрѣчу онаго до горы, выше лѣса, чистобоевую колонну, составленную изъ половины всего отряда на легкѣ и съ одними мѣшками, чтобы взять сухарей на 8 дней, т.-е. на 4 для себя и на 4 для остающихся въ лагерѣ. Колонну сію я поручилъ ген.-лейт. Клюки-фонъ-Клугенау; авангардомъ у него командовалъ генералъ Пассекъ, арьергардомъ ген. Викторовъ. Эта операція была единственная наша неудача во всю кампанію. Непріятель, опять занявшій лѣсъ и усиленный большимъ числомъ Чеченцевъ, не бывшихъ противъ насъ 6-го, сильно противился нашей колоннѣ и особливо арьергарду; Викторовъ убитъ, и одно горное орудіе потеряно. Клюки, получивъ провіантъ и сдавъ транспортъ больныхъ и раненыхъ, прошедшихъ благополучно за авангардомъ, воротился къ намъ 11-го числа, но уже съ большимъ урономъ: убитъ Пассекъ, много обѣщавшій для будущаго, и потеряно или лучше сказать брошено еще два горныя орудія. Клюки привелъ къ намъ 700 раненыхъ и весьма мало провіанта. Съ такимъ числомъ раненыхъ, кромѣ нашихъ собственныхъ, идти намъ въ Андію чрезъ

тотъ же самый лѣсъ и еще въ гору было невозможно, тѣмъ болѣе, что всякое отступленіе ободряетъ здѣшняго непріятеля и увеличиваетъ затрудненія.

Я рѣшился идти въ Герзелъ-аулъ не только не отступая, но прямо на непріятельскую позицію близъ нашей дороги. У дер. Цонтери, 13-го числа, мы перешли чрезъ Аксай въ виду Шамиля, сбили его съ позиціи и остановились на ночлегъ нѣсколько верстъ далѣе; въ тотъ день драка была несильная. 14-го, увидя наше направленіе, непріятель взялъ всѣ мѣры намъ противиться. Число его увеличилось, а по бокамъ нашей дороги были сдѣланы засѣки и завалы, которые необходимо было штурмовать и послѣ каждаго останавливаться, чтобы не слишкомъ растянуться и не подвергнуть опасности нашихъ раненыхъ, которыхъ я во всякомъ случаѣ рѣшился спасти, въ чемъ Богъ намъ и помогъ. 15-го мы опять шли нѣсколько верстъ безъ большаго боя, но 16-го мы имѣли дѣло еще сильнѣе 14-го, штурмовали нѣсколько позицій и овраговъ и дошли до дер. Шаухалъ-Берды въ 8 верстахъ отъ Мискита. Здѣсь я рѣшился дождаться извѣстій отъ Фрейтага; ибо, при выходѣ изъ Дарго, мною было писано полк. Бельгарду изъ Андіи отойти на Бурцукалъ и, взявъ тамъ эшелонъ, соединиться съ отрядомъ кн. Бебутова въ Мичикале (что̀ имъ превосходнымъ образомъ исполнено), а Фрейтагу, чтобы онъ собралъ сколько можно батальоновъ и пришелъ бы въ Герзелъ-аулъ къ намъ на встрѣчу. Онъ удивительно скоро собралъ 7 батальоновъ и 17-го вечеромъ пришелъ съ ними въ Герзелъ-аулъ, 18-го выступилъ къ Мискиту, гдѣ вечеромъ его заревая пушка отвѣчала на нашу; 19-го онъ подошелъ къ намъ, и мы къ нему. Непріятель болѣе обратился уже на нашъ арьергардъ, но безъ успѣха, а 20-го мы пришли благополучно въ Герзелъ-аулъ уже почти безъ выстрѣла.

8-ми дневный походъ изъ Дарго до этого мѣста съ безпрестанными драками (ибо и въ Шаухалъ-Берды на мѣстѣ цѣлый день перестрѣливались) было дѣло нелегкое. Почти всегда въ лѣсу и охраняя, кромѣ вновь прибывающихъ, 700 раненыхъ, приведенныхъ къ намъ генер. Клюки, штурмуя безпрестанно позиціи и овраги, мы не только не оставили ни одного раненаго, но ни одного колеса, ни одной вещи, ни одного ружья. Я во все время только боялся на счетъ раненыхъ и на счетъ принца Гессенскаго, брата Цесаревны; но, слава Богу, раненые всѣ приведены и тотчасъ призрѣны и успокоены, а любезный принцъ нашъ остался цѣлъ и невредимъ. Войска дрались необычайно, и особливо могу сказать, что баталіоны 5-го корпуса оказались тутъ похожи на старые Кавказскіе полки и при окончаніи похода были еще въ луч-

шемъ духѣ и болѣе имѣли къ себѣ довѣренности, нежели до начатія онаго. Ген.-маіоръ Бѣлявскій достойно велъ во все время авангардъ и съ однимъ баталіономъ Литовскаго полка, съ подкрѣпленіемъ одного Апшеронскаго и частію саперовъ, штурмовалъ двѣ или три позиціи каждый день. Извѣстный тебѣ ген. Лабинцовъ командовалъ всегда арьергардомъ, составленнымъ болѣе изъ Кабардинскаго полка, и его хладнокровію и твердости надобно приписать малый уронъ во всѣ эти дни этой части нашего отряда. Шесть ротъ Куринскаго полка составляли лѣвую цѣпь подъ командою полк. Миллера, а Навагинскій полкъ былъ въ правой цѣпи. Командиръ онаго полк. Бибиковъ раненъ 14-го числа, а 16-го опять двумя пулями въ колоннѣ, гдѣ его несли; отъ послѣднихъ ранъ сей достойный штабъ-офицеръ умеръ. Ранены еще полк. гр. Бенкендорфъ и Альбрандъ, а маіоръ гр. Штейнбокъ опасно, и ему отрѣзали ногу; также ранены маіоры Суворовъ и Рицъ; всего убито и ранено въ эти восемь дней около 800. Мы бы не имѣли и половины этого урона, еслибы раненые генерала Клюки съ самаго начала́ не затрудняли маршъ нашъ и не принудили отдѣлить много людей изъ фронта для носки тѣхъ, которые не могли ѣхать верхомъ; но мы всѣ рѣшились скорѣе погибнуть, нежели покинуть хоть одного раненаго, и Богъ намъ въ этомъ помогъ; хотя въ нѣкоторыхъ трудныхъ мѣстахъ смѣльчаки изъ непріятелей врывались въ колонну въ шашки, но всегда были отбиты штыками. Бенкендорфъ, раненый пулею 14-го числа, получилъ двѣ раны шашками, когда его несли; но, слава Богу, раны легкія, и я надѣюсь, что онъ скоро будетъ здоровъ, лишь бы не заболѣлъ отъ жаровъ на плоскости. Изъ моего штата убитъ, къ большому моему сокрушенію, адъютантъ мой Лонгиновъ, сынъ Николая Михайловича, и ранены, но всѣ четверо легко, Глѣбовъ, князь Васильчиковъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ и графъ Гейденъ.

Изъ Герзелъ-аула я распустилъ отрядъ недѣли на двѣ на отдыхъ, самъ же пріѣхалъ сюда, чтобы такимъ же образомъ отдохнуть и отряду кн. Бебутова, который съ 10½ баталіонами сегодня или завтра пустится изъ горъ въ Чиркей. Послѣ сего отдыха мы примемся за второй актъ предположенныхъ дѣйствій, т.-е. устроимъ и укрѣпленія передней Чеченской линіи также и всѣхъ здѣшнихъ нашихъ постовъ, и мнѣ хочется занять и укрѣпить Чиръ-Юртъ, дабы лучше обезпечить плоскость отъ набѣговъ и связать ближнимъ сообщеніемъ Внезапную съ Чиркеемъ вмѣсто теперешняго дальнаго на Кази-Юртъ. Я пробуду еще здѣсь нѣсколько дней и потомъ поѣду въ Червленную или Грозную для свиданія съ Фрейтагомъ, потомъ поѣду отдохнуть и поку-

паться дней шесть или семь въ Кисловодскѣ, а оттуда на Правый флангъ, котораго я еще не видѣлъ.

Вотъ тебѣ самое вѣрное и акуратное описаніе всего, что̀ у насъ дѣлалось въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Конечно результатовъ большихъ нѣтъ и, какъ я тебѣ говорилъ въ Москвѣ, безъ какого-либо особаго случая не могло быть; но мы повиновались волѣ Государя и общему мнѣнію въ Россіи, что не показаться сего года въ горахъ было бы стыдно. Мы были и жили спокойно въ Андіи, куда столько лѣтъ уже собирались идти и гдѣ Русскіе никогда не были, сожгли и истребили Дарго, мѣстопребываніе нашего главнаго непріятеля и подъ его глазами; шли на него и били его всякій разъ, что онъ близъ насъ оставался. Кромѣ несчастной оказіи генерала Клюки никто изъ насъ не имѣлъ во всю кампанію ни малѣйшей неудачи. Что народы намъ не покорились, причиною тому, что они слишкомъ боятся Шамиля, хотя его ненавидятъ. Наконецъ, когда не оставалось ничего дѣлать въ горахъ, то мы возвратились на плоскость, но безъ всякаго отступленія и проложили себѣ дорогу новую, неизвѣстную, которая шла прямо чрезъ непріятельскую позицію и, не смотря на всѣ его сопротивленія, на всѣ затрудненія мѣстности, на число нашихъ больныхъ и раненыхъ, мы пришли невредимо и безъ всякой потери (кромѣ тѣхъ, которыя отъ непріятельскихъ пуль въ войнѣ неизбѣжны) туда, куда придти хотѣли.

Весьма можетъ статься, что въ Россіи ожидали болѣе. Конечно, еслибы общества могли покориться, то дѣло было бы виднѣе; но какія же бы были послѣдствія? Зимовать отряду въ горахъ было бы невозможно, и покорившіяся общества, наказанныя послѣ нашего отхода Шамилемъ, только еще болѣе насъ возненавидѣли бы и проклинали. Ты знаешь хорошо здѣшній край и всѣ обстоятельства здѣшней мѣстности и здѣшней войны; ты будешь насъ защищать противъ тѣхъ, которые скажутъ, что мы недовольно сдѣлали. Конечно, многіе могутъ думать и сказать, что лучше было бы не идти совсѣмъ въ горы; но въ этомъ году не идти туда было невозможно; мы пошли очертя голову, сдѣлали все, что̀ возможно и вышли благополучно и, смѣю опять сказать, не безъ славы. Теперь уже настанетъ время для войны болѣе систематической и которая хотя тихо, но вѣрнѣе должна въ свое время улучшить положеніе здѣшнихъ дѣлъ; но объ этомъ я буду говорить въ другой разъ.

Скажу тебѣ сегодня, что сынъ твой*) молодецъ и вполнѣ достоинъ носить твое имя; къ истинной моей радости онъ остался невредимъ, хотя въ

*) Клавдій Алексѣевичъ. П. Б.

горной артилеріи, въ послѣднемъ періодѣ нашего похода, въ пропорціи болѣе потери, нежели во всѣхъ другихъ командахъ; мнѣ самому досталось видѣть, съ какимъ хладнокровіемъ и искусствомъ онъ наводилъ свои орудія подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; и начальники, и товарищи отдаютъ ему полную справедливость. Я жду только рапорта генерала Козляинова, чтобы сдѣлать для него уже здѣсь то, что̀ отъ меня будетъ зависѣть. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ, пожалуйста отвѣчай мнѣ на письмо это и скажи мнѣ, что̀ у васъ въ Москвѣ про насъ говорятъ. Всегда любящій тебя и преданный тебѣ М. Воронцовъ.

Современники-очевидцы разсказываютъ про необыкновенное спокойствіе, которое обнаруживалъ во все время этого злосчастнаго похода князь Воронцовъ, самолично раздѣлявшій съ своими подчиненными всѣ трудности. Сухари были на счету, и главнокомандующій ничѣмъ не различалъ своего пропитанія съ простымъ солдатомъ. Онъ грызъ свой сухарь, и спокойная улыбка не сходила съ тонкихъ устъ прекраснаго старца.

На это письмо, представляющее собою какъ бы отчетъ о первомъ походѣ Кавказскаго намѣстника (предпринятомъ по непремѣнной волѣ самаго Государя и стоившемъ столькихъ жертвъ), Ермоловъ отвѣчалъ 31 Августа 1845 обширнымъ письмомъ, изъ котораго приводимъ слѣдующія выдержки:

Уже девятнадцатый годъ, какъ удаленъ я изъ вашего края, совершенно измѣнились обстоятельства, и все для меня до того ново, что я не только не позволяю себѣ имѣть мнѣнія, но чувствую, что недостаточны и даже несвязны мои понятія; и только держась общихъ правилъ и нѣсколько опираясь на десятилѣтнюю опытность и изученіе характера противобурствующихъ вамъ народовъ, я что-нибудь понимаю.

Довольно съ давняго времени, неудачныя дѣйствія наши противъ Шамиля, въ собственное наше извиненіе, выставили его за человѣка необыкновеннаго, за генія, противъ котораго необходимы средства чрезвычайныя! Такъ равно и Дарго, разбойничій притонъ его, впрочемъ ничтожная деревушка, каковыхъ много на каждомъ шагу въ землѣ гористой и которыхъ твердость состоитъ въ непроходимости лѣсистыхъ дорогъ, прославлена резиденціею, и породилась мысль непремѣнно овладѣть Дарго! Никогда самъ по себѣ не былъ бы ты въ подобномъ заблужденіи, и я убѣжденъ, что Дарго не былъ бы твоею цѣлью. Къ чему поведетъ истребленіе резиденціи? Шамилю наставленіе избирать мѣста менѣе угрожаемыя. Здѣсь жилъ Шамиль для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями нашими на плоскости, гдѣ твердо должно быть владычество наше. Здѣсь и теперь онъ жить будетъ; а для того, что̀ не захочетъ намъ отдать, найдетъ онъ мѣста недоступныя и безопасныя! Не лазить же въ каждую нору разбойника! Что̀ взято въ Дарго? Даже неподвижныхъ чугунныхъ пушекъ ни одной не отыскано. Прости, можетъ быть, нескладную мысль, простосердечно высказанную, нѣкогда старому по службѣ товарищу: я легко могу ошибаться и свѣдѣнія не всѣ имѣю точныя.

Ты, какъ я замѣчаю, столько же не любишь, какъ и великой Суворовъ, слово *отступленіе;* ибо усиливаешься увѣрять, что, идучи отъ Дарго къ Герзели-аулу, ты былъ атакующимъ, и приводишь въ доказательство, что ты шелъ прямо на непріятельскую позицію. Тогда по всѣмъ направленіямъ были непріятельскія позиціи, ибо непріятель окружилъ тебя со всѣхъ сторонъ. Маршъ изъ Андіи до Дарго принадлежалъ безпрекословно къ движеніямъ наступательнымъ; но неужели князь Бебутовъ, отъ Кирки спускаясь въ Чиркею, дѣлаетъ движеніе наступательное? Согласись, по крайней мѣрѣ, что это скорѣе назвать должно возвратнымъ путемъ, каковой былъ и твой отъ Дарго до плоскости. Какъ хочешь, не могу признавать за наступательное движеніе тобою совершенное. Чтò ты уклоняешься чести безтрепетнаго и искуснаго отступленія, которое противъ горцевъ труднѣе всякаго другаго?

Мнѣнія болтливой Москвы почитаются ни во что; но ты приказалъ сообщить ихъ, и я исполняю.

Говорятъ, что лучше было не ходить въ горы, нежели главнокомандующему поставить себя въ положеніе быть преслѣдуему и окруженному; что неудачное предпріятіе должно непремѣнно возвыситъ славу Шамиля и дастъ ему еще бóльшую власть; что если требовано неотлагательное разрушеніе деревушки Дарго, лучше было поручить то кому-нибудь изъ генераловъ, и еще оставался бы страхъ, что можетъ придти самъ главной начальникъ и поправить, буде бы что не хорошо было сдѣлано. Безразсудно говорятъ, будто бы теперь несравненно сильнѣе будутъ сопротивлять всякому изъ генераловъ, когда за потери ихъ, хоть впрочемъ значительныя, нанесено намъ не менѣе чувствительное пораженіе.

Разскащики выставляютъ потерю трехъ генераловъ, утверждая, что это безъ сильнаго пораженія быть не могло. Къ сему присоединяются будто изъ получаемыхъ писемъ заимствованныя свѣдѣнія, которыхъ нѣтъ безъ сумнѣнія. Противъ всякой очевидности говорятъ, что возстановленный тобою духъ войскъ долженъ упасть необходимо и что это конечно не легко поправить. Соглашаются однакоже, что не тебѣ можетъ предстоять это затрудненіе! C'est une concession que l'on fait généralement et sans difficulté *). И соглашаются, что дѣло еще не худо!

Многихъ встревожило, что главнокомандующаго пять адъютантовъ вдругъ могли быть подвержены опасности. Неизвѣстно, кто разгласилъ, что будто ты вынималъ саблю въ собственную защиту. Словомъ, множество нелѣпостей, одна другой глупѣйшихъ, но уже начинающихъ менѣе возбуждать вопросовъ и любопытства. Есть въ тоже время люди, убѣдительно доказывающіе неправдоподобіе и безсмысліе разсказовъ и бредней.

*) Это уступка, которую дѣлаютъ вообще и безъ затрудненія.

Ты конечно смѣешься глупостямъ и презираешь ими. Твое значеніе, твоя извѣстность служатъ тебѣ огражденіемъ и недосягаемостію! Между тѣмъ слишкомъ ощутительно, что ты исполнителемъ былъ предначертанной цѣли. И я помню, что̀ ты мнѣ говорилъ о Дарго и въ какомъ случаѣ найдешь выгоднымъ атаковать его. Кажется, произошло иначе, нежели мнѣ говорилъ, и для тебя хуже, если, по недостатку довѣренности, скрылъ отъ меня, что взятіе Дарго требовалось настоятельно и безусловно. Немного труда было бы выслушать меня десять минутъ; а случается, что я не всегда говорю вздоръ! Всѣ говорятъ, что ты будешь имѣть свиданіе въ Крыму съ Государемъ.

4.

Тифлисъ, 10 Декабря 1845.

Это не письмо, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, а только повѣстка, что будетъ письмо пространное и обстоятельное, коли не съ первою, то навѣрное со второю экстрапочтою; но я не хотѣлъ пропустить сегодняшней безъ того, чтобы не сказать тебѣ два слова въ отвѣтъ на вчера полученное письмо твое, съ приложеніями отъ 24 Ноября. Письмо это по истинѣ меня огорчило тѣмъ, что ты могъ подумать, что, вопреки моего обѣщанія, я не отвѣчалъ еще на первое письмо твое отъ 31 Августа, потому, будто бы, что я сержусь на что-нибудь въ томъ письмѣ писанное. Первое—ни одно слово въ письмѣ твоемъ не было такое, чтобы человѣкъ, даже который любитъ подозрѣвать и сердиться, нашелъ бы на то причину; второе—я самъ тебя просилъ сказать мнѣ откровенно все, что̀ объ насъ въ Москвѣ говорятъ. Ты это сдѣлалъ, и во всѣхъ этихъ толкахъ ничего не было оскорбительнаго или непріятнаго, но, напротивъ того, во всемъ и во всѣхъ вопросахъ, требующихъ объясненія, было видно чувство благосклонности и доброжелательства, и я долженъ быть благодарнымъ отъ всей души за всеобщее участіе, показанное намъ за экспедицію сего года, хотя понятно она не имѣла и не могла имѣть блистательныхъ результатовъ. Много подробностей ты отъ меня получишь въ будущемъ письмѣ, а теперь только повторяю еще, что я благодарю тебя отъ всей души за все, что̀ ты мнѣ писалъ и писать будешь, и что хотя безпрестанно собирался отвѣчать тебѣ обстоятельно, но шестимѣсячное отсутствіе изъ Тифлиса въ экспедиціи и разъѣздахъ, потомъ, по возвращеніи сюда, необходимость отправиться въ Ахалцыхъ и потомъ въ Закаталы и на всю Лезгинскую линію, совершенно мнѣ въ этомъ помѣшали; пріѣхавъ же сюда недѣли двѣ тому назадъ, я тотчасъ былъ замученъ не только хаосомъ всякаго рода дѣлъ и текущихъ, и запущенныхъ, но нѣсколько

дней сряду долженъ былъ безпрестанно заняться разсмотрѣніемъ и отправленіемъ въ Военное Министерство военныхъ и провіантскихъ смѣтъ на будущій годъ и, въ дополненіе всего этого, долженъ былъ открыть настоящія военныя дѣйствія противъ нѣкоторыхъ ужасныхъ злоупотребленій по разнымъ частямъ и, между прочимъ, по инженерству. Вотъ что мнѣ помѣшало о сею пору, несмотря на безпрестанное желаніе, отвѣчать тебѣ во всей подробности и увѣдомить о ходѣ здѣшнихъ дѣлъ. Сказавъ все сіе (и ты будешь очень несправедливъ, если во всемъ этомъ ты мнѣ не повѣришь), я уже въ будущемъ письмѣ ничего не скажу о причинахъ замедленія, et j'entrerai en matière sans préambule *). Будь увѣренъ между тѣмъ, что я съ полнымъ вниманіемъ и съ душевнымъ желаніемъ исполнить твою справедливую просьбу, прочту посланныя тобою записки и займусь этими двумя дѣлами немедленно и ежели я успѣю помочь справедливому разрѣшенію, то опять долженъ буду тебя благодарить за то, что ты далъ мнѣ на это случай. Вообще нельзя не желать, чтобы правительство наше было справедливо и щедро противъ остатковъ здѣшней царской фамиліи; а что̀ же касается до барона Розена, то я здѣсь уже имѣлъ случай удостовѣриться, сколько противъ него было несправедливостей, вслѣдствіе мерзостей и доносовъ Гана и какъ ты былъ правъ во всемъ, что̀ ты мнѣ сказалъ въ его пользу, когда я былъ у тебя въ Москвѣ. Итакъ, не прощай, но до свиданья, хотя заочно, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ; сдѣлай милость, никогда не сомнѣвайся, что я къ тебѣ истинно привязанъ, люблю и уважаю тебя отъ всей души. М. Воронцовъ.

P. S. Фрейтагъ 4-го числа долженъ былъ занять съ 10-ми баталѣонами Гойтинской лѣсъ и рубить и сжечь лѣсъ насквозь всего пространства по дорогѣ на два пушечные выстрѣла, что̀ онъ надѣется сдѣлать до праздниковъ, потомъ въ Генварѣ пойдетъ на туже операцію въ Гихинскій лѣсъ, въ чемъ будетъ ему способствовать Нестеровъ со стороны Владикавказа. Не знаю, до какой степени Чеченцы будутъ мѣшать и драться; но о сю пору какъ у нихъ, такъ и во всемъ Дагестанѣ, а еще болѣе на Правомъ флангѣ, все совершенно смирно и спокойно.

5.

Тифлисъ, 2 Генваря 1846 г. Кончено 18 Генваря.

Начинаю съ того, любезный Алексѣй Петровичъ, что обѣ твои записки, т. е. на счетъ царицы Маріи и дѣлъ покойнаго барона Розена, въ полномъ ходу, и я надѣюсь, что я успѣю подвинуть оба эти дѣла

*) Приступлю къ дѣлу безъ предисловія.

выгоднымъ и справедливымъ образомъ. На счетъ царицы Маріи, въ особливости, Ладинскій весьма хорошо мнѣ помогаетъ. Просьба ея самая скромная, а рѣшеніе здѣшняго совѣта, чтобы она искала формою суда въ дѣлахъ съ своими бывшими подданными, и несправедливо, и неприлично; оно такъ показалось и Государю, и онъ велѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ моимъ предмѣстникомъ, представить сіе дѣло въ видахъ правительственныхъ. Нейдгардъ далъ справедливое и приличное мнѣніе; но г. Перовскій, полагая, видно, что по этому дѣлу недовольно еще вышло нумеровъ, не докладывая Государю, вновь требовалъ отъ Нейдгарта какія-то свѣдѣнія о бывшихъ, 50 лѣтъ тому назадъ, у царицы здѣсь доходахъ, не смотря на то, что Нейдгартъ прежде ему писалъ, что это теперь узнать невозможно; старикъ уже ничего не хотѣлъ отвѣчать, и дѣло осталось безъ хода. Теперь мнѣ остается только повторить самому Государю все, что̀ Нейдгартъ прежде писалъ Перовскому, съ нѣкоторыми примѣчаніями и которыя, смѣю думать, покажутъ всю умѣренность того, что̀ проситъ сама царица; я смѣю надѣяться, что дѣло это кончится успѣшно.

Я уже началъ сіе письмо, когда, послѣ безпрестанныхъ помѣшательствъ, неминуемыхъ по здѣшнему теченію дѣлъ, дошло до меня дружеское письмо твое отъ 24 Декабря въ отвѣтъ на послѣднее мое письмо отъ 10 Декабря. Оно меня очень обрадовало увѣреніемъ, что ты на меня не сердишься и во мнѣ не сомнѣваешься. Разъ навсегда намъ съ тобою надобно удалить и возможность мысли другъ другу не довѣрять. Въ одномъ только не исполню твоего приказанія, а именно въ продолженіи молчанія: я бы самъ себя этимъ наказалъ, ибо для меня истинное и душевное удовольствіе съ тобою бесѣдовать, сообщать тебѣ о здѣшнихъ дѣлахъ и просить твоихъ заключеній и совѣтовъ. Когда нельзя, такъ нельзя да и полно, но какъ скоро есть время и возможность, то это всегда будетъ для меня праздникомъ.—Теперь начну нѣкоторыя объясненія на вопросы твои въ прежнемъ письмѣ и на то, что̀ про насъ въ Москвѣ говорили. Начну съ того, что я писалъ Головину, потому что долженъ былъ отвѣчать на два письма его и увѣрить его, что я получилъ записки и свѣдѣнія, при тѣхъ письмахъ приложенныя; но конечно мнѣ въ голову никогда не входило, что отъ одного Головина я могу получить мысли и соображенія военныя. Я видѣлъ въ немъ только того, кто еще недавно и въ критическое время былъ здѣсь главноуправляющимъ, и я долженъ былъ быть признательнымъ за готовность его сообщать мнѣ все, что̀ онъ почиталъ для меня полезнымъ. Чтобы я сравнилъ его съ тобою, въ военномъ отношеніи, это дѣло невозможное, и ты самъ долженъ это чувствовать: для тебя я нарочно

пріѣхалъ въ Москву, и не думай, чтобы это была лесть, а точная правда. Головинъ случился тамъ, и мы уже много съ нимъ и въ Карлсбадѣ, и въ Италіи о Кавказѣ говорили. Я не имѣлъ никакого мнѣнія на счетъ его управленія, какъ военнаго, такъ и гражданскаго; но по обѣимъ статьямъ его свѣдѣнія были послѣднія. Тебѣ кажется тоже, что, по внушеніямъ Головина, я не отдалъ справедливости генералу Клюке и ни къ чему его не представилъ, а слишкомъ выставилъ Аргутинскаго. Но Клюке былъ представленъ мною къ шпагѣ съ алмазами за храбрость, получилъ оную и очень ею доволенъ, ибо самъ чувствовалъ, что бóльшаго права на награду не имѣлъ. Я его не виню за сухарную экспедицію, какъ ее называютъ, которая намъ такъ дорого стоила, хотя можетъ быть и тутъ распоряженія могли быть лучшія, и долженъ сказать, что во всѣ наши жаркія минуты, отъ Дарго до Герзелъ-аула, особливо 14-го, 16-го и 19-го, Клюке показалъ свою старинную личную храбрость и твердость, стоялъ грудью и готовъ былъ на рукопашный бой; но вмѣстѣ съ тѣмъ скажу тебѣ, въ откровенности, что его военное поприще должно считаться конченнымъ. Храбрость осталась; но рѣшительности на какую-нибудь отвѣтственность, ежели и когда-нибудь была, то теперь уже вовсе нѣтъ. Я это имѣлъ случай видѣть на дѣлѣ 14-го Іюня, подъ Андіею, гдѣ онъ хотѣлъ удержать Кабардинцевъ отъ атаки на Шамиля и не умѣлъ ихъ поддержать; а въ Бортунаѣ я видѣлъ лично то мѣсто, съ котораго онъ въ 44-мъ году, при Нейдгартѣ, съ 6-ю батальонами и 1500 кавалеріи, не смѣлъ атаковать бѣгущаго, такъ сказать, подъ его ногами непріятеля, спустился было сперва на него съ 4-мя батальонами и потомъ, по слуху, что будто его обходятъ (чего не было и быть не могло) воротился опять на гору и далъ Шамилю уйдти изъ такого положенія, въ которомъ, какъ Шамиль самъ говоритъ, мы уже его никогда не застанемъ. Отъ самаго простагò и ни въ чемъ неопаснаго движенія тогда, со стороны Клюке, зависѣло, можетъ быть, кончить войну однимъ ударомъ: Шамиль бы не могъ спасти ни одну пушку и съ трудомъ свою пѣхоту. Клюке напуганъ событіями 43-го года, и, какъ я выше сказалъ, природная его храбрость всегда поддержитъ его въ опасности лично, но отдѣльно употреблять его уже невозможно. Все это должно остаться между нами, для собственнаго твоего свѣдѣнія; но мнѣ нужно было въ твоихъ глазахъ оправдаться.

Теперь на счетъ Аргутинскаго. Конечно я не такъ новъ въ дѣлахъ и реляціяхъ, чтобы вѣрить числу убитыхъ непріятелей и даже обыкновенно, какъ ты самъ могъ видѣть, въ извѣстіяхъ о дѣлахъ, гдѣ я самъ находился, я никакихъ чиселъ въ этомъ отношеніи не на-

значаю. Никто не обязанъ вѣрить, что Аргутинскій 600 Лезгинъ бросилъ въ кручь. Но Аргутинскій настоящій генералъ, имѣетъ большія способности, большой навыкъ, обыкновенно счастливъ на войнѣ и знаніемъ края, языковъ и общею къ нему довѣренностью и нашихъ войскъ, и туземной милиціи, онъ незамѣнимъ въ томъ важномъ мѣстѣ, гдѣ теперь начальствуетъ. Конечно, въ этомъ году, я имѣлъ нѣкоторую надежду, что онъ сдѣлаетъ больше, что можетъ быть возметъ Тилитли и нанесетъ большой ударъ Кибитъ-Магомету. Это не сбылось; но я думаю, что Аргутинскій сдѣлалъ все, что́ могъ, и во всякомъ случаѣ во все нужное время онъ занималъ и оттянулъ отъ насъ, вмѣстѣ съ храбрымъ Шварцомъ, всѣ общества средняго и южнаго Дагестана. Представить его въ генералъ-лейтенанты было двѣ причины: 1-я, что онъ болѣе трехъ лѣтъ занимаетъ, во всѣхъ отношеніяхъ, съ успѣхомъ и съ общею довѣренностью, настоящее генералъ-лейтенантское мѣсто, а послѣ производства Лабинцова и Фрейтага (изъ которыхъ послѣдній былъ моложе Аргутинскаго) Аргутинскій бы никакъ не остался служить, ежелибы и его не произвели; потеря же его была бы для насъ слишкомъ чувствительна. Производствомъ теперь трехъ отличныхъ людей и прибавя къ нимъ Шварца, я имѣю четырехъ отрядныхъ командировъ, какихъ лучше желать нельзя; а покамѣстъ они были генералъ-маіоры, то столкновенія по старшинству безпрестанно мѣшали, къ большому вреду здѣшнихъ военныхъ дѣлъ. Конечно награды были сюда посланы въ этомъ году необычайныя; но я думаю, что, прося объ оныхъ щедраго и милостиваго Государя, я сдѣлалъ полезное для здѣшнихъ войскъ. Вся Россія говорила недавно, что войска на Кавказѣ обезкуражены и потеряли прежній блистательный порывъ къ сраженіямъ и славѣ; я этого не нашелъ на дѣлѣ и, напротивъ того, видѣлъ вездѣ туже готовность, туже неустрашимость, которыми прежде отличались полки Кавказскіе; я счелъ нужнымъ показать имъ, что Государь цѣнитъ ихъ службу и любитъ ихъ награждать. Я хотѣлъ, кромѣ того, возвысить ихъ самихъ въ собственномъ мнѣніи: ибо ежели человѣкъ, и еще болѣе, цѣлый полкъ, увѣренъ, что онъ хорошъ и страшенъ непріятелю, то этимъ самимъ онъ такимъ и дѣлается, хотя до того онъ ничѣмъ это не доказалъ. Мы видѣли примѣры этого въ этомъ году въ нѣкоторыхъ батальонахъ 5-го корпуса; я ручаюсь за то, что послѣ труднаго похода, и хотя были и опасности, и потери, эти батальоны теперь могутъ цѣниться вдвое болѣе, нежели можно было это дѣлать въ прошломъ году; они считаютъ себя героями, и этого уже почти довольно, чтобы быть героями.

Теперь буду отвѣчать на обвиненіе, что мы не признавались въ отступленіи, хотя дѣйствительно отступили: потому что, вошедъ въ горы,

мы потомъ изъ оныхъ вышли опять на плоскость. Здѣсь можетъ быть споръ только объ словѣ. Оставаться совершенно въ горахъ и тамъ зимовать не предполагалось и было невозможно. Мы вошли съ одной стороны и когда нужно было выдти, то изъ Дарго раздѣлились на двѣ части, эшелоны, поставленные для нашего продовольствія, имѣвъ направленіе на Мичикале и Кирки, по которому мы шли впередъ. И поэтому можно сказать, что эта часть войска чисто отступила; мы же пошли тоже на плоскость, но по другому направленію, только не на тѣ мѣста, по которымъ шли, но на такія, гдѣ нашихъ войскъ еще никогда не было. Кромѣ того, чтобы идти такимъ образомъ, надобно было начать съ того, чтобы атаковать самаго Шамиля въ его позиціи у деревни Центери. Сзади у насъ непріятеля въ тотъ день не было; да и въ три слѣдующіе, т. е. до того мѣста, гдѣ мы послѣ соединились съ Фрейтагомъ, арьергарду почти не было дѣла: непріятель былъ всегда впереди насъ, и мы должны были каждый день штыками брать его позиціи. Уже только 19-го числа, когда впереди у насъ былъ не Шамиль, а Фрейтагъ, всѣ силы непріятельскія обратились на арьергардъ, но безъ успѣха, хотя одна рота Кабардинскаго полка пострадала; 20-го же никакого преслѣдованія не было, и мы пришли въ Герзелъ-аулъ почти безъ выстрѣла.

Вотъ почему я считалъ себя въ правѣ сказать въ приказѣ, что мы нигдѣ не отступали, а безпрестанно шли впередъ на непріятельскія позиціи. Это пріятно для солдатъ, и можно и имъ и себѣ сдѣлать это удовольствіе, когда и факты насъ въ томъ поддерживаютъ. Впрочемъ довольно любопытно, что и изъ тѣхъ войскъ, которыя были на линіи продовольствія только сперва одинъ батальонъ изъ Андіи и потомъ еще два, присоединившіеся къ нему въ Бурцукалахъ или Андійскихъ воротахъ, были преслѣдуемы до Мичикале; а потомъ весь отрядъ князя Бебутова, изъ 11 батальоновъ, стоялъ еще двѣ недѣли въ Мичикале и Киркахъ, потомъ спустился къ Чиркею, не видя непріятеля и совершенно безъ выстрѣла. Ожидая, что его будутъ атаковать, я изъ Герзелъ-аула пошелъ съ двумя свѣжими батальонами и частью конницы, чтобы имъ помочь и по обстоятельствамъ остаться еще на мѣстѣ, ежели будетъ непріятель, или съ ними же спуститься въ Чиркей и Шуру; но еще на дорогѣ получилъ рапортъ, что непріятеля нѣтъ и что отрядъ занимается совершенно безопасно отправленіемъ тягостей и проч. съ малыми конвоями. Оставивъ мою пѣхоту на Сулакѣ, я поѣхалъ въ Шуру, и 4-го Августа, т. е. 16 дней послѣ того какъ мы разстались съ Шамилемъ, князь Бебутовъ пришелъ въ Чиркей совершенно въ мирномъ положеніи.

Теперь два слова о нареканіи, что мы были въ такомъ положеніи, что около самого главнокомандующаго убито или ранено четверо изъ его адъютантовъ и пр. Ты вѣрно понимаешь, что я не искалъ лично лишней опасности; это бы было несвойственно ни лѣтамъ моимъ, ни мѣсту мною занимаемому, хотя съ другой стороны я не могъ не чувствовать (какъ и ты бы почувствовалъ на моемъ мѣстѣ и какъ ты самъ, не одинъ разъ, на дѣлѣ показывалъ), что офицеру и солдату пріятно и ободрительно, когда главный начальникъ не слишкомъ далеко отъ нихъ находится. Братское, такъ сказать, отношеніе во время огня между начальникомъ и войскомъ, особливо такимъ какъ полки Кавказскіе, не можетъ не имѣть хорошаго дѣйствія; и потому, хотя я этого не искалъ, я очень радъ, что это такъ случилось и что̀ во всѣхъ отношеніяхъ полезно и пріятно для моей здѣсь службы. Въ Ичкеринскомъ лѣсу, и именно оттого болѣе, что непріятель былъ не сзади а впереди и по бокамъ, это само отъ себя сдѣлалось, и я могу это приписать своему счастію. Нашъ бѣдный Граббе вѣрно не трусливѣе меня, онъ это доказалъ тысячу разъ и въ будущее время при каждомъ случаѣ докажетъ; но несчастіе, которое его преслѣдовало, не дало ему случая натурально и безъ лишней опрометчивости быть въ огнѣ вмѣстѣ съ его подчиненными, особливо въ Ичкеринскомъ лѣсу. Онъ не могъ и не долженъ былъ быть со стрѣлками на флангахъ или въ арьергардѣ, но это не поправило его здѣсь моральное положеніе. Еще до похода въ горы я это слышалъ со всѣхъ сторонъ. Жаль думать, что сей отличный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ никого здѣсь себѣ не привлекъ и никакой къ себѣ не внушилъ довѣренности, ни любви. Ежели будетъ Европейская война, то можно надѣяться и даже быть увѣреннымъ, что для Граббе опять предстоитъ блистательное поприще; но здѣсь служить ему уже невозможно. И не говори, любезный другъ, чтобы это было отъ недостатка громкаго имени, вселяющаго болѣе или менѣе довѣренность: Фрейтагъ и Шварцъ носятъ имена нерусскіе и негромкія; но всѣ офицеры и солдаты на Кавказѣ любятъ и уважаютъ ихъ и служатъ у нихъ охотно и съ полною довѣренностью. Впрочемъ бѣдному Граббе болѣе всего повредили Пулло и Зассъ: это двѣ чумы, которыя намъ причинили болѣе несчастья, нежели можно тебѣ изъяснить, и покровительство, оказанное имъ отъ Граббе, никогда ему здѣсь не простится.

Вотъ, любезный другъ, что̀ мнѣ нужно было тебѣ объяснить на счетъ дружескаго твоего извѣщенія о томъ что̀ въ Москвѣ о насъ говорили. Впрочемъ я не могу довольно быть признательнымъ почтенной нашей старинной столицѣ и всѣмъ вообще нашимъ соотчичамъ за участіе, которое

постоянно всѣ брали въ нашихъ дѣйствіяхъ и за добрыя, благосклонныя къ намъ чувства; дай Богъ, чтобы я могъ заслужить такое участіе и такое доброе мнѣніе. Боюсь теперь одного: въ этомъ году находили вообще, что мы слишкомъ много дрались; теперь, можетъ быть, будутъ критиковать за противное. Но ты хорошо знаешь мое мнѣніе о системѣ, которой надобно здѣсь слѣдовать. Въ прошедшемъ году необходимо было идти въ горы, идти въ Андію и Дарго и показать имъ, что мы не боимся съ ними бороться и между скалами, и въ глубинѣ лѣсовъ; Богъ намъ помогъ это сдѣлать, хотя безъ блистательнаго успѣха, но и безъ стыда и безъ лишней потери. Я говорю: Богъ намъ помогъ, потому что *безъ всякой нашей вины* могли бы быть большія непріятности. Не прійди въ самую пору и съ неимовѣрнымъ трудомъ 13-го къ утру лазутчикъ нашъ въ Андію, мы бы, можетъ быть, потеряли батальонъ нашъ, оставленный съ храбрымъ Бельгардомъ, со всѣми тяжестями своими и съ частью артилеріи. Я это чувствовалъ при выступленіи изъ Дарго и ужасно этого боялся; но дѣлать было нечего. Съ другой стороны Фрейтагъ, отошедшій изъ Большой Чечни для пагубной необходимости сѣнокошенія и снабдивъ такимъ образомъ Шамиля лучшими людьми для дѣйствія противъ насъ въ лѣсахъ, получилъ послѣ того всѣ мои предписанія черезъ лазутчиковъ и превосходнымъ распоряженіемъ, съ неимовѣрною скоростію, пришелъ къ намъ на встрѣчу съ сильнымъ отрядомъ; мы бы продрались и безъ него, но, можетъ быть, не безъ потери нѣкоторой части нашихъ раненыхъ, вьючнаго обоза и, можетъ быть, артилеріи. За все это надо благодарить Бога: ибо, вмѣсто того, что мы видимъ теперь безпрестанно доказательства хорошихъ послѣдствій похода въ горы, послѣдствія бы были дурныя.

Теперь же слѣдуетъ идти по системѣ менѣе наступательной, шагами, можетъ быть, болѣе вѣрными, но тихими. Ты уже видѣлъ по газетамъ дѣйствія Фрейтага, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ Гойтинскомъ лѣсу. Для лучшаго объясненія тебѣ этого дѣла посылаю тебѣ карточку, показывающую пространство вырубленнаго и огнемъ истребленнаго лѣса. Теперь онъ, вмѣстѣ съ Нестеровымъ, тоже самое дѣлаетъ въ Гихинскомъ лѣсу и къ 1-му Февраля надѣется кончить; а между тѣмъ Нестеровъ, покамѣстъ Фрейтагъ былъ въ Гойтѣ, ходилъ и очищалъ пролѣски отъ Сунжи до рѣки Артанка, гдѣ, близъ Ачкоя, мы должны въ этомъ году строить укрѣпленіе, которое составитъ правый флангъ передней Чеченской линіи. О сію пору Чеченцы почти никакого сопротивленія не оказывали, хотя эта операція и имъ, и Шамилю весьма не нравится и что въ Гойту послано было нѣсколько тысячъ горцевъ съ пушками, которые только что перестрѣливались, съѣли все, что

было провизіи и сѣна въ Чеченскихъ деревняхъ и потомъ разошлись еще прежде нежели Фрейтагъ воротился въ Грозную. Можно надѣяться, что тоже самое будетъ и въ Гихинскомъ лѣсу, и тогда большое и полезное дѣло будетъ сдѣлано съ ничтожною потерею.

Ты первый здѣсь подалъ мысль и доказалъ необходимость истреблять лѣса по путямъ сообщенія и много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, но послѣ тебя никто этимъ не занимался. Между тѣмъ у теперешняго нашего непріятеля есть артилерія; двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, какъ прежде, уже теперь недостаточно, и мы должны рубить и истреблять на два пушечные выстрѣлы, по крайней мѣрѣ картечные. Съ истребленіемъ и Гихинскаго лѣса и съ построеніемъ укрѣпленія на Фортангѣ, положеніе Малой Чечни совершенно измѣнится, и можно надѣяться, что она покорится. Подобныя же дѣйствія для Большой Чечни начнутся въ слѣдующую зиму открытіемъ таковаго же широкаго сообщенія отъ Аргуна черезъ Шали къ Маюртупу; Лезгинскій же отрядъ въ этомъ году подымется болѣе или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, на гору къ Дидойскимъ обществамъ, а для сего, еще съ Февраля, начнется рубка лѣса отъ укрѣпленія Натлисъ-Мтцемели (что́ впереди деревни Сабуй) къ горѣ Кодоръ.

Эти свѣдѣнія о предстоящихъ и будущихъ нашихъ намѣреніяхъ должны остаться единственно для тебя; но мнѣ нужно было объяснить ихъ тебѣ и спросить твое мнѣніе. На Правомъ флангѣ у насъ все спокойно, также и на Восточномъ берегу. Теперь остается мнѣ у тебя просить прощенія за столь длинное письмо: я самъ ужасаюсь, смотря, сколько намарано листовъ; каково же будетъ тебѣ читать оные? Прощай, любезный другъ; остаюсь на всегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

(Собственноручно). Представленіе въ пользу царицы Маріи послано *).

Два эти письма (4-е и 5-е) обрадовали Ермолова, доказавъ ему, что князь Воронцовъ нисколько не огорчился рѣзкими его замѣчаніями о ходѣ дѣлъ на Кавказѣ и о нѣкоторыхъ дѣятеляхъ (напр. о князѣ Аргутинскомъ). Относительно главной мѣры, т.-е. лѣсныхъ просѣкъ, Ермоловъ писалъ (6 Февр. 1846):

Въ Петербургѣ способъ проложенія путей принятъ съ восторгомъ, какъ вѣрный приступъ къ покоренію горъ, и пріемлется совершенно новою системою. Съ ребяческимъ простодушіемъ видятъ въ устроеніи крѣпости *Воздвиженской* вдохновеніе свыше, не подпадающее человѣческому соображенію. Въ 1822 году цѣлое населеніе Кабарды сведено съ горъ и поселено на плоскости. У самаго подножья горъ устроена цѣпь крѣпостей, пресѣкающихъ всѣ арбеныя дороги. И этого никто не видитъ! Въ Кумыкскихъ

*) Почти всѣ письма князя Воронцова диктованы имъ Щербинину, Сафонову, а позднѣе сыну, князю Семену Михаиловичу. Страдая глазами, старикъ-князь рѣдко писалъ самъ. Бывали случаи, когда даже и бумаги подписывала вмѣсто него княгиня Елисавета Ксаверіевна. П. Б.

владѣніяхъ, въ самомъ важномъ для насъ пунктѣ, построена крѣпость Внезапная. Все это дѣлано безъ мысли, безъ намѣреній, и только теперь проявляется новая вдохновенная система. Ты одинъ, почтенный князь Михаилъ Семеновичъ, побуждаемый чувствомъ справедливости, хотѣлъ приписать мнѣ проложеніе дорогъ и присвоилъ мнѣ мысль истребленія лѣсовъ. Этого никто другой признать не смѣлъ. Меня это нимало не удивляетъ; ибо долгое время послѣ изгнанія моего изъ Грузіи слыхалъ я, что, во все время командованія моего, я кромѣ безпорядковъ и запутанностей ничего не сдѣлалъ. Мнѣ чрезвычайно многое извѣстно на этотъ счетъ, и вотъ чрезъ одинъ мѣсяцъ будетъ 19 лѣтъ, какъ я покрываю это молчаніемъ. Что̀ значитъ мнѣ и теперь быть скромнымъ и не оспаривать изобрѣтеніе другихъ? Этимъ всѣмъ воспользуется военный министръ, который говоритъ, что уже 15 лѣтъ дѣла, до Грузіи относящіяся, въ рукахъ его, и можетъ справедливо похвастать, что до назначенія тебя намѣстникомъ онъ славно ими управлялъ! Эти великія дѣла долго будутъ чувствуемы.

6.

Нальчикъ, 5 Мая 1846 г.

Письмо твое отъ 13 Апрѣля, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, я получилъ въ Владикавказѣ, куда я долженъ былъ поспѣшить изъ Шемахи по полученіи извѣстія о вторженіи Шамиля въ Кабарду. Будучи увѣренъ, что въ Москвѣ пойдутъ всякаго рода толки и преувеличенія на счетъ этой экспедиціи, я изъ Владикавказа же написалъ нѣсколько словъ Булгакову, для успокоенія на счетъ предпріятія, которое кончилось ничѣмъ почти вреднымъ для насъ, но совершенною неудачею для нашего непріятеля. Пробывъ всего шесть дней въ Большой Кабардѣ, въ Черекскомъ ущельи, не успѣвъ почти ни въ чемъ съ Кабардинцами и не смѣвъ ни взять, ни атаковать ни слабаго укрѣпленія Черекскаго, ни одной станицы на Терекѣ, онъ обманулъ тѣхъ изъ Кабардинцевъ, которые къ нему пристали, обѣщаніемъ идти чрезъ два дня въ Нальчикъ или на Баксанъ, и, велѣвъ имъ собрать молодцовъ къ нему на помощь, въ туже ночь, съ 25-го на 26-е, онъ ушелъ поспѣшно къ Тереку; тамъ подрался немного съ Миллеромъ, который очутился тутъ съ тремя батальонами, тотчасъ переправился, шелъ безъ остановки цѣлые сутки и 27-го по утру переправился уже черезъ Сунжу, сдѣлавъ, какъ ты увидишь на картѣ, въ 36 часовъ до 150 верстъ.

26-го числа уже три батальона, пришедшіе изъ Грузіи, соединились съ Нестеровымъ, который былъ на дорогѣ къ Ардону, въ намѣреніи соединиться съ Миллеромъ и съ нимъ вмѣстѣ идти къ Фрейтагу. Еслибы Шамиль промедлилъ еще два дня, то ему бы было почти невозможно спастись, по крайней мѣрѣ съ артилеріею; онъ это почув-

ствовалъ и, какъ скоро узналъ, что войска изъ Грузіи перевалились чрезъ горы и пришли въ Владикавказъ, и видя, что Кабардинцы только что отчасти колеблятся, а вооруженнаго возстанія въ его пользу никакого не сдѣлали, онъ рѣшился уйти какъ можно скорѣе. Идучи въ Кабарду, онъ послалъ наиба Нуръ-Али-Муллу съ большимъ сборищемъ съ приказаніемъ идти чрезъ Джираховское ущеліе къ Ларсу и пересѣчь всѣ сообщенія между Грузіею и Владикавказомъ; но отчасти по нерѣшительности и отчасти по наклонности Галачаевцевъ, а еще болѣе Джираховцевъ пропустить его чрезъ свое ущелье, Нуръ-Али ничего не сдѣлалъ и остался только нѣсколько дней не ближе 30 верстъ отъ большой дороги, между тѣмъ какъ наши войска со всѣхъ сторонъ сбирались.

Конечно жаль и очень жаль, что онъ могъ уйти безъ большой матерьяльной потери, потому что тогда бы былъ для него рѣшительный ударъ; но при такомъ поспѣшномъ уходѣ трудно было противъ него болѣе сдѣлать. Впрочемъ онъ людей потерялъ довольно въ разныхъ стычкахъ, особливо переправляясь назадъ чрезъ Терекъ, гдѣ половина его отряда была во все время подъ картечью пушекъ Миллера; репутація же его и вліяніе моральное много пострадали, потому что, собравъ самое сильное сборище, котораго онъ во все время еще не имѣлъ и обѣщавъ ему самые блистательные успѣхи, онъ не имѣлъ ни малѣйшей удачи. Войска его, собранныя изъ всѣхъ частей Дагестана (между плѣнными есть Аварцы и Унцукульцы) въ послѣдніе дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотѣли ему давать хлѣба и съ большимъ принужденіемъ только дѣлились рогатымъ скотомъ, а на возвратномъ пути многіе умерли отъ жажды: ибо, чтобы идти скорѣе и не быть отрѣзанными Нестеровымъ, онъ шелъ отъ Терека до Сунжи верстъ 80 по средней дорогѣ, совершенно безводной. А вмѣстѣ съ тѣмъ и онъ самъ, и всѣ прибывшіе съ нимъ увидѣли, что между Черкесскими и другими племенами, ни расположенія, ни помощи ему не было, кромѣ нѣкоторыхъ князей или, лучше сказать, узденей Большой Кабарды, всего 4 человѣка, которые его вызывали, но потомъ ничего въ его пользу не могли сдѣлать. Народы Праваго фланга и Закубанцы на его призывы отвѣчали, что они будутъ ждать его успѣховъ, дабы на что-либо рѣшиться и тогда только прекратить мирныя съ нами сношенія; а Карачаевцы ему рѣшительно сказали, что будутъ драться до послѣдняго и не пустятъ чрезъ ихъ земли.

Все это вмѣстѣ составляетъ результатъ хорошій, и мы въ этомъ много обязаны своевременному узнанію чрезъ лазутчиковъ о сборѣ и направле-

ніи его и счастливому движенію Фрейтага въ Казахъ-Кичу, предъ самымъ моментомъ переправы Шамиля, нѣсколько верстъ выше чрезъ Сунжу, и скорому его преслѣдованію по слѣдамъ. Это самое поставило Шамиля съ самаго начала въ фальшивое положеніе. Уже на Терекѣ Фрейтагъ, можетъ быть, могъ бы дѣйствовать рѣшительнѣе 18 числа; но съ одной стороны онъ счелъ необходимымъ видѣть Нестерова и обезпечить свое продовольствіе, а съ другой они оба были обмануты фальшивымъ извѣстіемъ, что вся Большая Кабарда вооружилась и соединяется съ Шамилемъ у Минарета. Какъ бы то ни было, всѣ надежды Шамиля на народы Праваго фланга и между ними надежды тѣхъ, которые ждали его и считали на возможность и послѣдствія его къ нимъ прибытія, всѣ эти надежды пропали; а между Дагестанцами и другими, съ нимъ пришедшими въ столь неудачномъ походѣ, вліяніе и власть его болѣе или менѣе должны уменьшиться.

Теперь посмотримъ что̀ онъ будетъ дѣлать. Мы будемъ хладнокровно продолжать прежнія наши предположенія, а тамъ что̀ Богу угодно, то и будетъ. Скажу только еще, что если Шамиль имѣлъ большія намѣренія для будущности, то и тутъ онъ сдѣлалъ большую ошибку въ выборѣ на то времени. Въ первыхъ извѣстіяхъ, полученныхъ мною еще въ Шемахѣ и на дорогѣ, здѣшніе наши начальники, или отъ опасенія того что̀ сдѣлаютъ Кабардинцы, или по другимъ, неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, давали всему видъ весьма серьозный и говорили о возможности потерять владычество Россіи на Кавказѣ. Я этому съ самаго начала не повѣрилъ по двумъ причинамъ: 1-е по скорому преслѣдованію Фрейтага и по увѣренности, что большаго возстанія въ Кабардѣ не будетъ; а 2), что если дѣла пойдутъ немного вдаль, то мы имѣли въ нашу пользу ту огромную выгоду, что 12 батальоновъ 5-го корпуса (всѣ тысячные батальоны), долженствующіе идти въ Россію, кромѣ одного, всѣ еще были на мѣстахъ и тотчасъ задержаны: 4 въ Дагестанѣ, а 8 на Линіи и близъ самаго театра происшествій. Съ такимъ резервомъ успѣхъ нашъ не могъ быть быть сомнителенъ, еслибы Кабарда и возстала. Завоцовскій тотчасъ остановилъ и поворотилъ батальонъ, который былъ уже за Ставрополемъ, прочихъ придвинулъ; а одинъ, попавшись въ руки Фрейтага, участвовалъ въ его походѣ, равно какъ и маршевые батальоны, идущіе на комплектованіе новыхъ полковъ, Дагестанскаго и Самурскаго. Теперь 4 батальона 13-й дивизіи уже мною отпущены по прежнему направленію въ Россію; прочіе же задержаны на нѣсколько недѣль, пока мы вездѣ осмотримся, и маршевые батальоны дойдутъ до своихъ новыхъ полковъ. Все это я самъ увижу, ибо отселѣ отправляюсь послѣ завтра по Тереку на Внезапную, Чиръ-Юртъ, Шуру и въ Южный Дагестанъ.

Здѣсь въ Кабардѣ все кончено и устроено; главные виновники, писавшіе къ Шамилю и просившіе его придти сюда, суть Магометъ-Мирза Анзоровъ, Магометъ Кожоховъ, Магометъ Тилтеровъ и Магометъ Куденетовъ; они скрылись въ лѣса или въ Чечню. Съ ними поступлено по твоей прокламаціи: они объявлены абреками, имѣніе ихъ конфисковано, и всѣ положенные тобою штрафы и наказанія объявлены противъ тѣхъ, которые дадутъ имъ малѣйшую помощь или убѣжище. Кромѣ этихъ четырехъ есть еще одинъ ефенди Гаджи-Берцовъ, писавшій призваніе Шамилю и который попалъ въ туже категорію; главнаго же ефенди здѣсь Шаратлука, который хотя былъ у Шамиля, но его не призывалъ и потомъ немедленно явился къ кн. Голицыну, мы удалили на время въ Россію. Явившіеся ко мнѣ здѣсь всѣ князья выбрали для новаго Кабардинскаго суда такихъ, которые не являлись къ Шамилю, и всѣ единодушно просили о строгомъ наказаніи настоящихъ виновныхъ. Въ числѣ оставшихся у насъ вѣрнѣйшими и показавшихъ болѣе усердія, нельзя не отличить подполковн. князя Мисоста Атажухина, князя Алкаева Мисостова, Батыръ-Бекъ-Тамбіева, подпоручика Метъ-Куденетова, Баты-Гирея Даутокова, Девлетъ-Гирея Тамбіева, Жашока Агоева, Магомета Намцова и нѣкоторыхъ другихъ. Народъ вездѣ остался спокойнымъ, и тѣ только увлечены или вышли сами въ горы, которые были на самой дорогѣ Шамиля или какъ у Магометъ-Анзорова, котораго владѣтели къ тому принудили. Теперь всѣ до единаго уже возвратились въ свои аулы и всѣ уже начали пахать и сѣять, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Изъ тѣхъ, которые были собраны у Шамиля въ Черекѣ, партія была послана вмѣстѣ съ Чеченцами на Баксанъ, но какъ скоро встрѣчены были кавалеріею Фрейтага, то Кабардинцы отказались отъ боя, не смотря на увѣщанія Магометъ-Анзорова; Чеченцамъ однимъ досталось отъ передовыхъ казаковъ, и они оставили 5 тѣлъ. Ненависть между Кабардинцами, Чеченцами и Тавлинцами останется на долго весьма сильною. Голицыну были трудныя минуты до прихода Фрейтага къ Череку, и онъ не могъ не ждать атаки для самаго Нальчика; но рѣшительно Шамиль не смѣлъ ничего атаковать и тѣмъ еще болѣе показалъ слабость свою всѣмъ здѣшнимъ народамъ.

Я здѣсь сижу у стола, на которомъ пишетъ обыкновенно Голицынъ и на которомъ лежатъ два закона, которые служатъ ему руководствомъ: Коранъ во Французскомъ переводѣ и твоя прокламація, и положеніе на счетъ Кабардинскаго народа. Я это письмо началъ въ Нальчикѣ, продолжалъ сегодня 12 числа въ Внезапной, а кончу, надѣюсь, въ Шурѣ. Вчера я осматривалъ и рѣшилъ мѣстность для построенія укрѣпленія на Эракъ-Су, на половинѣ дороги отсюда до Герзелъ-аула и въ ровной ди-

станціи 11 верстъ отъ сихъ двухъ укрѣпленій и Ташъ-Кичу. Эта мѣра и постановленіе драгунскаго полка въ Чиръ- Юртѣ,куда я сегодня ѣду, много успокоятъ и утвердятъ всю здѣшнюю плоскость. Изъ Шуры постараюсь отвѣчать на разные пункты письма твоего; между тѣмъ скажу теперь о причинѣ, по которой отданъ подъ судъ полковникъ Копьевъ.

Онъ обвиняется въ трехъ пунктахъ: 1) Жестокое наказаніе въ 1844 г. одного мастероваго слесаря, за какой-то ключикъ, дурно сдѣланный для его шкатулки и отъ котораго онъ исчахъ и скоро умеръ въ госпиталѣ; смерть его показана иначе, и наказаніе даже не записано въ штрафной книгѣ. 2) За фальшивое донесеніе вотъ по какому случаю. Въ прошлую осень рядовой, также мастеровой команды, повѣсился; въ полку дѣлали слѣдствіе о семъ и донесли бригадному командиру, «что никакой причины на это не открылось кромѣ той, что тотъ рядовой былъ пьяница». Время было выбрано когда бригадный командиръ генералъ Врангель былъ въ отсутствіи. Тотъ же полковой командиръ Копьевъ вышелъ и бригаднымъ, дѣло велѣлъ предоставить волѣ Божьей и донесъ въ Главный Штабъ, что никакихъ причинъ не открылось. По дошедшему до меня свѣдѣнію послано изслѣдовать, и вышло, что рядовой повѣсился послѣ наказанія, также жестокаго, за то что онъ будто безъ позволенія дѣлалъ для какого-то генерала мебель и что по вскрытіи тѣла медикомъ найдены сильные знаки наказанія, которые медикъ скрылъ, равно какъ и офицеръ при вскрытіи бывшій, и что фельдшера даже показали, что въ ранахъ были остатки палокъ или розогъ. 3) Онъ былъ, по прежнему еще утвержденію Нейгардтомъ, поставщикомъ провіанта въ своемъ полку и давалъ солдатамъ такую муку, что они теряли 10% на очистку, которыхъ онъ имъ не вознаграждалъ. Два раза на этотъ счетъ были жалобы и ему замѣчанія; наконецъ, при послѣднемъ слѣдствіи найденъ въ той же несчастной мастеровой командѣ, которая не имѣла способовъ какъ въ ротахъ очищать муку, такой хлѣбъ, который, по сдѣланному формальному акту, названъ отвратительнымъ и вреднымъ. Вотъ, любезный Алексѣй Петровичъ, за что Копьевъ отданъ подъ судъ. По моему мнѣнію и по моей совѣсти причины болѣе нежели достаточны. О прежней его службѣ, которую ты называешь блистательною, я ничего не знаю; знаю только, что въ послѣдніе годы здѣсь онъ нигдѣ не былъ, никуда не просился; а теперь, когда два батальона его полка назначены въ экспедицію, онъ не только не просился съ ними идти, но безпрестанно ходатайствовалъ, чтобы первый батальонъ оставался на мѣстѣ... Онъ опять просилъ объ этомъ бывшаго начальника штаба, даже послѣ того когда я ему сказалъ, что съ такими правилами онъ не будетъ находить благородныхъ людей, чтобы служить офицерами въ уважае-

момъ Грузинскомъ гренадерскомъ полку. Всѣ его занятія были по провіантской части и формированіи мастеровыхъ, которыхъ я съ самаго начала прогналъ нѣсколько десятковъ изъ Тифлиса, между прочими одного парикмахера, прекраснаго гренадера, который учился сей благородной наукѣ у Французскаго парикмахера въ Тифлисѣ, въ замѣнъ другаго, который у того же парикмахера учился и въ прошломъ году, купаясь въ Курѣ, утонулъ. Правда, что на это была причина; ибо Копьевъ самъ носитъ парикъ и для того желалъ имѣть настоящаго для сего артиста. Впрочемъ, я сначала донесъ чрезъ военнаго министра, что конфирмаціи по дѣлу Копьева я здѣсь не положу, а все дѣло отправлю съ однимъ только моимъ мнѣніемъ на разсмотрѣніе генералъ-аудиторіата и высочайшее разрѣшеніе Государя Императора *).

Съ Дадьяномъ поступлено можетъ быть и слишкомъ строго, и можетъ быть отъ того самаго и послѣдствія не были совершенно удовлетворительны; злоупотребленія въ томъ же родѣ продолжались и теперь еще не вовсе искоренились. Изъ Тифлиса я выслалъ осенью къ ближнимъ своимъ полкамъ 620 человѣкъ, т.-е. сильный батальонъ, которые были тамъ безъ пользы и въ противность закона. Всего труднѣе справиться по сѣнокосамъ, которые почти вездѣ сдѣлались спекуляціею полковыхъ командировъ; привести это въ совершенный порядокъ очень трудно, почти невозможно, но буду стараться сколько силъ будетъ. За прошедшее не взыскиваю; стараюсь только, чтобы на будущее время всего этого было менѣе.

Я оканчиваю это письмо въ Шурѣ; но при первомъ досугѣ и не позже какъ изъ Тифлиса, гдѣ я надѣюсь быть къ 1 Іюня, буду отвѣчать на другія статьи письма твоего и распоряжусь на счетъ картъ для тебя и свѣдѣній. О Кучинѣ я справлялся и сегодня его увижу; онъ не былъ представленъ въ прошломъ году полковымъ командиромъ въ офицеры, потому что слишкомъ недавно былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, но при первомъ случаѣ это будетъ сдѣлано. Его очень хвалятъ, и онъ завѣдываетъ школою кантонистовъ; но какъ скоро какой либо батальонъ пойдетъ туда, гдѣ могутъ быть случаи отличиться, то онъ будетъ туда откомандированъ, а школа отдастся другому. Пожалуйста, скажи все это почтенному его отцу.

Ѣдучи сюда, я назначилъ прекрасное мѣсто для укрѣпленія на Эрикъ-Су, между Герзелъ-ауломъ и Внезапной, а третьяго дня имѣлъ

*) Позднѣе спрашивали князя Воронцова, для чего онъ въ послѣдній разъ какъ у него былъ Копьевъ (не знавшій о произведенномъ надъ нимъ тайномъ слѣдствіи), не переставалъ оказывать ему знаки самой утонченной вѣжливости, между тѣмъ какъ участь его уже была рѣшена Князь отвѣчалъ: „Изъ жалости; мнѣ хотѣлось продлить ему минуты спокойствія“. (Слышано отъ близкихъ къ князю Воронцову лицъ). П. Б.

удовольствіе видѣть отличное укрѣпленіе въ Чиръ-Юртѣ на Сулакѣ, которое Лабинцовъ успѣлъ выстроить прошлою осенью послѣ экспедиціи; это укрѣпленіе, переводъ драгунскаго полка на Сулакъ и расположеніе новаго Дагестанскаго полка выше Шуры въ Ишкартахъ, совершенно обезпечатъ Шамхальскую плоскость и сильно помогутъ, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ на Эрикъ-Су, для успокоенія и Кумыхской плоскости.

Прощай, любезный другъ. Стыжусь многословія сего письма; но мнѣ нужно было тебѣ объяснить дѣло Копьева. Извѣстія изъ горъ суть всѣ благопріятныя на счетъ впечатлѣнія отъ огромной и неудачной экспедиціи Шамиля. Обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

И такъ вотъ оно знаменитое дѣло Копьева, о которомъ было столько говорено и печатано въ укоризну князя Воронцова. Ермоловъ писалъ ему 13 Апрѣля 1846 о Копьевѣ и тѣмъ вызвалъ его объясненіе:

Здѣсь Государь изволилъ рассказывать, что онъ приказалъ подвергнуть военному суду полковника Копьева, лишивъ его достоинства флигель-адъютанта. Жаль чрезвычайно, что могъ заслужить наказаніе офицеръ извѣстный блистательною храбростью, отличныхъ способностей и имѣвшій такую карьеру, которая обѣщевала ему самую лестную будущность. Разрушить ее такимъ постыднымъ образомъ непростительно; немногимъ въ молодыхъ лѣтахъ даетъ судьба такую завидную дорогу по службѣ. Воображаю, сколько досадно должно быть это Императору; а сколько повредило это несчастному бывшему командиру Эриванскаго карабинерскаго полка, разжалованному князю Дадіану, это я знаю: надѣялись испросить нѣкоторое облегченіе продолжающемуся уже девять лѣтъ его наказанію; но теперь и приступить къ тому не осмѣливаются, ибо въ памяти Государя возобновилось его преступленіе. Если будешь писать мнѣ, скажи, въ чемъ состоитъ вина несчастнаго.

Отъ 7 Мая 1846.

Въ Петербургѣ въ восхищеніи отъ твоихъ дѣйствій и распоряженій, и всѣ вообще свыкаются съ незнакомымъ прежде спокойствіемъ на счетъ будущности Кавказскаго края. О Кавказѣ разговоры давно уже весьма не рождали улыбки. Теперь совершенно противное, и отъ тебя зависитъ поддерживать это веселіе, препровождая посланцовъ, депутатовъ и аманатовъ разныхъ покоряющихся народовъ. Не знаю, сообщаетъ ли тебѣ Евг. Александр. Головинъ записки свои, которыя, какъ слышно, иногда подаетъ онъ военному министру, или которыя, скорѣе я думаю, отъ него требуютъ. Если точно требуютъ ихъ, то по преданности къ военному министру Головинъ допуститъ въ нихъ большія поправки. До меня могъ дойти глупый слухъ, а ты узнаешь основательно, и узнать надобно!

Не истощай чрезмѣрною дѣятельностью силъ твоихъ, для счастія Кавказа, для будущаго его жребія необходимыхъ, единыхъ спасительныхъ.

7.

Темиръ-Ханъ Шура, 15 Мая 1846 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ. Я сегодня отправилъ по почтѣ длинное письмо къ тебѣ, а теперь пишу два слова съ ѣдущимъ въ Петербургъ однимъ изъ отличнѣйшихъ здѣсь людей, Дукай-Кадій Ауховскій. Сдѣлай милость, будь къ нему милостивъ. Онъ привыкъ тебя уважать, какъ все здѣшнее народонаселеніе; онъ нѣсколько разъ показалъ отличную храбрость и совершенную къ намъ преданность. Прошлаго года въ дѣлѣ у Анди онъ былъ со мною, когда я спѣшилъ къ дѣлу кн. Барятинскаго и по такой дорогѣ въ гору, что ни одна лошадь подъ бывшими со мною не могла подниматься, и мы съ нимъ проѣхали почти вдвоемъ. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ. Дукай можетъ много тебѣ разсказать про здѣшнія дѣла. Преданный тебѣ М. Воронцовъ.

*

Про этого Дукай-Кадія Ермоловъ (побывавшій передъ тѣмъ въ Петербургѣ на бракосочетаніи королевы Виртембергской Ольги Николаевны) писалъ 30 Іюля 1846, изъ подмосковной деревни своей Осоргина.

Письмо твое мнѣ доставилъ Дукай-Кади во время пребыванія моего въ Петергофѣ. Всякой день видалъ я его и любовался поведеніемъ его чрезвычайно пристойнымъ и отлично скромнымъ. Онъ человѣкъ постигающій. что ему полезно быть преданнымъ правительству и лично тебѣ совершенно приверженнымъ. Государь Императоръ удостоивалъ его постояннаго благоволенія, и вся царская фамилія была къ нему очень милостива. Онъ былъ свидѣтелемъ величія двора, блистательнаго великолѣпія по случаю бракосочетанія Великой Княжны и необыкновеннаго стеченія людей разныхъ націй, что̀ примѣтнымъ образомъ его изумляло и конечно оставило въ немъ навсегда сильное впечатлѣніе. Все осматривалъ онъ съ большимъ замѣчаніемъ, и я ожидаю, что разсказовъ будетъ безъ конца. Гвардія въ лагерѣ въ Красномъ Селѣ; онъ смотрѣлъ съ почтеніемъ на войско, не имѣющее подобнаго себѣ по красотѣ. Едва вѣрилъ онъ глазамъ своимъ, смотря на блистательный видъ гвардейской кавалеріи.

Дукай-Кади теперь у меня въ деревнѣ и проситъ къ тебѣ письма̀. Скажи ему нѣсколько ласковыхъ словъ, что посѣтилъ меня. Нужно возстановить меня въ его понятіи; ибо я примѣтно терялъ въ глазахъ его, когда въ городѣ *) видѣлъ онъ скудный домъ мой и теперь видитъ ничтожную мою

*) Деревянный небольшой домъ въ Москвѣ въ концѣ Пречистенскаго бульвара, близъ Гагаринскаго переулка, нынѣ передѣланный и принадлежащій г-ну Шапошникову. Позднѣе Ермоловъ пріобрѣлъ домъ каменный (въ которомъ и скончался) на Пречистенкѣ, второй отъ Старой Конюшенной, близъ Пожарнаго Депо. П. Б.

деревушку. Воображеніе пылкое Азіатца не могло быть удовлетворено скромною наружностію всего окружающаго меня и образомъ жизни уединеннаго человѣка. Чувствую по себѣ, что невыгодно будетъ для твоихъ наслѣдниковъ, если въ нихъ будетъ онъ отыскивать сходство съ тобою. Горе имъ, а едва ли возможно быть иначе. Приласкай его: онъ точно того достоинъ! Скажу въ простыхъ выраженіяхъ: ты прислалъ человѣка, который не ударилъ лицемъ въ грязь; и лишь слово о тебѣ, онъ неистощимъ въ повѣствованіяхъ, и обнаруживается душа, которую ты воспламеняешь.

Таковы должны быть окружающіе тебя!

8.

Владикавказъ, 1 Іюля 1846.

Я получилъ третьяго дня, любезный Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ Іюня и надѣюсь сегодня имѣть свободное время, чтобы отвѣчать и на оное, и по нѣкоторымъ статьямъ на прежнее отъ 13 Апрѣля; потому что изъ Шуры я только могъ написать о полученіи онаго. Я просилъ о назначеніи губернаторомъ двоюроднаго твоего брата [1]), потому что отъ всѣхъ хорошихъ людей здѣсь слышалъ о немъ лестные отзывы и конечно не могу скрыть, что, при такихъ отзывахъ и при ровныхъ правахъ, мнѣ пріятнѣе имѣть дѣло и сношенія съ Ермоловымъ, нежели съ Трандафиловымъ или даже Кампенгаузеномъ [2]). Я теперь душевно радуюсь сему назначенію, видя, что ты его любишь, такъ его хвалишь и что онъ самъ радъ сюда ѣхать и здѣсь служить.

О снятіи запрещенія съ имѣнія сына почтеннаго барона Розена я точно отнесся куда слѣдуетъ вслѣдствіе письма твоего, но не зналъ и очень теперь радуюсь, что это сдѣлано. Чтоже касается до царицы Маріи, то, также вслѣдствіе твоего увѣдомленія, я писалъ и сильно писалъ въ ея пользу. Ладинскій мнѣ въ этомъ хорошо помогъ, и мы, кажется, сильно доказали умѣренность ея просьбы и справедливость и пристойность удовлетворить оную; но это дѣло еще не рѣшено. Великій нашъ министръ внутреннихъ дѣлъ, кажется, обидѣлся тѣмъ, что я долженъ былъ сказать о прежнихъ по этому дѣлу дѣйствіяхъ; а Государю, я думаю, напомнили, что она убила Лазарева. Впрочемъ, если будетъ возможность и долго не будетъ разрѣшенія, то я опять попробую напомнить.

---

[1]) Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ, двоюродный братъ Алексѣя Петровича, бывшій сперва Тифлисскимъ военнымъ, а послѣ Витебскимъ губернаторомъ. Умеръ въ чинѣ генералъ-лейтенанта. П. Б.

[2]) Отвѣтъ на шутку Ермолова въ одномъ изъ его писемъ къ князю Воронцову: „Давно замѣчалъ я, что гораздо выгоднѣе носить фамилію Трандафилова, нежели быть одной со мною“. П. Б.

Дай Богъ, чтобы твое предсказаніе на счетъ Шамиля сбылось; но оно основано и на разсудкѣ, и на знаніи края и дѣлъ. Положеніе его конечно затруднительно. Горцы мало по малу теряютъ къ нему довѣренность, видя, что не смотря на его дѣйствія и обѣщанія, мы всякій годъ ближе къ нимъ подходимъ и всѣ наши предположенія приводимъ не торопясь, но постоянно, въ дѣйствіе. Недавно еще приходилъ къ намъ къ цѣпи, въ лѣсу около Фортанги, одинъ извѣстный ефенди, часто употребляемый Шамилемъ, говоря, что онъ и нѣкоторые другіе изъ самыхъ почетныхъ лицъ въ горахъ и изъ числа духовныхъ, намѣреваются, если въ этомъ году Шамиль не будетъ имѣть успѣховъ противъ насъ, не только отъ него отклониться, но и провозгласить вездѣ, что онъ недостоинъ владѣть надъ народомъ и отступникъ законовъ Корана, ибо употребляетъ звѣрскую деспотическую власть противъ настоящей пользы племенъ, которыя теперь ему послушны. Конечно нельзя давать вѣры подобнымъ словамъ; но изъ нихъ и многихъ другихъ фактовъ можно надѣяться, что вліяніе его уменьшается. Чеченцы Малой Чечни единогласно говорятъ, что если Шамиль не можетъ помѣшать намъ выстроить начатую теперь крѣпость, имъ не остается другаго средства, какъ покориться. Шамиль это знаетъ и не смѣетъ идти на Лабинцова, который строитъ крѣпость, и не смѣетъ также оставаться безъ дѣйствія, приказываетъ сбираться и наибамъ дѣйствовать противъ насъ; но наибовъ не слушаются: онъ одинъ по твердости характера и по страху, который всѣ къ нему чувствуютъ, можетъ къ чему либо принудить и что-либо предпринять.

По возвращеніи изъ Малой Чечни я былъ здѣсь около недѣли и собирался вчера ѣхать на лѣвый флангъ Лезгинской линіи разрѣшить одинъ важный воспросъ насчетъ мѣръ, принятыхъ ген. Горскимъ и позиціи части его отряда на горѣ Кодоръ, какъ вдругъ рано поутру Нестеровъ принесъ мнѣ извѣстіе довольно положительное о сильномъ сборѣ въ Шаляхъ, въ Большой Чечнѣ и что Шамиль самъ туда отправился съ пушками. Разумѣются, что я остался здѣсь и очень радъ, что, полагая доѣхать вчера только до Казбека, я не отправился рано поутру и теперь подожду, чѣмъ все это объяснится. А Владикавказъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ есть пунктъ самый центральный; будучи на большой почтовой дорогѣ, я получаю скоро со всѣхъ сторонъ извѣстія и могу легко управлять всѣми распоряженіями, получая кромѣ того всякій день, черезъ нашихъ Азіатцевъ, извѣстія отъ Лабинцова. Не знаю, что̀ Шамиль можетъ и хочетъ предпринять. Если у насъ есть пунктъ слабый на время, то это Кумыкская плоскость; но и тутъ я надѣюсь на благость Божію, что онъ ни въ чемъ важномъ не успѣетъ. Они, мѣсяцъ тому назадъ,

не могли помѣшать Козловскому начать строить укрѣпленіе на Ярыкъ-Су. Фрейтагъ на дняхъ долженъ получить цѣлый Донской полкъ съ Праваго фланга, а драгунскій полкъ подходитъ къ переправѣ черезъ Терекъ въ Амираджи-Юртѣ, чтобы идти на Сулакъ-Тавлинцовъ. Шамиль не можетъ имѣть съ собою много: они боятся и за свои предѣлы съ тѣхъ поръ, какъ мы укрѣпились въ прошломъ году въ Чиръ-Юртѣ, а теперь заняли Ишкарты для штаба новаго Дагестанкаго полка. Съ южнаго Дагестана никто или мало кто придетъ, ибо Аргутинскій съ 7 батальонами около Кумыха и горы Турчидага. Они ходили съ Шамилемъ въ Кабарду, потому что Аргутинскій тогда былъ на зимнихъ квартирахъ на Самурѣ, и эта экспедиція немного имъ прибавила охоты служить Шамилю; сборъ же, какой есть въ Большой Чечнѣ, долженъ на что либо рѣшиться немедленно, ибо долго ихъ держать вмѣстѣ невозможно, особливо теперь, что сѣнокосы начались и жатва скоро начнется. Надобно полагать, что Шамиль хочетъ держать Чеченцевъ въ нерѣшительности между страхомъ и надеждою въ самое то время, когда они входятъ болѣе и болѣе въ сношенія съ нами о покорности; можетъ быть также, онъ надѣется всѣми этими движеніями и угрозами разстроить и отвлечь насъ отъ построенія новой крѣпости; но я надѣюсь, что въ этомъ онъ ошибается. Конечно, надо бдительно смотрѣть за его дѣйствіями и принять по онымъ нужныя мѣры, но мы между тѣмъ будемъ спокойно и хладнокровно продолжать наше дѣло и ожидать, что̀ Богу будетъ угодно. Мѣсто для новаго укрѣпленія прекрасно.

Осмотрѣвъ Сунжинскую линію и работы въ новой 3-й станицѣ, 18 числа я перешелъ Сунжу съ отрядомъ генерала Лабинцова, 9½ батальоновъ и до 800 конныхъ. Мы пришли въ тотъ день на Ассу, не видавъ ни одного непріятеля, а 19-го перешли чрезъ Фортангу и пришли на Правый берегъ послѣ незначительной перестрѣлки съ жителями ближнихъ ауловъ, которые намъ послѣ объявили, что наибы ихъ заставляютъ днемъ по насъ стрѣлять, а ночью они будутъ приходить толковать и просить о будущемъ ихъ положеніи. 20-го числа я осмотрѣлъ всю мѣстность отъ Фортанги къ Ачхою и кругомъ, и мы нашли, что нельзя желать лучшаго и выгоднѣйшаго мѣста для построенія укрѣпленія какъ то, на которомъ мы стояли лагеремъ. Мѣстность сія имѣетъ всѣ возможныя выгоды: на самой хорошей текучей рѣкѣ, съ прекраснымъ полемъ верстъ 5 въ діаметрѣ впереди, съ таковымъ же гораздо бо̀льшимъ назади, съ маленькимъ рѣдкимъ лѣсомъ, какъ будто нарочно для нуждъ укрѣпленія вверхъ по теченію Фортанги, и съ другимъ болѣе значущимъ внизъ по теченію оной, къ вырубленію котораго на пол-

тора пушечные выстрѣлы тотчасъ приступлено. Съ тѣхъ поръ изъ Гихи пришло одинъ разъ до 200 человѣкъ конницы лѣсомъ съ лѣвой стороны, привезли двѣ пушки, которыя стрѣляли безъ всякаго вреда; но какъ скоро Лабинцовъ обратилъ на нихъ батарейное орудіе и вывелъ изъ лагеря часть кавалеріи, они тотчасъ ушли и съ тѣхъ поръ не показывались. Вотъ наше теперешнее положеніе. Такъ какъ это письмо отправится только завтра, если что либо узнаю до того времени, то припишу.

Не знаю, князь Бебутовъ писалъ ли тебѣ, какъ онъ хотѣлъ, какъ онъ меня провожалъ по Акушинской землѣ, когда я поѣхалъ въ Южный Дагестанъ; онъ мнѣ показывалъ мѣсто, гдѣ вы дрались, не доходя Лаваши, и мнѣ было весьма интересно слышать всѣ подробности отъ человѣка, который былъ во все время при тебѣ. Оттуда я проѣхалъ на Цудахаръ, потомъ въ Кумыхъ, Чирахъ, Курахъ и проч. и потомъ заѣхалъ въ Баку, гдѣ мнѣ не досталось быть изъ Шемахи, когда я получилъ извѣстіе о Шамилевой экспедиціи въ Кабарду. Весь этотъ вояжъ былъ для меня преинтересный и преполезный; нельзя имѣть понятія о краѣ, особливо о Дагестанѣ, не видавъ онаго на досугѣ, ѣдучи шагомъ верхомъ и вмѣстѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ князь Аргутинскій, который тамъ командуетъ и управляетъ уже нѣсколько лѣтъ. Я вижу по твоимъ письмамъ, что ты его не очень жалуешь; но увѣряю тебя, что во многихъ отношеніяхъ, и особливо въ военномъ, такіе люди не часто встрѣчаются: никто не имѣетъ болѣе таланта беречь войско, кормить оное, снабдить всѣмъ нужнымъ, потомъ вдругъ перевести скоро туда гдѣ нужно, дѣйствовать рѣшительно, употреблять туземную милицію, узнавать все, что̀ дѣлается у непріятеля, пользоваться всякимъ хорошимъ случаемъ и безъ нужды никогда не жертвовать драгоцѣнною кровію нашихъ солдатъ. Результатъ всего сего есть, что въ теченіи цѣлыхъ пяти лѣтъ онъ вездѣ поспѣвалъ гдѣ нужно, имѣлъ много удачныхъ дѣлъ, никогда не потерпѣлъ большой потери.

Теперь я долженъ отвѣчать на одинъ пунктъ перваго твоего письма, гдѣ ты удивляешься о производствѣ старика князя Эристова и спрашиваешь, какъ я могъ о томъ представить. Признаюсь, что я представилъ и готовъ сказать почему. Эристовъ старый и почтенный слуга Государю и Россіи, изъ первыхъ Грузинскихъ фамилій, душевно преданъ нашему правительству, служилъ усердно и храбро, Богъ знаетъ сколько лѣтъ (ибо я его засталъ въ 1803 году уже подполковникомъ) и пользуется общимъ уваженіемъ и почтеніемъ; уже нѣсколько лѣтъ первый на спискѣ генералъ-лейтенантовъ и всякій годъ обойденъ людьми, которые въ срав-

неніи съ нимъ могутъ считаться мальчиками и которыхъ заслуги никому неизвѣстны. Когда производятъ Бибикова, который 10 лѣтъ тѣснитъ и истребляетъ три губерніи, или Шуберта, который 30 лѣтъ ровно ничего не дѣлаетъ, какъ не произвесть, *par ordre du tableau*, почтеннаго старика князя Эристова? Развѣ потому, что на него сердитъ одинъ добрый твой пріятель *) за противозаконное овладѣніе Тавризомъ? Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я полагаю, что при такихъ производствахъ несправедливо бы было обходить Эристова и что сіе производство должно быть пріятно для всей Грузіи и для всей арміи. Конечно ты видѣлъ въ немъ подчиненнаго, которымъ ты имѣлъ случай быть недовольнымъ; но это дѣло прошедшее, а служба его вообще честная и долговременная; я же въ немъ видѣлъ человѣка, который уже былъ подполковникомъ и дрался отлично въ Кабардинскомъ полку, когда я былъ поручикомъ, и я не могъ не желать, чтобы онъ получилъ то, что̀ получаютъ ежегодно и безъ всякихъ побудительныхъ причинъ.

Я надѣюсь, что ты получилъ планъ вырубки въ Гихинскомъ лѣсу. Насчетъ карты Дагестана, сношеній съ Кахетіею и проч. ты имѣешь 20 верстную общую, печатанную въ Тифлисѣ, гдѣ все это находится; другой спеціальной нѣтъ, кромѣ 5-ти верстной, которой по множеству листовъ у насъ при штабѣ такъ мало экземпляровъ, что до сихъ поръ даже отрядные командиры оной не имѣли, и которую впрочемъ никогда не исправляли какъ должно по новымъ свѣдѣніямъ и маршрутамъ. Я еще зимою много объ этомъ спорилъ; но бывшій генералъ-квартирмейстеръ Герасимовъ такъ былъ занятъ другою фаворитною для него работою, что я не могъ добиться толка; теперь вся эта часть въ недоумѣніи, новый квартирмейстеръ генералъ Вольфъ не совершенно принялъ оную и теперь исправляетъ должность помощника начальника штаба. Но я постараюсь сдѣлать для тебя другое. И 20 верстная и 5 верстная такъ спутаны и сконфужены темнотою красокъ горъ и лѣсовъ, что для меня по крайней мѣрѣ онѣ негодны для употребленія. Я для себя велѣлъ сдѣлать экземпляръ 5 верстной безъ этихъ изнурительныхъ для глазъ красокъ; не всѣ листы еще готовы, и много въ этой новой картѣ не достаетъ, но по крайней мѣрѣ дороги и разстоянія ясно узнаются.

Съ Лезгинской линіи я ворочусь сюда чрезъ Тифлисъ и пробуду тамъ дня 4 или 5; въ это время я постараюсь исполнить твое желаніе и служить тебѣ какъ можно лучше. Впрочемъ, про-

---

*) Т.-с. князь Паскевичъ. П. Б.

читавъ твое письмо, я долженъ подозрѣвать, что у тебя нѣтъ и 20 верстной карты, которая въ Тифлисѣ даже продается, и въ этой мысли я напишу, чтобъ тебѣ послали по почтѣ одинъ экземпляръ, которымъ тебѣ усердно кланяюсь; если же ты эту карту уже имѣешь, и она тебѣ не нужна, то пошли ее отъ моего имени Андрею Васильевичу Богдановскому, который вѣрно ея не имѣетъ и, по дружбѣ ко мнѣ, очень интересуется этимъ краемъ. Съ сего же мѣсяца я велю начать дѣлать для тебя записку, для отсылки по крайней мѣрѣ два раза въ мѣсяцъ о всемъ, что̀ здѣсь дѣлается. Все, что̀ до сихъ поръ достойно было быть извѣстнымъ, послано мною въ Петербургъ для напечатанія въ газетахъ. Я не могъ еще завесть здѣсь настоящій порядокъ для общаго военнаго журнала о происшествіяхъ, потому что здѣсь давно заведено, что каждый отрядный начальникъ посылаетъ за «Кавказомъ» не въ Тифлисъ прямо, а здѣсь чрезъ командующаго войсками въ Ставрополѣ и кромѣ того къ военному министру, и при мнѣ никого до сихъ поръ еще нѣтъ, чтобы это толкомъ все собрать. Между прочимъ, нѣтъ и не было здѣсь никогда при главномъ начальникѣ военной канцеляріи, а это вещь необходимая. Для тебя кромѣ того будетъ любопытно узнавать, что̀ дѣлается по гражданской части; я устрою это для тебя въ Тифлисѣ съ Сафоновымъ. Теперь скажу тебѣ только въ добавокъ того, что̀ ты увидишь въ газетахъ и что́ въ этомъ письмѣ написано: 1) что патріархъ Нерсесъ мѵропомазанъ и посвященъ въ Эчміадзинѣ 9 Іюня при огромномъ стеченіи народа; мнѣ бы самому хотѣлось быть при этой церемоніи, но это было невозможно; ѣздили туда присутствовать при оной исправляющій должность губернатора Жеребцовъ и адъютантъ мой полковникъ Минквицъ. При семъ я долженъ тебѣ сказать, что Нерсесъ и для Армянъ, и для насъ,—человѣкъ драгоцѣнный и совершенно превосходный противъ его націи, особливо по духовенству. Горестно думать, что этотъ человѣкъ былъ 15 лѣтъ въ отсутствіи и бездѣйствіи, когда бы онъ во все это время оказалъ величайшую пользу, сперва какъ епископъ въ Тифлисѣ и потомъ какъ патріархъ. Во все это время чортъ знаетъ какіе у нихъ были люди и что́ они здѣсь дѣлали. Въ Тифлисѣ все начатое прежде Нерсесомъ было брошено или запущено; что̀ дѣлалось въ Эчміадзинѣ, ты можешь судить изъ того, что одинъ изъ архіереевъ и членовъ синода (по счастію умершій въ прошломъ году) въ послѣдній годъ Персидскаго тамъ управленія, будучи уже архимандритомъ, былъ сильно подозрѣваемъ въ воровствѣ драгоцѣнныхъ патріаршихъ вещей, пытанъ съ помощію сардаря, изобличенъ, и вещи у него найдены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ посвященъ архіереемъ. Зная это обстоятельство и не зная еще о его смерти, по пріѣздѣ Нерсеса, я о немъ спрашивалъ; онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Все правда; но, слава Богу, Богъ милостивъ: взялъ его къ себѣ два мѣсяца тому назадъ».

Въ Эриванскомъ уѣздѣ (жаль, что не область) мы начали возобновлять и улучшивать старые водопроводы, совершенно брошенные послѣ управленія Розена; дѣло идетъ съ успѣхомъ; я велю о томъ составить для тебя выписку въ Тифлисѣ. Другое дѣло у насъ въ хорошемъ ходу: положеніе высшаго магометанскаго сословія, лишеннаго всякой собственности по распоряженіямъ барона Гана. Государь уже изволилъ утвердить, и имъ объявлено, что всѣ земли, бывшія во владѣніи у агаларовъ, имъ отдаются навсегда потомственно; теперь дѣло идетъ только о нѣкоторыхъ подробностяхъ насчетъ повинностей, которыми будутъ обязаны поселяне, живущіе на земляхъ, принадлежащихъ бекамъ и агаларамъ. Проектъ объ этомъ былъ посланъ въ Петербургъ, тамъ разсмотрѣнъ, присланъ сюда для нѣкоторыхъ объясненій, и скоро выйдетъ положеніе; я надѣюсь, что это дѣло утвердитъ спокойствіе и вѣрность къ намъ здѣшнихъ мусульманъ, которые вообще приняли это съ большою благодарностію.

По общему управленію края составляется проектъ объ особой Имеретинской области, а въ послѣдствіи мнѣ бы хотѣлось имѣть таковую же Эриванскую или Армянскую; сдѣлай милость напиши мнѣ объ этомъ дѣлѣ твое мнѣніе. По части дорогъ я стараюсь и надѣюсь устроить прибрежную дорогу отъ Сухумъ-Кале до Редутъ-Кале съ паромными переправами чрезъ Кодоръ и Ингуръ, близъ устьевъ сихъ рѣкъ, гдѣ онѣ расширились, не такъ быстры и сердиты какъ выше. Въ Сухумъ-Кале я уже съ прошлаго года началъ сушить болота, и это дѣло идетъ хотя тихо, но не безъ успѣха. Отъ Редутъ-Кале до Кутаиса инженеры путей сообщенія такъ умѣли устроить и направить, что нѣтъ никакого проѣзда даже верхомъ, и все идетъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ, Ріономъ. Изъ Имеретіи до Сурама, по милости тѣхъ же художниковъ, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ не было никакого колеснаго сообщенія. Обѣ эти дороги теперь въ ходу по другимъ направленіямъ, прежде бывшимъ и отъ которыхъ округъ направилъ на другія, какъ будто нарочно, чтобы всегда брать деньги на ремонтъ и никогда не имѣть дороги Дормезъ, присланный ко мнѣ изъ Одессы въ Октябрѣ, дошелъ до Тифлиса только въ Апрѣлѣ и то съ большими поврежденіями; можешь судить, каково для частныхъ лицъ и купцовъ! Генен.-маіоръ Бюрно дѣлаетъ прекрасное шоссе по Шинскому ущелью и рѣчкѣ Ахты-Чай до сел. Ахты; эта дорога будетъ драгоцѣнная во всѣхъ отношеніяхъ и укоротитъ болѣе нежели на 200 верстъ для воен-

ныхъ движеній и торговли изъ Кахетіи въ Южный Дагестанъ и Дербентъ.

Ген.-маіоръ Горскій сдѣлалъ большую вырубку лѣса и прекрасную широкую дорогу отъ укрѣпленія Натлисъ-Мтцемели среди деревни Сабуи до подошвы горы Кодоръ, а теперь дѣлаетъ таковую же зигзагами до вершины оной; наконецъ, здѣсь мы исправляемъ сколько можно съ прошлаго года большую Военно-грузинскую дорогу и перевалъ чрезъ Кашауръ, совершенно брошенный и забытый въ послѣдніе два или три года, потому что они затѣяли дорогу по Гудошаурскому ущелію отъ Пассануара до Казбека, для обхода теперешнихъ затрудненій. Я не могу судить, будетъ ли или нѣтъ полезна эта новая дорога, объ этомъ много споровъ; но во всякомъ случаѣ она не будетъ готова еще черезъ 10 лѣтъ, а между тѣмъ никакого проѣзда бы не было.

Вотъ главныя наши занятія какъ по военной, такъ и по гражданской части. Я боюсь, что ты будешь даже испуганъ огромностію этого письма; но я хотѣлъ на сей разъ, пользуясь случайнымъ досугомъ, дать тебѣ понятіе, сколько могъ вспомнить, о всемъ, что дѣлается, а на будущее время устрою для тебя регулярныя выписки.

Вчера и сегодня, 2 Іюля, мы ничего не получили о движеніяхъ непріятеля, и можно полагать, что, если сборъ дѣйствительно есть, что они потянулись на Лѣвый флангъ и на Кумыкскую плоскость; къ вечеру или завтра это должно объясниться. Я забылъ тебѣ отвѣчать на счетъ Петербургской моей поѣздки, но подробности письма сего послужатъ лучшимъ отвѣтомъ. Возможно ли при такихъ обстоятельствахъ и начатыхъ дѣлахъ такъ далеко отлучиться? Дай Богъ только, чтобы я могъ осенью поѣхать отдыхать нѣсколько недѣль на южномъ берегу Крыма; тамъ, съ помощію пароходовъ, я могу скоро и о всемъ узнавать и, если нужно, сюда возвратиться, а отдыхъ этотъ для меня нуженъ и весьма бы былъ пріятенъ.

Бѣдному Дадіану я былъ радъ оказать маленькую услугу. На немъ лежало еще какое-то взысканіе отъ полка; я просилъ объ избавленіи его отъ онаго, и просьба уважена.

Прощай, любезный другъ. Если что̀ будетъ важное, я опять напишу. Остаюсь навсегда душевно тебѣ преданный М. Воронцовъ.

9.

Тифлисъ, 15 Декабря 1846.

Любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, я точно виноватъ предъ тобою, но виноватъ, ей-Богу, безъ вины: ибо первыя недѣли по возвращеніи въ Тифлисъ я такъ заваленъ запущенными въ моемъ отсутствіи бумагами, не говоря о новыхъ, и потомъ безчисленными просьбами, претензіями, требованіями личныхъ свиданій и объясненій и пр. и пр., что въ сравненіи съ этимъ лагерная жизнь показывается сибаритскою. Кромѣ того, съ нѣкоторыхъ поръ и, какъ надобно полагать, отъ старости и разслабленія, мнѣ необходимо спать отъ 8 до 9 часовъ, вмѣсто 6 или 7, которыми я прежде довольствовался. Меня увѣряютъ, что для здоровья это очень хорошо, и это можетъ быть такъ, но для дѣлъ это невыгодно: ибо лучшее время, т.-е. рано поутру, для меня потеряно, и это было именно то, которое мнѣ служило для частной корреспонденціи и собственныхъ дѣлъ.

Письмо сіе отдастъ тебѣ сынъ мой, который ѣдетъ мѣсяца на два въ Петербургъ и которому я поручилъ быть непремѣнно у тебя, если только ты въ городѣ. Онъ тебѣ разскажетъ о нашей здѣсь жизни и о прекрасной нашей погодѣ, а между тѣмъ я тебѣ буду отвѣчать на нѣсколько пунктовъ послѣдняго письма твоего. На счетъ дѣлъ и распоряженій здѣшнихъ по гражданской части я точно поручилъ Сафонову держать тебя всегда въ извѣстности и, чтобы тебѣ было болѣе знакомо все, что здѣсь сдѣлано до Іюля мѣсяца сего года, я поручилъ ему послать тебѣ копію отчета моего Государю за первый годъ моего управленія; онъ мнѣ писалъ изъ Петербурга, что этотъ отчетъ списывается и будетъ тебѣ присланъ. На счетъ же военныхъ дѣлъ и пр. я не могу лучше доказать тебѣ рѣшительное мое желаніе, чтобы все тебѣ было извѣстно о здѣшнемъ краѣ, какъ тѣмъ, что пошлю тебѣ съ княземъ Кочубеемъ, который ѣдетъ послѣ завтра, весьма секретную бумагу въ копіи той, которую я вчера отправилъ Государю на счетъ всѣхъ военныхъ дѣйствій текущаго года, предположеній моихъ на будущее и нашего военнаго положенія здѣсь вообще. Я прошу тебя, любезный Алексѣй Петровичъ, и увѣренъ, что ты почувствуешь необходимость этого, чтобы эта бумага никому не была показана и чтобы никто не зналъ, что она въ такомъ видѣ тебѣ посылается. Весьма натурально бы было, чтобы я всѣ тѣже подробности послалъ бы тебѣ въ моихъ письмахъ; но ненадобно, чтобы въ Петербургѣ знали, что я тебѣ послалъ копію съ самаго рапорта, тѣмъ болѣе, что все что̀ касается до будущихъ предположеній для Южнаго Дагестана должно дер-

жать въ совершенной тайнѣ. Я еще писать буду съ Кочубеемъ, а между тѣмъ посылаю тебѣ только еще сегодня справку на счетъ подпоручика Свѣшникова, о которомъ ты интересуешься. Судъ производится, и я особенно займусь этимъ дѣломъ, какъ скоро оно до меня дойдетъ; когда же оно дойдетъ, не знаю, ибо военно-судная часть у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи: аудиторовъ весьма мало и большая часть изъ нихъ пьяницы и негодяи, почти постоянно на гауптвахтѣ. Намъ обѣщаютъ для будущаго года полевой аудиторіатъ на другомъ положеніи, о чемъ я прошу съ самаго моего прибытія. Аудиторовъ и въ Россіи нѣтъ порядочныхъ, но по крайней мѣрѣ пришлютъ, я надѣюсь, людей трезвыхъ, а можетъ быть и честныхъ. Прощай, любезный другъ; остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

10.

Тифлисъ, 17 Декабря 1846.

Я надѣюсь, любезный Алексѣй Петровичъ, что князь Кочубей, который повезетъ тебѣ это письмо, найдетъ тебя въ Москвѣ; но если ты будешь въ деревнѣ, то онъ отдастъ пакетъ дворецкому или человѣку въ твоемъ домѣ, а если не найдетъ такого, которому можно бы повѣрить, то онъ поговоритъ Булгакову на счетъ доставленія надежнымъ образомъ онаго тебѣ. Я опять повторяю мою просьбу никому не показывать приложенной при семъ копіи, а говорить о содержаніи оной, какъ будто о статьяхъ изъ разныхъ моихъ писемъ, кромѣ однако о предположеніяхъ на счетъ Южнаго Дагестана, которыя должны быть совершенною тайною. Съ полученіемъ гражданскаго отчета отъ Сафонова, ты будешь въ извѣстности совершенно о всемъ, что́ здѣсь дѣлалось и дѣлается. Я надѣюсь скоро прислать тебѣ новую гравированную карту всего края десяти-верстнаго масштаба, которую въ штабѣ обѣщаютъ кончить въ Февралѣ; что́ касается еще до пятиверстной, то оной не остается ни одного экземпляра, такъ что по требованію Шубертомъ для Государя нельзя было послать. Я еще все не квитъ предъ тобою и имѣю много пунктовъ двухъ твоихъ писемъ къ отвѣту, но сегодня мнѣ писать болѣе невозможно, и я долженъ это отложить на нѣсколько дней; по крайней мѣрѣ ты видишь, что если не всегда есть у меня возможность, то всегда есть желаніе, чтобы ты все зналъ, что̀ здѣсь дѣлается. Ты конечно повѣришь, что то, что́ я сегодня къ тебѣ посылаю, никому, кромѣ тебя, сообщено мною быть не можетъ; но за то никого нѣтъ, котораго мнѣніе было бы для меня столь драгоцѣнно, какъ твое. Подробности дѣлъ князя Аргутинскаго, такъ и славнаго дѣла Кутишинскаго, всѣ были напечатаны въ газетахъ Одинъ

изъ сыновей твоихъ особенно отличился у князя Аргутинскаго, такъ что Георгіевская дума здѣсь сочла возможнымъ, чтобы онъ получилъ Георгіевскій крестъ вмѣстѣ съ старшимъ его артилерійскимъ офицеромъ; не знаю, какъ рѣшитъ главная дума въ Петербургѣ. Прибавлю только одно слово въ сегоднишнемъ письмѣ, а именно, что еслибы было у тебя какое либо сомнѣніе на счетъ всегдашней и постоянной неустрашимости здѣшнихъ войскъ, то можешь быть совершенно спокоенъ. Конечно 1842 и 1843 годы имѣли нѣкоторое вліяніе на нѣкоторыя отдѣльныя части и на нѣкоторыхъ начальниковъ лично храбрыхъ, но не имѣющихъ моральнаго постоянства духа, безъ котораго одна храбрость недостаточна. Было у многихъ какое-то неопредѣленное понятіе о достоинствахъ и могуществѣ Шамиля, въ миніатюрномъ видѣ напоминающее мнѣ о томъ, что многіе изъ нашихъ первенствующихъ и конечно храбрыхъ людей колебались и боялись въ 1814 году, когда мы были уже почти въ виду Парижа. О всемъ этомъ, если ты хочешь, я тебѣ когда нибудь напишу подробности; но будь увѣренъ, что вообще военный духъ здѣсь тотъ же что̀ и прежде: я видѣлъ это нѣсколько дней сряду въ прошломъ году въ обстоятельствахъ не весьма плавныхъ, а въ этомъ году генералы Козловскій и Витовскій на Кумыкской плоскости и потомъ князь Бебутовъ въ Кутиши явно доказали, что какъ скоро наши штыки идутъ прямо на Шамиля, какъ на всякаго другаго, то успѣхъ не есть проблемма, а неминуемое послѣдствіе. Въ числѣ же полковъ, какъ и всегда было, есть нѣкоторые, которые превосходятъ другихъ. Въ мое время, при Циціановѣ, Кабардинскій пѣхотный и 17-й егерскій полкъ были безспорно первые; теперь тотъ же Кабардинскій и Куринскій егерскій всѣми признаны и называемы *les braves des braves* *), но и во всѣхъ другихъ полкахъ духъ отличный. 5-й корпусъ конечно не могъ равняться съ Кавказскимъ, и новые полки, которые изъ него составлены будутъ, сначала не много слабѣе и морально и даже физически; но они уже показываютъ желаніе сравняться съ старыми полками, и я увѣренъ, что въ скоромъ времени много успѣютъ. Прощай, любезный другъ, довольно на сегодня. Я думаю, что ты будешь жаловаться на длинное это письмо, тѣмъ болѣе, что приложенный пакетъ болѣе тебя будетъ интересовать, нежели самое письмо. Сдѣлай милость, напиши мнѣ откровенно о всѣхъ твоихъ мысляхъ и мнѣніяхъ на счетъ этого рапорта; но нѣкоторыя вещи не пиши по почтѣ и также не говори, что ты читалъ такую-то бумагу, но въ общихъ словахъ ты много можешь написать, какъ бы въ отвѣтъ на обыкновенныя письма, а гдѣ надобна осторожность, пиши съ оказіею. Остаюсь на всегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

---

*) Храбрые изъ храбрыхъ.

Въ Январѣ 1847 года изъ Москвы Ермоловъ писалъ своему другу въ отвѣтъ на предъидущее.

Здѣсь испугались желанія твоего учредить свободный торгъ за Кавказомъ, испугались пребыванія въ Петербургѣ твоего директора канцеляріи: ибо всѣ убѣждены, что представленія твои, даже мысли, не встрѣчаютъ ни малѣйшаго противорѣчія. Я точно не имѣю понятія о томъ, что̀ ты представлялъ и точно ли все утверждено; ибо торговля составляетъ предметъ, въ которомъ я отличаюсь невѣжествомъ. Ко мнѣ, какъ старожилу твоей страны, обращаются съ вопросами, и я недавно отличился тѣмъ, что совершенно попалъ на твою мысль, упрекая нашему купечеству нерадѣніемъ объ усовершенствованіи издѣлій, какъ относительно прочности, такъ и наружнаго вида. Поставилъ на видъ неумѣренность барыша и невсегда добросовѣстность. Со мною спорилъ извѣстный тебѣ баронъ Мейендорфъ, надѣющійся, что, основавъ въ Тифлисѣ магазинъ, купцы успѣютъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, и вещи будутъ желаемой доброты.

Я посылаю тебѣ его на сей предметъ записку, которую, можетъ быть, не предполагаетъ онъ, что я тебѣ препровожу. Онъ мнѣ показывалъ письмо твое къ нему, которое сообщилъ онъ знатнѣйшимъ изъ купечества, и они въ восторгѣ отъ тебя и надѣются на могущественное твое покровительство, безъ котораго знаютъ они, что не будутъ имѣть успѣха. Я признаюсь, увѣрялъ ихъ, что если предпріятіе ихъ удостоено твоего одобренія, то обѣщаніе вспомоществовать имъ можетъ служить надежнѣйшимъ обезпеченіемъ.

Вскорѣ за нимъ князь Кочубей доставилъ мнѣ лично посланныя тобою бумаги. Ты не разъ далъ мнѣ замѣтить, сколько необходима тайна относительно предметовъ заключающихся въ нихъ, и я совершенно убѣжденъ въ томъ. Могу тебя увѣрить, что не только не похвастаю, что я что-либо знаю изъ твоихъ предположеній, но даже по самой необходимости долженъ молчать, ибо ничего кромѣ какъ изъ газетъ не знаю. Такъ на дняхъ прочиталъ о раздѣленіи Закавказскаго края на губерніи.

Будь покоенъ, любезнѣйшій князь, на мой счетъ: я очень цѣню довѣренность твою ко мнѣ и потому умѣю достойно помѣстить ее. Впрочемъ, бумага, о которой заботишься, позволь откровенно сказать, не заключаетъ въ себѣ на счетъ будущихъ предпріятій ничего точнаго, положительнаго; ибо все почти относится до разсмотрѣнія болѣе обстоятельнаго. И такъ согласись, что мудрено проговориться.

Еслибы удалось открыть каменный уголь въ Казыкумыкѣ, это было бы лучше золотыхъ пріисковъ! Князь Кочубей сказывалъ мнѣ, что онъ найденъ и превосходный въ Имеретіи и, это во многихъ отношеніяхъ дастъ

неисчислимыя выгоды. Нельзя безъ особеннаго уваженія слышать, какъ по всѣмъ частямъ управленія ты, любезнѣйшій князь, подвигаешь край впередъ! Тебѣ предлежитъ начертать планъ для дѣйствій твоимъ наслѣдникамъ, кои доселѣ разрушали труды бывшихъ ихъ предмѣстниковъ. Такъ истреблено изъ памяти то, что́ удавалось мнѣ сдѣлать, а въ десять съ половиною лѣтъ времени не можетъ быть, чтобы постоянно дѣлалъ я однѣ глупости. А когда вижу я столько памятниковъ воздвигнутыхъ генералу Головину, позволительно удивляться, что остался я въ памяти однихъ горцевъ, которымъ долженъ я быть благодарнымъ, ибо отзывы ихъ не въ порицаніе мнѣ.

Замѣть, что Акуша была посѣщена мною и 24 года была вѣрною, при мнѣ занятъ былъ и Казыкумыхъ. И такъ не смѣшивай меня съ тѣми изъ начальниковъ, которые влѣзли далѣе въ Дагестанъ. Никогда не мыслилъ я объ Аваріи: мнѣ довольно было тогдашнихъ тамъ раздоровъ, и можно было смирять ихъ безъ присутствія среди нихъ войскъ, но отнимая средства дѣлать набѣги и увлекать благопріятствующіе намъ народы. Таковыми легко было со временемъ сдѣлать Акушинцовъ и ихъ положить имъ преградою. Чрезъ Койсу надобна вѣрная переправа; въ Гергебилѣ или другомъ мѣстѣ, принадлежитъ твоей прозорливости. Во всякомъ случаѣ она произведетъ сильное моральное дѣйствіе.

Восхваляя духъ войскъ нашихъ, ты какъ будто укоряешь меня въ противномъ тому мнѣніи. Я никогда не сумнѣвался въ томъ и если допускалъ нѣкоторыя оттѣнки въ храбрости, то собственно по словамъ свидѣтелей, которыхъ случалось мнѣ слышать разсужденія. Напримѣръ, никто не сравнивалъ полки 5-го корпуса съ прежними войсками, и немногіе изъ нихъ называемы храбрыми. Можетъ быть, это неосновательно; конечно не я, совершенно ихъ не знающій, смѣлъ опредѣлять ихъ достоинство. Давно переставши быть военнымъ человѣкомъ, я не позволяю себѣ сужденій и признаюсь, что сдѣлался довольно ко всему равнодушнымъ. Я даже вѣрю повѣствованіямъ господина Данилевскаго. Сильнѣе этого не могу представить доказательства.

Убѣдись, сдѣлай одолженіе, что, зная труды войскъ, ихъ безпрерывныя занятія, познакомившись со многими изъ молодцовъ твоихъ подчиненныхъ, наслышавшись о дѣлахъ, какое чувство кромѣ уваженія можно имѣть къ нимъ? И такъ впредъ ни слова о храбрости войскъ, развѣ что другимъ могутъ они служить примѣромъ.

Ты говоришь, что когда бываешь съ войсками и когда живешь въ лагерѣ, это почитаешь отдохновеніемъ въ сравненіи съ жизнію въ Тифлисѣ. Знаю, какъ обремененъ ты дѣлами, сколько ежедневно часовъ проводишь за бумагами. Далеко не столько бывало у меня дѣлъ; ибо не было почти нововведеній, продолжался прежде установленный ходъ, а и я отдыхалъ лагерною жизнію. Тебѣ довольно одного преобразователя, знаменита-

го Гана, чтобы, разрушая созданіе его, имѣть несравненно болѣе занятій. Я хорошо это понимаю! Было время, что удивлялись его премудрости. Были у него сильные покровители, сильные защитники, и я видѣлъ депутацію изъ Грузіи, благодарившую за преобразованіе управленія, какъ даръ ниспосланный Небомъ! Къ сожалѣнію, это было въ достопамятныя времена Головина.

11.

Тифлисъ, 22 Апрѣля 1847.

(Рукою Ермолова: „отвѣтствовано 12 Маія 1847).

Любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ! Я такъ предъ тобою виноватъ, что не умѣю и не смѣю извиняться. На многіе пункты твоихъ писемъ я собирался отвѣчать на досугѣ, и ты, можетъ быть, не повѣришь мнѣ въ этомъ; но этого досуга я не нашелъ. Первая тому причина, какъ я уже разъ тебѣ писалъ, есть то, что для моей дряхлости нужно теперь гораздо болѣе противъ прежняго сна и, вставая противъ прежняго двумя часами позже, я теряю тѣже самые два часа самаго лучшаго времени для дѣлъ, какъ партикулярныхъ и партикулярной переписки, такъ и для служебныхъ, текущихъ и экстренныхъ. Въ два часа по полудни я чувствую, что я долженъ быть свободнымъ, для избѣжанія того, что̀ доктора называютъ febris cerebralis; со всѣмъ тѣмъ рѣдко могу избавиться отъ дѣлъ прежде 3-хъ часовъ. До 6-го ѣзжу какъ можно болѣе верхомъ, а вечеромъ я никогда и прежде дѣлами не занимался и не могъ заниматься, хотя ни обжорою, ни пьяницею меня назвать нельзя. Играю всякій вечеръ въ карты и въ этомъ нахожу еще ту большую выгоду, что тутъ и въ разговорѣ никто уже не атакуетъ меня съ дѣлами. Вслѣдствіе этого принужденнаго распредѣленія времени часто случается, что нѣсколько дней сряду не имѣю ни минуты для партикулярной переписки.

Уже теперь три мѣсяца, что̀ возлѣ меня лежатъ тѣ изъ твоихъ писемъ, которыя заключаютъ вопросы, на которые я долженъ отвѣчать, и къ величайшей моей досадѣ не могъ еще къ тому приступить; это будетъ, однако, непремѣнно сдѣлано и какъ можно скорѣе. Письма твои всегда будутъ со мною въ шкатулкѣ, и я найду и надѣюсь въ скоромъ времени свободный часъ, чтобы исполнить то, что̀ я давно бы долженъ сдѣлать. Въ походѣ и въ лагерѣ иногда гораздо болѣе свободнаго времени, нежели здѣсь въ центрѣ управленія, гдѣ кромѣ дѣлъ и пустыхъ и нужныхъ безпрестанно получаются свѣдѣнія и извѣстія съ театра главныхъ нашихъ дѣйствій, изъ коихъ большая часть измѣняется слѣдующею почтою, но на которыя надо отписываться и распоряжаться и часто надобно безпокоиться. Но на это я всегда былъ хладнокровенъ, и теперь опытъ многихъ десятковъ лѣтъ мнѣ до-

казалъ, что недовѣрчивость къ пустымъ слухамъ и хладнокровіе на счетъ пугательныхъ извѣстій есть единственный способъ для спасенія и своего здоровія, и самаго дѣла, когда вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, всѣ предосторожности всегда взяты для могущихъ быть опасностей.

Ты могъ видѣть изъ печатныхъ нашихъ извѣстій, что вся зима, какъ и прежде того осень и теперь почти половина весны, прошли безъ всякаго не только вреднаго для насъ нападенія отъ непріятеля, но даже безъ всякаго серьознаго покушенія. Напротивъ того, всѣ поиски съ нашей стороны были удачны и нѣкоторые довольно важны. Со всѣмъ тѣмъ во все это время не проходило недѣли или 10 дней, чтобы я не получалъ извѣстія отъ разныхъ начальниковъ, что непріятель въ ужасныхъ силахъ собирается то на одинъ пунктъ, то на другой, и что нѣкоторые единомышленники готовы ихъ принять и соединиться съ ними. Еслибы я хотя одной половинѣ всего этого вѣрилъ, я былъ бы въ безпрестанномъ кипяткѣ и раза два или три долженъ былъ бы рѣшиться бросить всѣ здѣшнія дѣла по устройству края и ѣхать на Линію; но я не вѣрилъ ни десятой части всего писаннаго и, зная расположеніе и силу нашихъ войскъ, я только что имъ показывалъ, гдѣ должны быть резервы и всегда объявлялъ въ отвѣтъ, что одно только раздробленіе нашихъ войскъ и несогласія между начальниками могутъ имѣть дурныя послѣдствія, но что силы наши таковы, что непріятель никуда серьозно не пойдетъ и что мы должны желать и просить Бога, чтобы Шамиль опять пустился на что - либо подобное прошлогоднему: ибо послѣ того примѣра онъ конечно былъ бы гораздо болѣе наказанъ. Во все это время я немного боялся за одинъ только пунктъ, а именно верхнія деревни Казикумыхскаго ханства, которыя мы не можемъ защитить до половины Маія, такъ что и теперь опасность сія не совершенно миновалась. Въ тѣхъ высокихъ мѣстахъ подножный кормъ является поздно, и до того времени ни войска наши, ни жители не могутъ возстановить разоренныя въ прошломъ году деревни Цудахаръ и Ходжалъ-Махи. Первая изъ нихъ открываетъ всегда свободную дорогу и на Акушу, и на Кумыхъ. На Акушу я ихъ не боюсь, потому что мы могли поставить резервы довольно близко; но деревни между Цудахаромъ и Кумыхомъ и самый Кумыхъ, кромѣ укрѣпленія, гдѣ у насъ двѣ роты, неприступны, не могутъ быть скоро подкрѣплены по невозможности Самурскому отряду зимою держать резервы даже въ Курахѣ. Къ будущему году это положеніе должно поправиться. Съ мѣста я непремѣнно писать къ тебѣ буду, а между тѣмъ Сафонову я поручилъ сообщить тебѣ все, что окажется примѣчательнаго по гражданскимъ распоряженіямъ здѣсь и во-

первыхъ все, что у насъ теперь въ ходу по устройству сообщенія съ Чернымъ моремъ.

Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ. У насъ вчера была славная скачка, вещь, которая у насъ здѣсь весьма входитъ въ моду и всѣмъ нравится; выигралъ жеребецъ Вадимъ, завода Петровскаго, выписанный сыномъ моимъ. Остаюсь всегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

*

Изъ отвѣта на это письмо приводимъ слѣдующую выдержку (отъ 1 Іюля 1817).

Не безъ вниманія выслушиваю я замѣчанія твои, что ты для отдохновенія имѣешь нужду въ продолжительнѣйшемъ снѣ нежели прежде. Я четырью годами тебя старѣе и хотя не только трудовъ не имѣю, но въ совершенномъ живу покоѣ, чувствую однакоже упадокъ силъ и необходимость во вниманіи для возстановленія ихъ. Тебѣ, любезнѣйшій князь, не разъ поставлялъ я на видъ, что ты чрезмѣрную допускаешь дѣятельность, спѣша все осмотрѣть собственными глазами. Конечно всегда лучше глазъ хозяина; но есть предметы, до которыхъ можетъ дойти очередь въ послѣдствіи, и ты въ два года времени, въ обширномъ краѣ твоемъ, не оставилъ угла тобою не посѣщеннаго. Этому конечно всякой удивится, особливо не разумѣя, что это могло быть иначе. Весьма мудро сказалъ нѣкто изъ писателей, что *умѣть старится есть наука трудная*. При всѣхъ твоихъ достоинствахъ ты этого не имѣешь! Тебѣ надобно такъ разсчитывать, чтобы Кавказъ могъ бы еще долго быть подъ твоимъ управленіемъ. Тогда оставишь вѣчные памятники и глубоко врѣжешь пути для твоихъ наслѣдниковъ. Иначе не должно! Я говорю изъ опыта. Не имѣвши далеко твоихъ средствъ, ни той власти, въ каковую ты облеченъ, и тогда какъ Кавказъ, послѣ великихъ современныхъ событій, мало обращалъ на себя вниманія и почасту никакого удостоиваемъ не былъ, я при малыхъ способахъ не могъ сдѣлать чрезвычайнаго; но и то малое, чтò я сдѣлалъ, мои наслѣдники или затмили, или себѣ приписали, наброся на меня порицаніе. Съ Воронцовымъ не должно это случиться, и я хочу вѣрить, что быть не можетъ; но безъ сумнѣнія наслѣдники предложатъ перемѣны подъ видомъ необходимаго улучшенія и, наконецъ, выставятъ за собственное сотвореніе. Этого нельзя будетъ сдѣлать, когда начертанъ будетъ планъ для ихъ дѣйствій, обуздывающій несокрушимый духъ нововведеній. Неужели членъ Государственнаго Совѣта *Ганъ* долженъ заключить породу шарлатановъ?

Согласишься, думаю, съ основательностію замѣчанія моего. На Воронцовѣ могутъ возлежать обязанности и въ отношеніи къ знатному имени своему, для котораго ты долженъ работать. Ты не имѣешь, подобно намъ, выгоды принадлежать къ происхожденію плебеянскому. Для насъ достаточна посредственная иллюстрація. За то съ вами иначе совсѣмъ и осторожнѣе поступаютъ, какъ превосходящими тотъ классъ, который называется corvéable, taillable (et je crois même un peu tuable), то есть мы.

12.

Лагерь на Турчидагѣ, 1 Іюля 1847.

Наконецъ, имѣю возможность къ тебѣ писать, любезный Алексѣй Петровичъ, и пользуюсь оной съ искреннимъ удовольствіемъ. Ты вѣрно знаешь и по слухамъ, и по тому что̀, я надѣюсь, въ Петербургѣ о насъ напечатали, заботы и затрудненія, встрѣченныя мною съ самаго прибытія моего недѣль шесть тому назадъ въ Дагестанъ. На самомъ Сулакѣ я встрѣтился съ холерою, и эта проклятая болѣзнь, помѣшавшая намъ кончить съ Гергебилемъ, начала было такъ ослаблять нашу численность, что я счелъ первымъ долгомъ отложить дѣйствія противъ горцевъ и заняться сперва здоровьемъ обоихъ отрядовъ, князя Бебутова и князя Аргутинскаго. Атака бреши, сдѣланной въ Гергебилѣ, не удалась; но мы бы ее возобновили и, по совершенному бездѣйствію Шамиля, который на насъ смотрѣлъ съ высокой горы за Кара-Койсу, не смѣя ничего предпринимать въ пользу осажденныхъ, Гергебиль долго не могъ и можетъ быть не желалъ бы долго противиться, но мы начали терять много людей и изъ высшихъ чиновъ отъ эпидеміи. Мѣста, нами занимаемыя, были нездоровыя, и проклятая эта болѣзнь дѣйствовала физически даже на тѣхъ, которые серьозно не заболѣвали; такъ называемая аура-холерика ослабляла людей вообще. Я счелъ, что было бы грѣшно оставить войска подъ такимъ вліяніемъ и рисковать такимъ уменьшеніемъ въ батальонахъ, что и на будущія движенія у насъ силъ бы не стало; я рѣшился взять сперва мѣры поправленія здоровья въ войскахъ и потомъ выждать, чтобы болѣзнь около насъ истощилась. Оставивъ три батальона на высотахъ около Ходжалъ-Махи, для укрѣпленія этого важнаго пункта, я пошелъ съ прочими по Акушинскимъ горамъ малыми переходами и съ дневками на Кумыхъ и оттуда сюда на Турчидагъ. Движеніе это имѣло наилучшіе результаты. Съ самаго втораго перехода мы почти совершенно простились съ холерою, имѣя только три или четыре случая сомнительныхъ; а здѣсь, на высотѣ 9000 футъ, въ прекрасномъ и богатомъ пастбищномъ мѣстѣ, мы не только холеры, но никакихъ другихъ болѣзней не имѣемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ батальоны, оставшіеся въ Ходжалъ-Махи съ выборомъ сколько возможно было здоровой мѣстности, потеряли только въ первые дни умершими одного офицера и пять или шесть нижнихъ чиновъ. Теперь уже нѣсколько дней у нихъ нѣтъ ни одного случая, и работы укрѣпленія идутъ самымъ успѣшнымъ образомъ. Здѣсь у меня девять батальоновъ и всѣхъ чиновъ съ милиціею и пр. до 8000 человѣкъ. Всего больныхъ менѣе сорока человѣкъ; мы ни одного не отослали въ госпитали и, напротивъ

того выздоравливающіе изъ оныхъ ежедневно насъ здѣсь усиливаютъ. Вокругъ насъ подъ ногами и въ непріятельскихъ деревняхъ, и между Кумыхскими жителями, а также въ богатыхъ деревняхъ между Кумыхомъ и Цудахаромъ, болѣзнь еще сильно дѣйствуетъ. Въ лагерѣ Кибитъ-Магомы у подошвы Гуниба смертность ужасная. Шамиль съ маленькимъ сборомъ старается избѣгать холеру перемѣною мѣста, но не переходя Кара-Койсу. Они боятся насъ, ибо съ Турчидага можно идти куда угодно, и боятся также эпидеміи.

Успѣвъ сохранить отрядъ отъ смертоноснаго дѣйствія болѣзни, я бы хотѣлъ однако поскорѣе возобновить дѣйствія; но для этого надобно, чтобы болѣзнь или исчезла или сильно уменьшилась въ тѣхъ мѣстахъ, куда идти будетъ полезно. Надобно терпѣніе, время есть еще предъ нами, и я не оставлю эту часть Дагестана, не сдѣлавъ всего нужнаго для лучшаго положенія нашихъ войскъ здѣсь и для защиты, укрѣпленія и спокойствія всего покорнаго намъ края.

Несмотря на всѣ непріятности и заботы, которыя меня встрѣтили, я болѣе и болѣе радуюсь что въ этомъ году я не остался въ Чечнѣ или въ другихъ мѣстахъ, а прибылъ сюда. Я теперь совершенно познакомился не описаніями и разсказами, но собственными глазами съ единственною частью Дагестана, которую я прежде лично не зналъ. Въ 1845 году я видѣлъ почти все отъ Андійскаго Койсу до Ичкеринскихъ лѣсовъ и Чечню; въ прошломъ году я объѣхалъ весь покорный намъ Дагестанъ отъ Казикумыхскаго Койсу до Самура и Ширвани. Теперь здѣсь, съ Турчидага, я вижу, какъ на ладони, весь средній Дагестанъ до самымъ Андійскихъ воротъ. У насъ подъ ногами Сугратль, Каракскія горы, Чемоданъ-гора, Ругджа, Гунибъ, Кегеръ и вся Аварія. Теперь по крайней мѣрѣ я могу судить, сколько во мнѣ есть уразумѣнія, что̀ намъ нужно имѣть и защищать и какія мѣста могутъ быть болѣе или менѣе подъ нашимъ вліяніемъ, но никогда нами занимаемы быть не должны.

Послѣднее твое письмо, гдѣ ты говоришь о Казикумыхскомъ Койсу, какъ о натуральной нашей границѣ здѣсь, доказываетъ мнѣ теперь, сколь ты лучше судилъ и судишь о здѣшнемъ краѣ, нежели всѣ главные начальники, которые въ теченіи 20 лѣтъ послѣ тебя здѣсь управляли и воевали. До прибытія моего сюда я увлекался мнѣніемъ многихъ, что намъ бы полезно было занять Ругджу и Гунибъ. Теперь я ясно вижу, что эта мысль была совершенно ошибочная. Что̀ же касается до занятія Аваріи, то пусть Богъ проститъ тѣхъ, которые имѣли эту мысль и по оной дѣйствовали. Конечно мы

всегда должны имѣть возможность (и это весьма легко) сдѣлать набѣгъ, если обстоятельства того потребуютъ, и на Аварію, и на Тилитли, и на другія мѣста; но думать о постоянномъ занятіи внутренности этихъ проклятыхъ горъ безъ всякаго способа существованія, безъ всякаго предмета и съ огромными издержками для перевозки провіанта и снарядовъ, есть по моему мнѣнію совершенное сумасшествіе, не говоря о томъ еще, что таковое занятіе потребовало бы употребленія нашихъ резервовъ и что этимъ резервамъ, въ случаѣ возстанія со стороны, у насъ не осталось бы чѣмъ помочь. Между тѣмъ во все это время ничего не было сдѣлано для совершеннаго обезпеченія, особенно въ зимніе мѣсяцы и раннею весною, покорныхъ намъ Казикумыхскаго ханства и Даргинскаго общества. Самурскій отрядъ, по недостатку топлива, каждую осень отходилъ на Самуръ болѣе 300 верстъ отъ настоящей линіи; такимъ образомъ не только весь край, но и слабые наши гарнизоны въ Кумыхѣ и Чирахъ оставались шесть или семь мѣсяцевъ въ году совершенно безъ защиты. Отъ этого также богатая и преданная намъ деревня Чохъ въ началѣ 1845 года была разорена Даніель-Бекомъ, а въ прошломъ году Шамиль, прежде разбитія своего въ Куташи, разорилъ сильныя и преданныя намъ деревни Цудахаръ и Ходжалъ-Махи.

Для защиты Даргинскаго общества и даже Мехтулинскаго ханства я еще въ прошломъ году согласился съ княземъ Аргутинскимъ о переводѣ въ теченіи нынѣшняго 1847 года Самурскаго пѣхотнаго полка съ праваго берега Самура на урочище Джедагоръ, недалеко отъ Акушинской границы, и теперь тамъ строится полковой штабъ. Ходжалъ-Махи теперь укрѣпляется, и жители тамъ опять строются, видя, что имъ уже не будетъ никакой опасности и что ихъ богатые сады и виноградники остались цѣлы. Остается теперь возстановить Цудахаръ при присутствіи части нашихъ войскъ и обезпечить весь Казикумыхъ.

Вотъ наше главное дѣло, и я надѣюсь, что съ помощью Божіею мы въ ономъ успѣемъ. Главное затрудненіе всегда было совершенный недостатокъ въ топливѣ, не позволявшемъ никакимъ резервамъ оставаться здѣсь зимою. Это затрудненіе чудеснымъ образомъ теперь устранено. Еще въ прошломъ году содѣйствіемъ князя Аргутинскаго, чрезъ нарочныхъ спеціальныхъ чиновниковъ, мы искали между Акушею и Кумыхомъ каменный уголь, но удачи не было. Въ прошедшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ я пригласилъ извѣстнаго профессора Абиха поѣхать на мѣста, гдѣ еще въ 1843 году князь Аргутинскій писалъ генералу Нейдгарту, что по его мнѣнію есть признаки драгоцѣннаго для здѣшней мѣстности минерала. Князь Аргутинскій далъ ему вѣрныхъ проводниковъ и ра-

бочихъ, и къ истинному моему восхищенію, когда мы были еще въ Ходжалъ-Махи, г. Абихъ привезъ мнѣ обращики найденнаго имъ настоящаго каменнаго угля. Мѣсто онаго около деревни Улучуръ, въ 12-ти верстахъ отъ Кумыха. Будучи почти на дорогѣ нашей, когда мы шли сюда, я остановился тамъ съ большою частью отряда на три дня. Мы нашли уголь не въ одномъ, а въ десяти мѣстахъ, а какъ въ рабочихъ не было недостатка, то и успѣли добыть тогда же нѣсколько сотъ пудовъ и тутъ же начали пробовать и употреблять его въ земляныхъ печахъ. Тоже самое дѣлаемъ здѣсь, и къ намъ привозятъ сюда уже уголь со всѣхъ сторонъ, ибо за каждый вьюкъ получаютъ по полтинѣ. Солдаты и жители знакомятся съ употребленіемъ онаго, и важнѣйшій вопросъ о возможности имѣть зимою резервъ изъ 2 или 3 батальоновъ въ окрестностяхъ Кумыха изъ графскаго полка (Ширванскаго) торжественно рѣшенъ. Это большой результатъ, и можетъ быть, что безъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя меня повели съ отрядомъ по этимъ мѣстамъ, дѣло угля, столь для насъ интересное, осталось бы по крайней мѣрѣ до будущаго года нерѣшеннымъ.

Вотъ, любезный Алексѣй Петровичъ, точное описаніе теперешняго нашего положенія. Я изложилъ оное во всей подробности, потому что ты берешь участіе во всемъ до меня касающемся и потому что ты такъ совершенно знаешь край сей и чтò надобно желать и дѣлать для будущности онаго. Обо всемъ, чтó я тебѣ изложилъ, напиши мнѣ твои примѣчанія и заключенія: всякое твое мнѣніе для меня драгоцѣнно и полезно.

Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ. Я пересмотрю еще на дняхъ всѣ твои письма и если найду какіе-нибудь вопросы, на которые не отвѣчалъ, то немедленно это сдѣлаю. Преданный тебѣ М. Воронцовъ.

13.

Тифлисъ, 3 Ноября 1847 г.

Съ послѣднею экстрапочтою я получилъ, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ 20-го Октября и сожалѣю теперь очень, что слухи о твоемъ отъѣздѣ еще въ Сентябрѣ помѣшали мнѣ написать тебѣ прямо и подробнѣе о счастливомъ окончаніи нашей кампаніи взятіемъ Салтовъ въ глазахъ Шамиля, не смотря на неимовѣрныя усилія его, чтобы мы не успѣли въ предпріятіи, отъ котораго зависѣлъ весь результатъ пятимѣсячныхъ трудовъ съ нашей стороны, а со стороны Лезгинъ повсемѣстные сборы и особливо на опредѣленіе отъ Имама храбрѣйшимъ мюридамъ со всего Дагестана—не отдать намъ

Салты или умереть защищая оные. Вотъ отчего успѣхъ сей важенъ и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ, и для будущаго; горцы увидѣли нашу силу и свою слабость противъ серьозной отъ насъ атаки. Кромѣ того надобно замѣтить, что хотя пребываніе мое во все время на непріятельской землѣ заставило и Шамиля быть безотлучно пять мѣсяцевъ на Кара-Койсу, не предпринимая совершенно ничего ни въ какую другую сторону и что съ нашей стороны никакого отвлеченія его силъ не было (потому что холера помѣшала Чеченскому отряду собираться и строить башню на Гойтѣ), силы Шамиля были, во все время, слабы. Послѣ дѣла 7-го Августа противъ Кибитъ-Магомы главный этотъ сборъ не ретировался, а просто разбѣжался по домамъ, и только недѣли двѣ послѣ того онъ могъ собрать 5 или 6000 человѣкъ, съ которыми стоялъ все время между Аварскимъ Койсу и Кара-Койсу и не смѣлъ уже никого оставить, ни на одну ночь, въ лагерѣ на правомъ берегу Кара-Койсу.

Я найду средство послать тебѣ подробности нашей осады, въ продолженіе которой мы употребили конечно огромныя средства; но это было необходимо, чтобы побѣдить отчаянное сопротивленіе трехъ-тысячнаго гарнизона, рѣшившагося умереть, частью отъ фанатизма, а частью отъ страха самого Шамиля: ибо онъ угрожалъ и дѣйствительно сначала казнилъ смертью нѣкоторыхъ, которые вышли въ первые дни изъ Салты нераненые. Онъ теперь заплатилъ съ процентами за прискорбное для насъ событіе 43-го года, когда нашъ гарнизонъ въ Гергебилѣ былъ имъ истребленъ въ глазахъ нашего отряда. Въ будущемъ письмѣ, кромѣ подробностей о происшедшемъ, я напишу тебѣ о послѣдствіяхъ, которыя можно ожидать отъ дѣйствій сего года и скажу тебѣ теперь только, что я радуюсь, видя, что предположенія мои для охраненія края и ослабленія непріятеля согласны съ твоими видами: ты одинъ изъ здѣшнихъ бывшихъ начальниковъ видишь дѣла Дагестанскія совершенно такъ, какъ они мнѣ показались по близкому знакомству съ симъ единственнымъ въ свѣтѣ краемъ. Вообрази, что я вчера получилъ письмо отъ Головина, въ которомъ, поздравляя съ Салтами, онъ опять твердитъ настоятельно, что надобно занять Аварію и что потеря этой провинціи единственная причина всѣхъ бывшихъ несчастій и будущихъ трудностей и неудобствъ.

Это письмо я посылаю къ Булгакову, котораго я уже прежде просилъ узнать, какимъ способомъ можно съ тобою переписываться, когда ты будешь за границей; ибо я совсѣмъ не понимаю твоей мысли, что разъ за границею, переписки съ тобою не будетъ. На то есть почты

и особливо банкиры. Вѣна, для Германіи и Венеція, Флоренція и Римъ для Италіи, суть пункты, которые ты миновать не можешь и съ помощью которыхъ всегда можно сообщаться. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; вѣрь истинной моей къ тебѣ преданности.

М. Воронцовъ.

14.

Тифлисъ, 20 Декабря 1847 г.

Я совершенно былъ удивленъ, любезный Алексѣй Петровичъ, полученіемъ вчерашняго числа твоего письма, тогда какъ тебя считалъ по крайней мѣрѣ на границѣ. Съ самаго Сентября мѣсяца ты безпрестанно выѣзжаешь въ дорогу, не приказываешь къ себѣ писать, говоришь, что и за границею письма наши тебя не найдутъ, а теперь вотъ уже половина Декабря, ты еще въ Москвѣ, а все такъ и не говоришь, когда именно выѣдешь, такъ что я въ совершенной неизвѣстности, найдетъ ли это письмо тебя тамъ *). Признайся, однако, что большая разница, особливо когда столько разныхъ препятствій и безъ того мѣшаютъ писать съ увѣренностію или, по крайней мѣрѣ, надеждою, что письмо дойдетъ въ руки и скоро, или писать тому, кто гово-

---

*) Ермоловъ писалъ 14 Августа 1847 г.

Въ концѣ Сентября намѣреваюсь я ѣхать на годъ за границу. Не болѣзнь гонитъ меня, но жизнь скучная, единообразная и лѣнь, совершенно покорившая меня. Словомъ, жизнь преглупая. Объѣду сколько будетъ возможно. Не буду представленъ ни къ одному двору, не сдѣлаю никакихъ знакомствъ, кромѣ хозяина гостиницы, въ которой буду жить. Буду пользоваться общественными удовольствіями. Гдѣ понравится, поживу долѣе; не покажется хорошо, ѣду далѣе. Одно изъ желаній быть зиму въ Италіи, и болѣе ничего не знаю. Со мною ѣдетъ одинъ изъ хорошихъ моихъ знакомыхъ, весьма много жившій за границею. Невозможно человѣку въ семдесятъ лѣтъ не имѣть съ собою кого-нибудь изъ близкихъ.

Не думаю, чтобы встрѣтилъ я затрудненіе въ увольненіи, въ чемъ не отказываютъ никому, и ожидаю на письмо о томъ отвѣта.

Съ нѣкотораго время доходитъ до меня молва, впрочемъ ни на чемъ не основанная, что будто ты намѣреваешься сократить время пребыванія твоего на Кавказѣ. Это молва не порожденная болтливою Москвою, но перешедшая сюда изъ Петербурга, гдѣ конечно немало завидующихъ блистательному твоему положенію, твоему могуществу, въ особенности же при расположеніи къ тебѣ Государя. Молвѣ этой я не даю вѣры и прошу тебя не думать, что сообщаю о ней съ намѣреніемъ вызвать тебя на отвѣтъ, который бы могъ объяснить ее. Прошу ни слова мнѣ не говорить о томъ.

ритъ: «не пиши, цѣлый годъ буду тамъ, гдѣ и воронъ костей моихъ не сыщетъ».

Одинъ офицеръ, отправляется сегодня черезъ Москву въ Петербургъ; я пользуюсь его отъѣздомъ, чтобы отправить это письмо и новую 10-ти верстную карту Кавказа, прося его отдать ихъ непремѣнно или тебѣ самому или Булгакову, который, въ случаѣ недавняго передъ тѣмъ твоего отъѣзда, всетаки будетъ знать, я думаю, какъ тебя догнать и то и другое тебѣ доставить. Скажу о картѣ, что она вышла изъ литографіи, когда я былъ уже въ экспедиціи; мысль, что ты уѣхалъ, болѣзнь моя и пр. оправдываютъ меня до нѣкоторой степени въ томъ, что экземпляръ не былъ къ тебѣ прежде доставленъ; я всетаки и сожалѣю и даже признаю себя виновнымъ, что по возвращеніи въ Тифлисъ я къ тебѣ ея не послалъ на удалую и на всякій случай. Этакой карты еще никогда здѣсь не печатали; въ рукописныхъ же листахъ пятиверстной, для меня сдѣланной, я нашелъ столько ошибокъ, что и свои листы отдалъ въ штабъ для поправленія и не получу ихъ обратно прежде весны.

Не знаю, какъ мои будущія письма къ тебѣ дойдутъ и опять скажу, что ты такъ меня запуталъ своими извѣстіями объ отъѣздѣ и пр., что о многомъ осталось писать, о чемъ по крайней мѣрѣ одинъ или два раза я бы въ послѣдніе два мѣсяца могъ распространиться. Еще одно слово въ отвѣтъ на послѣднее письмо твое о пунктѣ Карадагскаго моста: все, чтò ты объ этомъ говоришь, еще доказываетъ, какъ превосходно ты знаешь и судишь о дѣлахъ Дагестанскихъ. Входить въ подробности мнѣ теперь невозможно; скажу только, что я всегда чувствовалъ важность этого пункта и, можетъ быть, въ одномъ только съ тобою несогласенъ, а именно я полагаю, что лучше и вѣрнѣе сперва имѣть Гергебиль.

Я всетаки надѣюсь, что Булгаковъ найдетъ средство доставлять тебѣ мои письма еще прежде, нежели ты въ Маіѣ мѣсяцѣ будешь въ Парижѣ. Я тотчасъ послалъ справиться на счетъ выписки твоей изъ сочиненій г. Константинова, который самъ уѣхалъ въ Петербургъ и узнàю, какъ это было.

Аргутинскій уже имѣлъ случай доказать выгоду новаго расположенія нашихъ резервовъ и единства начальства въ Дагестанѣ. Въ первыхъ числахъ Декабря онъ ходилъ съ 6-ю батальонами за Койсу Казикумыхскій и прогналъ мюридовъ изъ пограничныхъ деревень Мухранскаго магала, гдѣ они уже четыре года безпрепятственно находи-

лись. Фрейтагъ сильно дѣйствуетъ, рубитъ лѣса и очищаетъ широкія просѣчки между Гойтою и Урусъ-Мартаномъ; предпріимчивый полковникъ Слѣпцовъ сдѣлалъ неожиданную и успѣшную экспедицію изъ Ачкоя на деревни и хутора Умаханъ-Юрта, за Валерикомъ, вправо отъ Русской дороги, взялъ плѣнныхъ, рогатаго скота, оружіе и истребилъ всѣ строенія, хлѣбные запасы и сѣно. Чеченцы болѣе и болѣе находятся въ крайности. Шамиль, не довѣряя Кибитъ-Магомѣ и другимъ своимъ наибамъ, которые хотя привержены и послушны ему, имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе и интересъ не губить подчиненное имъ населеніе, смѣнилъ ихъ новыми сорванцами, которые ни на что не смотрятъ кромѣ исполненія его воли; отъ нихъ онъ требуетъ безпрестанныя на насъ попытки, которыя также безпрестанно кончаются къ ихъ стыду и урону. Этакое положеніе вещей не долго можетъ продлиться, и можно надѣяться, что терпѣнію у народа будетъ конецъ.

Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; княгиня тебѣ усердно кланяется. Остаюсь преданный тебѣ М. Воронцовъ.

(Окончаніе будетъ).

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ МОЛОДОСТИ.

Воспоминанія Г. Д. Щербачева.

V *).

Петербургская жизнь нѣсколько разъединила товарищескій кружокъ, въ которомъ я жилъ въ Новгородѣ и лагерѣ; только съ Левинымъ и Хлюстинымъ я продолжалъ часто видаться, и въ казармахъ, и у нашихъ общихъ знакомыхъ, и въ маскарадахъ, до которыхъ мы всѣ трое были большіе охотники. Вслѣдствіе нашихъ дружескихъ отношеній насъ прозвали тремя мушкатерами: Левина назвали Атосомъ, Хлюстина—Портосомъ, а меня Арамисомъ; названія эти были взяты изъ появившагося въ то время и надѣлавшаго много шума Французскаго романа: «*Les trois Mousquetaires*». Многія маски, подходя къ намъ въ маскарадахъ, называли насъ часто этими именами. Маскарады того времени и въ особенности тѣ, которые давались въ Дворянскомъ Собраніи, носили совершенно иной характеръ въ сравненіи съ нынѣшними. Ихъ очень любилъ и часто посѣщалъ императоръ Николай Павловичъ, присутствіе котораго никого не стѣсняло, такъ какъ онъ былъ всегда веселъ и велъ самые оживленные разговоры съ масками, его окружавшими и бывшими въ восторгѣ отъ его любезности и остроумія. Государь и большинство офицеровъ бывали въ маскарадахъ обыкновенно въ домино, то есть въ длинныхъ атласныхъ плащахъ, накинутыхъ на плеча; ношеніе въ маскарадахъ плащей или домино продолжалось два или три года, а затѣмъ оно было отмѣнено. Ольга С...., будучи живаго и бойкаго характера, нерѣдко интриговала Государя; она ему по видимому нравилась, такъ какъ, оставляя ея руку передъ отъѣздомъ изъ маскарада, онъ у нея спрашивалъ обыкновенно, пріѣдетъ ли она въ слѣдующій маскарадъ. Первый разъ, какъ О. С.... ходила съ Государемъ, она ему сказала, что у нея есть просьба къ Его Величеству. Государь нахмурилъ брови и отвѣчалъ, что онъ никакихъ просьбъ въ маскарадахъ не принимаетъ; сдѣлавъ недовольную мину, она вздохнула

---

*) См. выше стр. 83.

и замолчала; тогда Государь спросилъ, въ чемъ заключается ея просьба. Она самымъ наивнымъ образомъ отвѣчала, что онъ держитъ слишкомъ высоко руку, такъ что ей неловко съ нимъ ходить, а потому она проситъ ее опустить. Государь улыбнулся и исполнилъ ея просьбу. Въ маскарадахъ составлялись иногда свадьбы; такъ одна молодая особа была влюблена въ офицера Преображенскаго полка Пенхержевскаго и хотѣла выйти за него замужъ, но ея родители не соглашались; тогда она обратилась въ маскарадѣ съ просьбой къ Государю устроить ея свадьбу. Государь принялъ въ ней участіе, и свадьба вскорѣ состоялась. Впослѣдствіи Пенхержевскій умеръ, а вдова его вышла замужъ за графа Кушелева. Объ этихъ случаяхъ и многихъ другихъ, бывшихъ съ Государемъ въ маскарадахъ, много говорили въ то время.

Въ одномъ изъ маскарадовъ ко мнѣ подошла Ольга С...... и сказала, что пріѣхавшая изъ Москвы сестра ея мужа, большая пріятельница моей матери, Т.....ва желаетъ меня видѣть и при этомъ дала ея адресъ. Я поѣхалъ къ Т....ой на другой же день. Встрѣтивъ очень любезно, она познакомила меня съ своей племянницей Анной С....ой, пріѣхавшей съ ней изъ Москвы. Анна С.....ва была высокая, стройная брюнетка, со смуглымъ лицомъ, выразительными черными глазами и съ обворожительной улыбкой; ее можно было бы назвать красавицей, если бы не ротъ ея, который былъ нѣсколько великъ. При первомъ взгляды на Анну С....ву я былъ пораженъ сходствомъ ея глазъ съ глазами Бетси: мнѣ вспомнилась моя первая любовь, я живо представилъ себѣ все пережитое и перечувствованное, и въ моемъ сердцѣ невольно пробудилась симпатія къ Аннѣ С......ой. Т....ва была очень умная и добрая женщина; она полюбила меня какъ сына; бывая у нея довольно часто, я чувствовалъ, что моя симпатія къ Аннѣ С......ой растетъ; наконецъ, она обратилась въ самую горячую любовь съ тѣми же порывами ревности и съ тѣми же безразсудными выходками, которыми отличалась моя любовь къ Бетси. Но надобно сказать, что между Бетси и Анной С.....вой была огромная разница. Бетси только начинала жить; не имѣя опытности и не зная свѣта, она говорила то, что́ думаетъ и чувствуетъ; въ ней не было ни кокетства, ни тщеславія; ей нравились книги болѣе туалета и интимныя бесѣды болѣе бальныхъ успѣховъ. Анна же С........ва искусилась уже свѣтскими удовольствіями; она поняла людей и умѣла заставить цѣнить ея достоинства; любя внѣшность и испытавъ въ жизни разочарованіе, она старалась жить болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ. Мнѣніе это объ Аннѣ С......вой составилось во мнѣ гораздо позже моего перваго съ ней знакомства; въ то же время когда я ее полюбилъ, она мнѣ казалась со-

вершенствомъ: я думалъ, что жить и не любить ея было невозможно. Слишкомъ долго было бы описывать подробно исторію моей любви, она была похожа на всѣ подобныя исторіи; скажу только, что и въ настоящее время я не знаю, платила ли мнѣ Анна С...ва взаимностью. Я никогда не объяснялъ ей моей любви вслѣдствіе застѣнчивости, а она никогда не говорила мнѣ о своей; но подчасъ она меня дарила такими привѣтливыми взглядами, что я считалъ себя счастливѣйшимъ изъ людей; а подчасъ мнѣ казалось, что она предпочитаетъ мнѣ одного офицера гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона К....., который былъ влюбленъ въ нее также какъ и я. Подъ вліяніемъ этой послѣдней мысли, ревность меня душила, и я рѣшался иногда прекратить съ Анной С......ой знакомство; но проходилъ день - другой, и я снова ѣхалъ къ ея теткѣ и снова, при малѣйшемъ вниманіи ко мнѣ, думалъ видѣть любовь тамъ, гдѣ, можетъ быть, ея не было. Въ такомъ положеніи дѣлъ прошла зима, въ теченіе которой я бывалъ также часто и у Ольги С...., съ которой очень сдружился и которой ввѣрилъ тайну моей любви къ Аннѣ С......ой. Черезъ Ольгу С.... я зналъ все что̀ дѣлаетъ и гдѣ бываетъ Анна С....ва; но любила ли меня Анна С....ва, этого Ольга С...... не знала, хотя предполагала, что *да*. Наконецъ наступила весна; батарея, въ которой я служилъ, выступила въ лагерь въ самомъ началѣ Мая. Т.....ва должна была ѣхать въ деревню съ своей племянницей въ Іюнѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы осенью вернуться въ Петербургъ. Поселившись въ лагерѣ, какъ и въ прошломъ году, вмѣстѣ съ Левинымъ и въ той же самой избѣ, мы проводили время бесѣдуя о нашихъ сердечныхъ дѣлахъ и ожидая съ нетерпѣніемъ праздничнаго дня, чтобы ѣхать въ Петербургъ и видѣться съ любимыми нами женщинами.

Въ одинъ изъ такихъ дней, лошади уже стояли у крыльца, какъ пріѣхавшій съ почты писарь подалъ мнѣ письмо. Взглянувъ на него, я узналъ почеркъ Т....ой и не безъ волненія сорвалъ печать. Т....ва писала, что особыя неожиданныя обстоятельства заставили ее уѣхать въ Москву, не видавшись со мной, что она очень о томъ сожалѣетъ, но надѣется, по возвращеніи въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Петербургъ, найти меня здоровымъ и веселымъ, какъ всегда. Въ концѣ письма была слѣдующая приписка: «моя племянница *Annette* просила передать вамъ ея искренній и вмѣстѣ съ тѣмъ прощальный поклонъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, она не пріѣдетъ болѣе въ Петербургъ». Письмо это меня поразило. Я просилъ разъясненія его у Ольги С..... и узналъ отъ нея слѣдующее. Т......ва была несовсѣмъ довольна, что я ухаживаю за ея племянницей; находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей матерью, она ей сообщила о моей любви къ Аннѣ С......ой и объ-

яснила причины, по которымъ она не желала бы, чтобы я на ней женился. Моя мать, зная, что у Анны С....ой не было никакого состоянія, а у меня было весьма небольшое, пришла въ ужасъ при извѣстіи о моемъ желаніи жениться на Аннѣ С......ой. Какая была дальнѣйшая переписка между моей матерью и Т....ою, Ольга С.... не знала, но полагала, что внезапный отъѣздъ Т....ой въ Москву и увѣдомленіе ея, что Анна С....ва не пріѣдетъ болѣе въ Петербургъ, были послѣдствіемъ этой переписки.

Разсказъ Ольги С..... подѣйствовалъ на меня удручающимъ образомъ. Неужели, подумалъ я, долженъ я отказаться отъ любви, сулящей мнѣ счастье всей моей жизни и забыть женщину, только потому, что она бѣдна. Мысль эта меня возмутила. Если моя мать, сказалъ я себѣ, не можетъ дать мнѣ средства, нужныя для содержанія моей жены и будущаго семейства, долженъ я ихъ пріобрѣсти моимъ трудомъ; но какимъ трудомъ?... Тутъ въ первый разъ явилась во мнѣ мысль искать эти средства въ службѣ. Я зналъ двухъ офицеровъ, которые женились на небогатыхъ дѣвушкахъ и которые, дослужившись до батарейныхъ командировъ, жили безбѣдно и очень счастливо. Отчего я не могу сдѣлать того же? задалъ я себѣ вопросъ и, отвѣтивъ на него утвердительно, рѣшился самымъ усерднымъ образомъ заняться службой, началъ изучать уставы и съ того времени сдѣлался добросовѣстнымъ исполнителемъ всѣхъ возлагаемыхъ на меня обязанностей. Мой батарейный командиръ полковникъ Кнорингъ, замѣтивъ происшедшую во мнѣ перемѣну, сказалъ мнѣ какъ-то откровенно, что, прослуживъ со мной около трехъ лѣтъ, онъ никакъ не думалъ, чтобы изъ меня могъ выйти хорошій офицеръ, но что ему особенно пріятно сознаться, что онъ въ этомъ ошибался. Время въ лагерѣ въ этомъ году я проводилъ совершенно иначе, чѣмъ въ прошломъ году; сидя большею частію дома, я много читалъ и немало посвящалъ времени служебнымъ занятіямъ. Кнорингъ назначилъ меня завѣдывать батарейной лабораторіей; я съ особенной акуратностью приготовлялъ боевые заряды, и на смотру Государя батарея стрѣляла отлично. Кнорингъ приписалъ удачную стрѣльбу мнѣ, хотя я долженъ сказать, что стрѣльба изъ бывшихъ въ то время орудій зависѣла болѣе отъ случайности, чѣмъ отъ хорошаго снаряженія зарядовъ. Батарейная батарея, состоявшая изъ 8 полупудовыхъ единороговъ и стрѣлявшая обыкновенно хуже всѣхъ, въ этомъ году также отличилась и поставлена была за стрѣльбу въ первомъ номерѣ; но этимъ отличіемъ она была обязана исключительно офицеру, завѣдывавшему лабораторіей, Рейнталю, который для увеличенія мѣткости стрѣльбы прибѣгалъ къ незаконнымъ средствамъ: онъ

насыпалъ гранаты полныя пескомъ и увеличивалъ зарядъ; чрезъ это, конечно, полетъ снарядовъ былъ правильнѣе, но порча орудій и лафетовъ была весьма велика. Батарейной батареей командовалъ въ то время полковникъ Бреверпъ (нынѣ генералъ-адъютантъ графъ Бревернъ-Де-Лагарди), который былъ очень доволенъ хорошей стрѣльбой и благодарилъ Рейнталя, въ честь котораго батарея сдѣлала обѣдъ.

По окончаніи лагеря и послѣ травянаго довольствія, наша батарея пошла на зимнюю стоянку въ мызу Пеллу, гдѣ нашъ товарищескій кружокъ снова сплотился; но между нами не было уже Кельдермана, который, получивъ какое-то наслѣдство, уѣхалъ въ отпускъ и тамъ умеръ. Несчастная была судьба этого человѣка: подвергая себя всю жизнь лишеніямъ, онъ умеръ въ то время, когда счастіе ему улыбнулось, и лишенія эти должны были прекратиться.

Жизнь въ Пеллѣ была довольно однообразна, но я не скучалъ: у меня была цѣль въ жизни, къ которой я стремился, была надежда, что я достигну этой цѣли. Порой я былъ даже очень веселъ; меня забавляли школьныя выходки Павлова и Штакельберга съ однимъ изъ нашихъ товарищей, который боялся въ темнотѣ ходить одинъ и котораго они постоянно пугали. Въ видахъ экономіи я бывалъ рѣдко въ Петербургѣ, а если иногда ѣздилъ, то проводилъ время исключительно у Ольги С....., съ которой сдружился болѣе, чѣмъ когда нибудь. Деньги я копилъ, чтобы поѣхать въ Москву и тамъ окончательно разъяснить мое положеніе относительно Анны С—ой. Долго я ждалъ желаннаго дня отъѣзда; наконецъ, онъ насталъ, я получилъ отпускъ и въ Февралѣ или въ Мартѣ 1847 года былъ уже въ Москвѣ. Первое мое свиданіе съ Анной С—ой было въ церкви Іерусалимскаго подворья, напротивъ которой она жила, и затѣмъ я ее видѣлъ на вечерѣ у Пукаловой. Она была очень мила и любезна, но увы! всему бываетъ конецъ; насталъ конецъ и второму роману въ моей жизни: Анна С—ва была невѣстой Гончарова, брата Пушкиной. Гончаровъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ прелестный женихъ; умъ, образованіе, благородное сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошее состояніе и прекрасная наружность, все соединилось въ немъ, чтобы прельстить Анну С—ву. Она сдѣлалась его женой и въ тоже время матерью его дѣтей, которыхъ у него было отъ перваго брака шесть или семь. Съ замужествомъ С—ой рушилась цѣль, къ которой я стремился, и изчезла надежда на счастье; нелегко мнѣ было перенести этотъ ударъ! Вернувшись въ Петербургъ съ разбитымъ сердцемъ и гнетущей тоской, я сталъ избѣгать общества, чувствуя себя въ немъ лишнимъ и рѣшился посвятить мое время серьознымъ заня-

тіямъ. Наиболѣе меня интересовавшими были философскіе вопросы. Купивъ случайно у букиниста сочиненія Спинозы, я ихъ читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ; затѣмъ я вскорѣ пріобрѣлъ сочиненія Вольтера, Декарта, Канта, Лейбница и Жанъ-Жака Руссо. Изъ Жанъ-Жака Руссо мнѣ болѣе всего понравился *Эмиль*, который мнѣ указалъ, какое важное значеніе имѣетъ воспитаніе въ жизни человѣка; заинтересовавшись воспитательными вопросами, я прочелъ: «*Le perfectionnement moral ou l'éducation de soi-même par Dégérendo*» «*L'éducation des mères de famille par Aimé Martin*» и много другихъ подобныхъ книгъ. На Русскомъ языкѣ въ то время не было книгъ философскаго содержанія, кромѣ развѣ Кизеветтера, который читался въ семинаріяхъ въ классахъ философіи. Мнѣ приходилось читать Французскія изданія, которыя трудно было достать, такъ какъ многія изъ нихъ были запрещены, какъ напримѣръ Спиноза и Вольтеръ. Я также немало прочелъ и христіанскихъ философовъ, какъ Боссюета, Фенелона, Жерюзе и долженъ сознаться, что масса книгъ, которыя я перечиталъ въ теченіе двухъ лѣтъ, произвела на меня самое успокоивающее дѣйствіе. Мнѣ приходилось иногда просиживать цѣлыя ночи, заставляя работать свой умъ надъ тѣмъ, чтò я прочелъ, и въ это время забывались всѣ горечи жизни. Небезинтересно также было прочтенное мной сочиненіе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: *Le triomphe de l'Évangile*, въ которомъ изложены были мысли одного посаженнаго въ тюрьму Испанца во время террора во Франціи; ожидая каждый день казни, онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и остался живъ только отъ того, что случайно былъ пропущенъ въ спискахъ. Сочиненіе это выдержало въ то время до 20-ти изданій и было переведено на всѣ языки и въ томъ числѣ и на Русскій.

Посвящая мое время чтенію, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ заниматься службой и невольно принималъ къ сердцу, если бывали какія-либо служебныя неудачи. Такъ напримѣръ, во время репетиціи ординарческой ѣзды, которую производилъ великій князь Михаилъ Павловичъ, у меня выскочилъ изъ каски султанъ и упалъ къ ногамъ Его Высочества. Надобно сказать, что каски были даны войскамъ по желанію императора Николая Павловича, но Великому Князю онѣ не нравились. Когда онъ дѣлалъ репетицію ординарцамъ, войска донашивали еще кивера; ординарцамъ же велѣно было надѣть каски; моя каска была сдѣлана въ лучшемъ, въ то время, магазинѣ офицерскихъ вещей Скосырева, я ее надѣлъ въ первый разъ и, когда выскочилъ изъ нея султанъ, я былъ увѣренъ, что Великій Князь отправитъ меня на гауптвахту, чтò меня не огорчило бы годъ тому назадъ, но въ то

время, о которомъ говорю, мнѣ очень было бы прискорбно подвергнуться взысканію, котораго я не заслужилъ. Къ удовольствію моему, ни Великій Князь, никто изъ начальниковъ ни слова мнѣ не сказалъ объ упавшемъ султанѣ; оказалось, какъ мнѣ говорили потомъ, что Великому Князю было даже пріятно, что нелюбимый имъ головной уборъ осрамился въ его присутствіи; говорили, что Великій Князь сострилъ даже по поводу касокъ. Въ каскахъ перваго образца дѣлались два отверстія въ шишакѣ, на который надѣвался султанъ; при быстромъ движеніи во время верховой ѣзды, въ эти отверстія проходилъ воздухъ и производилъ свистъ. Въ первый разъ, какъ Великій Князь услыхалъ этотъ свистъ, онъ обратился къ своей свитѣ и сказалъ съ улыбкой, что «каски сами себя освистали».

Въ половинѣ лагеря 1847 года я былъ назначенъ адъютантомъ гвардейской конной артилеріи. Назначеніе это было мнѣ пріятно, служа доказательствомъ хорошаго мнѣнія, которое имѣло обо мнѣ начальство.

VI.

Вступивъ въ отправленіе должности адъютанта, я понималъ, что мнѣ нелегко будетъ служить съ бывшимъ въ то время начальникомъ гв. конной артилеріи генералъ-маіоромъ Шварцемъ, котораго не любили офицеры, не любили и батарейные командиры за его желчность и за его подчасъ несправедливость; но я рѣшился на его желчность отвѣчать хладнокровіемъ, а съ его несправедливостью бороться законными средствами; мнѣ казалось, что я не только долженъ быть посредникомъ между нимъ и офицерами, но и защитникомъ правъ и интересовъ этихъ послѣднихъ. Сознаюсь, что при моемъ экзальтированномъ характерѣ, я, можетъ быть, преувеличивалъ значеніе адъютантской должности; но тѣмъ не менѣе, направляя мою дѣятельность согласно моихъ тогдашнихъ убѣжденій, я успѣлъ заслужить симпатію моихъ товарищей и вѣжливое, хотя и холодное отношеніе ко мнѣ Шварца. Я зналъ, что Шварцъ меня не любилъ; но въ теченіе всей моей службы адъютантомъ, письменная часть была въ полной исправности, что́ было неоднократно засвидѣтельствовано начальниками, производившими инспекторскіе смотры и что̀ зналъ самъ Шварцъ, который не разъ приходилъ въ канцелярію и рылся въ журналахъ и бумагахъ, желая найти какую нибудь неисправность, но найти ее не могъ. Вскорѣ по назначеніи меня адъютантомъ былъ случай, уяснившій мнѣ характеръ Шварца и заставившій меня въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ съ нимъ руководствоваться крайней осторожностью. Объѣзжая военное

поле, генералъ Шварцъ замѣтилъ, что, во время стрѣльбы боевыми зарядами, цѣпь отъ пѣшей артилеріи ушла ранѣе ея смѣны цѣпью отъ конной артилеріи. Вознегодовавъ на такой безпорядокъ, онъ приказалъ мнѣ сообщить о немъ въ дежурство гвардейской артилеріи и просить, чтобы на будущее время пѣшая артилерія исполняла въ точности существующія правила. На эту записку полученъ былъ весьма рѣзкій отвѣтъ, въ которомъ указано было, что не пѣшая артилерія произвела безпорядокъ, а конная артилерія, которая выслала свою цѣпь двумя часами позже, чѣмъ назначено было въ приказахъ; а потому начальникъ артилеріи предложилъ генералу Шварцу строго слѣдить, чтобы на будущее время подобные безпорядки не повторялись. Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Шварцъ потребовалъ черновую записку, которую я написалъ въ дежурство артилеріи. По прочтеніи этой записки, онъ мнѣ сказалъ, что я перепуталъ, что онъ мнѣ никогда не говорилъ писать то, что мной было написано. Хотя я былъ вполнѣ увѣренъ, что я почти дословно передалъ его слова; но, не имѣя никакихъ доказательствъ, такъ какъ онъ мнѣ говорилъ безъ свидѣтелей, я долженъ былъ молчать. Этотъ случай послужилъ мнѣ предостереженіемъ для будущаго, которое не замедлило представиться. Въ то время, о которомъ я говорю, образцовая конная батарея представляла ежегодно на смотръ Государя Императора команды нижнихъ чиновъ, отбывающихъ въ армію. Изъ командъ этихъ составлялся дивизіонъ, то-есть четыре орудія, которыя Государь смотрѣлъ въ Царскомъ Селѣ въ манежѣ. Манежъ былъ такъ малъ, что маневрированіе въ немъ четырехъ орудій сопряжено было съ большими трудностями; всѣ построенія дѣлались на карьерѣ, причемъ помѣщеніе было такъ разсчитано, что еслибы ящичный ѣздовой, управлявшій тремя лошадьми, ошибся при заѣздахъ на одинъ вершокъ, то несчастіе съ людьми было бы неминуемо; требовались также большая ловкость и сноровка отъ уносныхъ фейерверкеровъ. Вообще смотръ этотъ походилъ болѣе на представленіе въ циркѣ, чѣмъ на строевое ученіе; иностранцы, видившіе его, удивлялись той высокой степени, на которой у насъ стояло фронтовое образованіе нижнихъ чиновъ. Послѣ смотра Государь Императоръ назначалъ обыкновенно весьма щедро денежныя награды всѣмъ бывшимъ въ строю нижнимъ чинамъ; наибольшія награды получали фейерверкеры отъ 7 до 10 рублей и ѣздовые отъ 4 до 6 рублей; какъ фейерверкеры, такъ и ѣздовые принадлежали къ кадру батареи. Послѣ смотра, бывшаго въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1847 года, была, по обыкновенію, представлена строевая записка въ штабъ гвардейскаго корпуса, на основаніи которой назначены награды. Генералъ Шварцъ, находя несправедливымъ, что награды получатъ только бывшіе на смотру фейерверкеры и ѣздовые,

между тѣмъ какъ кадровые нижніе чины (не бывшіе на смотру только потому, что въ строю находилось не 8 орудій, а 4, но не менѣе ихъ достойные) ничего не получать, приказалъ мнѣ просить дежурство гвардейской артилеріи, по докладу начальнику артилеріи, разрѣшить выдать наградныя деньги всѣмъ кадровымъ нижнимъ чинамъ, предоставивъ батарейному командиру раздѣлить ихъ по его усмотрѣнію. Должность начальника гвардейской артилеріи, за отсутствіемъ Сумарокова, исправлялъ въ то время командиръ 2-й гвардейской артилерійской бригады Мерхелевичъ, который не любилъ Шварца. Когда была ему доложена моя записка, онъ приказалъ отвѣчать, что, не считая себя въ правѣ измѣнять высочайшія повелѣнія, онъ удивляется, какъ генералъ Шварцъ не знаетъ, что воля Государя Императора должна быть исполняема въ точности и безпрекословно. Получивъ этотъ непріятный отвѣтъ и опасаясь, чтобы генералъ Шварцъ вновь не обвинилъ меня въ томъ, что написано было не такъ, какъ онъ приказалъ, я пошелъ къ нему и просилъ прочитать мою записку; прочитавъ ее и не измѣнивъ ни одного слова, онъ приказалъ ее тотчасъ же отправить въ дежурство артилеріи. Тогда я ему объяснилъ, что она уже была въ дежурствѣ, и на нее полученъ отвѣтъ, который я ему и показалъ. Покраснѣвъ до ушей, онъ язвительно улыбнулся и пробормоталъ себѣ подъ носъ что-то нелестное для Мерхелевича.

Наступилъ 1848 годъ. Хотя политикой никто изъ офицеровъ не занимался и газетъ не читалъ, да и газетъ-то частныхъ была только одна *Сѣверная Пчела*, но тѣмъ не менѣе революція, вспыхнувшая во Франціи и въ Италіи, а затѣмъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, невольно заинтересовала военное сословіе, обѣщая скорую войну. Къ тому же, все это взятое вмѣстѣ возбудило много толковъ: говорили и о внѣшней войнѣ, и о внутреннихъ безпорядкахъ; а въ Москвѣ прошелъ даже слухъ, что родился Антихристъ и что скоро должно быть свѣтопреставленіе. Я лично продолжалъ читать моихъ философовъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ войны; для меня было безразлично, съ кѣмъ бы она ни была: я желалъ войны не ради какихъ-либо политическихъ цѣлей, а исключительно изъ желанія испытать новыя невѣдомыя мнѣ ощущенія. Наконецъ, война открылась за Австрію противъ Венгріи. Войны этой никто не ожидалъ, она была весьма не популярна вслѣдствіе нерасположенія и непріязни Русской арміи къ Австрійской. Разсказывали, что когда окончилась война и когда предположено было выбить медаль съ надписью: «*съ нами Богъ*», для раздачи Русскимъ войскамъ, возникъ вопросъ: какую сдѣлать надпись на медаляхъ, назначаемыхъ для раздачи Австрійской арміи? Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, славившійся своими остротами, совѣтовалъ написать: «*Богъ съ вами*».

Зимой 1848 года въ Петербургѣ началась холера и продолжалась все лѣто. Приказомъ по гвардейскому корпусу приказано было всѣмъ полкамъ и артилерійскимъ бригадамъ немедленно доносить прямо Государю о каждомъ заболѣвшемъ холерой офицерѣ и нижнемъ чинѣ. Рапорты Государю, по установленной формѣ, должны были начинаться: «имѣю счастіе донести»; такая форма была болѣе чѣмъ неудобна въ донесеніяхъ о заболѣвшихъ холерой. Помню, что когда Государь пріѣхалъ на пожаръ въ кавалергардскихъ казармахъ и когда дежурный по полку офицеръ отрапортовалъ ему по принятому порядку, что дежурство состоитъ благополучно, Его Величество, указавъ на огонь, назвалъ его дуракомъ. Въ родѣ того же могло случиться, еслибы въ рапортѣ Шварца Государю было написано: *«имѣю счастіе донести, что такой-то заболѣлъ холерой»*. Чтобы заблаговременно, до появленія холерныхъ больныхъ, разъяснить это дѣло, я и нѣкоторые другіе полковые адъютанты обратились къ бывшему въ то время начальнику штаба гвардейскаго корпуса генералъ - адъютанту Витовтову съ просьбой дать намъ указанія, какъ должно въ этомъ случаѣ писать рапорты Государю. Витовтовъ не далъ намъ тотчасъ отвѣта, но черезъ нѣсколько дней отданъ былъ приказъ, что въ донесеніяхъ Государю о несчастныхъ случаяхъ слѣдуетъ писать: «Всеподданнѣйше доношу», а великому князю Михаилу Павловичу: «Всепреданнѣйше доношу». Холерныхъ случаевъ въ гв. конной артилеріи зимой было очень мало, въ лагерѣ ихъ было больше; но съ ужасной силой разразилась холера въ 1-й батареѣ на другой день по выступленіи ея изъ лагеря: въ одну ночь заболѣло около 30 человѣкъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ туже ночь умерли. Докторъ Волховской, бывшій при батареѣ, такъ струсилъ, что скрылся изъ батареи неизвѣстно куда; офицеры всю ночь не спали, подавая вмѣстѣ съ фельдшеромъ помощь больнымъ; наибольшую энергію выказалъ. Левинъ, который за отсутствіемъ Кноринга командовалъ батареей.

Въ лагерѣ я жилъ въ Красномъ Селѣ близъ церкви и видѣлъ ежедневно до 20 похоронныхъ процессій, которыя проходили мимо моихъ оконъ; видъ этихъ процессій не производилъ на меня никакого впечатлѣнія, такъ какъ холеры я не боялся: въ саду моего хозяина было много малины и клубники, которыхъ онъ самъ не ѣлъ, вслѣдствіе запрета докторовъ, а предоставилъ ихъ въ полное мое распоряженіе; я и пріѣзжавшіе ко мнѣ товарищи пользовались его позволеніемъ и ѣли фрукты болѣе чѣмъ когда-нибудь. Изъ офицеровъ нашихъ одинъ только, на лѣто прикомандированный къ конной артилеріи, Новиковъ такъ боялся холеры, что питался почти однимъ бульономъ, и у него одного

была холера; всѣмъ же другимъ офицерамъ холера ни сколько не мѣшала проводить время очень пріятно. Большинство изъ нихъ уѣзжали по праздникамъ въ Петербургъ, гдѣ холера была очень сильна, заболѣвало въ день до 1000 человѣкъ, изъ которыхъ выздоравливавшихъ бывало немного. Цѣна на дроги такъ возвысилась, что генералъ-губернаторъ установилъ таксу по 3 рубля за каждые похороны, но чтобы получить дроги по таксѣ, нужно было ждать нѣсколько дней; тѣ же лица, которыя не хотѣли долго держать покойника въ квартирѣ, вынуждены были платить вдвое и втрое дороже. Поѣхавъ въ Петербургъ во время самой сильной холеры, я былъ пораженъ унылымъ видомъ города: отъ Петергофской заставы до моей квартиры, въ казармахъ гв. конной артилеріи, близъ Преображенскаго плаца, я встрѣтилъ около 15 похоронъ и ни одной кареты. Но, отправившись вечеромъ на острова, я замѣтилъ тамъ тоже движеніе и оживленіе, какъ всегда: вездѣ гремѣла музыка; на Крестовскомъ островѣ пѣли Цыгане и кутили молодые купчики, а на минеральныхъ водахъ въ Новой Деревнѣ была масса народа и шли обыкновенныя представленія разныхъ фокусниковъ и гимнастовъ; всѣ, какъ будто, спѣшили веселиться до прихода непрошенной гостьи. Служба въ лагерѣ была весьма легкая, ученья продолжались недолго, большихъ маневровъ вовсе не было; нѣкоторые офицеры, не любившіе службы, говорили даже, что они были довольны холерой, такъ какъ она давала имъ возможность часто уѣзжать изъ лагеря на дачи.

Служа строевымъ офицеромъ въ 1-й батареѣ, я могъ коротко ознакомиться и сблизиться только съ товарищами, служившими въ одной со мной батареѣ; офицеровъ же другихъ батарей я видалъ рѣдко, а потому не могъ ихъ знать хорошо. Сдѣлавшись же адъютантомъ гв. конной артилеріи, я вступилъ невольно въ сношенія съ офицерами всѣхъ батарей и имѣлъ возможность оцѣнить нравственныя качества весьма многихъ изъ тѣхъ, которыхъ прежде почти не зналъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ я могу указать на Апостола Спиридоновича Костанду, который былъ очень любимъ Сумароковымъ, бывшимъ начальникомъ гв. артилеріи. Близость Костанды къ начальству, котораго я всегда сторонился, боясь, изъ неумѣстнаго самолюбія, быть заподозрѣннымъ въ угодливости, была причиной, что я рѣдко видался съ Костандой; но когда я его узналъ коротко и былъ свидѣтелемъ его благороднаго поступка въ исторіи Левина, то убѣдился, что если найдутся, можетъ быть, люди равные ему по благородству чувствъ, но людей лучше его нѣтъ. Затѣмъ я сдружился съ Рейнгольдомъ Петровичемъ Рейнталемъ, Николаемъ Семеновичемъ Корсаковымъ и Николаемъ Павло-

вичемъ Эйлеромъ, душевныя качества которыхъ внушили мнѣ глубокое къ нимъ уваженіе. Были и еще нѣкоторые изъ моихъ товарищей, съ которыми я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; но объ этихъ послѣднихъ я умолчу, въ виду того, что дальнѣйшая ихъ дѣятельность показала мнѣ, что или они перемѣнились, или я въ нихъ ошибался.

Черта моего характера, претившая мнѣ сближеніе съ начальствомъ, была причиной одного курьезнаго тоста, предложеннаго генераломъ Милюковымъ на обѣдѣ, который ему давали офицеры конной артилеріи, по случаю его производства въ генералъ-лейтенанты и оставленія имъ должности начальника гв. конной артилеріи. Это было въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ; я былъ въ то время полковникомъ и состоялъ по особымъ порученіямъ при Артилерійскомъ Департаментѣ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ и спичей, произнесенныхъ на этомъ обѣдѣ съ восхваленіями Милюкову, разговоры оживились, начали придумывать разные тосты. Милюковъ, въ свою очередь, всталъ и обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью: «Вы были такъ добры, господа, указали въ вашихъ спичахъ на многія мои качества и даже на такія, которыхъ я въ себѣ не подозрѣвалъ; но вы забыли одно изъ нихъ, о которомъ позволю себѣ вамъ напомнить: противъ меня сидитъ нашъ сослуживецъ Щербачевъ, который въ теченіе всей своей службы постоянно бранился съ начальствомъ, со мной же никогда!» Всѣ разсмѣялись. Я ему отвѣчалъ, что съ хорошими начальниками я никогда не ссорился и въ примѣръ привелъ рядомъ съ нимъ сидѣвшаго вице-директора Артилерійскаго Департамента генералъ-маіора Соловцова, бывшаго въ то время моимъ начальникомъ. Соловцовъ на это замѣтилъ, что ему трудно было со мной ссориться, такъ какъ онъ меня видитъ всего второй разъ, послѣ того какъ я поступилъ на службу въ Департаментъ.

Всю зиму съ 1848 года на 1849 г. я провелъ, сидя по утрамъ въ канцеляріи или въ кругу моихъ товарищей, заходившихъ ко мнѣ послѣ ученій, а по вечерамъ читая моихъ любимыхъ философовъ. Наконецъ, открылась Венгерская кампанія, и стали поговаривать, что двинутъ гвардейскій корпусъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи. Большинство офицеровъ радовалось предстоящему походу; но были и такіе, которые подумывали какъ бы уклониться отъ него; я былъ въ числѣ первыхъ и съ особеннымъ усердіемъ занимался всѣми приготовленіями къ походу. Великимъ постомъ была наконецъ объявлена мобилизація, то есть поручено было батарейнымъ командирамъ купить лошадей для обозовъ. Въ это время Левинъ былъ уже командиромъ 2-й легкой батареи; не

зная толка въ лошадяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не желая подвергаться нареканіямъ, что онъ оставилъ у себя въ карманѣ часть отпущенной на покупку лошадей суммы, онъ просилъ Шварца поручить покупку лошадей для 2-й батареи офицеру образцовой конной батареи Цеймерну. Шварцъ исполнилъ его просьбу, и Левинъ не только не сдѣлалъ на купленныхъ лошадяхъ ни малѣйшей экономіи, какъ это сдѣлали другіе батарейные командиры, но къ отпущенной суммѣ приложилъ даже свои деньги. Шварцъ это зналъ, но не взлюбивъ Левина за его прямой и несдержанный характеръ; онъ сдѣлалъ, при осмотрѣ лошадей 2-й батареи, много замѣчаній и намекнулъ, что лошади не стоили тѣхъ денегъ, которыя были отпущены на ихъ покупку. Эта безтактная выходка послужила первымъ поводомъ къ возбужденію въ Левинѣ ненависти и вражды къ Шварцу; при самолюбивомъ же, горячемъ и въ высшей степени благородномъ характерѣ Левина, можно было съ увѣренностью сказать, что зароненная искра ненависти къ Шварцу въ сердцѣ Левина не только не потухнетъ, но разгорится и дастъ сильное пламя, что́ въ дѣйствительности и случилось.

Выступленіе гвардейскаго корпуса въ походъ началось ешелонами въ самомъ началѣ Мая 1849 года. Ежедневно выступалъ ешелонъ, состоявшій изъ одного полка или изъ двухъ и трехъ батарей. Великій князь Михаилъ Павловичъ выѣзжалъ обыкновенно къ заставѣ и пропускалъ мимо себя выступавшіе ешелоны съ ихъ обозами; денщикамъ и лакеямъ офицеровъ приказано было идти въ двѣ шеренги позади обозовъ. Первый выступившій въ походъ Семеновскій полкъ Великій Князь сильно распекъ за то, что денщики и лакеи не только прошли не въ ногу мимо него, но нѣкоторые сняли фуражки и раскланялись съ нимъ. На другой же день по выступленіи этого полка, Шварцъ отдалъ приказъ, чтобы денщики и лакеи ежедневно по утрамъ собирались въ манежъ и обучались маршировкѣ. Распоряженіе это вызвало неудовольствіе многихъ офицеровъ, имѣвшихъ только одну прислугу: имъ приходилось оставаться по утру безъ чая и съ невыметенными полами, а подчасъ и съ невычищенными сапогами и платьемъ. Съ однимъ офицеромъ 2-й легкой батареи Рейнталемъ былъ такой случай. Назначенный идти квартирьеромъ, онъ спѣшилъ укладывать свои вещи и послалъ лакея. Нѣмца купить въ лавочкѣ веревку. Лакей побѣжалъ и забывши надѣлъ денщичью фуражку, между тѣмъ какъ платье его было штатское. Къ несчастію, въ то время какъ онъ вышелъ изъ подъѣзда, ѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ; увидавъ его, онъ остановился, подозвалъ къ себѣ и узналъ, что онъ лакей Рейнталя. Не прошло двухъ или трехъ часовъ послѣ этой встрѣчи, какъ я получилъ

изъ штаба гвардейскаго корпуса конвертъ съ припечатаннымъ къ нему перомъ, что означало наинужнѣйшую бумагу, въ которомъ было объяснено, что Великій Князь встрѣтилъ лакея Рейнталя, одѣтаго не по формѣ, за что Его Высочество приказалъ немедленно посадить Рейнталя на одинъ день на гауптвахту, а съ лакея взыскать по усмотрѣнію генерала Шварца. Когда я доложилъ объ этомъ Шварцу, онъ приказалъ мнѣ тотчасъ же отвести Рейнталя подъ арестъ, а лакея велѣлъ высѣчь розгами на другой день поутру, въ присутствіи всѣхъ денщиковъ и офицерскихъ лакеевъ, которыхъ собрать для этого въ манежѣ. Я объяснилъ Шварцу, что лакей Рейнталя—Нѣмецъ; на это онъ сказалъ: «тѣмъ лучше, пусть Нѣмецъ попробуетъ Русскихъ розогъ». Нечего говорить, что Рейнталь былъ поставленъ въ весьма непріятное положеніе; уѣзжая изъ Петербурга на неопредѣленное время, онъ не имѣлъ возможности распорядиться своими дѣлами, такъ какъ прямо съ гауптвахты долженъ былъ на другой день выступить въ походъ съ квартирьерами.

Весь походъ, я и Барановъ (казначей гв. конной артилеріи) ѣхали съ Шварцемъ въ его коляскѣ; канцелярія же и наши вещи, а также и верховыя лошади шли въ бригадномъ обозѣ, которымъ завѣдывалъ берейторъ гв. конной артилеріи Михайловъ. По выступленіи изъ Петербурга Шварцъ находился при ешелонѣ, въ которомъ были гвардейскій конно-піонерный дивизіонъ и 2-я легкая батарея подъ командой Левина. Квартирьеры 2-й батареи отводили намъ квартиры, и въ то время какъ батарея дѣлала переходъ верхомъ, мы съ Шварцемъ переѣзжали въ коляскѣ съ одной станціи на другую. Въ большихъ же городахъ, какъ Дерптъ, Рига, Шварцъ останавливался на болѣе или менѣе продолжительное время, и затѣмъ мы догоняли нашъ ешелонъ на почтовыхъ лошадяхъ. Слѣдованіе Шварца при 2-й батареи было чрезвычайно непріятно Левину, что онъ и старался всячески ему выразить. Хотя я былъ очень друженъ съ Левинымъ, но по чувству справедливости я долженъ сказать, что нѣкоторыя выходки Левина относительно Шварца были болѣе чѣмъ неумѣстны; укажу на слѣдующія двѣ. Обозъ Шварца, въ которомъ были его верховыя и упряжныя лошади, шелъ съ обозомъ 2-й батареи; когда понадобилось ковать лошадей Шварца, Михайловъ ими завѣдывавшій, послалъ за кузнецомъ 2-й батареи; кузнецъ лошадей подковалъ, но платы за ковку не получилъ. Когда Левинъ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ ковать лошадей Шварца не иначе, какъ по полученіи платы за ковку впередъ. Берейторъ Михайловъ страшно боялся Шварца; когда кузнецъ объявилъ ему о распоряженіи Левина, онъ пришелъ ко мнѣ и умолялъ меня уладить

это дѣло, говоря, что за двѣ подковы онъ отдалъ уже свои деньги, но Шварцу не смѣетъ объ этомъ доложить. По просьбѣ моей, Левинъ согласился отмѣнить отданное имъ приказаніе, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы я сказалъ Шварцу, что онъ, наравнѣ съ другими офицерами, обязанъ платить батарейнымъ кузнецамъ за ковку его лошадей. Я обѣщалъ исполнить требованіе Левина; но вопросъ былъ такъ щекотливъ, что я не зналъ, какъ затронуть его, говоря съ Шварцемъ. Я рѣшился поступить такимъ образомъ: написавъ счетъ отъ имени кузнеца за ковку его лошадей и включивъ въ тотъ же счетъ и ковку моей лошади, я представилъ его Шварцу съ удостовѣреніемъ Михайлова, что счетъ вѣренъ и, сказавъ ему, что за ковку моей лошади я уже уплатилъ, просилъ указать, къ кому я долженъ препроводить счетъ для уплаты за ковку его лошадей? Онъ посмотрѣлъ на меня очень сердито и велѣлъ передать счетъ казначею, что̀ я и сдѣлалъ, написавъ при этомъ форменную записку, что генералъ Шварцъ приказалъ уплатить слѣдующія по этому счету деньги.—Другая выходка Левина заключалась въ томъ, что на одномъ изъ переходовъ было только двѣ офицерскія квартиры; одну квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ, заняли Шварцъ и я съ Барановымъ, а другая квартира, состоявшая изъ одной комнаты, была отведена Левину и всѣмъ офицерамъ батареи. Такое тѣсное помѣщеніе чрезвычайно разсердило Левина; онъ явился къ Шварцу и, объяснивъ ему, что онъ отнимаетъ квартиру у батареи, горячо доказывалъ, что было бы лучше и для него, и для батареи, если бы онъ и штабъ его уѣхали куда-нибудь подальше. Шварцъ отвѣчалъ сдержанно, и черезъ два дня мы уѣхали въ Дерптъ, гдѣ прожили двѣ недѣли. Въ теченіе этого времени черезъ городъ прошла 2-я батарея, и одинъ изъ ея офицеровъ кн. В. былъ обокраденъ, какъ я уже говорилъ. Узнавъ эту исторію, Шварцъ, въ разговорѣ со мной, хотѣлъ сложить всю вину на кн. В. и на Левина; но будучи друженъ съ обоими этими офицерами и зная ихъ за благороднѣйшихъ людей, я далъ сильный отпоръ Шварцу, сказавъ, между прочимъ, что честь ихъ, въ безупречности которой я увѣренъ, мнѣ также дорога̀, какъ моя собственная и что я готовъ защищать ее также, какъ свою. Хотя Шварцъ зналъ и прежде, что я былъ друженъ съ Левинымъ и вслѣдствіе этого ко мнѣ не благоволилъ, но разговоръ этотъ сдѣлалъ его окончательно моимъ врагомъ. Весь походъ, который продолжался около полугода, я и Барановъ постоянно обѣдали у Шварца, ѣхали въ одномъ экипажѣ съ нимъ и нерѣдко по вечерамъ пили у него чай; но, не смотря на это, я не только не сблизился съ нимъ, но напротивъ отдалился отъ него.

Не зная, когда вернется гвардейскій корпусъ въ Петербургъ, большинство офицеровъ взяло съ собой довольно большія суммы денегъ, вслѣдствіе чего, въ каждомъ городѣ, черезъ который проходили войска, были страшные кутежи. Говорили, что въ Ригѣ гвардейскіе офицеры выпили такое количество Шампанскаго, какое прежде расходовалось въ теченіи цѣлаго года; немалый доходъ доставили офицеры и разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Хотя я и Барановъ были скромные люди, но и мы, живя въ Ригѣ, заразились общимъ стремленіемъ къ кутежамъ и возвращались иногда домой только утромъ, въ то время когда писаря сидѣли уже за работой, а Шварцъ пилъ утренній чай. Изъ Риги мы поѣхали съ Шварцемъ въ Вильну, гдѣ прожили около полутора мѣсяца, а затѣмъ Гёрги сдался, Венгерская кампанія окончилась, и гвардейскому корпусу было предписано двинуться обратно въ Петербургъ. На обратномъ пути кутежей было менѣе, такъ какъ денегъ у офицеровъ поубавилось. Мы съ Шварцемъ ѣхали на почтовыхъ, остановились только въ Динабургѣ, гдѣ должно было ночевать тѣло покойнаго великаго князя Михаила Павловича, скончавшагося во время похода и перевозимаго въ Петербургъ. Помню, что въ церемоніалѣ встрѣчи тѣла, составленномъ Динабургскимъ комендантомъ, сказано было, что въ теченіи ночи, которую тѣло проведетъ въ соборѣ, при немъ должны стоять на часахъ офицеры въ полной траурной формѣ, съ вынутыми саблями и въ каскахъ на головахъ. Первыми часовыми при тѣлѣ были я и одинъ конно-піонерный офицеръ; намъ показалось весьма страннымъ приказаніе коменданта быть въ церкви въ каскахъ и съ вынутыми саблями, и мы рѣшились ослушаться его приказанія, за что не получили отъ него никакого замѣчанія. Панихиду въ соборѣ служили Уніатскіе священники, которые только передъ тѣмъ были присоединены къ Православію; провозглашая *вѣчную память*, одинъ изъ нихъ ошибся и вмѣсто *Михаила Павловича* помянулъ *Николая Павловича*. Надобно было видѣть, какъ поразила эта ошибка всѣхъ бывшихъ въ соборѣ, да и самъ священникъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно и остановилъ службу; наконецъ оправившись, онъ исправилъ свою ошибку и кончилъ панихиду въ большомъ волненіи.

Пробывъ въ походѣ около шести мѣсяцевъ, я вернулся въ Петербургъ безъ особенной радости. Время, проведенное мной въ походѣ, показалось мнѣ пріятнымъ сновидѣніемъ; но желаніе мое испытать ощущенія боевой службы не исполнилось.

Въ Петербургѣ жизнь моя пошла по обычной колеѣ: поутру канцелярскія занятія и докладъ Шварцу, вечеромъ чтеніе философовъ и изрѣд-

ка—театръ. Отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ я отсталъ, не бывши у нихъ около двухъ лѣтъ, за исключеніемъ Ольги С......, которую я иногда видалъ и которая, своимъ дружескимъ ко мнѣ расположеніемъ, умѣла поддержать во мнѣ надежду на лучшее будущее. Я сталъ уже забывать прошлое и ожидалъ возвращенія Левина изъ похода, чтобы устроить нашу жизнь съ нимъ, по возможности веселѣе и разнообразнѣе, но увы! планамъ моимъ не суждено было исполниться: въ день возвращенія батареи Левина въ Петербургъ, онъ имѣлъ съ Шварцемъ исторію, слѣдствіе которой долженъ былъ навсегда уѣхать изъ Петербурга. Исторія эта была слѣдующая.

Императоръ Николай Павловичъ встрѣчалъ ежедневно на Адмиралтейской площади полки и батареи, возвращавшіеся изъ похода. Изъ батарей конной-артилеріи первая вступившая была батарейная батарея; за ней, черезъ нѣсколько дней, должна была вступить 2-я легкая, которою командовалъ Левинъ. Батарейная батарея прошла мимо Государя справа въ одно орудіе, имѣя ящики и номера за орудіями; когда вступала 2-я легкая батарея, Левинъ обратился къ Шварцу съ вопросомъ, въ какомъ порядкѣ должна проходить батарея мимо Государя. Шварцъ отвѣчалъ: «во фланговомъ порядкѣ въ одно орудіе»; во фланговомъ же порядкѣ номера должны быть сомкнуты и ящики съ бока орудій. Когда батарея прошла въ этомъ видѣ, Государь обратилъ вниманіе на разницу въ строяхъ двухъ конныхъ батарей и указалъ на это Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, бывшему въ то время главнокомандующимъ гвардейскими корпусами. Его Высочество спросилъ у Шварца, почему батареи прошли не въ одинаковомъ строю, и Шварцъ всю вину сложилъ на Левина. По окончаніи смотра, начальники частей приглашались обыкновенно во дворецъ, на тотъ случай, если бы Государю Императору угодно было сдѣлать какія-либо замѣчанія; на этотъ разъ приглашенъ былъ и Левинъ во дворецъ. Войдя въ залу, онъ увидалъ Шварца, который говорилъ очень горячо съ Сумароковымъ и Мерхелевичемъ; подойдя ближе, онъ явственно услыхалъ, что Шварцъ называлъ его ослушникомъ его приказаній и человѣкомъ, который постоянно умничаетъ. Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Левинъ въ одно мгновеніе очутился передъ Шварцемъ и, махая пальцемъ передъ его носомъ, назвалъ его подлецомъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ (а другіе говорятъ, что онъ назвалъ его лжецомъ). Сумароковъ схватилъ Левина за руку и съ помощью Мерхелевича выпроводилъ его изъ дворца. Левинъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ. Онъ былъ такъ взволнованъ, что едва могъ говорить; выпивъ нѣсколько стакановъ воды, онъ поѣхалъ отъ меня къ князю Ильѣ

Андреевичу Долгорукову, бывшему въ то время начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, разсказалъ ему о случившемся и просилъ его заступничества. Князь Долгоруковъ, зная Левина съ хорошей стороны, обѣщалъ ему свою защиту и предложилъ батарею на Кавказѣ. Левинъ конечно согласился, и черезъ нѣсколько дней онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й батареи Кавказской гренадерской артилерійской бригады.

Левинъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; всѣ офицеры глубоко его уважали и рѣшили сдѣлать ему проводы, достойные той любви и уваженія, которыми онъ пользовался въ средѣ товарищей. Меня просили заказать серебрянный кубокъ, который хотѣли поднести ему на обѣдѣ отъ всѣхъ офицеровъ гвардейской конной артилеріи; затѣмъ офицеры его батареи заказали для него Кавказскую шашку съ великолѣпнымъ клинкомъ. Наконецъ, рѣшено было въ день отъѣзда проводить его всѣмъ офицерамъ до Краснаго Кабачка; но явились такія препятствія, которыхъ никто не ожидалъ. Въ ночь того дня, въ который назначенъ былъ обѣдъ Левину, получено было приказаніе начальника артилеріи Сумарокова собраться всѣмъ офицерамъ гвардейской конной артилеріи у него на квартирѣ къ 10 часамъ утра. Когда всѣ собрались, Сумароковъ сказалъ весьма несвязную, но энергическую рѣчь, въ которой объяснилъ, что такъ какъ Левинъ провинился противъ начальства, то офицеры не должны давать ему обѣда, и что если кто-нибудь изъ офицеровъ будетъ въ этотъ день обѣдать вмѣстѣ съ Левинымъ, то онъ переведетъ его въ армію; при этомъ онъ очень выразительно постучалъ объ полъ палкой, съ которой всегда ходилъ вслѣдствіе болѣзни или раны въ ногѣ. Озадаченные такой рѣчью Сумарокова, офицеры не знали, что̀ дѣлать; наконецъ, нѣкоторые рѣшили не обращать вниманія на слова Сумарокова и ѣхать обѣдать къ Жоржу, у котораго заказанъ былъ обѣдъ; но распорядитель обѣда объяснилъ, что, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, Жоржъ извѣстилъ его, что не можетъ приготовить заказаннаго ему въ этотъ день обѣда. Тогда одинъ изъ офицеровъ, Игнатьевъ, предложилъ сдѣлать Левину не обѣдъ, а вечеръ съ ужиномъ въ его квартирѣ. Всѣ согласились, и я извѣстилъ о томъ Левина. Вернувшись домой, я былъ очень доволенъ, что безтактный поступокъ Сумарокова не устрашилъ офицеровъ, а напротивъ далъ имъ возможность лучшимъ еще образомъ доказать Левину ихъ расположеніе и уваженіе; но едва я вошелъ къ себѣ въ комнату, какъ увидалъ одного офицера, съ которымъ я былъ друженъ и котораго зналъ за хорошаго человѣка и товарища; онъ мнѣ объявилъ, что хотя онъ вполнѣ уважаетъ Левина, но не хочетъ черезъ него портить себѣ слу-

жебную карьеру, а потому онъ просилъ меня не выставлять на серебрянномъ кубкѣ его фамиліи и исключить его изъ числа тѣхъ, которые участвуютъ въ сегодняшнемъ вечерѣ. Заявленіе это меня ужасно разсердило и вызвало весьма рѣзкій отвѣтъ; но затѣмъ пришли еще два или три офицера съ тою же просьбой, и я успокоился тѣмъ, что нашлось немного такихъ офицеровъ. Дѣйствительно, на вечерѣ были почти всѣ офицеры гвардейской конной артилеріи, находившіеся въ Петербургѣ; изъ батарейныхъ командировъ былъ только Кнорингъ, а изъ старшихъ офицеровъ пріѣхалъ даже Костанда, не смотря на то, что онъ былъ очень близкимъ лицемъ къ Сумарокову и стоялъ по спискамъ первымъ кандидатомъ на полученіе гвардейской батареи. Этотъ поступокъ А. С. Костанды офицеры оцѣнили очень высоко, въ немъ проявились благородное сердце и товарищеское чувство Апостола Спиридоновича; во мнѣ же онъ возбудилъ живѣйшую благодарность, такъ какъ я любилъ Левина и не могъ не сочувствовать всему, что̀ дѣлалось для него.

Левинъ уѣхалъ на Кавказъ въ началѣ 1850 года. Мнѣ горько было съ нимъ разстаться, такъ какъ въ дружбѣ его я находилъ немало утѣшенія въ горькія минуты моей жизни; Ольга же С... была въ отчаяніи и не скрывала этого отчаянія отъ мужа, который въ припадкѣ негодованія позволилъ себѣ весьма грубо къ ней отнестись. Тогда она рѣшилась оставить мужа и уѣхать за-границу съ сыномъ, для котораго, какъ говорили врачи, Петербургскій климатъ былъ вреденъ. Такимъ образомъ, почти одновременно, я лишился двухъ лучшихъ моихъ друзей, вслѣдствіе чего мнѣ было такъ непріятно видѣть каждый день человѣка, который вызвалъ исторію Левина, что я рѣшился отказаться отъ адъютантской должности и, подавъ рапортъ объ отчисленіи меня въ строй, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву. Меня назначили сначала въ 3-ю легкую батарею, а затѣмъ перевели въ 17-ю легкую, въ которой я служилъ до назначенія меня адъютантомъ. Въ это время Кнорингъ получилъ другое высшее назначеніе, а первой батареей командовалъ Овсянниковъ, съ которымъ я не поладилъ, какъ уже говорилъ. Прослуживъ въ батареѣ не болѣе одного лагеря, я совершенно оставилъ строевую службу и получилъ мѣсто въ Артилерійскомъ отдѣленіи Военнаго Ученаго Комитета, съ оставленіемъ по гвардейской конной артилеріи. Въ новой моей службѣ, и начальство, и сослуживцы мои оказались прекрасными людьми; я почувствовалъ себя какъ бы въ раю послѣ тѣхъ треволненій, которыя я испыталъ служа съ Шварцемъ. Но надобно сказать, что испытанныя мной треволненія имѣли для меня и хорошую сторону: онѣ мало по малу залѣчили раны

моего сердца, успокоили мое воображеніе и охладили порывистость моихъ чувствъ; я сдѣлался человѣкомъ нормальнымъ.

До отъѣзда Ольги С... за-границу, я бывалъ у ней очень часто; послѣ же ея отъѣзда я возобновилъ нѣкоторыя изъ старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ новыя. Объ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, заставившихъ снова заговорить мое сердце, я скажу нѣсколько словъ.

Товарищъ мой Владимиръ Павловъ предложилъ мнѣ однажды поѣхать вечеромъ къ его брату Николаю, котораго я зналъ когда онъ былъ на школьной скамьѣ и который пріѣхалъ съ семействомъ изъ Москвы, чтобъ провести зиму въ Петербургѣ. Я согласился; мы застали тамъ цѣлое общество. Хозяйка дома, какъ умная и пріятная женщина, умѣла занять всѣхъ. Меня она познакомила съ ея родственницей, которую я буду называть *Sophie*. Sophie была очень миловидная блондинка, съ томными сѣрыми глазами и самыми скромными манерами; проговоривъ съ ней цѣлый вечеръ, я былъ въ восторгѣ отъ нея. Передъ ужиномъ пріѣхалъ мужъ ея, съ которымъ она меня познакомила и который меня пригласилъ къ себѣ. Воспользовавшись черезъ нѣсколько дней его приглашеніемъ, я засталъ Sophie одну дома, и этотъ визитъ рѣшилъ судьбу моего сердца: я почувствовалъ, что оно вновь заговорило. Но на этотъ разъ я рѣшился быть осторожнѣе. Понимая, что во мнѣ только зародышъ любви къ *Sophie*, уничтожить который было бы нетрудно, если бы я рѣшился прекратить съ ней знакомство, я написалъ ей письмо, въ которомъ, объяснивъ мою любовь, просилъ сказать откровенно, могу ли я разсчитывать на взаимность или нѣтъ; если нѣтъ, то я давалъ слово, что никогда болѣе ея не увижу; если же да, то я просилъ мнѣ написать въ отвѣтъ на мое письмо только одно слово: *venez*. Желаемое слово было написано, и жизнь моя получила для меня новую прелесть. Сначала Sophie конфузилась и какъ бы чуждалась меня, но мало по малу она убѣдилась въ моей горячей любви къ ней и вполнѣ ввѣрилась мнѣ, умоляя только, чтобы я не требовалъ отъ нея измѣны ея супружескимъ обязанностямъ. Когда я далъ ей слово удерживать порывы моей страсти, она стала мнѣ назначать свиданія безъ свидѣтелей. Иногда, зная, что я пріѣду, она оставалась дома подъ предлогомъ зубной боли, а мужъ уѣзжалъ въ театръ; въ другой разъ она ѣздила въ книжный магазинъ для перемѣны книгъ, на которыя была абонирована, и я просиживалъ съ ней въ магазинѣ два и три часа времени; я бывалъ вездѣ, гдѣ могъ ее встрѣтить: въ театрахъ, концертахъ, маскарадахъ, и вездѣ она устроивала такъ, что я могъ говорить съ ней наединѣ. Кромѣ нея я

ни о комъ и ни о чемъ не думалъ; если я ея не видалъ нѣсколько дней, я считалъ себя несчастнымъ человѣкомъ и отправлялся къ ея теткѣ (съ которой познакомился), чтобы узнать, не больна ли она. Зима прошла незамѣтно; я былъ веселъ, счастливъ, доволенъ. Наконецъ, настало лѣто, Sophie должна была съ мужемъ ѣхать въ деревню. Прощаясь со мною, наканунѣ дня своего отъѣзда, она дала мнѣ свой портретъ и заплакала; слезы ея произвели на меня чарующее дѣйствіе: онѣ служили доказательствомъ ея любви; я былъ счастливъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было горько съ ней разстаться.

По отъѣздѣ Sophie я переѣхалъ на дачу въ Павловскъ, гдѣ жили многіе мои знакомые; въ числѣ ихъ была одна молодая и красивая вдова, которая обладала немалой дозой кокетства. Живя у желѣзныхъ воротъ близъ вокзала, она просила меня заходить за ней, каждый разъ какъ я буду идти въ вокзалъ на музыку. Сначала я заходилъ, но въ вокзалъ попадалъ съ ней рѣдко: она увѣряла, что у ней болитъ голова, ложилась на кушетку въ граціозной позѣ и умоляла меня не оставлять ее одну больную. Я обыкновенно сидѣлъ, не зная что̀ дѣлать и что́ говорить съ ней; наконецъ, чтобъ выйти изъ глупаго положенія, въ которое она меня ставила, я рѣшился ей сказать, что я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ ее полюбить, но увы! не могу, потому что люблю другую женщину. Она очень удивилась моему признанію и хотѣла непремѣнно знать, кто была эта женщина; я ей, конечно, не сказалъ и идя въ вокзалъ къ ней болѣе не заходилъ. Возвратившись однажды изъ Петербурга, гдѣ я пробылъ нѣсколько дней по службѣ, я нашелъ у себя записку вдовы, въ которой она просила меня зайти къ ней тотчасъ, какъ я вернусь въ Павловскъ, для переговоровъ по весьма важному дѣлу. Не понимая, какое могло быть это дѣло, я пошелъ къ ней и встрѣтилъ ее въ паркѣ; мы вошли въ гротъ и сѣли на скамейкѣ. «Вы очень любите ту женщину, о которой вы мнѣ говорили?» спросила меня вдова. Я отвѣчалъ, что да, и посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. «Дѣйствительно, она очень мила, продолжала вдова; у нея хотя и сѣрые, но чудные глаза, а цвѣтъ ея волосъ имѣетъ такой прелестный оттѣнокъ, который я рѣдко видала у блондинокъ; что̀ относится до ея ума, любезности и душевныхъ качествъ, то конечно вы знаете ихъ лучше меня, но»... «О комъ вы говорите?» спросилъ я ее.—«О предметѣ вашей страсти, который увы! далеко теперь отъ васъ». Пораженный сходствомъ съ Sophie описанія сдѣланнаго вдовой, я не могъ понять, откуда она могла узнать, что я люблю Sophie. «Вы такъ хорошо описали наружность женщины, которую я люблю, сказалъ я, что вамъ, нѣтъ сомнѣнія, должны быть извѣстны и

ея душевныя качества». - «Да, съ язвительной насмѣшкой, отвѣчала вдова: мнѣ извѣстно, что эта женщина васъ не любитъ, а любитъ другаго, что она не стѣсняясь обманывала своего мужа, а теперь еще менѣе стѣсняется обманывать васъ». При этомъ она подала мнѣ письмо, какъ доказательство того, что́ она говорила. Кровь бросилась мнѣ въ голову; я взялъ нерѣшительно письмо, и каково же было мое удивленіе, когда я увидалъ почеркъ Ольги С... Прочитавъ его, я ровно ничего не понялъ; въ немъ Ольга С... описываетъ одной своей пріятельницѣ любовь ея къ Левину и между прочимъ намекаетъ на какого-то господина, который въ нее влюбленъ, но на котораго она не обращаетъ никакого вниманія. Недоумѣвая, что́ все это значитъ, я спросилъ вдову, откуда она взяла письмо, которое дала мнѣ прочесть. «Это не ваше дѣло, отвѣчала она; но увѣрены ли вы теперь въ томъ, что любимая вами женщина васъ обманываетъ, и съ кѣмъ же? Съ вашимъ другомъ, ради котораго вы готовы были пожертвовать своей карьерой? Мнѣ жаль васъ, продолжала она, но для лѣченія вашей болѣзни нужно было сильное средство; я его нашла и надѣюсь, что вы меня поблагодарите за него». Слушая вдову, я сообразилъ, что она мнѣ описала Ольгу С..., которую, по случайному сходству съ Sophie, я принялъ за эту послѣднюю, и что она вдова и не подозрѣваетъ о существованіи Sophie, а воображаетъ, что я влюбленъ въ Ольгу С. . Сообразивъ все это, я рѣшился оставить ее въ пріятномъ заблужденіи и при послѣднихъ ея словахъ, что я долженъ ее поблагодарить, въ избыткѣ внутренняго удовольствія, самъ не знаю, какъ случилось, поцѣловалъ ея руку. Она меня нѣжно обняла и отвѣтила поцѣлуемъ. Поцѣлуй ея меня такъ сказать отрезвилъ: я понялъ мое положеніе и быстро ушелъ изъ грота, оставивъ вдову одну. Многимъ покажется невозможнымъ, чтобы молодой человѣкъ могъ такъ испугаться объятій хорошенькой женщины, какъ я это сдѣлалъ, а между тѣмъ фактъ этотъ вѣренъ; онъ объясняетъ характеръ мой того времени. Любя женщину, я считалъ безчестнымъ быть ей невѣрнымъ не только дѣломъ или словомъ, но даже мыслью или желаніемъ; въ физическомъ увлеченіи я видѣлъ профанацію чувства и неуваженіе къ той, которую люблю. Вообще, не смотря на всѣ мои романическія неудачи, я продолжалъ смотрѣть на женщинъ глазами Жоржъ-Занда и былъ противникомъ мнѣнія о нихъ Бальзака.

На другой день послѣ моего свиданія со вдовой я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ узналъ, что меня назначили дѣлопроизводителемъ коммиссіи, учрежденной для производства сравнительныхъ опытовъ надъ тонкостѣнными и толстостѣнными картечными гранатами. Опыты эти

должны были рѣшить споръ, возникшій между начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера генераломъ Безакомъ и начальникомъ гв. артилеріи генераломъ Сумароковымъ, высказавшими два различныхъ мнѣнія. Членами коммиссіи назначены были нѣтоторые изъ гвардейскихъ артилерійскихъ командировъ частей и членъ Артилерійскаго отдѣленія Военно-Ученаго Комитета генералъ Баранцевъ. Опыты должны были производиться на Волковомъ полѣ ежедневно, вслѣдствіе чего я долженъ былъ переѣхать изъ Павловска въ Петербургъ. Опыты продолжались около полугода и окончились торжествомъ мнѣнія Безака.

Говоря объ этихъ опытахъ и о разногласіяхъ между артилерійскими генералами, я позволю себѣ привести здѣсь разсказъ одного офицера гв. конной артилеріи, въ которомъ онъ старался охарактеризовать главныхъ артилерійскихъ дѣятелей того времени. Разсказъ этотъ слѣдующій. Въ штабѣ генералъ-фельдцейхмейстера возникъ вопросъ: дѣйствительно ли $2\times2=4$? Въ виду того, что вопросъ этотъ еще не обсуждался въ артилерійскомъ вѣдомствѣ и офиціально не рѣшенъ, во избѣжаніе недоразумѣній и разногласія между начальниками артилерійскихъ частей, начальникъ штаба генералъ - фельдцейхмейстеръ генералъ Безакъ обратился въ артилерійское отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, прося разсмотрѣть этотъ вопросъ всесторонне и сообщить о немъ свое заключеніе. Артилерійское отдѣленіе, исполнивъ порученіе начальника штаба, отвѣчало: что по всѣмъ даннымъ, имѣющимся въ отдѣленіи, $2\times2=4$; но для большей убѣдительности, оно полагаетъ полезнымъ произвести нѣкоторыя практическія изысканія и опыты при штабѣ артилеріи дѣйствующей арміи и при гвардейской артилеріи, поручивъ начальнику артилеріи дѣйствующей арміи генералу Геленшмиту и начальнику гвардейской артилеріи генералу Сумарокову высказать ихъ мнѣнія. Начальникъ штаба согласился съ мнѣніемъ артилерійскаго отдѣленія и по окончаніи предписанныхъ опытовъ получилъ отъ гг. Геленшмидта и Сумарокова слѣдующіе отзывы. Первый сообщалъ, что отпускъ суммы денегъ на производство опытовъ при штабѣ артилеріи дѣйствующей арміи такъ малъ, что онъ не могъ въ обширныхъ размѣрахъ произвести порученные ему опыты и хотя онъ полагаетъ, что 2×2 дѣйствительно $=4$, но для окончательнаго рѣшенія этого вопроса онъ считаетъ нужнымъ ходатайствовать объ отпускѣ ему новой суммы денегъ, показанной въ прилагаемой вѣдомости. Генералъ же Сумароковъ отвѣчалъ, что его практическая опытность и многолѣтняя служба привели его къ полному убѣжденію, что что 2×2 никогда не равнялись 4, а всегда было $=5$, о чемъ онъ и проситъ отдать въ приказахъ по артилеріи, чтобы никто въ этомъ не сомнѣвался. Вѣчно жаловавшійся на недостатокъ денегъ Гелен-

шмитъ и упрямый Сумароковъ очерчены въ этомъ разсказѣ очень вѣрно.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Sophie пріѣхала изъ деревни; наши свиданія съ ней возобновились, она была очень нѣжна со мной, и я былъ вполнѣ счастливъ; но тяготясь видѣться съ ней при свидѣтеляхъ, мы условились, что по вечерамъ она будетъ ставить лампу на столикѣ у втораго окна, когда она будетъ дома одна, а если у ней будутъ гости, или мужъ ея будетъ дома, то лампа должна оставаться на ея мѣстѣ на столѣ передъ диваномъ. Сдѣлавъ эти условія, я сталъ каждый день около 8 часовъ вечера ѣздить на Садовую, гдѣ жила Sophie, чтобы наблюдать за лампою. Первое время она часто появлялась у окна, и я спѣшилъ войти къ Sophie и проводилъ съ ней цѣлый вечеръ; но мало по малу лампа стала все рѣже и рѣже перемѣщаться къ окну; я былъ въ отчаяніи и съ грустью на сердцѣ уѣзжалъ домой. Sophie объяснила мнѣ, что она не можетъ часто принимать меня, потому что одинъ родственникъ ея мужа влюбился въ нее и, подозрѣвая, что она любитъ меня, слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ. Хотя я его не терплю, прибавила Sophie, но боюсь, чтобъ онъ не наговорилъ чего нибудь на меня мужу, и тогда намъ пришлось бы совсѣмъ прекратить наши свиданія. Эти слова Sophie мнѣ очень не понравились; я ей отвѣчалъ, что какъ мнѣ ни тяжело разстаться съ ней, но если это нужно для ея семейнаго счастья, то я готовъ сейчасъ же на всегда съ ней проститься. «Нѣтъ, сказала она, я не могу жить безъ твоей любви; будемъ видаться по прежнему, я разскажу мужу о любви его родственника ко мнѣ и тѣмъ возбужу недовѣріе къ его словамъ, если бы онъ вздумалъ что нибудь говорить обо мнѣ». Лампа стала снова появляться у окна также, какъ и прежде; просиживая у Sophie по нѣскольку часовъ, я видѣлъ ея любовь ко мнѣ въ каждомъ взглядѣ, словѣ, движеніи; счастье мое было полно, безгранично.

По возвращеніи изъ Москвы я тотчасъ же отправился къ Sophie и нашелъ тамъ большое общество; былъ день рожденія ея мужа; въ числѣ гостей я замѣтилъ Леонида Т., офицера лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, который былъ какимъ-то родственникомъ Sophie и который, какъ она говорила, былъ влюбленъ въ ея кузину. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ Sophie, я успѣлъ напомнить ей о лампѣ и обѣщалъ на другой же день пріѣхать къ ея окнамъ; но прошло много другихъ дней, а лампы у окна я болѣе не видалъ. Не зная, чтò думать, я рѣшился наконецъ видѣть Sophie, хотя бы она была и не одна дома, подошелъ къ ея крыльцу и только что взялся за ручку колокольчика, чтобы по-

звонить, какъ дверь отворилась и вышла Sophie въ сопровожденіи Леонида Т. Увидавъ меня, она нѣсколько смутилась и сказала мнѣ, что у нея болитъ голова, что Леонидъ Т. обѣщалъ ее прокатить на его лошадяхъ и затѣмъ завезетъ къ теткѣ ея, гдѣ она намѣрена провести вечеръ. Не пріѣдете ли и вы туда? спросила она меня. Я сказалъ да, и черезъ пять минутъ стоялъ уже на подъѣздѣ дома, гдѣ жила ея тетка. Желая видѣть Sophie наединѣ, хотя бы нѣсколько минутъ, я рѣшился подождать ее на крыльцѣ и спрятался въ нишу, которая не была освѣщена. Черезъ нѣкоторое время пріѣхали Sophie и Леонидъ Т.; не видя меня, они обнялись, и я услыхалъ звукъ поцѣлуевъ. Сцена эта до такой степени меня поразила, что я пошатнулся и за что-то зацѣпилъ саблей. При стукѣ сабли, Леонидъ Т. въ одно мгновенье очутился на подъѣздѣ, а Sophie побѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ жила ея тетка. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ я дѣлаю, я вошелъ вслѣдъ за Sophie; лицо мое было такъ блѣдно, что тетка ея спросила меня, здоровъ ли я? Я сказалъ, что мнѣ дурно и тотчасъ уѣхалъ. Вернувшись домой, я не спалъ всю ночь, обдумывая, что̀ мнѣ дѣлать.

Такимъ образомъ окончился мой третій романъ. Если въ грустныхъ результатахъ первыхъ двухъ романовъ я не могъ винить женщинъ мной любимыхъ, то въ этомъ послѣднемъ виновата была исключительно та, которой я отдалъ мое сердце. Я не понимаю, какимъ образомъ можно было согласить сцену на подъѣздѣ съ тѣмъ нѣжнымъ письмомъ, которое, за мѣсяцъ передъ тѣмъ, я получилъ отъ Sophie въ Москвѣ? Невольно вспомнилъ я слова Бальзака: «Le jésuite le plus jésuite est encore mille fois moins jésuite, que la femme la moins jésuite» *).

Насталъ 1853-й годъ. Посольство князя Меншикова въ Константинополь потерпѣло фіаско, вслѣдствіе чего наши войска вступили въ Дунайскія княжества Молдавію и Валахію, и затѣмъ вскорѣ началась война съ Турціей. Разочарованіе въ любви и въ дружбѣ женщинъ навѣяло на меня ужасную тоску, жизнь потеряла для меня прелесть, и во мнѣ явилось желаніе, какъ и въ 1848 году, испытать ощущенія боевой службы. Случай къ тому не замедлилъ представиться. Князь Меншиковъ, назначенный командовать войсками, расположенными въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, ожидая высадки непріятеля въ Крыму, просилъ императора Николая Павловича прислать ему конгревовы ракеты

---

*) Самый большой езуитъ въ тысячу разъ меньше іезуитъ чѣмъ самая малая іезуитка.

для дѣйствія ими съ судовъ и офицера, который бы умѣлъ ими дѣйствовать. Я обратился къ начальству съ просьбой послать меня и вскорѣ получилъ предписаніе отравиться съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ въ Севастополь и, по прибытіи на мѣсто, состоять въ распоряженіи князя Меншикова.

VI.

Непріязненное положеніе, принятое Австріей въ началѣ 1854 года, было главною причиною поспѣшности, съ которою осада Силистріи была снята Русскими войсками и наша армія перешла за рѣку Прутъ, въ предѣлы Бессарабіи. Это обстоятельство, развязавъ руки союзникамъ, совершенно измѣнило ходъ войны на Дунаѣ: Турки стали высказывать свои предположенія о предстоящемъ расширеніи владѣній Порты, въ ущербъ Россіи. Англо-Французскія войска, непрерывно подвозимыя множествомъ транспортныхъ судовъ и пароходовъ, сосредоточивались въ Варнѣ, гдѣ ихъ главнокомандующіе дѣятельно подготовляли всѣ средства, необходимыя для высадки большаго десантнаго корпуса, сохраняя въ тайнѣ свой планъ относительно мѣстности, избранной для осуществленія этого предпріятія. Хотя иностранные журналы давно уже писали, что главныя усилія союзниковъ будутъ направлены на Севастополь, для уничтоженія Черноморскаго флота, но высадка въ Крымъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какихъ требовало это предпріятіе, казалась для многихъ невозможною; люди, спеціально знакомые съ военнымъ дѣломъ, думали, что всякое покушеніе непріятеля высадить свои войска на Таврическомъ полуостровѣ неминуемо повлечетъ за собою гибель десантнаго корпуса. Я помню, что генералъ Сумароковъ писалъ къ своему зятю и моему товарищу князю Оболенскому, съ которымъ я жилъ, по отступленіи нашихъ войскъ къ Бахчисараю, въ одной палаткѣ, что, по мнѣнію его, Крымъ былъ совершенно безопасенъ отъ непріятельскихъ нападеній, потому что высадка въ большихъ размѣрахъ казалась ему неисполнимой, а въ малыхъ размѣрахъ она противорѣчила стратегическимъ соображеніямъ непріятеля. Письмо это было получено моимъ товарищемъ въ то время, когда взятіе Севастополя, послѣ Альминскаго сраженія, не представлялось невозможнымъ.

Выѣхавъ изъ Петербурга съ транспортомъ 600 боевыхъ ракетъ 3-го Іюля 1854 года, я пріѣхалъ въ Симферополь только въ концѣ Августа мѣсяца, по причинѣ неисправности транспортныхъ ямщиковъ. Тутъ я узналъ, что нашъ пароходъ «Элборусъ» подходилъ къ Варнѣ, гдѣ замѣтилъ необыкновенную дѣятельность: огромное количество тран-

спортныхъ судовъ стояло въ гавани, и нѣкоторые изъ нихъ были уже нагружены разными принадлежностями десантнаго корпуса. Приготовленія, дѣлаемыя непріятелемъ, ясно высказывали намѣренія его произвести высадку на нашихъ берегахъ. Извѣстіе, привезенное пароходомъ «Элборусъ» привело въ восторгъ военное населеніе Симферополя; всѣ видѣли съ особеннымъ удовольствіемъ приближеніе того времени, когда приходилось стать въ ряды защитниковъ отечества. На балѣ, данномъ офицерами Ингерманландскаго гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка Симферопольскому обществу, на который я былъ приглашенъ, танцы продолжались до 2-хъ часовъ утра; когда же дамы разъѣхались и офицеры остались одни, распорядитель бала провозгласилъ тостъ за здоровье будущихъ побѣдителей. Всѣ были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что выражали нетерпѣливое желаніе скорѣйшаго начала той драмы, въ счастливой развязкѣ которой никто не сомнѣвался.

1-го Сентября я пріѣхалъ въ Севастополь. Здѣсь мнѣ повторили все слышанное мною въ Симферополѣ, и кромѣ того я узналъ, что къ нашему береговому телеграфу подходилъ одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ, съ котораго объявлено было офицеру, находившемуся на телеграфѣ, на самомъ чистомъ Русскомъ языкѣ: «мы скоро къ вамъ будемъ».—«Милости просимъ, мы давно васъ ждемъ», было ему отвѣтомъ. Хотя подобную выходку непріятельскаго парохода нельзя было считать непремѣннымъ доказательствомъ намѣренія союзниковъ высадить къ намъ свои войска, но тѣмъ не менѣе она служила нѣкоторымъ подтвержденіемъ общаго слуха.

Въ день моего пріѣзда я явился къ князю Меншикову и доложилъ ему о моемъ порученіи. Въ это же время онъ получилъ извѣстіе о приближеніи непріятельской эскадры съ десантомъ къ берегамъ Крыма. Извѣстіе это произвело на всѣхъ, бывшихъ у его свѣтлости, самое пріятное впечатлѣніе; разговоры оживились, начались догадки о томъ, гдѣ непріятель высадится, составлялись различныя предположенія. Не зная численности нашихъ войскъ, готовыхъ встрѣтить непріятеля, я обратился къ штабъ-ротмистру Жолобову *), находившемуся при князѣ Меншиковѣ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, и спрашивалъ его мнѣнія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Его твердые и положительные отвѣты дали мнѣ полную надежду на скорое и блестящее окончаніе открывшейся кампаніи; онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ нашего оружія, что въ разговорѣ со мной сталъ придумывать, кого

---

*) Жолобову оторвало ногу въ сраженіи при Альмѣ; не согласившись на операцію онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ дѣла.

могутъ послать съ донесеніемъ къ Государю объ одержанной побѣдѣ надъ непріятелемъ. Хотя я высказывалъ ему нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, чтобы непріятель могъ съ такой опрометчивостью начать свои военныя дѣйствія, но увлеченный его доводами, я увѣровалъ въ вѣроятность нашихъ будущихъ побѣдъ; а потому, встрѣтивъ на другой день Тотлебена, съ которымъ я жилъ въ одной гостиницѣ, я сказалъ ему, что труды его, безъ сомнѣнія, будутъ напрасны, потому что непріятеля не допустятъ до Севастополя. Не помню, что̀ мнѣ отвѣчалъ Тотлебенъ; но въ отвѣтѣ его, кажется, было гораздо менѣе увѣренности, чѣмъ въ словахъ Жолобова.

Вечеромъ 1-го Сентября я поѣхалъ въ театръ. Играли «Ревизора». Артисты довольно удовлетворительно выполняли свои роли, но умы всѣхъ такъ были заняты открывавшеюся кампаніей, что никто почти не обращалъ вниманія на даваемое представленіе. Въ антрактѣ между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями прискакалъ посланный отъ князя Меншикова къ военному губернатору Севастополя, адмиралу Станюковичу, находившемуся съ семействомъ въ ложѣ, и объявилъ, что непріятель сталъ на якорь и готовитъ суда для перевозки войскъ на берегъ. Слухъ объ этомъ извѣстіи пронесся по театру съ быстротой молніи; губернаторъ тотчасъ уѣхалъ, а офицеры, толпясь въ партерѣ, толковали о привезенной новости. Представленіе вскорѣ кончилось, театръ опустѣлъ; но Екатерининская улица, по которой я шелъ домой, представляла необыкновенное, въ этотъ часъ, зрѣлище: всѣ окна въ домахъ были освѣщены, народъ ходилъ взадъ и впередъ, и на каждомъ перекресткѣ я замѣчалъ группы офицеровъ, преимущественно моряковъ, разсуждавшихъ о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Стараясь вслушаться въ ихъ разговоры, я узналъ, между прочимъ, что предположено было изъ двухъ флотскихъ экипажей сформировать два батальона въ пѣшемъ строю и отправить ихъ въ дѣйствующій отрядъ для усиленія пѣхоты.

Вся ночь съ 1-го на 2-е Сентября прошла въ различныхъ приготовленіяхъ къ открывшейся кампаніи; на всѣхъ улицахъ замѣтна была необыкновенная дѣятельность, и конечно бо̀льшая часть военнаго населенія города эту ночь не спала. Сильныя впечатлѣнія дня отняли и у меня сонъ. На другой день, рано поутру, я былъ уже на ногахъ и отправился узнать, не получено ли новыхъ извѣстій о дѣйствіяхъ непріятеля. Мнѣ сказали, что союзники заняли Евпаторію безъ всякаго сопротивленія съ нашей стороны и что они начали высаживать свои войска, близъ стараго укрѣпленія, недалеко отъ устья Альмы.

2-го Сентября я явился къ коменданту генералъ-лейтенанту Кизмеру и къ начальнику штаба Черноморскаго флота генералъ-адъютанту Корнилову. Г. Корниловъ пригласилъ меня обѣдать. За обѣдомъ было нѣсколько моряковъ и инженерный полковникъ Тотлебенъ, пріѣхавшій за нѣсколько дней до меня изъ нашей Дунайской арміи. Корнилову предложили вопросъ, какъ великъ можетъ быть десантный корпусъ, начавшій высаживаться; его превосходительство отвѣчалъ, что точныхъ свѣдѣній у него нѣтъ, но, что, судя по тому, что весь Черноморскій флотъ едва былъ въ силахъ перевести одну нашу дивизію съ ея артилеріей на Кавказъ, онъ полагаетъ, что болѣе 40 тысячъ человѣкъ непріятель не можетъ высадить *). Затѣмъ, говоря со мной о привезенныхъ ракетахъ, онъ пожелалъ видѣть ихъ дѣйствіе и просилъ меня показать ему, какъ онѣ стрѣляютъ. Я ему объяснилъ, что ими можно дѣйствовать на разстояніи не болѣе 250 саженъ и что онѣ стрѣляютъ гранатами въ два фунта. На другой день была поставлена барка въ 250 саженяхъ отъ берега, и изъ 10 выпущенныхъ ракетъ ни одна въ нее не попала. Увидавъ это, Корниловъ улыбнулся и приказалъ мнѣ сдать ракеты на храненіе въ Николаевскую батарею.

Оставшись такимъ образомъ безъ всякаго дѣла, но не желая быть празднымъ зрителемъ совершающихся событій, я рѣшился просить о назначеніи меня въ дѣйствующій отрядъ, который собирался на Альмѣ близъ деревни Бурлюка. Трудно описать мою радость, когда я получилъ предписаніе князя Меншикова отправиться немедленно въ отрядъ и находиться тамъ въ распоряженіи отряднаго начальника артилеріи генералъ-маіора Кишинскаго. Предписаніе это я получилъ 4-го Сентября, а 5-го въ 6 часовъ утра я былъ уже въ отрядѣ, стоявшемъ въ 40 верстахъ отъ Севастополя.

Чтобы охарактеризовать качества привезенныхъ мной ракетъ, приведу здѣсь выдержки изъ статьи моей, помѣщенной въ № V-мъ Артилерійскаго Журнала за 1857 годъ. Поводы, побудившіе меня написать эту статью, были слѣдующіе. Генералъ-маіоръ Константиновъ, завѣдуя ракетнымъ заведеніемъ, ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ производствѣ ракетъ и, пользуясь своимъ авторитетомъ, сталъ увѣрять, что этотъ новый снарядъ, имъ приготовляемый, незамѣнимъ по той громадной пользѣ, которую онъ принесетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ военное время; при-

*) Впослѣдствіи оказалось, что во всѣхъ трехъ контингентахъ, Французскомъ, Англійскомъ и Турецкомъ, всѣхъ родовъ высадившихся войскъ было около 70 тысячъ человѣкъ.

готовленіе же его онъ держалъ въ секретѣ. Артилерійское вѣдомство поддержало эту рекламу г. Константинова, признавъ хорошія дѣйствія ракетъ, между тѣмъ какъ, во время опытовъ на Волковомъ полѣ, при мнѣ были случаи, когда ракета, ударившись хвостомъ въ землю, летѣла не горизонтально, а подымаясь вверхъ и при небольшомъ даже вѣтрѣ, ни одна ракета не попадала въ мишень. Прокричавъ о превосходномъ дѣйствіи ракетъ, Константиновъ желалъ конечно, чтобы славу ихъ подтвердили офицеры, дѣйствовавшіе ими на войнѣ, вслѣдствіе чего онъ былъ очень доволенъ офицеромъ, посланнымъ на Кавказъ и доносившимъ ему, что ракеты отличны и крайне разсерженъ на меня за то, что я подобныхъ донесеній не дѣлалъ. По возвращеніи моемъ изъ Севастополя, онъ сталъ обвинять меня въ бездѣятельности и въ равнодушномъ отношеніи къ данному мнѣ порученію. Узнавъ объ этомъ, я счелъ наилучшимъ способомъ оправданія—уяснить печатно причины, по которымъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло въ Крыму. Содержаніе моей статьи было слѣдующее.

«Въ № III-мъ Артилерійскаго Журнала за нынѣшній (1857-й) годъ помѣщено начало статьи генералъ-маіора Константинова: «О боевыхъ ракетахъ». Свѣдѣнія, сообщенныя въ этой статьѣ о моей командировкѣ въ 1854 году съ ракетами въ Севастополь, изложены весьма кратко; а потому, желая пополнить этотъ незначительный пробѣлъ, я считаю нелишнимъ представить здѣсь подробный отчетъ о дѣйствіяхъ моихъ въ Крыму и о результатѣ возложеннаго на меня порученія по предмету употребленія ракетъ, присовокупивъ къ этому и соображенія мои относительно достоинства ракетъ, отправленныхъ со мной въ Севастополь».

«Г. инспектору всей артилеріи угодно было въ 1854 году назначить меня для сопровожденія транспорта съ 600 боевыми 2-хъ дюймовыми ракетами, отправленнаго въ Севастополь по требованію князя Меншикова. Согласно сему мнѣ было предписано, по прибытіи транспорта на мѣсто, состоять въ распоряженіи его свѣтлости и ожидать приказаній для употребленія ракетъ въ дѣло противъ непріятеля».

«Ракеты, со мной посланныя, заряжены были гранатами, имѣвшими вѣсъ около 2-хъ фунтовъ; дальность ихъ дѣйствительнаго выстрѣла не превышала 250 саженъ. Для дѣйствія ими мнѣ дано было 8 станковъ съ четырехгранными желобами, вѣсившими каждый (станокъ съ желобомъ) около 2-хъ пудовъ; кромѣ того, для приданія бóльшей вѣрности полету ракетъ, я имѣлъ для каждаго станка по одной трубѣ,

длиною 7 футовъ. Команда, назначенная для сопровожденія транспорта, состояла изъ одного фейерверкера и четырехъ рядовыхъ, взятыхъ изъ ракетной батареи».

«Прибывъ въ Севастополь 1-го Сентября и явившись къ князю Меншикову, я получилъ отъ него приказаніе сдать ракеты въ артиллерійской гарнизонъ и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ тотъ самый день его свѣтлость получилъ извѣстіе съ приморскаго телеграфа, что сильная непріятельская эскадра съ десантомъ показалась въ виду Крымскихъ береговъ и идетъ по направленію къ Евпаторіи. Вслѣдствіе этого, главная квартира командовавшаго войсками и штабъ его были тотчасъ же перенесены въ деревню Мамашай. Я долженъ былъ остаться въ Севастополѣ, не получивъ никакого назначенія. Предполагая, что непріятель не будетъ имѣть возможности приблизиться къ городу и что вся открывшаяся кампанія ограничится только полевыми дѣйствіями, я обратился къ генералъ-адъютанту Корнилову съ просьбой дозволить мнѣ сдѣлать въ адмиралтействѣ, по моему указанію, нѣсколько полевыхъ станковъ, при помощи которыхъ я имѣлъ бы возможность дѣйствовать ракетами въ полѣ, причемъ я представилъ, что устройство этихъ станковъ не могло потребовать большаго числа рабочихъ рукъ и много времени; но генералъ Корниловъ, не вполнѣ довѣряя хорошему дѣйствію привезенныхъ мной ракетъ, изъявилъ желаніе предварительно лично убѣдиться въ пользѣ, которую можно отъ нихъ ожидать и предложилъ мнѣ съ этой цѣлью произвесть, въ его присутствіи, испытаніе. Такъ какъ назначеніемъ ракетъ, по желанію князя Меншикова, было преимущественно дѣйствовать противъ непріятельскихъ судовъ, то для производства опытовъ избрана была 8-я батарея на южной сторонѣ города, а мишенью служила старая барка, поставленная отъ берега на разстояніи 250 саженъ. При производствѣ испытанія, чтобы не истощать запаса привезенныхъ мной ракетъ, а также и по недостатку времени, выпущено было только 10 ракетъ, изъ которыхъ ни одна не попала въ барку».

«Такимъ образомъ, генералъ-адъютантъ Корниловъ, убѣдившись, что дальность ракетъ не превышаетъ 250 саж. и что даже на этомъ разстояніи дѣйствительность ихъ не велика, а равно имѣя въ виду, что адмиралтейство завалено самыми спѣшными работами, нашелъ невозможнымъ исполнить мою просьбу и осудилъ ракеты на временное бездѣйствіе. Не желая оставаться празднымъ въ такое время, когда дѣятельность каждаго была направлена къ общей защитѣ, я обратился къ исправлявшему должность начальника штаба войскъ, расположенныхъ

въ Крыму, полковнику Вуншу, съ просьбой доложить князю Меншикову о желаніи моемъ получить какое-либо назначеніе въ отрядѣ, стоявшемъ на позиціи; на эту просьбу мою изъявлено было согласіе, и на другой же день я былъ назначенъ въ распоряженіе отряднаго начальника артилеріи, генералъ-маіора Кишинскаго, при которомъ состоялъ отъ 4-го до 26-го Сентября».

«Въ промежутокъ этого времени отрядъ нашъ, послѣ Альминскаго дѣла, отступилъ въ Севастополь, гдѣ мы пробыли около двухъ дней *). Послѣ того войска наши двинулись къ Бахчисараю и, по совершеніи этого флангового движенія, были на короткое время отрѣзаны отъ Севастополя непріятельскою арміей, переходившей въ это время съ сѣверной стороны на южную. Сообщенія наши съ сѣверной стороны Севастополя и съ самимъ городомъ возстановлены были только черезъ нѣсколько дней; тогда отрядъ нашъ придвинулся къ Бельбеку, и я при первой возможности счелъ обязанностью отправиться въ Севастополь узнать, что́ сталось съ ракетами и не предвидится ли какой-либо возможности употребить ихъ съ пользою въ дѣло при оборонѣ крѣпости. Тутъ я узналъ, что генералъ Корниловъ, по предложенію штабсъ-капитана Пестича, сформировалъ ракетную батарею, уложивъ 350 ракетъ и 5 станковъ въ телѣги, взятыя отъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи, и назначилъ къ нимъ прислугу состоявшую изъ 5-ти человѣкъ, прибывшихъ со мной и изъ 15-ти матросовъ 29-го экипажа. Назначеніе этой батареи заключалось въ томъ, чтобы въ случаѣ штурма города она могла поспѣвать на тѣ пункты, которые наиболѣе нуждались въ защитѣ. Имѣя въ виду, что союзныя войска сосредоточивали всѣ свои усилія и вниманіе на осажденный городъ, я испросилъ разрѣшеніе начальства о дозволеніи мнѣ обратиться снова на тотъ родъ службы, который долженъ былъ въ Крыму составлять мою спеціальность. Поэтому 26-го Сентября я былъ уже въ Севастополѣ и по приказанію генерала Корнилова тотчасъ же вступилъ въ командованіе сформированной имъ ракетной батареей».

«Ракетная батарея находилась постоянно при полкахъ, составлявшихъ общій резервъ. Октября 5-го, въ день перваго бомбардированія, она была расположена съ Тарутинскимъ полкомъ на театральной площади. Генералъ-адъютантъ Корниловъ, проѣзжая въ 11 часовъ утра

---

[1]) Въ сраженіи при Альмѣ подо мной была убита лошадь, которая при паденіи своемъ придавила мнѣ ногу. По прибытіи въ Севастополь, я не имѣлъ возможности въ продолженіе двухъ дней выйти изъ комнаты, а потому и не могъ собрать свѣдѣній о распоряженіяхъ, которыя были сдѣланы относительно ракетъ.

того дня по площади и замѣтивъ, что непріятельскіе снаряды не только долетали, но и перелетали черезъ батарею, по справедливости заключилъ, что бомба, упавъ на ракетный ящикъ, могла панести огромный вредъ войскамъ, составлявшимъ резервъ, а потому приказалъ сложить ракеты на Николаевской батареѣ, а телѣги отправить для подвозки зарядовъ на бастіоны».

Послѣ страшной бомбандировки 5-го Октября непріятель ограничивался во всѣ слѣдующіе дни только слабымъ обстрѣливаніемъ города и, судя по землянымъ работамъ, которыя союзники производили, можно было заключить, что они и не думали о штурмѣ, вслѣдствіе чего ракетная батарея, въ видахъ сбереженія лошадей, болѣе не запрягалась. Октября 18-го послѣдовало ко мнѣ предписаніе генералъ-лейтенанта Моллера, командовавшаго Севастопольскимъ гарнизономъ, о возвращеніи лошадей и телѣгъ обратно въ полки. Исполненіемъ этого приказанія окончилось существованіе ракетной батареи, не принимавшей никакого дѣятельнаго участія въ оборонѣ въ теченіе того времени, когда я находился въ Крыму».

«Я сказалъ выше, что ракетная батарея, сформированная генералъ-адъютантомъ Корниловымъ, составлена была изъ 350 ракетъ и 8 станковъ; остальныя ракеты и станки, изъ числа привезенныхъ мной изъ С.-Петербурга, находились на приморскихъ батареяхъ Александровской и Константиновской. Александровская батарея доставшихся на ея долю ракетъ въ дѣло не употребляла, а Константиновская выпустила 5-го Октября около 10 ракетъ противъ непріятельскихъ кораблей. Это случилось слѣдующимъ образомъ. Союзный флотъ, замѣтивъ, что Константиновская батарея не вездѣ представляетъ одинаково сильную оборону, атаковалъ ея слабѣйшую сторону и открылъ противъ нея жесточайшій огонь; вскорѣ верхняя открытая батарея была сбита, а въ казематахъ взрывъ нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ произвелъ такое замѣшательство между орудійной прислугой, что батарея на нѣкоторое время прекратила огонь. Въ эту-то критическую минуту командиръ батареи обратился къ ракетамъ и чтобъ прервать молчаніе крѣпостныхъ орудій выпустилъ около 10 боевыхъ ракетъ. Въ промежутокъ этого времени нѣкоторыя орудія приведены были въ возможность дѣйствовать и, когда изъ нихъ открыли огонь, дѣйствіе ракетами было прекращено. Само собою разумѣется, что ракеты въ этомъ случаѣ не могли нанести непріятелю никакого вреда, потому что ни одинъ союзный корабль не приближался къ батареѣ на ракетный выстрѣлъ. Можно однакожъ думать, что вслѣдствіе этого распоряженія непріятель не замѣтилъ временнаго прекращенія огня нашихъ орудій».

«Въ началѣ Ноября мѣсяца того же 1854 года, когда непріятельскіе подступы къ 4-му бастіону подведены были на довольно близкое разстояніе, князь Меншиковъ желалъ употребить ракеты для дѣйствія по траншеямъ. Ракеты въ этомъ случаѣ могли бы принести дѣйствительную пользу; а потому, желая предварительно осмотрѣть мѣстность и выбрать удобный пунктъ для постановки спусковъ, я пошелъ на 4-й бастіонъ, но не дойдя до него, былъ контуженъ въ голову осколкомъ бомбы, вслѣдствіе чего долженъ былъ отправиться въ госпиталь, откуда, спустя нѣкоторое время, уволенъ былъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни. О послѣдующемъ употребленіи ракетъ при оборонѣ Севастополя мнѣ ничего неизвѣстно. По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я представилъ отчетъ обо всемъ моему ближайшему начальству».

«Сдѣлавъ краткій очеркъ моихъ дѣйствій въ Крыму, позволю себѣ высказать, по поводу отправленныхъ со мной ракетъ, нѣкоторыя соображенія, которыя не считаю непогрѣшимыми, представляя ихъ на обсужденіе г. г. артиллеристовъ».

«1) Если вышеупомянутыя ракеты назначались для дѣйствія съ береговыхъ батарей противъ непріятельскихъ судовъ, что̀ усматривается изъ статьи генералъ-маіора Константинова, то 2-хъ дюймовый калибръ ракетъ не могъ соотвѣтствовать этому назначенію, потому что вредъ отъ гранатъ, вѣсомъ въ два фунта слишкомъ, незначителенъ, а еще болѣе потому, что трудно было предположить, чтобы суда подошли къ батареямъ на разстояніе 250 саженъ; но если бы это и случилось, то, конечно, одинъ выстрѣлъ изъ крѣпостнаго орудія нанесъ бы несравненно болѣе вреда непріятелю чѣмъ десятки ракетъ».

«2) Если отъ ракетъ, о которыхъ идетъ рѣчь, потребовалось бы зажигательное дѣйствіе, какъ напр. для сожженія судовъ, выброшенныхъ на берегъ бурею 2-го Ноября, то и тутъ ракеты не могли быть употреблены въ дѣло, потому что были заряжены не зажигательнымъ составомъ, а гранатами; производить же зажженіе своимъ собственнымъ горѣніемъ ракеты могутъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ главную роль играетъ случайность».

«3) Если разсмотрѣть, могли ли эти ракеты быть употреблены для дѣйствія въ полѣ, то нельзя не согласиться, что и этому назначенію онѣ не могли удовлетворить; потому что спуски, посланные вмѣстѣ съ ракетами, были тяжелы и неудобоподвижны, а легкихъ станковъ, какъ сказано мной выше, я не имѣлъ средствъ построить».

Объяснивъ непригодность ракетъ, привезенныхъ мной въ Севастополь, буду продолжать мой разсказъ.

4-го Сентября я получивъ предписаніе князя Меншикова явиться въ дѣйствующій отрядъ, стоявшій на позиціи близъ деревни Бурлюка, на рѣкѣ Альмѣ. Я тотчасъ же нанялъ лошадей и, взявъ съ собой сѣдло, небольшой вьючный чемоданчикъ и подушку, выѣхалъ изъ Севастополя въ туже ночь. По пріѣздѣ въ отрядъ, я помѣстился въ одной палаткѣ съ командиромъ 4-й легкой батареи 14-й артилерійской бригады, капитаномъ Маевскимъ, съ которымъ былъ прежде знакомъ. Сначала положеніе мое было весьма непріятно; изъ первыхъ дней моего пребыванія между людьми, которыхъ видѣлъ въ первый разъ и между которыми былъ совершенно чужой, я вынесъ грустное воспоминаніе. Мой гвардейскій мундиръ внушалъ многимъ изъ армейскихъ артилеристовъ какое-то недружелюбное чувство, которое не старались даже отъ меня скрывать. Во мнѣ никто не хотѣлъ видѣть товарища, готоваго дѣлить и горе и радость боевой жизни, искавшаго хоть слабаго сочувствія въ тѣхъ, между которыми его бросила судьба; во мнѣ видѣли человѣка, пріѣхавшаго за наградами, съ намѣреніемъ предъявлять на нихъ большія права, чѣмъ тѣ, которыя носили армейскій мундиръ. Однако, это первое невыгодное впечатлѣніе, произведенное моимъ пріѣздомъ, изгладилось, и со многими изъ артилерійскихъ офицеровъ я былъ впослѣдствіи въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ что три мѣсяца послѣ этого, при отъѣздѣ моемъ изъ Крыма, меня провожали какъ сослуживца, съ которымъ разставались не безъ сожалѣнія. Положеніе мое въ отрядѣ было сначала затруднительно и тѣмъ, что я не имѣлъ верховой лошади; купить ее было негдѣ, а оставаться безъ лошади было невозможно, вслѣдствіе чего я долженъ былъ взять пристяжную, предложенную мнѣ ямщикомъ, который привезъ меня изъ Севастополя, и хоть она была совершенно разбита, тѣмъ не менѣе я заплатилъ за нее сто рублей. Недружелюбный пріемъ, оказанный мнѣ артилеристами, заставилъ меня отказаться отъ желанія служить въ строю одной изъ батарей. Генералъ Кишинскій оставилъ меня при себѣ въ качествѣ адъютанта.

Пользуясь моимъ новымъ положеніемъ, я объѣзжалъ нѣсколько разъ нашу позицію, разсматривалъ со вниманіемъ расположеніе каждой части нашихъ войскъ, старался вникнуть въ планъ нашихъ будущихъ дѣйствій и по неопытности моей въ военномъ дѣлѣ, а также, по незнанію численности высадившихся непріятельскихъ войскъ, я полагалъ, что мы непремѣнно удержимъ за собой занятую нами позицію. Объѣзжая наше

бивачное расположеніе, я замѣтилъ, между прочимъ, что во многихъ полкахъ производились ученія разсыпному строю. Недоумѣвая что̀ это значитъ, я обратился къ одному офицеру Бородинскаго полка, который далъ мнѣ слѣдующее разъясненіе. Наша пѣхота, въ то время, раздѣлялась на тяжелую и егерей. Полки тяжелой пѣхоты вовсе не обучались разсыпному строю, а имѣли назначеніе дѣйствовать только въ сомкнутомъ порядкѣ; но въ виду того, что нѣкоторые полковые командиры признали необходимымъ, чтобы всѣ солдаты знали правила застрѣльщичьей службы, они рѣшились воспользоваться свободнымъ временемъ и обучить ихъ застрѣльщичьему строю.

Жизнь на бивакахъ была не совсѣмъ пріятна. Погода стояла ясная; но днемъ жара доходила до 20° и болѣе, а ночью было такъ холодно, что, не смотря, что я спалъ въ толстой солдатской шинелѣ, не раздѣваясь, меня къ утру пронимала дрожь отъ холода, какъ въ лихорадкѣ. Обѣдъ состоялъ изъ одного блюда: солдатскихъ щей; водки можно было пить сколько угодно, но она такъ отзывалась сивушнымъ масломъ, что пить ее я не могъ. Прошло два дня, непріятель отъ берега не двигался. Наконецъ, настало 7-е Сентября. Въ этотъ день мы отобѣдали, по обыкновенію, въ первомъ часу дня. Не имѣя привычки спать послѣ обѣда, я, какъ нарочно, заснулъ въ этотъ день самымъ крѣпкимъ сномъ, послѣдствія котораго были для меня весьма непріятны. Непріятель выслалъ дивизію пѣхоты и свою кавалерію для рекогносцировки; съ нашей стороны послали также маленькій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова, чтобы остановить наступленіе непріятеля. Съ этимъ отрядомъ поѣхалъ и начальникъ мой генералъ Кишинскій. Не зная ничего о сдѣланныхъ распоряженіяхъ, я проснулся лишь въ то время, когда раздались наши выстрѣлы. Въ одно мгновеніе я былъ на ногахъ, бросился въ палатку моего генерала и, узнавъ, что онъ уѣхалъ, поскакалъ къ нему на едва осѣдланной лошади; но дѣло (ограничившееся нѣсколькими выстрѣлами и не имѣвшее никакихъ послѣдствій) было уже кончено: я встрѣтилъ отрядъ на обратномъ пути. Трудно себѣ представить то горькое чувство, которое овладѣло мной при этомъ. Генералъ Кишинскій молча выслушалъ мои извиненія, и это было для меня мучительнѣе, невыносимѣе всякой пытки. Я чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ моемъ самолюбіи и понималъ, что самъ далъ поводъ сомнѣваться въ моей военной чести; мнѣ казалось, что я погибъ во мнѣніи всѣхъ и что мнѣ остается одно—искать смерти.

Рекогносцировка 7-го Сентября ознаменовалась маленькимъ недоразумѣніемъ. Одинъ изъ дивизіоновъ Кіевскаго гусарскаго герцога

Лейхтенбергскаго полка стоялъ въ этотъ день на аванпостахъ и былъ одѣтъ въ кителя; другіе же дивизіоны этого полка, вышедшіе на встрѣчу непріятелю съ отрядомъ генера Кирьякова, имѣли на себѣ доломаны. Въ концѣ дѣла, при отступленіи гусаръ на позицію, съ ними отступалъ и примкнувшій къ нимъ дивизіонъ въ кителяхъ. Между тѣмъ одна изъ пѣшихъ батарей поставлена была на удобномъ мѣстѣ и получила приказаніе, пропустивъ нашу кавалерію, немедленно открыть огонь по непріятельской, которая направлялась вслѣдъ за нашей. Мѣстность, по которой проходили гусары, была пересѣчена возвышенностями, и надобно было, къ довершенію несчастія, чтобы дивизіонъ въ кителяхъ тогда только показался изъ за возвышенія, когда другіе дивизіоны уже открыли мѣсто для стрѣльбы. Не сомнѣваясь, что показавшаяся кавалерія была непріятельская, командиръ батареи тотчасъ открылъ по ней огонь и прежде, чѣмъ разъяснилось недоразумѣніе, успѣлъ сдѣлать три или четыре выстрѣла. Отъ этихъ выстрѣловъ, сколько мнѣ помнится, былъ раненъ рядовой и убито двѣ или три лошади. Въ тотъ же самый день 7-го Сентября, былъ взятъ въ плѣнъ подполковникъ Французскаго генеральнаго штаба Де-Лагонди, ѣхавшій съ порученіемъ отъ лорда Раглана къ маршалу Сентъ-Арно. По близорукости своей, онъ самъ наѣхалъ на нашихъ гусаръ, которыми тотчасъ же былъ схваченъ. Попавшись въ плѣнъ, Де-Лагонди былъ въ отчаяніи. Ему предложили послать парламентера за его вещами; онъ было согласился на это предложеніе, но подумавъ, просилъ не посылать за ними, говоря, что во Французскомъ лагерѣ могутъ невыгодно истолковать поспѣшную заботу его объ удобствахъ жизни въ плѣну, при чемъ у него вырвалось восклицаніе: «*que diront de moi les journaux*» *)!

Послѣ рекогносцировки, сдѣланной непріятельской арміей, союзныя войска приблизились къ нашей позиціи и расположились верстахъ въ четырехъ отъ нашего лагеря; ясно было, что на другой день мы должны были ожидать рѣшительнаго боя. Вечеромъ, какъ у непріятеля, такъ и у насъ, зажжены были костры. Обходя наши биваки, я видѣлъ во многихъ полкахъ веселые хоры пѣсельниковъ, слышалъ шумные разговоры солдатъ, выражавшихъ полную увѣренность въ предстоявшей побѣдѣ. Проходя мимо батальона, составленнаго изъ моряковъ, я услыхалъ, что одинъ изъ матросовъ выражалъ горячее желаніе, чтобы во время сраженія не было дождя; я остановился и спросилъ, отъ чего онъ боится дождя? «*Я не боюсь, ваше благородіе, а ружья наши боятся; какъ пойде дождь, такъ и палить нельзя*», отвѣчалъ онъ. Оказалось, что у

---

*) Что скажутъ про меня газеты!

нихъ были ружья съ кремневыми замками. Близъ палатки князя Меншикова, я встрѣтилъ адъютанта его Сколкова, котораго зналъ въ Петербургѣ. «Что вы думаете о завтрашнемъ днѣ?» спросилъ я его. Сначала онъ отвѣчалъ уклончиво, но потомъ объяснилъ, что по свѣдѣніямъ князя Меншикова высадилось около 70 тысячъ союзныхъ войскъ, у насъ же было всего около 30 тысячъ; слѣдовательно, хотя духъ нашихъ солдатъ превосходный, но ручаться за побѣду нельзя. Сколковъ былъ первый, отъ котораго я слышалъ сомнѣніе въ успѣхѣ нашего оружія; на другой день ему оторвало руку. На правомъ флангѣ нашей позиціи артилерійскіе офицеры собрались въ кружокъ и, толпясь около разложеннаго костра, горячо толковали о завтрашнемъ днѣ. Одинъ только командиръ 3 батареи 14 артилерійской бригады, котораго фамиліи не припомню, отошелъ въ сторону и, не смотря на свой постоянно веселый характеръ, не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Онъ былъ убитъ на другой день пулею въ грудь и, замѣчательное дѣло, кромѣ него, въ батареѣ, имъ командуемой, не было ни одного убитаго, ни одного раненаго.

Наконецъ, мало-по-малу, костры погасли, шумный говоръ стихъ, всѣ отправились по своимъ палаткамъ... Мнѣ приказано было явиться на разсвѣтѣ въ главную квартиру за полученіемъ приказаній относительно артилеріи. Хотя я прибылъ туда еще до восхода солнца, однако князь Меншиковъ и весь штабъ его были уже на ногахъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ, исправлявшій должность начальника штаба 6-го корпуса, которымъ командовалъ князь П. Д. Горчаковъ (братъ главнокомандующаго Дунайской арміи), узнавъ о причинѣ моего пріѣзда, поручилъ мнѣ передать всѣмъ батареямъ, чтобы онѣ немедленно снимали палатки, отправляли обозы и запрягали орудія. Передавъ это приказаніе, я возвратился около 8 часовъ утра, вмѣстѣ съ генераломъ Кишинскимъ, въ главную квартиру, гдѣ и находился до тѣхъ поръ, пока непріятель не двинулъ противъ насъ своихъ колоннъ. Въ промежуткѣ этого времени я успѣлъ два раза съѣздить на разные пункты расположенія артилеріи съ приказаніями генерала Кишинскаго. Въ 12-мъ часу онъ послалъ меня въ третій разъ, но по возвращеніи, я не нашелъ въ главной квартирѣ ни его, ни князя Меншикова: они уѣхали, какъ мнѣ сказали, на лѣвый флангъ, откуда я только что пріѣхалъ. Это было въ началѣ перваго часа по полудни; непріятельскія колонны подходили въ то время къ нашей позиціи. Поскакавъ отыскивать генерала Кишинскаго, я встрѣтилъ его на лѣвомъ флангѣ, разставлявшаго легкія № 4-й и 5-й батареи 17-й артилерійской бригады противъ Французскихъ орудій, открывшихъ огонь; къ этимъ батареямъ

вскорѣ присоединены были 12-я конная и 4-я Донская, взятыя изъ резерва. Дѣйствіе всѣхъ этихъ батарей было такъ успѣшно, что Французскія орудія должны были вскорѣ замолчать. Мы подвинулись нѣсколько впередъ и конечно, если бы пѣхота поддержала наступленіе артилеріи, то непріятелю не легко было бы сбить насъ съ позиціи лѣваго фланга; но батальоны Московскаго полка, составлявшіе наше прикрытіе, стояли позади батарей и не получали никакого приказанія идти впередъ. Самое положеніе ихъ за батареями, а не на флангахъ, было причиною огромныхъ потерь, которыя они понесли въ этомъ дѣлѣ; кромѣ того, они не выслали застрѣльщичьей цѣпи и тѣмъ дали возможность непріятельскимъ стрѣлкамъ, покровительствуемымъ мѣстными неровностями, подходить къ орудіямъ на 300 шаговъ и ближе, и бить прислугу почти безнаказанно. Одно спасеніе противъ этихъ стрѣлковъ артилеристы видѣли въ картечи, и дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ штуцерный огонь непріятеля становился менѣе смертоносенъ.

Не могу при этомъ случаѣ не разсказать слѣдующій эпизодъ изъ дѣйствія 4-й легкой батареи 17-й артилерійской бригады. Генералъ Кишинскій, замѣтивъ позади нашихъ орудій выгодную мѣстность для дѣйствія артилеріи, приказалъ 4-й батареѣ, въ самомъ разгарѣ боя, занять эту мѣстность. Батальонъ Московскаго полка, стоявшій позади батареи, пропустилъ ее черезъ свои ряды, но потомъ сомкнулся и тѣмъ закрылъ ея огонь; хотя артилеристы требовали скорѣйшаго очищенія мѣста для стрѣльбы, но достигнуть того было не легко. Въ это самое время толпа непріятельскихъ всадниковъ, замѣтивъ происшедшее замѣшательство, кинулась батареѣ во флангъ, и такъ какъ пѣхота находилась въ самомъ неправильномъ строѣ и не могла оказать большаго сопротивленія атакѣ, а артилерія и вовсе никакого не представляла въ рукопашномъ бою, то конечно кавалеристы могли бы нанести намъ огромный вредъ; къ счастію, командиръ 1-го взвода 4-й батареи прапорщикъ Чарторижскій, замѣтивъ во̀ время намѣреніе всадниковъ, повернулъ противъ нихъ фланговое орудіе и однимъ картечнымъ выстрѣломъ успѣлъ ихъ разсѣять. Находчивость этого офицера спасла насъ отъ большаго урона.

Стойкость нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ заставила непріятеля подкрѣпить свои колонны, противъ насъ дѣйствовавшія, дивизіею Канробера; при этомъ численный перевѣсъ оказался столь значителенъ на сторонѣ непріятеля, что отступленіе наше дѣлалось неизбѣжнымъ. При первыхъ отступательныхъ движеніяхъ подо мной убита была лошадь

пулею въ лобъ; пуля эта была вѣроятно назначена мнѣ въ грудь, но въ моментъ выстрѣла лошадь взмахнула головой вверхъ и тѣмъ спасла меня отъ смерти. Упавъ вмѣстѣ съ лошадью, я едва могъ высвободить ногу изъ-подъ сѣдла и почувствовалъ въ ногѣ сильную боль. Кишинскій, съ которымъ я стоялъ рядомъ на 4-й батареѣ, увидавъ, что я упалъ, предположилъ, что я убитъ и ускакалъ къ другой батареѣ; я же, спѣшенный, отправился назадъ, но прошелъ около двухъ верстъ прежде, чѣмъ успѣлъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Рядомъ со мной шелъ раненый солдатъ Московскаго полка; у него была оторвана рука; рана причиняла ему сильныя страданія, онъ ужасно стоналъ и вскорѣ упалъ; къ довершенію несчастья, сзади насъ разорвало гранату, осколокъ которой попалъ ему въ ногу. Хотя мнѣ жаль было бросить этого несчастнаго, но измученный усталостью и жарой, и къ тому же съ больной ногой, я рѣшительно не могъ тащить его на себѣ. Замѣтивъ, что по полю, въ разныхъ направленіяхъ, шли другіе раненые, я успѣлъ собрать нѣкоторыхъ, которыхъ раны были не такъ тяжелы, и съ помощью ихъ довелъ перваго до лазаретнаго полуфурка.

Сцены, которыхъ я былъ тутъ свидѣтелемъ, останутся мнѣ памятны на всю жизнь. Более ста человѣкъ раненыхъ, плавая въ лужахъ крови, лежали около полуфурка, оглашая воздухъ самыми ужасными стонами; страданія нѣкоторыхъ были такъ велики, что они умоляли скорѣе ихъ приколоть; другіе, томясь жаждой, просили, какъ благодѣянія, дать имъ глотокъ воды, но воды не было. Фельдшеръ, при нихъ находившійся (врача же не было), не имѣлъ ни средствъ, ни времени всѣмъ подавать помощь; нерѣдко онъ подходилъ къ раненому въ то время, когда тотъ испускалъ послѣдній вздохъ. Я позабылъ и о жаждѣ и о голодѣ, которые передъ тѣмъ чувствовалъ, позабылъ и объ усталости, и рѣшился отойти отъ зрѣлища раздиравшаго сердце. Въ это время подъѣхалъ изъ Севастополя генералъ-адъютантъ Корниловъ и остановился около меня; я разсказалъ ему подробно все, чему былъ свидѣтелемъ; онъ съ грустію выслушалъ меня, взялъ у казака лошадь и поскакалъ отыскивать князя Меншикова. Въ тоже время показалась не вдалекѣ пѣшая батарея; я направился къ ней, сѣлъ на лафетъ одного изъ орудій и къ утру пріѣхалъ, вмѣстѣ съ батареей, на сѣверную сторону Севастополя. Батарея эта, въ которой въ иныхъ орудіяхъ осталось всего по двѣ лошади, была легкая № 5-й 17-й артиллерійской бригады; командовалъ ею подполковникъ Хлопонинъ.

Альминское дѣло было съ нашей стороны дѣломъ артиллерійскимъ. Артиллерія наша принимала въ немъ самое дѣятельное участіе. Въ про-

долженіи трехъ часовъ она удерживала своимъ огнемъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля и, не смотря на огромныя потери въ людяхъ и лошадяхъ, оставила на полѣ сраженія только два орудія батарейной № 2-й батареи 16-й артилерійской бригады, которыя, послѣ потери всѣхъ лошадей, не могли быть взвезены на возвышенность, находившуюся позади батареи. Изъ батарей, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ, наиболѣе пострадали легкія № 4-й и № 5-й 17-й артилерійской бригады, во все время боя находившіяся подъ штуцернымъ огнемъ зуавовъ и Французскихъ стрѣлковъ. Въ нѣкоторыхъ орудіяхъ этихъ батарей осталось едва по двѣ лошади, а въ другихъ орудіяхъ одинъ номеръ нерѣдко исполнялъ обязанности двухъ и трехъ номеровъ. Потеря наша отъ огня Французской артилеріи и судовъ, стоявшихъ у мыса Лукулла, была, сколько мнѣ извѣстно, не велика. Трудно опредѣлить число убитыхъ и раненыхъ этимъ огнемъ, но подбитыхъ лафетовъ и взорванныхъ ящиковъ оказалось немного. Потеря же непріятеля произошла преимущественно отъ нашихъ артилерійскихъ снарядовъ, потому что дѣйствіе нашей пѣхоты изъ гладкоствольныхъ ружей было ничтожно. Потеря эта, по донесеніямъ главнокомандующихъ союзными силами, состояла изъ 4301 человѣка убитыми и ранеными. Эта цифра лучше всего можетъ свидѣтельствовать о дѣйствіи нашей артилеріи 8-го Сентября. Князь Меншиковъ, оцѣняя заслуги артилеристовъ въ этомъ дѣлѣ, далъ сравнительно больше Георгіевскихъ крестовъ въ батареи, чѣмъ въ прочіе ряды войскъ.

Много было говорено и писано объ Альминскомъ сраженіи. Позволю себѣ. не вдаваясь въ разборъ его съ военной точки зрѣнія, сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ которомъ находилась наша армія сравнительно съ непріятельской.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, наша армія подъ Альмой состояла изъ 42 батальоновъ, 15 эскадроновъ, 11 сотенъ казаковъ и 10 батарей 8-ми-орудійнаго состава, всего изъ 33 тысячъ человѣкъ. Въ непріятельской же арміи было 32 тысячи Французовъ, 26 тысячъ Англичанъ, 7 тысячъ Турокъ, всего 65 тысячъ; слѣдовательно союзники были почти вдвое сильнѣе насъ. Вооруженіе нашей пѣхоты состояло изъ гладкоствольныхъ ружей, которыми съ успѣхомъ можно было дѣйствовать не далѣе 200 шаговъ; непріятельская же пѣхота имѣла штуцера, которые на разстояніи 500 шаговъ производили убійственный огонь; слѣдовательно наша пѣхота относительно непріятельской была въ положеніи человѣка съ палкой передъ человѣкомъ, который вооруженъ пистолетомъ. О сравнительномъ достоинствѣ нашихъ и непріятельскихъ

ружей разсказывали въ то время слѣдующій анекдотъ. Всѣхъ раненыхъ въ Севастополѣ нижнихъ чиновъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, представляли императору Николаю Павловичу. На одномъ изъ такихъ представленій Его Величество спросилъ одного солдата, какого онъ мнѣнія о непріятельскихъ ружьяхъ? Солдатъ отвѣчалъ, что ружья у непріятеля не въ примѣръ лучше нашихъ, потому что у него ружья Англійскія, а у насъ казенныя. Артилерійскія орудія и лафеты, какъ у Французовъ, такъ и у Англичанъ, были превосходные; въ нашей же артилеріи, въ большинствѣ батарей, орудія были старыя съ выбоинами въ каналахъ, а лафеты дослуживавшіе свои сроки; въ одной же батареѣ лафеты были такъ плохи, что когда Кишинскій совѣтовалъ эту батарею назначить въ резервъ, то князь Меншиковъ сказалъ, что лучше было бы поставить ее въ первую линію, такъ какъ, если она будетъ оставлена въ резервѣ и ее придется вызвать на позицію, то у ней разсыпятся лафеты прежде, чѣмъ она доѣдетъ. Если я выше сказалъ, что наша артилерія подъ Альмой дѣйствовала превосходно, то этимъ она обязана была энергіи и находчивости генерала Кишинскаго и прекрасному составу корпуса артилерійскихъ офицеровъ, которые, не щадя своей жизни, подъѣзжали къ непріятелю на самыя близкія разстоянія и оставались на позиціи подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ; въ батареѣ № 4-й 17-й артилерійской бригады, которою командовалъ полковникъ Кондратьевъ, выбыло изъ строя 48 человѣкъ, то-есть половина батареи, и самъ онъ былъ раненъ. Что же относится до матеріальной части нашей артилеріи, то нѣтъ сомнѣнія, что она была несравненно хуже непріятельской.

Въ чемъ мы имѣли перевѣсъ надъ непріятелемъ, такъ это въ кавалеріи; да и то перевѣсъ былъ только количественный, но не качественный. У насъ было подъ Альмой регулярной кавалеріи всего два гусарскихъ полка, которыми командовали генералы Халецкій и Бутовичъ. Вотъ что пишетъ о нихъ генералъ-адъютантъ Хрущовъ въ своей *Исторіи обороны Севастополя*: «25 Сентября наша кавалерія дѣлала рекогносцировку за рѣкой Черной. Находившійся при отрядѣ адъютантъ главнокомандующаго, полковникъ Виллебрантъ и генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ доложили князю Меншикову, что командиры гусарскихъ полковъ Халецкій и Бутовичъ струсили и ретировались безъ всякой причины».

Перейду теперь къ разсмотрѣнію, каковы были генералы въ нашей арміи. Главнокомандующій ея князь Меншиковъ былъ безспорно умный и образованный человѣкъ; но онъ никогда не командовалъ арміей и про-

велъ большую часть своей службы не въ сухопутныхъ войскахъ, а во флотѣ. Внѣшній видъ его былъ самый печальный, въ немъ не было ни малѣйшей молодцеватости; здоровался онъ такъ, что его не было слышно, говорить съ солдатами не умѣлъ; внѣшность же имѣетъ большое значеніе, когда нужно возбудить въ солдатахъ энтузіазмъ и внушить довѣріе. Онъ не любилъ военной службы и военныхъ почестей. Разсказывали, что когда онъ жилъ въ Севастополѣ, то выходя изъ своего дворца, онъ избѣгалъ проходить мимо гауптвахты, чтобы не заставлять караулъ отдавать ему честь. Начальникомъ штаба у него былъ полковникъ Вуншъ, который имѣлъ, можетъ быть, много достоинствъ, какъ человѣкъ, но не имѣлъ военнаго образованія и не умѣлъ выбрать себѣ сколько нибудь способныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Затѣмъ, князь Горчаковъ, командиръ 6-го корпуса и начальники дивизій Моллеръ, Квицинскій и Кирьяковъ, всѣ были безъ всякихъ военныхъ способностей; а Кирьяковъ, хотя былъ рекомендованъ князю Меншикову изъ Петербурга, какъ *brave soldat et bon général* [1]), но оказался, какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Хрущевъ въ «Исторіи обороны Севастополя», и нераспорядительнымъ, и пьяницей, и хвастуномъ. Я могу съ своей стороны сказать, что, бывши во все время Альминскаго боя на лѣвомъ флангѣ, которымъ командовалъ Кирьяковъ, я его не видалъ и, хотя искалъ, по приказанію Кишинскаго, чтобы просить его внести какой нибудь порядокъ въ дѣйствія пѣхоты, которая мѣшала стрѣлять артилеріи и не оказывала ей никакой защиты противъ непріятельскихъ стрѣлковъ, но найти нигдѣ не могъ.

Не въ такомъ положеніи была союзная армія. Главнокомандующій Французами Сентъ-Арно былъ хотя больной старикъ, но даровитый и опытный генералъ; начальники дивизій: Канроберъ, Боско, Фаре и принцъ Наполеонъ успѣли уже составить себѣ имя въ военномъ дѣлѣ и пользовались полнымъ довѣріемъ командуемыхъ ими частей; наконецъ, самыя войска были отборныя, имѣвшія опытность; а нѣкоторыя, какъ напримѣръ зуавы, пріобрѣли вполнѣ заслуженную славу въ Африканской войнѣ. Пѣхота была вооружена ружьями Минье [2]), пули которыхъ попадали даже въ наши резервы; такъ одной изъ нихъ былъ убитъ, какъ я выше сказалъ, командиръ 3-й батареи 14-й артилерійской бригады. Какъ примѣръ храбрости и самоотверженія Англичанъ, я могу привести переходъ ихъ черезъ Альму подъ картечнымъ

---

[1]) Храбрый солдатъ и хорошій генералъ.

[2]) Въ Петербургѣ говорили, что Минье, по изобрѣтеніи имъ ружья съ чашечкой, предложилъ его Россіи; но наше Военное Министерство отказалось его принять, вслѣдствіе того, что ружьемъ этимъ было почему-то неудобно дѣлать ружейные пріемы.

огнемъ нашей двухъ-ярусной батареи 16-й артилерійской бригады, заблаговременно поставленной и окопанной. Альма была запружена ихъ тѣлами, уронъ ихъ былъ громадный; но, не смотря на нашъ убійственный огонь, они не только перешли Альму, но и завладѣли нашими двумя орудіями, которыя мы не могли вывезть въ гору и оставили въ ихъ рукахъ.

Нѣкоторые военные писатели, указывая на ошибки нашихъ генераловъ, предполагаютъ, что если бы ошибокъ не было, то мы могли бы выиграть Альминское сраженіе. Съ этимъ согласиться нельзя. Изъ сравненія, сдѣланнаго мной нашей арміи съ непріятельскою видно, что перевѣсъ силъ на сторонѣ союзниковъ былъ такъ великъ, во всѣхъ отношеніяхъ, что остановить наступленіе непріятеля мы не имѣли никакой возможности. Мы могли бы, можетъ быть, продлить только агонію нашего пораженія, то-есть отступить не черезъ нѣсколько часовъ, а черезъ нѣсколько дней, но едва ли это послѣднее обстоятельство было бы лучше перваго; потерявъ большую часть нашей арміи, мы дали бы возможность непріятелю занять Севастополь почти безъ выстрѣла, такъ какъ, кромѣ моряковъ, въ Севастополѣ было только шесть резервныхъ батальоновъ, вооруженныхъ старыми ружьями, изъ которыхъ многія были испорчены и не стрѣляли; сохранивъ же нашу армію, черезъ быстрое отступленіе, мы заставили союзниковъ начать правильную осаду Севастополя, прославившую стойкость Русскаго солдата и, можетъ быть, содѣйствовавшую къ заключенію мира сравнительно на менѣе тягостныхъ условіяхъ.

VIII.

9-го Сентября рано утромъ 5-я батарея пришла на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ была ея стоянка до высадки непріятеля. Батарея пришла одна. Куда отступила вся наша армія, никто не зналъ. Отдохнувъ 2—3 часа и выпивъ стаканъ чая, я попросилъ у батарейнаго командира Хлопонина верховую лошадь и поѣхалъ отыскивать моего генерала. Сначала я ѣхалъ по берегу моря и видѣлъ очень много непріятельскихъ пароходовъ, сновавшихъ по разнымъ направленіямъ; затѣмъ я сталъ встрѣчать нашихъ пѣхотныхъ солдатъ, шедшихъ кучками и по одиночкѣ; у нѣкоторыхъ не было ружей. На мой вопросъ, гдѣ ихъ полки, всѣ отвѣчали незнаніемъ, а когда я поинтересовался знать, отчего они отдѣлились отъ своихъ полковъ, они объясняли, что отъ ихъ ротъ никого не осталось, всѣ были перебиты и что вслѣд-

ствіе темноты ночи они не могли отыскать своихъ полковъ. Все это была ложь, какъ я впослѣдствіи узналъ, это были отсталые мародеры. Замѣтивъ, что одинъ пѣхотный солдатъ ѣхалъ на одной лошади верхомъ, а другую держалъ въ поводу, и узнавъ, что онъ поймалъ этихъ лошадей на полѣ сраженія, я предложилъ ему продать одну изъ нихъ, на что́ онъ согласился и продалъ мнѣ за два золотыхъ; купленная мной лошадь была гораздо лучше той, которую убили подо мной. Отъѣхавъ около 10 верстъ отъ Севастополя, я увидалъ въ полѣ лежавшихъ въ разныхъ мѣстахъ раненыхъ, которые шли вѣроятно всю ночь съ поля сраженія и обезсилѣвъ упали; всѣ они были въ крови, а нѣкоторые обратились уже въ трупы. Около этихъ раненыхъ стояли элегантные экипажи съ дамами и двумя военными врачами, которые, переходя отъ одного раненаго къ другому, перевязывали раны, а дамы имъ давали водку и разные съѣстные припасы, какъ напримѣръ булки бѣлаго хлѣба, бутерброды, пирожки, привезенные съ ними въ большихъ корзинахъ. Нѣкоторыхъ раненыхъ клали въ фуры, слѣдовавшія за экипажами; а другіе, подкрѣпившись, имѣли достаточно силъ, чтобы идти пѣшкомъ. Объѣхавъ все поле, я видѣлъ, что нѣкоторыя дамы выходили изъ экипажей и, стоя на колѣнахъ предъ ранеными, помогали докторамъ дѣлать перевязки. Въ особенности я обратилъ вниманіе на одну молодую красивую особу, которая пріѣхала не въ элегантномъ экипажѣ, а на извощикѣ и, подавая доктору бинты и корпію, заливалась горькими слезами; докторъ мнѣ сказалъ, что это была жена одного моряка—Мусина-Пушкина, о которой я буду еще говорить. При видѣ съѣстныхъ припасовъ, меня страшно разобралъ голодъ, такъ какъ наканунѣ, въ день сраженія, я ровно ничего не ѣлъ до вечера, а вечеромъ, когда мы начали отступать, одинъ изъ артилерійскихъ солдатъ предложилъ мнѣ выпить водки изъ его манерки, а другой подѣлился со мной нѣсколькими кистями винограда, которыя онъ сорвалъ, проходя чрезъ виноградники; въ тотъ же день, который я описываю, я выпилъ всего одинъ стаканъ чая, которымъ меня угостили офицеры 5-й батареи. Не принадлежа къ числу раненыхъ, мнѣ совѣстно было попросить у благотворительныхъ дамъ чего-нибудь поѣсть, и я рѣшился уѣхать отъ соблазна.

Когда я подъѣхалъ къ почтовой станціи на Бельбекѣ, мнѣ представилась слѣдующая сцена. Какой то Татаринъ стоялъ на колѣнахъ предъ пьянымъ фурштатскимъ солдатомъ, ругавшимъ его и махавшимъ надъ его головой саблей. Увидя меня, Татаринъ умолялъ его защитить; я приказалъ солдату оставить Татарина въ покоѣ, но тотъ продолжалъ махать саблей и, едва держась на ногахъ, повторялъ:

«онъ, ваше благородіе, измѣнникъ, онъ—басурманъ!» Выйдя изъ терпѣнія, я вынулъ саблю и ударилъ ею плашмя по спинѣ солдата; онъ тотчасъ вытянулся предо мной, сколько могъ спьяна; я ему скомандовалъ, какъ въ строю: *сабли въ но—жны*, и онъ вложилъ саблю въ ножны, ничего не сказавъ, но съ трудомъ отыскавъ отверстіе ноженъ. Татаринъ, конечно, въ это время исчезъ. Это былъ единственный случай, когда, принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму, я вынулъ саблю и вынулъ ее не противъ непріятеля, а противъ своего солдата. Нѣсколько далѣе стоялъ разбитый кабакъ, около котораго валялись пьяные солдаты разныхъ полковъ. Случаи пьянства и безобразій, дѣлаемыхъ нашими солдатами, были и въ другихъ мѣстахъ. Генералъ-адъютантъ Хрущевъ въ своей книгѣ «Исторія обороны Севастополя» говоритъ: «Были уже сумерки (послѣ Альминскаго сраженія), когда я спустился въ долину рѣки Качи у деревни Ефендикіой, гдѣ былъ страшный безпорядокъ: войска и обозы перемѣшались, не зная куда идти; крики, даже ружейные выстрѣлы раздавались повсюду. Ночью солдаты разбрелись по селенію, зажгли его, разбили бочки съ виномъ и многіе перепились». Генералъ-адъютантъ Хрущевъ, какъ извѣстно, въ сраженіи при Альмѣ, командовалъ Волынскимъ полкомъ, а затѣмъ, отличившись въ Крымской кампаніи своими военными дарованіями и геройскимъ духомъ, онъ въ концѣ своей жизни былъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири. Это былъ человѣкъ честный и недюжиннаго ума.

Проѣхавъ почтовую станцію и поднявшись на гору, я увидалъ скакавшаго казака и кричавшаго: «непріятель идетъ»! Посмотрѣвъ въ даль, я дѣйствительно могъ отличить красные мундиры Англичанъ и, чтобы не попасть въ плѣнъ, рѣшился вернуться назадъ. Въ обратный путь я поѣхалъ не по берегу моря, а черезъ Инкерманъ, надѣясь кого нибудь встрѣтить, чтобы узнать, гдѣ находится главная квартира. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, я обогналъ какой-то пѣхотный полкъ, шедшій въ Севастополь, гдѣ, какъ мнѣ сказали офицеры, долженъ былъ находиться и князь Меншиковъ.

Слѣдуя за полкомъ, я, въ сумерки, пріѣхалъ на южную сторону Севастополя и отправился въ гостиницу «Золотой Якорь» въ номеръ, который я тамъ занималъ. Въ номерѣ я нашелъ, къ немалому удовольствію, лакея моего, только что прибывшаго съ моими вещами, находившимися въ обозѣ. Снявъ платье, которое было на мнѣ день и ночь съ 4-го Сентября, я съ особеннымъ наслажденіемъ усѣлся за чайный столъ, чтобъ утолить голодъ и жажду; затѣмъ легъ спать. Утромъ у

меня такъ распухла нога, которую мнѣ придавила лошадь, что я не могъ надѣть сапога и долженъ былъ цѣлый день просидѣть въ номерѣ. Вечеромъ, услыхавъ что Тотлебенъ, котораго номеръ былъ рядомъ съ моимъ, вернулся съ работъ, я надѣлъ туфлю и пошелъ къ нему, чтобы узнать, что̀ дѣлается? Онъ въ это время пилъ чай и спѣшилъ отправиться къ Корнилову. Отъ него я узналъ, что Меншиковъ и его штабъ находятся въ Севастополѣ, что нашей арміи приказано собраться на Куликовомъ полѣ, близъ Севастополя, что капитанъ Зоринъ, на бывшемъ военномъ совѣтѣ, предлагалъ заградить входъ въ бухту, затопивъ наши старые корабли, но Корниловъ этого не хочетъ и что наконецъ, непріятель показался на Бельбекѣ. Поблагодаривъ его за сообщенныя свѣдѣнія, я твердо рѣшился на другой день отправиться къ Кишинскому. Вставъ рано утромъ, и разрѣзавъ сапогъ въ подъемѣ, чтобы имѣть возможность его надѣть, я вышелъ изъ гостиницы и очень обрадовался, встрѣтивъ старшаго адъютанта штаба Кишинскаго, котораго фамилію не припомню, но онъ, увидавъ меня, чуть не отскочилъ, объяснивъ, что по приказанію Кишинскаго онъ включилъ меня въ списокъ убитыхъ и что Кишинскій разсказывалъ даже подробности, какъ я былъ убитъ. Когда я явился къ моему генералу, видъ мой произвелъ на него не менѣе сильное впечатлѣніе, какъ и на его адъютанта. Разспросивъ о всемъ, что̀ со мной было, онъ сказалъ: «очень жаль, что у васъ нѣтъ лошади; князь Меншиковъ назначилъ сегодня вечеромъ смотръ войскамъ на Куликовомъ полѣ и мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы вы были при мнѣ». Я ему отвѣтилъ, что лошадь я уже купилъ и готовъ явиться къ нему тотчасъ, какъ онъ прикажетъ. Онъ назначилъ къ 5 часамъ быть у него. У меня не было сѣдла, но узнавъ, что Жолобовъ уже умеръ вслѣдствіе того, что не согласился на ампутацію ноги, я взялъ его сѣдло (которое впослѣдствіи купилъ) и въ назначенный часъ былъ у Кишинскаго. Полагая, что смотръ продолжится не долго, Кишинскій предложилъ мнѣ, послѣ смотра, пить у него чай и велѣлъ денщику поставить самоваръ. Когда мы пріѣхали на смотръ, войска были уще построены. Унылый видъ солдатъ, ихъ небритыя бороды, нечищенные ремни аммуниціи и испачканныя, а отчасти и изорванныя шинели производили весьма грустное впечатлѣніе; нѣкоторые батальоны по численности похожи были на роты, такъ велики были ихъ потери. По пріѣздѣ князя Меншикова, заиграла музыка, но оживленія она не произвела; у всѣхъ были грустныя лица, а князь Меншиковъ смотрѣлъ грустнѣе всѣхъ. Остановившись передъ войсками, онъ что-то сказалъ, но никто не разслышалъ, затѣмъ подъѣхалъ поближе и еще что-то сказалъ; какой-то батальонъ отвѣтилъ: *рады стараться* и тѣмъ смотръ окончился. Кишинскій хо-

тѣлъ уже ѣхать домой, какъ барабаны ударили походъ и первый полкъ двинулся по дорогѣ, идущей отъ Севастополя. Всѣ въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: куда мы идемъ? Но отвѣта на этотъ вопросъ никто не могъ дать. Начало темнѣть, наконецъ стемнѣло, а мы уходили все дальше и дальше отъ Севастополя. Кишинскій вспомнилъ въ это время, что нашъ паркъ, безъ котораго артилерія не можетъ обойтиться, остался въ Севастополѣ. Онъ просилъ меня отыскать князя Меншикова и доложить ему объ этомъ. Я поѣхалъ рысью, желая обогнать колону нашихъ войскъ, но было такъ темно, что только по бряцанью ружей и говору солдатъ я слышалъ, что ѣду близъ идущихъ войскъ; обогнать же ихъ было невозможно; не только нельзя было разсмотрѣть дорогу и мѣстность около дороги, но я не видѣлъ даже головы моей лошади. Вскорѣ войска остановились; сдѣланъ былъ привалъ. Проѣзжая мимо группы офицеровъ, курившихъ и говорившихъ объ Альминскомъ сраженіи, я остановился, слѣзъ съ лошади и, попросивъ огня, чтобы закурить папиросу, вмѣшался въ разговоръ. Одинъ изъ говорившихъ сказалъ, между прочимъ, что наши солдаты струсили, я сталъ ему горячо возражать, объясняя, что виною нашего пораженія были не солдаты, а наши бездарные генералы и при этомъ разсказалъ дѣйствія Кирьякова на лѣвомъ флангѣ. Въ это время, кто-то подошелъ ко мнѣ и заглянулъ мнѣ въ лице такъ близко, что я невольно отскочилъ; это былъ князь Меншиковъ, который лежалъ гдѣ-то въ травѣ и, слыша мои горячія возраженія, пожелалъ вѣроятно знать кто я? Въ группѣ же говорившихъ были два адъютанта князя Меншикова и флигель-адъютантъ Альбединскій; который на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ. Говорили, что первый посланный князя Меншикова съ донесеніемъ Государю Грейгъ сказалъ, что войска наши бѣжали, но Альбединскій доложилъ Его Величеству о всемъ имъ видѣнномъ, не подтвердилъ этого донесенія, чѣмъ много утѣшилъ Государя. Князь Меншиковъ узналъ меня; я ему доложилъ о причинѣ моего пріѣзда. Его Свѣтлость приказалъ тотчасъ же послать одного изъ офицеровъ казачьей артилеріи съ приказаніемъ парку немедленно выступить изъ Севастополя и присоединиться къ войскамъ. Поѣхавъ исполнить приказаніе князя Меншикова, я натолкнулся на полковника Вунша, который узналъ меня по голосу и съ удивленіемъ спросилъ, какимъ образомъ случилось, что онъ видитъ меня живымъ, между тѣмъ какъ Кишинскій сообщилъ штабу главнокомандующаго, что я убитъ. Я объяснилъ ему какъ было дѣло, онъ пожалъ мнѣ руку и выразилъ удовольствіе, что донесеніе Кишинскаго оказалось невѣрнымъ. Вернувшись къ Кишинскому, я передалъ ему приказаніе князя Меншикова; офицеръ былъ посланъ въ Севастополь, паркъ выступилъ, но въ то время, какъ онъ шелъ къ

Бахчисараю для присоединенія къ нашему отряду, то есть съ запада на востокъ, союзная армія переходила съ сѣверной стороны на южную и встрѣтилась съ паркомъ. Командиръ парка полковникъ Хамратъ говорилъ, что не подозрѣвая близости непріятеля, онъ шелъ безъ прикрытія и безъ всякихъ военныхъ предосторожностей; каково же было его удивленіе когда онъ, наткнулся на непріятельскую цѣпь и раздались выстрѣлы. Повозки его поскакали по разнымъ направленіямъ, люди разбѣжались, а онъ, не желая попасть въ плѣнъ, уѣхалъ въ сторону, противоположную движенію союзниковъ, оставивъ въ рукахъ непріятеля весь парковый обозъ, всѣ свои вещи и деньги, лежавшія въ денежномъ ящикѣ. Онъ былъ въ отчаяніи. Нѣкоторыя повозки и много людей успѣли скрыться отъ непріятеля и присоединились къ нашему отряду, но большая часть парка была взята въ плѣнъ. На одной изъ повозокъ ѣхалъ артилерійскій капитанъ (фамилія его, сколько помню, была Кузовлевъ), который, не пріѣхавъ почему то на смотръ князя Меншикова на Куликовомъ полѣ, воспользовался тѣмъ, что паркъ выступилъ изъ Севастополя для соединенія съ нашимъ отрядомъ, легъ на одну изъ повозокъ и крѣпко заснулъ; соннымъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Впослѣдствіи его промѣняли на Французскаго плѣннаго де-Лагонди. Я стоялъ на берегу моря въ то время, когда нашъ пароходъ подъ бѣлымъ флагомъ повезъ де-Лагонди къ ближайшему Англійскому кораблю, на которомъ находился Кузовлевъ. Когда пароходъ подошелъ и Кузовлевъ сходилъ съ Англійскаго корабля, его провожали Англійскіе офицеры, съ которыми онъ разцѣловался. Вернувшись въ свою батарею, онъ разсказывалъ, что въ плѣну ему было очень хорошо, что офицеры постоянно угощали его отличнымъ коньякомъ и что со многими изъ нихъ онъ очень сдружился, хотя не зналъ Англійскаго языка, но научился объясняться пантомимами.

13-го Сентября утромъ мы пришли къ Бахчисараю и расположились на бивакахъ въ 3 или 4 верстахъ отъ города. Полковые обозы, которымъ велѣно было двинуться за своими полками, пришли нѣсколько позже, къ нимъ присоединился и обозъ Кишинскаго; но мой лакей, не получившій отъ меня никакихъ приказаній, остался съ вещами въ Севастополѣ; такимъ образомъ, не имѣя при себѣ ни бѣлья, ни подушки, я былъ бы поставленъ въ весьма печальное положеніе, если бы меня не выручилъ мой товарищъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій, который, состоя при Хомутовѣ, былъ имъ присланъ съ двумя Донскими казачьими батареями для подкрѣпленія нашего отряда. Встрѣтившись съ нимъ въ Бахчисараѣ, я чрезвычайно обрадовался; это былъ первый человѣкъ въ Крыму, въ расположеніи и дружбѣ ко-

тораго я былъ увѣренъ. Онъ предложилъ мнѣ помѣститься въ одной съ нимъ палаткѣ и далъ изъ своихъ вещей все, что̀ мнѣ было нужно.

Первые дни нашей бивачной жизни мы были отрѣзаны отъ Севастополя непріятелемъ, переходившимъ съ сѣверной стороны на южную; только 15-го Сентября капитанъ-лейтенантъ Ступенко, знавшій хорошо мѣстность, пробрался пѣшкомъ въ Севастополь и извѣстилъ Корнилова о мѣстѣ нахожденія нашего отряда. Затѣмъ, когда непріятель взялъ Балаклаву и очистилъ намъ сообщенія съ Севастополемъ, князь Меншиковъ послалъ нѣсколько полковъ на сѣверную сторону, а свою главную квартиру перенесъ на Бельбекъ. Стоя на бивакахъ, мы знали все, что̀ дѣлается въ Севастополѣ отъ пріѣзжавшихъ оттуда артилерійскихъ офицеровъ; такъ мы знали, что умеръ Сентъ-Арно и что Канроберъ вступилъ въ командованіе Французской арміей; мы знали, что наше фланговое движеніе къ Бахчисараю произвело на жителей Севастополя самое удручающее впечатлѣніе; узнавъ, что армія ушла неизвѣстно куда, оставивъ городъ беззащитнымъ, многимъ пришла въ голову нелѣпая мысль объ измѣнѣ князя Меншикова и городомъ овладѣлъ паническій страхъ. Если вникнуть въ положеніе, въ которомъ остался Севастополь, по уходѣ арміи, то нельзя не сказать, что страхъ, овладѣвшій жителями, былъ не безъоснователенъ. Хотя Тотлебенъ успѣлъ уже обнести городъ бастіонами, но многіе изъ бастіоновъ не были еще вооружены орудіями, а тамъ, гдѣ стояли орудія, не было еще зарядовъ. Гарнизонъ же Севастополя, состоявшій, кромѣ матросовъ, всего изъ 6-ти резервныхъ и одного сапернаго батальоновъ, былъ такъ слабъ, что не могъ оказать сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія союзнымъ войскамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы непріятель рѣшился атаковать городъ тотчасъ по переходѣ его на южную сторону, то онъ могъ бы вступить въ него почти что церемоньяльнымъ маршемъ, не сдѣлалъ же онъ этого потому что, съ одной стороны, у него не было никакихъ свѣдѣній о печальномъ положеніи Севастополя, а съ другой, вслѣдствіе перехода нашей арміи къ Бахчисараю, откуда, получивъ значительныя подкрѣпленія, она могла ударить ему въ тылъ. Союзные главнокомандующіе, сочтя штурмъ дѣломъ рискованнымъ, рѣшились, прежде всего, укрѣпить свои позиціи, чтобы обезпечить себя отъ нападенія; а въ то время, какъ они укрѣплялись, Корниловъ и Тотлебенъ, дѣйствуя съ неимовѣрной энергіей, успѣли привести городъ въ такое оборонительное положеніе, при которомъ штурмъ не могъ быть страшенъ для насъ. Мы знали также отъ пріѣзжавшихъ на биваакъ офицеровъ, что жители города провели одну ночь безъ сна вслѣдствіе тревоги, возбудившей въ нихъ сильный страхъ. Причина тревоги

была слѣдующая. Въ Севастополь гнали гурты скота, которые вслѣдствіе ночной темноты остались ночевать на возвышенностяхъ, окружавшихъ городъ; погонщики гуртовъ зажгли костры, которые и произвели тревогу; при слабомъ освѣщеніи костровъ, скотъ приняли за многочисленнаго непріятеля и въ ожиданіи ночнаго нападенія, всѣ жители провели ночь на улицахъ; разсказывали, что жена одного генерала отъ страха выкинула. До Альминскаго сраженія не только никто не выѣхалъ изъ Севастополя, но были даже семейства, которыя пріѣхали изъ Симферополя и Бахчисарая, считая Севастополь самымъ безопаснымъ мѣстомъ въ Крыму; никому не приходило въ голову, чтобы непріятеля не разбили, прежде чѣмъ онъ дойдетъ до Севастополя, но послѣ ночи, проведенной безъ сна, выселеніе изъ города началось въ громадныхъ размѣрахъ.

Стоя на бивакахъ, я не разъ ѣздилъ въ разныя батареи съ приказаніями Кишинскаго. Одинъ разъ я развозилъ Георгіевскіе кресты, данные нижнимъ чинамъ за Альминское сраженіе и помню, что въ 4-й батареѣ подполковникъ Кондратьевъ предложилъ солдатамъ выбрать самимъ тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ они считаютъ наиболѣе достойными получить Георгія. Солдаты, между прочими, выбрали единогласно юнкера Колемина, который, оставшись при своемъ орудіи одинъ цѣлъ и невредимъ, исполнялъ обязанности всѣхъ номеровъ и продолжалъ стрѣлять. Другой разъ, я ѣздилъ къ князю Горчакову, который былъ начальникомъ отряда, просить его о перемѣщеніи одной батареи ближе къ водопою. Подъѣхавъ къ его палаткѣ въ то время, какъ онъ обѣдалъ, я объяснилъ ему причину моего пріѣзда, но онъ такъ разсердился за то, что я прервалъ его обѣдъ, что, раскричавшись на меня, не сдѣлалъ никакого распоряженія. Возвращаясь отъ него, я заѣхалъ на бивакъ Ингерманландскаго гусарскаго Принца Веймарскаго полка, съ офицерами котораго я былъ знакомъ по балу въ Симферополѣ. Подъѣхавъ къ полку, всѣ меня окружили, а одинъ офицеръ, увидавъ лошадь, на которой я сидѣлъ и которую, какъ я уже говорилъ, купилъ за два золотыхъ, призналъ ее за свою, пропавшую у него въ день Альминскаго сраженія; онъ убѣдительно просилъ возвратить ее, предлагая отдать два золотыхъ, которые она мнѣ стоила. Положеніе мое было весьма щекотливое: съ одной стороны я сознавалъ право офицера требовать возврата украденной у него лошади; но съ другой, я не могъ рѣшиться остаться безъ лошади, а потому, обратившись къ офицерамъ, я просилъ ихъ указать мнѣ, какъ я долженъ поступить. Офицеры вошли въ мое положеніе и кончилось тѣмъ, что хозяинъ лошади взялъ ее; а мнѣ далъ, на мѣсто ея, другую лошадь, конечно ста-

рую и разбитую на ноги, но я доволенъ былъ и тѣмъ, что могъ уѣхать изъ полка верхомъ, а не уйти пѣшкомъ. Въ то время какъ я говорилъ съ офицерами, полкъ получилъ приказаніе немедленно двинуться къ Черной рѣчкѣ; простившись съ офицерами, я поѣхалъ къ Кишинскому и на другой день узналъ, что наши гусары осрамились, отступивъ передъ однимъ эскадрономъ Англійской кавалеріи. Говорили, что за это дѣло смѣнятъ полковаго командира Бутовича, но слухъ не оправдался. Ѣздилъ я также съ бивака въ Бахчисарай для покупки разныхъ фруктовъ, которые продавались на базарѣ почти въ такихъ же количествахъ, какъ и въ мирное время, только стоили гораздо дороже. Хотя Бахчисарай былъ въ сферѣ военныхъ дѣйствій, но жизнь въ немъ текла обыкновеннымъ порядкомъ: на крышахъ домовъ и на улицахъ можно было видѣть, какъ сапожники шьютъ сапоги, какъ булочники пекутъ хлѣбы, какъ цирюльники брѣютъ бороды и даже женщины Татарки не стѣснялись гулять по городу, но только съ закрытыми лицами въ длинныхъ бѣлыхъ покрывалахъ. Нерѣдко встрѣчались пьяные солдаты, но буйствъ не было; за этимъ строго слѣдили начальники частей.

Обѣдалъ я обыкновенно съ княземъ Оболенскимъ; послѣ обѣда пріѣзжалъ съ почты писарь и привозилъ ему письма, въ которыхъ описывалось все, что̀ о насъ думаютъ и говорятъ въ Петербургѣ, и странное дѣло, всѣ предположенія Петербургскихъ жителей о нашихъ дѣйствіяхъ оказывались невѣрными съ дѣйствительностью, вѣроятно тамъ вовсе не знали положенія, въ которомъ мы находились.

Праздная жизнь, которую я велъ на бивакѣ, мнѣ такъ наскучила, наконецъ, что̀ я рѣшился переѣхать въ Севастополь. Предупредивъ Кишинскаго, я явился къ Корнилову и по его предложенію вступилъ въ завѣдываніе ракетной батареей, сформированной штабсъ-капитаномъ морской артилеріи Пестичемъ. Переѣхавъ въ Севастополь, я помѣстился въ одной квартирѣ съ капитаномъ Маевскимъ въ домѣ купчихи Закревской. Батарея, въ командованіе которой я вступилъ, была въ престранномъ положеніи. Въ ней было 25 нижнихъ чиновъ и 15 лошадей, запряженныхъ въ 5 телѣгъ, на которыхъ лежали ракеты и станки; для прокормленія же людей и лошадей мнѣ не было дано ни денегъ, ни провіанта, ни фуража. Людей я успѣлъ прикомандировать къ батареѣ Маевскаго, который согласился кормить ихъ при своей батареѣ, но фуражъ я вынужденъ былъ покупать два или три дня на свои деньги, платя за пудъ сѣна около 2-хъ рублей; наконецъ, Корниловъ приказалъ мнѣ брать фуражъ, подъ квитанцію, отъ какого-то

Грека, поставщика фуража для арміи, который отпускалъ мнѣ только одно сѣно до 5-го Октября; 5-го же Октября домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ разрушенъ бомбой и онъ неизвѣстно куда скрылся; въ этотъ день убитъ былъ и Корниловъ. Оставшись такимъ образомъ безъ всякихъ средствъ къ прокормленію лошадей, я вынужденъ былъ упрашивать знакомыхъ мнѣ батарейныхъ командировъ ссужать меня нѣсколькими пудами сѣна, чтобы не дать лошадямъ околѣть съ голода. Фурштатскіе солдаты, бывшіе при лошадяхъ, просили меня дозволить имъ отправиться въ Татарскія деревни для фуражировки. Дозволить грабежъ своихъ подданныхъ и въ своей странѣ было бы дѣломъ въ высшей степени безчестнымъ, я имъ, конечно отказалъ и подалъ рапортъ начальнику Севастопольскаго гарнизона Моллеру, что если мнѣ не будетъ отпущенъ фуражъ, то лошади околѣютъ и я слагаю съ себя въ томъ отвѣтственность. Въ отвѣтъ на рапортъ я получилъ предписаніе возвратить людей и лошадей въ тѣ части, изъ которыхъ они были взяты. Я исполнилъ предписаніе, но дошли ли лошади и телѣги до ихъ полковъ, не знаю. Черезъ два года послѣ войны я получилъ запросы изъ двухъ полковъ: куда дѣвались лошади, телѣги и фурштатскіе рядовые, находившіеся при оборонѣ Севастополя въ моемъ вѣдѣніи? Я отвѣчалъ незнаніемъ. Вообще безпорядокъ по хозяйственной части при князѣ Меншиковѣ былъ ужасный. Весь штабъ его состоялъ изъ начальника штаба полковника Вунша и нѣсколькихъ писарей; при арміи не было ни генералъ-квартирмейстера, ни интенданта, ни директора госпиталей. По письменной части въ штабѣ былъ такой хаосъ, что не знали иногда, гдѣ какой полкъ находится; такъ одинъ вновь произведенный офицеръ пріѣхалъ въ Севастополь и прожилъ около 10 дней, прежде чѣмъ ему могли указать, гдѣ стоитъ его полкъ. Я считался состоящимъ при штабѣ князя Меншикова, но во все время моего нахожденія въ Крыму не получилъ ни копѣйки жалованья и даже передъ отъѣздомъ изъ Крыма я едва могъ добиться выдачи мнѣ свидѣтельства о томъ, что жалованье мнѣ не было выдано. При такихъ безпорядкахъ могли быть, конечно, и злоупотребленія; ходили слухи, что при помощи одного писаря можно было получить за деньги и отпускъ, и награду, и даже переводъ изъ одного полка въ другой. Но что́ особенно всѣхъ возмущало, это—безпорядки по госпитальной части; въ день Инкерманскаго сраженія, не сотни, а тысячи раненыхъ лежали въ грязи подъ дождемъ, около госпиталя, оглашая воздухъ раздирающими душу стонами; имъ не было мѣста въ госпиталѣ и не было людей, которые бы могли оказать имъ какую-нибудь помощь; большая часть этихъ несчастныхъ обратились къ утру въ трупы. Корпіи у насъ вовсе не было; когда я лежалъ въ госпиталѣ, мнѣ принесли, вмѣсто корпіи, какія-то

толстыя нитки; солдатамъ же клали на раны, какъ говорили въ то время, дерганыя изъ рогожъ мочалы.

По переѣздѣ моемъ въ Севастополь, я занялся, прежде всего, обученіемъ матросовъ дѣйствію ракетами, затѣмъ я объѣзжалъ бастіоны, на которыхъ кипѣла работа: возили заряды къ орудіямъ, которыя были поставлены, устроивали траверзы, дѣлали землянки и блиндажи; непріятель же въ это время окапывался и возводилъ батареи. Чтобы мѣшать его работамъ, приказано было производить противъ нихъ постоянную стрѣльбу и кромѣ того дѣлалось ежедневно распоряженіе, чтобы въ извѣстномъ часу всѣ бастіоны открывали частый огонь противъ укрѣпленій, который продолжался обыкновенно около часа. Такая безумная трата пороха замедлила конечно на нѣсколько дней устройство непріятельскихъ батарей, но, истощивъ пороховые запасы, вынудила насъ впослѣдствіи на 10 непріятельскихъ выстрѣловъ отвѣчать однимъ. Говорили, что въ Сентябрѣ и въ Октябрѣ 1854 года истратили въ Севастополѣ болѣе пороха, чѣмъ во всю кампанію 1812 года.

Ежедневная канонада наша оставалась безъ отвѣта со стороны непріятеля; мы такъ привыкли къ его молчанію, что когда онъ открылъ огонь своихъ батарей 5-го Октября, то мы были поражены дальностью его выстрѣловъ. Мѣстность, въ которой я жилъ съ Маевскимъ, была осыпаема снарядами. Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ разрушенъ былъ сосѣдній домъ, а затѣмъ, когда я уѣхалъ къ командуемой мной ракетной батареѣ, стоявшей на театральной площади, бомба упала въ нашъ домъ, пробила два этажа и разорвалась въ подвалѣ, въ который спрятались хозяйка дома Закревская, ея дочь и кухарка; всѣ онѣ были разорваны на части. Находясь въ это время на театральной площади съ Тарутинскимъ полкомъ, составлявшимъ резервъ, я сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія на случай штурма: приказалъ развязать ракеты, приготовить станки и зажечь пальники. Сначала непріятельскіе снаряды до насъ не долетали, но вскорѣ бомба упала въ театръ, гдѣ я курилъ съ офицерами Тарутинскаго полка, и если никто изъ насъ не былъ убитъ, то только потому, что бомбу не разорвало. Затѣмъ другая бомба перелетѣла черезъ театръ и разорвалась близъ батареи, которая была сдѣлана женщинами, взятыми изъ домовъ терпимости, имя которыхъ она и носила. Сознавая опасность, грозившую Тарутинскому полку, въ томъ случаѣ, если бомба упадетъ въ ящики съ ракетами, офицеры просили полковаго командира доложить объ этомъ Кирьякову, командовавшему резервомъ; но Кирьяковъ, выслушавъ объясненія полковаго командира, посмотрѣлъ на него какими-то дикими глазами, ударилъ ло-

шадь нагайкой и, ничего не сказавъ, поѣхалъ по Екатерининской улицѣ. Тогда офицеры обратились ко мнѣ съ просьбой увезти ракетную батарею куда нибудь подальше отъ ихъ полка; но я не могъ исполнить ихъ желанія безъ приказанія начальства. Къ счастію, въ это время показался Корниловъ, ѣхавшій на Малаховъ курганъ, гдѣ онъ былъ убитъ; увидавъ меня, онъ подъѣхалъ и спросилъ, не долетаютъ ли непріятельскіе снаряды до театральной площади; на мой утвердительный отвѣтъ и вслѣдствіе просьбы командира Тарутинскаго полка, онъ велѣлъ мнѣ немедленно увезти ракеты, сложить ихъ на Николаевской батареѣ, а телѣги съ лошадьми отправить для возки зарядовъ на бастіоны. Исполнивъ это приказаніе, я пошелъ къ офицерамъ двухъ пѣшихъ батарей, которыя стояли на площади у Графской пристани. Стрѣльба производилась безостановочно; подчасъ мы слышали долетавшіе до насъ съ бастіоновъ крики: ура, означавшіе, что взорванъ непріятельскій пороховой погребъ или зарядный ящикъ. Ура! подхватывалось и стоящими на площади артилеристами. Наконецъ, около 2-хъ часовъ дня, мы замѣтили движеніе непріятельскаго флота къ нашимъ приморскимъ батареямъ; медленно подвигались его громадные корабли, нѣкоторые шли на буксирѣ пароходовъ. На Николаевской батареѣ ударили тревогу, и вскорѣ открылся огонь съ обѣихъ сторонъ. Около 2000 орудій огромныхъ размѣровъ громили Севастополь до тѣхъ поръ, пока стемнѣло, земля буквально дрожала подъ ногами, какъ во время землетрясенія, дымъ такъ сгустился, что ничего не было видно въ пяти шагахъ, а солнце черезъ дымъ казалось краснымъ пятномъ, какъ въ закоптѣлое стекло. Непріятельскіе корабли, медленно двигаясь одинъ за другимъ по фронту нашихъ батарей, стрѣляли бортами; болѣе всѣхъ пострадала наша каменная Константиновская батарея, которая, будучи овальной формы, имѣла такое устройство, что при извѣстномъ положеніи непріятельскаго корабля, могла въ него дѣйствовать только изъ одного орудія, между тѣмъ какъ съ корабля ее осыпали ядрами и бомбами. По приблизительному разсчету, непріятелемъ было брошено въ Севастополь съ суши и съ моря до 100 тысячъ разныхъ снарядовъ; казалось бы, что городъ, какъ центръ огромнаго кольца, составленнаго изъ непріятельскихъ орудій, долженъ быть уничтоженъ, а между тѣмъ ни одна наша батарея не замолчала и на другой день, по исправленіи ночью всѣхъ поврежденій, сила обороны нисколько не уменьшилась. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что наша потеря состояла всего изъ 1000 человѣкъ, изъ которыхъ около 100 человѣкъ мы потеряли отъ разрыва нашихъ собственныхъ орудій, сдѣланныхъ изъ плохаго чугуна и не выдержавшихъ частой стрѣльбы. По окончаніи бомбардированія, я поѣхалъ на Константиновскую батарею, чтобы узнать, что̀ стало

съ ракетами, которыхъ тамъ было нѣсколько десятковъ. Положеніе батареи было ужасно: въ казематахъ лежали вывороченные огромные камни; орудія и лафеты были разбиты и перевернуты, вездѣ виднѣлась кровь; въ нижнемъ этажѣ и въ верхней открытой батареѣ валялись изуродованные трупы, которые не успѣли еще убрать. Батарейный командиръ (помнится, капитанъ Козловскій) говорилъ мнѣ, что если бомбардировка возобновится на другой день, то батарея не въ состояніи будетъ держаться, такъ какъ большая часть орудій подбита, но во всякомъ случаѣ, онъ надѣялся, что съ прикрытіемъ, находившимся при батареѣ, онъ не допуститъ непріятеля занять ее.

Приказавъ мнѣ увезти ракеты съ театральной площади, Корниловъ поѣхалъ на Малаховъ курганъ и въ то время, когда онъ говорилъ съ солдатами, стараясь ихъ воодушевить, ядро попало ему въ ногу и оторвало ее почти у самаго бедра. Его положили на носилки и унесли къ нему въ домъ, гдѣ онъ умеръ черезъ три или четыре часа. Потеря Корнилова привела въ отчаяніе весь Севастопольскій гарнизонъ: это былъ единственный человѣкъ, который пользовался общимъ довѣріемъ и на котораго возлагались самыя радужныя надежды. По службѣ онъ былъ моложе многихъ генераловъ, занимая постъ не болѣе какъ начальника штаба Черноморскаго флота, не дававшаго ему права вмѣшиваться въ распоряженія сухопутными войсками, но начальникъ Севастопольскаго гарнизона Моллеръ назначилъ его начальникомъ штаба морскихъ и сухопутныхъ силъ Севастополя и, давъ ему неограниченное право дѣйствовать его именемъ, тѣмъ поставилъ его въ положеніе полновластнаго распорядителя обороной; правой его рукой былъ Тотлебенъ. Этимъ двумъ лицамъ Севастополь обязанъ былъ тѣмъ, что, будучи совершенно открытымъ городомъ съ сухопутной стороны, онъ, въ теченіе самаго непродолжительнаго времени, сдѣлался крѣпостью, которую четыре союзныя арміи могли взять только послѣ 11-ти-мѣсячной осады. Въ энергіи и преданности своему дѣлу Корниловъ и Тотлебенъ могли соперничать, но въ военныхъ способностяхъ и знаніи Русскаго солдата перевѣсъ былъ конечно на сторонѣ Корнилова. Тотлебенъ былъ только хорошій инженеръ, но не геніальный, какъ нѣкоторые думаютъ; онъ удивлялъ всѣхъ своею дѣятельностью, заставлявшею его ѣздить день и ночь по сдѣланнымъ имъ укрѣпленіямъ и создавать новыя, не заботясь о томъ ужасномъ трудѣ, которому онъ подвергалъ войска гарнизона; но нѣкоторыя изъ его укрѣпленій, въ настоящее время, подвергаются критикѣ людей компетентныхъ, какъ напр. генералъ-адъютантъ Хрущевъ, описавшій совершенно безпристрастно оборону Севастополя. Я, съ своей стороны, изъ моего зна-

комства съ Тотлебеномъ, могу привести слѣдующій случай. Въ концѣ Октября мѣсяца по городу разнесся тревожный слухъ, что непріятель ведетъ мины, которыми думаетъ взорвать на воздухъ бастіоны и городъ. Я и два артилерійскихъ офицера пѣшей артилеріи, стоявшей въ Севастополѣ, рѣшились отправиться къ Тотлебену, чтобъ узнать, на сколько можно довѣрять этому слуху. Тотлебенъ, выслушавъ насъ, объявилъ съ полной увѣренностью, что при каменистомъ грунтѣ, на которомъ стоитъ Севастополь и его окрестности, минныя работы невозможны; а потому онъ просилъ насъ слуху не вѣрить. Слова Тотлебена, какъ извѣстно, не оправдались; впослѣдствіи мы вели съ непріятелемъ самую упорную минную войну, героемъ которой былъ инженеръ Мельниковъ, прозванный *кротомъ*. Не знаю, какъ объяснить увѣренность Тотлебена въ невозможности минныхъ работъ; если это была ошибка съ его стороны, то едва ли ее сдѣлалъ бы геніальный инженеръ.

6-го Октября рано утромъ я отправился на квартиру Корнилова, чтобы поклониться покойнику и узнать, когда будутъ похороны; тамъ я увидалъ нѣсколько морскихъ офицеровъ и одного изъ адъютантовъ князя Меншикова, выражавшихъ искреннее сожалѣніе о понесенной потерѣ не только Севастополемъ, но и всей Россіей. Похороны были назначены въ седьмомъ часу вечера того же дня. Гробъ несли по Екатерининской улицѣ въ строившуюся въ то время на горѣ церковь св. Владимира, гдѣ похороненъ былъ Лазаревъ и гдѣ приготовили могилу и для Корнилова. Помню, что когда несли гробъ, ручка, за которую я держалъ его, сломалась и осталась у меня въ рукахъ; долго я хранилъ ее въ знакъ воспоминанія. Въ продолженіе всего времени, когда похоронная процессія шла въ храмъ св. Владимира, непріятель пускалъ бомбы, которыя хотя не долетали до насъ, но своимъ разрывомъ пугали духовенство, шедшее впереди процессіи. Когда гробъ стали опускать въ могилу, батальонъ матросовъ, провожавшій тѣло, сдѣлалъ залпъ изъ ружей согласно военному уставу. Нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ и пѣвчіе, не ожидая залпа, такъ перепугались, что остановили служеніе и выразили готовность бѣжать, но вскорѣ оправились и служба продолжалась. Можно на вѣрно сказать, что у всѣхъ присутствовавшихъ на похоронахъ была въ головѣ мысль, что вмѣстѣ съ Корниловымъ хоронятъ и Севастополь. На похоронахъ было довольно много женщинъ, большею частію женъ матросовъ, которыя плакали навзрыдъ; въ числѣ женщинъ я замѣтилъ и Мусину-Пушкину, которую видѣлъ на другой день Альминскаго сраженія подававшую помощь раненымъ и плакавшую при видѣ ихъ страданій. Моряки, товарищи ея мужа, мнѣ разсказывали, что хотя жены всѣхъ служащихъ уѣхали изъ Севастополя,

но Мусина-Пушкина такъ любила своего мужа, что̀ ни за что̀ не хотѣла съ нимъ разстаться и осталась въ городѣ, считая себя счастливой, что мужъ приходилъ къ ней иногда по вечерамъ на нѣсколько минутъ съ четвертаго бастіона, на которомъ онъ служилъ. Сначала она жила въ Екатерининскомъ дворцѣ, потомъ перешла на какую-то шкуну, стоявшую въ бухтѣ и наконецъ, чтобы быть ближе къ мужу, поселилась въ землянкѣ позади 4-го бастіона. Это послѣднее помѣщеніе находилось подъ непріятельскими выстрѣлами, было очень опасно выходить изъ него днемъ; горничная ея, ставившая самоваръ внѣ землянки, была контужена въ спину осколкомъ бомбы. Познакомившись съ Мусиной-Пушкиной я бывалъ у нея, когда она жила на шкунѣ и всегда встрѣчалъ кого-нибудь изъ моряковъ; не рѣдко тамъ бывалъ Поповъ, извѣстный изобрѣтатель *поповокъ*. Обращеніе ея со всѣми было скромное, непринужденное, но исполненное достоинства; страдая за мужа, который подвергался ежеминутно опасностямъ, она старалась скрыть свои страданія и подчасъ улыбалась въ то время, когда ей, вѣроятно, хотѣлось плакать. Не смотря на ея молодость и красивую наружность, видно было, что эта женщина имѣла твердую волю и сильный характеръ. Бывши у нея одинъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ ея мужъ, я былъ пораженъ видѣть ту восторженную любовь, съ которой она его встрѣтила и которая просвѣчивала въ каждомъ ея движеніи. Это идеалъ женщины, думалъ я, и сталъ себя упрекать въ томъ, что послѣ испытанныхъ мной разочарованій, я нѣсколько измѣнилъ мое хорошее мнѣніе о женщинахъ. Оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, что исторія съ Мусиной-Пушкиной окончилась вовсе не идеально, а самымъ обыкновеннымъ образомъ. Мужъ ея не былъ ни убитъ, ни раненъ, а умеръ отъ тифа; черезъ три мѣсяца послѣ его смерти, она вышла замужъ за одного инженера, котораго я у нея видалъ и который купилъ у меня тарантасъ, вѣроятно для того, чтобы увезти ее изъ Севастополя.

Послѣ похоронъ Корнилова, офицеры 14-й батареи, которою командовалъ Маевскій, просили меня зайти къ нимъ пить чай въ палатку, поставленную ими на Николаевской площади. Разсказавъ имъ обо всемъ, что́ я видѣлъ и слышалъ на похоронахъ, мы стали обсуживать наши предположенія о томъ, что́ намъ предстоитъ въ будущемъ; въ это время, къ удивленію нашему, поднялась пола палатки и передъ нами явился монахъ, никому не знакомый. Офицеры предложили ему стаканъ чая съ ромомъ; онъ охотно согласился и сѣлъ къ столу, объяснивъ намъ, что онъ—Грекъ, былъ священникомъ на одномъ изъ кораблей, а въ настоящее время живетъ въ Севастополѣ безъ всякихъ занятій. Затѣмъ, выпивъ два стакана пуншу, онъ оживился и перешелъ къ разсказамъ

о частной жизни нѣкоторыхъ адмираловъ; мы слушали его и смѣялись. Въ это время за палаткой раздался женскій голосъ, звавшій монаха скорѣе идти домой. Офицеры встали съ своихъ мѣстъ, а одинъ изъ нихъ взялъ полу палатки, чтобы открыть ее и посмотрѣть женщину, которой принадлежалъ слышанный голосъ; но монахъ схватилъ его за руку и, обратившись къ офицерамъ, просилъ ихъ дать слово, что они не тронутъ его красавицы. Всѣ обѣщали. Въ палатку вошла дѣйствительно красавица: черные выразительные глаза, смуглое лицо и порывистыя манеры изобличали въ ней женщину бывалую и не-русскаго происхожденія; то была, какъ оказалось, Итальянка. Обратившись къ монаху на коверканномъ Русскомъ языкѣ, съ упрекомъ, что онъ заставилъ ее ждать подъ дождемъ болѣе получаса, между тѣмъ какъ обѣщалъ выйти изъ палатки черезъ пять минутъ, она пригрозила сдѣлать ему на голову такое украшеніе, на которое нельзя будетъ надѣть клобукъ. Монахъ разсмѣялся этой выходкѣ и увѣрялъ ее, что онъ не боится никакихъ украшеній, такъ какъ клобукъ его легко растягивается, но что для нея невыгодно мѣнять монаха на офицера: офицера могутъ убить ежеминутно, а монахъ всегда останется при ней. Офицеры предложили ей стаканъ чаю; она поблагодарила, повеселѣла, шутила надъ монахомъ, говорила двусмысленности, на которыя офицеры отвѣчали ей тѣмъ же. Время шло очень весело; наконецъ, она рѣшилась даже спѣть какой-то романсъ, но при первыхъ звукахъ ея голоса раздались на бастіонахъ выстрѣлы, за которыми послѣдовала частая ружейная стрѣльба. Монахъ схватилъ свою красавицу и поспѣшно вышелъ изъ палатки. Кто былъ этотъ монахъ, осталось неизвѣстнымъ. Мнѣ показалось страннымъ, что у него были короткіе волосы. Не былъ ли это переряженный въ монашеское платье?

Пальба продолжалась довольно долго; мы полагали, что непріятель подготавливаетъ ночное нападеніе, но выстрѣлы мало-по-малу прекратились, и все умолкло. Причиною тревоги, какъ оказалось, былъ Французскій капитанъ, который, провѣряя свою цѣпь, наткнулся въ темнотѣ на нашъ секретъ; солдатъ, бывшій въ секретѣ, выстрѣлилъ, а за нимъ открыли огонь цѣпь и орудія на бастіонахъ; непріятель съ своей стороны сталъ стрѣлять, думая, что готовится вылазка. Прошло немало времени, покуда обѣ стороны убѣдились въ своей ошибкѣ и прекратили стрѣльбу. Тревоги, подобныя этой, бывали нерѣдко въ первое время осады. Французскій капитанъ, въ котораго выстрѣлилъ нашъ секретъ, былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ, подъ конвоемъ, на гауптвахту, находившуюся на Николаевской батареѣ. Я спросилъ его, скоро ли мы можемъ ожидать штурма; онъ мнѣ отвѣчалъ, что при главнокомандую-

щемъ Канроберѣ штурма вѣроятно не будетъ, такъ какъ онъ считаетъ правильную осаду наилучшимъ средствомъ взять городъ, но что вѣроятно императоръ Наполеонъ III его смѣнитъ и назначитъ Пелисье, который извѣстенъ въ арміи энергіей и рѣшимостью. Плѣннаго капитана на другой день услали изъ Севастополя въ центральныя губерніи Россіи.

Я сказалъ, что домъ, въ которомъ мы жили съ Маевскимъ, былъ разрушенъ бомбой. Начальникъ артилерійскаго гарнизона полковникъ Карповъ пригласилъ насъ поселиться съ нимъ въ одномъ изъ казематовъ Николаевской батареи; мы, конечно, съ благодарностью приняли его приглашеніе. Николаевская батарея, которой теперь въ Севастополѣ нѣтъ (на мѣстѣ, гдѣ она стояла, разбитъ садъ) составляла, въ то время, двухъэтажное каменное длинное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго жили солдаты и находились всѣ хозяйственныя помѣщенія, а верхній этажъ состоялъ изъ большихъ комнатъ или казематовъ, въ которыхъ стояли крѣпостныя орудія. Въ стѣнѣ казематовъ, обращенной къ морю, прорѣзаны были амбразуры или отверстія, въ которыя смотрѣли дула орудій, а по стѣнѣ противоположной морю, выходящей на Николаевскую площадь, шла галерея, въ которую выходили окна казематовъ. Изъ сказаннаго видно, что въ казематахъ было не совсѣмъ свѣтло, такъ какъ окна были сдѣланы не внаружу, а въ галерею; было сыро вслѣдствіе того, что лучи солнца туда не проникали; наконецъ, было холодно въ зимнее время отъ наружнаго воздуха, свободно входившаго въ амбразуры. Но, помѣстившись въ одномъ изъ такихъ казематовъ, я былъ очень доволенъ моимъ помѣщеніемъ, сравнивая его съ палаткой, въ которой жилъ на бивакахъ; болѣе же всего я былъ доволенъ тѣмъ, что жилъ не одинъ, а съ Маевскимъ и Карповымъ, которые оба были весьма хорошіе и обязательные люди.

Бомбардированіе съ моря послѣ 5-го Октября не повторялось: непріятель понялъ, что обстрѣливаніе флотомъ нашихъ морскихъ батарей было безцѣльно, такъ какъ ни одна наша батарея, кромѣ Константиновской, не пострадала, между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ непріятельскихъ судахъ, наши орудія сдѣлали существенныя поврежденія. Стрѣльба съ суши продолжалась, но первые дни послѣ 5-го Октября была весьма слаба: слышались днемъ изрѣдка выстрѣлы, на которые мы отвѣчали, вечеромъ же воцарялась полная тишина; ночь служила намъ и непріятелю для исправленія сдѣланныхъ днемъ поврежденій и возведенія новыхъ укрѣпленій. Вскорѣ непріятель открылъ вторую паралель. Чтобы препятствовать его работамъ, производились вылазки,

изъ которыхъ нѣкоторыя, въ особенности, противъ Англичанъ, были всегда удачны; вылазки же противъ Французовъ встрѣчали большею частію сильный отпоръ, причинявшій намъ большія потери. Разсуждая, въ настоящее время, хладнокровно о нашихъ дѣйствіяхъ при оборонѣ Севастополя, нельзя не сказать, что вылазки не приносили намъ никакой пользы; онѣ послужили только къ уничтоженію двухъ или трехъ тысячъ человѣческихъ жизней и дали Георгіевскіе и другіе кресты лицамъ, въ нихъ участвовавшимъ. Начальникъ одного изъ отдѣленій Севастопольской обороны, адмиралъ Истоминъ, понимая безполезность вылазокъ, не допускалъ ихъ въ своемъ отдѣленіи. На вылазкахъ въ особенности прославился извѣстный матросъ *Кошка* и отличился молодой лейтенантъ Бирюлевъ, который получилъ Георгія и сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ; но недешево обошлась ему сдѣланная имъ военная карьера: онъ умеръ, далеко не доживъ до старости, отъ психическаго разстройства.

Живя на Николаевской батареѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, я неимовѣрно скучалъ. Поутру я писалъ письма къ лицамъ, съ которыми былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Эти лица были большею частію женщины, въ числѣ ихъ были и Ольга С..., и Гурьева, и Хлюстина, и даже княгиня Нина, которая передъ моимъ отъѣздомъ въ Севастополь дала мнѣ образокъ. Всѣ онѣ сами писали мнѣ нерѣдко, и я находилъ особенное удовольствіе перечитывать ихъ письма: такъ много въ нихъ было горячаго ко мнѣ участія. Затѣмъ, не думая остаться въ живыхъ при томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ мы находились, я написалъ исповѣдь моего прошлаго и, въ случаѣ моей смерти, просилъ передать ее моей сестрѣ, въ дружбѣ которой я былъ увѣренъ. Вечеромъ я отправлялся на Графскую пристань, куда привозили тѣла всѣхъ убитыхъ въ этотъ день; у пристани стоялъ пароходъ, на которомъ ихъ перевозили на сѣверную сторону и тамъ хоронили безъ гробовъ въ одной общей могилѣ. На Графской пристани собиралось обыкновенно много офицеровъ, которые сообщали другъ другу новости дня; въ нѣкоторыхъ разсказахъ, несмотря на драматическую обстановку, была и комическая сторона. Такъ одинъ морякъ разсказывалъ, что на 4-мъ бастіонѣ какому-то матросу оторвало ядромъ голову; когда туловище перевезли въ помѣщеніе для покойниковъ, двѣ жены матросовъ, принявъ его каждая за своего мужа, стали спорить, кому изъ нихъ голосить; споръ дошелъ бы до драки, если бы священникъ не началъ служить панихиду. Съ Графской пристани я возвращался домой и садился пить чай съ Карповымъ и Маевскимъ. Въ это время къ Карпову пріѣзжалъ обыкновенно морской офицеръ Хитрово, кото-

рый завѣдывалъ снабженіемъ батарей и бастіоновъ зарядами. Онъ сообщалъ сколько выпущено было въ этотъ день снарядовъ и сколько ихъ слѣдуетъ доставить на слѣдующій день. Карповъ, какъ начальникъ артилерійскаго гарнизона, дѣлалъ распоряженія, а затѣмъ мы обсуживали трудное положеніе, въ которомъ находились. Мы очень хорошо понимали, съ одной стороны, что непріятель не могъ отказаться отъ намѣренія взять Севастополь и что, имѣя громадныя денежныя средства и прекрасно вооруженную армію, онъ будетъ настойчиво стремиться къ этой цѣли; но съ другой стороны, мы знали отвагу и доблесть нашего солдата, и заключенія, къ которымъ мы приходили, заставляли насъ сильно призадумываться надъ тѣмъ, что̀ насъ ожидаетъ въ будущемъ. Хитрово говорилъ, что солдаты и матросы желаютъ съ нетерпѣніемъ штурма; но непріятель, окруживъ насъ желѣзнымъ кольцомъ, медлитъ, и эта медлительность приводила всѣхъ въ отчаяніе.

Чтобы ободрить войска Севастопольскаго гарнизона и возвысить ихъ духъ, князь Меншиковъ прислалъ въ Севастополь реляцію объ удачномъ дѣлѣ 13-го Октября подъ Балаклавой, въ которомъ Липранди взялъ три непріятельскіе редута и удержалъ ихъ, несмотря на всѣ усилія непріятеля отнять ихъ. Реляція эта читалась съ особеннымъ удовольствіемъ и дѣйствительно произвела на всѣхъ самое ободряющее дѣйствіе; но на другой день, то-есть 14-го Октября, случилось событіе, немало отравившее благотворное дѣйствіе реляціи. Князь Меншиковъ извѣстилъ запиской начальника Севастопольскаго гарнизона Моллера, что Англійскія батареи имѣютъ слабое прикрытіе. Моллеръ долго обдумывалъ значеніе этой записки и наконецъ рѣшивъ, что противъ Англійскихъ батарей должна быть сдѣлана вылазка, послалъ Бутырскій полкъ съ 4-мя полевыми орудіями, въ одинадцатомъ часу утра, для атаки ихъ съ фронта. Результатъ можно было предвидѣть: едва полкъ подошелъ на выстрѣлъ крѣпостнаго орудія, какъ непріятель открылъ огонь и положилъ на мѣстѣ почти половину полка; другая же половина вернулась, не сдѣлавъ непріятелю ни малѣйшаго вреда. Я и нѣкоторые артилерійскіе офицеры стояли въ это время на крышѣ Николаевской батареи и слѣдили за движеніемъ полка; горько намъ было видѣть, какъ сотни человѣческихъ жизней приносились въ жертву неспособности нашихъ генераловъ.

Вскорѣ послѣ дѣла Липранди, по городу разнесся слухъ, что къ намъ идутъ сильныя подкрѣпленія съ Дуная; всѣ ожили духомъ, въ надеждѣ, что вновь пришедшія войска атакуютъ непріятеля и заставятъ его снять осаду Севастополя. Дѣйствительно, въ 20-хъ числахъ

Октября пришли 10-я и 11-ая пѣхотныя дивизіи подъ командою генераловъ Соймонова и Павлова. По прибытіи ихъ князь Меншиковъ рѣшилъ атаковать непріятеля 24-го Октября двумя колонами, одной съ 2-го бастіона, а другой отъ Инкерманскаго моста, отчего сраженіе было названо Инкерманскимъ. Мы, какъ извѣстно, проиграли это сраженіе и понесли потерю болѣе 10 тычячъ человѣкъ, исключительно вслѣдствіе безпорядковъ, бывшихъ въ нашей арміи и вслѣдствіе неспособности нашихъ генераловъ. Никто изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей не зналъ плана сраженія; каждый полкъ шелъ въ атаку и уходилъ съ поля сраженія безъ всякой связи съ дѣйствіями другихъ полковъ. Былъ случай, когда одинъ полкъ стрѣлялъ въ другой нашъ полкъ, принявъ его за непріятеля, вслѣдствіе бывшихъ на немъ особой формы шапокъ, данныхъ ему Хомутовымъ. Князь Меншиковъ обвинялъ въ неудачѣ генерала Даненберга, которому онъ поручилъ командованіе войсками, бывшими въ бою; но, какъ кажется, болѣе всего виноватъ былъ самъ князь, у котораго не было ни порядочнаго начальника штаба, ни сколько нибудь дѣльныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Войска, только что пришедшія съ Дуная, не знали мѣстности и, не имѣя колоновожатыхъ, блуждали по полю, атаковали и преслѣдовали непріятеля безъ всякаго приказанія, а затѣмъ, попавъ подъ сильный огонь непріятельскихъ орудій, расходились въ разныя стороны, не зная кто былъ ихъ начальникъ и гдѣ онъ находится. Несмотря однакожъ на всѣ эти безпорядки, Англичане были совершенно разбиты, и сраженіе могло бы быть выиграно, если бы князь Горчаковъ атаковалъ Боске, стоявшаго противъ него у Сапунъ-горы; но, оставаясь въ бездѣйствіи, онъ далъ возможность Французской дивизіи уйти на помощь Англичанамъ и разбить наши полки, преслѣдовавшіе Англичанъ. При этомъ надобно замѣтить, что у Французовъ всѣ войска были введены въ дѣло, у насъ же нѣкоторые полки вовсе не были въ дѣлѣ. При отступленіи, которое совершалось въ полномъ безпорядкѣ, былъ такой случай: десять артилерійскихъ батарей сошлись въ одной балкѣ и, утопая въ грязи, едва двигались по направленію къ Севастополю. Замѣтивъ это, Французскіе стрѣлки залегли по сторонамъ балки и открыли противъ нихъ огонь. Положеніе нашей артилеріи было ужасное; непріятель, перебивъ прислугу, могъ бы взять всѣ орудія; но спасителемъ явился Тотлебенъ: онъ откуда-то привелъ саперъ и батальонъ пѣхоты; пѣхота оттѣснила стрѣлковъ, а саперы исправили дорогу и помогли вывести орудія изъ грязи. Нельзя не сказать, что если бы у насъ былъ не одинъ Тотлебенъ, а нѣсколько такихъ генераловъ, то непріятель дорого бы поплатился за дерзость, съ которой онъ внесъ войну въ наши предѣлы. Генералъ-адъютантъ Хрущовъ, описывая Инкерман-

ское сраженіе, говоритъ: «Во время дѣла допущенъ былъ большой безпорядокъ: солдаты толпами уходили съ поля битвы подъ предлогомъ уноса раненыхъ и не возвращались къ своимъ частямъ. Полки водились въ атаку безъ опредѣленныхъ указаній, батальонъ за батальономъ, а будучи отброшены непріятелемъ, исчезали съ поля сраженія. Никто не заботился собрать разстроенныя части и снова ввести въ дѣло. Хотя иностранцы писали, что мы отступали въ порядкѣ, но они не могли видѣть, что́ у насъ дѣлалось на отлогостяхъ горъ, а Англичане были такъ разстроены, что не мыслили о настойчивомъ преслѣдованіи. Большая часть войска отступала не командами, а въ разбродъ: отъ одного и того же полка нѣкоторые шли въ городъ, а другіе на Инкерманскій мостъ».

IX.

Наканунѣ Инкерманскаго сраженія пріѣхали въ Севастополь Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Во все время боя они находились при войскахъ и своимъ присутствіемъ немало содѣйствовали къ ихъ воодушевленію. Князь Меншиковъ едва могъ удержать стремленіе Ихъ Высочествъ быть въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ боя. Живя въ Севастополѣ, Великіе Князья постояно посѣщали госпиталь, утѣшали раненыхъ, помогали нуждающимся и своимъ ласковымъ и гуманнымъ обращеніемъ успѣли внушить къ себѣ общую любовь и уваженіе.

Послѣ Инкерманскаго сраженія, уныніе овладѣло городомъ: исчезла надежда на скорое снятіе осады Севастополя. Но моряки стали утѣшать себя мыслью, что бури, которыя бываютъ обыкновенно на Черномъ морѣ въ осеннее время, разсѣютъ союзный флотъ. Одна изъ такихъ бурь разразилась 2-го Ноября; сила вѣтра была такъ велика, что я съ большимъ трудомъ могъ перейти черезъ Николаевскую площадь. Въ это время я видѣлъ, какъ какой-то отставной солдатъ опрокинутъ былъ вѣтромъ и катился по площади почти до самой Графской пристани, не имѣя силы встать; со многихъ домовъ сорваны были крыши, на улицахъ лежали обломки разрушенныхъ строеній. Несмотря на такую ужасную бурю, ни одинъ союзный военный корабль не былъ сорванъ съ якоря; выброшено было на берегъ только около 15-ти транспортныхъ судовъ, что̀, конечно, не могло оказать никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ началѣ Ноября непріятель направилъ свои осадныя работы преимущественно на 4-й бастіонъ. Подступы свои онъ довелъ до 80 са-

женъ отъ бастіона и устроилъ траншеи и рвы, изъ которыхъ стрѣлки поражали нашу орудійскую прислугу почти безъ промаха; бывали ночи, когда на 4-й бастіонъ ложилось до 700 бомбъ. Ежедневная потеря людей была огромная. Въ это время, кому-то изъ начальства пришла въ голову мысль послать на бастіонъ ракеты для дѣйствія ими противъ стрѣлковъ. Я тотчасъ же вынулъ ихъ изъ ящиковъ, осмотрѣлъ станки, собралъ обученныхъ мной матросовъ и ждалъ ежеминутно приказа отправиться на бастіонъ; но прошло нѣсколько дней, и приказа я не получалъ. Сознаюсь, что эти нѣсколько дней я провелъ въ немаломъ волненіи, такъ какъ, въ то время, считалось невозможнымъ вернуться съ 4-го бастіона, иначе какъ убитымъ или раненымъ. Не за долго передъ тѣмъ, я получилъ письмо отъ моей хорошей знакомой Титовой, въ которомъ она просила узнать, что̀ стало съ ея племянникомъ морскимъ офицеромъ Быковымъ, отъ котораго мать его давно не получала писемъ. Узнавъ, что онъ находится на 5-мъ бастіонѣ, я рѣшился повидаться съ нимъ до полученія приказа, а такъ какъ доро̀га на 5-й бастіонъ шла очень близко отъ 4-го, то, выбравъ обѣденный часъ, когда стрѣльба производилась рѣдко, я отправился прежде на 4-й бастіонъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и найти удобное мѣсто для дѣйствія ракетами; но, не доходя до этого бастіона, надъ моей головой пролетѣла бомба, которую разорвало позади меня, и я упалъ безъ чувствъ. Не знаю, долго ли я лежалъ; но очнувшись, я увидалъ себя окруженнымъ пѣхотными солдатами, изъ которыхъ у одного въ рукахъ были носилки. Чувствуя небольшую боль въ головѣ, но не видя никакой раны, я быстро всталъ и пошелъ на перевязочный пунктъ, устроенный въ Дворянскомъ Собраніи, чтобы просить доктора меня осмотрѣть и сказать, что̀ со мной случилось. На перевязочномъ пунктѣ я нашелъ очень много раненыхъ, которымъ нѣсколько врачей подавали помощь. Не желая отвлекать ихъ отъ занятій, я сказалъ дежурному плацъ-адъютанту о причинѣ моего прихода и хотѣлъ уйти, но плацъ-адъютантъ просилъ меня остаться и позвалъ какого-то доктора изъ другой комнаты. Когда я разсказалъ ему подробно все, что̀ со мной было, онъ сталъ щупать голову и, дотронувшись до шишки, которая вскочила на затылкѣ и которой я не замѣтилъ, сдѣлалъ мнѣ такую боль, что я вскрикнулъ. Объяснивъ мнѣ, что я контуженъ въ голову, онъ приказалъ немедленно обрить затылокъ и поставить шпанскую мушку. Я отказался исполнить его приказаніе, разсчитывая, что шишка пройдетъ и безъ лѣченія и ушелъ домой; но черезъ три дня, проснувшись утромъ, я, къ ужасу моему, замѣтилъ, что плохо вижу. Перспектива потерять зрѣніе такъ меня испугала, что я тотчасъ отправился къ старшему врачу госпиталя и просилъ его дать мнѣ совѣтъ. Онъ по-

требовалъ, чтобы я остался въ госпиталѣ и предложилъ мнѣ помѣститься въ одной комнатѣ съ раненымъ 24-го Октября командиромъ Колыванскаго полка полковникомъ Пересвѣтовымъ. По переѣздѣ моемъ въ госпиталь я не могъ читать: такъ плохо было мое зрѣніе. Мнѣ тотчасъ обрили часть головы, положили три шпанскія мушки на затылокъ одну подлѣ другой и поставили восемь банокъ на шеѣ и между плечъ. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, узнавъ отъ моего товарища, состоявшаго при немъ поручика Савицкаго, что я контуженъ, прислалъ ко мнѣ своего доктора осмотрѣть меня и спросить, не имѣю ли я къ нему какой-либо просьбы. Я выразилъ мою глубокую благодарность и просилъ передать Его Высочеству, что мое единственное желаніе заключается въ томъ, чтобы уѣхать въ отпускъ и серьозно полѣчиться у спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ; въ госпиталѣ же нѣтъ окулистовъ, да къ тому же помѣщеніе такъ сыро, что, по словамъ старшаго врача, оно можетъ имѣть вліяніе на мое общее здоровье. Одновременно съ этимъ я подалъ прошеніе князю Меншикову объ увольненіи меня въ отпускъ и приложилъ свидѣтельство врачей госпиталя, удостовѣряющее, что отпускъ мнѣ необходимъ. Вскорѣ его свѣтлость разрѣшилъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ; но я долженъ былъ остаться въ госпиталѣ около трехъ недѣль, чтобы имѣть возможность, по состоянію моего здоровья, отправиться въ путь.

Жизнь моя въ госпиталѣ имѣла для меня интересъ, вслѣдствіе знакомства, которое я сдѣлалъ съ нѣкоторыми ранеными. Первый изъ нихъ былъ мой товарищъ по комнатѣ Пересвѣтовъ. Будучи очень разговорчивъ, онъ разсказывалъ мнѣ постоянно разные эпизоды изъ его служебной практики, при чемъ отзывался очень рѣзко обо всемъ и обо всѣхъ. Мнѣніе его о Русскомъ солдатѣ извѣстно уже читателямъ моихъ замѣтокъ; объ офицерахъ онъ отзывался весьма нелестно, увѣряя, что въ 10-й дивизіи офицеры такъ малограмотны, что полковые командиры съ трудомъ могутъ выбрать полковыхъ адъютантовъ; о неспособности нѣкоторыхъ генераловъ онъ разсказывалъ весьма забавные анекдоты. Хвалилъ онъ только своего бывшаго начальника дивизіи Соймонова, убитаго въ сраженіи подъ Инкерманомъ, и начальника инженеровъ на Дунаѣ Шильдера. Особенно хорошаго мнѣнія онъ былъ о капитанѣ Апостолѣ Спиридоновичѣ Костандѣ, котораго зналъ на Дунаѣ и которому пророчилъ блестящую военную карьеру.

Другой раненый, жившій въ комнатѣ рядомъ со мной, былъ командиръ Томскаго полка полковникъ П—въ. Это былъ человѣкъ 65 л., здоровой комплекціи, прослужившій въ военной службѣ болѣе 40 лѣтъ. По

словамъ Пересвѣтова, когда онъ (П—въ) поступилъ на службу, то не имѣлъ никакого состоянія, а прокомандовавъ полкомъ около 15 лѣтъ, успѣлъ съэкономить себѣ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, которые лежали у него въ полковомъ ящикѣ; семейства онъ не имѣлъ, хотя былъ женатъ, но жена съ нимъ не жила. Будучи раненъ въ Инкерманскомъ сраженіи шестой разъ, онъ подалъ въ отставку и имѣлъ право быть причисленъ къ раненымъ перваго разряда. Выслуживъ такимъ образомъ все, что̀ можно было и вполнѣ обезпечивъ себя подъ старость, П—въ находилъ безразсудствомъ продолжать слу̀жбу и хлопоталъ о скорѣйшемъ полученіи отставки. Но пріѣхалъ его навѣстить командующій Томскимъ полкомъ какой-то маіоръ и сообщилъ ему, что князь Меншиковъ утвердилъ очень высокія справочныя цѣны, такъ что, по сдѣланному ими обоими разсчету, ежемѣсячный доходъ съ полка долженъ былъ составлять не менѣе восьми тысячъ рублей. По отъѣздѣ маіора, П—въ призадумался и на другой день написалъ письмо къ князю Меншикову, въ которомъ изложилъ, что рана его заживаетъ и что онъ чувствуетъ себя въ силахъ продолжать службу, а потому проситъ отставку его возвратить; при этомъ въ письмѣ была, конечно, ссылка на патріотизмъ, и выражено было желаніе служить царю и отечеству до послѣдней капли крови. Отвѣтъ на это письмо, какъ можно было ожидать, былъ самый теплый, и всѣ незнавшіе истиннаго мотива письма̀ отнеслись къ старому ветерану съ сочувствіемъ и благодарностью.

Въ одной комнатѣ съ П—мъ жилъ маіоръ, у котораго отняли ногу; онъ постоянно жаловался, что у него чешутся пальцы ноги, которая отнята и что онъ испытываетъ такія непріятныя ощущенія, которыя заставляютъ его страдать болѣе, чѣмъ во время операціи.

Пересвѣтовъ, получившій подъ Инкерманомъ двѣ раны, подалъ также въ отставку и, не соблазнившись справочными цѣнами, собирался уѣхать на свою родину, въ Смоленскую губернію; но я уѣхалъ изъ Севастополя прежде него и что̀ стало съ нимъ и съ П—мъ послѣ моего отъѣзда, не знаю.

10-го Декабря 1854 года я послалъ за перекладной, уложилъ въ нее самыя нужныя мои вещи и, вмѣстѣ съ моимъ лакеемъ, мы тронулись въ путь, сопровождаемые наилучшими пожеланіями моихъ новыхъ знакомыхъ по госпиталю. Многія мои вещи, которыя я привезъ изъ Петербурга въ тарантасѣ и въ числѣ которыхъ былъ большой сундукъ съ книгами, я долженъ былъ оставить на Николаевской батареѣ, по неимѣнію для нихъ мѣста въ телѣгѣ. Кому достались эти вещи, я не

знаю; но помню, что, бывши черезъ годъ послѣ Севастопольской войны во Франціи, я познакомился въ *Luc sur Mer* съ однимъ Нормандскимъ помѣщикомъ, который разсказывалъ, что его знакомый офицеръ показывалъ ему сочиненія Спинозы, привезенныя имъ изъ Севастополя. Эти книги не изъ моего ли сундука?

Прежде чѣмъ говорить о моемъ путешествіи въ Москву, подведу итоги впечатлѣніямъ и всему, что̀ я испыталъ и перечувствовалъ въ Севастополѣ. Я сказалъ уже въ моихъ замѣткахъ, что не честолюбіе заставило меня искать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, а исключительно желаніе испытать ощущенія, вызываемыя боевой службой. Разочаровавшись въ моихъ идеалахъ, я хотѣлъ создать новыя цѣли, чтобы наполнить ими пустоту жизни. Я полагалъ, что опасности жизни, грозящія людямъ и возбуждающія въ нихъ борьбу чувства долга съ чувствомъ самосохраненія, нравственно улучшаютъ ихъ, заставляя забывать матеріальные разсчеты эгоизма; я думалъ найти въ боевыхъ товарищахъ и сочувствіе, и примѣръ безкорыстнаго служенія своему долгу. Но я жестоко ошибся: нигдѣ и никогда я не видѣлъ болѣе зависти, интригъ и пустаго тщеславія, какъ тамъ, гдѣ каждый могъ жить только настоящимъ, не будучи увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Меня поражало, до чего доходила жажда къ наградамъ. Для примѣра разскажу слѣдующій случай. Въ день Инкерманскаго сраженія, генералу Тимофѣеву поручено было съ Минскимъ полкомъ и батареей № 4-й, которою командовалъ Маевскій, атаковать Французскія батареи. Порученіе это было исполнено блестящимъ образомъ: батареи были взяты, орудія заклепаны; но при общемъ отступленіи нашихъ войскъ долженъ былъ отступить и отрядъ Тимофѣева. Будучи въ наилучшихъ отношеніяхъ съ офицерами 4-й батареи и увидавъ издали, что она возвращается въ Севастополь, я поспѣшилъ ей на встрѣчу, чтобы узнать, не раненъ ли или не убитъ ли кто изъ офицеровъ. На вопросъ мой объ этомъ офицеру, который ѣхалъ впереди батареи, онъ, съ лицомъ сіяющимъ отъ радости, не выслушавъ моего вопроса, сказалъ мнѣ: «Представьте, Тимофѣевъ обѣщалъ представить меня и всѣхъ офицеровъ къ наградамъ!» Это чувство особеннаго удовольствія, вызванное въ офицерѣ надеждою на награду и заставившее его забыть и наше пораженіе, и наши громадныя потери людей, показалось мнѣ возмутительнымъ. Возмущался я не разъ и дѣйствіями нѣкоторыхъ честолюбцевъ, которые, ради полученія крестика, жертвовали сотнями людей, и дѣйствіями тѣхъ интригановъ, которые умѣли достигать своихъ честолюбивыхъ цѣлей не личными заслугами, а искательствомъ, угожденіемъ и пользуясь самоотверженіемъ другихъ. Когда я пріѣхалъ въ Се-

вастополь, мнѣ говорили, что Корниловъ и Нахимовъ не ладили между собой, и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ почитателей и своихъ близкихъ людей. Была въ Севастополѣ одна личность весьма сомнительной нравственности, которая умѣла снискать къ себѣ расположеніе Корнилова, у Нахимова же никогда не бывала; но умеръ Корниловъ, и эта самая личность въ самое короткое время сдѣлалась необходимымъ человѣкомъ у Нахимова. Я не назову этого лица, но увѣренъ, что каждый морякъ временъ Севастопольской войны его легко угадаетъ.

Если мнѣ грустно было видѣть, какъ торжествуетъ нахальство и какъ остается въ тѣни истинное достоинство, то смотрѣть на страданія людей, эту закулисную сторону войны, и чувствовать свое безсиліе помочь имъ, было болѣе, чѣмъ грустно и почти невыносимо. Думаю, что если бы дипломатовъ, отъ которыхъ зависятъ война и миръ, заставить смотрѣть на несчастныхъ, плавающихъ въ крови и просящихъ, какъ милости, приколоть ихъ, то едва ли они рѣшились бы произнести слово: война. Я былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ одной сцены, которая меня довела чуть не до дурноты. Когда я пришелъ на перевязочный пунктъ, чтобы поговорить съ врачами о контузіи, съ № 4-го бастіона привезли раненыхъ, въ числѣ которыхъ былъ Французъ, совершенно голый (его раздѣли, вѣроятно, наши солдаты), получившій три раны штыкомъ въ грудь; онъ ужасно стоналъ и дрожалъ отъ холода. Солдаты вынули его изъ фуры, принесли въ лазаретъ и такъ небрежно бросили на полъ, что дежурный плацъ-адъютантъ распекъ ихъ за ихъ безчеловѣчье. Видя страдальческое лицо Француза, я подошелъ къ нему и спросилъ, не желаетъ ли онъ чего? Французъ полуоткрылъ глаза и сказалъ мнѣ: «Je vous remercie, monsieur», и затѣмъ слабымъ голосомъ произнесъ: adieu! и умеръ. Къ кому относилось его *adieu*, я не знаю; но мнѣ представилось, что онъ прощался съ людьми ему близкими, вдали отъ которыхъ судьбѣ угодно было послать ему смерть. Долго страдальческое лицо умиравшаго Француза носилось въ моемъ воображеніи.

Результатомъ всего сказаннаго было то, что я не разъ раскаевался, что сдѣлался добровольно участникомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. У другихъ честолюбіе брало верхъ надъ состраданіемъ; я же, будучи совершенно равнодушенъ къ наградамъ, хотя и получилъ крестикъ, уѣхалъ изъ Севастополя съ разбитыми нервами.

Переѣздъ мой изъ Севастополя въ Москву продолжался около трехъ недѣль. Ѣхалъ я такъ долго, вслѣдствіе недостатка въ почто-

выхъ лошадяхъ на станціяхъ, равно и вслѣдствіе головныхъ болей, которыя заставляли меня останавливаться въ нѣкоторыхъ городахъ на два и три дня для отдыха. Наконецъ, я выѣхалъ съ послѣдней почтовой станціи, показались золотые куполы Московскихъ церквей. Трудно описать то сладкое чувство, которое наполнило мое сердце при видѣ города, гдѣ жили всѣ близкіе мнѣ люди; слеза радости навернулась на глазахъ, и я крикнулъ ямщику, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе.... Вонъ и застава.... часовой приглашаетъ меня на гауптвахту расписаться въ книгѣ, кто я и откуда пріѣхалъ. Я иду и отъ волненія ставлю не буквы, а какія-то каракули. Еще полчаса, и я дома, въ объятіяхъ матери и сестры. Всѣ въ восторгѣ отъ моего пріѣзда, но удивляются моей повязкѣ на головѣ, которая прикрываетъ мой выбритый и не совсѣмъ зажившій затылокъ; я разсказываю, что былъ контуженъ въ голову. Съ моей матерью чуть не сдѣлалось дурно; но часы восторга проходятъ, какъ и все на землѣ, и жизнь вступаетъ въ свою ежедневную колею.

Въ Москвѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ; меня всюду приглашали, на меня смотрѣли, какъ на героя, распрашивали о Севастополѣ, о Меншиковѣ; въ маскарадахъ же маски не давали мнѣ покою. Все это было, конечно, очень пріятно; но настало 18 Февраля 1855 года, и жизнь веселья и шумныхъ удовольствій остановилась. Москва какъ будто замерла: въ этотъ день скончался императоръ Николай Павловичъ. Всѣ имѣли такую вѣру въ глубокій умъ и сильную волю Императора, что въ кончинѣ его видѣли предвѣстіе гибели Россіи; но воцарился императоръ Александръ Николаевичъ, который не только возвеличилъ Россію, но и облагодѣтельствовалъ миліоны своихъ подданныхъ, даровавъ имъ человѣческія права.

Съ окончаніемъ царствованія императора Николая Павловича, оканчиваю и я мои замѣтки. Новое царствованіе потребовало новыхъ людей; все старое оказалось несостоятельнымъ. Исцѣлить и заживить раны Россіи могли только новые порядки, новые идеалы. Я это понялъ и, простившись со всѣмъ, что́ наполняло мою жизнь въ прошломъ царствованіи, сдѣлался усерднымъ поклонникомъ требованій и идей новаго царствованія. Во имя ихъ я принялъ горячее участіе во всѣхъ реформахъ 60-хъ годовъ; но говорить о нихъ подожду до болѣе благопріятнаго времени.

ПИСЬМА НИКОЛАЯ ФИЛИПОВИЧА ПАВЛОВА КЪ НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

I.

По поводу его „Переписки съ друзьями".

Книга Гоголя „Переписка съ друзьями", неожиданно вышедшая въ свѣтъ въ 1847 году вмѣсто втораго тома „Мертвыхъ Душъ", котораго ждала вся читающая Россія, была цѣлымъ событіемъ въ тогдашней нашей умственной жизни. Читатели „Русскаго Архива" сего года видѣли, какъ отнесся къ этой книгѣ К. С. Аксаковъ. Помѣщаемъ отзывъ и другаго даровитаго писателя-критика, извлекая его изъ „Московскихъ Вѣдомостей" 1847 года. Читатели пожалѣютъ, что этихъ замѣчательныхъ писемъ сохранилось только три. П. Б.

> Dieses Buch enthält viel Wahres und viel Neues; doch leider ist das Wahre nicht neu, und das Neue nicht wahr. Lichtenberg *).

> „Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними: иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже просто неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно". Гоголь.

Я исполнилъ одно изъ вашихъ желаній: прочелъ вашу книгу нѣсколько разъ. Теперь остается исполнить другое, выраженное въ предисловіи къ ней слѣдующими словами: „Прошу ихъ, т. е. читателей, не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но вмѣсто того выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ, какъ недостатки писателя, такъ и недостатки человѣка: мое неразуміе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ все, что̀ бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что̀ вѣроятно еще въ большей мѣрѣ находится и во мнѣ".

---

*) Эта книга содержитъ въ себѣ много истиннаго и много новаго; но, къ сожалѣнію истинное въ ней не ново, а новое не истинно. *Лихтенбергъ.*

Можетъ быть, мнѣ не слѣдовало бы склониться на эту просьбу и принять ее въ буквальномъ смыслѣ, ибо самъ я не достигъ того духовнаго состоянія, которое даетъ силу выслушивать душеспасительную правду, какъ бы горька она ни была, кротко и съ умиленіемъ; но вы стали на такую дорогу, вы подняли такіе вопросы, что сами уничтожили тѣ мелкія отношенія, гдѣ люди знакомые, люди другъ къ другу пишущіе, должны болѣе или менѣе щадить обоюдно чувствительность своего самолюбія. Да я и не для васъ пишу, даже не для тѣхъ, которые приняли уже или примутъ вашу книгу на вѣру потому только, что она скрѣплена авторитетомъ вашего имени. Не беру на себя обязанности наставника и просвѣтителя; пишу за тѣмъ, чтобъ придти опять въ нормальное положеніе, въ какомъ находился я до изданія вашей книги. Вы знаете очень хорошо, что въ области мысли есть также свои муки, требующія разрѣшенія. Итакъ, я возражу вамъ на нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ. На другія возражать нельзя: истины, въ нихъ изложенныя, до того всѣмъ извѣстны, до того признаны всѣми, что давно уже находятся въ общемъ употребленіи.

Книга ваша есть плодъ высокой потребности человѣка, но потребности искаженной такимъ страннымъ образомъ, что нельзя узнать даже ея первоначальнаго вида. Душѣ нашей свойственно испытывать недостаточность земнаго бытія и страдать неутомимой жаждой вѣчности. Въ эти благословенныя минуты она съ неопредѣленной тоской вспоминаетъ всѣ наслажденія, предложенныя жизнію; ей становится ясно, что не такъ разрѣшала она вопросы, бунтовавшіе въ ней, не по тому пути шла, по какому слѣдовало. Она обращается съ теплой молитвой къ Небу, и тогда сердце наше способно раствориться такой любовью къ ближнему, что никакіе труды, совершенные нами, никакіе великіе подвиги не могутъ осуществить того идеала добра, который представится нашему воображенію. Но эти минуты подстерегаетъ Искуситель человѣческаго рода. Ему надо, чтобъ онѣ не превратились въ постоянное стремленіе и не оторвали насъ совершенно отъ земной суеты. Онъ насылаетъ на насъ наши слабости, страсти, пороки, и тотъ, кто не окрѣпъ еще, кого не посѣтила небесная благодать, тотъ падаетъ предъ силой искушенія. Человѣкъ оглянется съ благочестивымъ смиреніемъ на свою прошлую жизнь, и его собственная личность и все сдѣланное имъ покажется ему такъ мало, такъ ничтожно, что онъ невольно захочетъ это чувство смиренія передать въ словахъ: а дьяволъ напитаетъ ихъ духомъ неслыханной гордости. Человѣкъ пожелаетъ страстно посвятить себя на пользу людямъ, пещись о своихъ соотечественникахъ; а дья-

волъ заставитъ его говорить съ нѣжной заботливостью о самомъ себѣ. Онъ съ чистѣйшимъ намѣреніемъ станетъ поучать насъ, подавать намъ совѣты на дѣло жизни, и вдругъ перепутаются у него понятія о самыхъ простыхъ вещахъ. Онъ художникъ: ему придетъ въ голову быть проповѣдникомъ; онъ существуетъ естественно, такая истина въ его созданіяхъ, а онъ начнетъ придумывать для себя театральныя положенія.

Да, есть какое-то адское сопротивленіе въ насъ самихъ самимъ намъ. Мы не въ силахъ часто дать благой мысли плоть и кровь; видимъ цѣль, идемъ къ ней, кажется, по прямой дорогѣ—и попадаемъ не туда. Вы захотѣли искупить безполезность всего доселѣ вами напечатаннаго; потому что въ письмахъ вашихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ вашихъ сочиненіяхъ.

Но что жъ вы сдѣлали? Предоставляя себѣ говорить впослѣдствіи о пользѣ, безполезности и человѣческихъ нуждахъ, я желалъ бы знать, чѣмъ многія изъ вашихъ писемъ отличаются отъ вашихъ сочиненій. Это также удивительные характеры, сцены, полныя жизни и истины; это намеки на художественныя произведенія, чрезвычайно важныя; только, по несчастію, дано имъ другое назначеніе и другое имя. Ахъ, еслибъ мы могли вырвать ихъ изъ вашей книги и перенесть въ сферу искусства!.. Даже Завѣщаніе, пусть оно перенесется въ романъ или повѣсть; пусть принадлежитъ лицу, страдающему, безъ всякой надобности, въ полномъ развитіи здоровья, однимъ недугомъ—произвесть небывалый эффектъ!.. Эта женщина въ свѣтѣ, которая, повѣривъ своему наставнику, что на всѣхъ углахъ міра ждутъ и не дождутся ничего другаго, кромѣ тѣхъ родныхъ звуковъ, того самого голоса, какой уже у нея есть, станетъ соблазнять людей на добро и умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, просить каждаго изъ насъ: пожалуйста, сдѣлайтесь лучше... А другая, чтобъ выучиться твердости характера, раздѣлитъ деньги для годоваго расхода на семь кучекъ, какъ на семь министерствъ, посвятитъ седьмую Богу, т. е. на церковь и на бѣдныхъ и если израсходуетъ ее, то уже хоть умирай передъ ней, она отправится вымаливать милостыню изъ чужаго кармана, а ни за что не возметъ изъ другой кучки. Тутъ могла бы идея развиться далѣе, могла бъ несчастная женщина лишиться всякой возможности пріобрѣсть вожделѣнную твердость, потому что никогда не случается у нея вдругъ всего годоваго расхода наличными деньгами, и стало-быть никогда нельзя составить ей необходимыхъ семи

кучекъ!.. Наконецъ, помѣщикъ, который поучаетъ крестьянъ Евангельскимъ истинамъ съ тою мыслію, что это самое вѣрное средство купаться въ золотѣ, указываетъ имъ на Священное Писаніе, да на самыя буквы, пальцемъ, и при случаѣ говоритъ: ахъ, ты невымытое рыло!.. Это повѣсти, романы, драмы, это родные братья и сестры Маниловымъ, Коробочкамъ, Ревизорамъ!

Сколько бъ тутъ было свѣжести, правды!.. А теперь все это носитъ характеръ какой-то придуманности, ни къ чему не примѣняется и ни на чтò не нужно; теперь мы читаемъ совѣты, которымъ слѣдовать да спасетъ Богъ и помѣщика въ деревнѣ, и женщину въ свѣтѣ, и женщину о семи кучкахъ.

Сочиненія ваши приносили и приносятъ пользу, пользу свою; мы ихъ отстоимъ, съ какимъ презрѣніемъ ни отзывайтесь вы сами о нихъ. Искусство полезно, хотя въ особенномъ смыслѣ, и безполезнымъ быть не можетъ; оно въ духовной природѣ человѣка, а природу эту пересотворять нечего. Поученія же ваши, въ томъ видѣ, въ какомъ вы ихъ предлагаете, могутъ только ввести въ соблазнъ о самыхъ высокихъ истинахъ и лишить умъ ясности и простоты воззрѣнія на Божій міръ.

Позвольте же мнѣ приступить къ подробностямъ. Я начну съ Завѣщанія. Извѣстно, что завѣщанія пишутся; да отчего-же и не писать ихъ? Въ нихъ излагается послѣдняя воля человѣка, который рано или поздно долженъ умереть и который не хочетъ оставить землю, какъ беззаботный младенецъ, не подумавъ съ любовію о родныхъ, друзьяхъ и о душѣ своей. Только, по заведенному порядку, у обыкновенныхъ людей (чтò иные, въ мечтательномъ расположеніи духа, назовутъ житейской пошлостью) завѣщанія пишутся, а не печатаются; и какъ часто люди обыкновенные, взятые въ массѣ, поступаютъ вѣрно, то и тутъ ихъ воздержаніе отъ разговора съ соотечественниками основательно. Вступить въ бесѣду съ Россіей по случаю своихъ домашнихъ распоряженій, когда они могутъ исполниться безъ ея участія, или по случаю своей души, когда поминовенія о ней можно устроить гораздо смиреннѣе и когда Церковь и безъ нашихъ завѣщаній будетъ молиться о насъ въ числѣ другихъ усопшихъ: на эту публичность надо имѣть особенное право. Есть разрядъ людей, которымъ присваивается это преимущество. Щедро одаренные Провидѣніемъ, они своею мыслію или практическимъ дѣломъ до того привлекаютъ общее вниманіе, что имъ дозволяется (да они, по какому-то инстинкту, и сами дозволяютъ себѣ) выно-

сить на свѣтъ все задушевное, все домашнее, всѣ мелочи, какія только до нихъ однихъ относятся, и безсознательно дѣлаютъ это за тѣмъ, чтобъ другіе, мучимые любопытствомъ, а можетъ быть и унылымъ обращеніемъ на самихъ себя, разрѣшили сколько возможно загадку ихъ замѣчательнаго организма и безъ ропота преклонились передъ тѣмъ закономъ, который неисповѣдимо равняетъ людей, заставляя инаго искупать великія наслажденія великимъ горемъ и великія достоинства великими недостатками. Въ моихъ глазахъ и въ глазахъ многихъ вы имѣете право на публичность такого рода; въ вашихъ же собственныхъ, съ той точки зрѣнія, съ какой вы хотѣли смотрѣть на себя и на весь нравственный составъ человѣка,— нѣтъ, этого права у васъ не было. Вѣдь не вздумаетъ же никто, находясь съ своими соотечественниками не въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находитесь вы, печатать свое завѣщаніе. Вы могли это сдѣлать во имя „Ревизора“, „Мертвыхъ Душъ“... Но вѣдь вы отреклись отъ нихъ; вы сказали, что̀ все напечатанное вами доселѣ безполезно; вы просите прощенія у своихъ соотечественниковъ за свои необдуманныя и незрѣлыя сочиненія: слѣдовательно въ вашемъ убѣжденіи извѣстность ваша есть плодъ временнаго заблужденія со стороны читателей; слѣдовательно право, какое даетъ вамъ эта извѣстность, имѣетъ источникомъ не истину, а ложь, присвоено вамъ не по заслугамъ, а случайно, и пользоваться такимъ правомъ было бы явнымъ противорѣчіемъ тѣмъ утонченнымъ понятіямъ о нравственности, которыми желали вы преисполнить вашу новую книгу.

Но вы и не пользовались имъ; вы не думали, что можете напечатать свое завѣщаніе отъ того, что написали „Мертвыя Души“; у васъ была основа другая, болѣе важная: вы приложили его затѣмъ, чтобы оно, въ случаѣ вашей смерти, еслибъ она застигла васъ на пути вашемъ въ Іерусалимъ, возымѣло тотчасъ свою законную силу, какъ свидѣтельствованное всѣми вашими читателями. Нѣтъ, и это не объясняетъ вашего поступка удовлетворительнымъ образомъ. Это показываетъ только, что вы простое дѣло пожелали сдѣлать мудренымъ. Для того, чтобъ завѣщаніе возымѣло силу, есть пути болѣе скромные, но болѣе вѣрные и болѣе удобные. Къ чему поднимать такое торжественное свидѣтельство? На что̀ вамъ голосъ вашихъ читателей? Еслибъ всѣ они возстали массой, стройно и единодушно, отстаивать каждую букву вашего завѣщанія, то эти грозные и всесильные свидѣтели пришли бы въ большое затрудненіе: имъ нечего свидѣтельствовать.

Но, можетъ быть, слова ваши сказаны мимоходомъ; можетъ быть я напрасно, несправедливо, отъ какого-нибудь дурнаго чувства придаю имъ

значеніе; вы напечатали ваше завѣщаніе затѣмъ, что умирающій долженъ живыхъ учить умирать, затѣмъ, чтобъ заповѣдать намъ полезныя истины, очевидныя въ минуту смерти и сокрытыя при жизни. Разсмотримъ же теперь, чтó читатели должны были свидѣтельствовать. Могли ли они исполнить вашу волю, нужны ли они были на что-нибудь и, наконецъ, чтó это за истины, которыхъ свѣтъ такъ полезенъ и поучителенъ намъ долженъ быть во время нашего странствія на землѣ?

Въ первой статьѣ вы завѣщаете тѣла вашего не погребать до тѣхъ поръ, пока не покажутся явные признаки разложенія, потому что во время самой болѣзни находили на васъ минуты жизненнаго онѣмѣнія, сердце и пульсъ переставали биться. Такъ какъ вы теперь, слава Богу, здоровы, то и объ этомъ предметѣ можно съ вами говорить откровенно. Я нахожу, что предосторожность ваша совершенно естественна и похвальна: пусть вы, другой, третій печатаете подобнаго рода распоряженія, чтобъ понудить общество къ самой строгой осмотрительности въ такихъ случаяхъ. Не то, пожалуй, и меня похоронятъ живаго. Но другіе, болѣе жестокіе и, можетъ быть, болѣе логическіе, скажутъ, что съ одной стороны это ни подъ какимъ видомъ не подлежало печати, а съ другой, что тутъ кроется оттѣнокъ мысли, несогласной съ духомъ того состоянія, въ какомъ вы находились, если судить по вашимъ слѣдующимъ словамъ. Конечно, исполненіе обязанности похоронъ собственно относится до тѣхъ, которые, во время вашего путешествія, будутъ поближе къ вамъ, чѣмъ ваши читатели. Свидѣтельство ихъ излишне: вы въ чужихъ краяхъ, вы на дорогѣ въ Іерусалимъ; мы въ Россіи, и намъ никакъ нельзя бы поспѣть вó время. Сердце ваше и пульсъ переставали биться, но васъ не похоронили; эти ужасы бываютъ чрезвычайно рѣдко, законы всѣхъ народовъ берутъ же таки противъ нихъ мѣры; а потому тутъ есть какая-то изысканность опасенія. Оно у человѣка, чувствующаго приближеніе послѣдней минуты и христіански понимающаго ея глубокій смыслъ, должно, кажется, быть поглощено опасеніемъ иныхъ, вѣчныхъ страданій или надеждой на вѣчное милосердіе. Если „отъ ужаса замирала душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и духовныхъ высшихъ твореній Бога, если стоналъ весь умирающій составъ, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни“: то, на чтò этотъ страхъ временнаго мученія бросился первый въ глаза? Зачѣмъ онъ занялъ первыя строки вашего завѣщанія? Чтó извлечемъ мы изъ него для своей души, которая составляетъ главную заботу вашей книги? Неужели сохраненіе своей собственной жизни, пред-

угадываніе всѣхъ возможныхъ, даже едва бывалыхъ случаевъ, могущихъ посягнуть на ея драгоцѣнное продолженіе, есть такая мудреная истина, неизвѣстная людямъ живымъ и здоровымъ, что ее нужно съ одра смерти протрубить во услышаніе своихъ соотечественниковъ?

Далѣе вы говорите: „предать же тѣло мое землѣ, не разбирая мѣста, гдѣ лежать ему, ничего не связывать съ оставшимся прахомъ; стыдно тому, кто привлечется какимъ-нибудь вниманіемъ къ гніющей персти“. Нѣтъ, не стыдно; гораздо стыднѣе не разбирать мѣста и не обратить никакого вниманія: гніющая персть была вмѣстилищемъ, храмомъ, сказано въ Писаніи, безсмертнаго духа; надъ нею Церковь не даромъ совершаетъ великій обрядъ свой и не даромъ призываетъ живыхъ цѣловать ее послѣднимъ цѣлованьемъ. Если отъ обрядовъ Церкви перейдемъ къ обычаямъ всѣхъ народовъ, то увидимъ, что желаніе ваше противурѣчитъ обще-человѣческому чувству, которое проявляется въ этихъ обычаяхъ. Нужно ли приводить примѣры, что во всѣ времена люди воздавали праху послѣдній долгъ, окружая его почестями, сообразными съ степенью ихъ просвѣщенія? Египтянинъ воздвигъ ему пирамиды, изящный Грекъ хранилъ его въ урнѣ, современный намъ Американскій дикарь, переходя въ другой край, уноситъ горсть земли съ могилы отца; въ томъ народѣ, который былъ нѣкогда избранъ сосудомъ Божественной истины, вы также не найдете слѣдовъ пренебреженія къ персти: Іосифъ заклялъ клятвою сыновъ Израилевыхъ, что они изнесутъ его кости изъ Египта, и Моисей взялъ ихъ съ собою. Уваженіе къ праху не есть забвеніе о душѣ, и исполнить ваше требованіе невозможно: оно возмутитъ всякаго, у кого бьется въ груди сердце, не только друзей вашихъ, но и равнодушнаго къ вамъ. Если бы не было какого-то непостижимаго внушенія, если бы вы дали волю вашему собственному чувству, чувству человѣческому, чувству естественному, то эта мысль не пришла бы вамъ въ голову. Вы пренебрегли даже общимъ голосомъ Русской породы, которую между тѣмъ такъ высоко ставите во многихъ мѣстахъ вашей книги. Русская порода, Русскіе преимущественно окружаютъ благоговѣніемъ гніющую персть, принадлежала ли она ихъ знакомому лицу, важному или вовсе неизвѣстному и ничтожному. Домъ умершаго растворяется настежъ, туда врываются званые и незваные поклониться до земли гніющей персти во имя той одной идеи, что въ семьѣ людей не стало человѣка. Русскіе, когда встрѣчаютъ покойника, снимаютъ шляпы, умолкаютъ, крестятся, и эти одинаковые знаки вниманія передъ всякой гніющей перстью воспитываютъ душу народа, можетъ быть лучше, чѣмъ поклоны живымъ людямъ и уваженіе, оказываемое ихъ достоинствамъ и величію:

ибо живые портятъ насъ, не встрѣчая нашего благоговѣнія съ такимъ равнодушіемъ, какъ покойники. Для чего же налагать на друзей вашихъ обязанность, противную великому обычаю той страны, посреди которой они имѣли счастье родиться?

Во второй статьѣ завѣщаете вы: „не ставить надо мной никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ *)“. Это вы должны были уже сказать, это есть дальнѣйшее развитіе вашей мысли, логическая послѣдовательность, и за нее нѣтъ во мнѣ ничего, кромѣ полнаго сочувствія. Вамъ не хочется памятника; да будетъ по вашему! Но позвольте спросить васъ, почему онъ недостоинъ христіанина? Это уже касается и до насъ. Вѣдь слово христіанинъ не употребили вы безъ всякаго намѣренія, и я на такого рода важныхъ словахъ останавливаюсь особенно затѣмъ, чтобъ доискаться, не въ нихъ ли заключаются тѣ важныя истины, для обнародованія которыхъ напечатали вы ваше завѣщаніе и которыя человѣку на смертномъ одрѣ виднѣе, чѣмъ кружащимся среди міра. Чѣмъ памятникъ можетъ исказить значеніе христіанина и унизить его достоинство? Если всѣ христіанскія кладбища наполнены памятниками, если Церковь, по древнему обычаю, дозволяя возлѣ храмовъ и даже въ самыхъ храмахъ хоронить покойниковъ, не воспрещала воздвигать надъ ними памятниковъ; если милліоны христіанъ, сошедшихъ въ землю и другіе милліоны, провожавшіе ихъ туда, не находили, что камень, положенный на

*) Словъ этихъ, во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы не забывать лицамъ, затѣвающимъ воздвигнуть статую Гоголя на общенародномъ мѣстѣ. Подобнаго рода статуи не въ нашемъ историческомъ обычаѣ. Можетъ быть оттого они у насъ вовсе не удаются, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда сама статуя есть произведеніе отмѣннаго дарованія (какъ Фальконетовъ Петръ Великій и Клодтовъ Дѣдушка-Крыловъ). Кромѣ того, въ самомъ понятіи памятника заключается нѣчто положительное, тогда какъ главныя произведенія Гоголя, при всей ихъ геніальности, принадлежатъ къ направленію отрицательному. Театральная цензура въ Австріи нѣкогда затруднялась дозволить „Ревизора“ въ Нѣмецкомъ переводѣ Фидерта. На вопросъ о причинѣ затрудненія, цензоръ наивно отвѣчалъ: „Да вѣдь мы еще не въ войнѣ съ Россіею“. Другое дѣло Пушкинъ съ его свѣтлою и примиряющею поэзіею. Но и ему памятникъ не удался. Кстати сказать, что статуя Пушкина была уже вылѣплена, когда потребовалось обмѣнить обыкновенную его круглую шляпу на ту, которую онъ теперь держитъ на Тверскомъ бульварѣ. Одинъ изъ современниковъ Пушкина утверждаетъ, что онъ былъ слишкомъ приличенъ, чтобы въ городѣ носить такую шляпу. А полюбуйтесь, каковы памятники Ломоносову въ Москвѣ, Лермонтову въ Пятигорскѣ! Возвращаясь къ Гоголю, позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы вмѣсто статуи на собранныя деньги выкуплены были его сочиненія и напечатаны какъ можно дешевле: дѣло достойное дѣятельности Общества Любителей Россійской Словесности. П. Б.

могилу, оскорбить величіе ихъ души: то какое право имѣемъ мы, пришедшіе вчера съ обязанностью отправиться завтра, осудить однимъ почеркомъ пера всеобщій стародавный обычай—и въ какую минуту? Когда идетъ дѣло не о розысканіи тонкихъ соприкосновеній, существующихъ между памятниками и достоинствомъ христіанъ, а о послѣднемъ шагѣ въ будущую жизнь? Часто воздвигается памятникъ надъ могилой не тому, кто умеръ, а тому, кто остался живъ или, вѣрнѣе, его гордости. Изъ этого только слѣдуетъ, что гордость не достойна христіанина, а не памятникъ. Зачѣмъ же умирающему предвидѣть, что родные или друзья, остающіеся послѣ него, впадутъ въ такой смертный грѣхъ? Для самого же умирающаго для достоинства его души, не все ли равно, безъ памятника, подъ кускомъ дерева, или подъ мраморомъ будетъ лежать гніющая персть, которая по вашему же собственному мнѣнію не стоитъ никакого вниманія? Памятникъ не пустякъ. Всѣ историческіе и неисторическіе народы, во всѣ эпохи, искали отмѣтить и даже украсить могилы. Съ памятниками соединялись и соединяются религіозные обряды. Этотъ признакъ ничтоженъ, эти украшенія суетны; но сколько возлѣ нихъ совершалось воспоминаній, сколько пролито уединенныхъ слезъ и сколько молитвъ вознеслось къ Небу! Повсемѣстное распространеніе памятниковъ въ разныя времена, при разныхъ образованностяхъ, свидѣтельствуетъ уже, что они отвѣчаютъ на какую-то существенную потребность человѣка и имѣютъ въ основаніи истину. Эта истина представилась вамъ въ слишкомъ плотскомъ видѣ, вы вздумали очистить ее отъ земной оболочки и отъ предразсудковъ, нанесенныхъ вѣками; но, поражая тѣло, вы поразили и душу: ибо что́ такое памятникъ? Это также вещественное воспоминаніе о невещественномъ. Безъ сомнѣнія, всякій имѣетъ полное право распорядиться о себѣ какъ ему угодно, воля умирающаго святыня; но уже онъ долженъ объясняться просто: я такъ хочу,—и тамъ, гдѣ его собственное желаніе есть единственная причина дѣйствію, не выставлять причину другую, не говорить, что это дѣлается изъ уваженія къ достоинству христіанина.

Впрочемъ, что̀ же я сказалъ? Вѣдь вы не то, что́ не хотите памятника; я ошибся: вы его хотите, да только не такого, какой употреблялся и употребляется у всѣхъ народовъ, а получше и подѣльнѣе. „Кому же изъ близкихъ моихъ я былъ дѣйствительно до́рогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе; воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ своею неколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя. Кто послѣ моей смерти выростетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что точно любилъ меня и былъ мнѣ дру-

гомъ и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ" Что́ за странную роль заставляете вы меня играть? Сейчасъ я былъ за памятникъ, теперь долженъ быть противъ памятника. Конечно, придуманный вами, несравненно значительнѣе и прочнѣе всякаго другаго. Кто не согласится, что вы желаете дѣла. Памятникъ прекрасный, памятникъ нетлѣнный, неподверженный вліянію вѣроломныхъ стихій и разрушительнаго времени. Жаль только, что его нельзя воздвигнуть вамъ, потому что на него никто не долженъ имѣть притязанія и потому, что никто изъ людей не сто́итъ его. Непоколебимая твердость въ жизненномъ дѣлѣ, бодренье и освѣженье всѣхъ вокругъ себя!... Вы разумѣли подъ этимъ не ту твердость, какая равно полезна на пути добра или зла и какая одинаково нужна для достиженія благихъ цѣлей и цѣлей земныхъ, преходящихъ, грѣховныхъ; вы говорите не о томъ жизненномъ дѣлѣ, которое приноситъ мірскія наслажденія и вмѣстѣ губитъ душу; вы хотите, чтобъ близкіе ваши ободряли другихъ не на житейскую изворотливость, не на пріобрѣтеніе тѣлеснаго благосостоянія. Выростать выше духомъ не значитъ у васъ дѣлаться надменнѣе, неприступнѣе, обнести свою личность каменной стѣной. Направленіе вашего завѣщанія и всей вашей книги не допускаетъ такого натянутаго толкованія.

Приведенныя слова относятся прямо до нашей духовной, нравственной стороны; они явно мѣтятъ на то, чтобъ друзья ваши омылись отъ черноты душевной, о которой вы такъ краснорѣчиво упоминаете далѣе. Но какое же отношеніе можетъ существовать между ихъ духовнымъ возвышеніемъ и вашимъ завѣщаніемъ, между ихъ нравственнымъ совершенствованіемъ и памятникомъ вамъ? Много явленій проходитъ передъ нами; но гдѣ то, въ которомъ заключается сила, направляющая. насъ на истинный путь? Люди, конечно, дѣйствуютъ другъ на друга своими мыслями, дарованіями, своей жизнью и своею смертью; но кто изъ нихъ имѣетъ право признать возможность своего вліянія не на умственное развитіе себѣ подобнаго, а на святыню его души, и сказать ему: докажи, что любилъ меня, сдѣлайся послѣ моей смерти духовнѣе и симъ воздвигни мнѣ памятникъ? Во имя какихъ подвиговъ, совершенныхъ на поприщѣ духа, могутъ быть произнесены эти слова, и гдѣ тотъ, къ кому любовь есть такая очистительная привязанность? Близкіе ваши станутъ помнить васъ, помнить долго, помнить всегда, высоко цѣнить ваши заслуги; но еслибъ изъ одной любви къ вамъ они способны были на духовное очищеніе, еслибъ преобразованіе ихъ нравственнаго организма зависѣло отъ вашего завѣщанія; еслибъ они точно соорудили вамъ памятникъ въ самихъ себѣ такимъ образомъ, какъ

вы требуете: то это были бы существа отрицательныя, недостойныя вашей дружбы, которымъ духовная высота показалась бы слишкомъ недосягаемой. Нѣтъ, между памятью о васъ и ихъ духовностью не можетъ быть никакой связи: это побудительная причина слишкомъ мелка, слишкомъ ничтожна. Человѣкъ выростаетъ духомъ въ силу своей человѣческой природы, въ силу внутренняго стремленія, положеннаго въ основу его разума, въ силу вѣчныхъ истинъ, глубоко врѣзанныхъ въ его сердце. Это будетъ не памятникъ пріятелю, а исполненіе Божественнаго закона, предписаннаго безсмертной душѣ; это будетъ даръ небесной благодати, независимый ни отъ чьей жизни, ни отъ чьей смерти, и на это у друзей вашихъ есть иной завѣтъ, заповѣданный имъ иными устами. Бодрить и освѣжать всѣхъ вокругъ себя въ смыслѣ духовномъ, въ смыслѣ нравственномъ не значитъ ли воздвигать памятникъ Тому, Кто сказалъ: „что́ сдѣлаете меньшому изъ моихъ братій, Мнѣ сдѣлаете“.

Наконецъ, вы говорите друзьямъ: „пускай же объ этомъ вспомнитъ всякъ изъ нихъ послѣ моей смерти, сообразя всѣ слова мной ему сказанныя и перечтя всѣ письма къ нему писанныя за годъ передъ симъ“. Безъ сомнѣнія, такого рода соображеніе могло бы принести имъ большую пользу; но прежде чѣмъ завѣщать это, вамъ бы слѣдовало принять предварительныя мѣры и обязать ихъ во время разговоровъ съ вами вырѣзывать ваши слова на мѣди.

Въ третьей статьѣ вы завѣщаете: „Вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительной или всеобщей утратой. Если бы даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго, и начиналъ бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго не на удовольствіе нѣкоторымъ, но надобнаго всѣмъ: то и тогда не слѣдуетъ предаваться безплодному сокрушенію“.

Если бы вы были послѣдователь Зенона и Епиктета, я бы понялъ ваши слова. Не окажите вниманія моему праху, не ставьте надо мной памятника, не плачьте обо мнѣ,—смыслъ этихъ противуестественныхъ требованій былъ бы ясенъ. Понятно также, когда умирающій, видя горькую печаль предстоящихъ ближнихъ, говоритъ имъ: не плачьте! Но завѣщать не плакать, но думать, что умрешь, и ни одинъ изъ живыхъ не предастся безплодному сокрушенію о тебѣ, но желать, чтобъ никто не выронилъ на твой гробъ человѣческой слезы: тутъ есть что-то принужденное, неистин-

ное и непріятное сердцу. Да и къ чему преждевременныя опасенія? Какъ знать, расплачутся-ли еще о насъ!... Вспомните друзей Іова. За чтó налагаете вы грѣхъ на душу того, кто, изъ привязанности къ вамъ, можетъ быть, и преувеличитъ мѣру потери, понесенной въ васъ? Человѣкъ цѣнитъ утрату человѣка не по дѣламъ, надобнымъ всѣмъ, а по количеству любви, какое положилъ въ него. Почему не плакать объ умершемъ? Почему не оставить людямъ ихъ слезы, не іезуитскія слезы, которыя льются и перестаютъ литься вслѣдствіе завѣщаній, не слезы того, кто прежде чѣмъ плакать спроситъ у себя, предаваться ему сокрушенію или нѣтъ, принесетъ оно плодъ или оно безплодно; но слезы безкорыстныя, слезы не по разсчету, что умеръ тотъ, кто былъ нуженъ или не нуженъ, кто сдѣлалъ что-нибудь или не сдѣлалъ ничего, а только потому, что умеръ человѣкъ, и слѣдовательно остался другой, кто любилъ его. Проливать эти слезы призываетъ насъ Церковь: „восплачите о мнѣ, братіе и друзи, сродницы и знаеміи". Этихъ слезъ не осуждаетъ великое и вѣчное ученіе; оно беретъ человѣка живымъ, не мертвой теоріей, не философскимъ скелетомъ, не желѣзнымъ стоикомъ, который кокетствовалъ добродѣтелями, щеголялъ твердостью и во имя самообожанія налагалъ цѣпи на всѣ прекрасныя и благотворныя свойства человѣческой природы. Этихъ слезъ не запретилъ Божественный Учитель, ибо Самъ прослезился надъ прахомъ Лазаря.

До сихъ поръ, въ первой половинѣ вашего завѣщанія, вы были лицо страдательное: вы предоставляли дѣйствовать другимъ; другіе должны были не привлекаться вниманіемъ къ праху, не ставить памятника и не плакать. Теперь вы являетесь лицомъ дѣйствующимъ, вы хотите поучать насъ вашимъ словомъ и сдѣлать доброе дѣло вашимъ портретомъ. Рама картины раздвигается, и горизонтъ становится шире; выступаютъ на сцену не близкіе ваши, не друзья, а читатели, „всѣ ваши соотечественники", т. е. Россія. Съ одной стороны они, съ другой вы; съ одной стороны милліоны людей, которые чрезвычайно нуждаются, чтобъ какой-нибудь писатель оставилъ „имъ" въ наслѣдство благую мысль, братское поученіе „принесъ пользу ихъ душѣ", съ другой писатель необыкновенный, предлагающій свои услуги.

Въ четвертой статьѣ вы завѣщаете „всѣмъ вашимъ соотечественникамъ" лучшее будто бы изъ всего, чтò произвело перо ваше: прощальную повѣсть. Она, какъ увидятъ, относится къ нимъ. Ее „носили вы долго въ своемъ сердцѣ, какъ знакъ небесной милости къ вамъ Бога; она была источникомъ слезъ никому не зримыхъ, еще со временъ дѣтства вашего".

Я не стану останавливаться на томъ, можетъ ли эта повѣсть быть лучшимъ вашимъ произведеніемъ, если написана въ родѣ вашей новой книги и противуположна вашимъ прочимъ, „безполезнымъ“, но чуднымъ созданіямъ; знакъ ли она Божіей милости или иного не столько священнаго вдохновенія,—какое мнѣ дѣло до ея родословной!.. Конечно, вамъ не слѣдовало бы упоминать, что вы плакали надъ нею, будучи еще дитятей: назначая ее на великое дѣло поученія для людей взрослыхъ, вы даете имъ право требовать, чтобъ она была задумана и оплакана въ менѣе нѣжномъ возрастѣ. И завѣщать ее соотечественникамъ можно бы иначе,—простымъ дѣйствіемъ типографскаго станка, какъ завѣщаны „Мертвыя Души“, „Ревизоръ“ и ваши другія повѣсти. Книгопечатаніе изобрѣтено именно съ тою цѣлью, чтобъ избавить насъ отъ лишняго письма. Но вы разсудили принять на себя напрасный трудъ. Въ немъ есть нѣкоторая торжественность; да будетъ такъ: не эти мелочи достойны вниманія. Я перейду къ предмету болѣе важному и болѣе существенному. Написавъ: „завѣщаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ“, вы, повидимому, почувствовали все значеніе и всю важность этихъ словъ, а потому выставили нѣсколько причинъ, которыя послужили поводомъ къ такому громогласному воззванію. Вы завѣщаете намъ прощальную повѣсть, основываясь единственно на томъ, что „всякій писатель долженъ оставить послѣ себя какую-нибудь благую мысль въ наслѣдство читателямъ....“ Вы говорите: „Умоляю, да не оскорбится никто изъ моихъ соотечественниковъ, если услышитъ что-нибудь похожее на поученіе; я писатель, а долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученье людямъ“. Чтобъ болѣе уяснить себѣ, въ какомъ смыслѣ принимаете вы поученье, я приведу еще одно мѣсто изъ письма вашего о Мертвыхъ Душахъ: „Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобъ произвесть эпоху въ области литературной; дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—душа и прочное дѣло жизни“. Въ примѣръ этого простаго, близкаго вамъ дѣла и въ подкрѣпленіе своей теоріи, вы приложили образцы—ваши письма: „Женщина въ свѣтѣ“, „О помощи бѣднымъ“, „Споры“, „Совѣты, „Русскій помѣщикъ“, „Чѣмъ можетъ быть жена въ домашнемъ быту“, „Сельскій судъ и расправа“, „Близорукому пріятелю“. Все это ничто иное какъ опыты поученій, которыя, вѣроятно, достигаютъ въ прощальной повѣсти большаго совершенства; ибо въ ней, вы думаете, сердце

наше „услышитъ хотя отчасти строгую тайну жизни и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны“, между тѣмъ какъ въ поименованныхъ письмахъ собственно таинственнаго ничего нѣтъ, и обѣщаемой музыки еще не слышно. Изъ приведенныхъ словъ, изъ словъ слѣдующихъ далѣе въ 5-й статьѣ вашего завѣщанія (гдѣ вы надѣетесь, что письма, изданныя послѣ васъ, „снимутъ съ души вашей хоть часть суровой отвѣтственности за безполезность прежде написаннаго)“; наконецъ, изъ многихъ мѣстъ вашей книги ясно, что по вашему мнѣнію, въ такъ называемыхъ вами пріятныхъ занятіяхъ уму и вкусу не заключается „благая мысль“, о которой идетъ рѣчь, что они не полезны душѣ и не поучительны людямъ. Эту мысль, эту пользу, это поученье вы отдѣляете отъ своихъ прежнихъ сочиненій, давая имъ (изъ ложнаго пониманія или изъ похвальной скромности) значеніе умственной игрушки. Но то, что́ вы называете пріятными занятіями уму и вкусу, ни болѣе, ни менѣе, какъ произведенія искусства. Если они дурны, разумѣется въ нихъ ничего нѣтъ; если хороши, есть—и благая мысль, и польза душѣ: ибо есть истина, выраженная только особеннымъ способомъ, выраженная не логическимъ выводомъ, не въ правилахъ и наставленіяхъ, а въ художественныхъ образахъ. Въ той же вашей книгѣ вы говорите о литературѣ съ великимъ уваженіемъ, и въ одномъ изъ писемъ, задавая, вслѣдствіе самаго страннаго воззрѣнія, предметы лирическому поэту въ наше время, присвоиваете ей право на поучительный характеръ и явно считаете способною приносить пользу душѣ.

Чтобъ разрѣшить эти сомнѣнія и противорѣчія, я обращусь къ вамъ же самимъ. Вы предсказываете между прочимъ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ, такую великолѣпную будущность, которой позавидовало бы любое поученье. Вы полагаете, что ее прочтутъ у насъ всѣ возрасты и званія, что она подѣйствуетъ на всѣхъ вообще и отдѣльно на каждаго, что народъ нашъ, почесавъ у себя въ затылкѣ, почувствуетъ, что онъ молится лѣнивѣе язычника, что Одиссея произведетъ впечатлѣніе на современный духъ нашего общества, что въ ней услышитъ себѣ сильный упрекъ нашъ девятнадцатый вѣкъ (несчастный, коснѣя въ невѣжествѣ, онъ не зналъ ея до сихъ поръ), что она есть самое нравственное произведеніе, принесетъ много общаго добра, возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка, усталаго отъ безпорядка мыслей и чувствъ, возвратитъ его къ простотѣ. Словомъ, вы ожидаете отъ Одиссеи какого-то кореннаго переворота. Изъ всего этого слѣдуетъ, что она не шутка и не можетъ быть пустымъ развлеченіемъ, однимъ пріятнымъ занятіемъ уму и вкусу. Предназначая свою прощальную повѣсть на поученье своихъ соотечественниковъ, вы, какое

бы высокое мнѣніе ни имѣли о ней, не можете однако желать, чтобы она произвела на души болѣе благодѣтельное дѣйствіе, чѣмъ то, которое обѣщаете Одиссеѣ; а между тѣмъ ее написалъ язычникъ и по свойству своего положенія не могъ напитать душевной пользой, приличной намъ, дать ей поучительное направленіе, желаемое вами; не могъ, въ вашемъ смыслѣ, оставить христіанину никакой благой мысли, ничего кромѣ ничтожной забавы, веселой сказки: ибо въ понятіяхъ о нравственности, о душѣ, каждый изъ насъ безграмотный марака стоитъ несравненно выше Гомера.

Вы отгадали художническимъ сочувствіемъ силу художественнаго произведенія вопреки своей теоріи. Одиссея, черезъ три тысячи лѣтъ, еще жива, благодаря автору, что онъ вздумалъ написать ее и не вступалъ въ духовную переписку съ друзьями. Одиссея еще заставляетъ насъ высказывать мечтательныя мнѣнія и дѣлать несбыточныя предсказанія; а множество такъ называемыхъ поученій лежитъ въ библіотекахъ неразвернутыми съ справедливо-забытыми именами ихъ сочинителей. Это случилось отъ того, что искусство, сопутствуя историческіе народы въ ихъ развитіи, служитъ не только пріятнымъ занятіемъ уму и вкусу, но раскрываетъ также и глубокую тайну жизни и глубокія истины души. Покорится ли оно вліянію мимоидущихъ происшествій, ежеминутныхъ измѣненій общества, или явится въ спокойномъ созерцаніи идеала красоты, носимаго человѣкомъ въ самомъ себѣ, это будетъ все онъ, все духъ его, воплощаемый въ свѣтлые образы поэзіи.

Нѣтъ ни малѣйшей трудности указать на добро и зло; но трудно настроить душу къ гнѣву и любви, которыхъ вы справедливо совѣтуете кому-то молить у Бога. Въ этомъ-то смыслѣ искусство, разсматриваемое съ наставительной точки зрѣнія, выше многихъ поученій, и Мертвыя Души выше вашихъ писемъ. Все поучаетъ человѣка, искусство, наука, жизнь, и часто всего менѣе поучаютъ поученія. Обязанность писателя-художника ограничивается художествомъ: напишетъ онъ произведеніе, проникнутое художественной истиной, его дѣло сдѣлано. Но вамъ показалось этого мало. „Богъ не скрылъ отъ васъ вашего назначенія, ваше дѣло проще и ближе: ваше дѣло душа". Велика важность, что искусство входило въ воспитаніе народовъ и вмѣстѣ съ другими составными частями жизни вмѣло вліяніе на ихъ исторію! Какая нужда, что человѣческое сердце переживало съ нимъ всѣ радости и всѣ печали!... Эта польза душѣ, извлекаемая изъ искусства, натянута и не та,—это поученія косвенныя, дѣла міра сего; нужны поученія прямыя, которыя бы опредѣляли образъ душе-

спасительныхъ дѣйствій. „Строго взыщется съ писателя, если не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ". Строго или не строго, вы не можете знать и не должны брать на себя, что знаете: это тайна не нашей премудрости. Но, переступивъ за границу искусства, съ какими же наставленіями можетъ писатель обратить къ намъ прощальную повѣсть? Съ наставленіями разума и науки? Но они не наложили своихъ несносныхъ оковъ на вашу книгу, и очевидно рѣчь идетъ не объ истинѣ. Какія же поученія услышимъ мы, въ которыхъ откроется намъ хотя отчасти „строгая тайна жизни и сокровеннѣйшая небесная музыка этой тайны?" Отчего преимущественно на писателя возлагаете вы честь поученій такого рода? Чему же онъ станетъ поучать насъ? Нравственности? Добродѣтели? Какъ намъ вести себя на землѣ, чтобъ спасти свою душу? А ему до этого какое дѣло? Онъ писатель! Но кодексъ христіанской нравственности не великъ и не затруднителенъ для памяти; для него не нужно особенныхъ знаній, высокаго просвѣщенія, необыкновенныхъ дарованій: онъ есть общее достояніе, собственность богатыхъ и бѣдныхъ, мудрости и простоты, собственность единственная, которой не можетъ отнять человѣкъ у человѣка. Этотъ кодексъ, составленный неисчерпаемой любовью, таковъ, что писателю, потому только, что онъ писатель, трудно преподавать его, и особенно въ тотъ вѣкъ, когда раздвоеніе мысли съ жизнію и книги съ дѣломъ доведено до такой печальной утонченности. Книжники, поучавшіе о приходѣ Мессіи, не узнали Христа; Онъ былъ узнанъ невѣждами, безграмотными. Тутъ писатель не можетъ сказать безграмотному: послушай меня; въ этой наукѣ безграмотный можетъ быть ученѣе его. Тутъ наши нравоучительныя рѣчи, книги, наши повѣсти, даже и прощальныя, ничто иное какъ пустой звукъ, мертвая буква. Тутъ поученье имѣетъ обязательную силу не столько для поучаемаго, сколько для поучающаго, и на этомъ тяжеломъ поприщѣ одни тѣ подвизались съ пользою, которые поучали не на письмѣ, которые не писали завѣщаній, а сами были завѣщаньемъ. Блаженный Августинъ, бывши еще язычникомъ, гремѣлъ въ Римѣ съ каѳедры противъ кровавыхъ игръ, гдѣ человѣческія жертвы приносились въ потѣху просвѣщенному народу древности; но игры продолжались, не слушался народъ ни законовъ Константина и Гонорія, ни поученій знаменитаго писателя и другихъ. Тогда отправился съ Востока монахъ, неизвѣстный до того времени; онъ явился въ Римскій амфитеатръ, сошелъ въ арену, сталъ посреди гладіаторовъ, хотѣлъ разнять ихъ и легъ между ними, давъ побить себя камнями кровожаднымъ зрителямъ. Монахъ ничего не написалъ, ничему не училъ; исторія только запомнила его имя, да остался памятенъ день его смерти,

потому что съ этого дня человѣкоубійства на играхъ прекратились. Магометане не позволяютъ писать картины и ваять статуи, опасаясь, что на томъ свѣтѣ онѣ потребуютъ себѣ живыхъ душъ. Такъ, слово спасенія требуетъ на этомъ свѣтѣ живаго дѣла. Если всякій писатель станетъ поучать въ вашемъ смыслѣ, потому что онъ писатель: отчего не поучать богатому, потому что онъ богатъ, сильному, потому что онъ силенъ? Такимъ образомъ поученіе и превращается въ гордую забаву для поучающаго, въ горькое оскорбленіе для поучаемыхъ и въ поруганіе надъ святынею нравственности и добродѣтели. Доказательствомъ этому служитъ ваше письмо къ Русскому помѣщику.

Мысль о поученьяхъ, которыя съ одной стороны легче всякаго другаго ремесла, была у людей причиною самыхъ страшныхъ и самыхъ безсмысленныхъ явленій. Можно имѣть такъ называемыя знанія и черезъ нихъ стоять выше себѣ подобнаго, можно распространять ихъ со всѣмъ жаромъ настойчивости, и никто не потребуетъ, не осмѣлится потребовать, чтобы человѣкъ пожертвовалъ хотя вкуснымъ обѣдомъ въ доказательство своего умственнаго убѣжденія. Можно даже, изъ любви къ ближнему и при средствахъ, которыя эта любовь умѣетъ находить, поставить его въ такое положеніе, что ему удобнѣе будетъ помышлять о душевной чистотѣ; но вообразить себѣ, что въ христіански-духовномъ смыслѣ писатель, во имя только своего званія писателя, имѣетъ право на поученіе и слѣдовательно стоитъ выше другаго, кого бы то ни было,—этого нельзя, и вопросъ о преимуществѣ такого рода человѣкъ самъ разрѣшать въ свою пользу не долженъ

Чему же, повторяю, станетъ поучать писатель? Пониманію истинъ вѣры? Но, Боже мой, при такой мысли самое заносчивое высокомѣріе должно ринуться съ своей высоты. Какихъ великихъ органовъ не имѣли уже эти великія истины? Вѣдь надо вспомнить, надо знать, что люди, особенно призванные на это дѣло, соединяли съ несокрушимыми убѣжденіями необъятную твердость разума, всеобъемлющую ученость; что съ ними невозможно, еслибъ даже слѣдовало, входить въ состязаніе. А между тѣмъ они поучали не отъ своего имени, а отъ имени самой вѣры, ибо хранили святую заповѣдь: „Вы же не нарицатейся учители“.

По что̀ я говорю? Можетъ быть ваша прощальная повѣсть, написанная во благо всѣхъ вашихъ соотечественниковъ вообще, направлена къ цѣли менѣе огромной. Служа выраженіемъ вашего особеннаго радушія и

самой человѣколюбивой склонности къ такъ-называемымъ свѣтскимъ людямъ, склонности знаменательной, положившей отличительную печать на всю вашу книгу, можетъ быть повѣсть ваша займется однимъ *ихъ* спасеніемъ. И это понятно, и это извинительно. Они кружатся среди міра, въ вихрѣ соблазновъ и прельщеній. Чье сердце не возскорбитъ о жертвахъ суеты? Кому не захочется избавить ихъ отъ этой опасности? Кто, истративъ на нихъ всѣ драгоцѣнности своей любящей души, не позабудетъ другихъ, не „свѣтскихъ“ существъ, и не станетъ отзываться объ нихъ съ такимъ пренебреженьемъ, какимъ наполнены всѣ ваши письма. Но, ради Бога, скажите серьезно, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что свѣтскіе люди, начало и конецъ вашихъ поучительныхъ посланій, не знаютъ, какъ спасти свою душу?

Знаютъ, не меньше вашего знаютъ, да не хотятъ. Имъ хочется не спасенія; имъ хочется жить въ свѣтѣ, какъ они живутъ, дѣлать, что́ дѣлаютъ, не отказаться ни отъ одной выгоды, ни отъ одного удовольствія, ни отъ одной почести, оставаться именно въ томъ положеніи, въ какомъ находятся; а для успокоенія совѣсти, возстающей иногда съ упреками, и для комфорта душевнаго, имъ нужно, чтобъ книга или человѣкъ придумывали за нихъ поученія, сообразныя со степенью ихъ желаній. Имъ нужно, чтобъ кто-нибудь сказалъ: живите, какъ вы живете; будьте тѣмъ, что̀ вы есть,—и при этихъ условіяхъ можно спасти душу. Увѣрьте женщину въ свѣтѣ, что она можетъ быть и женщиной въ свѣтѣ, и святою; докажите помѣщику, что онъ и помѣщикъ, и учитель спасенія. Вотъ отъ этого иногда они затруднятся; вотъ тутъ, правда, полезенъ бываетъ человѣкъ съ высокимъ дарованіемъ и необходимы поученія особеннаго рода. Но зачѣмъ, кому бы то ни было, браться за это дѣло? Зачѣмъ принимать на себя лишній трудъ? Сто́итъ выписать изъ порядочной библіотеки реестръ сочиненій, изданныхъ на такой предметъ: ихъ очень много, надъ нимъ трудились тонкіе умы, и послѣ нихъ не остается ни слова прибавить къ ихъ снисходительному ученію

IV [1]).

Je veux faire sentir et comprendre à tous quelle peut être la puissance morale de la beauté.... Or, comme m-r l'avocat-général ne comprend pas comment la forme, la beauté peuvent recevoir une destination sainte et moralisante.... je devais lui apprendre la puissance qui existe dans la chair, dans le corps, indépendamment de la parole. *Un procès.*

Надо вамъ сказать, что я всегда съ особеннымъ уваженіемъ размышлялъ объ учителяхъ и наставникахъ. Ихъ обязанность всегда казалась мнѣ самою мучительною и самою мудреною. Съ одной стороны, они должны учить тѣхъ, кого нельзя выучить; съ другой—учить тому, чего сами не знаютъ. Послѣ этого можете представить, какое высокое мнѣніе составилось у меня объ ихъ важномъ званіи и съ какимъ чувствомъ предубѣжденія въ вашу пользу началъ я читать письмо, которымъ открываются ваши поученія женщинѣ въ свѣтѣ и разнымъ другимъ женщинамъ. Первая моя мысль была, что вы взялись за дѣло.... Пора уже приняться просвѣщать ихъ!... Существа нѣжныя, существа прекрасныя, и онѣ заразились демонской гордостью нашего вѣка.... Любовь, которая въ продолженіе многихъ столѣтій, подъ разными формами, составляла ихъ внутреннюю дѣятельность и ихъ лучшую игрушку—любви уже имъ мало. Семейная жизнь, супружеское счастье, милыя дѣти,—и это не удовлетворяетъ ихъ новой жажды. Домашнія добродѣтели, домашнее благополучіе перестали быть цѣлью. Она изъ-подъ мирнаго крова перенесена въ невидимую даль. Мы ошибемся, если скажемъ, что женщина добродѣтельная находитъ спокойствіе въ чувствѣ своего достоинства и что женщина счастливая точно счастлива: добродѣтель и такъ называемое счастье сдѣлались положеніемъ отрицательнымъ, условіемъ, при которомъ легче жить, пристойнымъ платьемъ, безъ котораго не такъ ловко показываться. Главное дѣло—вліяніе на общество, лихорадочныя заботы о другихъ, участіе въ судьбахъ человѣчества. Виновата ли въ томъ чудная женщина Франціи, разсказавшая намъ исторію страшныхъ болѣзней и не придумавшая ни одного лѣкарства; или сама она ни что̀ иное, какъ горькая жертва своего времени—здѣсь не мѣсто такому вопросу [2]).

---

[1]) Третье письмо не было напечатано: въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. сказано, что помѣщеніе его по обстоятельствамъ отлагается до другаго времени“. Н. Б.

[2]) Читателю нечего напоминать, что „чудною женщиной Франціи“ названа Жоржъ-

Вслѣдствіе этого направленія поднялись отовсюду крики о правахъ женщины, о новомъ угнетеніи, не замѣченномъ тѣми, которые брались пересчитать всѣ виды угнетеній. Эти крики непонятнымъ образомъ достигали въ самыя отдаленныя мѣста и нарушали согласіе у людей самыхъ мирныхъ. Европа усѣялась вечерами политическими, литературными, соціальными; явились разныя женскія общества. Разумѣется, стало несносно, мелко ютиться въ своей семьѣ, какъ улиткѣ въ раковинѣ, и изливать на нее всѣ сокровища своего сердца, когда предстоитъ поприще болѣе обширное, когда тамъ, гдѣ-то, страждетъ человѣчество. Высокая мысль, полное отсутствіе эгоизма, породившія однакожъ страшную пустоту души. Съ одной стороны представляется намъ въ женщинѣ стремленіе къ чему-то прекрасному, новому, но до сихъ поръ необъяснимому, развитіе какой-то теоріи, до сихъ поръ еще мертвой; а съ другой—тоска, тоска невыразимая. Посмотрите на противорѣчіе, въ какое женщина впала сама съ собою; вы видите, что она какъ будто бы готова посвятить душу и состояніе свое новой идеѣ, а между тѣмъ разоряется на неистовыя требованія моды и съ утра до вечера терзается въ сатурналіяхъ общественности. Она бѣжитъ отъ своей тоски, ищетъ забвенія, боится опомниться. При этомъ широкомъ сочувствіи къ человѣчеству, при этомъ похвальномъ попеченіи о благѣ ближняго, ей должно бы пріучиться невольно къ самозабвенію, опрометчивости, ошибкамъ; и между тѣмъ посмотрите, напротивъ, какъ мало она ошибается и какъ она благоразумна!

Положеніе мущинъ отъ такого порядка вещей стало не слаще. Жалкій актеръ на вечернихъ представленіяхъ, онъ, какъ планета, послушная механическимъ законамъ, все еще вертится около своего солнца; да солнце это не грѣетъ болѣе, а только свѣтитъ. Теперь разговоръ съ женщиной не есть уже пріятное препровожденіе времени, а также кабинетная работа. Вамъ нечего говорить объ этихъ милыхъ центрахъ, о литературныхъ собраніяхъ: вы знаете ихъ глубокую скуку.

По всему изложенному выше я полагалъ, что вы войдете въ жалкое положеніе какъ женщинъ, такъ и мущинъ, и если уже пошло на совѣты и нравоученія, то вы вашей женщинѣ въ свѣтѣ, какъ и прочимъ дочерямъ

Зандъ, обаянію которой подпадало тогда большинство нашихъ образованныхъ женщинъ; но для историка нашей словесности любопытно отмѣтить, что характеристика свѣтской женщины относилась и къ супругѣ автора, извѣстной писательницѣ Каролинѣ Карловнѣ (ур. Янишъ). П. Б.

Евы, дадите добрый урокъ, произнесете суровое слово истины, скажете свѣтлую мысль, которая поможетъ намъ въ нашемъ общемъ несчастіи.

Велико было мое разочарованіе, тщетны были мои надежды. Вы пустились въ комплименты, бывшіе въ употребленіи по гостинымъ осьмнадцатаго вѣка; вы смотрите на исторію, какъ смотрѣлъ Французъ Лемонте; вы проповѣдуете идолопоклонство передъ женской красотой, позволительное не нравоучителю девятнадцатаго столѣтія, а герою того войска, которое когда-то дралось десять лѣтъ за прекрасную Елену; вы признаете въ красавицѣ такое могущество, что, читая васъ, такъ и хочется влюбиться въ женщину безобразную; вы снимаете съ человѣка отвѣтственность за его порокъ или преступленіе, приписывая ихъ вліянію побочной причины, а не его собственному произволу, и наконецъ вы слишкомъ много истощаетесь на жалость о такихъ страждущихъ, которыхъ болѣзни проистекаютъ отъ излишества здоровья.

Чтобъ опредѣлить яснѣе смыслъ вашихъ совѣтовъ и прямое отношеніе ихъ къ женщинѣ въ свѣтѣ, необходимо составить себѣ понятіе объ ея характерѣ, какимъ онъ является въ вашемъ письмѣ. Первая черта, которая поражаетъ насъ, состоитъ въ томъ, что у нея два характера: одинъ природный, другой составился изъ переписки съ вами. По всему вѣроятію, вы уже прежде не оставляли ея своими письмами, и она очень извинительнымъ образомъ, съ понятнымъ отвращеніемъ къ неучтивому и ледяному анализу, смѣшавъ художника съ нравоучителемъ, во имя одного повѣрила другому. Это замѣчаніе я постараюсь оправдать очевидными доказательствами, для чего необходимо разсмотрѣть, въ какой духовной пищѣ имѣла она нужду и какую вы предложили ей. Женщина въ свѣтѣ говоритъ у васъ: „Зачѣмъ я не мать семейства, чтобъ исполнять обязанности матери; зачѣмъ не разстроено мое состояніе, чтобъ заставить меня ѣхать въ деревню, быть помѣщицей и заняться хозяйствомъ; зачѣмъ мужъ мой не занятъ какою-нибудь обще-полезною должностью, чтобы мнѣ хотя здѣсь помогать ему и быть силою, его освѣжающею, и зачѣмъ вмѣсто всего этого предстоятъ мнѣ одни выѣзды въ свѣтъ и пустое, выдохшееся общество, которое теперь кажется мнѣ бездомнѣе самаго бездомья!“ Въ этихъ желаніяхъ есть мысль, есть потребность дѣятельности; тутъ слышится естественный ропотъ сердца, страдающаго подъ игомъ свѣтскихъ отношеній. Далѣе, она „не знаетъ и не можетъ придумать, чѣмъ можетъ быть кому-нибудь полезна въ свѣтѣ; что для этого нужно имѣть столько всякаго рода орудій, нужно быть такою умной и всезнающей женщиной, что у нея кру-

жится уже голова при одномъ помышленіи о томъ, что она слишкомъ молода, не пріобрѣла ни познанія людей, ни познанія жизни, словомъ ничего того, что̀ необходимо, дабы оказывать душевную помощь другимъ". Эта скромность, эта отреченіе отъ пагубной мысли оказывать душевную помощь, это безнадежность быть полезною въ свѣтѣ кому нибудь, все это принадлежитъ ея личности, потому что на всемъ есть свѣжій слѣдъ жизни и истины; это черты не изъ переписки, а изъ души. Какой же бальзамъ льете вы на глубокую рану этой женщины; чѣмъ разрѣшаете вопросъ, заданный ясно и опредѣлительно? Вы начинаете съ того, что предсказываете ей въ лицѣ всѣхъ женщинъ великую будущность; вы говорите, что нужно „содѣйствіе женщины для оживотворенія утомленной образованности гражданской, душевнаго охлажденія, нравственной усталости; что эта истина въ видѣ какого-то темнаго предчувствія пронеслась вдругъ по всѣмъ угламъ міра, и все чего-то теперь ждетъ отъ женщины". Но вѣдь эта великолѣпная фраза не помогаетъ дѣлу, тѣмъ болѣе, что она принадлежитъ къ области чистой фантазіи: мы не знаемъ этихъ угловъ, гдѣ все чего-то теперь ждетъ отъ женщины. Рѣчь идетъ не о различіи половъ, а о чемъ-то поважнѣе.

Въ томъ наше и горе, что мы ни отъ женщины, ни отъ мужчины ничего не ждемъ. Еслибъ ждали, не было бы душевнаго охлажденія, нравственной усталости, утомленной образованности. Ждалъ осьмнадцатый вѣкъ, ждалъ и отъ мужчинъ, и отъ женщинъ, и отъ взрослыхъ, и отъ юношей,—намъ уже нельзя ждать: мы пережили всѣ обманы ожиданій; мы ждали втораго тома „Мертвыхъ Душъ", а читаемъ „Избранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Утѣшительно бы было думать, что женщина, которая вносила столько поэзіи въ нашу жизнь, приметъ, наконецъ, на себя и ея черную работу, согласитъ свободу личности съ существованіемъ общества, опредѣлитъ отношенія труда къ капиталу, укажетъ исходъ изъ результатовъ, поставившихъ въ тупикъ современную философію... Это бы очень оживотворило общество; но вѣдь можно играть словами, да зачѣмъ-же играть тогда, какъ милая женщина относится къ вамъ съ своимъ горькимъ недоумѣніемъ, съ непритворной болью своего сердца?.. Одна ложная мысль повела къ другой. Если вы, безъ всякаго основанія, безъ всякихъ данныхъ, пророчествуете женщинамъ такой великій подвигъ въ будущемъ, то въ настоящемъ тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ пророчествомъ возлагаете на нихъ отвѣтственность за такое дѣло, въ которомъ онѣ вовсе не виноваты. Кто отвергаетъ вліяніе, какое имѣетъ жена на мужа? Объ этомъ ни спорить, ни говорить не слѣдуетъ. Но я не вижу, какимъ образомъ можно доказать,

что въ Россіи мужья берутъ взятки бо̀льшею частью отъ того, что жены или „жадничаютъ блистать въ свѣтѣ, или предаются идеальнымъ мечтамъ, а не существу своихъ обязанностей“. Да вѣдь брали взятки и тогда, какъ не было свѣта, т. е. до Петра, когда жены не жадничали блистать и не предавались идеальнымъ мечтамъ. Зачѣмъ хотите вы путать понятія о нравственности въ молодой и прекрасной женщинѣ? Если человѣкъ дѣлаетъ преступленіе, то вся отвѣтственность лежитъ на немъ самомъ, и не признавать этого значило-бы лишить его свободной воли, человѣческаго достоинства, превратить въ машину, которая въ своемъ движеніи повинуется посторонней силѣ. Если вы хотите извинить его, христіански отпустить ему его прегрѣшеніе, вы можете сказать, что онъ покорился вліянію всего чѣмъ окруженъ, всѣхъ общественныхъ стихій,—и жены, которую дала ему судьба, и друзей, которымъ жалъ онъ руку, и тѣхъ, кого слушается, и тѣхъ, кому приказываетъ, и законовъ, подъ которыми живетъ, и воздуха, которымъ дышетъ. Все вмѣстѣ дѣйствовало конечно на его внутренній организмъ и влекло въ ту или другую сторону; но въ сложности впечатлѣній, воспитывавшихъ его, вы не отыщете нити, управляющей его рукою; онъ образовался миліонами людей, цѣлой исторіей, а виноватъ всетаки останется онъ самъ, и никто еще: онъ имѣлъ свободу пасть и устоять. Пожалуй, „жена можетъ возвратить мужа съ кривой дороги на прямую, быть его зломъ и погубить его на вѣки“; но вѣдь это въ смыслѣ житейскомъ, матеріальномъ, а не въ смыслѣ нравственномъ. „Отъ нравственной заразы“, не правда, она не можетъ „уберечь его“; ибо тутъ уберегаетъ человѣкъ самъ себя. Думать и хотѣть—запретить ему нельзя; это неотъемлемая собственность его, и въ ней долженъ онъ давать отчетъ одинъ, безъ сопровожденія своей жены. Нѣтъ, не отъ того берутся взятки, что наряжаются жены, а отъ того наряжаются, что мужья взяточники. Да и съ чего вздумали вы, что взятки приносятся въ дань къ ногамъ жены? Онѣ мужу необходимѣе, чѣмъ ей. Часто въ то время, какъ она сидитъ въ нуждѣ, онѣ проматываются на другое. Ихъ гораздо больше пропивается на вино, проигрывается въ карты, чѣмъ тратится на самый богатый женскій туалетъ.

Такимъ образомъ, предоставивъ женщинамъ оживотвореніе міра и уничтоженіе взятокъ въ Россіи, вы находите дѣло и для той, къ которой пишете. Она думаетъ, что въ свѣтѣ нѣтъ для нея занятія; вы думаете, что ей слѣдуетъ лѣчить свѣтъ, хотя и страннымъ лѣкарствомъ. Онъ ей опротивѣлъ, ей бы хотѣлось бѣжать изъ него; вы удерживаете ее, возбуждая въ ней состраданіе и увѣряя, что онъ не свѣтъ, а больница, наполненная

страждущими. Вотъ ваши слова: „По тѣмъ не менѣе свѣтъ все-же населенъ, въ немъ люди и притомъ такіе-же какъ и вездѣ. Они и болѣютъ, и страждутъ, и нуждаются, и безъ словъ вопіютъ о помощи, и увы! даже не знаютъ, какъ попросить о ней. Какому-же нищему слѣдуетъ прежде помогать: тому-ли, кто еще можетъ выходить на улицу и просить, или тому, который не въ силахъ и руки протянуть?“ Въ другомъ мѣстѣ: „Вамъ-ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Влетайте въ него смѣло съ тою-же сіяющей вашей улыбкой, входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждущими“ и пр. Чтобъ не очень растрогать читателя, позвольте мнѣ замѣтить, что тутъ дѣло идетъ о болѣзняхъ душевныхъ. Признаюсь, не безъ волненія думаю я теперь, что эти строки ваши читала молодая и прекрасная женщина. Зачѣмъ же силитесь вы уничтожить въ ней ясное пониманіе предмета и эту простоту воззрѣнія, о которой я имѣлъ случай говорить въ моемъ первомъ письмѣ? Такъ не тому нищему слѣдуетъ помогать прежде, кто выходитъ на улицу, а тому, кто съ своей нищетой разъѣзжаетъ по великолѣпнымъ баламъ и объѣдается за лакомымъ обѣдомъ? Но его нищета ужаснѣе: это нищета утонченная, это мученья безплотныя, сильные недуги сердца и ума! Положимъ, что правда. Да помилуйте, вѣдь онъ свое болѣзненное состояніе не промѣняетъ на мужицкое здоровье голоднаго? Ваша женщина въ свѣтѣ ходила по этой больницѣ и, какъ видно, не съ каменнымъ сердцемъ, но не остановилась на этихъ опасно больныхъ, а задумала бѣжать отъ нихъ; ибо слѣдовала чувству естественному, не предавалась ухищреніямъ человѣческаго разума, и съ нѣжной разборчивостью посовѣстилась даже истратить хотя минуту жалости, болѣе нужной въ другомъ мѣстѣ и для иныхъ страданій.

Я не смѣю осуждать васъ. Вовлеченные въ переписку съ разными графами и графинями, какъ замѣтно по вашей книгѣ, вы невольно съ особенной любовью обратили вниманіе на это отдѣленіе больныхъ. Ахъ, мнѣ постижима эта склонность! Мнѣ самому, по неизвинительной слабости, всегда казалось, что графиня чѣмъ-то лучше не-графини, женщина въ свѣтѣ предпочтительнѣе женщины дома; но за то, съ такимъ направленіемъ я уже не рѣшаюсь записываться въ лекаря душъ.

Какимъ-же образомъ лѣчить души? Ваша ученица, какъ мы уже видѣли, отказалась отъ этого лѣченія за недостаткомъ нужныхъ къ тому орудій; но вы утверждаете, что эти орудія у нея есть: „во первыхъ красота, во вторыхъ, неопозоренное, неоклеветанное имя, въ третьихъ власть чистоты душевной и еще высшая красота, чистая прелесть какой-то осо-

бенной, одной ей свойственной невинности, въ которой такъ и свѣтится всѣмъ ея голубиная душа“. Желая убѣдить эту чудную, восхитительную женщину, что ея красота есть точно орудіе сильное, вы говорите: „Если уже одинъ безсмысленный капризъ красавицы бывалъ причиною переворотовъ всемірныхъ и заставлялъ дѣлать глупости наиумнѣйшихъ людей, что же было бы тогда, еслибъ этотъ капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру? Сколько бы тогда добра могла произвести красавица сравнительно съ другими женщинами!...“

Бѣдная исторія и бѣдныя дурныя женщины!! Видно, въ самомъ дѣлѣ красота великое могущество, если вы не остановились написать эти строки. Но, высказывая такія оригинальныя мысли, вамъ не худо бы подкрѣпить ихъ какими-нибудь доказательствами, тѣмъ болѣе, что ваша женщина въ свѣтѣ можетъ быть и не изучала исторіи во всѣхъ ея подробностяхъ. Гдѣже этотъ всемірный переворотъ, котораго причиною былъ безсмысленный капризъ красавицы? Назовите. Всемірные перевороты совершались по требованіямъ всемірныхъ идей. Исторія, какъ увѣряютъ, есть свѣтильникъ истины, разумное развитіе путей Провидѣнія. Неужели стоило бы ей учиться, если бъ въ ней разсказывались капризы красавицъ? Были люди, которые смотрѣли на нее съ вашей точки зрѣнія; но эти люди давнымъ давно прошли,—это матеріалисты, это Вольтеръ и другіе, съ которыми вы, судя по направленію вашей книги, не должны бы сходиться въ мнѣніяхъ. Вы употребили модное слово „осмысленъ“, но употребили, кажется, напрасно. Капризъ не можетъ быть осмысленъ; капризъ есть такое дѣйствіе души, у котораго нѣтъ причины и изъ котораго ничего не слѣдуетъ; капризъ потому и капризъ, что въ немъ нѣтъ никакого смысла, иначе онъ перестанетъ быть капризомъ; капризъ не можетъ быть направленъ къ добру, ибо капризъ зло, а изъ зла извлекать добро люди не умѣютъ. Правда, существуетъ историческое ученіе, которое берется за это дѣло: признавая всѣ средства позволенными для достиженія благой цѣли, оно учитъ направлять зло къ добру. Но вѣдь этимъ занимаются послѣдователи Игнатія Лойолы.

(*Московскія Вѣдомости 1847 г. №№ 28, 38 и 46*).

И. В. РОСКОВШЕНКО.

I.

Въ ночь на 25 Апрѣля прошлаго 1889 г. скончался въ имѣніи дочерей своихъ, въ с. Высокомъ, Рыльскаго уѣзда Курской губерніи, тайный совѣтникъ Иванъ Васильевичъ Росковшенко. Иванъ Васильевичъ родился 4 Августа 1809 г. въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ селѣ Штеповкѣ, часть котораго принадлежала его отцу Василію Михайловичу, занимавшему долгое время разныя должности по выбору дворянства, въ томъ числѣ должность уѣзднаго судьи и предводителя дворянства. Достаточныя средства, которыми пользовались родители Ивана Васильевича, дозволили имъ дать ему хорошее образованіе. Первоначальное образованіе Иванъ Васильевичъ получилъ въ частномъ пансіонѣ Рейпольскаго. Этотъ пансіонъ считался лучшимъ на всемъ Югѣ Россіи въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Иванъ Васильевичъ вынесъ оттуда основательное знаніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго, и всего 16 лѣтъ отъ роду поступилъ на юридическій факультетъ, въ Харьковскій Университетъ, тогда еще недавно открытый. По окончаніи курса въ 1829 г., онъ отправился въ Петербургъ и въ 1832 г. былъ принятъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи, и затѣмъ ему приходилось мѣнять мѣста своей службы: мы видимъ его служащимъ то въ канцеляріи Военнаго Министерства, то въ Св. Синодѣ. Но въ 1837 г. онъ получаетъ мѣсто помощника редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эта должность удовлетворяла его вкусу и любви къ литературнымъ занятіямъ. Вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, онъ завелъ знакомства съ тогдашними литературными кружками и съ ихъ представителями: Гречемъ, Булгаринымъ, Полевымъ, Сеньковскимъ и др. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей разнообразнаго содержанія, преимущественно касавшихся исторіи и помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ того времени. Статьи свои онъ никогда не подписывалъ, а подъ стихотвореніями выставлялъ псевдонимъ *Вильгельмъ Мейстеръ*". Эти стихотворенія не были лишены достоинствъ, доказательствомъ чего можетъ служить то, что въ первыхъ изданіяхъ „Русской Христоматіи Галахова" нѣсколько стихотвореній „Вильгельма Мейстера" были помѣщены

какъ образцовыя. Иванъ Васильевичъ принималъ также дѣятельное участіе въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Плюшара. Для того времени это было прекрасное и широко задуманное литературное предпріятіе. Недостатокъ денежныхъ средствъ не дозволилъ довести это изданіе до конца. Перу Ивана Васильевича принадлежатъ многія статьи въ этомъ Словарѣ. По врожденной любознательности, Росковшенко старался всячески пополнить свое образованіе. Такъ, находясь уже въ Петербургѣ, онъ съ жаромъ принялся за изученіе Англійскаго языка и вскорѣ овладѣлъ имъ въ совершенствѣ. Можно смѣло утверждать, что въ то время немногіе въ Россіи знали такъ основательно и глубоко Англійскій языкъ, древній и новый, и всю Англійскую литературу, какъ зналъ ихъ Росковшенко. Плодомъ его увлеченія произведеніями Шекспира, явились переводы „*Ромео и Джульета*“, „*Сонъ въ лѣтнюю ночь*“, „*Сцены изъ трагедіи Ричардъ III-й*“ и т. д. Эти переводы были помѣщены въ „*Библіотекѣ для Чтенія*“. Можно сказать, что, благодаря этимъ переводамъ, Русская публика впервыя основательно стала знакомиться съ произведеніями великаго драматурга. Общность занятій послужила поводомъ къ знакомству и сношеніямъ Ивана Васильевича съ М. Н. Катковымъ, который къ то время также находился въ С.-Петербургѣ и занимался переводомъ „*Ромео и Юлія*“. Добрыя отношенія Росковшенки съ М. Н. Катковымъ продолжались до самой смерти послѣдняго.

Но многочисленныя и трудныя занятія по изданію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія отнимали у молодаго литератора почти все время. Кромѣ просмотра и послѣдней коректуры статей, доставляемыхъ для этого журнала, ему приходилось вести критическій отдѣлъ. Съ теченіемъ времени литературныя знакомства и связи Ив. Вас. постоянно расширялись. Такъ, онъ былъ знакомъ и встрѣчался въ нѣкоторыхъ домахъ съ А. С. Пушкинымъ, Жуковскимъ, Лермонтовымъ и др. Историческія занятія развили въ немъ любовь къ древностямъ и, особенно къ нумизматикѣ, въ которой онъ пріобрѣлъ обширныя познанія. Иванъ Васильевичъ пристрастился къ собиранію древнихъ и рѣдкихъ монетъ разныхъ, преимущественно восточныхъ народовъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ и съ рѣдкимъ тщаніемъ собралъ онъ свою обширную и рѣдкую колекцію монетъ Римскихъ, Греческихъ и Восточныхъ. Въ послѣдствіи обстоятельства принудили его разстаться съ этимъ сокровищемъ. Большая часть ея была пріобрѣтена Императорскимъ Эрмитажемъ, а остальная княземъ С*.

II.

Рѣдкія способности, серьезное образованіе и трудолюбіе, которыми обладалъ Росковшенко, вскорѣ обратили на него вниманіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, который въ 1839 г. отправилъ его, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, въ Тифлисъ инспекторомъ тамошней гимназіи съ возложеніемъ на него исправленія должности ди-

ректора Закавказскихъ училищъ. Незадолго до прибытія Ив. Вас. въ Тифлисъ, въ управленіи тамошней гимназіи и училищъ были обнаружены очень серьезные безпорядки и злоупотребленія, вслѣдствіе чего графъ Уваровъ, посылая Ив. Вас. въ Тифлисъ, поручилъ ему возстановить въ означенномъ управленіи порядокъ. Для этого графъ Уваровъ предоставилъ ему обширныя полномочія и снабдилъ его подробными письменными и словесными инструкціями. Кромѣ того, графъ Уваровъ еще поручилъ Ивану Васильевичу составить, по ознакомленіи съ краемъ, проектъ улучшенія и преобразованія учебной части въ Закавказскомъ краѣ.

Прибывъ въ Тифлисъ, молодой инспекторъ гимназіи, находившійся въ исключительномъ положеніи и сильный довѣріемъ къ нему самаго министра, ревностно принялся за осуществленіе возложенныхъ на него порученій. Съ цѣлью изучить на мѣстѣ положеніе учебнаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ, Иванъ Васильевичъ предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ по Закавказью, который онъ изъѣздилъ вдоль и поперекъ, гдѣ на перекладной, а гдѣ и верхомъ. Составленный имъ проектъ преобразованія учебной части въ этомъ краѣ былъ одобренъ графомъ Уваровымъ, принятъ почти безъ измѣненій и удостоился высочайшаго утвержденія.

Уже въ то время Иванъ Васильевичъ убѣдительными доводами опровергалъ возникшую въ С.-Петербургскихъ высшихъ сферахъ, мысль объ устройствѣ въ Тифлисѣ отдѣльнаго университета для Кавказа и Закавказья. Онъ доказывалъ, что открытіе университета за Кавказомъ, при первобытномъ въ то время состояніи путей сообщенія и въ самой Россіи, послужитъ только къ большему обособленію Закавказья и, что, наоборотъ, въ интересахъ общегосударственныхъ, нужно всячески стремиться къ установленію и укрѣпленію связей между этой далекой окраиной и остальной Россіей. Однимъ изъ такихъ средствъ Иванъ Васильевичъ считалъ отправленіе дѣтей высшихъ сословій Закавказья въ учебныя заведенія Москвы и С.-Петербурга для полученія Русскаго образованія. Это предложеніе Ивана Васильевича получило одобреніе высшаго правительства, и мысль объ открытіи въ Тифлисѣ университета была оставлена окончательно, а Росковшенкѣ графъ Уваровъ поручилъ, войдя въ соглашеніе съ мѣстной администраціей и родителями, выбрать сорокъ мальчиковъ, разныхъ національностей изъ воспитанниковъ Тифлисской гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній Закавказья и доставить ихъ лично въ учебныя заведенія Москвы и Петербурга, что́ онъ и исполнилъ въ 1844 году. (Въ этомъ первомъ транспортѣ молодыхъ Закавказцевъ находился и М. Т. Лорисъ-Меликовъ).

Но если съ одной стороны, просвѣщенное отношеніе къ своему дѣлу, самостоятельность характера, твердость убѣжденій и неуклонное исполненіе своихъ обязанностей и всего того, что̀ Ив. Вас. считалъ своимъ долгомъ и честью, исполненіе прямое, не знавшее лицепріятія и лести, создало ему

всеобщую любовь и уваженіе, какъ со стороны непосредственныхъ начальниковъ, такъ и во всемъ краѣ,—то оно же возбудило къ нему зависть и недоброжелательныя отношенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, именно тѣхъ лицъ, которыя ищутъ пробиться на службѣ вслѣдствіе своихъ близкихъ отношеній къ сильнымъ міра сего.

Кавказскій намѣстникъ князь М. С. Воронцовъ не могъ не обратить вниманія на дѣятельность молодаго, энергичнаго и разносторонне образованнаго директора Тифлисской гимназіи. Онъ оцѣнилъ его по достоинству и сталъ его понемногу приближать къ себѣ. Съ каждымъ мѣсяцемъ расположеніе и довѣріе князя М. С. Воронцова росли. Но это не могло не возбудить зависти въ нѣкоторыхъ лицахъ, близко стоявшихъ къ князю М. С. Воронцову. Эти лица предусматривали возможность того, что Ив. Вас. будетъ призванъ княземъ Воронцовымъ къ болѣе широкой дѣятельности; они въ немъ уже видѣли будущаго попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, мѣсто котораго находилось тогда еще только въ проектѣ. Къ тому же имъ не нравился этотъ прямой и твердый человѣкъ, никогда и ничего не уступавшій никому въ томъ, что̀ считалъ своимъ долгомъ, никому не кланявшійся и не льстившій, ни въ комъ не искавшій. Тогда пошли въ ходъ обычные пріемы обозлившейся бюрократіи: мелкія канцелярскія придирки, и дѣятельности Ив. Вас. стали ставить разныя формальныя и бумажныя препятствія. Ив. Вас. принялъ эту борьбу и энергично повелъ ее. Но эта энергія, проявленная имъ въ борьбѣ, еще болѣе обозлила противъ него недоброжелателей. Плодущее крапивное сѣмя только умножалось по мѣрѣ отпора. «Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“. Убѣдившись въ безуспѣшности борьбы, уставъ нравственно отъ нея, Росковшенко рѣшился покинуть Закавказскій край, не смотря на то, что не задолго предъ тѣмъ женился въ Тифлисѣ. Для этого онъ написалъ къ графу Уварову, прося о переводѣ изъ Тифлиса. Графъ Уваровъ, готовившій его въ своихъ предположеніяхъ, какъ будущаго попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, неохотно согласился исполнить его просьбу. Точно также и князь Воронцовъ съ сожалѣніемъ отпускалъ отъ себя полезнаго и хорошо изучившаго край чиновника.

Въ 1848 году Росковшенко переведенъ изъ Тифлиса въ Каменецъ-Подольскъ директоромъ тамошней гимназіи и училищъ въ губерніи. Въ то время это мѣсто было довольно щекотливымъ и труднымъ, такъ-какъ тотъ край лежитъ по сосѣдству съ Австріею, которая тогда была объята пламенемъ революціи. Венгрія находилась въ полномъ возстаніи, сосѣдняя Галиція волновалась. Эти смуты отражались и у насъ, въ Польшѣ и въ Юго-Западномъ краѣ. Незадолго до перевода Ив. Вас. въ Каменецъ-Подольскъ, изъ тамошней гимназіи бѣжали за границу восемнадцать воспитанниковъ высшихъ классовъ и стали въ ряды бунтовщиковъ. По вступленіи Ив. Вас. въ должность побѣги воспитанниковъ прекратились. Бывшій въ то время генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ оцѣнилъ по достоинству эту полную такта и твердости дѣятельность въ дѣлѣ успокоенія и приведенія въ поря-

докъ замутившейся было Каменецъ-Подольской гимназіи. Въ теченіе всего времени генералъ-губернаторства Д. Г. Бибикова Иванъ Васильевичъ пользовался его добрымъ расположеніемъ и довѣріемъ Эти отношенія между ними сохранились въ теченіе всей ихъ жизни.

Въ 1853 году Росковшенко былъ переведенъ въ г. Ровно, Волынской губерніи на туже должность директора гимназіи. Но здѣсь онъ оставался недолго. Въ 1855 г. онъ вышелъ въ отставку и временно поселился на жительство въ г. Полтавѣ. Въ отставкѣ Ив. Вас. пробылъ до 1859 г., когда былъ назначенъ цензоромъ въ Москву. Въ 1880 г. онъ окончательно вышелъ въ отставку и переѣхалъ жить въ деревню.

И. В. Росковшенко умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, имѣя ордена 1-й степени—св. Анны и св. Станислава, 3 степени—св. Владимира и знакъ отличія за 40-лѣтнюю безпорочную службу.

О дѣятельности его по цензурному вѣдомству достаточно будетъ упомянуть, что за все время существованія Русской цензуры не было для нея періода болѣе труднаго и щекотливаго. Дѣло цензуры въ то время сильно осложнилось. Печатное слово заголосило со всѣхъ сторонъ. Явились новыя вѣянія, новый цензурный уставъ, новыя требованія отъ цензуры. Эти требованія предъявлялись какъ со стороны правительства, такъ и со стороны литературы и общества. Но вслѣдствіе новости положенія и неустановившихся еще въ то время въ цензурной практикѣ твердыхъ основаній, къ тогдашней цензурѣ часто предъявлялись со всѣхъ сторонъ требованія неопредѣленныя, непосильныя. Часто тогдашнюю цензуру упрекали въ одно и тоже время то въ невозможной строгости, то въ слишкомъ снисходительномъ попустительствѣ. Положеніе каждаго отдѣльнаго цензора въ то время было крайне тяжелое и непрочное. Надъ нимъ постоянно висѣлъ Дамокловъ мечъ. Цензоръ не могъ быть ни на одну минуту спокоенъ и увѣренъ въ томъ, что каждая статья имъ пропущенная, хотя бы самая благонамѣренная и патріотическая съ общей точки Русскихъ интересовъ, не возбудитъ въ комъ-нибудь изъ высшихъ сферъ въ Петербургѣ неудовольствія. И часто такое неудовольствіе тяжело отзывалось на служебномъ положеніи цензора.

Рошковшенко и въ исполненіе своихъ цензорскихъ обязанностей внесъ тѣже качества своего характера, которыя проявилъ съ первыхъ шаговъ своего служебнаго поприща: серьезное и просвѣщенное отношеніе къ дѣлу, твердость и самостоятельность убѣжденій и взглядовъ, строгое исполненіе своего долга. Его цензурная дѣятельность, полная такта и умѣренности, была по достоинству оцѣнена высшими начальниками. Въ 1865 г., по оставленіи Н. П. Мансуровымъ должности предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета, предсѣдательство въ этомъ Комитетѣ было возложено на Ивана Васильевича. Находясь въ этой должности, Ив. Вас. получилъ цѣлый рядъ высшихъ служебныхъ наградъ.

Таково было скромное служебное поприще Росковшенки. Выше мы упоминали о томъ, какъ онъ относился къ исполненію своихъ обязанностей. Прибавимъ къ этому, что Ив. Вас. былъ всегда доступенъ всѣмъ и каждому, старался каждому оказать услугу и сдѣлать все возможное въ предѣлахъ своей власти. Онъ сознавалъ и доказывалъ на дѣлѣ, что занимаемая имъ должность и онъ самъ существуютъ для общества, а не наоборотъ.

Не смотря на большой трудъ и хлопоты, которые несъ Ив. Вас., какъ всякій цензоръ, онъ находилъ время, чтобы предаваться научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Въ послѣдній періодъ своей жизни онъ особенно интересовался изученіемъ Исторіи живописи на Западѣ, Исторіи своей родной Малороссіи. Его собраніе книгъ по Исторіи Малороссіи оставляетъ мало чего желать по своей полнотѣ. Кромѣ того, въ послѣдніе годы онъ вернулся къ изученію своего любимаго Шекспира и перевелъ съ Англійскаго языка его комедію *„Виндзорскія Проказницы“*. Этотъ переводъ находится въ бумагахъ покойнаго Ивана Васильевича и пока еще не напечатанъ.

До послѣдней минуты своей жизни Ив. Вас. сохранилъ удивительную свѣжесть и ясность ума и всю свою громадную память Казалось, время и дряхлость не имѣли никакого вліянія на этотъ сильный умъ. Не смотря на мучительныя страданія, Ив. Вас. продолжалъ горячо интересоваться всѣмъ совершавшимся въ области политики, литературы, наукъ, искусствъ и общественной жизни. Ничто человѣческое ему не было чуждо.

Иванъ Васильевичъ умеръ добрымъ христіаниномъ, преданнымъ слугою Царя и Отечества, честнымъ труженикомъ общества и отличнымъ семьяниномъ.

Миръ праху его!

Мѣстечко Большія Сорочинцы (Полтавской губ.)
30 Декабря 1889 года.

ИЗЪ БУМАГЪ Н. П. ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА *).

Письма къ одному изъ его читателей.

I.

....На этотъ разъ мое письмо ограничится, кажется, личными вопросами: 1) кто вы? и 2) какъ вы меня нашли? Предоставляя вамъ на нихъ отвѣтить, скажу о себѣ, что работа газетная мнѣ совсѣмъ не по душѣ; что втянутъ я былъ въ нее *обманомъ*; что цѣпь неотразимыхъ событій удержала меня на ней; что третьимъ годомъ было мною изготовлено объявленіе о прекращеніи изданія съ письмомъ къ подписчикамъ, въ которомъ я объяснялъ мое окончательное раззореніе, которому я подвергся вслѣдствіе разныхъ случайностей и совершеннаго отсутствія поддержки. Да, у меня было состояніе свыше двухсотъ тысячъ, и все пошло прахомъ: имущество распродано съ аукціона по 5 к. за рубль. Въ предвидѣніи такого оборота, я обратился къ министру финансовъ и просилъ, чтобы казна (банкъ) приняла отъ меня имущество недвижимое въ залогъ на сносныхъ условіяхъ и избавила меня отъ гнета страшныхъ процентовъ, которые я вынужденъ былъ платить по залогу въ частныхъ рукахъ. Рѣшительный отказъ, основанный на формальностяхъ, которыя для всякаго были бы обойдены. Примѣръ: у меня была подмосковная земля, на границѣ между чертой города и уѣздомъ. Въ продажѣ она цѣнится minimum два рубля *за сажень*, а банкъ принимаетъ ее какъ уѣздную *подесятинно*. Такимъ образомъ имѣніе съ домами, стоившее minimum 50,000, за которое частное лицо дало подъ залогъ 28.000, по правиламъ банка не могло быть принято въ эту сумму. Я просилъ спеціальной оцѣнки, которая *для другихъ* дѣлается. Для меня этого не найдено возможнымъ сдѣлать. Имѣніе пропало. И такимъ же порядкомъ все остальное.

Раззоренію подвергся я *главнымъ образомъ* отъ неожиданнаго разрѣшенія двухъ уличныхъ листковъ, которые, льстя грязнымъ вкусамъ публики, сразу отняли у меня свыше сорока тысячъ прихода; а на эту самую сумму я только-что купилъ машинъ въ типографію и бумажную

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1889, III, 421.

фабрику *въ кредитъ*. Другая косвенная причина была—милое обхожденіе цензурной власти. Трудно повѣрить, но въ самый *сѣнокосный* годъ для періодической печати, 1877 г., меня наказали тысячъ на тридцать двукратнымъ запрещеніемъ розничной продажи, между прочимъ за протестъ противъ передачи Добруджи и вообще за неумѣстное патріотическое направленіе.

Но не въ этомъ дѣло. Раззоренный до тла, приготовившись пошабашить, я обратился къ С., предлагая свои услуги. Онъ отвѣчалъ повидимому лестнымъ письмомъ, гласившимъ «вѣрить не хочу, чтобы рѣшились вы идти изъ поповъ во діаконы», но на этомъ лестномъ основаніи, въ сущности, отказывалъ и онъ мнѣ въ работѣ.

Приходило и мнѣ не разъ въ голову издавать *Дневникъ* въ родѣ Достоевскаго; но что возможно было Достоевскому, то недостижимо для меня. Вы увѣряете, что я въ накладѣ не остался бы; но я опытомъ убѣжденъ въ противномъ.

Таково положеніе, и ему я не вижу конца, а конецъ будетъ въ этомъ случаѣ печальный. Всѣ, кто меня видитъ, находятъ, что я двужильный, удивляются моей выносливости. Я самъ подчасъ удивляюсь. Повторяю: меня хвалятъ, удивляются *тузовымъ* статьямъ; но какое-то роковое недоразумѣніе стоитъ между мною и публикою, и не только публикою, но и ближайшими пріятелями.

Лентовскій издавалъ бы газету удачнѣе, говорите вы. Несомнѣнно: N N, бывшій цѣловальникомъ, ободранный за злоупотребленіе кабацкимъ промысломъ—въ три года милліонеръ. Но когда, сцѣпленіемъ, говорю, неотразимыхъ обстоятельствъ, я прикованъ къ тачкѣ, я долженъ ее везти и въ силу своего положенія вынужденъ большею частью говорить дискантомъ.

Въ немногіе свободные часы выдающихся иногда менѣе каторжныхъ дней, я удаляюсь еще къ двумъ своимъ большимъ трудамъ, о которыхъ я писалъ вамъ и которые не увидятъ вѣроятно свѣта. Оглавленіе моихъ статей въ Современныхъ Извѣстіяхъ составляется, и что вы скажете? Вотъ уже чуть ли не пятый разъ это начинается сызнова. А годы бѣгутъ, и работа едва ли успѣетъ опередить мою смерть. Тогда все пропало. А мнѣ хотѣлось бы по крайней мѣрѣ собрать принципіальныя статьи и нѣсколькими строками, какъ я писалъ вамъ, наполнить пробѣлы. Но вѣдь оглавленіе еще не кончено; а затѣмъ должна пойти классификація: эта вещь не легкая. Осмнадцать лѣтъ! Если положить, что $1/3$ нумеровъ заключаетъ мои статьи (на дѣлѣ вѣроятно болѣе), то вѣдь это выйдетъ 1800 статей. Махина не маленькая, чтобы разобраться, разложить по клѣточкамъ, а затѣмъ въ каждой выдѣлить а) общія статьи, и б) частныя, подчиненныя.

Вы подзывали на два фельетончика для поясненія моихъ основаній къ сужденіямъ о Болгарскомъ вопросѣ; но вы тотчасъ же прибавили «вообще о Восточномъ». А сужденія мои о Восточномъ вопросѣ всецѣло стоятъ въ связи съ воззрѣніями на міровой вопросъ, а понятіе о міровомъ вопросѣ связано съ понятіемъ объ индивидуальной особи и общественныхъ организмахъ въ разныхъ видахъ (общество, народъ, племя, вѣроисповѣдная община, государство и т. д.). А это (понятіе) основано на общихъ понятіяхъ объ органическомъ (физически-органическомъ и духовно-органическомъ); затѣмъ объ общихъ дѣятеляхъ, физическихъ и духовныхъ, географическихъ, историческихъ, этнографическихъ, вѣрѣ, обычаѣ, политическихъ учрежденіяхъ, языкѣ. Нужно выяснить различіе между личною вѣрою и вѣрою общественною и признанною формулою вѣры. То же относительно каждаго изъ дѣятелей, языка напримѣръ (который у всѣхъ людей во всемъ родѣ человѣческомъ одинъ, и у каждаго индивидуума особый въ тоже время); тоже замѣчается и въ бытѣ, и въ вѣрѣ. Наконецъ, пришлось бы объяснить ходъ исторіи вообще и смыслъ прогресса, а отсюда понятіе свободы и власти, духа и матеріи вообще, и Богъ знаетъ, какъ бы далеко это повело! Для газеты ежедневной, поймите, все это невозможно. *Дневникъ*, такими выспренностями наполненный, провалился бы. А крупныя періодическія изданія не примутъ. Другой *Руси* нѣтъ, гдѣ я еще написалъ нѣсколько о нигилизмѣ и расколѣ.

Что̀ касается васъ, то я до сихъ поръ не могу надивиться, какъ вы-то меня нашли. Съ которыхъ поръ вы меня читаете? Очевидно недавно; вѣроятно вы ребенкомъ были еще, когда въ моей газетѣ шелъ рядъ статей, по преимуществу принципіальныхъ, устанавливавшихъ мою точку зрѣнія. Это были первые три года. А установивъ разъ, я не люблю возвращаться и повторить: мнѣ это тошно. Въ этомъ я прямая противоположность Каткову, который одну и туже мысль сто разъ выворотитъ и на лице, и на изнанку. Я этого не могу; самое большее— я сошлюсь на прошлое или укажу новое примѣненіе нѣкогда сказаннаго. Въ послѣдніе годы я сталъ ослабѣвать и вѣроятно повторяться; объясняю, что годы берутъ свое.

Если хотите меня знать побольше, то, какъ писалъ я прошлый разъ, обращайтесь ко мнѣ съ частными вопросами: буду по мѣрѣ силъ удовлетворять.

Кто же вы и какъ меня нашли?

II.

Вы меня приводите въ отчаяніе своими письмами. Въ нихъ столько души, что совѣстно на нихъ не отвѣчать, а временемъ я не очень располагаю; отвѣчать же полусловами совѣстно.

На всѣ ваши призывы къ высшей дѣятельности отвѣчу: это миражъ, и примѣры, вами представленные, не идутъ. Сейчасъ объясню почему. Я одинъ въ мірѣ. Одиноко и своеобразно, келейнымъ образомъ совершилось мое воспитаніе. Отсюда я всѣмъ чужой, съ кѣмъ ни встрѣчался; никто со мною и я ни съ кѣмъ не сроднился; почва другая. Меня цѣнили Славянофилы; но, какъ я, кажется, вамъ писалъ, держались нѣсколько въ сторонѣ. Цѣнили Катковъ и Леонтьевъ, но уморительно!—въ числѣ условій моей работы (письменныхъ) поставлено было. чтобы я являлся въ редакцію *(Русскаго Вѣстника)* «высказывать (словесно) свои мысли по текущимъ вопросамъ». Это отъ того, что мнѣнія мои суть мои, міросозерцаніе, говоря высокимъ слогомъ, единичнымъ келейнымъ трудомъ выработано, ничьему другому не адекватно (фу, словно изъ *Московскихъ Вѣдомостей* словечко выкопалъ). И это какъ въ литературѣ, такъ и въ жизни. Ни одна служба не кончилась для меня безъ непріятностей, начиная съ академическаго курса, когда меня Филаретъ хотѣлъ лишить даже степени. Мои слушатели, затаивъ дыханіе, меня слушали; но когда я потребовалъ отъ одного изъ записывавшихъ меня слушателей записанное имъ, я пришелъ въ ужасъ: не понято, переврано; это была пародія на мои лекціи. Пародія эта потомъ воплотилась отчасти въ Щаповѣ, которому, какъ я полагаю, достался подобный экземпляръ, совершенно меня искажавшій! А Филарету насказали (Анѳимъ, бывшій потомъ экзархомъ Болгарскимъ), будто я проповѣдую, что религія христіанская устарѣла. Теперь-то я вижу, что я не головою, а цѣлымъ ростомъ былъ выше своихъ слушателей. Не у пріиде часъ. Записывать же свои лекціи я не записывалъ; я ихъ всегда импровизировалъ, чему помогала моя, тогда необыкновенная, память. Если вы читали въ *Руси* «Логику раскола», это есть сокращенная по памяти выдержка изъ моего ученія о вѣроисповѣданіяхъ, изъ его введенія.

Итакъ, я одинъ, остался одинъ и останусь. Извольте взять хоть себя. Вы меня сочли чистымъ Славянофиломъ, тогда какъ съ ними со всѣми я спорилъ горячо. Что же вы мнѣ ставите въ примѣръ Достоевскаго? Тотъ былъ плоть отъ плоти общества. Я знаю, меня читаютъ, потому что я не обдѣленъ художественнымъ даромъ и умѣю излагать

ясно. Но цѣлыя пучины недоразумѣній неотступно преслѣдуютъ меня, потому что я одинокъ, самородокъ, если хотите. Но не самородокъ: вся моя жизнь была и есть трудъ. Скромность моя отклонила предложеніе философскихъ каѳедръ въ трехъ университетахъ. Теперь я вижу, что я скроменъ былъ излишне; но вижу это теперь, когда на каѳедры влѣзли букашки.

Нѣтъ, я неудачникъ; вся жизнь моя неудача, именно отъ моего, совершенно одинокаго самовоспитанія, отъ той боязни подпасть авторитетамъ, которою я вооружился съ 17 лѣтняго возраста. Отсюда необъятное недоразумѣніе, котораго вы служите новою уликою. И отсюда сдѣлавшись (невольно) редакторомъ ежедневной газеты, я принуждаю себя часто говорить дискантомъ, потому что своимъ голосомъ говорить газетной публикѣ смѣшно. А выступить съ серіозными трудами, во первыхъ, поздно, дни на закатѣ, а во вторыхъ, все-таки я одинъ, и все-таки несомнѣнно недоразумѣніе.

И о чемъ же я буду писать?

Вотъ напримѣръ, пишете вы, что я сочувствую гомеопатіи. Невѣрно; это Хомяковъ и лѣчился, и лѣчилъ гомеопатіею и другой медицины не хотѣлъ знать. Но я столько же сочувствую гомеопатіи, сколько лѣченію животнымъ магнетизмомъ, сколько вѣрю спиритизму. Ничего этого не отвергаю (и даже изучалъ), но ни за что́ не держусь. И такъ о чемъ же бы я сталъ писать? Излагать курсъ философіи, исторіи, богословія, политической экономіи? Писать цѣлую энциклопедію? Да вѣдь не станетъ на это не только тѣхъ короткихъ лѣтъ, которыя мнѣ остались, но и долгой жизни. Въ этомъ и несчастіе моего самовоспитанія; все вышло оригинально, посвоему, во всемъ будетъ вѣчное недоразумѣніе съ читателемъ.

Знаете ли? Я задумывалъ издавать *энциклопедію*,—энциклопедію на манеръ знаменитой XVIII вѣка, для того чтобы перевѣрить всѣ науки съ *восточной*, если можно такъ высказаться, точки зрѣнія. Въ сущности всѣ науки, за исключеніемъ математики развѣ (да и то не совсѣмъ) переполнены предразсудками, заранѣе безъ основаній поставленными мнѣніями. И это въ наукахъ, даже самыхъ положительныхъ. Во́тъ и была моя мечта: при нѣкоторой универсальности моей взяться, въ качествѣ главнаго редактора, за переработку всѣхъ наукъ съ новой, voraussetzlosen точки зрѣнія. Газета дала мнѣ тогда возможность купить бумажную фабрику; Юрьевъ предлагалъ взять въ верховное вѣдѣніе его *Бесѣду* Я расчелъ, что буду обладать достаточнымъ фондомъ

чтобы набрать сотрудниковъ, раздать имъ работу и руководить ихъ изысканіями, свободными отъ всякаго давленія авторитетовъ.

Но мало ли было у меня мечтаній? Да, мнѣ уже на роду написано быть неудачникомъ. Предположенія разлетѣлись, какъ мыльный пузырь и я до тла разорился.

Нѣтъ, вы напрасно упрекаете меня въ *лѣни*. Мнѣ это даже больно. Всѣ покойные мои пріятели, начиная съ Погодина, даже ужасались моему трудолюбію. Но я неудачникъ во всемъ, не подъ ладъ къ средѣ, вслѣдствіе особенности мнѣній, обособившихся въ свою очередь вслѣдствіе воспитанія.

Вы спрашиваете о продолженіи *Экскурсій**). Да вѣдь это была почти шалость; это легкія замѣчанія, попутно сдѣланныя при моемъ капитальномъ филологическомъ трудѣ, который лежитъ въ рукописи.

Довольно. Знаете что? Я вамъ *запрещаю* писать длинныя письма. Въ вашемъ положеніи это вредно, а меня волнуетъ ужасно. Вы одинъ изъ двухъ вѣрующихъ въ меня, и я не могу, не долженъ смѣть не отвѣчать; а это почти выше силъ моихъ, при моей безконечной работѣ и при ежедневныхъ безконечныхъ непріятностяхъ. И что̀ вы говорите вздоръ: «не способенъ ни къ умственной, ни къ физической работѣ». Неспособенъ, а пишетъ такія длинныя письма! Пишите, прошу васъ; но короче, не волнуя ни себя, ни меня.

О политикѣ не скажу ни слова. Вы неисправимы въ своемъ мнѣніи о какой-то обязанности нашей быть пѣстунами Болгаръ. Да когда они не хотятъ! Задача наша исполнена,—отрицательная; ну, и кончено. Что это за обязанность непрошеной няньки? Вы говорите, что лучше бы ужъ не освобождать, чѣмъ давать глупую конституцію. Я согласенъ, да—утверждаю и большее: не слѣдовало сочинять и Болгарской націи и начинять головы ея интеллигенціи политическою блажью. Отсюда все-таки не слѣдуетъ ни обязанности, ни даже права быть нянькою. Одна обязанность: не давать другимъ вмѣшиваться, и бросать прямо перчатку Австріи; вотъ что̀ требуется.

III.

Не совсѣмъ ясно представляю побужденіе, руководившее васъ въ присылкѣ брошюры. Обратились вы къ способу Митчеля? не вижу. Пробовали гомеопатію? Гипнотизацію?

---

*) „Экскурсіи въ Русскую грамматику“, сочиненіе Н. П. Гилярова, рѣдкая книжечка. П. Б.

О гомеопатіи у меня была большая статья, въ видѣ фельетона, кажется, въ двухъ №№ въ 1876 г. Ее только одну и признавалъ Хомяковъ, какъ я писалъ вамъ вчера; также Даль Влад. Ив., докторъ по профессіи. Опыты излѣченія я видѣлъ почти чудесные. Меня интересовала научная сторона вопроса, какъ въ магнетизмѣ, спиритизмѣ, заговорахъ, чему всему я видѣлъ также опыты неимовѣрные.

Митчелевскій способъ химико-хирургическій, короче — матеріалистическій: чрезъ питаніе и гимнастику дойти до улучшенія центровъ органической жизни. Гомеопатія съ гипнотизаціей идетъ обратнымъ путемъ, дѣйствуя непосредственно на нервные центры, можетъ быть и на кровь. Здѣсь загадка, тайна, сущность которой рѣшить предоставлено-ли будущимъ поколѣніямъ? Неизвѣстно, потому что если гомеопатія есть пріемъ новый, то животный магнетизмъ и остальное въ этомъ родѣ практикуется тысячелѣтіями. «Это та самая чаша, на которой волхвуетъ мой господинъ». Вотъ еще когда это было, во времена Іосифа. Однимъ взглядомъ останавливаютъ кровотеченіе изъ разрубленной артеріи. Этому я знаю много примѣровъ, и между прочимъ одинъ переданный мнѣ И. В. Павловымъ (однимъ изъ умнѣйшихъ людей Россіи, глубокообразованнымъ, равныхъ которому и пяти не найдется въ Россіи). Это было въ клиникѣ, при профессорѣ Млодзіевскомъ.

Если вамъ уже легче, то повидимому дается указаніе продолжать режимъ. Къ гомеопатіи же можете тѣмъ не менѣе обратиться, даже не нуждаясь во врачѣ. Купите лѣчебникъ и смотрите. Гомеопатія не претендуетъ на изысканіе сущности: она пріемъ экспериментальный. Замѣчаются подробности пароксизмовъ до самыхъ мелочей и, на основаніи нѣсколькихъ миліоновъ случаевъ удачнаго лѣченія, рекомендуется средство, всегда само по себѣ безвредное. *Какъ* оно дѣйствуетъ, *почему*, это оставляется догадкѣ и объясняется разно. Но *теорія большихъ чиселъ* за этотъ способъ. Гомеопаты (главари) въ этомъ случаѣ добросовѣстны: они тщательно записываютъ всѣ мельчайшіе наружные признаки. Изъ миліона случаевъ 999.000 удачны;—довольно убѣдительно, хотя и мало понятно. Мнѣ кажется, если въ лѣчебникѣ гомеопатическомъ вы найдете случай *во всѣхъ подробностяхъ* подходящій къ вашему,—вы излѣчены. Гомеопатія тѣмъ хороша, что вреда отъ нея уже ни въ какомъ случаѣ; только она не мирится съ лѣкарствами обыкновенной аптеки, которыя, какъ она убѣдилась, мѣшаютъ дѣйствію гомеопатическихъ.

Другой способъ дѣйствовать изъ центровъ къ оконечностямъ,—гипнотизація (внушеніе), магнетизмъ, заговоръ. По моему малому раз-

умѣнію, это все одно и тоже, только подъ разными названіями. Я вѣрю, что бываетъ *порча*, потому что знаю несомнѣнные опыты обратнаго дѣйствія, производимаго словомъ и даже мыслію. Помнится, я даже касался этого въ *Пережитомъ* [1]). Въ Академіи на каѳедрѣ я касался этой области, и помню, цѣлый семестръ посвятилъ à des sciences occultes, какъ я ихъ назвалъ. Какъ это относилось къ прямому предмету моихъ чтеній? Да вотъ видите, нашелъ я, что очень относилось.

Изъ лекцій моихъ ничего не осталось, какъ писалъ я выше, потому что я ихъ не записывалъ; а кромѣ того у меня былъ пожаръ, истребившій почти всѣ мои бумаги. Неудачникъ, одно слово.

Вы приходите въ недоумѣніе: неужели таинствъ не *семь*?

Но позвольте, Хомяковъ насчитываетъ-ли ихъ *семь*? Со времени перевода [2]) я не заглянулъ ни разу въ Хомякова; но помню твердо, что во время устной бесѣды съ нимъ, я смѣялся, что онъ насчиталъ только шесть (развѣ послѣ прибавилъ?) Дѣло въ томъ, что Ѳедоръ Студитъ тоже насчитывалъ шесть, да притомъ страннымъ образомъ, причисливъ къ таинствамъ между прочимъ *монашество*!!! Дамаскинъ тоже не знаетъ нашихъ таинствъ въ теперешнемъ числѣ.

Что̀ значитъ idea fixa, предвзятое мнѣніе! Оно привело васъ къ подлогу: вы усмотрѣли *дыру* въ моемъ совѣтѣ невмѣшательства. Никакой дыры: невмѣшательство, такъ невмѣшательство; въ этомъ вся сущность, и борьба съ Австріею есть существенный элементъ этой мысли, непремѣнная ея изнанка, подразумѣваемая другая сторона, если бы я даже прямо не указывалъ; а вы ее игнорировали, заложили пальцемъ.

Болгары не очень похаживаютъ въ церковь и никогда къ ней не были усердны, за исключеніемъ очень древнихъ временъ (и Сербы тожъ). Да будетъ это вамъ извѣстно, равно какъ и то, что еще до освобожденія у Болгаръ было пропорціонально больше школъ, нежели у насъ, и всѣ онѣ—на *реалистическомъ* основаніи. Знали вы это? Вотъ и извольте ихъ перевоспитывать.

А знаете-ли вы, что идея церковно-приходскихъ школъ принадлежитъ мнѣ, что объ этомъ была мною подана записка (очень сильная)

---

[1]) Т. е. въ своихъ автобіографическихъ запискахъ, которыя тогда печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. П. Б.

[2]) Переводъ французскихъ богословскихъ статей Хомякову принадлежитъ Н. П Гилярову и Ю. Ѳ. Самарину. П. Б.

покойной Императрицѣ въ 1863 году, потомъ напечатанная въ *Твореніяхъ Св. Отцевъ*, перепечатанная затѣмъ немедленно въ *Современной Лѣтописи* и воспроизведенная недавно въ Синодскомъ ли изданіи или изданіи Рачинскаго? Объ авторѣ нигдѣ, разумѣется, не упомянуто; это ужъ такъ, порядокъ вещей требуетъ, и меня даже смѣшитъ, перестало огорчать. А поэтому позвольте усомниться, чтобы мой *Дневникъ*, на который вы подзываете, могъ имѣть успѣхъ внѣшній. Моя автобіографія не дурна? Даже очень, какъ всѣ хвалили, всѣ изданія на перерывъ. А вы думаете, много раскупятъ книгу, когда она выйдетъ? Какъ вы полагаете? А вотъ какъ. Я объявилъ заранѣе подписку, съ тѣмъ именно, чтобы попытать. Несчастный, не смотря на предостереженія жизни, надѣялся, что ну, хоть треть моихъ подписчиковъ захотятъ меня читать и воспользоваться льготными условіями! А вѣдь подписалось-то, съ вами включительно, всего двадцать человѣкъ; да и того нѣтъ. Уразумѣвайте!

Вы недоумѣваете, что не касаюсь въ газетѣ церковно - богословскихъ вопросовъ. Но главное предубѣжденіе противъ меня публики, что я будто *клерикаленъ*. Совершенная чушь, а подите, толкуйте! Съ крошечнымъ перевѣсомъ или усиленіемъ религіозно-нравственныхъ матерій читать совсѣмъ перестанутъ. Это опять дознано опытомъ.

Язычнаго чутья у васъ нѣтъ. Не огорчайтесь: тотъ же недостатокъ былъ у Самарина, величайшаго ума, и у Чижова. Они махали рукой и уходили, когда вдвоемъ съ Хомяковымъ пускались мы въ лингвистику.

Вы за намѣренно - *красивое* въ политикѣ. Я рѣшительный противникъ. Французъ изъ-за красиваго пойдетъ на большія дѣла. Это правда. Но это зависитъ отъ его внутренней пустоты и чрезвычайной мелкодонности. Я, пожалуй, готовъ уступить Скобелеву, который гнался тоже за красивымъ, готовъ уступить, что нужно было подѣйствовать главнымъ образомъ на Азіатовъ. Такъ-то оно такъ; но когда подумаешь, что взять Геокъ-Тепе можно было перенятіемъ верховьевъ источника, почти не проливая крови; и когда слушаешь объясненія: «да вѣдь Георгіевскихъ крестовъ тогда бы не получили», становится сумнительно, дѣйствительно ли нужна была рѣзня нѣсколькихъ тысячъ съ красивою картиною штурма?

Довольно. Пишите, но короче.

ИЗЪ РУКОПИСНАГО СТИХОТВОРНАГО СБОРНИКА

К. С. Аксаковъ.

Я не знаю, найду ли иль нѣтъ
Я подругу въ житейской тревогѣ,
Совершу ли священный обѣтъ,
И пойду ли вдвоемъ по дорогѣ.

*

Но подруга является мнѣ
Не въ Нѣмецкомъ нарядномъ уборѣ,
Не при бальномъ потѣшномъ огнѣ,
Не съ безумнымъ весельемъ во взорѣ,

*

Не въ движеньяхъ иль глупо-пустыхъ,
Иль безстыдныхъ и вѣтренныхъ танцевъ,
Не въ толпѣ шаркуновъ молодыхъ,
И своихъ, и чужихъ иностранцевъ,

*

Не подъ звуки музыки чужой,
Помогающей свѣта злорѣчью,
И съ искусственной бальной душой,
И съ чужой, иноземною рѣчью.

*

Нѣтъ, подруга является мнѣ
Вдалекѣ отъ златаго кумира,
Въ благодатной святой тишинѣ,
Въ свѣтлой жизни семейнаго міра.

*

Предстоитъ она въ полной красѣ,
Обрѣтенная сердцемъ заранѣ,
Съ яркой лентою въ темной косѣ,
Въ величавомъ родномъ сарафанѣ.

*

Съ Русскою пѣснію въ алыхъ устахъ,
Непонятной ушамъ иновѣрца,
Съ Русскою думою въ ясныхъ очахъ,
И съ любовію Русскаго сердца,

*

Красной дѣвицей, съ жизнью родной,
И съ семьею, и съ вѣрою дружной,
Съ молодою дѣвичьей красой
И съ дѣвичьей душою жемчужной.

Е. А. Баратынскій.

Объ одномъ литературномъ кружкѣ.

Братайтеся! Къ взаимной оборонѣ
Ничтожностей своихъ вы рождены:
Но здравый смыслъ не братъ у васъ въ притонѣ,
Бездарные писцы-хлопотуны.

*

На оборотъ союзнымъ во благое
Реченнаго, любезные друзья,
„Аминь, аминь“, сказалъ Онъ вамъ: гдѣ двое
Вы будете, не буду съ вами *Я*.

Князь П. А. Вяземскій.

Въ одну изъ поѣздокъ своихъ въ Ревель, князь П. А. Вяземскій былъ укушенъ собакой. П. Б.

Бывало я бывалъ не прочь отъ всякой драки
И про себя слыхалъ, что я собаку съѣлъ;
Теперь совсѣмъ не то—меня грызутъ собаки!
И это отъ того, съ прискорбіемъ скажу,
Что ужъ не пѣтухомъ, а мокрой курицей гляжу.

Ревель. 1833 г.

Графъ П. Х. Граббе.

Съ подлинника, написано въ послѣдніе годы жизни. П. Б.

И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ —
Кто былъ Суворовъ!

И. Нагибинъ.

Сфинксы надъ Невой.

При лунномъ мерцаньѣ, полночной порой,
Разъ сфинксы очнулись надъ спящей Невой.
Очнулись, прозрѣли гранитныя очи,
Забилося сердце, отверзлись уста;
И видятъ, и чуютъ подъ сумракомъ ночи:
Предъ ними завѣса временъ поднята!

Вотъ первый проснулся, за нимъ и другой
Покинулъ свой каменный сонъ вѣковой.
И молвилъ: Товарищъ! То берегъ ли Нила?
Не вижу высокихъ его пирамидъ,
Въ волнахъ не мелькнетъ голова крокодила!

Лишь судно безъ паруса рѣетъ по нимъ,
Столбомъ разстилая по воздуху дымъ,
И вѣетъ не зноемъ родимой пустыни.
На небѣ намъ чуждыя звѣзды горятъ.
Рѣку охватила цѣпь зданій-громадъ;
Кругомъ насъ клубится серебряный иней!

Кто дивною силой, какой чародѣй
Въ странѣ сей суровой свелъ сонмы людей?

*

—То онъ! Въ отвѣтъ ему другой.
Смотри, какъ буря за рѣкой
Предъ нами мчится всадникъ мѣдный.
Чело вѣнчаетъ лавръ побѣдный!

Державно руку онъ простеръ,
Въ вѣкахъ провидитъ вѣщій взоръ
Онъ двинулъ рокъ земли родныя,
Преграды рушивъ вѣковыя.
Онъ полночь свѣтомъ озарилъ,
Разжегъ въ ней огнь дремавшихъ силъ;
И мы, щадимые вѣками,
Занесены сюда судьбами,
Какъ отъ минувшаго привѣтъ
Великому позднѣйшихъ лѣтъ.

Неизвѣстнаго.

Про И. С. Тургенева.

Талантъ свой онъ зарылъ въ „Дворянское Гнѣздо“.
Съ тѣхъ поръ бездарности на немъ оттѣнокъ жалкій,
И падшій сей талантъ томится приживалкой
У спадшей съ голоса пѣвицы Віардо.

Княгиня Гагарина.

23-го Іюля. Княгиня Прасковья Юрьевна, нынѣ за вторымъ мужемъ Кологривая, урожденная княжна Трубецкая. Я съ ней знакомъ былъ во время ея вдовства и довольно коротко. Она женщина съ молоду взбалмошная и на всякую проказу готовая. Во время тѣсной связи ея съ Карамзинымъ, я не урѣжалъ къ ней моими посѣщеніями. Всѣхъ рѣзвостей изчислить невозможно, какія она выдумывала для пріятнаго провожденія времени и на дачѣ, то есть за городомъ, и въ городскомъ ея домѣ. Я съ ней часто игрывалъ на театрѣ, на которомъ она затѣвала разныя зрѣлища, единственно для того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, и изъ одного чванства; впрочемъ, въ этомъ искусствѣ она худо успѣвала. Я никогда не забуду оперы: „Serva Padrona", которую мы съ ней самъ-другъ розыграли на театрѣ Шаховскаго подъ Донскимъ. Хуже этого позорища едва ли кто видалъ что-нибудь на сценѣ. Княгиня не умѣла ни пѣть, ни играть; театръ помѣстить могъ до 150 человѣкъ, а мы съ ней роздали 300 билетовъ; разумѣется, что была страшная давка, шумъ, крикъ и всякое неустройство. Ее все это забавляло чрезвычайно. Знаменитый Карамзинъ преклонялъ предъ ней колѣна и отражалъ на нее сіяніе своей славы. Изъ всѣхъ вечеринокъ, которыя я проводилъ въ ея обществѣ, памятнѣе для меня прочихъ та комическая круговенька, въ которую мы, вѣрные ея поклонники, человѣкъ до шести, съѣхавшись, оплакивали самоубійство одного молодого сотоварища нашего, Шпренгпортена, который застрѣлился; мы призывали духъ его съ неба, мистическія дѣлали воззванія къ царству мертвыхъ, весь воздухъ около себя очаровывали; словомъ, изъ доброй воли пришли всѣ въ такой ужасъ, у камина сидя, что я, доѣхавши домой, вытерпѣлъ страшную безсонницу, и донынѣ для меня незабвенную. Прошла ея и моя молодость, вся наша компанія разбрелась по сторонамъ, и теперь я уже съ этой дамой вовсе незнакомъ. Одни дурачества юности дѣлали ее заманчивой: исчезли шалости, кончились и отношенія. Стихи мои подъ названіемъ „Парашѣ", обращены были на

ея лицо и, напечатаны будучи въ моихъ книгахъ, суть памятникъ моего съ ней знакомства и пріятнаго провожденія времени въ ея кругу.

Гареннъ.

27-го Іюня. Французъ, очень замысловатый, котораго дядя мой родной, баронъ Строгановъ, снабдилъ письмомъ ко мнѣ въ Москву и поручилъ стараться о его помѣщеніи. Я былъ тогда офицеръ гвардіи, молодъ, рѣзовъ и въ отпуску въ Москвѣ. La Garenne у меня, такъ сказать, поселился. Сперва онъ искалъ учительскаго мѣста, потомъ сталъ исправлять должность врача; наскучило и это, сдѣлался музыкантомъ, училъ меня играть на гитарѣ и ничему не выучилъ, довершилъ живописью и, снимая мой портретъ, никогда мнѣ его не показалъ, потому что онъ въ этомъ искусствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, не зналъ аза въ глаза. Шарлатанъ, какихъ я мало встрѣчалъ; но рекомендація дяди заставила меня о немъ хлопотать. Онъ принялся къ кому-то въ деревню, и съ той поры ужъ не было объ немъ ни слуху, ни духу. Счастливой край Россія! Гдѣ, кромѣ ея, такой пустой человѣкъ найдетъ пристанище и хлѣбъ насущный? Они же послѣ насъ бранятъ и приходили разорить Москву, а мы все таки ихъ честимъ и, безъ разбора ихъ достоинствъ, рады себѣ всякаго иноземца, особливо Француза, на шею повѣсить.

Гартфельдъ.

5-го Декабря. Фрейлина принцессы Виртембергской, родной невѣстки императрицы Маріи Өеодоровны. Имя ея мнѣ напоминаетъ забавной отвѣтъ, которой я далъ ея высочеству на спросъ довольно яркой: „съ какого умыслу я ссудилъ ея фрейлину для чтенія романомъ „Элоизы“.—Для того, сказалъ я очень спокойно, что въ тѣ лѣта, коихъ достигла ваша фрейлина, можно безъ опасенія читать всякую книгу. Принцесса очень косо на меня поглядѣла, и тѣмъ кончилось. Подлинно, г-жа Гартфельдъ была Нѣмочка непригожая и въ лѣтахъ. Послѣ, по нѣкоторымъ догадкамъ, замѣтилъ я, что принцессѣ хотѣлось навязать мнѣ ее на шею: ибо во время

вечеровыхъ игрушекъ у двора въ жмурки, какъ доходила до меня очередь ловить съ завязанными глазами, я ищу Смирной, а мнѣ попадается Гартфельдъ, потому что принцесса изволитъ ее подталкивать въ мои объятія; однако я отъ этой напасти ускользнулъ, не подавъ никакого повода къ явному на себя приступу, и съ тѣхъ поръ этой барышни нигдѣ не видалъ.

Графиня Гендрикова.

9-го Декабря. Графиня Софья Ивановна, предметъ нѣкогда моихъ пустыхъ вздоховъ: я за нею волочился при первомъ моемъ появленіи въ свѣтъ, будучи въ штатѣ тогда главнокомандующаго въ Москвѣ простымъ напольнымъ офицеромъ и лѣтъ 16-ти. На балахъ въ его домѣ я безпрестанно увивался около графини Гендриковой, которой тогда было лѣтъ 20 слишкомъ; я ей разныя оказывалъ домашнія услуги: попроситъ пить, я ей добьюсь лимонаду, вмѣсто морсу или меду (тогда народъ былъ не прихотливъ); захочетъ танцовать, и молодцы гвардейскіе не поднимаютъ, я тотчасъ тутъ, и съ нею променадъ пляшу, сижу на балѣ, пока мать ея старушка соберется ѣхать, спрыгну тогда на улицу, отыщу ихъ людей, велю подавать карету, сведу ее съ лѣстницы, посажу въ колымагу и съ жаромъ поцалую у нея руку. Вотъ мои съ этой графиней похожденія. Они не приносили ей убытку, ни мнѣ пользы, но пріятны были въ то время и до нынѣшняго съ удовольствіемъ на мысль приходятъ.

Герберъ.

5 Апрѣля. Отдавши въ сіе число дочь мою замужъ, я воображаю, вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ, которое она провела въ собственномъ моемъ домѣ, иноземку, бывшую при ней случайно и очень недолго.

Madame Guerber, Француженка, лѣтъ сорока, жившая долгое время въ разныхъ дворянскихъ домахъ въ званіи надзирательницы надъ дѣтьми ея пола, между прочими она была и въ домѣ Лопухина въ то время, какъ Павелъ І-й ѣзжалъ тайкомъ амуриться съ его старшей дочерью, Анной Петров-

ной; слѣдовательно, madame Guerber, насмотрѣвшись такихъ романовъ, не могла быть полезна тамъ, гдѣ ихъ убѣгали. Однако, пріятная ея наружность, ловкая поступь, хорошіе навыки большаго свѣта, пріобрѣли ей выгодную рекомендацію отъ людей мнѣ хорошо извѣстныхъ, и я, не зная ея похожденій, принялъ ее къ себѣ въ домъ, въ Володимерѣ, въ первыхъ годахъ моего супружества со второю женой. Меньшія мои двѣ дочери попали на ея руки.

По счастію, она недолго жила у насъ и скоро обнаружила свои свойства. Пасынки мои и сыновья приходили уже въ возрастъ. Мадамъ расположилась ихъ плѣнить по очереди: сперва влюбила въ себя старшаго моего пасынка, потомъ сына Александра. Молодые люди начали ссориться, ревновать другъ къ другу; мы замѣтили ихъ разстройку, я сталъ приглядывать поближе, и, перехвативъ записки мадамы, увидѣлъ изъ нихъ ясно, что она слюбилась съ моимъ сыномъ. Не было еще году, какъ она жила въ нашемъ домѣ. Я тотчасъ ее отпустилъ и нигдѣ послѣ того съ ней не встрѣчался. Скоро открылись ея затѣи, и она не успѣла быть вредна моимъ дочерямъ, которыхъ охраняли отъ зла Богъ сиротъ, отецъ и юность ихъ возраста. Но сколько раздоровъ и несогласій мы могли возродить въ нашемъ семействѣ отъ интригъ и коварствъ столь нечестивой женщины! Какъ часто бѣдные родители въ Россіи могутъ попадать въ ошибки такого рода и горькими слезами оплакивать позднія ихъ послѣдствія!

Глѣбовъ.

30 Октября. Ѳедоръ Ивановичъ, старой и почтенной генералъ Екатеринина войска. Онъ изстари былъ знакóмъ съ нашимъ домомъ, и я, проживая въ Петербургѣ по службѣ. часто у него бывалъ. Жена его, дочь и онъ самъ обходились со мной очень хорошо, и я всегда ласково былъ у нихъ принятъ. Дядя мой родной, баронъ Строгановъ, былъ съ нимъ очень друженъ, и ему разсудилось сватать меня на его дочери. Она была недурна собой, хорошо воспитана и съ состоянiемъ, но мнѣ не нравилась: я что-то находилъ злое въ чертахъ лица ея и удалился отъ сего выгоднаго для меня со-

юза: но симъ не прекратилось наше знакомство, и я донынѣ посѣщаю вдову, генеральшу Глѣбову. По смерти мужа ея и достойнаго нашего полководца, я сочинилъ стишки на его кончину, кои напечатаны, вмѣстѣ съ надгробными стихами, написанными мной, по убѣжденію Елисаветы Петровны: они и высѣчены на памятникѣ его въ Донскомъ. Рядомъ съ отцомъ схороненъ и сынъ ихъ, дослужившійся генеральскаго чина. Мать опять просила у меня стиховъ на гробъ его. Я ихъ сложилъ. Они напечатаны въ моихъ книгахъ и вырѣзаны на камнѣ. Сколько случаевъ, приводящихъ мнѣ на память сіе почтенное семейство!

Княгиня П. А. Голицына.

22-го Іюня. Княгиня Прасковья Андреевна, дочь знаменитаго графа Шувалова, выданная за богатаго князя Голицына, брата роднаго того, о которомъ было уже писано. Она была дама отличнаго воспитанія, учена, умна, любезна. Я былъ вхожъ въ домъ ея родителей и зналъ ее съ самаго юнаго возраста; мнѣ пріятно и теперь вспомнить ту услугу, которую я имѣлъ случай ей оказать, будучи вице-губернаторомъ въ Пензѣ: она тамъ имѣла большое имѣніе. Пріѣхавши туда на короткое время для хозяйства, она останавливалась въ городѣ, въ моемъ домѣ, и мы очень пріятно раздѣлили съ нею нѣсколько осеннихъ вечеровъ. Имъ понадобилось денегъ до пяти тысячъ. Не будучи никому въ той сторонѣ знакомы, съ трудомъ могли они занять; иначе имъ не вѣрили въ такой суммѣ, какъ съ моимъ поручительствомъ, въ которомъ я и не отказалъ. Они возвратились въ Питеръ и тотчасъ деньги прислали; но, не удовлетворясь симъ, княгиня, доколѣ я тамъ жилъ, сохранила съ нами самое пріятное обращеніе, часто къ намъ писала, принимала участіе въ нашихъ обстоятельствахъ и не чуждалась меня ни въ какомъ положеніи. Вотъ прекрасныя черты характера, которыя воспоминанія о ней и знакомствѣ нашемъ всегда сдѣлаютъ мнѣ пріятными.

Князь Б. А. Голицынъ.

9-го Сентября. Князь Борисъ Андреевичъ, генералъ-поручикъ, богатой человѣкъ, владѣющій значительнымъ имѣніемъ въ Володимирской губерніи. Будучи начальникомъ оной, я имѣлъ случай оказывать князю разныя услуги, которыя были мнѣ заплачены непохвальной со стороны его холодностью. Во время общихъ Россійскихъ ополченій противъ Наполеона, Владимирская губернія, наровнѣ съ прочими, обязана была избрать своему войску губернскаго начальника; выбирать его должно было по баламъ. Я, силою довѣренности, которую ко мнѣ лучшіе дворяне имѣли, наклонилъ выборъ въ пользу князя Голицына и былъ конечно орудіемъ его избранія. Званіе сіе льстило его самолюбію; но онъ скоро забылъ, что былъ онымъ обязанъ мнѣ, и когда я вышелъ въ отставку съ явнымъ негодованіемъ Государя, князь Голицынъ оказалъ мнѣ самые равнодушные поступки и обходился со мной, какъ съ человѣкомъ едва ему знакомымъ. Естьли мнѣ пріятно въ этомъ собраніи имянъ человѣческихъ упоминать о тѣхъ людяхъ, кои получили право на всегдашнюю мою объ нихъ память, за чѣмъ же я умолчу и о тѣхъ, кои столь же постоянной холодностью ничего отъ меня не заслужили?

Князь Н. А. Голицынъ.

27-го Марта. Князь Николай Алексѣевичъ, камергеръ при дворѣ, богатой, умной и любезной человѣкъ. Онъ очень нравился меньшому двору. Тамъ я сошелся съ нимъ знакомствомъ, ибо и онъ принадлежалъ къ нашей благородной труппѣ. Мы нѣсколько разъ вмѣстѣ съ нимъ играли во всѣхъ увеселительныхъ домахъ Наслѣдника. Какъ театромъ началось наше знакомство, такъ имъ оно и кончилось: разставшись по разнымъ сторонамъ, мы болѣе уже почти не видались нигдѣ. Отношенія мои къ этому человѣку памятны мнѣ наипаче потому, не смотря на слабое, впрочемъ, ихъ основаніе, что онъ сильно былъ влюбленъ въ дѣвицу Смирную,

на которой я женился, и страсть его къ ней дошла до такой степени, что, не смотря на собственной свой брачной союзъ и на готовящійся мой, онъ искалъ всячески разбить мою свадьбу, обольстить мою невѣсту и завести съ ней интригу, чего ему не удалось; ибо Евгенія была слишкомъ чистыхъ правилъ и, отплатя ему всѣ его приступы презрѣніемъ, запретила ему всякое съ собою обращеніе. И такъ мы съ нимъ уже нигдѣ и никогда почти не встрѣчались.

Князь С. М. Голицынъ.

1-го Марта. Князь Сергій Михайловичъ, внучатной братъ мой. Матери наши обѣ Строганова роду. Говоря о семъ достойномъ человѣкѣ, я собираю въ одну точку памяти все его семейство, старушку-мать, отца, сестеръ и брата; ибо кто изъ нихъ не полагалъ себѣ въ обязанность добро творить ближнему? Въ особенности же долженъ сказать, что никто не имѣетъ столько права на званіе нашего благодѣтеля, какъ всякое лицо ихъ семейства, наипаче же князь, о которомъ говорится, и мать его. О, да не коснется лучъ солнца вѣждъ моихъ, естьли я когда-либо забуду благотворенія сего дома! Мать моя, въ недужной старости своей, испытывала ихъ каждодневно, и послѣ ея всѣ мы стали предметомъ ихъ искренняго расположенія. Отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ я помню себя домашнимъ между ими. Не исчисляя въ подробности тѣхъ обычныхъ доказательствъ благопріязни, которыя мы, при всякомъ горестномъ или пріятномъ событіи нашего дома, отъ нихъ собирали и которыя также становятся очень рѣдки, упомянемъ, дабы оправдать имя благодѣтеля, которое я даю въ лицѣ князя Сергія Михайловича его семейству, нѣкоторыя отличныя черты его къ намъ доброхотства. Покойная княгиня, мать ихъ, дѣлая по временамъ частныя вспоможенія матери моей, старалась всячески смягчить денежные ея недостатки: при затруднительномъ случаѣ она ей дала взаймы 8.000 рубл., въ которыхъ, по кончинѣ ея, никакого документа не оказалось. Княгиня разодрала вексель матери моей еще при жизни своей. Князь Сергій Михайловичъ, слѣдуя примѣру добродѣтельной родительницы,

когда скончалась моя въ подмосковной деревнишкѣ, ссудилъ меня на похороны ея 2.000 рубл., коихъ никогда обратно не потребовалъ. Во время болѣзни матушкиной посѣщалъ ее, насылалъ ей искусныхъ врачей въ деревню, безъ мзды и отягощенія; одинъ изъ всего нашего родства былъ при погребеніи ея тѣла, потомъ назначилъ сестрѣ моей ежегодной пенсіонъ, исправно выплачиваемый; дѣтямъ моимъ въ Петербургѣ помогалъ неоднократно деньгами и ходатайствовалъ объ нихъ; словомъ, во всякомъ случаѣ семейномъ, который обращалъ насъ къ нему, оказывалъ себя надежнѣйшимъ прибѣжищемъ и подпорою. Много ли родныхъ уподобятся сему семейству? Какъ умолчать о такихъ истинно-высокихъ и христіянскихъ добродѣтеляхъ? Нѣтъ! Доколѣ живъ я и кто либо изъ рожденныхъ мною, дотолѣ имя сего Голицына прославится въ устахъ моихъ и не изгладится изъ памяти. Сегодня же особенно обязанъ я помыслить о немъ, вспоминая послѣдовавшую въ сіе число кончину матери моей.

Графиня Е. С. Головина.

29-го Мая. Графиня Елисавета Сергѣевна, вышедшая за мужъ за князя Шаховскаго; она была мнѣ нѣсколько своя. По близкому родству ея съ графомъ Пушкинымъ, она жила до замужества въ его домѣ въ Петербургѣ. Я въ него былъ вхожъ и коротокъ, слѣдовательно, почти каждой день былъ съ нею въ обращеніи. Она была умна, скромна и хорошо воспитана. Въ молодость свою славилась танцовальнымъ искусствомъ, въ которомъ превосходила всѣхъ своихъ сверстницъ, и, при лицѣ самомъ непригожемъ, имѣла много привлекательнаго во взорѣ, ухваткахъ, во всей наружной поступи своей. Она мнѣ очень нравилась. Я былъ готовъ въ нее влюбиться, но примѣтя, что успѣху не получу, удерживалъ свою склонность и разсѣевалъ ее частыми волокитствами. Мы съ ней игрывали комедіи въ домѣ Пушкина. Однажды, въ лѣтнемъ катаньи, мнѣ довелось быть ея кавалеромъ въ колясочкѣ; надобно было править лошадьми самому; я былъ этого дѣла не мастеръ, навезъ фаетонъ на кочку и чуть-чуть не опро-

кинулъ своей дамы и, вмѣстѣ съ ней, не убился до смерти. Этотъ смѣшной случай донынѣ мнѣ памятенъ, и хотя я 30 слишкомъ лѣтъ не бывалъ въ Катерингофѣ, куда мы тогда ѣздили, однако, естьли бы теперь попалъ, то вѣрно бы узналъ то урочище, на которомъ я, какъ всадникъ, покрылся стыдомъ въ глазахъ прелестной своей Дулцинеи.

Графъ Ю. А. Головкинъ.

19-го Октября. Графъ Юрій Александровичъ, Китайской посолъ и значительной чиновникъ въ государствѣ. Онъ въ біографіи моей долженъ найти особенное мѣсто по тѣмъ пріятнымъ отношеніямъ, въ которыхъ я съ нимъ нѣкогда находился. Въ молодости нашей, служа въ полкахъ гвардіи, мы были знакомы, но не коротко; потомъ, происходя придворными чинами, онъ скоро достигъ важныхъ дипломатическихъ званій. Когда я былъ губернаторомъ въ Владимирѣ, онъ наряженъ посломъ въ Китай, и поручено ему было сдѣлать ревизію всѣмъ по пути лежащимъ губерніямъ, въ томъ числѣ и моей. Въ это время онъ оказалъ мнѣ свое благорасположеніе, и я остался ему за оное обязанъ незабвенною благодарностію. Онъ жилъ въ городѣ съ недѣлю, занимаясь прилежно дѣлами губерніи, былъ лично во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, подвергая каждое строгому, но благоразумному испытанію. По его рапорту о губерніи и представленію лично обо мнѣ, я былъ удостоенъ весьма лестнаго рескрипта съ пожалованіемъ мнѣ столовыхъ экстраординарныхъ денегъ по 200 рубл. въ мѣсяцъ, что́ было еще не очень обыкновенно въ то время. Сей рескриптъ присланъ былъ мнѣ отъ графа Кочубея, министра, и подписанъ Государемъ за границей въ Моравіи. По представительству графа Головкина, всѣ мои представленія имѣли надлежащій успѣхъ, и даже мнѣ удалось перемѣнить вице-губернатора, которымъ я былъ очень недоволенъ. На возвратномъ пути изъ Китая, графъ опять остановился проѣздомъ въ Владимирѣ, и хотя по смутнымъ временамъ тогдашнимъ очень спѣшилъ съ отчетомъ ко двору, однако посѣтилъ меня въ моемъ домѣ и оказалъ мнѣ всякое доброхотство. Такія услуги тѣмъ памятнѣе быть

должны, что не всякой большой баринъ готовъ ихъ оказывать, особенно людямъ, подверженнымъ его оцѣнкѣ. Въ первое пребываніе графа у насъ, я былъ уже вдовъ, но, единственно изъ уваженія къ нему, далъ маленькой у себя праздникъ, и дочь моя старшая играла Французскую піесу на нашемъ домашнемъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Нѣтъ ничего пріятнѣе подъ старость, какъ воспоминаніе тѣхъ случаевъ жизни, въ которые мы испытали хорошіе поступки отъ лицъ связанныхъ съ нами по отношеніямъ службы или пріязни.

Горичъ.

2-го Февраля. Славной партизанъ и наѣздникъ казакъ-генералъ. Онъ убитъ на Очаковскомъ штурмѣ, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ. На кончину сего послѣдняго сочинены были стихи, а о Горичѣ никто и не вспомнилъ, ибо немногіе знали его лично. Однажды какъ-то, разговорясь съ домашними, скоро послѣ извѣстія о сей побѣдѣ, выведено заключеніе, что богатому и умереть выгоднѣе нищаго, потому что хотя оба сіи витязи съ равнымъ геройствомъ пали за Отечество, но одинъ изъ нихъ воспѣтъ публично, изъ уваженія къ титлу и достатку его, а Горичъ, бѣдной и незнатной казакъ, извѣстенъ сталъ по одной реляціи, которую не всѣ прочтутъ. Этотъ разговоръ на меня подѣйствовалъ. Я вздумалъ на смерть Горича сложить стишки. Написалъ ихъ и дерзнулъ отдать въ печать. Я воспользовался нѣкоторыми о немъ свѣдѣніями, почерпнутыми въ свиданіяхъ съ нимъ нѣкогда у графа Строганова, гдѣ онъ на дачѣ маневрировалъ показачьи на борзомъ конѣ своемъ. Онъ былъ мужикъ простой, доброй и безъ всякихъ затѣй; сабля его составляла всю его доблесть, просвѣщеніе и славу. Стихи тогдашніе были первой плодъ трудовъ моихъ литературныхъ, и я, дабы сохранить память возраста моего въ ту эпоху, ничего въ нихъ не перемѣнилъ ни во второмъ, ни въ третьемъ изданіи моихъ сочиненій.

Князь А. И. Горчаковъ.

30-го Августа. День имянинъ сына моего, князя Александра, обязаннаго избавленіемъ своимъ отъ тяжкой участи тому лицу, которое по сей причинѣ въ настоящій день привожу себѣ на память.

Князь Алексѣй Ивановичъ, военный министръ и зять князя Юрія Владимировича Долгорукаго. Благодѣяніе, оказанное сыну моему Александру, заслуживаетъ незабвенную и безпредѣльную благодарность. Когда сынъ мой, надѣлавши всякихъ шалостей въ ополченіи, былъ безъ службы и состоянія, князь Горчаковъ призрѣлъ его, опредѣлилъ съ выгодами въ полкъ и отправилъ къ оному на казенный коштъ. Сынъ мой, будучи до крайности вѣтренъ, надѣлалъ новыхъ проказъ такого рода, что подвергался суду и всѣмъ его ужаснымъ послѣдствіямъ. Князь Горчаковъ и тогда возобновилъ свое покровительство, скрылъ его проказы, выходилъ ему благородную отставку и, такъ сказать, вытащилъ его изъ бѣдственнѣйшей пропасти. Пусть все сіе сдѣлано изъ уваженія къ князю Долгорукому, который все семейство мое протежировалъ, и зять угождалъ тестю; но меньше ли я отъ того, какъ отецъ, обязанъ почитать князя Горчакова благодѣтелемъ моего сына, слѣдовательно и моимъ? Относя все сіе наиболѣе къ князю Юрію Владимировичу, не хочу отнять у Горчакова ни чести его подвига, ни моей признательности.

Горчаковъ.

22-го Апрѣля. Петръ Ивановичъ, гвардіи капитанъ и мой однополчанинъ. Мы, вмѣстѣ съ нимъ, ходили въ походъ подъ Шведа въ однихъ чинахъ: но онъ, какъ старшій, командовалъ баталіономъ. Я этого времени никогда не забуду. Вообще вся кампанія была пріятна, и потому и люди, съ коими я находился въ ближайшей связи, часто представляются мнѣ на мысль. Горчаковъ былъ человѣкъ ограниченнаго ума и слабаго характера: онъ не умѣлъ заставить себя слушаться: отсюда раждались часто смѣшныя явленія. Меня

онъ очень любилъ, но неспособенъ былъ ни въ какомъ случаѣ ни добра сдѣлать другу, ни врагу зла. Мякинькой человѣкъ! Сколько я напоминаю себѣ при имени его смѣхотворныхъ приключеній. Онъ имѣлъ привычку всякаго называть: „Мой отецъ!“ Я на это написалъ пѣсенку, которой каждой куплетъ оканчивался словомъ: „Нашъ блудный сынъ“. Въ одно время, стоя лагеремъ, я, обходя рундомъ, пустилъ сигналъ: „Контентуйся, душа грѣшная!“ Сигналъ дошелъ до его ставки: онъ вскочилъ, выбѣжалъ полунагой изъ палатки, разыскивалъ, кто смутилъ, ничего не нашелъ и спокойно опять легъ спать. Многіе мои товарищи употребляли во зло его простодушіе; а я, кромѣ насмѣшекъ, свойственныхъ моему тогдашнему возрасту, ни въ чемъ, впрочемъ, передъ нимъ невиноватъ. У него былъ братъ, Владимиръ, котораго я также не забуду. Тотъ былъ до того крутъ и жестокосердъ, что, во время моего адъютантства при полку, оставшись за урядъ вмѣсто меня на сутки дежурнымъ, забилъ до смерти моего писаря, давши ему, пьяному, лозановъ до тысячи. Объ одномъ братѣ я вспомню всегда съ добродушіемъ, а объ этомъ всегда съ отвращеніемъ.

Горяинова.

10-го Апрѣля. Вѣра Алексѣевна. Молодая дѣвушка, отличнаго ума и съ рѣдкими дарованіями. Я съ пріятностью воображаю мое съ ней знакомство, которое охолодѣло съ тѣхъ поръ, какъ она пошла замужъ, и Богъ знаетъ, удачно ли. Я любилъ ея разговоръ: она охотно слушала мой. Мы говаривали о разныхъ предметахъ, не всегда соглашались, но всегда были другъ другомъ довольны. Пригожа лицомъ, пріятна въ обращеніи, ловка наружностью, она наполнена была прелестей, которыми я не восхищался, будучи уже немолодъ; но рѣдко, рѣдко встрѣчалъ дѣвушку способнѣе ея обольстить на минуту мальчика и вмѣстѣ привлечь къ себѣ уваженіе сѣдой головы. Она полное имѣетъ право занять мѣсто въ этомъ Словарѣ, какъ особа, съ которой мои отношенія доставили мнѣ много пріятныхъ минутъ въ жизни.

Гречищевъ.

18-го Мая. Сегодня погребено тѣло покойной жены моей и скрыто въ землю до дня общаго воскресенія. Послѣднее привѣтствіе духовное произнесъ надъ онымъ имянуемый здѣсь священникъ

Алексѣй Ивановичъ, протопопъ Дѣвичьяго монастыря и отецъ нашъ духовной. Человѣкъ прекраснѣйшей нравственности и съ основательнымъ просвѣщеніемъ, онъ былъ другъ нашего дома и во всякомъ его событіи принималъ чувствительнѣйшее участіе. Я лѣтъ 20 былъ у него на духу и, признаться долженъ, что изъ всѣхъ людей его званія я никого въ современникахъ его такъ не уважалъ, какъ его. Онъ хоронилъ моего отца, жену и старшую дочь. Передъ концомъ матери моей пріѣзжалъ къ ней въ деревню исповѣдать ее, тамъ простудился и, воротясь въ Москву, въ первой день Святокъ скончался. Мы всѣ домомъ объ немъ тужили. Онъ призванъ былъ совершить бракосочетаніе сестры моей меньшой, когда она шла за Селецкаго; словомъ, не было праздника, ни печали въ домѣ, въ которыхъ бы онъ не участвовалъ, какъ ближній. Тѣло его погребено въ Дѣвичьемъ монастырѣ и достойно неизгладимой нашей памяти. Во время бѣдствія Москвы, онъ съ геройскимъ мужествомъ остался въ ней, для сохраненія обители, которой онъ былъ настоятелемъ; жена его и дѣти отъѣзжали къ намъ въ подмосковную и тамъ нашли у матери моей надежное пристанище; онъ, вытерпя разныя искушенія отъ врага, пребылъ вѣренъ своему званію, своей обязанности, чести, совѣсти и истинѣ, видѣлъ пламя, пожравшее его жилище и на развалинахъ его еще стоялъ за вѣру и церковь, которая доблестью его спаслась отъ хищничества и посрамленія. Столь рѣдкой подвигъ доставилъ ему знаменитость между своей собратіи, и по смерти память его увѣнчалась вѣчными похвалами.

Гринвальдовы.

9-го Генваря. Двѣ родныя сестры иностраннаго отродія. Онѣ жили въ домѣ родителей моихъ. Бѣдность ихъ тутъ пріютила, великодушіе призрѣло. Я еще былъ ребенкомъ, когда

зачалъ строить куры одной изъ нихъ, по имяни Любовь Николаевна. Она хорошо пѣвала, и я посвящалъ ей весьма посредственныя пѣсенки моей работы. Дѣло домашнее! Долго жили онѣ въ нашемъ домѣ; потомъ старшая, Александра, вышла замужъ, а Любовь помѣшалась и кончила бѣдственно жизнь свою въ какомъ-то богоугодномъ заведеніи. Никогда не забуду смѣшнаго случая, который у меня съ ними послѣдовалъ. Я былъ мальчишка лѣтъ 12, а Александрѣ было за 20,—страшное разстояніе. Она игрывала со мной, какъ съ ребенкомъ, и я ее свободно цѣловалъ. Однажды, примѣтивши, что лицо ея въ веснушкахъ, я, послѣ ласковыхъ восторговъ, вдругъ далъ ей пощечину, потому что мнѣ веснушки были очень противны. Она разсердилась и пожаловалась батюшкѣ, который хотѣлъ знать всѣ подробности такого происшествія и, узнавши изъ скромнаго разсказа барышни, чтó преслѣдовало нашему раздору, онъ изволилъ сказать: „Зачѣмъ же вы, не унявъ этого ребенка, когда онъ васъ цѣловалъ, жалуетесь, что ласки такъ круто прекратились?“ Александра закраснѣлась и пошла прочь. Этотъ ребячій анекдотъ живо мнѣ представляется и теперь за 50 лѣтъ. Любовь, ежели бы дожила до нашего времени, могла бы служить предметомъ магнитизму, потому что она имѣла несчастное свойство говорить во снѣ. Это доходило до того, что можно было, попавши въ ея рѣчь, продолжать съ ней разговоръ и вывѣдать изъ нея сонной все, чтó она бы хотѣла скрыть на яву. Опытъ такой встрѣтился со мной. Я былъ шалливъ и зашелъ къ нея нечаянно въ комнату послѣ обѣда, когда она отдыхала. Услышавъ, что она говоритъ, мнѣ показалось это любопытно, я повелъ разговоръ и потомъ ушелъ. На завтра сталъ ее подсмѣивать. Она не могла понять, откуда я знаю то, о чемъ съ ней толкую и, свѣдавши, что измѣнила сама себѣ во снѣ, неутѣшно плакала о такой проказѣ натуры.

Король Густавъ.

3-го Сентября. Нѣкогда въ этотъ день мы воротились изъ Финляндскаго похода. И такъ сегоднишняя страница принадлежитъ тому, кто войнѣ сей былъ причиной.

Густавъ король Шведской, противъ котораго вела войну Екатерина съ 1788 года по 1790 годъ. Я былъ наряженъ въ походъ въ послѣднюю кампанію и дождался въ Финляндіи мира. При торжествѣ онаго удалось мнѣ быть лично въ лагерѣ короля; тамъ я его увидѣлъ во всемъ сіяніи и славѣ, Онъ былъ Донкихотъ не изъ послѣднихъ, но умница и сладкоглаголивой человѣкъ. Я видѣлъ его молящагося предъ войсками на колѣняхъ, подъ сводомъ небесъ, при пѣніи торжественнаго молебна по его закону. Я слышалъ рѣчь имъ произнесенную подъ знаменами великаго своего предка, Густава, собранному воинству. Наконецъ, я былъ приглашенъ въ ставку его на обѣдъ и вечернее пиршество, и тутъ удостоился его вниманія. Онъ изволилъ говорить со мной по французски, и этой чести я во вѣки не забуду, потому что въ тогдашнемъ моемъ возрастѣ говорить съ королемъ не казалось еще бездѣлкой. Въ запискахъ той войны, писанныхъ мной, упоминая о семъ самодержцѣ, я входилъ въ разныя подробности, а здѣсь помѣщаю только главныя черты моего къ нему отношенія.

Дамаскинъ.

8-го Іюня. День завѣтной! Въ оной скончался родитель мой, и я лишился единственнаго путеводителя въ лабиринтѣ свѣта.

Дамаскинъ, архіерей Нижегородской. Обучившись въ Университетѣ, я былъ знакóмъ со многими духовными лицами. Сей пастырь былъ тогда ректоромъ Духовной Академіи и слылъ ученѣйшимъ монахомъ въ нашей церкви. Онъ имѣлъ дѣйствительно глубокія богословскія познанія. Съ именемъ его вспоминается здѣсь самой благородной поступокъ, оказывающій, что онъ, сверхъ головы, набитой всякой учености, имѣлъ и сердце, благородными чувствами преисполненное. Онъ уже былъ въ отставкѣ, когда мой отецъ скончался, и жилъ въ Московскомъ загородномъ монастырѣ на обѣщаніи, брошенъ и презрѣнъ всѣми, какъ обыкновенно водится. Бывши нѣкогда съ отцомъ моимъ хорошо знакóмъ, онъ узналъ о его кончинѣ. Безъ всякаго приглашенія прибылъ въ Бо-

гоявленскій монастырь, гдѣ тѣло его отпѣвалось и, по собственному влеченію своего сердца, проводилъ тѣло, отпѣтое уже, до Донскаго монастыря, гдѣ и предалъ его землѣ, а при томъ за такой подвигъ пріязни не согласился быть заплаченъ, на ряду съ прочими, ничѣмъ. Довольно, чтобъ вспомнить о немъ съ признательностію. Много ли нынѣшнихъ нарядныхъ пастырей и кавалеровъ способны отличаться подобными поступками? Не вѣмъ ихъ!!!

Демидова.

11-го Февраля. Софья Александровна, дочь богатыхъ родителей, дѣвушка ничего не значущая, здоровая, сдобная, но которая нѣсколько времени играла въ жизни моей значительную роль. По мірскимъ расчетамъ и соображеніямъ, дядя мой родной баронъ Строгановъ, сильно желалъ меня женить на богатой невѣстѣ и обратилъ взоръ свой на Демидову. Я ѣзжалъ къ нимъ въ домъ нерѣдко; у нихъ была прекраснѣйшая мыза, въ сосѣдствѣ съ увеселительнымъ замкомъ Великаго Князя Павла. Кто не зналъ подъ Петербурбургомъ Таицъ? Кто не былъ очарованъ тамошними прозрачными ручьями? Самъ Наслѣдникъ престола, на правѣ добраго сосѣда, ѣзжалъ туда, со всѣмъ свомъ штатомъ, наслаждаться роскошной трапезой Русскаго богача. Тутъ-то и дядѣ моему хотѣлось водворить меня. Назначенъ былъ мнѣ смотръ самой огромной, въ качествѣ предполагаемаго жениха. Пріхалъ я къ нимъ на деревенской балъ; вся деревня выкатила смотрѣть мнѣ въ глаза, и мамушки, и нянюшки торчали у дверей, какъ я съ барышней трелюдился въ контреданцѣ. Я съ ней кой о чемъ перемолвилъ и, не найдя ничего заманчиваго въ разговорѣ, замѣтилъ, что у нея въ одномъ глазу безпрестанное трясеніе, что́ мы называемъ живчикъ. Это меня отворотило отъ нея такъ сильно, что я ни за что не согласился сочетаться съ нею. Я никогда не былъ падокъ къ интересу: никакое богатство не сильно было меня взманить на женитьбу, вопреки выбору сердца. И такъ сватовство дядюшкино не удалось, и я, оставя потомъ Петербургъ, нигдѣ уже ни съ кѣмъ изъ этого семейства не встрѣчался.

„Таицы“ буду долго и всегда помнить, потому что я рѣдко видалъ мѣсто прелестнѣе и не пивалъ нигдѣ такой воды, какую черпалъ тамъ для прохлады изъ самыхъ ключей, бѣгущихъ у подошвы готическаго строенія, прозваннаго „Quellenbourg“.

Дешанъ.

18-го Августа. Deschamps, Французской службы полковникъ, человѣкъ, оказавшій мнѣ такой знакъ пріязни, какого, признаюсь, не отъ всякаго своего ближняго въ отечествѣ моемъ могъ бы ожидать; и пусть послѣ этого привязываются къ людямъ не по ихъ личнымъ достоинствамъ, а по предубѣжденіямъ отчизны! На что намъ отечество, естьли мы въ немъ не находимъ тѣхъ услугъ, какія предлагаютъ намъ добрые чужеземцы? Этотъ полковникъ взятъ былъ нашими войсками гдѣ-то въ полонъ и, по распоряженію правительства, долженъ былъ явиться въ Володимеръ для отсылки, съ другими сотоварищами своими, въ разныя отдаленныя губерніи. Увидѣвши его, я продержалъ сутки у себя и постарался, сколько могъ, облегчить его положеніе пріятнымъ обхожденіемъ, потомъ отправилъ его на Вологду. Скоро заключенъ миръ, плѣнники возвращены, и Deschamps, проѣзжая назадъ черезъ Володимеръ, прогостилъ у меня еще сутки. Въ разговорѣ со мной о моемъ семействѣ, онъ узналъ, что старшіе мои два сына обучаются въ Геттингенскомъ университетѣ, и съ любопытствомъ расправшивалъ, какъ они тамъ живутъ, и не препятствуютъ ли мнѣ политическія смуты доставлять имъ по временамъ нужныя деньги. Всѣ эти распросы казались мнѣ пустой Французской вѣжливостію; мы разстались, и я скоро забылъ о немъ, какъ вдругъ получаю изъ чужихъ краевъ отъ наставника дѣтей моихъ письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что нѣкто полковникъ Deschamps, свороти съ большой прямой своей дороги, заѣхалъ въ Геттингенъ, отыскалъ ихъ, пожелалъ у нихъ отобѣдать, освѣдомлялся о ихъ ученіи и содержаніи, и предложилъ имъ всѣ деньги, которыя имѣлъ при себѣ, въ ожиданіи моего перевода, говоря, что посылка денегъ затруднительна, и что онъ будетъ радъ, ежели окажетъ сей услугой признательность свою за хоро-

шіе мои съ нимъ поступки во время его неволи. Разумѣется, что учитель пособій его не принялъ, а чувствительно отблагодарилъ, сказавъ, что сообщитъ и мнѣ о томъ. Пусть судятъ, въ какомъ я былъ изумленіи! Гдѣ не рѣдки подобные поступки? Я не зналъ, куда къ нему писать, какъ благодарить. Совѣстно было, однакожъ, остаться равнодушнымъ. Я написалъ коротенькую газетную статью, которую отослалъ къ своему Нѣмцу, для помѣщенія ея въ иностранныхъ листахъ, дабы онъ изъ нихъ могъ видѣть, что онъ одолжилъ людей, умѣющихъ цѣнить великодушное побужденіе нѣжнаго сердца. Не знаю, впрочемъ, исполнилось ли мое желаніе и свѣдалъ ли онъ о моей благодарности. Съ тѣхъ поръ я нигдѣ съ нимъ не встрѣчался и уповательно во всю жизнь мою не увижусь; но забуду ли когда нибудь этого иноплеменника и благородной его подвигъ? Вотъ ближній мой по слову Евангельскому:

Будь родственникъ мнѣ другъ, я буду его другомъ,
Быть съ нимъ не отзовусь подложнымъ недосугомъ,
Копѣйку раздѣлю...

Точно въ этомъ разумѣ написаны сіи стихи: они относительны къ плѣннику, котораго я люблю напоминать при каждомъ благородномъ поступкѣ соотчичей своихъ, когда случается мнѣ ихъ испытывать или, по крайней мѣрѣ, узнавать изъ опытовъ другихъ. Deschamps! Я вспоминаю тебя при всякомъ взорѣ, который кину на дѣтей моихъ, слѣдовательно, всегда, всегда, даже до гроба.

Графиня Дидрихштейнъ.

19-го Іюня. Графиня (дочь графа Шувалова, жена знаменитаго человѣка въ Нидерландіи). Имя ея напоминаетъ мнѣ пріятнѣйшую мечту, которая, какъ сонъ, недолго обольщала мой умъ и сердце. Я имѣлъ нѣкогда честь быть хорошо знаемъ въ домѣ ея родителей и посѣщалъ его всегда съ удовольствіемъ. Тутъ я, отъ старика отца ея, наслушался отличнѣйшихъ стиховъ Вольтера, потому что графъ былъ великой его энтузіастъ и привилъ мнѣ самому склонность заниматься поэзіей. Это происходило въ молодости моей; тогда

же меньшая дочь его выдана за мужъ. Графъ скончался. Я по службѣ оставилъ Петербургъ и, казалось, нигдѣ уже съ ихъ семействомъ не повстрѣчаюсь; но, будучи Соляной Конторы членомъ при Павлѣ, жилъ въ Москвѣ. Вдовствующая графиня Шувалова пріѣзжала туда на зиму, и дочь ея, графиня Дидрихштейнъ, одна безъ мужа, ее сопровождала. Я снова началъ ихъ посѣщать. Мнѣ ничего такъ не хотѣлось, какъ побывать въ чужихъ краяхъ; молодая графиня собиралась на весну воротиться въ Вѣну, къ своему мужу, и предложила мнѣ доѣхать съ ней до сей столицы, а оттуда могъ я слетать и въ Парижъ. Столь соблазнительная химера плѣнила меня до того, что я началъ къ сему краткому путешествію готовиться и собрался проситься въ отпускъ только на полгода; долѣе сего срока я не хотѣлъ разстаться ни съ женою, ни съ матушкой. Все почти было слажено, какъ вдругъ, въ Февралѣ, назначенъ я, по имянному указу, въ губернаторы въ Володимеръ. Испанскіе зáмки мои разошлись по воздуху, и я принужденъ былъ снова ѣхать жить въ Русскую провинцію, вмѣсто Парижа, въ которомъ обѣщалъ себѣ такъ много очарованій всякаго рода. Сбылась пословица: „L'homme propose, et Dieu dispose". Съ тѣхъ поръ я уже на видалъ и не слыхалъ нигдѣ ни о комъ изъ Шуваловыхъ; но дни моихъ бесѣдъ въ ихъ семействѣ, польза, которую я пріобрѣлъ отъ оныхъ, незабвенны для меня пребудутъ, а паче я всегда съ удовольствіемъ воображать стану химерическое мое предпріятіе побывать въ чужихъ краяхъ, коихъ уповательно никогда мнѣ не видать.

Димитрій.

12-го Мая. Ужаснѣйшій день въ моей жизни! Я лишился жены, и сей убійственной минуты безъ содроганія и трепета не могу вспомнить. Тѣло ея является моему воображенію окружено тѣми существами земными, кои ближе всѣхъ къ ней стояли по природѣ, и о нихъ только я помнить и говорить могу, доколѣ видъ гроба ея поражать будетъ мысленные мои взоры.

Дмитрій Алексѣевичъ, протоіерей каѳедральнаго собора въ Суздалѣ, человѣкъ умной и съ большими познаніями, пре-

краснѣйшій словесникъ, собесѣдникъ кроткой и утѣшительной. Я многократно, живши въ Володимерѣ, пользовался пріятнымъ его сообществомъ и съ удовольствіемъ читывалъ его проповѣди; онѣ не однимъ слогомъ плѣняли, но обильностію чувства. Я могу, не вдаваясь къ крайнюю набожность, назвать его своимъ пріятелемъ, не по сану, по которому многіе становятся любезны суевѣрамъ, но по качествамъ души его и преданности ко мнѣ. Посчастливилось мнѣ какъ-то выхо́дить ему знакъ отличія, скуфью, и онъ былъ такъ благодаренъ, что съ тѣхъ поръ, гдѣ бы я ни былъ, во всякомъ происшествіи моего дома принимаетъ участіе и пишетъ ко мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ съ готовностью непринужденной пріѣзжалъ къ намъ въ село освящать нашу церковь, и совѣстился принять подарокъ. По прошествіи года моему вдовству, онъ самъ отъ себя сочинилъ и произнесъ, въ архіерейскомъ служеніи, проповѣдь въ самой этотъ день, почему подъ симъ числомъ и воспоминаю о немъ преимущественно; сію проповѣдь я сохранилъ, какъ наилучшій залогъ его ко мнѣ и къ покойной усердія. Повторяю еще разъ, что онъ благороднѣйшихъ правилъ человѣкъ, и что размноженіе такихъ священниковъ было бы самой полезнѣйшій трудъ нашихъ духовныхъ академій и истинной знакъ Божьяго къ Церкви Своей благоволенія.

Д и ц ъ.

15-го Октября. Отставной оберъ-офицеръ, нанесшій мнѣ значительной убытокъ, котораго я забыть никакъ не могу. Онъ нѣкогда употребленъ былъ мною во Владимирѣ по казеннымъ дѣламъ: на рукахъ его отстроился каменной корпусъ присутственныхъ мѣстъ въ Муромѣ, и онъ отдалъ мнѣ въ употребленіи сорока тысячъ казенныхъ денегъ вѣрной и хорошій отчетъ. Это обратило на него мое особенное вниманіе, какъ на человѣка благонадежнаго. Будучи уже въ отставкѣ и до́ма въ Москвѣ, послѣ всѣхъ ея злоключеній, увидѣлъ я Дица, ищущаго себѣ мѣста по Казенной Палатѣ; тамъ не принимали иначе въ казначеи, какъ съ залогомъ. У него ничего не было, кромѣ сюртука на плечахъ, а у ме-

ня въ подмосковной душъ до 15-ти крестьянъ было свободныхъ. Послѣ выше приведеннаго опыта честности его, совѣстно было мнѣ не помочь ему; я ему довѣрилъ мои 15 душъ, и онъ ихъ представилъ въ залогъ, опредѣлился въ уѣздные казначеи и, три года прослужа очень порядочно, явился ко мнѣ съ отличнымъ атестатомъ и квитанціей Казенной Палаты за всѣ три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторилъ просьбу о продолженіи еще ему на три года прежней довѣренности. Не было причины отказать, я согласился; но не прошло мѣсяца, какъ у него пропало казенныхъ денегъ до 13 тысячъ. Онъ хотѣлъ утопиться и бросился въ воду, но спасенъ для путешествія въ Сибирь, потому что съ него взять было нечего. Изъ всего начета нѣкоторое число поступило въ казну взысканіемъ съ уѣздныхъ чиновъ, а мой залогъ стали продавать съ аукціону; доплатить приходилось 8 тысячъ. Я ихъ внесъ и далъ себѣ послѣ этого урока честное слово не вдаваться въ излишнія добродѣтели, и ни за кого по денежнымъ дѣламъ не жертвовать ни имѣніемъ своимъ, ни письменнымъ поручительствомъ. Этотъ убытокъ, весьма для меня чувствительной, тѣмъ еще тягостнѣе, что онъ связанъ былъ съ такими домашними обстоятельствами, которыя поставили меня въ необходимость потороииться продажей всей моей подмосковной, и потому имя г-на Дица получило право жить въ памяти моей незабвенно.

Дмитріевъ.

19-го Мая. Не смотря на то, что мнѣ въ этотъ день Богъ даровалъ послѣдній плодъ чрева жены моей, сына Рафаила, я больше съ огорченіемъ, нежели съ радостью, воспоминаю оной, когда воображу себя поутру въ общемъ собраніи Сената, поруганна неправосуднымъ выговоромъ отъ судей нечестивыхъ. Обратимся къ виновнику онаго и вспомнимъ здѣсь имя его, съ достодолжнымъ къ нему презрѣніемъ.

Иванъ Ивановичъ. Первое мое короткое знакомство въ гвардіи: я его засталъ въ ней унтеръ-офицеромъ, а самъ былъ уже офицеромъ. Склонность къ поэзіи насъ сблизила: мы оба принимались за стихи съ робостью, онъ свои бездѣлки

читывалъ мнѣ, а я ему свои. Женившись и заведя свое хозяйство, я всѣхъ чаще проводилъ время съ нимъ: онъ любилъ ходить ко мнѣ безъ особенныхъ приглашеній и чиновъ, и мы, казалось, были хорошими пріятелями. Я тогда сочинилъ къ нему посланіе, которое ни въ первомъ, ни во второмъ изданіи не было напечатано, а по передѣлкѣ совсѣмъ заново, оно появилось въ третьемъ изданіи, подъ названіемъ: „Сослуживцу". Вышедши изъ гвардіи, мы совсѣмъ разстались, и каждому изъ насъ судьба проложила свою дорогу: онъ полетѣлъ въ чины гражданскіе и при Александрѣ сдѣлался министромъ юстиціи и большимъ бариномъ; а я, протаскавшись въ губерніяхъ лѣтъ 15, возвратился на свое Московское попелище отставнымъ губернаторомъ. Все сіе продолжительное время удачъ Дмитріева, онъ умѣлъ ковать желѣзо, пока горячо, и совсѣмъ ко мнѣ перемѣнился. Я простилъ ему холодность одну; но онъ, когда начинались у меня непріятности съ правительствомъ по службѣ, старался мнѣ вредить, обходился со мной надменно и сурово, насмѣвался надъ моимъ несчастіемъ и дѣлалъ мнѣ такія язвительныя обиды, коихъ я вѣчно не забуду. Его коварными интригами я принужденъ былъ къ публичному выговору; ибо онъ съ умыслу повелъ дѣло такъ, чтобъ оно могло достигнуть сей цѣли: злословилъ меня явно и приватно, и наконецъ, пріѣхавши изъ министровъ въ отставку въ Москву, искалъ снова сойтиться со мной; но я, испытавъ въ немъ езуита и холоднаго егоиста, уклонялся отъ него вездѣ съ большимъ стараніемъ, и мы, изъ хорошихъ друзей въ юности, сдѣлались подъ старость скрытыми ненавистниками другъ друга. Въ моихъ сочиненіяхъ подъ именами: „Пѣснь невинности", „Везётъ", и въ тѣхъ, кои напечатаны при переводѣ Филибера, я многія рѣзкія мѣста относилъ къ нему, и прямо билъ въ него, какъ въ мишень. Онъ въ отставкѣ былъ предметомъ царскихъ щедротъ, и съ нимъ совершенно сбылась сія рѣчь въ одной его баснѣ:

«Онъ спитъ, а у него Фортуна въ головахъ».

И подлинно, онъ дошелъ до высшихъ чиновъ въ имперіи не столько трудами и службой, какъ безпрестанной отстав-

кой. О немъ я могу сказать, что онъ стихотворецъ чистой, пріятной, мастерской, но никогда не назову его ни честнымъ, т. е., по моему, праводушнымъ, ни добрымъ человѣкомъ. Сухъ, холоденъ, важенъ и ко всему нечувствителенъ.

Доброклонской.

25-го Октября. Доброй малой, сынъ очень знакомаго мнѣ и умнаго священника, которой часто меня посѣщалъ и хорошо писалъ стихи. До сихъ поръ хранится у меня ода, поднесенная имъ женѣ моей и писанная мастерскимъ почеркомъ его руки. Онъ умеръ въ чахоткѣ. Я навѣщалъ его и почти былъ свидѣтелемъ послѣднихъ его минутъ. Послѣ него остался сынъ, Сергѣй Яковлевичъ, воспитанный кое-какъ матерью. Пришедши въ отроческой возрастъ, онъ записанъ въ Университетъ и выключенъ по слабости здоровья изъ духовнаго званія. Въ немъ открылись хорошія дарованія; онъ, съ успѣхомъ обучаясь, самъ началъ преподавать въ Москвѣ многимъ уроки и могъ содержать себя съ своимъ семействомъ. Благородныя качества сердца его скоро ознакомили со мною. Онъ сдѣлался у меня домашнимъ, и я его въ шуткахъ прозвалъ: „il grando visconte del Pegino". Подъ симъ комическимъ названіемъ онъ былъ извѣстенъ мнѣ и всѣмъ моимъ пріятелямъ. Однажды мнѣ вздумалось пошутить, и я, нѣсколько карточекъ визитныхъ написавши съ этимъ прозвищемъ, развезъ ихъ, вмѣстѣ съ своими, по нѣкоторымъ короткимъ мнѣ домамъ, въ какой-то большой праздникъ. Всѣ думали, что онъ Гишпанской путешественникъ, рекомендовались ему въ моемъ домѣ, и это произвело много забавныхъ сценъ. Я написалъ и подарилъ ему шуточную пѣсенку на его счетъ, которая пѣвалась только между нами, и въ свѣтъ не выпущена. Онъ понынѣ въ однихъ и тѣхъ же со мной отношеніяхъ и, сколько за человѣка ручаться можно, кажется, ничто ихъ не перемѣнитъ.

Княгиня Н. С. Долгорукова.

16-го Іюля. Княгиня Наталья Сергѣевна, невѣстка выше писаннаго князя *). Она была за братомъ его роднымъ, сама

*) Т.-е. князя Владимира Сергѣевича Долгорукаго. См. ниже стр. 101-я П. Б.

же по себѣ роду Салтыковыхъ, прижила съ нимъ сына и дочь, овдовѣла и жила съ ними и съ деверемъ своимъ домомъ въ Москвѣ. Я съ ними не имѣлъ никакого родства, но короче былъ всякаго родственника, по свычкѣ частаго съ ними обращенія. Княгиня была женщина умная, разсудительная, смѣтливая, но подвержена слабости горячихъ темпераментовъ и въ самой даже старости платила дань своимъ восторгамъ. Я былъ уже женатъ, когда ознакомился съ ней, но юнъ въ страстяхъ, и чѣмъ болѣе сберегъ себя въ молодости, тѣмъ сильнѣе обуревалъ меня самаго пылкой мой характеръ. И такъ знакомство мое съ княгиней уподобилось скоро соединенію огня съ соломой; почитая себя рабомъ моихъ должностей, а наипаче супружескаго союза, я никогда не смѣлъ нарушить правъ его и отдать себя вполнѣ другой женщинѣ; но не было той ласковости, сколь бы далеко ни заводило насъ воображеніе, которыхъ бы я не истощилъ съ княгиней. Она сама была еще въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыхъ можно понести бремя, для нея по вдовству слишкомъ позорное, и потому рада была, что нашла молодого человѣка, котораго удовлетворять могла одними нѣжными и вольными ласками, не рѣшаясь на послѣдній и соблазнительной шагъ въ интригѣ. По правдѣ сказать, мы весьма близко отъ него вертѣлись и чуть, чуть..... Сколько минутъ восторговъ, сколько очаровательныхъ ощущеній мнѣ на мысль приходитъ! Чуждые отъ всякаго подозрѣнія внѣшняго, по неравенству нашихъ лѣтъ, мы тѣмъ свободнѣе могли слѣдовать волненію крови. Въ ихъ домѣ по вечерамъ съѣзжалась всегда мужская круговенька, небольшая, но отборная; поиграютъ въ карты, побесѣдуютъ, отужинаютъ и разъѣдутся; деверь ретируется спать, а я останусь съ ней одинъ, и часто до двухъ-трехъ часовъ за полночь, предаваясь чувственности, не выходишь изъ обморока страстей естественныхъ. Нѣтъ, никогда я такъ не наслаждался животнымъ моимъ существомъ, какъ у нея и съ нею! Это продолжалось нѣсколько лѣтъ до поѣздки моей въ Пензу и по возвратѣ оттуда нѣсколько времени еще длилось; она начала, наконецъ, ослабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ. Душа тогда возмужала. Съ примѣрнымъ великодушіемъ переносила наижесточайшій недугъ, муже-

ственно встрѣтила послѣднюю свою минуту, простилась со мной за день до смерти, какъ искренній другъ, умирала съ твердостью во всѣхъ христіянскихъ отрадахъ вѣры, очистила грѣхи свои горячимъ прибѣжищемъ къ Богу, съ раскаяніемъ и, предузнавъ почти минуту своего конца, во благочестіи уснула на вѣкъ. Я съ искренними слезами сожалѣнія проводилъ гробъ ея до Дѣвичьяго монастыря, гдѣ высѣчены на камнѣ надгробномъ стишки мои, и таковые же написаны на смерть ея, кои напечатаны въ моихъ книгахъ. Деверь пережилъ ее немногими годами и положенъ съ ней рядомъ.

Во время связи моей съ княгиней случилось происшествіе между нами, достойное частыхъ моихъ воспоминаній. Однажды получилъ я, въ видѣ письма на мое имя, прегнусной пашквиль на ея счетъ; она была разругана, не пощаженъ и я. Почеркъ такъ былъ поддѣланъ подъ ея руку, что естьли бъ не самоё ее бранили, то можно бы подозрѣвать, что это собственная ея шутка. Я тотчасъ съ письмомъ бросился къ ней; она его прочла, никого кромѣ насъ двухъ въ комнатѣ не было, подъ окошкомъ никто не слонялся, за дверьми никто въ щелку не заглядывалъ; словомъ, мы были точно одни. Поговоря о такомъ нагломъ поступкѣ и условившись доискаться отъ кого оной произошелъ, она при мнѣ сожгла грамотку, оторвала печать, спрятала въ столикъ, заперла ключомъ, и дѣлу край. Скоро потомъ явился я въ другой домъ, совсѣмъ ей незнакомой и гдѣ я былъ коротокъ. Тамъ, по нѣкоторымъ насмѣшкамъ догадавшись, что есть какое-нибудь свѣдѣніе о полученномъ мною пашквилѣ, выспрашивалъ у двухъ хозяекъ, съ которыми я остался одинъ, не знаютъ ли они чтó за странное письмо ко мнѣ на дняхъ было адресовано и отъ кого? Долго хохотали онѣ, долго запирались, и я, наконецъ, потерявъ терпѣнье, угрожалъ имъ, что безъ ихъ довѣренности найду средство открыть эту тайну, сличая руки тѣхъ, съ кѣмъ я въ перепискѣ. На сіе вдругъ возразили мнѣ: „Трудно будетъ сдѣлать повѣрку, потому что письмо сожжено, и одна только печать осталась, которая заперта“. Тутъ я признаюсь, что поблѣднѣлъ и испугался ихъ, какъ чародѣекъ. Кромѣ этого ничего не вывѣдалъ, и до сихъ поръ, спустя лѣтъ 30 потомъ, не

довелось мнѣ свѣдать: ни кто сочинялъ этотъ пашквиль, ни для чего адресованъ былъ именно ко мнѣ. Такъ это и прошло. Больше одного раза никто не предпринималъ повторить со мной подобной глупой шутки, и я скоро на счетъ послѣдствій успокоился; да ихъ и не произошло.

Княжна В. Н. Долгорукова.

4-го Декабря. Княжна Варвара Николаевна. Отцы наши долго были въ ссорѣ, по причинамъ, коихъ начало искать должно въ ссылкѣ моего дѣда и сиротствѣ моего отца; но подъ старость батюшка съ этимъ домомъ примирился, и я былъ въ него ввезенъ еще мальчикомъ. Тогда я сошелся склонностью и вкусомъ съ княжною, которая по родству доводилась мнѣ быть теткой, но мы почти росли вмѣстѣ. Я привыкъ ее любить, привыкъ къ ея пріятному сообществу и сдѣлался такъ коротокъ у нихъ въ домѣ, что находилъ необходимость видѣться съ княжной почти всякой день. Между нами не было никогда романической связи, я не былъ въ нее влюбленъ, но, горячо привязавшись къ ней, любилъ дѣлить и веселье ея, и печали. Она воспитана была наилучшимъ образомъ, умна отъ природы, одарена разсудкомъ, который отъ опытовъ сдѣлался твердъ и основателенъ; бесѣда наша была взаимно намъ полезна. Мы съ ней часто читывали вмѣстѣ, сообщали другъ другу свои познанія, забавлялись приватными театральными зрѣлищами, не для публики, а собственно для насъ и удовольствія ея ближнихъ; словомъ, мы свыклись и сдѣлались хорошими друзьями. Такъ продолжалось наше знакомство лѣтъ съ 20 слишкомъ. Я отъѣзжалъ на службу въ Петербургъ, потомъ удаленъ былъ отъ Москвы лѣтъ пять въ Пензѣ, наконецъ жилъ десять лѣтъ въ Владимирѣ, и ничто не перемѣняло нашего обращенія. Въ разлукѣ мы часто другъ къ другу писывали; увидясь безпрестанно повторяли свиданія, и казалось, что само время скрѣпило союзъ сердецъ нашихъ до гроба въ той силѣ, съ какой оно было намъ прилично и по родству, и по согласію характеровъ. Въ книгахъ моихъ напечатаны многіе стихи, коими я дарилъ ее въ дни семейнаго праздника. Когда я былъ

въ Владимирѣ, она пріѣзжала навѣщать жену мою, въ первой ея болѣзни, и прогостила у насъ съ теткой моей, а ея сестрой, Лопухиной, дни три. Всѣ сіи опыты пріязни укрѣпляли нашу дружбу, я готовъ былъ ручаться головою, что ничто ея не ослабитъ; но поздній и горестный опытъ доказалъ мнѣ истину пророческаго слова: „Всякъ человѣкъ ложь!" Когда меня отставили изъ губернаторовъ и возвратился я въ Москву, княжна не приняла никакого участія въ уничиженномъ тогда моемъ положеніи и ни разу меня не посѣтила; я тѣмъ болѣе былъ этимъ тронутъ, что ни отъ кого не ожидалъ столь скорыхъ и дѣйствительныхъ отрадъ, какъ отъ нея. Что́ было причиной такой холодности, можно сказать жестокой? Не знаю и донынѣ. Она была свободнѣе въ поступкахъ своихъ, нежели когда нибудь; ибо, лишась отца, матери, живучи сама собой въ дѣвушкахъ и перейдя границы молодости, могла располагать временемъ своимъ, какъ хотѣла. Соединясь тѣснѣйшей дружбой съ старинной пріятельницей своей, княгиней Хованской, она не имѣла причины, ни нужды жертвовать ей моимъ знакомствомъ. Я не искалъ ни наслѣдства послѣ княжны, ни даровъ ея, ни денежныхъ пособій; я хотѣлъ быть ея другомъ. И у Хованской желаніе мое не могло отнять ничего изъ выгодъ, отъ связи ея съ княжной ожидаемыхъ. Какъ-то ни на есть, первой сей опытъ равнодушія княжны къ угнетенной участи моей сильно на меня подѣйствовалъ. Онъ повторился еще двукратно при другихъ весьма важныхъ случаяхъ и въ которыхъ другъ бываетъ нужнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ общежитіи. Послѣ отставки моей скоро загорѣлась война съ Французами: они взяли Москву, жили въ ней, сожгли городъ, ограбили обывателей разбѣжавшихся, въ числѣ коихъ былъ и я съ моимъ семействомъ; по возвратѣ многихъ изъ насъ въ прежнія наши жилища, княжна, принявши какой-то новой родъ жизни, уединенной и подражательной Французскому тону, бросила всѣ обычаи Русскихъ семей, пренебрегла всѣми отношеніями родства и, смѣю сказать, приличія, и послѣ такой общей бѣды не удостоила меня исключенія и не разсудила, какъ друга стараго (я уже не говорю, какъ родню, слово, сдѣлавшееся тогда безъ смысла), посѣтить меня, про-

вѣдать, гдѣ я, что́ со мною дѣлается, цѣлъ ли мой домъ, сохранилъ ли я мирную и убогую крышку свою на общей съ ней роднинѣ! Все это сдѣлалось недостойно ея заботъ и вниманія. Скоро потомъ я лишился матери. Княжна и тогда, по принятому и вѣками освященному закону общежитія, ни мало во мнѣ не интересовалась, и я ея въ глаза не видалъ. Проведя въ такой остудѣ года два, я выключилъ ее изъ моего знакомства и старался забыть ту пріятнѣйшую связь дружества которой я долго гордился, какъ чуднымъ въ наши дни примѣромъ постоянной свычки. Послѣ такихъ опытовъ холодности не долженъ ли я былъ удивиться, получа вдругъ отъ княжны записку, въ которой она, жалѣя о долгой нашей разлукѣ, приглашала побывать къ ней на завтра? Слогъ записки этой былъ таковъ, какъ будто бы мы съ недѣлю только не видались и не давно еще сообщали другъ другу свои сокровенныя мысли. Самая дружеская цыдулка! Я ею былъ изумленъ до крайности и на записочку сію, собравшись съ духомъ, написалъ пространной отвѣтъ, въ которомъ, откровенно изложивъ непристойность обращенія княжны со мной, рѣшительно просилъ ее забыть меня навсегда и оставить меня въ покоѣ: ибо дружество, потерянное разъ такими рѣзкими пренебреженіями, уже не возобновляется, а видѣть себя въ ея обществѣ въ качествѣ только свѣтскаго краснобая, котораго многіе привлекаютъ для прогнанія скуки, я не могу, не умѣю и не расположенъ. И такъ съ тѣхъ поръ вотъ уже шесть лѣтъ мы нигдѣ не встрѣчались. Строгое ея уединеніе, по большой части въ подмосковной и изрѣдка въ Москвѣ, удалило всякой случай намъ видѣться и примириться. Уповательно, мы столь же далеко сердцами проведемъ остальные дни жизни нашей, сколь тѣсно соединены были ими на зарѣ и въ лучшее время нашего существованія: однако я всегда буду то время помнить, какъ лучшее въ молодости моей, всегда буду сожалѣть о разрывѣ той пріятной свычки, въ которой я проводилъ слишкомъ 20 лѣтъ; но и сія долгота времени не предохранила нашихъ отношеній отъ общихъ коловратностей мірскихъ случаевъ и расчетовъ. Таковы люди! Тужить о томъ естественно, а передѣлать ихъ невозможно.

Князь А. Я. Долгоруковъ.

5-го Іюня. Князь Александръ Яковлевичъ. Доброй малой. Мы съ нимъ были не родня, а только однофамильцы, служили въ гвардіи въ одномъ полку оба офицерами и жили въ одномъ домѣ. Когда я, въ волненіи безразсудной страсти, вздумалъ однажды лишить себя жизни, онъ оказалъ мнѣ самое дѣятельное состраданіе, предупредилъ всѣхъ родныхъ моихъ въ Петербургѣ о моемъ сумасбродствѣ и остановилъ гибельныя его послѣдствія. Онъ не имѣлъ блистательнаго воспитанія, но прекрасныя врожденныя качества и сотоварищество мое съ нимъ приносили мнѣ много удовольствія. По несчастію, вздумалось ему погнаться слишкомъ рано за славой: открылась Шведская война, онъ былъ лѣтъ 20-ти съ небольшимъ, отправился на флотъ волонтеромъ, и тамъ, въ первое морское сраженіе, убитъ ядромъ на повалъ. Мнѣ было очень жаль его, и тѣмъ болѣе, что, казалось, онъ приготовленъ былъ къ лучшей участіи, естьли бъ жизнь его продолжилась.

Князь В. С. Долгоруковъ.

15-го Іюля. Князь Владимиръ Сергѣевичъ, добрѣйшій человѣкъ, какого только себѣ представить можно. Онъ долго и много служилъ Отечеству, былъ уже генераломъ во время Семилѣтней войны, потомъ обратился въ дипломаты и 20 лѣтъ слишкомъ былъ посланникомъ нашего двора у Прусскаго короля, Фридриха Великаго, что́ можно назвать важной заслугой: наконецъ, состарѣвшись, возвращенъ въ Россію, отставленъ съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Будучи безъ имѣнія, получилъ пенсіонъ, состоящій въ 4 тысячахъ рубляхъ въ годъ, и скромно проживалъ его въ Москвѣ, въ домѣ невѣстки своей родной: всю жизнь свою былъ холостъ, скончался близъ 80 лѣтъ *). Я чрезвычайно почиталъ этого добродѣтельнаго старичка: онъ общее къ себѣ привлекалъ уваженіе, я гордился его благосклонностью, и

---

*) См. его завѣщаніе въ „Русскомъ Архивѣ" 1888 года III, 187. П. Б.

дѣйствительно онъ меня искренно любилъ; я часто посѣщалъ его, его собственно, независимо отъ связи моей съ его невѣсткой, о которой говорено будетъ ниже *): его бесѣда была богата и занимательна, простота удивительная во всемъ наружномъ его видѣ, благородство отличное въ поступкахъ. Я мало могу поставить съ нимъ рядомъ людей возвышенныхъ саномъ и почестями. Онъ жаркое принималъ участіе во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ, и, посредствомъ женитьбы племянника на дочери графа Васильева, породнившись съ нимъ въ то время, какъ тотъ сдѣлался вельможей, онъ крайне хлопоталъ о улучшеніи судьбы моей по службѣ, и его особенному ходатайству, можетъ быть, обязанъ былъ я тѣмъ, что попалъ въ списокъ кандидатовъ, истребованныхъ отъ Сената Государемъ для замѣщенія губернаторскихъ вакансій. До конца жизни своей онъ не мѣнялъ со мной обращенья, писывалъ ко мнѣ часто въ Володимеръ, и отношенія мои съ нимъ, основанныя на твердыхъ началахъ, не прекратились по гробъ его. Потеря сія была для меня крайне чувствительна, и я долго спустя послѣ смерти его, теперь съ удовольствіемъ гляжу на портретъ его, подаренный мнѣ наслѣдникомъ. Богатство все его состояло въ прекраснѣйшей библіотекѣ, которой я нерѣдко пользовался, по особенной его ко мнѣ благосклонности. Жаль, что добрыя качества ума и сердца его мало были въ согласіи съ его лукавымъ временемъ, и потому онъ скрылся въ уединеніи, посвятя себя однимъ связямъ родства и дружбы.

Князь Ю. В. Долгоруковъ.

7-го Іюня. Сегодня родился сынъ мой Александръ, и при семъ воспоминаніи я обращаюсь всѣми чувствами къ той особѣ, чье имя выставлено.

Князь Юрій Владимировичъ, вельможа въ современникахъ нашего рода, генералъ-аншефъ старинной, командовавшій нѣкогда Москвою при Павлѣ въ новомъ званіи военнаго губернатора. Я былъ ему извѣстенъ отъ сущей молодости и въѣзжъ

*) См. выше, стр. 95, княгиня Н. С. Долгорукова. П. Б.

въ домъ его. Онъ, отправляя похороны однофамильца своего, Крымскаго, подарилъ меня на память по немъ, по тогдашнему обряду, золотымъ кольцомъ. Это былъ первой знакъ его вниманія ко мнѣ; потомъ онъ во многихъ случаяхъ оказывалъ мнѣ участіе прямо родственное, не бывъ также въ родствѣ со мной. Состарѣвшись, оставя службу и живучи праздно въ Москвѣ, онъ многими опытами оказалъ мнѣ свое доброжелательство, хлопоталъ о моихъ дѣтяхъ и записывалъ ихъ въ службу, пріѣзжалъ въ Володимеръ навѣстить меня, когда жена моя первая была отчаянно больна, ссужалъ меня деньгами при всякомъ необходимомъ случаѣ, и дѣтямъ моимъ нерѣдко дѣлалъ пособія въ ихъ жизни, отъ меня отдаленной по ихъ службѣ; сына моего Александра взялъ на свои руки, далъ ему жилище у себя въ домѣ и въ опасномъ обстоятельствѣ избавилъ его отъ неминуемой и тяжкой бѣды сильнымъ своимъ покровительствомъ (см. князь Горчаковъ); одинъ изъ всего рода былъ на похоронахъ жены моей и двухъ дочерей, скончавшихся въ нѣжномъ возрастѣ. Какъ забыть подобныя благотворенія? Надобно быть скаредомъ, чтобъ не прославить имени его и столь благородныхъ опытовъ пріязни. Я былъ свидѣтелемъ жестокой болѣзни, постигшей его на 77-мъ годѣ его жизни, отъ которой онъ чуть не умеръ, но выздоровѣлъ и живетъ еще доселѣ; мнѣ вѣчно будутъ памятны комнаты, въ которыхъ онъ страдалъ, тѣ дни, вечера и часы ночные, которые я у кровати его просиживалъ, всякую минуту ожидая его конца. Въ сіе-то время онъ усугубилъ милости свои къ моему потомству и сыну Александру отказалъ по духовной 15 тыс. Имѣвши одного сына, онъ потерялъ его, когда тотъ уже былъ генералъ-маіоромъ, и отказался заплатить долги его по картамъ, кои простирались до полумилліона. Всѣ его порицали за сей поступокъ; самъ Государь писалъ къ нему и, вступясь за одну кредиторку, требовалъ его уплаты. Князь, искушая тогда взаимно мои къ нему чувства, хотѣлъ, чтобъ я написалъ отъ него отрицательное письмо къ Императору, и я, не смотря на важность обстоятельства и опасныя его послѣдствія, съ удовольствіемъ и нѣкоторымъ успѣхомъ принесъ ему сію жертву моей приверженности. Достигши глубокой старости, онъ сталъ измѣ-

няться въ характерѣ и, впутавшись въ мои домашнія дѣла, разстроилъ было продажу моего имѣнія и нанесъ мнѣ значительной убытокъ. Но, говоря о семъ вскользь, могу ли и долженъ ли я дать преимущество гнѣвному чувству надъ тѣми обязанностями, кои меня такъ благодѣтельно связали съ его домомъ? Дочь его, княгиня Горчакова, постоянно жившая при немъ, всегда ко мнѣ была милостива, и будущія мои надежды въ отношеніяхъ съ ними всегда связывались очень крѣпко съ прошедшими знаками добраго ко мнѣ расположенія. Я въ этомъ семействѣ всегда былъ родной, ближній, домашній, и никогда, никогда этого безъ душевной благодарности не вспомню. Кромѣ любви фамильной, мнѣ пріятно приводить на память, что князь имѣлъ нѣкоторое уваженіе и къ слабымъ моимъ дарованіямъ: онъ любилъ углубляться въ идеалъ міра совершеннаго, писывалъ часто разные гражданскіе проекты и неоднократно ввѣрялъ мнѣ ихъ для исправленія съ стороны слога. Донынѣ хранятся у меня многія его рукописи. Кромѣ разныхъ услугъ, оказанныхъ мнѣ въ его домѣ, я могу вспомнить и множество пріятныхъ часовъ, проведенныхъ въ немъ. Я часто игрывалъ у него комедіи. Онъ любилъ театръ, имѣлъ свой, жилъ открыто, давалъ балы, обѣды, въ которыхъ я со всѣмъ моимъ семействомъ бывалъ участникомъ. Такъ-то, по самому странному капризу рока, я всегда находилъ въ племени своемъ благодѣтелей и друзей, именно въ тѣхъ особахъ, кои не были нимало со мной въ родствѣ, тогда какъ о ближайшихъ моихъ родственникахъ я принужденъ молчать, чтобъ не сказать чего-либо худаго. Да продлитъ Богъ еще дни сего родоначальника почтеннаго и Нестора нашей фамиліи.

Д о р о ѳ е я.

28-го Марта. Игуменья нынѣ въ женскомъ монастырѣ въ Нижнемъ. Она изъ дворянскаго дома Мартыновыхъ, родилась и выросла въ Пензѣ; тамъ выдали ее замужъ за чиновника. далеко отъ нея отставшаго въ качествахъ нрава, прижила съ нимъ нѣсколько дѣтей, овдовѣла и ранѣе сорока лѣтъ разсудила постричься. Я ее узналъ еще въ свѣтскомъ состояніи, пріѣхавши служить въ Пензу. Она уже тогда отставала по маленьку отъ свѣта и никуда въ публику не казалась.

Обстоятельства ознакомили меня очень коротко со всѣми ея родными, и потому я и въ ней принималъ участіе. Въ мое время ее постригли въ Пензенскомъ женскомъ монастырѣ, и изъ Дарьи Михайловны Новиковой вышла монахиня Дороѳея.

Бывая въ томъ монастырѣ у обѣдни, я ее часто видалъ. Она была собой хороша, виднаго роста, величавой наружности, благородна въ поступкахъ, скромна въ обращеніи и велерѣчива въ бесѣдѣ. По случаю постриженія ея, я сочинилъ оду, которая была на ту пору очень громка и сдѣлала ее самоё извѣстной. Потомъ она произведена въ игуменьи, переведена въ Нижній, получила наперсной крестъ и теперь живетъ тамъ. Я съ ней имѣлъ случай ознакомиться короче уже въ монашествѣ, въ домахъ ея ближнихъ и родныхъ, полюбилъ ее и навсегда остался самаго выгоднаго мнѣнія о умѣ ея и достоинствахъ. Она такъ мнѣ нравилась, что ежели бы не надѣла рясу, я бы готовъ былъ войти съ ней въ искреннюю связь сердечную, т. е. влюбился бы въ нее по уши.

Дуровъ.

27-го Октября. Дмитрій Петровичъ, Тамбовской помѣщикъ и Владимирской постоянной обыватель. Описывать я его не стану. Любопытные могутъ портретъ его найти въ моей комедіи „Дурыломъ". Я его узналъ, живши во Владимирѣ. Шуринъ его родной былъ мнѣ дядя, и это сдѣлало начало нашего знакомства. Онъ охотникъ былъ до всякой церемоніи, а потому отправлялъ похороны первой моей жены и женитьбу мою на второй. При семъ послѣднемъ обстоятельствѣ, онъ выпустилъ пресмѣшную штуку: зная, что до второй моей женитьбы у меня была связь съ одною женщиною и, вообразивши, что та особа отъ ревности можетъ меня потаенно изурочить, онъ разсудилъ къ дверямъ спальни нашей поставить часовыхъ, для охраненія нашего брачнаго ложа отъ порчи и корешковъ. Кому, кромѣ такого чудака, каковъ былъ Дуровъ, войдетъ подобная мысль въ голову? Я долго этому смѣялся и никогда не забуду. Жена его, добрая женщина, благословляла меня образомъ, при отпускѣ къ вѣнцу; потому что, не имѣя родныхъ во Владимирѣ, она была

со мной въ ближайшемъ сватовствѣ. Сколько случаевъ важныхъ, воспоминающихъ мнѣ это семейство!!! А самъ Дуровъ будетъ всегда тревожить мое воображеніе, когда я укорять себя стану въ моей надъ нимъ насмѣшкѣ, слишкомъ публичной и напечатанной. Я себѣ не прощаю, что выпустилъ въ свѣтъ на счетъ его комедію „Дурылома", и хотя такихъ оригиналовъ, какой осмѣянъ въ ней, вездѣ много, даже и въ столицахъ, однако я самъ отъ себя никогда не утаю, что она точно писана на Дурова, и потому онъ всегда возбуждать будетъ во мнѣ непріятныя укоризны совѣсти.

Дюнантъ.

20-го Іюня. Адріянъ Егоровичъ, вицъ-губернаторъ Владимирской, человѣкъ, котораго я, при самомъ концѣ жизни, еще съ ужасомъ и отвращеніемъ вспомню. Онъ былъ жестокой лихоимецъ; его, при видѣ мзды, не поражалъ ни стонъ старца, ни вопль младенца. Корысть была его божество. Я принужденнымъ нашелся служить съ нимъ и унимать его. Естественно было очень навлечь на себя всю его злобу; ибо правила наши были такъ между собой различны, какъ огонь и вода. Я былъ ему тяжелъ на вѣсу; онъ всячески хотѣлъ меня избавиться, и когда я, выведя его плутни наружу, готовъ былъ его совсѣмъ выгнать изъ службы, онъ воспользовался самымъ мелкимъ безпорядкомъ при рекрутскомъ наборѣ, а именно: посредственной стройкой мундировъ изъ крестьянскаго сукна, за которой я самъ полѣнился или, лучше сказать, не имѣлъ досугу присмотрѣть, и, отправя на меня потаенной доносъ, наполненной лжи и ядовитаго коварства, къ министру юстиціи, возжегъ противъ меня желчь всѣхъ моихъ Петербургскихъ завистниковъ. Беречь меня никто не хотѣлъ, потому что я, не наживаясь, не могъ ни съ кѣмъ дѣлиться. Возстала противъ меня буря зѣльная, и я лишенъ службы; слѣдовательно, Дюнантъ былъ орудіе Божіе, нанесшее мнѣ множество тяжкихъ бѣдъ и болѣзней душевныхъ. Имя его всегда будетъ приводить всѣ чувства мои въ волненіе. Онъ не имѣлъ ни способностей, ни ума, ни правилъ, ниже наружнаго обращенія, но, приведя наглое плутовство

въ систему, зналъ, какъ, посредствомъ онаго, угождать министерскимъ наушникамъ и клевретамъ. Сей одной подлой хитрости обязанъ былъ успѣхомъ своимъ въ службѣ и торжествомъ надо мной, и скоро, однакожъ, послѣ того пристойнымъ образомъ отошелъ отъ дѣлъ, хотя по неволѣ, но безъ всякаго оскорбленія.

Евгеній.

28-го Апрѣля. Архіерей Курской и Бѣлоградской. Человѣкъ достойный въ своемъ званіи, ума просвѣщеннаго, нрава чувствительнаго. Я весьма случайно съ нимъ ознакомился. Онъ сочинилъ проповѣдь и произнесъ ее надъ гробомъ митрополита Платона въ день похоронъ его; проповѣдь была хороша, но забыта частію отъ зависти, а больше по смутнымъ обстоятельствамъ того времени. Годъ спустя, эта предика попалась мнѣ въ руки, я ее прочелъ съ удовольствіемъ и, уважая память Платона, хлопоталъ о напечатаніи ея, въ чемъ и успѣлъ. Это положило начало нашему знакомству съ Евгеніемъ; онъ былъ тогда архимандритомъ и гонимъ высшими властями. Признательность его ко мнѣ усилила нашу связь: мы стали часто видаться, бесѣдовать о многомъ, узнали другъ друга короче и нашлись въ пріятномъ взаимномъ отношеніи. Участь его скоро улучшилась, достоинства сдѣлались виднѣе, наконецъ онъ посвященъ въ епископа и ни мало не кичился такой благопріятной перемѣной въ судьбѣ его. Знакомство наше продолжается и понынѣ, и я не рѣдко съ нимъ переписываюсь; письма его всѣ наполнены живости, огня и чувствительности, въ нихъ видна вся душа его, какъ въ чистомъ зеркалѣ, и такіе пастыри, каковъ онъ, рѣдко водятся въ нашей духовной іерархіи.

Евгеновъ.

16-го Декабря. Учитель Россійской словесности въ мое время въ Владимирской гимназіи, молодой человѣкъ съ хорошими познаніями и благородными правилами. Онъ нѣкоторое время обучалъ меньшихъ дѣтей моихъ, и я доволенъ

былъ ихъ успѣхами. Будучи въ толпѣ простолюдиновъ, и по низкому еще чину, и по незнатному своему происхожденію, онъ памятенъ мнѣ остался по одному событію, отъ котораго я навлекъ на себя непріятныя хлопоты. Достоинства, отличавшія его отъ прочихъ сотоварищей въ школѣ, скоро возбудили противъ него ревность мѣстнаго начальства: начали его притѣснять и добились отъ министра просвѣщенія выключки его изъ университетскаго вѣдомства. Евгеновъ лишился почти пропитанія: онъ имѣлъ жену, дѣтей, и я хотя готовъ былъ принять въ немъ участіе, но не могъ ополчаться противъ правительства, посторонняго въ отношеніи къ моему званію. Министръ былъ графъ Разумовской, знатной баринъ и послушникъ своихъ секретарей; непосредственной подъ нимъ начальникъ надъ гимназіями, приписанными къ Московскому округу, въ томъ числѣ и Владимирской, былъ сенаторъ Кутузовъ, также сильный человѣкъ въ пронырствѣ и въ связяхъ съ своимъ министерствомъ. Онъ, не удовлетворясь выключкой Евгенова, пустилъ злобу свою далѣе и требовалъ отъ меня, чтобъ я выслалъ его въ 24 часа изъ Владимира. Будучи вовлеченъ въ сію распрю, я письменно отрекся исполнить такое требованіе, котораго не только одно лицо, ниже какой трибуналъ произнести не можетъ безъ формальнаго суда и царскаго соизволенія. Кутузовъ хотѣлъ отстоять свое мнимое право, защищалъ министра, сей того же отъ меня потребовалъ. Я торжественно и ему отказалъ. Дѣло сдѣлалось громко. Переписка наша становилась колка; но, какъ со мной ни боролись учебныя власти, однако принуждены были отступиться отъ своей претензіи. Евгеновъ не только не высланъ изъ Владимира, но скоро потомъ снова принятъ въ ученое вѣдомство и помѣщенъ былъ въ такую же должность, какую отправлялъ въ Владимирѣ, и съ тѣмъ же окладомъ, въ Тульскую гимназію, гдѣ имѣлъ болѣе случая оказать свои дарованія, сочинялъ прекрасныя рѣчи, изъ коихъ иныя были печатаны въ журналахъ, и по всѣмъ симъ происшествіямъ имя его всегда будетъ мнѣ памятно.

Евлампій.

12-го Апрѣля. Архіерей, сперва Архангелогородской, а потомъ Калужской, искреннѣйшій пріятель нашего дома. Я съ нимъ ознакомился, когда онъ былъ еще Донскимъ архимандритомъ. Онъ очень часто посѣщалъ насъ, просиживалъ съ нами по цѣлымъ вечерамъ, трапезничалъ съ нами, и бесѣда его наполнена была пріятности. Онъ очень ловокъ былъ въ обращеніи съ людьми большаго свѣта, даже незастѣнчивъ и съ дамами всегда благопристоенъ; не измѣняя сану своему онъ умѣлъ согласить важность его съ тонкостями общежитія гражданскаго, и едва не одинъ ли онъ, во всемъ современномъ духовенствѣ, могъ назваться достойнымъ монахомъ и любезнымъ собесѣдникомъ вмѣстѣ. Сіи два качества соединить не всѣ монахи наши умѣютъ. Таковъ былъ Евлампій и въ настоятеляхъ, и въ пастыряхъ, въ словѣ, и въ уединеніи. Онъ служилъ прекрасно, и одинъ приблизился къ Платону съ стороны сановитой наружности въ облаченіи, былъ ученъ и довѣрчивъ. Я нерѣдко съ нимъ самъ обѣдывалъ въ его пустынной кельѣ. Судьба скоро насъ разлучила: я поѣхалъ въ Володимеръ на службу, а онъ пасти Холмогорскихъ овецъ въ Архангельскъ. Тамъ долго прожилъ въ ужасной скукѣ, но сіе послужило ему въ пользу; ибо онъ оттуда прибылъ въ Калугу совершеннымъ анахоретомъ. Тамъ я его видѣлъ, гостилъ у него и не могъ съ нимъ наговориться. Онъ во всѣхъ событіяхъ моего семейства, пріятныхъ и горестныхъ, всегда принималъ живѣйшее участіе, служилъ нѣсколько разъ въ нашей домовой церкви, будучи еще архимандритомъ, переписывался со мной очень часто изъ Архангельска и Калуги. Онъ былъ уроженецъ Владимирской, гдѣ я нашелъ мать его старушку и все его семейство, всѣмъ имъ старался быть полезенъ, паче меньшому брату его, дьякону, о которомъ упомянется особо (см. Измаилъ). Сей неосторожной человѣкъ много мнѣ надѣлалъ хлопотъ, кои я вытерпѣлъ изъ одной пріязни къ Евлампію, и тотъ мнѣ былъ признателенъ. Столь многія и различныя съ нимъ отношенія сдѣлали насъ совершенными друзьями, и любовь его ко мнѣ продолжалась до конца дней его. По нашествіи непріятеля

въ Москву. Евлампій управлялъ, кромѣ своей епархіи, еще и Смоленской. Онъ тамъ написалъ посланіе прямо въ апостольскомъ духѣ, коимъ ободрялъ ихъ и укоренялъ въ правилахъ вѣры и добродѣтели. Сдѣлавшись въ тоже время хворъ, велъ самую смиренную, монашескую жизнь, принималъ подъ кровъ свой больныхъ, ходилъ за ними и, раздраживши тѣмъ собственные свои недуги, послѣ кратковременной болѣзни, скончался и погребенъ въ Калужскомъ соборѣ На камнѣ надгробномъ, которой иждивеніемъ брата его и отчасти моимъ стараніемъ надъ нимъ воздвигнутъ, высѣчена моего сочиненія надпись, которую я принесъ, какъ малую жертву, въ даръ праху достойнаго друга и пастыря, съ коимъ я былъ связанъ долгое время жизни моей тѣснѣйшими узами чистой и нелицемѣрной пріязни.

Екатерина.

1 Генваря. Начиная сей календарь или памятникъ моихъ отношеній, чье имя приличнѣе могу выставить въ самомъ заглавномъ числѣ года, какъ не той мудрой Владычицы Россійской, подъ скиптромъ которой имѣлъ я счастіе родиться и причисленъ былъ къ сонму обитателей огромной и блаженной ея имперіи? Такъ, великая Вѣнценосица! Въ первой день года воспоминаю твои щедроты, собственно на меня изліянныя; предложу тебя здѣсь въ началѣ радованія моего и симъ принесу тебѣ жертву моего благоговѣнія и благодарности. Не всуе сказано выше, что я имѣлъ счастіе родиться, когда она уже царствовала, потому что вѣкъ ея былъ, конечно, золотой вѣкъ нашего Отечества. О ней весьма справедливо сказалъ нашъ Гомеръ по славѣ и по таланту:

„Самодержавья скиптръ желѣзной
Моей щедротой позлащу“.

Во дни ея царствованія я воспитался и выросъ въ Россіи. Отцу моему хотѣлось, чтобъ я воспользовался патентомъ Польскимъ, случайно выпрошеннымъ мнѣ дядей моимъ, и принялъ тамъ службу; но Государыня не соизволила меня на сихъ условіяхъ отпустить въ чужіе края. И такъ я записанъ прапорщикомъ въ армейской полкъ и скоро потомъ

переведенъ былъ, по имянному указу, въ офицеры въ гвардію и тамъ происходилъ чинами. По тогдашнему обычаю первой день года былъ днемъ повышенія для чиновъ гвардіи, слѣдовательно, и для меня нѣсколько лѣтъ былъ днемъ радости.

Будучи уволенъ къ статскимъ дѣламъ бригадиромъ, я подавалъ ей прошеніе о помѣщеніи меня къ должности и, безъ всякаго исканія и домогательства сторонняго, тотчасъ опредѣленъ въ вицъ-губернаторы въ Пензу, гдѣ прослужилъ до самой ея кончины, которой не перестану оплакивать, какъ эпохи, откуда начались мои неудачи въ гражданской службѣ. При ней все обѣщало мнѣ лестную будущность. Я никогда не имѣлъ случая ни близокъ быть къ ней, ни удостоиться особеннаго ея вниманія, но, будучи еще адъютантомъ въ полку гвардіи, часто ѣзжалъ обѣдать за ея столомъ въ Царское Село, и тамъ видалъ ту привѣтливость ея ко всѣмъ, которой плѣнялись дворъ и вся имперія. У меня хранятся донынѣ два весьма милостивые рескрипты, писанные ею къ моей бабкѣ, во время монастырскаго ея уединенія въ Кіевѣ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе недостатковъ ея по человѣчеству и политическаго ея поприща; не кстати также писать и панегирикъ ея. Перваго не могу, послѣдняго не умѣю. Для меня довольно вспомнить въ сихъ строкахъ съ сердечной признательностію то время, которое, подъ кроткой ея державой, наслаждался я всѣми благами міра потому что она не любила нарушать ни спокойствія, ни счастія подданныхъ своихъ, когда они не возмущали ея противъ себя поступками недостойными. По милости ея первая жена моя имѣла 2000 рублей въ Ломбардѣ, пожалованные ей Екатериной на приданое, за удачное представленіе оперы въ Смольномъ монастырѣ, въ которой Государыня часто ѣзжала искать себѣ, среди дворянскихъ сиротъ, щедротами ея призрѣнныхъ, отрадъ и отдохновенія отъ тяжкихъ трудовъ государственныхъ. Оставляя нынѣшняго вѣка людямъ порицать самодержавіе Екатерины, я умру съ той мыслію, что ея самовластительство гораздо сноснѣе для народовъ, чѣмъ всѣ конституціонныя хартіи новыхъ законодателей: ибо гдѣ царь благоутробенъ, тамъ всякой спитъ спокойно и вѣренъ въ своемъ добрѣ, счастіи и свободѣ. Чего же больше?

Елагина.

10-го Янв. Любовь Владимировна. дѣвушка ничего не значующая, но пригоженькая собой довольно, чтобъ понравиться мальчишкѣ въ 20 лѣтъ. Мнѣ было не больше, когда я свелъ знакомство съ ней и съ ея семействомъ. Отношенія наши продолжались недолго. Братья ея служили со мной въ одномъ полку, потомъ мы раззнакомились совершенно, и я никакого участія не принималъ въ ихъ домѣ. Помѣщаю здѣсь имя сей барышни только потому, что волочился за нею и въ одно лѣто часто къ нимъ ѣздилъ. Они имѣли за городомъ дачу. Отецъ былъ самый странный чудакъ. Живучи на Петергофской дорогѣ, окруженъ садами роскошнѣйшихъ бояръ, онъ велъ родъ жизни собственно свой и весьма необыкновенный, то есть не выходилъ изъ халата, не снималъ колпака, ужиналъ лѣтомъ въ 8 часовъ вечера и имѣлъ привычку всей семьей, по окончаніи стола, пѣть: „О тебѣ радуется". Мнѣ случилось какъ-то попасть къ нимъ въ это время; я долженъ былъ покориться ихъ обычаю и, вытянувшись передъ своимъ приборомъ въ щегольскомъ фракѣ, затянулъ съ ними Богородичну пѣснь. Я не могу донынѣ вспомнить безъ смѣха того вечера. Должно признаться, что на такомъ бойкомъ пути, каковъ Петергофской, по которому всякой ѣзжалъ къ кому-нибудь или слушать музыку, или смотрѣть ракетокъ, или плясать до восхода солнечнаго, на такой дорогѣ видѣть только одинъ домъ, въ которомъ хозяева, отужинавши, тогда какъ собираются еще полдничать, и всякой, въ одѣяніи почти ночномъ, тянетъ церковные тропари, признаться, говорю, должно, что такой обычай обращался въ настоящее посмѣшище и соблазнъ, и это меня отучило волочиться за Любовью Владимировной, которую съ тѣхъ поръ нигдѣ не имѣлъ случая видѣть и о которой, виноватъ, кромѣ потѣхи, ни почему не имѣю причины вспомнить.

Еропкинъ.

14-го Сентября. День, напоминающій сильной патріотической подвигъ того лица, о которомъ говорить намѣренъ.

Петръ Дмитріевичъ, человѣкъ, знаменитой подвигами ге-

ройства ратнаго и отечественнаго духа. Онъ одинъ защитилъ столицу отъ мятежниковъ и убійцъ архіерейскихъ и возстановилъ въ ней спокойствіе тогда, какъ всѣ чиноначальники бѣжали изъ нея, убоясь повальной заразы, свирѣпствовавшей во всей Москвѣ. Сей великой мужъ былъ потомъ и самъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, въ послѣднихъ годахъ царствованія Екатерины. Онъ, по женѣ своей, былъ съ нашимъ домомъ нѣсколько въ родствѣ, и поэтому я былъ къ нему въѣзжъ во всякое время. Онъ имѣлъ превосходный даръ слова и, въ состязаніи о разныхъ ученыхъ предметахъ въ дни собранія, умѣлъ занимать своихъ гостей разумной бесѣдой. Всѣ слушали его съ удовольствіемъ. Я донынѣ помню разговоръ его съ пріятностью; въ немъ я много почерпнулъ для себя полезнаго. Домъ Еропкина и нѣсколькихъ другихъ старѣйшинъ въ Москвѣ служилъ мнѣ, такъ сказать, приготовительной школой ко вступленію въ общежитіе гражданское. Этотъ старичокъ удостоивалъ меня своего вниманія, принималъ благосклонно, не отвращался иногда отъ разговора и со мной, и я долженъ имя его помнить съ постояннымъ уваженіемъ.

Графъ П. А. Ефимовской.

14-го Іюня. Случай, нѣкогда сегодня происшедшій въ его деревнѣ, приводитъ мнѣ и село, и помѣщика на память.

Графъ Петръ Андреевичъ, мужъ сестры моей родной, съ которой онъ прижилъ двухъ сыновей и дочь, дошедшихъ до совершеннаго возраста; мы съ нимъ служили въ молодости, въ разныхъ полкахъ гвардіи, но жили въ одно время въ Петербургѣ, и весьма согласно. Разныя шалости нашихъ молодыхъ лѣтъ, впрочемъ, очень невинныя, приходятъ мнѣ часто на мысль и веселятъ мое воображеніе. Мы вмѣстѣ отправляли Шведской походъ, предпринимали разныя близкія путешествія. Въ Москвѣ живучи, по моей и его отставкѣ, проводили время пріятнѣйшимъ образомъ; я гащивалъ у него въ подмосковной, и тамъ, на свободѣ, увеселялись разными сельскими забавами. Тамъ послѣдовалъ съ нами одинъ несчастной случай, котораго испугъ навсегда остался мнѣ памятнымъ. Въ деревнѣ его, Берестовѣ, вздумали мы съ нимъ на кресть-

янскихъ невзнузданныхъ лошадяхъ сами править телѣгой и проѣхаться по полямъ, спускаясь подъ гору. Лошади насъ помчали, мы не могли, и нечѣмъ было, ихъ удержать; оставалось предаться въ волю Промысла. Лошади увлекали насъ въ оврагъ, подъ крутизной котораго текла рѣчка, усѣянная каменьями. Казалось, неизбѣжная и мучительная смерть въ этой пропасти насъ ожидала. Все это происходило въ глазахъ нашихъ женъ, которыя ѣхали поодаль за нами въ коляскѣ, и никто изъ людей, ихъ сопровождавшихъ, не могъ намъ подать никакой помощи. Богъ одинъ могъ спасти и спасъ насъ чудеснымъ образомъ. Уже близко мы были къ стремнинѣ, какъ вдругъ изъ оврага выскочила собака, лошади ея испугались, своротили въ крутѣ на чистое поле, и при этомъ скачкѣ насъ обоихъ выкинули изъ телѣги, а клячи поскакали порожнякомъ. Ставши на ноги, мы увѣрились, что мы живы, но съ горяча, не знали еще, все ли въ насъ цѣло. Пріѣхавши домой, осмотрѣлись и, благодаря Бога, все это происшествіе кончилось однимъ страхомъ, и послѣдствія его были ужаснѣе для женъ нашихъ, нежели для насъ самихъ: онѣ сильно были встревожены. На другой день все прошло, и мы этому смѣялись. Зять мой, по кончинѣ сестры, женился и прижилъ со второй женой, совсѣмъ намъ незнакомой, еще двухъ дочерей. Это было остудило наше взаимное другъ къ другу расположеніе, но дѣти сестры моей всегда привязывали нашъ домъ къ ихъ семейству. Графъ потомъ развелся съ своей женой и посвятилъ всего себя дѣтямъ сестры моей. Отношенія наши возобновились, и мы донынѣ живемъ въ хорошемъ родствѣ и пріязни между собой. Дѣти сестры моей переросли: старшій сынъ женился, овдовѣлъ и вступилъ въ новое супружество; дочь, предметъ всѣхъ попеченій и любви неограниченной отца своего, выдана, по склонности своей, замужъ; а меньшой сынъ, отмѣнныхъ правилъ и свойствъ молодой человѣкъ, лучшенькой потомокъ знаменитаго рода Ефимовскихъ, дѣтище, на которомъ утверждались всѣ надежды отца и семейства, вступя въ военную службу и прослужа въ оной нѣсколько лѣтъ, съ отличной похвалой всѣхъ своихъ начальниковъ, имѣлъ несчастіе утонуть, купавшись въ деревнѣ отца своего, и погибъ невозвратно въ то самое

время жизни своей, когда Фортуна льстила ему отличнымъ повышеніемъ, и генералъ Дибичъ, у котораго онъ былъ адъютантомъ, готовился ходатайствовать о переводѣ его въ гвардію. Столь жестокая кончина сего молодаго человѣка всѣхъ насъ поразила. Я его любилъ искренно, онъ преданъ мнѣ былъ безъ лицемѣрія, и я смѣло могу сказать, что въ нисходящей чертѣ моего родства не было человѣка, къ которому бы я такъ привязанъ былъ, какъ къ Михайлѣ Ефимовскому, и безъ всякаго пристрастія, а особенно за его отличныя качества ума и сердца. Вотъ картина моей связи съ Ефимовскимъ, которая, не смотря на измѣну многихъ обстоятельствъ, сохранилась тверда и одинакова даже за предѣломъ гроба сестры моей, которая была начальной и осталась единственной въ памяти моей причиной отношеній нашихъ съ сей фамиліей.

Жуковской.

31-го Мая. Василій Андреевичъ, молодой піитъ, заслужившій скоро и чуть ли не рано, знаменитую славу на Россійскомъ Парнассѣ. Я его люблю, но большой пріязнью его похвастаться не могу: потому что мало имѣлъ случая съ нимъ обращаться, и не было между нами свычки, а безъ нея нѣтъ и пріязни. Я посылалъ къ нему иногда стишонки, коихъ нѣтъ, однако, въ печати. Отношенія мои съ нимъ начались съ моего юношества. Онъ числился канцелярскимъ служителемъ въ Соляной Конторѣ, когда я служилъ въ ней старшимъ членомъ, и былъ подъ моимъ начальствомъ; тамъ я замѣтилъ его дарованія, совѣтовалъ ему ихъ упражнять свободнѣе и исключительнѣе; онъ скоро вышелъ изъ гражданской службы и попалъ въ ученую сферу, въ которой теперь наслаждается громкимъ титломъ лучшаго нашего литератора. По сей причинѣ упоминаю здѣсь о немъ, не такъ какъ о личномъ своемъ другѣ или близкомъ мнѣ человѣкѣ по сердцу, но какъ о достойномъ и просвѣщенномъ братѣ моемъ во Аполлонѣ.

Жуковъ.

24-го Іюля. Василій Михайловичъ, хорошій пріятель мой въ молодости. Мы съ нимъ видались очень часто, онъ посѣщалъ домъ нашъ и былъ въ немъ коротокъ, любилъ

стихи, большой энтузіастъ былъ Вольтера, и сходство нашихъ вкусовъ связало наше дружество. Однажды, просидя у насъ весь вечеръ и съ жаромъ говоря о словесности, поѣхалъ, отужинавши съ нами не поздно; домой. На завтра нужно было доставить ему какую-то книгу. Старичокъ нашъ, Классонъ, къ нему поѣхалъ, но Жуковъ уже простился съ міромъ. Сильной параличъ убилъ его скоропостижно, и едва онъ испустилъ духъ, какъ посланной нашъ засталъ еще свѣжее тѣло его на постели, у которой стоялъ столикъ его ночной и на немъ погашеная свѣча съ разогнутой книгой: это были Вольтеровы сочиненія, которыя онъ читалъ, видно, ложась спать каждодневно. Вѣсть о кончинѣ его, и столь скоропостижная, насъ очень тронула Мнѣ было его очень жаль; отношенія наши были очень пріятны, я любилъ его бесѣду, пренія, образъ мыслей. Онъ умеръ еще молодъ и могъ бы быть полезенъ обществу смертныхъ въ разномъ смыслѣ. Въ книгахъ моихъ напечатаны стихи, сочиненные мной на сей печальной случай и которые нынѣ еще напоминаютъ мнѣ его очень живо и продолжаютъ мое искреннее о немъ сожалѣніе.

Загоскины.

9-го Мая. Наталья Михайловна, женщина милая и почтенная. Я познакомился съ ней въ Пензѣ. Она была по себѣ Мартынова и замужемъ за Николаемъ Михайловичемъ Загоскинымъ. Во время нашего житья въ тамошней губерніи, она всѣхъ болѣе снискала любовь жены моей и близка была къ ней; симпатія соединила сихъ двухъ женщинъ узломъ искренняго дружелюбія: онѣ взаимно другъ друга уважали и заслуживали обѣ всеобщее почтеніе. Г-жа Загоскина была собой не красавица, но имѣла всѣ тѣ дары и свойства природы, которыми мущины плѣняются преимущественно. Пылкой характеръ, умъ здравой и обработанной собственными навыками болѣе, нежели книгами, пріятное обращеніе, ловкая поступь и наружность заманчивая, все это влекло меня къ ней чрезвычайно; я сдѣлался короткимъ пріятелемъ всего его дома, а по ней и всего семейства добрыхъ стариковъ Мартыновыхъ, ея родственниковъ, въ разномъ степени и званіи:

ибо отецъ ея былъ женатъ на трехъ женахъ и отъ всѣхъ имѣлъ дѣтей. У нихъ была деревня въ 25 верстахъ отъ Пензы, по имени Рамзай; я туда ѣзжалъ всякую недѣлю, на всѣ свободные дни отъ службы; тамъ, въ сельской простотѣ, я находилъ неизъяснимую прелесть въ сообществѣ Натальи Михайловны и откровенно всегда съ нею обращался. Она часто бранивала меня за мою вѣтренность и легкомысліе, но изъ любви къ женѣ моей никогда меня не отгоняла отъ себя. Привыкнувши запросто съ ней обходиться, я не смѣлъ ей сдѣлать никакой довѣренности, оскорбительной для ея самолюбія; она строго чтила обязанности свои и сохраняла ихъ ненарушимо во всякое время; я столько почиталъ ее и боялся, что не смѣлъ въ нее влюбиться, а пріучилъ себя быть ея другомъ и старался заслужить тоже названіе себѣ. Милая женщина, я тебя никогда не забуду! Сколько случаевъ представляется мнѣ на мысль такихъ, кои заставляютъ меня быть ей преданнымъ, благодарнымъ, обязаннымъ! Къ оправданію сихъ громкихъ словъ, приведу два примѣра. Когда Павелъ I-й меня отставилъ, а жена поскакала въ Петербургъ, я съ сестрой своей долженъ былъ переѣзжать въ Москву. Она, узнавши, что я пораженъ своими обстоятельствами и худо ихъ переношу, рѣшилась, не смотря на молву, которая преслѣдовала ее, желая очернить самую цѣну подвига, проводить насъ до Москвы, и, къ облегченію тоски моей, выдержала зимой самое непріятное и дальнее путешествіе. Всякой ли другой это сдѣлаетъ? Потомъ, какъ жена моя въ Володимерѣ была при смерти больна и пожелала имѣть при себѣ простую крестьянскую дѣвку, которая бы за ней ходила, Наталья Михайловна, узнавши о томъ, тотчасъ ее прислала. Не грѣхъ ли забывать подобныя услуги, особенно когда одна чистѣйшая дружба къ нимъ располагаетъ? Теперь, когда мы уже совсѣмъ не видимся, живучи всегда въ разлукѣ, и по смерти жены моей Евгеніи, я вдвое болѣе люблю ее за то, что она умѣла цѣнить жену мою, умѣла сдѣлаться ей хорошей пріятельницей и до сихъ поръ памятуетъ объ ней съ слезами. Какъ пріятно было мнѣ видѣть самое вѣрное тому доказательство! Въ послѣднее мое у нихъ посѣщеніе, скоро по смерти матери моей, домашнія обстоятельства заставили меня

ѣхать въ свое Нижегородское имѣніе; побывавши тамъ, я разсудилъ съѣздить въ Пензу повидаться со всѣми старыми моими знакомыми, а наипаче хотѣлъ посѣтить домы Струйскихъ и Загоскиныхъ и показать имъ на дѣлѣ, что я люблю помнить друзей моихъ. Со мною ѣздила туда жена моя нынѣшняя и дѣти. Мы были опять въ Рамзаѣ и прожили тамъ съ недѣлю. А дабы яснѣе еще доказать, что я этотъ путь предпринималъ нарочно для Натальи Михайловны, я не заѣзжалъ въ Пензу, не смотря на близость разстоянія, и прямо изъ Рамзая поѣхалъ домой въ Москву. Съ какимъ восхищеніемъ я нашелъ тамъ въ новомъ домѣ, прекрасномъ садѣ и между предметами мнѣ вовсе незнакомыми, на каждомъ шагу что-либо напоминающее мнѣ Евгенію! Тамъ ея портретъ, тутъ ея вензель. Наталья Михайловна сохранила многія ея письма къ ней, и я ихъ перечитывалъ съ удовольствіемъ. Съ какими умилительными слезами я орошалъ каждодневно поутру темный сводъ акаціевъ въ сгущенномъ лабиринтѣ, подъ которымъ посвящена была Евгеніи печальная урна, окруженная ея любимыми полевыми цвѣтами. Долго хозяйка скрывала отъ глазъ моихъ тропу, ведущую къ сему пустынному памятнику; она не для хвастовства его соорудила, но желала удовлетворить своему сильному чувству любви къ безподобной ея подругѣ; я напалъ на тайную стезю сію, сердце мое проводило меня къ урнѣ, и я каждое утро приходилъ обнять ее и поплакать. Подобныя жертвы никогда не забываются. Тамъ, въ моихъ вечеровыхъ прогулкахъ по рощамъ и полямъ, я сложилъ стихи, кои напечатаны въ книгахъ моихъ подъ названіемъ: „Воспоминанія въ Рамзаѣ“. Скоро послѣ сей новой разлуки съ хозяевами онаго, я прислалъ Натальѣ Михайловнѣ списокъ съ послѣдняго миніатюрнаго портрета покойной жены моей, которой она бережетъ, какъ рѣдкое сокровище, и я, не обижая никого, могу сказать, что едва ли теперь есть между современницами Евгеніи женщина, которая бы осталась такъ привязана къ ней, какъ г-жа Загоскина. Я не стану здѣсь говорить ни о мужѣ ея, ни о дѣтяхъ: всѣ они милы мнѣ, потому что принадлежатъ ей. Изъ всѣхъ отношеній случайныхъ, коими я тетрадь сію наполняю, почти нѣтъ ни одного, которое бы я напоминалъ съ такимъ удо-

вольствіемъ, какъ знакомство мое съ Натальей Михайловной. Такъ, я никогда и нигдѣ ея не забуду; всегда и вездѣ мысль моя представитъ мнѣ съ восхищеніемъ Рамзай, мѣсто, наполненное для меня пріятнѣйшихъ событій и воспоминаній. Какъ часто я воображаю этотъ день моихъ именинъ, которой мы рѣшились проводить своими двумя семьями на большой дорогѣ, между Пензой и Рамзаемъ, завтракали дома, обѣдали въ 8 верстахъ отъ города, подъ шатромъ и съ пушечной пальбой, полдничали въ 15-ти верстахъ подъ другимъ наметомъ съ роговою музыкою, а къ ужину доѣхали въ Рамзай, гдѣ крестьянскіе короводы довершили празднество дня. Въ какомъ городѣ такъ просто и весело расположимъ и проведемъ время? Театръ природы самое лучшее мѣсто для всякаго торжества пріязни.

Закревскія.

22-го Октября. Двѣ молодыя благородныя дѣвушки, жившія съ вдовымъ отцомъ своимъ на дачѣ въ сосѣдствѣ графа Строганова, у котораго, на Каменномъ острову, мы съ первой женой цѣлое лѣто препроводили въ особомъ домикѣ, на Невѣ, весьма пріятно. Я съ ними не былъ вовсе знакомъ, не смотря на близкое сосѣдство; ибо онѣ вели какой-то особой родъ жизни, имъ свойственной, слыли наѣздницами на коняхъ, сожигали у себя на дачѣ частые фейерверки, производили пальбу изъ пушекъ, словомъ проводили время на подобіе молодыхъ людей въ военномъ станѣ или кочующихъ народовъ. Я бы совсѣмъ объ нихъ забылъ, не видавши ихъ потомъ нѣсколько лѣтъ, естьли бъ не приходила мнѣ часто на мысль, вмѣстѣ съ именемъ ихъ, смѣшная проказа. Противъ нашего флигеля была на берегу Невы уютная бесѣдочка, въ которой я, бывало, раздѣвшись поутру, пойду купаться и, воротясь изъ воды, опять въ ней одѣнусь. Однажды, лишь только я вошелъ въ рѣку и искалъ мѣста, гдѣ погрузиться, какъ услышалъ топотъ лошадей и взвидѣлъ скачущихъ на нихъ двухъ барышенъ Закревскихъ. Я тотчасъ кинулся въ воду, и онѣ проѣхали; потомъ я, вынырнувъ, сталъ плескаться водою. Барышни опять проскакали. Я опять нырнулъ въ воду, и какъ

слѣдъ ихъ совсѣмъ пропалъ, я выкупался, вышелъ и достигалъ уже бесѣдки, но вдругъ онѣ же, и шагомъ, опять ѣхали по берегу. Я стоялъ уже на отмели, но бесѣдка была еще шагахъ въ 50-ти, броситься въ воду негдѣ, да и не спрячешься; и такъ я разсудилъ очень тихимъ шагомъ, въ водѣ только по колѣни, шествовать къ моему домику; а онѣ, нимало не смущаясь, шажкомъ переѣхали, и имѣли все время высмотрѣть, счастливо ли я былъ одаренъ отъ природы.

Зиновьевъ.

10-го Декабря. Михаилъ Николаевичъ. Стихи меня съ нимъ ознакомили и сдѣлали насъ хорошими пріятелями подъ старость. Онъ ведетъ со мной дружескую переписку, живучи всегда въ Орловской своей деревнѣ, мало имѣетъ случаевъ со мной лично видѣться; тѣмъ занимательнѣе наши сношенія. Онъ такъ меня любитъ, что безъ восторга говорить о произведеніяхъ моихъ не можетъ. Недавно онъ, переведя осьмую сатиру Буало *), поручилъ ее моему разсмотрѣнію и, потомъ, напечатавъ оную, посвятилъ мнѣ съ привѣтствіемъ въ стихахъ. Я также часто къ нему писывалъ деревенскія посланія, изъ коихъ можно видѣть степень нашей взаимной короткости. Богъ знаетъ, долго ли протянется это новое мое отношеніе, но поелику оно началось уже за 50 лѣтъ моей жизни, то вѣроятно не подвергнется измѣненіямъ слѣпаго случая, тѣмъ болѣе, что и онъ уже немного отсталъ отъ меня годами.

*) Изд. въ Москвѣ, 1822 г., 4° съ Фр

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

пятьдесятъ два нумера, выходящихъ еженедѣльно, отъ $2^1/_2 - 3$ листовъ большаго формата, на веленевой бумагѣ, съ 7 — 10 рисунками альбомнаго **размѣра.**

КРОМѢ ТОГО ГГ. ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

I. Двѣнадцать книгъ „Романовъ, повѣстей и разсказовъ“.

II. Двадцать четыре нумера „Новѣйшихъ Парижскихъ модъ“.

III. Двадцать четыре листа образцовъ разныхъ изящныхъ дамскихъ и художественныхъ работъ.

IV. Десять гравюръ съ картинъ Русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

V. Большой стѣнной и справочный календарь.

Новыя безплатныя художественныя приложенія: I. Четыре акварельныя картины: а) „Гаданіе боярышенъ“, художн. С. Верещагина. б) „Тройка“, академ. П. Н. Грузинскаго. в) „Хуторъ въ Малороссіи“, художн. Н. Н. Каразина. г) „На морѣ“, художн. С. Лучшева. II. Двѣнадцать новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ СОСТОИТЪ ИЗЪ ТРЕХЪ КАРТИНЪ (НЕРАЗДѢЛЬНО).

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА (безъ преміи):

Въ С.-Петербургѣ (безъ доставки)	**6 р. 60 к.**	**Съ пересылкою и доставкою**	[illegible] р.
Въ Москвѣ (безъ доставки). . . .	7 „ —	**За границу безъ преміи**	**14** р.

Годовое роскошное изданіе журнала на слоновой бумагѣ съ пересылкою безъ сгиба. **15** р.

За пересылку одной выбранной преміи гг. годовые подписчики съ доставкою, на разст. до 3,000 верстъ отъ Спб., высылаютъ одинъ р., а сверхъ 3,000 верстъ отъ Спб. одинъ р. 50 к. Желающіе получить остальныя два предлагаемыя изданія на выборъ (сверхъ первой выбранной главной преміи), высылаютъ за каждый экземпл. съ перес. по два р.

Годовые подписчики (безъ доставки), желая получить одну премію изъ предложенныхъ на выборъ, доплачиваютъ 75 к., и за остальныя (сверхъ выбранной) по одному р. 50 к. за каждую. Разсрочка допускается, но исключительно чрезъ главную контору.

Адресъ главной конторы: Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

подробное объявленіе съ образцами премій высылается по требованію **безплатно.**

ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива“ 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

Полное изданіе „Русскаго Архива“ за 27 лѣтъ стоитъ 250 рублей (пересылка по разстояніямъ).

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **П. Бартеневъ.**

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

3.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175)

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ РАДОНЕЖСКАГО.

Съ предисловіемъ П. И. Бартенева и со снимкомъ.

Цѣна 50 к. съ пересылкою.

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕКАБРИСТА А. С. ГАНГЕБЛОВА

на веленевой бумагѣ. 282 стр. Цѣна съ перес. два рубля.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИП-СОНА. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

JOURNAL TENU PAR LA PRINCESSE TOURKESTANOW ET LETTRES DE CHRISTIN A UNE DAME DE SA CONNAISSANCE. Ц. 1 р. 50 к.

ФРАНЦУЗСКОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ

MEMOIRES DE LA COMTESSE EDLING

demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elizabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива" (Садовая, д. 175) и на Кузнецкомъ Мосту, въ книжномъ магазинѣ Готье. Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

ПИСЬМА КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ВОРОНЦОВА КЪ АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ *).

Покинувъ намѣреніе свое ѣхать въ чужіе края, Ермоловъ возобновилъ переписку съ княземъ Воронцовымъ. Онъ писалъ ему 5-го Генваря 1848 года изъ Москвы:

Взятіе Салты входитъ въ соображеніе, которое немногимъ можетъ быть легко понятнымъ; мнѣ, имѣющему нѣкоторое понятіе о мѣстности, выгоды пріобрѣтенія представляются подъ разными видами. Вопервыхъ, хорошо преодолѣніе самонадѣяннаго сопротивленія, дабы вразумить, что можетъ быть гибельнымъ безполезное усиліе; напрасныя потери людей, которыхъ не замѣнятъ рекрутскіе наборы, ослабятъ довѣренность къ Шамилю и потрясутъ повиновеніе, для возстановленія котораго, если бы и рѣшился онъ на жестокія мѣры и казнь, онѣ никогда не будутъ такъ дорого стоить, какъ оборона Салты. Вовторыхъ, сообщу я о собственномъ взглядѣ на обстоятельства. Всѣ селенія, лежавшія между Аварскимъ и Казыкумухскимъ Койсу, я не иначе разумѣю, какъ житницы для сохраненія хлѣба, собираемаго на богатыхъ посѣвахъ ихъ окружающихъ и особенно въ окрестностяхъ Салты, чѣмъ существуетъ большая часть населенія Аваріи. Теперь безъ сумнѣнія не только прекратятся работы на этихъ поляхъ, но и самыя селенія уничтожатся кромѣ тѣхъ, которыя укрѣплены и могутъ противиться немногочисленному отряду войскъ. Ихъ надобно будетъ постращать въ послѣдствіи, чего они не выдержатъ, не удаливши женъ и дѣтей. Въ этомъ случаѣ достаточно будетъ дѣйствія нѣсколькихъ орудій. Голодомъ можно будетъ замѣнить штыки. Это назвать можно новымъ способомъ исправлять нравственность. Такъ нѣкогда и я дѣйствовалъ, но только *солью*, которой не было тогда въ другомъ мѣстѣ кромѣ озеръ, принадлежащихъ шамхалу. Вотъ какъ я смотрю на истребленіе Салты. Хорошо понимаю выгоды единства власти въ Дагестанѣ: исчезнутъ интриги, зависть, а можетъ быть даже и неблагонамѣренность.

15.

Тифлисъ, 25 Марта 1848.

Я давно не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ; но это происходитъ отъ того, что дѣла по гражданской части, кромѣ текущихъ и военныхъ, ужасно въ это время накопились и что хотя я, слава Богу, не могу теперь жаловаться на здоровье, но остается, послѣ всѣхъ

---

*) См. выше, стр. 161.

бывшихъ недуговъ, нѣкоторая физическая усталость, мѣшающая мнѣ вставать рано, а первые часы утра всегда были для меня единственное время для дѣлъ немного-важныхъ и для частной переписки. Я теперь на дѣлѣ подтверждаюсь во всегдашнемъ моемъ мнѣніи, что кто не встаетъ рано, мало способенъ для многосложной службы и для дѣлъ вообще, и вижу, съ прискорбіемъ, что или по лѣтамъ, или вслѣдствіе болѣзни прошлаго года, я уже не могу вставать рано.

Какъ ты хорошо сдѣлалъ, что остался на зиму въ Москвѣ и не попалъ въ хаосъ революцій и смятеній, въ который впали, о сію пору уже, почти всѣ государства западной Европы. Можно ли было этого ожидать? И чѣмъ все это кончится, Богъ одинъ знаетъ. Извѣстія, полученныя вчера, о случившемся въ Вѣнѣ, всего поразительнѣе и, можетъ быть, всего опаснѣе; Австрія сама по себѣ ничего, и только удивительно, что мирные граждане Вѣны изъ агнцевъ сдѣлались такъ внезапно хищными звѣрями. Но что́ будетъ въ Богеміи, Галиціи, въ Венгріи и особливо въ Италіи, вотъ чего предвидѣть еще нельзя и что̀ можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. За многое будетъ отвѣчать передъ Богомъ папа Пій IX, отъ котораго пошло нача̀ло этого духа волненія и перемѣнъ, который хотя болѣе или менѣе существовалъ, но вездѣ былъ удержанъ и правительствами, и интересами людей благомыслящихъ и достаточныхъ; когда же папа столь неосторожно вызвалъ, такъ сказать, къ содѣйствію либераловъ, такъ неосторожно и такъ необдуманно: примѣръ его сдѣлался знаменемъ для всѣхъ революціонеровъ, какія бы ни были ихъ собственныя чувства къ главѣ Католической церкви, и съ тѣхъ поръ, можно сказать, что возмутители вездѣ пріобрѣли силу и вліяніе совершенно неожиданное, что̀, вѣрно, не было въ намѣреніяхъ самого папы. Опять скажу: чѣмъ все это кончится, Богъ одинъ знаетъ; надобно дожидаться событій и молить Бога, чтобы умы успокоились и чтобы примѣръ безпорядковъ и потерей, которымъ непремѣнно подвергнется Франція послѣ бывшаго счастливаго ея состоянія, укротилъ хотя до нѣкоторой степени охоту къ слишкомъ сильнымъ перемѣнамъ и къ разрушенію всѣхъ теперешнихъ общественныхъ сношеній.

Общей войны, я все-таки надѣюсь, не будетъ: каждый народъ имѣетъ теперь довольно дѣла до̀ма и довольно силенъ для сопротивленія въ случаѣ нападенія другихъ; но ни Франція, а еще менѣе ктонибудь другой въ силахъ и въ состояніи начать наступательную войну. Одни только Итальянскія дѣла мнѣ кажутся страшными; ибо, ежели Австрія тамъ не будетъ въ силахъ удержать свои владѣнія, то могутъ быть компликаціи опасныя для всей Европы.

У насъ все здѣсь покамѣстъ смирно, и дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Зимнія операціи Фрейтага были этотъ разъ еще сильнѣе и успѣшнѣе, нежели въ двѣ предъидущія зимы. Малая Чечня у насъ, такъ сказать, въ рукахъ, и Большая безъ нея недолго будетъ намъ сопротивляться. Мы теперь съ одного конца до другаго, отъ Владикавказа до Воздвиженска, имѣемъ широкій и свободный путь; но, чтобы отвратить и послѣднее вліяніе Шамиля надъ жителями, надобно будетъ имѣть еще укрѣпленіе около бывшаго Урусъ - Мартана и сильную башню на Гойтѣ, въ 8 верстахъ отъ Воздвиженскаго, а сдѣлать оба эти построенія къ этому году, кажется, невозможно. Въ Дагестанѣ увидимъ, какъ будетъ съ Гергебилемъ; но вообще позиція наша съ той стороны несравненно лучше прежней. Еще на нѣсколько времени непріятель можетъ брать хорошія мѣры для своей защиты, но для наступательныхъ противъ насъ движеній способовъ у него скоро вовсе не будетъ. Недавно было тамъ любопытное событіе. Шамиль собралъ главныхъ наибовъ и объявилъ имъ, что дѣла́ идутъ худо, что отъ нихъ мало содѣйствія и что, не предвидя ничего хорошаго, онъ желаетъ отложиться отъ дѣла и отъ своего названія. Разумѣется, наибы въ ноги, какъ въ старину наши бояре передъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и просили его продолжать его кроткое надъ ними управленіе; онъ долго ломался, говорилъ о своихъ недугахъ, что однимъ манеромъ или другимъ скоро долженъ пропасть и требовалъ чтобы они, во всякомъ случаѣ, назначили ему наслѣдника, которому бы при жизни и послѣ смерти его во всемъ повиновались. По данному напередъ направленію они просили о назначеніи для этого его сына; онъ опять сказалъ, что сынъ молодъ и не знаетъ дѣла, но они опять умоляли, и наконецъ рѣшено, что сынъ его, хотя неученый мальчишка, назначенъ наслѣдникомъ и повелителемъ вездѣ, куда будетъ посланъ отцемъ. Увидимъ чтò изъ этого будетъ; но все это, кажется, болѣе и болѣе доказываетъ разстройство въ настоящемъ положеніи Шамиля. Власть его и полицейская, и духовная не можетъ перейти съ успѣхомъ на неизвѣстнаго ни дѣлами, ни ученіемъ мальчика. Чтобы быть правителемъ свѣтскимъ, надобно имѣть другія качества, самостоятельность и опытъ; а чтобы быть имамомъ, почти калифомъ, надобно имѣть, по магометанскимъ понятіямъ, ученость и лѣтà. Изъ главныхъ наибовъ Кибитъ-Магома не былъ въ собраніи, но долженъ былъ согласиться. Всѣхъ болѣе у него теперь въ ходу Хаджи-Муратъ, которому поручено принять, по усмотрѣнію, мѣры для защиты Гергебиля и укрѣпленія Кара-Койсу отъ впаденія Казикумухскаго Койсу до соединенія съ Аварскимъ.

Посылаю тебѣ маленькое объясненіе на счетъ статьи въ «Кавказѣ» объ агаларахъ. Я надѣюсь, что ты найдешь оное справедливымъ. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; обнимаю тебя душевно и остаюсь на всегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

Начавшіяся на Западѣ политическія замѣшательства встревожили тогда многихъ и у насъ въ Россіи. Ермоловъ писалъ своему другу, 18 Марта 1848 года:

Въ Петербургѣ все дѣлалось съ примѣтнымъ спокойствіемъ и безъ особенной поспѣшности: пріуготовляются къ движенію войска, собираются безсрочные. Дѣятельность по военной части являетъ военнаго министра въ полномъ блистаніи. Скрипъ перьевъ и фельдъегерскихъ повозокъ въ одинаковой степени, а что̀ пишутъ и что̀ развозятъ, увидимъ въ послѣдствіи.

Говорятъ, что бо̀льшая часть войскъ будетъ въ Царствѣ Польскомъ и что Императоръ самъ будетъ командовать. Пойдетъ гвардія и гренадерскій корпусъ. Предполагалось, если бы Австрія требовала помощи, назначить особенную армію подъ начальствомъ графа Палена. Это знаменитость прежнихъ временъ, почти уже баснословныхъ. Мало уже между дѣйствующими именъ знакомыхъ арміи. Мало осталось даже въ числѣ живущихъ! Такъ и повсюду: все новое, все юное.

По разговорѣ съ пріѣзжимъ изъ Петербурга, Государь занятъ безпрерывно. Сборъ войскъ, направленіе ихъ, самое ихъ счисленіе и всѣ къ тому подробности начертываются его рукою.

По Военному Министерству непонятная путаница, которую какъ будто не хотятъ замѣчать; но у министра таже тщательность въ туалетѣ и всякій день партія виста! У фельдмаршала съ министромъ была сильная схватка по предмету безсрочныхъ Царства Польскаго. Первый говорилъ, что они безъ амуниціи и нѣтъ ничего готоваго для нихъ, что Государь обманываемъ несправедливыми донесеніями. Великій полководецъ начинаетъ побѣдою!

16.

Воздвиженское, 11 Іюня 1848 года.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я давно въ тебѣ не писалъ и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, нахожу себя противъ тебя виноватымъ, хотя съ другой стороны оправдываю себя и въ моихъ собственныхъ и въ твоихъ глазахъ невозможностію писать, какъ бы я то желалъ, въ жизни, подобной этой, какую веду здѣсь: съ 22 Апрѣля, т. е. съ выѣзда изъ Тифлиса, я только здѣсь (смѣшно сказать, въ Большой Чечнѣ) пользуюсь болѣе или менѣе спокойной досугой. Можетъ быть, генералъ Фрейтагъ, назначенный генералъ-квартермейстеромъ въ Вар-

шаву, былъ у тебя проѣздомъ чрезъ Москву и разсказалъ тебѣ объ нашихъ дѣлахъ здѣсь и то, что̀ я теперь здѣсь дѣлаю; но Фрейтагъ такъ безпокоился на счетъ жены своей, которая близко родовъ, спѣшилъ въ Петербургъ, что онъ совсѣмъ не останавливался въ Москвѣ, и потому я долженъ войти въ нѣкоторыя подробности.

Изъ Тифлиса я поѣхалъ на Лезгинскую линію, осматривалъ работы дороги, дѣлаемой генераломъ Бюрно по Шинскому ущелью въ с. Ахты, потомъ чрезъ Нуху, Шемаху, Баку, Кубу и Дербентъ (здѣсь я былъ первый разъ) пріѣхалъ въ расположеніе Дагестанскаго отряда подъ командою князя Аргутинскаго, съ нимъ осмотрѣлъ хорошо выбранныя мѣста для штабовъ новыхъ полковъ—Самурскаго и Дагестанскаго: первый въ урочищѣ Дишлагаръ, въ одномъ маршѣ отъ деревень Акушинскихъ и отъ с. Оглы, а другой въ Ишкартахъ, въ 12 верстахъ отъ Шуры. Тутъ съ отличнымъ начальникомъ, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, всего его края я сдѣлалъ всѣ распоряженія на счетъ дѣйствій сего лѣта нашихъ войскъ. Первый предметъ, какъ ты очень хорошо понимаешь, есть занятіе Гергебиля. Сильные по здѣшнему способы и соединеніе всѣхъ властей въ рукахъ опытныхъ и искусныхъ не оставили бы никакого сомнѣнія, что Гергебиль самъ по себѣ не могъ бы долго сопротивляться; но, что̀ дѣлаетъ по этому нѣкоторыя затрудненія, это сильныя укрѣпленія по лѣвому берегу Кара-Койсу близко деревни Кикуны и довольно близко отъ самаго Гергебиля, и было-бы трудно намъ обложить со всѣхъ сторонъ этотъ аулъ, не оставивъ важную часть отряда подъ огнемъ тѣхъ укрѣпленій. Съ другой стороны всѣ мосты и броды чрезъ Кара-Койсу, всѣ мѣста, по коимъ можно бы пройти и взять эти укрѣпленія съ тылу, также сильно укрѣплены и заняты по возможности сильными сборами центральнаго Дагестана съ обѣщаніемъ Шамиля прійти на помощь со всѣмъ, что̀ онъ можетъ собрать и на Сѣверѣ. Конечно весьма значительныхъ сборовъ Шамиль уже не въ состояніи дѣлать, и мы видѣли въ прошломъ году, что хотя никакой диверсіи не было со стороны Чечни и что Шамиль со всѣмъ, что́ онъ могъ собрать, былъ болѣе трехъ мѣсяцевъ близъ насъ, толпы его были небольшія, смѣлости еще менѣе и что мы стояли 7 недѣль въ его глазахъ подъ Салтами, всѣ транспорты безпрестанно къ намъ приходили съ Кумуха и изъ с. Оглы, почти безъ выстрѣла и что, наконецъ, мы силою завладѣли Салтами, въ глазахъ Шамиля, объявившаго торжественно, что Салты не будутъ наши: со всѣмъ тѣмъ, дабы всѣ условія были соблюдены въ нашу пользу, необходимо казалось подкрѣпить, сколько возможно, князя Аргутинскаго, такъ чтобы, кромѣ всѣхъ резервовъ и гарнизоновъ и оставляя все нужное для защиты края и

запасовъ и для сообщеній отъ Сулака до Ходжалъ-Махи, онъ бы имѣлъ до 15 батальоновъ, т. е. довольно не только обложить Гергебиль, но и по обстоятельствамъ дѣйствовать наступательно на внѣшніе сборы. Также нужно было оттянуть оттуда самаго Шамиля, или по крайней мѣрѣ большую часть тѣхъ силъ, которыя онъ привелъ противъ насъ въ прошломъ году, сильною диверсіею здѣшней стороны.

Все это сдѣлать не очень легко, ибо надо было прибавить 3 батальона князю Аргутинскому и слѣдственно убавить 3 батальонами Чеченскій отрядъ, которому было назначено 7½ батальоновъ и слѣдственно оставить въ немъ для дѣйствія только 4½ батальона. При этомъ еще та компликація, что Фрейтагъ отъ насъ отозванъ, Лабинцовъ рапортовался больнымъ и находится въ какой-то гипохондріи, а удалить въ эту минуту Нестерова отъ Владикавказскаго округа и отъ Сунжи было бы слишкомъ опасно. Кому жъ поручить довольно трудное дѣйствіе вблизи самаго Шамиля съ такимъ малымъ числомъ войскъ и когда Шамиль, зная передвиженіе 3 батальоновъ на Шуру, могъ бы, не заботясь о слабомъ Чеченскомъ отрядѣ, всегда сдѣлать то чего намъ не хочется, т. е. идти на Кара-Койсу и въ помощь Гергебилю?

Поэтому я рѣшился на то, что̀ уже было у меня въ виду въ Тифлисѣ, т. е. сперва усилить князя Аргутинскаго всѣмъ возможнымъ и потомъ, какъ мое присутствіе тамъ было бы излишнее (ибо онъ соединяетъ въ себѣ всѣ власти того края, тогда какъ въ прошломъ году было тамъ два начальства) взять на себя неблистательную, но нужную ролю и личное начальство надъ Чеченскимъ отрядомъ или, по крайней мѣрѣ, при немъ присутствовать со всей корпусной штабъ - квартирой, со многими генералами и усилить отрядъ, сколько я нашелъ возможнымъ, линейными казаками и милиціею. Надъ самимъ же отрядомъ взялъ лично команду на время генералъ-лейтенантъ Заводовскій. Рѣшивъ все это и согласясь обо всемъ съ княземъ Аргутинскимъ, я выѣхалъ изъ Шуры 15 Мая чрезъ Чиръ-Юртъ и Внезапную въ Хасафъ-Юртъ на Ярыкъ-Су, гдѣ теперь строится новый штабъ Кабардинскаго полка, назначилъ мѣсто между Ташъ-Кичу и Амираджи-Юртомъ для укрѣпленнаго кавалерійскаго поста; въ Червленной сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія и 25-го, переѣхавъ черезъ прекрасный только что конченный мостъ чрезъ Терекъ, пріѣхалъ въ Грозную, гдѣ собирался маленькій нашъ отрядъ. Въ тотъ же день 3 батальона пошли: одинъ гренадерскій прямо въ Шуру чрезъ Амираджи-Юртъ, а два изъ Тенгинскаго и Навагинскаго полковъ, чрезъ Умаханъ-Юртъ на Кумухскую плоскость, на смѣну 2 батальоновъ Кабардинскаго полка, которые съ княземъ Ба-

рятинскимъ пошли къ князю Аргутинскому. 2-го Іюня мы пришли съ отрядомъ изъ Грозной сюда, а 5-го главная часть отряда и вся кавалерія перешли на правый берегъ Аргуна, гдѣ тотчасъ приступлено къ построенію башни, которая будетъ служить тетъ-де-поножъ для моста, тутъ зимой сдѣланнаго. О сю пору движенія наши, кажется, имѣютъ желаемый успѣхъ; приходъ на правый берегъ Аргуна нашихъ войскъ, присутствіе мое и другихъ генераловъ, сильной артилеріи и болѣе тысячи человѣкъ отличной кавалеріи, сильно безпокоютъ Шамиля, тѣмъ болѣе, что онъ недавно слегка укрѣпилъ свой Ведень и что отселѣ до Веденя не болѣе 40 верстъ: силы, которыя бы безъ того направились на Кара-Койсу, теперь здѣсь въ безпрестанной готовности защищаться, боятся за Большую Чечню, боятся за Ведень и укрѣпляютъ всѣ дороги. Теперь противъ насъ здѣсь 7 наибовъ всякій разъ ходятъ около насъ высматривать, разъ или два въ день затѣваютъ пушечную перестрѣлку, уходя, коль скоро наша артилерія отвѣчаетъ и боясь потерять свои орудія, тѣмъ болѣе, что мы каждый день болѣе и болѣе очищаемъ лѣсъ впереди и на флангахъ нашей позиціи. Шамиль нѣсколько разъ обѣщался самъ быть здѣсь, но по сю пору не выѣзжалъ изъ Веденя и ежели поѣдетъ куда, то не на долго и съ малыми силами.

Такимъ образомъ предметъ нашъ отчасти исполнится. Теперь, чтó Богу будетъ угодно; но кажется, что нами сдѣлано все возможное для облегченія главныхъ операцій князя Аргутинскаго. Ежели Богъ намъ поможетъ и Гергебиль скоро будетъ нашъ, то 3 батальона немедленно сюда воротятся, и я посмотрю, чтò лучше можно будетъ сдѣлать для ободренія къ покорности большой части Малой Чечни, въ которой почти всѣ жители этого желаютъ и безпрестанно просятъ меня сдѣлать еще одно или два укрѣпленія, которыя бы ихъ защитили отъ мщенія Шамиля, отчасти переселеніемъ къ этимъ укрѣпленіямъ и отчасти оставленіемъ на мѣстахъ, тамъ гдѣ уже трудно будетъ мюридамъ мимо насъ идти ихъ наказывать.

Вотъ наше положеніе, любезный Алексѣй Петровичъ; я жду съ терпѣніемъ и покорностію, чтò Богу угодно будетъ рѣшить. Аргутинскій долженъ былъ начать свое движеніе наступательное третьяго дня или вчера, и конечно Шамиль былъ бы уже тамъ, ежели бы я не былъ здѣсь съ отрядомъ.

По отказу Лабинцова я просилъ о назначеніи сюда на Лѣвый Флангъ генерала графа Симонича; изъ Петербурга ему послали мое предложеніе, и я жду отвѣта. Ежели Богъ хоть немножко намъ помо-

жетъ въ этомъ году, то начальствовать Лѣвымъ Флангомъ и Чечнею будетъ дѣло уже нетрудное. По послѣднимъ извѣстіямъ, на Лезгинской линіи все было спокойно, и нельзя ожидать въ этомъ году съ той стороны серьезнаго нападенія.

Такъ какъ ты интересуешься о моемъ здоровьи, то скажу тебѣ, что оно держится; но долго ли оно будетъ держаться, не знаю. Я бы имѣлъ право теперь отсель выѣхать, ибо брался только служить здѣсь три года, а вотъ уже пошелъ четвертый; но такъ какъ при нѣкоторой слабости я еще кой-какъ держусь, то не могу рѣшиться требовать увольненія, покамѣстъ не имѣю причины ни на что жаловаться и надѣюсь, что при помощи Божіей еще одинъ годъ теперешняго теченія дѣлъ облегчитъ роль тому, кто замѣнитъ меня. Смѣю думать, что уже есть нѣкоторые результаты трехлѣтней настойчивости взятой мною системы; въ будущемъ году надѣюсь, что результаты сіи будутъ еще примѣтнѣе и что перемѣна начальника не сдѣлаетъ такой перемѣны въ видахъ, отъ которой все бы могло опять придти въ сомнѣніе. Итакъ продолжаю бодрствовать, не жалѣя себя. Что же касается до мыслей, чтобы я могъ быть назначенъ на другое служеніе на Западъ, то я думаю, что не только никто о томъ не помышляетъ, но рѣшительно и торжественно скажу, что я никакого такого назначенія не приму и принять не могу и что, сдѣлавъ уже лишнее принятіемъ здѣшняго мѣста, я не вижу въ себѣ никакихъ силъ, ни способовъ для какого нибудь новаго назначенія. Даже и здѣсь въ семъ году я считаю необходимымъ для поддержанія здоровья, не позже какъ въ Іюлѣ или Августѣ, поѣхать сперва на воды и потомъ на отдохновеніе въ Крымъ. Этотъ отдыхъ на нѣсколько недѣль ежегодно былъ мнѣ сначала предлагаемъ, какъ вещь весьма возможная и легкая; но вотъ уже три года прошло, и я не нашелъ возможности отлучиться хотя на двѣ недѣли. Теперь, еслибы Аргутинскій скоро и хорошо кончилъ, это будетъ возможно; ибо, начавъ дѣйствія лично въ Чечнѣ, я найду кому поручить продолженіе оныхъ. Между тѣмъ, для выигранія времени, я и здѣсь нашелъ воды, тебѣ вѣрно извѣстныя, близко Стараго Юрта; наши мирные мнѣ оныя привозятъ сюда, и я ихъ употребляю вотъ уже двѣ недѣли и надѣюсь, что онѣ будутъ мнѣ полезны.

О происшествіяхъ въ Европѣ не буду говорить, но читалъ съ крайнимъ любопытствомъ мастерское твое изложеніе, какъ о самыхъ происшествіяхъ, такъ и о твоихъ заключеніяхъ. Я же не распространяюсь больше, потому что это письмо и такъ покажется тебѣ слишкомъ длинно и что кромѣ того каждая почта приноситъ такія вѣсти,

что все то, что́ прежде было извѣстно, перемѣняется. О Франціи я совершенно твоего мнѣнія, но что будетъ съ Неаполемъ, съ папою и съ Австріею? Поляки по милости Божіей такъ сами испортили свои дѣла въ Позенѣ и Краковѣ, что нельзя много опасаться съ этой стороны; у насъ и въ Англіи, слава Богу, все хорошо, и даже въ Бельгіи Французы не успѣли этотъ разъ завести безпорядки. Сегодня мы ждемъ двѣ почты разомъ, и будетъ завтра много любопытнаго чтенія; здѣсь на это есть время, и всѣ газеты имѣютъ въ себѣ что нибудь любопытное.

Въ отвѣтѣ на это письмо, Ермоловъ между прочимъ писалъ, 12 Апрѣля 1848:

Чрезвычайно доволенъ, что письмо твое опровергло размножившіеся здѣсь слухи, что здоровье и усталость заставляютъ тебя оставить Грузію. Ничему не вѣрилъ я, ибо необыкновенная дѣятельность не свидѣтельствуетъ усталости и не можетъ имѣть мѣста при разстроенномъ здоровьи. Но позволяю себѣ нѣкоторое удивленіе, что такъ поздно началъ ты примѣчать необходимость бо́льшаго отдохновенія. Конечно это́ не по лѣтамъ, будучи четырью годами меня моложе и при счастливомъ твоемъ сложеніи, живости и подвижности. Также какъ и меня съѣла бы тебя праздность и бездѣйствіе! Большая разность лѣтъ ничего не значитъ въ молодомъ возрастѣ; но въ мои лѣта довольно четырехъ лѣтъ, чтобы опредѣлить способность или негодность, и я по истинѣ скажу (конечно не хвастая), что совершенно ни на что не надобенъ, благодоря великодушному попеченію о двадцатилѣтнемъ моемъ успокоеніи.

Есть частныя извѣстія, что въ Парижѣ была еще порядочная, но не продолжительная рѣзанина, чего можно желать мерзавцамъ отъ всего сердца. Какія гнусныя дѣйствія мошенниковъ временнаго правительства во Франціи! Видя, что не могутъ распространить на Германію прежняго вліянія, они отравляютъ ее развратнымъ примѣромъ своимъ, притворно соболѣзнуя, что она страждетъ подъ игомъ власти, упрекая долговременнымъ заблужденіемъ, что Франція полагала Германію себѣ враждебною. Они увѣряютъ, что одинаково должны быть ихъ намѣренія, равно святы усилія возстановить падшіе народы и просто говорятъ, что надобно вырвать Польшу и поставить ее оплотомъ Европы противъ Азіи. Въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ Германская діета, изъ какихъ-то сорванцовъ самовластно составившаяся, и сзываетъ представителей отъ всѣхъ Германскихъ государствъ; а какъ ими управляютъ такіе же сорванцы, то діета должна скоро воспріять свое дѣйствіе. Не отправится ли туда совѣта нашего членъ *г. Ганъ*, ибо того же Гейдельбергскаго университета одна бестія играетъ тамъ важную роль?

Каковъ король Прусской, заставившій войска рѣзаться подъ окнами его дворца, въ которомъ самъ прятался пьяный? И когда заставили его удалить войска за городъ, то онъ думалъ смягчить разъяренную чернь, разсказывая ей, что жена его очень плачетъ, не смѣя уже называть ее королевою. Не умѣлъ сѣсть на коня и быть при войскахъ; брата своего и наслѣдника привелъ въ ненависть въ народѣ, и тотъ долженъ лишиться отечества, бывши въ немъ любимымъ. Самъ пріобрѣлъ достойное наименованіе подлеца и труса. Каково это сердцу доброй нашей Императрицы, которая, говорятъ, ужасно огорчена?

По окончаніи письма моего прочелъ Манифестъ (здѣсь еще неизвѣстный) объ опасности, угрожающей Россіи общимъ противъ ея стремленіемъ непріязненныхъ народовъ. Государь, взывая къ народу, говоритъ о необходимости защищать предѣлы отъ вторженія враговъ. Можно разумѣть изъ него, что мы остаемся одни, и всѣ противъ насъ.

Въ Берлинѣ продолжалась рѣзня не одинъ день. Войска за короля сильно дрались. Народъ превозмогъ, король въ его рукахъ. Толпы требуютъ, чтобы король являлся на балконѣ, и мимо его проносятъ на пикахъ отрѣзанныя головы разбитой его гвардіи. Вотъ происшествія, которыя будутъ имѣть на насъ пагубное впечатлѣніе. Боятся нашего могущества, и противъ него всякія будутъ злоупотребленія и злодѣйства.

Европа загоралась постепенно, и пожаръ теперь у самыхъ жилищъ нашихъ. Меттернихъ бѣжалъ, ничего не предвидя. Можетъ быть, наши министры прозорливѣе!

Предстоитъ широкое поле людямъ, въ настоящее время пріуготовленнымъ и развернувшимся талантамъ. Желалъ бы взглянуть на постную фигуру первѣйшаго изъ полководцевъ нашихъ, на котораго возложитъ надежды отечество.

Упомянутый выше манифестъ императора Николая Павловича былъ столь важнымъ событіемъ въ нашей и общей Европейской исторіи, что слѣдуетъ обновить его въ памяти читателей. Съ него начинается послѣдній періодъ славнаго царствованія. П. Б.

Божіею милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, и пр., и пр., и пр. Объявляемъ всенародно:

Послѣ благословеній долголѣтняго мира, Западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе скоро сообщились сопредѣльной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи Австрійской и ко-

ролевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей Богомъ намъ ввѣренной Россіи.

Но да не будетъ такъ!

По завѣтному примѣру Православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали и, не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ Святою нашею Русью защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

Мы удостовѣрены, что всякій Русскій, всякій вѣрноподданный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя; что древній нашъ возгласъ: за Вѣру, Царя и Отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда, въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на Него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Николай.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день Марта мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова 1848-е, царствованія же нашего въ двадцать третіе.

17.

Кр. Воздвиженская, Іюля 11-го дня 1848.

Берусь за перо, чтобы сказать вамъ *)? только три слова на счетъ занятія Гергебиля; потому что курьеръ, отправляемый мною въ Петербургъ, сейчасъ ѣдетъ. Войска наши, подъ командою князя Аргутинскаго, 7-го Іюля съ разсвѣтомъ заняли Гергебиль, гарнизонъ котораго, устрашенный жестокимъ огнемъ артилеріи нашей, производимымъ по аулу изъ 8-ми мортиръ, 11-ти осадныхъ и 6-ти полевыхъ орудій, 6-го вечеромъ густыми толпами началъ выходить въ сады и къ Аймакинскому ущелью, встрѣченный батальоннымъ огнемъ съ фрунта и картечью съ тыла, оставилъ много тѣлъ; въ аулѣ взяты три пушки, артилерійскій паркъ и много запасовъ всякаго рода. Прощайте, любезный Алексѣй Петровичъ, остаюсь навсегда истинно-преданнымъ вамъ «к. М. Воронцовъ».

(Собственноручно): «Изъ сыновей твоихъ два младшіе дѣйствовали на батареяхъ и здоровы».

---

*) Это письмо, очевидно, было не продиктовано (за недосугомъ), а написано по приказанію князя Воронцова, не желавшаго долго оставлять своего Московскаго друга безъ извѣстій о себѣ и не сообщить немедленно о взятіи Гергебиля. П. Б.

18.

Тифлисъ, 18 Октября 1848.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я пріѣхалъ сюда на три дня и послѣ завтраго отправлюсь въ Эривань; теперь успѣю только сказать, что я получилъ твое письмо отъ 22-го Сентября. Посылаю тебѣ копію съ приказа, по которому ты увидишь нѣкоторыя подробности дѣлъ въ южномъ Дагестанѣ, которыя такъ благополучно для насъ кончились. Надобно надѣяться, что и самому Шамилю, а еще болѣе горцамъ вообще, наконецъ надоѣстъ безпрестанно дѣлать попытки, которыя всѣ безъ исключенія кончаются для нихъ неудачею или стыдомъ. Въ послѣдствіи сообщу тебѣ интересныя подробности геройской защиты укрѣпленія Ахты, въ которой и женскій полъ имѣлъ блистательное участіе. Теперь не имѣю ни минуты: ибо, при множествѣ дѣлъ, послѣ 6-ти-мѣсячнаго отсутствія и отъѣзжая послѣ завтра, я вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ заниматься и принцемъ Бехмень-Мирзою, съ которымъ я здѣсь познакомился. Прощай, любезный другъ; остаюсь навсегда преданный тебѣ М. Воронцовъ.

19.

Тифлисъ, 5 Ноября 1848.

Я получилъ сегодня, любезный Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ 25 Октября.

Я совершенно раздѣляю твое мнѣніе, что безпрестанныя въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ неудачи Шамиля должны наконецъ возродить въ горахъ негодованіе и наконецъ непослушаніе. Увидимъ, что̀ произойдетъ въ теченіе зимы и будущей весны и когда кончится покореніе Чечни. Какъ скоро Богъ намъ поможетъ кончить тамъ, то положеніе Шамиля будетъ самое невыгодное. Лишеніе, какъ ты справедливо замѣчаешь, лучшихъ во всемъ Дагестанѣ земель на правомъ берегу Кара-Койсу и потеря Чечни отымутъ средства не только кормить безпрестанные сборы, гарнизоны и забранныхъ имъ изъ тѣхъ мѣстъ во внутрь горъ жителей, но и едва оставятъ достаточное продовольствіе на мѣстахъ жителямъ, оставшимся подъ его властію. Мнѣ кажется совершенно ясно, что надобно слѣдовать теперешней системѣ, не дѣлать безъ нужды никакихъ экспедицій, и годомъ прежде, годомъ позже Дагестанъ усмирится, и Шамиль, ежели живъ останется, потеряетъ всю силу и важность. Въ будущемъ году я бы желалъ водворить опять сильную и преданную намъ деревню Чохъ, разоренную до моего пріѣзда въ 1845 году, когда, по неимѣнію резервовъ зимою въ Кумухѣ, невозможно было

успѣть защитить оную противъ Даніель-Бека. Во время лѣта и въ присутствіе какого нибудь отряда нашего на Турчидагѣ Чохцы могутъ спокойно пользоваться огромными и богатыми полями, а зимою никто ихъ тронуть не можетъ; потому что около Кумуха, благодаря каменному углю и особенно торфу, у насъ всегда будетъ батальона два въ резервѣ. Шамиль велѣлъ укрѣпить Чохъ еще прошедшею зимою, и послѣ занятія Гергебиля необходимость укрѣпить Аймаки не позволила князю Аргутинскому атаковать и взять Чохъ и Согратель; но лучшіе жители Чоха выходцами у насъ, и въ будущемъ году, съ Божіею помощью, я надѣюсь, что тутъ большаго затрудненія не будетъ. Новыхъ гарнизоновъ тамъ не будетъ нужно. Чохцы сами себя будутъ защищать, а Согрательцы, какъ торговое общество, останутся нейтральными. Что̀ касается до Карадахскаго моста, тутъ есть причины и pro и contra; но по моему мнѣнію, это можетъ насъ завести далѣе нежели нужно, и мнѣ бы ужасно хотѣлось обо всемъ этомъ съ тобой переговорить на картѣ. Между тѣмъ увидимъ, что̀ будетъ съ Араканами и Гимрами; жители не желаютъ и, кажется, не могутъ долго остаться въ теперешнемъ положеніи и уже посылали къ князю Аргутинскому, чтобы толковать о будущемъ. По извѣстіямъ изъ горъ, Шамиль ужасно сердитъ на Даніель-Бека и приписываетъ ему всю вину неудачи въ Самурскомъ округѣ. Раздоры у нихъ непремѣнно будутъ, а можетъ быть и важные. Движеніе Аргутинскаго на Ахты прекрасно; но и Шварцъ болѣе бы сдѣлалъ во флангъ и тылъ непріятеля, ежели бы не оплошалъ генералъ Бюрно; онъ съ двумя батальонами работалъ дорогу въ Шинскомъ ущельи и при первомъ появленіи непріятеля занялъ прекрасную и полезную позицію у селенія Борчъ, потомъ, безъ причины и какъ будто испугавшись, выступилъ и открылъ дорогу даже на Нуху, куда однако немедленно и во̀ время прибылъ Шемахинскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ Врангель со всѣмъ, что̀ онъ могъ собрать пѣхотныхъ командъ и милицій; а скоро прилетѣла къ нему туда же отличная Карабахская конница съ уѣзднымъ начальникомъ княземъ Тархановымъ; потомъ 16-го числа, т.-е. недѣлю прежде, дѣло у Мискиндже. Шварцъ велѣлъ ген. Бюрно опять идти въ Борчъ съ даннымъ ему подкрѣпленіемъ и самъ хотѣлъ идти въ горы лѣвѣе; но и тутъ Бюрно не послушался, подъ разными глупыми предлогами. Я думаю, что ему придется отвѣчать за все это передъ военнымъ судомъ.

Я воротился четыре дня тому назадъ изъ Эривани, бывъ передъ тѣмъ въ первый разъ въ Александрополѣ, гдѣ я нашелъ прекрасную и пресильную крѣпость. Отъ Эчміадзина до Эривани я съ любопытствомъ и крайнимъ удовольствіемъ видѣлъ тѣ мѣста, гдѣ я получилъ

44 года тому назадъ Георгіевскій крестъ и черезъ чинъ пожалованъ въ гвардіи капитаны. Познакомился тоже съ Гойчинскимъ озеромъ и Делижанскимъ ущельемъ. Мнѣ хотѣлось быть въ Нахичевани, но простудившись сильно въ Александрополѣ, я долженъ былъ отложить это намѣреніе. Теперь надѣюсь остаться всю зиму здѣсь, а раннею весною поѣхать въ Карабахъ и Ленкоранъ, единственныя мѣста всего здѣшняго края, гдѣ я еще не былъ, такъ что, поѣхавъ послѣ того къ князю Аргутинскому и въ Чечню для рѣшенія тамъ на счетъ дѣйствій, я желаю въ Іюлѣ мѣсяцѣ поѣхать въ Петербургъ и тамъ отдать полный отчетъ послѣ четырехъ-лѣтняго управленія и полнаго знакомства со всѣмъ здѣшнимъ краемъ; сію же зиму я надѣюсь много представить для лучшаго устройства по гражданской части и между прочимъ возстановленія Эриванской губерніи, чтò совершенно необходимо для развитія сей прекрасной и богатой страны. Въ князѣ Бебутовѣ я имѣю теперь настоящаго помощника. При Іудѣ Ладинскомъ я имѣлъ двойную работу, ибо ему ни въ чемъ вѣрить было невозможно; теперь дѣло совсѣмъ другое, и работать легко и успѣшно. Прощай, любезный другъ; вотъ тебѣ письмо довольно длинное, но ты такъ интересуешься этимъ краемъ, въ которомъ пріобрѣлъ столько славы и оставилъ такую драгоцѣнную память, что я увѣренъ, что оно тебѣ не наскучитъ. Сыновья твои много тебѣ разскажутъ подробностей о здѣшнихъ дѣлахъ и особливо о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ. Преданный тебѣ Мих. Воронцовъ.

20.

Тифлисъ, 23 Января 1849.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я стыжусь тѣмъ, что прежде нежели отвѣчать на одно твое письмо отъ 13 Декабря, я получилъ другое отъ 6 Января, и это въ такое время, гдѣ, живя на зиму въ Тифлисѣ, я бы долженъ имѣть болѣе досуга. Скажу однако здѣсь, что лишняго досуга и въ Тифлисѣ я не имѣю; ибо, кромѣ текущихъ дѣлъ, я долженъ былъ заняться многими гражданскими предположеніями, которыхъ пускать въ ходъ невозможно съ Цыганскою жизнью и при переѣздахъ по краю. Кромѣ того, пріѣзжаютъ сюда въ это время нѣкоторые главные начальники, какъ гражданскіе, такъ и военные, и со всякимъ надобно толковать, разсматривать бумаги и рѣшать дѣйствія на будущее время. Теперь у меня здѣсь князь Аргутинскій-Долгорукій, а тотчасъ послѣ зимней экспедиціи будетъ сюда Нестеровъ. Много было также дѣла съ новымъ начальникомъ Лезгинской линіи генералъ-маіоромъ Чиляевымъ и съ начальникомъ Центра полковникомъ княземъ Эристовымъ. Этотъ послѣдній слишкомъ молодъ, чтобы ты его зналъ здѣсь, человѣкъ пре-

отличный во всѣхъ отношеніяхъ, и этакого начальника для Большой и Малой Кабарды еще не было. Съ княземъ Аргутинскимъ чѣмъ болѣе я знакомлюсь, тѣмъ болѣе я цѣню его способности какъ военныя, такъ и въ администраціи и въ совершенномъ знаніи края. По гражданской части онъ имѣетъ хорошаго помощника въ Дербентскомъ губернаторѣ князѣ Гагаринѣ, бывшемъ много лѣтъ моимъ адъютантомъ; а по военной части въ прошедшемъ году у него произвели нѣсколько отличныхъ полковниковъ въ генералъ-маіоры, между коими я считаю первымъ для будущаго времени во всѣхъ отношеніяхъ князя Григорія Орбеліанова.

Теперь въ отвѣтъ на одинъ изъ пунктовъ твоихъ скажу, что мнѣ весьма понятно твое удивленіе, что ни Аргутинскій, никто другой не зналъ о приготовленіяхъ Шамиля на сильное его покушеніе въ Самурскій округъ; но опытъ четырехъ лѣтъ мнѣ доказалъ, что хотя мы имѣемъ безпрестанныя и иногда весьма точныя свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлается въ горахъ, центральное положеніе Шамилевыхъ мюридовъ и безпрестанная готовность, въ которой онъ ихъ содержитъ собраться на данный пунктъ, не оставляютъ намъ другаго средства, какъ быть всегда осторожными и готовыми вездѣ и имѣть всегда резервы, готовые къ скорому движенію. Отъ этого происходитъ, что я безпрестанно получаю извѣстія отъ частныхъ начальниковъ, что сборы готовятся напасть именно на ихъ часть; я это принимаю хладнокровно и по привычкѣ, и по тому, что границы наши теперь довольно крѣпкія, чтобы не бояться результатовъ нападенія. Дѣйствительно, одинъ пунктъ только остается нѣкоторымъ образомъ открытъ и именно между Казикумухомъ и верхними магалами Джаробѣлоканскаго округа. Съ другой стороны трудно было думать, что Шамиль рѣшится на что нибудь серьозное въ это отверстіе, потому что во всякомъ случаѣ конецъ не могъ быть для него благопріятенъ, что погода уже была по тѣмъ мѣстамъ холодная и что князь Аргутинскій соединялъ въ себѣ и умѣніе, и способы идти на помощь атакованному пункту, не смотря на снѣга, которые уже покрыли часть предстоящей ему дороги. Шамиль сдѣлалъ быстрое и сильное движеніе; одинъ счастливый выстрѣлъ изъ единственнаго маленькаго единорога, разстроивъ оборону Ахтинскаго укрѣпленія, привелъ оное и храбрый гарнизонъ въ критическое положеніе; а безъ этого не нужно бы было геройскаго духа полковника Рота и храбрыхъ его товарищей, чтобы шутя отбить осаждающихъ и безъ славнаго дѣла Дагестанскаго отряда у Мискиндже. Главная ошибка Шамиля (и это не въ первый разъ) есть надежда, что народонаселеніе не только возстанетъ противъ насъ, но будетъ сильно съ нимъ дѣйствовать вмѣстѣ

и тамъ, гдѣ онъ уже находится, и въ сосѣдственныхъ обществахъ. Отъ людей худо къ намъ расположенныхъ онъ получаетъ призванія, но на дѣлѣ общаго содѣйствія не встрѣчаетъ. Это съ нимъ случилось и въ Кабардѣ и потомъ на Кумухской плоскости, и два раза въ Акушѣ, и теперь наконецъ на Самурѣ. Не знаю, рѣшится ли онъ еще разъ на какое нибудь такое предпріятіе и куда; но мы вездѣ готовы, и съ помощью Божіею конецъ будетъ опять тотъ же. Въ этомъ году князь Аргутинскій попробуетъ, можно ли будетъ возстановить приверженный намъ Чохъ и обратить въ покорность Согратель. Между тѣмъ въ Чечнѣ все идетъ потихоньку, къ лучшему. Теперь Нестеровъ рубитъ и очищаетъ между Русскою дорогою и Сунжею и, кажется, не будетъ тамъ сопротивленія, или очень мало; ибо Чеченцы упали духомъ, да и лѣса убавились не только отъ нашихъ работъ, но и отъ того, что они сами вездѣ очищали поляны для засѣвовъ.

Можетъ быть, Богъ дастъ, что я тебя увижу въ Москвѣ около Іюня мѣсяца: для нѣкоторыхъ дѣлъ мнѣ очень нужно сдѣлать поѣздку въ Петербургъ, если здѣсь ничего не будетъ такого, чтó бы мнѣ въ этомъ помѣшало. Мое намѣреніе есть выѣхать отселѣ скоро послѣ Свѣтлаго праздника въ Карабахъ и оттуда въ Ленкоранъ, единственныя мѣста, которыя я здѣсь еще не видалъ; оттуда, пробывъ нѣсколько дней у князя Аргутинскаго, я отправлюсь чрезъ Кумухскую плоскость въ Грозную для направленія дѣйствій въ Чечнѣ. Главное предпріятіе наше тамъ теперь есть построеніе сильной башни на Аргунѣ близъ разореннаго селенія Большой Чечень, на лучшемъ и почти единственномъ бродѣ, черезъ который сильныя партіи съ пушками могутъ переходить изъ Большой Чечни въ Малую; разобщеніе сихъ двухъ частей будетъ дѣло полезное и, можетъ быть, рѣшитъ судьбу Малой Чечни. Такимъ образомъ если все пойдетъ хорошо, мнѣ можно будетъ еще кое-что осмотрѣть на Правомъ флангѣ, гдѣ славное дѣло генерала Ковалевскаго имѣло хорошія послѣдствія, побывать въ Ейскѣ и еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ отправиться на Сѣверъ.

Ермоловъ писалъ, 13 Декабря 1848 года, въ своемъ отвѣтѣ на это письмо:

Намѣреніе твое быть въ Іюлѣ въ Петербургѣ, по письму твоему, подтверждается слухами оттуда. Ты будешь единственный изъ всѣхъ начальниковъ страны, въ которой не осталось мѣста, которое бы не было подъ глазами твоими и укрылось отъ вниманія. Государю много ты сообщишь новаго; ибо видитъ онъ Кавказъ, какъ ему представляетъ его военный министръ, совсѣмъ его незнающій; пребываніе же Государя въ Грузіи было

чрезвычайно непродолжительно. Можетъ быть, говорилъ онъ о ней съ Головинымъ; со мною же ни слова, какъ съ совершенною невѣждою, къ которому относятся всѣ безпорядки. Теперь въ ясномъ видѣ предстанетъ ему Кавказъ; военныя дѣйствія идутъ по желанію; ты предложишь многое для лучшаго устройства по гражданской части и начертаешь планъ высочайшею волею освященный (нѣкогда называлъ я его уставомъ), по которому должны будутъ дѣйствовать твои наслѣдники.

21.

Тифлисъ, 28 Генваря 1849.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я говорилъ тебѣ, любезный Алексѣй Петровичъ, что полагаю теперь возможнымъ просить Государя въ пользу Дадьяна и его семейства; но предстоятъ два вопроса: первый, лучше ли теперь же написать объ этомъ или дождаться предполагаемаго мною пріѣзда лѣтомъ въ С.-Петербургъ; второй, о чемъ именно просить можно какъ для отца, такъ и для дѣтей, ибо подробности несчастнаго ихъ положенія мнѣ неизвѣстны или, по крайней мѣрѣ, мало извѣстны. Посему я рѣшился написать письмо къ баронессѣ Розенъ, которое посылаю къ тебѣ открытое, чтобы ты оное прочиталъ, а потомъ сдѣлай милость потрудись отдать оное баронессѣ Розенъ и поговорить съ нею хорошенько на счетъ того, когда и какимъ образомъ приступить къ дѣлу. Я имѣю причину думать, что въ Петербургѣ расположены что-нибудь сдѣлать въ пользу Дадьяновыхъ; но надобно стараться, чтобы сдѣлано было какъ можно болѣе. Что вина была, объ этомъ спорить невозможно; но наказаніе слишкомъ строго и продолжается уже болѣе 10 лѣтъ. Я поступлю по вашему отвѣту и по общему твоему съ баронессою соглашенію.

У насъ здѣсь ничего нѣтъ новаго. Нестеровъ продолжаетъ рубить въ Чечнѣ безъ выстрѣла; сынъ мой командуетъ въ отрядѣ 3-мъ батальономъ Куринскимъ; они стоятъ на правомъ берегу Сунжи подлѣ Заканъ-Юрта, почти напротивъ трехъ кургановъ, которые называются Три Брата, на половинѣ дороги отъ Заканъ-Юрта до Грозной. Чтобы дать тебѣ понятіе, какъ измѣнилось тамъ положеніе вещей и умовъ, скажу тебѣ, что офицеръ, посланный изъ отряда въ Среду въ 10 часовъ утра, пріѣхалъ въ Тифлисъ въ Четвергъ въ 6 часовъ пополудни, т.-е. въ 32 часа, проѣхавъ до Владикавказа безъ пѣхоты съ однимъ кавалерійскимъ конвоемъ.

Ермоловъ писалъ 14 Февраля 1849:

Ты говоришь о защитѣ Ахты, и я кромѣ почерпаемыхъ изъ реляцій свѣдѣній, по простымъ, безъ всякой поэзіи, разсказамъ, любовался моло-

децкимъ сопротивленіемъ храбраго гарнизона. По истинѣ, онъ достоинъ полученной награды, и великодушіе Государя явилось въ полномъ блескѣ. Сраженіе при Мискиндже не выставляется со стороны жестокости схватки, и говорятъ, что непріятель не имѣлъ большой потери, избавившись ея поспѣшнымъ бѣгствомъ. Во всякомъ случаѣ примѣчается хитрость Шамиля, который и на штурмъ Ахты, и на высоты Мискиндже употребилъ жителей Самурскаго округа, мало подвергая своихъ приверженцевъ, кромѣ начальниковъ. Я радъ, что Шамиль наказываетъ нашихъ измѣнниковъ, ибо безъ согласія ихъ не смѣлъ бы онъ проникнуть такъ далеко въ Самурской округъ, гдѣ въ продолженіи девяти лѣтъ не было нарушаемо спокойствіе и жители очевидно богатѣли. Онъ далъ имъ хорошій урокъ въ вѣрноподданствѣ, лучше нежели могли то сдѣлать наши начальники, и теперь конечно можно болѣе на нихъ разсчитывать.

Воображаю восхищеніе генерала Головина, который конечно относитъ къ прозорливости своей основаніе крѣпости Ахты, утверждающей владычество наше въ горахъ. Но еще болѣе придавалъ онъ важности покоренію Рутула: ибо, по возвращеніи его въ Тифлисъ, былъ праздникъ, и на транспортѣ имя Рутула. При занятіи Ахты сказано было, что тамъ мало даже слышали о Русскихъ; а отъ одного изъ служившихъ при немъ слышалъ я, что въ одномъ семействѣ найдена салвогвардія или охранный листъ за подписаніемъ капитана Ермолова. Это былъ я, давшій его въ 1796 году, по приказанію генерала Булгакова, который служилъ на Линіи во время князя Цицiанова. Генералу Головину не помѣшало это выдать Ахты за открытую вновь державу. Много бы можно было составить комментарій на сочиненія его, въ которыхъ онъ оскорбительно описываетъ дѣйствія другихъ, какъ то сдѣлалъ онъ съ генераломъ Граббе. Я удивился молчанію послѣдняго, но не повѣрю, чтобы не появилось въ послѣдствіи что нибудь въ опроверженіе. Хорошо подобно тебѣ быть богатымъ знаменитостію и не имѣть нужны присвоивать труды другихъ или, что̀ еще хуже, представлять ихъ въ безобразномъ видѣ. Такъ мнѣ досталось отъ великаго фельдмаршала, барону Розену въ свою очередь. Одинъ Головинъ вышелъ съ величайшими похвалами и наградами.

22.

Тифлисъ, 17 Марта 1849.

Я только, что хотѣлъ отвѣчать на письмо твое, любезный Алексѣй Петровичъ, отъ 14-го Февраля, какъ получилъ и другое отъ 20 го.

Очень благодаренъ тебѣ за исполненіе моей просьбы къ баронессѣ Розенъ. Въ отвѣтѣ ко мнѣ она соглашается съ моимъ мнѣніемъ, чтобы стараться объ дѣлѣ Дадіана; въ Петербургѣ я буду съ душевнымъ усердіемъ объ этомъ хлопотать, и, кажется, можно надѣяться успѣха.

Я имѣлъ случай пересмотрѣть здѣсь слегка отчетъ генерала Головина о здѣшнихъ дѣлахъ его времени и признаюсь, что удивленъ былъ

рѣзкостью нѣкоторыхъ сужденій о людяхъ и вещахъ и неакуратностью изложенія нѣкоторыхъ дѣлъ. Конечно за Ичкеринское дѣло нельзя много хвалить бѣднаго Граббе, но можно не написать въ офиціальномъ отчетѣ, что въ минуту опасности начальства уже не было и что батальоны уходили отъ лая собакъ. Съ другой стороны я читалъ, какъ онъ разсказываетъ о геройскомъ дѣлѣ въ сел. Ричахъ. Ежели бы это и было, то я не велѣлъ бы написать Государю, а еще менѣе отдать въ печать; но кромѣ того, какъ ни было худо это дѣло, раненые не были брошены, и изъ всей сильной артилеріи потеряна одна только пушка; этого бы не могло быть, ежели бы батальоны до того были разстроены, что бѣжали отъ лая собакъ, и по его разсказу всякій долженъ подумать, что тутъ присутствовалъ и побѣдилъ полковникъ Заливкинъ. По правдѣ же не только онъ тамъ не былъ, но онъ бы подлежалъ суду за то, что отрядилъ и оставилъ безъ помощи противъ весьма сильнаго непріятеля двѣ или три сборныхъ роты, въ коихъ по счастію всѣ офицеры и, можно сказать, всѣ нижніе чины были герои. Я былъ на мѣстѣ и со мною былъ покойный князь Захарій Орбельяновъ, который былъ начальникомъ въ этомъ дѣлѣ. Я видѣлъ, въ какомъ они были положеніи и каковы должны были быть неустрашимость и самоотверженіе, чтобы съ этой горстью людей, въ самомъ невыгодномъ положеніи, не только защищаться, но побѣдить и взять нѣсколько значковъ въ трофеи. Они дрались штыками при безпрестанныхъ нападеніяхъ спереди, съ фланговъ и съ тылу, и это продолжалось почти цѣлый день. Непріятель уже со всѣхъ сторонъ бѣжалъ, когда показался на горахъ сзади нашей позиціи не самъ Заливкинъ, который ближе 20 верстъ во все время не былъ, но посланный имъ весьма малый впрочемъ сикурсъ. Но Заливкинъ прежде былъ адъютантомъ Головина, и нужно было приписать ему одно изъ самыхъ блистательныхъ дѣлъ всей Кавказской войны. Два саперные офицеры Магаловъ и Каргановъ были главными сподвижниками князя Орбеліанова, который за это получилъ подполковничій чинъ и Георгіевскій крестъ; къ несчастію, онъ умеръ отъ холеры въ 1847 году, бывъ командиромъ Апшеронскаго полка, и на мѣсто его поступилъ не менѣе достойный братъ его, недавно произведенный въ генералъ-маіоры и который былъ тебѣ извѣстенъ подъ именемъ Гриши. Вотъ двѣ статьи этого отчета, которыя меня поразили; впрочемъ я всего прочесть не успѣлъ: ибо тотъ, кто мнѣ оный далъ, неожиданно и скоро послѣ того потребовалъ назадъ, отъѣзжая отсель.

На счетъ Ваньки Каина могу тебя увѣрить, что мои мысли о немъ никогда не перемѣнятся и что тебѣ ложно сказали о моихъ съ нимъ

сношеніяхъ. Я просилъ о позволеніи ему воротиться по неотступной просьбѣ его семейства и Патріарха; но уже здѣсь и послѣ его возвращенія, видя, что онъ хочетъ вмѣшиваться въ дѣла и давать мнѣ извѣстія, я сказалъ ему рѣшительно, что я съ нимъ никакого дѣла имѣть не хочу, чтобы онъ жилъ въ покоѣ и въ семейственномъ кругу, а въ противномъ случаѣ ему будетъ еще разъ и въ послѣдній разъ бѣда.

О дѣлѣ князя Палавандова я написалъ офиціально въ Петербургъ и желаю отъ всей души, чтобы былъ успѣхъ; но уже онъ почти вѣренъ, потому что съ сегодняшнею почтою получено извѣщеніе, что Государь изволилъ согласиться на отсрочку долга княгини на 18 лѣтъ, по 500 рублей въ годъ безъ процентовъ; можетъ быть, князь Палавандовъ уже это знаетъ офиціально въ Москвѣ. Сдѣлай милость, скажи это ему, а ежели увидишь княгиню, то возьми на себя пріятную коммиссію поцѣловать у нея за меня ручку.

Про здѣшнія дѣла я сегодня ничего не буду писать, да и нѣтъ ничего новаго; ты видѣлъ по газетамъ, что Чеченцы сами начинаютъ отдавать намъ пушки полученныя отъ Шамиля для дѣйствій противъ насъ. Дай Богъ, чтобы такое похвальное ихъ направленіе продолжалось.

23.

Тифлисъ, 28 Марта 1849.

Въ отвѣтъ на письмо твое отъ 10 Марта спѣшу увѣдомить тебя, любезный Алексѣй Петровичъ, что я предупредилъ просьбу твою на счетъ полковника Левицкаго, и по собственному желанію его онъ переведенъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Переводъ его изъ полка князя Барятинскаго устранитъ всѣ бывшія у него непріятныя столкновенія съ своимъ ближайшимъ начальствомъ и дастъ ему возможность продолжать попрежнему полезную его службу на Кавказѣ. Съ своей же стороны, зная Левицкаго за храбраго и достойнаго офицера, я отъ всей души готовъ для него дѣлать все отъ меня зависящее. Что же касается до подсудимаго Свѣшникова, въ которомъ ты принималъ участіе, то душею радуюсь, что конфирмація моя о немъ высочайше утверждена и даетъ ему возможность загладить свой прежній проступокъ *).

*) Изъ писемъ Ермолова къ князю Воронцову, напечатанныхъ въ XXXVI-й книгѣ „Архива Князя Воронцова", а также изъ оставшихся неизданными (по исключительно частному ихъ значенію) видно, какой въ сущности добрый человѣкъ былъ Алексѣй Петровичъ, какъ былъ онъ участливъ къ чужой бѣдѣ и какъ много помогалъ своимъ теплымъ ходатайствомъ. Подъ грозной внѣшностью билось въ немъ горячее сердце. П. Б.

24.

Воздвиженское, 1-е Іюня 1849.

Любезнѣйшій Алексѣй Петровичъ, такъ какъ я теперь почти рѣшительно устроилъ свой маршрутъ, то и спѣшу тебя объ ономъ увѣдомить въ надеждѣ, что будетъ мнѣ возможность видѣть и обнять тебя въ Москвѣ. Здѣсь все устроено такъ, что мое отсутствіе до осени не можетъ быть, кажется, вреднымъ; а такъ какъ для поѣздокъ зимою я не слуга, то и рѣшаюсь въ это лѣто съѣздить въ Петербургъ, гдѣ необходимо надобно кое-что устроить на будущее время. И такъ я надѣюсь быть въ Кисловодскѣ около 6-го, пробыть тамъ съ недѣлю (больше для свиданья съ княземъ Бебутовымъ, который туда пріѣдетъ), посѣтить Правый Флангъ и генерала Ковалевскаго въ Прочномъ Окопѣ и быть въ нововозникающемъ городѣ Ейскѣ около 20-го, 25-го быть въ Ростовѣ и потомъ на Воронежъ и Москву. Здѣсь между тѣмъ въ Чечнѣ совершенно спокойно, и Малая Чечня, можно сказать, или наша или неутральна. Надѣюсь, что въ непродолжительномъ времени и Большая послѣдуетъ тому же примѣру. Нестеровъ превосходно знаетъ край и знаетъ какъ вести здѣсь дѣла и въ мирномъ, и въ военномъ отношеніяхъ. Обо всемъ этомъ переговоримъ, я надѣюсь, въ Москвѣ, la carte à la main *). Князь же Аргутинскій попробуетъ, можно ли будетъ покорить вновь укрѣпленный Чохъ и Сограталь. Ежели это будетъ сдѣлано, то наши дѣла въ Дагестанѣ будутъ въ весьма хорошемъ положеніи, и останется только на будущій годъ лучше устроить дистанцію между Кази-Кумухомъ и верхними магалами Джаробѣлоканскаго округа. Нельзя ожидать, чтобы Шамиль предпринялъ что-нибудь важное въ этомъ году противъ насъ, а ежели бы и попробовалъ, то, кажется, будетъ ему такой же успѣхъ, какъ и въ прошедшихъ годахъ.

Жена моя дожидается меня въ Кисловодскѣ; она мнѣ сопутствовала въ Карабагѣ по Муганской степи, въ Ленкорани, на Божіемъ Промыслѣ и потомъ черезъ Шемаху и Дербентъ въ Шуру и по плоскостямъ до Терека, откуда она поѣхала въ Кисловодскъ, а я въ Кизляръ и потомъ сюда. Въ Дагестанѣ она имѣла удовольствіе идти два или три раза съ пѣхотою на военномъ положеніи, но къ большому ея сожалѣнію непріятель не показывался. Мы были съ нею на славномъ Гимринскомъ спускѣ, откуда видѣнъ почти весь Дагестанъ и гдѣ, по общему здѣсь преданію, ты плюнулъ на этотъ ужасный и проклятый

---

*) Съ картою въ рукѣ.

край и сказалъ, что оный не стоитъ кровинки одного солдата; жаль, что послѣ тебя нѣкоторые начальники имѣли совершенно противное мнѣніе.

Теперешняя моя поѣздка ознакомила меня со всѣми мѣстами Закавказа, гдѣ я лично не былъ, и теперь я могу сказать, что весь край мнѣ извѣстенъ отъ Ленкорана до Анапы и отъ Озургетъ и Александрополя до Кизляра.

Мой сынъ поѣхалъ къ князю Аргутинскому, чтобы участвовать въ его дѣйствіяхъ. Ты узнаешь отъ Булгакова, какую онъ забубенную, но счастливую штуку сдѣлалъ близъ Абасъ-Тумана; оно было не совсѣмъ осторожно, но удалось: смѣлымъ Богъ владѣетъ!

25.

Кисловодскъ, 10 Іюня 1849.

Любезный Алексѣй Петровичъ, у меня планы остались тѣ же: изъ Воздвиженскаго я прошелъ чрезъ всю Малую Чечню во Владикавказъ, почти какъ по мирному краю. Князь Аргутинскій долженъ быть теперь на Турчидагѣ. На Правомъ Флангѣ одно только не такъ хорошо, что мирные наши Закубанцы отчасти волею или неволею увлекаются отъ насъ посланцемъ отъ Шамиля, живущимъ у Абазеховъ. Конечно, они гораздо больше теряютъ черезъ это, нежели мы: ибо теряютъ земли прекрасныя, которыя намъ пригодятся и для нашихъ вѣрныхъ Ногайцевъ, и для казаковъ Лабинской линіи; но генералъ Ковалевскій по самой просьбѣ лучшихъ изъ Закубанцевъ старается ихъ защитить отъ невольнаго переселенія, въ чемъ ему однакоже покуда мѣшаетъ большая вода въ Лабѣ.

Я 16-го числа отсюда поѣду на Правый Флангъ и надѣюсь съ Ковалевскимъ видѣться, потомъ надѣюсь быть 25-го въ Ростовѣ и черезъ недѣлю оттуда въ Москву. Прощай, любезный другъ; для меня будетъ истинное удовольствіе съ тобою видѣться.

26.

С.-Петербургъ, 11 Августа 1849.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я хотѣлъ писать тебѣ еще изъ Варшавы, но не имѣлъ тамъ минуты свободной; теперь спѣшу тебя увѣдомить, что для фамиліи Дадьяна все, что̀ Государь соглашается сдѣлать, есть принятіе дѣтей въ Пажескій Корпусъ; онъ сказалъ мнѣ, что

этотъ отвѣтъ былъ уже имъ данъ на недавно поданное къ нему прошеніе и что больше этого сдѣлать не можетъ. Я очень сожалѣю, что не могъ ничего сдѣлать полезнаго для этой несчастной фамиліи; но дѣло это уже было не новое и рѣшено прежде, нежели мое домогательство дошло на высочайшее разрѣшеніе; я напишу объ этомъ почтенной баронессѣ, а между тѣмъ сдѣлай милость скажи ей все, что̀ я по этому чувствую и что я употребилъ на это всѣ возможныя старанія, но дѣло было кончено прежде меня, и перемѣнить невозможно.

На счетъ царицы Маріи Государь изволилъ согласиться на отъѣздъ ея въ Тифлисъ, о чемъ я ее увѣдомилъ, а также офиціально и министра внутреннихъ дѣлъ. Ты узнаешь съ удовольствіемъ, что старый твой адъютантъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ получилъ орденъ св. Александра; между другими милостями пожалованы двѣ кокарды княгинѣ Дадьянъ и кн. Орбеліановой, дочери царевича Баграта, и двѣ княжны, Эристова и Орбеліанова, пожалованы во фрейлины. Больше писать сегодня не могу, ибо замученъ дѣлами и визитами. Ты вѣрно знаешь всѣ подробности славнаго окончанія Венгерскихъ дѣлъ; нельзя, кажется, лучше было кончить. Государь и Россія играютъ прекрасную роль.

27.

С.-Петербургъ, 20 Августа 1849.

Любезный Алексѣй Петровичъ. Спѣшу тебя увѣдомить, что по извѣстіямъ о недоразумѣніяхъ по новому шоссе на Могилевъ (ибо по новой дорогѣ шоссе провалилось, или не готово, а по старой недостатокъ въ лошадяхъ, которыхъ перевели на новую), мы должны были рѣшиться ѣхать на Москву; но такъ какъ много уже времени потеряно, то мы тамъ пробудемъ только одинъ день или, лучше сказать, только нѣсколько часовъ. Мы выѣзжаемъ отсюда 23-го вечеромъ, съ Божіею помощію будемъ 26-го рано въ Москвѣ и тотъ день пробудемъ тамъ по крайней мѣрѣ до ночи. Ежели ты будешь въ Москвѣ или можешь туда пріѣхать въ тотъ день, то я надѣюсь, что ты съ нами отобѣдаешь. Я прошу Булгакова, чтобы онъ далъ знать о томъ Палавандовымъ, и мы тогда поговоримъ о его дѣлѣ. Я забылъ тебѣ сказать, что Сергѣя Николаевича *) обѣщали произвесть 6-го Декабря и что онъ будетъ назначенъ на первую губернаторскую вакансію. Бѣдный Левицкій, о которомъ ты интересовался, бывъ траншей-маіоромъ подъ Чохомъ, къ несчастію убитъ во время сильнаго ночнаго нападенія на траншею, которое онъ отразилъ съ полнымъ успѣхомъ, но при са-

*) Ермолова, двоюроднаго брата Алексѣя Петровича. П. Б.

момъ концѣ получилъ пулю прямо въ грудь. Князь Аргутинскій очень о немъ сожалѣетъ. Прощай, любезный другъ. Жена моя усердно тебя благодаритъ за лестную о ней память, весь твой М. Воронцовъ.

28.

Тифлисъ, 26 Ноября 1849.

Я давно не писалъ къ тебѣ любезный Алексѣй Петровичъ, и даже не отвѣчалъ на письмо отъ 11 Октября, потому что я ждалъ пріѣзда Ильи Орбеліанова и увѣренъ былъ, что онъ привезетъ отъ тебя письмо.

Илья Орбеліановъ не могъ и не думалъ называть Чохскія дѣйствія побѣдою; но, бывъ личнымъ и достойнымъ свидѣтелемъ храбрости нашихъ войскъ, онъ объ нихъ благородно и справедливо отзывался, и Государь также справедливо и милостиво наградилъ ихъ. Князь Аргутинскій, я думаю, хорошо сдѣлалъ, что не штурмовалъ покрытыя развалинами землянки, гдѣ безъ пользы потерялъ много бы людей; ему нельзя было ожидать награжденія, но онъ просилъ о подчиненныхъ, и Государь достойно ихъ наградилъ.

На дняхъ было прекрасное дѣло храбраго полковника Кишинскаго; съ милиціею Казыкумухскою и резервомъ 6 ротъ пѣхоты онъ разбилъ и прогналъ Хаджи-Мурата, который пришелъ и засѣлъ было въ одну Кумухскую деревню у подножья Турчидага.

При семъ прилагаю представленіе твое о предоставленіи права выкупа крестьянамъ въ Грузіи, о которомъ мы съ тобою говорили и которое ты поручилъ Дондукову отыскать и тебѣ выслать. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; княгиня тебѣ усердно кланяется и всегда гордится, когда ты о ней вспоминаешь.

29.

Тифлисъ, 25 Генваря 1850.

Я очень давно тебѣ не писалъ, любезный Алексѣй Петровичъ, и чувствую себя нѣкоторымъ образомъ виноватымъ; но первая причина тому было возвращеніе моей глазной болѣзни, въ продолженіе которой я сколько можно меньше занимался и диктовалъ; а потомъ множество накопившихся дѣлъ къ тѣмъ, которыя были запущены во время болѣзни. Теперь я, слава Богу, поправился, но все еще долженъ болѣе нежели прежде беречь глаза, въ которыхъ осталась нѣкоторая слабость.

Ты видѣлъ въ газетахъ рѣшительную и успѣшную операцію генерала Ильинскаго на Галашевцевъ и прямо-геройское дѣло полковника Слѣпцова съ его храбрыми казаками; съ тѣхъ поръ Шамиль послалъ двухъ наибовъ, чтобы наказать эти племена за ихъ покорность къ намъ; они послали за Слѣпцовымъ, который тотчасъ прибылъ, разбилъ наибовъ, и все это дѣло вышло для насъ еще полезнѣе. Теперь Нестеровъ въ Большой Чечнѣ для рубки лѣсовъ и проч. Это въ первый разъ, что мы вступили при мнѣ въ Большую Чечню, и ежели Богъ поможетъ, то результаты могутъ быть важны. Посылаю тебѣ при семъ брошюрку съ описаніемъ и анекдотами защиты укрѣпленія Ахты; она достойна твоего любопытства.

30.

Тифлисъ, 20 Февраля 1850.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я получилъ письмо твое черезъ г-на Бартоломея; онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ и отъ всѣхъ весьма хорошо рекомендованъ. Великій Князь Наслѣдникъ желаетъ, чтобы онъ былъ назначенъ у меня по особымъ порученіямъ на первую вакансію. Воля Его Высочества будетъ исполнена и съ истиннымъ удовольствіемъ, потому что Бартоломей во многихъ отношеніяхъ и по многимъ его познаніямъ можетъ намъ быть весьма полезенъ. Но такъ какъ теперь вакансій нѣтъ, то я просилъ, нельзя ли его между тѣмъ прикомандировать и потомъ назначить на первую вакансію. Онъ захотѣлъ самъ ѣхать съ этимъ предложеніемъ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ сдать тамъ роту, и я надѣюсь, что это тамъ устроится и, какъ сказалъ выше, онъ во многомъ здѣсь будетъ полезенъ.

Въ Большой Чечнѣ все идетъ хорошо и теперь уже должно быть кончено. Шамиль сильно вооружился противъ этой первой нашей операціи для рубки лѣсовъ и широкихъ просѣкъ въ Большой Чечнѣ, собралъ почти весь Дагестанъ для сопротивленія, но ничему не могъ помѣшать, и Нестеровъ хладнокровно продолжалъ, и я надѣюсь теперь уже кончилъ то, что̀ было положено въ эту зиму сдѣлать.

31.

Тифлисъ, 9 Маія 1850.

Я очень виноватъ передъ тобою, любезный Алексѣй Петровичъ, но можетъ быть не совсѣмъ виноватъ, такъ какъ ты думаешь; давно къ тебѣ не писалъ, но въ этомъ мнѣ помѣшала ужасная куча дѣлъ всякаго рода, и особливо по гражданской части; потомъ нѣкоторыя

двухъ и трехдневныя поѣздки, и въ добавокъ къ тому я пилъ три недѣли сряду Боржомскія воды здѣсь въ Тифлисѣ, что̀ мнѣ отнимало ежедневно два или три часа самаго лучшаго утренняго времени для частной переписки. Теперь я собираюсь послѣ завтра въ дорогу, сперва на Лезгинскую линію, потомъ далѣе. У насъ, слава Богу, все хорошо идетъ своимъ порядкомъ. Нестеровъ выздоравливаетъ, но еще не совсѣмъ: въ немъ сумасшествія уже нѣтъ, но осталась нѣкоторая манія къ восторженности въ разговорахъ по всѣмъ предметамъ и въ особенности по дѣламъ, касающимся до командованія имъ Лѣваго Фланга. Но это всякій день уменьшается, въ обществѣ онъ совершенно приличенъ и спокоенъ, теперь отправляется съ хорошимъ докторомъ на воды, и я надѣюсь, что къ осени онъ будетъ совершенно здоровъ и въ состояніи приняться опять за службу. Между тѣмъ зимнія его операціи оставили большіе слѣды и на дѣлѣ и въ умахъ Чеченцевъ. Шамиль очевидно боится за свой Веденъ, къ которому дорога почти открыта, и заставляетъ несчастныхъ Чеченцевъ дѣлать огромные рвы черезъ сдѣланныя просѣки и держать тамъ постоянные сильные караулы. Между тѣмъ другіе увѣряютъ, что онъ имѣетъ намѣреніе перебраться въ Карату̀ и уже посылаетъ туда часть своего имущества; онъ назначилъ туда сына своего мудиромъ надъ многими наибами и сосваталъ его на дочери Даніель-Бека. Впрочемъ всѣ слухи о разныхъ военныхъ приготовленіяхъ и нашествіяхъ оказались пустыми, и они только готовятся на отраженіе тѣхъ покушеній, которыхъ они отъ насъ ожидаютъ; но главный способъ Шамиля для поддержанія враждебнаго духа противъ насъ есть то, чтобы заставлять, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній и даже смертной казни, всѣхъ наибовъ и всѣ общества безпрестанно насъ безпокоить по всѣмъ границамъ хищническими партіями и слухами о приготовленіяхъ для бо́льшаго. Мы же вездѣ осторожны, укрѣпляемся и мало-по-малу дѣлаемся сильнѣе. Я теперь осмотрю Лезгинскую линію, Самурскій округъ, новую Шинскую дорогу, весь Дагестанъ, потомъ черезъ Шуру и Чиръ-Юртъ поѣду на Лѣвый Флангъ и въ Чечню и, смотря по обстоятельствамъ, оттуда поѣду въ Кисловодскъ на Правый Флангъ и далѣе.

Наступательныхъ движеній я въ этомъ году дѣлать не намѣренъ. Прежде нежели пріѣду въ Чечню, я непремѣнно къ тебѣ напишу о положеніи края, по которому проѣду и нашелъ ли я что̀ нужное тамъ сдѣлать.

Дѣла гражданскія здѣсь, смѣю сказать, подвинулись впередъ. Посылаю тебѣ списокъ вещамъ, привезеннымъ со всѣхъ сторонъ въ Ти-

флисъ на выставку. Пріятно видѣть живое усердіе и порывъ у всѣхъ жителей Закавказскихъ ко всякому роду промышленности. Посылаю тебѣ либретто и афишку второй пьесы, сочиненія Георгія Эристова; все это шло превосходно. Первое Русское театральное представленіе было въ Генварѣ 1750 г., и играли кадеты; первое же Грузинское ровно 100 лѣтъ позже, но съ тою разницею, что Русскій театръ и 50 лѣтъ послѣ своего открытія былъ весьма плохъ, и только недавно сдѣлалъ быстрые шаги, особливо по части актеровъ и актрисъ; Грузинскій же съ самаго начала не только хорошъ, но превосходенъ, и нельзя не удивляться чрезвычайной способности первыхъ лицъ изъ лучшихъ здѣшнихъ фамилій понимать и играть всѣ роли; это дѣло пойдетъ впередъ и въ нравственномъ отношеніи весьма будетъ полезно.

Я въ умѣ своемъ предупредилъ то, что̀ ты говоришь о Слѣпцовѣ и мѣсяца два тому назадъ писалъ Государю, что на случай большой Европейской войны этого человѣка необходимо употребить, чтобы вести кавалерію къ славѣ и побѣдамъ. Кавалерійскихъ генераловъ настоящихъ у насъ нѣтъ; да врядъ ли они есть въ другихъ арміяхъ. У Французовъ былъ сумасшедшій, но храбрѣйшій Мюратъ, который и съ дурною кавалеріею и съ дурнымъ за ней присмотромъ дѣлалъ чудеса, потому что ни ея ни себя не жалѣлъ, какъ скоро былъ случай идти въ атаку. Настоящій образецъ кавалерійскаго начальника былъ Зейдлицъ. Какіе бы результаты были у насъ, ежели бы подобные имъ люди вели нашу превосходную конницу въ кампаніяхъ 1812, 13 и 14 г. Молодцы у насъ всегда были и будутъ; но рѣшительныя атаки принадлежатъ малому числу людей особенныхъ, и Слѣпцовъ, конечно, съ Божіею помощью докажетъ, что̀ можетъ сдѣлать Русская кавалерія, которая кромѣ всѣхъ своихъ достоинствъ имѣетъ еще себѣ въ помощь несравненное иррегулярное войско.

Я оканчиваю это письмо не споромъ, ибо я спорить съ тобой не хочу, но протестомъ противъ того, что̀ ты говоришь, что просьбы твои ко мнѣ въ моихъ глазахъ ничтожны. Это слишкомъ несправедливо: я всегда дѣлалъ и буду дѣлать съ душевною радостію все то, что́ могу тебѣ въ угожденіе и когда не могу, то уже я не виноватъ. Александрову дать бригаду противъ желанія Заводовскаго и Крюковскаго я не считаю себя въ правѣ, но не хочу входить въ длинныя объясненія и прошу только тебя судить меня по совѣсти, а не по минутному неудовольствію.

32.

Темиръ-Ханъ-Шура. 15 Іюня 1850.

Съ самаго отъѣзда моего изъ Тифлиса, 11-го числа прошлаго мѣсяца, я нигдѣ не имѣлъ досуга писать, любезный Алексѣй Петровичъ, а между тѣмъ я получилъ на пути письмо твое отъ 8-го Мая. Ты писалъ не получивши письма моего отъ 10 Мая, которое во многихъ пунктахъ можетъ служить отвѣтомъ на то, что̀ ты мнѣ пишешь. Ты могъ изъ него судить, что я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія идти на Ирибъ, какъ ты въ Москвѣ слышалъ. Ирибъ слишкомъ далекъ отъ нашихъ границъ, чтобы, взявши оный, оставить тамъ гарнизонъ, и ежели бы мы его взяли, что̀ во всякомъ случаѣ было бы не безъ потери и большихъ затрудненій по качеству дорогъ туда ведущихъ, Даніель-Бекъ или всякій другой на его мѣстѣ черезъ два или три мѣсяца опять бы укрѣпилъ это, и мы отъ такого подвига никакой выгоды не получили бы. Прошу замѣтить, что Салты и Гергебиль въ этомъ отношеніи различны отъ Ириба: взявши оные, мы тамъ не остались, но и непріятель ихъ вновь не занялъ и занять не можетъ; мы отъ нихъ слишкомъ близки, и проходы къ нимъ отъ насъ слишкомъ легки, чтобы они осмѣлились не только тамъ опять укрѣпляться, но даже сдѣлать тамъ какой-либо посѣвъ; ибо къ бывшему Гергебилю мы можемъ изъ укрѣпленія Аймаки и Ходжалъ-Махи въ нѣсколько часовъ безъ всякаго затрудненія придти истребить всякое начало какихъ-нибудь работъ и скосить для насъ все, что̀ они думаютъ посѣять для себя. На Салты еще легче идти изъ Эйджалмановъ, изъ Цудахара и изъ лѣтняго лагеря князя М. З. Аргутинскаго на Турчидагѣ; въ этой мѣстности все пространство между Кара -и Казикумухскимъ Койсу осталось нейтральное. Тамъ были деревни изъ самыхъ богатыхъ Дагестана: Купа, Салты, Кёгеръ и Кудали. Эти деревни совершенно разорены, а двѣ послѣднія служили матеріалами для возобновленія построекъ въ Цудухарѣ, которые были разорены Шамилемъ въ 1846 году. Это пространство было, можно сказать, житницею для большой части враждебнаго намъ Дагестана, и мы всегда можемъ и должны смотрѣть, чтобы тамъ непріятель никакихъ *ресурсовъ* не находилъ. Конечно разореніе Ириба сдѣлало бы на время довольно сильное въ нашу пользу впечатлѣніе; но какъ я выше сказалъ, эта мѣстность слишкомъ до насъ далека, и доступъ слишкомъ труденъ, чтобы мы могли помѣшать немедленному возобновленію того же самаго Ириба.

Впрочемъ мнѣніе Московской публики встрѣтилось въ этомъ случаѣ, какъ до насъ слухи доходятъ, съ ожиданіемъ самаго Ша-

миля: и онъ и Даніель-Бекъ, какъ видно, ожидали нападенія на Ирибъ и особливо когда узнали, что я собралъ небольшой отрядъ на верхнемъ Самурѣ, откуда идетъ одна изъ дорогъ, ведущихъ отъ нашихъ границъ до Ириба. Но я, кажется, писалъ къ тебѣ изъ Тифлиса, зачѣмъ я шелъ туда: это единственная часть нашей границы, которая теперь еще слаба и черезъ которую непріятель можетъ безпрестанно спускаться даже до Ахты, угрожать новой дорогѣ черезъ Шинское ущелье и Нухинскому уѣзду, а особливо держать въ безпрестанномъ волненіи бывшее владѣніе Елисуйское, верхніе магалы и весь правый флангъ Джаробѣлоканскаго округа. Всѣ бывшіе тамъ начальники теперешніе и прежніе не могли положительно заключить, что́ лучше сдѣлать, дабы поправить столь невыгодное положеніе дѣлъ на этомъ пунктѣ. Я теперь узналъ по опыту, что оно очень трудно; но, по крайней мѣрѣ, я узналъ совершенно мѣстность и имѣю нѣкоторую надежду, что хоть малу по малу мы добьемся тутъ толку и хотя убавимъ то зло, которое вовсе отмѣнить невозможно. Чтобы пройти безъ всякаго препятствія вездѣ, гдѣ нужда укажетъ, я собралъ около Ахтовъ 4 батальона, 2 роты саперъ, роту стрѣлковъ и 4 горныхъ орудій, и мы пошли вверхъ по Самуру сперва въ Рутулъ и потомъ въ Лучекъ, а изъ Лучека на Гельмецъ и Цахуръ, куда ко мнѣ пришли 3 роты карабинеръ изъ Лезгинскаго отряда черезъ Адамъ-Тахты, гдѣ они стояли въ лагерѣ Килаши-Джинихъ. По мѣрѣ какъ поднимались по Самуру, дорога дѣлалась уже и труднѣе и, наконецъ отъ Гельмеца до Цахура почти непроходима. Мѣста тамъ также холодны, и въ Цахурѣ 3-го Іюня около насъ падалъ снѣгъ. Ежели бы не саперы, не знаю, какъ бы мы туда пришли, а еще менѣе какъ бы мы оттуда вышли, особливо ежели погода продолжала бы портиться, какъ то было 2-го числа и до утра 3-го. Жители этихъ деревень не могутъ тамъ оставаться зимою и приходятъ со скотомъ и даже съ семействами своими въ нижнія части Джаробѣлоканскаго округа; защищаться противъ непріятеля они не въ состояніи даже съ фронта, еще менѣе по обходамъ, особливо со стороны Лучека, гдѣ многія дороги сходятся и откуда пути сообщенія во всѣ стороны сравнительно хороши. Я всегда думалъ, что Лучекъ важный для насъ пунктъ и что надобно оный укрѣпить; но по общему мнѣнію гарнизонъ нашъ тамъ былъ во всю зиму отрѣзанъ по холодному климату и не только бы не могъ ни въ чемъ намъ принесть пользу, но и самъ бы былъ въ опасности. Впрочемъ мѣсто само по себѣ такъ крѣпко, что сами жители, хорошо расположенные къ намъ, и часть Ахтинской милиціи всегда преграждали путь тамъ малымъ партіямъ; противъ большихъ же устоять они не могли тѣмъ болѣе, что нижняя часть деревни и всѣ ихъ поля

всегда могли быть разорены непріятелемъ. Въ 1848 году, когда Шамиль пошелъ на Ахты, то онъ пошелъ на Лучекъ, какъ единственный путь для большаго ополченія. Разсмотрѣвъ со вниманіемъ всю эту мѣстность, я совершенно удостовѣрился, что Лучекъ должно и можно занять, во что бы то ни стало, и что это не такъ затруднительно, какъ казалось, ибо климатъ Лучека, хотя горный, но довольно умѣренный. Я самъ видѣлъ, что около него растутъ орѣхи; а дорога, по которой мы прошли черезъ Рутулъ, по мѣстамъ узкая, но вездѣ удобная и довольно теплая даже зимою, такъ что въ случаѣ нужды резервы, въ какое бы то ни было время года, могутъ придти туда изъ Кусаръ, гдѣ стоитъ Ширванскій полкъ, черезъ Ахты и Рутулъ. Кромѣ того мы немедленно начнемъ улучшивать къ Лучеку другую дорогу, холоднѣе Ахтинской, но удобную по крайней мѣрѣ 7 или 8 мѣсяцевъ въ году черезъ горы отъ с. Ричи, что̀ между Чирахомъ и Курахомъ; эта дорога можетъ служить для приходу къ Лучеку резервовъ и всего, что̀ нужно, когда Дагестанскій отрядъ собранъ около Кумуха или на Турчидагѣ. Самъ же Лучекъ съ двумя ротами, при провіантѣ и водѣ, которую отнять нельзя, не можетъ быть въ опасности; ибо положеніе его можетъ сравниться съ Саксонскимъ Кенигштейномъ. Въ обыкновенное же время, т. е. когда нѣтъ главнаго сильнаго ополченія въ этой мѣстности противъ насъ, занимая милиціею первыя деревни по двумъ главнымъ ущеліямъ, ведущимъ къ Лучеку, т. е. по Самуру и Кара-Самуру, гарнизонъ не только будетъ совершенно спокоенъ, но будетъ имѣть всѣ выгоды, имѣя вблизи и строевой, и дровяной лѣсъ, мѣсто для пастьбы, огородовъ и проч.; гарнизонъ будетъ состоять изъ двухъ ротъ линейнаго батальона, который теперь въ Хозрахъ безъ всякой пользы. Штабъ батальона перейдетъ теперь въ Ахты, гдѣ находятся теперь двѣ другія роты батальона, а со временемъ, можетъ быть, и штабъ этотъ перейдетъ въ Лучекъ. Князю Григорію Орбеліанову съ 5-ю батальонами поручено строить новое укрѣпленіе, и онъ будетъ сколько можно въ связи сообщенія съ Лезгинскимъ отрядомъ, отъ котораго два батальона будутъ стоять лагеремъ въ Кялало все лѣто и потомъ еще нѣсколько недѣль на уроч. Адашъ-Тахты, прежде чѣмъ воротиться не Лезгинскую линію. Такимъ образомъ и между этими двумя отрядами непріятель, имѣя одинъ проходъ чрезъ Цахуръ, не посмѣетъ идти силою въ наши владѣнія; а ежели найдется возможнымъ постоянно имѣть милицію въ Гельмецѣ, то и самыя малыя хищническія партіи будутъ имѣть большія затрудненія тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ мы составляемъ маленькіе отряды партизанскіе и изъ охотниковъ съ опытными и храбрыми офицерами въ Елисуйскомъ участкѣ, въ верхнихъ магалахъ и въ Нухинскомъ уѣздѣ, которые будутъ отыскивать и истреблять

не только разбойниковъ всякаго рода, но и передержателей, которые имъ помогаютъ. Наконецъ, ежели и за этимъ мы черезъ лѣто и осень не достигнемъ желаемаго спокойствія въ этомъ краѣ, то зимою переселимъ всѣ эти сомнительныя деревни на плоскость, гдѣ онѣ и теперь уже почти всѣ зимуютъ, назначивъ имъ на лѣто кочевье, ибо эти жители жаровъ перенести не могутъ. Таковымъ распоряженіемъ я совершенно буду спокоенъ насчетъ сильныхъ нападеній по примѣру 1848 года и, что́ весьма важно, насчетъ продолженія работъ по дорогѣ черезъ Шинское ущелье; на этой дорогѣ въ этомъ году два батальона, и я надѣюсь, что, вьючное сообщеніе и слѣдовательно для войскъ и горной артилеріи до зимы будетъ кончено.

Я вошелъ во всѣ эти подробности, любезный Алексѣй Петровичъ, потому что я думаю, что онѣ тебѣ покажутся интересными и чтобы показать тебѣ, что, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, моя краткая, но довольно трудная экспедиція въ верхъ по Самуру не останется безъ пользы. Кончивъ оную, я отправился черезъ Ахты въ Курахъ и оттуда черезъ горы и Табасарань въ Дербентъ, третьяго дня былъ въ прекрасной новой штабъ-квартирѣ Самурскаго полка въ Дешлагарѣ и сегодня мы пріѣхали сюда, послѣ завтра поѣду въ Петровское, оттуда въ Чиръ-Юртъ и черезъ Кумухскую плоскость въ Чечню; буду писать тебѣ или изъ Воздвиженскаго, коли тамъ буду имѣть досугъ, или изъ Владикавказа.

33.

Кисловодскъ, 24 Августа 1850.

Я давно не писалъ къ тебѣ, любезный Алексѣй Петровичъ, и это кажется еще страннѣе, что уже нѣсколько недѣль въ Кисловодскѣ, гдѣ, казалось бы, я долженъ имѣть время отдыхать, купаться, лѣчиться и полный досугъ для партикулярной переписки съ друзьями; но вышло совсѣмъ иначе. Ѣдучи сюда, еще на Сунжѣ, мы получили извѣстіе сперва предварительное отъ кн. Чернышова, что Великій Князь Наслѣдникъ намѣревается посѣтить Кавказъ. Разумѣется, тотчасъ надобно было думать и распоряжаться о всемъ необходимомъ для пріема высокаго гостя; но о времени пріѣзда по маршруту я получилъ только здѣсь въ Кисловодскѣ. Его Высочество пріѣзжаетъ къ намъ въ Тамань 14-го числа, ѣдетъ черезъ Кубань и частію по Лабѣ черезъ Пятигорскъ, Кисловодскъ и Нальчикъ во Владикавказъ, оттуда въ Тифлисъ, гдѣ пробудетъ три дня.

Я встрѣчу Великаго Князя въ Усть-Лабѣ, поѣду съ нимъ до Тифлиса, откуда онъ поѣдетъ съ княземъ Бебутовымъ въ Кутаисъ и Эри-

вань, а я опять буду дожидать въ Дербентѣ, чтобы съ нимъ поѣхать въ Шуру, Чиръ-Юртъ, Кумукскую плоскость, а потомъ Грозную, Воздвиженское и по Чечнѣ, а 30-го Октября Его Высочество предполагаетъ уже быть въ Новочеркаскѣ на возвратномъ пути. Ты вѣрно его увидишь въ Москвѣ. Дай Богъ, чтобы импрессія о Кавказѣ была у него хороша; но для насъ невыгодно, что Великій Князь не видѣлъ этотъ край пять или шесть лѣтъ тому назадъ: ибо въ такомъ случаѣ онъ бы лучше могъ судить о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, смѣю сказать, довольно важныхъ, въ нашемъ положеніи вообще. Я не могу быть съ Великимъ Княземъ вездѣ, потому что не считаю себя въ силахъ скакать по 140 и болѣе верстъ въ сутки и тѣмъ болѣе, что у меня немного еще болитъ нога отъ маленькой случайности въ Дербентѣ; за то я буду готовъ и способенъ сопровождать знаменитаго гостя тамъ, гдѣ нужны конвои даже и пѣхоты и гдѣ переходы медленны и не могутъ быть такъ длинны. Когда воротимся послѣ этого во Владикавказъ, я немедленно напишу тебѣ нѣсколько словъ, чтобы извѣстить о всемъ бывшемъ.

Вообще по дѣламъ у насъ ничего нѣтъ особеннаго, кромѣ прекрасной экспедиціи на прошлой недѣлѣ храбраго Слѣпцова въ Большой Чечнѣ. Генералъ-маіоръ Козловскій уже нѣсколько времени былъ занятъ съ небольшимъ отрядомъ близъ укрѣпленія Куринскаго истребленіемъ лѣса и открытіемъ дороги для нашихъ конныхъ партій отъ Куринскаго до Мичика и вдоль этой рѣчки. Эта операція весьма непріятна Шамилю, ибо сильно должна дѣйствовать на Большую Чечню; онъ послалъ туда сильный сборъ, къ которому, видно, присоединилась и часть другаго сильнаго сбора изъ Чеченцовъ и Дагестанцевъ, стоявшая съ самой зимы постоянно около Шалей, для защиты укрѣпленія, сдѣланнаго поперекъ просѣки, такъ хорошо вырубленной зимою Нестеровымъ. Козловскій писалъ Ильинскому и Слѣпцову, прося, ежели возможно, сдѣлать диверсію въ пользу его операціи. Ильинскій разрѣшилъ, а Слѣпцовъ немедленно исполнилъ: собравъ около 900 казаковъ и милиціи, онъ скрытно прошелъ черезъ всю Малую Чечню, далъ видъ частью пѣхоты, что онъ хочетъ атаковать немирныя въ лѣсахъ деревни; потомъ, переправясь черезъ Аргунъ у Большаго Чечня, куда къ нимъ присоединились три роты изъ Грозной, 22-го съ разсвѣтомъ внезапно атаковалъ самое укрѣпленіе и взялъ оное почти безъ всякой потери. Тутъ подошли еще Куринцы изъ Воздвиженскаго и зачали, сколько возможно было, разрушать огромный валъ, сдѣланный по приказанію Шамиля. Когда непріятель, собравшись, подходилъ, чтобы его безпокоить, онъ прямо кинулся на него съ храбрыми и всегда счастли-

выми Сунженскими казаками, разсѣялъ его и гналъ нѣсколько верстъ по Большой Чечнѣ, почти до Герменчука. Главный наибъ Талгибъ сильно раненъ картечью въ ногу. Чеченцы такъ устрашены, что Слѣпцовъ безъ выстрѣла воротился сперва къ взятому имъ укрѣпленію, гдѣ нашелъ уже пришедшаго изъ Воздвиженскаго генерала Меллера съ рабочими инструментами и, разрушивъ, сколько возможно было въ теченіе дня, весь отрядъ воротился въ Воздвиженское также безъ выстрѣла. Моральное дѣйствіе этого смѣлаго и прекраснаго дѣла будетъ большое и особенно поможетъ намъ въ будущую зимнюю экспедицію около тѣхъ же мѣстъ.

Идучи назадъ черезъ Малую Чечню, Слѣпцовъ былъ встрѣченъ вездѣ поздравленіями не только отъ мирныхъ Чеченцевъ, поселенныхъ на передовой нашей линіи, но даже нѣкоторыми старшинами изъ деревень, ушедшихъ въ горы и которыя еще не покорились.

Въ Дагестанѣ ничего не было особеннаго, кромѣ постройки Лучека. На Лезгинской линіи генералъ Бельгардтъ, оставшійся старшимъ по болѣзни Чиляева, имѣлъ хорошее дѣло въ горахъ противъ Джурмутцевъ, и разныя мелкія покушенія непріятеля на плоскость были вездѣ отбиты безъ всякаго для насъ вреда. Но въ этой сторонѣ былъ одинъ случай, для насъ весьма горестный. Помощникъ начальника Джаробѣлоканскаго округа, князь Захарій Эристовъ, только что недавно произведенный въ полковники, имѣлъ нужду поѣхать на нѣсколько дней въ отпускъ въ Тифлисъ и отправился съ пѣхотнымъ конвоемъ, который былъ назначенъ къ почтѣ, потому что были слухи о хищникахъ въ лѣсахъ по дорогѣ. Около половины дороги бѣдному Захарію надоѣло идти съ пѣхотою, и онъ съ 4-мя казаками поѣхалъ впередъ; въ лѣсу напали на него хищники, и онъ убитъ. Жалко думать о бѣдномъ старикѣ отцѣ его, у котораго онъ былъ единственный сынъ, и о бѣдной вдовѣ его, княгинѣ Еленѣ, съ которою онъ жилъ уже несколько лѣтъ совершенно согласно и счастливо, хотя бездѣтно. Это несчастіе поразило насъ всѣхъ, и нельзя еще кромѣ того не сожалѣть, что Великій Князь найдетъ въ Тифлисѣ многихъ членовъ фамиліи Эристовыхъ и Орбеліановыхъ въ печали и траурѣ.

На Правомъ Флангѣ и за Кубанью агентъ Шамиля, Магометъ-Аминъ успѣлъ пріобрѣсти много власти надъ Абазехами, Шапсугами и Натухайцами; но это власть шаткая. Я подкрѣпилъ начальника Праваго Фланга, генерала Евдокимова и надѣюсь, что съ Божіею помощію можно будетъ взять мѣры, чтобы ежели не уничтожить, то по крайней

мѣрѣ весьма уменьшить вліяніе Магомета-Амина и совершенно обезпечить нашу границу и поселеніе.

Я здѣсь съ радостію нашелъ, и ты вѣрно съ удовольствіемъ узнаешь что храбрый и почтенный генералъ Нестеровъ совершенно выздоровѣлъ: не осталось ни малѣйшихъ признаковъ въ несчастной его болѣзни; одна только слабость, необходимое послѣдствіе сильныхъ мѣръ, взятыхъ для его лѣченія и которыя такъ хорошо удались. Я только взялъ съ него слово, что, принявъ команду надъ Лѣвымъ Флангомъ послѣ проѣзда Великаго Князя, онъ не приметъ участія въ зимней экспедиціи, которую по его наставленію отлично выполнитъ генералъ Козловскій съ отличными и опытными генералами и полковниками, которые будутъ въ отрядѣ: зимній бивуакъ нѣсколько недѣль сряду могъ бы опять потрясти силы и физическое здоровье Нестерова, тогда какъ, отдохнувъ зимою, онъ будетъ готовъ на всю будущую весну. Лѣченіе это дѣлаетъ большую честь нашему эскулапу, доктору Андреевскому, и конечно никто кромѣ его, можетъ быть, и въ самыхъ столицахъ этого бы не могъ исполнить; въ этомъ ему помогли пятилѣтняя дружба и знакомство съ Нестеровымъ и самое лѣченіе будучи въ Тифлисѣ, гдѣ я, по довѣрености Нестерова ко мнѣ, всегда былъ готовъ и могъ помогать. Не будь Андреевскаго, пришлось бы Нестерова запереть; ибо ни одинъ изъ медиковъ въ Тифлисѣ не считалъ возможнымъ его вылѣчить.

Ермоловъ въ письмѣ отъ 15 Ноября 1850 года, изъ Москвы, извѣщалъ князя Воронцова о томъ, какъ отзывался покойный государь Александръ Николаевичъ про Кавказъ, въ первый разъ тогда имъ посѣщенный.

Здѣсь онъ пробылъ ровно двое сутокъ. Множество предметовъ и особенно что̀ подчинено его начальству, кадетскіе корпуса и прочее, было имъ осматриваемо; слѣдовательно немного оставалось у него свободнаго времени для разговоровъ; но однакоже въ первый день предъ представленіемъ онъ призвалъ меня въ кабинетъ одного и съ веселымъ чрезвычайно видомъ говорилъ мнѣ о Кавказѣ. Мнѣ оставалось жалѣть, что коротокъ былъ разсказъ его, и некогда было сообщить подробности, конечно весьма любопытныя. Скажу вкратцѣ, что̀ я слышалъ. „Войска нашелъ я въ прекрасномъ состояніи, содержаны отлично, видъ воинственный, одежда превосходная. Ходятъ быстро, какъ ни одни войска и, не взирая на то, что въ походахъ весьма часто строятъ крѣпости, дороги, мосты и для себя собственно всякія строенія, они очень хорошо выучены. Конечно не такъ, какъ войска въ Россіи; но отъ нихъ этого требовать невозможно, и очень достаточно то что̀ они знаютъ. Словомъ, войска исполненныя духа и превосходныя“.—„Я не видалъ большихъ частей въ полномъ ихъ составѣ, но видѣлъ довольно много разныхъ частей и тѣмъ удобнѣе могъ судить, что

вообще войска обучены удовлетворительнымъ образомъ". При семъ я имѣлъ случай дать замѣтить, что при количествѣ войскъ довольно значительномъ невозможно избѣжать необходимости раздробленія.

Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ облегчены сообщенія, какой широты просѣки, какія удобныя дороги. Признаетъ чрезвычайно полезнымъ устроеніе Ачхойскаго укрѣпленія и особено у мѣста поставленную на Мартанѣ башню. Что съ того времени не было происшествій при переходѣ чрезъ Ханъ-Кале. Ему понравились прекрасныя равнины Чечни, и неравнодушно разсказалъ мнѣ, что не въ давнемъ времени выселившіеся изъ горъ жители прежнія Чечни находились въ сопровождавшемъ его конвоѣ.

Ничего не скажу лишняго, сообщивъ тебѣ, что Наслѣдникъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что̀ видѣлъ и превозносилъ похвалою.

Его слова: „За Кавказомъ вся страна приняла совершенно другой видъ, нежели какъ онъ слыхалъ прежде; въ провинціяхъ повсюду тихо и спокойно, и послѣдніе три года представляютъ важные и удовлетворительные результаты". Натурально, все отнесено къ высокимъ достоинствамъ и чрезвычайной и неутомимой дѣятельности начальника.

Это мнѣ сказано въ кабинетѣ; но въ тотъ же самый день, за большимъ обѣдомъ, Наслѣдникъ изволилъ говорить о Кавказѣ и обо всемъ что̀ видѣлъ гораздо пространнѣе и о многихъ другихъ предметахъ съ удовольствіемъ, которое выражалось на лицѣ его и будетъ конечно пріятнѣйшимъ для него воспоминаніемъ.

34.

Тифлисъ, 6 Декабря 1850.

Отъ всей души благодарю тебя, любезный Алексѣй Петровичъ, за интересное письмо твое отъ 15-го Ноября. Мнѣ должно быть очень пріятно видѣть, что и въ Москвѣ Бѣлокаменной Государь Наслѣдникъ отзывался объ насъ такъ лестно и повторилъ то, что̀ и намъ здѣсь сказывалъ объ удовлетворительномъ для него по всѣмъ частямъ осмотрѣ здѣшняго края. Надобно признаться, что Богъ во всемъ намъ помогъ: погода была почти постоянно хороша, храбрыя наши войска вездѣ показались молодцами, въ чемъ также намъ помогла новая и прямо воинская форма для Кавказскаго корпуса. Онъ, кажется, меньше ожидалъ, нежели нашелъ регулярства въ строю и знанія фронтовой службы; но свободный и веселый видъ нашихъ солдатъ и что-то такое совершенно воинское, чего въ другихъ войскахъ до такой степени никогда не бывало, особенно обратило на себя его вниманіе и примѣтно его радовало. Когда мы дошли до расположенія славной нашей егерской бригады 20-й дивизіи, то онъ входилъ во всѣ подробности, вос-

хищался Кабардинцами и Куринцами, о службѣ коихъ онъ такъ много слыхалъ, ѣхалъ постоянно при нихъ верхомъ и любовался охотничьей командою Кабардинскаго полка, которая проводитъ жизнь свою въ поискахъ и экспедиціяхъ и, увидѣвъ ихъ въ первый разъ въ настоящей формѣ, приказалъ на другой день имъ показаться въ той, въ которой они ходятъ и скрываются по лѣсамъ и проч. Тутъ онъ въ нихъ увидѣлъ настоящихъ дикихъ Чеченцевъ съ Чеченскими пѣснями и всѣми ухватками тамошнимъ туземцевъ. Въ этихъ двухъ полкахъ онъ увидѣлъ почти всѣ батальоны, ибо четыре дни они ему служили прикрытіемъ; почетные караулы отъ этихъ двухъ полковъ были составлены всѣ безъ изъятія изъ Георгіевскихъ кавалеровъ. Въ Воздвиженскомъ онъ велѣлъ при себѣ пѣть славную нашу пѣснь: «Куринскій полкъ ура», удивлялся запѣвалу первой карабинерной роты, который съ двумя прострѣленными ногами пляшетъ даже на походѣ передъ пѣсельниками. На походѣ же черезъ Урусъ-Мартанъ въ Ачхой Куринскіе батальоны, которыхъ онъ еще не видалъ, не только ему были представлены, но и проходили мимо его церемоніальнымъ маршемъ. Признаюсь, что я самъ былъ удивленъ, видя, какъ они стройно прошли; а онъ тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что зналъ особыя обстоятельства этого храбраго полка, въ которомъ, можно сказать, что отъ 1-го Генваря до 31-го Декабря почти нѣтъ дня, въ которомъ кто-нибудь не стрѣлялъ бы по непріятелю: ибо хотя Чеченцы около него ослабли и упали духомъ, но Воздвиженское всего въ 35 верстахъ отъ Веденя, штабъ-квартиры Шамиля, немирныя деревни въ весьма близкомъ разстояніи, и въ послѣдніе два года Шамиль, потерявъ надежду сдѣлать противъ насъ что-либо серьозное, тѣмъ болѣе рѣшился предписывать, для поддержанія враждебнаго противъ насъ духа несчастныхъ своихъ подвластныхъ, безпрестанно, хотя малыми партіями, безпокоить наши оказіи, рубки дровъ въ лѣсу и проч. Совсѣмъ тѣмъ, прикрытія одной только роты теперь совершенно достаточно для всѣхъ оказій между Воздвиженскимъ и Грозной и Воздвиженскимъ и Урусъ-Мартаномъ. Все это должно было понравиться Великому Князю, не видавшему прежде того, ни этого военнаго духа, ни войскъ въ настоящемъ военномъ положеніи.

А что онъ истинно достоинъ это примѣчать и цѣнить, онъ скоро намъ оказалъ на дѣлѣ; ибо, увидѣвъ 26 Окт. партію Чеченцевъ, на которыхъ никто изъ нашихъ не обратилъ вниманія, онъ отъ собственнаго порыва бросился на нихъ около трехъ верстъ за цѣпью и имѣлъ удовольствіе выдержать ихъ огонь: ибо дураки, вмѣсто того, чтобы сейчасъ уйти въ лѣсъ, около котораго ѣхали, сдѣлали залпъ по Наслѣднику, что̀ имъ дорого стоило; ибо начальникъ ихъ изрубленъ на мѣстѣ, и ме-

жду ушедшими вѣрно были раненые. Ты видѣлъ, какъ я объ этомъ случаѣ донесъ Государю и какія были тому послѣдствія. Все это совершенно было такъ, и я такъ мало думалъ, будучи уже въ 4-хъ верстахъ отъ Валерика (гдѣ насъ ждалъ съ отрядомъ Ильинскій), что какой-нибудь отрядъ покажется, что, страдая отъ груди и отъ кашля, за четверть часа передъ тѣмъ сѣлъ въ коляску и уже заснулъ, какъ вдругъ Дондуковъ, податель сего письма, разбудилъ меня и показалъ, какъ Великій Князь скачетъ прямо въ Чеченскіе лѣса. Можешь себѣ вообразить, какъ я испугался и какъ я потомъ радовался, когда все кончилось такъ хорошо и особливо, что это все произошло въ послѣдній день прямо - военнаго похода, когда уже послѣ того нельзя было ожидать никакой встрѣчи. Я бы ужасно безпокоился, ежели бы такая возможность продлилась нѣсколько дней; передъ тѣмъ же я имѣлъ уже одинъ случай видѣть, какъ ему хотѣлось встрѣтить какую-нибудь опасность.

Такъ какъ, идучи изъ Грозной въ Воздвиженское, нужно было сдѣлать привалъ, я назначилъ оный съ завтракомъ на курганѣ, который носитъ твое имя; а чтобы какой-нибудь наибъ не вздумалъ на насъ стрѣлять изъ пушки изъ ближнихъ мѣстныхъ горъ налѣво нашего марша, которыя простираются до Аргуна, я велѣлъ занять оныя двумя ротами. Великій Князь объ этомъ узналъ и, подходя къ этой мѣстности, не говоря ни слова, онъ вдругъ поскакалъ къ этимъ ротамъ, чортъ знаетъ по какимъ тропинкамъ, смотрѣлъ ихъ пикеты и секреты и, узнавъ, что по нашимъ передъ тѣмъ было два или три ружейные выстрѣла, онъ видимо сожалѣлъ, что эти выстрѣлы были прежде его пріѣзда. Съ этакимъ молодцомъ отвѣтственность моя была бы не легкая, и слава Богу, что все такъ скоро и хорошо кончилось. Между тѣмъ нельзя не радоваться, что Богу угодно было при концѣ его потѣшить и что онъ имѣлъ случай при насъ всѣхъ и при большомъ числѣ туземцевъ всякаго рода показать, какой въ немъ истинно-военный духъ и отвага. Словомъ, все было устроено Промысломъ Всевышняго къ лучшему и тутъ гдѣ люди со всѣмъ стараніемъ не могли бы того сдѣлать.

По гражданской части онъ также всѣмъ былъ весьма доволенъ, и князь Бебутовъ мастерски ему показалъ Имеретію, Эривань и Шемахинскую губернію. Послѣ его отъѣзда я отдохнулъ три дни во Владикавказѣ и теперь чувствую себя довольно хорошо.

(Собственноручно). Рекомендую подателя сего письма *): *молодецъ во всѣхъ отношеніяхъ*, и какъ я имѣлъ случай сказать о немъ Государю, хотя еще молодъ, прямой Кавказскій ветеранъ.

---

*) Князя М. А. Дондукова-Корсакова. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ МАТВѢЯ МАТВѢЕВИЧА МУРОМЦОВА.

Шестой періодъ [1])

(1812).

Я былъ назначенъ адъютантомъ къ генер.-лейтенанту Н. И. Лаврову, начальнику штаба (мужу сестры моей Варвары Матвѣевны). Въ ожиданіи перехода Французской арміи, мы дежурили каждую ночь. Насъ извѣщали изъ авангардовъ, что наводятъ на Нѣманѣ мосты. Авангардамъ, по принятому плану, приказано было отступать безъ сопротивленія. Секретно были посланы нами предписанія, и назначены пункты соединенія корпусовъ.

Графъ Бенигсенъ далъ для Государя балъ въ своемъ имѣніи Закретѣ, близъ Вильны. Множество генераловъ и офицеровъ были приглашены. Я былъ съ своимъ генераломъ. Всѣ были очень веселы, и танцы не перемежались. Вдругъ пріѣхалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Французская армія начала переходить Нѣманъ близъ Ковно; но объ этомъ доложили только главнокомандующему Барклаю-де-Толли и Государю. Ужинали въ саду, великолѣпно освѣщенномъ. Ночь была превосходная, и я какъ теперь помню всю эту картину, которой полный мѣсяцъ придавалъ еще больше красоты. Государь ходилъ около столовъ, весело расговаривалъ со многими офицерами и подъ конецъ пилъ за здоровье всѣхъ; отвѣтомъ было общее ура! „Прощайте“, сказалъ Государь, „теперь по домамъ: слѣдуетъ приниматься за дѣло!“

Тутъ всѣхъ извѣстили о переходѣ Французовъ. Всѣ поскакали, большею частью верхами, въ Вильну. Къ генералу прибѣжалъ графъ Нессельроде. Онъ писалъ всѣмъ посланникамъ ноты, которыя объясняли, что Наполеонъ безъ объявленія войны перешелъ наши границы. Передъ отъѣздомъ изъ Закрета, когда уже Государь уѣхалъ, графъ Бенигсенъ провозгласилъ тостъ за благополучіе арміи. Ура! въ отвѣтъ. Всѣ офицеры были въ энту-

---

[1]) См. выше стр. 59.

зіазмѣ, и эту минуту никогда нельзя забыть. Знали, что у Наполеона 400 т. войска, а у насъ 170 т.; но никто не унывалъ: подходили другъ къ другу съ поздравленіемъ о начатіи войны. Какъ будто было какое-то внутреннее убѣжденіе, что война хорошо для насъ кончится.

Изъ Вильны начали выбираться обозы, и мы накупили лошадей; но не было ни суматохи, ни безпорядку.

Нашей арміи было до 170 т., изъ коихъ отдѣлялся графъ Витгенштейнъ съ 40 т. Армія князя Багратіона состояла изъ 70 т.; но она съ нами не соединилась бы, ежели бы Наполеонъ дѣйствовалъ лучше.

Какое-же средство было намъ противиться силѣ Французовъ? Ретируясь во внутрь Россіи, мы шли къ подкрѣпленіямъ, а Французы теряли людей ежедневно. Барклай-де-Толли своимъ хладнокровіемъ и удивительной распорядительностью сохранилъ армію. Не было во всю кампанію потери ни одного вагона; армія была сыта. Этимъ мы обязаны генералъ - интенданту графу Канкрину, показавшему свое искусство расположеніемъ магазиновъ и свою честность.

Арьергардъ находился ежедневно въ дѣлѣ. Командовали имъ поочередно графъ Паленъ и графъ Кутайсовъ. Я былъ часто къ нимъ посылаемъ и видѣлъ отличное дѣйствіе войскъ и командировъ; особенно же отличались лейбъ-казаки подъ командою графа Орлова. Они имѣли красныя куртки, и отъ того Французы ихъ прозвали: les héros rouges. Они набирали множество плѣнныхъ.

Дойдя до Свенцянъ, корпуса нашей арміи соединились; мы были свѣжи, сыты, а Французы уже начинали голодать, особенно же кавалерія *).

Послѣ Свенцянъ опять ретировались. Мы шли какъ по маршруту въ мирное время: переходы назначались, а также и дневки. Арьергардъ останавливалъ напоръ Французовъ. Потеря у насъ была незначительная, отсталыхъ очень мало.

Дошли до Витебска, гдѣ армія расположилась въ боевомъ порядкѣ. При всѣхъ настояніяхъ корпусныхъ командировъ и великаго князя Кон-

*) По болѣзни Лаврова, которому дали командованье гвардейскаго корпуса, былъ къ намъ назначенъ г. Паулучи; но онъ поссорился черезъ три дня съ Барклаемъ, и послѣ сего начальникомъ штаба назначенъ Ермоловъ, и я къ нему адъютантомъ.

стантина, чтобы дать сраженіе, Барклай велѣлъ отступать, что́ и исполнено было какъ бы на маневрахъ, въ виду Французской арміи и нашего арьергарда, который дрался подъ командою графа Палена превосходно.

Подъ Островну отдѣлили графа Остермана, который былъ сильно атакованъ. Это былъ мой первый опытъ настоящаго сраженія. Оно было очень жаркое, и мы, такъ сказать, на себѣ несли Французовъ, на плечахъ.

Мы ретировались къ Смоленску. Послѣдняя стоянка главной квартиры предъ Смоленскомъ была въ деревнѣ Мощинкахъ, принадлежавшей Реаду. Славный каменный домъ и полная чаша. Молодой гусаръ Реадъ пріѣхалъ къ намъ; открылъ погребъ, запасы и насъ хорошо угостилъ. На память раздарилъ онъ намъ вещи изъ отцовскаго кабинета, оружія, табатерки и проч. Нечего было и жалѣть, потому что на другой день все это досталось бы непріятелю.

Тутъ мнѣ пришлось быть посланнымъ къ флигель-адъютантамъ графу Потоцкому, князю Голицину, Браницкому и Влодеку. Всѣ они были прикомандированы къ главной квартирѣ, дѣла никакого не дѣлали, но болтали и критиковали дѣйствія главнокомандующаго. Я имъ объяснилъ, чтобы они, не медля, уѣхали изъ арміи, такъ какъ въ нихъ никакой нѣтъ надобности. Ихъ удивленіе было велико, и при всей ихъ протекціи Барклай не согласился ихъ оставить при арміи.

Подошли къ Смоленску, защищали его два дня. Я и Граббе находились въ городѣ и попеременно возили извѣстія о теченіи сраженія. Французы атаковали насъ большими силами и хотя у Малаховскихъ воротъ врывались въ городъ, но мы ихъ штыками выгоняли. Ни съ какимъ жестокимъ сраженіемъ нельзя сравнить городъ, который берется штурмомъ. Пожаръ, ядра разбивающія мостовую, плачъ женщинъ, дѣтей: ужасное положеніе находиться въ такомъ городѣ!

3-го числа Августа Французы прекратили штурмъ, и такъ какъ армія ихъ двинулась на Ельну въ обходъ, то мы, чтобы не быть отрѣзанными отъ Москвы, также оставили Смоленскъ и потянулись по сю сторону Днѣпра. Но Французской корпусъ насъ бы опередилъ, ежели бы не встрѣтилъ 2-й бригады Тучкова и князя Шаховскаго, которые съ самоотверженіемъ, безъ приказанія, защитили и остановили его движеніе. Это дало средство Барклаю соединить часть войска и дать кровопролитное сраженіе, которое разрушило планы Французовъ. Это было 7-го Августа. Къ вечеру, почти

при окончаніи сраженія, я былъ посланъ г. Ермоловымъ и, возвращаясь мимо кавалеріи, былъ тяжело раненъ въ голову. Я упалъ съ лошади безъ чувствъ и былъ поднятъ знакомымъ офицеромъ Сумскаго полка Гоноропуломъ, который узналъ мою лошадь, проѣзжая подлѣ меня. Онъ посадилъ меня на нее и съ поддержкою гусаръ привезъ меня на перевязочный пунктъ къ лейбъ-гусарамъ. Послѣ перевязки мнѣ дали двухъ гусаръ и довезли меня до главной квартиры. На другой день мнѣ дѣлалъ перевязку докторъ Государя Виллье; онъ сказалъ Ермолову, что я едва ли останусь живъ или сойду съ ума. Я впалъ въ безпамятство, и какъ мертваго меня безчувственнаго везли въ бричкѣ девять дней. Я очнулся около Вязьмы, гдѣ узналъ о пріѣздѣ князя Кутузова. Тутъ получилъ я отъ Барклая рескриптъ на Владимирской орденъ. Удовольствіе меня оживило. Я доѣхалъ до Москвы, куда также привезли раненаго брата Александра Матвѣевича, въ домъ дяди А. А. Волкова.

Изъ Москвы насъ вывезли, передъ входомъ Французовъ, въ Баловнево, куда мы пріѣхали благополучно. Матушка испугалась, увидя меня въ отчаянномъ положеніи. Къ счастію, докторъ Гинефельдъ, весьма искусный, успокоилъ ее. Онъ перевязалъ мнѣ рану и увѣрилъ, что опасность миновалась. Однако я страдалъ болью въ головѣ. Мѣсяца черезъ два мнѣ еще сдѣлали операцію, вынули раздробленныя кости и кусокъ сукна, который съ пулею отъ фуражки вбился въ рану; но пули не доискались. Она черезъ 10 лѣтъ послѣ того уже была вынута около поясницы, куда опустилась.

Въ Апрѣлѣ 1813-го года еще рана моя не закрылась, и я съ перевязанной головою поѣхалъ догонять армію, которая уже приближалась къ Эльбѣ. Пріѣзжаю въ Бунцлау, нахожу князя Кутузова больнаго и почти умирающаго. При немъ были гоф-хирургъ Вилье и славный докторъ Гуфеландъ. Вилье удивился, увидя меня, и вмѣстѣ обрадовался. Онъ, какъ прежде сказано, не думалъ, что я останусь живъ или въ здравомъ умѣ. При отъѣздѣ въ главную квартиру къ Государю, находившемуся въ Дрезденѣ, онъ далъ мнѣ записку къ князю Волконскому съ увѣдомленіемъ, что надежды на выздоровленіе князя Кутузова никакой нѣтъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней онъ скончался. Я очень помню, что записку эту я подалъ немедленно по пріѣздѣ, во время заутрени Свѣтлаго Воскресенія, и тотчасъ она была подана Государю.

Смерть князя Кутузова была великимъ бѣдствіемъ для нашей арміи, какъ оказалось въ послѣдствіи. Послѣднія представленія князя Государю

объясняли Его Величеству, что армія должна остановиться и ожидать подкрѣпленія изъ Россіи, состоящаго изъ выздоровѣвшихъ солдатъ. Къ тому же зарядовъ при артилеріи было мало, потому что парки не могли поспѣвать за арміею. Это же представлялъ г-лъ Ермоловъ.

Назначенный главнокомандующимъ графъ Витгенштейнъ увѣрилъ Царя, что армія достаточно сильна, чтобъ разбить Наполеона, стоявшаго съ своею арміею близъ Лейпцига. Мы съ Прусской арміею перешли Эльбу, атаковали Французовъ при Люценѣ.

Наши арміи дѣлали чудеса храбрости, особенно Прусская, преисполненная фанатизмомъ и ненавидившая Французовъ. Но геній Наполеона восторжествовалъ, потому болѣе, что въ нашей арміи былъ ужасной безпорядокъ. Наканунѣ сраженія г-лъ Ермоловъ, командовавшій артилеріею, былъ смѣненъ княземъ Яшвилемъ, который не могъ въ одну ночь узнать, гдѣ и какая стоитъ батарея. Во время дѣла безпрестанно посылаемы были адъютанты и флигель-адъютанты отыскивать артилерію. Хотя Ермоловъ не имѣлъ команды, онъ находился однако съ своими адъютантами въ дѣлѣ и конечно много способствовалъ къ отраженію непріятеля. Графъ Витгенштейнъ до того былъ самонадѣянъ, что графа Милорадовича отрядилъ въ Вейсенфельсъ для атаки Французовъ при ихъ ретирадѣ. Государь и Прусской король были въ сраженіи. Нашъ Царь очень экспозировался, и у меня была убита лошадь въ 20-ти шагахъ отъ него, ядромъ въ брюхо, такъ что оторвало у меня полы отъ сюртука; но я только ушибся при паденіи лошади на скаку.

Вечеромъ было уже темно, арміи наши стали ретироваться, корпуса стѣснились при переходѣ черезъ рѣку Саль, гдѣ былъ только одинъ узенькой каменный мостъ. Ежели бъ Наполеонъ насъ преслѣдовалъ, то было бы намъ очень худо. Я забылъ сказать, что при Люценѣ у насъ была огромная кавалерія, которую графъ Витгенштейнъ не умѣлъ употребить, и она стояла безъ дѣла.

Французы шли за нами по пятамъ, но сильно безпокоили нашъ арьергардъ подъ командою Милорадовича. Мы пришли въ Дрезденъ, взорвали за собою арку великолѣпнаго моста, пробыли цѣлый день въ Нейштатѣ. Надобно замѣтить, что всѣ города, нами проходимые, оставались невредимы, такъ что не только трактиры, но лавки были отперты. Наша и Прусская армія были строго сдержаны дисциплиною, и мы шли въ войнѣ какъ въ мирное время. Въ Нейштатскихъ улицахъ набралось множество обо-

зовъ, фургоновъ, деньщиковъ, и сколько ни посылали приказаній и командъ, но очистить было городъ не возможно. Г-лъ Ермоловъ и многіе другіе обѣдали въ угольномъ трактирѣ близъ самаго моста, гдѣ стояли наши орудія для защиты перехода моста отъ Французовъ. Ермоловъ вышелъ и приказалъ капитану оборотить орудія на Нейштадтъ, поднять навѣсно и выстрѣлить. Два ядра со свистомъ перелетѣли чрезъ обозы, которые, полагая, что это Французы, начали стрѣлять и немедленно очистили городъ, такъ что чрезъ полчаса всѣ улицы были пусты.

Мы ретировались къ Бауцену, гдѣ стали обѣ арміи въ боевой порядокъ, чтобъ дать генеральное сраженіе. Насъ Наполеонъ атаковалъ. Дѣло было въ самомъ жару, когда намъ приказано было отступать; мы, не переставая драться, отступили въ совершенномъ порядкѣ, въ полдень, какъ на ученьи, что́ доказываетъ прекрасное положеніе войскъ.

При ретирадѣ отъ Бауцена Ермолову былъ порученъ арьергардъ. Французы сильно на насъ напирали. Вдругъ мы видимъ, что позиція, къ которой мы приближались, занята войсками, артилеріею, впереди цѣпь стрѣлковъ. Генералъ мнѣ приказалъ узнать, какія это войска. Я прискакалъ къ цѣпи стрѣлковъ, изъ которой по мнѣ сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Навязавъ на шпагу платокъ, я подъѣхалъ и узналъ отъ нихъ, что это корпусъ Клейста, который въ боевомъ порядкѣ ожидалъ Французовъ, не предполагая, что нашъ арьергардъ къ нему приближается.

Такимъ образомъ мы пришли къ Рейхенбаху, гдѣ было жаркое арьергардное дѣло, и потомъ къ Швейдницу, гдѣ заключено перемиріе. Нашъ штабъ былъ въ Рейхенбахѣ, а главная квартира въ Швейдницѣ.

Узнавъ, что перемиріе продлится долго и что начались переговоры съ Австрійцами для вступленія ихъ съ нами въ коалицію, мы съ братомъ Александромъ Матвѣевичемъ испросили себѣ дозволеніе ѣхать на воды близъ Вѣны, въ Баденъ: моя рана еще не совсѣмъ была залѣчена, и я часто отъ нея страдалъ. Въ Рейхенбахѣ и въ Швейдницѣ я видался и былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ Шредеромъ, Каподистріей и Булгаковымъ. Они составляли дипломатической корпусъ при Государѣ. Отъ нихъ я могъ удостовѣриться тайно, что не менѣе шести недѣль мы можемъ погулять. Мы соорудили бричку, заложили пару своихъ лошадей, на козлы посадили братнина камердинера Сергѣя Иванова (служившаго намъ, слѣдовательно, кучеромъ, и камердинеромъ, и подчасъ и поваромъ, въ то время, когда мы переѣзжали горы), съѣхали на гладь в Богемію и благополучно пріѣхали въ Вѣну.

Періодъ седьмой.

Зять Николай Ивановичъ Лавровъ былъ очень друженъ съ нашимъ посланникомъ Штакельбергомъ, къ которому далъ намъ рекомендательное письмо. Онъ насъ принялъ какъ родныхъ: часто звалъ обѣдать, много съ нами говорилъ объ арміи, и мы его успокоили совершенно въ ея хорошемъ положеніи и въ томъ, что она ежедневно подкрѣпляется. Онъ намъ говорилъ, что въ Вѣнѣ распространился слухъ о разстройствѣ нашихъ войскъ, что̀ было ложно, и онъ не замедлилъ объ этомъ говорить за первымъ же обѣдомъ. Въ Вѣнѣ также сначала было тайною, что начались переговоры; но когда Меттернихъ, обиженный Наполеономъ, возвратился изъ Дрездена, то онъ побѣдилъ упрямство императора. Страхъ войны съ Наполеономъ такъ былъ великъ, что мы были свидѣтелями, какъ правительство и частные люди укладывали лучшія вещи и сокровища отправляли въ Пестъ, но когда узнали, что нашъ корпусъ идетъ на соединеніе къ Австрійцамъ, то всѣ стали спокойны.

У посланника я видѣлъ избранное этикетное Вѣнское общество. Что̀ меня поразило, это уступка мѣстъ въ гостинной по чинамъ, т. е., какъ только взойдетъ высшее лицо, то кто ниже его, тотъ встаетъ и пересаживается. Мы также познакомились съ семействомъ Александра Петровича Ермолова *), имѣющаго собственный домъ въ Вѣнѣ. Одинъ его сынъ Михаилъ служилъ у насъ въ гвардіи, а другой Петръ былъ при немъ, большой музыкантъ.

Обѣды намъ дорого стоили отъ принятаго тамъ обыкновенія: люди, служившіе за обѣдомъ, на другой день приходили къ намъ за тринкгельдомъ. За столомъ служили также лакеи лицъ, пріѣзжавшихъ на обѣдъ, прекрасно одѣтые въ лакейскихъ и егерьскихъ кафтанахъ.

Тогда въ Вѣнѣ были три театра: въ Karinthienstrasse огромный, гдѣ давались оперы и балеты; въ немъ было замѣчательно, что задняя стѣна сцены отворялась на улицу, и въ балетѣ Raoul въѣздъ множества лошадей былъ еще на улицѣ, а виденъ издали. На Бургъ - театрѣ или придворномъ давались высшія комедіи. Но болѣе всѣхъ мнѣ нравился Касперлейтеатръ, гдѣ представляли всякія комическія и шутовскія пьесы и отличался

---

*) Бывшаго любимца Екатерины Второй. П. Б

актеръ Шустерлей. Нельзя было не хохотать при видѣ его. Въ партерѣ видно было много дамъ, вязавшихъ чулки въ антрактахъ.

Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, побывавъ въ Шёнбруннѣ, чрезъ 10 дней мы отправились къ водамъ въ Баденъ. Я купался каждый день два раза въ прекрасно устроенныхъ ваннахъ. Иногда я ходилъ въ общія ванны, гдѣ купались и дамы перваго разряда; для приличія были всѣ въ фланелевыхъ рубашкахъ, а входъ въ нихъ устроенъ коридоромъ со ступенями, такъ что, взойдя въ ванну, очутишься по горло въ водѣ. Не знаю, существуетъ ли и теперь этотъ обычай. Тутъ съ нами купался очень забавный Французскій аббатъ, острилъ безпрестанно и всѣхъ удивлялъ искусствомъ бросать фонтанъ, сжимая воду ладонью.

На прогулкахъ встрѣчалъ я принца Деллиня, извѣстнаго любезностью и находившагося при императрицѣ Екатеринѣ во время ея вояжа въ Крымъ, старика еще очень свѣжаго и румянаго. Я былъ ему представленъ, и онъ меня часто приглашалъ сѣсть съ нимъ на скамейку, разсказывалъ много анекдотовъ объ Екатеринѣ и распрашивалъ о войнѣ 1812-го года. Такъ какъ дилижансъ ходилъ изъ Бадена въ Вѣну два раза въ день, то мы часто ѣздили въ театръ и возвращались ко времени купанья. Шесть недѣль пробыли мы въ Вѣнѣ и Баденѣ. Ванны мнѣ принесли великую пользу.

Посланникъ далъ намъ знать, что перемиріе оканчивается, что Русской корпусъ идетъ на Прагу. Мы выѣхали и съ нимъ въ Прагѣ соединились. Общая радость была въ Вѣнѣ, когда узнали объявленіе войны Наполеону.

Въ Прагѣ случилось со мною непріятное происшествіе. Мы встрѣтились съ г. Болтинымъ, адъютантомъ г-ла Юрлова, пошли вмѣстѣ обѣдать въ трактиръ; послѣ обѣда товарищъ той проигралъ тысячу р. асс. и, не имѣя денегъ расплатиться, былъ остановленъ. Предвидя неизбѣжную исторію, съ сокрушеньемъ заплатилъ я за него деньги, и хотя онъ мнѣ далъ слово заплатить, но не сдержалъ его. Впрочемъ, послѣ того я его не встрѣчалъ и узналъ объ немъ, когда онъ уже былъ убитъ.

Всѣ арміи двинулись къ Дрездену, гдѣ Наполеонъ насъ ожидалъ въ укрѣпленной позиціи. Ермоловъ назначенъ былъ командиромъ Русской гвардіи. Во время приступа къ Дрездену нашъ корпусъ былъ посланъ для прикрытія дороги отъ Кенигштейна и Пирны къ Теплицу. На насъ былъ направленъ Наполеономъ корпусъ Вандама, состоявшій изъ 35 тыс.

человѣкъ; мы же съ корпусомъ Евгенія Виртембергскаго едва составляли 14 тыс. Увѣренность въ томъ, что въ Дрезденѣ разобьютъ Французовъ, чуть не погубила всю кампанію. Въ то время, когда Наполеонъ отбилъ всѣ арміи отъ Дрездена и заставилъ ихъ ретироваться, насъ при Пирнѣ атаковалъ Вандамъ. Мы дрались съ утра до вечера три дня; проливной дождь усугубилъ наше дурное положеніе. Вандамъ спѣшилъ насъ разбить, чтобъ оттѣснить насъ далѣе Кульмской долины, гдѣ сосредоточивались горныя дороги изъ Дрездена. Прислали графа Остермана нами командовать. Хотя онъ былъ чрезмѣрной храбрости, но никакихъ не имѣлъ способностей распоряжаться, и потому можно сказать, что всѣмъ дѣломъ управлялъ Ермоловъ. Сойдя въ долину Кульма, мы стали въ боевой порядокъ и рѣшились тутъ отстоять позицію или умереть.

17-е число Августа рано утромъ дѣло загорѣлось въ долинѣ. На разсвѣтѣ я былъ посланъ въ Теплицъ просить помощи у какой-либо власти, тамъ находящейся. Я нашелъ Прусскаго короля, который, распрося меня о положеніи дѣла, объявилъ мнѣ, что у него нѣтъ ни одного солдата, но что онъ пошлетъ къ Клейсту, чтобъ онъ, ежели возможно, шелъ къНоллендорфу. Я возвратился къ самому пылу сраженія. Г-ну Остерману оторвало руку ядромъ. Колонны безпрестанно ходили въ штыки, множество офицеровъ было переранено; въ Измайловскомъ полку осталось три офицера, и капитанъ командовалъ полкомъ.

Наканунѣ Кульмскаго дѣла мы, дравшись цѣлый день, поздно вечеромъ остановились въ Пирнѣ въ королевскомъ замкѣ. Затопили каминъ, и Ермоловъ, снявъ сапоги, поставилъ ихъ сушить. Мы всѣ дремали, какъ вдругъ начинается канонада. Всѣ вскочили, чтобъ ѣхать. Алексѣй Петровичъ хочетъ надѣть сапоги; оказалось, что одинъ сгорѣлъ. Деньщики, Богъ знаетъ, куда дѣвались. Къ счастью, на разсвѣтѣ отыскалъ я камердинера его Ксенофонта, и генералъ надѣлъ сапогъ. Алексѣй Петровичъ бывалъ всегда въ непріятномъ нравѣ, когда намочитъ ноги, и тогда адъютанты избѣгали входить къ нему въ комнату. Онъ зоветъ, никто не идетъ. Наконецъ адъютанты меня просятъ войти къ нему. Я предварительно взялъ стаканъ чаю, до котораго Алексѣй Петровичъ былъ охотникъ. Вотъ, сказалъ генералъ, ты меня любишь и не забываешь меня. Дурное расположеніе духа прошло, и адъютанты вошли къ нему смѣло. Въ это ужасно-жаркое дѣло у меня были изранены пулями двѣ лошади, но я одну тутъ же купилъ у раненаго Обрѣзкова. Подъ Фонъ-Визиномъ убито пять лошадей. Позицію отстояли. Дороги, по которымъ ретировалась вся армія отъ

Дрездена, были нами защищены; въ противномъ случаѣ Богъ знаетъ, что̀ произошло бы. Подписали бы постыдный миръ!

Стемнѣло, когда вездѣ дѣло кончилось. Адъютантовъ разослали поставить передовыя цѣпи. Биваки зажглись. Мы возвратились, начали пить чай, ужинать и удивляться другъ передъ другомъ, какъ мы всѣ остались живы, кромѣ адъютанта Остермана Колтовскаго, убитаго еще въ началѣ сраженія.

Пріѣзжаетъ генералъ Раевской, ушедшій съ корпусомъ прежде всѣхъ, съ тѣмъ чтобы нашъ корпусъ смѣнить для отдыха, а свой поставить на наши мѣста. Но Ермоловъ отклонилъ это распоряженіе тѣмъ, что ночью можетъ произойти безпорядокъ; настоящая же причина была та, что послѣ въ реляціи сказали бы, что Раевской, а не Ермоловъ окончилъ сраженіе. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Ермоловъ. Весь день 17-го былъ прекрасный, ясный, слава Богу; ежели бы погода была какъ предшествующіе дни, намъ бы плохо было, потому что и ружья перестали стрѣлять.

Такъ кончилось знаменитое сраженіе, покрывшее славой Русскую гвардію и 3-й корпусъ принца Виртембергскаго, который много содѣйствовалъ побѣдѣ.

Съ 17-го на 18-е ночью Вандамъ началъ ретироваться, предвидя, что утромъ много соединится противъ него войскъ. Но слѣдовало подыматься на высокую гору сзади его позиціи, Ноллендорфа. Всѣ войска вышли изъ горъ. Русскіе корпуса сошли въ Кульмскую долину, часть Австрійцевъ и Прусаковъ.

18-е число рано утромъ пріѣхали всѣ цари къ нашему корпусу. Государь поблагодаривъ нашъ корпусъ, приказалъ ему идти въ резервъ, а прочимъ стремительно атаковать Вандама. Бой начался. Французы начали скоро отступать. День былъ солнечный, ясный. Вдругъ мы слышимъ на Ноллендорфѣ пушечные выстрѣлы, сзади Французовъ; общій крикъ ура огласилъ долину. Это былъ Клейстъ, пробравшійся горными дорогами въ тылъ Французовъ и открывшій канонаду. Корпусъ Вандама, оставшійся по сю сторону горы, былъ объятъ страхомъ (terreur panique); всѣ бросили оружія, иные держали ружья и не стрѣляли, такъ что мы скакали мимо непріятельскихъ колоннъ. Всѣ сдались въ плѣнъ. Насчитали до 14 тыс. человѣкъ. Кавалерія успѣла уйти и въ своемъ стремленіи опрокинула артилерію Клейста. Но обозы по скату горы, артилерія и наконецъ самъ

Вандамъ были нами взяты. Не знаю, почему иные Французскіе историки утверждаютъ, что приходъ Клейста былъ вещь случайная, тогда какъ при мнѣ въ Теплицѣ королемъ былъ ему посланъ приказъ, выполненіе котораго казалось невозможнымъ по случаю дурныхъ горныхъ дорогъ; но настойчивость Клейста превозмогла всѣ трудности. Казаки и множество адъютантовъ и кавалеристовъ поскакали на Ноллендорфъ. Тамъ взяли и Вандама. Его коляска досталась намъ въ добычу, и мы изъ нея вынули топографическія карты, прекрасное ружье и нѣсколько бутылокъ рому. Я полагаю, что Вандамъ съ намѣреніемъ отдался въ плѣнъ, такъ какъ кавалерія успѣла спастись. Боязнь Наполеона, который не могъ ему простить потерю корпуса, заставила его сдаться лично.

Послѣ Дрезденскаго и Кульмскаго дѣлъ мы болѣе трехъ недѣль стояли въ Теплицѣ, для отдохновенія войскъ. Были только незначительныя дѣла въ авангардѣ. Ретирада по горамъ отъ Дрездена была разрушительна для кавалерійскихъ и артилерійскихъ лошадей. Войска стояли бивакомъ около Теплица и Дукса. Мы съ генераломъ Ермоловымъ занимали корчму у подножія Шлосберга: высокая гора, на которой находится древній замокъ.

На другой день, т.-е. 19 числа, корпусъ Ермолова, бывшій въ славномъ Кульмскомъ дѣлѣ, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ мимо царей. Государь приказалъ Алексѣю Петровичу сдѣлать немедленно представленія отличившимся офицерамъ. Не было возможности не представить всѣхъ офицеровъ, потому что всѣ съ самоотверженіемъ исполнили свою обязанность. Реляція была написана, списокъ тотчасъ поданъ, и немедленно награждены. Капитаны получили Св. Владимира 3-й степени на шею, чтó было великимъ удивленіемъ. Я получилъ Анну на шею. Ермоловъ Александровскую ленту. А теперь даютъ эти ордена за больницу, за очищеніе улицъ! Получивъ на шею Анну, я теперь помню мое восхищенье. Я, право, чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Такъ какъ ордена негдѣ было купить, я поскакалъ искать и нашелъ старый крестъ у маркитанта. Я былъ тогда въ чинѣ подпоручика. Отъ Прусскаго короля я получилъ Pour le mérite и крестъ, названный Кульмскимъ въ воспоминаніе.

Ермоловъ часто меня посылалъ въ Теплицъ за свѣдѣніями, потому что въ главной кравтирѣ я имѣлъ много хорошихъ знакомыхъ. Случайно я узнаю̀, что назначается всѣмъ войскамъ движеніе на Комотау къ Лейпцигу. Каково было удивленіе Ермолова, что я ему привезъ это извѣстіе! Наканунѣ тайно былъ рѣшенъ этотъ походъ, такъ чтобы Французы не

могли ожидать этого фланговаго марша и соединенія всѣхъ армій, т.-е. Австрійской, Прусской, Шведской и Русской.

Всѣ обрадовались походу, тѣмъ болѣе, что начали носиться слухи, будто Австрійскій императоръ, испугавшись Дрезденской неудачи, склоняется къ миру.

Періодъ восьмой.

Всѣ арміи двинулись къ одному пункту, къ Лейпцигу, Наполеонъ, не давъ намъ соединиться, атаковалъ Русскую, Австрійскую и часть Прусской, 4-е число Октября. Атака была самая стремительная, и сраженіе завязалось жаркое на всѣхъ пунктахъ. Въ центрѣ позиціи была деревня Госса, которую мы всѣ тогда называли „красная крышка". Весь день посылали ее атаковать Прусскія войска, отбитыя съ урономъ, потому что они дѣйствовали стрѣлками. Послѣ обѣда Ермоловъ получаетъ приказаніе непремѣнно деревню взять штурмомъ. За каменными стѣнами засѣли Французы, и выбить ихъ было трудно. Ермоловъ тогда командовалъ Русскою и Прусскою гвардіями. Онъ построилъ полки въ колонны съ фланговъ и въ центръ и пошелъ съ барабаннымъ боемъ впередъ, пустивъ гвардейскихъ егерей въ разсыпную впередъ. Французы, увидавъ наши колонны на флангахъ, должны были отступать, преслѣдуемые егерями. Въ срединѣ деревни завязался бой въ большомъ каменномъ домѣ (это и была красная крышка), егеря ворвались въ него; много было тамъ народа перерѣзано; стекла, зеркала перебиты. Изъ деревни Французовъ выгнали. Изъ дома вынесены тѣла, и мы адъютанты съ нашимъ генераломъ его заняли. Въ этотъ памятный для меня день, 4-е число, было со мною нѣсколько замѣчательныхъ происшествій, которыя я хочу разсказать.

До полудня, когда нашъ корпусъ, т.-е. командуемый ген. Ермоловымъ, еще стоялъ безъ движенія, генералу вздумалось посмотрѣть на дѣло лѣваго фланга, гдѣ корпусъ ген. Раевскаго былъ сильно атакованъ и съ трудомъ удерживалъ свою позицію. Онъ взялъ меня съ собою, и мы поскакали туда, версты полторы отъ насъ. Побывавъ тамъ, переговоря съ храбрымъ Раевскимъ, мы возвращались къ своему мѣсту. Въ лѣвой сторонѣ отъ насъ шла гвардейская кавалерія, по три на право, и представляла длинную, но тонкую линію. Французы же стояли въ эскадронныхъ колоннахъ. Мой генералъ сейчасъ замѣтилъ эту ошибку и говоритъ мнѣ: Вотъ посмотри, что Французы бросятся и погонятъ ихъ. Едва онъ сказалъ, какъ дѣйствительно Французская кавалерія въ нихъ ударила. Вся линія дрогнула и полетѣла

назадъ. Такимъ образомъ, мы съ генераломъ очутились между бѣгущей нашей кавалеріей и Французами, но лѣвѣе, такъ что мы имѣли впереди свободное пространство. Видимъ, что на насъ скачутъ нѣсколько Французскихъ кавалеристовъ, вѣроятно насъ замѣтившихъ. Тогда мы пришпорили нашихъ лошадей и, благодаря ихъ рѣзвости, довольно скоро отъ нихъ отдѣлились. Извѣстно, что у Французовъ лошади тупо шагаютъ. Съ генерала свалилась шляпа; я успѣлъ соскочить съ лошади, поднять ее и едва могъ ускакать. Мы прискакали къ плотинкѣ ручья, отдѣлявшаго насъ отъ Государя и всей его свиты, и тутъ встрѣтили лейбъ-казаковъ—конвой Государя, посланный имъ поддержать нашу кавалерію. Эти молодцы немедленно опрокинули Французовъ. Кавалерія оправилась, и дѣло пошло на ладъ; я же съ генераломъ остановились на плотинкѣ, загроможденной гвардейской артилеріей. Вдругъ Алексѣй Петровичъ обратился ко мнѣ и запѣлъ пс. пс., на что́ я долженъ былъ пропѣть арію Лепорелло изъ Донъ-Жуана: Charmante Masken, sie werden meinem Herrn willkommen seyn. Чтобъ объяснить болѣе это обстоятельство, нужно сказать, что разъ онъ со мною держалъ пари, за которое, ежели я его проиграю, я былъ обязанъ спѣть эту арію всегда, гдѣ бы ни было, на его вызовъ пс. пс. Этотъ анекдотъ я разсказываю, чтобъ указать на характеръ Ермолова. Въ этакую минуту, едва спасшись отъ смерти или плѣна, онъ совершенно сохранилъ все свое хладнокровіе, и я очень помню, что мой отвѣтъ не былъ выраженъ съ такимъ же равнодушіемъ.

Когда мы вступили штурмомъ въ деревню Госсу, уже было темно. Мы заняли большой каменный домъ съ красной крышей, мертвыя тѣла вытащили, очистили сколько можно, принесли соломы, зажгли свѣчи и пошли осматривать домъ. Приходимъ въ одну залу, гдѣ находимъ прекрасно-устроенную сцену. Вдругъ кому-то пришла идея импровизировать трагедію. Si tôt dit, si tôt fait *). Адъютантъ П. Н. Ермоловъ привязалъ на голову два эполета въ видѣ діадемы и шинелью драпировался. Это Iphigénie; я взялъ роль Терамена, кто Тезея, и мы начали на память играть Федру. Мы были всѣ молоды, помнили много еще наизустъ, а потому сыграли нѣсколько сценъ, изъ которыхъ лучшая была discours de Théramène, который я еще до сихъ поръ весь помню наизустъ. Зрителями были генералъ и много гвардейскихъ егерей, которые только что дрались и потеряли много офицеровъ. Тутъ былъ убитъ поэтъ и храбрѣйшій полковникъ Петинъ. Какъ бы онъ былъ намъ кстати для пополненія представленія!

*) Сказано, сдѣлано.

Чтобъ не возвращаться къ театральному происшествію, я доскажу, что въ 1815 году, возвращаясь изъ Парижа, мы обѣдали въ Дрезденѣ въ Ressource, гдѣ зашелъ разговоръ о сраженіи 4-го Октября. Какой-то Нѣмецкій баронъ, съ нами обѣдавшій, объяснилъ намъ, что Госса имѣнье ему принадлежащее и что предъ тѣмъ временемъ готовился у него праздникъ и театръ. Тогда я и прочіе адъютанты, къ немалому его удивленію разсказали ему, что мы на его сценѣ играли трагедію, и разсказъ нашъ кончился очень пьяною комедіею: два Англичанина, обѣдавшіе съ нами, такъ хохотали, столько пили и насъ подчивали, что многіе очутились подъ столомъ.

Еще анекдотъ съ моимъ камердинеромъ Николаемъ. Его очень любилъ Алексѣй Петровичъ. Онъ былъ дѣйствительно очень уменъ. Онъ мнѣ нагрубилъ, я ему разбилъ лицо въ кровь и на вопросъ генерала, чтб это у него на лицѣ, онъ его увѣрилъ, что былъ въ стрѣлкахъ и раненъ.

5-го числа Барклай, Ермоловъ и другіе объѣзжали аванпосты, и видны были Французскіе; но извѣстились, что вся Французская армія ретировалась, чтб ей было необходимо, ибо другія арміи могли ей дѣйствовать въ тылъ. Мы тотчасъ же двинулись впередъ въ боевомъ порядкѣ, колоннами, имѣя между нами артилерію, по прекраснымъ и ровнымъ полямъ. Такимъ образомъ всѣ арміи направились къ Лейпцигу, гдѣ долженъ былъ Напоонъ принять сраженіе.

Мы взбудили множество зайцевъ, бѣгавшихъ между колоннъ, и многіе были штыками заколоты и пригодились вечеромъ на жаркое. Солдаты ухали, хохотали, и движеніе наше было очень весело.

7-е число. Началось дѣло на всѣхъ пунктахъ. Блюхеръ, Бернадотъ и нашъ корпусъ стѣснили Наполеона съ праваго фланга; мы въ центрѣ, Австрійцы слѣва. Долго Наполеонъ держался, но наконецъ всѣ линіи его были опрокинуты; къ тому же, нѣкоторыя Нѣмецкія войска и артилерія передались намъ. Противъ нашего корпуса мы увидали Виртембергскую кавалерію и артилерію въ совершенномъ порядкѣ, двигавшуюся къ намъ, и ихъ офицеры, прискакавши прежде, объяснили намъ, что эти войска намъ сдаются, а потому прекращенъ былъ артилерійскій огонь. Сраженіе по обширности и многолюдству было конечно ужасно, но никакого нѣтъ сравненія съ дѣломъ 4-го числа, гдѣ Наполеонъ съ отчаяніемъ на насъ бросился, сосредоточился, и вся непріятельская армія была противъ насъ, тогда какъ 7-го числа въ Лейпцигѣ она раздѣлилась на много пунктовъ.

8-е число. Лейпцигъ былъ совершенно очищенъ отъ непріятеля, и мы церемоніально взошли въ него. Лавки и трактиры открылись, какъ въ мирное время. Мы гуляли, ѣли, веселились. Война при такихъ условіяхъ очень хороша, особенно послѣ сраженія. За Лейпцигское сраженіе меня произвели въ штабсъ-капитаны.

Всѣ арміи двинулись къ Франкфурту, и кромѣ Саксонцевъ всѣ Нѣмцы отдѣлились отъ Французовъ. Баварцы составили авангардъ, они только имѣли дѣло съ Французами въ Ганау. Всѣ войска расположились около Франкфурта и по Рейну, а Французы ушли въ предѣлы Франціи. Сзади насъ было много еще крѣпостей ими занятыхъ. Наполеонъ сдѣлалъ великую ошибку, не присоединивъ эти гарнизоны къ своей арміи; они состояли изъ лучшихъ старыхъ его войскъ, и онъ былъ бы съ ними много сильнѣе, и немудрено, что одержалъ бы верхъ.

Въ Франкфуртѣ мы остановились. Сюда всѣ цари и принцы съѣхались, и тутъ была главная квартира всѣхъ армій. Простояли долго, не помню сколько время. Императоры давали огромные обѣды. Изданы были прокламаціи къ Французамъ и въ ихъ народѣ произвели должное дѣйствіе. Изъ любопытства я ходилъ до обѣда смотрѣть столовыя, гдѣ у меня много было знакомыхъ, и замѣтилъ, что королю Виртембергскому всегда дѣлали въ столѣ круглую вырѣзку для помѣщенія его огромнаго брюха. Всѣ свѣдѣнія, нами изъ Франціи, получаемыя доказывали, что народной войны быть не можетъ. Адъютантъ Мамоновъ и я просили дозволенія съ казаками открыть комуникацію съ Велингтономъ, который уже былъ на границѣ Франціи. Мы увѣрены были въ возможности пройти Южною Франціею, гдѣ много роялистовъ; но намъ не дозволили. Я и Мамоновъ стояли въ домѣ у богатаго негоціянта Банза; у него было прекрасное семейство, между прочимъ Victorchen, прекрасная собой, въ которую, я само собою разумѣется, влюбился. Съ этой забавой мнѣ было весело, и время скоро текло. Мы были приняты въ масонскую ложу, съ разными смѣшными испытаніями, взяли съ насъ клятвы и пр. Тогда это было въ большой модѣ, иногда приносившей пользу: были случаи, что во время сраженія принятый между масонами знакъ спасалъ отъ смерти.

Войска двинулись на Базель, гдѣ мы перешли Рейнъ безъ сопротивленія. Самонадѣянно арміи двинулись отдѣльными корпусами впередъ, полагая, что Наполеонъ недовольно силенъ, чтобъ насъ атаковать. Тогда - то онъ показалъ свой военный геній во всемъ величіи: порознь атаковалъ

онъ всѣ корпуса и всѣхъ заставилъ отступить. Была минута, что Австрійскій императоръ и Прусскій король желали заключить миръ. Но нашъ Государь въ другой разъ настоялъ, чтобъ соединиться и непремѣнно идти въ Парижъ, что̀ и было исполнено почти безъ пожертвованій. Мнѣ случилось быть въ двухъ незначительныхъ дѣлахъ, о которыхъ не стоитъ и говорить. Мы пришли къ Парижу, дрались на Монмартрѣ, который заняли сильной артилеріею, могущей превратить Парижъ въ развалины; но высланы были парламентеры, и вездѣ съ нашей стороны все умолкло.

Русскихъ встрѣтили при громогласныхъ Vive les Russes, Vive Alexandre! Къ прочимъ же царямъ и войскамъ не было такого энтузіазма, и справедливо то, что нашъ Государь воспротивился разоренію Парижа.

Не буду распространяться о нашемъ одномѣсячномъ пребываніи въ Парижѣ.

Право стыдно: ничего не видалъ кромѣ Musée Napoléon. Веселился, пилъ, ѣлъ и пр. Намъ было дозволено носить партикулярное платье, что̀ намъ дало много свободы. Продавъ лошадей, я бралъ раціоны; сверхъ того намъ дали годовое жалованье, слѣдственно денегъ было много. Я стоялъ Faubourg St. Honoré, chez m. Soullié, pair de France: старикъ, у котораго была молодая жена. Я часто бывалъ у нихъ, она была ко мнѣ очень благосклонна.

Еще во Франкфуртѣ я имѣлъ извѣстіе о смерти матушки. Но ѣхать въ Россію не было возможности, потому что война продолжалась.

Я испросилъ позволеніе ѣхать домой и не остался долѣе въ Парижѣ. Заѣхавъ въ Дрезденъ, я нашелъ больнаго брата Петра безъ денегъ, въ горячкѣ; по выздоровленіи его мы поскакали въ Баловнево.

Періодъ девятый.

Пріѣхавъ въ Баловнево, мы съ братомъ были поражены расхищеніемъ всего, что̀ было въ домѣ. Серебряный сервизъ на 60 чел. съ чашами, соусниками, блюдами, ложки, вилки и пр. было увезено управителемъ въ Москву, и все продано. Въ Китайскихъ комнатахъ, гдѣ матушка тщательно собирала разныя Китайскія статуйки, чайники, шкапики, столы, все было пусто; наконецъ, намъ не было чѣмъ накрыть столъ, и была одна серебрянная ложка. Разсматривая конторскія бумаги, мы нашли долговой

реестръ въ 150 т. рубл., за которые четыре года не были заплачены проценты, тогда 10°, и просроченные взносы въ Опекунскій Совѣтъ.

Едва мы успѣли нѣсколько привести дѣла въ порядокъ, я получилъ отъ Ермолова приказаніе немедленно ѣхать въ Краковъ, гдѣ было получено извѣстіе о высадкѣ Наполеона, и корпусъ, находившійся подъ командою Ермолова, нашъ авангардъ, долженъ былъ выступить по направленію къ Франціи. Я догналъ корпусъ въ Дрезденѣ, гдѣ получено было извѣстіе о пораженіи Наполеона подъ Ватерлоо. Не менѣе того мы продолжали идти впередъ и пришли въ Нанси, гдѣ велѣно было остановиться до приказанья.

Нанси прекрасный городъ, и мы жили очень весело. Г. Полторацкій, командовавшій дивизіею, давалъ балы, на которые собиралась вся публика города. Музыка гремѣла, и танцовали цѣлыя ночи. Комендантомъ былъ нашъ полковникъ графъ Далоньи, Французскій эмигрантъ, который жилъ насчетъ города и не отставалъ отъ Полторацкаго въ увеселеніяхъ.

Около Нанси довольно было спокойно; только партизанъ полковникъ Брисъ, собравшій себѣ шайку, нападалъ на Русскихъ, гдѣ они были въ маломъ числѣ. Скоро однако былъ присланъ графъ Орловъ съ егерями и кавалеріей, и Брисъ былъ взятъ со всею шайкою.

Странныя бываютъ встрѣчи въ жизни! Два слѣдующихъ анекдота служатъ этому доказательствомъ.

Мнѣ отвели квартиру у г-на Роке, женатаго на Русской дѣвицѣ Есаковой. Онъ въ Москвѣ былъ учителемъ въ домѣ тетки Маргариты Александр. Волковой, куда мы часто ѣздили, слѣдственно очень ему были знакомы. Въ 1814-мъ году онъ былъ нашимъ Государемъ употребленъ для раздачи помощи разоренныиъ Баварцами жителямъ. Отъ сего порученія г. Роке нажилъ себѣ состояніе и купилъ домъ въ Нанси.

Другіе цари не оказали такого великодушія, отъ чего ихъ и не такъ любили, какъ нашего. Когда Прусскому королю Государь нашъ предложилъ также помогать разореннымъ Прусскими войсками, то получилъ въ отвѣтъ, что контрибуція 130 м., полученная имъ, есть сумма не ему, а народу принадлежащая. Чуть ли онъ не былъ правъ!

Еще другой случай. Братъ Александръ былъ посланъ съ партіею казаковъ и гусаръ усмирять нѣкоторыхъ возмутившихся крестьянъ. Онъ вошелъ въ Туль. По газетамъ стало извѣстно его тамъ пребываніе, и къ

нему явилась мадамъ Ружье, бывшая у насъ гувернантка. Такъ какъ отъ Нанси не далеко, то онъ за мною прислалъ, и мы съ нею свидѣлись. Она была въ восхищеньи и угощала насъ въ своемъ домѣ.

Мы получили предписаніе идти въ Парижъ. Г-лъ Ермоловъ послалъ меня на почтовыхъ занять квартиры. Государь уже былъ тамъ; ему былъ отведенъ дворецъ Faubourg St. Honoré, Elisée Bourbon. Прибытіе мое прежде войскъ доставило мнѣ удовольствіе пробыть двѣ недѣли долѣе въ Парижѣ.

Мы заняли квартиры для расположенія войскъ въ Belle-ville, подлѣ города, а мы имѣли еще квартиры и въ Парижѣ, гдѣ заняли еще домъ въ Faubourg St. Honoré № 100.

Намъ дозволили носить партикулярное платье. Я жилъ съ Граббе въ одной комнатѣ. Хозяйка дома была старушка; у нея были двѣ некрасивыя дочери, за то двѣ прекрасныя femmes de chambre, Suzanne et Denise, которыя къ намъ были весьма благосклонны. Хотя мы должны были имѣть столъ у хозяйки, но мы не пользовались имъ, потому что имѣли много денегъ, по случаю продажи имѣнія (я взялъ изъ Баловнева 6 т. рубл.), всякой день обѣдали у Verry, Bauvillier, Roché de Cancale и пр. Прусскимъ офицерамъ не дозволено было ходить иначе какъ въ мундирахъ, и отъ того они имѣли много исторій.

Были также Англійскія и Шотландскія войска, въ юпкахъ безъ панталонъ. Въѣздъ нашего Государя былъ тріумфъ: гдѣ только его встрѣчали и узнавали, тамъ были крики Vive Alexandre! Онъ болѣе ѣздилъ во фракѣ, въ двухмѣстной каретѣ парой, или въ фаэтонѣ.

Любимое гулянье Boulevard des Italiens. Всякой вечеръ много нашихъ генераловъ и офицеровъ приходили въ Café Tortony ѣсть мороженое и пить пуншъ. Онъ былъ въ нижнемъ жильѣ, и отъ того отъ окошекъ не отходила толпа gamins de Paris; они по повелѣнью нашему пѣли куплеты то за короля, то за Наполеона. Napoléonistes, allez boire au ruisseau. Были Великіе Князья Николай и Михаилъ. Мы съ Ермоловымъ были разъ вечеромъ въ Café Frascatti, и я танцовалъ съ прекрасной дѣвушкой demi-mode. Великому Князю Николаю Павловичу это весьма не понравилось, и онъ, замѣтивъ мнѣ эту непристойность, пошелъ жаловаться Ермолову, который ему отвѣчалъ, что кто въ Фраскати, тотъ только туда для этого дѣла и ѣздитъ.

Театры я посѣщалъ почти каждый день. Въ то время еще игралъ Тальма въ родѣ Manlius, son triomphe. Концерты давали m-me Catalany, пѣвица несравненная. Первую оперу, гдѣ былъ нашъ Государь, давали le Seigneur du Village. Тутъ поетъ актеръ: Quand Alexandre-le-Grand entra à Babylone. Въ театрѣ былъ такой крикъ, шумъ, что едва черезъ полчаса утихалъ.

Ежедневные парады, и при мнѣ лошадь разбила ногу Велингтону, ѣхавшему въ свитѣ, чтò всѣхъ весьма огорчило, не только Англичанъ; но онъ скоро выздоровѣлъ.

Отъ всѣхъ иностранныхъ королей были командующимъ корпусами генераламъ запросы о представленіи къ орденамъ. Но А. П. Ермоловъ отвѣчалъ, что Государь нашъ достаточно всѣхъ наградилъ. Cela ne lui coûterait rien, et cela nous ferait bien du plaisir. Отъ того его адьютанты не были обвѣшаны, какъ прочіе. Мы имѣли только Прусскіе ордена данные намъ королемъ безъ всякаго представленія (онъ записалъ мою фамилію въ Теплицѣ). Братъ Александръ имѣлъ Légion d'honneur, Marie Thérèse, la croix de Wurtemberg и пр.

Въ Елисейскихъ поляхъ стояла Англійская артилерія; мы часто туда ѣздили. Англійскіе офицеры насъ принимали прекрасно, многіе изъ нихъ говорили по-французски. Лошади ихъ были очень худы, наши же очень сыты.

Почти два мѣсяца мы прожили въ Парижѣ, присутствовали при судѣ Нея и Лефевра и ихъ казни. На насъ это сдѣлало худое впечатлѣніе и поселило бы вражду къ королю, который могъ своею властію ихъ простить и не сдѣлалъ вопреки просьбы нашего Государя.

Мы выступили къ Шалону, на долину Vertus, гдѣ собралась наша армія въ 120 т. человѣкъ. Войска, кавалерія и артилерія, были въ прекрасномъ положеніи. Изъ Парижа пріѣхали Англійскіе офицеры, много дамъ верхомъ. Смотръ удался совершенно, при прекрасной погодѣ; но, возвратясь домой, мы были запылены какъ мельники отъ того, что тамъ почва меловая.

Изъ Vertus корпусъ двинулся къ Рейну, и первая станція наша была съ генераломъ и адъютантами въ Palais Daguéssau. Мнѣ отвели съ Граббе квартиру въ библіотекѣ. Разсматривая книги, онъ взялъ Montaigne, а я Olearius и Winkelmann. Грѣхъ не великъ взять книги!

Утромъ пріѣхали въ Мо, гдѣ намъ дали славный обѣдъ въ трактирѣ г. Руссо. Желая расплатиться, не нахожу кошелька въ карманѣ. Вспомнилъ, что я его забылъ въ зàмкѣ. Беру казака, скачу туда и, въѣзжая на дворъ, нахожу concierge окруженнаго народомъ; онъ считалъ мои деньги и хотѣлъ уже посылать въ городъ, но увидавъ меня, съ удовольствіемъ объявилъ мнѣ о своей находкѣ и требовалъ, чтобъ я пересчиталъ ихъ; у меня было наполеондорами болѣе 1 т. фр., всѣ были цѣлы. Давъ ему приличное награжденіе, я почиталъ себя очень счастливымъ; тѣмъ болѣе они были мнѣ дороги, что я долженъ былъ ѣхать впередъ въ Варшаву. Чуть чуть я не поплатился дорого за воровство книгъ.

Мы съ Граббе наняли коляску парой, взяли съ собою казака и верховыхъ лошадей. Когда останавливались кормить, то мы ѣздили въ окружности; видѣли лагерь Атиллы близъ Шалона: это ничего болѣе какъ остатки стараго окопа. Нашъ возница былъ Нѣмецъ Никель, котораго мы прозвали судьбой, потому что онъ минута въ минуту пріѣзжалъ на ночлегъ, какъ объявлялъ впередъ.....

Ермоловъ пріѣхалъ и отправилъ меня съ Граббе въ Варшаву. Пріѣхавъ въ Познань, нашли пор. Гана, посланнаго занимать квартиры. Въ ратушѣ онъ поссорился съ Прусскимъ офицеромъ Полякомъ г. Карловицемъ и, какъ Курляндецъ, вызвалъ его, пригласилъ насъ секундантами. Въ это время былъ съ нами Мансуровъ (теперь ген.-адъютантъ, министръ въ Гагѣ). Всѣ мы выѣхали за городъ. Поединокъ продолжался недолго. Ганъ ранилъ Поляка довольно сильно, разрубивъ отъ плеча животъ. Для обезпеченія себя мы отвезли раненаго къ коменданту и сдали его живаго, въ чемъ взяли росписку. Онъ записалъ наши имена и отпустилъ насъ.

Мы пріѣхали въ Варшаву прежде Ермолова. На другой день должны были представиться Государю. Каково наше было удивленіе, когда Государь, подойдя къ намъ, очень сердито сказалъ: Чтó вы тамъ, Ермоловцы, деретесь по дорогѣ? Совѣтую быть осторожнѣе. Слава Богу, тѣмъ наша исторія разыгралась неожиданно хорошо. Въ Варшавѣ мы прожили болѣе мѣсяца. Разъ я былъ въ маскарадѣ, въ мундирѣ. Ко мнѣ привязалась женская маска и начала интриговать. Долго я старался узнать ее. Она меня увѣряла, что очень со мною знакома. Наконецъ приглашаетъ меня въ ложу, снимаетъ маску, и я узнаю прекрасную m-me Rautenstrauch, знакомую мнѣ въ Краковѣ въ 1809. Она была также хороша, ежели не лучше. По-

лячки удивительно долго умѣютъ сохранить красоту. Чтобъ удержать ихъ вѣрность, надобно кое-когда возбуждать ихъ ревность. Она мнѣ разсказала свои похожденія съ того времени, объявила, что мужъ ея умеръ и что она совершенно свободна. Въ заключеніе пригласила меня съ ней ѣхать въ ея домъ, и я тамъ остался. По ея настоянію я перевезъ къ ней мои вещи и все время жилъ съ ней. По пословицѣ, катался какъ сыръ въ маслѣ. Театръ въ Варшавѣ былъ очень хорошъ. Въ то время былъ великой комикъ Жулковской.

Наконецъ, надо ѣхать въ Россію. Съ сожалѣньемъ оставилъ я Варшаву. Прощай Парижъ, Германія, Варшава!

Молодость моя еще болѣе украсила мое пребываніе за границею. Миръ 1815 года уничтожалъ въ Европѣ всякую надежду на войну, слѣдственно будущее представлялось въ самомъ скучномъ видѣ.

Періодъ десятый.

Я поѣхалъ скоро въ деревню Баловнево... Въ сосѣдствѣ жили нѣкоторыя лица, которыя меня болѣе занимали, нежели хозяйство.

Часть лѣта провелъ я по приглашенію Алексѣя Петровича въ Орлѣ, гдѣ онъ гостилъ у отца и матери. Петръ Алексѣевичъ былъ замѣчательный старикъ: умный, суровый, нѣкогда управлялъ канцеляріей графа Самойлова. Марья Денисовна барыня очень умная, но капризная и никого не щадила злословіемъ. Всѣ связи родства знала. Про насъ Муромцовыхъ и Бибиковыхъ говорила, что мы большіе грѣшники, что наша кровь такъ смѣшалась, что и не разберешь.

Въ Орлѣ я познакомился съ Варварой Петровной, считавшейся намъ роднею, потому что она была отъ родной сестры Н. И. Лаврова. Она была наслѣдница трехъ умершихъ дядей Лутовиновыхъ, очень богата и совершенно свободна. Ей вздумалось въ меня влюбиться. Изъ Орла переманила она меня въ свое с. Спасское, гдѣ въ мою честь давала праздники, илюминаціи; у нея были домашній театръ и музыка Всѣ съ ея стороны были ухищренія, чтобъ за меня выдти замужъ. 9-го Августа мои имянины: она мнѣ приноситъ въ подарокъ купчую на Елецкое имѣніе въ 500 душъ. Я былъ молодъ и потому отвергъ подарокъ, изорвалъ купчую. Я уѣхалъ

отъ нея ночью тихонько. Въ послѣдствіи она вышла замужъ за Тургенева, отъ котораго родился сынъ, извѣстный литераторъ И. С. Тургеневъ; но она ко мнѣ до смерти сохранила большую дружбу.

Въ началѣ 1816 г., зимой, я поѣхалъ въ Москву. Я былъ произведенъ въ капитаны и потомъ въ полковники. Пріѣхавъ въ Москву, я остановился въ домѣ сестры Варвары Матвѣевны Лавровой. Она была очень дружна съ К. А. Бибиковой, а я въ домѣ былъ знакомъ съ малолѣтства, слѣдовательно я часто тамъ бывалъ. Мнѣ понравилась Варвара Гавриловна. Она была въ домѣ какъ бы старшая, занималась воспитаніемъ младшихъ сестеръ и всѣми любима. Я увѣренъ былъ пріобрѣсть жену essentielle, которая будетъ настоящею благоразумною женою и хорошею матерью дѣтей.

Въ Маѣ 1816 я женился въ подмосковной К. А. Бибиковой, въ с. Никольскомъ. Ермоловъ назначенъ былъ посланникомъ въ Персію. Меня онъ назначилъ маршаломъ посольства и командиромъ Кабардинскаго полка. Онъ пріѣздъ изъ Петербурга и остановился въ домѣ, гдѣ я жилъ у сестры Лавровой въ Хамовникахъ. Я былъ уже женатъ. Жена была хотя беременна, но просила меня не отказываться отъ назначенія и ѣхать съ Ермоловымъ въ Грузію. Было изъ Петербурга прислано ко мнѣ множество подарковъ. Экстра-ординарной суммы 100 тыс. рубл. асс. Мнѣ положено по 3 тыс. рубл въ мѣсяцъ жалованья. Это было увлекательно. Ермоловъ меня убѣждалъ ѣхать съ нимъ; къ тому же военная служба была всегда моимъ призваніемъ. Я это зналъ по опыту, любилъ ее и теперь не умѣю отдать себѣ отчета, почему я не поѣхалъ. Давъ слово пріѣхать генералу черезъ нѣкоторое время, я не поѣхалъ, а послалъ рапортъ о болѣзни. Должность мою принялъ П. Н. Ермоловъ, который послѣ посольства былъ произведенъ въ генералъ-маіоры со множествомъ подарковъ лошадьми и вещами отъ шаха. Это все была моя доля! Немало я жалѣлъ, но поздно: это было невозвратно.

По отъѣздѣ Ермолова я считался по арміи, поѣхалъ въ деревню и занялся хозяйствомъ. Послалъ прошеніе въ отставку и былъ уволенъ.

Въ 1818 году мы пріѣхали въ Москву. Государь пріѣхалъ со всѣмъ дворомъ. Давали балы въ Грановитой старой палатѣ. Государь встрѣтилъ меня милостиво, разговаривая, спросилъ, почему я не служу; я отвѣчалъ: отъ семейныхъ обстоятельствъ. На это онъ сказалъ: „Я велю тебя при-

нять въ службу по арміи, а потомъ найду тебѣ мѣсто" и, не въ примѣръ считающимся по арміи офицерамъ, велѣлъ дать жалованье, какъ служащему. Я могъ легко занять военное хорошее мѣсто, и конечно мнѣ бы дали въ командованье полкъ. Но нитка была оборвана; войны никакой не предстояло, слѣдовательно у меня и желанія не было вступить въ настоящую службу. Въ 1819 году Государь ѣздилъ по Россіи. Мнѣ еще привелось его принимать въ Донковѣ, гдѣ онъ ночевалъ. Утромъ передъ отъѣздомъ онъ еще мнѣ предлагалъ взять службу, но я рѣшительно объявилъ, что послѣдствія раны не дозволяютъ мнѣ служить. „Ну, такъ возьми гражданское мѣсто". Я поблагодарилъ его за милость и опять ничего не предпринималъ; живя зиму въ Москвѣ, уѣзжалъ лѣтомъ въ Баловнево.

Въ 1821 году Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ назначенъ былъ вице-губернаторомъ во Владимиръ при открытіи новой операціи казенныхъ откуповъ. Проѣзжая въ Петербургъ, онъ уговорилъ меня ѣхать съ собою представиться м. ф. графу Гурьеву и убѣждалъ меня взять мѣсто вице-губернатора. Сынъ графа, Александръ Дмитріевичъ, меня очень любилъ. Мы были знакомы въ Дрезденѣ; онъ еще болѣе настоялъ, чтобъ я взялъ мѣсто вице-губернатора. Это былъ первый годъ операціи, и графъ искалъ людей, на которыхъ онъ бы могъ положиться. Я согласился. Такъ какъ Дмитрій Гавриловичъ былъ переведенъ въ Саратовъ, то меня и назначили на его мѣсто во Владимиръ. Я былъ молодъ и фанатикъ исполненія обязанностей. Всѣ силы и средства употребилъ за смотрѣніемъ, и конечно мнѣ удалось: продано было до 900 тыс. ведеръ, чего никогда не бывало. Тамбовская губернія шла очень плохо, и графъ Гурьевъ съ моего согласія перевелъ меня туда для исправленія дѣлъ. Я пріѣхалъ въ Тамбовъ, гдѣ злоупотребленія были ужасныя. Я дѣла исправилъ, и они пошли хорошо.

Въ то время, т.-е. въ казенные сборы, большая часть вице-губернаторовъ нажили огромное состояніе, не только безнаказанно, но они получили вѣсъ въ публикѣ и теперь имѣютъ мѣста и значенія. Стоило ли быть честнымъ человѣкомъ, какъ подумаешь? Ни общее мнѣніе, ни правительство за это не награждаютъ, даже почитаютъ глупымъ того, кто не воспользовался случаемъ.

Такъ продолжалось одинъ годъ и 6 мѣсяцевъ. Вдругъ я началъ чувствовать боль въ спинѣ, которая усиливалась ежедневно. Къ этой боли присоединилась лихорадка, и я слегъ въ постель. Доктора осмотрѣли у меня спину, она надулась какъ пузырь; опредѣлили сдѣлать операцію, разрѣзавъ

внизу, выпустили множество матеріи; но на другой день спина опять опухала. Сдѣлавъ еще прорѣзъ, зондомъ ощупали что-то крѣпкое, даже звонкое. Тогда доктора спросили меня, не былъ ли я раненъ; на мой утвердительный вопросъ начали рѣзать далѣе, и вдругъ выкатилась пуля. Это было въ 1821 году, слѣдовательно я носилъ ее девять лѣтъ. Она произвела фистулы въ спинѣ до самой шеи, почему и начали ихъ постепенно разрѣзывать. Къ веснѣ мнѣ всѣ совѣтывали ѣхать на Кавказъ. Тогда еще мало на воды ѣздили за границу, и къ несчастью мнѣ не пришла эта мысль. Я долженъ былъ въ Маѣ отправиться и послалъ прошеніе въ отставку. Хотя я ѣхалъ спокойно въ дормезѣ, но дорога была довольно затруднительна: вездѣ недостатокъ лошадей, недостатокъ провизіи. Жена по беременности должна была остаться въ Тамбовѣ и переѣхать родить въ Москву.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ Пятигорскъ. Началъ брать горячія ванны; но военный докторъ Обермичъ, который пріѣхалъ со мною, вздумалъ дѣлать на спину души, чѣмъ меня совершенно разстроилъ: вмѣсто того, чтобъ излѣчить раны, онѣ только растравлялись. Другихъ докторовъ не было, не къ кому прибѣгнуть. Отъ разстройства ранъ у меня сдѣлалась ежедневная лихорадка. Такимъ образомъ я мучился до Августа, переѣхалъ въ Кисловодскъ, но и тамъ не получилъ никакой пользы.

Во время пребыванія моего въ Пятигорскѣ, пріѣзжали Ермоловъ, бывшій тогда тамъ главнокомандующій, и генер. Вельяминовъ; также пріѣхалъ П. Д. Хрущовъ и Вѣра Гавриловна. Ежели бъ не тяжкая болѣзнь, мнѣ бы могло быть нескучно: меня они часто навѣщали. Пріѣхалъ тоже лѣчиться К. Батюшковъ, нашъ поэтъ, мнѣ коротко знакомый и сослуживецъ. Мы съ нимъ часто видѣлись. Я замѣчалъ, гуляя съ нимъ, что онъ всегда уходилъ отъ меня, когда встрѣчались знакомые; кромѣ этого обстоятельства никакого разстройства въ немъ не было замѣтно. Разъ ко мнѣ прибѣгаетъ его камердинеръ Петруша и зоветъ меня къ нему. Прихожу и нахожу его ходящимъ скорыми шагами по комнатѣ; онъ увѣрялъ меня, что мыши, крысы на потолкѣ и подъ поломъ не даютъ ему покоя. Петруша же меня увѣрялъ, что всю ночь онъ былъ при немъ и все тихо было. Батюшковъ началъ меня просить отправить его въ Петербургъ. Докторъ, котораго я привелъ, совѣтывалъ ему пустить кровь; но онъ на это никакъ не согласился. На другой день ему сдѣлалось хуже, онъ уже заговаривался. Я рѣшился по его настоянію его отправить, нанялъ еще человѣка для присмотра. Онъ безпрестанно ходилъ. На вопросъ мой, почему онъ не ляжетъ

отдохнуть, онъ мнѣ отвѣчалъ: Je veux prendre des bains debout *). Послѣдній его каламбуръ. Онъ мнѣ оставилъ на память Гуфеланда на Нѣмецкомъ языкѣ. Это была его ручная книга, не спасшая его отъ преждевременной гибели. Въ Петербургѣ онъ жилъ у родныхъ и до смерти остался сумасшедшимъ. Прекрасный поэтъ, славный офицеръ, честный, любезный, погибъ въ цвѣтѣ лѣтъ.

Въ Августѣ 1822 г. я уѣхалъ въ Москву; тамъ была жена, послѣ родовъ покойной Лизы, слава Богу, здорова. Мы наняли квартиру въ д. Мудрова, въ Конюшенной. Черезъ нѣсколько дней, кромѣ ранъ, я началъ чувствовать въ ногѣ боль. Ко мнѣ ѣздили доктора Пикулинъ, Высоцкой, Гильдебрантъ и Пфелеръ; осмотрѣвъ раны, они опредѣлили перевязку и стальную пружину, давящую фистулы и тѣмъ способствующую сращенію. Всѣ они положительно утвердили, что претерпѣнныя муки на Кавказѣ были доказательствомъ невѣжества доктора, и я съ сожалѣніемъ всегда вспомню о страшныхъ издержкахъ, безпокойствѣ и грустной разлукѣ съ женою въ такое время, гдѣ она и я были оба въ опасности. Новая болѣзнь открылась въ ногѣ; сильный ревматизмъ произвелъ сіе, ходить я не могъ; меня перетаскивали съ постели въ кресла. Въ этомъ положеніи я пробылъ три мѣсяца. Доктора употребили всѣ средства: ароматическія ванны, спирты, растравленія; но это не столько помогало, сколько усиливало боли.

Разъ пріѣхалъ меня навѣстить М. А. Фонъ-Визинъ; онъ мнѣ посовѣтывалъ ѣхать въ баню, натереть ногу чистымъ дегтемъ, полежать на полкѣ, обмыться, и увѣрялъ меня, что будетъ польза. Я немедленно исполнилъ его совѣтъ и получилъ въ первый же разъ совершенное облегченіе, а со втораго раза выздоровленіе. Сколько потратилъ денегъ, мученій претерпѣлъ, а болѣзнь кончилась отъ самаго простаго средства!

Фонъ-Визинъ ѣздилъ часто ко мнѣ. По выздоровленіи я бывалъ у него, и мы собирались вечеромъ. Всегдашніе гости были: М. Муравьевъ, А. Муравьевъ, Якушкинъ, Мамоновъ, Граббе, Давыдовъ; иные проѣздомъ черезъ Москву, имена которыхъ не назову. Разговоры были тайные: осуждали правительство, писали проэкты, перемѣны администраціи и думали даже о низверженіи настоящаго порядка вещей. Я бы непремѣнно попался въ послѣдствіи, какъ и всѣ лица, составлявшія наше общество; но къ счастію я былъ предупрежденъ Ал. Ив. Нейгардомъ, начальникомъ корпуса, стоявшаго тогда въ Москвѣ. Онъ былъ очень друженъ съ покой-

*) Хочу принимать ванны на ногахъ.

нымъ братомъ Павломъ, а черезъ него былъ знакомъ со мною, и въ кампаніи 1812 г. мы съ нимъ часто встрѣчались въ сраженіяхъ и по дѣламъ службы. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ, отозвалъ меня въ кабинетъ, объяснилъ всю опасность членовъ, собирающихся у Фонъ-Визина, что правительство уже обратило на это вниманіе, и чтобъ я отнюдь ничего не подписывалъ. Это предупрежденіе спасло меня. Была заведена книга, гдѣ дѣйствительно члены вписывались. Я избѣгъ подписи и скоро уѣхалъ въ деревню. Въ это время Граббе жилъ въ Ярославлѣ, командуя Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ; онъ не дозволилъ офицерамъ ѣхать верхомъ передъ инспекторомъ, который этого потребовалъ, какъ экзамена. Онъ былъ со мною въ перепискѣ, и это узналъ Нейгардъ.

Лѣтомъ 1825 года мы поѣхали въ Липецкъ пользоваться ваннами. Съѣздъ былъ большой, гулянья верхомъ, въ саду илюминація. Между гостями пріѣхалъ Як. Дм. Болговской, адъютантъ Паскевича. Его отецъ имѣлъ по сосѣдству имѣнье. Онъ влюбился и сватался за Катерину Александровну Арсеньеву *). Свадьба была въ Баловневѣ. На другой день свадьбы былъ обѣдъ, молодежь и всѣ подгуляли, пили всѣхъ здоровье. Бологовской и Мясновъ (про себя не помню) провозгласили здоровье лейбъ-гренадеровъ и Панова, который, какъ потомъ извѣстно было, хотѣлъ ворваться во дворецъ. Въ это время у покойнаго сына Петруши былъ учитель Перелоговъ, студентъ университета, семинаристъ. Вѣроятно желая получить награду, онъ сдѣлалъ доносъ на меня князю Д. В. Голицыну, тогда генералъ-губернатору Москвы. Этотъ увѣдомилъ графа Бенкендорфа. При докладѣ Государю, который приказалъ меня привезти сейчасъ въ Петербургъ, графъ увѣрилъ его, что это должна быть сплетня и взялъ на себя прежде дѣло это изслѣдовать. Для формы вѣроятно, былъ присланъ ко мнѣ въ Баловнево Бибиковъ, пріѣхавшій ко мнѣ, какъ гость. Не помню нашихъ разговоровъ, но конечно я не сознался и отвергъ доносъ. Знаю отъ самого графа эту всю исторію, и отъ дяди Волкова узналъ положительно, что Бибиковъ не могъ утвердить доноса, но графу подалъ записку, въ которой упомянулъ обо мнѣ, что я дѣйствительно на словахъ не хвалю правительства. Эту записку читалъ самъ дядя; онъ былъ въ это время жандармскимъ генераломъ въ Москвѣ. Графъ Бенкендорфъ выгородилъ однако меня совершенно. Такимъ образомъ я въ другой разъ избавился отъ бѣды и преслѣдованія правительства.

Въ 1826 г. мы поѣхали въ Москву черезъ Рязань, гдѣ производились выборы. Я никуда не хотѣлъ выбираться, а только посмотрѣть; вмѣсто

*) Племянницу супруги Муромцова, жившую у нихъ въ домѣ. П. Б.

того меня уговорили и единогласно выбрали въ предводители. Мнѣ положили столько бѣлыхъ шаровъ, что со мною не могъ никто состязаться. Я провозглашенъ и утвержденъ губернаторомъ Н. Н. Шредеромъ, который былъ хорошо мнѣ знакомый человѣкъ и нѣсколько благодарный: когда я былъ въ 1822 году назначенъ въ Тамбовъ вице-губернаторомъ, то я его смѣнилъ, и мнѣ было поручено изслѣдовать его дѣйствія и донести министру. Я донесеніе мое сдѣлалъ очень умѣренно, скрылъ множество его злоупотребленій, отчего онъ не потерялъ ничего по службѣ и былъ назначенъ губернаторомъ. Слѣдовательно служба моя была съ нимъ пріятна. Но къ несчастію его перевели въ Витебскъ, и на его мѣсто назначили Карцова, человѣка безъ образованія, своенравнаго, и хотя я съ нимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ по службѣ, но безъ пріятности. Передъ окончаніемъ нашей службы мы съ нимъ разсорились. Причина была та, что онъ ко мнѣ написалъ отношеніе милостивый государь *мой*, какъ къ подчиненному. Я же ему въ отвѣтъ написалъ, милостивый государь *твой*. Онъ жаловался министру в. д., тогда Закревскому, который мнѣ написалъ партикулярное, но дружеское письмо и совѣтовалъ не ссориться.

Въ 1829 г. новые выборы; я отказался, имѣя въ виду другую службу, и по моимъ занятіямъ въ откупахъ я не могъ остаться въ должности, отвлекающей меня отъ дѣлъ и начетистой для моихъ финансовъ, бывъ въ необходимости жить всякую зиму въ Рязани. Большинствомъ шаровъ выбрали въ губернск. предв. Рѣткина; но Карцовъ, по данной власти закономъ, его не утвердилъ, а кандидата Ракитина. Рѣткинъ былъ характера крутаго, своенравнаго, большой крикунъ, и Карцовъ боялся съ нимъ войти въ служебныя отношенія. Въ это время я былъ въ откупахъ. Товарищемъ въ откупахъ былъ со мною Каншинъ. Мы держали Богородицкъ и Епифань, получили убытки по случаю холеры и глупыхъ карантинныхъ предосторожностей и уничтоженія черезъ это внутренней торговли. Рожь продавалась 3 р. 50 к., а овесъ 2 р. за четверть ассигн. Мужикъ и вообще народъ обѣднѣлъ.

Въ 1829 г. на новые откупа я поѣхалъ въ Петербургъ. Я взялъ городъ Корсунь, продалъ его за 144 т. р. ассигн., расплатился съ убытками, но на новыя дѣла не пошелъ, потому что мнѣ предложилъ графъ Канкринъ служить вице-губернаторомъ въ Саратовъ. Каншинъ взялъ дѣлá уже безъ меня. Тогда онъ въ четыре года нажилъ миліонъ и впослѣдствіи купилъ 12 т. душъ и имѣлъ 4 миліона въ ломбардѣ.

Бывъ знакомъ въ домѣ графа Канкрина, я очень часто у него бывалъ. Графиня любила составить партію въ вистъ. Графа я уважалъ и любилъ; онъ былъ такъ прямодушенъ, добръ особенно ко мнѣ, что я принялъ его предложеніе тѣмъ болѣе, что мнѣ праздность надоѣдала. Въ Саратовѣ служба была пріятна, общество большое и часть хорошаго. Губернаторомъ былъ Рославецъ, котораго скоро уволили и назначили Ѳ. Л. Переверзева, моего стараго знакомаго: во время служенія моего въ Владимирѣ въ 1821 г. онъ былъ старшимъ адъютантомъ при корпусѣ кн. Горчакова, былъ поручикъ и ежедневно бывалъ у меня. Онъ былъ очень бѣдный человѣкъ, но очень умный и способный. Онъ тогда женился, взялъ 70 душъ приданаго; могъ ли онъ думать, что впослѣдствіи времени, занимая значительныя гражданскія мѣста, онъ разбогатѣетъ? Въ Саратовѣ я исполнялъ всѣ обязанности требующіяся въ свѣтѣ. Балы, обѣды пріѣзжимъ лицамъ изъ Петербурга я давалъ по просьбѣ Переверзева. Цѣлый годъ до его пріѣзда я правилъ двѣ должности—губернатора и свою. Губернія обширная, соляная продажа значительная, слѣд. этотъ годъ для меня былъ очень тяжелъ; но я еще былъ молодъ и фанатически исполнялъ обязанности. Все было, кажется, хорошо; но насъ постигло горе: скончался сынъ Петруша, 14 л.; прекрасный собою и нравственностью, онъ подавалъ большія надежды. Въ 1833-мъ г. жена моя поѣхала въ Петербургъ. Вдругъ я получаю извѣстіе о смерти любимой нами дочери Катеньки. Это меня совершенно разстроило. Я уже имѣлъ отпускъ. Немедленно я поскакалъ въ Петербургъ, какъ ребенокъ плакалъ всю дорогу, и все мнѣ такъ опостылѣло, что я, явясь къ графу Канкрину, просилъ его меня уволить отъ службы. Сколько онъ меня ни уговаривалъ, я чувствовалъ невозможность болѣе служить. Мнѣ нужно было разсѣяться, и я надѣялся на время, чтобъ горе мое прошло. Это былъ не первый, но самый жестокій ударъ въ моей жизни. Смерть Кати имѣла вліяніе на всю мою жизнь.

Періодъ одиннадцатый.

Мы поселились въ Петербургѣ, но лѣтомъ ѣздили въ Гапсаль съ дѣтьми для морскихъ купаній. Когда, сколько возможно, горе наше разсѣялось, мы начали выѣзжать; часто бывали у гр. Бенкендорфа, у И. Г. Бибикова, Д. Г. Бибикова—кругъ родственный, пріятной. Въ это время жила въ Петербургѣ сестра Александра Матвѣевна Волкова и ея два сына, Матвѣй и Николай, весьма пріятные люди. Матвѣй болѣе ученый. Я же часто былъ приглашаемъ графиней Канкриной и съ ней часто игралъ въ вистъ. Обѣдали у нихъ всякой Четвергъ, что̀ любилъ графъ, и онъ въ этотъ день часто оставался довольно долго съ нами внизу, разговаривалъ, потомъ

уходилъ къ себѣ заниматься. Мы слыхали, какъ онъ для развлеченія игралъ на скрипкѣ довольно дурно. Онъ говаривалъ женѣ моей, когда она просила его посидѣть: „Матушка, вѣдь мнѣ Государь дорого платитъ; надобно заслужить. Кузнецу еще труднѣе заработывать хлѣбъ“.

Я служить не хотѣлъ, но помѣстился, чтобъ быть непразднымъ, въ Совѣтъ Департамента податей и сборовъ. Такъ жили мы три года. Я началъ себя дурно чувствовать; на лицѣ и головѣ образовались струпья. Докторъ мнѣ объявилъ рѣшительно, что климатъ въ Петербургѣ мнѣ вреденъ, что́ я и самъ чувствовалъ, и онъ мнѣ совѣтовалъ ѣхать въ южный край. Разъ я былъ у графа Бенкендорфа. Онъ, позвавъ меня въ кабинетъ, прочиталъ письмо графа Воронцова. Онъ ему писалъ: Je ne puis plus garder Казначеевъ comme gouverneur; je vous prie de me donner qui vous voulez; je me contenterai de votre choix *). Послѣ прочтенія этого пункта онъ мнѣ предложилъ взять мѣсто въ Таврической губерніи. Южный край, Крымъ прельстили меня; я согласился, тѣмъ болѣе, что безъ всякаго искательства я получаю мѣсто. На другой же день онъ доложилъ Государю, и м. в. д. Блудовъ съ удовольствіемъ на опредѣленіе мое согласился. Это было въ Маѣ 1837 г. Жена съ дѣтьми отправилась въ чужіе края, въ Карлсбадъ, а я черезъ Баловнево въ Крымъ. При отъѣздѣ изъ Петербурга Государь, отправляя меня, взялъ меня въ кабинетъ, съ непріятностью говорилъ о управленіи графа Воронцова, особенно сердился, что онъ себя окружилъ Поляками, въ угожденіе жены своей, ур. графини Браницкой. „Да я этому положу предѣлъ!“ Отпуская меня, онъ сказалъ: „Нашъ разговоръ останется тайною, смотри не проговорись; а въ Августѣ я у тебя буду въ гостяхъ; поспѣши ѣхать къ своему мѣсту“. Слѣдовательно я не могъ терять время и пріѣхалъ въ Маѣ же мѣсяцѣ въ Симферополь.

Тутъ, къ сожалѣнію, кончаются Воспоминанія М. М. Муромцова: періода двѣнадцатаго написано лишь нѣсколько незначительныхъ строкъ. Эти любопытныя Воспоминанія появляются въ свѣтъ на 101-мъ году съ рожденія писавшаго ихъ: въ современной запискѣ на молитвенникѣ значится, что М. М. Муромцовъ родился въ 1789 году. Полная безыскуственность изложенія сообщаетъ его Воспоминаніямъ особенную цѣну. Они написаны для любимой невѣстки, супруги его сына, Екатерины Николаевны, (ур. княжны Голицыной), и въ нихъ отразилось живое добродушіе маститаго старца, до конца дней сохранявшаго свѣжесть души и подвижность даже физическую: въ глубокой старости, онъ еще любилъ кататься на конькахъ; а когда служилъ при Ермоловѣ, тотъ называлъ его: „адъютантъ-стрѣла“. П. Б.

---

*) Я не могу долѣе оставлять Казначеева губернаторомъ; прошу дать мнѣ кого хотите: я удовольствуюсь вашимъ выборомъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Ѳ. Я. МИРКОВИЧА.

„Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ. 1786—1866. Его жизнеописаніе, составленное по собственнымъ его запискамъ, воспоминаніямъ близкихъ людей и подлиннымъ документамъ" Спб. 1889. 2 части. 8°. 424 и 317 стр. (съ прекрасно исполненнымъ фотогравюрою В. Классена портретомъ). Книга подъ этимъ заглавіемъ превосходно издана сыновьями Ѳ. Я. Мирковича ко дню столѣтней годовщины достопамятнаго ихъ родителя. Въ продажу она не поступала. Мы обязаны доставленіемъ ея Михаилу Ѳедоровичу Мирковичу, и съ его любезнаго дозволенія предлагаемъ читателямъ нижеслѣдующія изъ нея выдержки съ біографическимъ очеркомъ. Записки Мирковича озаглавлены: „Моя жизнь. Собственно для моихъ сыновей". П. Б.

Отецъ Ѳедора Яковлевича былъ древняго Сербскаго рода. Въ молодости онъ переселился въ Польшу, а въ 1760 г. въ Россію, гдѣ поступилъ въ легко-конный полкъ. Не имѣя средствъ содержать себя въ кавалеріи, онъ, передъ производствомъ въ офицеры, перешелъ на гражданскую службу, въ Петербургскую таможню. Въ Петербургѣ онъ женился на дочери придворнаго пѣвчаго Головни, дворянскаго происхожденія, связаннаго родствомъ со многими замѣтными въ обществѣ лицами. Позднѣе Мирковичъ былъ директоромъ Брестской пограничной таможни. Тутъ къ двумъ сыновьямъ своимъ для практики Французскаго языка приставилъ онъ эмигранта Француза Бальзо, человѣка большаго природнаго ума, честнаго и благороднаго (онъ нѣкогда провожалъ Людовика XVI во время неудавшагося бѣгства его изъ Парижа). Бальзо прожилъ у Мирковичей 54 года!

Отецъ Мирковича, по своему служебному положенію въ Брестѣ и по радушію и гостепріимству, пользовался уваженіемъ, какъ среди мѣстныхъ жителей, такъ и со стороны высокопоставленныхъ лицъ, которыя проѣздомъ за тогдашнюю границу или обратно останавливались у него въ домѣ. Такъ онъ принималъ у себя фельдмаршала Суворова, цесаревича Константина Павловича, на пути ихъ въ Итальянскій походъ; князя Репнина, графа Аракчеева (котораго Павелъ посылалъ инспектировать уходившія въ Австрію войска), князя Багратіона, графа Ланжерона и др. Близкое отношеніе къ сановникамъ впослѣдствіи принесло большую пользу на служебномъ поприщѣ его сыновьямъ. Въ царствова-

ніе Павла никто не могъ знать, какая участь его постигнетъ завтра. Зачастую директоръ Брестской таможни получалъ приказы о немедленной высылкѣ какого нибудь лица за границу или о запрещеніи ввоза или вывоза изъ Россіи какихъ нибудь товаровъ. Неисполненіе этихъ повелѣній грозило директору заключеніемъ въ крѣпость, безъ суда и расправы или увольненіемъ со службы съ лишеніемъ чиновъ. «Въ Брестѣ находилась конгрегація сестеръ-траписток. Вдругъ совершенно неожиданно получено повелѣніе выслать всѣхъ трапистокъ за границу въ 24 часа. Ихъ немедленно собрали и размѣстили съ ихъ пожитками на 50-ти подводахъ, проводили за пограничную заставу, и роковой шлагбаумъ опустился за ними. Проѣхавъ нѣсколько саженъ по мосту до Тересполя, онѣ были остановлены Австрійскимъ пикетомъ, который ихъ не пропустилъ, отзываясь, что не имѣетъ разрѣшенія отъ своего правительства. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи, на мосту, между двухъ заставъ, бѣдныя монахини обрекли себя умереть съ голода. На ихъ счастіе былъ по близости, на р. Муховцѣ, небольшой песчаный островъ, на которомъ предложили имъ размѣститься, чтобы на мосту не стѣснять проѣзжающихъ. Военное начальство, со страхомъ снабдило ихъ палатками, и онѣ прожили шесть недѣль на этомъ нейтральномъ островѣ, пока не пришло изъ Вѣны разрѣшеніе ихъ пропустить».

При такихъ порядкахъ отецъ - Мирковичъ имѣлъ благоразуміе въ 1799 году выйти въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника и съ правомъ принятія сыновей пажами ко двору. Законныя преміи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Брестскую таможню, были въ то время довольно значительны. На свои сбереженія Мирковичъ пріобрѣлъ небольшую деревню въ Смоленской губерніи и занялся хозяйствомъ; но когда подросли два его сына, для воспитанія ихъ онъ переселился въ Петербургъ. Это было въ Январѣ 1801 года.

«Петербургскіе жители были въ совершенномъ ужасѣ; все трепетало, и никто не зналъ какъ окончится день. Павелъ наводилъ на всѣхъ паническій страхъ; все подчинялось строгимъ формамъ и стѣсненію. Должностныя лица обязаны были собираться въ присутствія и канцеляріи въ 7 часовъ утра и заниматься до 12-ти, въ часъ обѣдать, а въ 3 часа опять являться на должность до 8 вечера. Одежда всѣхъ, даже не служащихъ, подчинялась установленной формѣ, и никто не смѣлъ носить платья другаго покроя, какъ Французскій фракъ съ короткими штанами и треугольную шляпу. Надѣть круглую шляпу и Англійскій двубортный фракъ съ панталонами считалось преступленіемъ, за которое полиція хватала на улицахъ и сажала въ заточеніе. Гражданскіе чиновники не смѣли надѣвать другаго

платья, какъ свои мундиры и должны были быть при шпагахъ, а въ штабъ-офицерскихъ чинахъ носить кирасирскіе ботфорты со шпорами. Всѣ вообще должны были ходить съ пуклями, косами и напудренные. Отъ перваго въ государствѣ лица до послѣдняго мужика никто не смѣлъ проходить мимо дворца съ покрытою головою, несмотря ни на какой трескучій морозъ. Во время ежедневныхъ прогулокъ верхомъ Государя всѣ встрѣчавшіеся ему должны были выходить изъ экипажей, не исключая и дамъ, кланяться и присѣдать. Одна необыкновенно толстая дама, ѣхавшая въ каретѣ, встрѣтила Государя. По тучности своей она не могла выходить изъ экипажа иначе, какъ задомъ; она стала опускаться на первую ступеньку, какъ Императоръ, поровнявшись съ нею, сказалъ: «не безпокойтесь, сударыня!» Дама услышавъ сиповатый голосъ Павла и объятая страхомъ, не разслышавъ, что̀ онъ сказалъ, потеряла равновѣсіе и упала въ грязь. Тогда Императоръ сошелъ съ лошади, сталъ ее поднимать и сказалъ: «excusez, madame; la loi est pour tous» [1]). Съ полсотни фельдъегерей постоянно скакали во всѣ концы Россіи съ высочайшими повелѣніями, и когда кто нибудь заслышитъ на своемъ дворѣ колокольчикъ фельдъегерской тройки, тотъ почти навѣрное уже зналъ, что его повезутъ въ Петербургъ».

«По дѣятельности и страху, господствовавшему тогда въ обществѣ, царствованіе Павла напоминало времена Петра I. Но ежели Павелъ дѣйствовалъ въ высшей степени произвольно и самоуправно, то съ другой стороны, какъ я слышалъ отъ людей степенныхъ и пожилыхъ, онъ рѣшительно остановилъ все самоуправство Екатерининскихъ вельможъ и стремился водворить повсюду порядокъ, благоустройство въ администраціи, правду и силу законовъ въ судахъ. Простой народъ благоденствовалъ при Павлѣ и имѣлъ въ немъ покровителя. Онъ первый уничтожилъ безотчетную работу крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную въ недѣлю, а для обезпеченія продовольствія, учредилъ для крестьянъ запасные магазины».

«Я не вхожу въ политическій обзоръ царствованія этого государя, но упоминаю только то, что̀ запечатлѣлось въ памяти въ мои юные годы. Павелъ I-й, какъ мнѣ говорили, былъ человѣкъ одаренный умомъ, добрый, щедрый и любящій славу Россіи; но характеръ его былъ въ высшей степени раздражительный и деспотическій, вслѣдствіе воспитанія, даннаго ему матерью, которая его не любила [2]). Отнявъ у него право наслѣдія, она постоянно его опасалась и держала его въ такомъ ничтожномъ положеніи, что всѣ ея приближенные обращались

---

[1]) Извините, сударыня; законъ для всѣхъ.

[2]) Ошибочное, доселѣ распространенное мнѣніе, которое только нынѣ, при ближайшемъ историческомъ изученіи, начинаетъ терять силу. П. Б.

съ нимъ непозволительно-дерзко. По чувству природной своей гордости онъ не могъ этого переносить и переселился въ Гатчино, гдѣ составилъ свой кругъ приверженцевъ; занимался обученіемъ, на Прусскій ладъ, части войскъ, назначенной ему для забавы. Павелъ былъ рыцаремъ чести и благородства, но высокомѣренъ до крайности. Извѣстно, что, уже будучи Императоромъ, онъ получилъ однажды отъ Римскаго цезаря дипломатическую депешу, въ которой одно какое-то выраженіе онъ призналъ для себя оскорбительнымъ. На это онъ ему отвѣчалъ, что, не желая подвергнуть народъ свой бѣдствіямъ войны, онъ, за выраженную дерзость, вызываетъ его на поединокъ. Павелъ былъ великодушенъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сознавалъ, что наказалъ кого-нибудь опрометчиво или несправедливо. Тогда онъ богато награждалъ невиннаго. Въ четырехъ-лѣтнее свое царствованіе онъ болѣе роздалъ дворянамъ казенныхъ имѣній, нежели Екатерина въ свое тридцати-четырехлѣтнее царствованіе. Вельможъ Павелъ ненавидѣлъ и въ гордости своей говорилъ, подобно Людовику XIV-му, что тотъ у него вельможа, кого онъ удостоивалъ своимъ словомъ».

Можно представить себѣ безпокойство родителей и страхъ дѣтей, когда отъ оберъ-гофмаршала графа Шереметева было получено предписаніе представить молодыхъ Мирковичей (какъ будущихъ пажей) Императору. Имъ для этого были приготовлены Французскіе кафтаны со всѣми установленными принадлежностями; въ такомъ нарядѣ ихъ учили, какъ держать себя въ присутствіи Императора, ободряли и утѣшали. Но за два дня до назначеннаго дня представленія Государь внезапно скончался и такимъ образомъ поступленіе мальчиковъ-Мирковичей въ корпусъ было отложено.

О смерти Павла Мирковичъ вспоминаетъ, что «съ утра всѣ объ этомъ говорили, но шопотомъ на ухо. Къ вечеру же, когда дѣйствительно удостовѣрились въ справедливости этого извѣстія появленіемъ манифеста, шумъ и скачка распространились по всѣмъ улицамъ столицы. Всѣ спѣшили другъ къ другу съ поздравленіями, обнимались и цѣловались, какъ въ Христовъ день, и распивали Шампанское».

Къ Мирковичамъ поступилъ въ наставники и поселился у нихъ въ домѣ тотъ самый Будри (братъ Марата), который училъ Пушкина въ Лицеѣ. Оказывается, что онъ былъ выписанъ изъ Швейцаріи къ сыну князя Н. И. Салтыкова, что онъ перемѣнилъ еще при Екатеринѣ фамилію и женился на Русской. Такимъ образомъ воспитателями Мирковича были Французъ Бальзо, роялистъ по убѣжденіямъ, и республиканецъ Будри. Образованіе получено разностороннее.

Между тѣмъ въ 1805 году состоялось опредѣленіе его въ Пажескій корпусъ. По словамъ Мирковича, «Пажескій корпусъ въ то

время былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Петербургѣ. Преподаватели всѣ пользовались особою репутаціею въ ученомъ мірѣ. Такъ какъ тогда не было никакихъ программъ, ни печатныхъ курсовъ (кромѣ курса математики Войцеховскаго), ни литографическихъ записокъ, то каждый учитель читалъ намъ свой предметъ, не стѣсняясь ничѣмъ, и развивалъ свободно наши умы. Мы сами, со словъ учителя, составляли записки, которыя имъ переправлялись. Такимъ образомъ каждый преподаватель уяснялъ намъ свой предметъ съ той точки зрѣнія, какъ самъ его понималъ, съ полнымъ развитіемъ своихъ собственныхъ идей, а не по чужому толку обязательныхъ курсовъ. Слушатели должны были внимательно слѣдить за преподаваніемъ, чтобы понять смыслъ излагаемаго, для составленія собственныхъ записокъ. Отъ этого все изучаемое оставалось твердо въ памяти. Большая часть пажей училась отлично-прилежно; они въ этомъ поставили свое самолюбіе. Очень немного было лѣнивыхъ или тупыхъ, которыхъ между товарищами называли черненькими. Правда, что къ соревнованію было сильнымъ двигателемъ то обстоятельство, что камеръ-пажи и пажи могли выходить офицерами первые въ гвардію, а послѣдніе въ армію, сообразно съ своими успѣхами въ наукахъ, тремя чинами: поручика, подпоручика и прапорщика. Это значительное преимущество Пажескій корпусъ сохранилъ только до 1810 года».

«Корпусъ въ мое время находился на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, въ Неплюевскомъ домѣ, гдѣ теперь Училище Правовѣдѣнія. По штату состояло 16 камеръ-пажей, которые жаловались въ это званіе именнымъ указомъ придворной конторѣ, и 100 пажей. Первые составляли особое отдѣленіе, завѣдываемое штабъ-офицеромъ, который назывался гофмейстеромъ; послѣдніе были раздѣлены на три отдѣленія подъ начальствомъ трехъ капитановъ; каждое отдѣленіе имѣло одного старшаго пажа. Для службы при дворѣ камеръ-пажи были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: на половинѣ Государя и царствующей Императрицы было четыре камеръ-пажа, которые дежурили только по большимъ праздникамъ, во время выходовъ и на балахъ; при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ было восемь камеръ-пажей, раздѣленныхъ на четыре очереди, для ежедневныхъ дежурствъ, по два; наконецъ при великихъ княжнахъ Екатеринѣ и Аннѣ Павловнахъ, при каждой по два камеръ-пажа, дежурившихъ черезъ день, но только съ 3 часовъ пополудни до вечера».

«Очередные камеръ-пажи Маріи Ѳеодоровны, послѣ утреннихъ классовъ, причесывались, пудрились и одѣвались въ вицъ-мундиръ *).

*) Вицъ-мундиръ былъ изъ зеленаго сукна, однобортный, съ обтянутыми пуговицами и краснымъ воротникомъ. Къ мундиру этому надѣвали бѣлые оленьи панталоны, отфорты и треугольную шляпу.

Въ 12 часовъ они отправлялись на дежурство во дворецъ, гдѣ возлѣ камердинерской ожидали выѣзда Императрицы, для сопровожденія ея величества верхомъ, возлѣ кареты. Императрица ежедневно посѣщала которое-нибудь изъ заведеній, состоявшихъ подъ ея попеченіемъ, тотъ или другой институтъ или одну изъ больницъ. Заботливость ея обо всѣхъ этихъ заведеніяхъ была по истинѣ примѣрная: она входила во всѣ подробности и все желала лично повѣрять. Дежурный камеръ-пажъ сопровождалъ ее повсюду, неся ея шаль или мѣховое боа. Салопъ же или шуба отдавались гусарамъ, которые стояли на запяткахъ кареты. Карета эта была всегда четырехмѣстная, окрашенная подъ золото и запряженная шестернею, цугомъ. По возвращеніи Императрицы во дворецъ, камеръ-пажи переодѣвались въ галунные мундиры и казимировые панталоны, для службы у стола за ея величествомъ. Столъ ежедневно накрывался на 24 или 30 кувертовъ; къ оному приглашались по-очереди всѣ столичные вельможи».

«Императрица выходила изъ своихъ покоевъ въ 3½ часа въ залу гдѣ всѣ приглашенные уже были собраны (всегда въ мундирахъ и въ лентахъ, по кафтану), обходила ихъ всѣхъ, привѣтствуя каждаго нѣсколькими словами, и въ 4 часа слѣдовала съ гостями къ столу, въ сопровожденіи великихъ княженъ, графини Ливенъ, нѣсколькихъ дамъ и дежурныхъ фрейлинъ. Обѣды эти были для насъ въ высшей степени интересны. Присутствовавшія на нихъ лица представляли собою остатки двора Екатерины II, и разговоры ихъ были замѣчательны. Рѣчь шла то о заграничныхъ вояжахъ, то о политическихъ новостяхъ, или объ извѣстіяхъ изъ внутреннихъ областей Россіи, то объ ученыхъ или литературныхъ предметахъ, а иногда разсказывались и анекдоты. Говорили всегда отличнымъ Французскимъ языкомъ. Замѣчательнѣйшіе изъ разсказщиковъ были: герцогъ Ришелье, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, князь Кочубей, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Ланжеронъ. Пріѣзжавшіе въ столицу генералъ-губернаторы, корпусные командиры и знатные иностранцы тоже приглашались къ столу. Стоя за стуломъ Императрицы, мы съ жадностью вслушивались во всѣ разговоры, которые знакомили насъ съ кругомъ военнаго общества и служили намъ великою пользою для прохода со школьной скамьи въ большой свѣтъ».

«Императрица была постоянно весьма благосклонна къ своимъ камеръ-пажамъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ состояли въ этомъ званіи два года (съ цѣлью достигнуть послѣ двухлѣтняго пребыванія въ классѣ высшаго чина при выпускѣ), то она почти всѣхъ знала по фамиліи и при производствѣ въ офицеры сама жаловала карманными часами. Служба камеръ-пажей при Императрицѣ, въ мое время, была отмѣнно

пріятна. Во время пребыванія двора въ столицѣ мы дежурили два раза въ недѣлю, а въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ, съ весны до глубокой осени, мы исполняли наше дежурство по-недѣльно, черезъ три недѣли въ четвертую. Въ 18 и 19 лѣтъ такое развлеченіе имѣетъ свою прелесть: праздники, прогулки, театры, танцы, волокитство кружили намъ головы. Но замѣчательно, что, по минованіи дежурной недѣли (похожей на постоянную масляницу), мы, возвратившись въ корпусъ, предавались ученью съ полнымъ самоотверженіемъ и проводили иногда ночи за книгами и учебными тетрадями. Такъ было сильно чувство честолюбія. Никто изъ насъ не хотѣлъ выходить изъ корпуса съ чиномъ прапорщика. Это соревнованіе имѣло для насъ великую пользу, и мы можемъ сказать безъ хвастовства, что въ эту эпоху, когда на учебныя заведенія не было обращено особеннаго вниманія со стороны правительства, воспитанники Пажескаго корпуса выходили съ лучшимъ того времени образованіемъ, а многіе изъ нихъ заняли впослѣдствіи высшія въ государствѣ должности»

По окончаніи курса, въ исходѣ 1809 г., выборъ молодаго Мирковича палъ на лейбъ-гвардіи конный полкъ, куда и былъ онъ зачисленъ съ соизволенія шефа полка, великаго князя Константина Павловича, въ его лейбъ-эскадронъ. «Не посѣщать общество и не ѣздить ни на какіе балы — это было непремѣннымъ условіемъ, чтобы нравиться своему корпусному командиру. Цесаревичъ ненавидѣлъ всю знать и преслѣдовалъ ихъ въ полкахъ. Болѣе шести лѣтъ ни одинъ камеръ-пажъ не опредѣлялся въ конную гвардію, опасаясь чрезмѣрной взыскательности ея шефа».

Вторую главу любопытныхъ записокъ своихъ Ѳ. Я. Мирковичъ начинаетъ слѣдующимъ историческимъ обзоромъ:

«Послѣ кончины Петра Великаго всѣ нача́ла просвѣщенія, имъ положенныя, оставались почти полвѣка неподвижными. Россія того вѣка управлялась двумя слабыми императорами и тремя неразвитыми и тщеславными царицами, имѣвшими единственную заботу вводить при дворѣ величайшую роскошь и великолѣпіе, чтобы тѣмъ пустить пыль въ глаза посланникамъ Европейскихъ державъ и пріѣзжимъ иностранцамъ, полагая этимъ возвысить свое величіе въ Европейскомъ мірѣ. Но прежнее невѣжество, прежняя грубость нравовъ оставались въ неподвижномъ состояніи. Явилась Екатерина II, и Россія вновь вступила на путь образованія. Не смотря на извѣстные недостатки Екатерины и на зло, причиненное ея любимцами, тридцати-четырехъ-лѣтнее царствованіе ея было, какъ утверждаютъ всѣ старики, золотымъ вѣкомъ Россіи. Все благоденствовало, явилось общественное образованіе и благоустройство. При восшествіи своемъ на престолъ, она нашла дворянство въ томъ

видѣ, какъ оно представлено Фонъ-Визинымъ въ «Недорослѣ». Женщины не знали грамотѣ; дѣти выростали на попеченіи холопей. Никто ничего не читалъ; да и книгъ, кромѣ церковныхъ и букварей, никакихъ почти не было. Помѣщики, проживавшіе въ своихъ деревняхъ, проводили время въ праздности, занимались только псовою охотой, пьянствомъ и развратомъ. Одинъ только небольшой кругъ дворянъ, бывшихъ при дворѣ и проживавшихъ въ столицѣ, имѣлъ наружную образованность, пріобрѣтенную въ заграничныхъ поѣздкахъ; но дѣйствительнаго просвѣщенія не существовало вовсе. Духовенство было въ равномъ невѣжествѣ. За исключеніемъ весьма небольшаго числа лицъ высшей іерархіи, все духовенство кромѣ обрядныхъ службъ ничего не знало, а сельскіе священники отличались отъ крестьянъ только грамотностью своею и на сельскихъ храмовыхъ праздникахъ пили и плясали со своими деревенскими прихожанами. Въ мое время я еще засталъ на Дремячѣ священниковъ, которые, на храмовыхъ сельскихъ праздникахъ послѣ непомѣрной попойки во всю ночь, подъ утро лежали полумертвыми подъ столами и скамейками, такъ что ихъ на подводахъ отвозили домой. Сердцу было больно быть этому свидѣтелемъ».

«Крестьяне и дворовые были настоящими рабами варварскихъ временъ. Въ глазахъ помѣщиковъ они считались наравнѣ съ рабочимъ скотомъ; никогда они не удостоивались слова отъ своего господина, они знали только приказанія своихъ старостъ и слѣпо повиновались. Но зато они безотчетно пользовались своею землею, какую были въ силахъ обработать и всѣми угодьями, какими только желали. Самоуправство съ обѣихъ сторонъ было непостижимое: помѣщикъ безотчетно заставлялъ мужика, его бабу и все семейство работать, сколько староста признавалъ нужнымъ; а крестьянинъ пользовался всѣмъ господскимъ и, странное дѣло, что никто не роптал, и всѣ были довольны. Въ то время старосты были весьма значительные люди: въ ихъ рукахъ былъ и помѣщикъ, и крестьянинъ; потому что первый считалъ унизительнымъ для своего дворянскаго достоинства заниматься распоряженіями по хозяйству, знать, что̀ у него въ амбарѣ, что̀ посѣяно, что̀ собрано, и онъ довольствовался тѣмъ, что староста ему представитъ. Не только не было ни въ чемъ никакого контроля, но даже конторъ въ имѣніяхъ не существовало; все считалось на биркахъ и на память. Баринъ, отчасти по чванству, а болѣе отъ лѣни, довольствовался тѣмъ, что̀ ему поднесутъ. Роскоши не существовало, все было домашнее, кромѣ одежды, сахара, чая и кофе».

«Дворовые люди представляли у насъ замѣчательное сословіе. Они состояли изъ крестьянъ, которыхъ помѣщикъ имѣлъ право брать изъ семей для собственной или хозяйственной прислуги, безъ различія пола

и безъ всякаго ограниченія. Число дворовыхъ во всѣхъ безъ исключенія имѣніяхъ было внѣ всякой соразмѣрности съ общимъ числомъ принадлежащихъ имѣнію крѣпостныхъ душъ. Такъ напр. у помѣщика, у котораго было 500 душъ, было непремѣнно при дворѣ 150; а у кого было всего 30 душъ, у того въ домѣ бывало 10 дворовыхъ. Всѣ эти дворовые, съ женами, дѣтьми и внуками, были совершенно посредствомъ помѣщика обезпечены на всю жизнь пищею, одеждою, податями».

Общество современныхъ офицеровъ не отличалось ни порядочностью, ни образованіемъ; только въ конно-гвардейскомъ, кавалергардскомъ и лейбъ-гусарскомъ полкахъ можно было найти людей развитыхъ и не чуждавшихся знаній; въ остальныхъ же, какъ въ армейскихъ, такъ и гвардейскихъ, офицеры были большею частью по уму — Митрофанушками, но за то по фронту—Скалозубами. «По причинѣ усиленныхъ приготовленій къ войнѣ съ Франціей служба въ полку была далеко не легкая: частыя дежурства, ежедневные разводы въ личномъ присутствіи Императора, а по Воскресеньямъ кейзеръ-парады, не отмѣняемые даже при 10-ти градусномъ морозѣ».

«Никогда еще Государь не занимался своею гвардіею такъ много, какъ въ 1811 году. Онъ присутствовалъ ежедневно въ дворцовомъ манежѣ на разводѣ, гдѣ самъ училъ вступавшій въ караулъ батальонъ». На кейзеръ-парадахъ «всѣ иностранные послы (военные) находились въ свитѣ, а Коленкуръ ѣхалъ обыкновенно впереди всѣхъ, съ правой стороны возлѣ Императора и, разговаривая съ нимъ, ухитрялся скакать на полъ-лошадь впереди Государя». Это напоминаетъ намъ про разсказъ покойнаго графа П. Д. Киселева о томъ, какъ Александръ Павловичъ по нѣскольку разъ подбѣгалъ къ окну посмотрѣть, пріѣхала ли на дворцовую площадь карета Коленкура, и уже съ появленіемъ ея отправлялся на кейзеръ-парадъ. Выслушавъ этотъ анекдотъ, князь А. Ѳ. Орловъ замѣтилъ: «А теперь вы думаете, развѣ лучше? Вѣдь Николай Павловичъ тревожится тѣмъ, что̀ про него напечатаютъ въ Journal des Débats» *).

Любопытныя подробности сообщаетъ Мирковичъ о масонствѣ въ тогдашнихъ полкахъ. «Въ Россіи масонскія ложи сперва не допускались; однако впослѣдствіи, по постоянному духу подражанія и чтобы не слыть варварами въ глазахъ Европы, было, кажется, разрѣшено Александромъ Павловичемъ учрежденіе масонской ложи въ Петербургѣ. Ложа эта называлась «Соединенныхъ Друзей»; старшиной ея былъ Жеребцовъ. Въ масонскомъ уставѣ было между прочимъ однимъ изъ главныхъ

---

*) Слышано отъ покойной А. Ѳ. Аксаковой. П. Б.

правилъ—ревностно во всѣхъ случаяхъ помогать одинъ другому, безъ различія народности и вѣроисповѣданія, такъ какъ всѣ масоны считались между собою братьями. Это послужило поводомъ во время революціонныхъ войнъ ко введенію во Франціи во всѣхъ войскахъ масонскихъ ложъ для взаимной помощи. Ежели кто-либо былъ раненъ или попалъ въ плѣнъ, или былъ ограбленъ, то стоило ему только посредствомъ условныхъ знаковъ встрѣтить брата-масона между врагами, тотъ долженъ былъ оказывать ему непремѣнную помощь и пособіе. Въ этихъ видахъ императоръ Александръ негласнымъ образомъ разрѣшалъ и даже поощрялъ учрежденіе масонскихъ ложъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ».

«Сперва надо было быть принятымъ въ главной ложѣ «Соединенныхъ друзей» и изъ оной поступить въ частную полковую ложу, въ которую назначался старшиной одинъ изъ масоновъ главной ложи. Константинъ Павловичъ считался въ спискахъ этой послѣдней».

«Въ конно-гвардейскую ложу, получившую названіе «Сѣверные Друзья», назначенъ былъ старшиною ротмистръ Сарачинскій. Она была не многочисленна; кажется, не болѣе десяти офицеровъ въ нее записалось, въ числѣ которыхъ былъ и я. Пріемъ въ ложу былъ театрально-комическій; онъ состоялъ въ испытаніи твердости воли неофита. Ему завязывали глаза и выводили въ темную комнату, гдѣ царствовала глубокая тишина, водили его по всѣмъ направленіямъ въ комнатѣ съ полчаса, взводили и спускали по нарочно-устроенной лѣстницѣ раза три. Потомъ обнажали ему правое плечо и лѣвую ногу и съ завязанными глазами переводили въ другую комнату, ярко освѣщенную. Тогда спадала у него съ глазъ повязка, и взорамъ его представлялись всѣ братья-масоны, стоявшіе вокругъ стѣны, опоясанные масонскими фартуками, въ особыхъ головныхъ уборахъ и съ обнаженнымъ оружіемъ, остріемъ направленнымъ въ новопосвященнаго. Для большаго ужаса пускались ему подъ ноги фалшфейеры, зажигались Бенгальскіе огни, и раздавался шумъ, подобный громовымъ ударамъ. Въ такомъ положеніи неофитъ долженъ былъ произносить установленную присягу въ сохраненіи глубокой тайны обо всемъ, что̀ будетъ происходить въ собраніи ложи. Послѣ присяги надѣвался на него масонскій фартукъ. Провозглашенный масономъ новый членъ общества долженъ былъ обходить всѣхъ присутствующихъ для братскаго лобызанія. Старшина нашъ Сарачинскій собиралъ свою ложу не болѣе, какъ по разу въ мѣсяцъ, и эти собранія не имѣли другой цѣли, какъ пошутить. Устраивался богатый ужинъ по подпискѣ, за которымъ всѣ предметы имѣли особыя

названія; напримѣръ, бокалы назывались пушками, вино порохомъ и т. д. Когда старшина командовалъ: «братья, выровняйте орудія и заряжайте пушки», то всѣ братья должны были наполнять бокалы и осушить ихъ при безконечныхъ тостахъ. Рѣчей за столомъ никогда не бывало».

Строго исполняя служебныя обязанности, Мирковичъ пользовался особенной благосклонностью Великаго Князя; искренность же и благородство души доставили ему уваженіе и любовь полковыхъ товарищей.

Между тѣмъ наступилъ 1812 годъ Войска стягивались къ западной границѣ; всюду формировались резервы. 17-го Марта назначено было выступленіе, и Мирковичъ, полный воинственнаго энтузіазма, напутствуемый благими пожеланіями своихъ родныхъ, покинулъ Петербургъ.

*

Походный дневникъ Мирковича отъ Петербурга до Бородина уже помѣщенъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1888 г., а потому мы ограничимся напоминаніемъ, что подъ Бородинымъ Мирковичу оторвало ядромъ часть правой ляжки. Съ этою тяжелой раной, почти въ безнадежномъ положеніи, онъ былъ отвезенъ черезъ Москву въ Рязань, гдѣ и остался до выздоровленія.

Онъ безъ ропота переносилъ страданія, болѣе всего безпокоясь о своихъ родныхъ; извѣстія о нихъ получались очень рѣдко. Вниманіе и дѣятельное участіе, съ которыми отнеслись къ нему Рязанскій губернаторъ, Иванъ Васильевичъ Бухаринъ и его жена, значительно улучшили его положеніе. По словамъ Ѳедора Яковлевича, «г-жа Бухарина была въ высшей степени пріятная, самая милая особа, олицетворенная доброта. Бухаринъ былъ нѣсколько серьезенъ, но лицо его выражало доброту, честность и откровенность». «Онъ такъ былъ добръ ко мнѣ, что, будучи постоянно занятъ и не имѣя возможности ежедневно меня навѣщать, поручилъ одному изъ служащихъ при немъ ежедневно меня посѣщать, справляться — не нуждаюсь-ли я въ чемъ-нибудь, и сказать, что мнѣ стоитъ только заявить о моихъ желаніяхъ, и все будетъ исполнено». Съ неменьшимъ участіемъ относились къ раненому Дмитрій Марковичъ Полторацкій и его супруга Анна Петровна, Д. Б. Мертва̀го и другія лица. Томительные дни выздоровленія проходили между прочимъ въ Чтеніи Хераскова, Лагарина, Росина.

«9-го Октября курьеръ изъ арміи, полковникъ Мишо, проѣхалъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ. Пятидесятитысячный кор-

пусъ, подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго, былъ внезапно атакованъ нашимъ 14-мъ корпусомъ Бенигсена. Дѣло было не кровопролитно. Послѣ двухъ-часоваго боя непріятель былъ приведенъ въ совершенное разстройство; его преслѣдовали на всѣхъ пунктахъ. Пораженіе было полное; бѣжавшая армія бросила все: побѣдителю досталось 38 орудій, штандартъ 1-го кирасирскаго полка, 40 зарядныхъ ящиковъ, весь обозъ и въ томъ числѣ экипажи короля Неаполитанскаго. Дѣло началось въ 70 верстахъ отъ Москвы; преслѣдовали Французовъ 20 в. Казаки взяли въ плѣнъ Французскаго генерала Дери. Участь дня была рѣшена 10-ю полками казаковъ, которые обошли непріятеля во флангъ. *Побѣда*! *Побѣда*! Это извѣстіе произвело здѣсь нескончаемую радость. 10 Октября вечеромъ проѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что взято еще 22 орудія, покинутыхъ бѣжавшими при поспѣшномъ ихъ отступленіи. Вотъ уже 60 Французскихъ орудій взято.

«6 Ноября. Масловъ навѣстилъ меня рано утромъ и принесъ реляцію, присланную изъ главной квартиры губернатору. Французы были въ полномъ бѣгствѣ. Главная квартира наша находилась въ Ельнѣ. Непріятель бросалъ всѣ свои орудія. 28 Платовъ захватилъ 62. Адміралъ Чичаговъ, по слухамъ, былъ въ Варшавѣ и взялъ съ города огромную контрибуцію. Графъ Витгенштейнъ, съ своей стороны, нанесъ еще разъ пораженіе Сенъ-Сиру. По этой реляціи успѣхи наши были поразительны, и Французы не должны были избѣгнуть погибели. Богъ да услышитъ наши молитвы! Меликовъ пришелъ раздѣлить мою радость. Мы провели весь вечеръ вмѣстѣ, радуясь тому, что желанія наши приходили къ счастливому осуществленію. Объ одномъ только сожалѣли мы, что не могли быть свидѣтелями пораженія нашихъ варварскихъ враговъ».

«14 Ноября. Полторацкій мнѣ передалъ извѣстіе о новой побѣдѣ, одержанной 7-го числа. Корпусъ Нея истребленъ, и вся артилерія Французовъ досталась въ наши руки. Насчитывали уже 450 орудій, взятыхъ у Французовъ, со времени ихъ отступленія изъ Москвы. Они бѣжали какъ трусы и бросали все. Наша главная квартира находилась уже въ окрестностяхъ Минска».

«17 Ноября. Дмитрій Марковичъ Полторацкій принесъ мнѣ хорошія вѣсти; съ нѣкоторыхъ поръ онъ доволенъ успѣхами нашей арміи. Нашъ авангардъ, по его словамъ, сильно преслѣдуетъ непріятеля; но главныя силы не двигаются достаточно быстро, потому что князь бережетъ войска: онъ желаетъ имѣть славу побѣдить непріятеля, сохранивъ всю свою армію. Всякій дѣлаетъ свои предположенія. Одни го-

ворятъ, что Наполеонъ погибъ; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что Наполеонъ долженъ намъ казаться еще страшнѣе, что онъ, пожалуй, выставитъ миліонную армію. Какъ будто организація миліона дѣло одного дня! Это отступленіе Наполеона, столь постыдное и безпримѣрное, служило обширнымъ полемъ для соображеній лжепророковъ. Они подобно Риголо (въ комедіи Пикаре «Les Conjectures»), ломали себѣ головы и всегда разсуждали вкривь и вкось».

«20 Ноября. Дмитрій Марковичъ сообщилъ мнѣ о новой безпримѣрной побѣдѣ. Князь Кутузовъ, за одержанную имъ побѣду, получилъ титулъ кн. Смоленскаго; онъ взялъ сто орудій, 20.000 плѣнныхъ и разбилъ армію Наполеона».

«29 Ноября. Губернаторъ принесъ мнѣ весьма радостное извѣстіе: это была новая побѣда. Графъ Витгенштейнъ, этотъ генералъ столь же храбрый, какъ и любезный, этотъ герой, который постоянно покрывалъ себя новою славою, настигъ бѣжавшую гвардію Наполеона, взялъ 3.000 плѣнныхъ старой гвардіи и 7.000 молодой, весь обозъ императора, казну и кухню съ метръ-д-отелемъ. Фортуна отвернулась отъ великаго завоевателя; увѣряли даже, что въ Парижѣ было возмущеніе и что убитъ министръ полиціи. Другое извѣстіе, сообщенное губернаторомъ, было еще интереснѣе: графъ Ливенъ посланъ въ Вѣну, для переговоровъ съ Австріею, которая должна оставаться нейтральною; Англійскій посланникъ сопровождаетъ Ливена, что̀ придаетъ болѣе вѣсу его переговорамъ».

Мирковичъ не могъ болѣе выносить своего бездѣятельнаго пребыванія въ Рязани и, не дождавшись окончательнаго выздоровленія, уѣхалъ въ Петербургъ; тамъ окруженный заботливыми попеченіями родныхъ, сталъ онъ быстро поправляться; онъ поспѣшилъ вернуться въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, который и нагналъ 1-го Октября 1813 г. въ Эрфуртѣ. Перейдя Рейнъ, полкъ направился къ Бріену и участвовалъ въ славномъ дѣлѣ при Феръ-Шампенуазѣ, за которое Өедоръ Яковлевичъ былъ награжденъ золотою шпагою.

Радушіе веселыхъ Парижанъ, разнообразіе увеселеній и богатѣйшіе музеи, все это оставалось памятно Мирковичу на цѣлую жизнь; онъ же такъ хорошо владѣлъ Французскомъ языкомъ!

Возвратившись въ Петербургъ, Өедоръ Яковлевичъ на слѣдующій годъ вновь выступилъ въ походъ, но дойдя до Прусской границы, вернулся съ полкомъ обратно.

Въ 1817 г. передъ кончиною своею отецъ Өедора Яковлевича, благословилъ его на бракъ съ дочерью контръ-адмирала, Амаліей Николаевной Бодиско. Послѣдствія тяжелой раны препятствовали Мир-

ковичу продолжать строевую службу, а кончина отца и женитьба возлагали на него заботы по управленію имѣніемъ. Въ 1819 г. онъ оставилъ полкъ съ отчисленіемъ въ кавалерію и производствомъ въ полковники, причемъ, въ уваженіе его усердной службы и полученной раны, ему назначено производить жалованье по чину. Въ 1821 г. скончалась его мать. Онъ переселился изъ столицы въ имѣніе и дѣятельнѣе занялся хозяйствомъ.

Но молодыя силы и энергія не могли удовлетвориться скромными трудами помѣщика и возбудили желаніе возвратиться къ дѣйствительной службѣ. Возникшая въ 1828 г. война съ Турціей открыла Мирковичу возможность вновь послужить отечеству, но уже на поприщѣ административной дѣятельности. Онъ назначенъ состоять при полномочномъ предсѣдателѣ дивановъ Молдавіи и Валахіи, графѣ Ѳедорѣ Петровичѣ Паленѣ по особымъ порученіямъ. Эти княжества съ удаленіемъ господарей, Григорія Гики и Ивана Стурдзы, временно подчинялись Русскому правительству, которое брало на себя трудъ устройства въ нихъ прочнаго порядка и внутренняго благосостоянія. Такъ какъ край считался непокореннымъ, а находящимся подъ покровительствомъ, то на него были возложены подати и натуральныя повинности, состоявшія въ доставкѣ подводъ и продовольствія Русскимъ войскамъ. Но, въ виду злоупотребленія земскихъ властей и внутренней неурядицы, повинности эти выполнялись неточно и съ большимъ промедленіемъ. Мирковичу вмѣнено въ обязанность прослѣдить за поставкою на армію должнаго количества сѣна и развѣдать о злонамѣренныхъ боярахъ, сѣявшихъ въ народѣ недовѣріе къ Русскому правительству. Ѳедоръ Яковлевичъ входилъ во всѣ подробности ввѣреннаго ему дѣла.

«Стараясь успокоитъ сей къ Русскимъ весьма расположенный классъ народа на счетъ настоящаго положенія, я убѣжденъ остался, что онъ имѣетъ полное довѣріе къ выданнымъ отъ нашего правительства квитанціямъ; но что сомнѣнія ихъ рождаются отъ распоряженія исправниковъ, которые, поручая заптіямъ сбирать отъ поселянъ Русскія квитанціи, удерживаютъ оныя у себя и не выдаютъ имъ взамѣнъ своихъ».

Еще больше дѣятельности проявилъ Ѳедоръ Яковлевичъ, когда былъ назначенъ исправляющимъ должность вице-предсѣдателя дивана Валахіи, а потомъ утвержденъ вице-предсѣдателемъ дивановъ Молдавіи и Валахіи. Къ этому времени власть полномочнаго предсѣдателя перешла отъ графа Палена къ генералъ-адъютанту Киселеву. «Графъ Паленъ былъ человѣкъ образованный и честный; онъ всегда служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и считался искуснымъ дипломатомъ, но вовсе не былъ администраторомъ и въ особенности въ странѣ,

гдѣ не было никакого порядка, а только злоупотребленія и интриги, гдѣ надо было не только управлять, но организовать, создать администрацію. Онъ не постигалъ испорченности нравовъ Востока; тутъ нуженъ былъ человѣкъ съ желѣзною волею, а ея не было въ немъ. Онъ это сознавалъ и просилъ объ увольненіи».

«Генералъ Желтухинъ, передъ тѣмъ Кіевскій военный губернаторъ, отличался совершенно противоположнымъ характеромъ: насколько графъ Паленъ былъ мягокъ и уклончивъ, настолько Желтухинъ былъ крутъ и раздражителенъ; гуманность и терпимость ему были чужды. Обезпечить содержаніе войска было его единственною цѣлью. Дѣлами внутренняго управленія Желтухинъ занимался мало, и причиною тому было болѣзненное его состояніе. 14 Сентября (1828) онъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ генералъ-адъютантъ Киселевъ. Киселевъ новымъ своимъ назначеніемъ, состоявшимся безъ его вѣдома, не вполнѣ былъ доволенъ. Сознавая, съ одной стороны, важность предстоявшаго ему дѣла не управленія только, но полнаго возрожденія края, а съ другой, что вся отвѣтственность будетъ лежать на немъ исключительно, онъ желалъ быть независимымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Будучи знакомъ съ внутреннимъ положеніемъ княжествъ, гдѣ Русскія войска должны были оставаться неопредѣленное время, онъ находилъ необходимымъ, не изъ властолюбія, а для успѣха дѣла, соединить въ однѣхъ рукахъ власть гражданскую и военную; онъ не хотѣлъ подчиняться никому, кромѣ Дибича, котораго онъ уважалъ и который ему выказывалъ несомнѣнные знаки взаимности и даже дружбы. Между тѣмъ, по отъѣздѣ Дибича изъ Дунайской арміи, начальство надъ нею, по старшинству, принадлежало Ридигеру, который съ своимъ корпусомъ долженъ былъ вступить въ Молдавію».

«Павелъ Дмитріевичъ сначала рѣшился отклонить отъ себя сдѣланное ему назначеніе. Дибичъ, человѣкъ умный и даровитый, вполнѣ понимавшій Киселева, дорожилъ имъ, какъ человѣкомъ, стоявшимъ по своимъ дарованіямъ далеко выше всѣхъ подчиненныхъ главнокомандующему лицъ. Онъ убѣждалъ его не отклонять отъ себя сдѣланнаго ему назначенія. Киселевъ пріѣхалъ въ Бухарестъ 11 Ноября и черезъ два дня вступилъ въ управленіе княжествами».

Въ Мирковичѣ Киселевъ нашелъ ревностнаго помощника и точнаго исполнителя. Трудность управленія усилилась появленіемъ въ княжествѣ чумы. Ѳедоръ Яковлевичъ лично объѣхалъ госпитали, осмотрѣлъ больныхъ, преобразовалъ чумный комитетъ, завелъ особую для присмотра полицію и учредилъ по Дунаю карантинныя заставы и кордонную цѣпь. Такія скорыя и рѣшительныя мѣры вскорѣ пресѣкли распространеніе чумной заразы. По внутреннему благоустройству кня-

жествъ много было потрачено Русскимъ правительствомъ трудовъ и энергіи для выполненія всѣхъ статей регламента, тѣмъ болѣе, что военныя событія въ Турціи принуждали къ поспѣшности.

Для огражденія поселянъ отъ самоуправства мѣстныхъ властей были учреждены ревизіонныя коммиссіи, на обязанности которыхъ лежало, кромѣ разбора тяжебъ, и приведеніе въ извѣстность числа жителей края. Этими коммиссіями произведена перепись, для правильнаго взиманія податей. Для внутренней безопасности жителей была организована земская стража подъ особымъ управленіемъ гетмана. Былъ прекращенъ наплывъ Турецкой монеты, установлены таксы на предметы потребленія, а для оживленія мѣстной производительности расширена внѣшняя торговля. Учрежденъ княжескій диванъ подъ предсѣдательствомъ митрополита. Русское правительство довершило свое дѣло предложеніемъ Портѣ назначить господарей въ княжествахъ. Избраніе состоялось: Михаила Стурдзы — Молдавскимъ, а Гики — Валашскимъ. Передача имъ управленія возложена на Мирковича, такъ какъ Киселевъ былъ отозванъ въ Петербургъ.

Ѳедоръ Яковлевичъ получилъ Владимирскую звѣзду, а Молдавскимъ господаремъ за труды управленія краемъ была поднесена ему золотая ваза. Когда онъ прибылъ въ Петербургъ, Государь (20-го Дек. 1834) лично выразилъ ему свою признательность.

— Здравствуй, любезный Мирковичъ. Извини, я вчера сдѣлалъ глупость, тебя не узналъ; но не мудрено: я такъ давно тебя не видалъ».

— Государь, я дѣйствительно весьма давно не имѣлъ счастія предстать предъ лицо Вашего Величества.

Потомъ Государь подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, крѣпко пожалъ и продолжалъ: «Начать съ того, что я тебя отмѣнно благодарю за твою службу; ты во всѣхъ отношеніяхъ исполнилъ мои намѣренія во всей точности; я очень, очень доволенъ; благодарю тебя, ты вполнѣ оправдалъ мои надежды. Теперь скажи мнѣ, гдѣ ты желаешь служить. Я хочу дать тебѣ назначеніе, согласно твоему желанію.

— Если Ваше Величество позволяете мнѣ изъявить мое желаніе, то оно есть—служить въ Петербургѣ.

— Я очень радъ! Скажи, не возьмешь ли ты одно изъ военно-учебныхъ заведеній? Эта часть обращаетъ на себя все мое вниманіе. Выборъ людей, имѣющихъ всѣ условія, необходимыя для сихъ мѣстъ, становится день ото дня труднѣе, и мысль тебя назначить пришла мнѣ сегодня поутру, такъ что я даже брату не успѣлъ ее сообщить».

— Государь, позвольте мнѣ доложить, что я способностей своихъ для сего рода службы не испытывалъ и не осмѣлюсь васъ въ успѣхѣ увѣрить.

— «Но ты отецъ семейства».

— Имѣю дѣтей, Государь.

— «Ты самъ ихъ воспитываешь?»

— Они воспитываются у меня.

— «Слѣдовательно, тебѣ не будетъ ничего труднаго. Надо тебѣ сказать, что я имѣлъ въ виду (чего, можетъ быть, ты и не знаешь) назначить тебя къ моему сыну; но ты имѣешь семейство, эта должность могла тебя затруднить, потому я тебѣ далъ мѣсто, которое ты занималъ въ послѣднее время; но у меня все сохранилось въ мысли, что ты мнѣ можешь быть очень полезенъ по части воспитанія. Ты служилъ съ честію, ты хорошій отецъ, человѣкъ съ образованіемъ, и въ тебѣ я нахожу всѣ тѣ условія, которыя необходимы для этой обязанности. Къ воспитанію юношества я прилагаю все мое попеченіе и, слава Богу, имѣю утѣшеніе видѣть значительные успѣхи. Эта часть идетъ совершенно согласно моимъ желаніямъ, и я убѣжденъ, что ты мнѣ будешь весьма полезенъ».

— Я всегда готовъ исполнить волю Вашего Императорскаго Величества.

— «Я такъ и надѣюсь. Впрочемъ, ты подумай. Ну, какова твоя нога?»

— Благодаря Бога, я нынѣ менѣе страдаю, Государь; развѣ только отъ перемѣны погоды.

— «А верхомъ ѣздить можешь?»

— Верховая ѣзда мнѣ трудна.

— «Впрочемъ она тебѣ не нужна: можешь и обойтись; но я повторяю—подумай! Я тебя не тороплю; поживи здѣсь».

Послѣ этихъ словъ, Государь взялъ меня вторично за руку и, пожавъ ее, сказалъ: «прощай!»

Въ 1835 г. Мирковичъ назначенъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Кадетскими корпусами вѣдалъ тогда великій князь Михаилъ Павловичъ. «Онъ одаренъ былъ въ высшей степени добрымъ сердцемъ; гдѣ только могъ, онъ съ истинно-отеческою заботою помогалъ офицерамъ и горячо былъ преданъ дѣлу служенія Государю и Отечеству. Въ молодости онъ не получилъ основательнаго военнаго образованія, не извлекъ изъ двухъ кампаній (1828 и 1831 гг.), въ которыхъ участвовалъ, боевой опытности и, находясь во главѣ гвардіи и военно-учебныхъ заведеній, не могъ дать военной подготовкѣ этихъ отборныхъ войскъ и военнаго юношества надлежащаго направленія въ смыслѣ развитія боевыхъ качествъ войскъ. Охраненіе дисциплины въ его глазахъ являлось не средствомъ для воспитанія, а главною цѣлью всего военнаго строя; подъ вліяніемъ грустныхъ событій,

происходившихъ при восшествіи на престолъ императора Николая I, Великій Князь видѣлъ въ усиленныхъ требованіяхъ службы лучшее средство отвратить молодое поколѣніе отъ увлеченія либеральными мечтами. Напускная суровость вошла у него въ привычку, и въ офиціальныхъ сношеніяхъ съ подчиненными подчасъ онъ бывалъ весьма непріятенъ; нерѣдко позволялъ онъ себѣ насмѣшки, колкости и глумленія надъ окружавшими и подчиненными, чтò ставило ихъ въ положеніе въ высшей степени непріятное».

Мирковичъ умѣлъ сдерживать порывы Великаго Князя, и при немъ 2-й кадетскій корпусъ совершенно обновился. Кадеты его цѣнили. Онъ улучшилъ преподаваніе наукъ, пріучилъ молодыхъ людей любить просвѣщеніе, облагородилъ ихъ вкусы и вывелъ грубость привычекъ.

Въ 1838 году Мирковичъ ѣздилъ въ чужіе края лѣчиться отъ послѣдствій своей Бородинской раны. Французскій дневникъ его путешествія очень любопытенъ: тутъ описаны встрѣчи со многими Русскими людьми и пребываніе Николая Павловича въ Теплицѣ. Открывался памятникъ Кульмскому сраженію, и происходилъ своего рода конгрессъ государей, членовъ Священнаго Союза. Въ Теплицъ съѣхалось множество замѣчательныхъ лицъ. Нашъ Государь былъ въ полномъ расцвѣтѣ своей личной мужественной красоты и политическаго могущества. Толпы стремились повидать прибывшаго 7 Іюля 1838 «Императорской Русской службы генерала Романова съ женою и дочерью (великой княжною Александрой Николаевной)». Государь ходилъ въ синемъ фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Графъ Орловъ доложилъ ему о желаніи Мирковича представиться. «А, ты здѣсь! Я очень радъ тебя видѣть. Ну, каковъ ты, помогли ли тебѣ воды?» — Весьма помогли, Государь; онѣ избавили меня отъ болей въ ногѣ. Я здѣсь окончилъ курсъ и отправляюсь къ Егерскимъ водамъ еще на мѣсяцъ.—«Для чего же это?»—Здѣшнія воды, облегчая боль, разслабляютъ тѣло теплотою своею, а лѣкаря совѣтуютъ мнѣ окончитъ лѣченіе желѣзными водами.—«Я этого не нахожу; правда, что я только взялъ еще двѣ ванны для своей мнимой болѣзни, но мнѣ онѣ показались очень пріятными. Впрочемъ, ты въ лицѣ очень поправился. Дай Богъ тебѣ укрѣпиться. Мальчишки наши всѣ здоровы, и все въ порядкѣ, какъ должно быть; я видѣлъ ихъ при вступленіи въ лагерь и былъ ими доволенъ. Однако, послѣ меня они что-то нагрѣшили, тоесть на смотру Михаилъ Павловичъ былъ недоволенъ».—Ужъ это было въ Петергофѣ, Ваше Величество.—«Да, уже они были въ лагерѣ; впрочемъ это скоро исправится». Государь обнялъ Мирковича.

Въ началѣ слѣдующаго 1839 года, на одномъ изъ придворныхъ баловъ, Государь обратился къ Мирковичу съ такими словами: «Князь Долгоруковъ хочетъ развести Забѣлло и жениться на его женѣ; я считаю неудобнымъ послѣ этого оставить его въ Вильнѣ и имѣю въ виду назначить тебя на его мѣсто».

Въ 1840 году Мирковичъ былъ назначенъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ съ управленіемъ и гражданскою частью и Гродненскимъ, Минскимъ и Бѣлостокскимъ генералъ-губернаторомъ и такимъ образомъ принялъ на себя трудную задачу, безъ особенно-крутыхъ мѣръ, умиротворять враждебное отношеніе Поляковъ къ Русскому правительству и послѣ возсоединенія уніатовъ ослабить вліяніе католическаго духовенства. Онъ прежде всего объѣхалъ порученный его управленію край.

Вотъ выдержки изъ тогдашняго дневника его. Этотъ дневникъ драгоцѣнность для мѣстной исторіи и этнографіи. «13-го Августа 1840 г. (въ Брестѣ) съ ранняго утра все ждало фельдмаршала: почетный караулъ и всѣ военные. Я отправился къ княгинѣ Паскевичъ [1]) въ 8 ч. утра. Она уже была готова и тотчасъ меня приняла, около получасу разговаривала со мною и, между прочимъ, коснулась предстоявшаго пріѣзда Императрицы въ Варшаву и затрудненія представить ей дамъ въ Русскихъ платьяхъ. Въ 9 часовъ княгиня, видя, что фельдмаршала еще нѣтъ, сказала мнѣ: «j'étais sûre qu'il ne viendrait pas» [2]) и отправилась въ дальнѣйшій путь; я же поѣхалъ домой ожидать извѣстія чрезъ передоваго о пріѣздѣ князя. Въ 11 часовъ пришло это извѣстіе. Принявъ почетный караулъ, князь направился въ свои покои, увидѣвъ меня у лѣстницы съ рапортомъ, поздоровался со мною, пожавъ мнѣ руку и повелъ съ собою по лѣстницѣ. Взойдя на верхъ и сказавъ нѣсколько словъ генералу Малиновскому, командующему корпусомъ, мнѣ и генералъ-лейтенанту Берникову (начальнику дивизіи), онъ принялъ въ залѣ ординарцевъ.

Затѣмъ онъ всѣхъ отпустилъ, а меня позвалъ въ особую комнату и сталъ разспрашивать о духѣ края и о дѣлахъ слѣдственной коммиссіи. Разговоръ его со мною былъ откровенныый и пріязненный. Князь высказалъ свое мнѣніе о Полякахъ и объяснилъ правила, коими онъ руководствуется, чтобы ихъ держать въ порядкѣ. Оставивъ князя, я возвратился домой и принялся за кипу дѣлъ, меня ожидавшихъ, а полковнику Ушакову поручилъ доложить князю, что обѣдъ для него приготовленъ и что я прошу обѣдъ этотъ отъ меня принять. Вслѣдъ

---

[1]) Княгиня Паскевичъ ѣхала изъ своихъ имѣній въ Варшаву и предполагала въ Брестѣ встрѣтить своего супруга. П. Б.

[2]) Я была увѣрена, что онъ не пріѣдетъ.

за симъ я получилъ отвѣтъ князя, что онъ благодаритъ за предложеніе и проситъ назначить обѣдъ въ 5 часовъ, а приглашенія къ обѣду сдѣлать по моему назначенію.

Около двухъ часовъ, пока я сидѣлъ за бумагами, совершенно неожиданно князь пришелъ ко мнѣ пѣшкомъ и пробылъ у меня съ полчаса, былъ очень любезенъ, разговорчивъ и особенно ко мнѣ внимателенъ. Въ 5 часовъ собрались къ фельдмаршалу обѣдать человѣкъ двадцать. Князь, спросивъ, гдѣ ему садиться, посадилъ по правую сторону Малиновскаго, а по лѣвую меня. За столомъ общаго разговору не было; но, подъ конецъ обѣда князь, вспоминая о разныхъ сраженіяхъ, говорилъ пріятно и съ жаромъ. Когда всѣ разошлись по домамъ, я занялся новыми распоряженіями въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора, такъ какъ отъ фельдмаршала узналъ, что Его Величество и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволятъ слѣдовать въ одно время съ Императрицею.

14 Августа. Съ 7 ч. до 9 я занимался дѣлами, потомъ поѣхалъ къ фельдмаршалу, но не засталъ его дома: онъ пошелъ пѣшкомъ осматривать казармы. Догнавъ его, я съ нимъ обходилъ крѣпость и, возвратившись ко дворцу, мы узнали, что кухня государева уже пріѣхала. Князь сталъ разспрашивать Жибони *), когда онъ выѣхалъ, когда Государь назначилъ свой выѣздъ, и соображалъ съ большою заботливостію, въ которомъ часу можетъ прибыть Императоръ. По разсчету выходило, что Государь не можетъ пріѣхать ранѣе седьмаго часа; но заботливый князь пригласилъ насъ обѣдать къ себѣ въ часъ въ полной формѣ, чтобы быть увѣреннымъ, что никто не опоздаетъ къ встрѣчѣ. Мы собрались къ столу въ назначенное время. Князь посадилъ меня съ правой стороны, а Малиновскаго съ лѣвой; обѣдъ шелъ очень скоро. Мы сидѣли за послѣднимъ блюдомъ, какъ входитъ съ поспѣшностью лакей и говоритъ:—«Государь ѣдетъ!» Фельдмаршалъ вскочилъ, закричалъ: «шляпу!» и побѣжалъ съ лѣстницы. Мы всѣ за нимъ; смотримъ во всѣ стороны, распрашиваемъ, кто привезъ извѣстіе,—никто ничего не знаетъ! Вышла фальшивая тревога. Однако, фельдмаршалъ и всѣ мы оставались съ полчаса на плацу въ ожиданіи.

Въ 6 часовъ Государь изволилъ пріѣхать съ Наслѣдникомъ. Поздоровавшись съ фельдмаршаломъ и обнявъ его, онъ обошелъ почетный караулъ, поздоровался съ людьми, поклонился генераламъ и слѣдовалъ въ покои. Я стоялъ у крыльца, чтобы представить Государю рапортъ. Его Величество, принявъ рапортъ, изволилъ взять меня за руку, войти со мною до лѣстницы и спросить: «Здоровъ ли ты? Что

*) Поваръ Государя.

у тебя дѣлается?» Выслушавъ мои отвѣты, Государь обратился къ фельдмаршалу, взялъ его подъ руку, взошелъ на верхъ и осматривалъ покои дворца, которыхъ еще не видѣлъ. Потомъ остановился въ угловой комнатѣ съ Наслѣдникомъ и фельдмаршаломъ и позвалъ генерала Дена *) и строителя укрѣпленій, инженернаго полковника. Императоръ распрашивалъ во всей подробности о крѣпостныхъ работахъ и разсматривалъ планы. Между тѣмъ мы всѣ ожидали въ большой залѣ возлѣ той комнаты. Когда это кончилось, Государь отпустилъ князя и пошелъ въ кабинетъ. Всѣ разошлись, и я собирался уйти, какъ вдругъ Наслѣдникъ изволилъ возвратиться въ залу и сказалъ: «Генералъ Мирковичъ, пожалуйте къ Государю». Я пошелъ въ кабинетъ. Императоръ стоялъ посреди комнаты. Онъ подалъ мнѣ руку и затѣмъ сѣлъ на диванъ, передъ которымъ стоялъ столъ съ чайнымъ приборомъ. Наслѣдникъ сѣлъ съ боку на стулѣ.

Государь предложилъ мнѣ чаю, и тутъ начался слѣдующій памятный мнѣ разговоръ:

— «Ну, разсказывай, что у тебя дѣлается?».

— Слава Богу, Государь, все благополучно; я уже объѣхалъ и осмотрѣлъ всю Минскую губернію и большую часть Гродненской и вездѣ нашелъ все спокойно, въ чемъ получилъ удостовѣреніе губернаторовъ. Слѣдственная коммиссія съ величайшимъ вниманіемъ преслѣдуетъ свое дѣло, но до сего времени ни одно замѣчательное лицо не подверглось сомнѣнію: кромѣ студентовъ и молодежи, никто тут не замѣченъ, и кажется, что все это окончится школьническимъ замысломъ. Духъ этихъ лицъ весьма нехорошъ, но слѣдовъ заговора или тайнаго общества никакихъ не усматривается.

— «Слава Богу!»

— По моему мнѣнію, Ваше Величество, намъ заговоровъ страшиться нечего: Поляки слишкомъ научены, къ какому результату они ведутъ и, при всей легкомысленности ихъ, не легко будетъ ихъ къ тому подбить. Пропаганда ограничивается нынѣ распространеніемъ своихъ правилъ между молодежью, которую легче соблазнить и обмануть; но настоящіе замыслы Поляковъ хитрѣе и опаснѣе: они рѣшились, особенно женщины, питать въ дѣтяхъ ненависть къ намъ и поддерживать мечты своей національности. Я считаю, что теперь болѣе чѣмъ когда либо правительство должно взять въ свои руки дѣло воспитанія и онымъ рѣшительно управлять. Открытыя заведенія не принесутъ плода. Министерство Народнаго Просвѣщенія сдѣлало величайшія усилія для здѣшняго края, обставило свои заведенія отличными людьми (я вездѣ осма-

*) Начальникъ инженеровъ арміи.

тривалъ училища и нашелъ людей достойныхъ), ввело Русскій языкъ основательно, но далѣе ничего не можетъ сдѣлать въ нравственномъ отношеніи: ибо то, чтò юношеству внушается въ классахъ, уничтожается въ родительскихъ домахъ, и мы остаемся на той же точкѣ. Здѣсь необходимы закрытыя заведенія, отъ которыхъ только должно ожидать образованія новаго поколѣнія людей.

— «Я съ тобою совершенно согласенъ; но гдѣ мнѣ взять денегъ? Я этого не могу никакъ сдѣлать, средства не позволяютъ. Пусть они дадутъ денегъ, я буду очень радъ имъ кадетскій корпусъ устроить».

— Я желалъ только знать мнѣніе Вашего Величества. Въ согласіи дворянства я почти увѣренъ, ибо изъ разговоровъ съ ними видѣлъ, что они отъ этого не откажутся, и ежели позволите мнѣ дѣйствовать, я надѣюсь съ успѣхомъ исполнить Ваше намѣреніе.

«Прошу тебя. Я увѣренъ, что это принесетъ пользу. Я нынѣ видѣлъ Полоцкій корпусъ. Прекрасный!»

— Вы изволили быть довольны, Государь?

— «Весьма и весьма доволенъ. Да вѣдь и ты, кажется, тамъ былъ. Какъ ты туда попалъ?»

— Я былъ въ Диснѣ, въ 30 верстахъ отъ Полоцка, и не утерпѣлъ, Государь: любопытство меня взяло посмотрѣть на это заведеніе. Я туда пріѣхалъ неожиданно и нашелъ все въ совершенномъ порядкѣ.

— «Да, дѣйствительно, корпусъ очень хорошъ».

— Другое важное нынѣ обстоятельство въ краѣ—уничтоженіе Литовскаго Статута и введеніе Россійскихъ гражданскихъ законовъ.

— «Развѣ это еще не кончено?»

— Министру юстиціи я представилъ, Государь, что препятствія къ тому никакого нѣтъ; но мнѣніе мое по предмету введенія Россійскихъ законовъ различно отъ мнѣнія представленнаго генераломъ Бибиковымъ *), и разрѣшенія на то еще никакого не послѣдовало.

— «Да я помню. И я согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ».

Я поклонился Государю и продолжалъ: Въ добавокъ моего мнѣнія я послалъ министру и новые штаты.

— «Чтò касается штатовъ, то мнѣ не изъ чего прибавлять; развѣ настоящихъ мало?»

— Мало, Ваше Величество. Всей прибавки по моимъ четыремъ губерніямъ требуется 28.000 рубл. сер. Впрочемъ, ежели это стѣсняетъ государственную казну, то можно этотъ расходъ отнести на земскую повинность, чтó будетъ и правильно.

---

*) Тогдашній Кіевскій генералъ-губернаторъ.

— «А, это дѣло другое! Своихъ денегъ сколько они хотятъ. Я думаю, они меня жестоко ругаютъ. Я знаю, что они меня терпѣть не могутъ, и злодѣйскіе замыслы ихъ безпрестанно противъ меня возобновляются. Вотъ нынѣ еще, въ Кіевѣ, задержали одного злодѣя, который шелъ на меня».

Наслѣдникъ, который, вѣроятно, объ этомъ ничего не зналъ, вздрогнулъ и вскричалъ: «какъ!»

— «Да, продолжалъ Государь, одинъ изъ сосланныхъ на Кавказъ Поляковъ проникъ въ Кіевскую губернію и былъ захваченъ ихъ же помѣщикомъ, княземъ Четвертинскимъ, который его представилъ. Да я на это не смотрю; я свое дѣло твердо продолжаю до того времени, когда они меня поймутъ. Я считаю, что ежели бы я иначе дѣйствовалъ, я бы взялъ на себя отвѣтъ предъ Богомъ, предъ Россіею и предъ нимъ» (указывая на Наслѣдника).

Я старался успокоить Государя, говоря, что въ характерѣ Поляковъ болѣе легкомыслія, чѣмъ мести; что легкомысліе это, соединенное съ совершеннымъ невѣдѣніемъ силы, могущества и просвѣщенія Россіи, при всякомъ подстрекательствѣ, питаетъ ихъ мечты о возстановленіи Польши; что это должно само собою упасть, коль скоро они узнаютъ все свое ничтожество сравнительно съ нами. «Въ доказательство сего, Государь, доложу Вашему Величеству, что при объѣздѣ моемъ всей Минской губерніи и большей части Гродненской всѣ тѣ дворяне, которые были въ нашей службѣ, видѣли Россію и живутъ нынѣ въ своихъ имѣніяхъ или занимаютъ какія нибудь должности, совсѣмъ другаго образа мыслей, и я ихъ считаю людьми надежными».

— «Можетъ быть, отвѣчалъ Государь; но до сего времени стремленіе ихъ вездѣ одинаково. Ты не слышалъ, что̀ въ Галиціи случилось? Тамъ открытъ обширный заговоръ, и обнаружилось, что въономъ принимали участіе войска и нѣкоторыя знатныя фамиліи. Вотъ къ чему ведутъ умѣренность и послабленіе. Я въ Кіевѣ получилъ это извѣстіе, и эрцгерцогъ просилъ позволенія пріѣхать ко мнѣ на три дня въ Кіевъ; но я отвѣчалъ, что мнѣ недосугъ тамъ его ожидать, а ежели угодно ему, то можетъ пріѣхать въ Варшаву. Какъ ты нашелъ Минскую губернію и доволенъ ли губернаторомъ?» *)

— Я нашелъ, Государь, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ совершенный порядокъ; губернаторъ—человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, благонамѣренный, усердный и честный; одинъ въ немъ недостатокъ: онъ немного скоръ.

---

*) Губернаторомъ былъ тогда въ Минскѣ извѣстный впослѣдствіи Москвѣ Николай Васильевичъ Сушковъ. П. Б.

— «Да, я за нимъ это замѣтилъ; у него это есть».

— Что̀ касается губерніи, то природа ее щедро надѣлила хлѣбородною землею, богатыми лѣсами и изобиліемъ водъ; но она еще очень пуста. Будь она въ рукахъ другихъ жителей, она была бы богатая. Но нынѣ во всѣхъ городахъ бѣдность, населеніе Еврейское совершенно одолѣло христіанъ, и кромѣ мелочной обманной ихъ торговли, никакой другой нѣтъ. Промышленность совершенно спитъ и никогда мѣстными людьми не будетъ пробуждена. Помѣщики хотя и занимаются своими имѣніями и фабриками сами, но всѣ ихъ произведенія переходятъ въ руки жалкихъ Евреевъ; ибо купеческаго сословія никогда въ Польшѣ не существовало, да и нынѣ онаго нѣтъ. Изъ всѣхъ городовъ Минской губерніи Пинскъ обратилъ на себя особенное мое вниманіе. Ежели Королевскій каналъ, соединяющій Муховецъ съ Пинною, а чрезъ нихъ Бугъ съ Припетью, будетъ доведенъ на будущій годъ до конца съ тѣмъ успѣхомъ, котораго по всѣмъ предположеніямъ можно ожидать, то Пинскъ въ рукахъ Русскихъ сдѣлался бы другимъ Рыбинскомъ.

— «Неужели ты нашелъ, что Пинскъ такой важный пунктъ?»

— «Дѣйствительно, Государь, Королевскій каналъ, составляя соединеніе двухъ морей, Черного и Балтійскаго, въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что не имѣетъ никакихъ шлюзъ: уровень воды одинаковъ. Хотя вода въ каналѣ получается изъ болотъ, но, на случай засухи, два водопровода будутъ съ избыткомъ питать каналъ водою изъ озеръ, лежащихъ выше канала. Весь каналъ долженъ быть оконченъ нынче; на будущій годъ остается расчистка Муховца и Припети. Обозрѣвъ работы, я приказалъ полковнику Швиковскому прибыть сюда на случай, ежели бы Вашему Величеству угодно было знать подробности производства работъ.

— «Очень хорошо сдѣлалъ: мнѣ весьма это будетъ любопытно. Пинскъ порядочный городъ?»

— Онъ лучшій уѣздный городъ Минской губерніи, въ немъ болѣе 500 домовъ, и улицы довольно правильно расположены; но большая часть народонаселенія—Еврейская.

— «Ихъ надо бы выжить и водворить тамъ Русскихъ купцовъ. Обдумай, какъ бы это сдѣлать; можно дать нашимъ привилегіи, которыя бы ихъ пріохотили тамъ селиться».

— Слушаю, Ваше Величество; я съ большимъ вниманіемъ этимъ займусь.

— «А что̀ дѣлается въ Вильнѣ? Есть ли новыя постройки?»

— Въ Вильнѣ не производится, Государь, ничего замѣчательнаго кромѣ отдѣлки двухъ казенныхъ домовъ: одинъ для корпуснаго командира, другой для штаба. Оба будутъ къ осени готовы. Я не могъ еще

Вильной особенно заняться, такъ какъ я человѣкъ новый, работа огромная, а помощниковъ не имѣю. Правитель моей канцеляріи уже четвертый тѣсяцъ за-границею; дежурный штабъ-офицеръ въ отпуску уже два мѣсяца, а нынѣ и губернатора не имѣю.

— «Куда же дѣвался у тебя Долгорукій?» *)

— Онъ поѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ перемѣститься.

— «Чтò такъ?»

— Онъ усталъ, Государь; губернія эта тяжелая и требуетъ огромныхъ трудовъ. Князь Долгорукій не могъ ихъ долѣе выдержать.

— «Да, это правда. Здѣсь дѣла побольше, да и граница къ тому же близкая. Имѣешь ли ты кого нибудь въ виду?»

— Нѣтъ, Ваше Величество, никого не имѣю въ виду и осмѣливаюсь просить о назначеніи человѣка опытнаго и достойнаго. Здѣсь постъ губернатора весьма важенъ.

— «Мнѣ надо подумать; это я сдѣлаю уже по прибытіи въ Петербургъ. Между тѣмъ, ты вѣрно не ожидаешь, что я тебя хочу послать въ Кенигсбергъ къ королю. У нихъ, въ концѣ мѣсяца, будетъ совершенъ обрядъ присяги, и я избралъ тебя, чтобы отправить съ поздравленіемъ къ королю, какъ пограничнаго главнаго начальника. Я думаю, что завтра я успѣю написать письмо къ королю. Это порученіе доставитъ тебѣ случай съ нимъ познакомиться».

Обрадованный этою неожиданною милостію Государя, я въ изъявленіе моей готовности поклонился. Затѣмъ Государь всталъ. Замѣтивъ, что Его Величество хотѣлъ меня отпустить, я принялъ смѣлость доложить о дѣлѣ О—скаго и, напомнивъ Государю его исторію и условіе, которому онъ покорился, я присовокупилъ,, что по прибытіи его въ Вильну я посадилъ его подъ арестъ и назначилъ судъ. Государь изволилъ сказать:

— «Ну, что-же? Такъ и надо, только приговоръ не исполнять и представить мнѣ».

Тогда я присовокупилъ, что въ бытность мою въ Брестѣ я получилъ отъ Виленскаго коменданта рапортъ и свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи О—скаго. Такъ какъ онъ и тѣломъ, и духомъ до крайности слабъ, то во избѣжаніе возможности смерти его въ заключеніи и для отстраненія всякаго нареканія въ жестокомъ обращеніи съ нимъ, я предписалъ коменданту перевести его на квартиру. Государь на это сказалъ: «Хорошо сдѣлалъ, только—подъ строгимъ карауломъ».

— Такъ я и предписалъ, Ваше Величество.

---

*) Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій былъ тогда Виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ.

Государь подалъ мнѣ руку и сказалъ: «Прощай. Я долго не спалъ, мнѣ немного надо отдохнуть. А кадетскій корпусъ постарайся устроить». Наслѣдникъ тоже подалъ мнѣ руку, и оба вошли въ опочивальню.

15-го Августа. Заботы и волненіе долго не давали мнѣ заснуть; но въ 6 часовъ мнѣ надо было встать, и въ 7 часовъ я былъ уже у графа Бенкендорфа и представилъ ему списокъ лицъ, которыя должны меня сопровождать въ Кенигсбергъ, а также докладъ о назначеніи исправляющихъ должности генералъ-губернатора и военнаго губернатора во время моего отсутствія, для представленія Государю. Переговоривъ съ графомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, я пошелъ въ покои Императора, для представленія Его Величеству утреннихъ рапортовъ. Тутъ собрались фельдмаршалъ, генералы и инженерные офицеры, находящіеся при строеніи крѣпости. Пока мы дожидались Государя, фельдмаршалъ довольно долго разговаривалъ со мною о новыхъ волненіяхъ въ Галиціи и о Полякахъ вообще, обвиняя ихъ въ лукавствѣ, въ притворномъ изъявленіи преданности. Въ примѣръ того онъ привелъ, что въ Варшавскихъ архивахъ найдены документы, доказывающіе связи и постоянное стремленіе къ возстановленію Польши такихъ лицъ, которыя были весьма близки къ трону и казались приверженными; что у нихъ былъ тайный комитетъ, учрежденный для направленія умовъ, и что найдены бумаги окружныхъ попечителей учебныхъ округовъ, въ которыхъ представлялись комитету вопросы, какъ имъ направлять воспитаніе юношества.

Императоръ вышелъ въ 8 часовъ, милостиво принялъ мой рапортъ, потомъ обратился къ коменданту и сказалъ: «Вчера, твой вечерній рапортъ былъ наполненъ ошибками и вздоромъ и даже, вмѣсто отъ 1-го батальона у тебя написано отъ 6-го эшелона; откуда ты это взялъ? Это доказываетъ, что ты подписываешь не читавши». Потомъ, взявъ фельдмаршала, онъ пошелъ къ экипажу для осмотра крѣпости.

Всѣ слѣдовали за Императоромъ и размѣстились въ приготовленныя коляски. Сперва мы отправились въ новый редюитъ. Государь изволилъ осматривать оный и часть зданія самъ опредѣлилъ для храненія пороха. Обратившись въ мою сторону, Государь сказалъ: «Гдѣ мой военный губернаторъ? Тебѣ надо смотрѣть, чтобы комендантъ не ставилъ лишнихъ часовыхъ. Комендантъ здѣсь довольно безтолковъ. И чтобы онъ не смѣлъ прибавлять посты безъ сношенія твоего съ генераломъ Деномъ; а то у насъ все такъ: гдѣ надо двоихъ поставить, тамъ не пожалѣютъ десятка». Государь изволилъ хвалить постройку и оттуда слѣдовалъ къ главному валу пѣшкомъ. Внимательно осматривая работы, онъ останавливался нѣсколько разъ, чтобы повѣрить правильность линій, указывалъ на сильныя и на слабыя мѣста крѣпости и хва-

лилъ чистоту и отдѣлку земляныхъ работъ. Потомъ обратилъ онъ вниманіе на оборонительныя казармы и изъявилъ свое удовольствіе за все, что́ было сдѣлано со времени послѣдняго его пребыванія въ Брестѣ. Онъ сказалъ генералу Дену:

— «Жаль, что на будущій годъ я не могу продолжать постройку, у меня денегъ нѣтъ». Потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, продолжалъ:— «Да, вотъ прекрасная мысль! Мирковичъ, давай мнѣ денегъ, а я тебѣ приготовлю зданіе для корпуса. Je frapperai d'une pierre deux coups [1]): на твои деньги я построю оборонительную казарму и въ ней размѣщу корпусъ. Какъ ты думаешь, согласятся они?»

— Не смѣю увѣрить, Государь; но буду стараться. Я полагаю, что желаніемъ Литовскихъ жителей было бы сохранить за Вильною значеніе главнаго центра образованія въ краѣ, такъ какъ нѣсколько столѣтій Вильна этимъ славилась.

— «Однако, это было бы хорошо».

Графу Бенкендорфу, шедшему поодаль, эта мысль, повидимому, не понравилась. На вопросъ Наслѣдника: Comment trouvez vous cette idée? онъ отвѣчалъ.

«Je ne la comprends pas, monseigneur. Je ne sais, cela n'entre pas bien dans mes idées. Il me paraît que ce n'est pas conforme ni au caractère de l'Empereur, ni à sa munificence. Nous sommes accoutumés à le voir toujours généreux» [2]).

Государь, слѣдуя по валу крѣпости, обратилъ взоръ къ сторонѣ города и, увидѣвъ огромную толпу Евреевъ, слѣдовавшихъ внизу за нимъ, остановился и спросилъ меня:

— «Чѣмъ они живутъ? Надо непремѣнно придумать, что́ съ ними дѣлать и этимъ тунеядцамъ дать работу. Мнѣ надо ихъ выжить отсюда. Послѣдній разъ, когда я былъ въ Одессѣ, встрѣтилъ я тамъ толпы шатающихся безъ дѣла Цыганъ въ совершенной нищетѣ, нагіе, дѣвки восемнадцати лѣтъ голыя, безобразіе и позоръ. Я говорю Воронцову: «Что́ ты ихъ не приведешь въ порядокъ?» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Мнѣ съ ними не сладить. Всѣ мѣры, которыя я принималъ, остались безъ успѣха». Такъ постой, я съ ними слажу! Всѣхъ бродягъ и тунеядцевъ приказалъ брать, за опредѣленную поденную плату, на работу. Чрезъ мѣсяцъ все исчезло. Можно бы и съ этими подобнымъ образомъ поступить. Подумай-ка, какъ бы изъ нихъ составить рабочія роты для крѣпостныхъ работъ».

---

[1]) Однимъ камнемъ сдѣлаю два удара.

[2]) Какъ вы находите эту мысль?—Я ея не понимаю, ваше высочество. Это, не знаю, какъ-то не укладывается у меня въ головѣ. Мнѣ кажется, что оно не соотвѣтствуетъ ни характеру Императора, ни его щедротѣ. Мы привыкли видѣть его всегда великодушнымъ.

Потомъ Государь сошелъ съ вала и, сѣвъ въ коляску, отправился въ оборонительную казарму, въ одной части которой расположена была инвалидная рота; другая часть казармы была еще не отдѣлана. Государь хвалилъ постройку и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Ну, посмотри: развѣ тутъ не хорошо размѣстить корпусъ? Прекрасно, и все готово».

Потомъ Государь вышелъ и, проходя въ коммиссаріатъ, расположенный также въ казармѣ, увидѣлъ опять толпу Евреевъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— «Voyez, voyez donc votre bon peuple! A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère! »[1])

Коммиссаріатомъ Императоръ былъ отмѣнно доволенъ и, дѣйствительно, управляющій коммиссіею Нейдгардтъ съ такою роскошью размѣстилъ склады и канцелярію, что можно было думать, что находишься въ самомъ нарядномъ магазинѣ. Государь посѣтилъ арсеналъ, тоже расположенный въ казармѣ, отлично устроенный и снабженный всѣмъ на 20 тысячъ человѣкъ войска. Весьма довольный всѣмъ, Государь благодарилъ фельдмаршала и сказалъ: «Теперь, ежели понадобится войско, я далъ приказаніе Мирковичу собрать безсрочныхъ, и онъ мнѣ выведетъ 20 тысячъ готоваго войска вмигъ».

Проѣзжая по городу, Государь замѣтилъ было, что выставленныя на домахъ числа лѣтъ, опредѣляющія срокъ ихъ сломки, никакъ не отвѣчали дѣйствительной прочности этихъ домовъ, что̀ явно доказывало злоупотребленія со стороны коммиссіи, опредѣлявшей сроки. Онъ обратилъ на это вниманіе фельдмаршала и сказалъ: «Это надо передѣлать, тутъ виденъ явный подкупъ. Эти Жиды кого не подкупятъ! Назначь другую коммиссію». Фельдмаршалъ предлагалъ, во избѣжаніе новыхъ злоупотребленій, сократить всѣ настоящіе сроки на 20 лѣтъ и тѣмъ дѣло скорѣе и безобиднѣе кончить. Но кажется, что Государь на это не согласился. Изъ арсенала Государь отправился въ новый госпиталь, только что отдѣланный и въ которомъ лишь самая малая часть занята была больными. Строеніе это такъ понравилось Государю, что, проходя по палатамъ, онъ сказалъ мнѣ:—«Mon cher, voilà notre affaire [2]). Уже лучше этого ничего нельзя желать для корпуса. Посмотри, что̀ за залы! Я думаю, у тебя сердце радуется». Потомъ, обратясь къ фельдмаршалу, онъ продолжалъ: «Иванъ Ѳедоровичъ, знаешь-ли? Вѣдь онъ успѣлъ слетать въ Полоцкъ. Вотъ кадетская кровь! За то я увѣренъ, сказалъ

---

[1]) Гляди, гляди на твой добрый народъ! Всякому благородному сердцу какъ дорога родина!

[2]) Любезный мой, вотъ наше дѣло!

мнѣ Государь, что къ 1-му Мая 1841 года у меня здѣсь будетъ сотня кадетиковъ. Не правда-ли? Ты видишь, какъ у меня это уже воспламенилось; я чувствую, что это уже закипѣло. Посмотри, въ этихъ трехъ залахъ вѣрно размѣстятся роты, и для четырехъ ротъ здѣсь будетъ достаточно мѣста. И всѣ принадлежности, все уже готово. Achevez moi cela. Il est vrai que je vous ferai un compte d'apothicaire; mais vous pouvez bien me payer pour faire construire une caserne, où je mettrai les malades» *). Я увѣрялъ Государя, что приложу всевозможное стараніе къ успѣшному исполненію его желаній и представлялъ тѣ надежды, которыя самъ имѣлъ, но увѣреній не давалъ.

Объѣздъ крѣпости кончился въ 11 часовъ, и всѣ возвратились за Государемъ во дворецъ. Мы нашли столъ уже готовымъ. Государь съ Наслѣдникомъ прошли во внутренніе покои, мы всѣ остались въ залѣ. Въ ожиданіи обѣда, я переговорилъ съ Бенкендорфомъ и В. Ѳ. Адлербергомъ о предстоящей моей поѣздкѣ въ Кенигсбергъ и распрашивалъ ихъ, съ кѣмъ мнѣ тамъ вступить въ сношенія. Первый мнѣ указалъ на министра внутреннихъ дѣлъ Рохова, какъ на человѣка, къ намъ искренно расположеннаго и съ которымъ можно откровенно говорить; второй – на генерала Линдгейма, адъютанта короля и его докладчика. Чрезъ четверть часа Государь вошелъ и, сѣвъ за столъ, по правую руку посадилъ князя Ивана Ѳедоровича, а мнѣ указавъ лѣвую сторону, сказалъ: «Мирковичъ, садись возлѣ меня».

За столомъ были: Наслѣдникъ, генералы Денъ, Малиновскій, графъ Бенкендорфъ, Берниковъ, адъютантъ наслѣдника Адлербергъ и два инженерные полковника, строители крѣпости, всего 11 особъ. Владимиръ Ѳедоровичъ Адлербергъ не сѣлъ за столъ; онъ страдалъ глазами. Во время обѣда разговоръ былъ по большой части о работахъ крѣпости и о войскахъ. Государь разсказывалъ, гдѣ, какъ нашелъ войска, похвалилъ въ особенности 11-ю пѣхотную дивизію. Меня Государь спросилъ:—«Кто у тебя стоитъ въ Вильнѣ?» Нижегородскій полкъ, отвѣчалъ я. «Порядочный?» Я не смѣлъ Государю иначе отвѣчать, какъ порядочный.

Къ концу обѣда Государь сказалъ намъ, что получилъ печальное извѣстіе изъ Петербурга: при артилерійскихъ опытахъ генералъ Бонтанъ былъ убитъ и съ нимъ еще нѣсколько человѣкъ, отъ взрыва гранаты. Столъ кончился въ полчаса. Государь торопился выѣхать въ 12 часовъ, чтобы въ ночь поспѣть въ Варшаву. Послѣ обѣда онъ пошелъ въ свой кабинетъ и черезъ четверть часа вышелъ съ письмомъ въ ру-

*) Доверши мнѣ это. Правда, что я буду считать по-аптекарски; но ты можешь хорошо мнѣ заплатить за выстройку казармы, куда я помѣщу больныхъ.

кахъ, которое, отдавая мнѣ изволилъ сказать: — «Вотъ тебѣ письмо къ королю. Поѣзжай въ Кенигсбергъ. Король мнѣ пишетъ, что онъ сегодня туда отправляется, стало быть, ты поспѣешь къ торжеству, которое должно быть въ первыхъ числахъ Сентября ихъ стиля. Кланяйся королю. Въ разговорахъ съ королемъ, ежели будешь имѣть случай, старайся внушить ему тѣ мысли о Польшѣ, которыя мы имѣемъ. Онъ слабъ, онъ предается тѣмъ вліяніямъ, которыя его окружаютъ, и намъ не надо упускать ни одного случая, чтобы раскрывать ему истину. Однимъ словомъ, ты можешь съ нимъ говорить съ тою же откровенностію, какъ и со мною. Мы съ нимъ точно какъ братья. Faites mes excuses à la reine de ce que je n'ai pas pu la voir à mon départ; mais ajoutez que je suis toujours son constant adorateur».

— Jusqu'à quand dois-je rester à Koenigsberg?

— «Vous resterez jusqu'à ce qu'on vous renvoie*). Впрочемъ, ежели поспѣешь, то догони меня въ Динабургѣ, а въ противномъ случаѣ пришли отвѣтъ въ Петербургъ».

Потомъ Государь спросилъ: «А гдѣ полковникъ путей сообщенія? Позови его сюда». Я тотчасъ послалъ за Швиковскимъ, который ожидалъ съ утра. Планъ былъ разложенъ на столѣ, и полковникъ объяснилъ, со всею подробностью, производство работъ и удобства мѣстности, гдѣ природа все какъ нарочно устроила для соединенія двухъ рѣкъ. Во время разсказа Государь нѣсколько разъ повторялъ: «Это прекрасно, это прекрасно» и, обратясь къ фельдмаршалу, сказалъ:— «Это во всѣхъ отношеніяхъ, и въ военномъ, и въ торговомъ, будетъ весьма важное сообщеніе; генералъ Мирковичъ полагаетъ, что при ономъ Пинскъ можетъ сдѣлаться другимъ Рыбинскомъ». Фельдмаршалъ молчалъ; потому что наканунѣ, разсуждая со мною о нашихъ водяныхъ сообщеніяхъ, онъ утверждалъ, что они всѣ никуда не годятся. Государь поручилъ Швиковскому собрать всѣ мѣстныя свѣдѣнія о торговлѣ и со своими предположеніями и замѣчаніями представить ко мнѣ. Въ половинѣ перваго часа Императоръ совсѣмъ былъ готовъ ѣхать. Прощаясь со мною, изволилъ взять за руку. Наслѣдникъ подошелъ ко мнѣ, также пожалъ мнѣ руку и поручилъ кланяться принцу Карлу.

Вотъ подробное описаніе пребыванія Императора въ Брестѣ, которое для меня останется навѣкъ памятнымъ. Одному Богу, вѣдающе-

---

*) Извини меня передъ королевою, что уѣзжая не могъ я ее видѣть; но прибавь, что всегда Я постоянный ея поклонникъ. (Не задолго передъ тѣмъ Государь былъ въ Берлинѣ. П. Б.) — Сколько времени оставаться мнѣ въ Кенигсбергѣ? — Оставайся, пока тебя не отошлютъ.

му мою преданность Царю, обязанъ я за царскія милости и довѣріе ко мнѣ!»

По возращеніи своемъ изъ Кенигсберга въ Вильну Мирковичъ приступилъ къ повѣркѣ показаній, доставленныхъ слѣдственной коммиссіей по политическимъ дѣламъ.

15 Февраля 1839 г. въ Вильнѣ казненъ извѣстный эмиссаръ Канарскій, а послѣдователи его или сосланы въ Сибирь, или заключены по католическимъ монастырямъ, обращеннымъ въ тюрьмы. Къ Мирковичу поступило донесеніе президента Виленской медико-хирургической академіи д. с. с. Кучковскаго о политической неблагонадежности студентовъ академіи и о существованіи внѣ академіи тайнаго общества. Въ тоже время въ Вильнѣ назначенъ военный судъ надъ нѣкоторыми офицерами 1-го пѣхотнаго корпуса по обвиненію ихъ въ сношеніяхъ съ политическими арестантами *).

Были привезены въ Вильну два студента—Возняковскій и Рублицкій и гимназистъ Павловскій, задержанные на границѣ вблизи Юрбурга. Такъ какъ Государь находился въ то время на пути изъ Динабурга въ Остроленку, то бѣгство этихъ личностей за границу давало поводъ подозрѣвать ихъ въ злодѣйскомъ умыслѣ на жизнь Государя.

Разслѣдованіе всѣхъ этихъ дѣлъ подвигалось очень медленно, что̀ и принудило Мирковича просить военнаго министра о назначеніи предсѣдателемъ лица внушающаго довѣріе и рѣшительнаго. Предсѣдателемъ былъ присланъ полковникъ Назимовъ, впослѣдствіи столь извѣстный. Подъ его руководствомъ слѣдствіе еще болѣе запуталось показаніемъ Заливаки на эмиссара Залѣскаго, какъ на главнаго послѣдователя казненнаго Канарскаго. Этотъ Залѣскій, по словамъ Заливаки, обходилъ подъ названіемъ «коновала Карнюки» Русскія войска, квартировавшія въ Западномъ краѣ, и съ большимъ успѣхомъ склонялъ ихъ на свою сторону. Усилія слѣдственной коммиссіи найти доказательства неблагонадежности мѣстныхъ полковъ и открыть предполагаемое тайное общество въ Вильнѣ не привели ни къ чему. Назимовъ убѣдился, что, благодаря лживымъ доносамъ, слѣдствіе ведется совершенно неосновательно и никакого тайнаго заговора не существуетъ. Ѳ. Я. Мирковичъ, не довѣряя такимъ неожиданнымъ выводамъ, обратился въ Петербургъ съ просьбою о смѣщеніи Назимова и замѣнѣ его новымъ предсѣдателемъ. По выбору Государя назначенъ былъ генералъ-адъютантъ Кавелинъ, а коммиссія составлена изъ новыхъ членовъ. Даль-

*) Записки ген.-ад. Отрощенки о послѣдователяхъ Канарскаго („Русскій Архивъ" 1869 г.). Нѣсколько словъ о событіяхъ въ Вильнѣ послѣ казни эмиссара Канарскаго („Русскій Архивъ" 1870 г.).

нѣйшія слѣдствія выяснили, что показанія Заливаки совершенно лживы, такъ какъ Залѣскій все это время проживалъ въ Парижѣ и Лондонѣ и при казни Канарскаго не присутствовалъ, войска же совершенно спокойны, а тайныхъ обществъ не существовало. По окончаніи дѣлъ коммиссіи Мирковичъ послалъ Государю донесеніе, въ которомъ, отдавая должную честь дѣйствіямъ Кавелина, самъ чистосердечно сознавался въ своихъ ошибкахъ, которыя должны подорвать къ нему довѣріе Государя, и отказывался отъ занимаемой имъ должности. На этомъ донесеніи Николай Павловичъ собственноручно написалъ 6 Декабря 1841:

«Отвѣчать рескриптомъ, что въ дѣйствіяхъ генералъ-лейтенанта Мирковича я ничего виновнаго не нахожу, хотя онъ невольно вовлеченъ былъ въ тоже убѣжденіе, которое и я раздѣлялъ, отъ преступныхъ и ложныхъ дѣйствій слѣдователей, коихъ большею частію нашелъ уже занятыхъ слѣдствіемъ по распоряженію его предмѣстника. Что двукратное испрошеніе имъ назначеній предсѣдателей въ коммиссію служитъ мнѣ доказательствомъ, сколь глубоко онъ чувствовалъ необходимость узнать истину, безъ всякаго пристрастія къ происшедшему. Что я его уважаю какъ и прежде, въ доказательство чего посылаю ему табакерку съ портретомъ, въ полномъ убѣжденіи, что благородство чувствъ наставитъ его очистить край отъ такихъ лицъ, коихъ противозаконныя дѣйствія вредятъ правительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ будетъ умѣть и край содержать въ законномъ порядкѣ, попирая во̀-время всякое вредное покушеніе».

Труды по разслѣдованію Польской пропаганды не препятствовали Мирковичу дѣятельно заниматься вопросами, касающимися благоденствія ввѣреннаго ему края. Свои виды и предположенія въ дѣлѣ управленія этой частью Имперіи онъ подробно изложилъ Государю въ донесеніи, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія выдержки.

Говоря объ общественной безопасности въ наружномъ видѣ, о спокойствіи и смиреніи жителей, не могу изъяснить, что эта, такъ сказать, матеріальная сторона не можетъ служить отпечаткомъ нравственнаго положенія края и не можетъ быть принята мѣриломъ народнаго духа и общественнаго направленія умовъ. Они еще въ такомъ положеніи, что не дозволяютъ донынѣ правительству полагаться на наружныя изъявленія преданности. Туземцы вообще питаютъ къ кореннымъ Русскимъ какую-то непріязненность и неискренность расположенія. Стремленіе ихъ къ поддержанію духа въ смыслѣ Польской народности ставитъ постоянную преграду къ сліянію чувствъ и утвержденію взаимнаго довѣрія. Источникъ такого расположенія надлежитъ отнести къ эпохѣ отдаленной. Съ самаго присоединенія западныхъ губерній къ общему составу государства, основанія, на коихъ предполагалось совершить сродство двухъ Славянскихъ племенъ, измѣнялись неоднократно, и въ продолженіе 35 лѣтъ верховное правительство не слѣдо-

вало одной постоянной системѣ въ управленіи этимъ краемъ. Отторгнутые къ новому порядку вещей и къ другому бытію, Поляки, бывъ поддержаны въ мечтахъ своихъ замѣченною зыбкостью правилъ управленія, вѣровали въ возможность возстановленія своего отечества и увлекались надеждами обрѣтенія утраченной самобытности, которая ихъ плѣняла не по привязанности къ бывшему чудовищному своему управленію, но по любви къ родному краю и по народной гордости. Поколѣніе, при которомъ совершалось присоединеніе края къ Россіи, не могло быть привержено къ покорившей его державѣ и, поддержанное въ мечтахъ своихъ надеждами, оно переливало всѣ свои чувства и помышленія въ то, которое возрастало и воспитывалось. 1831 годъ долженъ былъ положить предѣлъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Съ этого времени твердость и рѣшительность принимаемыхъ мѣръ и направляемыхъ въ стройномъ единствѣ къ одной цѣли, съ одинаковымъ постоянствомъ, положили твердое основаніе къ слiянiю этого края съ Россіею. Десять лѣтъ постоянной системы дѣйствій подвинули уже Русскую народность въ сихъ губерніяхъ на полвѣка. Преобразованіе шляхетства въ однодворцы, уничтоженіе многихъ католическихъ монастырей, законъ, чтобы при бракахъ православныхъ съ иновѣрцами всѣ дѣти воспитываемы были въ Православіи, введеніе Русскаго языка въ судопроизводство и учебныя заведенія и, наконецъ, великое дѣло—присоединеніе уніи къ господствующей церкви и ниспроверженіе послѣдняго обветшалаго знамени Польской отчизны—Литовскаго Статута, останутся навсегда знаменитыми памятниками настоящаго царствованія. Всѣ сіи важныя государственныя событія, по предначертаннымъ мѣрамъ, совершены безъ нарушенія общественнаго спокойствія, безъ потрясеній, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ. Тайные и явные враги Россіи не могли быть равнодушными зрителями совершаемаго преобразованія. Убѣждаясь, что распоряженія эти ведутъ прямо къ цѣли и уничтожаютъ всѣ надежды о возстановленіи Польской народности, устрашенные мыслію, что пресѣкаются имъ всѣ пути къ отторженію этого края отъ Россіи, они съ большею яростію стали раздувать духъ ненависти къ намъ, всѣми способами, какіе только злое безсиліе можетъ породить. Дѣйствія ихъ, къ сожалѣнію, нашли сочувствіе и распространили преступное волненіе въ умахъ. Волненія эти, всегда неразлучныя съ великими народными переворотами, при твердомъ правленіи, не могутъ быть предметомъ особаго здѣсь опасенія: ибо духъ народности не въ народѣ собственно, который простъ, добръ, покоренъ и происходитъ (за исключеніемъ Самогитскихъ уѣздовъ) отъ племенъ, единокровныхъ Русскимъ, но лишь въ дворянствѣ, наводнившемъ этотъ край изъ внутри старой Польши, и въ духовенствѣ, недоброжелательствующемъ намъ и по чувствамъ, и по духу религіи. Два эти сословія совершенно управляютъ умственною волею и совѣстью народа, не имѣющаго никакого чувства самобытности и постоянно готоваго повиноваться той власти, которая его будетъ руководить. Изъ сего заключаю, что къ достиженію цѣли введенія здѣсь Русской народности нужно поставить препоны симъ двумъ противодѣйствующимъ сословіямъ ослабленіемъ нравственнаго ихъ вліянія.

Водвореніе въ западномъ краѣ, посредствомъ переселенія изъ внутреннихъ губерній коренныхъ Русскихъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, хотя и обѣщаетъ несомнительную пользу, усиленіемъ Православія и учрежденіемъ новаго движенія торговой и ремесленной промышленности, но не произведетъ существеннаго перевѣса въ дѣлѣ перерожденія мыслей и чувствъ народныхъ.

Чтобы ослабить единодушную и значительную власть дворянства и расторгнуть союзъ, католицизмомъ оное связывающій, казалось бы возможнымъ употребить тоже средство, которымъ Польша въ свое время воспользовалась, чтобы изъ западной Руси и Литвы (гдѣ Православіе было господствующею вѣрою и языкъ Русскій народнымъ) сдѣлать Польскія провинціи. Паны-пришельцы завладѣли имѣніями, заняли правительственныя мѣста и ввели свою вѣру, свой языкъ. Таже мѣра въ обратномъ дѣйствіи повела бы и нынѣ, безъ сомнѣнія, къ тѣмъ же результатамъ. При возвращеніи западнаго края России, мысль сія, вѣроятно, была въ виду правительства, ибо Русскому дворянству были розданы значительныя имѣнія; но она не принесла желанной пользы отъ того, что имѣнія тѣ безъ всякихъ обязательствъ сдѣлались удѣломъ вельможъ, которыя частію ихъ продали, а частію передали въ арендное владѣніе мѣстнымъ уроженцамъ. Во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ состоитъ казенныхъ имѣній: 430, заключающихъ въ себѣ каждое менѣе 100 душъ; 285—заключающихъ отъ 100 до 500 душъ; 77—отъ 500 до 1000 душъ и 48—свыше 1000 душъ; всего 840 имѣній, содержащихъ въ себѣ 236.767 душъ. Ежели бы эти имѣнія могли перейти во владѣніе Русскаго православнаго дворянства, на какихъ бы то ни было основаніяхъ, т.-е. частью посредствомъ продажи, частію дарственно отъ монаршихъ щедротъ, въ наслѣдственное владѣніе маіоратами, пожизненными владѣніями или на эмфеметическихъ правилахъ (подобно тому, какъ существовало при короляхъ Польскихъ) или взамѣнъ пенсій, производимыхъ изъ государственнаго казначейства и отъ Комитета 18 Августа 1814 года, съ тѣмъ, чтобы неслужащіе были обязаны непремѣнно жить сами въ имѣніяхъ, а служащіе управлять Русскими повѣренными, съ предоставленіемъ тѣмъ и другимъ общихъ правъ по выборамъ дворянства и съ обязаніемъ ихъ непремѣнно ввести коренное Русское дворовое управленіе,—то введеніе въ сей край тысячи или болѣе Русскихъ фамилій изъ числа ознаменовавшихъ себя заслугами Отечеству или запечатлѣвшихъ ранами въ бояхъ вѣрноподданическія свои чувства Престолу, непремѣнно бы произвело значительный нравственный переворотъ въ пользу правительства, основало бы Русскую народность и составило бы центръ, къ которому благомыслящіе туземные владѣльцы стали бы присоединяться. Тогда образовалась бы по всему краю сѣть наблюдателей, которые бы препятствовали всякимъ крамоламъ въ самомъ ихъ зародышѣ; тогда бы утвердилась православная наша вѣра и родной нашъ языкъ, и можно бы навѣрно ожидать, что черезъ 25 лѣтъ вся Польская національность погибла бы безвозвратно. Никакія волненія не могли бы потрясти въ общемъ составѣ этотъ край, и на самомъ опасномъ рубежѣ Имперіи положенъ бы былъ сильный оплотъ противъ всякихъ тайныхъ замы-

словъ, зловредныхъ покушеній и опаснаго вторженія въ наше Отечество вреднаго духа западной Европы.

Мысль объ утратѣ части казенныхъ доходовъ, осмѣливаюсь полагать, не можетъ войти въ перевѣсъ съ высшими политическими соображеніями, и особенно въ такомъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о государственномъ спокойствіи и вѣковомъ утвержденіи за Россіею пограничнаго края. Впрочемъ, утрата государственныхъ финансовъ въ семъ случаѣ не можетъ быть значительна, ежели владѣльцевъ казенныхъ имѣній обложить платежомъ въ казну кварты и принять въ соображеніе уменьшеніе расходовъ на управленіе государственными въ семъ краѣ имуществами, котораго кругъ дѣйствій тогда значительно ограничится.

Что же касается до Римскаго духовенства, достаточно извѣстнаго своею характеристикою, я полагаю полезнымъ, вопервыхъ, укротить его гордость лишеніемъ средства, рождающаго въ немъ это чувство, именно обладанія огромныхъ имуществъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи, съ вознагражденіемъ, до времени, тѣми доходами, которое оно само объявило; вовторыхъ, положить новое основаніе образованію его, могущему бы истребить корень фанатизма, связывающій здѣсь католическую вѣру съ Польскимъ патріотизмомъ.

Католическое духовенство, величаясь здѣсь богатствомъ, водворяетъ въ массѣ рѣшительное понятіе, что оно есть господствующее, и доколѣ вліяніе это будетъ въ настоящей силѣ, православное духовенство, находящееся въ бѣдности, никакъ не обрѣтетъ того значенія, которое оному подобаетъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ католическое духовенство лишилось огромныхъ своихъ имѣній, оно съ тѣмъ вмѣстѣ теряло политическое значеніе и вліяніе на общество. Такія дѣйствія должны произвесть и здѣсь одинакія послѣдствія. Между тѣмъ значительные остатки доходовъ отъ духовныхъ имѣній, за производствомъ католикамъ того, что̀ они объявили, открыли бы источникъ надѣлить православныхъ священниковъ соотвѣтственными ихъ званію окладами. Это непремѣнно уравновѣсило бы духовенство обоихъ вѣроисповѣданій.

Направленіе образованія католическаго духовенства я потому считаю нужнымъ измѣнить, что въ настоящее время тутъ согрѣвается и развивается чувство къ бывшему отечеству. Чувство, которое соединено съ вѣрою, бываетъ всегда сильно и, при свойственномъ сословію сему фанатизмѣ, разливается впослѣдствіи на паствы, достающіяся въ удѣлъ ксендзамъ. Разсѣянное по приходамъ Римское духовенство нѣтъ возможности слѣдить въ тѣхъ внушеніяхъ, какія оно можетъ передавать въ своихъ исповѣдяхъ и проповѣдяхъ, таинственно скрывающихъ цѣль, къ которой они стремятся. Я бы полагалъ полезнымъ, не касаясь, до времени, основаній учрежденія духовныхъ училищныхъ заведеній, отстранять изъ нихъ, по возможности, только наставниковъ мѣстныхъ уроженцевъ и замѣнять избранными изъ среды Германіи, коихъ бы образъ мыслей и правила подвергнуты были должному испытанію. Главное учебное духовное заведеніе, т. е. академію, перевести изъ Вильны во внутрь Имперіи, подъ ближайшій надзоръ высшаго правительства и приготовлять тамъ съ внимательнымъ огражденіемъ отъ вліянія пар-

тій новое поколѣніе наставниковъ сообразно духу правительства. Тогда ученіе вѣры было бы единственною цѣлью преподаванія, и всякія чувства патріотизма были бы отстранены.

15-го Мая 1845 года Государь, проѣздомъ въ Варшаву, посѣтилъ Ковно и Брестъ. Мирковичъ писалъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому:

«Во время высочайшаго Государя Императора, въ Маѣ мѣсяцѣ сего года, путешествія въ Варшаву, его Величество, прослѣдуя безостановочно черезъ г. Ковно и мостъ на Нѣманѣ, сопровождаемый полицеймейстеромъ, изволилъ перемѣнить почтовыхъ лошадей на Польскомъ берегу, гдѣ лошади были приготовлены согласно высочайшему приказанію. Ковенскій же губернаторъ, соблюдая правила, предписанныя въ циркулярахъ вашего высокопревосходительства о порядкѣ, какимъ слѣдуетъ руководиться при высочайшихъ путешествіяхъ, какъ въ 1842, такъ и въ настоящемъ 1845 году (гдѣ между прочимъ упомянуто, чтобы, согласно монаршей волѣ Государя Императора, никакихъ встрѣчъ Его Величеству какъ со стороны предводителей дворянства, такъ и отъ мѣстныхъ начальствъ не дѣлать), не ожидая у заставы города для встрѣчи Государя, находился въ готовности со всеподданнѣйшимъ рапортомъ о состояніи губерніи въ ратушномъ зданіи, гдѣ нарочито постоянно устроено и омеблировано помѣщеніе для Государя, на случай, ежели бы Его Величеству благоудно было тамъ остановиться».

«Между тѣмъ, во время высочайшаго присутствія въ Брестѣ, Его Величество, осчастлививъ меня пріемомъ, соизволилъ разспрашивать о состояніи края, а потомъ, упоминая о проѣздѣ чрезъ Ковно и о планѣ того города, присовокупилъ, что повелѣлъ полицеймейстеру передать свои приказанія относительно Нѣманской набережной гражданскому губернатору, который *не явился, хотя былъ въ городѣ*. Я осмѣлился Государю доложить, что мѣстнымъ начальникамъ объявлена монаршая воля — не утруждать Его Величество встрѣчами, почему и Ковенскій губернаторъ не могъ представиться, но ожидалъ въ ратушномъ домѣ. На это Государь Императоръ изволилъ отозваться: *«я этого никогда не запрещалъ; тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе»*.

Въ концѣ Ноября 1846 года Государь предпринялъ поѣздку въ Варшаву. Въ Ковнѣ, при наступившихъ морозахъ, мостъ на Нѣманѣ былъ уже разведенъ, такъ что Императору предстояло переѣхать рѣку по льду; но ледъ оказался недостаточно окрѣпшимъ, и коляска Государя при переѣздѣ погрузилась въ воду. Государь спасся и немедленно уѣхалъ только не въ Варшаву, а назадъ въ Петербургъ.

Въ томъ же году въ Вильнѣ открытъ театръ, гдѣ, за неимѣніемъ Русскихъ артистовъ, играли мѣстные, но на Русскомъ языкѣ. На сце-

нѣ этого театра въ то время были поставлены, между прочимъ, пьесы Полеваго: «Купецъ Иголкинъ», «Параша Сибирячка», «Солдатское сердце или бивакъ на Саволаксѣ», Пушкина: «Моцартъ и Сальери», «Скупой рыцарь», и Гоголя «Ревизоръ».

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 года Государь вновь предпринялъ поѣздку въ Варшаву. Мирковичъ для встрѣчи его отправился въ Вилькомиръ.

«Передовой фельдъегерь прибылъ на станцію въ часъ пополудни и объявилъ, что Государь изволилъ остановиться въ Динабургѣ часа на три для осмотра крѣпости и частей войскъ, тамъ расположенныхъ. Ровно въ 4 часа Государь изволилъ прибыть въ Вилькомиръ и, подъѣхавъ къ станціи, вышелъ изъ экипажа съ графомъ Орловымъ. Надо упомянуть, что при высочайшихъ путешествіяхъ строго запрещено начальствамъ безпокоить Императора представленіями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по маршруту не означено, что Государь изволитъ останавливаться. По этой причинѣ я не выходилъ встрѣчать Его Величество, а ждалъ случая увидать графа Орлова, чтобы просить его, на случай востребованія меня, доложить ему, что я нахожусь тутъ. Между тѣмъ стали вынимать изъ коляски царскіе судки съ готовымъ обѣдомъ и приготовлять столъ, а графъ Алексѣй Ѳедоровичъ все не выходилъ отъ Государя; почему я, опасаясь прогулять отъ промедленія удобный случай, попросилъ камердинера вызвать его на минуту по какому-нибудь дѣлу. Графъ тотчасъ вышелъ на другую половину и, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ съ грознымъ видомъ и сказалъ: «Помилуй, зачѣмъ ты пріѣхалъ? Развѣ ты не знаешь, что онъ терпѣть не можетъ представленій во время пути. Ради Бога, спрячься и не показывайся!» Я отвѣчалъ, что я пріѣхалъ только на случай, ежели бы угодно было Государю мнѣ дать какія личныя наставленія при настоящемъ положеніи дѣлъ края и при томъ повергнуть ему чувства благоговѣйной благодарности за пожалованную мнѣ награду. Графъ на это мнѣ возразилъ (тономъ гораздо милостивѣе прежняго): «Все лучше не показывайся; потому что я опасаюсь, чтобы ты не подвергся какому непріятному слову», и затѣмъ онъ возвратился въ покои Государя, а я пошелъ въ свою комнату. Чрезъ пять минутъ графъ пришелъ ко мнѣ, сѣлъ на диванъ и сказалъ: «Ты на меня не сердись, что я не могъ доложить о тебѣ. На Египтенской станціи Суворовъ сунулся къ нему прямо, пока перекладывали лошадей, и онъ ему сказалъ: «Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Я тебя не звалъ». Потомъ Орловъ сталъ меня разспрашивать о дѣлахъ вновь возникшаго политическаго слѣдствія въ Вильнѣ, о характерѣ открытаго заговора, о числѣ арестованныхъ лицъ и изъ какихъ сословій. Когда я удовлетворилъ всѣ его вопросы, то онъ отвѣчалъ: «Это почти тоже, что̀ и въ Петербургѣ; я такихъ господъ въ одну ночь арестовалъ

70 человѣкъ. Демократическая зараза широко распространяется, но Государь рѣшился положить тому преграду и, покоривъ вездѣ анархію, возбужденную крамолами, которыхъ слабости державъ не въ состояніи уже преодолѣть, возстановить вездѣ порядокъ и покой». Потомъ разговоръ перешелъ о движеніи войскъ. Я графу замѣтилъ, что по духу жителей края моего управленія, оный при настоящихъ обстоятельствахъ никакъ нельзя оставлять безъ войскъ, а такъ какъ и гренадерскій корпусъ переходитъ въ Царство Польское, то сдѣлано ли распоряженіе о назначеніи сюда какихъ войскъ? Онъ отвѣчалъ: «Къ тебѣ будетъ вся гвардія; въ Вильнѣ назначается штабъ 2-й дивизіи, въ Гроднѣ 3-й, а 1-й, я полагаю, будетъ въ Варшавѣ; кирасиры будутъ стоять въ Минской губерніи, одна легкая кавалерійская дивизія будетъ въ Ковенской губерніи, а другая въ Гродненской. Квартира Михайла Павловича будетъ въ Бѣлостокѣ, а Наслѣдника въ Гроднѣ. Всѣ обозы, конвой и весь домъ Государя отправляются уже въ Варшаву». Я спросилъ графа: да кто же останется въ столицѣ по выходѣ всей гвардіи? «Тамъ формируются, отвѣчалъ онъ, 12 баталіоновъ изъ гвардейскихъ безсрочныхъ и 12 баталіоновъ гренадерскихъ, что̀ съ рекрутами составитъ 24 т., и сверхъ того будетъ формироваться вся запасная для обоихъ корпусовъ кавалерія». Разговоръ нашъ былъ прерванъ моимъ Герасимомъ, который, вошедъ, сказалъ: «Ваше сіятельство, Государь изволитъ васъ ожидать кушать». Онъ вскочилъ и побѣжалъ. Вообще я былъ весьма доволенъ расположеніемъ и вниманіемъ ко мнѣ графа Алексѣя Ѳедоровича. Едва кончился столъ (продолжавшійся не болѣе четверти часа), какъ я слышу за три комнаты громогласный призывъ графа: «Ѳедоръ Яковлевичъ, Государь тебя зоветъ». Я побѣжалъ къ нему навстрѣчу, и онъ съ радостью мнѣ говоритъ: «Я рѣшится ему доложить, что ты здѣсь, и онъ отозвался»: «*Мы не намѣрены были его тревожить; но ежели онъ здѣсь, то я очень радъ его видѣть*». Однако подожди минуту: онъ пошелъ переодѣваться и какъ только онъ выйдетъ, то ты представься». Во время этого ожиданія я графу доложилъ: «Сегодня пришли въ Вилькомиръ лошади собственнаго сѣдла Государя, назначенныя въ Вильну, то прикажите ли имъ продолжать путь туда или направить ихъ въ Варшаву? Онъ отвѣчалъ: «прикажи имъ идти въ Варшаву; вѣдь у тебя въ Вильнѣ никакого сбора не будетъ». Я возразилъ: «тамъ назначенъ сборъ 7-й кавалерійской дивизіи, который не отмѣненъ, и полки уже въ движеніи на Вильну».—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я лучше спрошу Государя, и пошелъ къ нему, но возвратившись тотчасъ подошелъ ко мнѣ и обыкновеннымъ своимъ шутливымъ тономъ сказалъ въ полголоса: «il faut attendre» *).

«Минуту спустя, вошелъ камердинеръ въ залъ и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, пожалуйте къ Государю». Слава Богу, сказалъ я про себя: настала вожделѣнная, счастливая минута. Растворивъ дверь комнаты Государя, я увидѣлъ Его Величество впереди покоя въ благопріятномъ расположеніи духа, дѣлающимъ мнѣ поклонъ и съ улыбкою (столь всегда пріятною на его чертахъ) провозглашающаго: «ваше превосходительство, имѣю честь явиться не съ отпуска возвращающимся и не просрочившимъ, но какъ проѣзжій, отправляющійся на постоянное жительство». Потомъ, подавъ мнѣ руку и обнявъ меня, спросилъ: «Здоровъ ли ты, что̀ у тебя дѣлается?» Тогда я, поблагодаривъ за награду, въ сколь можно короткихъ словахъ довелъ до свѣдѣнія Государя все то, о чемъ сообщалъ графу о здѣшнихъ дѣлахъ. Государь, выслушавъ съ большимъ вниманіемъ мои слова, изволилъ сказать: «Надо поступать съ виновными со всею строгостію, которую они заслуживаютъ; я приказалъ заготовить тебѣ и Бибикову особые указы, коими вы уполномочиваетесь всѣ дѣла подобнаго рода предавать суду по полевому уголовному положенію, самимъ оныя рѣшать окончательно и приводить въ исполненіе. Фельдмаршалу теперь не до того: онъ имѣетъ много другихъ заботъ. Что̀ касается до учениковъ, кото̀рые, бывъ въ заведеніи, замѣшаны будутъ въ тѣ дѣла, то я тебѣ предоставляю право, не предавая ихъ суду, назначать наказаніе розгами въ присутствіи другихъ. Ты объяви именемъ моимъ данное тебѣ право; надо ихъ дѣйствія считать школьничьими и по-школьничьи наказывать, дабы унизить значеніе этихъ замысловъ и срамомъ ихъ унять».

«Послѣ этихъ замѣчательныхъ словъ Государь обратилъ разговоръ на общія событія Европы и упомянулъ, что, не смотря на все свое желаніе остаться въ сторонѣ, онъ нашелся вынужденнымъ принять рѣшительныя мѣры положить конецъ неистовымъ безпорядкамъ, которые угрожаютъ и ему».

«Тронутый до глубины сердца словами Императора и постигая все величіе его призванія на столь важное дѣло, я принялъ смѣлость сказать: «Мы ежедневно молимъ Бога, Государь, да укрѣпитъ Ваши силы перенести столь тяжкое бремя и такіе труды, какіе на Васъ лежатъ». «Что̀ дѣлать», отвѣчалъ Государь со вздохомъ, «это видно написано было на роду—это мой удѣлъ! 24 года несу я этотъ тяжкій трудъ и ни одного года не имѣлъ еще покоя». Послѣ нѣсколькихъ еще милостивыхъ словъ Государь изволилъ меня крѣпко обнять и простившись вышелъ садиться въ коляску. На подъѣздѣ графъ Орловъ спросилъ Его Величество приказанія, куда направить верховыхъ лошадей, и Государь

---

*) Надо ждать.

приказалъ имъ идти въ Вильну, гдѣ оставаться, пока дивизія будетъ въ сборѣ. Сѣвъ въ коляску, Государь изволилъ разспрашивать командира гусарскаго короля Виртембергскаго полка князя Вяземскаго (дожидавшагося на подъѣздѣ) о состояніи полка и движеніи дивизій, и въ продолженіе того времени еще два раза съ улыбкою изволилъ мнѣ кланяться, говоря: «прощай». Въ половинѣ пятаго коляска Государя понеслась по тракту къ Ковно».

*

Въ Январѣ 1850 года Ѳ. Я. Мирковичъ, неожиданно для себя, назначенъ членомъ совѣта и инспекторомъ военно-учебныхъ заведеній. Виною были извѣты начальника жандармовъ въ Вильнѣ графа Буксгевдена (который былъ другомъ всесильнаго тогда Дубельта) и пагубное равнодушіе Петербургскихъ властей къ дѣламъ и вопросамъ общей государственной важности: каждому вѣдомству, каждому дѣятелю только до себя и до сохраненія своего положенія и своихъ окладовъ. Ѳ. Я. Мирковичъ, высоко-образованный, опытный, безупречно-честный дѣятель, палъ жертвою происковъ Третьяго Отдѣленія, въ которомъ уже тогда свили себѣ гнѣздо разные темные люди, и которое для того воспользовалось недоразумѣніями, существовавшими между Мирковичемъ и митрополитомъ Іосифомъ. Но и сей послѣдній въ Запискахъ своихъ отзывается: «Мирковичъ былъ человѣкъ честныхъ правилъ, трудолюбивый, разсудительный». Впослѣдствіи оказывалъ Мирковичу большое уваженіе и графъ М. Н. Муравьевъ.

Въ званіи сенатора и въ должности инспектора военно-учебныхъ заведеній, неутомимый старецъ въ теченіи многихъ лѣтъ ежегодно посѣщалъ кадетскіе корпуса и велъ дневники этихъ дальнихъ объѣздовъ. Онъ побывалъ и въ Омскѣ. Общее уваженіе окружало его, но государственное поприще его уже было ограничено. Ѳ. Я. Мирковичъ скончался 6 Мая 1866 года, бодрый и дѣятельный до конца. Кого ни спросишь о немъ изъ людей, знавшихъ его или имѣвшихъ съ нимъ сношенія, всѣ и до сихъ поръ сочувственно отзываются объ этомъ поистинѣ достопамятномъ человѣкѣ. П. Б.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ І. М. ПЕНЬКОВСКОМУ.

Получивъ въ свое распоряженіе четыре собственноручныхъ письма А. С. Пушкина къ управляющему имѣніями, принадлежавшими отцу его, Сергѣю Львовичу, въ Арзамазскомъ и Сергачскомъ уѣздахъ, Іосифу Матвѣевичу Пеньковскому, и собственноручно же написанную Александромъ Сергѣевичемъ довѣренность тому же г. Пеньковскому, я списалъ съ нихъ копіи съ буквальною вѣрностью въ правописаніи и въ знакахъ препинанія.

Содержаніе писемъ и довѣренности относится до управленія дѣлами въ селѣ Болдинѣ и сельцѣ Кистеневкѣ и только слегка касается до отношеній Александра Сергѣевича къ его отцу, брату и сестрѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, письма, въ особенности послѣднее отъ 14-го Іюня 1836 года, доказываютъ, что выраженное Александромъ Сергѣевичемъ недовѣріе къ честности приглашеннаго отцемъ его въ управляющіе г-на Пеньковскаго (о чемъ упоминалось, не припомню, въ рѣчахъ ли, или въ печати, при открытіи въ Москвѣ памятника великому поэту), разсѣялось въ послѣдствіи и завершилось чистосердечнымъ сознаніемъ Александра Сергѣевича, что г. Пеньковскій попеченіями своими спасъ, если не для него, то для дѣтей его послѣдній вѣрный кусокъ хлѣба.

Довѣренность же, данная Пушкинымъ г-ну Пеньковскому, заслуживаетъ печати во первыхъ потому, что написана съ полнымъ служебнымъ титуломъ Александра Сергѣевича, что̀, какъ мнѣ помнится, не встрѣчалось въ печати, а во вторыхъ потому, что знакомитъ съ числомъ ревизскихъ душъ, принадлежавшихъ Сергѣю Львовичу въ Болдинѣ и Кистеневкѣ, и лично Александру Сергѣевичу въ Кистеневкѣ.

Къ письмамъ Александра Сергѣевича я приложилъ копію съ письма Сергѣя Львовича къ тому же г-ну Пеньковскому, указывающее запутанность Сергѣя Львовича въ денежныхъ дѣлахъ, и напоминающее о минувшемъ крѣпостномъ правѣ дворянъ, дозволявшемъ имъ распоряжаться живыми людскими душами, какъ безсловесными животными или простою вещью. Спасибо и за то, что Сергѣй Львовичъ, поздравляя свою крестницу съ подаренною ей, вмѣсто куклы, дѣвочкою „вѣрноподданною", выразилъ надежду, что она будетъ совершенно счастлива, въ чемъ и не ошибся, такъ какъ въ домѣ гг. Пеньковскихъ эта „вѣрноподданная" получила образованіе, котораго не предоставилось бы ей въ дворнѣ гг. Пушкиныхъ.

Аскалонъ Труворовъ.

1.

Батюшкѣ угодно было поручить въ полное мое распоряженіе управленіе имѣнія его. По сему утверждая довѣренность имъ данную вамъ, извѣщаю васъ, чтобы отнынѣ относились вы прямо ко мнѣ по всѣмъ дѣламъ, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мнѣ счетъ денегъ, доставленныхъ вами батюшкѣ со времени вступленія вашего во управ-

леніе, также и вами взятыхъ въ займы и на уплату долга, а за симъ и сколько въ остаткѣ непроданнаго хлѣба, несобраннаго оброка и (если случится) недоимокъ—приступить вамъ также и къ подворной описи Болдина, дабы оная къ Сентябрю мѣсяцу была готова. А. Пушкинъ.

13 Апрѣля.

Подлинникъ на листѣ почтовой бумаги, на коемъ водянымъ шрифтомъ во всю величину его изображена окружная виньетка и надпись: „А. Гончаровъ 1832". Письмо сложено пакетомъ, запечатано простымъ сургучомъ перстневою печатью съ Арабскими буквами. Съ боку пакета круглый штемпель „С. Петербургъ. Отдѣленіе. 1834. Апр.: 13". На пакетѣ адресъ: „Въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ Нижегородской губерніи въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино г-ну Пеньковскому".

2.

Получилъ я ваше письмо отъ 30 Окт. и спѣшу вамъ отвѣчать. Долгъ *мой* въ Опекунской Совѣтъ я заплачу самъ, а изъ доходовъ Болдина не должно тратить ни копѣйки. Что касается до 1270 требуемыхъ за просрочку Батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите.—Довѣренность посылаю къ вамъ на слѣдующей почтѣ. Вы хорошо сдѣлали, что до сихъ поръ не приступили къ продажѣ хлѣба. Невозможно чтобы цѣны не возвысились. Къ счастью могу еще подождать. А. П.

10 Ноября.

Подлинникъ на почтовой бумагѣ съ водяными продольными линіями, въ срединѣ листа дворянская корона съ привѣсомъ нагруднаго знака; пониже литеры „А. Г." и число „1834". Письмо было сложено пакетомъ, запечатано тою же печатью, которою было запечатано первое письмо. Имѣетъ на верхнемъ углу пакета четыреугольный почтовый штемпель киноварью: „С. Петербургъ. 12 Ноября 1834". На пакетѣ адресъ: „Въ Арзамазской уѣздъ Нижегородской губ. въ село Абрамово—оттолѣ въ село Болдино, его благородію Осипу Матвѣевичу Пеньковскому".

3.

Милостивый государь мой, Осипъ Матвѣевичъ!

По довѣренности отца моего, статскаго совѣтника Сергѣя Львовича Пушкина, имѣю я въ своемъ вѣдѣніи въ Нижегородской губерніи въ селѣ Болдинѣ по 4-й ревизіи 563 души, а въ сельцѣ Кистеневкѣ въ Сергачевскомъ уѣздѣ 274 души, да сверхъ того въ томъ же сельцѣ Кистеневкѣ 220 душъ, собственно мнѣ принадлежащихъ. По случаю пребыванія моего въ С. Петербургѣ прошу васъ оное имѣніе принять въ полное ваше распоряженіе и управленіе, и буде случатся по оному дѣла, то слѣдующія прошенія, объявленія и всякаго роду бумаги отъ имени моего, за вашимъ рукоприкладствомъ во всѣ присутственныя мѣста, также и частнымъ лицамъ, подавать. По тѣмъ дѣламъ выписки экстракты и рѣшенія выслушивать, удовольствіе или неудовольствіе подписывать, на аппелляціи въ высшія присутственныя мѣста, со взно-

сомъ аппелляцiонныхъ денегъ, подавать, крестьянъ отъ обидъ и притѣсненiй защищать, для работъ и промысловъ, по вашему разсужденiю, отпускать съ законными видами, также и дворовыхъ отпускать по паспортамъ съ наложенiемъ оброка.

При томъ имѣете вы наблюдать чтобы казенныя повинности и подати были въ свое время сполна уплачены; положенный-же съ оброчныхъ крестьянъ оброкъ получать безъ недоимокъ и ко мнѣ высылать; буде окажутся дурнаго поведенiя и вредные вотчинѣ крестьяне и дворовые люди, таковыхъ отдавать во всякое время въ зачетъ будущаго рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать безъ зачету, предварительно меня о томъ увѣдомивъ. Словомъ прошу васъ въономъ имѣнiи распоряжаться какъ бы я самъ, высылая доходы на мое имя; что-же вы къ приращенiю доходовъ и къ улучшенiю имѣнiя учините, впредъ во всемъ вамъ вѣрю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ. 20 Ноября 1834 года.

Сiя довѣренность принадлежитъ Бѣлорусскому дворянину Осипу Матвѣевичу Пеньковскому.

1834 года Ноября 22 дня сiе письмо С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1-мъ Департаментѣ Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ явилъ и объявилъ, что оное имъ собственноручно подписано и дано Бѣлорусскому дворянину Осипу Матвѣеву сыну Пеньковскому. Совѣтникъ К. . . . . *). Секретарь Протопоповъ. Коллежскiй регистраторъ Васильевъ. У сей надписи Его Императорскаго Величества сего 1-го Деп. Палаты печать. По 13 книгѣ № 346-й.

Подлинникъ на трехъ-рублевомъ гербовомъ, 1833 года, листѣ.

4.

Всѣ ваши распоряженiя и предположенiя одобряю въ полной мѣрѣ. Въ Iюнѣ думаю быть у васъ. Дѣла мои въ П. Б. приняли было худой оборотъ, но надѣюсь ихъ поправить. По условiю съ батюшкой, доходы съ Кистенева отнынѣ опредѣлены исключительно на брата Льва Сергѣевича и на сестру Ольгу Сергѣевну. Слѣдственно всѣ доходы съ моей земли отправлять, куда потребуетъ сестра или мужъ ея, Ник. Ив. Павлищевъ; а доходы съ другой половины (кромѣ процентовъ слѣдующихъ въ ломбардъ) отправлять ко Л. С. куда онъ прикажетъ. Болдино останется для Батюшки.

На дняхъ буду писать вамъ обстоятельнѣе. А. Пушкинъ.

1 Мая.

Подлинникъ на листѣ почтовой бумаги безъ водяныхъ знаковъ. Письмо было сложено пакетомъ; печать краснаго сургуча сорвана. Имѣетъ слѣдующiй адресъ: „Въ Нижегородскую губернiю въ Арзамаской уѣздъ въ село Абрамово оттуда въ с. Болдино, управителю Г. Пеньковскому“. Въ верхнемъ правому углу пакета красный штемпель почтамта: С.-Петербургъ. 3 Маiя 1835.

*) Такъ написана фамилiя, что не разберешь.

5.

Возвратясь изъ Москвы нашелъ я у себя письмо ваше. Надѣюсь что квитанція изъ Моск. Совѣта вами уже получена. Оброка прибавлять не надобно. Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то съ Богомъ. На врядъ ли это возможно будетъ.

Батюшка намѣренъ нынѣшній годъ побывать у васъ; но врядъ ли сберется. Жить-же въ Болдинѣ, вѣроятно, не согласится. Если не останется онъ въ Москвѣ, то думаю поселится въ Михайловскомъ.

Очень благодаренъ вамъ за ваши попеченія о нашемъ имѣніи. Знаю что въ прошломъ году вы остановили Батюшку въ его намѣреніи продать это имѣнія и тѣмъ лишить, если не меня, то дѣтей моихъ, послѣдняго вѣрнаго куска хлѣба. Будьте увѣрены, что я никогда этого не забуду. А. П.

14 Іюня 1836 г. Спб.

О Михайлѣ и его семьѣ буду къ вамъ писать.

Подлинникъ на полулистѣ почтовой бумаги, имѣющей, въ верхнемъ углу перегиба полулиста въ четвертку, тисненый штемпель овальной формы; въ срединѣ штемпеля буква Г подъ дворянскою короною; вокругъ, по краямъ, въ ободочкахъ надпись: „Фабрика А. Гончарова. Калужской губ. Медын. уѣз".

Письмо Сергѣя Львовича Пушкина къ I М. Пеньковскому.

Генваря 24-го 1848-го, *С.-Петербургъ.*

Любезный Іосифъ Матвѣевичъ!

Спѣшу отвѣчать вамъ на полученное мною вчера ваше письмо отъ 14-го Генваря; съ удовольствіемъ и съ благодарностію исполняю желаніе ваше о дѣвочкѣ Пелагеѣ Семеновой, которою и соглашаюсь передать вамъ въ вѣчное и потомственное владѣніе; бумагу, если какая нужна для сего, прошу васъ изготовить, какъ законы то повелѣваютъ и прислать мнѣ для подписанія—если то будетъ необходимо. Я очень всегда радъ доказать вамъ на дѣлѣ сколько я вамъ благодаренъ за ваши попеченіи обо мнѣ.

Въ прошедшую Среду я писалъ къ вамъ о взысканіи съ меня чрезъ полицію, по одной копіи съ даннаго мною заемнаго письма покойному надворному совѣтнику Василью Максимовичу Пикалову въ девяти стахъ шестидесяти рубляхъ ассигнаціями. Его нѣтъ уже на свѣтѣ болѣе четырехъ лѣтъ. Я былъ у него на похоранахъ, и съ тѣхъ поръ наслѣдники его никогда не вызывали должниковъ покойному; теперь я не знаю кто подалъ просьбу и кто требуетъ этихъ денегъ. Никакъ не могу этого добиться. Но прошу васъ однакоже, буде это требованіе дойдетъ до васъ, сію сумму заплатить, съ требованіемъ возвратить вамъ подлинное мое заемное письмо,

Сего дня почиваю вами доставленные мною (sic) четыреста рублей серебромъ, но если непремѣнно потребуютъ съ меня этотъ долгъ здѣсь и въ скорости, я долженъ буду все отдать и остаться безъ копѣйки.

Простите любезнѣйшій Іосифъ Матвѣевичъ, обнимаю мою кумушку, а крестницу поздравьте съ вѣрно-поданной. Надеюсь, что дѣвочка эта при васъ будетъ совершенно счастлива.

Всегда готовый къ услугамъ вашимъ преданный вамъ Сергѣй Пушкинъ.

Подлинникъ на листѣ почтовой бумаги, сложенной пакетомъ, запечатанный чернымъ сургучемъ, печатью съ гербомъ Пушкиныхъ. Имѣетъ адресъ: „Въ Нижегородской губерніи. Въ Арзамазъ. По Сибирскому тракту, въ село Абрамово О. Д. въ село Болдино его благородію Іосифу Матвѣевиву Пеньковскому“. На пакетѣ четыреугольный продолговатый черный штемпель: „С.-Петербургъ. Отд. 1848. Ген. 24“.

КУНО-ФИШЕРЪ О СОЧИНЕНІИ РУССКОЙ КНЯГИНИ.

Княгиня Евгенія Ѳедоровна Шаховская помѣстила во Французскомъ журналѣ „Nouvelle Revue“ очеркъ жизнеописанія царицы Евдокіи Ѳеодоровны, подъ заглавіемъ: „La Czarine divorcée“ (Разведенная Царица). Даровитая писательница (по матери своей происходящая изъ семейства Глѣбовыхъ, къ которой принадлежалъ казненный Петромъ Великимъ другъ злополучной царицы) отлично воспользовалась для статьи своей тѣми, къ сожалѣнію, немногими свѣдѣніями объ этомъ эпизодѣ нашей исторіи, которыя разсѣяны въ разныхъ Русскихъ книгахъ, и передала ихъ въ живомъ и связномъ изложеніи. Приводимъ выдержку изъ отзыва о сочиненіи княгини Шаховской патріарха Нѣмецкихъ философовъ Куно-Фишера. Отзывъ этотъ, помѣченный Ноябремъ мѣсяцемъ 1889 г. (Гейдельбергъ), составляетъ предисловіе къ Нѣмецкому переводу статьи о „Разведенной Царицѣ“.

„Нижеслѣдующіе листки передаютъ намъ съ яркою живостью и образцовою краткостью вѣрную и страшную исторію. Событія, составляющія содержаніе этой исторіи, извлечены изъ архивныхъ документовъ, но въ изложеніи ихъ нѣтъ утомительныхъ подробностей. Это образы очаровательной прелести и цѣпенящаго ужаса; это рядъ сценъ, быстро проходящихъ передъ нашими глазами и дѣйствующихъ на насъ съ такою силою, какъ будто онѣ намъ современны. Рука, умѣющая такъ тщательно собирать историческія черты и передавать ихъ въ такой художественной связи, могла бы изобразить судьбу первой супруги Петра Великаго и въ видѣ трагедіи. Судьба Евдокіи Лопухиной такъ разнообразна и страшна, муки ею испытанныя такъ продолжительны, что могутъ быть предметомъ не одной, а нѣсколькихъ трагедій. Отвергнутая державнымъ супругомъ, двадцать лѣтъ проводитъ она въ заточеніи Суздальскаго монастыря, восемь лѣтъ въ пустынныхъ и обветшалыхъ кельяхъ монастыря на Ладожскомъ озерѣ, затѣмъ въ стѣнахъ Шлиссельбургской темницы, чтобы вернуться къ престолу своего внука, которой возстановляетъ ее въ царскомъ достоинствѣ“.

КАКЪ ПИСАТЬ: КОПѢЙКА ИЛИ КОПЕЙКА.

Въ періодической печати была замѣтка на счетъ правильности правописанія, принятаго на нашихъ монетахъ, въ словѣ „копейка". При этомъ приведено мнѣніе проф. Брандта, производящаго слово копейка отъ „несуществующаго существительнаго копѣя". По мнѣнію профессора „копеекъ" съ изображеніемъ копья будто бы никогда не существовало. На это г. Соболевскій (въ Филологическомъ Вѣстникѣ) замѣтилъ, что во 2-й Новгородской лѣтописи подъ 1535 г. значится: „заповѣдалъ (запретилъ) князь великій деньгамъ ходити обрѣзаннымъ, а велѣлъ новыми деньгами торговати, съ копьемъ". Г. Соболевскій, полагаетъ что деньги эти *могли* отъ этого копья получить названіе копеекъ. Я могу утвердительно сказать, что не только могли, но получили это названіе отъ копья.

Воспитываясь въ Казанскомъ университетѣ по юридическому факультету (въ самую славную для него пору, когда факультетъ имѣлъ у себя незабвеннаго Д. И. Мейера), я писалъ диссертацію на степень кандидата: „Историческій обзоръ монетной регаліи въ Россіи". Хотя Мейеръ читалъ гражданское право, но я отъ него получилъ гораздо болѣе источниковъ и указаній, чѣмъ отъ профессора, читавшаго финансы. Такъ какъ диссертація заслужила особенныя похвалы отъ проф. Мейера, который, предлагая Совѣту возвести экстраординарнаго проф. Осокина на степень ординарнаго, указалъ на мою диссертацію какъ на результатъ успѣшнаго занятія г. Осокинымъ его предметомъ, то я, по его совѣту, хотѣлъ ее напечатать. Но М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, бывшій попечитель Петербургскаго округа и предсѣдатель Цензурнаго Комитета, извѣстилъ, что по соглашенію министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ сочиненіе мое отнесено къ числу запрещенныхъ. Это былъ одинъ изъ курьезовъ того времени. Диссертація моя могла задѣть проф. Осокина, читавшаго намъ о существованіи кожанныхъ денегъ, что̀ я отвергалъ и, какъ находили, вполнѣ основательно; но ничего, что̀ могло бы вызвать такую осторожность цензуры, она въ себѣ не заключала. Поэтому у меня нѣтъ подъ руками моей рукописи, и я не могу сослаться съ точностію на источники; но могу увѣрить въ слѣдующемъ: 1) въ собраніи Шодуара есть Русскія деньги съ изображеніемъ всадника съ копьемъ (съ изображеніемъ одного копья, разумѣется, денегъ никогда не было). Затѣмъ: или въ какой-то лѣтописи, или у Герберштейна есть положительное указаніе, что обрѣзанныя деньги были изъяты, что стали изображать на деньгахъ всадника съ копьемъ, и что съ того времени *начали тѣ деньги называться копійными.* Поэтому правильнѣе, пожалуй, произносятъ Малороссы „копійка", и, не смотря на офиціальное водвореніе въ этомъ словѣ буквы *ѣ*, я, вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, постоянно пишу: *копейка.*

И. С. Листовскій.

Зловъ.

19-го Сентября. Въ этотъ день я опредѣленъ въ вице-губернаторы въ Пензу. По тогдашнему времени это было важное событіе въ моей жизни.

Зловъ, молодой мальчикъ, обучавшійся въ Университетѣ, съ которымъ меня свелъ счастливой и памятной случай. Живучи бригадиромъ въ Москвѣ, скучая праздностью и желая получить мѣсто въ столицѣ, но не успѣвая въ моихъ исканіяхъ, рѣшился я на отважной поступокъ написать письмо прямо къ Государынѣ, и такъ какъ мой почеркъ всегда былъ очень дуренъ, надобенъ сдѣлался мнѣ хорошій переписчикъ. Набѣжалъ тогда на меня этотъ Зловъ, переписалъ, отправилъ, и письмо мое увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ: ибо я тотчасъ опредѣленъ въ вице-губернаторы въ Пензу. Такая удача заставила меня предложить мои услуги Злову. Я его подзывалъ съ собою въ службу; но онъ, имѣя уже рѣшительное пристрастіе къ театру, обратился на оной и со мной не поѣхалъ. Думаю, что онъ не ошибся въ выборѣ; ибо, вмѣсто крестовъ, чиновъ и тяжкой неволи, онъ сдѣлался отличнымъ артистомъ, титулуется придворнымъ актеромъ, публикѣ нравится, вездѣ принятъ прекрасно, денегъ имѣетъ довольно и, конечно, менѣе затрудняется въ способахъ жить во всякомъ довольствѣ, нежели многіе гг. предсѣдатели и кавалеры, которые по провинціямъ часто кушаютъ пустыя щи съ ржаными сухарями.

Зонова.

9 Октября. Екатерина Андреевна, урожденная Кашинцова (см. лит. К.). Она по смерти отца своего, моего хорошаго пріятеля въ Володимирѣ, будучи безъ мала 20 лѣтъ, разсудила, обще съ малолѣтнимъ братомъ своимъ, выбрать меня себѣ въ попечители, а ему опекуны. Я не могъ отказаться отъ такого, повидимому, лестнаго преимущества предъ всѣми ихъ родными, свидѣтельствующаго и пріязнь, и уваженіе ко мнѣ; но нравы человѣческіе не скоро развертываются, и чтó я принималъ за подвигъ душевной, изъ того открылся по времени политической разсчетъ ума и ранняго его про-

нырства. Поставимъ рядомъ взаимные наши поступки, чтобъ видѣть, въ чью пользу обратится ихъ сравненіе. Я далъ способъ ея брату подарить ей значительной денежной капиталъ независимо отъ слѣдующей ей 14-той части въ имѣніи. За ними было слишкомъ 1000 душъ и богатой кожевенной заводъ; капиталъ сей состоялъ изъ ста слишкомъ тысячъ, котораго бы она безъ содѣйствія моего получить не могла. Пробывши лѣтъ пять ихъ опекуномъ, я ни въ чемъ не стѣснилъ ея свободы и сохранилъ къ ней всѣ нѣжнѣйшія отношенія носимаго мною званія. Разсудилось ей выйти за мужъ за Зона; я ей далъ всѣ возможныя наставленія, и поелику они были безуспѣшны, то нимало не воспротивился ея супружеству. Могъ бы, имѣя четырехъ сыновей, любому приготовить ее въ невѣсты и совѣстился даже помыслить о томъ. Таковы были мои дѣйствія, какъ опекуна ея; она съ своей стороны обходилась со мной прекрасно и съ неограниченной довѣренностію. Въ одномъ случаѣ, когда мнѣ надобно было непремѣнно вносить въ казну для освобожденія погибающей подъ залогомъ моей подмосковной до 10 тысячъ, она предупредила меня и, узнавъ о моихъ хлопотахъ, ссудила меня сею суммою, не взявъ даже въ ней росписки, но скоро потомъ потребовала у меня закладной настоятельно, и я ту самую деревню, которую выкупилъ въ казнѣ ея деньгами, заложилъ ей въ оныхъ; въ подмосковной было до 50 душъ. Немного времени спустя, обстоятельства мои потребовали, чтобъ я подмосковную продалъ. Изъ первыхъ покупщиковъ явилась она, и почти помолвилъ я оную продать ей за 46 тысячъ. Срокъ закладной приближался, я долженъ былъ ей сдѣлать уступку: но какъ въ Маѣ присрочено было совершиться купчей, и задатку я не бралъ, то между тѣмъ набѣжалъ другой покупщикъ и далъ мнѣ 50 тысячъ, изъ коихъ я сумму по закладной ей тотчасъ заплатилъ и получилъ свободу совершить купчую съ другимъ. Г-жа Зонъ слишкомъ явно показала мнѣ тогда, что она хотѣла воспользоваться тѣсными моими обстоятельствами, чтобъ дешево купить хорошее имѣніе. Симъ поступкомъ помрачился прекрасной ея подвигъ при ссудѣ меня деньгами; ибо нетрудно было отгадать, что и тогдашнее ея великодушіе основано

было на дальновидномъ намѣреніи воспользоваться моей собственностію. Тогда-то разорвались всѣ наши отношенія, знакомство наше пресѣклось, и мы уже не видимся нигдѣ. Очень этого жаль, но пусть посудятъ: кто изъ насъ правъ, или виноватъ? Тамъ, гдѣ я писать стану о братѣ ея, я подробнѣе изъясню причины и интриги, по которымъ я попалъ тутъ въ опекуны; здѣсь, говоря объ ней одной, добавлю, что она, до самаго нашего разрыва, обходилась со мной какъ съ отцемъ, была учтива, ласкова, покорна, и любила сообщество всего моего семейства. Я часто гащивалъ у нихъ, они у меня; имъ я обязанъ былъ многими пріятными вечерами осенью, въ Шуйской деревнѣ, гдѣ они намъ сосѣди, и сколько мнѣ эта опека ни нанесла потомъ неудовольствій разнаго рода, я всегда съ пріятностью вспомню сельскую нашу жизнь, когда г-жа Зонъ дѣлила ее съ нами и участвовала въ нашихъ домашнихъ играхъ и театральныхъ зрѣлищахъ, къ которымъ она впрочемъ не имѣла собственной охоты, но одарена была хорошей способностію. Сими воспоминаніями прекращаются всѣ наши взаимныя связи пріязни и короткаго знакомства.

Зубовъ.

19 Марта. Василій Николаевичъ. Когда я служилъ вице-губернаторомъ въ Пензѣ, онъ былъ нѣсколько времени директоромъ экономіи и зависѣлъ отъ меня. Въ то время родной его племянникъ былъ фаворитомъ у двора. Извѣстно, что́ это названіе значило при Екатеринѣ. Зубовъ, возгордившись родствомъ и случаемъ, вздумалъ самовластвовать въ Палатѣ: онъ дѣлалъ всякой вздоръ, и я ему часто ошибалъ крылья. Не перенося того, онъ жаловался разъ и два своему племяннику, князю Зубову, наконецъ послалъ къ Императрицѣ доносъ, въ которомъ хотѣлъ доказать, что я похитилъ, обще съ Палатой, до двухъ милліоновъ казенныхъ денегъ, по винокуреннымъ заводамъ. Я въ оправданіе сего приводилъ только нѣсколько ариѳметическихъ выкладокъ, коими доказалъ, что гдѣ всего отпущено 600 тысячъ, тамъ похитить двухъ милліоновъ невозможно; сличили его доносы съ моими рапортами и скоро увидѣли, что онъ человѣкъ неугомонной и пи-

шетъ вздоръ. Фаворитъ вызвалъ дядюшку своего къ себѣ въ Питеръ и тамъ его выгналъ въ отставку; оттуда уже онъ къ намъ въ Пензу не возвращался, а доносы его брошены безъ вниманія. Трудно мнѣ было съ нимъ бороться, но болѣе скучно, и потому короткое время моего съ нимъ отношенія сдѣлалось мнѣ навсегда памятно, какъ полоса непріятная въ моей жизни.

Ивкова.

21 Іюля. Дѣвушка милая, острая, любезная, а въ добавокъ и собой пригожая, воспитана въ Смольномъ; я за ней нѣкогда волочился, а нынѣ уже не помню и имяни ея. Таковы отношенія наши въ юности и въ большомъ свѣтѣ, гдѣ все созидается на пескѣ и уносится вихремъ. Она жила въ домѣ принцессы Барятинской, подъ скромнымъ наименованіемъ барышни; богато одарена природой, замѣняла всѣ прочіе недостатки Фортуны любезнымъ обращеніемъ. Будучи коротокъ въ домѣ принцессы, по случаю забавъ и театральныхъ зрѣлищъ, я часто съ госпожей Ивковой игралъ комедіи. Ничто такъ не сближаетъ молодыхъ людей; я чуть, чуть въ нее не влюбился въ комедіи „Philosophe marié", въ которой я, по одобренію публики, игралъ удачно первую роль, т. е. самаго философа, а она мастерски мнѣ помогала въ роли субретки. Извѣстно, что подобныя роли достаются всегда самымъ острымъ и проворнымъ дѣвушкамъ. Такова точно была пригожая Ивкова. Она скоро потомъ попала замужъ, я оставилъ Петербургъ, и мы уже нигдѣ не встрѣчались; а какъ эпоха жительства моего на Невѣ есть одна изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни, то съ ней въ памяти моей всегда тѣсно связана будетъ фамилія и образъ госпожи Ивковой.

Игельстромъ.

8 Сентября. День, въ которой торжественно праздновалось при дворѣ замиреніе съ Шведами. Виновникъ онаго приходитъ прежде всѣхъ на память.

Баронъ Осипъ Андреевичъ, извѣстной генералъ Екатеринина времени. Въ Словарѣ моемъ нельзя его не помѣстить,

ибо онъ былъ начальникомъ надъ войсками, кои вели войну со Шведами въ Финляндіи въ 1790-мъ годѣ, въ которомъ и я былъ въ походѣ, слѣдовательно, находился подъ его командой. Я во все то время отличенъ былъ отъ многихъ хорошимъ его со мной обращеніемъ; при заключеніи мира, въ которомъ онъ тогда знаменито кончилъ возложенное на него дипломатическое посредничество, я нѣсколько дней прожилъ въ его лагерѣ, былъ у него всякой день и составлялъ съ прочими военную его свиту. По окончаніи войны имѣлъ случай неоднократно съ нимъ видѣться въ резиденціи, и послѣ, перемѣня службу, остался съ нимъ хорошо знакóмъ. Онъ всегда со мной обходился безъ надменности и даже очень ласково; а какъ подобные поступки не всегда бываютъ сродны большимъ господамъ, то мнѣ тѣмъ лестнѣе было искать и сохранить его благорасположеніе, которымъ я безъ чванства могъ похвалиться до самаго предѣла его жизни.

Изабе.

8 Октября. Madame Isabey, Француженка, жена наипріятнѣйшаго музыканта. Они оба жили въ домѣ князя Куракина, въ Пензенскомъ его имѣніи. Бывая часто въ гостяхъ у князя, когда я тамъ служилъ, я съ сими иностранцами познакомился. Она была женщина ловкая, пріятная и очень не дурна. У меня до сихъ поръ хранятся нѣкоторыя письма, писанныя ко мнѣ ею въ разныхъ случаяхъ во время моихъ отлучекъ. Я никогда послѣ того времени съ ней не видался, но признаюсь, что былъ къ ней неравнодушенъ; и готовъ былъ для провожденія времени, которое такъ скучно убивается въ провинціяхъ, завести съ ней интригу, но время и обстоятельства до того не допустили; я же не могъ быть всегда съ нею вмѣстѣ, а для меня разлука была мечъ-кладенецъ въ самой пылкой страсти, не только въ бѣглой фантазіи воображенія. И такъ одно имя мнѣ напоминаетъ пріятныя черты ея и милую улыбку, а мелодія, съ какой мужъ разыгрывалъ на скрипкѣ творенія Плееля, особливо фаворитной мой рондо, извѣстной тогда между нами подъ № 42-мъ, никогда не выйдетъ изъ памяти моей, и я, слышавши многихъ виртуозъ послѣ него, не умѣю ни одного сравнять съ нимъ.

Измайловъ.

29-го Іюля. Левъ Дмитріевичъ, капитанъ Семеновскаго полка, съ которымъ я въ одинхъ чинахъ, но старѣе его по списку, ходилъ въ походъ подъ Шведа. Я командовалъ 8-й, а онъ 7-й ротой; намъ почти всегда въ походѣ доводилось быть въ одномъ отрядѣ, и я съ осторожностью избѣгалъ всякой съ нимъ встрѣчи, потому что онъ былъ до бѣшенства запальчивъ и никому не хотѣлъ покориться, своевольничалъ чрезвычайно и, будучи богатъ, имѣя знатныхъ протекторовъ, не боялся никого; трудно было съ нимъ ладить. Я имѣлъ несчастіе попасть съ нимъ въ одну исторію, которой долго не забуду. Его солдаты и мои украли у Маймиста корову. Маймистъ пожаловался нашему генералу Хрущову; тотъ велѣлъ намъ хозяина удовольствовать; я съ нимъ раздѣлался порядкомъ, а Измайловъ не послушался, нагрубилъ генералу публично при всѣхъ офицерахъ и былъ арестованъ. Хотя это произошло уже послѣ сраженія, за которое онъ получилъ Георгіевской крестикъ, арестъ этотъ произвелъ много шуму; но разсказъ о семъ не принадлежитъ къ моему повѣствованію, а довольно мнѣ сказать, что чуть, чуть и я въ горячемъ движеніи за сей арестъ не подвергъ и себя оному, когда генералъ сталъ со мной бесѣдовать о семъ происшествіи. Я не былъ у него тогда, какъ онъ взялъ у Измайлова шпагу. Это происходило въ Воскресенье, во время публичнаго обѣденнаго стола въ генеральской ставкѣ. Измайловъ прискакалъ безъ памяти ко мнѣ въ палатку и, разсказавъ свое похожденіе, обѣщалъ такой же участи и мнѣ; ибо это случилось по новой жалобѣ Маймиста, все за туже несчастную корову; а такъ какъ наши солдаты вообще обвинены были въ этой шалости, то и я, казалось ему, долженъ былъ подлежать тому же штрафу. Я въ обыкновенное время явился подъ вечеръ къ Хрущову и нашелъ его очень смѣшаннымъ. Подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ: „Я, сударь, имѣлъ несчастіе сегодня арестовать гвардіи капитана“. Я, снимая свою шпагу съ крючка, отвѣчалъ: „Я думаю двухъ, ваше превосходительство“. Хрущовъ, удивясь, спросилъ меня: „Что̀ это значитъ?“ „Из-

майловъ арестованъ за корову; моц солдаты также виноваты, какъ и его, слѣдовательно и я". Хрущовъ, видя, что я въ жару, а самъ уже онъ отъ утренней сцены опамятовался, схватилъ меня за руку и отвѣчалъ: „Нѣтъ, сударь, не за корову, а за безчинное и грубое обращеніе съ начальникомъ своимъ".—„О! въ этомъ я виноватъ быть не могу" и, оставя шпагу на крючкѣ, успокоился. Такъ кончилась въ отношеніи ко мнѣ эта глупая и проклятая коровья исторія, по которой и самъ Измайловъ остался мнѣ памятенъ навсегда. Впрочемъ, я съ нимъ не имѣлъ никакой связи.

Измаилъ.

11-го Января. Дьяконъ женскаго монастыря въ Юрьевѣ и братъ родной искренняго моего друга, архіерея Евлампія (см. Евл.). У него были разныя дѣла, когда я служилъ въ Володимерѣ губернаторомъ. По связи съ братомъ его, я старался всячески о пользахъ его и навлекъ себѣ чрезъ то большія непріятности. У него были похищены деньги и послѣ подкинуты въ монастырь. По дѣлу открылось, что деньги точно его, но судьи стали дѣлать привязки и добираться, откуда онъ ихъ получилъ. Способъ пріобрѣтенія ихъ былъ, конечно, по сану его не очень чистъ, ибо ему подарила значительную сумму при смерти богатая мѣщанка, которая была съ нимъ коротка; но судьи не обязаны были судить о правѣ собственности: имъ слѣдовало разобрать, его ли точно деньги и, поступя съ похитителемъ по законамъ, похищенное возвратить. Привязался за женской монастырь къ дѣлу архіерей и, основываясь на томъ, что деньги подкинуты въ храмъ, почиталъ ихъ вкладомъ и принадлежностью церковной. Судьи въ такомъ видѣ довели дѣло до меня. Я не могъ на это согласиться и, удостовѣрясь, что деньги у дьякона покрадены, что они точно его, присуждалъ ихъ къ отдачѣ ему. Наслѣдникъ, побочной сынъ мѣщанки, сдѣлавшей сей подарокъ дьякону, вошелъ на мертвую мать въ протестъ, ябедничалъ, хлопоталъ, наконецъ отправилъ на меня язвительной доносъ въ Сенатъ. Оградившись въ отвѣтахъ моихъ отъ клеветы, я просилъ поручить разсмотрѣніе сего дѣла, производившагося уго-

ловнымъ порядкомъ, мимо меня, дабы устраниться отъ вящшихъ непріятностей. Сенатъ велѣлъ внесть приговоръ на ревизію къ вицъ-губернатору, и съ тѣхъ поръ дѣло сіе было для меня совсѣмъ стороннимъ. По времени узналъ я, что оно, при новомъ уже губернаторѣ, рѣшено и въ Сенатѣ конфирмовано, въ той самой силѣ, въ какой я предлагалъ, и деньги Измаилу отданы. Сіи непріятныя сплетни сдѣлали мнѣ имя его памятнымъ. Я, однакожъ, не измѣнилъ пріязни моей къ нему по братѣ его и старался, будучи уже въ отставкѣ, внѣ всякаго нареканія, поспѣшествовать ему во всѣхъ дѣлахъ, которыя онъ имѣлъ относительно къ преосвященному. Такъ, на пр., я созидалъ здѣсь, обще съ нимъ, надгробный памятникъ Евлампію, и поэтому также испыталъ разныя непріятныя хлопоты, будучи обязанъ дѣйствовать по довѣренности Измаила и его собственнымъ коштомъ. Я посвятилъ памяти покойнаго пастыря 4 стишка, кои нигдѣ не напечатаны, а высѣчены на камнѣ надъ гробомъ его, въ Калужскомъ соборѣ. Измаилъ же донынѣ, помня мои услуги, остался мнѣ преданъ.

Израиль.

28 Ноября. Архимандритъ Нижнеломовской, а потомъ Макарьевской, гдѣ онъ недавно скончался. Онъ родомъ былъ изъ дворянъ, по фамиліи Даниловъ, сынъ секретаря Пензенской Казенной Палаты, записанъ былъ въ гвардію, вышелъ армейскимъ офицеромъ въ отставку и, молодъ еще, пошелъ въ монахи. Онъ имѣлъ рѣдкой талантъ нравиться набожнымъ барынямъ, отличая тѣхъ изъ нихъ, которыя были помоложе и съ состояніемъ, и талантъ сей, кажется, воздѣлывалъ тщательно. Многими пожертвованіями, кои дѣлались ему, въ честь его смиренію, онъ украшалъ тѣ обители, коими проходилъ до архимандричьей митры; нахлобуча ее, скоро получилъ и орденъ Св. Анны 2-й степени, былъ духовникомъ знаменитаго вельможи князя Куракина и его предстательствомъ поставленъ на виду Синода. Вотъ что́ такое былъ Израиль! Я съ нимъ сошелся знакомствомъ въ Пензѣ, когда онъ былъ еще простымъ монахо́мъ въ глухой пустынѣ; будучи вице-губернаторомъ, я имѣлъ случай быть ему полезнымъ, и потому мы, сдѣлавшись тамъ пріятелями, остались таковыми

до послѣднихъ дней его жизни. Еслибъ я говорилъ не о монахѣ, то много бы привелъ себѣ на память пріятныхъ вечеровъ, лакомыхъ обѣдовъ и занимательныхъ посидѣлокъ, которыя раздѣлялъ я съ нимъ тамъ и сямъ въ Пензенской губерніи, гдѣ онъ, между прочимъ, постригалъ Новикову прекрасную въ монахини, а я въ тотъ же день сочинялъ лирическую пѣснь въ память ея самоотверженію; но какъ Израиль уже умеръ, то древняя пословица: „de mortuis aut bene, aut nihil“, заставляетъ меня съ умиленіемъ пожелать ему вѣчнаго блаженства. Миръ его праху!

Ильинъ.

29 Января. Василій Ѳедоровичъ. Генералъ-маіоръ артиллерійской, другъ и наперсникъ графа Аракчеева. человѣкъ самой для меня ненавистной. Онъ хотѣлъ, не знавши меня, сдѣлаться моимъ злодѣемъ и успѣлъ въ томъ совершенно. Во время послѣднихъ и сильныхъ моихъ невзгодъ въ губернаторскомъ званіи, ему поручено было отъ Государя изслѣдовать мое управленіе по доносу вицъ-губернатора (см. Дюнантъ). Я не знаю, чего онъ не выискивалъ. чтобъ погубить меня. Слѣдствіе его обратилось въ настоящую инквизицію. Не могъ онъ найти на мнѣ никакихъ ужасныхъ пятенъ; но все, въ чемъ, какъ человѣкъ, по неосмотрительности могъ быть обвиняемъ не за свои, а за подчиненныхъ моихъ, поступки, онъ все представилъ въ самыхъ черныхъ краскахъ Государю и былъ главнымъ виновникомъ моей безвременной и уничижительной отставки. Желалъ бы забыть объ немъ, но никакъ не могу, а простить его, послѣ всего того зла, какое онъ сдѣлалъ мнѣ. чувствую, что никакой христіанской героизмъ не сотворитъ меня способнымъ. Довольно сказано, чтобъ показать читателю, сколь омерзительна мнѣ память его.

Іосифъ (Фалькенштейнъ).

6 Ноября. Подъ симъ названіемъ, съ титуломъ графа, путешествовалъ императоръ Іосифъ и былъ въ Москвѣ. Я никогда незабуду времени, столь лестнаго и пріятнаго для всего нашего дома. Вопервыхъ, я имѣлъ счастіе производить при

немъ одинъ физической опытъ на лекціи профессора Роста и благосклонно имъ привѣтствованъ. Мнѣ велѣно было показать на воздушной машинѣ силу воздуха и давленія его на гладкую поверхность стекла; я подошелъ къ насосу, самъ дѣйствовалъ, опытъ удался. Императоръ подозвалъ меня къ себѣ и просилъ изъяснить ему по-латыни, отъ чего произошелъ видимой феноменъ? Отвѣтомъ моимъ онъ совершенно удовлетворился. Сверхъ того, одна изъ сестеръ моихъ, будучи пригожа собой, обратила на себя его взоры въ публикѣ, и онъ на балахъ, примѣтя ее, хотѣлъ, чтобъ она танцовала, смотрѣлъ на нее съ благоволеніемъ и ободрялъ ее похвалами. Вниманіе такого знаменитаго путешественника къ дѣвушкѣ, едва вышедшей изъ ребячества, не можетъ не оставить сильнаго впечатлѣнія, и я сохраню его во всю жизнь мою.

Итальянецъ.

26-го Марта. Maestro, учитель Итальянскаго языка. Я такъ привыкъ его называть и никогда не справлялся о настоящемъ его имени. О! мнѣ всегда пріятно будетъ его вспомнить. Я былъ офицеръ гвардіи и жилъ нѣкоторое время въ отпуску въ Москвѣ у матушки. Будучи влюбленъ въ одну ближайшую родственницу, я нанялъ этого иностранца обучать меня по-итальянски, потому что онъ и ей давалъ уроки. Разумѣется, что я худо учился, но мать моя хорошо ему платила, а онъ, безсовѣстной, сдѣлался между мной и моей любезной самымъ вѣрнымъ и постояннымъ Меркуріемъ: онъ носилъ ко мнѣ отъ нея цыдулочки и мои записки передавалъ ей. Какой скромной и легкой способъ переписываться и вести романъ! Тѣ часы, въ которые я будто обучался грамматикѣ Итальянской, были наипріятнѣйшими въ моей жизни. Я предпочиталъ своего учителя и синтаксисъ Итальянскаго языка всѣмъ собраніямъ и баламъ въ городѣ. Матушка и сестры дивились такой склонности моей къ Метастазію. Сколько было поклеповъ на него, Аріоста и Тасса и прочихъ пѣвцовъ древней Италіи! Мѣсяца четыре продолжался мой отпускъ, и столько же моя школа. Кончилось дѣло тѣмъ, что я ни одного слова не умѣлъ выговорить по-италіянски. Всѣ дома и на сторонѣ

дивились, какимъ образомъ я, знавши хорошо Латинской и Французской языки, не могъ выучиться совершенно по итальянски. Для меня для одного тутъ не было загадки. Maestro Italiano не желалъ мною похвастаться: его практика настоящая была прибыльнѣе вокабуловъ, и онъ благополучно бралъ деньги даромъ, которыя матушка изволила съ добродушіемъ ему платить, тогда какъ я и не краснѣлъ отъ этой шалости. Молодость несетъ въ себѣ сѣмя всякаго разврата. Счастливъ, кто рано опомнится. Благодарю Бога, Онъ и меня привелъ скоро очнуться и покаяться въ дурачествахъ моей юности. Я, признаться, люблю иногда и теперь вспомнить Итальянскіе уроки. Сколько они мнѣ доставили сладкихъ сердечныхъ біеній! А въ этомъ родѣ, какъ и во всякомъ другомъ. что́ взято, то и свято.

Каковинская.

19-го Августа. Настасья Николаевна. Нынѣ она старушка Хитрова, и дочь ея уже въ лѣтахъ, замужемъ за княземъ Урусовымъ. Я вспомнить долженъ ея молодость, когда она еще жила въ родительскомъ домѣ и была пригожая дѣвушка. Тогда я былъ гвардіи офицеръ и, наѣзжая въ отпускъ въ Москву, преимущественно строилъ ей куры, танцовывалъ съ ней чаще всѣхъ въ Благородномъ Собраніи (которое называлось еще просто клобомъ) и въ редутѣ при театрѣ. Всякой пріѣздъ мой на родину ознаменованъ былъ новымъ волокитствомъ и новой героиней. Сколько я нашептывалъ ей сладостей въ кругломъ польскомъ, которой, кажется, выдуманъ былъ для интригъ. Онъ продолжался по нѣскольку часовъ; всѣ, въ свою очередь, отдѣлавъ, по условію, фигуру, стояли на своихъ мѣстахъ, и каждая пара о чемъ нибудь перебивала; разумѣется, что разговоры такіе были не философскіе: тутъ скромная и благородная любовь искала торжества чувствительнаго и нѣжнаго. Каковинская была молода, хороша, я молодъ и влюбчивъ: можно себѣ представить, что мнѣ и теперь, обративши взоръ на сіи прошедшіе годы, пріятно вспомнить тѣ удовольствія, которыми я, въ отношеніи къ ней, наслаждался. Въ память ихъ вношу сюда ея имя и строчки сіи тому вѣку посвящаю.

Калерджи.

4-го Февраля. Не могу не смѣяться, когда произношу имя этого Грека. Онъ учился въ одно время со мною въ Университетѣ; мы оба были еще мальчиками. Къ родителямъ моимъ ѣзжала очень часто преуважительная и пожилая фрейлина, княжна Куракина, у которой воспитывалась пригоженькая сирота, вывезенная изъ Бендеръ. Княжнѣ вздумалось обучать ее многому, особенно языкамъ иностраннымъ, и она изволила поручить мнѣ пріискать для Французскихъ уроковъ студента изъ Университета. Я представилъ ей Калерджи; она его приняла. Учится Турчанка мѣсяцъ, два и три; княжна отмѣнно довольна и ученицею, и учителемъ. Какъ-то разсудилось ей поэкзаменовать свою фаворитку, и та откровенно ей призналась, что Калерджи выучилъ ее только различать, что́ такое le genre masculin et le genre feminin. Смекнула княжна, что это познаніе можетъ имѣть незабавныя послѣдствія на практикѣ, и сбыли моего товарища со двора. Съ тѣхъ поръ, всякой разъ княжна, посѣщая насъ, обращалась ко мнѣ съ негодованіемъ за худаго учителя, и чѣмъ болѣе она изъявляла досады, тѣмъ тверже врѣзывалось въ память мою неудачное поясненіе мужескаго и женскаго рода, изъ котораго повѣса Калерджи хотѣлъ, какъ кажется, составить полный учебный курсъ для юной и невинной музульманки. Не знаю даже, не поздно ли княжна хватилась экзаменовать свою питомку. Чѣмъ же я виноватъ? На грѣхъ мастера нѣтъ.

Капелева

6-го Апрѣля. Катерина Ивановна, вдова штабъ-лѣкаря, служившаго въ Володимерѣ. Женщина добрая и хорошая наша пріятельница. Она оказала мнѣ услугу, которая потому только заслуживаетъ воспоминаніе, что не всякая бы дама свѣтская охотно на нее вызвалась. Одинъ иностранецъ взялся съ меня живаго снять алебастровой слѣпокъ; я на сіе рѣшился, выдержалъ сей трудной опытъ, и лицо мое выразилось въ гипсѣ самымъ сходнымъ образомъ. Къ головѣ по-

томъ придѣлали руки и всего человѣка, и я увидѣлъ статую во весь ростъ, столь похожую на себя, что многіе издали принимали куклу за самаго меня (по счастію, что не меня самаго за нее), особенно при огнѣ. При отдѣлкѣ сего истукана главное затрудненіе состояло въ волосахъ. Гдѣ отыскать такого цвѣта, какъ мои? Къ искусству прибѣгнуть здѣсь было безполезно, надобна натура. У госпожи Капелевой оказались волосы точно такіе же, какъ мои; художникъ ей объ этомъ сообщилъ, и она, нимало не задумываясь, отрѣзала весь свой шиньонъ и принесла его въ жертву моему кумиру, который отъ того получилъ совершеніе полнаго сходства со мною.

Караваева.

23-го Іюня. Имянины жены моей. Въ этотъ день мнѣ всего пріятнѣе вспомнить удовольствія, коими я, вмѣстѣ съ нею, наслаждался въ имѣньи сестры ея родной, Варвары Алексѣевны Караваевой: женщина веселая и пріятная. Во время моей службы въ Володимерѣ, я посѣщалъ ее очень часто въ ея деревнѣ, она въ ней живала каждое лѣто, въ 50-ти верстахъ отъ города. Путь недальной! Окружена большимъ и богатымъ сосѣдствомъ, сама, доколѣ не разстроилась, пользовалась хорошимъ состояніемъ и, имѣя одну только дочь, не щадила своего имѣнія, любила роскошь, людей и все, что́ весело. За то у нея въ Митинѣ нехотя, бывало, проживешь лишніе сутки, всегда компанія и очень часто пиры. Я описалъ одинъ изъ вечернихъ ея праздниковъ въ стихахъ моихъ; они напечатаны подъ именемъ деревни ея „Митино“. Я никогда не забуду прелестнаго этого мѣста, этого убѣжища, которымъ такъ сильно восхищался. Какой тамъ прекрасной былъ садъ, виды, рощи, на каждомъ шагу разновидныя бесѣдки, и скромные уюты для двухъ-трехъ, и для общей круговеньки. Тамъ я въ саду, нерѣдко по цѣлому утру, занимался философскими занятіями, читывалъ, ходя взадъ да впередъ по широкимъ аллеямъ, уединенъ отъ хозяевъ и гостей, мечталъ на краткихъ роздыхахъ, сидя подъ вѣтвистыми дубами или, спрятавшись въ прозрачную бесѣдку, за простымъ столомъ писывалъ стихи, изъ коихъ мно-

гіе произведены въ семъ очаровательномъ для меня мѣстѣ. Свиданія мои съ настоящей женой усугубляли прелести тамошней жизни: я за ней волочился, влюблялся въ нее и тамъ рѣшился на супружество съ ней. О, я никогда, никогда, Митина не забуду! Изъ всѣхъ сельскихъ убѣжищъ, какія я знаю, ни одно мнѣ такъ не нравилось, какъ садъ и помѣстье Варвары Алексѣевны, и признаюсь, что, по близкому сходству нашихъ характеровъ въ отношеніи къ роскоши и забавамъ, я изъ родственницъ жены моей ни къ кому такъ охотно не влекусь, какъ къ ней.

„О роскошь, милой врагъ моральнаго добра!
Хоть разумъ иногда велитъ съ тобой браниться,
Но въ сердце наше такъ умѣешь ты вселиться,
Что силъ не достаетъ согнать тебя съ двора."

Любовь, роскошь и веселье! Вотъ три талисмана, которые меня приковывали къ Митину и, по вліянію ихъ на меня, сдѣлали мнѣ мѣсто это на вѣки памятнымъ.

Карамзинъ.

11-го Декабря. Николай Михайловичъ, Россійской исторіографъ. Не имѣя съ нимъ ни связи, ни близкаго знакомства хотя по временамъ мнѣ случалось бывать съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же домахъ въ частомъ обращеніи, какъ, напримѣръ, у княгини Гагариной, послѣ Кологривой, и у княжны Натальи Сергѣевны Долгорукой, упоминаю здѣсь объ немъ только потому, что я случайно имѣлъ съ нимъ переписку о гробахъ великихъ князей, погребенныхъ въ разныхъ церквахъ и обителяхъ Владимирскихъ. О свѣдѣніяхъ, какія я могъ ему доставить, онъ разсудилъ упомянуть въ примѣчаніяхъ на свою исторію. Тамъ же, говоря о Кіевѣ, онъ приводитъ на мысль читателю бабку мою, схимонахиню Нектарію, и по симъ строчкамъ, касающимся до меня въ знаменитомъ его твореніи, я внесъ имя его въ сей домашній памятникъ.

Карякина.

26-го Августа. День имянинъ меньшой дочери моей, которую я потерялъ на 20-мъ году ея жизни. Не неприличнымъ считаю подъ симъ числомъ выставить имя дѣвушки, совсѣмъ намъ посторонней, оказавшей дочери моей разныя пріятныя услуги, безъ всякаго инаго за нихъ вознагражденія, кромѣ ласки нашей, которой статья сія назначена быть новымъ свидѣтельствомъ.

Она живетъ донынѣ въ домѣ князя Юрія Владимировича, при княгинѣ Горчаковой и, не имѣя никакого сама по себѣ состоянія, пользуется ея содержаніемъ. Я воспоминаю въ ней хорошую пріятельницу меньшей моей дочери. Она занималась часто ея нарядами и разными бездѣлками вкуса, когда та выѣзжать начинала въ большой свѣтъ; оплакала потомъ смерть ея живѣйшими слезами, и я на память подарилъ ей кораллы меньшей моей дочери, которыхъ Карякина не снимаетъ, воспоминая ежедневно милую мою Евгешу; а я не забуду никогда и той, которая столь многими по возрасту ея услугами старалась изъ одной чистой пріязни угождать ей и тѣмъ купила мое сердце.

Кашинцовъ.

20-го Мая. Андрей Никаноровичъ, отставной коллежскій ассесоръ. Я познакомился съ нимъ въ Володимерѣ; насъ свелъ самой нечаянной случай. Онъ былъ ненавидимъ своей женой: та его обобрала, бросила и бѣжала изъ дома; онъ завелъ съ ней процессъ, для котораго я былъ ему нуженъ. Я съ нимъ ознакомился, принялъ участіе въ непріятномъ его положеніи и всѣми средствами старался быть ему полезнымъ, сколько могъ. Усердіе мое вознаграждено было полной его ко мнѣ довѣренностью. Будучи богатъ, но скупъ и своеволенъ, слѣдовательно утѣсняемъ часто алчностью судей и завистью сосѣдей, онъ часто имѣлъ ко мнѣ прибѣжище, и я въ законныхъ требованіяхъ его не выдавалъ. Нѣкоторые изъ его поселянъ вздумали бунтовать и отложиться отъ него: я дѣятельно за

него вступился, и въ слѣдствіе двухъ имянныхъ указовъ, на мое лицо состоявшихся, которые не совсѣмъ были полезны помѣщику, умѣлъ дать такой оборотъ его дѣлу и такъ сильно поддержалъ помѣстное его право, что мужики усмирились и перестали его тревожить. Это мнѣ стоило большихъ и непріятныхъ хлопотъ; между тѣмъ дѣти его росли и были свидѣтелями всѣхъ моихъ поступковъ: сына я записалъ въ гражданскую службу, причислилъ къ своей канцеляріи и доставилъ ему офицерской чинъ. Таковы были мои заслуги ихъ семейству; оставилъ я губернію, принялъ ее родной братъ жены Кашинцова, помянутой бѣглянки, и скоро потомъ старикъ умеръ. Губернаторъ, будучи дядя сиротъ его, взялся за нихъ и за имѣнье, выписалъ сестру свою, ихъ мать, и хотѣлъ, введя ее во всѣ права, уничтожить начатое мужемъ противъ нея уголовное дѣло. Дочь была уже не ребенокъ, а сынъ еще юнъ возрастомъ и умомъ. Собственной ихъ человѣкъ, весьма проворной, управлялъ ихъ имѣніемъ и пользовался всегда неограниченной довѣренностью ихъ отца. Онъ тотчасъ смекнулъ дѣломъ, замѣтилъ, что Супоневъ, дядя малолѣтныхъ, пожертвуетъ всѣми ихъ выгодами пользамъ сестры своей, которая имѣла другихъ дѣтей отъ соблазнительнаго сожитія съ постороннимъ человѣкомъ, увидѣлъ необходимую нужду поставить противъ дяди такое лицо, которое могло бы съ нимъ спорить. На сей конецъ онъ настроилъ малолѣтныхъ избрать меня сперва въ попечители, а потомъ и въ опекуны. Дѣти прислали ко мнѣ съ эстафетой трогательнѣйшее письмо. Я проникъ хитрую политику ихъ служителя и готовъ былъ отказаться, но домашнія мои, внявъ однимъ чувствамъ состраданія къ сиротамъ, убѣдили меня взять дѣло ихъ въ свое покровительство. Я согласился, а Супоневъ тотчасъ отъ нихъ отсталъ и сдѣлался имъ изъ роднаго чужимъ. О дочери говорено подъ нынѣшнимъ замужнымъ ея прозваніемъ, а сынъ Николаша, подъ надзоромъ моимъ жилъ, учился и продолжалъ службу въ Москвѣ при Сенатѣ. Въ юности онъ казался очень тихъ и скроменъ, никакихъ страстей въ немъ не было примѣтно; но какъ развернулся усъ, то и нравъ началъ развертываться: онъ оказался лукавъ и своеобычливъ. Приспѣлъ срокъ его совершен-

нолѣтію законному; онъ захотѣлъ скорѣй вступить въ свои права и для этого не нашелъ лучшихъ средствъ, какъ жениться на комъ бы то ни было. Разъ онъ мнѣ въ своемъ выборѣ открылся, я его не апробовалъ, и онъ, помолвя тихонько, невѣсту обманулъ. Но въ Москвѣ скоро провѣдали, что онъ имѣетъ хорошее состояніе, уловили его въ одномъ домѣ и при многихъ свидѣтеляхъ помолвили. О семъ новомъ замыслѣ онъ мнѣ ни слова не сказалъ и поступилъ весьма коварно. Я свѣдалъ, что онъ помолвленъ по разосланнымъ карточкамъ въ городѣ съ невѣстиной стороны; а какъ онъ еще былъ въ опекѣ, и я формально отъ оной не уволенъ, то сей поступокъ меня тронулъ. Я не хотѣлъ быть далѣе посмѣшищемъ такого мальчишки, разорвалъ съ нимъ всякое знакомство и съ тѣхъ поръ пересталъ принимать его къ себѣ въ домъ. Многіе въ городѣ думали, что я разсердился за то, что хотѣлъ упрочить его любой изъ дочерей моихъ; но онъ, будучи 19 лѣтъ невступно, не годился въ мужья ни той, ни другой, какъ сущій ребенокъ; да когда бы я имѣлъ правила способныя на такую затѣю, то могъ бы точно также украдкой помолвить его на дочери моей, какъ съ нимъ случилось нынѣ. Впрочемъ, что́ мнѣ за нужды до публики? Она можетъ болтать на досугѣ, что́ ей вздумается: молва никогда не была и не будетъ масштабомъ моихъ поступковъ. Коротко сказать, я съ семействомъ Кашинцова разорвалъ всѣ мои отношенія и, проѣзжая недавно въ послѣдній разъ въ Шуйское его имѣніе, въ которомъ такъ много дней проводилъ веселыхъ прежде, чтобъ приготовить все имущество къ сдачѣ и положить конецъ опекѣ, я поклонился гробу стараго моего пріятеля, ихъ отца, на которомъ гробѣ, въ воспоминаніе связи его со мной, высѣчены сочиненные мной четыре стишка; а затѣмъ затворились для меня навсегда широкіе ворота села ихъ Юрчакова, до котораго мнѣ уже болѣе нѣтъ дѣла, равно какъ и до помѣщиковъ ихъ.

Киріяковъ.

16 Апрѣля. Помня ежеминутно то ужасное утро, въ которое сего числа причастили въ послѣдній разъ отчаянно больную жену мою, я собираю въ мысляхъ моихъ всѣ тѣ

лица, кои въ меньшемъ степени, чѣмъ я, но были къ ней привязаны, и посвящаю сегодняшную статью памяти покойнаго Киріяка.

Тимоѳей Прокофьевичъ, ученой человѣкъ, принадлежавшій Смольному монастырю, гдѣ онъ былъ инспекторомъ надъ классами, когда я служилъ въ гвардіи. Знакомство мое съ нимъ началось тогда, когда я сталъ искать руки дѣвицы Смирной. Воспитана бывъ въ монастырѣ, она у него обучалась разнымъ наукамъ. Онъ былъ предобрѣйшій человѣкъ, характеристики самой кроткой и чувствительной. Мы съ нимъ скоро подружились, а какъ я женился, то у насъ завелась съ нимъ переписка и продолжалась до конца его жизни: онъ меня любилъ искренно по женѣ, къ которой былъ отлично привязанъ. Я многими пользовался отъ него наставленіями въ молодости: онъ былъ гораздо старѣе меня, слѣдовательно опытнѣе и благоразумнѣе. Кромѣ совѣтовъ, онъ мнѣ оказывалъ и услуги, исправляя всѣ коммиссіи наши въ Питерѣ, какими бы мы его ни обременяли, живучи сами въ Пензѣ. Важнѣйшій залогъ его къ намъ дружбы состоялъ въ томъ, что онъ, въ суровое царствованіе императора Павла, при самомъ началѣ, призрѣлъ моего брата, Богданова, Григорья Михайловича. Сей мальчикъ, записанной, по примѣру многихъ, въ унтеръ-офицеры въ конной полкъ гвардіи и, проживая у меня въ домѣ въ Пензѣ, былъ, какъ и всѣ однолѣтки его, выключенъ изъ списковъ, въ предупрежденіе чего, пока срокъ данной на явку малолѣтнымъ не истекъ, я его снарядилъ и отправилъ прямо на руки къ доброму Киріякову. Онъ далъ ему убѣжище у себя, смотрѣлъ за нимъ, доучивалъ, воспитывалъ и сдѣлался по симъ трудамъ его благодѣтелемъ; ибо какъ иначе назвать человѣка, подобныя услуги оказывающаго безъ всякихъ видовъ корысти? Ничто не возмущало нашей пріязни, она черезъ нѣсколько лѣтъ сохранилась неприкосновенною. Наконецъ, доброй мой Киріяковъ умеръ, и мы съ женой искренно объ немъ потужили. И донынѣ вспоминаю его съ живѣйшимъ соболѣзнованіемъ. Рано постигла его смерть: онъ могъ еще жить, и долго жить съ пользою, по званію своему для юношества. Слабое здоровье и дѣятельные труды сократили дни его прежде старости. Изъ

всей его со мной переписки я храню, какъ драгоцѣнность, понынѣ пространное и піитическое описаніе праздника, которой Потемкинъ давалъ въ Таврическомъ дворцѣ Екатеринѣ, и другое письмо извѣстительное о ея кончинѣ; а паче и съ особеннымъ уваженіемъ берегу послѣднее письмо, писанное имъ ко мнѣ за нѣсколько дней до его смерти, въ которомъ онъ съ нами прощается на вѣки. Въ этомъ письмѣ видны мужественной духъ его, вѣра твердая, постоянство въ чувствахъ сердца и философскія понятія о бренности жизни; самое истощаніе физическихъ силъ и страдальческой недугъ не помѣшали ему заниматься нами и писать къ намъ. Онъ насъ помнилъ до послѣдняго издыханія, и мнѣ ль его забыть, пока мое еще не изчезло?

Клаверъ.

23 Мая. Въ этотъ день отецъ мой покойной бывалъ имянинникъ; въ честь оному вспомню врача, которой, во все пребываніе наше въ Петербургѣ, былъ такъ полезенъ намъ обоимъ искусствомъ и пріязнью.

Богданъ Ивановичъ, артилерійской престарѣлой лѣкарь, которой пользовалъ отца моего, когда онъ жилъ въ Петербургѣ, и я, пріѣхавши туда служить въ гвардію, попалъ на его руки. Доброй, искусной и прилежной врачъ. Я съ малолѣтства былъ золотушенъ, и передъ тѣмъ, какъ минуло мнѣ 20 лѣтъ, сдѣлались у меня подъ мышкой большіе нарывы. Батюшка поручилъ меня попеченію Клавера и далъ ему полную волю надъ моимъ тѣломъ. Лѣкарь сей, желая радикально свободить меня отъ золотушныхъ припадковъ, коимъ я въ разныхъ видахъ ежегодно бывалъ подверженъ, пользовалъ меня мѣсяца четыре: по мѣрѣ какъ одинъ нарывъ созрѣетъ, онъ его разрѣжетъ и допуститъ другой. Три или четыре подобныя операціи принужденъ я былъ выдержать, и наконецъ онъ меня совершенно вылѣчилъ. Съ тѣхъ поръ во всю жизнь свою я не страдалъ отъ наружной золотухи, и какъ мнѣ ни тяжело было вынести столь строгой карантинъ, а при томъ и строжайшую діэту (ибо мнѣ, кромѣ молочнаго, ничего почти не давали, гдѣ же? въ Петербургѣ, и служа въ гвардіи), однако польза, которую мнѣ принесло въ

послѣдствіи искусное сіе врачеваніе, дала г-ну Клаверу право жить всегда въ памяти моей, въ числѣ тѣхъ людей, о коихъ мнѣ пріятно вспомнить.

Классонъ.

9-го Августа. Иванъ Николаевичъ, иностраннаго племени Россійской уроженецъ. Я его началъ знать будучи еще мальчикомъ, когда уже онъ служилъ при родномъ дядѣ моемъ, Ржевскомъ, старшимъ адъютантомъ. Онъ часто посѣщалъ нашъ домъ, по смерти дяди остался домоправителемъ вдовы его, а моей родной тетки, и вышелъ въ отставку майоромъ. Скончалась и тетушка. Тогда онъ переѣхалъ къ намъ и такъ полюбилъ наше семейство, что въ немъ остался навсегда. Онъ еще и теперь живъ, и вотъ уже 30 лѣтъ, какъ не разстается съ нами. Человѣкъ отмѣнно къ намъ привязанной, сердца наидобрѣйшаго, честности неповреждаемой никакими искушеніями; теперь онъ составляетъ всю почти мою домашнюю бесѣду. Онъ во всѣхъ нашихъ событіяхъ первой и ближайшій участникъ; услугъ его, оказанныхъ дому, пересчитать невозможно; всегда готовъ трудами своими всякое порученіе исполнить. Мы съ нимъ часто политикуемъ и состязаемся о правительствѣ, комерціи и законѣ, и часто ни въ чемъ не соглашаемся; но это не мѣшаетъ мнѣ его, а ему меня, любить: потому что мы, хотя розно видимъ вещи, но всегда ощущаемъ одни и тѣже чувствованія терпимости, кротости и добра, а сего довольно для мирнаго сожитія людей между собою. Дай Богъ, чтобъ это такъ продлилось до послѣднихъ нашихъ дней, чего я и надѣюсь несомнѣнно. Я упоминалъ о немъ въ нѣкоторыхъ моихъ стихотворныхъ посланіяхъ; есть даже въ печати одно и на его имя, на счетъ Французской поварни, писанное тогда, какъ мы оба еще любили угождать чреву. И такъ публика, читавшая мои книги, знаетъ, что подъ именемъ Классона разумѣется хорошій мой пріятель.

Климовъ.

13-го Февраля. Не помню уже, какъ его зовутъ, но вѣчно не забуду превосходнаго его поступка. Путешествіе мое въ Одессу написано. Тамъ цѣлая глава посвящена ему, и онъ

пространное мѣсто занялъ въ этой рукописи; здѣсь помѣщу случай нашего другъ къ другу отношенія. Онъ былъ чиномъ не больше, какъ отставной губернской регистраторъ, слѣдовательно и не офицеръ; въ Одессѣ занимался управленіемъ Провіянтской Конторы знаменитаго Еврея Перетца и жилъ въ Николаевѣ. Путешествуя въ ту сторону, я нечаянно остановился на его квартирѣ и прожилъ у него съ недѣлю. Я адресованъ былъ къ другому повѣренному Перетца, а попалъ къ этому. Климовъ принялъ меня съ женой и съ нашей компаніей, какъ искреннихъ друзей; истощивъ всѣ роды угощенія, сзывалъ гостей нарочно на мой счетъ, чтобъ мнѣ было не скучно, давалъ мнѣ обжорные столы на свой коштъ и доставилъ мнѣ всѣ тѣ увеселенія, какими изобилуетъ въ лѣтнее время Николаевъ, по выгодному его положенію. Время пребыванія моего тамъ на пути было началомъ и концомъ нашего знакомства: съ тѣхъ поръ я уже нигдѣ его ни видалъ. Но, желая, въ свою очередь, быть ему полезенъ, взялъ у него объ отставкѣ его атестатъ, записалъ его въ свою канцелярію: онъ числился при ней, доколѣ я былъ въ Володимерѣ губернаторомъ. Я старался доставить ему офицерской чинъ, но тщетно; мнѣ не повезло; представленія мои были брошены, самъ я отставленъ, и о Климовѣ оставалось мнѣ помнить только по моему путешествію, какъ очень нечаянно онъ привелъ себя мнѣ на память, и никогда уже его не забуду. Не знаю, какимъ образомъ удалось ему попасть въ офицеры, можетъ быть и по моему старому представленію; но я не могъ полагать этого, будучи нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ. Дошло вдругъ до меня отъ него письмо, въ которомъ онъ меня, какъ благодѣтеля, благодаритъ за чинъ; видно, что ему очень хотѣлось быть офицеромъ. Онъ пишетъ, что, будучи боленъ горячкой, получилъ извѣстіе о своемъ повышеніи, относитъ его ко мнѣ и благодаритъ меня въ самыхъ трогательнѣйшихъ выраженіяхъ. Я отвѣчалъ ему, что никакъ не могу приписать этого своимъ ходатайствамъ; что я, по положенію моему, лишенъ возможности производить людей въ чины и, слѣдовательно, что онъ долженъ благодарность свою отнести къ кому-либо другому. Климовъ принялъ мой отвѣтъ за нѣжную отговорку, повторялъ свою благодарность и изъяснялъ, что

ежели я не хочу ее принять, какъ человѣкъ, подѣйствовавшій въ пріятномъ для него обстоятельствѣ, то что онъ, по крайней мѣрѣ, навсегда считаетъ мнѣ себя обязаннымъ за отвѣтъ на его письмо, и что, будучи слабъ послѣ жестокой болѣзни, онъ жизнью и здоровьемъ одолженъ тому благотворному кризису, которой произвело въ немъ мое доброхотство, потрясеніемъ чувствительнѣйшихъ пружинъ его души и сердца. Онъ лучше пишетъ, нежели я передаю мысли его читателю; но патетической слогъ его меня плѣнилъ до крайности и заставилъ неоднократно вспомнить восклицаніе славнаго Мольера: „où la vertu va-t-elle se nicher?“ *) Подлинно, всякой ли способенъ такъ чувствовать, мыслить и столько быть благодаренъ? За что же? За чинъ, которыхъ такъ много получа, по милости чьей-нибудь, другой, вмѣсто благодарности, еще враждуетъ и вооружается противъ благодѣтеля? Будемъ признательны къ такимъ высокимъ побужденіямъ души человѣческой. Они такъ рѣдки! И Климовъ для меня, безъ всякихъ дипломовъ, прямо благородной человѣкъ.

Козодавлевъ.

29-го Декабря. Осипъ Петровичъ. Я началъ его знать въ чинѣ надворнаго совѣтника и съ тѣхъ поръ безпрерывно былъ съ нимъ знакомъ; большой короткости между нами никогда не было, но онъ всегда со мной хорошо обращался, и по времени ему довелось оказать мнѣ множество пріятныхъ услугъ, которыя обязали меня помнить объ немъ во всю жизнь мою. Служа въ разныхъ чинахъ и должностяхъ при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ, онъ, происходя чинами, дошелъ до самой высшей степени въ гражданскомъ разрядѣ и былъ самъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда я служилъ губернаторомъ, слѣдовательно, я нѣсколько времени находился подъ его начальствомъ. Самая замѣчательная эпоха во взаимномъ между нами отношеніи была та, когда онъ, въ званіи сенатора и товарища еще министра внутреннихъ дѣлъ, князя Куракина, отправленъ былъ, по имянному указу, въ

*) Гдѣ спрячется добродѣтель?

Саратовъ для предохраненія сей области и сопредѣльныхъ съ ней губерній отъ возникшей въ томъ краю заразы. Многіе полагали, что ея никогда не бывало, но это не касается до меня. Вѣрно то, что Козодавлевъ былъ за симъ командированъ въ Саратовъ и, проѣзжая чрезъ Владимиръ, прожилъ тутъ съ недѣлю безъ всякаго дѣла, по одной только безразсудной молвѣ, будто и тутъ чума показалась. Тогда это былъ какой-то модной обморокъ, которой схватывалъ всѣхъ: отъ Петербурга до Каспійскаго моря, вездѣ и всѣмъ казались карбункулы. Козодавлевъ, напугавшись въ Москвѣ слухами о заразѣ въ Владимирѣ, счелъ нужнымъ вывѣрить этотъ слухъ на мѣстѣ лично, и потому вошелъ со мной въ огромную о семъ переписку. Я тогда былъ тяжко боленъ и не могъ иначе принимать его, какъ лежа въ постелѣ. Собравши всѣ свои силы, я постарался, въ большой и основательной бумагѣ, ополчиться противъ общаго подозрѣнія, и посчастливилось мнѣ документомъ удостовѣрить его, что чумы въ Владимирской губерніи точно не было и нѣтъ. За общимъ нашимъ подписаніемъ пошелъ о томъ рапортъ къ Государю, послѣ чего Козодавлевъ отправился отъ насъ въ Саратовъ. Во все время его пребыванія съ нами, онъ прекрасно со мной обходился, навѣщалъ меня всякой день, сожалѣлъ о моемъ болѣзненномъ состояніи. Съ нимъ ѣхала жена его и огромной штатъ молодыхъ людей, всѣ они насъ посѣщали и старались оказать намъ свое доброхотство разными наружными поступками. Козодавлевъ не удовлетворился одной ласковой вѣжливостью: онъ, возвратясь въ Петербургъ послѣ своей комисіи и принятъ бывъ дворомъ очень хорошо, скоро столкнулъ князя Куракина и попалъ на его мѣсто. Я много обязанъ Козодавлеву хорошими его обо мнѣ представленіями и вообще внушеніемъ его на счетъ моей службы, кои много способствовали къ доставленію мнѣ ордена св. Анны. По мѣрѣ, какъ сыновья мои вступали въ службу, Козодавлевъ охотно ихъ записывалъ въ свое министерство, выводилъ въ первые чины и всегда старался снискать мою благодарность разными подобными услугами. Въ перепискѣ по дѣламъ всегда былъ со мной вѣжливъ и благопристоенъ, чтó замѣтить надобно; ибо Куракинъ не зналъ науки привѣтливости. Кромѣ офиціаль-

ныхъ бумагъ, я часто къ Козодавлеву писывалъ партикулярно, и онъ, не лѣнясь, отвѣчалъ мнѣ пространно и ласково; словомъ, во все время жизни его и моихъ съ нимъ отношеній, я не могъ быть недоволенъ его со мной поступками; они на томъ же тонѣ продолжались и по отставкѣ моей, о которой онъ искренно сожалѣлъ, разумѣя меня лучше, нежели тѣ, которые меня тѣснили. Онъ любилъ словесность, науки, былъ самъ въ нихъ свѣдущъ, а къ подобнымъ людямъ всегда можно найти доступъ, не прибѣгая къ подлымъ искательствамъ или ябедническимъ пронырствамъ. Козодавлевъ и жена его оба уже скончались. Я не принимаю на себя говорить здѣсь объ немъ, какъ о министрѣ и государственномъ человѣкѣ; я гляжу на него съ той точки зрѣнія, которая ставитъ его передо мной въ отношеніи собственно ко мнѣ, и съ удовольствіемъ, платя ему дань признательности за его постоянное ко мнѣ благорасположеніе, вмѣняю себѣ въ обязанность всегда объ немъ помнить, какъ о человѣкѣ, которой желалъ мнѣ добра и, когда могъ, старался его дѣлать.

Кокошкинъ.

25 Апрѣля. День тяжкой и обременительной для совѣсти моей, которой желалъ бы исключить изъ жизни, или забыть о немъ навсегда Отношеніи мои съ тѣмъ лицемъ, которое привожу сегодня на память, покажутъ причину сего предисловія.

Дмитрій Ѳодоровичъ. Ихъ было нѣсколько братьевъ, но я особенно былъ свыченъ съ этимъ: мы служили въ одномъ полку, и склонность взаимная къ театру сдѣлала насъ короткими пріятелями. Мы нѣсколько зимъ сряду играли въ домѣ Апраксина, гдѣ особенно весело проводили время. Каждый день тогдашній стоилъ многихъ лѣтъ въ другомъ положеніи. Я прямо наслаждался жизнію. Кокошкинъ игралъ уже мастерски, а я еще пріучался къ этому ремеслу. Послѣ мы съ нимъ встрѣтились въ Петербургѣ и вмѣстѣ отправили походъ въ Финляндію; онъ служилъ у меня въ ротѣ капитанъ-поручикомъ. Никогда не забуду несчастнаго случая, которой и донынѣ въ старости моей сильно на меня дѣйству-

етъ. Солдаты наши ходили къ Маймисту красть свиней; ихъ поймали. Они, чтобъ оправдаться, схватили хвораго калѣку, старосту церковнаго, и доносили, что этотъ старикъ подходилъ съ двумя гусарами Шведскими къ нашимъ форпостамъ, и что они, какъ подводчики шпіоновъ его, успѣли одного поймать и привели въ роту, а мнимые гусары разбѣжались. Богъ на ту пору отнялъ весь разумъ у меня и у Кокошкина. Мы старшіе были офицеры въ ротѣ: я ею командовалъ. Мы не разобрали, что Шведамъ еще не откуда взяться; ибо мы стояли въ ожиданіи весны на квартирахъ въ своей землѣ и далеко отъ границы. Повѣря доносу солдатъ, начали калѣку допрашивать, онъ не разумѣлъ насъ, а мы его: это усилило наше глупое подозрѣніе. Мы увѣрились, что онъ притворяется и точно шпіонъ. Обыкновенной способъ у военнаго человѣка допытываться истины, фуктель! Мы ему влѣпили нѣсколько ударовъ, и скорбный нашъ старикъ страдалъ, а не могъ ни въ чемъ признаться. Мы его отправили въ главную баталіонную квартиру; тамъ, въ томъ же расположеніи духа, его еще допрашивали, еще били и, словомъ, бѣдной староста церковной нѣскольно дней похворалъ и Богу душу отдалъ. Я донынѣ не могу этого случая вспомнить безъ того, чтобъ вся внутренность моя не содрогнулась. Какому пагубному и сумасбродному заблужденью мы совѣсть нашу отдали на жертву, и если Богъ всеблагій, видя наше раскаяніе, простилъ намъ сей грѣхъ невѣдѣнія, то самъ я, доколѣ поживу на свѣтѣ, могу ли примириться съ собою и извинить такой поступокъ? Вскорѣ послѣ кампаніи Дмитрій Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ отпускъ, въ Москву и захворалъ: у него сдѣлалась ломота въ рукѣ, долго его лѣчили, вынимали кости, онъ томился и наконецъ умеръ. Не за долго предъ кончиною, навѣщая его съ искреннимъ участіемъ въ его положеніи, онъ, вздохнувши крѣпко, сказалъ мнѣ: „Помнишь ли, Долгорукой, Маймиста?“ Это слово проникло въ глубину сердца моего; подлинно, по стеченію странному случаевъ, та самая рука у него была больна, которой онъ тогда помянутому Маймисту прижигалъ бороду и кричалъ: „Присыпьте!“ Все это происходило отъ остервенѣнія, которое почитали мы истиннымъ геройствомъ, не понимая сами

прямыхъ его побужденій. Потеря Кокошкина для меня была чувствительна; мы очень свыклись и сходны были во многихъ свойствахъ характерныхъ. Съ прочими братьями его я былъ не такъ знакомъ, хотя въ одно и тоже время братъ его старшій, Александръ, служившій со мной вмѣстѣ полковымъ адъютантомъ, и вседневно былъ со мной въ отношеніи по службѣ, но между имъ и Дмитріемъ большая была разница во всемъ, и потому мы никакой связи не имѣли. Подъ старость ознакомился я съ меньшимъ его братомъ, Ѳедоромъ, словесникомъ, актеромъ, чтецомъ превосходнымъ, и успѣлъ также съ нимъ играть на театрѣ. Онъ меня посѣщалъ съ пріязнью, читывалъ мои стихи въ Обществѣ Словесности, игралъ роль Радина въ моей комедіи „Дурыломъ,“ и тѣмъ даже украсилъ все мое сочиненіе; но изъ всего этого семейства я ни съ однимъ братомъ не былъ такъ коротко знако́мъ и искренно друженъ, какъ съ Дмитріемъ, котораго имя сохранится въ памяти моей навсегда.

Колобовъ.

27-го Декабря. И ты, мой Меркурій, и ты заслужилъ мѣсто въ памятникѣ людей, на коихъ устремляются иногда мысли мои въ прошедшемъ! Такъ прозывался крѣпостной батюшкинъ слуга, которой былъ пожалованъ мнѣ и до гроба вѣренъ былъ моимъ тайнамъ. Онъ только исправлялъ около меня два дѣла: или мое, состоявшее въ томъ, чтобъ носить мои утреннія цидулки, приносить на нихъ отвѣтъ, или свое, чтобъ пить горькую чашу, какъ онъ бывалъ свободенъ отъ трудовъ моихъ. При такой опасной слабости для всего потаеннаго, онъ, однакоже, никогда не сдѣлалъ ни ошибки, ни промаха и всегда былъ вѣрной исполнитель моихъ порученій. Сколько разъ я, въ восхищеніи отъ пріятной записки, имъ доставляемой, бросался ему на шею и ущедрялъ его, но несчастному это не шло въ прокъ: вся моя мзда втекала въ питейные домы; баринъ жертвовалъ Венерѣ, а служитель Бахусу. Онъ одинъ велъ порядокъ въ полученіи почтовыхъ моихъ переписокъ, журналовъ и газетъ, принашивалъ ко мнѣ

письма, отдавалъ мои, словомъ, былъ Меркурій въ полномъ смыслѣ. Сколько было у него знакомствъ, связей и кумовства въ почтамтѣ! Всѣ его знали; онъ отличался особеннымъ проворствомъ, за то я и честь ему отличную воздалъ. Кто будетъ читать мои книги, тотъ набѣжитъ и на строчку объ немъ. Сотоварищъ мой во всѣхъ сентиментальныхъ поѣздкахъ, чего онъ про меня не зналъ и гдѣ со мной не бывалъ? Объ немъ я точно могу сказать въ отношеніи къ себѣ:

„Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre.“ *)

Обращеніе его со мной было совершенно свободно и безъ церемоній: прекраснѣйшій случай дастъ тому доказательство. Я куда-то ѣхалъ въ каретѣ, онъ на запяткахъ. Попадается намъ чемоданъ съ почтой изъ какой-то провинціи. Почталіонъ ему пріятель, заахали они оба отъ радости; карета моя остановилась. Колобовъ долой съ запятокъ, ну обнимать курьера, а тотъ его, и пока они раздѣляли взаимную радость, я долженъ былъ простоять на улицѣ! Таковъ былъ Колобовъ, незабвенный повѣренный моихъ сердечныхъ дѣлъ. Миръ праху его! Онъ уже не существуетъ; но имя его связывается съ многими лицами, коихъ мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить, слѣдовательно придется и объ немъ потужить.

Кологривой.

26-го Ноября. Степанъ Ивановичъ, племянникъ мой двоюродной и искренно преданной мнѣ человѣкъ. Пріязнь открывается опытами. Онъ имѣлъ случай оказать намъ оной и съ усерднѣйшей готовностью то исполнилъ. Когда я лишился меньшой дочери своей и не могъ остаться въ своемъ домѣ, представляющемъ столь плачевное зрѣлище, онъ, живучи въ Москвѣ на квартирѣ, вызвался одолжить меня ею и перевезъ меня къ себѣ. Тамъ я провелъ первые дни моего унынія въ возможномъ спокойствіи: онъ истощалъ всѣ средства облегчить горестное мое положеніе и не прежде согласился отпустить меня въ мой домъ, какъ когда я могъ собраться

*) Герой не существуетъ для своего комнатнаго слуги.

съ духомъ въѣхать въ оной. Такой знакъ истиннаго родства и дружбы я никогда не забуду, а съ воспоминаніемъ о потери милой дочери, всегда рядомъ станетъ въ моемъ вообраъженіи моей доброй Кологривой.

Колокольцовъ.

24-го Сентября. Владимирской вице-губернаторъ, котораго, къ удовольствію моему, я забылъ, какъ и зовутъ. Человѣкъ безъ правилъ и безъ всякаго воспитанія, подлой подъячій, которой происками втерся въ чины и попалъ ко мнѣ въ товарищи. Я долго старался какъ-нибудь съ нимъ ладить, но онъ, наконецъ, вывелъ меня изъ всякаго терпѣнья. Кромѣ непріятностей по службѣ, которыя сдѣлались такъ гласны, что и правительство разсудило прекратить ихъ, я принужденъ былъ отказать ему отъ своего дома, какъ невѣжѣ, которой не заслуживалъ чести быть въ порядочномъ обществѣ. Въ такомъ положеніи засталъ насъ другъ противъ друга графъ Головкинъ, когда, ѣхавши въ Китай съ посольствомъ, ревизовалъ Владимирскую губернію. Я имѣлъ счастіе одержать верхъ надъ Колокольцовымъ, и насъ развели, переведя его въ Казань. Говоря о немъ, я замѣтить долженъ, что, по какому-то странному стеченію случаевъ, фамилія Колокольцовыхъ вообще для меня была несчастлива на знакомство. Еще въ Пензѣ посѣщалъ меня одинъ старикъ этого рода, тамошній помѣщикъ и судья, которому не удалось быть тамъ вице-губернаторомъ потому, что я попалъ на желаемое имъ мѣсто. У него были два сына, молодые люди; они ѣзжали къ намъ часто, но и со всѣмъ ихъ семействомъ не было у насъ никакого согласія, и я обязанъ былъ ему разными тяжкими непріятностями въ моей приватной жизни, по участію, которое они приняли въ интригѣ моей съ г-жей Улыбышевой, которой мужъ на все, чтó ни сдѣлалъ, былъ наученъ и подстрекаемъ тѣмъ Колокольцовымъ. И такъ, разставшись худо съ этой фамиліей въ Пензѣ, я не примирился съ ней и въ Владимирѣ. Несторъ ихъ племени, знаменитый сутяга и сенаторъ Колокольцовъ, также былъ не изъ доброхотовъ моихъ, когда дѣла мои доходили до его

суда; словомъ, я не встрѣчалъ во всю жизнь мою пріятнаго лица въ фамиліи Колокольцовыхъ, и, кажется, само Небо положило постоянную вражду между сѣменемъ ихъ и моимъ. Да будетъ тако! Тужить о семъ никогда не стану.

Цесаревичъ.

3-го Февраля. Константинъ Павловичъ, Великій Князь Россійской. Во время малолѣтства его я имѣлъ счастіе обучать, по препорученію моего начальства, нѣсколько солдатскихъ дѣтей въ Семеновскомъ полку. одного съ нимъ возраста; они обмундированы были егерями, для забавы брата его, нынѣшняго Государя (см. Александръ) и самого его. Константинъ былъ живъ и скоръ. Онъ любилъ военное ремесло отъ самыхъ юныхъ дней своихъ. Съ кучкой малолѣтнихъ солдатъ ѣзжалъ я иногда въ Сарское Село тѣшить юныхъ принцевъ крови. Тамъ довелось мнѣ и Константина Павловича ставить съ своими ребятишками въ одну шеренгу и учить ихъ маршировать, чтó приносило ему всегда большое удовольствіе; но забава сія скоро стерлась въ его памяти, и онъ уже послѣ нигдѣ и никогда не говаривалъ о сей дѣтской рѣзвости, которая и до сихъ поръ представляется моему воображенію въ живѣйшихъ краскахъ, напоминая мнѣ лучшее время жизни, собственную мою молодость. Во время моей губернаторской службы я удостоился получить отъ его высочества письмо рекомендательное, выпрошенное въ пользу свою однимъ чиновникомъ армейскимъ, который, по его же ходатайству, переходилъ изъ-подъ начальства Великаго Князя ко мнѣ.

Копьевъ.

10-го Марта. Данила Самойловичъ, предмѣстникъ мой въ Пензѣ. Онъ тамъ служилъ вице-губернаторомъ, сдалъ мнѣ мѣсто, остался тамошнимъ обывателемъ, имѣя собственный домъ, и скоро скончался. Скоро ознакомившись съ нимъ, я сдѣлался пріятелемъ въ его домѣ. Копьевъ былъ человѣкъ острой, благоразумной, старикъ отмѣнно любезной въ бесѣдѣ. зналъ основательно Французскій языкъ. рѣдко говоря на

ономъ, и въ обращеніи со всякимъ былъ очень смѣтливъ. Семейство его состояло изъ жены, достойнѣйшей барыни, хотя стариннаго покроя, отъ чего она рѣдко бывала въ людяхъ. Дочерей у ней было много, но изъ нихъ выѣзжала съ отцомъ только одна, Катерина, на всѣ городскія пирушки; прочія, приготовляясь къ монашескому искусу, въ который, однако, не попали, жили въ строжайшемъ уединеніи и даже долго при чужихъ людяхъ не показывались. Тогда, т.-е., въ 90-хъ годахъ, въ модѣ было между барынями въ Пензѣ быть святошами и ханжить. Кромѣ богомолья, нельзя было ни съ одной изъ дѣвушекъ Копьевыхъ, выключая Катерины, встрѣтиться; всѣ онѣ, однакоже, были хорошо воспитаны и одарены умомъ отъ природы. Катерина была старѣе и рѣзвѣе прочихъ; за то сынъ Копьевъ, мой хорошій также знакомецъ, славился необыкновеннымъ пострѣльствомъ. Кто его не зналъ? Кто не помнитъ безчисленныхъ его проказъ? Уменъ, остеръ, хорошій писецъ, но просто сказать—петля. Вотъ картина этого семейства. Я съ старикомъ былъ очень друженъ; онъ съ нами обходился скромно, благопріязненно, раздѣлялъ съ нами наши радости и печали и во всякомъ событіи домашнемъ принималъ искреннее участіе. Я любилъ его слушать: разговоръ его былъ сладокъ. Проживъ съ нимъ лѣтъ пять въ Пензѣ, мнѣ всегда жаль, что онъ такъ рано скончался. Я въ немъ имѣлъ тамъ пріятнѣйшаго собесѣдника; связь нашихъ домовъ была прочна, потому что основалась на качествахъ, испытанныхъ взаимно, а не на первомъ взглядѣ. На всѣхъ балахъ танцовывалъ я съ Катериной Даниловной, которая очень хорошо представлялась въ публикѣ, даже и для взора прихотливаго столичнаго куртизана. Чуднѣе всего въ связи моей съ Копьевымъ было то, что, будучи смѣненъ мной, онъ никогда не получилъ права на меня жаловаться и мнѣ его не далъ порицать себя. Обыкновенно, кто чье мѣсто заступитъ, тотъ всегда своего предмѣстника поноситъ; здѣсь напротивъ: мы другъ другу наслѣдовали въ должности и остались навсегда хорошими пріятелями. Это доказываетъ, что наши нравы и разсудки были въ добромъ согласіи, и отъ этой гармоніи связь наша осталась для меня понынѣ пріятнымъ воспоминаніемъ.

Корсакова.

14-го Марта. Марья Ивановна. Театральное знакомство! У нея была большая семья, въ ея домѣ жили очень весело. Я любилъ театральную забаву, изрядной талантъ дѣлалъ меня нужнымъ въ Московскихъ обществахъ, я скоро съ ней ознакомился. Это было въ концѣ царствованія Павла. Я служилъ въ Соляной Конторѣ. Запрещенія играть комедію не падали на гражданское званіе, и я въ домѣ г-жи Корсаковой имѣлъ удовольствіе цѣлую зиму забавляться въ моемъ вкусѣ. Я люблю донынѣ приводить себѣ на мысль мѣста, людей, минуты, въ которыя бывало мнѣ весело. Изъ зрѣлищъ, нами въ то время представленныхъ Московской публикѣ, останется мнѣ памятной навсегда комедія „Les châteaux en Espagne", въ которой я, съ старшей дочерью Марьи Ивановны, игралъ роль перваго любовника. Это происходило уже въ началѣ царствованія Александра. Піеса нами была удачно разыграна; но особенно замѣчательно то, что я былъ уже назначенъ въ Петербургѣ въ губернаторы въ Володимеръ и самъ еще этого не зналъ, когда выступилъ на сцену. Въ роли моей слѣдующіе два стиха возбудили всеобщее рукоплесканіе, котораго я не зналъ къ чему отнести:

„De quelqu' emploi brillant je puis me voir charger,
Et de nouveau peut-être il faudra voyager." *)

Въ партерѣ знали уже многіе, что я губернаторъ, и лишь только произнесъ сіи два стиха, то, по примѣненію ихъ къ моему назначенію, всѣ ударили въ ладоши. Эта минута долго мнѣ будетъ памятна; да и вообще веселости, коими я наслаждался въ пріятномъ домѣ г-жи Корсаковой, не будучи ни въ кого тутъ влюбленъ и занятъ только искусствомъ, мнѣ любезнымъ, долго будутъ представляться моему воображенію во всемъ ихъ плѣнительномъ видѣ. Что̀ болѣе заслуживаетъ мѣсто въ воспоминаніяхъ нашихъ, какъ тѣ часы, въ которые мы предавались невиннымъ забавамъ и одушевлялись одной чистой веселостію?

---

*) Я могу себя видѣть облеченнымъ какою-нибудь блестящей должностью, и можетъ быть снова надо мнѣ будетъ путешествовать.

Корсаковъ.

16-го Февраля. Иванъ Николаевичъ, бывшій фаворитъ Екатерины II. Я его узналъ по тѣсному его сожитію съ моей родственницей, тогда какъ онъ уже не былъ въ случаѣ и находился праздно въ Москвѣ. Онъ жилъ съ теткой моей въ одномъ домѣ; у нихъ были и общія дѣти. По связи моей дружеской съ ней, я часто съ нимъ обращался; но по смерти ея, узнавъ его характеръ съ худой стороны, прекратилъ всякое съ нимъ знакомство и нынѣ вовсе его не вижу. Когда при Павлѣ онъ былъ сосланъ въ Саратовъ, я осмѣлился посѣщать его и проводить въ путь, изъ уваженія къ теткѣ, забывая, что такое изъявленіе преданности къ изгнаннику могло обратиться мнѣ самому во вредъ, тѣмъ болѣе, что Императоръ меня не жаловалъ, и довольно было такого поступка, чтобъ и мнѣ, въ слѣдъ за нимъ, отправиться, можетъ быть, подалѣе Саратова. Я на это не посмотрѣлъ и исполнилъ долгъ мой. Потомъ, какъ я лишился тетки, и всѣ Корсакова бросили, я одинъ, изъ почтенія къ праху покойной, не оставлялъ его и старался быть ему полезенъ моей бесѣдой, моими посѣщеніями. За все это онъ мнѣ заплатилъ крайнимъ равнодушіемъ и оборотилъ меня къ ненавистному чувству, которое такъ тяжело питать противъ всякаго. Но какъ любить человѣка, который ничего, кромѣ себя, не любитъ, и такъ сильно мнѣ это доказалъ въ разныхъ случахъ, какъ г. Корсаковъ, тщеславной богачъ, не одаренный ничѣмъ отъ природы и обязанный одной слѣпой Фортунѣ, пригожему лицу и юности минутнымъ блескомъ своимъ у Трона!

Корсаковы.

10-го Іюня. Михайла и Николай Петровичи, молодые люди, прапорщики Семеновскаго полку, изъ которыхъ меньшой, Николай, остринькой мальчикъ въ ротѣ моей, а Михайла въ другой; но какъ мы пошли въ походъ, то оба они, будучи въ одномъ баталіонѣ, жили вмѣстѣ въ общей ставкѣ въ моей ротѣ, и Михайла былъ съ нами въ одной артели. Онъ былъ

очень скупъ и расчетливъ, мы всѣ его звали: „жила.“ Будучи всѣ очень молоды, мы любили рѣзвиться и каждое утро боролись для моціону. У насъ было сдѣлано положеніе, что во время сего сраженія, чтò бы мы другъ у друга ни похитили изъ палатки, иначе возвращено быть не можетъ по окончаніи битвы, какъ выкупомъ; на побоище давался одинъ часъ, и именно первой по полудни, а во второмъ миръ и размѣнъ добычи. И такъ меньшой Корсаковъ и я, мы, бывало, вытащимъ у Чирикова или у Михайлы Корсакова какую-нибудь кружку, шкатулку или что-нибудь, и они должны выкупать. Тутъ-то намъ и праздникъ: мы обложимъ ихъ апельсинами, мороженымъ, портеромъ, словомъ сказать, чѣмъ вздумается; а у маркитантовъ нашихъ, я не знаю, чего не было! Они все доставали изъ Питера. Корсаковъ и Чириковъ оба скупы, разсердятся, а дѣлать нечего: вещей похищенныхъ жаль, возвратить хочется, условія нарушить нельзя, принуждены убытчиться и насъ подчивать. Это продолжалось почти во все лѣто, и мы съ Николаемъ много на ихъ счетъ пріѣли сластей. Я никогда сего времени и веселыхъ проказъ нашихъ не забуду.

Кошелева.

30-го Марта. Варвара Ивановна и сестра ея, Елена, обѣ племянницы мои и милыя женщины *). Первая до сихъ поръ въ дѣвушкахъ, а вторая замужемъ за княземъ Горчаковымъ и уже съ нимъ въ разводѣ. Я Вариньку люблю преимущественно, потому что она очень сходна съ теткой своей, въ которую я нѣкогда былъ страстно влюбленъ; обѣ онѣ такъ вѣтрены, что я иначе ихъ не называлъ, какъ сорванцами; онѣ же, по родству и пріязни, прощали мнѣ эту шутку. Между минутами, пріятными въ моей жизни, какъ не помѣстить тѣхъ, кои я провелъ въ нашемъ театральномъ комитетѣ, когда дочь моя и Елена играли вмѣстѣ комедію у Апраксина, и я заправлялъ трупой. Елена отличалась въ ролѣ Кларансы въ „Влюбленномъ Шекспирѣ;“ она плѣняла зрителей своей величавой наружностью, богатствомъ костюма, но, къ несча-

*) Сестры Александра Ивановича Кошелева. П. Б.

стію, не талантами. Всѣ наши репетиціи составляли пріятныя вечеринки; я жилъ въ эту зиму такъ суетно и весело, какъ можно того желать и не въ пятьдесятъ лѣтъ, кои мнѣ стукнули попрежде. На счетъ Вариньки я сочинилъ романсъ, которой напечатанъ въ моихъ книгахъ. Изъ него увидятъ мѣру моего къ ней пристрастія; она мнѣ доказала, что милое личишко можетъ заставить нашего брата дурачиться во всякіе годы, согласно съ Французской аксіомой: „L'amour est de tout âge *).

Кошкарова.

20-го Марта. Дѣвушка провинціальная, съ которой я вовсе не знакóмъ, но, бывши у родителей ея въ гостяхъ въ Пензенской деревнѣ, замѣтилъ въ ней рѣдкіе таланты и, можно сказать, чудесные: ибо отецъ ея былъ дуракъ, мать проста, а она, не выѣзжая изъ деревни своей, не только въ столицу, ниже въ Пензу, умѣла пріобрѣсть всѣ преимущества роскошнаго воспитанія. Мастерица играть на клавикордахъ, говоритъ и пишетъ по французски, во всей чистотѣ отборнаго слога, и рисуетъ съ отмѣннымъ дарованіемъ. Она мнѣ подарила маленькой трудъ своего карандаша, которой всегда у меня на глазахъ въ моемъ кабинетѣ; я смотрю на него въ сію самую минуту и съ удовольствіемъ вспоминаю о любезной Кошкаровой.

Кочубей.

8-го Декабря. Графъ Викторъ Павловичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ. Онъ первой получилъ сіе званіе при образованіи министерствъ въ Россіи, и въ его завѣдываніе вошли всѣ губернаторы, въ томъ числѣ и я. Во всю службу мою я не могу вспомнить времени, въ которое бы она столь пріятна была для меня, какъ подъ начальствомъ Кочубея; я находилъ честь и удовольствіе зависѣть отъ него; по мнѣнію моему, не было министра въ Россіи просвѣщеннѣе его и способнѣе къ его званію. Самъ онъ обходился съ губернаторами благородно и безъ надменности: холоденъ отъ природы,

---

*) Любовь бываетъ всѣхъ возрастовъ.

онъ не допускалъ ни котораго изъ нихъ ни къ какой короткости съ собой, но всегда былъ вѣжливъ и благопристоенъ. Въ письменныхъ его сношеніяхъ не было никакой суровости: пріятно было исполнять его приказанія. Онъ не игралъ службой, а исправлялъ ее со всей возможной дѣятельностію; не кичился своимъ титломъ, но всю его тягость несъ и раздѣлялъ нашу неослабно; былъ строгъ съ разборчивостью, никогда злобенъ или спѣсивъ. Канцелярія его наполнена была людьми опытными въ дѣлахъ, свѣдующими въ познаніяхъ теоретическихъ и ко всякому благосклонными; словомъ, служить подъ нимъ было истинное удовольствіе. Труды имѣли награду, усердіе свою цѣну, ходатайство успѣхи, утѣсненіе защиту, и нетщетно летали къ нему наши представленія: всякое было уважено, по возможности исполнено, или отринуто безъ желчи и съ изъясненіемъ доводовъ, на кои не оставалось мѣста возраженію. Я лично отмѣнно былъ счастливъ его ко мнѣ благорасположеніемъ: всякое отношеніе мое удостоено было его вниманія. Во всѣ четыре года, чтó я зависѣлъ отъ него, я не имѣлъ двухъ разъ отказа въ моихъ требованіяхъ. Въ теченіе сего времени я былъ два раза въ Петербургѣ и до пяти аудіенцій приватныхъ у него выдержалъ. Онъ любилъ говорить о дѣлахъ губерніи, распрашивалъ обо всемъ, чтó до нея касалось, не сбивался въ постороннія матеріи, но, очертя кругъ своего разговора, всегда находился въ той губерніи, о которой давался ему отчетъ. Послѣ всякой такой бесѣды я выходилъ отъ него сугубо доволенъ его обращеніемъ: я шелъ къ министру и находилъ его въ Кочубеѣ. Всякой годъ мы обязаны были доставлять ему отчеты письменные, которые составляли важную часть издаваемыхъ при министерствѣ его журналовъ во всеобщее свѣдѣніе. Симъ журналомъ ознакомилась публика съ губернаторами и статистикой Россійскаго государства, которая при немъ сдѣлалась извѣстною. Кочубей искалъ всячески обратить на начальниковъ губерній особенное вниманіе Государя. Я ежегодно удостоивался счастія получать по нѣскольку рескриптовъ за собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества. Подъ его начальствомъ я получилъ, при весьма лестномъ рескриптѣ, столовыя деньги сверхъ штата

и пожалованъ въ чинъ тайнаго совѣтника. По его представительству сыновья мои отпущены были въ чужіе края обучаться въ самое критическое время; старшій изъ нихъ, не теряя и тамъ службы, а числясь заочно при мнѣ, получилъ чинъ коллегіи юнкера. Такіе знаки доброхотства привязали меня навсегда къ Кочубею; а паче всего тронуло меня утѣшительное письмо, писанное имъ ко мнѣ въ то время, какъ я лишился первой моей жены. Это уже не принадлежало къ публичному нашему званію, а служило доказательствомъ личнаго его благорасположенія ко мнѣ, котораго я не забуду во всю жизнь мою. По подобнымъ дѣяніямъ откажу ли я Кочубею въ названіи его моимъ благодѣтелемъ? Конечно онъ былъ такимъ, и я пріобрѣлъ сіе преимущество не по давнему какому-либо съ нимъ придворному знакомству, а точно по удостоенію трудовъ моихъ и службы, оцѣнкѣ выгодной съ его стороны. При увольненіи его отъ министерства, онъ писалъ ко всѣмъ губернаторамъ циркулярныя письма, въ коихъ, разставаясь съ ними, благодарилъ за споспѣшествованіе ему въ исполненіи собственныхъ его обязанностей ихъ дѣятельными трудами. Симъ послѣднимъ поступкомъ онъ до того меня растрогалъ, что я едва не рѣшился оставить тотчасъ мѣста своего и выйти въ отставку; но обстоятельства семейныя не допустили меня оказать ему столь глубокой приверженности, основанной на искреннихъ чувствахъ почтенія и уваженія къ нему, которыя сохраню до конца дней моихъ ненарушимо.

Крымовъ.

29-го Февраля. Совсѣмъ мнѣ незнакомой человѣкъ; видалъ только его въ лицо, и то очень рѣдко, но не могу взглянуть на портретъ матери моей безъ того, чтобъ не вспомнить о немъ по самому странному происшествію. Тетка моя, графиня Скавронская, будучи въ Москвѣ, пожелала имѣть портреты сестеръ своихъ родныхъ, матери моей и Ржевской, заказала ихъ, вмѣстѣ съ своими, славному тогда живописцу Рокотову и уѣхала въ Италію. Рокотовъ списалъ, ждалъ денегъ и присылки за портретами, но, не дождавшись ни того,

ни другаго, подарилъ ихъ одному изъ учениковъ своихъ, которой продалъ ихъ, какъ работу извѣстнаго художника, помянутому Крымову, охотнику до картинъ. Однажды, шедши мимо его двора, лѣтомъ, я удивился, примѣтя весьма похожій портретъ матушкинъ въ домѣ человѣка, намъ незнакомаго, сталъ доискиваться, какъ онъ туда попался и, узнавъ всю исторію, выкупилъ матушкинъ портретъ у него за 50 рублей, цѣна самого Рокотова тогдашняя; а матушка уже изволила, стыда ради, выручить портреты двухъ своихъ сестрицъ, которыя и теперь намъ напоминаютъ, вмѣстѣ съ господиномъ Крымовымъ, степень дружбы графини Скавронской къ своей роднѣ.

Ксенофонтъ.

26-го Октября. Въ этотъ злосчастной день жена моя лишилась милой и единственной дочери своей, Елены. Воспоминая гробъ ея, нельзя забыть и первосвященника, исправившаго надъ онымъ послѣдніе обряды вѣры.

Епископъ Владимирской. Во все время моей службы губернаторомъ въ Владимирѣ, что̀ продолжалось ровно десять лѣтъ, я былъ съ нимъ въ разныхъ отношеніяхъ, и по должности, и по общежитію. До того времени я его вовсе не зналъ и нигдѣ не видывалъ. Мы скоро ознакомились довольно коротко и по наружности сошлись пріятельски; но человѣка узнавать трудно: иногда самой простой случай развертываетъ въ немъ такія свойства, которыя могутъ таиться и обманывать очень долго. Такъ случилось и со мной. Онъ казался очень хорошъ противъ меня до нѣкотораго времени; размолвки бывали у насъ, но неважныя, и долго, долго ничто не нарушало нашего согласія. Мнѣ поручено было однажды отъ Государя изслѣдовать подъ рукой жалобу, поданную на него отъ священника и родственника Сперанскаго. Этотъ господинъ былъ тогда всесиленъ у двора. Я, однакожъ, несмотря на то и слѣдуя коренным моимъ правиламъ, представилъ по изысканіи дѣла въ такомъ видѣ объ немъ, что архіерей нимало не пострадалъ, и не раскаиваюсь въ томъ, ибо архіерей былъ правъ; но кажется, нельзя было бы ему не остаться мнѣ признательнымъ за такую услугу. Дошла

до Ксенофонта очередь въ подобномъ же случаѣ оказать мнѣ взаимное одолженіе, и онъ поступилъ совсѣмъ инако. Зашелъ ко мнѣ на балъ пьяной попъ, родня Сперанскаго. Я его посадилъ въ полицію, что́ случалось и прежде довольно часто, ибо попъ былъ негодяй. Архіерей вывелъ изъ этого страшную исторію, наклепалъ на меня всякихъ небылицъ, воздвигнулъ противъ меня страшную тучу въ Питерѣ, возжегъ негодованіе Государя на меня, какъ на богохульника; словомъ, соединясь мысленно и душевно со всѣми моими врагами въ губерніи, подѣйствовалъ на всю судьбу мою, подавъ первую и сильную причину къ изгнанію меня изъ службы. Не хотѣлъ пастырь сей и того вспомнить, что въ одинъ мой пріѣздъ въ Петербургъ, тогда какъ Синодъ готовъ былъ почти смѣнить его, по многимъ дошедшимъ до него безпорядкамъ въ епархіи, я одобреніемъ моимъ усилилъ ходатайство въ его пользу первенствующаго митрополита Амвросія, личнаго его покровителя, и споспѣшествовалъ его оправданію. Все это забылъ Ксенофонтъ и іезуитски на меня напалъ. Тутъ я узналъ, но поздно, что я змія согрѣвалъ въ утробѣ, и съ тѣхъ поръ уже мы съ нимъ избѣгали всякаго между собой свиданья. Прощать недруговъ нашихъ и творящихъ намъ напасть есть долгъ христіанской, и я охотно его прощаю, помня наипаче то, что онъ похоронялъ покойную жену мою и предпосылалъ о ней молитвы къ Небу, помня и тѣ знаки искренняго усердія, какіе онъ мнѣ иногда оказывалъ и на которые я слишкомъ много полагался, не извѣдавъ лукаваго его свойства. Прощаю его; но если я помню добрые его поступки, то могу ли забыть худые? Память есть способность одинаковая для добра и зла. Она и то и другое намъ отражаетъ, и, кладя на вѣсы хорошее съ худымъ, въ отношеніи моемъ къ нему, я невольно принужденъ дать перевѣсъ послѣднему и вспомнить о немъ съ чувствомъ самымъ непріятнымъ: ибо что́ можетъ глубже и тверже врѣзаться въ помышленіе наше, какъ злонамѣренные поступки тѣхъ людей, коимъ мы изъявлять готовы наше доброжелательство и что́ хуже, какъ лицемѣръ подъ митрой!!!

Куликовъ.

31-го Декабря. Въ послѣдній день года, возобновляя его, доколѣ жизнь моя продлится, кого приличнѣе вспомнить, какъ не того вѣрнаго служителя, который, въ первыхъ годахъ моего ребячества, ходилъ за мной? Степанъ Сергѣевичъ Куликовъ былъ дядька мой. Онъ принадлежалъ князю Владиміру Сергѣевичу Долгорукому и, какъ крѣпостной его человѣкъ, находился при немъ во всю Нѣмецкую Семилѣтнюю войну, въ походахъ и сраженіяхъ. Не знаю я, чѣмъ онъ провинился; но князь разсудилъ его продать. Батюшка, желая имѣть при мнѣ, въ моемъ ребячествѣ, человѣка, который бы сколько-нибудь лепеталъ понѣмецки, купилъ его и приставилъ ходить за мною. Степанъ въ Пруссіи выучился тамошнему нарѣчью; во всю жизнь свою отецъ мой былъ имъ очень доволенъ. Степанъ взростилъ меня, смотрѣлъ за мной, не баловалъ меня и былъ юношеству моему очень полезенъ. Онъ служилъ при мнѣ и тогда, какъ я женился; я его привыкъ любить и уважать. Онъ былъ первой человѣкъ въ моей немноголюдной дворнѣ. Передъ женидьбой моей, батюшка, по просьбѣ моей, изволилъ пожаловать ему отпускную, съ которой онъ, однако, остался при мнѣ и умеръ бездѣтенъ въ нашемъ домѣ. Онъ похороненъ въ бывшемъ нашемъ сельцѣ Никольскомъ. Вдова его понынѣ живетъ у насъ и получаетъ отъ меня половинное жалованье мужа своего, котораго я заслугъ никогда не забуду. Доброй былъ мужикъ и около меня весьма рачителенъ. Вѣчная ему память!

Княгиня Н. П. Куракина.

15-го Декабря. Княгиня Наталья Петровна. По роду нынѣшней связи дружества моего съ ней, въ такія лѣта ея и мои, въ которыя ничего уже пристрастнаго, а паче пылкаго, подозрѣвать не можно, она, конечно, послѣ семьи моей первое мѣсто занимаетъ въ моемъ сердцѣ, и нѣтъ человѣка, съ которымъ былъ бы я такъ довѣрчивъ, откровененъ, какъ съ ней. Нѣтъ человѣка, которой бы меня лучше зналъ, какъ она.

Нѣтъ такого, чьи совѣты, одно слово, одинъ взглядъ, могъ производить на меня такое дѣйствіе, какъ ея. Я безпрестанно жилъ, дѣйствовалъ, думалъ даже подъ ея вліяніемъ, и потому мало говорить объ ней трудно, писать много или все значило бы писать безъ конца. Молвимъ сперва вкратцѣ о собственной ея исторіи.

Она родилась отъ Нарышкина и бывшей за нимъ сестры родной знаменитаго вождя, князя Репнина. Получа, согласно съ ея рожденіемъ, воспитаніе и отъ природы одарена будучи отличными свойствами ума и сердца, при способности ко всѣмъ пріятнымъ талантамъ, выдана она замужъ въ сущей молодости за князя Куракина, Степана Борисовича, которой ни по качествамъ характера, ни по склонностямъ своимъ, не былъ ея достоинъ и стоялъ гораздо ниже въ оцѣнкѣ моральныхъ совершенствъ. Княгиня заплатила общую дань слабости, естественной ея полу: она страстно влюбила въ себя и сама влюбилась въ перваго красавца своего времени, Апраксина, и связь ея съ нимъ скоро сдѣлалась извѣстна всей публикѣ. Могъ ли не примѣтить ея мужъ? Будучи только что матерьяленъ, князь не умѣлъ пріобрѣсти ея сердца. Интрига усилилась и дошла до того, что Куракинъ приступилъ къ гласному съ женой разрыву, влюбясь между тѣмъ и самъ въ дѣвицу Измайлову, воспользовался случаемъ своей фамиліи у двора Павла и требовалъ формальнаго развода. Княгиня, въ сіе злосчастное время тяжкаго для нея искушенія, оставила мужа, жила при матери своей, удалилась отъ свѣта, не хотѣла видѣть и любить ничего, кромѣ Апраксина, а по смерти матери своей жила у дяди, князя Репнина, которой цѣнилъ и уважалъ ея достоинства, но ничего не сдѣлалъ ни при жизни своей въ защиту чести ея и свободы отъ публичнаго нареканія, ни по смерти своей завѣщалъ что-либо въ пользу ея, кромѣ бѣднѣйшаго пенсіона, о которомъ, для чести вельможи, упоминать не смѣю. Настоянія князя Куракина получили желаемой успѣхъ: разводъ его съ женой, на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ, въ Консисторіи Владимирской приговоренъ, утвержденъ Синодомъ, и Куракинъ тотчасъ на Измайловой женился. Еще недоставало послѣдняго и жесточайшаго удара для пораженія княгини, и онъ скоро нанесенъ ей

судьбою: Апраксинъ, измѣня ей, влюбился въ красоту лица княжны Голицыной, выѣхавшей изъ Парижа, опутанъ ею и обвѣнчался. Такимъ образомъ княгиня, принеся все въ жертву идолу своего сердца, поругана мужемъ, обманута въ любви, отвержена міромъ и, съ мужествомъ испивъ чашу прискорбій человѣческихъ до дна, заключилась въ Владимирской своей деревнѣ; тамъ устроила себѣ жилище, и въ немъ, посвятя остатокъ дней своихъ молитвѣ, смиренію, раскаянію, присягу дала уединенію строжайшему, отвратила взоръ и слухъ отъ всѣхъ мірскихъ прелестей, схоронилась, можно сказать, заживо, и безъ схимы умѣла стать подвигами вѣры и добродѣтели выше всѣхъ отшельницъ міра. Вотъ сокращенная біографія сей великой жены, которую не постыжусь назвать героиней; ибо истинное мужество не въ томъ состоитъ, чтобъ не погрѣшить, но въ побѣжденіи страстей во время ихъ волненія, въ отверженіи ихъ среди наслажденій и въ полномъ раскаяніи совѣсти. Все сіе княгиней исполнено. Міръ ее бросилъ, но тотъ же міръ воздастъ ей по смерти похвалу. Это произнесъ не энтузіазмъ, а истинное чувство уваженія моего къ ней, основанное на близкомъ и глубокомъ познаніи всѣхъ ея достоинствъ. Поговоримъ теперь объ отношеніи ея ко мнѣ.

Я узналъ княгиню въ домѣ г-жи Талызиной, сестры родной Апраксина, въ которомъ онъ самъ жилъ и давалъ праздники (см. лит. А). Ей было тогда 24 года. Я былъ офицеръ гвардіи, прапорщикъ только и мальчикъ; Куракина бывала тутъ по цѣлымъ днямъ и все общество Апраксина очаровывала; меня она не могла замѣтить. И такъ я ее мало зналъ, но, слѣдуя общему мнѣнію, искалъ ея одобренія, потому что она возвышала цѣну всякаго юноши, вступающаго на поприще большаго свѣта. Во все время княгининыхъ злосчастій я рѣдко имѣлъ случай встрѣтиться съ ней и узнать ее порядочно; приключенія ея были громки, вся публика была ими наполнена, но, до меня они не касаясь, были мнѣ очень равнодушны. Пріѣхавши въ Владимиръ править губерніей, я узналъ о скромномъ ея жилищѣ и уединенной жизни; я былъ издавна друженъ съ братомъ ея роднымъ и поставилъ себѣ въ обязанность оказывать ей, какъ помѣщицѣ, всѣ зависящія

отъ меня услуги. Отсюда начались мои съ ней сношенія. Она пожелала при жизни своей упрочить малое свое имѣніе, состоящее въ 300 душахъ, дѣтямъ брата своего; на сіе нужно было исходатайствовать особое царское повелѣніе. Дѣло дѣлалось при Александрѣ. Я во всѣхъ сихъ актахъ содѣйствовалъ ей и сей услугой, увѣнчанной желаемымъ успѣхомъ, положилъ начало нашей пріязни. Обстоятельства усилили ее, и естьли есть на свѣтѣ дружба, естьли слово сіе не мечта, а содержитъ идею существенную, то, конечно, могу почтить симъ высокимъ названіемъ настоящую мою связь съ княгиней, въ которую не входитъ ничего предосудительнаго. Княгиня, принявъ на себя, по слову Евангельскому, свой крестъ, посвятила всю себя отношеніямъ родства и дружбы. Она не щадила никакихъ усилій, когда случаи требовали, чтобъ она развернула въ пользу несчастнаго свои способности и чувства: тѣмъ и другимъ она была богата. Когда я лишился первой моей жены, она оплакала ее вмѣстѣ со мной и приняла въ потерѣ моей искреннее участіе. При концѣ старшей дочери моей въ Москвѣ безъ меня, она плакала со мной, какъ дитя, прискакала ко мнѣ въ пущее зимнее время изъ деревни въ Владимиръ и всячески старалась облегчить несносное положеніе мое. Во время тяжкой болѣзни моей опять ко мнѣ пріѣхала и не навѣстила только, но жила у насъ и поѣхала къ роднымъ своимъ въ Москву, когда я вышелъ изъ опасности. Вторую женитьбу мою рѣшила она, узнавши мое намѣреніе, утвердила меня въ ономъ и пеклась объ улучшеніи судьбы моей, сколько ей было возможно. Съ обѣими женами моими сохранила пріятное обращеніе, съ дѣтьми моими ласкова, обходительна со всѣми моими домашними. Княгиня могла еще плѣнять, подобно нѣкоторымъ женамъ древняго вѣка, которыхъ любезность изглаживала признаки старости; могла, но никто бы и помыслить о томъ не дерзнулъ: ибо княгиня Куракина, любивши только одинъ разъ въ жизни пламенно и страстно Апраксина, показала свѣту примѣръ, что два раза любить страстно невозможно сердцамъ прямо чувствительнымъ, въ чемъ нельзя не признать черты высокаго характера. Во время моихъ злополучій по службѣ, она не удовлетворилась однимъ сожалѣніемъ; она дѣйствовала потаенно черезъ

брата своего въ мою пользу. Онъ былъ сенаторъ. Всѣ голоса, имъ поданные, были ею настроены и руководимы. Скрывая вездѣ и всегда свой подвигъ, она, единственно она, помогала моимъ оправданіямъ своей убѣдительностію, разговорами, свидѣтельствомъ о моихъ поступкахъ. Все это имѣло вѣсъ, вліяніе и мнѣ споспѣшествовало. Какой другъ нынѣ окажетъ столько сердоболія и заботы къ защитѣ человѣка ему искреннягоʔ Мнѣ было бы грѣшно, безчестно и безсовѣстно забыть княгиню Куракину, пока паръ есть въ крови моей, пока бьется мое сердце. Въ такомъ тѣсномъ союзѣ дружества естественно, что мы въ разлукѣ постоянно переписывались. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ всякую почту, когда мы розно, я пишу къ ней, она ко мнѣ. Въ письмахъ нашихъ нѣтъ площаднаго разсказа городскихъ вѣстей: мы разсуждаемъ и бесѣдуемъ другъ съ другомъ. Нѣтъ ничего въ душѣ моей, въ помышленіи, въ разумѣ, для нея сокровеннаго. Она пріобщена ко всѣмъ моимъ семейнымъ происшествіямъ, первая и прежде всѣхъ объ нихъ и знаетъ и, какъ полная владычица моего сердца, распоряжаетъ всѣми побужденіями онаго по своей волѣ. Когда мы живемъ въ деревнѣ, она гоститъ у насъ по мѣсяцу и больше. Когда она бываетъ въ Москвѣ, для свиданія только съ родными своими, она вседневно посѣщаетъ и насъ, и нѣсколько зимъ послѣ Французовъ, за недостаткомъ для нея помѣщенія въ обгорѣвшемъ домѣ брата ея, она живала въ нашемъ; словомъ, нѣтъ, я думаю, любовниковъ, которые бы могли такъ постоянно другъ друга любить, какъ мы взаимно привязаны съ начала нашей связи и донынѣ. Я много ужъ объ ней написалъ здѣсь, но все мало въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ могъ бы сказать, напоминая каждой случай, въ которой она была мнѣ или полезна, или необходима участіемъ своимъ и наставленіемъ. Стихи мои, напечатанные въ „Сумеркахъ жизни“, подъ названіемъ „Дружба“, посвящены ей, также какъ и описаніе „Софіевки“, въ „Путешествіи моемъ рукописномъ въ Одессу“ *), принадлежитъ къ моей съ ней перепискѣ. Она недавно была отчаянно больна, но Провидѣніе воз-

*) Оно издано подъ заглавіемъ: „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда въ 1810 году“. Москва, 1869. П. Б.

вратило ее къ жизни, и дай Богъ, чтобъ дни ея продолжались до глубочайшей старости; ибо всякой тотъ, кто умѣетъ любить, кто находитъ въ этомъ чувствѣ истинное счастіе жизни и одаренъ пріобрѣтеніемъ взаимной ея пріязни, тотъ, конечно, познаетъ безутѣшное сердечное сиротство, лишась сей неоцѣненной женщины, съ которой я не умѣю сравнивать ни одной изъ знаемыхъ мной особъ ея пола ни по чувствительности сердца, ни по твердости души, ни по качествамъ разума, обогащеннаго всѣми полезными познаніями.

Князь А. Б. Куракинъ.

13-го Декабря. Князь Александръ Борисовичъ. Отношенія мои съ нимъ основаны были на личномъ интересѣ и потому не могли быть ни прочны, ни полезны, ни пріятны. Еслибъ я писалъ здѣсь его біографію, то много бы помѣстилъ презабавныхъ анекдотовъ на счетъ его сіятельства; но я упомяну, слѣдуя моей цѣли, только о томъ, что́ связи моей съ нимъ принадлежитъ. Онъ былъ первой и ближайшій любимецъ Наслѣдника Престола, Павла, и при дворѣ его зналъ меня и жену мою, какъ молодыхъ людей, которые тѣшатся на театрѣ. Когда Павелъ принялъ престолъ, князь Куракинъ мгновенно призванъ ко двору, изъ отставныхъ камергеровъ скоропостижно произведенъ въ канцлеры 1-го класса, обогащенъ имѣніемъ, изукрашенъ разноцвѣтными орденами, слѣдовательно вышелъ большой баринъ; но пока царствовала Екатерина, которая его не жаловала, онъ принужденъ былъ скрываться въ своихъ Пензенскихъ и Саратовскихъ вотчинахъ и велъ жизнь самую потаенную. Опредѣлясь въ вице-губернаторы въ Пензу, я скоро попалъ въ близкое съ нимъ знакомство; ибо онъ былъ поставщикъ и откупщикъ, слѣдовательно въ томъ и другомъ упражненіи имѣлъ нужду въ моемъ покровительствѣ, къ которому прибѣгалъ весьма часто, не разбирая ни чиновъ, ни этикетовъ, и я, изъ уваженія къ особѣ Великаго Князя и зная ихъ дружескую связь, старался оказывать ему разныя услуги, иногда и съ большой отвѣтственностью, за что князь казался мнѣ человѣкомъ преданнымъ до гроба. Куча писемъ

его ко мнѣ въ то время была свидѣтельствомъ того, что, для выгоды корысти своей, князь способенъ былъ написать все, что́ угодно, не щадя самыхъ сильнѣйшихъ выраженій дружества. По счастью, я на это никогда не полагался и при перемѣнѣ обстоятельствъ его не былъ имъ обманутъ: я очень зналъ, что придетъ время, въ которое князь первой оправдаетъ слѣдующіе мои стихи:

„Кого чуть солнышко пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко, разумѣетъ,
Что многимъ очень студено."

Но, признаюсь, никакъ не ожидалъ того сильнаго переворота судьбы моей, которой послѣдовалъ именно отъ него. Во время службы моей въ Пензѣ, революція Французская была въ самой пущей своей силѣ; она не нравилась князю Куракину, а я, какъ энтузіастъ, плѣнялся софизмами гг. философовъ и неравнодушенъ былъ къ ихъ успѣхамъ. Тогда во Франціи брошены титлы, наряды, ордена. Я, находя это очень покойнымъ, перенялъ моду не чесаться и не пудриться: отличительная наружная черта республиканца въ Парижѣ. По ней судилъ меня слишкомъ бѣгло князь Куракинъ и утвердился въ тѣхъ мысляхъ, что я Якобинецъ, какъ будто бы помада и пудра, или цвѣтъ шапки, дѣлаютъ человѣка и образуютъ его характеръ. Случилось какъ-то, когда князь Куракинъ былъ въ Петербургѣ, въ короткомъ сообществѣ съ Великимъ Княземъ, что рѣчь зашла нечаянно объ насъ. Ихъ Высочества, вспомня прежнія милости свои къ намъ, пожелали узнать, какъ мы поживаемъ въ Пензѣ. Тутъ князь Куракинъ съ соболѣзнованіемъ сообщилъ Великому Князю свои обо мнѣ заключенія. Павелъ былъ напуганъ уже потокомъ революціи, это внушеніе подѣйствовало на него, и онъ убѣдился, что я преопасной гражданинъ и, какъ говорилось тогда, „un républicain enragé" *). Довольно было такого несчастнаго впечатлѣнія, чтобъ погубить меня со временемъ совершенно. Куракинъ отъ простоты этого не разобралъ и сдѣлался причиной многихъ тяжкихъ для меня непріятностей. Павелъ, взойдя на престолъ, тотчасъ выключилъ меня изъ службы, въ которую я съ большимъ трудомъ вступилъ по-

*) Заядлый республиканецъ.

слѣ опять, но во все царствованіе его былъ гонимъ и обижаемъ собственно имъ самимъ; а князь Куракинъ, попавши ко двору въ вельможи, скоро позабылъ меня, прекратилась наша переписка, остылъ жаръ его пріязни, и превратилось сердце его въ ужаснѣйшую льдину. Такъ-то рвутся связи наши житейскія, когда ни что иное, какъ подлая корысть, бываетъ имъ причиной. Впрочемъ, мнѣ всегда пріятно будетъ вспомнить время моего знакомства съ княземъ. Онъ такъ былъ выученъ твердо придворному тону, что, не любя меня нимало, умѣлъ казаться искреннѣйшимъ мнѣ другомъ. Мы часто угощали его у себя и угощались у него превосходно. Чего не происходило въ честь нашу въ помѣстьяхъ „Павловскомъ и Надёжинѣ?“ Мы ему давали театры, а онъ насъ забавлялъ балами, на которыхъ, собравши всю свою дворню, разыгрывалъ при ней роль Нѣмецкаго принца и мечталъ, что онъ при дворѣ. Любилъ пирушки и давалъ намъ, мущинамъ, такіе обѣды, за которыми сидя, мы часто воображали, что мы не у князя, а у откупщика собраны въ богатую гостинницу, и тутъ хозяинъ и гости бывали часто такъ пьяны, что не умѣли ни дверей сыскать, ни безъ помощи слуги сѣсть въ свою карету. Это называлось на языкѣ княжемъ: „des dîners à huis clos“ *). Хоть весь городъ бывалъ свидѣтелемъ такого подлаго соблазна, но, для лишняго рубля дохода, чего не сдѣлаетъ любостяжатель, хотя бы онъ былъ потомокъ ста поколѣній рыцарскихъ? Можно ли описать и исчислить всѣ тѣ сплетни, дурачества, проказы, въ коихъ, во дни оны, князь Куракинъ былъ или первое дѣйствующее лицо, иногда страдательное, а всегда, болѣе или менѣе, главная побудительная причина? Въ знакъ отличной своей ко мнѣ пріязни, онъ изволилъ мнѣ подарить портретъ изъ масляныхъ красокъ покойной Великой Княгини Натальи Алексѣевны, которой я храню, какъ драгоцѣнность, не по воспоминанію, однако, княжей ко мнѣ лукавой ласки, а по благоговѣнію моему къ особѣ, которой холстъ изображаетъ передо мной живѣйшія черты ума и добродѣтели, вылитыя на лицѣ ея самой природой. Между посланіями моими въ стихахъ, кои напечатаны, есть одно къ швейцару: оно пи-

*) Обѣды при запертыхъ дверяхъ.

сано въ Пензѣ, и я долженъ откровенно повиниться, что я въ немъ описывалъ князя Куракина, и многіе стихи относятся прямо къ нему и къ образу его жизни. Изъ нихъ можно будетъ видѣть, что я князя, гораздо прежде случая его, проникъ, выучилъ его твердо и увѣренъ былъ, что онъ тотчасъ оборотится ко мнѣ спиной, какъ скоро Фортуна прямо кинется ему въ глаза. Такъ и случилось, и отъ того я съ хладнокровіемъ перенесъ чудную перемѣну обращенія его со мной, когда онъ изъ ничего сдѣлался нѣчто.

Князь А. Б. Куракинъ.

14-го Декабря. Князь Алексѣй Борисовичъ, братъ родной того, о которомъ писано выше, совсѣмъ другаго свойства человѣкъ: тотъ былъ тщеславенъ, этотъ чрезвычайно гордъ. Онъ при Екатеринѣ еще началъ упражняться въ гражданскихъ трудахъ и причисленъ былъ, съ камергерскимъ достоинствомъ, къ экспедиціи графа Васильева, подъ главнымъ управленіемъ тогдашняго генералъ-прокурора князя Вяземскаго. И онъ также былъ современникомъ отца моего въ государственныхъ казначействахъ; я его въ нихъ засталъ, когда помѣстился въ вице-губернаторы и призванъ былъ, для навыки въ счетахъ, сидѣть съ нимъ за однимъ круглымъ столомъ въ присутственной камерѣ Васильева. Въ царство Павлово сей князь Куракинъ также выросъ въ чинахъ и былъ самъ генералъ-прокуроръ; потомъ я, уже будучи губернаторомъ, попалъ подъ его начальство, когда онъ смѣнилъ графа Кочубея въ званіи министра внутреннихъ дѣлъ. Тогда ощутительна сдѣлалась разница, какая существуетъ между настоящимъ министромъ и надменнымъ вельможей. Первой приступъ его ознаменовался самымъ грознымъ циркулярнымъ письмомъ ко всѣмъ губернаторамъ, въ которомъ онъ обѣщалъ ихъ наказывать и подвергать монаршему гнѣву, естьли будетъ ими недоволенъ; это меня взволновало до того, что я никогда не могъ себя принудить быть ему искренно преданнымъ. Скоро позабылись всѣ наши прежнія отношенія по Саратову и Пензѣ. Онъ казался очень ласковъ въ наружномъ обращеніи, но въ управленіи дѣлами послѣ Кочубея долженъ

былъ показаться несноснымъ. Всѣ чины вокругъ него перемѣнились; временемъ онъ былъ слишкомъ надутъ, а другимъ слишкомъ фамильяренъ. Я никогда не забуду, что изъ особенной ласки ко мнѣ, будучи позванъ въ его кабинетъ, я засталъ его за бритьемъ: ему мылили бороду, а передъ нимъ по одну сторону стоялъ какой-то домашній шутъ, а по другую я. Такое отличіе передъ тѣми, кои ожидали выхода его въ залѣ, было для меня до крайности уничижительно; но князь Алексѣй Борисовичъ не понялъ бы вѣчно, что такое, по его мнѣнію, благоволеніе можетъ другому, по различію характеровъ, обратиться въ оскорбленіе: ибо губернаторъ не долженъ быть у министра, особенно же поутру, въ часы отправленія имъ его должности, какимъ-то потѣшнымъ собесѣдникомъ: на все есть своя пора. Князь думалъ, что онъ этимъ поступкомъ чрезвычайно меня отличилъ. Подобное обращеніе мнѣ такъ было противно, что никакими, даже снисканными при немъ, успѣхами, по званію моему, я не могъ быть обрадованъ, и непрестанно тужилъ о Кочубеѣ. Я обязанъ, однако, благодарностью князю Куракину за Анненскую ленту, которую получилъ по представленію его, въ то самое время, когда я могъ быть, хотя неправосудно, но по настройкѣ Арсеньева (см. лит. А.) очерненъ имъ, по слѣдствію о лѣсахъ Владимирской губерніи. Все сіе дѣло, затѣянное при Куракинѣ, кончилось безъ всякаго для меня вреда; напротивъ, я былъ пожалованъ въ кавалеры, получилъ рескриптъ, и всѣмъ тѣмъ обязанъ охотному содѣйствію въ пользу мою князя Алексѣя Борисовича. Но, при всѣхъ сихъ его одолженіяхъ, я не могъ быть ни счастливъ, ни доволенъ подъ его начальствомъ отъ того единственно, что онъ не умѣлъ обращаться: то былъ гордъ, то слишкомъ привѣтливъ; все зависѣло отъ минуты, и такой характеръ въ начальникѣ несносенъ. При немъ я былъ однажды въ отпускѣ въ Петербургѣ и удостоился быть представленъ на аудіенцію личную къ Императору, кои ввелъ этотъ министръ въ обычай, желая, чтобъ Государь изволилъ самъ узнать начальниковъ губерніи, допуская ихъ къ себѣ въ кабинетъ и бесѣдуя съ ними; но, кажется, отъ сего преимущества не произошло ни пользы для службы, ни выгодъ губернаторамъ. Въ другой разъ князь оказалъ мнѣ также

пріятную услугу, выпрося, по представленіямъ моимъ, разныя награды чиновникамъ Владимира, употребленнымъ мною для предохраненія той губерніи отъ заразы, открывшейся въ низовыхъ областяхъ, съ коими я сообщалъ и связывалъ обѣ столицы. За все сіе я обязанъ быть ему благодарнымъ, но служить подъ нимъ не находилъ никакого удовольствія. Всякой знакъ его вниманія, даже самаго благодѣтельнаго, былъ тяжелъ; потому что онъ покупался не столько подвигами, званію свойственными, какъ разными низкими угожденіями, кои такъ противны всякому благородному сердцу. У меня долго и много сохранялось писемъ его, напоминающихъ мнѣ старинную связь мою съ нимъ и съ братомъ его, когда мы были еще въ чинахъ почти ровня. Теперь мы оба въ отставкѣ, и я, послѣ того, какъ вышелъ изъ-подъ его начальства, нигдѣ уже съ нимъ не встрѣчался. Умолчимъ о многихъ другихъ случаяхъ, между нами происходившихъ, въ коихъ я бывалъ дѣйствующимъ лицомъ во взаимномъ нашемъ кругообращеніи по свѣту и кои служили бы къ пополненію только собственной его біографіи; я останавливаюсь здѣсь на тѣхъ событіяхъ, кои лично до меня касались и показываютъ сущность нашего отношенія. При немъ начала̀ служба губернаторская становиться очень тягостною, потому что завелись фискалы, тайные шпіоны, доносчики, слѣдствія стали размножаться, а министръ не смѣлъ и не умѣлъ ни за кого вступиться и, по вліянію двора, или отдавалъ на жертву часто достойнаго начальника, или покровительствовалъ шалуна, которой забавенъ былъ въ его прихожей. Надменность его все превышала, и когда онъ даже выпрашивалъ милости монаршія своимъ подчиненнымъ, то объ немъ можно было сказать, что́ сказалъ одинъ придворной своему принцу, на вопросъ: „Отъ чего его не любятъ?“ „C'est que vous faites tomber vos dons de si haut, qu' ils écrasent ceux à qui vous les accordez!“ *)

---

*) Оттого что вы роняете ваши дары съ такой высоты, что они разбиваютъ тѣхъ кому вы ихъ оказываете.

Курикъ.

13-го Ноября. Малороссіянинъ, студентъ Московскаго университета, съ которымъ я вмѣстѣ обучался разнымъ наукамъ; онъ хаживалъ ко мнѣ давать приватные уроки, и помощью его я достигъ чести получить серебренную медаль за диссертацію на Латинскомъ языкѣ, на которую нарядъ былъ изъ класса изящной словесности г-на Барсова. Тема намъ дана была „Laus Ciceroni.“ Не хочу себѣ присвоить ея достоинства: оно принадлежитъ вполнѣ г-ну Курику, котораго поправки составили почти все то, чтó почитали за собственной мой трудъ. За такое одолженіе я остался ему обязанъ навсегда и, вспоминая мои упражненія въ классахъ, не могу не вспонить Курика, добраго моего учителя и сотоварища: все вмѣстѣ. Онъ потомъ ѣздилъ въ Парижъ усовершенствоваться въ медицинѣ и былъ бы искуснѣйшій врачъ, еслибъ смерть не прекратила дней его въ лучшей порѣ человѣческой жизни. Я упомянулъ о немъ въ предисловіи къ третьему изданію моихъ сочиненій, и Курикъ, давно уже скончавшійся, не забытъ мною въ спискѣ тѣхъ мужей, коимъ я чту себя обязаннымъ за труды, подъятые ими въ моемъ образованіи.

Графъ Кутайсовъ.

5-го Сентября. Нынѣ графъ и Андреевской кавалеръ. Я началъ знать его камердинеромъ при Наслѣдникѣ Престола. Онъ былъ изъ Турокъ; я помню, что онъ отворялъ мнѣ дверь въ кабинетъ Великаго Князя, когда я приходилъ просить Его Высочество окрестить перваго ребенка, и прежде еще, когда я приходилъ просить дозволенія жениться на Смирной. Во время нашихъ театровъ, онъ же нашивáлъ на меня и снималъ съ меня брильянты придворные, и я худо зналъ тогда, какъ его зовутъ, а теперь, встрѣчаясь съ нимъ, титулую его сіятельствомъ, и на пирахъ онъ очень далеко отъ меня садится. О tempora! О mores! Впрочемъ, когда же этого и не бывало? Меньшиковъ торговалъ блинами, Разумовской пѣвалъ на клиросѣ, Сиверсъ былъ скороходомъ; почему же и Кутайсову не быть графомъ? Онъ и мастерски брилъ бороду Павлу. Это не бездѣлица.

XXVIII-й годъ изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890

4.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1890.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1890 годъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ, МУЗЫКАЛЬНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

АРТИСТЪ.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Вл. А. Александровъ, Н. Ѳ. Арбенинъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Бобырыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, проф. П. Г. Виноградовъ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ. И. Н. Врековъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, М. С. Карелинъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. П. Кругликовъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. Ѳ. Крюковской, Ц. А. Кюи, И. И. Лавровъ, М. Н. Лавровъ, Н. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, Д. М. Леонова, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Влад. И. Немировичъ-Динченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, А. Н. Плещеевъ, І. М. Познеръ, Г. А. Рачинскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, проф. Н. И. Стороженко, Кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), С. Н. Терпигоревъ (Атава), проф. Н. С. Тихонравовъ, Кн. А. И. Урусовъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, С. Ф. Ѳедотовъ, А. А. Ѳедотовъ и др. **Художники:** А. Е. Архиповъ, В. Н. Бакшеевъ, Ѳ. А. Бронниковъ, С. А. Виноградовъ, С. В. Ивановъ, А. А. Киселевъ, Бар. Н. А. Клодтъ, К. А. Коровинъ, Н. М. Ковалевскій, С. И. Кохъ, А. И. Левитанъ, А. П. Ленскій, А. Е. Маковская, М. В. Нестеровъ, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. Д. Полѣновъ, Д. И. Поляковъ, И. Е. Рѣпинъ, А. К. Сильверсванъ, Гр. Ѳ. Л. Соллогубъ, А. С. Степановъ, Ч. А. Танскій, К. А. Трутовскій, Е. М. Хрусловъ, С. И. Ягужинскій, Г. Ѳ. Ярцевъ и др.

Издатель Ф. А. Куманинъ. Отвѣтственный редакторъ А. Р. Гиппіусъ.

Журналъ выходитъ **ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона** (7 разъ въ годъ, съ **сентября** по **апрѣль**) книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ 9 р.. съ пересыл. и достав. 10 р., отдѣльные нумера по 2 р.

Подписка принимается и отдѣльные №№ продаются: въ конторѣ **редакціи** (Москва, Кудрино, Садовая, д. Бартельсъ), **въ книжной лавкѣ Большаго театра,** въ конторѣ Н. Н. Печковчкой (Москва, Петровскія Линіи), въ театральной библіотекѣ Е. Н. Разсохиной (Москва, Тверская, Георгіевскій пер., д. Сушкина) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ. Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи журнала.

ПИСЬМА КНЯЗЯ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ВОРОНЦОВА КЪ АЛЕКСѢЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ *).

35.

Тифлисъ, 7 Февраля 1851.

Я виноватъ передъ тобою, любезный Алексѣй Петровичъ, что послѣднія двѣ-три недѣли не писалъ къ тебѣ, получивъ въ это время сперва одно, а потомъ другое письмо отъ 18 Генваря. Начинаю съ того, чтобы благодарить тебя душевно, какъ отъ себя, такъ и отъ жены моей, за истинное дружеское твое поздравленіе о пожалованіи ей ордена ленты св. Екатерины: это большая милость, и мы должны быть весьма благодарны. Что же касается до того, чтò ты мнѣ пишешь о празднествахъ въ Москвѣ въ будущемъ Августѣ мѣсяцѣ и объ ожиданіи твоемъ меня тамъ видѣть, то скажу тебѣ, что объ этихъ празднествахъ мы ничего не знаемъ офиціально, и должно или можно ли будетъ мнѣ туда ѣхать, мнѣ теперь совершенно неизвѣстно. Отсель уѣзжать, кромѣ физическихъ трудовъ поѣздки, вмѣсто возможнаго отдыха на водахъ или въ Крыму, есть и другое всегдашнее затрудненіе: слишкомъ отдалиться отъ здѣшнихъ мѣстъ и дѣлъ въ самое то время, когда у насъ есть предпріятія и когда противъ непріятеля должно быть въ осторожности. Притомъ помощниковъ у меня весьма много отличныхъ, но нѣтъ никого, которому и по старшинству, и по другимъ обстоятельствамъ вмѣстѣ, я бы могъ все сдать на время отсутствія, и въ 1849 году я долженъ былъ устроить довольно трудное распоряженіе между лицами: никто не былъ назначенъ всѣмъ завѣдывать и хотя по милости Божіей все это пошло хорошо, но на подобное счастіе всегда считать не возможно, и я нерѣдко въ это время очень безпокоился. Впрочемъ къ тому времени увидимъ, чтò обстоятельства покажутъ и чтó Богу будетъ угодно.

О князѣ Палавандовѣ я, кажется, уже писалъ тебѣ въ прошломъ году; я бы желалъ отъ души сдѣлать что-нибудь ему пріятное и выгодное, но запрещеніе входить съ просьбами о денежныхъ награ-

*) См. выше, стр. 329.

дахъ и арендахъ теперь еще сильнѣе прежняго, и мы получили недѣли двѣ тому назадъ такія о томъ повторенія и наставленія, что должны, хотя на время, не только не входить съ подобными просьбами, но даже останавливаться въ нѣкоторыхъ предположеніяхъ и улучшеніяхъ по краю, какъ скоро это влечетъ въ сверхсмѣтные расходы. Что же касается до мѣста для Палавандова, то одно, которое онъ можетъ здѣсь занимать и которое я очень былъ бы радъ ему доставить, какъ скоро будетъ вакансія, есть мѣсто въ главномъ здѣшнемъ Совѣтѣ, гдѣ находятся и гражданскіе чиновники; губернаторы же всѣ должны быть военные, и воля Государя на это есть рѣшительная.

Ты можешь откровенно объ этомъ переговорить съ княземъ Палавандовымъ и увѣрить его не только о готовности, но и объ истинномъ желаніи моемъ видѣть его здѣсь въ службѣ, на которую онъ по опытности въ дѣлахъ и совершенному знанію края болѣе нежели способенъ и будетъ весьма полезенъ. Вакансій въ Совѣтѣ хотя теперь въ виду нѣтъ, но таковая можетъ всегда встрѣтиться, и дѣло бы тогда скорѣе сдѣлалось по общему нашему желанію, ежели бы онъ въ то время былъ не въ Москвѣ, а здѣсь; впрочемъ, я слышу, что они намѣрены пріѣхать назадъ на родину въ этомъ году и надѣюсь, что они это сдѣлаютъ.

У насъ нѣтъ ничего особеннаго кромѣ продолженія рубки лѣса въ Большой Чечнѣ. Шамиль сильно сопротивляется, но съ помощію Божіею, надѣюсь, мѣшать намъ не можетъ, и сопротивленіе это хотя стòитъ намъ нѣкоторую потерю людей, но по сіе время небольшую, и доказываетъ лучше всего, сколько Шамиль дорожитъ этою мѣстностію и сколько онъ боится, что плоскость Большой Чечни попадетъ къ намъ въ руки, такъ какъ это сдѣлано въ Малой Чечнѣ. Онъ привелъ для сопротивленія почти всѣ силы Дагестана. Даніель-Бекъ и Хаджи-Муратъ съ нимъ, и сей послѣдній на дняхъ ходилъ въ верховья рѣкъ Черныхъ горъ въ Малой Чечнѣ, гдѣ остались еще въ весьма трудныхъ мѣстахъ тѣ жители Малой Чечни, которые еще не покорились, и оттуда хотѣлъ ударить на какую-нибудь станицу Сунженскую или на мирныхъ нашихъ Чеченцевъ но Слѣпцовъ не дремалъ, и Козловскій послалъ за непріятелемъ часть своей кавалеріи. Хаджи-Муратъ долженъ былъ уйти, не сдѣлавши совершенно ничего. Но Слѣпцовъ этимъ не довольствовался и пошелъ наказывать жителей, принявшихъ этого пришельца; въ этомъ онъ совершенно успѣлъ, но не безъ потери съ нашей стороны по особенно труднымъ мѣстамъ, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать возвратнымъ путемъ послѣ сожженія и истреб-

ленія всего принадлежащаго виновнымъ противъ насъ ауламъ и хуторамъ. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли, къ общему сожалѣнію, добраго и стараго служиваго полковника Германса и служащаго въ Сунженскомъ полку сына наказнаго атамана Хомутова. Вообще же въ Чечнѣ и на Кумухской плоскости дѣла идутъ весьма хорошо, и я смѣю думать, что сѣверная часть Дагестана недолго останется въ порабощеніи сильнаго и умнаго возмутителя, съ которымъ мы имѣемъ дѣло.

На Правомъ Флангѣ я также надѣюсь, что въ этомъ году дѣла сильно подвинутся; теперь строится мостъ на Лабѣ у ст. Тенгинской, а весною пойдетъ сильный отрядъ строить укрѣпленіе, а въ послѣдствіи и мостъ съ тетъ-де-пономъ, на Бѣлой, въ 35 верстахъ отъ Тенгинской станицы. Это единственный способъ держать въ страхѣ всѣ племена Закубанскія и особливо Абазеховъ, а этимъ можно и должно уничтожить вліяніе Шамиля и его агентовъ на всѣ тамошнія мѣстности.

36.

Кисловодскъ, 20 Іюля 1851.

Ты мнѣ пишешь, и я самъ думалъ, что ничто не помѣшаетъ мнѣ отправиться именно завтра на Правый Флангъ и, пробывъ тамъ нѣсколько дней, чрезъ Ейскъ въ Крымъ на настоящій отдыхъ; но здѣсь болѣе нежели на всякомъ другомъ мѣстѣ человѣкъ предполагаетъ, но не располагаетъ. Покамѣстъ все идетъ такъ хорошо въ Чечнѣ и за Кубанью, Шамилю вздумалось попробовать смѣлую штуку въ Дагестанѣ. Послѣ первой неудачи Омара Салтинскаго, онъ отправилъ Хаджи-Мурата съ партіею около 800 доброконныхъ черезъ Буйнаки, которые онъ разграбилъ, въ Кайтагъ и вольную Табасарань, гдѣ многіе или отъ страха или съ дурнымъ намѣреніемъ къ нему пристали. Князь Аргутинскій, узнавъ это на Турчидагѣ, былъ въ довольно затруднительномъ положеніи, ибо около Чоха и Согрателя находился Шамиль съ сильнымъ сборомъ. Онъ однако рѣшился идти противъ главной непріятельской операціи и, оставивъ хорошаго штабъ-офицера съ четырьми батальонами, самъ съ пятью батальонами, съ драгунами, милиціею и проч. пошелъ черезъ Чирахъ въ Табасарань. Не знаю, какъ и когда это все развяжется и надѣюсь на Бога, на славное войско и опытнаго нашего начальника Дагестана; но во всякомъ случаѣ ѣхать отсель на Правый Флангъ, прежде нежели получу извѣстіе о чемъ-нибудь рѣшительномъ, невозможно, тѣмъ болѣе ежели тамъ хуже загорѣлось, надо будетъ подвинуть къ Сулаку и къ Шурѣ резервъ изъ войскъ Лѣваго Фланга. Я непремѣнно напишу тебѣ, какъ скоро узнаю что-нибудь интересное, а

теперь скажу только, что 8-го числа князь Аргутинскій долженъ былъ выдти изъ Кумуха на Чирахъ, и что я считаю около 4-хъ переходовъ, чтобы войти въ Табасарань; одинъ батальонъ изъ Гельмеца на Самурѣ выступилъ къ Чираху, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ.

37.

Кисловодскъ, 4 Августа 1851.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я обѣщался увѣдомить тебя о развязкѣ дѣлъ въ Дагестанѣ прежде моего отъѣзда отселѣ. Теперь спѣшу написать, что все тамъ, слава Богу, кончилось такъ, какъ можно было желать и какъ можно было ожидать отъ знанія дѣла и рѣшительности князя Аргутинскаго. Отъ него прямо я еще ничего не имѣю, но по официальному отношенію Кубинскаго уѣзднаго начальника намъ извѣстно, что Хаджи-Мурадъ, ворвавшись въ Табасарань, успѣлъ привлечь къ себѣ часть жителей, хотя всѣ беки ему сопротивлялись; потомъ, когда войска наши пришли со всѣхъ сторонъ, то онъ началъ метаться и укрѣпилъ нѣсколько деревень; 21-го числа князь Аргутинскій взялъ съ бою четыре деревни, а 22-го атаковалъ главную, гдѣ былъ самъ Хаджи-Мурадъ, на которую жители надѣялись. Хаджи-Мурадъ однако думалъ иначе и, какъ кажется, еще прежде боя ушелъ. Деревня взята мигомъ и сожжена въ наказаніе, равно какъ и взятая наканунѣ. Часть мюридовъ защищалась съ жителями и была переколота; съ другою частью Хаджи-Мурадъ пробрался, какъ могъ, тропинками и 24-го наткнулся на одинъ нашъ батальонъ, какъ кажется, изъ отряда генерала Суслова и потомъ успѣлъ спастись, хотя со стыдомъ и съ большою потерею. О Шамилѣ я ничего не знаю; но, какъ кажется, онъ не посмѣлъ ни сдѣлать диверсію въ пользу Хаджи-Мурада и вольныхъ Табасаранцевъ, къ нему приставшихъ, ни атаковать наши войска, оставленныя на Койсу кн. Аргутинскимъ. Сегодня я отправлюсь на Бѣлую и далѣе. Конечно еще лучше бы было, еслибы самъ Хаджи-Мурадъ попалъ бы къ намъ въ руки, но на это считать было бы невозможно. Довольно сильное и смѣлое предпріятіе Шамиля ни въ чемъ не удалось, и жители, къ мюридамъ приставшіе и которыхъ давно Аргутинскій хотѣлъ наказать за непокорность, теперь сильно наказаны, и главное, что когда въ Чечнѣ и на Правомъ Флангѣ для насъ все идетъ какъ нельзя лучше, новое и смѣлое предпріятіе Шамиля повернулось въ нашу пользу. Прежде нежели отправиться въ Крымъ, я тебѣ еще напишу, что̀ я увижу и узнаю на Бѣлой. Прощай, любезный другъ; я посылаю это письмо чрезъ Булгакова не запечатанное, чтобы онъ могъ видѣть, что̀ у насъ дѣлается.

38.

Лагерь на Бѣлой, 9 Августа 1851.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я начинаю это письмо здѣсь, но кончу и отправлю оное завтра или послѣ завтра изъ Тифлиской станицы на Кубани, и тогда можетъ быть я что нибудь узнаю прямаго и офиціальнаго отъ князя Аргутинскаго. Мы пришли сюда третьяго дня и съ самой Лабы, черезъ которую мы проѣхали по прекрасному мосту о трехъ аркахъ по досчатой системѣ, въ станицѣ Тенгинской я вошелъ въ край прежде мнѣ неизвѣстный. Отъ Лабы до этого мѣста около 35 верстъ; здѣсь я нашелъ укрѣпленіе почти конченнымъ на 6 ротъ и 4 сотни казаковъ; въ началѣ Сентября начнутъ строить мостъ или, лучше сказать, два моста съ укрѣпленіями для тетъ-де-пона. Вчера мы выстроили временный мостъ на козлахъ, заняли лѣсъ на лѣвомъ берегу пѣхотою, и сегодня я ѣздилъ на ту сторону версты двѣ по прекраснымъ равнинамъ за лѣсомъ. Вдали были видны Абазехскіе аулы, но ни одинъ живой человѣкъ не показывался; непонятно даже, какой упадокъ духа могъ быть причиною, что отрядъ здѣсь живетъ, строитъ крѣпость и купается въ рѣкѣ безъ всякой защиты на лѣвомъ берегу и безъ всякаго со стороны непріятеля покушенія. Еще сначала были рѣдкія перестрѣлки, но послѣ разбитія Магомета-Аминя 16-го Мая Волковымъ и кн. Эристовымъ, здѣсь уже не было ни одного выстрѣла. Разныя племена все говорятъ о необходимости покориться; но мы имъ объявили, что между Бѣлою и Лабою мы не дадимъ никому селиться и что все это пространство останется пусто, по Кубани же у насъ есть земли готовыя къ услугамъ. Когда же всѣ построенія будутъ здѣсь кончены, т.-е. будущею весною, и здѣсь будетъ съ хорошимъ гарнизономъ хорошій и опытный начальникъ, то Абазехи будутъ у насъ въ рукахъ, и заднія линіи нижней Лабы и части Кубани будутъ сильно обезпечены, а нѣсколько сотенъ отличныхъ казаковъ всегда готовы, какъ резервы, для дѣйствій.

Здѣсь вообще мѣсто здоровое, вода въ рѣкѣ и въ колодцахъ отличная и въ изобиліи. До половины Іюля здѣсь не было больныхъ; но послѣ несносныхъ жаровъ не только здѣсь, но даже и въ Кисловодскѣ пошли лихорадки и отчасти поносы. При лѣченіи, заведенномъ въ послѣдніе годы Андріевскимъ, лихорадки бываютъ непродолжительны и, что всего важнѣе, рѣдко возвращаются. Почтенный генералъ Заводовскій также пострадалъ отъ жаровъ и отъ давней его болѣзни, волненія въ крови; но ему эти два дня гораздо лучше, и онъ вездѣ со мною ѣздилъ верхомъ; онъ поѣдетъ недѣли на двѣ полѣчиться въ Же-

лѣзноводскъ и потомъ пріѣдетъ назадъ сюда, гдѣ его присутствіе драгоцѣнно по совершенному его знанію дѣла и края и по совершенному уваженію и довѣренности, которыя имѣютъ къ нему всѣ здѣшніе народы.

Ст. Тифлиская, 11 Августа (1851).

Съ удовольствіемъ спѣшу прибавить тебѣ нѣсколько словъ, любезный Алексѣй Петровичъ, о дѣлахъ Дагестана. Вчера я былъ обрадованъ подробнымъ донесеніемъ князя Аргутинскаго, изъ котораго узналъ, что Хаджи-Мурадъ, пробравшись въ вольную Табасарань, гдѣ часть жителей присоединилась къ нему, вездѣ былъ атакованъ нашимъ отрядомъ и, потерявъ лучшихъ людей своихъ, съ частію мюридовъ бѣжалъ обратно, но и тутъ еще встрѣченъ войсками и жителями нашими и потерпѣлъ новые уроны. Съ другой стороны Шамиль со всѣмъ скопищемъ своимъ, считая отрядъ, оставленный въ Гамаши недостаточнымъ для остановки его, сталъ дѣйствовать противъ Казикумуха, гдѣ Агаларъ-Бекъ съ милиціею и батальономъ пѣхоты опрокинулъ его; а 12-го числа генералъ-маіоръ Граматинъ совершенно разбилъ всѣ скопища горцевъ около Турчидага. Шамиль бѣжалъ къ Чоху, потерявъ три значка, много убитыхъ и въ томъ числѣ 4 наиба; сборъ распущенъ, и въ Табасарани водворено полное спокойствіе: жители дѣлаютъ дороги и просѣки, которыя во всякое время сдѣлаютъ доступною нашимъ войскамъ трудную эту мѣстность.

Вообще я совершенно спокойно отправляюсь въ Алупку и смѣло могу сказать, что въ послѣдніе эти годы, по всему, что̀ дѣлалось въ Чечнѣ, что́ нашелъ я здѣсь и наконецъ съ послѣдними успѣхами въ Дагестанѣ, никогда дѣла наши не были въ такомъ удовлетворительномъ и блестящемъ положеніи, какъ теперь.

Князь Аргутинскій въ послѣднемъ походѣ дѣйствовалъ отлично и оправдалъ вполнѣ высокую репутацію его въ войнѣ Дагестана. Сей часъ отправляюсь въ Ейскъ.

39.

Темиръ-Ханъ-Шура, 7-го Ноября 1851 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, ты справедливо жалуешься на меня въ письмѣ твоемъ 8-го Октября, полученномъ здѣсь только сегодня, что я такъ давно къ тебѣ не писалъ. Одно извиненіе была болѣзнь, постигшая меня немедленно по прибытіи въ Алупку, которая мнѣ помѣшала даже быть въ церкви при свадьбѣ сына и во время лѣченія отъ которой мнѣ тѣмъ болѣе не позволяли ни писать, ни безъ необходимости чѣмъ бы то ни было заниматься, чтобы сдѣлать меня

способнымъ къ поѣздкѣ къ Государю въ Елисаветградъ и потомъ въ Одессу для встрѣчи молодыхъ Великихъ Князей и потомъ для встрѣчи ихъ опять въ Алупкѣ *). Между тѣмъ nolens-volens я долженъ былъ хотя съ разборчивостію и только по необходимости входить въ дѣла Кавказа и Новороссійскихъ губерній. И такъ могу сказать, что у меня ни минуты не было свободной; вмѣсто покою и отдохновенія въ Крыму, какъ я надѣялся, недѣль на шесть или болѣе, я имѣлъ всего свободныхъ пять дней между отъѣздомъ Великихъ Князей и моимъ собственнымъ отъѣздомъ изъ Алупки. Хотя еще на діэтѣ и съ предосторожностями послѣ сильной болѣзни, опять вмѣсто покою я отправился съ адмираломъ Серебряковымъ въ Новороссійскъ, тамъ осматривалъ новую дорогу черезъ горы, потомъ долженъ былъ въ Керчи вмѣстѣ съ г. Ѳедоровымъ хлопотать о перемѣнѣ полусумасшедшаго градоначальника, потомъ по всему теченію Кубани имѣлъ толкованіе со всѣми Закубанскими народами, а изъ Ставрополя отправился черезъ Малую Чечню, чтобы водворить сына моего съ молодою женою въ Воздвиженскомъ: онъ принялъ полкъ скоро и исправно и съ большимъ рвеніемъ принимается за дѣло. Оттуда мы пріѣхали сюда и я въ короткихъ словахъ тебѣ скажу: *первое*, что Закубанскія дѣла въ этомъ году взяли очень хорошій оборотъ; объ Чечнѣ довольно тебѣ сказать, что я привезъ дамъ (ибо жена моя и графиня Шуазель со мною) отъ Владикавказа по Сунжѣ, потомъ черезъ Урусъ-Мартанъ въ Воздвиженское и оттуда въ Грозную въ экипажахъ и большою рысью съ кавалерійскими конвоями. Въ Грозной, по желанію жены моей и моему собственному, мы были въ твоей землянкѣ, которая остается сохранною и драгоцѣннымъ памятникомъ о тебѣ. Теперь остается тебя увѣдомить о важномъ дѣлѣ, о которомъ ты можетъ быть уже слышалъ, а именно о ссорѣ Шамиля съ Гаджи-Мурадомъ. Чтобы дать тебѣ ясную идею объ этомъ, я посылаю то что̀ мы сообщаемъ въ Тифлисъ; тамъ все сказано что̀ мы знаемъ, ни больше ни меньше. Что̀ будетъ впослѣдствіи, Богъ одинъ знаетъ; можетъ быть отъ этого для насъ хорошее, дурнаго же быть не можетъ. Сегодня мы получили извѣстіе, что Анцухскій наибъ, получивши повелѣніе Шамиля сдать свое наибство другому, объявилъ неповиновеніе и хочетъ ни новаго наиба, ни Шамиля къ себѣ не пускать.

Прощай, любезный другъ; мы послѣ завтра отправляемся въ Дербентъ и потомъ черезъ Баку и Шемаху въ Тифлисъ, куда надѣюсь прибыть 22-го числа.

*) Единственный сынъ князя Воронцова, князь Семенъ Михайловичъ, женился въ Алупкѣ, въ Августѣ 1851 года на вдовѣ Алексѣя Григорьевича Столыпина, урожд. княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Трубецкой. П. Б.

40.

Тифлисъ, 17 Генваря 1852 г.

Я такъ противъ тебя виноватъ, любезный Алексѣй Петровичъ, въ послѣднія времена, что, собираясь писать къ тебѣ сегодня и въ это время видя письмо твое, пришедшее по почтѣ, я боялся, что ты меня будешь крѣпко бранить; а между тѣмъ я право не такъ виноватъ какъ бы казалось. Послѣдніе три или четыре мѣсяца я имѣлъ всякаго рода недугъ, хлопотъ и запутанныхъ дѣлъ и занятій, которыя не давали мнѣ ни покоя, ни досуга. Между тѣмъ въ Декабрѣ я было оглохъ, и это продолжалось дней 8 или 10; потомъ, только что это поправилось, сдѣлалось у меня маленькое воспаленіе въ глазѣ, и опять недѣли на двѣ я никуда не годился. Не знаю что̀ будетъ далѣе, но теперь покамѣстъ я поправился и могу ѣздить верхомъ и ходить пѣшкомъ по обыкновенію. Объ дѣлахъ здѣшнихъ ты знаешь по газетамъ и потому, что̀ я пересылалъ тебѣ черезъ Булгакова. Я былъ очень обрадованъ блистательнымъ началомъ зимней экспедиціи и хорошимъ участіемъ въ этомъ моего сына. Князь Барятинскій оказываетъ вотъ уже года два или три хорошія военныя способности и совершенное понятіе здѣшней войны. Онъ всегда дѣлаетъ больше и лучше нежели въ инструкціи предположено. При прощаніи съ нимъ я съ нимъ условился, чтобы при рубкѣ лѣсовъ, (гдѣ найдется лучшимъ для вящаго расширенія и такъ уже большихъ полянъ Большой Чечни и доступныхъ мѣстъ и для отнятія у нихъ всѣхъ средствъ къ продовольствію и тѣмъ принуждать къ покорности или къ уходу пропадать въ горахъ) найти удобный случай занять и разорить главныя селенія и, можно сказать, теперешнюю столицу большой Чечни, Автуръ. Сообразивъ свѣдѣнія и всѣ обстоятельства мѣстности, Барятинскій исполнилъ это съ полнымъ успѣхомъ и ничтожною потерею, распорядительно и неожиданно, въ самый первый день вступленія на боевыя мѣста. 6-го числа, когда Шамиль только что собирался сдѣлать сильную защиту на рѣкѣ Басѣ и около Герменчука, онъ выступилъ въ два часа утра и прежде полдня пришелъ прямо къ Автуру; тутъ онъ поручилъ Куринцамъ съ сыномъ моимъ немедленно штурмовать это селеніе, въ которомъ было до 1000 домовъ, и это сдѣлано такъ молодечески и неожиданно по навѣсной крутизнѣ отъ рѣчки Хулхулу, что непріятель совершенно потерялся, и намъ досталось это важное селеніе съ потерею одного убитаго и нѣсколькихъ раненыхъ. Занявъ Автуръ Барятинскій тотчасъ повелъ 4 батальона къ Гелдыгену, и баронъ Николаи съ Кабардинцами немедленно занялъ съ бою и это важное селеніе: не менѣе 600 дворовъ. Оно тотчасъ истреблено со всѣми запасами, находящимися въ немъ, и

къ вечеру весь отрядъ былъ сосредоточенъ въ Автурѣ. Ты видѣлъ въ извѣстіяхъ съ Кавказа, какъ на другой день Барятинскій сдѣлалъ рекогносцировку къ сторонѣ Веденя и потомъ воротился въ лагерь на Аргунѣ послѣ сильнаго боя Куринцевъ уже съ самимъ Шамилемъ, который въ отчаяніи точно самъ бросался въ атаки и стрѣлялъ изъ ружья и потомъ въ разстройствѣ бѣжалъ со всѣмъ своимъ сборищемъ.

Истребленіе этихъ двухъ главныхъ селеній и всѣхъ запасовъ, приготовленныхъ для вспомогательныхъ сборовъ изъ Дагестана, есть дѣло важное и совершенно измѣняетъ всѣ разсчеты и дѣйствія и сопротивленія на зимній походъ, который во всякомъ случаѣ долженъ продолжаться до первыхъ чиселъ Марта. Несчастные Чеченцы точно находятся въ ужасномъ положеніи, и можно надѣяться, что мы приближаемся къ развязкѣ. Между тѣмъ 18 числа, по согласію съ генераломъ Вревскимъ, Барятинскій исполнилъ то, что̀ покойный Слѣпцовъ всегда считалъ важнѣйшимъ дѣломъ для окончанія въ Малой Чечнѣ: самъ повелъ Куринцевъ и батальонъ Эриванскій въ верховья Гойты, а Вревскій съ Кабардинцами и батальономъ Навагинскимъ или Тенгинскимъ пошелъ въ верховья Рошни. Послѣднія главныя убѣжища немирныхъ истреблены, взято много плѣнныхъ и добычи всякаго рода и, все это было сдѣлано такъ распорядительно и секретно, что Шамиль во все время ожидалъ, что̀ будетъ въ Большой Чечнѣ и не успѣлъ ни однимъ человѣкомъ помочь атакованнымъ ауламъ. Это дѣло важное и полезное; но тутъ при бочкѣ меда досталась намъ горькая ложка дегтю: храбрый и почтенный атаманъ Крюковской велъ кавалерію впереди колонны Барятинскаго, и какъ видно изъ писемъ Барятинскаго и сына моего (но оффиціальнаго еще ничего не имѣю), не умѣрилъ шага кавалеріи, и особливо авангарда, который бросился въ главный аулъ и занялъ оный; но когда тутъ произошелъ сперва безпорядокъ, то бросился съ 10 человѣками въ середину аула и тамъ изрубленъ. Куринцы, бѣгомъ подоспѣвшіе, тотчасъ все поправили, истребили всѣхъ сопротивляющихся и, какъ выше сказано, вообще дѣло было прекрасное; но смерть Крюковскаго испортила для насъ удовольствіе. Онъ былъ всѣми уважаемъ и всѣми любимъ. Я всегда думалъ и говорилъ, что ежели бы взять изъ 1000 человѣкъ по частицѣ нужной для составленія превосходнаго атамана для линейнаго казачьяго войска, нельзя бы лучше составить, нежели это составлено натурою, опытомъ и внутренними качествами въ генералѣ Крюковскомъ. Прошу тебя сообщить Булгакову, что я пишу тебѣ о военныхъ нашихъ дѣлахъ, ибо я писать ему о томъ не успѣю; а надо, чтобы онъ это все зналъ: ибо къ нему адресуются за извѣстіями и, по неимѣнію таковыхъ, могутъ выдумывать фальшивые толки.

Ермоловъ писалъ князю Воронцову 10 Генваря 1852 г.

Булгаковъ, по порученію твоему, давалъ мнѣ читать письмо твое о Хаджи-Мурадѣ. Воображаю, сколько это досадно и можетъ быть вредно Шамилю. Одинъ изъ лучшихъ его наибовъ, человѣкъ предпріимчивой, имѣющій приверженцевъ, заставитъ его быть осторожнымъ, и онъ конечно удержитъ залогомъ жену его и семейство. Власть, съ которою управляетъ Шамиль, долговременная борьба, хотя весьма невыгодная, доказываютъ, что онъ челокѣкъ необыкновенно умный. На мѣстѣ его другой будетъ предпріимчивѣе, побудитъ горцевъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, обѣщевая большія выгоды въ случаѣ успѣха. Двѣ или три неудачи съ чувствительнымъ урономъ не только потрясутъ, но могутъ даже разрушить власть имама. Потерянная къ нему довѣренность можетъ уничтожить и самое его существованіе. Для этого надобно быть Даніель-Бекомъ. Онъ сядетъ на Русскій штыкъ, и съ нимъ исчезнетъ безобразное имамство! Этого я ожидаю и можетъ случиться въ непродолжительномъ весьма времени. Ты конечно смѣешься надо мною, что я не скорѣе ожидаю этого дѣйствія прямо отъ оружія нашего. Я не буду противорѣчить тебѣ; но конечно весьма много способствуетъ тому жестокая власть Шамиля, давно замѣстившая *сѣкирою* фанатизмъ религіозный.

Перейду къ другому предмету, къ слухамъ. Вскорѣ ожидается юбилей военнаго министра; къ нему присоединится твой юбилей и, говорятъ, что пріуготовляются два фельдмаршальскіе жезла. Это согласно съ общимъ ожиданіемъ и если изрѣдка слышится разсужденіе, оно тебя не касается. Тебѣ подносится какъ принадлежащее!

Сюда вскорѣ ожидается генералъ Реадъ, котораго, не знаю на какомъ основаніи, выдаютъ подъ названіемъ твоего помощника. Не думаю, чтобы ты имѣлъ въ таковомъ нужду, и ты можешь дѣлать ихъ изъ подчиненныхъ, во множествѣ отлично способныхъ и конечно болѣе знакомыхъ со страною и обстоятельствами. Впрочемъ, можетъ быть, это было собственное твое желаніе; а если нѣтъ, то конечно князь Паскевичъ участвовалъ въ его назначеніи.

Не видывалъ я Слѣпцова, но какъ жалѣлъ о потерѣ храбраго! Горько пасть молодцу отъ пули подлаго Чеченца! Не одну можемъ мы считать подобную утрату. Ты лучше многихъ знаешь это, служа на Кавказѣ во время славнаго Циціанова, котораго дѣла, по мѣрѣ ничтожныхъ средствъ, кажутся неимовѣрными. Имя, данное станицѣ, есть награда, за которую надобно пасть на колѣна предъ Императоромъ. Это сотворитъ не одного Слѣпцова въ послѣдствіи.

41.

Тифлисъ, 18 Февраля 1852 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я никакъ не могъ написать тебѣ съ послѣднею почтою. Мы три дня тому назадъ офиціально получили Георгіевскій крестъ для Семена Михайловича. Можешь себѣ вообразить, что для меня было очень пріятно видѣть на сынѣ моемъ тотъ же самый крестъ и въ томъ же самомъ краѣ, гдѣ я получилъ оный 48 лѣтъ тому назадъ. Дѣла въ Чечнѣ идутъ какъ нельзя лучше. Барятинскій дѣйствуетъ и смѣло, и распорядительно, знаетъ совершенно и край, и образъ тамошней войны, любимъ войскомъ, жителями и даже немирными, которыхъ онъ успѣлъ увѣрить, точно такъ какъ сдѣлалъ покойный Слѣпцовъ, что онъ ихъ первый защитникъ и благодѣтель, какъ скоро они являютъ покорность. Жаль, что зимою надо размѣрять сроки для дѣйствій по возможному приготовленію особливо сѣна. Я первый началъ требовать, чтобы все сѣно приготовлено было и закуплено, хоть иногда и большими цѣнами, но такъ, чтобы не менѣе двухъ мѣсяцевъ можно было дѣйствовать въ чужой землѣ; такъ было въ прошломъ году, и такъ оно есть и теперь. Но ежели бы было возможно остаться тамъ до Апрѣля мѣсяца, то Чечня Большая въ этомъ же году, можетъ быть, была бы совершенно покорена; впрочемъ, и такъ результаты уже большіе и до начала Марта будутъ еще болѣе. Окончивъ между Воздвиженскимъ и Автуромъ, Барятинскій перешелъ съ отрядомъ внизъ по Аргуну близъ бывшаго селенія Тепли въ 15 верстахъ отъ Грозной. Лагерь расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки, мосты сдѣланы, и оттуда всякій день ходятъ на рубку, также въ дирекцію на Автуръ, такъ что вся эта сѣверная часть Большой Чечни, гдѣ лѣсовъ гораздо менѣе (и тѣ болѣе островками среди полянъ), совершенно отнята у непріятеля, и въ оной пахать, сѣять или косить невозможно имъ будетъ безъ нашего позволенія. Въ этихъ мѣстахъ Шамилю съ своимъ сборомъ трудно противиться нашимъ операціямъ, рубки дѣлаются почти безъ сопротивленія, а иногда вовсе безъ выстрѣла; когда же они что-нибудь пробуютъ, то всегда неудачно.

Третьяго дня мы получили извѣстіе объ одномъ блистательномъ дѣлѣ трехъ сотенъ казаковъ подъ командою Лорисъ-Меликова, которыя бросились на сильную Тавлинскую партію подъ командою сына Шамиля, показавшуюся съ намѣреніемъ преслѣдовать колонну, окончившую въ этотъ день рубку. Изъ приказовъ, изъ которыхъ я на всякій случай посылаю тебѣ здѣсь одинъ экземпляръ, ты увидишь подробности кроваваго, но славнаго дѣла ген. Суслова, который съ молодецкою

рѣшимостью уничтожилъ совершенно сильное скопище всѣхъ абрековъ изъ Дагестана, пришедшихъ волновать Кайтахъ и Табасарань и тѣмъ надолго успокоилъ весь тотъ край. На правомъ же флангѣ и за Кубанью совокупное движеніе генерала Евдокимова, адм. Серебрякова и генерала Рашпиля не можетъ не имѣть также большихъ результатовъ.

Отвѣтъ на письмо съ описаніемъ подвиговъ князя А. И. Барятинскаго, Ермоловъ писалъ 11 Февраля 1852 года.

Князь Барятинской, по истинѣ храбрый и предпріимчивый офицеръ, и на посту имъ занимаемомъ не упуститъ случая воспользоваться обстоятельствами, и ты имѣешь въ немъ неусыпнаго лейтенанта. Хорошаго также ты избралъ ему помощника. Не помышляя говорить коплимента отцу, скажу, что давно уже знаю я сына твоего офицеромъ блистательно смѣлымъ; отъ всѣхъ это слышу; не менѣе многихъ вѣрю моему Клавдію, который нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ и разумѣетъ, что̀ такое храбрость, чѣмъ и самъ пріобрѣлъ его расположеніе къ себѣ. Всегда съ большимъ удовольствіемъ я его выслушиваю.

Говоря о службѣ твоего сына, всегда вспомню обстоятельство, сдѣлавшее на меня очень досадное впечатлѣніе. У князя Кутузова былъ зять князь Кудашевъ, офицеръ исполненный военныхъ способностей. Получаемыя имъ награды и тѣ даже, которыя бывали ниже оказанныхъ имъ заслугъ, нерѣдко относились къ сильному покровительству. Это самое можетъ происходить съ твоимъ сыномъ, и мнѣ досадно за молодаго Воронцова, которому, какъ молодцу, многое должно принадлежать по строгой справедливости.

Можно поздравить тебя, любезный князь, съ цѣлымъ рядомъ блистательныхъ успѣховъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Ты можешь сказать подобно великому Суворову: „У меня и Розенбергъ бьетъ“. Ты угадаешь что я говорю о *Сусловѣ*. Знаменитость его останется незабвенною!

Давно слышу о желаемомъ тобою увольненіи въ отпускъ; разумѣю какъ велики твои права на то и сколько можетъ быть полезнымъ для тебя отдохновеніе, особенно послѣ болѣзни твоей въ Крыму; вчера же утверждали достовѣрно, что фельдъ-егерь провезъ тебѣ увольненіе на шесть мѣсяцевъ и вмѣстѣ Георгіевской крестъ князю Семену Михайловичу. Скажи ему въ письмѣ своемъ, что я отъ души поздравляю его съ этою лестною наградою *). Не могъ отыскать ленточки, чтобы послать ему по обычаю старыхъ кавалеровъ: едва ли не старшаго изъ кавалеровъ; ибо между служащими одинъ князь И. Леонт. Шаховской, въ одно время со мною получившій за взятіе Праги Суворовымъ.

*) Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ носилъ тотъ самый Георгіевскій крестъ, который полученъ былъ дѣдомъ его графомъ Семеномъ Романовичемъ за Кагулъ.

42.

Тифлисъ, 24 Марта 1852 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, отъ тебя въ первый разъ слышу я о юбилеѣ *тысячелѣтія* Россіи: всѣ наши историки назначаютъ на то 1862 годъ. Но вчера я читалъ въ «Кавказскомъ Вѣстникѣ» статью, доказывающую, что это расчисленіе было ошибочное и что эта любопытная эпоха точно въ текущемъ 1852 году. Теперь, говорятъ, другіе ученые и объ этомъ спорятъ, и весьма легко спорить о вещахъ, о которыхъ ничего вѣрнаго не знаютъ; но какъ скоро есть о томъ споръ, то лучше выиграть десять лѣтъ и объявить именнымъ указомъ, что *тысячелѣтіе* великой Имперіи должно быть признано и праздновано въ 1852 году.

43.

Тифлисъ, 2-е Апрѣля 1852 г.

Христосъ Воскресъ!

Фельдъегерскаго корпуса капитанъ Иностранцевъ отдастъ тебѣ это письмо, любезный Алексѣй Петровичъ; онъ мнѣ сказалъ, что онъ желалъ и безъ того быть у тебя и былъ у тебя въ старину здѣсь въ Тифлисѣ. Онъ мнѣ привезъ наканунѣ праздника, какъ это ему было приказано, Высочайшій рескриптъ съ титуломъ свѣтлости. Вы вѣрно уже копію изъ этого рескрипта получили изъ Петербурга. Я долженъ быть благодаренъ за лестныя слова этого рескрипта и за то, что наконецъ вспомнили о *50-лѣтіи* моей службы военной, не говоря уже о томъ, что три года до того служилъ я по гражданской. Благодаря за эту милость, я имѣлъ удовольствіе донести о новомъ подвигѣ храбрыхъ моихъ Куринцевъ. Князь Барятинскій пріѣхалъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, и сынъ мой пріѣхалъ насъ навѣстить и оставить здѣсь жену до времени, когда онъ опять пріѣдетъ, чтобы ѣхать съ нами въ Боржомъ. — Можно полагать, что послѣ двухъ мѣсяцевъ безпрестанной драки и видя отсутствіе начальника фланга и того полка, который къ нимъ ближе и безпрестанно съ ними дерется, Чеченцы не были въ полной осторожности. Генералъ Меллеръ-Закомельскій, командующій въ отсутствіи Барятинскаго, воспользовался этимъ и секретнымъ ночнымъ движеніемъ напалъ съ разсвѣтомъ на хуторъ наиба Талгика, гдѣ всегда находились двѣ пушки, уже нѣсколько лѣтъ довѣренныя ему Шамилемъ. Двѣ роты Куринцевъ съ храбрымъ маіоромъ Оглобжіо и капитаномъ Мансурадзевымъ ворвались на дворъ Талгика, перелѣзли чрезъ всѣ препятствія, взяли обѣ пушки и привели ихъ благополучно, хотя съ дракою, до полянки, гдѣ самъ Меллеръ съ двумя батальонами былъ

готовъ ихъ принять и въ случаѣ нужды помочь, и съ этого уже мѣста пошли съ своими трофеями безъ выстрѣла до Воздвиженской. Самъ наибъ успѣлъ спастись, но значекъ его и принадлежащее ему домашнее имущество остались въ рукахъ побѣдителей. Потеря наша убитыми и ранеными менѣе 100 человѣкъ, между коими ранено 8 офицеровъ. Вообще въ здѣшнихъ старыхъ полкахъ и, можетъ быть, еще болѣе въ Куринскомъ, офицеры составляютъ во время опасности какъ будто переднюю шеренгу передъ своими частями. Эту потерю нельзя считать большою въ сравненіи съ важностію этого дѣла.—Можно вообразить, какъ приметъ Шамиль своего наиба. Мы давно зубы вострили на эти двѣ пушки, но удивительная осторожность, съ которою они употребляютъ орудія, не позволяла намъ ими завладѣть.—Въ 1848 году отъ гальваническаго взрыва одна изъ этихъ пушекъ была на воздухѣ, и самъ Талгикъ былъ сброшенъ, покрытъ землею и потерялъ часть своего оружія; но это было ночью; управляющій гальванизмомъ, будучи въ низкомъ мѣстѣ, не увидѣлъ взрыва, думалъ, что зарядъ отказался и такъ донесъ резерву, который былъ всегда готовъ бѣжать къ мѣсту взрыва. Мнѣ же тогда объ этомъ доложили только по утру, и Чеченцы уже успѣли съ разсвѣтомъ собрать и увезти разломанное свое орудіе. Теперь не только эта пушка, но и обѣ стоятъ благополучно въ Воздвиженской.

Теперь предстоитъ задача, произведутъ ли кн. Чернышева (давно свѣтлѣйшаго) въ его юбилей? Ежели произведутъ мимо меня, то это будетъ для меня большая услуга: ибо тогда могу и долженъ безъ всякаго могущаго быть упрека пойти на покой совершенный и тѣмъ продлить хотя немного жизнь, и то самымъ пріятнымъ и безукоризненнымъ образомъ.

44.

Тифлисъ, 18-го Мая 1852 г.

Я много виноватъ передъ тобою, любезный Алексѣй Петровичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на письмо твое съ добрымъ нашимъ Клавдіемъ, отъ 10 Апрѣля; но ей Богу, какъ будто нарочно столько былъ погруженъ въ обыкновенныя и необыкновенныя дѣла и бумаги и столько долженъ былъ видѣть и толковать съ людьми всякаго рода и племени, которые, зная, что я отъѣзжаю отсель на нѣсколько мѣсяцевъ, не даютъ мнѣ покоя по разнымъ дѣламъ, что не имѣлъ и не имѣю минуты свободы и сегодня бы еще не могъ тебѣ писать, ежели бы не рѣшился взять хотя четверть часа изъ нужнаго времени для прогулки, дабы не уѣхать изъ Тифлиса не написавши тебѣ нѣсколько строкъ. Я уѣзжаю

послѣ завтра, сперва въ Осетію, чтобы осмотрѣть то, что̀ уже сдѣлано на будущей нашей резервной дорогѣ чрезъ Осетинскія горы въ объѣздъ Казбека и теперешней Военно-Грузинской дороги. Я проѣду съ перевала у деревни Гаки, гдѣ уже у насъ есть маленькое укрѣпленіе и открыто арбенное сообщеніе у Цхинвала, оттуда я поѣду на новую Имеретинскую дорогу, такъ называемую Улескую, которая оставляетъ влѣво затрудненія Сурамскаго перевала и ущеліе двухъ рѣкъ и соединится со старой дорогой у станціи Квирильской; пробывъ потомъ два дня въ Кутаисѣ, я поѣду въ Боржомъ на воды, которыя надѣюсь пить шесть недѣль сряду и оттуда на досугѣ пошлю тебѣ подробное описаніе мѣстности и выгодъ двухъ вышеозначенныхъ новыхъ дорогъ, изъ коихъ Имеретинская должна быть готова въ началѣ будущаго года.

Сейчасъ получилъ отъ Булгакова твою записку на счетъ Хаджи-Мурада. Я объ немъ много напишу тебѣ на досугѣ; скажу тебѣ теперь только, что побѣгъ его не былъ *prémédité* сначала, какъ это многіе думаютъ, а произошелъ отъ порыва дикой и буйственной души и видя себя въ положеніи фальшивомъ и неприличномъ, подъ сильнымъ подозрѣніемъ отъ многихъ и съ половинною только довѣренностію отъ меня. А впрочемъ конецъ для насъ былъ самый счастливый и для меня избавленіе тяжелой и весьма непріятной отвѣтственности. Съ Шамилемъ онъ бы не ужился на долго, но, можетъ быть, на время бы помирился и былъ бы для нас немаловажной причиной безпокойства. Человѣка ему подобнаго въ Дагестанѣ нѣтъ, не было кромѣ Ахверды-Магома, убитаго въ 1844 году и, кажется, не будетъ.

45.

Коджоры, 25 Іюля 1852 г.

Я получилъ дня три тому назадъ письмо твое, любезный Алексѣй Петровичъ, отъ 3-го Іюля и спѣшу тебя за оное благодарить. Изъ Боржома, гдѣ я былъ шесть недѣль, я не писалъ къ тебѣ болѣе потому, что ждалъ развязки весьма важнаго для насъ дѣла на Лезгинской линіи, а въ послѣдніе дни не имѣлъ ни минуты свободной: ибо, кончивъ воды, я поѣхалъ въ Ахалцыхъ, на угольныя копи, недавно вблизи найденныя и въ Ахалхалаки, гдѣ я до того еще не былъ; потомъ изъ Гори поѣхалъ въ Уплисъ-цихе, гдѣ прелюбопытныя древнѣйшія пещеры, по увѣреніямъ ученыхъ троглодическія, былъ у старика Эристова въ Атенахъ и оттуда на стеклянный заводъ Элизбара Эристова, единственный за Кавказомъ и вверхъ по Атенскому ущелію до прекрасной старинной церкви Сіона, не меньше въ размѣрѣ Тифлисской

и весьма примѣчательной конструкціи. Оттуда я поѣхалъ въ Тифлисъ по новой дорогѣ по правому берегу Куры, которая будетъ почтовая, какъ скоро будутъ готовы около Гори строющіеся два моста, одинъ выше, другой ниже впаденія Ляхвы. Изъ Тифлиса же, чтобы уйти какъ можно скорѣе отъ несносныхъ жаровъ, я пріѣхалъ сюда на Коджоры, куда еще въ 1846 году я перенесъ часть весьма плохихъ строеній, сдѣланныхъ моими послѣдними предмѣстниками въ Пріютѣ, по дорогѣ отъ Тифлиса въ Манглисъ: они всегда тамъ проводили часть лѣта съ большимъ безпокойствомъ для себя и для всѣхъ имѣющихъ съ ними дѣла. Отъ Тифлиса до Пріюта болѣе 35 верстъ по ужасно дурной дорогѣ; поѣхать туда и воротиться въ одинъ день почти невозможно и останавливаться тамъ негдѣ, кромѣ казенныхъ домишекъ и баракъ, сдѣланныхъ для штаба, канцеляріи и адъютантовъ.

Между тѣмъ я узналъ, что въ урочищѣ Коджоры, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса Грузинскіе цари любили имѣть лѣтній лагерь; климатъ здѣсь лучше нежели въ Пріютѣ, а такъ какъ я не хотѣлъ опять строить здѣсь дома и помѣщеній, то я перевелъ только часть меньше другихъ гнилую, принадлежавшую лично покойному Нейдгарту; а съ казенною землею около 100 десятинъ у этого урочища я сдѣлалъ то, что̀ мнѣ такъ удалось 20 лѣтъ передъ тѣмъ на южномъ берегу Крыма съ урочищемъ Магарачемъ: роздалъ участки въ 5 или 6 десятинъ съ условіемъ что-нибудь выстроить и что-нибудь посадить, и составилась прекрасная колонія, около 20 маленькихъ имѣній, $1\frac{1}{2}$ ч. верхомъ шагомъ отъ Тифлиса, поправилъ дорогу, ведущую сюда, такъ что можно пріѣзжать въ экипажахъ, и это мѣсто сдѣлалось общее спасеніе для желающихъ избѣгнуть Тифлисскій жаръ, и большая часть строителей отдаетъ эти дома въ наемъ съ весьма бо́льшею выгодою противъ суммы, употребленной на постройку. Сынъ мой былъ одинъ изъ первыхъ, который взялъ участокъ и выстроилъ и посадилъ хорошій садъ; жена его теперь тутъ живетъ и будетъ жить до конца Августа, а потомъ поѣдетъ въ Тифлисъ, гдѣ надѣется родить въ Ноябрѣ. Сынъ мой на дняхъ отправляется въ полкъ и воротится въ Тифлисъ въ концѣ Октября.

Вотъ все, что́ касается до меня и до моихъ. О дѣлахъ военныхъ и прочее ты увидишь всѣ подробности въ газетахъ; по милости Божіей все шло и идетъ хорошо, и всѣ предпріятія Шамиля и его наибовъ кончились къ ихъ общему стыду и къ нашей большой выгодѣ. Всего примѣчательнѣе и полезнѣе что̀ случилось на Лезгинской линіи, гдѣ глупое и совершенно несчастное предпріятіе Даніель-Бека дало намъ и возможность, и рѣшительную волю кончить важнѣйшее дѣло

переселенія на плоскость всѣхъ жителей верхнихъ магаловъ. Я еще въ 1850 г., будучи на мѣстѣ, видѣлъ необходимость этого дѣла, но такъ какъ мѣра казалась крутая, и по другимъ обстоятельствамъ, не могъ это выполнить. Теперь Даніель-Бекъ самъ далъ на то сильный поводъ и дѣло сдѣлано въ пять или шесть дней безъ всякой съ нашей стороны потери; около 1.500 дворовъ, живущіе въ 15 деревняхъ, перешли и сами помогали истребить свои селенія, проклинаютъ Даніель-Бека, но сами признаютъ, что оставаться тамъ имъ невозможно. Кромѣ лѣтняго времени мы ихъ защищать не могли, а они принуждены были помогать всѣмъ качагамъ и партіямъ непріятельскимъ, идущимъ или сильно, или слабо для грабежа на плоскость; а еще кромѣ того они платили ежегодно Даніель-Беку 12.000 рублей, которые онъ дѣлилъ съ Шамилемъ. По всѣмъ извѣстіямъ Шамиль ужасно сердится на Даніель-Бека за его необдуманное предпріятіе и весьма растревоженъ потерею цѣлаго края, коего жители по принужденію ему во всемъ помогали и хоть намъ платили положенную подать, но ему платили больше.

О сынѣ генерала Ховена я достану и пришлю тебѣ справку и все сдѣлаю возможное по твоему желанію и для утѣшенія почтеннаго его отца.

46.

Ейскъ, 13-го Сентября 1852-го года.

Любезный Алексѣй Петровичъ. Я думалъ, что изъ Ейска найду минуту свободно и подробно писать къ тебѣ; но здѣсь, какъ почти вездѣ, въ этомъ опять ошибся черезъ большое количество людей всякаго рода и званія, которые меня ожидали и въ эти два дня ко мнѣ пріѣхали; не хочу однакоже выѣхать изъ Кавказа, не написавъ тебѣ нѣсколько словъ и отвѣчать хотя на два или три пункта твоихъ послѣднихъ писемъ. По дѣлу Ховена посылаю тебѣ справку изъ корпуснаго штаба и прибавлю только, что кромѣ милостиваго обѣщанія начальника штаба я самъ займусь этимъ дѣломъ и коли нельзя, какъ кажется, кончить мягче, то по крайней мѣрѣ по желанію твоему я постараюсь доставить ему случай подраться рукопашно съ Чеченцами, заслужить опять производство и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ.—Объ Дуровѣ я сдѣлаю все, чтò могу, и изъ Крыму напишу тебѣ то, чтò покажется возможнымъ и кому о немъ писать, лишь бы только не старому твоему пріятелю Закревскому, съ которымъ я всякой переписки убѣгаю какъ огня. Я ему писалъ, даже дружески, насчетъ несчастнаго генерала Нестерова, но кромѣ глупыхъ формальныхъ бумагъ ничего отъ него не получилъ и не знаю даже, удостоилъ ли онъ когда-нибудь своимъ визитомъ этого всѣми лю-

бимаго и всегда отличавшагося Кавказскаго воина. Ты можешь на меня сердиться, но скажу тебѣ, что пріятель твой могъ бы быть хорошимъ комиссаріатскимъ чиновникомъ, а по безрыбью и порядочнымъ дежурнымъ генераломъ, но онъ не рожденъ и не воспитанъ быть генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, даже въ теперешнемъ фабричномъ положеніи этого древняго города. – Дурова я теперь видѣлъ въ Кисловодскѣ, и онъ знаетъ, что я все сдѣлалъ, что̀ могу въ его пользу.

Боржомскія воды точно первый поднялъ въ нѣкоторую извѣстность генералъ Головинъ; послѣ него онѣ были брошены до моего пріѣзда. Посѣтивъ ихъ проѣздомъ въ Ахалцыхъ въ 1845 году, я велѣлъ выстроить тамъ галерею; въ прошломъ году и въ теперешнемъ я пробылъ тамъ по шести недѣль. И воды, и мѣстность чудесны; тамъ строится цѣлый городъ, и со всѣхъ сторонъ просятъ о мѣстахъ для построенія и мѣстахъ для хуторовъ на противоположномъ берегу Куры. Порывъ такой, что это стоитъ особаго о Боржомѣ письма, въ которомъ я тебѣ разскажу и о Боржомѣ, и объ удивительныхъ водахъ, и заведеніяхъ близъ Стараго Юрта и Сунженской станицы, Михайловской.— Объ Лещенкѣ скажу тебѣ, что о немъ хорошаго мнѣнія, что̀ доказывается его производствомъ въ генералы изъ комендантовъ и бригадныхъ командировъ линейныхъ батальоновъ, хотя не имѣлъ случая ни одного раза быть въ дѣлѣ. Я буду стараться его окуражить, но въ этомъ году трудно придраться къ чему-нибудь, чтобы его представить.

Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ что́ ты писалъ о переселеніи жителей верхнихъ магаловъ; надѣюсь, что это дѣло будетъ полезное, и нельзя не радоваться, что оно сдѣлано такъ легко и безъ всякаго пролитія крови. Такъ какъ мнѣ сегодня не остается уже пяти минутъ дла окончанія этого письма, то я прошу тебя послать къ Булгакову за письмомъ, въ которомъ я ему описываю прогулку мою 28-го Августа по Большой Чечнѣ. Это была для меня преутѣшительная экспедиція и также тѣмъ болѣе, что мы не потеряли ни одного человѣка. Это тебя удивитъ, когда ты посмотришь на картѣ, гдѣ мы безпрепятственно ходили, какъ перешли черезъ рѣку Бассъ, раздавали кресты за прежнія дѣла, стрѣляли изъ всѣхъ пушекъ и ружей за здоровье Государя и какъ проходили мимо меня церемоніальнымъ маршемъ съ музыкой и развернутыми знаменами всѣ пять баталіоновъ Куринскаго полка, весь Гребенской полкъ, весь Донской № 19 и 12 орудій. А ты, какъ превосходный и опытный военный человѣкъ, усмотришь поэтому, что, не смотря на слишкомъ многочисленные наши гарнизоны по укрѣпленіямъ, я могъ въ два дня собрать такой ре-

зервъ для прогулки, но которая бы могла сдѣлаться настоящей экспедиціей и съ вѣрнымъ успѣхомъ для насъ, ежели бы Шамиль, который очень хорошо слышалъ нашъ *feu de joie* *), захотѣлъ намъ помѣшать. Мнѣ нужно было видѣть своими глазами работы и результаты трехъ зимнихъ экспедицій и то, чтó я видѣлъ, далеко превзошло мои ожиданія.

Объ Эйскѣ уже я не имѣю времени говорить. Четыре года тому назадъ мы съ Заводовскимъ искали мѣсто для этого города, а теперь уже въ немъ десять тысячъ жителей, законно приписанныхъ, три тысячи ожидающихъ разрѣшенія приписаться, болѣе 600 домовъ и 17 кирпичныхъ заводовъ для построенія новыхъ. Прощай, любезный другъ; я буду писать тебѣ еще изъ Крыма, гдѣ надѣюсь найти жену мою. Сажусь сегодня на пароходъ; надѣюсь быть завтра въ Бердянскѣ, послѣ завтра въ Керчи, а 16-го числа въ Алупкѣ.

Это письмо было отвѣтомъ на то, чтó писалъ Ермоловъ:

Благодарю за письмо, въ которомъ сообщаешь объ экспедиціи противъ Даніель-Бека со стороны прежнихъ его владѣній. Привыкъ я видѣть, что предпріятія оканчиваются всегда согласно съ желаніемъ; но на сей разъ есть обстоятельство новое и весьма замѣчательное. Переселеніе 1.500 семействъ безъ выстрѣла есть дѣло необыкновенное, и конечно ничто столько не обнаруживаетъ дѣйствія нравственной силы. Тутъ не были въ употребленіи огромныя военныя средства. Новые переселенцы, безъ затрудненія доступные, теперь по необходимости, можетъ быть, сдѣлаются менѣе мошенники. Весьма ощутительны успѣхи оружія нашего, быстро идущее внутреннее благоустройство края или, можно сказать, новое данное ему бытіе, и воображаю, какимъ чувствомъ исполняется душа твоя, какъ виновника всему, и можно ли удивляться, что есть завидующіе твоему положенію? Не понимаю я Даніель-Бека, какъ не ослабѣваетъ онъ въ предпріятіяхъ, всегда наказываемый пораженіемъ, ни разу не ободренный удачею. Характеръ замѣчательный! Жаль, что предмѣстники твои не умѣли извлечь изъ него пользы.

Здѣсь минуту видѣлъ я генерала Головина, который съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что ты хвалишь Боржомскія воды, обязанныя ему своею извѣстностію. Говорилъ мнѣ также о послѣдней экспедиціи по извѣщенію отъ тебя.

Позволь мнѣ сказать слово о генералъ-маіорѣ Лещенко, бригадномъ командирѣ линейныхъ баталіоновъ за Кубанью. Онъ въ мое время былъ старшимъ адъютантомъ въ корпусномъ штабѣ, послѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при Вельяминовѣ на Линіи, былъ офицеръ отлично-расторопный, усердно исполнявшій разныя порученія и изъ числа тѣхъ, которымъ знакомы письменныя дѣла. 40 лѣтъ на Кавказѣ; но по наградамъ его вижу,

*) Веселая стрѣльба.

что онъ позади всѣхъ, что́ и заставляетъ меня думать, что онъ подпалъ невыгодному замѣчанію. Если я обманываюсь въ догадкахъ, то по усмотрѣнію твоему, почтенный князь, услади ему его служеніе. Быть не можетъ, чтобы онъ былъ всѣхъ хуже на Кавказѣ; а назначенія его не видныя не онъ избираетъ. Я хлопочу за сослуживца, а таковыхъ повсюду остается у меня весьма немного.

Сегодня, какъ слышно, назначено празднованіе юбилея военнаго министра, и приверженцы его дѣлаютъ большія приготовленія. Собираются деньги по подпискѣ. Посмѣетъ ли кто не желать участвовать въ высокомъ торжествѣ? Вѣроятно ожидаетъ его огромная награда. Конечно ты обо всемъ узнаешь лучше меня; но и я написалъ бы, если бы ты не былъ въ разъѣздахъ.

Москва, 25 Августа 1852.

47.

Тифлисъ, 22 Генваря 1853 г.

Я такъ давно къ тебѣ не писалъ, любезный Алексѣй Петровичъ, что я даже стыжусь начинать сегодня это письмо и даже не знаю, какъ начать; давно также не имѣю отъ тебя ни слова, но имѣю отъ добраго Клавдія о тебѣ извѣстіе и отъ проѣзжающихъ черезъ Москву я знаю, что ты здоровъ. Послѣднія двѣ или три недѣли я останавливался писать, ожидая всякій день извѣстія о первыхъ дѣйствіяхъ князя Барятинскаго въ Большой Чечнѣ; но по причинамъ, которыя я считаю весьма хорошими, Барятинскій отложилъ начало своихъ дѣйствій недѣли на три; я думаю, что онъ теперь начинаетъ и, ежели будетъ что-нибудь важное, то я тебя увѣдомлю. Одна изъ причинъ, помѣшавшихъ мнѣ тебѣ писать, было безпрестанное непріятное безпокойство на счетъ жены сына моего; признаковъ теперь меньше, нежели было въ началѣ лѣта, но должна быть какая-нибудь женская болѣзнь, которую здѣсь никто не понимаетъ, а всѣ совѣтуютъ ей ѣхать въ Парижъ къ первому, какъ говорятъ, въ Европѣ доктору по женскимъ болѣзнямъ, *Шомелъ*. Я долженъ былъ послать на дняхъ просьбу Государю Императору объ отпускѣ Семена Михайловича на четыре мѣсяца, чтобы отвезти жену свою въ Парижъ. Сынъ мой въ отчаяніи и по потерѣ надеждъ своихъ, и потому, что долженъ быть въ отлучкѣ отъ полка, и то еще въ самое время зимнихъ дѣйствій; но оставить жену въ такомъ положеніи и физическомъ, и моральномъ совершенно невозможно, и надо покориться волѣ Божьей. Они отправляются на дняхъ въ Одессу и тамъ будутъ дожидаться разрѣшенія изъ Петербурга. Семенъ Михайловичъ оставитъ жену въ Парижѣ и возвратится сюда.

Дѣла наши идутъ довольно хорошо, непріятель вездѣ ослабѣваетъ, распри и неудовольствія между ними усиливаются, и въ Большой Чечнѣ дѣлается сильный поворотъ въ нашу пользу, такъ что можно полагать, что на подобіе Малой Чечни вся плоскость Большой будетъ въ нашихъ рукахъ. Барятинскому предложено въ эту зиму очистить Мичикъ, прикрывать переселенія жителей въ наши границы и дѣйствовать по обстоятельствамъ. О томъ что́ дѣлалось лѣтомъ въ Дагестанѣ и на Лезгинской линіи я тебѣ писалъ въ прежнихъ письмахъ. На возвратномъ пути изъ Крыма (гдѣ я былъ все время очень нездоровъ и насилу могъ пріѣхать въ Севастополь для свиданія съ Государемъ) мы проѣхали по восточному берегу Чернаго моря; изъ Анапы мы пошли берегомъ черезъ фортъ Раевскій въ Новороссійскъ, а изъ Новороссійска я ходилъ съ отрядомъ въ землю Натухайцевъ. Мы ночевали въ долинѣ Адагумъ и, кромѣ пустой перестрѣлки съ цѣпями, непріятель не показывался; потомъ опять моремъ до Сухума, а оттуда съ большимъ удовольствіемъ я могъ сдѣлать въ первый разъ поѣздку сухимъ путемъ по новой дорогѣ до Редута, которую шесть лѣтъ готовили и въ которой мнѣ много мѣшали глупости и неумѣніе прежнихъ офицеровъ путей сообщенія. Теперь это дѣло, можно сказать, кончено: съ 1-го Мая сего года будутъ почтовыя станціи между Сухумомъ и Редутомъ и также по новой дорогѣ отъ Кутаиса въ Карталинію, называемую Уманскою, но которую я называю Митрополитскою, потому, что Имеретинскій митрополитъ еще въ 1845 году совѣтовалъ мнѣ эту дорогу вмѣсто ужасной и безпрестанно починяющейся дороги; но, при прежнихъ начальникахъ округа гг. Эспехо и К. ничего невозможно было сдѣлать. Тогда можно будетъ надѣяться, что коммерческія и другія сообщенія отъ Тифлиса до Чернаго моря будутъ совсѣмъ на другой ногѣ; о сію же пору положеніе ихъ служило для насъ стыдомъ. Скажу тебѣ еще вещь довольно интересную для здѣшняго края, а именно, что пароходство съ успѣхомъ заведено по Курѣ: пароходъ въ 60 силъ пришелъ изъ Каспійскаго моря до Мингичаура и будетъ постоянно служить на Курѣ. Вотъ все, что́ я могу тебѣ сказать немножко новаго.

1 Іюня 1853 года Ермололовъ писалъ своему устарѣлому, но все еще дѣятельному пріятелю:

Князь Бебутовъ, пробывши здѣсь два или три дня болѣе нежели предполагалъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній или поправилъ мои прежнія не во всемъ основательныя о странѣ, часто воспоминаемой мною. Нерѣдко разсказы его казались мнѣ о чемъ-то мнѣ незнакомомъ: такъ перемѣнился Кавказъ, принявшій видъ устройства и порядка, что̀ говорили мнѣ весьма многіе, но не съ такою основательностію и знаніемъ обсто-

ятельствъ. Не стану говорить о созданномъ тобою Европейскомъ Тифлисѣ, когда уже глухой и мрачный Владикавказъ сдѣлался красивымъ городомъ, охватившимъ оба берега Терека.

Пріятно мнѣ было свиданіе съ княземъ Бебутовымъ и встрѣтить въ немъ чувства ко мнѣ долгое время служившаго вмѣстѣ и по должности близкаго мнѣ человѣка. Мало весьма могъ я сдѣлать ему пользы; но ты, важными по службѣ порученіями, занимаемою имъ значительною должностью, обнаружилъ его способности, сдѣлалъ его извѣстнымъ Государю и Наслѣднику и для службы полезнымъ и надобнымъ. Онъ все это живо чувствуетъ, и изъ множества облагодѣтельствованныхъ тобою, конечно, нѣтъ болѣе признательнаго и приверженнаго. Словомъ, онъ принадлежитъ тебѣ душою. Мнѣ пришла мысль вознаградить его за это, и ты вѣрно одобришь ее. Выслушай предисловіе.

Давно просилъ я князя Бебутова, чтобы прислалъ мнѣ свой портретъ. Онъ привезъ съ собою изъ Тифлиса такъ гнусно нарисованный, что я отказался имѣть его въ домѣ и требовалъ, чтобы доставилъ онъ мнѣ другой, по крайней мѣрѣ имѣющій человѣческую фигуру. Въ бытность его въ Варшавѣ писалъ его портретъ хорошій художникъ; но какъ въ короткое время невозможно было его кончить, то братъ князя Бебутова, чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи его въ Петербургъ, прислалъ его ко мнѣ изъ Варшавы, по его приказанію. Портретъ этотъ я тебѣ посылаю. Знаю совершенно, что для него это будетъ одною изъ самыхъ лестныхъ наградъ, если ты его примешь. Онъ везетъ его съ собою, нимало о томъ не подозрѣвая, и ящикъ адресованъ на имя Михаила Павловича Щербинина. Я письмо это, по отъѣздѣ князя Бебутова отсюда, посылаю съ экстра-почтою. Я воображаю, какой это для него сюрпризъ и думаю, что за выдумку онъ благодаренъ мнѣ будетъ. Въ коллекціи портретовъ обязанныхъ во множествѣ тобою лицъ ему принадлежитъ высокое мѣсто.

*

Иностранные журналы, политическая путаница голову мою до того сбили съ толку, что и самые дипломаты, кажется мнѣ, не съ бо́льшимъ дѣйствуютъ умомъ. Долго можно было полагать, что войны не будетъ; теперь есть и такіе, которые за то не ручаются.

Порту преодолѣть не трудно; но, будутъ ли другіе равнодушными свидѣтелями, этого и самъ мудрый Нессельроде не знаетъ. Появленіе войскъ нашихъ въ княжествахъ возбудитъ живущихъ за Дунаемъ христіанъ, и компликація, умноживъ затрудненія, набросить на насъ подозрѣнія несправедливыя.

Порта стоитъ на колѣнахъ, божится, что войны не желаетъ и даже боится; но все-таки не хочетъ, чтобы ее били въ морду. Будутъ и тебѣ занятія, на которыя ты не разсчитывалъ; а Шамиль воспользуется мол-

вою о разрывѣ и утвердитъ власть свою, примѣтно уже слабѣвшую. Слышалъ я, что помышляютъ усилить войска твои дивизіею. Невѣроятно, чтобы извѣстные трусы Анатольцы (исключая Лазовъ) искали давать баталіи; но на грабежъ и набѣги найдутся охотники, и войскà на границѣ необходимы.

Іюля 6-го дня, 1853. Москва.

48.

Боржомъ, 12 Іюля 1853.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я бы долженъ прежде отвѣчать на два письма твои, одно доставленное кн. В. О. Бебутовымъ и другое писанное скоро послѣ его отъѣзда изъ Москвы, но которое по почтѣ пришло ко мнѣ прежде перваго.

Всѣ эти дни я не имѣлъ времени писать, ибо дѣла и хлопоты прибавились вслѣдствіе шаткаго положенія нашихъ сношеній съ Турками, а къ тому еще прибавились для меня большія хлопоты оттого, что въ самое тоже время надо было брать безпрестанно мѣры для предохраненія границъ отъ хищниковъ, которые не ожидаютъ настоящей войны, чтобы грабить и устроить воровскія дѣла свои, къ которымъ они привыкли и въ мирное время, и, какъ ты самъ хорошо знаешь, наша Турецкая граница и по Гуріи, и между Ахалцыхомъ и Александрополемъ совершенно открыта. Надо было придвинуть хотя слабые резервы съ дорожныхъ и штабныхъ работъ частію къ Ахалцыху и частію для прикрытія богатыхъ сектаторскихъ деревень Ахалкалакскаго участка. Ежели будетъ настоящій разрывъ, то еще придвинемъ отъ четырехъ до пяти батальоновъ, куда окажется нужно, и будемъ дожидаться обстоятельствъ и Божіей воли. Какъ я выше сказалъ, въ самое то время, когда я былъ безпрестанно занятъ этими непривлекательными подробностями, я нашелся вдругъ лишенъ всякой помощи сотрудника по военной части. Ты знаешь, что генералъ Коцебу отпущенъ по Ноябрь и теперь получилъ даже другое, хотя временное, назначеніе; генералъ Вольфъ, который очень хорошо исправлялъ его должность, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ серьозно боленъ, особливо приливомъ крови въ голову. Уже въ Тифлисѣ онъ мнѣ сказалъ, что онъ боится скоро не быть въ состояніи продолжать такую трудную службу. Я, не имѣя никого въ виду для его замѣщенія, просилъ его еще подождать и попробовать; но на дняхъ ему сдѣлалось хуже, такъ что можно было бояться удара, и мнѣ осталось только воспользоваться дружескимъ предложеніемъ князя Барятинскаго принять на себя должность начальника штаба; онъ уже ее принялъ предварительно, и объ утвержденіи уже писано въ Петербургъ.

Такое назначеніе тѣмъ для меня выгоднѣе, что сношенія мои съ Барятинскимъ самыя дружескія и откровенныя, что́ всегда необходимо между начальникомъ войскъ и начальникомъ штаба и что 8-ми лѣтняя отличная его служба здѣсь со мною дала ему полный опытъ въ здѣшнихъ военныхъ дѣлахъ и общую къ нему довѣренность. Все это прекрасно соединилось съ пріѣздомъ князя Василія Осиповича Бебутова, который, бывъ прежде управляющимъ и командиромъ войскъ и въ Имеретіи, и въ Ахалцыхѣ, и въ Эривани, лучше всякаго другаго могъ помочь насчетъ лучшаго расположенія малыхъ силъ, которыми я теперь могу располагать безъ слишкомъ большаго ослабленія разныхъ нужныхъ работъ. Я право не зналъ бы что́ дѣлать безъ этого распоряженія насчетъ главнаго штаба, ибо всякая экстренная работа теперь уже не по моимъ силамъ. Первые дни здѣсь въ Боржомѣ я примѣтно поправился; но, какъ пошли фельдъегеря, и извѣстія, и распоряженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе главныхъ помощниковъ, я скоро потерялъ все, что̀ прежде выигралъ, и такъ лѣчиться невозможно. Теперь мнѣ сдѣлалось легче, но все-таки труды слишкомъ велики.

Прощай, любезный другъ. Мы здѣсь остаемся до 25, потомъ я поѣду отчасти по границѣ на Ахалкалаки, Духоборскія деревни и черезъ Манглисъ въ Коджоры, гдѣ желаю пробыть весь Августъ мѣсяцъ и до жаровъ, а въ Сентябрѣ обстоятельства укажутъ, ежели здоровье не слишкомъ измѣнитъ, куда будетъ полезно и возможно мнѣ ѣхать.

Ермоловъ писалъ 10 Августа 1853 года:

Воображаю, сколько новыхъ заботъ по случаю нерѣшеннаго Восточнаго вопроса, который, какъ впрочемъ ни кажется запутывающимся, многіе полагаютъ, что войны не будетъ. Судя по иностраннымъ журналамъ, никто войны не желаетъ; а въ Петербургѣ все покрывается непроницаемою тайною, и вѣрное одно то, что положительнаго ничего никто не знаетъ. Но какъ всегда есть люди, желающіе казаться дальновидными и проницательными, то одни вымыслы перемѣняются другими, и происходитъ престранная путаница. Многому даютъ поводъ огромныя пріуготовленія къ войнѣ, формированіе войскъ и прочее. У тебя всегда множество иностранныхъ журналовъ, слѣдовательно извѣстны всѣ дѣйствія другихъ державъ. Между демократами необыкновенная дѣятельность, и, конечно, многое подготовлено въ разныхъ мѣстахъ. На нихъ устремлено повсюду особое вниманіе; мелочи попадаются въ руки, важныя обстоятельства ускользаютъ. Давняя практика научила быть скрытными и хитрыми. Возбуждать и направлять мятежи и возстанія приведено въ правила подобно наукѣ, и желѣзныя дороги въ многихъ случаяхъ немало способствуютъ.

Приближается время, въ которое обстоятельства настоящаго времени перестанутъ быть загадкою. Кто знаетъ, можетъ быть и твои обозрѣнія границъ будутъ полезнымъ образцомъ. Впрочемъ, какъ ты говоришь, у тебя не огромныя будутъ ополченія противъ Турокъ. Конечно достаточныя атаковать и разбить ихъ; но они поймутъ невыгоду серьезной схватки, а границу охранить отъ вторженія едва ли возможно. Найдутся и домашніе мошенники! Воображаю Шамиля ожиданія и какъ вдругъ могутъ разрушиться всѣ нелѣпые замыслы. Какъ, думаю, сумасбродничаютъ Закубанцы, и уже имъ мечтаются Англійскіе паруса!

49.

Тифлисъ, 20 Сентября 1853.

Любезный Алексѣй Петровичъ, я такъ заѣденъ и утомленъ все это послѣднее время дѣлами и распоряженіями по этимъ проклятымъ Турецкимъ дѣламъ, что не могъ тебѣ писать, какъ я того желалъ, и сегодня пишу тебѣ только нѣсколько словъ, посылая экземпляръ приказа, чтобы ты видѣлъ всѣ подробности и хорошій конецъ сильнаго нападенія Шамиля на Лезгинскую линію. Съ послѣднею почтою я послалъ Булгакову, для предупрежденія фальшивыхъ толковъ въ Москвѣ, неполное извлеченіе объ этомъ событіи; но въ приказѣ ты увидишь всѣ настоящія подробности и всѣ прекрасныя дѣйствія нашихъ войскъ и отличныхъ ихъ начальниковъ. Важный пунктъ тотъ, что Шамиль крѣпко ошибся въ надеждѣ возстанія не только нашихъ Лезгинъ, но и всѣхъ нашихъ мусульманскихъ провинцій. Ни одинъ человѣкъ во все время не возсталъ, даже изъ тѣхъ деревень, чрезъ которыя непріятель проходилъ, а главныя деревни Джары и Талы вооружились и не позволили никому чрезъ нихъ проходить. Шамиль до того фанфаронилъ въ своихъ надеждахъ, что увѣрялъ жителей, что идетъ въ Тифлисъ, гдѣ долженъ встрѣтить Турецкаго султана. Мы ждемъ скоро прихода въ Сухумъ-Кале изъ Севастополя 13-й дивизіи пѣхотной или части оной для усиленія нашихъ войскъ по Турецкой границѣ. Всѣ эти войска поступаютъ въ командованіе князю Бебутову, который на дняхъ объѣхалъ всю границу, взялъ на все лучшія мѣры и успокоилъ жителей, которые не могли сначала не быть въ страхѣ, зная, что Турки сильно собираются въ разныхъ мѣстахъ, когда у насъ почти тамъ никого не было. Теперь мы это все усиливаемъ по возможности, и Куринскій батальонъ, пришедшій третьяго дня съ Линіи, а потомъ еще два или три батальона, пойдутъ въ Александрополь.

50.

Тифлисъ, 24 Декабря 1853.

Я получилъ вчера, любезный Алексѣй Петровичъ, письмо твое отъ 10-го Декабря и начинаю съ того, чтобы успокоить тебя насчетъ непонятнаго для насъ слуха о плѣнѣ твоего сына. Щербининъ вѣрно тебѣ написалъ, но ты письма еще не получилъ: мы даже не имѣемъ еще извѣстія о пріѣздѣ посольства въ Тегеранъ, а только, что они выѣхали изъ Ленкорана и переѣхали Персидскую границу. Я думаю, что причина этому пустому слуху есть просто ошибочное смѣшеніе съ тѣмъ, чтò случилось мѣсяца два тому назадъ съ другимъ моимъ адъютантомъ Понсетомъ, который, ѣдучи изъ Эривани въ Александрополь, еще прежде открытія военныхъ дѣйствій, былъ ограбленъ и въ 4-хъ или 5-ти мѣстахъ раненъ разбойниками изъ нашихъ вѣрноподданныхъ; онъ и теперь еще лѣчится въ Александрополѣ, но раны его не опасны. Какъ скоро я получу что-нибудь отъ Клавдія, то я немедленно тебѣ сообщу.—Благодарю тебя отъ всей души за поздравле, нія и примѣчанія твои о нашихъ здѣшнихъ успѣхахъ. Мнѣ совѣстно что я не писалъ тебѣ по мѣрѣ нашихъ дѣйствій; но, ей Богу, не былъ въ силахъ: ибо съ самаго лѣта я былъ такъ нездоровъ, и слабъ, и замученъ безпокойствомъ, распоряженіями, извѣстіями всякаго рода и принятіемъ необходимыхъ мѣръ послѣ каждаго дѣйствія и приготовленія противъ насъ на пяти разныхъ пунктахъ большихъ непріятельскихъ силъ (особливо, когда, еще до прихода 13-й дивизіи, я не могъ нигдѣ собрать даже 4-хъ баталіоннаго отряда для защиты края отъ Чернаго моря до Арарата), я былъ совершенно истощенъ въ силахъ, и были минуты, что я совершенно не зналъ, какъ изъ этого выпутаться. Почти уничтоженъ физически, я однако выдержалъ морально; но за то теперь, по милости Божіей, что все пошло хорошо, физическія силы не могли возвратиться, и я не имѣю возможности продолжать упражняться какъ должно безчисленными подробностями дѣлъ всякаго рода, которыя по обстоятельствамъ теперь на мнѣ лежатъ, не говоря уже объ обыкновенныхъ, которыхъ здѣсь всегда довольно и слишкомъ много по моимъ лѣтамъ и по всему тому, чтò я выдержалъ. Покой или на всегда или на время мнѣ необходимъ. Я чувствую, что многіе за это меня будутъ бранить, удивятся, что въ такое время оставляю службу, и будутъ это приписывать разнымъ выдуманнымъ причинамъ; но дѣло само по себѣ простое: силы у меня для такого дѣла совершенно исчезли, не могу теперь съ пользою продолжать и долженъ необходимо отдохнуть.—Мнѣ бы хотѣлось написать тебѣ нѣсколько подробностей о томъ, чтò у насъ дѣлалось, но теперь это мнѣ совершенно невозможно. Но,

чтобы ты имѣлъ по крайней мѣрѣ что-нибудь больше нежели то, чтò въ газетахъ и чтò содержится въ этомъ моемъ письмѣ, я поручилъ одному довѣренному лицу сдѣлать извлеченіе изъ всего того, чтò у насъ было сдѣлано и оффиціально донесено. Я пересмотрю, чтò онъ напишетъ и пришлю тебѣ коли не съ этимъ письмомъ, то съ первою почтою. Теперь я жду съ нетерпѣніемъ, чтò скажутъ иностранные журналы о теперешнемъ положеніи нашихъ дѣлъ и чтò скажутъ Англія и Франція, особливо Англія, которая имѣетъ на совѣсти, что ободряла Турокъ къ войнѣ. Прощай, любезный другъ; я сейчасъ получилъ рапортъ о прекрасномъ дѣлѣ на Лѣвомъ Флангѣ Кавказской линіи. Шамиль послалъ 1500 человѣкъ Чеченцевъ и Тавлинцевъ для нападенія на нашихъ мирныхъ и для занятія вновь одного важнаго мѣста въ Ханкальскомъ ущеліи, въ которомъ населеніе было истреблено или снято годъ тому назадъ кн. Барятинскимъ. Генералъ Врангель, узнавъ объ этомъ, самъ пошелъ въ это ущелье, а храбрый генералъ Баклановъ съ сильнымъ отрядомъ казаковъ Донскихъ и Линейныхъ столкнулся съ непріятелемъ и почти уничтожилъ всю партію. Непріятель потерялъ болѣе 300 человѣкъ, и вся Чечня находится въ унынiи.

Это письмо было отвѣтомъ на Ермоловское, изъ котораго приводимъ выдержку.

Поздравляю тебя съ цѣлымъ рядомъ успѣховъ, дѣлающихъ честь вопервыхъ тебѣ, какъ главному распорядителю, частнымъ начальникамъ, исполнившимъ свыше того, чтó отъ нихъ требовать было возможно, и отличнымъ войскамъ Кавказскимъ. Признательность Царя свидѣтельствуютъ великолѣпный тебѣ рескриптъ, которому великіе міра позавидовать могутъ, и весьма щедрыя другимъ награды.

Тебѣ, какъ прежнему нѣкогда товарищу, сообщаю я, какъ понимаю происшествія; разумѣется, говоря о войнѣ внѣ предѣловъ нашихъ. Я очень былъ доволенъ рѣшительностію князя Бебутова, когда оттолкнулъ онъ нагло ворвавшихся въ наши границы Турокъ при малыхъ тогда его средствахъ. Я многихъ лучше оцѣнилъ важность случая. Ничтожно дѣло при Ацхурѣ, но разумѣю его зародышемъ важнѣйшихъ. Я восхищался побѣдою князя Андроникова, съ которою конечно сравниться не могутъ первыя дѣйствія князя Бебутова, особенно взявши въ разсужденіе, что у него войска Кавказскія были не въ большомъ количествѣ, а прочія новыя, неизвѣстныя. Послѣдняя князя Бебутова побѣда къ сторонѣ Карса есть блистательная и комплектная; достоинство ея, думаю, можно справедливо опредѣлить слѣдующимъ образомъ: отъ дѣла при Асландузѣ *незабвеннаго Котляревскаго* до нынѣшняго послѣдняго всѣ въ промежуткѣ сего времени военныя дѣйствія изгладятся изъ памяти людей, какъ ничтожныя мелочи. Важны были сдѣланныя пріобрѣтенія, отодвинувшія предѣлы наши; но славы для оружія нашего не было равной. Великому полководцу нашему

можно нѣсколько похвастать Елисаветпольскимъ сраженіемъ, особливо когда главнѣйшіе дѣятели уже не существуютъ—Вельяминовъ и князь Мадатовъ. Но какую артилерію имѣлъ непріятель, и сколько взято у него пушекъ?

51.

Тифлисъ, 16 Февраля 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, пишу къ тебѣ съ добрымъ Клавдіемъ и пишу мало, потому что его пріѣздъ лучше всякаго письма и потому, что я не въ силахъ писать много; ибо кромѣ обыкновенныхъ недугъ я теперь замученъ пропастью дѣлъ со всѣхъ сторонъ и приготовленіемъ къ сдачѣ генералу Реаду. Онъ мало-по-малу входитъ въ дѣла и принимается за оныя дѣльно и съ разсудкомъ. Я надѣюсь сдать все официально къ 1-му Марта, а 4-го пуститься въ дорогу. Какова бы ни была дорога, она все будетъ мнѣ отдыхомъ по мѣрѣ удаленія отъ бумагъ, докладовъ и убійственныхъ подробностей всякаго рода. Я посылаю къ тебѣ при этомъ взглядъ на прошедшую кампанію и точное описаніе всего, что́ у насъ было. Ежели бы проклятые Англичане и Французы не вмѣшались такъ безсовѣстно и съ такою злостію въ наши дѣла съ Турками, то султанъ конечно бы помирился; а въ случаѣ его упрямства онъ бы былъ наказанъ сильно въ будущую кампанію, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ. Но съ вмѣшательствомъ западныхъ державъ дѣло гораздо труднѣе, потому особливо, что нашъ правый флангъ, т. е. приморская часть Мингрелія, Грузія и вся береговая линія, будутъ въ большой опасности и что, можетъ быть, нужно будетъ ослабить главный дѣйствующій отрядъ, которому поручено сначала взять Карсъ, Ардаганъ и Баязетъ, для сопротивленія десанту сильному въ Мингреліи и Абхазіи. Надо надѣяться на Бога; войска у насъ славныя, духъ вездѣ отличный, а Турки послѣ сильнаго наказанія въ прошломъ году будутъ морально и въ матеріальномъ отношеніи слабѣе прежняго. Можешь себѣ вообразить, какъ мнѣ больно и печально оставить корпусъ и край въ такую минуту; но я такъ истощенъ въ силахъ, что служить теперь мнѣ невозможно: я бы только погибъ безъ всякой пользы и скоро бы былъ въ такомъ же положеніи, какъ теперь находится князь Аргутинскій. На прошедшей недѣлѣ я почти ждалъ нервическаго удара; можетъ быть, удаленіе отъ работы меня хотя на время поправитъ. Мы поѣдемъ отъ Ставрополя не по Кубани и Крыму, гдѣ бы я не могъ избавиться опять отъ многихъ дѣлъ, просьбъ и докладовъ, но на Ростовъ, Маріуполь, Херсонъ и оттуда прямо въ Мошны; изъ Мошенъ же, какъ скоро будетъ можно, поѣдемъ за границу черезъ Лембергъ, Краковъ, Дрезденъ и оттуда въ Карлсбадъ, ежели главные Нѣмецкіе медики не посовѣтуютъ, послѣ разсмотрѣнія моего положенія, вмѣсто Карлсбада другія воды.

Клавдій тебѣ разскажетъ о своемъ путешествіи въ Тегеранъ и зачѣмъ онъ теперь отправленъ въ Петербургъ. Персіяне теперь сожалѣютъ, что не покончили съ нами условіе по прежнему и хотѣли бы опять къ оному возвратиться. На нихъ считать нельзя, особливо при сильномъ дѣйствіи на нихъ Англичанъ. Да и большаго содѣйствія намъ отъ нихъ ожидать нельзя; но мы должны желать и надѣяться, чтобы по крайней мѣрѣ они не соединились съ нашими непріятелями и не пошли бы противъ насъ.

О себѣ тебѣ разскажетъ самъ Клавдій. Я просилъ Реада, когда онъ воротится изъ Петербурга, прислать его хотя на короткое время ко мнѣ, гдѣ бы я ни былъ и, разумѣется, ежели онъ самъ того пожелаетъ, и онъ всетаки можетъ успѣть участвовать въ дѣлахъ у князя Бебутова, который его очень любитъ и будетъ ему очень радъ.

P. S. Разумѣется, что все, что̀ я пишу въ этомъ письмѣ, кромѣ о моемъ здоровьи и все что̀ тебѣ скажетъ Клавдій насчетъ Персидскихъ дѣлъ, есть *секретъ*. Описаніе же дѣйствій прошедшаго года, сдѣлай милость, покажи кому угодно и кто этимъ интересуется. М. В.

52.

Карлсбадъ, 30 Іюля 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, пользуюсь отъѣздомъ сына твоего Виктора, чтобы написать тебѣ хотя нѣсколько словъ въ добавокъ къ тому, что́ онъ тебѣ скажетъ о моемъ лѣченіи и пребываніи здѣсь. Я кончилъ воды Карлсбадскія вчера, и мы теперь собираемся ѣхать черезъ Дрезденъ въ Шлангенбадъ, гдѣ я долженъ три недѣли купаться. Здѣшнія воды нѣкоторымъ образомъ мнѣ будутъ полезны, ибо по крайней мѣрѣ остановятъ зло въ печени и не дадутъ ему сдѣлаться хуже; но что́ касается до силъ и до возможности серьозно чѣмъ-нибудь заниматься, я не чувствую почти разницы и полагаю, что надежды въ этомъ мало. Доктора всѣ совѣтуютъ быть въ совершенномъ покоѣ, лѣчиться опять въ будущемъ году и даже остаться на зиму гдѣ-нибудь въ Германіи; на это послѣднее ни въ какомъ случаѣ я не соглашусь и непремѣнно возвращусь на зиму въ Россію. Впрочемъ да будетъ воля Божія—на все надо покориться. О дѣлахъ тебѣ не пишу; газеты ты получаешь, а я ихъ не читаю. Прощай любезный другъ; я очень радъ, что добрый твой Клавдій со мною. Жена моя тебѣ усердно кланяется, обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

53.

Дрезденъ, 6 (18) Ноября 1854 г.

Любезный Алексѣй Петровичъ, ты уже знаешь рѣшеніе моей судьбы и что, по просьбѣ моей, на необходимости основанной, Государь Императоръ милостиво и лестнымъ для меня образомъ уволилъ меня отъ должностей, которыя уже были сверхъ моихъ силъ и для которыхъ я сдѣлался совершенно неспособенъ. Не нужно мнѣ тебѣ сказать, что я не безъ особенной и горькой печали долженъ былъ покориться этой необходимости и удалиться въ теперешнихъ обстоятельствахъ отъ всякой дѣятельной службы; но въ теперешнемъ положеніи моего здоровья я не только не могу служить съ пользою, но служба, при одолѣвшей меня слабости, какъ физической, такъ и моральной, могла бы быть только вредна: ибо на Кавказѣ, особливо теперь, надо пользоваться всѣми условіями необходимыми для безпрестанныхъ дѣятельныхъ усилій, безъ коихъ главный начальникъ тамъ не можетъ служить такъ, какъ я, смѣю сказать, служилъ и какъ край того требуетъ. Со всѣмъ душевнымъ уваженіемъ къ одному изъ моихъ предшественниковъ, почтенному старику Ртищеву, я не могу выдержать мысль быть въ Тифлисѣ въ его положеніи, когда со всѣхъ сторонъ опасность, и храбрыя наши войска вездѣ дерутся. Кромѣ того меня привыкли вездѣ видѣть на Кавказѣ готовымъ быть вездѣ и подавать вездѣ примѣръ, и до 1851 года, когда болѣзни начали меня одолѣвать, несмотря на всѣ труды и походы, я еще не чувствовалъ признаковъ старости и ѣздилъ верхомъ, какъ молодой человѣкъ и ежегодно показывался, а иногда и два раза въ годъ, во всѣхъ частяхъ края, отъ Ленкорани до Анапы и отъ Эривани до Кизляра. Теперь я уже на это не способенъ и я долженъ былъ рѣшиться на увольненіе отъ службы, которую, какъ я выше сказалъ, я уже не могу продолжать съ честью для себя и съ пользою для края. Вотъ, любезный Алексѣй Петровичъ, что̀ меня понудило оставить, какъ я полагаю навсегда, всякую службу; я надѣюсь, что ты поймешь мои причины и не будешь меня хулить за то, что я сдѣлалъ. Совѣсть моя чиста во всемъ, и прежняя болѣе нежели полувѣковая моя служба должна удостовѣрить всякаго безпристрастнаго человѣка, что я бы не удалился, особливо въ теперешнее критическое время, отъ трудовъ и отвѣтственности безъ настоящей совершенной необходимости. Здѣсь въ Дрезденѣ слѣдую акуратно особенному леченію подъ руководствомъ доктора Геденуса и лучшихъ здѣшнихъ медиковъ. Я имѣлъ сильное желаніе не оставаться зимою въ чужихъ краяхъ и отправиться на покой въ Кіевскую губернію; но доктора рѣшительно

противъ этого протестовали, потому что лѣченіе мое требуетъ какъ можно меньше стужи и что Дрезденъ хотя не Италія, все-таки теплѣе Кіева. Ѣхать же въ Италію или куда-нибудь въ Австрійскія владѣнія я рѣшительно отказался. Мы живемъ здѣсь уединенно и никого не видимъ, кромѣ добраго нашего посланника Шредера. Жизнь не веселая, но кто же теперь можетъ думать о весельи? Участь Севастополя и Крыма особенно мучительно насъ занимаетъ и безпокоитъ. Надѣемся на милость Божію, что конецъ будетъ въ нашу пользу. Меншиковъ съ его войсками геройски защищается и даже дѣйствуетъ иногда наступательно, но союзныя войска также безпрестанно усиливаются и, кажется, на все рѣшились, лишь бы не выдти изъ Крыма безъ успѣха.

54.

(Іюль 1855).

На счетъ силъ я не вижу никакого успѣха, и тому болѣе причиною моральныя чувства вообще, безпрестанное безпокойство отъ извѣстій, иногда вѣрныхъ, иногда несправедливыхъ, на счетъ дѣлъ вообще и на счетъ всего, что̀ происходитъ особливо въ Севастополѣ и вообще въ краяхъ, гдѣ я столько лѣтъ жилъ спокойно и старался всѣми силами быть полезнымъ. Теперь къ этому присоединилось и безпокойство на счетъ сына моего. Но на все Божья воля; онъ исполнилъ долгъ свой, когда просился въ самое опасное мѣсто, и такъ какъ я уже совершенно неспособенъ для какого-нибудь дѣла, онъ меня замѣняетъ въ исполненіи въ сію критическую минуту священнаго долга каждаго Русскаго. Чѣмъ бы все это ни кончилось, геройская защита Севастополя спасаетъ нашу военную славу и составляетъ одну изъ блистательныхъ страницъ нашей военной исторіи.

Я сегодня пишу изъ Петергофа, куда мы пріѣхали вчера на праздникъ сего 22-го числа. Я думаю, что мы останемся здѣсь до 27-го, дня рожденія Императрицы, чтобы послѣ того имѣть на нѣсколько времени совершенный покой и физическій въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Государю угодно было назначить намъ прекрасное помѣщеніе въ Китайской деревнѣ. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; жена моя тебѣ усердно кланяется. Кн. М. Воронцовъ.

55.

Царское Село, 20 Августа 1855.

Премного благодарю тебя, любезный Алексѣй Петровичъ, за письмо твое отъ 7-го числа. Сожалѣю очень, что твое здоровье не совсѣмъ хорошое; но надѣюсь, что лихорадки у тебя не будетъ; а ежели бы пришла, то совѣтую поступать съ нею по Кавказскому манеру, т.-е. большими пріемами хины, чего мнѣ кажется здѣшніе доктора мало по-

нимаютъ. Это одинъ способъ испытанный не только для прекращенія лихорадки, но и для того, чтобы она больше не возвращалась; на это есть прекрасная система доктора Андріевскаго, указаніе которой находится въ моемъ приказѣ по Кавказскому корпусу, кажется еще въ 1846 г. Я въ душѣ увѣренъ, что это распоряженіе, въ девять лѣтъ пребыванія моего на Кавказѣ, спасло нѣсколько тысячъ человѣкъ или отъ смерти, или отъ такихъ повтореній болѣзни, по которымъ они бы сдѣлались совершенно неспособными къ службѣ.

Благодарю тебя за лестныя твои слова насчетъ моего сына. Онъ былъ раненъ 1-го Августа во время осмотра порученной ему дистанціи; ударъ былъ счастливъ тѣмъ, что пуля, не повредивъ костей, ограничилась, какъ пишетъ мнѣ князь Горчаковъ, раздраніемъ кожи сухожильнаго растяженія на два съ половиною дюйма. Его тотчасъ перевезли на Бельбекъ; но слабость его такъ велика, что еще 12-го числа онъ насилу могъ написать нѣсколько словъ и не былъ еще въ состояніи переѣхать въ Симферополь. Боль въ головѣ отъ контузіи ужасная, и первый разъ въ ночь съ 11-го на 12-е онъ могъ порядочно уснуть, отчего и боль очень уменьшилась. Онъ надѣялся дня черезъ два или три быть въ состояніи переѣхать въ Симферополь. Между тѣмъ, съ дозволенія Государя, докторъ Андріевскій поѣхалъ къ сыну моему, чтобы вывезти его изъ Крыма, гдѣ невозможно ему имѣть то спокойствіе, которое необходимо при такой ранѣ въ голову, а можетъ быть, по обстоятельствамъ и по ходу болѣзни, привезти его сюда.

Мое собственное положеніе ничѣмъ не измѣняется: я слабъ до чрезвычайности, и всякая дѣятельная служба для меня невозможна. Прощай, любезный Алексѣй Петровичъ; жена моя тебѣ усердно кланяется. Остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

*

Престарѣлые друзья увидались въ послѣдній разъ въ Москвѣ, во время коронованія Императора Александра Николаевича. Въ томъ же 1856 году, 6 Ноября, князь Воронцовъ скончался въ Одессѣ. Ермоловъ прожилъ долѣе, именно до 11 Апрѣля 1861 года П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА РОШЕШУАРА.

(Souvenirs sur la Révolution, l'Empire et la Restauration, par le général comte de Rochechouart. Paris, 1889. 8°. XI и 539 стр., съ портретомъ).

Флигель-адъютантъ Александра Павловича, графъ Людвигъ-Викторъ Рошешуаръ родился въ 1788 г. и умеръ въ 1858-мъ. Семья его принадлежала къ Французской знати, но во время революціи лишилась почти всего состоянія. Мать графа Рошешуара, горячо преданная королевскому дому, въ его пользу растратила послѣднія уцѣлѣвшія крохи своихъ богатствъ, и дѣтство Рошешуара прошло въ бѣдности. Занятая политическими происками, мать, не обращала никакого вниманія на дѣтей. Въ первыхъ двухъ главахъ своихъ воспоминаній графъ Рошешуаръ описываетъ бѣдствія, которыя приходилось ему испытывать съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни: скитанія по чужимъ краямъ, нерѣдко голодъ и холодъ. Послѣ разныхъ похожденій, на тринадцатомъ году возраста, Рошешуаръ уже начинаетъ самостоятельную жизнь: онъ опредѣлился солдатомъ въ Португалію, гдѣ тогда содержались на Английскомъ жалованьи три полка Французскихъ эмигрантовъ. По заключеніи Амьенскаго мира, эти полки были распущены, и Рошешуаръ снова остался безъ средствъ къ существованію. Въ это время узналъ онъ случайно, что мать его проживала въ Россіи у герцогини Нассауской, а одинъ изъ братьевъ служилъ въ Одессѣ. Рошешуаръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ѣхать къ нимъ. И вотъ, съ тридцатью четырьмя луидорами въ карманѣ, шестнадцати-лѣтній мальчикъ одинъ пускается на удачу въ трудный путь, въ далекую, неизвѣстную страну. Онъ купилъ мѣсто въ дилижансѣ, въ корзинкѣ съ поклажею и, растянувшись на соломѣ, ничѣмъ не прикрытый отъ солнца, вѣтра и дождя, питаясь чѣмъ попало, послѣ всякихъ бѣдъ, Рошешуаръ, въ началѣ 1805 года, доѣхалъ, наконецъ, до гостепріимной Россіи, увидѣлъ свою мать и вскорѣ затѣмъ поступилъ адъютантомъ къ г. губернатору Новороссіи герцогу Ришелье, который приходился ему родственникомъ. Герцогъ Ришелье полюбилъ его, какъ родного сына. Графъ Рошешуаръ всѣмъ своимъ дальнѣйшимъ преуспѣяніемъ обязанъ былъ этому великодуш-

ному человѣку, при которомъ онъ и оставался почти безотлучно до самой его смерти. Не мудрено поэтому, что его воспоминанія наполнены подробностями о герцогѣ Ришелье; но странно, что о Россіи, его пріютившей, въ книгѣ его встрѣчается мало теплыхъ отзывовъ, хотя и враждебности не замѣчается. Это былъ не столько себѣ-наумѣлый, какъ веселый, добродушный и смышленый Французъ.

Приведемъ съ его словъ разсказъ герцога Ришелье о первой его встрѣчѣ съ Суворовымъ (стр. 53.).

Въ 1790 году, графъ Шинонъ, герцогъ де-Фронсакъ (т.-е. Ришелье), по смерти своего дѣда, маршала, получилъ позволеніе императрицы Екатерины служить волонтеромъ въ Русской арміи и подъ начальствомъ генерала Суворова участвовать въ осадѣ Измаила. Ришелье прибылъ въ Русскій лагерь вечеромъ 30 Ноября. Рано утромъ слѣдующаго дня, въ сопровожденіи Русскаго офицера, онъ отправился являться къ главнокомандующему. Было очень холодно, стоялъ морозный туманъ. Посреди лагеря Ришелье замѣтилъ нѣсколько человѣкъ солдатъ вокругъ совершенно голаго человѣка, который скакалъ по травѣ и выдѣлывалъ отчаянную гимнастику. «Кто этотъ сумасшедшій?» спросилъ Ришелье своего спутника.—Главнокомандующій графъ Суворовъ, сказали ему. Суворовъ, замѣтивъ иностранца (на Ришелье былъ маіорскій мундиръ Французскихъ гусаровъ), поманилъ его къ себѣ. «Вы Французъ, милостивый государь?» —Точно такъ, генералъ.—«Ваше имя?» —Герцогъ де-Фронсакъ.—«А, внукъ маршала Ришелье! Ну, хорошо! Что̀ вы скажете о моемъ способѣ дышать воздухомъ? По моему, ничего не можетъ быть здоровѣе. Совѣтую вамъ, молодой человѣкъ, дѣлать тоже; это—лучшее средство противъ ревматизма!» Суворовъ сдѣлалъ еще два или три прыжка и убѣжалъ въ палатку, оставивъ своего собесѣдника въ крайнемъ недоумѣніи.

Состоя адъютантомъ при Ришелье, графъ Рошешуаръ видѣлъ много достопамятнаго, и девятилѣтняя служба въ Россіи, особенно въ южной, дала ему возможность познакомиться съ этимъ вторымъ своимъ отечествомъ. Третья и четвертая главы его воспоминаній посвящены исключительно пребыванію въ Россіи и войнамъ 1812—1814 годовъ, когда онъ былъ уже флигель-адъютантомъ Государя.

На первыхъ порахъ своей службы Рошешуаръ участвовалъ и въ Турецкой войнѣ. Армія наша состояла тогда изъ трехъ корпусовъ подъ общимъ начальствомъ генерала Михельсона. Первымъ корпусомъ командовалъ Ришелье, вторымъ—генералъ Мейендорфъ и третьимъ

самъ главнокомандующій. Корпусъ Ришелье вступилъ въ Бессарабію и завладѣлъ безъ выстрѣла крѣпостью Акерманомъ. Крѣпость эта была въ хорошемъ состояніи и вооружена 85 пушками, но за то гарнизонъ состоялъ всего изъ 12 артилеристовъ, четырехъ Янычаръ и тридцати Албанцевъ, подъ начальствомъ хромаго и криваго коменданта, семидесяти восьмилѣтняго старика. Между тѣмъ какъ Ришелье овладѣлъ Акерманомъ, Юсуфъ-паша сдалъ Бендеры Мейендорфу; такимъ образомъ Бессарабія и Буджакъ поступили во власть Россіи за исключеніемъ Измаила: депеши изъ Петербурга запрещали слишкомъ быстрое наступленіе. Ришелье сдалъ командованіе своею частью графу Ланжерону и возвратился въ Одессу.

Въ Маѣ 1807 года изъ Крыма отправилась экспедиція брать Анапу. Вотъ какъ описываетъ ее Рошешуаръ (стр. 72).

Отрядъ въ 7000 пѣхоты, 1500 козаковъ и 22 пушки былъ собранъ на полуостровѣ Тамани. Намъ назначено атаковать Анапу съ берега, а флотъ, вышедши изъ Севастополя подъ начальствомъ маркиза Траверсе, долженъ былъ бомбардировать ее съ моря. Многочисленный Черноморскій флотъ, а также всѣ морскія учрежденія Николаева, Херсона и Севастополя были подчинены маркизу Траверсе Онъ и Ришелье, два Француза, управляли такимъ образомъ этой громадной областью. Въ Тамани телеграфъ предупредилъ насъ о выходѣ флота въ составѣ двѣнадцати судовъ: сто двадцати-пушечнаго флагманскаго корабля, двухъ семидесяти-четырехъ пушечныхъ съ контръ-адмираломъ Урусовымъ, четырехъ фрегатовъ 1 ранга и 5 корветовъ. Герцогъ Ришелье во главѣ отряда немедленно перешелъ Кубань и направился къ Анапѣ, слѣдуя берегомъ. Пройдя всю ночь, къ восходу солнца остановились въ четырехъ верстахъ отъ мѣста, свернули отъ берега и, поднявшись въ гору, заняли площадку, господствующую надъ городомъ. Пѣхота перестроилась къ бою, кавалерія заняла лѣвый флангъ, а артилерія помѣстилась въ серединѣ. Немного спустя, адмиралъ далъ сигналъ начинать дѣло, контръ-адмиралъ отвѣчалъ ему; немедленно всѣ суда приблизились къ городу и, проходя одно за другимъ въ разстояніи отъ берега на половину пушечнаго выстрѣла, осыпали залпами укрѣпленія, портъ и городъ. Выпустивъ залпъ, каждое судно проходило мимо, поворачивало и возвращалось въ хвостъ колонны дожидаться своей очереди для втораго залпа. Этотъ страшный огонь быстро уничтожилъ батареи, укрѣпленія, дома, публичныя зданія и взорвалъ на воздухъ два пороховыхъ склада. Паша не ожидалъ нашего нападенія и отступилъ въ лѣсъ, лежащій въ верстѣ отъ города. Все населеніе

послѣдовало за гарнизономъ. Суда только что готовились дать по третьему залпу, какъ адмиралъ въ подзорную трубу замѣтилъ общее бѣгство. Вмѣсто того, чтобы дать намъ условный сигналъ, онъ приказалъ свезти десантъ, желая такимъ образомъ доставить флоту честь закончить побѣду. Но лучшіе въ мірѣ развѣдчики, наши козаки, донесли намъ во-время объ оставленіи города непріятелемъ. Тогда герцогъ Ришелье, приказавъ пѣхотѣ слѣдовать за собою возможно скорѣе, самъ во главѣ кавалеріи устремился къ городу. Мы доскакали до него какъ разъ въ то время, когда моряки высадились на берегъ. Не узнавъ другъ друга въ дыму пожара, кавалерія и матросы начали перестрѣливаться. Это недоразумѣніе къ счастію скоро выяснилось, однако не обошлось безъ восьми или десяти раненыхъ. Одна пуля ударилась въ мое сѣдло, не причинивъ, впрочемъ, вреда. Первой нашей заботой было спасти отъ пожара возможно больше домовъ. Городъ горѣлъ, и мы не могли никакъ догадаться, откуда шло благоуханіе, которое чувствовалось въ воздухѣ. Оказалось, что такъ хорошо пахли палисады изъ кедроваго и розоваго дерева.

Послѣ взятія Анапы, Ришелье оставилъ въ ней достаточный гарнизонъ, а самъ возвратился въ Одессу, куда призывали его дѣла; Рошешуаръ же отпросился у своего покровителя остаться при экспедиціи, направленной противъ горцевъ изъ Анапы. Только-что передъ тѣмъ горцы сдѣлали нападеніе на наши области, и надо было примѣрно наказать ихъ. Въ этой экспедиціи, подъ начальствомъ генерала Гангеблова, Рошешуаръ впервыя понюхалъ пороху.

Весною 1808 года Рошешуаръ вмѣстѣ съ герцогомъ Ришелье отправился инспектировать Новороссійскія колоніи. Еще императрица Екатерина, чтобы заселить необозримыя пустынныя степи вновь пріобрѣтеннаго края, старалась привлекать туда колонистовъ изъ разныхъ странъ, давая имъ земли на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Для этого она имѣла на берегахъ Рейна агентовъ, которые должны были доставлять желающимъ средства къ переселенію. Прибывъ въ Россію, каждое переселенческое семейство получало отъ комитета колоній домъ, выстроенный изъ камня, корову, пару быковъ съ телѣгой и, кромѣ того, денежную помощь до тѣхъ поръ, пока глава семьи, совершенно освоившись на мѣстѣ, не начиналъ самостоятельно извлекать изъ земли средства къ прокормленію. Денежная помощь разсчитывалась сообразно съ численностью переселившейся семьи. Черезъ десять лѣтъ колонистъ получалъ въ собственность землю, на которой работалъ. Тогда комитетъ высчитывалъ все, что было истрачено на каждаго колониста, и

тотъ слѣдующія затѣмъ четырнадцать лѣтъ ежегодно обязанъ былъ выплачивать правительству сумму, равную пяти процентамъ со всего, что̀ было на него истрачено. Первые 25 лѣтъ колонисты избавлены были отъ воинской повинности и даже отъ постоя войскъ. Менонисты же, пришедшіе со всѣми своими богатствами немного позже, были избавлены отъ воинской повинности навсегда. Эти менонисты, принадлежавшіе къ сектѣ анабаптистовъ и извѣстные въ Германіи подъ именемъ Братьевъ Моравскихъ, пришли изъ Кенигсберга. Почти всѣ они были очень богаты, а многіе насчитывали у себя до 100 тысячъ талеровъ. Король Прусскій отпустилъ ихъ не иначе, какъ удержавъ 20-ю часть всего, что̀ они выручили за продажу своихъ земель въ Пруссіи. Ученіе ихъ запрещаетъ вести войну и убивать людей, поэтому-то ихъ и приказано было не брать въ солдаты.

Колоніямъ была предоставлена свобода вѣроисповѣданія. Даже судебныя разбирательства хотя и производились въ Русскихъ учрежденіяхъ, но всегда черезъ посредство комитета колоній. Комитетъ находился въ Екатеринославлѣ и подчинялся непосредственно министру внутреннихъ дѣлъ. Губернатору же Новороссіи было предоставлено право лишь инспектировать колоніи.

Въ послѣдствіи горцогу Ришелье удалось прикрѣпить къ землѣ Ногайскихъ Татаръ и образовать изъ нихъ колоніи. Дикія орды, съ незапамятныхъ временъ не понимавшія иной жизни, кромѣ кочевой, долго не поддавались осѣдлости. У каждой орды былъ свой мулла и опредѣленная область, въ пространствѣ которой она кочевала. Ришелье приказалъ выстроить въ каждомъ такомъ кочевьѣ мечеть и дома, въ которыхъ поселялись муллы. Орда, не желая покидать своего муллу, селилась около него. Такимъ образомъ завелись деревни съ осѣдлыми жителями. Эти Ногайскія колоніи имѣли свою особую администрацію, во главѣ которой стоялъ графъ де-Мезонъ, бывшій президентъ Руанскаго парламента, который жилъ среди Ногайцевъ и посвятилъ имъ послѣднія 30 лѣтъ своей жизни. Онъ много потратилъ трудовъ на эти колоніи и никогда не хотѣлъ получать ни жалованья, ни вознагражденій. Императоръ Александръ Павловичъ, думая вознаградить заслуги графа Мезона, велѣлъ однажды спросить его, не желаетъ ли онъ чего-нибудь. «Я хотѣлъ бы, отвѣчалъ тотъ, дать свое имя Мениль-Мезонъ самой большой деревнѣ этихъ добрыхъ Ногайцевъ». Желаніе его было исполнено, но «добрые Ногайцы», какъ ни старались, никакъ не могли произнести этихъ двухъ Французскихъ словъ, и тогда, особеннымъ указомъ, названіе было переведено на Татарскій языкъ.

Благодаря разнымъ льготамъ, заселеніе Южной Россіи, начатое Екатериною, быстро подвигалось впередъ. Въ то время, когда Ришелье управлялъ Новороссіей, уже насчитывалось до 300 деревень колонистовъ, съ 300 тысячъ жителей. Изъ этихъ деревень 106 было заселено Нѣмцами, пришедшими изъ Швабіи, Баваріи и Виртемберга, 30 Ногайскими Татарами, 13 – Болгарами, 21—Русскими, преимущественно разными сектантами, 26—Греками и 6—Евреями. Кромѣ того, 15 тысячъ колонистовъ жило въ окрестностяхъ и предмѣстьяхъ Одессы.

Греческія колоніи въ округѣ Маріуполя не были подчинены ежегоднымъ инспекціямъ, потому что прошло уже двадцать четыре года со времени ихъ основанія. Герцогъ Ришелье остался совершенно доволенъ цвѣтущимъ состояніемъ, въ какомъ нашелъ эти колоніи и многихъ представилъ къ наградамъ.

Осмотрѣвъ колоніи, мы направились въ Таганрогъ. Городъ этотъ, хотя и уѣздный, но очень важный въ торговомъ отношеніи, управлялся особымъ губернаторомъ. То былъ баронъ Кампенгаузенъ. Онъ показалъ намъ городъ, портъ и обширные хлѣбные склады. Таганрогъ основанъ въ 1706 году Петромъ Великимъ, который учредилъ въ немъ два порта, военный и коммерческій. Теперь военный уничтоженъ, но коммерческій процвѣтаетъ: послѣ Одессы Таганрогъ самый важный торговый пунктъ на всемъ Черномъ морѣ.

Затѣмъ мы посѣтили Нахичевань. Императрица Екатерина II-я, выстроивъ этотъ городъ, предназначила его для всѣхъ Армянъ, разсѣянныхъ по Крыму. Насъ приняли съ великой радостью, потому что никогда, съ самаго основанія города, губернаторы не бывали тамъ. Добрые Армяне дѣлали все возможное, чтобы выказать намъ свое радушіе. Городъ выстроенъ на прекрасномъ мѣстѣ и потонулъ въ великолѣпныхъ садахъ. Мы охотно остались бы тамъ нѣсколько дней; но городничій предупредилъ насъ, что девять десятыхъ населенія, безъ различія бѣдныхъ и богатыхъ, старыхъ и молодыхъ, уже нѣсколько лѣтъ поражены наслѣдственной чесоткой. Это непріятное «нездоровье», какъ они его называютъ, происходитъ у нихъ отъ удивительной нечистоплотности: въ противность восточному обычаю, они никогда не моются; всѣ, даже молодыя и красивыя дѣвушки, страдаютъ чесоткой. Боязнь заразы ускорила нашъ отъѣздъ.

Въ Екатеринодарѣ Черноморскій атаманъ встрѣтилъ герцога Ришелье большими военными почестями. Два раза въ день мы сидѣли за

столомъ по три часа. Надо было пить и ѣсть много, чтобы не оскорбить атамана. Особенно затягивало ѣду то обстоятельство, что атаманъ, желая по всей вѣроятности угодить намъ, приказывалъ подавать каждое кушанье по три раза, какъ онъ говорилъ, «во славу Святой Троицы». Эти его слова каждый разъ сопровождались тремя выстрѣлами изъ пушки и троекратнымъ «ура» казаковъ, стоявшихъ передъ домомъ въ боевомъ строѣ. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, надо было выпить три стакана чаю и три стакана рому! Хозяинъ первый подавалъ примѣръ. Въ его желудкѣ умѣщалось невѣроятное количество пищи. Это былъ великанъ 60-ти лѣтъ, который казался не болѣе, какъ сорокалѣтнимъ. Въ молодости однажды осилилъ онъ разъяреннаго быка. Черкесы боялись его пуще огня; онъ не разъ показывалъ имъ силу своихъ рукъ. Отецъ многочисленнаго семейства, онъ даже не зналъ хорошенько своихъ дѣтей. Разъ за обѣдомъ, Ришелье спросилъ его: «Атаманъ, сколько у васъ дѣтей?» — «Трофимъ, обернулся атаманъ къ казаку, стоявшему за его стуломъ, сколько у меня дѣтей?» — «Одиннадцать», отвѣчалъ казакъ. — «Всѣ мальчики?» продолжалъ Ришилье, чтобы скрыть одолѣвавшій его смѣхъ. — «Трофимъ, сколько у меня дочерей?» опять обратился атаманъ къ казаку. — «Четыре», отвѣчалъ Трофимъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Атаманъ назывался Бурсакъ; это имя ему дали въ Кіевѣ, гдѣ онъ, какъ брошенное дитя, воспитывался на казенный счетъ.

Смотры начались на другой день по нашемъ пріѣздѣ. Атаманъ представилъ губернатору двадцать полковъ, по шести сотъ человѣкъ каждый. Герцогъ провелъ пять дней, смотря это чудесное войско, несомнѣнно лучшее въ Европѣ для сторожевой и развѣдочной службы. Лошади казаковъ выдресированы, какъ собаки: по знаку хозяина онѣ ложаться, подымаются и понимаютъ все, чего отъ нихъ требуютъ.

Воспоминанія графа Рошешуара представляютъ много любопытнаго для исторіи Южной Россіи и огражданствованія Одессы. Тамъ жилось отлично. Герцогъ Ришелье полюбилъ Крымъ и первый изъ начальниковъ сталъ ежегодно проводить въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Выборъ Гурзуфа дѣлаетъ честь его художественному вкусу. Его усадьбу, нынѣшнее великолѣпное владѣніе Губонина, подарили ему мѣстные Татары; уѣзжая во Францію, онъ отдалъ его своему адъютанту Стемпковскому. Рошешуаръ, будучи домашнимъ человѣкомъ у Ришелье, ѣздилъ съ нимъ въ Петербургъ и зналъ всю подноготную управленія. Однажды пропало письмо Государя къ герцогу, и никакъ не могли открыть виноватаго въ пропажѣ. Тогда между Москвой и Одессой обязанность правительственныхъ курьеровъ исполняли козаки, жившіе на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Я отправился,

говоритъ Рошешуаръ, изъ Одессы съ приказаніемъ наказывать всѣхъ козаковъ, которые возятъ царскія бумаги. Пріѣхавъ на станцію, я собиралъ козаковъ и говорилъ имъ: «Пропало письмо Его Императорскаго Величества; вотъ приказъ дать всѣмъ по 25 ударовъ кнутомъ». И наказаніе тутъ-же началось: каждый по очереди ложился брюхомъ внизъ и безъ возраженія получалъ отъ своего начальника указанное число ударовъ; потомъ самый старый солдатъ продѣлывалъ тоже надъ начальникомъ станціи; ни жалобы, ни ропота. Покончивъ, я садился въ повозку и ѣхалъ къ слѣдующей станціи. Шесть дней понадобилось, чтобы выполнить это тяжкое порученіе».

Любопытны страницы (144 и слѣд.) Воспоминаній Рошешуара о путешествіи Маріи Антоновны Нарышкиной, супруги оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича (о которой столько любопытнаго разсказано читателямъ «Русскаго Архива» графинею Эдлингъ). Именно въ это время началась остуда къ ней Александра Павловича. Услужливый, находчивый, любезный Французъ въ ея обществѣ попалъ какъ разъ въ свою среду. Знаменитой Полькѣ шелъ тогда 31-й годъ, и она была въ полномъ разцвѣтѣ своей необыкновенной красоты. Значеніе ея, хотя негласное, не уступало значенію любимцевъ Екатерины Второй, а въ отношеніи политическомъ было гораздо вредоноснѣе, такъ какъ рядомъ съ ней, и конечно не безъ ея помощи, дѣйствовалъ князь Адамъ.

«Въ Маѣ 1811 намъ дали знать, что въ Одессу будетъ госпожа Нарышкина, урожденная Четвертинская, которая по совѣту докторовъ опасалась Петербургскаго климата, вреднаго для здоровья ея шестилѣтней дочери Софьи. Пышная свита сопровождала красавицу, и было очень трудно помѣстить ее какъ слѣдуетъ въ простомъ и скромномъ губернаторскомъ домѣ. Герцогъ Ришелье поручилъ мнѣ найти подобающее помѣщеніе для ожидаемаго большаго и блестящаго общества. У графини Потоцкой былъ въ Одессѣ великолѣпный домъ, съ прекрасно разбитымъ, выходящимъ къ морю, садомъ. Я поѣхалъ къ ней въ Тульчинъ за позволеніемъ занять этотъ домъ для ожидаемой гостьи, и чрезъ три дня вернулся назадъ. Позволеніе мнѣ было дано очень милостиво, при чемъ я не скрылъ отъ графини Потоцкой, что я очень обязанъ г-жѣ Нарышкиной [1]). Пріѣхать должны были восемнадцать человѣкъ: г-жа Нарышкина съ дочерью, три компаньонки (Русская, Полька и Англичанка) Нѣмецъ-докторъ, Виконтъ (Французъ-секретарь), егермейстеръ Павловъ [2]), гувернантка, три горничныя, поваръ, метръ д'отель, курьеръ и три лакея.

Пребываніе Нарышкиной въ Одессѣ поглощало всѣ наши свободныя минуты. Я старался доставлять ей всѣ средства проводить время

---

[1]) Рошешуаръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Государю благодаря хлопотамъ Нарышкиной. П. Б.

[2]) Дмитрій Ивановичъ, родной дѣдъ графа Дмитрія Андреевича Толстаго. П. Б.

какъ можно пріятнѣе. Балы, концерты, морскія поѣздки, прогулки слѣдовали безъ перерыва одно за другимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Теплый воздухъ и небо Одессы, морскія купанья въ самое короткое время произвели значительныя улучшенія въ здоровьи дѣвочки. Съ цѣлью укрѣпить ея выздоровленіе, такъ хорошо начавшееся, Одесскій докторъ посовѣтовалъ сдѣлать путешествіе по Крыму, надѣясь на тамошній еще болѣе теплый климатъ. Это предложеніе было принято всѣми съ восторгомъ. Но раньше надо было испросить позволеніе на эту поѣздку изъ Петербурга, которое скоро и пришло. Мы отправились въ путь 5-го Сентября 1811 года. Навѣрно со временъ путешествія императрицы Екатерины Второй край этотъ не видалъ такого многочисленнаго и блестящаго общества, какъ наше. Укладка вещей и размѣщеніе по экипажамъ задержали насъ въ Одессѣ до полдня, и въ первый день мы сдѣлали всего одиннадцать миль. Ночевать пришлось у генерала Кобле. Нашъ авангардъ состоялъ изъ фургона съ кухонными принадлежностями, телѣги съ провизіей и брички съ посудой, серебромъ и чемоданами; потомъ ѣхала моя коляска, въ которой помѣщался я съ нашимъ другомъ, Испанскимъ консуломъ Дулэ-дель-Кастильо. За нами въ своей каретѣ ѣхалъ Перовскій, сынъ графа Разумовскаго; онъ исполнялъ обязанности секретаря по гражданскимъ дѣламъ у герцога Ришелье. Это путешествіе было для него однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, потому что вскорѣ послѣ того онъ женился на Шарлоттѣ де-Салли *), одной изъ кампаньонокъ Нарышкиной. За нимъ ѣхалъ экипажъ съ горничными, потомъ экипажъ секретаря Виконта, ѣхавшаго вмѣстѣ съ докторомъ Мюллеромъ; экипажъ Павлова съ компаньонкой графиней Арценъ (Artzen) и Шарлоттой де-Салли и гувернанткой маленькой Софьи. Наконецъ, въ послѣдней каретѣ сидѣла сама Нарышкина съ дочерью и графомъ Венансонъ, начальникомъ штаба герцога Ришелье. Этотъ бѣдный малый, очень красивый собой, кажется не въ мѣру поусердствовалъ, ухаживая больше чѣмъ слѣдуетъ за своей спутницей. Я не знаю, чтò у нихъ вышло; но дѣло въ томъ, что въ послѣдствіи графъ Венансонъ, блистательно участвуя въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ, не получилъ ни разу ни чина, ни ордена. Послѣ этого онъ оставилъ Русскую службу, возвратился на родину въ Сардинію и тамъ скоро сдѣлался генералъ-лейтенантомъ. Герцогъ Ришелье поѣхалъ впередъ двумя днями раньше насъ: онъ захотѣлъ вездѣ самъ приготовить намъ подставы.

---

*) Бабка Софьи Перовской, одной изъ убійцъ императора Александра II-го. Николай Ивановичъ Перовскій позднѣе сдѣлался Симферопольскимъ губернаторомъ. Въ царствованіе Александра Павловича графу М. С. Воронцову трудно было смѣстить его. П. Б.

Путь лежалъ на Херсонъ, Перекопъ, Акъ-мечеть, Бахчи-Сарай и Севастополь, гдѣ насъ ждалъ блистательный пріемъ. На маленькомъ легкомъ суднѣ мы прошли мимо всего флота, разцвѣтившагося флагами и привѣтствовавшаго насъ криками «ура» и выстрѣлами изъ орудій. За обѣдами и балами въ адмиралтейскихъ залахъ, украшенныхъ морскими принадлежностями, слѣдовала поѣздка въ монастырь Св. Георгія. Потомъ намъ пришла фантазія играть «Ифигенію» въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ гдѣ произошли событія, послужившія содержаніемъ этой трагедіи.Въ Балаклавѣ по нашему настоянію командиръ батальона сдѣлалъ примѣрный приступъ и взялъ крѣпость. Для дальнѣйшаго пути по южному берегу въ Балаклавѣ было приготовлено восемьдесятъ верховыхъ лошадей и пятьдесятъ для перевозки багажа и провизіи. Вездѣ насъ принимали съ великими почестями; самые оригинальные праздники устраивались какъ бы по волшебству: концерты, балы, спектакли, фейерверки, иллюминаціи. Въ Бахчи-Сараѣ, спрятавшись въ мечети, мы видѣли кружащихся дервишей, которые поютъ и пляшутъ до тѣхъ поръ, пока ни упадутъ замертво на землю. Въ другой разъ Нарышкина посѣтила гаремъ одного мусульманскаго начальника. Это посѣщеніе могло кончиться плохо. Я былъ бѣлокуръ, безъ бороды; кожа у меня была нѣжная и бѣлая. Нарышкиной вздумалось нарядить меня въ платье ея горничной. На меня надѣли шляпу съ большимъ покрываломъ и въ этомъ видѣ принудили идти въ гаремъ. Его обитательницы съ любопытствомъ разсматривали наряды Европейскихъ женщинъ, подходили, осматривали, ощупывали. Ихъ въ особенности занималъ корсетъ. Одна изъ нихъ приближалась ко мнѣ съ цѣлью разслѣдовать. Изъ опасенія передряги, я прикинулся сердитымъ, принялъ на себя сумрачный видъ и усѣлся въ сторонку на диванѣ. Мое положеніе было тѣмъ щекотливѣе, что эти прелестныя женщины ходили полураздѣтыя. Дѣло обошлось благополучно: меня приняли за ворчунью и не безпокоили. Въ Гурзуфѣ мы оставались пять дней. Тамъ дамы купались и не могли вдоволь налюбоваться великолѣпнымъ видомъ на море. Нарышкина платила за все съ истинно-царской щедростью: такъ нравились ей эти непрерывные праздники, которые устраивались въ честь ея и на которыхъ всѣ старались превзойти другъ друга роскошью и занимательностью. Все наше общество было молодо и весело, и можно прямо сказать, что четыре недѣли путешествія были непрерывнымъ хохотомъ. Крошечная Софья совершенно подружилась со мною; она называла меня своимъ маленькимъ мужемъ и показывала мнѣ письма своего отца, удивительныя по простотѣ и нѣжности *).

---

*) Софья Дмитріевна Нарышкина скончалась въ 1825 году, будучи невѣстой графа Андрея Петровича Шувалова. П. Б.

30 Сентября мы ночевали въ Судакѣ, гдѣ насъ ждали экипажи для пути въ Кафу. Тамъ два дня были посвящены на осмотръ города, а вечеромъ другаго дня герцогъ Ришелье объявилъ намъ, что праздники должны кончиться и начнутся дѣла серьезныя: онъ только что получилъ приказаніе выступить въ походъ и овладѣть портомъ Суджукъ-Кале, лежащимъ къ югу отъ Анапы и построеннымъ еще Генуэзцами. Черезъ этотъ портъ Турки посылали горцамъ оружіе и военные припасы.

Итакъ, въ Кафѣ мы разставались. Одни должны были возвратиться въ Петербургъ и Одессу, другіе—переплыть Керченскій проливъ и присоединиться къ эспедиціи. Нарышкина непремѣнно хотѣла проводить насъ до Анапы, чтобы потомъ имѣть возможность говорить, что была въ Азіи. Герцогъ Ришелье согласился на это лишь съ условіемъ оставить маленькую Софью въ Кафѣ съ гувернанткой, докторомъ и Виконтомъ. Устроивъ ее тамъ, мы отправились въ Керчь, гдѣ должны были найти военныя суда для переѣзда въ Тамань; но ихъ еще не было, и намъ пришлось ждать въ Керчи два дня. Мы осматривали столицу Митридата и по вечерамъ играли пословицы. Толпа нашихъ зрителей была самая пестрая: казаки, мусульманы, колонисты изо всѣхъ странъ, Русскіе солдаты и пр., и все это на томъ мѣстѣ гдѣ погребенъ Монимъ. Когда суда пришли, мы переправились черезъ Керченскій проливъ, заночевали въ Тамани и на другой день раннимъ утромъ отправились въ путь, оставивъ двѣ шлюпки для Нарышкиной, когда она вернется назадъ. Наши четыре дамы, окруженныя блестящей свитой, ѣхали въ коляскѣ въ шесть лошадей. Спереди и сзади былъ козачій конвой. Маленькіе отряды всюду были разставлены вдоль дороги, чтобы обезопасить путешественницъ отъ засады. Можно себѣ представить, сколько прелести имѣла для дамъ эта воинственная обстановка! До Анапы было 15 миль, и на полпути мы сдѣлали роздыхъ. Въ Анапѣ не было гостинницы; поэтому вечеромъ пришлось расположиться очень по просту: подъ открытомъ небомъ положили на землю тюфяки и покрылись шалями. Дамы, въ восхищеніи отъ этого подобія бивака, вовсе не жаловались на неудобства; напротивъ, это служило новымъ поводомъ къ смѣху. На другой день утромъ онѣ осматривали войска съ Ришелье, а вечеромъ устроился балъ. Нарышкина оставалась въ лагерѣ три дня. И тутъ, какъ раньше, старались всячески увеселять ее: дѣлали смотръ войскамъ, примѣрныя рекогносцировки и сраженія, въ которыхъ къ крайнему неудовольствію всѣхъ дамъ ни разу не встрѣтился непріятель и не раздалось ни одного выстрѣла. На четвертый только день воинственная красавица отправилась назадъ, благополучно добралась до Кафы и уѣхала оттуда въ Петербургъ.

Тѣмъ временемъ политическій горизонтъ омрачался. Всюду царствовали возбужденіе и безпокойство. Страшная комета возвѣщала великое бѣдствіе, торговля совершенно остановилась. Тяжелыя, громовыя тучи окутывали небо Россіи. На Югѣ Кутузовъ все еще не могъ заключить миръ съ Турціей, а между тѣмъ съ Запада уже грозилъ злой геній войны, исполинъ, передъ однимъ именемъ, котораго все трепетало. Александръ Павловичъ письмомъ изъ Царскаго Села отъ 9 Апрѣля 1812 года (стр. 167) поручалъ попеченіямъ герцога Ришелье М. А. Нарышкину и ея дочь, которыя должны были опять ѣхать въ Крымъ, гдѣ для нихъ отстраивалась дача. (Поѣздка не состоялась). Въ случаѣ военной опасности Ришелье долженъ былъ препроводить ихъ въ Пензу или въ Саратовъ. «Жду этой услуги отъ вашей дружбы ко мнѣ и къ ней—писалъ Государь.--Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, до какой степени эти два существа для меня дороги».

Графъ Рошешуаръ сообщаетъ любопытныя подробности о переговорахъ съ Турками, для которыхъ посланъ былъ къ нимъ его братъ.

Въ Одессѣ еще съ Марта мѣсяца начали собирать и готовить къ походу войска, какими только могла располагать Новороссія. Только въ Августѣ эти войска были готовы и подъ начальствомъ генерала Тормазова двинулись на Волынь. Тормазовъ присоединился сначала къ отряду адмирала Чичагова, но потомъ былъ вызванъ Кутузовымъ къ главной арміи. Чичаговъ же долженъ былъ занять Минскъ и Вильну и такимъ образомъ отрѣзать Наполеону отступленіе. Въ Октябрѣ графъ Рошешуаръ распрощался съ своимъ покровителемъ, который остался въ Одессѣ, гдѣ боролся геройски со свирѣпствовавшей чумою. Рошешуаръ уѣхалъ къ арміи Чичагова и былъ въ ней во время извѣстной переправы Наполеона черезъ Березину. Было - ли это въ духѣ времени или помогало Рошешуару свойственное Французамъ легкомысліе, но повидимому онъ мало задумывался надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему приходилось стоять въ рядахъ арміи, враждебной Франціи и сражаться противъ своихъ же Французовъ. Въ книгѣ его нигдѣ не встрѣчается подобной мысли. Мы видимъ Рошешуара въ Минскѣ, откуда Чичаговъ только что прогналъ генерала Брониковскаго, которому Наполеонъ поручилъ защиту этого города, гдѣ находились склады продовольствія для его войскъ.

«Мы были въ полнѣйшемъ невѣдѣніи, говоритъ Рошешуаръ, относительно того, что̀ происходило послѣ пожара Москвы. Мы не знали ни гдѣ находится Наполеонъ, ни того, что Французская армія въ плачевномъ состояніи, ни того, съ кѣмъ именно мы могли встрѣтиться

и сражаться. Адмирала Чичагова очень много осуждали за его медлительность и за дѣйствія при Березинской переправѣ; но никто не хотѣлъ принять въ разсчетъ, какъ неожиданно очутился онъ лицемъ къ лицу со всей арміей Наполеона, не будучи объ этомъ предупрежденъ. Между тѣмъ онъ не могъ дѣйствовать сломя голову, а еще менѣе подвергать опасности свои отличныя войска. Адмиралъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ онъ дѣйствовалъ. Я правдиво и точно разскажу то, чтó было, и буду говорить только о томъ, чтò видѣлъ собственными глазами.

По вступленіи нашемъ въ Минскъ, два дня войска отдыхали и запасались всѣмъ необходимымъ. Потомъ былъ созванъ совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго хода дѣйствій. Прежде всего старались собрать какія бы то ни было свѣдѣнія о положеніи Русской и Французской армій, но это не удалось: никто не зналъ ничего положительнаго. Тогда начали колебаться, идти-ли на Вильну и завладѣть громадными военными складами, которые тамъ находились, или пройдя Оршу направиться въ Витебскъ, чтобы разрушить мостъ черезъ Днѣпръ. Рѣшили, наконецъ, идти на Вильну, овладѣвъ между прочимъ Борисовымъ и мостомъ черезъ Березину. Это поручено было графу Ламберту, который командовалъ нашимъ авангардомъ. Подъ его начальствомъ было до 10 тыс. человѣкъ; изъ нихъ половина кавалеріи и нѣсколько большихъ пушекъ. Ланжеронъ позволилъ мнѣ отправиться съ Ламбертомъ.

7-го Ноября мы пошли на Борисовъ, а 8-го вечеромъ расположились биваками противъ Французскихъ аванпостовъ. Ламбертъ отложилъ до слѣдующаго дня атаку ретраншементовъ. На разсвѣтѣ генералъ послалъ меня со стрѣлками развѣдать положеніе и силы нашихъ противниковъ. Ихъ аванпосты скоро начали отступать, и по слабому ихъ и нерѣшительному сопротивленію я заключилъ, что передъ нами не Французы, а сборные отряды различныхъ національностей. Когда аванпосты отступили, непріятель открылъ по насъ артилерійскій огонь, которымъ убилъ нѣсколько человѣкъ и лошадей, и полковнику Мито оторвало руку. Дорога, по которой мы наступали, кончалась у лѣвой стороны предмостнаго укрѣпленія, и я оставилъ ее, предполагая, что съ другой стороны укрѣпленія защита будетъ слабѣе. Дѣйствительно я подошелъ безъ труда къ правой сторонѣ, выходящей на рѣку; но такъ какъ у меня не было достаточно людей, чтобы предпринять что-нибудь важное, я оставилъ свой отрядъ подъ прикрытіемъ маленькаго пригорка, а самъ, осыпаемый непріятельскими пулями, поскакалъ къ Ламберту. Я нашелъ его въ центрѣ нашего главнаго отряда и просилъ дать еще

батальонъ, увѣряя, что правая сторона укрѣпленій въ плохомъ состояніи, и ее очень легко взять приступомъ. У насъ было много кавалеріи и очень мало пѣхоты: составъ войскъ, обыкновенный во всѣхъ авангардахъ, но мало удобный для взятія окоповъ. Генералъ приказалъ спѣшиться тремъ стамъ гусарамъ того полка, котораго самъ онъ былъ командиромъ, и сказалъ имъ: «Дѣти, я доставлю вамъ хорошій случай отличиться. Вы поможете гренадерамъ, которыхъ мало, взять эти окопы! Въ ружье! Впередъ!!!» Громкое ура было ему отвѣтомъ. Къ этимъ гусарамъ Ламбертъ прибавилъ четыре роты пѣхоты и обѣщалъ подождать съ атакой на центръ и на правое крыло, пока я не приду и не стану дѣйствовать на лѣвое. Удовлетворяя нетерпѣнію войска, генералъ приказалъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ по укрѣпленіямъ. Но неистовое ура прокатилось по всей линіи вслѣдъ за выстрѣлами; оно подало сигналъ къ атакѣ и привлекло непріятельскія силы на лѣвую сторону предмостнаго укрѣпленія. Мнѣ сдѣлалось тогда очень легко проникнуть туда съ правой стороны съ моими стрѣлками и гусарами. (Рошешуаръ получилъ за это дѣло Владимирскій крестъ). Такимъ образомъ мы заставили немедленно очистить предмостное укрѣпленіе, потому что непріятель, видя себя неожиданно атакованнымъ даже внутри своихъ окоповъ, побѣжалъ по длинному мосту, ведущему въ городъ Борисовъ. Онъ надѣялся, что успѣетъ сломать или сжечь этотъ мостъ; но наши войска, войдя въ городъ одновременно съ непріятелемъ и въ перемежку съ нимъ, помѣшали выполнить это намѣреніе. Тутъ я узналъ, что Ламбертъ раненъ въ плечо во время приступа. Я отправился провѣдать о его здоровьи и сопровождалъ его по Борисову, откуда быстро ушли Саксонцы. Когда порядокъ былъ возстановленъ въ городѣ, раненаго генерала помѣстили въ хорошій домъ, гдѣ только-что передъ тѣмъ жилъ Брониковскій. Въ домѣ былъ каминъ, очень рѣдкая роскошь въ этой странѣ, и въ немъ яркимъ пламенемъ горѣли бумаги. Какъ бы предчувствуя ихъ важность, я бросился къ камину, и мнѣ удалось спасти отъ огня нѣсколько обрывковъ, въ числѣ которыхъ находилось письмо маршала герцога Беллюна къ Брониковскому, губернатору Минска».

Вотъ оно: «Господинъ губернаторъ! Моему адъютанту, князю Сулковскому, подателю сего, поручено выполнить помѣщенныя въ этомъ письмѣ приказанія. Е. В. императоръ Наполеонъ долженъ прибыть послѣ завтра 23 (11) въ Борисовъ, а 25 будетъ въ Минскѣ. Долгіе переходы, а также многочисленныя славныя битвы, настоятельно требуютъ для арміи отдыха и съѣстныхъ припасовъ. Примите мѣры, чтобы все было готово. Главнымъ образомъ надо будетъ перемѣнить много

обуви. Маршалъ герцогъ де-Беллюнъ.» Нечего и говорить о нашемъ изумленіи, когда мы узнали, что завтра у насъ на рукахъ будетъ вся великая армія. Ламбертъ сказалъ мнѣ: «Отвезите сейчасъ-же это письмо адмиралу Чичагову и прибавьте ему, что я оставляю здѣсь только самый маленькій отрядъ, всѣ же остальныя войска посылаю немедленно по дорогѣ къ Оршѣ. Рана удерживаетъ меня въ постели, и я передаю командованіе генералу графу Палену».

Я отправился сейчасъ же и нашелъ адмирала въ дорогѣ. Узнавъ о взятіи предмостнаго укрѣпленія, онъ немедленно сѣлъ на лошадь и со всѣмъ своимъ штабомъ поѣхалъ осмотрѣть позицію. Я вручилъ ему письмо герцога Беллюна и передалъ слова Ламберта

На слѣдующій день, 10 Ноября, я навѣстилъ Ланджерона, расположившагося со своимъ отрядомъ впереди предмостнаго укрѣпленія. Вечеромъ къ нему подошелъ весь нашъ корпусъ и сталъ бивакомъ на правомъ берегу Березины. Такимъ образомъ онъ былъ отдѣленъ отъ города мостомъ, очень длиннымъ по причинѣ болотъ, что̀ на лѣвомъ берегу. Ночевать я возвратился въ городъ.

11-го адмиралъ созвалъ военный совѣтъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ новостей изъ авангарда, который провелъ ночь въ Лохмицѣ, въ 6 верстахъ отъ насъ. Въ этотъ день вечеромъ я обѣдалъ у г-жи Рахмановой, жены главнаго интенданта нашей арміи. Въ серединѣ обѣда мы вдругъ увидѣли скачущихъ нашихъ гусаръ, принадлежавшихъ къ авангарду; лошади ихъ были покрыты пѣною, они кричали: «Французы»! и направлялись къ мосту. Съ каждой минутой число бѣглецовъ увеличивалось, а между тѣмъ еще третьяго дни эти же самые солдаты храбро сражались. Я попытался было остановить бѣгущихъ—напрасный трудъ. Подъ вліяніемъ паническаго ужаса, обезумѣвъ отъ страха, они кричали «Французы, Французы» и не были въ состояніи сказать что-либо другое. Нѣсколько пушекъ съ зарядными ящиками проскакали въ галопъ по городу, все опрокидывая и давя на своемъ пути. Приходилось слѣдовать общему теченію; я направился къ мосту и тамъ нашелъ г-жу Ламбертъ *). Ей удалось остановить нѣсколько гусаровъ своего мужа, и она говорила имъ по-русски: «Дѣти, неужели вы оставите вашего раненаго генерала!» Нѣсколько гусаръ спѣшились и понесли на плечахъ своего начальника, а четверо конныхъ, ведя въ по-

*) Это была дочь Суворовскаго генерала Дѣева, сильная духомъ и увѣсистая Костромичка. Пушкинъ (въ Царскомъ Селѣ 1831) звалъ ее: „Madame Tolpedje". П. Б.

воду лошадей товарищей, поѣхали впередъ и расчищали дорогу раненому, до другого конца этого безконечнаго моста. Я воспользовался этимъ шествіемъ, чтобы перебраться черезъ Березину среди страшной сутолки, въ которой нѣсколько разъ могъ быть раздавленъ или сброшенъ въ рѣку. Адмиралъ садился въ это время за столъ со своими офицерами. Онъ долженъ былъ тоже оставить обѣдъ и, какъ я, перейти мостъ пѣшкомъ. Въ полчаса все было кончено, т. е. изъ десяти тысячъ и 12 пушекъ авангарда только тысяча человѣкъ и двѣ пушки перешли рѣку; остальное было взято въ плѣнъ или разсѣяно. Пятьдесятъ человѣкъ Французскихъ егерей изъ дивизіи Леграна, которыхъ велѣно было напоить вдоволь водкой, захватили редуты нашего авангарда передъ Лохмицой. Бѣдный Паленъ никакъ не могъ собрать вокругъ себя и ста человѣкъ. Принявъ командованіе лишь наканунѣ и не будучи извѣстенъ солдатамъ, онъ противъ воли былъ увлеченъ толпами бѣглецовъ и явился къ намъ на бивакъ въ отчаяніи, которое трудно описать. Адмиралъ, какъ только мы перебрались на другой берегъ, былъ въ ожиданіи съ минуты на минуту появленія всей великой арміи, силъ которой никто не зналъ; онъ велѣлъ сломать мостъ въ двухъ мѣстахъ и уничтожилъ такимъ образомъ всякое сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ. Всѣ пожитки Рошешуара были захвачены Французами. Вѣрный козакъ спасъ ему только его мѣховую шинель.

Вечеромъ полковникъ Михаилъ Орловъ на рекогносцировкѣ встрѣтилъ казачій отрядъ, который везъ письмо Кутузова къ адмиралу. Въ письмѣ сообщалось, что Французская армія, безпорядочная и разстроенная, приближалась. Чтобы спасти какъ можно больше людей, Наполеонъ, по всей вѣроятности, поторопится перейти Березину, и адмиралъ долженъ былъ во что бы ни стало задержать его на этой переправѣ, и тѣмъ дать время главнокомандующему соединиться съ корпусомъ Витгенштейна и атамана Платова. Кутузовъ кончалъ такими словами: «Вы имѣете дѣло съ Наполеономъ, геніальнѣйшимъ полководцемъ. Должно быть, онъ сдѣлаетъ демонстрацію перепревы на одномъ пунктѣ, чтобы привлечь ваше вниманіе, и постарается перейти рѣку въ пунктѣ противоположномъ. Поэтому—благоразуміе и бдительность».

Такимъ образомъ, увѣдомленный заранѣе и получивъ свѣдѣнія и совѣтъ отъ главнокомандующаго, адмиралъ долженъ былъ сообразоваться съ мнѣніями своего начальника. Адмиралъ послалъ по правому берегу Березины легкій отрядъ, чтобы попробовать войти въ сношенія съ Витгенштейномъ. Начальникъ этого отряда сообщилъ адмиралу, что Французы, кажется,

хотятъ строить мостъ въ Студянкѣ, въ 25 верстахъ выше Борисова, мѣстѣ очень болотистомъ и потому мало удобномъ для постройки моста. Адмиралъ, убѣжденный, что хотятъ нарочно привлечь его вниманіе на этотъ пунктъ, чтобы постараться перейти въ другомъ мѣстѣ, напр. въ Березинѣ (гдѣ хорошія дороги и крѣпкій мостъ), отдалъ приказаніе всему корпусу двинуться на Березино. Одинъ Ланжеронъ съ четырьмя тысячами человѣкъ остался въ Студянкѣ наблюдать за дѣйствіями непріятеля.

Березино лежитъ внизъ по рѣкѣ, въ 25 верстахъ отъ Борисова. Мы прошли всю ночь по страшному холоду и невозможнымъ дорогамъ. Прибывъ въ Березино утромъ 13-го, мы не замѣтили и слѣдовъ Французской арміи, и адмиралъ началъ опасаться, не сдѣлалъ ли ошибочнаго маневра. Вечеромъ онъ получилъ свѣдѣнія, что этотъ утомительный переходъ дѣйствительно былъ крайне благопріятенъ Наполеону: адъютантъ Ланджерона пріѣхалъ сообщить намъ, что Французскіе инженеры строятъ противъ нихъ мостъ на козлахъ и что работы производятся подъ прикрытіемъ сорока пушекъ большаго калибра. У Ланжерона было только восемь пушекъ, и онъ, боясь быть совершенно уничтоженнымъ такимъ очевиднымъ большинствомъ, ушелъ къ Борисову, чтобы соединиться съ отрядомъ, занимавшимъ тамъ предмѣстное укрѣпленіе и ждать новыхъ приказаній.

Не смотря на отвратительныя дороги, по которымъ надо было идти, утромъ 14-го мы были уже у предмостнаго укрѣпленія, но съ обезсиленными людьми и лошадьми, имѣя множество отсталыхъ, занятыхъ вытаскиваніемъ орудій и фургоновъ, застрявшихъ въ рытвинахъ. Весь день 15-го отсталые собирались.

16-го на разсвѣтѣ мы двинулись къ Студянкѣ; но, благодаря нашему ошибочному маневру, Французская армія перешла Березину безъ помѣхи. Одинъ только отрядъ Партуно, въ 4 т. чел., составлявшій аріергардъ, былъ отрѣзанъ и принужденъ сдаться».

Такимъ-то образомъ Французы перешли послѣднюю важную преграду къ отступленію. Великая армія была тогда уже обезсилена и разстроена, и адмиралъ Чичаговъ со своими 20-ю тысячами свѣжаго войска дѣйствительно могъ бы очень помѣшать переправѣ и нанести значительный ущербъ непріятелю, еслибы, вмѣсто маневра на Березино, былъ во время въ Студянкѣ. Его обвиняютъ за это; но, какъ видно, онъ былъ виноватъ развѣ тѣмъ, что слишкомъ довѣрился

совѣтамъ Кутузова и со стороны Французовъ ожидалъ хитрости тамъ, гдѣ было уже не до хитростей. Въ этомъ обстоятельствѣ перехитрилъ всѣхъ хитрѣйшій старецъ, главнокомандующій Кутузовъ. Онъ зналъ плачевное состояніе Французской арміи, зналъ, что Наполеону некогда дѣлать какія бы то ни было демонстраціи, а надо поскорѣе уносить ноги, и въ тоже время писалъ Чичагову, что Наполеонъ, по всей вѣроятности, сдѣлаетъ ложную демонстрацію. Теперь извѣстно, что Кутузовъ не хотѣлъ ни брать самого Наполеона, ни уничтожать окончательно Французскую армію. Онъ даже не хотѣлъ идти далѣе и уступилъ только настояніямъ Государя. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы, прогнавъ Наполеона, не увлеклись славой и остались въ своихъ предѣлахъ, было бы, можетъ быть, меньше блеску, но больше пользы. Начало Наполеоновскому концу уже было положено; дальше Европа и безъ насъ покончила бы со своимъ недавнимъ владыкой, но покончила, употребивъ неимовѣрныя усилія. Эта борьба ослабила бы въ конецъ и Францію, и всю Европу; а Россія надолго, безъ всякихъ романтическихъ священныхъ союзовъ, самою силою обстоятельствъ являлась бы вершительницею судебъ всѣхъ Европейскихъ государствъ.

«18 Ноября, продолжаетъ Рошешуаръ, мнѣ пришлось быть на томъ мѣстѣ, гдѣ переходила рѣку Французская армія. Что̀ за печальное, раздирающее душу зрѣлище! Всюду виднѣлись кучами трупы людей, женщинъ и даже дѣтей, солдатъ всѣхъ родовъ оружія, всѣхъ національностей, замороженныхъ, задавленныхъ бѣглецами или настигнутыхъ Русскими пулями. Все смѣшалось: лошади, экипажи, пушки, зарядные ящики, кинутые фургоны. На мосту я увидалъ одну женщину, ноги свѣсились внизъ и замерзли въ рѣчномъ льду. Женщина держала на рукахъ ребенка и умоляла спасти его, не замѣчая, что ребенокъ давно закоченѣлъ. Обѣ стороны дороги были завалены мертвыми во всѣхъ положеніяхъ или людьми умирающими отъ холода и истощенія; они были одѣты въ лохмотья и просили взять ихъ въ плѣнъ».

Съ 1-го Декабря никто уже не думалъ сражаться, а всѣ помышляли какъ бы дойти до Вильны. Французы разсчитывали найти тамъ съѣстные припасы, одежду и обувь, а Русскіе преслѣдовали ихъ, чтобы поскорѣе выгнать изъ своихъ предѣловъ.

«11 Декабря, въ 29-ти градусный морозъ, я въѣхалъ въ Вильну съ Ламсдорфомъ, въ его каретѣ. Нашъ экипажъ съ трудомъ подвигался среди груды труповъ, замерзшихъ посреди дороги. Слуги наши слѣдовали впереди и раскидывали направо и налѣво мертвыхъ, мѣшавшихъ проѣхать. Трудно себѣ представить положеніе Вильны въ слѣ-

дующіе четыре дня по нашемъ приходѣ. Всѣ монастыри и дома биткомъ набиты Французами, Поляками, Нѣмцами, Испанцами, Итальянцами, Португальцами, плѣнными, ранеными или больными». А надо было помѣщать всѣхъ! Изъ одного монастыря выкидывали вонъ трупы и вмѣстѣ съ ними раненыхъ иноземцевъ, чтобы опростать мѣсто для своихъ! «Снѣгъ, покрывавшій улицы, смягчалъ стукъ колесъ по мостовой, но не мѣшалъ слышать стоны и крики раненыхъ, просившихъ ѣсть. Однимъ словомъ, мы не знали куда спрятаться, чтобы уснуть хоть на часъ».

Императоръ Александръ прибылъ въ Вильну 10 (22) Декабря. Военныя дѣйствія надо было пріостановить изъ-за страшнаго холода. Пользуясь этимъ временемъ, Рошешуаръ отпросился въ Петербургъ; ему дали отвезти бумаги къ военному министру и плѣннаго маркиза де-Кастри. На него пролились щедроты Государя, и въ обществѣ М. А. Нарышкиной онъ благоденствовалъ. Въ Петербургѣ пробылъ онъ три мѣсяца и въ концѣ Марта опять отправился къ арміи вмѣстѣ съ барономъ Маршалемъ, состоявшимъ при Австрійскомъ посольствѣ и черезъ котораго велись тайные переговоры съ Австріей. Государя Рошешуаръ нашелъ въ маленькомъ Саксонскомъ городкѣ Лаубанѣ.

«19-го Апрѣля, пишетъ онъ, Государь принялъ меня очень ласково. Его Величество оставался нѣсколько дней въ Лаубанѣ. Передъ отъѣздомъ онъ велѣлъ сдѣлать цѣнный подарокъ владѣльцу того дома, въ которомъ жилъ; однако владѣлецъ представилъ счетъ графу Толстому: 50 талеровъ за цвѣты, стоявшіе на лѣстницѣ, 3 талера за бутылку Бургонскаго вина, предложеннаго Государю при встрѣчѣ, 16 талеровъ за простыни придворнымъ лакеямъ и т. д. Нѣмцы ничего не дѣлаютъ изъ-за одной чести».

21-е было посвящено осмотру поселенія Братьевъ Моравскихъ или анабаптистовъ. Государь, въ сопровожденіи всего своего штаба, пріѣхалъ на дрожкахъ въ деревню, гдѣ они жили. Сойдя у гостинницы, онъ пожелалъ имѣть проводника, который бы ему все показалъ «Кто вы?» спросили его.— «Я Александръ», отвѣчалъ Государь. Новость быстро разнеслась, и деревня сбѣжалась привѣтствовать Государя, доброта котораго вошла въ пословицу.

22-го Его Величество прибылъ въ Бауценъ; 23-го ночевали въ Радебергѣ, а 24-го вступили въ Дрезденъ. Императоръ въѣхалъ въ городъ во главѣ своей и Прусской гвардіи. По лѣвую его руку ѣхалъ король Прусскій со своими сыновьями; самая блестящая свита сопро-

вождала ихъ. Жители стояли шпалерами вдоль улицъ, и молодыя дѣвушки бросали цвѣты на пути ихъ величествъ. День кончился великолѣпной иллюминаціей, а въ походной церкви нашей Пасхальной заутреней. На другой день парадъ и обѣдъ у Государя, а вечеромъ торжественный спектакль въ оперѣ (играли по-итальянски «Весталку»).

«29-го мы должны были ночевать въ Герингсвальде. Но такъ какъ разстояніе отъ Дрездена было слишкомъ велико, то стали бивакомъ въ открытомъ полѣ. 30-го, чтобы ускорить движеніе, оставили тяжелый обозъ въ Герингсвальде. Главная квартира ночевала въ Фробургѣ, и на слѣдующій день 1 Мая, въ Борнѣ. Былъ отданъ приказъ готовиться въ дальнѣйшій путь къ 2 часамъ ночи. Это было наканунѣ того памятнаго дня, Воскресенья 2-го Мая, который долженъ бы былъ рѣшить участь Европы, еслибы мы остались побѣдителями».

Въ четыре часа утра Русскій императоръ и король Прусскій прибыли въ Пегау. Тамъ ихъ ждалъ новый главнокомандующій Русско-прусской арміей, графъ Витгенштейнъ. Онъ составилъ себѣ хорошую репутацію во время кампаніи 1812-го года. Однако онъ сдѣлалъ большую ошибку 2 Мая, приказавъ всей Прусской арміи пройти передъ нашею, чтобы занять свое мѣсто въ сраженіи. Этотъ маневръ, который очень легко можно было сдѣлать наканунѣ, уничтожилъ всѣ наши усилія, замедливъ начало боя на три часа. Вторая его ошибка была удаленіе резерва, состоявшаго изъ 20-ти тысячъ человѣкъ подъ командой Милорадовича, который не могъ принять участія въ боѣ и прибылъ на мѣсто уже ночью, когда началось отступленіе.

На другой день послѣ Люценскаго сраженія, наша главная квартира ночевала въ Пёнигѣ, а императоръ Александръ съ Нессельроде отправился въ Дрезденъ, чтобы тамъ обсудить дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Онъ оставался тамъ до 8-го Мая, а 9-го опять прибылъ къ арміи.

Въ Четвергъ, 20 Мая, началась великая битва, называемая у Французовъ сраженіемъ Бауценскимъ, у Русскихъ—Вюршенскимъ. Чтобы слѣдить за всѣми движеніями войска, императоръ Александръ чрезъ мѣру подвергалъ себя непріятельскому огню; всюду, гдѣ онъ ни проѣзжалъ со своимъ штабомъ, наша раззолоченая группа привлекала вниманіе непріятеля, и по насъ стрѣляли. Много офицеровъ было ранено или убито. Послѣ ожесточенной борьбы и чудесъ храбрости съ обѣихъ сторонъ, бой прекратился около десяти часовъ вечера. Императоръ и король ночевали въ трехъ миляхъ отъ мѣста сраженія.

На другой день пушечная пальба началась съ 4-хъ часовъ утра. Около 2-хъ часовъ пополудни Наполеонъ обманулъ насъ ложной атакой на наше лѣвое крыло, упиравшееся въ горы, которыя раздѣляютъ Богемію и Саксонію. Въ тоже время онъ приказалъ маршалу Нею подкрѣпить себя дивизіями Ренье и Лористона и съ образовавшимся такимъ образомъ шестидесятитысячнымъ корпусомъ обрушиться на наши двѣ дивизіи, Барклая-де-Толли и Блюхера, отдѣлившіяся отъ праваго крыла. Эти двѣ дивизіи, боясь быть отрѣзанными отъ арміи, перешли Шпрее. Императоръ Александръ, видя, что нашей арміи грозитъ опасность очутиться прижатой къ Богемскимъ горамъ, рѣшился на отступленіе, пока было еще время. Въ 6 часовъ вечера отданъ приказъ гвардіи двинуться немедленно на Гохкирхъ. Всѣ корпуса должны были слѣдовать за нею въ самыхъ короткихъ промежуткахъ. Это памятное отступленіе покрыло славою Русскую армію, которая произвела его съ удивительною правильностью и порядкомъ, не торопясь и не путаясь. Графъ Петръ Паленъ командовалъ этимъ мужественнымъ аріергардомъ. Лучшее войско въ мірѣ, преслѣдуя его по пятамъ, не могло ни разстроить, ни взять у него ни одной пушки.

«4 Іюня мы узнали о заключеніи перемирія, подписаннаго въ Плейвицѣ графомъ Шуваловымъ, Клейстомъ и Коленкуромъ. Военныя дѣйствія должны были снова начаться 17 Августа».

Тѣмъ временемъ, графа Рошешуара посылали въ Кольбергъ съ отвѣтнымъ письмомъ Государя къ графу д'Артуа.

Заключенный за это время наступательный и оборонительный союзъ между Россіей, Пруссіей и Австріей требовалъ новаго плана кампаніи, и на большомъ военномъ совѣтѣ было рѣшено: одинъ корпусъ Русскихъ войскъ и одинъ—Прусскихъ должны были соединиться съ Австрійской арміей въ Богеміи, чтобы тревожить Французовъ съ тылу и фланга, тогда какъ остальныя Русскія и Прусскія силы будутъ нападать на нихъ съ фронта.

«Императоръ Александръ къ 15 Августа прибылъ въ Прагу. Вечеромъ 17 Августа, мой товарищъ, полковникъ Рапатель, адъютантъ Императора, сказалъ мнѣ: «Другъ мой, я хочу представить васъ нашему знаменитому соотечественнику, моему прежнему начальнику. Я говорю о генералѣ Моро, который только-что прибылъ изъ Америки». Я съ радостью принялъ предложеніе, и мы вмѣстѣ отправились къ знаменитому генералу, который выказалъ свои военныя способности въ первыхъ войнахъ Революціи и во всей Европѣ одинъ былъ способенъ бороться съ Наполеономъ».

Этотъ знаменитый человѣкъ сохранилъ до конца прямоту, немного грубую На другой день моего къ нему визита, Царь давалъ обѣдъ въ его честь. Весь штабъ и много генераловъ Австрійскихъ и Прусскихъ было приглашено къ столу. Императоръ, по правую руку котораго сидѣлъ Шварценбергъ, а по лѣвую Моро, взялъ графинъ, чтобы налить себѣ пить. Моро неожиданно схватилъ его за руку. «Государь, не пейте: это ядъ! Или то, что я сейчасъ пробовалъ, поддѣлано какъ нельзя хуже и, въ такомъ случаѣ, не можетъ быть вамъ подаваемо, или это питье содержитъ въ себѣ ядовитую подмѣсь, обличаемую отвратительнымъ вкусомъ». Государь громко разсмѣялся и, обращаясь къ своему гофмаршалу, сказалъ: «Толстой слышишь? Однако я пью это вино вотъ уже нѣсколько дней!» Моро получилъ титулъ Русскаго фельдмаршала.

Императоръ Александръ, заключая союзъ съ Австріей, предлагалъ назначить Моро главнокомандующимъ; такимъ образомъ самолюбіе всѣхъ было бы пощажено. Но Метернихъ подъ угрозою разрыва требовалъ этого титула для Шварценберга. Императоръ выразилъ Моро свои сожалѣнія по поводу этого, и тотъ отвѣчалъ ему: «Государь, я понимаю нежеланіе Австріи. Еслибы вы сдѣлали мнѣ честь посовѣтоваться со мной раньше, я предложилъ бы командовать вамъ самому. Всякія противорѣчія исчезли бы передъ такимъ начальникомъ. Я былъ бы вашимъ главнымъ помощникомъ, и военныя дѣйствія шли бы по опредѣленному направленію. Теперь все, что я могу предложить Вашему Величеству—это совѣты моей старой опытности. Да поможетъ намъ Богъ!»

26-го Августа, въ первый день Дрезденскаго сраженія, атака началась очень поздно и не довольно настойчиво. Однако союзная армія взяла два редута. Силы союзниковъ, собранныя вокругъ Дрездена, превосходили 200 тысячъ человѣкъ и имѣли передъ собою въ этотъ день только корпусъ маршала Гувіона Сенъ-Сира. Этотъ корпусъ неизбѣжно долженъ бы былъ погибнуть, еслибы атака началась раньше и еслибы послѣ первыхъ успѣховъ ее вели сильнѣе, а не ограничивались посылкой подкрѣпленій, что только затягивало бой. Надо было атаковать всѣми силами и по всей линіи. Моро сказалъ Государю: «Но что же тутъ дѣлаютъ? Отчего не подвигаются впередъ? Судя по вялости защитниковъ, здѣсь нѣтъ Наполеона, и мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ его корпусовъ». Императоръ, почувствовавъ вѣрность замѣчанія, подвелъ Моро къ главнокомандующему, чтобы повторить ему это. Австрійскій генералъ давалъ очень плохія объясненія въ оправданіе медлительности, которую онъ называлъ благоразуміемъ, и наконецъ сказалъ: «Мы не хотимъ разрушать Дрездена».

— А! такъ вотъ отчего, возразилъ побѣдитель при Гогенлинденѣ. Однако, князь, воюютъ не для того, чтобы щадить своихъ враговъ, а для того, чтобы дѣлать имъ возможно больше вреда. Зачѣмъ же было подходить къ этому городу и не выбрать другаго поля сраженія?»

Потомъ, раздраженный спокойствіемъ, съ которымъ ему отвѣчали, Моро бросилъ шляпу на землю и воскликнулъ: —«Э, чортъ возьми, милостивый государь, теперь я больше не удивляюсь, что васъ постоянно бьютъ вотъ ужъ семнадцать лѣтъ!»

Это слова, которыя мы всѣ слышали. Императоръ пытался успокоить и увести въ сторону Моро. Тотъ, удаляясь, прибавилъ: «Государь, этотъ человѣкъ все погубитъ!»

Нѣсколько времени спустя, мы увидѣли, что изъ трехъ воротъ Дрездена выходятъ три сжатыя колонны, приблизительно по 15-ти тысячъ каждая. Эти колонны отбросили союзниковъ далеко за предѣлы той линіи, до которой они только что дошли. Наполеонъ, услышавъ канонаду, поспѣшилъ со всѣми своими силами перейти Эльбу и явился въ Дрезденъ вполнѣ неожиданно.

На другой день, 27-го, пошелъ проливной дождь, котораго никогда не забудутъ всѣ участники сраженія, и лилъ не переставая трое сутокъ. Я не даю никакихъ подробностей этого втораго дня, столь печальнаго для союзниковъ. Побѣда, на которую они имѣли право надѣяться, обратилась въ пораженіе.

Мы начали отступленіе, которое скоро обратилось въ общее бѣгство. Александръ, окруженный слишкомъ многочисленнымъ штабомъ, былъ вполнѣ на виду. Французскія ядра попадали прямо въ насъ. Моро сказалъ Государю: «Вы слишкомъ нужны, чтобъ подвергать себя опасности, особливо когда, по милости ошибокъ, допущенныхъ вчера, въ эту ночь и даже нынче утромъ, намъ приходится отступать. Умоляю Ваше Величество подумать о томъ, что въ этой отвагѣ нѣтъ для васъ славы и что гибель ваша повергнетъ вашихъ подданныхъ и вашихъ союзниковъ въ величайшее бѣдствіе». Государь понялъ, что дѣлать ему больше нечего, дернулъ поводомъ и сказалъ: «Ступайте впередъ, фельдмаршалъ». Въ эту минуту ядро съ ближайшей Французской батареи ударило Моро въ правое колѣно, пронизало лошадь и оторвало Моро икру лѣвой ноги. Говорившій со мною Рапатель кинулся подымать своего генерала; я также приблизился и услышалъ, какъ Моро сказалъ: «Смерть! Смерть!» За тѣмъ онъ лишился сознанія.

Государь былъ тутъ же, въ сильномъ горѣ. Между нами упало еще отъ пяти до шести ядеръ. Тогда его отвели вмѣстѣ съ ранеными на нѣсколько шаговъ за пригорокъ. Царскій докторъ объявилъ, что нужна двойная ампутація. На скоро устроили носилки изъ вѣтокъ. Сорокъ человѣкъ Русскихъ, Австрійскихъ и Прусскихъ гренадеровъ по очередно несли раненаго до города Лана. Онъ проявилъ удивительное присутствіе духа и между двухъ ампутацій попросилъ позволенія выкурить сигару. На другой день онъ скончался, продиктовавъ Рапателю прощальное письмо къ женѣ и дочери (сія послѣдняя, пожалованная фрейлиною Русскаго двора, вышла за графа Курваля).

29-го наша армія отступала въ Богемію въ величайшемъ безпорядкѣ; всѣ народности и даже полки перемѣшались. Императоръ, король и Шварценбергъ провели весь день на большой дорогѣ, раздѣляя бѣглецовъ и указывая имъ путь, по которому надо идти. Государь направлялъ Русскихъ въ центръ, король Прусскій посылалъ своихъ солдатъ налѣво, а Шварценбергъ направо. За день съ большими усиліями собрано 100 тысячъ человѣкъ.

Тѣмъ временемъ генералъ Остерманъ, которому удалось собрать около 15-ти тысячъ человѣкъ, былъ атакованъ генераломъ Вандамомъ, командовавшимъ 30-ти тысячнымъ корпусомъ. Французскій генералъ получилъ приказаніе отъ Наполеона, уничтоживъ во что бы ни стало всѣ препятствія, придти въ Теплицъ раньше союзной арміи, которая была въ безпорядкѣ, и покончить съ нею. Остерманъ, цѣною огромныхъ жертвъ, мужественно защищалъ свою позицію. Это упрямое сопротивленіе покрыло славою генерала и храбрецовъ, которыми онъ командовалъ, и спасло главную армію, давъ ей время опять придти въ порядокъ. Остерманъ съ оторванной рукой остался на ногахъ среди своихъ гренадеръ и ободрялъ ихъ.

30 Августа съ утра Вандамъ былъ атакованъ спереди 80 тысячнымъ корпусомъ, справа 20 тысячами Пруссаковъ, а слѣва 25.000 Австрійцевъ. Не будучи въ состояніи противиться такимъ силамъ, онъ началъ отступать, когда Клейстъ со всей своей артилеріей напалъ на него сзади. Окруженный со всѣхъ сторонъ Вандамъ напрасно старался прорваться и, не смотря на храбрость своихъ солдатъ, долженъ былъ положить оружіе.

Австрійскій императоръ, чтобы увѣковѣчить подвигъ Русской гвардіи въ день 29-го Августа и отблагодарить ее, велѣлъ поставить на

свои собственныя средства памятникъ на полѣ битвы съ надписью: «Въ честь Русской гвардіи, 29 Августа 1813 года».

До сихъ поръ Рошешуаръ, хотя и состоялъ постоянно при особѣ Государя, какъ его адъютантъ, но мало былъ ему извѣстенъ. Въ Прагѣ, представляя весь свой штабъ императору Австрійскому и дойдя до Рошешуара, онъ не могъ назвать его по фамиліи и, покраснѣвъ, сказалъ: «Назовите сами себя». Рошешуаръ долго думалъ, что этотъ случай подѣйствуетъ въ худомъ смыслѣ на его служебное поприще, потому что онъ, не будучи самъ виноватъ въ этомъ, всетаки доставилъ непріятность Государю. Однако скоро онъ увидѣлъ, что его опасенія были напрасны. Случай далъ ему возможность не только стать извѣстнымъ Государю, но даже войти къ нему въ особенную милость.

7-го Сентября въ главной квартирѣ союзныхъ войскъ въ Теплицѣ *) узнали, что Шведскій принцъ Бернадотъ разбилъ на голову маршала Нея. Бернадотъ однако не воспользовался своею побѣдою: онъ бездѣйствовалъ въ Цербстѣ и не шелъ далѣе. Чтобы побудить его къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, каждый изъ союзныхъ государей посылалъ ему свой знакъ отличія. Георгіевскую ленту отъ императора Александра долженъ былъ вести Бернадоту дежурный адъютантъ, которымъ на этотъ разъ оказался Рошешуаръ. Ему было отдано прямое приказаніе: доставить Георгіевскую ленту раньше, чѣмъ посланные другихъ государей успѣютъ выполнить свое порученіе, и какимъ-нибудь образомъ побудить Вернадота двигаться далѣе. Не такъ легко было выполнить это порученіе. На почтовой станціи, куда Рошешуаръ явился за лошадьми, ему сказали, что лошадей никому не приказано давать до тѣхъ поръ, пока не отправится Австрійскій курьеръ, посылаемый къ Шведскому принцу. Въ виду такихъ, казалось бы, непреодолимыхъ препятствій, посланецъ Русскаго Государя скоро нашелся. Первую станцію онъ проскакалъ верхомъ, совершенно замучивъ свою лошадь; на второй запрещенія уже не было, и онъ такимъ образомъ все-таки первымъ явился къ Бернадоту. Шведскій принцъ велъ тогда тонкую игру. Онъ высказался подъ секретомъ Рошешуару, успѣвшему войти къ нему въ довѣріе, что считаетъ себя самымъ подходящимъ человѣкомъ для Французскаго престола. На этой-то стрункѣ Рошешуару и удалось поймать честолюбца. За три дня, проведенные вмѣстѣ съ Бернадотомъ, онъ постарался доказать ему, что бездѣйствіе не ведетъ ни къ

*) Рошешуаръ описываетъ церемонію, происходившую въ Теплицѣ по случаю принятія Александромъ Павловичемъ ордена Подвязки, присланнаго Георгомъ III-мъ.

чему, что событія въ Европѣ много теперь зависятъ отъ императора Александра, расположеніе котораго можно заслужить, оказавъ рѣшительныя услуги союзной арміи. Дипломатія увѣнчалась успѣхомъ, и Рошешуаръ самъ присутствовалъ при переходѣ Бернадота черезъ Эльбу.

На слѣдующій день по возвращеніи въ главную квартиру Рошешуаръ былъ позванъ въ кабинетъ къ Государю.

«Какъ только я вошелъ, разсказываетъ онъ, Государь сказалъ мнѣ съ улыбкою: Шведскій принцъ отъ васъ въ восхищеніи. Онъ благодаритъ меня, что я выбралъ именно васъ отвезти ему письмо и Георгіевскую ленту. Скажите, о чемъ шли у васъ долгія съ нимъ бесѣды. Онъ очень уменъ, и это должно быть интересно».

Ободренный добротою Государя, я началъ свой разсказъ, подражая Гасконскому выговору Бернадота «Я долженъ сказать правду Вашему Величеству, я не все передалъ полковнику Поццо *) и графу Нессельроде». Государь былъ въ восхищеніи отъ разсказа и смѣялся отъ души, въ особенности когда я сообщилъ, что Бернадотъ указываетъ на себя, какъ на единственнаго человѣка, способнаго замѣстить Наполеона на Французскомъ престолѣ. Я заслужилъ большую похвалу за тѣ доводы, которыми я убѣждалъ принца въ необходимости служить союзникамъ. «Впрочемъ, вы сказали только правду; вы хорошій дипломатъ». Государь отпустилъ меня, сказавъ: «Приходите завтра вечеромъ въ семь часовъ; мнѣ еще кое-о-чемъ надо васъ спросить».

На другой день Государь продержалъ меня три часа у себя въ кабинетѣ, говорилъ о многомъ и удивилъ меня своею откровенностью. Такъ онъ сознался, что питаетъ искреннюю дружбу къ Наполеону, и вотъ по какимъ причинамъ. «Представьте себѣ, что, въ одно изъ нашихъ свиданій въ Эрфуртѣ, Наполеонъ сказалъ мнѣ: «Я знаю, что существуетъ женщина, на которой сосредоточена вся ваша нѣжность; я знаю, что вы никогда не разстаетесь съ ея портретомъ. Дайте мнѣ этотъ портретъ; я хочу его носить изъ любви къ вамъ, какъ постоянную память о лучшемъ другѣ, какой только у меня есть во всемъ свѣтѣ». Я вручилъ ему портретъ и долженъ сознаться, что онъ далъ мнѣ за это великолѣпные совѣты; именно имъ я обязанъ успѣхамъ кампаніи въ Россіи» (стр. 257).

---

*) Поццо-ди-Борго, въ то время нашъ дипломатъ при Бернадотѣ.

Съ этой поры Рошешуаръ входитъ въ особенную милость къ императору Александру, который не пропускаетъ случая, чтобы сказать ему ласковое слово, дать лестное порученіе или сдѣлать что-нибудь пріятное. Послѣ трехъ-дневной Лейпцигской битвы Государь производитъ въ полковники своего новаго любимца.

Союзная армія вступала въ Лейпцигъ; тамъ ожидалъ побѣдителей старикъ король Саксонскій. Рошешуаръ такъ разсказываетъ о встрѣчѣ съ нимъ императора Александра:

«Король Саксонскій стоялъ внизу на лѣстницѣ своего дворца и съ обнаженной головой почтительно ждалъ побѣдителя. Онъ былъ окруженъ батальономъ своей гвардіи, выстроенной шпалерами и съ ружьями прикладомъ вверхъ. Императоръ Александръ сошелъ съ лошади и дружески обнялъ Шведскаго принца. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Бернадотъ сказалъ: «Государь, вотъ король Саксонскій, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе». Но Императоръ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ и спросилъ: «Гдѣ королева Саксонская?»—«Она ждетъ Вашего Величества на верху лѣстницы; но вотъ ея августѣйшій супругъ, который желаетъ быть вамъ представленнымъ».—«Пойдемте къ королевѣ!»

«Вотъ какъ строго обошелся Александръ съ этимъ старымъ королемъ, который былъ жертвой привязанности къ Наполеону, привязанности очень похвальной, потому что она не измѣнилась до конца. Я былъ пораженъ такимъ поступкомъ Императора, если не жестокимъ, то и невеликодушнымъ относительно коронованнаго старца, который мнѣ показался скорѣе опечаленъ, чѣмъ уничиженъ такимъ пріемомъ. Онъ пошелъ въ покои королевы за раздраженнымъ монархомъ, но и тамъ не могъ добиться отъ него ни слова».

Въ Январѣ 1814 года Русскія войска вошли, наконецъ, во Французскія земли. Рошешуаръ немедленно вступилъ въ сношенія со многими лицами, приверженцами Бурбоновъ, переписывался съ ними и хлопоталъ о водвореніи на Французскомъ престолѣ законнаго короля. Конечно онъ много способствовалъ востановленію Бурбоновъ на Французскомъ престолѣ.

Александръ Павловичъ сначала поселился въ Парижѣ въ домѣ Талейрана (2, rue Saint-Florentin), а потомъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Онъ давалъ Рошешуару разныя порученія, между прочимъ не допускать къ нему Коленкура, нѣкогда, въ Петербургѣ, столь къ нему близкаго. Государь назначилъ Рошешуара комендантомъ Парижа. Ми-

лости къ нему не прекращались. Однако любовь къ родной Франціи и къ своимъ государямъ пересилила въ немъ привязанность къ государю Русскому.

«Я былъ въ очень затруднительныхъ обстоятельствахъ, пишетъ онъ; герцога Ришелье не было, чтобы руководить мною. Я былъ одинъ, молодъ и немного опьяненъ высокимъ положеніемъ, которое я занималъ. Вопреки всякимъ приличіямъ, которыя мнѣ не слѣдовало забывать, я оставилъ Русскую службу, чтобы поступить на службу къ королю. Вотъ какъ я сдѣлалъ это. Императоръ Александръ назначилъ свой отъѣздъ изъ Парижа на 3-е Іюня. Онъ сначала отправлялся въ Лондонъ, а оттуда въ Россію. Я попросилъ генерала Сакена передать Его Величеству мою просьбу объ отставкѣ. Мнѣ надо было бы сопровождать Государя до Россіи: я долженъ былъ сдѣлать это въ доказательство моей преданности, изъ благодарности за его доброту и ласку; но мнѣ показалось слишкомъ тяжело снова оставлять родину, гдѣ я чувствовалъ себя такъ хорошо. Я оказался неблагодарнымъ. Черезъ два дня Сакенъ сказалъ мнѣ: «Государь недоволенъ вами. Насколько я могъ понять, онъ думалъ, что вы сильнѣе привязаны къ нему; однако онъ отпускаетъ васъ съ чиномъ генералъ-маіора, но не желаетъ, чтобы вы являлись къ нему прощаться. Вотъ все, что̀ я могъ сдѣлать». Только тутъ, уже слишкомъ поздно, я понялъ, какую сдѣлалъ ошибку; но она была непоправима».

Дальнѣйшая судьба Рошешуара не касается Россіи. Ришелье обезпечилъ его состояніе; онъ выгодно женился (на дѣвицѣ Увраръ) и занялъ выгодное положеніе во Франціи. Подобно матери своей преданный Бурбонамъ, въ 1832 году онъ ѣздилъ негласно въ Петербургъ просить покровительства Николая Павловича герцогинѣ Беррійской (стр. 523), имѣлъ любопытныя сношенія съ графами Бенкендорфомъ и Нессельроде, но къ Государю допущенъ не былъ: Николай Павловичъ благоразумно уклонился отъ вмѣшательства въ династическія распри Орлеанскаго и Бурбонскаго домовъ. Графъ Рошешуаръ дожилъ до 1858 года и умеръ отъ апоплексическаго удара. Послѣдніе годы своей жизни онъ занимался историческими изысканіями и написалъ книгу «Исторія фамиліи Рошешуаровъ». Воспоминанія его написаны прекраснымъ языкомъ, изложены живо и полны занимательности.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ*).

По поводу дневника Н. И. Кривцова.

Отъ начала нынѣшняго столѣтія сохранился дневникъ молодаго Русскаго офицера, путешествовавшаго за границею послѣ великихъ отечественныхъ войнъ. Молодому офицеру было 23 года. Онъ былъ раненъ подъ Кульмомъ; у него ядромъ оторвало ногу, и это положило конецъ его военной карьерѣ. Сначала думали даже, что онъ не встанетъ; однако послѣ ампутаціи онъ оправился и въ 1814 году поѣхалъ изъ Вѣны, черезъ Тироль и Швейцарію, въ Парижъ, гдѣ пробылъ довольно долгое время, сдѣлавъ только маленькую поѣздку въ Лондонъ, наконецъ въ 1817 году вернулся въ Россію. Во все это время, по примѣру многихъ людей того вѣка, онъ велъ дневникъ, записывая въ немъ все видѣнное и слышанное, свои впечатлѣнія и мысли. Дневникъ писанъ на Французскомъ языкѣ, часто съ большими неправильностями и съ уклоненіями отъ орѳографіи. Видно, что подготовки было мало, мысли вообще далеко не зрѣлы; авторъ, очевидно, находился еще въ періодѣ броженія. Въ одномъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ, что галиматья, которую онъ заноситъ въ свой журналъ, по мѣрѣ того какъ мысли взбредутъ ему въ голову, когда-нибудь послужитъ ему воспоминаніемъ юности. Тѣмъ не менѣе, въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ видно столько ума, столько наблюдательности, такія возвышенныя стремленія, такой просвѣщенный взглядъ на вещи, такія мѣткія, удивительныя для 23-хъ-лѣтняго, неподготовленнаго юноши сужденія о людяхъ и объ окружающихъ явленіяхъ, что они становятся любопытнымъ памятникомъ прошлаго. Мы здѣсь живьемъ захватываемъ человѣка Александровскаго времени, въ самый періодъ его внутренняго сложенія. Читая эти замѣтки, невольно спрашиваешь себя: найдется ли теперь молодой гвардейскій офицеръ, способный наблюдать и размышлять такимъ образомъ, съ такимъ просвѣщеннымъ взглядомъ, съ такимъ стремленіемъ къ самообразованію?

---

*) Эта статья, написанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должна была служить предисловіемъ къ предполагавшемуся изданію дневника Н. И. Кривцова.

Для тѣхъ, кто, какъ я, зналъ автора въ своей молодости, этотъ дневникъ представляетъ сугубый интересъ. Онъ воскрешаетъ образъ человѣка, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ и имѣвшаго благотворное вліяніе въ той средѣ, въ которой ему суждено было жить. Кто же былъ этотъ молодой офицеръ? Откуда онъ взялся и что съ нимъ сталось? Отчего онъ прошелъ незамѣченнымъ въ томъ обществѣ, гдѣ, по своимъ способностямъ и образованію, онъ могъ повидимому играть весьма значительную роль?

Николай Ивановичъ Кривцовъ родился въ 1791 году, въ родовомъ имѣніи Тимоѳеевскомъ, Орловской губ. Болховскаго уѣзда. Его родители были небогатые мѣстные дворяне, и все свое дѣтство онъ провелъ въ деревнѣ, безъ серьезнаго воспитанія, но при значительномъ баловствѣ, чему содѣйствовало его слабое въ первые годы тѣлосложеніе. Когда пришла пора вступать на службу, родственникъ его, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, отецъ извѣстнаго писателя, отвезъ его въ Петербургъ и опредѣлилъ юнкеромъ въ полкъ. Произведенный въ офицеры, онъ со страстью предался военному дѣлу и принялъ участіе въ войнѣ 1812-го года. Но оторванная подъ Кульмомъ нога сдѣлала для него невозможнымъ продолженіе военной службы. Тогда онъ обратилъ свои мысли въ другую сторону. Онъ хотѣлъ сдѣлаться полезнымъ Отечеству на гражданскомъ поприщѣ, для чего прежде всего нужно было подготовить себя самообразованіемъ. Съ этой цѣлью онъ и предпринялъ путешествіе, котораго слѣды остались въ дневникѣ. Молодой человѣкъ не только восторгался красотами природы и образованнымъ бытомъ тѣхъ странъ, черезъ которыя довелось ему ѣхать; пытливый умъ его вникалъ во всѣ хозяйственныя подробности: онъ осматривалъ фабрики, различныя заведенія, собиралъ самыя точныя свѣдѣнія и все заносилъ въ свой дневникъ. Въ Женевѣ и потомъ въ Парижѣ онъ слушалъ лекціи технологіи, физики, политической экономіи, литературы, прàва, сближался съ замѣчательными людьми, много читалъ, учился Англійскому языку. Въ 1814 году онъ въ Парижѣ ревностно посѣщалъ музеи, гдѣ въ то время собраны были величайшія сокровища искусства. Въ видахъ распространенія образованія въ Россіи, онъ одинъ изъ первыхъ занялся изученіемъ Ланкастерскихъ школъ, которыя тогда только что возникали. Лагарпъ, съ которымъ онъ сблизился въ Парижѣ, уговорилъ его написать объ этомъ предметѣ записку, которая была представлена Государю. Всѣ эти занятія не мѣшали ему вести довольно свѣтскую жизнь. Свои вечера онъ проводилъ обыкновенно въ театрѣ, въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, а иногда и въ ученомъ обществѣ. Извѣстный аббатъ Грегуаръ, литераторъ Андріё, Жанъ-Батистъ Сей, публицисты Контъ и Дюнойе принадлежали къ постоян-

ному кругу его знакомыхъ. Въ Парижѣ въ то время было чему научиться, и Кривцовъ въ полной мѣрѣ воспользовался всѣми доступными ему средствами. Въ салонахъ или въ театрѣ, въ ученомъ обществѣ или у себя дома, вездѣ онъ искалъ мысль, цѣня ее въ другихъ, стараясь развить ее въ себѣ и постоянно имѣя въ виду одну высшую цѣль: приготовить себя на служеніе Отечеству.

Въ Россію Николай Ивановичъ вернулся уже созрѣвшимъ молодымъ человѣкомъ, съ значительнымъ запасомъ свѣдѣній и съ довольно ярко либеральнымъ образомъ мыслей. Кристинъ въ своихъ письмахъ называетъ его: «mon cher Jacobin». Въ Петербургѣ и въ Москвѣ Кривцовъ немедленно вступилъ въ тогдашній литературный кругъ и сблизился съ замѣчательными людьми того времени, съ Карамзинымъ, съ Дмитріевымъ, съ Жуковскимъ, съ Вяземскимъ, съ молодымъ Пушкинымъ, который посвятилъ ему одно изъ своихъ стихотвореній и остался съ нимъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Петербургѣ Кривцовъ вращался въ высшемъ великосвѣтскомъ и чиновномъ кругу. Государь, которому онъ былъ рекомендованъ Лагарпомъ, осыпалъ его милостями. Младшіе его братья, Сергѣй, впослѣдствіи сосланный за участіе въ 14-омъ Декабря, и Павелъ, бывшій потомъ совѣтникомъ посольства въ Римѣ, были отправлены на казенный счетъ въ Швейцарію, въ учебное заведеніе Фелленберга. Николай Ивановичъ, не смотря на свои молодыя еще лѣта, слѣдилъ за братьями съ истинно-отеческимъ попеченіемъ и переписывался съ Фелленбергомъ. Самъ онъ былъ сдѣланъ камергеромъ и причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ управлялъ тогда, знакомый ему еще съ Парижа, графъ Каподистріа Онъ просился въ Соединенные Штаты, но по волѣ Государя былъ причисленъ къ посольству въ Англіи, гдѣ въ то время посломъ былъ князь Ливенъ Тамъ онъ сошелся съ Блудовымъ, который также состоялъ при Русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ

Пребываніе въ Англіи наложило окончательную печать на образъ мыслей Николая Ивановича. Онъ усердно сталъ изучать Англійскія учрежденія, въ особенности административныя, имѣя всегда въ виду бо̀льшую или меньшую возможность примѣненія ихъ къ Россіи. Изъ писемъ его видно, что онъ между прочимъ изучалъ брошюру Фонъ-Финке, лучшее въ то время и даже долго послѣ сочиненіе объ Англійской администраціи. Но особенно онъ плѣнился Англійскимъ бытомъ, жизнью въ за̀мкахъ, которая представлялась ему идеаломъ частнаго существованія Въ 1819 году онъ возвратился въ Россію англоманомъ и такимъ остался всю свою жизнь

Эта перемѣна отразилась на всемъ его образѣ мыслей и была отмѣчена его друзьями. «Кривцовъ вышелъ изъ полку либералистовъ», пишетъ Карамзинъ въ одномъ письмѣ. А Пушкинъ писалъ ему изъ Бессарабіи: «ты, говорятъ, сдѣлался аристократомъ; это дѣло. Только не забывай своихъ демократическихъ друзей 1818 года».

Въ 1821 году Кривцовъ женился на Катеринѣ Ѳедоровнѣ Вадковской, внучкѣ графа Ивана Григорьевича Чернышова, принадлежавшей къ высшему Петербургскому кругу. Этотъ романъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Какъ видно изъ дневника Николая Ивановича, страсть возгорѣлась въ немъ еще до поѣздки въ Англію и наконецъ увѣнчалась успѣхомъ. Карамзинъ и его жена были у него посаженымъ отцомъ и матерью на свадьбѣ.

Въ 1823 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Тулу, а потомъ въ Воронежъ. Но здѣсь онъ попалъ въ среду старыхъ ябедниковъ и взяточниковъ, которымъ удалось его подвести. Однажды, въ присутствіи Губернскаго Правленія, онъ открылъ подлогъ совершенный секретаремъ. По природѣ вспыльчивый, онъ не выдержалъ и тутъ же въ присутствіи разбранилъ виновнаго, назвавъ его подлецомъ. Составили протоколъ, въ которомъ свидѣтельствовали, что губернаторъ передъ зерцаломъ позволилъ себѣ неприличныя выраженія, объясняя это сумашествіемъ. Безъ сомнѣнія, это было сдѣлано въ надеждѣ на поддержку генералъ-губернатора Балашова, съ которымъ Кривцовъ былъ не въ ладахъ. На бѣду въ это время умеръ покровительствовавшій ему Государь. Въ новое царствованіе требовались болѣе гибкія орудія. Кривцова немедленно перевели въ Нижній и нарядили слѣдствіе. При враждѣ генералъ - губернатора, не трудно было представить дѣло въ такомъ видѣ, что Кривцова за строптивый характеръ причислили къ Департаменту Герольдіи. Возмущенный несправедливостью, онъ вышелъ въ отставку.

Такимъ образомъ, всѣ эти блестящія дарованія, вся эта замѣчательная подготовка, эта ревность къ общему благу, пропали для государства. Явленіе постоянно повторявшееся и впослѣдствіи: когда правительство не дорожитъ просвѣщенными людьми, не старается привлечь ихъ къ себѣ и удержать ихъ, щадя даже слабыя ихъ стороны, государство лишается лучшихъ своихъ слугъ. Они уходятъ въ частную жизнь и тамъ оставляютъ по себѣ слѣдъ, невидимый, но иногда не менѣе плодотворный.

Однако, черезъ нѣсколько лѣтъ, друзьямъ Николая Ивановича, оставшимся у власти, удалось выхлопотать ему аренду, обѣщанную еще Александромъ Павловичемъ. «Кривцовъ получилъ аренду», писалъ

по этому поводу Николай Филиповичъ Павловъ моему отцу: «какъ бы съ нимъ не случилось того же, что̀ съ Ермоловымъ?»

Извѣстно, что Ермоловъ, принужденный выдти въ отставку въ началѣ царствованія Николая Павловича, поселился въ Москвѣ и на первыхъ порахъ сдѣлался любимцемъ тогдашняго либеральнаго Московскаго общества. Львиная фигура героя отечественной войны и Кавказа, одѣтая въ черный фракъ, всюду была предметомъ общаго вниманія. Государю это не понравилось; онъ видѣлъ въ этомъ оппозиціонный духъ. Пріѣхавши въ Москву, онъ призвалъ къ себѣ Ермолова, обласкалъ его и выразилъ желаніе, чтобы тотъ опять вступилъ на службу. Ермоловъ поддался этимъ внушеніямъ, возмечтавъ о возобновленіи прежней карьеры. Онъ надѣлъ мундиръ; но результатомъ было то, что онъ въ обществѣ тотчасъ потерялъ все, а у правительства не выигралъ ничего: онъ умеръ въ старости заштатнымъ генераломъ.

Съ Кривцовымъ не могло случиться того же, что́ съ Ермоловымъ. Онъ не думалъ стать львомъ свѣтскаго общества, а исполнилъ свое завѣтное желаніе: переѣхалъ въ деревню и сдѣлался Русскимъ помѣщикомъ.

Мѣстность, гдѣ поселился Николай Ивановичъ, не представляла ничего привлекательнаго. Село Любичи, въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, на границѣ Саратовской, лежало въ голой степи, гдѣ не было ни одного деревца, ни даже какой бы то ни было помѣщичьей усадьбы. Небольшой пригорокъ, около котораго вьется рѣчка Вяжля, впадающая въ Ворону, съ находящеюся на ней небольшою мельницею, вотъ все, что̀ представляло новое поселеніе. Приходилось все создавать вновь, и Николай Ивановичъ принялся за это съ своей обычной энергіей и умѣніемъ.

На первыхъ порахъ не было даже гдѣ пріютить семью. Другіе помѣщики, въ подобныхъ обстоятельствахъ, живали въ каретахъ съ своими женами, пока не кончена была первая постройка. Кривцову не пришлось испытать такой крайности: его принялъ у себя мой дѣдъ, Борисъ Дмитріевичъ Хвощинскій, котораго имѣніе, село Уметъ, находилось въ трехъ верстахъ отъ Любичей. Съ тѣхъ поръ установилась тѣсная связь между обѣими семьями. Живя въ Уметѣ, Кривцовъ построилъ первый флигель, куда онъ перевезъ свое семейство, состоявшее изъ жены и маленькой дочери. Затѣмъ онъ приступилъ къ постройкѣ усадьбы. Воздвигся большой барскій домъ, безъ прихотей стараго Русскаго барства, но со всѣми удобствами Англійскаго комфорта, отдѣланный со вкусомъ, съ удобною и пріютною гостинною, гдѣ красовался большой, изящной формы каминъ, съ лежащею въ сторонѣ столовою, съ большою библіотекой, съ прекрасными, примыкающими

къ дому оранжереями, съ капитальными надворными принадлежностями. Недалеко отъ дома, на вершинѣ холма, вознеслось другое зданіе, единственное которое носило на себѣ характеръ фантазіи: высокая башня красивой архитектуры, съ развѣвающимся на ней флагомъ, господствующая надъ мѣстностью, напоминая собою Англійскіе замки. Она предназначалась для пріѣзжихъ гостей. Самъ Кривцовъ, съ своей сдѣланной въ Англіи пробочною ногою, взбирался на вершину этой башни, обозрѣвалъ оттуда окрестность и чертилъ планъ для своего парка. Страстный садоводъ, онъ усердно занялся посадками, самъ ѣздилъ за растеніями въ Пензу, гдѣ тогда уже существовало казенное садовое заведеніе, и привезъ оттуда искуснаго садовника Магзига, управлявшаго этимъ заведеніемъ. Магзигъ былъ человѣкъ съ большимъ вкусомъ по части разбиванія садовъ. Съ его помощью Кривцовъ обратилъ въ красивый паркъ обширную мѣстность кругомъ усадьбы. Наконецъ, такъ какъ въ Любичахъ не было церкви, и приходъ былъ въ Уметѣ, то къ дому была придѣлана изящной архитектуры домашняя часовня. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, для причта возведенъ былъ большой каменный домъ, въ Англійскомъ стилѣ; а въ чистомъ полѣ, далеко отъ жилья, построена была другая маленькая часовня, гдѣ владѣлецъ заранѣе приготовилъ себѣ послѣднее жилище.

Такимъ образомъ, въ голой степи мало-по-малу возникъ прелестный оазисъ, уютный и просторный уголокъ, гдѣ можно было найти всѣ удобства и все изящество образованнаго быта. И все это было сдѣлано обдуманно и расчетливо; всякая мелкая подробность была основательно изучена, что̀ при ограниченности средствъ было вдвойнѣ необходимо. Ничто не должно было пропадать даромъ, ничто не жертвовалось пустой прихоти, нигдѣ не допускалась неряшливость или небрежность; съ прочностью и изяществомъ должна была соединяться и возможная дешевизна. Англоманія Кривцова не состояла въ легкомысленномъ бросаніи денегъ для перенесенія на Русскую почву несвойственныхъ ей порядковъ. Плѣнившись Англійскимъ бытомъ, онъ бралъ изъ него то, что̀ могло прійтись къ Русской средѣ и что̀ составляетъ потребность для образованнаго человѣка. И онъ могъ совершить это дѣло, при своемъ свѣтломъ умѣ, при своемъ желѣзномъ характерѣ, при неуклонномъ постоянствѣ въ преслѣдованіи разъ обдуманной и положенной цѣли, наконецъ при своемъ глубокомъ практическомъ смыслѣ. Я отъ весьма практическихъ людей слыхалъ, что они не знали болѣе практическаго человѣка, нежели Кривцовъ. Немудрено, что созданный имъ бытъ сдѣлался образцомъ для всего края. Это былъ новый просвѣщенный элементъ, внесенный въ Русскую помѣщичью жизнь.

Весь домашній порядокъ носилъ на себѣ ту же печать обдуманнаго и широкаго комфорта. Утро посвящалось хозяйственнымъ занятіямъ. Послѣ плотнаго завтрака, Кривцовъ садился въ таратайку, объѣзжалъ поля, осматривалъ постройки. Къ обѣду всѣ дѣла кончались. Онъ первый ввелъ въ нашемъ краю обычай позднихъ обѣдовъ, къ крайнему негодованію помѣщиковъ стараго закала, которые не могли простить ему этого посягательства на установившійся обычай. Вечеръ посвящался отдохновенію, чтенію, бесѣдамъ.

Въ обществѣ также не было недостатка. Мѣстность, гдѣ поселился Кривцовъ, представляла въ то время замѣчательное собраніе умныхъ и образованныхъ людей. Эта среда стóитъ того, чтобы сохранить о ней память. Она любопытна какъ характеристика той эпохи и той сферы, въ которой пришлось жить и дѣйствовать Кривцову.

Ближайшимъ сосѣдствомъ былъ Уметъ, гдѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ съ моимъ дѣдомъ жили и мои родители. Мой отецъ, человѣкъ яснаго и твердаго ума, высокаго нравственнаго строя, съ сильнымъ характеромъ, съ глубокимъ знаніемъ людей, съ тонкимъ литературнымъ вкусомъ и врожденнымъ чувствомъ изящнаго, скоро сошелся съ Кривцовымъ, не смотря на довольно значительную разность лѣтъ. Онъ былъ двѣнадцатью годами моложе Николая Ивановича, о которомъ онъ всегда говорилъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Еще ближе моя мать сошлась съ Катериною Өедоровною; послѣдняя въ одномъ письмѣ называетъ ее: «ma soeur de choix et d'affection» Сохранился цѣлый рядъ писемъ и записокъ Катерины Өедоровны, начиная съ 29 года. Они живо изображаютъ всю жизнь того времени и самую личность писавшей. Трудно сказать, сколько въ этихъ письмахъ прелести, граціи, игривости, остроумія и сердечности. Катерина Өедоровна была женщина, которая съ высшимъ изяществомъ формъ соединяла тонкій, живой, наблюдательный и нѣсколько насмѣшливый умъ, а вмѣстѣ и глубокія чувства. Въ молодости она была очаровательною собесѣдницей и всегда была искреннимъ другомъ. Немудрено, что при такомъ соединеніи качествъ мужа и жены, Любичи сдѣлались центромъ, куда тянуло со всѣхъ сторонъ. Подобное сочетаніе вообще встрѣчается рѣдко: онъ съ широкомъ умомъ и Европейскимъ образованіемъ, видѣвшій многія страны, близко знавшій и высшія политическія сферы, и литературныя знаменитости своего времени, человѣкъ свѣтскій, умѣющій вести оживленный, легкій и занимательный разговоръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ практическій, изучающій всѣ подробности быта, вникающій во всѣ мѣстные интересы, относясь къ нимъ, то съ добрымъ совѣтомъ, то съ легкой ироніей; она — тонкая и изящная, съ чуткимъ сердцемъ, съ игривымъ воображеніемъ, съ блестящимъ свѣтскимъ

остроуміемъ. Во всякомъ обществѣ имъ принадлежало бы видное мѣсто; въ тѣсномъ провинціальномъ кругу они естественно заняли выдающееся положеніе.

Но этимъ не ограничивалось сосѣдство. Верстахъ въ 15-ти отъ Умета и Любичей находился другой центръ, не менѣе замѣчательный. Внизъ по теченію Вяжли лежитъ большое село, въ нѣсколько тысячъ душъ, носящее также названіе Вяжли. Это село было подарено императоромъ Павломъ братьямъ Баратынскимъ, которые служили при немъ еще въ Гатчинѣ и пользовались его милостью. Изъ нихъ Абрамъ Андреевичъ былъ женатъ на любимой фрейлинѣ императрицы Марьи Ѳедоровны, рожденной Черепановой, женщинѣ отмѣнно умной и образованной. Марья Ѳедоровна сама устроила эту свадьбу и одарила невѣсту приданымъ. Абрамъ Андреевичъ поселился въ той части Вяжли, которая носитъ названіе Мары, и здѣсь зажилъ на широкую барскую ногу. Недалеко отъ дома лежитъ оврагъ покрытый лѣсомъ, съ бьющимъ на днѣ его ключемъ. Здѣсь были устроены пруды, каскады, каменный гротъ, съ ведущимъ къ нему изъ дому потаеннымъ ходомъ, бесѣдки, мостики, искусно проведенныя дорожки. Поэтъ Баратынскій, въ своемъ стихотвореніи *Запустѣніе*, въ трогательныхъ чертахъ описываетъ эту мѣстность, гдѣ протекли первые дни его дѣтства, но которое было болѣе или менѣе заброшено послѣ смерти его отца, случившейся въ 1810 году. Вдова не думала уже о поддержаніи красоты усадьбы, о старыхъ барскихъ затѣяхъ; она вся предалась воспитанію дѣтей, и надобно сказать, что эта цѣль была достигнута ею вполнѣ. С. А. Соболевскій, который на своемъ вѣку видѣлъ образованнѣйшее общество Россіи и Европы, говорилъ мнѣ, что онъ не встрѣчалъ болѣе милыхъ, пріятныхъ и симпатичныхъ людей, какъ семья Баратынскихъ. Это сужденіе могли-бы подтвердить всѣ тѣ, кто ихъ зналъ.

Старшій братъ, Евгеній, былъ извѣстный поэтъ. Человѣкъ высокаго ума и образованія, и еще болѣе возвышенныхъ нравственныхъ свойствъ, всегдашній судья всѣхъ семейныхъ недоразумѣній, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очаровательный собесѣдникъ. Его умъ, и тонкій, и глубокій, всегда согрѣтый теплымъ чувствомъ и украшенный поэзіей, дѣлалъ его удивительно привлекательнымъ. Въ дружеской бесѣдѣ, особенно за бокаломъ вина, онъ любилъ изливать всю свою душу. И онъ и жена его, Настасья Львовна, рожденная Энгельгардтъ, умная и образованная женщина, часто и по долгу гостили въ Марѣ.

Нерѣдко пріѣзжалъ сюда и второй братъ, Ираклій, который служилъ въ Петербургѣ и былъ флигель - адъютантомъ, что́ въ то время было рѣдкостью. Это былъ пріятный свѣтскій человѣкъ, съ тонкимъ умомъ, съ изящными формами. Его жена, женщина большаго свѣта, съ

литературнымъ образованіемъ, была извѣстною въ то время красавицею. Баронъ Гакстгаузенъ, который посѣтилъ Россію, когда Баратынскій былъ губернаторомъ въ Ярославлѣ, разсказываетъ то впечатлѣніе, которое произвела на него эта чета.

Третій братъ, Левъ, также началъ съ военной службы; онъ былъ адъютантомъ князя Репнина. Сердечная исторія понудила его выдти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мары. Холостяку, живущему въ деревнѣ, не трудно опуститься; но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Левъ Абрамовичъ былъ молодъ, пріятной наружности, веселъ, остеръ, при этомъ литературно образованъ, хорошій музыкантъ. У него былъ неистощимый запасъ анекдотовъ, которые онъ разсказывалъ отлично. Его называли царемъ смѣха, le roi du rire. Разъ, наслышавшись извѣстнаго Петербургскаго остряка Мятлева, автора г-жи Курдюковой, Евгеній Абрамовичъ писалъ женѣ: «Онъ тѣшилъ всѣхъ, но меня менѣе другихъ, потому что напоминалъ мнѣ брата Льва, который рѣшительно его превосходитъ». Соболевскій ставилъ даже Льва Абрамовича, какъ собесѣдника, выше всѣхъ другихъ братьевъ, можетъ быть, вслѣдствіе сходства умовъ.

Едва ли однако не самымъ даровитымъ членомъ семьи былъ младшій братъ Сергѣй. Это была совершенно геніальная натура, живая, страстная, одаренная самыми разнообразными способностями. Онъ былъ медикъ по призванію, учился въ Московской Академіи, за тѣмъ поселился въ деревнѣ и безплатно лѣчилъ весь край. Къ нему стекались отовсюду; довѣріе къ нему было безграничное. Его приглашали даже изъ дальнихъ мѣстностей, и онъ не задумывался ѣхать по самымъ труднымъ дорогамъ. Изъ писемъ Катерины Өедоровны видно, что онъ въ осеннюю пору, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, ѣздилъ въ Орловскую губернію лѣчить ея брата, съ которымъ едва былъ знакомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ искусный механикъ; онъ собственноручно дѣлалъ все возможное: устраивалъ фейерверки, гравировалъ на мѣди, дѣлалъ сложные музыкальные инструменты, и все это съ величайшею точностью и отчетливостью. Изобрѣтательность его была удивительная; въ домашнемъ быту онъ сочинялъ всевозможныя приспособленія. Отецъ мой часто говаривалъ, что Сергѣй Абрамовичъ сдѣлался бы великимъ человѣкомъ, еслибы не родился Русскимъ бариномъ. Рядомъ съ этимъ у него были артистическія наклонности; онъ былъ архитекторъ и музыкантъ. Сдѣлавшись по смерти матери владѣльцемъ Мары, онъ возстановилъ въ новомъ видѣ описанное поэтомъ запустѣлое мѣсто. Надъ гротомъ въ оврагѣ, гдѣ онъ любилъ проводить цѣлые дни, укрываясь отъ лѣтняго зноя, Сергѣй Абрамовичъ построилъ прелестное лѣтнее жилище, куда онъ переселялся со всѣмъ семействомъ на нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ. Внизу, возлѣ

источника, возвышалась изящной архитектуры купальня, въ видѣ готической башни, къ которой велъ красивый мостъ. Вообще эта жизнь въ лѣсу представляла что-то волшебное. Въ семейные праздники по лѣсу развѣшивались разноцвѣтные фонари и зажигались Бенгальскіе огни, чтó придавало всей мѣстности фантастическій видъ. Здѣсь устроивались хоры изъ классическихъ оперъ; а зимою Сергѣй Абрамовичъ ставилъ даже цѣлыя оперы, которыя разыгрывались семействомъ. Онъ могъ это дѣлать, ибо вся семья, и жена и дѣти, были прирожденные музыканты. Своей женитьбою, также какъ и черезъ брата, Сергѣй Абрамовичъ находился въ самой тѣсной связи со всѣмъ литературнымъ міромъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ Дельвига, поонынѣ еще живущей, почтенной Софьѣ Михайловнѣ, единственной оставшейся въ живыхъ хранительницѣ преданій великой литературной эпохи, la veuve de la grande armée, какъ называлъ ее поэтъ Баратынскій *).

И ко всѣмъ этимъ разнообразнымъ талантамъ Сергѣй Абрамовичъ присоединялъ еще то, что онъ, также какъ и его братья, былъ прелестный собесѣдникъ. Я знавалъ людей съ блестящимъ остроуміемъ: достаточно назвать Герцена; но никого остроумнѣе Сергѣя Абрамовича я не встрѣчалъ. У него не было ничего односторонняго, придуманнаго, изысканнаго; не было ни собранія анекдотовъ, ни повтореній. Когда онъ былъ въ духѣ, остроуміе било у него полнымъ ключемъ, во всѣ стороны, съ яркими брызгами. Это были, одна за другою, самыя необыкновенныя выходки, самыя неожиданныя сопоставленія. Я понынѣ не могу безъ смѣха читать его писемъ, писанныхъ иногда по самому пустому поводу, напр. съ порученіемъ купить ему пива. И свое остроуміе, также какъ и свое сочувствіе, онъ дарилъ и старымъ, и молодымъ. Онъ одинаково сходился со всѣми поколѣніями, лишь бы лицо подходило подъ его строй. За то всѣ его любили, и всѣ къ нему льнули. Когда, бывало, пріѣдетъ Сергѣй Абрамовичъ, это былъ всеобщій праздникъ; хохотъ не умолкалъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ. И когда онъ, наконецъ, соберется уѣхать, запрягаютъ лошадей, онъ садится за завтракъ, подаютъ непремѣнную бутылку шампанскаго, и тутъ-то начинаются разговоры! Непрерывнымъ потокомъ льются шутки, остроты, самыя уморительныя выходки, и такъ продолжается до обѣда. О лошадяхъ забываютъ, наконецъ приказываютъ ихъ отпрячь: Сергѣй Абрамовичъ, къ общей радости, остается до слѣдующаго дня. А на слѣдующій день опять начинается таже исторія: опять запрягаютъ лошадей, Сергѣй Абрамовичъ садится за завтракъ, является бутылка расхоло-

*) Нынѣ и С. М. Баратынской нѣтъ уже на свѣтѣ: она скончалась 4 Марта 1888 года. Здравствуетъ только достойнѣйшая В. А. Рачинская. П. Б.

женнаго шампанскаго, льются потоки остроумія, и дѣло снова кончается тѣмъ, что, лошадей ставятъ въ конюшню до слѣдующаго дня. Такъ иногда продолжалось по три, по четыре дня сряду.

За то, какъ нерѣдко бываетъ у артистическихъ натуръ, эти порывы неудержимой веселости смѣнялись мрачнымъ настроеніемъ. Въ молодости эти припадки хандры бывали даже такъ сильны, что они озабочивали родныхъ. Сохранилось письмо Евгенія Абрамовича, въ которомъ онъ проситъ отца моего съѣздить въ Мару, потому что Сергѣй Абрамовичъ впалъ въ мрачную меланхолію. Отецъ мой, съ молоду и до конца жизни, былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Сергѣя Абрамовича.

Для дополненія характеристики этой замѣчательной и оригинальной личности можно привести сохранившійся отрывокъ изъ посланія къ нему Н. Ф. Павлова, гостившаго въ 1832 году въ деревнѣ у моего отца. Это посланіе было писано по поводу излѣченія Сергѣемъ Абрамовичемъ стараго камердинера Павлова, Ивана. Оно начинается такъ:

Тамъ, гдѣ толпилися Татары,
Гдѣ вѣки замели ихъ слѣдъ,
Гдѣ буйный вихорь ихъ побѣдъ
Едва намъ слышенъ въ звукахъ Мары,
Тамъ мирный степи гражданинъ,
Науки сумрачный поклонникъ,
Аптекарь, докторъ, дворянинъ,
Какой-то странный беззаконникъ,
Какой-то на Руси пришлецъ,
Какой-то сумасбродный Чацкій,
И не военный, и не статскій,
Кого не встрѣтишь за обѣдней,
Кто въ жизни новый тонъ сыскалъ,
Не стаивалъ ни въ чьей передней,
За то въ газетахъ не стоялъ;
Кто смерти не даетъ потачки,
Не возитъ красненькихъ домой,
Склонился чуткой головой
Къ одру нервической горячки.....

Можно себѣ представить, какой живой и разнообразный семейный кругъ слагался изъ подобныхъ элементовъ. И когда къ блестящимъ дарованіямъ мужчинъ присоединялось общество изящныхъ, умныхъ и образованныхъ женщинъ, упомянутыхъ выше женъ братьевъ Баратынскихъ и сестеръ ихъ, постоянно жившей съ матерью пылкой, восторженной Натальи Абрамовны и наѣзжавшей иногда Варвары Абрамовны Рачинской, то понятно, какой привлекательный центръ умственной жизни составляла въ то время затерянная въ степной глуши, никому невѣдомая Мара.

Рядомъ съ этими высшими проявленіями провинціальной жизни стояли и рѣзкіе къ нимъ контрасты. Верстахъ въ 20 отъ Мары и Любичей лежитъ село Оржевка, заселенное въ то время старосвѣтскими помѣщиками. Самыми крупными владѣльцами были братья Мартыновы. Старшій, Иванъ Дмитріевичъ, добродушный хлѣбосолъ, жилъ въ сосѣднемъ съ Оржевкою Хилковѣ. Сюда, въ день его рожденія или имянинъ, 1-го Августа, стекались толпы народа, не только изъ Кирсановскаго уѣзда, но даже изъ сосѣднихъ губерній. Тутъ съ утра до ночи былъ пиръ горой, театральныя представленія, музыка, балъ, продолжавшійся до восхожденія солнца, когда всѣ разъѣзжались. Мнѣ самому еще случалось быть съ Баратынскими на этихъ празднествахъ. Второй братъ, Сергѣй Дмитріевичъ, былъ напротивъ скряга; онъ ѣздилъ по гостямъ съ огромнымъ пукомъ ассигнацій, завернутыхъ въ грязный платокъ и, играя по маленькой въ карты съ дамами, какъ бы нечаянно придѣлывалъ хвостики къ записаннымъ имъ нулямъ. Сестра ихъ Авдотья Дмитріевна, не глупая, хотя вовсе необразованная женщина, была самымъ важнымъ лицомъ въ Оржевкѣ и всегда принимала множество гостей. Она особенно честила Кривцова и когда онъ пріѣзжалъ къ ней обѣдать, ставила передъ нимъ особенную бутылку вина, которая предназначалась «для *хорошихъ* гостей», а другимъ не давалась, на что послѣдніе не изъявляли никакой претензіи. Равенство, въ какомъ бы то ни было видѣ, было вовсе не въ Русскихъ нравахъ; оно явилось къ намъ какъ иностранное нововведеніе.

Объ Оржевкѣ ходили безчисленные анекдоты, которые забавляли сосѣдей. Помню, между прочимъ, достойный пера Гоголя разсказъ о разговорѣ между двумя братьями Мартыновыми. Послѣ долгаго раздумья, Сергѣй Дмитріевичъ обратился къ старшему брату съ вопросомъ: «Не правда-ли, братецъ, какъ это странно, что всѣ рѣки впадаютъ въ Волгу? Напримѣръ Цна впадаетъ въ Оку, Ока въ Волгу; Ворона впадаетъ въ Хоперъ, Хоперъ въ Волгу». Иванъ Дмитріевичъ былъ совершенно озадаченъ этимъ неожиданнымъ открытіемъ. Поразсмысливъ хорошенько, онъ отвѣчалъ: «Да, въ самомъ дѣлѣ, это очень странно».

Были постоянныя сношенія и съ помѣщиками сосѣднихъ губерній, Саратовской и Пензенской. Верстахъ въ 30 отъ Любичей, на берегу Хопра, лежитъ великолѣпное помѣстье князей Голицыныхъ, Зубриловка, съ обширнымъ старымъ паркомъ, съ огромнымъ барскимъ домомъ, построеннымъ еще въ XVIII вѣкѣ фельдмаршаломъ княземъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ, который проживалъ здѣсь съ семействомъ. По смерти его это имѣніе досталось второму его сыну Ѳедору Сергѣевичу, при которомъ житье въ Зубриловкѣ представляло рядъ безконечныхъ празднествъ. Радушный и веселый, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ болѣе всего

любилъ принимать и угощать. Двери были раскрыты настежъ всѣмъ и каждому; за обѣдомъ всегда были толпы всякаго народа. При такомъ порядкѣ не трудно было разстроить состояніе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ уже умеръ, и въ Зубриловкѣ жила его вдова съ младшими дѣтьми, а старшіе находились на службѣ. Кривцовы состояли съ Голицыными въ родственныхъ отношеніяхъ и навѣщали другъ друга.

Еще чаще были сношенія съ старшимъ сыномъ фельдмаршала, кн. Григоріемъ Сергѣевичемъ, который жилъ въ сосѣднемъ съ Зубриловкою Григорьевскомъ. Это былъ старый Русскій вельможа, не глупый, но съ необыкновенными причудами и затѣями. У него была страсть къ постройкамъ, вслѣдствіе чего, не смотря на свое старшинство, онъ отказался отъ Зубриловки, гдѣ все уже было готово, и взялъ себѣ голую степь, гдѣ надо было все воздвигать вновь. Построенъ былъ громадный домъ, но вскорѣ, къ удовольствію хозяина, этотъ домъ сгорѣлъ. Сынъ князя, Григорія Сергѣевича, Левъ Григорьевичъ, разсказывалъ мнѣ, что однажды вечеромъ, возвращаясь изъ гостей домой, онъ увидѣлъ большое зарево и къ ужасу своему убѣдился, что горитъ домъ. Онъ спѣшитъ домой, воображая, что найдетъ отца въ смятеніи и отчаяніи, и что̀ же онъ видитъ? Князь Григорій Сергѣевичъ смотритъ издали на пожаръ, съ бумажкою въ рукахъ, и чертитъ планъ новаго дома. Когда сынъ подъѣхалъ, онъ съ восторгомъ принялся разсказывать ему, какія онъ сдѣлаетъ усовершенствованія въ новой постройкѣ. Разумѣется, отъ большаго состоянія въ непродолжительномъ времени осталось весьма мало. Подъ старость князь Григорій Сергѣевичъ большею частію проживалъ одинъ въ деревнѣ, и такъ какъ у него не было болѣе средствъ, то онъ тѣшилъ себя тѣмъ, что давалъ балы для дворовыхъ людей всей окрестности. Онъ угощалъ ихъ пряниками и орѣхами, при сальныхъ свѣчахъ, и самъ танцовалъ съ ними до упаду. Другая его затѣя состояла въ томъ, что онъ у себя дома, въ полномъ облаченіи, самъ служилъ обѣдню. Сыновья его, живые, веселые, свѣтскіе люди, съ артистическими наклонностями, одни музыканты, другіе живописцы, старшій Сергѣй, извѣстный разскащикъ, часто навѣщали отца и проживали въ Любичахъ, также какъ и сестра ихъ, графиня Шуазель.

Нерѣдко посѣщалъ Любичи и другой Саратовскій помѣщикъ тѣхъ же мѣстностей, Адріанъ Михайловичъ Устиновъ, владѣлецъ большаго села Бекова, лежащаго тоже на Хопрѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Зубриловки и славящагося понынѣ своею ярмаркою. Адріанъ Михайловичъ былъ человѣкъ милый, привѣтливый, образованный. Онъ интересовался всѣми вопросами дня, и философскими, и политическими. Jour-

nal des Débats не выходилъ у него изъ рукъ. Притомъ онъ былъ страстный садоводъ и имѣлъ великолѣпныя оранжереи. Онъ дожилъ до глубокой старости и, 80 лѣтъ отъ роду, съ жаромъ спорилъ о новѣйшихъ литературныхъ произведеніяхъ, о религіозныхъ мнѣніяхъ Милля. Беково было также центромъ, куда, особенно въ извѣстные дни, стекались отовсюду. 26-го Августа, въ день имянинъ Адріана Михайловича, а также и во время ярмарки, въ первыхъ числахъ Октября, огромный Бековскій домъ наполнялся множествомъ народа. Тутъ въ теченіи нѣсколькихъ дней были танцы, фейерверки, пиры.

Изъ Пензы наѣзжалъ извѣстный агрономъ Иванъ Васильевичъ Сабуровъ, а также чета Горсткиныхъ, онъ — сосланный декабристъ съ острымъ и злымъ языкомъ, она—красивая женщина. Наѣзжали и жители столицъ. Въ 1832-мъ году нѣсколько мѣсяцевъ гостилъ въ Уметѣ Николай Филипповичъ Павловъ, котораго блестящій, тонкій и острый умъ вносилъ новое оживленіе въ эту сферу. Онъ былъ пріятелемъ моего отца и пріѣхалъ въ деревню, чтобы на досугѣ писать свои первыя «Три Повѣсти», которыя въ свое время составляли видное явленіе въ Русской литературѣ. Онъ читалъ ихъ въ Любичахъ и посвятилъ ихъ моему отцу съ характеристическимъ для обоихъ четверостишіемъ:

Тебѣ понятна лжи печать,
Тебѣ понятна правды краска;
Но не могу я разгадать
Что въ жизни быль, что въ жизни сказка.

Въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ сохранился еще образъ Н. Ф. Павлова, играющаго въ шахматы съ Яковомъ Ивановичемъ Сабуровымъ. Страстный игрокъ, Павловъ искалъ въ шахматахъ удовлетворенія, котораго не давала деревенская жизнь; но онъ всегда былъ побиваемъ Сабуровымъ, который былъ несравненно сильнѣе его. Постоянный посѣтитель Умета, Мары и Любичей, Я. И. Сабуровъ былъ также видное лицо въ свое время. Весьма неглупый, образованный, все читавшій, съ разнообразными свѣдѣніями, хотя нѣсколько шаткими мыслями и характеромъ, онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ и съ высшими Петербургскими сферами, и съ литературнымъ міромъ.

Изъ Петербургскихъ жителей посѣтилъ Кривцовыхъ проѣздомъ кн. Вяземскій, а въ 1833-мъ году пріѣхалъ въ Любичи Тимирязевъ, который служилъ тогда въ Петербургѣ, а вскорѣ потомъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Астрахань, гдѣ онъ въ теченіи 20-ти лѣтъ состоялъ почти полновластнымъ хозяиномъ. Тимирязевъ незадолго передъ тѣмъ женился на родной сестрѣ Катерины Ѳедоровны и пріѣхалъ навѣстить своихъ новыхъ родственниковъ. Катерина Ѳед., сообщая моей

матери свою радость по поводу пріѣзда новаго зятя и счастья сестры, которую она очень любила, прибавляетъ однако: «Mais avec toutes ces belles paroles et ces grandeurs, je ne changerais pour rien au monde mon existence avec la leur; il me paraissait si drôle avec son Pétersbourg, la cour, l'Empereur, etc... etc... Cela jure si fort avec nos steppes, où il n'est permis de rêver et de penser qu'à la liberté. Assis sur la terrasse, notre vue s'étend si loin, cet horizon immense, le calme d'une nuit magnifique vous élèvent tant l'âme, que vous ne pouvez voir au-dessus de vous que le ciel; mais la restreindre à se soumettre aux volontés et caprices des autorités terrestres, est un joug que nous avons secoué depuis longtemps et qui nous paraît trop au-dessous de nous qui avons les steppes pour parc» *).

Изъ этихъ словъ не слѣдуетъ однако заключить, что въ описываемомъ здѣсь обществѣ господствовало рѣзко-либеральное направленіе. Безъ сомнѣнія, образъ мыслей образованныхъ помѣщиковъ того времени былъ либеральный, насколько это требуется отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Они цѣнили свободу, понимали потребность реформъ. Въ бумагахъ Кривцова найдены были даже проекты освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа съ землею. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ не было рѣшительно ничего похожаго на тотъ оппозиціонный, воинствующій либерализмъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ. Напротивъ, они уважали власть, въ которой видѣли охрану порядка и залогъ своего благосостоянія. Но уважая ее издали, они не преклонялись передъ нею, держали себя въ сторонѣ, съ независимостью и достоинствомъ. Причина этого различія понятна. Въ столицахъ живо чувствовался тотъ тяжелый деспотизмъ, который въ то время безпощадно подавлялъ всякое живое движеніе мысли, всякое свободное слово и обращалъ въ преступленіе самые невинные поступки. Тамъ власть являлась на каждомъ шагу, въ самыхъ непривѣтливыхъ своихъ формахъ, и на каждомъ шагу, во всякомъ человѣкѣ, у котораго шевелился мозгъ, у котораго были образованныя стремленія, возбуждала оппозиціонныя чувства. До какой степени эта оппозиція была права́, показали послѣдующія событія. Въ Крымскую войну оказалась пол-

*) Но со всѣми этими пышными словами и этимъ величіемъ, я ни за что на свѣтѣ не промѣняла бы свою жизнь на ихнюю. Онъ мнѣ казался такъ смѣшонъ съ своимъ Петербургомъ, дворомъ, государемъ и пр, проч.; это такъ мало приходится къ нашимъ степямъ, гдѣ позволено мечтать и думать только о свободѣ. Съ терассы нашъ кругозоръ простирается такъ далеко, этотъ безконечный горизонтъ, тишина ночи такъ возвышаютъ вамъ душу, что вы можете видѣть надъ собою одно только небо; заставить же ее покориться волѣ и капризамъ земныхъ властей, это—иго, которое мы сбросили давно: оно кажется намъ слишкомъ низкимъ, намъ, которымъ степь служитъ паркомъ.

ная несостоятельность этой системы, которая стремилась все Русское общество подчинить солдатской дисциплинѣ, превратить Россію въ полкъ, гдѣ каждый долженъ былъ стоять во фронтѣ, молчать и маршировать по командѣ. Съ новымъ царствованіемъ, при всеобщемъ ликованіи, все это зданіе рухнуло разомъ. Но дѣло въ томъ, что въ провинціи эта система далеко не могла найти такого примѣненія, какъ въ столицахъ. Безконечныя пространства ослабляли ея дѣйствіе, слово команды терялось въ просторѣ степей. Даже въ самую темную пору царствованія императора Николая, съ 48-го года по 55-й, каждый, переѣзжая въ деревню, могъ чувствовать, до какой степени въ провинціи дышалось свободнѣе. Тутъ не было ни цензурныхъ нелѣпостей, ни тайной полиціи, ни генералъ-губернаторской расправы. Всякій могъ думать и говорить чтó хотѣлъ. Въ тридцатыхъ годахъ этотъ вольный духъ, господствовавшій въ провинціи, царилъ еще безпрепятственнѣе. Конечно, въ то время не было никакой публичной жизни, о плодотворной дѣятельности на общую пользу не могло быть рѣчи. Но къ этому и не стремились тѣ образованные помѣщики, о которыхъ я говорю. Вполнѣ понимая современныя условія, они не искали ни государственной, ни даже общественной службы. Еще менѣе они добивались какихъ либо почестей. Все это они предоставляли людямъ иного разряда. Сами же они довольствовались независимымъ положеніемъ, счастьемъ и благоустройствомъ домашняго быта, образованнымъ кругомъ друзей, хозяйственными занятіями, наконецъ управленіемъ подвластныхъ имъ крестьянъ, которыхъ благосостояніе росло подъ ихъ просвѣщеннымъ попеченіемъ. И эта полная, обезпеченная и независимая жизнь не встрѣчала никакихъ преградъ. Даже мѣстныя власти не только не давали чувствовать своего оффиціальнаго превосходства, но напротивъ, сами искали сближенія съ этими мѣстными тузами, которые своимъ умомъ, образованіемъ и общественнымъ положеніемъ возвышались надъ общимъ уровнемъ и пользовались тѣмъ бóльшимъ авторитетомъ, что ничего не искали.

Кривцовъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ въ этой сферѣ, среди любимыхъ имъ сельскихъ занятій и созданнаго имъ благоустройства. Онъ часто повторялъ, прилагая ихъ къ себѣ, стихи Пушкина:

Я долго жилъ и многимъ насладился,
Но съ съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ *Любичи* Господь меня привелъ.

Письма Катерины Өедоровны также дышатъ счастьемъ. Она наслаждалась природою, ѣздила верхомъ, пѣла съ Львомъ Баратынскимъ,

разъигрывала съ Голицыными сонаты Бетховена, занималась воспитаніемъ дочери, а между тѣмъ сама завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ, носила при себѣ ключи отъ кладовой, выдавала провизію. Жизнь текла спокойно и ровно среди довольства и удобствъ. При твердомъ и сдержанномъ характерѣ Николая Ивановича, многимъ со стороны могло казаться, что Катеринѣ Ѳедоровнѣ не легко съ нимъ было жить. Она сама, въ шутливомъ тонѣ, отвѣчаетъ на это въ одной изъ записокъ къ моей матери. «Je suppose que c'est Ѳедосья Андреевна qui m'aura représentée comme une victime résignée du despotisme; mais je n'en conviens pas, car de toutes les chansons mon refrein favori est celui de Grisélidis: obéir à ce qu'on aime est bien plus doux que commander [1]). Въ другой запискѣ, отвѣчая на приглашеніе пріѣхать въ Уметъ, она пишетъ, что къ сожалѣнію не можетъ этого сдѣлать, потому что Кривцовъ пріѣдетъ въ 3 часа и ему будетъ непріятно не найти ея дома. «Vous avez remarqué, прибавляетъ она, qu'il est possédé du démon de la tendresse; il est si agréable à une femme de savoir que son mari revient avec plaisir à la maison, qu'elle doit mettre tous ses soins à maintenir cette heureuse disposition» [2]).

Между Любичами, Уметомъ и Марою былъ почти ежедневный обмѣнъ, если не посѣщеній, то записокъ и посылокъ. Изъ столицъ получались всѣ новости дня. Пушкинъ присылалъ Кривцову свои вновь появляющіяся сочиненія. Стихи Баратынскаго, разумѣется, прежде всего были извѣстны въ Марѣ. Изъ Москвы Павловъ и Зубковъ извѣщали моего отца обо всемъ, чтó появлялось въ литературѣ Русской и иностранной, пересылали ему выходящія книги. Послѣдній романъ Бальзака, недавно вышедшія лекціи Гизо, сочиненія Байрона, пересылались изъ Умета въ Любичи и изъ Любичей въ Мару. И все это, при свиданіи, становилось предметомъ оживленныхъ бесѣдъ. Когда въ 1834 г., вслѣдствіе нездоровья Катерины Ѳедоровны, Кривцовы поѣхали на зиму въ Петербургъ, Катерина Ѳедоровна, нѣсколько отвыкшая отъ свѣтской болтовни, была поражена пустотою тамошняго общества, въ сравненіи съ тѣмъ, съ чѣмъ она освоилась дома. Вращаясь въ самыхъ образованныхъ салонахъ Петербурга, у Карамзиныхъ, Блудовыхъ, Вяземскихъ, она писала моей матери: «La société, comme je la

---

[1]) Вѣроятно Ѳедосья Андреевна представила меня покорною жертвою деспотизма, но я въ этомъ не признаюсь; ибо изъ всѣхъ пѣсенъ всего болѣе люблю припѣвъ Гризельды: „повиноваться тому, чтò любишь, гораздо слаще, нежели повелѣвать".

[2]) Вы замѣтили, что онъ одержимъ демономъ нѣжности; а для женщины такъ пріятно знать, что мужъ съ удовольствіемъ возвращается домой, что она должна приложить всѣ старанія къ поддержанію этого счастливаго расположенія.

vois, m'ennuie; il faut tourbilloner avec, ou bien rester à la campagne, car de ma vie je n'aurais cru qu'on puisse pousser la frivolité au point où je la trouve ici. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, et vous savez comme cela m'arrange. Comment comparer ces réunions à celles de Lubitzi, d'Oumette, ou de Mara? J'ai cependant fait une prosélyte, прибавляетъ она: c'est la fille de m-r Bloudoff, qui a beaucoup d'esprit et d'imagination; elle raffolle de mes récits de campagne et de notre médecin de campagne; elle se meurt d'envie d'essayer de se genre de vie; la tête lui en tourne. Aussi quand nous sommes ensemble, nous ne tarissons pas sur ce sujet, elle par instinct et moi par réminiscence».

Такое сравненіе деревенскаго общества съ тогдашнимъ Петербургскимъ не должно считаться преувеличеннымъ. Когда Петербургскимъ жителямъ приходилось заѣзжать въ этотъ отдаленный уголокъ Россіи, они, въ свою очередь, были поражены тѣмъ, что̀ тамъ находили. «Вы не увидите болѣе такого общества,» говорила мнѣ одна Петербургская великосвѣтская дама того времени, проживавшая иногда лѣтомъ въ нашихъ странахъ; «когда, бывало, эти господа соберутся за обѣдомъ или вечеромъ, только сидишь и заслушиваешься».

Этой блаженной жизни не суждено было длиться. Здоровье Катерины Өедоровны пошатнулось, она стала иногда хандрить. При такихъ условіяхъ, безвыѣздное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось затруднительнымъ. Пришлось повторять поѣздки въ Петербургъ. Съ своей стороны, пріятельскій кругъ, если не распался, то сталъ менѣе тѣснымъ. Въ 1833 году умеръ мой дѣдъ, и мои родители переселились изъ Умета, который достался моей теткѣ. Въ 1835-мъ г. они часть лѣта провели въ Любичахъ, гдѣ со всею семьею помѣщались въ башнѣ. Объ этомъ пребываніи сохранились самыя лучшія воспоминанія. Катерина Өед провожала ихъ со слезами. Въ 1837-мъ году мой отецъ купилъ имѣніе въ томъ же Кирсановскомъ уѣздѣ, но въ 50-ти верстахъ отъ Мары и Любичей, такъ что сношенія сдѣлались менѣе часты. Новое помѣстье, село Караулъ, лежало въ прелестной мѣстности на берегу Вороны; тутъ былъ старый садъ, но тѣсную и ветшавшую усадьбу приходилось всю перестроить заново, примѣняясь къ потребностямъ большаго и зажиточнаго семейства. Разу-

---

[1]) Общество, какъ я его вижу, мнѣ надоѣдаетъ; надо съ нимъ вертѣться или оставаться въ деревнѣ, ибо я въ жизни своей не воображала, что можно довести суетность до той степени, въ какой я вижу ее здѣсь. Совершенно не съ кѣмъ душу отвести, а вы знаете, какъ это мнѣ приходится. Какъ сравнить эти собранія съ нашими собраніями въ Любичахъ, въ Уметѣ или Марѣ? Однако у меня нашлась послѣдовательница. Это дочь г-на Блудова, одаренная большимъ умомъ и воображеніемъ. Она въ восхищеніи отъ моихъ разсказовъ про деревню и про нашего деревенскаго медика. Ей до смерти хочется пожить такою жизнію; голова у нея оттого кружится и когда мы вмѣстѣ, мы не наговоримся объ этомъ предметѣ: она изъ безсознательнаго побужденія, а я по воспоминаніямъ.

мѣется, въ этомъ дѣлѣ Кривцовъ былъ первымъ и главнымъ совѣтникомъ. Онъ чертилъ планы для разныхъ строеній, давалъ указанія, исполнялъ порученія, дѣлалъ закупки, самъ ѣздилъ наблюдать за постройками, когда моему отцу нужно было отлучаться по дѣламъ. Однако и его здоровье, доселѣ крѣпкое, начинало слабѣть. Въ 1840-мъ г., въ дѣловомъ письмѣ изъ Москвы, извѣщая о сдѣланныхъ имъ для отца покупкахъ, онъ жалуется на нездоровье и съ грустью прибавляетъ: «мало осталось масла въ лампадѣ». Слова для Кривцова весьма знаменательныя, ибо онъ никогда ни на что не жаловался и молча и терпѣливо все выносилъ. Въ 1842 мъ году онъ началъ чувствовалъ боль въ оторванной ногѣ, такъ что не могъ уже надѣвать своей пробочной ноги, и долженъ былъ ходить на костыляхъ. Такимъ я его помню въ послѣдній его пріѣздъ въ Караулъ весною 1843 года. Какъ теперь представляю себѣ эту величественную фигуру, высокаго роста, съ большимъ умнымъ лбомъ, плотно остриженную, въ золотыхъ очкахъ, расхаживающую на костыляхъ предъ нашимъ домомъ. Но на видъ онъ казался еще бодрымъ и свѣжимъ. Никто не подозрѣвалъ близкой развязки, какъ вдругъ 1-го Августа 1843 года пришла изъ Любичей роковая вѣсть: наканунѣ Кривцовъ скончался. Болѣзнь длилась всего два-три дня. По своему обыкновенію, Николай Ивановичъ скрывалъ свое состояніе отъ близкихъ, такъ что всѣ были ошеломлены этимъ неожиданнымъ ударомъ.

Мои родители немедленно поѣхали въ Любичи. Похороны произошли во всемъ согласно сдѣланнымъ заранѣе распоряженіямъ Николая Ивановича. Онъ погребенъ въ построенной имъ часовнѣ, среди чистаго поля. Въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, образовалась пустота, которую ничто уже не могло восполнить.

Катерина Ѳедоровна была совершенно убита постигшимъ ее несчастьемъ. Ея жизнь до такой степени слилась съ Николаемъ Ивановичемъ, до такой степени, можно сказать, поглощалась имъ, что не только она теряла всякую опору, но, казалось, исчезала для нея самая возможность существованія. Вскорѣ новый ударъ еще усугубилъ горе: Павелъ Ивановичъ, при извѣстіи о смерти брата, пріѣхалъ съ семьей изъ Рима и почти черезъ годъ послѣ Николая Ивановича скончался въ Любичахъ скоропостижно. Любичи превратились въ монастырь.

Волею или неволею приходилось однако выѣзжать изъ этого монастыря. Дочь была молода, и ее невозможно было держать въ заперти. Но ни успѣхи дочери въ свѣтѣ, ни послѣдующая свадьба ея ничто не могло отвлечь Катерины Ѳедоровны отъ того прошлаго, которое влекло ее къ себѣ съ неудержимою силой. Она жадно и ревниво ухватывалась за все, что̀ напоминало ей это невозвратно потерянное прошлое.

Друзья Николая Ивановича сдѣлались для нея вдвойнѣ ближе и дороже. «Il me semble, que vous êtes des branches de ce beau chêne sous lequel j'étais si tranquillement abritée» [1]), писала она моей матери. Зять ея, Помпей Николаевичъ Батюшковъ, братъ знаменитаго поэта, служилъ сначала въ Петербургѣ, потомъ нѣкоторое время въ Вильнѣ. Дочь постоянно звала ее къ себѣ и, наконецъ, Катерина Ѳедоровна рѣшилась ѣхать. Но она недолго выдержала разлуку съ любимыми мѣстами. Ее все тянуло въ Любичи, гдѣ протекла лучшая пора ея жизни, къ дорогой могилѣ, къ неотвязнымъ воспоминаніямъ. Тамъ на нее все вѣяло невыразимою тоскою, и домъ, и разростающійся садъ; но отъ этой тоски она не могла оторваться. Ces beaux arbres agités par le vent ont l'air de se demander: «pour qui étendons nous nos branches et ouvrons nous nos feuilles?» [2]), писала она моей матери. И она грустно повторяла стихи изъ посвященнаго ей въ молодости стихотворенія Жуковскаго:

Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины.

Такъ провела она послѣдніе годы своей жизни почти въ полномъ одиночествѣ, погруженная въ воспоминанія и молитву. Наконецъ, въ 1860-мъ году она написала своей дочери, что рѣшается къ ней пріѣхать. Софья Николаевна обрадовалась. Катерина Ѳедоровна провела съ нею зиму въ Петербургѣ, а весною 1861-года тамъ же скончалась. Она похоронена возлѣ мужа, въ той же уединенной часовнѣ, среди любимыхъ ею степей. Любичи опустѣли, а потомъ перешли въ другія руки....

Понынѣ еще, проѣзжая по Тамбово.-Саратовской желѣзной дорогѣ, недалеко отъ станціи Уметъ, можно видѣть стройную башню возвышающуюся на холмѣ среди парка. Удивленный путникъ невольно спрашиваетъ себя: «откуда это причудливое зданіе, какъ будто занесенное, изъ другихъ, отдаленныхъ странъ? кто здѣсь жилъ? кто его строилъ?» Старики, помнящіе то время, могутъ отвѣчать, что здѣсь жилъ старый Русскій баринъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, съ непреклонною волею, съ возвышеннымъ характеромъ, который въ дальней степи устроилъ себѣ бытъ, способный удовлетворить образованнаго человѣка; здѣсь обиталъ духъ, который нынѣ отлетѣлъ отъ Русской земли. Повѣетъ ли онъ когда-нибудь опять?

---

[1]) Мнѣ кажется, что вы вѣтви того прекраснаго дуба, подъ которымъ я находила такой спокойный пріютъ.

[2]) Эти великолѣпныя деревья, колеблемыя вѣтромъ, какъ будто спрашиваютъ себя: для кого простираемъ мы свои вѣтви и раскрываемъ мы свои листья?

Да, милая была старина! Русская литература односторонне и несправедливо отнеслась къ старому помѣщичьему быту. Въ своемъ неудержимомъ и законномъ стремленіи впередъ, она живыми красками изображала темныя стороны современности, оставляя безъ вниманія то, что̀ въ ней было привлекательнаго. Она описывала Оржевку, но не Мару и не Любичи. Въ особенности крѣпостное право возбуждало въ ней непріязнь ко всему построенному на немъ порядку. Стоя поодаль отъ этихъ временъ, мы можемъ смотрѣть на нихъ безпристрастнѣе. Мы должны сказать, что самое крѣпостное право, при всей его несовмѣстительности съ человѣческими чувствами и съ требованіями просвѣщенія, производило различное дѣйствіе, смотря по той средѣ, на которую оно попадало. Въ однихъ оно развивало барскую лѣнь и безпечность, въ другихъ необузданный, а иногда и звѣрскій произволъ, въ третьихъ сознаніе своего достоинства, чувство долга и отвѣтственности, наконецъ соединенную съ привычкой къ власти просвѣщенную независимость. Эти послѣднія черты отличали именно то общество, которое здѣсь описано. Это то, что̀ я, какъ свидѣтель, видѣлъ въ своей молодости. Уважать власть и никогда не гнуть передъ нею спину, дорожить независимостью и презирать почести, стремиться къ просвѣщенію, а не искать карьеры: таковъ священный завѣтъ, который мы, рожденные и воспитанные въ средѣ Русскаго провинціальнаго дворянства, получили отъ своихъ отцовъ и за который мы благословляемъ ихъ память. И если преобразованія прошедшаго царствованія нашли на мѣстахъ честныхъ и дѣльныхъ исполнителей, которымъ они главнымъ образомъ обязаны своимъ успѣхомъ, если нынѣ въ Русскомъ земствѣ находятся благородные дѣятели, ставящіе себѣ цѣлью не личныя выгоды, а общую пользу: то этимъ Россія обязана тѣмъ же преданіямъ, идущимъ изъ рода въ родъ, хотя увы! болѣе и болѣе затемняющимся и слабѣющимъ. Да они болѣе и болѣе слабѣютъ; этого нельзя не признать; да и можетъ ли быть иначе, при томъ громадномъ переломѣ, который совершился въ Русскомъ обществѣ? Нынѣшнимъ людямъ, живущимъ среди общаго разлада, среди несложившихся еще отношеній, не знающимъ, куда увлечетъ ихъ завтра волна, полная и гармоническая жизнь отцовъ представляется, какъ нѣчто чуждое, хотя и близкое, какъ отдаленные звуки какой-то забытой мелодіи. Родились новые потребности и интересы; но никто не станетъ утверждать, что водворилась бо̀льшая гармонія въ жизни, и едва-ли справедливо будетъ сказать, что мы наслаждаемся бо̀льшимъ довольствомъ и просвѣщеніемъ, нежели наши отцы. Въ настоящее время можно проѣхать всю Русскую землю, отъ Колы до Тавриды, и не найти ничего похожаго на тотъ

мирный и просвѣщенный уголокъ, который описанъ на предыдущихъ страницахъ.

Многіе, безъ сомнѣнія, скажутъ, что старикамъ свойственно восхвалять прошедшее и хулить настоящее. Это—черта общая всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Вездѣ изъ старческихъ устъ раздаются тѣ же сѣтованія и похвалы, на которыя не стоитъ обращать вниманія.

Въ настоящемъ случаѣ отвѣтъ на лицо. Стоитъ только сослаться на факты. Описанный здѣсь бытъ есть бытъ того поколѣнія, которое произвело изъ себя Пушкина, Жуковскаго, Батюшкова, Грибоѣдова, Крылова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Лермонтова, Гоголя, наконецъ блестящую плеяду людей сороковыхъ годовъ, славянофиловъ и западниковъ. Не съ неба же они свалились. Великія литературныя движенія не возникаютъ изъ дѣятельности маленькаго кружка, они порождаются вѣяніемъ всенароднаго духа. Настоящее время можетъ ли указать что-нибудь подобное? Предоставляю отвѣтъ безпристрастному читателю. Пускай онъ перелистуетъ Русскіе журналы за послѣднія двадцать пять лѣтъ, и, положа руку на сердце, скажетъ: появился ли за все это время хоть одинъ выдающійся талантъ? Существуетъ ли даже сколько нибудь серьезная критика? Полный хаосъ понятій, безконечная и праздная болтовня, отъ которой тошнитъ всякаго человѣка, воспитаннаго на серьезной мысли, вотъ все, чтó онъ обрѣтаетъ. А посмотрите на общество, сравните, напримѣръ Московское общество сороковыхъ годовъ, какъ его описываетъ Герценъ въ своихъ запискахъ, или баронъ Гакстгаузенъ въ своемъ путешествіи, съ тѣмъ, чтó можно найти тамъ въ настоящее время. Просвѣщеніе, безспорно, пошло въ ширь, но никакъ не въ глубь, и то, чтó оно выиграло въ количествѣ, то оно болѣе чѣмъ потеряло въ качествѣ. Техниковъ, спеціалистовъ стало больше, но истинно образованныхъ и мыслящихъ людей гораздо меньше.

Такое пониженіе общаго уровня не составляетъ исключительной принадлежности Русскаго общества. Оно точно также замѣчается и на Западѣ. Явнымъ его признакомъ, не говоря о другихъ, служитъ упадокъ литературы и полное отсутствіе поэзіи. Причинъ этого явленія не трудно доискаться. Онѣ заключаются во всемъ строѣ современныхъ обществъ, въ господствѣ реализма, демократіи и журналистики. Когда элементы, которые по своей природѣ должны стоять внизу, всплываютъ наверхъ и становятся господствующими, въ обществѣ неизбѣжно долженъ водвориться хаосъ, и общій уровень по необходимости понижается. Человѣчество, въ своемъ поступательномъ движеніи, не идетъ ровнымъ путемъ, равномѣрно развивая всѣ свои способности. Оно попеременно ставитъ себѣ то одну, то другую задачу; то всходитъ на горы, то спускается въ долины. Прохожденіе низменностей во многихъ

отношеніяхъ бываетъ плодотворно; оно доставляетъ богатую добычу, но вмѣстѣ съ тѣмъ съуживаетъ горизонтъ и выводитъ человѣка изъ тѣхъ высшихъ сферъ, которыя однѣ способны просвѣщать и облагороживать душу. Уже Токвиль, съ своимъ глубокимъ взглядомъ, замѣтилъ, что демократія ведетъ къ господству посредственности. Современныя явленія вполнѣ подтверждаютъ этотъ выводъ Нынѣшній вѣкъ, по выраженію одного остроумнаго Французскаго писателя, можно характеризовать, какъ возрастающее благосостояніе среди все возрастающей пошлости (un bien- être croissant au milieu d'une croissante vulgarité).

У насъ, увы! нѣтъ даже этого искупающаго признака: увеличивающагося благосостоянія мы не ощущаемъ; за то пошлость, въ странѣ «Мертвыхъ Душъ», сверху до низу царитъ безпрепятственно. Къ общимъ причинамъ, ведущимъ къ пониженію умственнаго и нравственнаго уровня, у насъ присоединились свои особенныя, которыя усилили зло.

Въ Россіи пониженіе общественнаго уровня началось сверху, го раздо ранѣе, нежели на Западѣ. Оно было послѣдствіемъ реакціи, наступившей послѣ 1825 г. Не могло же пройти безслѣдно это суровое преслѣдованіе всякаго свободнаго движенія мысли. Однако въ то время въ Русскомъ обществѣ сохранялись еще элементы, которые противодѣйствовали гнету. Между тѣмъ какъ высшіе слои болѣе и болѣе погружались въ раболѣпство и невѣжество, ибо требовалась безусловная покорность, а образованія не требовалось никакого, среднее дворянство хранило еще въ себѣ лучшія черты своего сословія. Въ Москвѣ оно являлось въ видѣ либеральныхъ кружковъ, въ провинціи въ видѣ независимыхъ помѣщиковъ. Въ то время университеты доставляли значительный контингентъ образованныхъ людей. Но скоро и университеты постигъ погромъ. Въ 1849 году Русскому просвѣщенію нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго оно никогда не оправилось. Съ тѣхъ поръ оно переходило изъ однихъ неумѣлыхъ рукъ въ другія, все худшія и худшія. Несчастное Русское юношество попеременно испытывало на себѣ самыя противоположныя теченія, подвергаясь то строжайшей дисциплинѣ, то полной распущенности, но никогда разумному руководству. Мудрено-ли, что нѣкоторая часть его обратилась къ нигилизму; удивительно, что не бо́льшая. Съ 1849 г. въ Россіи жутко становилось всякому человѣку, у котораго не совсѣмъ заглохла мысль. Мы дожили наконецъ, до того, что И. С. Тургенева сажали на гауптвахту за нѣсколько сочувственныхъ словъ о смерти Гоголя, а Н. Ф. Павлова ссылали въ Пермь за найденныя въ его библіотекѣ весьма невиннаго свойства запрещенныя къ ввозу иностранныя книги. Все принизилось и затихло.

Послѣ Крымской войны, съ новымъ царствованіемъ наступила новая пора. Двери отворились, общество встрепенулось, реформа послѣдовала за реформой въ самомъ широкомъ и плодотворномъ смыслѣ. Всѣ надежды лучшихъ людей прежняго времени, повидимому, сбылись. Но тутъ наступила другая бѣда. Общество незрѣлое, долго приниженное, не привыкшее ходить на своихъ ногахъ, будучи вдругъ выпущено на волю, легко хватаетъ черезъ край. Недостаточно дать ему свободу; ему необходимо разумное руководство. Русское общество тѣмъ болѣе въ немъ нуждалось, что преобразованія уничтожили весь старый строй, перевернули всѣ отношенія, и частныя, и общественныя; все нужно было создавать вновь, вездѣ искать новой дороги. А между тѣмъ, именно руководства не оказалось. Преобразованія были совершены громадныя, они всюду должны были возбуждать новый духъ; а управленіе освобожденнымъ и обновленнымъ обществомъ ввѣрено было той же старой, изношенной, мертвящей бюрократіи, въ противность евангельской заповѣди, запрещающей вливать новое вино въ старые мѣхи. Съ своей стороны, въ обществѣ, какъ руководящій элементъ, воцарилась журналистика, которая получила привилегированное положеніе. Журналистъ одинъ пріобрѣлъ право, публично, вкривь и вкось толковать обо всемъ на свѣтѣ. То, чтò не всегда выносятъ даже политически-зрѣлые народы, то водворилось среди общества, едва выпущеннаго на волю, расшатаннаго во всѣхъ основахъ, не знающаго куда ступить. И пошли писать! Если требовалось окончательно сбить съ толку не успѣвшихъ осмотрѣться Русскихъ людей, то разнузданная журналистика съ необыкновеннымъ успѣхомъ исполнила эту задачу. Не было нелѣпой мысли, которая бы не поддерживалась самыми видными органами печати; соціалистическая пропаганда шла на всѣхъ парахъ, измышленія Лассаля и Карла Маркса, равно какъ и самыя крайнія теоріи матеріалистовъ, безпрепятственно распространялись въ Русской публикѣ; а къ довершенію смутъ, какъ реакція противъ этого направленія, среди общества, въ которомъ нужно было утвердить и упрочить новопосѣянную свободу, возникла проповѣдь всеобщаго холопства, палки и кулака. Повидимому, самый простой здравый смыслъ указывалъ на то, что юныя, неокрѣпшія учрежденія, насажденныя на неприготовленную почву, при неблагопріятныхъ условіяхъ, требуютъ прежде всего заботливаго огражденія и ухода; а между тѣмъ, люди самыхъ противоположныхъ направленій, и сверху, и снизу, принялись теребить ихъ во всѣ стороны, обдавая ихъ то холодомъ, то жаромъ, то наталкивая ихъ на невозможныя требованія, то осыпая ихъ ругательствами и стараясь искоренить въ нихъ всякую тѣнь независимости. Чтò же могло

выйти изъ всего этого, кромѣ полнаго смѣшенія понятій, ослабленія всякихъ нравственныхъ связей, неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ?

Таково наше настоящее положеніе. Одно общество ушло, а другое еще не сложилось, точь въ точь, какъ въ извѣстной картинѣ перехода Израильтянъ черезъ Чермное море, гдѣ было только чистое полотно, потому что выбранъ былъ моментъ, когда Израильтяне уже прошли, Египтяне еще не пришли, а море отступило. Но у насъ, къ несчастью, полотно не осталось чистымъ; въ отсутствіе художника рамка, приготовленная для изящной картины, наполнилась Богъ знаетъ какимъ содержаніемъ. Бѣдная Россія! Того ли чаяли благороднѣйшіе ея сыны, когда они работали для будущаго? И въ такомъ положеніи, когда ни сверху, ни снизу не видать ни единаго луча свѣта *), который пробивался бы сквозь окружающій насъ мракъ, среди умственнаго запустѣнія и расшатанныхъ матеріальныхъ основъ, среди бюрократической мертвечины и журнальнаго верхоглядства, среди соціаль-демократическихъ бредней и реакціонной наглости, что̀ остается Русскому человѣку, у котораго сердце болѣетъ за отечество, какъ не обращаться съ любовью къ прошлому и воскрешать въ себѣ образы людей, какихъ нѣкогда производила Русская земля? И тутъ возгорается лучъ надежды, и думается, что производительная сила земли не изсякла и что, можетъ быть, наши потомки увидятъ лучшіе дни, нежели тѣ, которые выпали намъ на долю. Но чрезъ какія испытанія должно пройти Русское общество, прежде нежели оно выбьется на настоящій путь?

Б. Чичеринъ.

Село Караулъ.
Сентябрь 1886 года.

---

*) Читатель припомнитъ, что это писано около четырехъ лѣтъ тому назадъ. П. Б.

АРХЕОЛОГІЯ И ИСТОРІЯ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

(Читано въ засѣданіи Археологическаго Института 25-го Января 1890 года).

Въ настоящее время въ историко-литературныхъ и литературно-художественныхъ журналахъ появляются статьи, относящіяся до Русской археологіи и исторіи; такъ напримѣръ: въ „Историческомъ Вѣстникѣ", въ Январской книгѣ за текущій годъ, помѣщена статья г. П. Полеваго „Могила князя-шута", а въ „Сѣверѣ", въ №№ 50-мъ и 52-мъ прошлаго 1889 года и въ № 2-мъ за текущій годъ, напечатаны статьи: „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера", неизвѣстнаго автора, „Празднованіе Рождества въ старину" и „День Богоявленія Господня", также въ старину, съ описаніемъ царскаго выхода къ Іордани на рѣку Москву, при церковномъ ходѣ, съ патріархомъ во главѣ, и при церемоніалѣ отъ царедворцовъ и войскъ. (Эти двѣ статьи принадлежатъ г-ну Божерянову).

Упомянутыя статьи имѣютъ прямое соотношеніе къ предметамъ, преподаваемымъ въ Археологическомъ Институтѣ; а потому небезполезно, для памяти двѣнадцатой годовщины его основанія, побесѣдовать о содержаніи и достоинствѣ если не всѣхъ упомянутыхъ статей, то главнѣйшихъ изъ нихъ (о „Могилѣ князя-шута" и „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера"), чтобъ освѣтить въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей научныя знанія въ археологіи и исторіи, господствующія въ текущей литературѣ внѣ стѣнъ Института

Ближайшею къ археологіи и исторіи является статья „Могила князя-шута", а потому посвятимъ ей первый всесторонній обзоръ.

Въ статьѣ этой г. Полевой, разсказавъ, какъ онъ искалъ на старомъ заброшенномъ кладбищѣ села Братовщины могилы князя Михаила Алексѣевича Голицына, замѣтилъ, подконецъ, между бугорками и кое-какими камнями, „нѣчто въ родѣ каменной скамьи, на которой сидятъ и около нея рѣзвятся, скачутъ и играютъ дѣти", почему авторъ не обратилъ на нее особливаго вниманія. Но бывшій съ нимъ художникъ-живописецъ г. Лебе-

девъ, подойдя къ этой скамьѣ, крикнулъ: „Да не могила ли это—въ надписи на ней говорится о какомъ-то Голицынѣ?“ На крикъ г. Лебедева подошелъ г. Полевой и прочелъ слѣдующую надпись: „1775 году Июня 18 числа скончался князь Михаилъ Алексіевичъ Галицынъ отъ рожденія ево семедесяти восьми летъ а окончалъ векъ свой“, — и только?! Между тѣмъ чувствуется, что послѣ словъ „а окончалъ векъ свой“ должно быть продолженіе о томъ, гдѣ именно окончалъ князь вѣкъ свой, или о чемъ-либо другомъ. Но г. Полевой ничего болѣе не сообщилъ, заботясь списать надпись съ буквальною, по его словамъ, точностью; г-нъ же Лебедевъ „зарисовалъ въ альбомъ могилу несчастнаго князя“.

Сочтя эту надпись „очень важною датою“, опровергающею невѣрныя данныя Голицынскихъ родословій, г. Полевой создалъ статью „Могила князя-шута“ и присоединилъ къ ней рисунокъ г. Лебедева.

Въ статьѣ своей г. Полевой объясняетъ: „Если князь Михаилъ скончался 78-лѣтнимъ старикомъ въ 1775-мъ году, значитъ онъ родился въ 1697-мъ, а не въ 1687-мъ году, какъ показываетъ г. Серчевскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о родѣ князей Голицыныхъ, и что князь Михаилъ родился въ то время, когда дѣдъ и отецъ (Алексѣй Васильевичъ) жили въ ссылкѣ, а не ѣхалъ съ ними въ ссылку двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, какъ разсказываютъ нѣкоторые біографы Голицыныхъ. Въ заключеніе авторъ заявилъ: „невѣрнымъ оказывается у г. Серчевскаго и у князя Н. Н. Голицына, въ его Корректурныхъ Листахъ родословія князей Голицыныхъ, самый годъ смерти князя-шута, который, какъ видно изъ надписи на его гробницѣ, скончался не въ 1778-мъ, а въ 1775-мъ году“.

При такой открытой авторомъ „очень важной датѣ“ для біографовъ князей Голицыныхъ не остается, повидимому, ничего болѣе, какъ исправить годы, мѣсяцы и числа о рожденіи, лѣтахъ и днѣ кончины князя Михаила Алексѣевича, согласно тексту надписи на его надгробномъ памятникѣ.

Но если принять во вниманіе наружный видъ нашихъ памятниковъ, находящихся не то что на заброшенныхъ сельскихъ кладбищахъ, но и внутри монастырскихъ стѣнъ, то занимающіеся археологическими изысканіями вообще, а студенты Ахеологическаго Института въ особенности, усумнятся, чтобъ, безъ осторожной и умѣлой очистки надписи, было возможно такъ легко прочесть на старомъ памятникѣ и также легко списать надпись на надгробномъ памятникѣ князя Михаила Голицына съ буквальною точностью, какъ посчастливилось г-ну Полевому. Всѣмъ археологамъ извѣстно, что надгробные памятники отъ дождей, снѣга, лѣтней жары, зимнихъ морозовъ трескаются, осыпаются и черезъ это утрачиваютъ свой первоначальный видъ; а насѣдающая на нихъ, изъ года въ годъ, пыль обращается при мокрой погодѣ въ грязь, которая залѣпляетъ буквы

надписей, послѣдствіемъ чего являются на нихъ сначала плѣсень, затѣмъ лишаи и мохъ. При такихъ условіяхъ отнимается возможность къ легкому чтенію надписей, и приходится, разбирая каждую букву, съ трудомъ и кое-о чемъ догадываться по смыслу. Поэтому необходима предварительная умѣлая очистка; но и послѣ оной буквы являются осыпавшимися и поврежденными въ очертаніяхъ своихъ отъ времени и людей, особенно отъ дѣтей, которыхъ авторъ видѣлъ играющими и скачущими около памятника и сидящими на немъ. Поэтому какъ-то не вѣрится, чтобъ автору посчастливилось найти такой памятникъ, на которомъ въ теченіе 114 лѣтъ надпись сохранилась до того свѣжею, что не представилось затрудненія отчетливо и легко ее прочесть. Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, при томъ же „на ловца и звѣрь бѣжитъ", то можно позавидовать г-ну Полевому въ его удачѣ, и перейти къ его статьѣ, для сравненія съ приложеннымъ къ ней рисункомъ г-на Лебедева, составляющихъ одно цѣлое.

Но тутъ является курьезный фактъ: статья автора изобличаетъ въ невѣрности рисунокъ художника, и наоборотъ, рисунокъ уличаетъ въ невѣрности статью, такъ какъ и та и другой разнорѣчатъ и въ наружномъ видѣ памятника, и въ буквальности списка надписи.

Разнорѣчіе заключается въ слѣдующемъ. Авторъ описалъ состояніе кладбища и памятника такъ: „Кладбище, ничѣмъ неогороженное, заросло бурьяномъ, крапивою и всякими сорными травами, и кое-гдѣ, среди травы, бѣлѣются какіе-то камни и возвышаются бугорки, и тутъ же находится нѣчто въ родѣ каменной скамьи". Художникъ же нарисовалъ не нѣчто въ родѣ скамьи, а хорошо сохранившійся надгробный памятникъ, стоящій какъ бы на выставкѣ въ лавкѣ Московскаго купца, торгующаго и нынѣ почти такими же по формѣ памятниками. Затѣмъ авторъ помѣстилъ текстъ надписи въ 6-ти строкахъ, изъ коихъ первая состоитъ изъ словъ: „1775 году Іюня 18", а третья строка длиннѣе прочихъ на одну треть. Художникъ же нарисовалъ первую строку по срединѣ надписи не вровень съ прочими строками, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ помѣстилось только „1775 г."; остальнымъ же словамъ этой строки „Іюня 18", какъ списано авторомъ, мѣста не имѣется; остальныя пять строкъ ни короче, ни длиннѣе одна другой. Если же авторъ написалъ, что памятникъ представился ему въ видѣ скамьи, то ясно, что нижняя часть его, какъ говорится, ушла въ землю, что̀ и должно быть и на что̀ указываетъ перерывъ надписи послѣ словъ «а окончалъ векъ свой". Художникъ же нарисовалъ пространство надписи вполнѣ, очертивъ ее рамкою со всѣхъ сторонъ, чего именно не можетъ быть; потому что каждый памятникъ, какъ сказано выше, непремѣнно какъ бы уходитъ въ землю, отъ ежегоднаго возвышенія почвы вокругъ него, какъ отъ перегноя травъ, такъ и отъ другихъ физическихъ наслоеній. Поэтому, еслибъ г. Полевой потрудился откопать почву внизу видимыхъ строкъ, то, по всей

вѣроятности, онъ нашелъ бы послѣ словъ „а окончалъ векъ свой" продолженіе надписи.

Затѣмъ буквальность надписи заподозривается правописаніемъ, употребленнымъ авторомъ въ его спискѣ, при сравненіи съ правописаніемъ 1775 года. Такъ напримѣръ: въ спискѣ автора отчество князя „Алексіевичъ" закончено авторомъ на твердый *еръ*; но кому же изъ археографовъ неизвѣстно, что такое твердое окончаніе ввелось у насъ въ недавнее время г-мъ Гречемъ, и что прадѣды и дѣды наши, испоконъ вѣку нашей грамотности, заканчивали отчества на мягкій *ерь*, и въ зависимости отъ этого склоняли ихъ въ дательномъ падежѣ не на *у*, а на *ю*. Да и въ настоящее время, кто по незнанію, а кто какъ бы по наслѣдству отъ предковъ, пишутъ отечество на *ерь*, а не на *еръ*.

Другой примѣръ: предки наши хотя и не получали аттестатовъ зрѣлости, но говорили по-русски правильно. Вѣдь не даромъ же сказалъ нашъ великій поэтъ и историкъ А. С. Пушкинъ, что онъ любитъ говорить съ Московскими просвирнями потому, что они говорятъ чистымъ Русскимъ языкомъ. Поэтому едва ли буквально списалъ авторъ съ надписи, что князь скончался „семедесяти восьми летъ", вмѣсто семидесяти осми. Предположеніе это усиливается тѣмъ, что, судя по списку, составитель надписи былъ грамотный, и черезъ это поставилъ передъ именемъ, отчествомъ и фамиліею князя заглавныя, а не строчныя буквы, и въ отчествѣ князя „Алексіевичъ" вмѣстилъ не обычное *ять*, но книжное рѣдко употребляемое *і*, и вмѣсто предлога „отъ" примѣшалъ къ гражданскому шрифту Церковно-Славянскую букву ѿ (если тутъ во всемъ нѣтъ грѣха со стороны списателя надписи).

Обращаясь къ рѣшительному приговору, объявленному г-мъ Полевымъ, что князь Михаилъ не могъ ѣхать съ дѣдомъ и отцомъ въ ссылку, въ 1689-мъ году (потому что родился въ то время, какъ дѣдъ и отецъ его были уже въ ссылкѣ), нельзя не пожалѣть, что г. Полевой, изучая „Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ» для сочиненія, вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ г-мъ Крыловымъ, исторической драмы „Правительница Софья" (содержаніе которой взято ими изъ документовъ этого изданія), просмотрѣлъ въ III-мъ томѣ челобитье крестьянина села Троицкаго Михайлы Алексѣева, поданное имъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Въ челобитьѣ своемъ Михайла написалъ: „Въ прошломъ, государи, во 197-мъ году *), какъ были за князь Васильемъ Голицынымъ, и сынъ его

*) Лѣтосчисленіе нашихъ предковъ считалось отъ Сотворенія Міра и начиналось 1-го Сентября; поэтому упомянутый въ челобитьѣ 7197-й годъ, по теперешнему лѣтосчисленію отъ Рождества Христова, включаетъ въ себѣ 1688-й годъ съ 1-го Сентября и 1689-й годъ по 1-е Сентября.

князь Алексѣй Голицынъ взялъ у меня насилно женишку мою Ненилку къ сыну своему князь Михайлу въ кормилицы. А нынѣ, по вашему великихъ государей указу, посланы они, князь Василей и сынъ его князь Алексѣй, въ ссылку, и женишку мою взяли съ собою. А нынѣ, государи, урочное число женишка моя сына его, князь Алексѣева, князь Михаила откормила, а у меня, сироты вашего, остались малыя дѣтишки, и безъ ней, женишки моей, прокормленія и безъ пріюту помираютъ. Милосердые великіе государи цари и великіе князи, Іоаннъ Алексѣевичь, Петръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, пожалуйте меня, сироту своего: велите, государи, отъ него князь Алексѣя женишку мою взять и отдать мнѣ сиротѣ вашему, по прежнему, чтобъ безъ ней, женишки моей, дѣтишки мои безъ призрѣнія не померли, и мнѣ съ домишкомъ и съ дѣтишки не разоритца. Великіе государи, смилуйтеся!"

Челобитье Михайлы поступило въ Боярскую Думу, было доложено царямъ, и думный дьякъ написалъ на немъ помѣту: „198 г. Марта въ 29-й д., великіе государи пожаловали: буде она урочное число откормила, велѣли еѣ взять къ Москвѣ и отдать мужу еѣ, и о томъ послать свою государскую грамоту изъ Розыскного Приказу. Учинить указъ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарыщи".

И по распоряженію боярина Стрешнева Розыскной Приказъ въ тотъ же день, 29-го Марта, послалъ въ Яренскъ къ стольнику и воеводѣ Павлу Скрябину государскую грамоту, за приписью дьяка Семена Чернова, о точномъ по грамотѣ исполненіи*).

Тутъ невольно вспомнишъ о грубомъ и невѣжественномъ издѣвательствѣ такъ называемыхъ беллетристовъ нашей прессы надъ старыми государственными распорядками до реформъ Великаго Петра. Удалось имъ выловить изъ превосходнѣйшаго сочиненія подъячаго Котошихина „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михаиловича" словцо, какъ иные бояре, сидя въ Боярской Думѣ, „брады свои уставя, ничего не отвѣщаютъ"; а затѣмъ, встрѣтивъ въ документахъ кличку, приданную старымъ приказнымъ порядкамъ „Московская волокита", распространяются на всѣ лады о взяточничествѣ, проволочкахъ и безсердечности, существовавшихъ будто бы поголовно въ нашихъ приказахъ, ставя для глумленія опорною точкою упомянутыя „брады и волокиту".

Но если чрезвычайно умный, но злой подъячій Котошихинъ ввернулъ въ свое сочиненіе, для краснаго словца, о брадахъ ничего не отвѣщающихъ, то онъ же сообщилъ о большинствѣ такихъ же брадъ,

---

*) См. „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ" т. III, столбцы 155—158.

засѣдающихъ въ Думѣ, такъ: „А лучитца царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя, приказываетъ, чтобъ они бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ поболши и разумнѣе, или кто и изъ меншихъ, и они мысль свою къ способу объявливаютъ“ *). Въ подтвержденіе этого видѣнъ, изъ приведеннаго челобитья крестьянина Михайлы, образчикъ Московской волокиты, благодаря которой челобитье мужика заслушано немедленно въ Думѣ, и состоявшееся по немъ рѣшеніе въ тотъ же день было приведено въ исполненіе, пройдя двѣ первенствующія инстанціи—Думу и Приказъ (равныя теперешнему Государственному Совѣту и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по Департаменту Полиціи Исполнительной). А такъ какъ въ дѣлѣ крестьянина Михайлы проявилась не одна быстрота исполненія, но и сердечное отношеніе къ ребенку ссыльнаго князя, выразившіяся въ приказаніи взять отъ князька кормиляцу, если она откормила его урочное число, то дай Богъ, чтобъ въ современной администраціи господствовала бы такая волокита.

Возвращаясь къ „Могилѣ князя-шута“, необходимо замѣтить, что если урочное число истекало въ Мартѣ 1690 года, то можно предположить, что князь Михаилъ родился въ послѣдней трети 1688 года, въ началѣ Ноября, предъ Михайловымъ днемъ, вслѣдствіе чего и получилъ имя Михаилъ, по обычаю, и теперь существующему, давать родившимся имена въ честь святыхъ, празднованіе которымъ приходится ближайшимъ ко дню рожденія младенца.

Предположеніе это основывается и на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Съ появленіемъ въ свѣтѣ изданія Археографической Коммиссіи „Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ“ стало извѣстно, что женамъ князей Василія и Алексѣя Голицыныхъ, княгинямъ Авдотьѣ Ивановнѣ, рожденной Стрешневой, и Марьѣ Исаевнѣ, рожденной Квашниной, было приказано выѣхать изъ Москвы немедленно, вслѣдъ за мужьями, въ ссылку въ Яренскъ. И княгини, взявъ съ собою груднаго князька Михаила съ кормилицею Ненилою и своихъ дворовыхъ женщинъ, выѣхали изъ Москвы, спѣшно, 12-го Сентября 1689 года. О затруднительности, медленности и опасностяхъ встрѣченныхъ ими на пути всего лучше говоритъ отписка состоявшаго при нихъ пристава, стольника П. Скрябина, отъ 26-го Ноября того же года. Скрябинъ написалъ: „И Октября, государи, въ 18-й день, изъ дворцоваго села Туронтаева поѣхалъ я, холопъ вашъ, съ ними въ Еренскъ санми, горами, и ѣхалъ съ великою нуждою прочищая вновь дорогу, въ которыхъ мѣстехъ напередъ сего никто тою дорогою не ѣжживалъ, верстъ по пяти и по шти (шести) въ день; а во многихъ, государи, мѣстехъ черезъ рѣчки и черезъ ручьи шли пѣши, а сани

---

*) См. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изданіе третье, 1884 г., страницы 26—27.

на себѣ таскали. И не доѣзжая, государи, Тотмы за три версты, спустились на рѣку Сухону, и не доѣхавъ рѣкою Сухоною до Тотмы города за версту, болчки (возки) съ княгинями, и съ дѣтми, и съ жонками въ воду всѣ обломились; насилу княгинь и дѣтей и жонокъ изъ воды вытаскали. И оттого они лежали въ безпамятствѣ многое время. И за дорогою и за тѣмъ, что князь Алексѣева жена Голицына княгиня Марья родила дву дочерей, и лежала при смерти, стоялъ на Тотмѣ Ноября по 26-е число; а одна дочь и умре. И съ Тотмы я, холопъ вашъ, съ ними поѣхалъ того жъ числа, а еѣ княгиню и нынѣ повезли болну" *).

Это вторичное разрѣшеніе отъ бремени княгини Марьи Исаевны Голицыной указываетъ, судя по естественному ходу времени отъ одной беременности до другой, что князь Михаилу въ то время, когда явились на свѣтъ его сестрицы-близнецы, было не менѣе какъ годъ, а потому урочное число для отнятія его отъ кормилицы истекало въ Мартѣ 1690 года, о чемъ такъ заботливо напомнилъ челобитьемъ ея мужъ.

Все изложенное доказываетъ, что біографы родословій Голицыныхъ, а въ ихъ числѣ Корректурные Листы князя Н. Н. Голицына, ближе къ истинѣ о времени рожденія князя Михаила Алексѣевича, нежели текстъ надписи на его надгробномъ памятникѣ, списанный г-мъ Полевымъ и принятый имъ за очень важную дату по этому предмету.

Закончивъ разборъ статьи о „Могилѣ князя-шута", обращаюсь къ статьѣ „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго озера". Она представляетъ отрадное впечатлѣніе сердечностью содержанія и сочувственнымъ освѣщеніемъ личности Грознаго царя съ той стороны, отъ которой наши литераторы и живописцы сторонятся какъ отъ огня. Всѣ они, изображая Грознаго, натуживаются на томъ, чтобъ сгустить мрачныя краски для воспроизведенія этой личности, желая одного, чтобъ эта личность представилась чудовищною, жаждущею только крови, терзаній, казней и убійствъ. И никто ни перомъ, ни кистью не коснулся воспроизвести Грознаго въ той тихой, задушевной и величавой раздумчивости, которую мастерски написало перо автора этой статьи. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что, какъ ни ужасенъ Грозный въ своихъ государственныхъ дѣяніяхъ, но все же билось въ немъ сердце смягчаемое христіанствомъ, и управлялъ имъ умъ просвѣщенный изученіемъ Священнаго Писанія, а черезъ это находило же на него душевное успокоеніе и религіозное вдохновеніе. Доказательствомъ служатъ дошедшія до насъ письма его къ князю Курбскому и стихиры его св. Петру митрополиту, для которыхъ онъ же сложилъ и напѣвы, пропѣтые на дняхъ въ Москвѣ, на юбилейномъ празднествѣ Архео-

---

*) Тамъ же, т. III, столбцы: 91—92.

логическаго Общества. При такихъ данныхъ позорно выставлять Грознаго только съ одной стороны, какъ выродка изъ всего человѣчества, какимъ изобразилъ его, хотя и въ превосходной по рисунку, колориту и техникѣ, но возмутительной по тенденціи извѣстной всѣмъ картинѣ г-нъ Рѣпнинъ. Тутъ изображенъ не грозный царь, а какой-то взбѣсившійся сумасшедшій старикъ, какъ-бы съ бѣльмами на глазахъ, съ кровяными мазками на плѣши, впившійся въ голову умирающаго юноши,—не для скорбнаго, раздирающаго душу зрителя, отцовскаго поцѣлуя, а для какого-то омерзительнаго, свойственнаго только сумасшедшимъ, дѣйствія.

Отдавая должное прекрасной идеѣ, выраженной авторомъ „О царѣ Иванѣ Грозномъ на берегу Бѣлаго моря", нельзя пройти молчаніемъ, что еслибъ авторъ ограничился только психологическимъ описаніемъ настроенія Грознаго, навѣяннаго на него, вдали отъ окружающихъ царскій тронъ тревогъ, тихою засыпающею послѣ заката солнца природою, полной красоты, тишины и мира, то произведеніе его было безукоризненно. Но къ сожалѣнію, даже къ сердечной досадѣ, авторъ навѣянныя на сердце Грознаго величавыя думы соблазнился разцвѣтить археологическими и историческими прикрасами, и написалъ такія строки: „Иногда Грозный воспоминаетъ, что стоитъ въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ патріарховъ и собирателей земли Русской, и смотритъ, какъ солнца лучъ играетъ на золотыхъ покровахъ мощей угодниковъ и царей. Ему кажется, что онъ тоже лежитъ здѣсь, какъ и эти великіе „собиратели земли", недвижный, холодный, прикрытый длинною схимой, а тамъ въ Кремлѣ правитъ слабоумный Ѳеодоръ, подчиняясь боярамъ и совѣтникамъ, и все великое дѣло государства рушится,—не остается камня на камнѣ"... Тутъ же авторъ переноситъ воспоминанія Грознаго и къ его свѣтлой юности: „И видитъ Грозный себя далеко отъ Москвы, въ кольчугѣ и шлемѣ; несмѣтное войско, бряцая оружіемъ, идетъ за нимъ подъ Казань. Сумбекова башня грозно смотритъ съ своей недоступной высоты. Но не боится юный герой Татарскихъ окоповъ, и падаютъ предъ нимъ неприступныя стѣны Казани!"

Прекрасенъ слогъ, прекрасно чувство, вдохновившее автора, и прекрасна была бы его статья, еслибъ онъ изучилъ основательно археологію и исторію. Тогда онъ зналъ бы, что при Грозномъ патріаршества не было на Руси: оно учреждено, какъ извѣстно всѣмъ, знающимъ исторію, при сынѣ Грознаго царѣ Ѳеодорѣ; а черезъ это при Грозномъ не могло быть патріаршихъ гробницъ не то что въ Архангельскомъ Соборѣ, гдѣ ихъ никогда не бывало, но и въ Соборѣ Успенскомъ, въ которомъ они находятся, за исключеніемъ гробницы великаго государя святѣйшаго Никона, Божіею милостію патріарха Московскаго и всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи. (Такъ титуловался бывшій Нижегородскій крестьянинъ, ставшій впослѣдствіи знаменитымъ іерархомъ Православной Церкви, и завѣщавшій похоронить себя въ созданномъ имъ Воскресенскомъ на Истрѣ монастырѣ,

называемомъ Новый Іерусалимъ). Наравнѣ съ этимъ авторъ узналъ бы, что въ Архангельскомъ Соборѣ не было при Грозномъ мощей угодниковъ, такъ какъ находящіяся нынѣ въ соборѣ мощи сына его св. царевича Димитрія перенесены изъ Углича царемъ Василіемъ Шуйскимъ, а мощи св. Михаила князя Черниговскаго и боярина его Θеодора перенесены, сравнительно въ недавнее время, изъ Черниговскаго въ Москвѣ собора. Зналъ бы авторъ, что на гробницахъ не царей, а великихъ князей Московскихъ „собирателей земли Русской“, скончавшихся до Грознаго, не было и нѣтъ не то что „золотыхъ“, но и золотныхъ парчевыхъ покрововъ: всѣ они бархатные темноватаго цвѣта, за исключеніемъ гробницы самого Грознаго, покрытой чернымъ бархатомъ, въ знакъ того, что предъ кончиною онъ принялъ монашество съ именемъ Іоны. Зналъ бы авторъ, что солнца лучъ не проникаетъ въ то отдѣленіе собора, гдѣ около стѣнъ идутъ ряды великокняжескихъ гробницъ, такъ какъ этому мѣшаетъ узость оконъ Собора, находящихся высоко отъ помоста, и четыре обширныхъ устоя, стоящихъ въ срединѣ храма, для поддержки сводовъ, отъ чего въ отдѣленіи гробницъ господствуетъ полумракъ, о чемъ такъ вѣрно и картинно выразился А. Н. Муравьевъ въ описаніи этого храма, сказавъ: „Войдемъ и погрузимся въ сумракъ Архангельскаго Собора, гдѣ отъ избытка мертвыхъ тѣсно живымъ“. Зналъ бы авторъ и то, что существующую въ Казани башню зовутъ Сююнбекина башня, въ честь царицы Сююнбеки, а не миθологическаго царя Сумбека.

Въ заключеніе, если бы авторъ зналъ исторію основательно, то не погрузилъ бы Грознаго, въ бытность его на берегу Бѣлаго озера, въ тяжелую думу о томъ, что великое государское дѣло рухнетъ подъ управленіемъ слабоумнаго Θеодора: не погрузилъ бы потому, что въ единственную бытность Грознаго въ Кирилловомъ монастырѣ на Бѣломъ озерѣ Θеодора и на свѣтѣ еще не было, такъ какъ путешествіе Грознаго въ этотъ монастырь, извѣстное въ лѣтописяхъ подъ названіемъ „Кирилловскій Ѣздъ“, совершилось въ 1553-мъ году, вслѣдъ за покореніемъ Казани, и Грозному сопутствовала его прекрасная супруга, царица Анастасія, съ своимъ первенцемъ-младенцемъ Димитріемъ, скончавшимся на пути, по предсказанію ученаго Максима Грека, отговаривавшаго Грознаго отъ этого путешествія.

Про статьи же „Празднованіе Рождества въ старину“ и „День Богоявленія Господня“ также въ старину, можно сказать только одно: если фантастическіе по окраскѣ и формамъ бумажные цвѣты, украшающіе Рождественскія елки, не подлежатъ сравненію съ живыми цвѣтами, то и упомянутыя статьи, по фантастичности вымысла, не подлежатъ разбору съ дѣйствительностью, происходившею въ старину въ Рождество Христово и въ день Богоявленія Господня.

Все изложенное указываетъ на недостаточность твердыхъ знаній археологіи и исторіи въ произведеніяхъ новѣйшихъ писателей, и эту недостаточность видѣлъ своими добрыми и яснымъ свѣтомъ науки озаренными глазами нашъ приснопамятный Николай Васильевичъ Калачовъ, и горячо принялся за исполненіе своей задушевной мысли—создать Археологическій Институтъ, и создалъ на свои средства, преодолѣвъ препятствія. И благодаря этому, Институтъ предоставляетъ молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, завершить образованіе изученіемъ археологіи, а черезъ посредство вспомогательныхъ къ ней наукъ и исторіи. И есть упованіе, что чрезъ нарождающіяся по губерніямъ, по инициіативѣ Николая же Васильевича, Ученыя Архивныя Коммиссіи, познанія въ Русской археологіи и исторіи освѣтятъ прошлое нашихъ предковъ. И тогда наши литераторы и художники, обладающіе нерѣдко высокими талантами, воспроизведутъ въ своихъ созданіяхъ вѣрно и точно „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“, и только тогда наша изящная словесность и наши изящныя художества, всѣми горячо любимыя и дорого цѣнимыя, достигнутъ пышнаго разцвѣта въ области дѣйствительной красоты, совершенства и истины.

Аскалонъ Труворовъ.

ДАВНІЯ ВСТРѢЧИ.

(Изъ воспоминаній А. Н. Андреева)

1. Бальзакъ.

Въ старое доброе время, когда не только въ Россіи, но и въ Европѣ не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, Петербургская Биржа весною представляла настоящій весенній праздникъ. Чего, чего только не привозили туда на первыхъ корабляхъ, нагруженныхъ разными примѣрами и рѣдкостями. И устрицы, и гомары, и всякія рыбы, свѣжія овощи, вина, обезьяны, попугаи, канарейки, свинки, раковины: все, что услаждало вкусъ прихоти и доставляло комфортъ для жизни. Лавки Елисѣева, Смурова, Вьюшина и др. были буквально переполнены самыми избранными лицами Петербургскаго общества, и какъ это тогда было въ большой модѣ, то врядъ ли во всемъ Петербургѣ находился хотя одинъ достаточный и принадлежавшій къ образованному обществу человѣкъ, который бы хоть разъ не побывалъ на этомъ оживленномъ базарѣ.

Жилъ тогда въ Петербургѣ одинъ близкій мой родственникъ, нѣкто Ф., сынъ хотя богатыхъ родителей, но проживавшій ровно въ десять разъ больше своихъ средствъ, главнѣе всего оттого, что, по безхарактерности своей, гонялся въ расходахъ и удовольствіяхъ за самыми богатыми изъ Петербургской золотой молодежи, дружился со всѣми мѣстными и пріѣзжими знаменитостями и артистами, словомъ безъ разбора и счета бросалъ деньгами, которыхъ, увы, давно ему не доставало.

Въ то время, о которомъ я хочу говорить, пріѣхалъ въ Петербургъ писатель Бальзакъ, находившійся въ апогеѣ своей Европейской извѣстности и славы. Какъ же было родственнику моему Ф. не познакомиться съ пріѣзжей знаменитостью? И вотъ очень скоро они стали друзьями и почти что даже неразлучными. Бальзакъ любилъ хорошо покушать, Ф. доставлялъ ему удовольствіе это часто, возя по лучшимъ ресторанамъ и конечно угощая всегда на свой счетъ. Какъ же Русскому и не быть гостепріимнымъ? Особенно для такой знаменитости, которая, даже по мнѣнію самого Бальзака, озаряла лучами своей славы всѣхъ, до кого прикасалась.

Въ это время я былъ только-что выпущенъ въ офицеры, и не знаю самъ, какъ сдѣлался постояннымъ членомъ въ кружкѣ моего родственника, участвуя въ его пиршествахъ и бесѣдахъ, но конечно только не карманомъ что̀ было несовмѣстно ни съ моими годами, ни съ состояніемъ.

Вотъ однажды весною приглашаетъ Ф. меня на Биржу посмотрѣть и попробовать новаго привоза нѣкоторыхъ очень вкусныхъ и интересныхъ снѣдей. Часомъ пріѣзда было назначено 12 часовъ. Пріѣзжаю я и застаю моего родственника съ цѣлой, повидимому уже приглашенной имъ компаніей. Здѣсь были нѣкоторые литераторы, художники и актеры. Я тогда только-что поставилъ на Александринской сценѣ нѣсколько водевилей, и слѣдовательно въ этомъ кружкѣ уже что-нибудь да значилъ. Послѣ долгаго ожиданія и предварительной выпивки (В. В. уже успѣлъ, по обыкновенію, на счетъ нашего амфитріона, отправить себѣ на квартиру корзину съ винами и закусками), около часу дня явился Бальзакъ, извиняясь, что былъ задержанъ какимъ-то вельможей или посланникомъ.

Не стану описывать, что̀ происходило потомъ: устрицы смѣнялись гомарами, креветы Страсбургскимя пирогами, Вестфальская ветчина всякаго рода консервами, сырами и пр. Все это заливалось шампанскимъ и самыми утонченными винами и ликерами; словомъ, было разливанное море, въ конецъ всѣхъ отуманившее. Послѣ вина появились застольныя рѣчи (нужно замѣтить, что завтракъ сервировался въ отдѣльномъ кабинетѣ); онѣ полились неудержимымъ потокомъ, всѣ говорили по одиночкѣ и вмѣстѣ. Даже кажется, и я, при всей неопытности, сказалъ какое-то общее мѣсто. Всѣ ждали рѣчи Бальзака.

Наконецъ, поднимается этотъ приземистый, тучный и по тому времени уже далеко немолодой человѣкъ. Мы всѣ насторожили уши и ждали, какъ манны, какого-либо блестящаго слова, привѣтствія, благодарности или тому подобнаго; но услышали ниже слѣдующее рѣзко запечатлѣвшееся въ моей памяти до настоящей минуты.

„Что̀ мы дѣлаемъ, господа? Мы прожигаемъ жизнь и сжигаемъ наше достояніе. Развѣ для удовлетворенія желудка нужна вся эта роскошь и пресыщеніе? Она ему скорѣе вредна, чѣмъ здорова. А чѣмъ мы платимъ за эти излишества? Мы проѣдаемъ не деньги, а нашу свободу. Да господа! Мы платимъ свободою за эту пищу и эти напитки; мы поступаемъ къ нимъ въ рабство. Кто сохранилъ свои деньги, тотъ пользуется свободой поступковъ въ жизни; кто ихъ растратилъ, тотъ уже не человѣкъ своего произвола. Тотъ нищій и рано или поздно будетъ презрѣннымъ. Помните, господа, это и сохраните до смерти вашу свободу“.

Въ отношеніи моего родственника предсказаніе Бальзака сбылось очень скоро. Разоренный въ конецъ, онъ долженъ былъ ежедневно бѣгать отъ заимодавцевъ, пока, наконецъ, не кончилъ жалкую жизнь въ какой-то мансардѣ, оставленный не только друзьями, но даже и родными, которымъ давно уже сдѣлался въ тягость постоянными займами и плачемъ о своей участи.

II. Джунковскій.

Это было давно, въ первое мое путешествіе за границу (1852 г.) Тогда не только въ Россіи, но и въ большей части Европы не было вовсе желѣзныхъ дорогъ, и путешествіе совершалось или на перекладной бричкѣ или въ дилижансахъ. Во всей Италіи было тогда только три небольшихъ участка желѣзныхъ дорогъ: 1) отъ Милана до Мантуи, 2) отъ Флоренціи до Пизы и 3) отъ Капуи до Неаполя, протяженіемъ въ общей сложности не болѣе 250 верстъ.

Дилижансовая ѣзда имѣетъ свои пріятности, но и свои неудобства. Ѣдучи въ дилижансѣ, можешь лучше ознакомиться со страной. Остановки для перемѣны лошадей, нерѣдко еще для обѣдовъ и завтраковъ и часто на довольно продолжительное время, даютъ возможность отдохнуть отъ усталости, и, наконецъ, интересное и близкое сосѣдство по каретѣ много развлекаетъ любознательнаго путешественника.

Объ одномъ изъ такихъ сосѣдей по дилижансу (Стадерини), между Флоренціей и Болоньей, я хочу сказать нѣсколько словъ.

Пріѣхалъ я въ почтамтъ во Флоренціи ранымъ-рано: дилижансъ отходилъ въ 6 часовъ утра во избѣжаніе ночной ѣзды по крутымъ отрогамъ Апенинскихъ горъ. Всѣ пассажиры въ сборѣ (два мѣста внутри кареты и два на имперіалѣ). Сосѣдомъ моимъ по каретѣ оказался аббатъ, высокій, очень плотный собою, съ гладко выбритой бородой и усами. Его провожало нѣсколько лицъ изъ духовнаго званія; при немъ было необыкновенное множество всякой поклажи, и, признаться сказать, чувствуя органическое отвращеніе къ католическимъ монахамъ, я не очень-то обрадовался перспективѣ просидѣть болѣе сутокъ глазъ съ глазу съ человѣкомъ, котораго заранѣе уже ненавидѣлъ, имѣя случай сталкиваться съ іезуитами во Франціи, Италіи и Испаніи.

Когда всѣ пассажиры усѣлись, и карета тронулась, то, не дожидаясь даже выѣзда за заставу, аббатъ, у котораго все-таки лицо было довольно симпатичное и добродушное, началъ развязывать безконечные свои короба и укладки и, нимало не безпокоясь, стѣсняетъ ли это меня, выкладывалъ оттуда всевозможные ликеры, паштеты, сыры и т. д. Отхлебнувъ добрую порцію абсента, онъ передалъ фляжку мнѣ и просилъ не церемониться, потому что до Болоньи у него запасу хватитъ съ избыткомъ, а тамъ всегда можно его возобновить. Мнѣ захотѣлось хоть этимъ наказать аббата за его безцеремонность; я отхлебнулъ изрядную дозу абсента, который вообще пьется съ водою; на этотъ разъ онъ оказался превосходнаго качества. Только-что заговорилъ я, отдавая ему назадъ фляжку, какъ онъ перебилъ меня словами на чисто-Русскомъ языкѣ: „Вы Русскій?“ Русскій! Но съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить? Аббатъ полѣзъ въ карманъ и подалъ мнѣ визитную карточку, которую я и до сихъ поръ сохраняю. На ней значится „Djounkofsky, préfet apostolique des régions

arctiques". Видите ли, весело сказалъ онъ, я состою соперникомъ съ вашимъ императоромъ Николаемъ въ отношеніи обладанія сѣверными странами. Я главный миссіонеръ, и мнѣ подчинены всѣ младшіе миссіонеры, какіе бы они тамъ ни были, на протяженіи безъ малой четверти всего земнаго шара. Очень радъ съ вами познакомиться. Я думалъ уже проскучать дорогою; но благодарю Бога, что Онъ мнѣ послалъ милаго и пріятнаго спутника.

— Почему же вы знаете, что я милый, да еще пріятный? Не обладаете ли вы даромъ ясновидѣнія?

— А абсентъ! Нѣтъ, батюшка, кто умѣетъ пить эту амврозію въ такомъ количествѣ, не поморщившись, отъ того уже я не отстану и для перваго раза беру съ васъ слово докончить вмѣстѣ весь взятый мною запасъ до ограды Болоніи.—Меня этимъ не испугаете, отвѣчалъ я и тотчасъ же потребовалъ повторенія.

Нужно ли говорить, что всю дорогу я не видалъ, какъ провелъ время. Мы весело болтали безъ умолку, и не безъ основанія я дивился уму и находчивости этого, тогда еще въ первый разъ ренегата, впослѣдствіи же двойнаго и кончившаго жизнь, увы, при обстановкѣ, достойной много лучшей участи.

III. Д. Т. Ленскій.

Врядъ ли найдется теперь, да немного было и въ старое время, такихъ талантливыхъ, умныхъ людей, какъ актеръ, переводчикъ многихъ театральныхъ пьесъ и стиховъ, незабвенный Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій, настоящая фамилія котораго была Воробьевъ, а происхожденіе—семья купеческая.

Водевили его, большею частію переводные, бывали лучше своихъ оригиналовъ; таковы напр. „Левъ Гурычъ Синичкинъ", „Барская спѣсь и Анютины глазки" и проч. Стихотворенія Беранже онъ передавалъ нисколько не хуже оригинала. Находчивость его была истинно поразительна. Особенно хорошъ былъ онъ въ безчисленныхъ экспромтахъ и импровизаціяхъ, которыя заучивались и повторялись цѣлой Москвой. Никто не хотѣлъ вѣрить, что эти импровизаціи выливались у него готовыми, мгновенно и цѣликомъ, какъ вышла Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера.

По моей близости къ нему, я бывалъ свидѣтелемъ его даровитости.

Юбилей извѣстнаго М. С. Щепкина праздновался въ залахъ Училища Живописи и Ваянія, что̀ на Мясницкой, и народу собралось множество, потому что всякій хотѣлъ почтить чѣмъ-нибудь своего любимца *). Когда

---

*) Помнится мнѣ, какъ другой остословъ профессоръ Александръ Осиповичъ Армфельдъ, пріѣхавъ прямо съ этого юбилея къ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ, на вопросъ, много ли было, отвѣчалъ: такъ много, такъ много, что я хотѣлъ смѣяться по обыкновенному, но отъ тѣсноты долженъ былъ держать губы горизонтально. Разумѣется онъ тутъ же представилъ это губами. П. Б.

Ленскаго позвали на юбилей, онъ сказалъ, что не хотѣлъ бы этого дѣлать, потому что заранѣе знаетъ, что тамъ произойдетъ:

„Заиграетъ оркестръ Сакса,
И заскрипятся Аи,
И заплачетъ старый плакса,
А съ нимъ денежки мои".

Однакожъ, сдавшись на убѣжденія мои и общаго нашего пріятеля профессора Рамазанова, Ленскій поѣхалъ, и мы усѣлись въ концѣ длиннаго стола, составивъ съ нѣкоторыми еще знакомыми отдѣльную кучку.

Обѣдъ сначала былъ нѣсколько скученъ; но когда полилось шампанское и начались тосты, то видимо оживился. Рѣчи говорили профессора Университета, художники, литераторы и, наконецъ, расплакавшись не на шутку, поднялся съ креселъ и самъ юбиляръ. Онъ горячо благодарилъ всѣхъ за данный ему праздникъ, говорилъ, что этого не ожидалъ, да и не заслуживалъ, что талантомъ и развитіемъ своимъ обязанъ принявшимъ въ немъ участіе литераторамъ, драматургамъ и нѣкоторымъ своимъ товарищамъ. Тутъ онъ назвалъ имена князя Шаховскаго, Загоскина, С. Т. Аксакова, Лажечникова, изъ товарищей упомянулъ Сосницкаго, Живокини, г. Рѣпину, Львову, Синецкую, но о главномъ бывшемъ корифеѣ всей труппы, покойномъ Мочаловѣ, котораго онъ былъ всегда завистникомъ и соперникомъ, не сказалъ ни слова.

Никто въ то время не замѣтилъ этой выходки Михаила Семеновича; замѣтилъ ее только Ленскій, и когда потомъ стали приставать къ нему, чтобы и онъ сказалъ свое слово, онъ отвѣчалъ, что ничего изъ рѣчей не слыхалъ потому, что задремалъ отъ вина и даже успѣлъ видѣть сонъ.

— Ну разскажите вашъ сонъ, начали къ нему приставать снова. Ленскій тогда всталъ и, вытянувшись во весь ростъ, произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Въ изсохшемъ лавровомъ вѣнцѣ,
Съ глубокой тоской на лицѣ,
Сейчасъ мнѣ Мочаловъ приснился.
Покойникъ вздохнулъ, прослезился
И грустно сказалъ мнѣ потомъ:
„Напрасно лавровымъ вѣнкомъ
Вѣнчалъ меня Щепкинъ во гробѣ.
Давно ужъ въ земной я утробѣ
Покоюсь по волѣ Христа.
А нѣтъ надо мною креста!
Подъ снѣгомъ заглохла могила,
И трудно дойти до нея.
Москва обо мнѣ позабыла,
А я былъ любимецъ ея!"
И такъ, благородные гости,
Внемлите вы просьбѣ моей:
Утѣшимъ Мочалова кости,

Поставимъ ему мазволей.
Пусть каждый, кому что угодно,
Подпишетъ по силѣ своей,
И кончимъ тогда превосходно
Мы Щепкинскій здѣсь юбилей.

Оглушительныя рукоплесканія и ура! послѣдовали за этой импровизаціей. На столѣ появился подписной листъ, а въ рукахъ моего пріятеля Кублицкаго его шляпа, въ которую тутъ же накидали много бумажекъ, и самъ юбиляръ, вторично расплакавшись, подписалъ 50 рублей. Подписка возросла въ тотъ вечеръ до 650 рублей, на которые Мочалову и воздвигнутъ въ настоящее время мраморный памятникъ на Алексѣевскомъ кладбищѣ.

IV. Актеръ Максимовъ.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній Александрійскаго театра, въ лучшую эпоху его процвѣтанія, былъ безспорно Алексѣй Михайловичъ Максимовъ, единственный Чацкій въ „Горе отъ Ума", да пожалуй и лучшій Гамлетъ, когда-либо появлявшійся на Русскихъ сценахъ. Умный, изящный, вдумчивый, актеръ Максимовъ не пренебрегалъ никакими ролями и игралъ чуть не ежедневно, переходя отъ самаго ничтожнаго водевиля до первыхъ драматическихъ ролей. Эта усиленная работа и постоянное напряженіе нервовъ стоили ему здоровья, и онъ умеръ въ молодыхъ годахъ отъ скоротечной чахотки.

Одно, въ чемъ можно было бы его упрекнуть, это въ небрежномъ отношеніи къ самому себѣ, какъ къ человѣку. Онъ не соображалъ выносливости своихъ физическихъ силъ, предавался разнаго рода излишествамъ и часто увлекался самымъ необузданнымъ образомъ.

Однажды, опоздавъ нѣсколько на репитицію и тѣмъ заставивъ себя ждать, Максимовъ извинился передъ обществомъ своихъ товарищей тѣмъ, что будто, зайдя въ какую-то кондитерскую, онъ выпилъ одинъ 25 рюмокъ абсенту и нѣсколько охмѣлѣлъ.

— Ну, ты 25 рюмокъ абсента не выпьешь, возразилъ ему актеръ П. И. Григорьевъ, отличавшійся правдивостію и пуризмомъ. Ты бы тогда и на ногахъ не стоялъ.

— Вотъ, перебилъ его быстро Максимовъ, еслибъ меня почаще такъ останавливали, я можетъ быть меньше и лгалъ. А то всѣ смѣются, какъ будто со мной соглашаются. Это поощряетъ меня, и по неволѣ я увлекаюсь.

Максимовъ былъ женатъ на танцовщицѣ Аполонской. На сколько мужъ былъ уменъ, щедръ и великодушенъ, на столько супруга была ограничена, глупа и при этомъ скупа даже до жадности. Бывало, Максимовъ позоветъ гостей изъ своихъ товарищей и театраловъ - пріятелей; а жена, узнавъ про эту затѣю, приказываетъ тушить свѣчи, не отпирать параднаго входа и даже сама, высунувшись за окно, кричитъ пріѣзжающимъ

приглашеннымъ, что мужа ея нѣтъ дома, что она сама нездорова и принять никого не можетъ. Это ей часто сходило съ рукъ; но иногда прорывались и случаи, гдѣ она должна была по неволѣ быть хозяйкою, приготовлять и предлагать угощеніе.

Разъ, въ одно прекрасное лѣто, когда Максимовъ съ женою жилъ на дачѣ на Каменномъ острову, онъ объявляетъ женѣ, что завтра день его рожденія и что онъ пригласилъ близкихъ знакомыхъ, которые будутъ навѣрное, и чтобы она, во что бы ни стало, приготовила приличное угощеніе, на какой предметъ и передалъ ей деньги. Завтрашній день настаетъ, и къ 2-мъ часамъ начали подъѣзжать экипажи съ близкими Максимову лицами, въ числѣ которыхъ было два-три актера, я и одинъ изъ тогдашнихъ представителей Петербургской золотой молодежи, нѣкій г. Карташевскій, женатый впослѣдствіи на сестрѣ знаменитой артистки Асенковой.

Когда всѣ усѣлись вокругъ стола, послѣ необходимой выпивки и соленой закуски, подана была кулебяка; она уже однимъ своимъ видомъ раздражала до крайности апетитъ, и всѣ начали брать по куску. Кулебяка была прекрасная, и каждый гость получилъ по изрядной порціи. Но едва только послѣдній изъ гостей положилъ на тарелку кусокъ, а первые принялись за ѣду, какъ въ комнатѣ раздался страшный крикъ, и мы увидѣли, что Карташевскій, запустивъ себѣ пальцы въ ротъ, силится что-то извлечь изъ него. Онъ вынулъ большую иголку, которую чуть было не проглотилъ съ кускомъ пирога.

Можно себѣ представить испугъ всѣхъ присутствующихъ, въ особенности Карташевскаго и хозяина. Только одна хозяйка осталась какъ бы покойною. Она поспѣшила успокоить компанію и сказала своимъ пѣвучимъ и сладенькимъ голосомъ: Напрасно вы, господа, безпокоитесь. Я это нарочно такъ сдѣлала. Я велѣла положить иголку въ начинку, чтобы узнать, кому она на счастье достанется.

Хроника того времени утверждаетъ, что число гостей у актера Максимова съ того времени значительно поубавилось.

V. Актеръ Мартыновъ.

Знаменитый комикъ Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ обязанъ былъ исключительно самъ себѣ развитіемъ своего таланта и воспитаніемъ. Исключенный изъ С.-Петербургской театральной школы за неспособность, онъ переведенъ былъ въ балетъ и только случайно, игран на какомъ - то школьномъ спектаклѣ, былъ замѣченъ начальствомъ и переведенъ на Александринскую сцену.

Нужно было видѣть хоть разъ Мартынова, человѣка довольно застѣнчиваго и серьезнаго, но на сценѣ удивительно увлекающагося, чтобы никогда не забыть впечатлѣнія его игры. Комизмъ его былъ не изъ тѣхъ веселыхъ Итальянскихъ комизмовъ, представителемъ которыхъ былъ въ тоже время Живокини въ Москвѣ; но комизмъ натуральный, невольный,

при которомъ онъ самъ оставался серьезнымъ, а всѣ слушатели не могли удерживаться отъ смѣха.

Во всей фигурѣ и натурѣ Мартынова было что-то удивительно добродушное и сердечное. Онъ не старался производить впечатлѣніе, не подчеркивалъ никакихъ словъ; но геніальный талантъ билъ изъ него ключемъ при каждомъ движеніи, жестѣ, взглядѣ, словомъ какъ бы помимо его желанія, и тогда-то онъ былъ истинно великъ на своемъ мѣстѣ, недосягаемъ и геніаленъ. Всѣ иностранцы и даже артисты превосходной тогда труппы Михайловскаго театра не пропускали почти ни одного представленія, въ которомъ игралъ Мартыновъ и, не зная по-русски, восхищались его игрою не менѣе Русскихъ.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ удивительнаго его природнаго генія. Случилось это при мнѣ.

На Александринской сценѣ режиссеромъ былъ тогда Н. И. Куликовъ, человѣкъ умный, но желчный и злющій, умѣвшій однако держать въ рукахъ тогдашнюю славную труппу, составъ которой уже болѣе вѣроятно не повторится: семейства Каратыгиныхъ, Самойловыхъ, Дюровыхъ, Сосницкихъ Асенковыхъ, Мартыновыхъ родятся вѣками. И вотъ этому Куликову за 15-ти-лѣтнюю его службу назначенъ былъ бенефисъ. Давали драму („Театральный Музыкантъ и Княгиня“, Ефимовича), комедію графа Соллогуба и два водевиля: одинъ моего перевода „Женатые Повѣсы“, а другой нѣкоего Акселя „Черный День на Черной Рѣчкѣ“.

Роли Мартынова ни въ одной изъ этихъ пьесъ не было. Но какъ же дать бенефисъ, да еще режиссеру, безъ артиста талантливѣйшаго изъ труппы? Вотъ выбираетъ онъ въ водевилѣ маленькую роль, всего въ полстраницы, и посылаетъ къ Мартынову. Посмотрѣвъ на листокъ, Мартыновъ отказался отъ роли и велѣлъ передать, что въ выходной роли, хотя бы и для режиссера, играть онъ не станетъ. Упрямый Куликовъ возвратилъ ему роль, приказавъ передать, что по контракту онъ обязанъ играть всѣ подходящія ему роли подъ страхомъ оштрафованія и даже уничтоженія контракта. Мартыновъ оставилъ у себя роль, но ни на одну изъ репетицій не пріѣзжалъ.

Между тѣмъ представленіе назначалось уже на завтра, и по театру стало извѣстно, что на бенефисѣ Куликова будетъ самъ Государь Николай Павловичъ, который особенно любилъ и интересовался игрою Мартынова. Шутить было нечего. Мартыновъ игралъ только еще наканунѣ; слѣдовательно болѣзнью отговориться было неловко, и вотъ отчасти вслѣдствіе этого соображенія, отчасти по настоянію всѣхъ товарищей, онъ пріѣхалъ въ театръ предъ самымъ спектаклемъ, не читавъ почти своей роли, а что главнѣе всего, не бывши на репетиціяхъ, не зная ни репликъ, ни даже сюжета пьесы.

Роль его состояла въ томъ, что, будучи начальникомъ какого-то отдѣленія, онъ склоняетъ своего подчиненнаго, молодаго человѣка, къ женитьбѣ на его дочери, которая въ него влюблена. Положеніе очевидно натяну-

тое, неестественное, и роль должна быть названа не иначе какъ неблагодарною.

Что̀ же дѣлаетъ Мартыновъ? Онъ надѣваетъ халатъ, подвязываетъ на шею Анну и съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ призываетъ къ себѣ чиновника. Не зная своей даже и маленькой роли, онъ по неволѣ долженъ былъ не только всякую минуту обращаться къ суфлеру, но даже смотрѣть на него. При каждомъ словѣ онъ пыхтѣлъ трубкой, говоря какъ бы для самого себя, и слова его разговора были приблизительно слѣдующія:

„Я вамъ долженъ сказать... Пѳ.! пѳ!.. что я вамъ могу насолить... Пѳ! Пѳ!... самымъ... образомъ... Пѳ.! Пѳ.!“ и все въ такомъ родѣ.

И что же? Вышелъ такой превосходный типъ департаменскаго чиновника, что Императоръ, оставаясь всегда до конца спектакля, призвалъ Мартынова въ свою ложу, любезно благодарилъ его за игру; а пьеса, при всей своей безсодержательности, имѣла громадный успѣхъ и никогда не снималась съ репертуара до самой кончины великаго комика.

VI. Императоръ Николай Павловичъ.

Въ 1846 году, по просьбѣ покойной артистки Елены Ивановны Дюръ, будучи еще только-что выпущеннымъ офицерикомъ инженерныхъ классовъ Института Путей Сообщенія, я перевелъ для ея бенефиса имѣвшую тогда большой успѣхъ на Михайловской сценѣ двухъ-актную комедію „Le mari qui se dérange“, которая и шла въ первый разъ на Александринской сценѣ (17 Октября 1846 г.) подъ названіемъ „Маскерадъ въ оперномъ театрѣ или Проказы Женатаго“.

Все тогда интересовало конечно 18-ти лѣтняго мальчика, только-что надѣвшаго серебряныя эполеты, и не удивительно, что я не пропускалъ ни одной репетиціи „моей піесы“; а въ минуту спектакля былъ ни живъ ни мертвъ, какъ будто это было въ самомъ дѣлѣ мое сочиненіе, а не переводъ, за который я не могъ отвѣчать ни по формѣ, ни по содержанію. Задолго до поднятія занавѣса стоялъ уже я за кулисами, любезно ободряемый актерами и актрисами, съ которыми успѣлъ познакомиться, а съ нѣкоторыми даже сойтись. Ихъ забавлялъ молодой офицерикъ тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ театральныхъ писателей того времени въ военной формѣ былъ только артилерійскій офицеръ Ефимовичъ (авторъ піесъ: „Владимиръ Заревскій, Дугласъ Черной“ и пр.) и я. Я былъ застѣнчивъ, однако на языкъ боекъ, и всякій артистъ, даже такой премьеръ какъ В. А. Каратыгинъ, находилъ случай, чтобы сказать мнѣ доброе слово и поощрить на писанія; потому что по тогдашнимъ порядкамъ еженедѣльные бенефисы требовали громаднаго числа новыхъ піесъ, въ особенности водевилей, которые въ то время весьма были любимы публикой, а потому и преимущественно давались.

Едва только стали поднимать занавѣсъ, какъ совершенно неожиданно въ боковую царскую ложу взошелъ императоръ Николай Павловичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и двумя какими-то генералами.

Императоръ Николай I-й былъ тонкій любитель и цѣнитель искусства. Онъ не пропускалъ почти ни одного бенефиса; самъ распрашивалъ и поощрялъ всѣхъ артистовъ въ исполненіи ролей. Особенно благоволилъ онъ къ семейству Самойловыхъ и болѣе всего къ младшей представительницѣ этого дома, артисткѣ Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой. А потому, хотя къ посѣщенію театра Государемъ уже привыкли, но нельзя не сознаться, что всякій пріѣздъ его производилъ нѣкоторый переполохъ и сенсацію.

Весь спектакль состоялъ изъ трехъ водевилей и двухъ-актной (моей) комедіи, которая шла первою. Она имѣла успѣхъ и давалась впослѣдствіи многократно; да и не мудрено, потому что въ ней участвовали всѣ лучшія силы труппы: Самойлова, Сосницкій, Мартыновъ, Максимовъ и проч.

По окончаніи втораго акта, Государь по обыкновенію пошелъ на сцену. Сорокъ два года прошло послѣ этого, и я до сихъ поръ не могу понять и объяснить для себя, почему и какъ я остался на сценѣ и не спрятался отъ магнетическихъ взоровъ Государя, котораго конечно я, какъ и всѣ, страшился и трепеталъ.

Орлиный взоръ Николая сразу замѣтилъ субъекта и, указывая на меня, онъ сказалъ сопровождавшимъ его директору театра (А. М. Гедеонову) и режиссеру (Н. И. Куликову):

— „Форма очень сходна съ дѣйствительной; нужно перемѣнить... Она совсѣмъ настоящая".

— Да она и есть настоящая, осмѣлился доложить Государю директоръ. Это офицеръ Андреевъ, переводчикъ только-что видѣнной Вашимъ Величествомъ піесы.

„Благодарю", сказалъ Государь и подошелъ къ переодѣвшейся уже В. В. Самойловой.

Не знаю, какъ я выкатился изъ театра; а на другой день, по обычаю того времени, долженъ былъ передать по начальству отъ инспектора классовъ (Коковцева), директора (Энгельгарда) до министра включительно (графа П. А. Клейнмихеля) всю процедуру моего свиданія съ Государемъ.

VII. Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.

Былъ у меня одинъ пріятель, извѣстный въ Москвѣ литераторъ, Н. М. Пановскій (онъ и умеръ у меня въ домѣ, и я его хоронилъ), человѣкъ необыкновенно образованный, а главное остроумный. Онъ самъ про эту способность говорилъ, что „очень пріятно быть остроумнымъ, потому что всегда найдешь случай сказать какую-нибудь глупость".

Зная его недостаточное состояніе, у него спрашивали: чѣмъ онъ живетъ? Онъ отвѣчалъ откровенно, что получаетъ ровно полторы тысячи чистаго годоваго дохода.

— Откуда это?

— Рублей пятьсотъ заработаю литературою, а тысячу займу.

— Ну это не всегда безопасно. Пожалуй кто-нибудь да потребуетъ своихъ денегъ. Да и какъ вы можете послѣ этого спать спокойно?

— А мнѣ-то что? Пускай тѣ безпокоятся и не спятъ.

– Ну однако этимъ шутить нечего. На васъ могутъ въ одинъ прекрасный день подать ко взысканію и описать ваше имущество.

— Очень былъ бы этому радъ; можетъ быть, при описи что-нибудь и нашли бы; я же давно не знаю никакой своей собственности.

Поди же, сговорись съ такимъ человѣкомъ! Тѣмъ не менѣе Пановскаго всѣ любили за его умъ, острословіе, веселый характеръ, а главнѣе всего за умѣнье хорошо кушать и быть въ этомъ случаѣ незамѣнимымъ застольнымъ товарищемъ.

Онъ говорилъ часто экспромпты, писалъ очень недурные стихи и участвовалъ во многихъ Петербургскихъ и Московскихъ журналахъ. Всѣ его остроты, статьи и экспромпты принимались вездѣ съ величайшей охотой.

Вотъ надпись къ портрету одного умершаго уже сановника, имѣвшаго очень гордую мину:

«Я много лѣтъ на службѣ царской,
Но въ славныхъ подвигахъ невиненъ.
Пусть будетъ, хочетъ кто, Пожарскій:
Я—Мининъ".

Изъ одного богатаго риѳмами его стихотворенія помню слѣдующее:

Придя Марина Мнишекъ съ пиру,
Сказала мужу эту рѣчь:
Ты подражать не мни Шекспиру
И нашу Русь ты не туречь.

Николай Филипповичъ Павловъ, извѣстный беллетристъ и литераторъ, родившійся чуть ли не крѣпостнымъ, попавшій случайно въ театральную школу, гдѣ танцовалъ въ балетахъ, но силою только своего творческаго таланта сдѣлался извѣстнымъ писателемъ, авторомъ „Трехъ Повѣстей", разошедшихся на всю Россію и какъ бы предвѣстникомъ цѣлой плеяды романовъ и повѣстей. Князь П. А. Вяземскій, Гоголь, Писемскій, Гончаровъ, и др. уважали Н. Ф. Павлова. Въ 1860 г. онъ основалъ газету „Наше Время", въ которой пригласилъ и меня быть сотрудникомъ. Я съ нимъ очень часто видѣлся: то я пріѣзжалъ къ нему по утрамъ въ редакціонное время, то вечеркомъ онъ заѣзжалъ ко мнѣ и засиживался до глубокой ночи. Въ это время я жилъ довольно открыто; ко мнѣ соби-

рались Московскіе литераторы и художники, и всякій пріѣзжій изъ Петербурга, чѣмъ-нибудь замѣчательный талантъ, находилъ необходимымъ побывать у меня.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, за ужиномъ, Н. М. Пановскій счелъ обязанностію овладѣть общимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ безъ роздышки и умолку, и нужно правду сказать, не всегда послѣдовательно и исторически вѣрно, причемъ доставалось иногда и присутствующимъ. Разговоръ этотъ надоѣлъ Н. Ф. Павлову, и онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ черезъ весь столъ:

— Вы извините, любезный хозяинъ, что Николай Михайловичъ Пановскій такъ сегодня увлекся. Ему уже измѣняетъ и память. Онъ такъ старъ, что, не правда ли, ему все прощается?

— Ну еще старъ, да не очень, возразилъ Пановскій (который при своихъ достоинствахъ имѣлъ страшный порокъ молодиться).

— А вотъ какъ старъ, продолжаетъ Павловъ, какъ бы не обращая вниманія на предыдущую реплику. Вы конечно, господа, знаете извѣстное историческое событіе, которое произвело въ свое время сенсацію. Это убійство Каиномъ Авеля. Ну конечно урядникъ, протоколъ и т. д. При подписаніи этого протокола Н. М. Пановскій былъ понятымъ....

— А вы до сихъ поръ остаетесь непонятымъ, Николай Филипповичъ, отвѣчалъ Пановскій и выпилъ стаканъ вина, какъ ни въ чемъ не бывало.

VIII. Ренанъ.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Италію, я, по обычаю, посѣтилъ въ Римѣ базилику Св. Климента, самую древнюю тамошнюю церковь, полувросшую въ землю, съ подземными корридорами и катакомбами, куда впускаютъ не иначе какъ въ сопровожденіи монаха и при свѣтѣ факеловъ. Взойдя въ древнюю и обширную церковь, я нашелъ ее совершенно пустою; только на одной изъ скамеекъ сидѣлъ какой-то небольшаго роста старикъ съ длинными волосами и носомъ. Одежда его была на половину свѣтская, на половину какъ бы духовная. На плечахъ длинный темнаго цвѣта плащъ. Видя мое недоумѣніе относительно провожатаго, незнакомецъ сказалъ мнѣ, что теперь всѣ монахи обѣдаютъ и что такъ какъ онъ уже порядочно давно дожидается, то слѣдовательно трапеза ихъ кончится вѣроятно скоро.

Но не такъ легко я поддался этому утѣшенію. Въ путешествіи всякая минута болѣе или менѣе дорога. Я пошелъ къ замкнутой двери и силь-

но позвонилъ очереднаго монаха, зная, что у меня въ карманѣ были деньги, то есть такіе ключи, которые отворяютъ, особливо въ Италіи, рѣшительно всѣ двери и замки.

И дѣйствительно, немедленно показался монахъ и съ пренизкимъ поклономъ, зажигая свой факелъ, пригласилъ меня за нимъ слѣдовать.

Сидѣвшій на лавкѣ старичекъ попросилъ у меня позволенія идти со мною, на что конечно я согласился охотно, и мы вмѣстѣ очень подробно осмотрѣли подземную старинную церковь, построенную еще въ IV вѣкѣ, на развалинахъ языческаго храма Митры, этого кровожаднаго бога, которому еще въ III вѣкѣ по Р. Х. приносились здѣсь человѣческія жертвы. Въ этотъ же храмъ въ IX столѣтіи перенесли съ нашего далекаго Востока мощи Св. Климента, папы Римскаго, наши Славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій. На стѣнахъ средней подземной базилики находятся фрески съ изображеніемъ этого перенесенія мощей и лики переносившихъ святыхъ.

Распростившись по выходѣ изъ базилики съ старичкомъ, я началъ уже одинъ продолжать намѣченную мною на тотъ день экскурсію.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней посѣтилъ я вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ профессоромъ Риццони (Русскимъ художникомъ, проживающимъ теперь въ Римѣ) Ватиканскій Музей, драгоцѣннѣйшее собраніе античныхъ бюстовъ и статуй. Въ одномъ изъ громадныхъ и великолѣпныхъ залъ этого музея я замѣтилъ опять моего знакомаго старичка, который, тоже меня замѣтивъ, поспѣшилъ подойти ко мнѣ и освѣдомиться о моемъ здоровьи и объ экскурсіяхъ, которыя я дѣлалъ въ промежутокъ времени между нашими свиданіями. Когда старичекъ отошелъ, Риццони съ удивленіемъ спросилъ у меня, какъ и гдѣ я познакомился съ Ренаномъ, съ которымъ при этомъ обошелся не очень-то ласково.

— Съ какимъ Ренаномъ? Я Ренана не знаю, отвѣчалъ я.

— Да вотъ этотъ самый господинъ, который сейчасъ отошелъ отъ васъ, и есть знаменитый философъ, мыслитель, бичъ католичества и пр., академикъ и профессоръ.

Нечего и говорить, что я сейчасъ же поспѣшилъ загладить свою ошибку и, легко догнавъ обходящаго залъ Ренана, вручилъ ему свою карточку и сказалъ, что я изъ Россіи, что читалъ его удивительныя произведенія и весьма счастливъ, что судьба дала мнѣ случай лично познакомиться съ знаменитымъ ученымъ.

Ренанъ очень былъ доволенъ моими словами, хотя дѣлалъ видъ, что этого не заслуживаетъ, и приглашалъ меня и моего спутника продолжать экскурсію вмѣстѣ по заламъ. Тутъ мнѣ оставалось только удивляться громадной начитанности и художественной эрудиціи человѣка, который повидимому къ этому не готовился. Переходя отъ статуи къ статуѣ, онъ цитировалъ наизустъ цѣлыя строфы изъ Винкельмана, Нибба, Бунзена, Платнера, Грегоровіуса или Гельбиха; ни одно изъ замѣчаній этихъ ученыхъ не ускользало отъ его пытливаго ума.

Но не этимъ поразилъ меня тогда Ренанъ. Чужія замѣчанія и мысли не особенно шли къ его пылкой натурѣ, какъ бы скованной на этотъ разъ постороннимъ авторитетомъ. Ренанъ великъ и хорошъ былъ тогда, когда онъ высказывалъ личный свой взглядъ на то или другое произведеніе античнаго міра. Тогда онъ весь какъ будто преображался, даже ростомъ, казалось, становился выше; глаза его начали блистать и метать молніи, жесты принимали величественность: то былъ истинный учитель, которому оставалось только вѣрить и передъ нимъ преклоняться.

Особенно поразила меня теорія объ Олимпійскомъ величіи и спокойствіи, изображенныхъ въ статуяхъ античныхъ боговъ. Зевесъ мечетъ молніи, жена его ревнуетъ его, и не безъ основанія. Діана преслѣдуетъ лань на охотѣ. Аполлонъ только что выпустилъ стрѣлу въ дѣтей Необеи; сама Необея изнываетъ отъ муки, видя поверженное въ прахъ все нѣжно любимое ею семейство. Но они всѣ спокойны, потому что дѣлаютъ свое дѣло, и никакое человѣческое чувство страсти или горячности не можетъ омрачить небожителей.

Сколько замѣчено было мною въ этой прогулкѣ съ Ренаномъ вещей первой важности, которыя невольно ускользали отъ моихъ глазъ во время предыдущихъ моихъ осмотровъ.

То знаменитая статуя въ родѣ Аполлона Бельведерскаго развѣнчивавалась и съ доказательствами изъ оригинала превращалась въ копію; то реставрація Лаокоона произведена неправильно, и собранные при раскопкахъ куски не всѣ попали на соотвѣтственныя имъ мѣста. Торсъ Бельведерскій, лишенный, какъ извѣстно, головы, рукъ и ногъ, тѣмъ не менѣе представляющій одно изъ удивительныхъ произведеній Греческаго ваянія, оживаетъ весь подъ словомъ ученаго и является какъ бы живымъ Геркулесомъ, только что отбросившимъ послѣ подвиговъ свою палицу.

Много, очень много можно было наслушаться у Ренана; но въ особенности поразилъ меня его разсказъ о культѣ красотѣ женщинъ по понятіямъ Грековъ и тѣхъ стадіяхъ, которыя должна была пережить скульптура, чтобы дойти до послѣдняго своего слова: Венеры Книдской Праксителя (увы,

существующей теперь только въ копіи да еще на нѣсколькихъ Книдскихъ монетахъ). Еслибы стенографировать и записывать все что говорилъ намъ въ это утро Ренанъ, то можно было бы написать цѣлые томы. Мы пространствовали въ Ватиканѣ до 6 часовъ вечера (время закрытія галереи) и отправились съ Риццони обѣдать въ скромный ресторанчикъ Фальконе, долго еще находясь подъ обаяніемъ чудной лекціи, которую только и можно слышать отъ такого учителя, какъ Ренанъ и которую до сего времени невозможно забыть.

IX. Графъ С. Г. Строгановъ и профессоръ Ваагенъ.

Строгановская картинная галлерея въ С.-Петербургѣ (у Полицейскаго моста) есть не только лучшее частное собраніе въ Россіи, но безспорно одно изъ лучшихъ въ цѣлой Европѣ, составленное въ блестящій вѣкъ Екатерины Великой знаменитымъ ревнителемъ наукъ и искусствъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, для чего не всегда нужны только деньги, но и тонкій вкусъ, а главнѣе всего случай, въ особенности при революціяхъ и истощительныхъ войнахъ, разоряющихъ богачей и заставляющихъ переходить художественныя сокровища изъ однихъ рукъ въ другія. При такихъ именно благопріятныхъ условіяхъ создалась эта единственная въ своемъ родѣ галлерея, въ послѣдствіи значительно пріумноженная наслѣдниками, а въ особенности недавно скончавшимся тонкимъ знатокомъ изящныхъ искусствъ, графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ.

Перломъ этой коллекціи всегда считалась и считается знаменитая „Венера выходящая изъ воды", справедливо приписываемая кисти божественнаго Рафаэля и гравированная еще при жизни художника подъ этимъ именемъ, знаменитымъ тогда граверомъ Маркомъ Анатоніемъ Раймонди.

Въ одну изъ поѣздокъ моихъ въ Петербургъ я посѣтилъ Строгановскую галлерею и былъ такъ счастливъ, что засталъ самого хозяина, который очень привѣтливо вызвался быть моимъ чичероне.

Нечего конечно и говорить, что, при входѣ въ галерею, первымъ дѣломъ моимъ было пойти къ знаменитой Венерѣ, издавна еще прозванной по необыкновенно лучезарно-голубоватому колориту „серебряною".

Но каково же было мое изумленіе, когда, разглядывая эту картину, я уже не нашелъ на ней прежней дощечки съ надписью имени Рафаэля; а мѣсто этой дощечки оказалось пустымъ.

Графъ скоро замѣтилъ мое смущеніе и на разспросы о причинѣ такой перемѣны, отвѣчалъ мнѣ, что на дняхъ былъ въ его галереѣ профессоръ Ваагенъ, знаменитый знатокъ въ искусствѣ и, по внимательномъ разсмотрѣніи картины, пришелъ къ убѣжденію, что это вовсе не работа Рафаэля, а одного изъ его послѣдователей, второстепеннаго Итальянскаго живописца Бальтрафіо. Не желая послѣ этого вводить публику въ соблазнъ и вполнѣ полагаясь на авторитетъ Ваагена, графъ принужденъ былъ снять дощечку съ именемъ Рафаэля, но не рѣшился еще окрестить свою „Серебряную Венеру" именемъ другаго указаннаго ему мастера.

— Но какъ же вы такъ лег о повѣрили приговору Ваагена? сказалъ я съ энтузіазмомъ истиннаго любителя.

— Вся Европа ему вѣритъ, отвѣчалъ графъ; посмотрите, сколько онъ сорвалъ ярлыковъ у насъ въ Эрмитажѣ.

— Пускай всѣ вѣрятъ, а я никогда не повѣрю, отвѣчалъ я громко, возвышая голосъ.

Тогда графъ медленно приподнялся съ кресла, на которомъ сидѣлъ и, взявъ меня за пуговицу вицъ-мундира, произнесъ съ видимымъ удареніемъ:

— Вы сказали такое слово, на которое конечно имѣете доказательства, и я васъ прошу познакомить меня съ ними.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я. Доказательства мои состоятъ въ слѣдующемъ. Ваагенъ, какъ и вамъ извѣстно, состоитъ директоромъ Берлинскаго Королевскаго Музея; онъ составитель ученаго его каталога. Музей, конечно не виноватъ, что, будучи самымъ младшимъ (по годамъ его основанія) въ Европѣ, могъ пріобрѣтать только то, что осталось отъ всѣхъ другихъ знаменитыхъ галерей и музеевъ Европы, и потому, какъ извѣстно, занимаетъ между ними едвали не послѣднее мѣсто. По каталогу же, составленному г. Ваагеномъ, онъ едва ли сдѣлался не первымъ въ Европѣ. Въ немъ, по этому каталогу, находится 7 Рафаэлей, 14 Рубенсовъ, Тиціановъ, Веласкесовъ и т. д.

— Позвольте, перебилъ меня графъ, выпуская между прочимъ изъ рукъ мою пуговицу. На этотъ счетъ и у меня возникло сомнѣніе, и я намекнулъ Ваагену по этому поводу; но онъ мнѣ категорически отвѣчалъ, что, будучи Нѣмцемъ, изъ патріотизма онъ, какъ хранитель музея, не могъ поступить иначе, какъ назвавъ картины тѣмъ именемъ, подъ которымъ онѣ были пріобрѣтаемы королемъ и его предшественниками; но что онъ составляетъ и составилъ уже каталогъ съ настоящимъ означеніемъ

всѣхъ предметовъ Музея, который по его завѣщанію долженъ быть напечатанъ послѣ его смерти.

— Кто же изъ насъ послѣ этого правъ, ваше сіятельство? возразилъ я графу Строганову. Въ одномъ мѣстѣ Ваагенъ позволяетъ себѣ лгать изъ патріотизма, въ другомъ изъ-за сытнаго обѣда, далѣе солжетъ изъ тщеславія, чтобъ показать свои знанія, изъ дружбы, и т. д. Да развѣ это чистое отношеніе въ дѣлѣ искусства? Иной, опираясь, какъ вы говорите, на авторитетъ Ваагена, съ его каталогомъ въ рукѣ, примется изучать мастеровъ въ Берлинскомъ Музеѣ и до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы долженъ по неволѣ дойти въ своихъ заключеніяхъ? Нѣтъ, ваше сіятельство, Ваагенъ, можетъ быть, знаетъ Нѣмецкую и старо-Нѣмецкую школу, изученію которыхъ онъ посвятилъ много лѣтъ; но чтобы признать его всемірнымъ знатокомъ и цѣнителемъ, я съ этимъ никогда согласенъ не буду.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ послѣ этихъ словъ нѣсколько задумался и, прощаясь со мною, пригласилъ на завтра къ обѣду. Но ни о Ваагенѣ, ни о Венерѣ разсужденій у меня съ нимъ болѣе уже не было.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

По воспоминаніямъ земляка.

Въ прошедшемъ 1889 году перешелъ въ загробный міръ Н. Г. Чернышевскій, оставившій по себѣ въ здѣшнемъ мірѣ такіе слѣды, которые едва ли скоро изгладятся. Но вопросъ: изгладятся ли? И на Западѣ Европы, и въ Новомъ Свѣтѣ, и у насъ постоянно зарождаются глашатаи, которымъ не по душѣ строй современной жизни, съ ея вѣрованіями, христіанскими началами, вѣковыми преданіями исторіи и стремленіями къ высшимъ цѣлямъ бытія разумно-свободныхъ созданій. Чернышевскіе—достояніе нашего времени. Но въ какія времена не являлись они? Въ какую рѣку или потокъ съ самою чистою водою не вливались грязные ручьи? Душа, вѣрующая въ правленіе міромъ высшею, всесовершеннѣйшею властію—Богомъ, должна мириться съ этими прискорбными явленіями. Нравственное зло неизбѣжно, какъ слѣдствіе слабости или ограниченности всего сотвореннаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что появлявшіяся и появляющіяся ереси послужили и не перестаютъ служить къ уясненію божественныхъ истинъ Евангелія. Едва ли можно спорить и противъ того, что появляющееся разнаго рода лжемысліе служитъ къ уясненію тѣхъ истинъ, которыя должны быть положены въ основаніе разумно-свободной жизни человѣка и человѣческихъ обществъ или государствъ. Правда, лжемысліе, соединенное съ злонамѣренностію, нерѣдко потрясаетъ или расшатываетъ самыя первоосновы этой жизни, даже вызываетъ потоки крови человѣческой; но человѣчество ростетъ, крѣпнетъ и становится совершеннѣе. Да, „подобаетъ и ересямъ *) въ васъ быти, да искусніи явлени бываютъ въ васъ“ (I, Коринѳ., XI, 19).

Но отсюда, конечно, не можетъ быть выводимо заключеніе, что мы должны быть равнодушны въ лжеученіямъ, которыя имѣютъ цѣлію вредить намъ, нашей внутренней жизни, и внѣшней, вещественной. Борьба и неизбѣжна, и обязательна. И мы видимъ, что у всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ законы и карательныя мѣры, преслѣдующіе лжеученія, коль скоро они наносятъ вредъ человѣческимъ обществамъ или строю государственной жизни.

---

*) Въ Русскомъ переводѣ—„разномысліямъ“.

Кара постигла и Н. Г. Чернышевскаго, и конечно самая большая тяжесть ея стояла въ томъ, что онъ лучшіе годы жизни оставался въ бездѣйствіи Сознаніе не могло не томить его души и должно было твердить ему, что въ эти потерянные годы, онъ, обладая такими счастливыми дарованіями и жаждою къ умственному труду, могъ быть виднымъ дѣятелемъ въ области науки, еслибы не промѣнялъ ея на призраки неосуществимые, непосильные и идущіе въ прямой разрѣзъ созидавшимся вѣками укладомъ жизни роднаго ему народа.

Покойный Н. Г. Чернышевскій былъ мнѣ землякъ: онъ на 10 лѣтъ моложе меня. Я зналъ его ребенкомъ, зналъ въ отроческихъ годахъ и видѣлъ вступившимъ въ возрастъ юноши. Воистину его можно назвать падшимъ ангеломъ. И онъ дѣйствительно въ свое время походилъ на ангела во плоти; и не могъ не походить на него, живя подъ кровомъ такого отца, какимъ былъ протоіерей Гавріилъ Ивановичъ. Много я на своемъ некороткомъ вѣку видѣлъ достойныхъ служителей алтаря Господня, но образъ этого человѣка оставилъ въ душѣ моей самые глубокіе слѣды. То былъ глубоко и горячо вѣрующій христіанинъ, то была воплощенная кротость. Гавріилъ Ивановичъ служилъ учителемъ и инспекторомъ Саратовскаго духовнаго училища, былъ членомъ консисторіи, каѳедральнымъ протоіереемъ и благочиннымъ городскихъ церквей; стало быть, онъ имѣлъ власть и подчинявшихся этой власти. Но едва ли когда-нибудь эта олицетворенная кротость возвысила голосъ или наморщила чело, видя проступки подчиненныхъ ей. Повидимому, сама природа помогала отцу Гавріилу быть таковымъ: онъ имѣлъ осанку, невольно внушавшую уваженіе; тихая, плавная поступь; чистое, замѣчательной бѣлизны, съ легкимъ оттѣнкомъ румянца лицо, шелковистые, отчасти волнистые, свѣтло-русые волосы, самыхъ скромныхъ размѣровъ такого же цвѣта борода; дышащіе неподдѣльною добротою глаза; тихій, отзывающійся какою-то задушевностію голосъ (съ слабымъ оттѣнкомъ шепелявости); необыкновенная плавность и логичность рѣчи; сосредоточенность взора надъ тѣмъ, къ кому онъ былъ обращенъ, какъ будто чрезъ эту сосредоточенность говорилось: смотри на меня, сердце мое откровенно съ тобою.

Если кто испытывалъ на себѣ обаяніе этого необыкновеннаго человѣка, такъ конечно дѣти училища. Въ 20-хъ, 30-хъ годахъ и даже позднѣе, въ нашихъ школахъ, и духовныхъ, и свѣтскихъ, господствовали довольно суровые пріемы. Но мы помнимъ тѣхъ учениковъ, которые учились въ то время въ Саратовскомъ духовномъ училищѣ, когда тамъ былъ и учителемъ, и инспекторомъ отецъ Чернышевскій. Они говорили: легче намъ перенести бранныя укоризны и бичеваніе розгами, чѣмъ выслушать кроткое, съ слезами на глазахъ, увѣщаніе его. По личному побужденію онъ никого не наказывалъ розгами и прибѣгалъ къ этому наказанію только по распоряженію высшей власти, ректора училища И довольно было, чтобы наказуемый, котораго никогда не обнажали,

закричалъ: простите! исправлюсь!—и наказаніе немедленно прекращалось. Въ послѣдствіи мы лично слышали отъ него такое сужденіе: тѣлесное наказаніе должно достигать своей цѣли не болью тѣла, а сознаніемъ наказуемаго, что онъ заслужилъ такое позорное наказаніе.

Протоіерей Чернышевскій кончилъ курсъ въ Пензенской семинаріи. Духовно-учебныя заведенія того времени не выпускали изъ стѣнъ своихъ питомцевъ съ такими многосторонними знаніями, какъ въ настоящее время; но за то, что̀ знали они, — знали основательно. Гавріилъ Ивановичъ не только свободно читалъ классиковъ или творенія св. отцевъ, но легко писалъ и говорилъ на древнихъ языкахъ, преимущественно на Латинскомъ. Изъ новѣйшихъ языковъ онъ хорошо зналъ книжный Французскій языкъ, даже могъ и объясняться на немъ. Въ 1830 г. открылась въ Саратовѣ духовная семинарія; явились лица съ академическимъ образованіемъ, и въ числѣ ихъ И. Синайскій, извѣстный составитель Русско-греческаго лексикона (котораго у насъ до того времени не было). Гавріилъ Ивановичъ не только стоялъ съ ними на одномъ уровнѣ, но нѣкоторыхъ и превосходилъ зрѣлостію мыслей и начитанностію.

Я нерѣдко видалъ, какъ Гавріилъ Ивановичъ велъ за руку своего малютку, идя изъ церкви, или сидѣлъ съ нимъ на берегу широкой Волги, прислушиваясь къ плеску ея волнъ. Врѣзались въ моей памяти черты лица этого малютки, котораго многіе называли не иначе, какъ херувимчикомъ. Чистое, бѣлое личико, съ легкою тѣнью румянца и едва замѣтными веснушками, открытый лобикъ, кроткіе, пытливые глаза; изящно очерченный маленькій ротикъ, окаймленный розовыми губами; шелковистые рыжеватые кудерьки; привѣтливая улыбка при встрѣчѣ съ знакомыми; тихій голосъ, такой же какъ у отца: вотъ черты, которыя запечатлѣлись въ моей памяти и какъ будто уяснились съ той поры, когда этотъ херувимчикъ сдѣлался государственнымъ преступникомъ. Таковъ былъ Н. Г. Чернышевскій, проходя и отроческій возрастъ, и даже во время пребыванія его въ семинаріи. Дѣвственная скромность, чистота сердца, легкая застѣнчивость, нерѣдко выступавшая румянцемъ; вдумчивость или углубленіе въ самого себя; молчаливая привѣтливость ко всѣмъ и каждому: все это рѣзко выдѣляло его изъ круга семинарскихъ товарищей, которые, ради того, и называли его красной дѣвицей. Эти черты, конечно, инымъ товарищамъ не нравились; но едва ли кто изъ нихъ позволялъ себѣ чѣмъ-нибудь оскорбить дѣвственно-кроткаго юношу. Ходила въ то время въ нашихъ духовныхъ школахъ, въ истиномъ смыслѣ классическая, поговорка, неизвѣстно когда сложившаяся: si rufus bonus—optimus, si rufus malus—pessimus; т.-е. если рыжій хорошъ, то хорошъ въ превосходной степени; а если дуренъ—то въ той же степени. Дѣлая силлогизмъ по отношенію къ Н. Г. Чернышевскому, товарищескій кругъ выводилъ заключеніе: ergo Чернышевскій optimus. Товарищи не могли не уважать Чернышевскаго и по другимъ причинамъ: своими познаніями и блестящимъ дарованіемъ онъ

стоялъ выше ихъ на цѣлую голову. Такимъ признавали его и наставники, давая ему первое мѣсто въ продолженіи всего пребыванія его въ семинаріи.

Но было въ немъ еще и другое отличительное свойство: — это несобщительность, однако не отталкивающая, не плодъ какой-нибудь холодности или презрѣнія. Да, Чернышевскій былъ какъ бы чужой среди товарищей; онъ казался погруженнымъ въ самого себя, онъ не входилъ ни въ споры, ни въ шутливые разговоры: приходитъ въ классъ предъ входомъ въ него наставника, перекинется нѣсколькими словами съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей, просидитъ какъ прикованный въ классѣ и вслѣдъ за наставникомъ оставляетъ его. Если наставникъ замедлилъ приходомъ въ классъ, то Н. Чернышевскій обыкновенно вынималъ книгу и углублялся въ нее, не обращая ни на кого вниманія. Чтó лежало въ основаніи этой отчужденности? Сознаніе ли своего превосходства надъ сверстниками? То ли, что онъ видѣлъ вокругъ себя такъ много угловатаго, неотесаннаго, даже грязноватаго? Объ этомъ знала его душа. До поступленія въ классъ риторики весь міръ для него былъ въ отцѣ, книгахъ и церкви. Правда, отецъ Чернышевскаго былъ человѣкъ общительный, любимый прихожанами; но онъ чуждался собраній, особливо соединенныхъ съ пиршествами, далеко держалъ себя отъ лицъ подозрительной нравственности и боялся, какъ бы въ драгоцѣнную зеницу его ока, въ дѣтскую душу его единственнаго сына, не попала какая-нибудь соринка. И для него весь міръ заключался въ сынѣ, церкви, книгахъ и въ отправленіи обязанностей по службѣ. Къ тому же жена его была существо болѣзненное; какъ слышно, она страдала меланхоліей. Такая обстановка дѣтскихъ лѣтъ не могла не послужить къ замкнутости Н. Г. Чернышевскаго въ самого себя. Онъ видѣлъ людское общество, можно сказать, издали, не пріучался цѣнить его, и потому въ послѣдствіи такъ легко поддался обаянію людей легкомысленныхъ, но умѣвшихъ представиться неопытному юношѣ глубокомысленными, многосторонне-образованными. Мы знаемъ, кто имѣлъ особенное вліяніе на Чернышевскаго въ первые годы его жизни въ столицѣ; но Богъ съ нимъ! Онъ отвѣтчикъ за этого падшаго ангела.

Неизвѣстно намъ, были ли къ Чернышевскому приглашаемы учители; вѣрнѣе всего, что бремя учительства несъ на себѣ одинъ отецъ, который дѣйствительно подготовилъ сына такъ, какъ рѣдко удается подготовлять самой лучшей школѣ. Н. Г. Чернышевскій въ семинаріи безъ труда читалъ Латинскихъ классиковъ и творенія Златоуста на Греческомъ языкѣ, былъ хорошо подготовленъ по языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Едва ли я погрѣшу, сказавъ, что имъ была прочитана вся Библія. Впрочемъ, подобное явленіе въ то время было не изъ рѣдкихъ. Насколько отецъ старался развить въ сынѣ мыслительныя силы, на столько же и образовать его сердце, памятуя и опытомъ извѣдавши, что „образованіе ума безъ образованія сердца безполезно“: это была самая ходячая въ то время тема для письменныхъ упражненій у питомцевъ духовныхъ семинарій. Въ обра-

зованіи сердца набожный отецъ, конечно, первое мѣсто давалъ чувству вѣры, имѣя полное убѣжденіе, что „начало премудрости есть страхъ Божій“. Ходила молва, что Н. Г. Чернышевскій, до поступленія въ семинарію, не пропускалъ ни одной божественной службы, даже и въ будничные дни (въ которые, впрочемъ, въ одноштатной приходской церкви, служба бывала, можетъ быть, одинъ разъ въ недѣлю), и что отецъ, идя въ церковь, обыкновенно бралъ съ собою и сына и ставилъ его въ алтарѣ. Это частое пребываніе въ церкви не послужило ли въ свою очередь къ развитію въ дѣтскихъ лѣтахъ Н. Г. Чернышевскаго замкнутости его въ самомъ себѣ, робкой застѣнчивости, и къ устраненію рѣзвости, столь свойственной этому возрасту? Постоянно внушаемый страхъ Божій не развивалъ ли въ немъ боязнь соприкасаться съ самыми невинными предметами? Можетъ быть частое посѣщеніе храма безъ разумѣнія, что̀ читается и поется въ немъ, невольно оставляло въ дѣтской душѣ слѣды холодности къ церкви, которые впослѣдствіи и сдѣлались столь явственными. Но это для насъ есть тайна, какъ все существо души нашей. Иногда то, отъ чего можно бы ожидать одного добраго, сопровождается однимъ зломъ, и наоборотъ.

Едва ли у Н. Г. Чернышевскаго не единственнымъ близкимъ товарищемъ былъ мой покойный братъ. Были ли они, что̀ называется, закадышными друзьями, открывали ли другъ другу тайники своего сердца—не могу сказать; но знаю, что Чернышевскій былъ для брата моего предметомъ глубокаго уваженія и любви. Братъ мой до конца жизни сохранилъ къ Чернышевскому теплоту товарищескаго сердца. Не скрою, что можетъ быть, именно по чувству товарищества, не все лжеученіе дорогаго товарища представлялось брату разрушительнымъ или противнымъ здравому смыслу и на многое, очень многое онъ смотрѣлъ какъ на увлеченіе или на желаніе пустить пыль въ глаза, заставить говорить о себѣ. Судьба, постигшая товарища юныхъ лѣтъ, глубоко опечалила брата, и онъ однажды такъ выразился въ письмѣ ко мнѣ: „Чтобы иному профессору С.-Петербургскаго университета, видя такія блестящія дарованія моего Николая, не взять его подъ свое крылышко, не постановить на ученую дорогу! Изъ него вышелъ бы не только не послѣдній, но самый видный дѣятель въ области науки. Ужъ такъ видно на роду написано родной землѣ: явится личность такъ много обѣщающая, но или съ кругу сопьется, или преждевременно умретъ не своею смертію, или до того затрутъ и замнутъ, до того обезличатъ, что выступившій на поле труда махнетъ на все рукой и погрузится въ непробудную лѣнь, столь присущую Славянскому роду“.

Братъ жилъ со мною, и Чернышевскій заходилъ (впрочемъ только послѣ классовъ) къ намъ. Я могъ всмотрѣться въ него, прислушаться къ образу его мыслей, къ направленію его сердца и раздѣлялъ мнѣніе его товарищей, что то дѣйствительно красная дѣвица, т.-е. существо съ самою чистою душою. Но признаюсь, мнѣ иной разъ представлялось, что въ глу-

бинѣ этой юной души лежитъ нѣчто таинственное, отъ всѣхъ скрываемое, что она не довольна окружающею ея средою и подозрѣваетъ другаго рода міровоззрѣнія. Это частое опусканіе рѣсницъ, думалъ я, не есть ли желаніе прикрыть то, что̀ признается зеркаломъ души; или дѣйствительно это есть признакъ дѣвственной скромности? Приходили мнѣ и такого рода мысли при взглядѣ на этого расцвѣтающаго юношу: изъ него выдетъ или самый глубокій аскетъ, который весь погрузится въ самого себя и въ область духовнаго міра, или его вдругъ охватитъ огонь вожделѣній, въ которыхъ онъ и сгоритъ. Мнѣ было 25 лѣтъ, а Чернышевскому 15. Но во всякомъ случаѣ я радъ былъ, что мой братъ имѣлъ такого товарища, къ которому онъ хаживалъ и въ домъ, встрѣчая самый радушный привѣтъ у незабвеннаго Гавріила Ивановича.

По окончаніи курса въ среднемъ (философскомъ) отдѣленіи семинаріи, оба товарища отправились въ университеты: Чернышевскій—въ С.-Петербургскій, а братъ въ Казанскій. Вели ли они между собою переписку и если вели—что̀ она содержала, не знаю. Если вели, то очень любопытно бы просмотрѣть письма студента С.-Петербургскаго университета къ студенту Казанскаго: по нимъ можно бы выслѣдить, когда и при посредствѣ кого начался такой переломъ въ юной и чистой душѣ. Но переломъ совершился въ бытность его въ университетѣ, и притомъ сравнительно въ короткое время.

Года чрезъ два (кажется такъ) молодые студенты пріѣхали на лѣто въ Саратовъ. Братъ остановился у меня, и Чернышевскій поспѣшилъ къ намъ. Я въ это время былъ дома. Съ поспѣшностію отворяется дверь, и довольно размашисто входитъ знакомый юноша въ студенческомъ сюртукѣ. Съ перваго же взгляда на него я не могъ не замѣтить большой перемѣны: вмѣсто легкой согбенности, станъ выпрямился; взоръ открытый, руки въ движеніи; есть что-то размашистое, признаки какой-то удали. Жмемъ другъ другу руки, цѣлуемся; сѣли. Вижу, дорогой мой гость довольно быстрымъ взоромъ осматриваетъ мое скромное жилище и какъ будто чего-то ищетъ. Наконецъ нашелъ то, съ чего хотѣлось ему начать рѣчь, которая сразу дала понять, что Чернышевскій уже не тотъ незрѣлый юноша, котораго я зналъ.

— Что̀ это, Иванъ Устиновичъ, вы все по прежнему живете? (При этомъ рука моего гостя указала на икону, занимавшую передній уголъ моей комнаты).

— По прежнему, отвѣчалъ я.

— И за Николая Павловича молитесь?

— Молюсь.

— И свѣчки Нерукотворенному ставите? *)

— Ставлю.

— Да перестаньте жить по „преданьямъ старины глубокой“; поѣзжайте въ Питеръ, и вы просвѣтитесь истинно „невечернимъ свѣтомъ“.

— У насъ одинъ невечерній свѣтъ, котораго и тьма не объятъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, этотъ свѣтъ уже отжилъ свои вѣка.

— Конечно, сказалъ я, вы шутите; но простите мнѣ: такія шутки по всей праведливости слѣдуетъ назвать кощунствомъ.

— Но не все то кощунство, слышу я въ отвѣтъ, что́ несогласно съ убѣжденіями старины глубокой. Истины мѣняются какъ тѣни, или правильнѣе—какъ свѣтовые лучи, чрезъ которые проходятъ тѣни.

— Но все-таки, возражаю я, лучи свѣта остаются свѣтомъ, а не превращаются во тьму. Такихъ явленій нѣтъ въ природѣ.

— Думать такъ, отвѣчаетъ мнѣ собесѣдникъ, это тоже, что́ осуждать человѣчество на вѣчный застой.

— По моему, совсѣмъ не то: человѣчество можетъ рости (и ростетъ) во всю широту и высоту, оставаясь при однѣхъ и тѣхъ же истинахъ, напр. тѣхъ, которыя содержитъ Евангеліе и которыя, по крайней мѣрѣ начатки ихъ, мы имѣемъ основаніе считать прирожденными человѣку, какъ бы частицами его души.

— Не согласенъ съ вами, говоритъ юный мыслитель: вѣра христіанская или другое какое нибудь вѣрованіе должны смѣниться знаніемъ, и только сознанное, опытомъ провѣренное, человѣкъ будетъ признавать за истину.

— Думаю, что первое, обо что вы споткнетесь, сказалъ я, это духовная половина человѣческаго существа: ея ни взвѣсить, ни смѣрить нельзя.

— Но мы будемъ мѣрить и вѣсить мозги. То, что́ вы называете духомъ и притомъ безсмертнымъ, по нашему есть продуктъ мозга; разрушится мозгъ—и духа нѣтъ.

Выслушавъ эти слова, я съ улыбкою сказалъ: Гавріилъ Ивановичъ! Не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуда убо имать плевелы? Но неужели, скажите пожалуйста, такимъ свѣтомъ просвѣщаетъ васъ С.-Петербургскій университетъ?

— Можетъ ли что добро быти отъ этого Назарета? слышу я отвѣтъ. Тамъ читаютъ по засаленнымъ тетрадкамъ. Если пошло на откровенность, то скажу вамъ, что теперь еще нѣтъ настоящаго свѣта; свѣтятся огоньки, подобные блуждающимъ огонькамъ на болотѣ (послѣднее слово было такъ

*) Нерукотворенный образъ Спасителя, находящійся въ Старомъ Соборѣ и чтимый всѣми жителями Саратова, даже нѣкоторыми Нѣмцами. Во время холеры и они брали его въ свои домá.

подчеркнуто, чтобы видно было, что это намёкъ на Православную Русь). Мы соберемъ эти огоньки въ одинъ фокусъ, изъ котораго и разольется свѣтъ по всей подсолнечной. Но вы, пожалуйста, не передавайте нашего разговора въ простотѣ вѣрующему Гавріилу Ивановичу; чего добраго, онъ оставитъ меня въ глуши Саратовской; а „мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“.

— А я совѣтовалъ бы вамъ раскрыть предъ нимъ всю вашу душу. Audiatur et altera pars. Я увѣренъ, что по выслушаніи этой altera pars все, чего вы набрались, распадется какъ паутина. Не думалъ, чтобы вы такъ скоро переродились. А что? И въ церковь перестали ходить?

— Я уже отходилъ свое; мнѣ и теперь душно отъ ладану, которымъ я дышалъ.

— Напрасно вы оставляете вѣру отцовъ. Она отнюдь не помѣшаетъ быть вамъ самымъ ученымъ мужемъ, такъ какъ она никогда не стѣсняла развитія силъ души. Помните: „идѣже духъ Господень, ту свобода“. Христіанская вѣра помѣшала ли появленію такихъ міровыхъ геніевъ, какъ Ньютонъ, Кеплеръ, Линней, и не подъ ея ли вліяніемъ они сдѣлались таковыми? Вамъ, конечно, какъ и мнѣ, передавали, что Ньютонъ обнажалъ голову при имени Бога, и что на гробницѣ его написано: „Въ своей философіи онъ прославлялъ величіе всемогущаго Бога, а въ жизни—Евангельскую простоту.

— Однако меня ждутъ обѣдать, поднимаясь сказалъ мой собесѣдникъ. Вы знаете, у Гавріила Ивановича все идетъ какъ по заведенной машинѣ.

Мы дружески простились. По выходѣ гостя, я спросилъ брата: неужели и у васъ въ Казани такое же легкомысліе?

— Да, отвѣчалъ братъ, что-то подобное бродитъ; но мы еще не шагнули такъ далеко. Петербургъ ближе къ Западу, чѣмъ Казань; вѣяніе идетъ съ Запада, а не съ Востока.

Можетъ быть, я и не передалъ въ подлинныхъ словахъ всего разговора между мною и Чернышевскимъ. Но онъ не могъ не быть памятнымъ мнѣ; и когда постигла горькая доля этого падшаго ангела, то мы съ братомъ общими силами старались возстановить эту бесѣду, и я ручаюсь, что она въ общихъ чертахъ была такова.

Къ продолженіе каникулъ я нерѣдко встрѣчался съ Петербургскимъ студентомъ но болѣе не заводили мы подобной бесѣды, сознавая, что сойтись не можемъ и, конечно, онъ видѣлъ во мнѣ человѣка отсталаго. Я, при встрѣчахъ, обыкновенно распрашивалъ его о Петербургѣ, гдѣ еще не бывалъ. Описывая его, онъ часто ввертывалъ слова: казенщина, казармщина, солдатчина и т. д.

Предъ отъѣздомъ изъ Саратова, Н. Г. Чернышевскій забѣжалъ ко мнѣ проститься. Я не могъ не замѣтить радости на лицѣ его, что онъ возвращается въ ту среду, подъ вліяніемъ которой уже совершился пере-

ломъ въ его образѣ мыслей. Можетъ быть, онъ даже тяготился кровомъ своего набожнаго, преданнаго священнымъ завѣтамъ родной старины, отца. Мы дружески простились и крѣпко пожали другъ другу руки, — и это было послѣднее наше свиданіе. По окончаніи университетскаго курса онъ возвратился въ Саратовъ и занялъ мѣсто преподавателя въ гимназіи; но я въ это время жилъ уже въ другомъ краю, и впослѣдствіи могъ слѣдить за моимъ старымъ знакомымъ только по его писательству, которое мнѣ не было по душѣ, и я не могъ не жалѣть, что мой дорогой землякъ не выступилъ на поприще ученой дѣятельности, имѣя все, что̀ нужно для нея: и превосходную подготовку, и самыя счастливыя дарованія, и любовь къ труду. Ему чужда была свѣтская жизнь съ ея прелестями, пустотою, головокруженіемъ, почестями, богатствами. То былъ человѣкъ высшихъ стремленій; но въ основѣ ихъ лежала уже не истина, а ложь, не добро, а зло.

Воображаю, какою скорбію отзывались печатныя произведенія сына въ сердцѣ отца. Не сомнѣваюсь, что, видя лжемысліе сына, онъ умолялъ его обратиться на путь истины, умолялъ можетъ быть, тѣми же словами, какими отецъ Шлейермахера извѣстнаго по отрицательной критикѣ Евангелія. „Если возможно, писалъ онъ къ начавшему заблуждаться сыну, то внемли просьбѣ своего отца, просящаго тебя! Опомнись, ахъ, сынъ мой, опомнись! Человѣческая добродѣтель не есть совершенство, но всегда слѣдуетъ возвращаться съ пути погрѣшностей. О, Господи Іисусе, Ты пастырь людей, Самъ возврати къ Себѣ Свое заблудшее овча! Сотвори сіе во славу имени Твоего!“ Но ни эти душу раздирающіе вопли отца, пишетъ почтенный о. Тимоѳей Буткевичъ *), ни его угрозы и увѣщанія не перемѣнили образа мыслей Шлейермахера. По своей природѣ, онъ принадлежалъ къ числу людей, которые ради истины готовы жертвовать всѣмъ близкимъ ихъ сердцу; а свое религіозное міровоззрѣніе Шлейермахеръ, конечно, считалъ вполнѣ истиннымъ. Какое сходство съ отцомъ и сыномъ Чернышевскими!

Послѣдніе годы жизни своей протоіерей Чернышевскій походилъ, какъ говорится, на живаго, погрузившагося въ самого себя мертвеца, и часто, часто вырывались изъ наболѣвшей груди его слова: „Господи, Господи, пробави милость Твою вѣдущему Тя“. Онъ не только скорбѣлъ о заблужденіяхъ сына, но какъ будто стыдился за него, особенно предъ духовенствомъ; онъ какъ будто видѣлъ вокругъ себя, что на него смотрятъ съ укоромъ за неумѣніе воспитать единственнаго сына въ правилахъ вѣры и непреложныхъ истинахъ добра. Онъ избѣгалъ говорить о немъ даже съ тѣми, которые восхищались подвигами на литературномъ поприщѣ этого новаго мыслителя. Кончина же его была такая. Онъ готовился къ литур-

*) Въ своемъ капитальномъ трудѣ: „Жизнь Господа нашего Іисуса Христа“, Москва, 1883 г., стр. 21.

гіи, которую долженъ былъ служить съ архіереемъ, въ Казанской церкви; прочиталъ молитвы къ св. причащенію и сѣлъ въ кресло, дожидаясь благовѣста. Ударилъ колоколъ, и въ это же время онъ получаетъ вѣсть о судьбѣ своего несчастнаго сына. Любящее сердце не перенесло удара, и несчастный отецъ испустилъ духъ. Мгновенная смерть, какъ говорятъ, произошла отъ разрыва сердца.

И сынъ также умеръ почти скоропостижно—отъ прилива крови къ мозгу, чего, конечно, нельзя не отнести къ усиленнымъ умственнымъ работамъ: онъ переводилъ исторію Вебера, и смерть прекратила его трудъ на XII томѣ. „За день до смерти, читаемъ въ Саратовскомъ Листкѣ, уже послѣ приступа страшнѣйшаго озноба, онъ надиктовалъ болѣе 16 страницъ печатнаго текста, самъ изумившись своей рабочей энергіи“. И это на 62 году жизни! Чего можно было ожидать отъ такой личности, съ такими дарованіями, съ такою энергіей?

Меня занимали и занимаютъ два вопроса, съ которыми я и обращался недавно къ моимъ знакомымъ въ Саратовѣ. Первый вопросъ: обратился ли Чернышевскій, въ годы наступившей старости, къ вѣрѣ отцевъ, выступилъ ли онъ на тотъ путь, по которому велъ его отецъ при расцвѣтѣ его жизни? Умеръ ли онъ христіаниномъ, какъ Литре? На эти вопросы отвѣчали мнѣ что одно изъ близкихъ къ покойному существъ, горячо молившееся за него въ Божіихъ церквахъ, постоянно просило его бросить прежнія идеи, и слышало отвѣтъ: „меня ничто не сломило, и это моя пища“.

Другой вопросъ: переселившись въ Саратовъ, былъ ли Чернышевскій на могилѣ отца, котораго онъ въ свое время такъ горячо любилъ и, можетъ быть, дѣйствительно былъ причиною его смерти? На этотъ вопросъ даже такая личность, которая имѣла возможность собрать самыя точныя свѣдѣнія, дала уклончивый отвѣтъ. Едва ли мы не въ правѣ вывести изъ такого отвѣта такое заключеніе, что, вѣрнѣе, сынъ не былъ на могилѣ отца,—не былъ или потому, что смотрѣлъ на обычай посѣщать могилы близкихъ сердцу съ своей точки зрѣнія, или потому, что ему слишкомъ тяжело было посмотрѣть на эту могилу. Постигшая тяжелая судьба, можетъ быть, и ожесточила сердце покойнаго Чернышевскаго; но мы не позволимъ себѣ допустить, чтобы въ этомъ сердцѣ не осталось слѣдовъ прежней мягкости или нѣжности, которыя нѣкогда были отличительными его чертами.

Представляя себѣ эти двѣ могилы, отца и его сына, и припоминая яркій расцвѣтъ жизни послѣдняго, я невольно говорю себѣ: погибъ человѣкъ такъ много, много обѣщавшій. „Врагъ человѣка сіе сотвори“. Прости, Небесная Истина, легкомысліе тому, котораго я нѣкогда считалъ ангеломъ на землѣ! Ты сама изрекла: „оставите расти обое—плевелы и пшеницу купно до жатвы“. Здѣсь тайна Твоей премудрости, въ которую не могутъ проникнуть и ангелы, какъ конечные въ безконечное. Такую мо-

литву я сотворилъ бы на могилѣ моего земляка. Но есть могилы, надъ которыми мы еще горячѣе должны молить Судію живыхъ и мертвыхъ.

Вотъ несется ретивый конь, запряженный въ колесницу; пыль засыпаетъ глаза встрѣчающихся на пути; однихъ изъ нихъ онъ калѣчитъ, другихъ убиваетъ; сѣдокъ до того погруженъ въ свои думы, охватившія все существо его, что не замѣчаетъ - какой слѣдъ оставляетъ быстро несущаяся его колесница; наконецъ и самъ падаетъ и разбивается. Но что̀ же дѣлаютъ возницы, которые должны управлять конями? Оказывается, что и они какъ будто охмелѣли отъ ѣзды, и опустили возжи. Да, если бы не были опущены возжи стоявшими на стражѣ нашего печатнаго слова, не явились бы Чернышевскіе, не погибли бы они въ ссылкахъ и на висѣлицахъ, и не внесли бы въ народную жизнь и въ наше молодое поколѣніе разрушительныхъ заблужденій. Человѣку, особливо въ молодые годы и при горячемъ темпераментѣ, свойственно увлекаться и увлекать другихъ; но для обузданія отъ увлеченій и распространенія ихъ въ окружающей средѣ, учреждаются въ благоустроенныхъ обществахъ или государствахъ стражи, и если они не бодрствуютъ, то первые въ отвѣтѣ они, какъ матери дозволяющія дѣтямъ играть огнемъ. Печатное слово—тотъ же огонь, тотъ же мечъ обоюдуострый. Здѣсь бдительность и осторожность необходимы. Эта необходимость сознана даже и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ преклоняются предъ свободой, какъ необходимымъ условіемъ гражданственности Припомнимъ, что въ Сединенныхъ Штатахъ Америки даже почти отказываются отъ пріема книгъ, направленныхъ противъ религіи и началъ христіанской нравственности; а мы свободно читаемъ кощунственное издѣвательство перекрещенца-Еврея надъ тайною воплощенія Бога Слова; нашимъ дѣтямъ предлагаютъ и даже одобряютъ учебники, подрывающіе истинность св. Евангелія и св. Таинствъ и самого Основателя христіанской вѣры Богочеловѣка Іисуса Христа считающіе *идеалистомъ, который разсказывалъ Галилейскимъ крестьянамъ о разныхъ добродѣтеляхъ.* И въ основѣ всей этой близорукости со стороны стражей печатнаго слова—боязнь прослыть за людей отсталыхъ. Какая, подумаешь, мелочность! Пусть рушатся вѣковые устои Русской народно-государственной жизни, но чтобы только на насъ не указывали пальцемъ, какъ на нѣкіихъ обскурантовъ?!!

Имя Чернышевскаго какъ будто положило черное пятно на наши духовныя семинаріи. Такъ, многимъ представляется, а нѣкоторые даже печатно заявляютъ, что эти школы именно и родятъ намъ Чернышевскихъ, и что вольномысліе доходитъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ по преимуществу среди питомцевъ духовныхъ учебныхъ заведеній. Съ послѣднимъ сужденіемъ, пожалуй, и можно согласиться, но какъ съ самымъ рѣдкимъ исключеніемъ; а что̀ изъято отъ исключеній? Затѣмъ, самое огромное большинство питомцевъ этихъ заведеній поступаетъ въ священно-церковнослужители. Какіе ни находили бы въ нихъ недостатки (на отысканіе

которыхъ въ настоящее время много охотниковъ); но едва ли кто позволитъ себѣ видѣть въ нашихъ служителяхъ православной церкви носителей или насадителей ересей, или проводниковъ коммунизма, соціализма и крамолы. Мы не отвергаемъ, что есть доля справедливости въ той молвѣ, что коль скоро семинаристъ сдѣлается безбожникъ, то — первой руки, какъ омусульманившійся христіанинъ становится болѣе заклятымъ врагомъ христіанъ, чѣмъ природный мусульманинъ. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Рѣшеніе этого вопроса и не по силамъ намъ, и неумѣстно. Но относительно вольномыслія среди нѣкоторыхъ бывшихъ семинаристовъ и въ числѣ ихъ Чернышевскаго, намъ кажется, будетъ умѣстнымъ такое уподобленіе. Вотъ богатый купецъ, живущій по преданіямъ старины глубокой; его жилище грязноватое и очень скромное; столъ — щи да каша; одежда стараго покроя, грубоватаго сукна; церковность составляетъ стихію для него и всей его семьи. Сынъ у него уже достигъ зрѣлаго юношескаго возраста; но онъ не смѣетъ безъ позволенія отца выйти за ворота дома, и въ рукахъ у него нѣтъ собственной копейки. Умираетъ отецъ; все существо сына охватила свобода; онъ бѣжитъ по всѣмъ распутіямъ и халугамъ, встрѣчаетъ такія прелести міра, о какихъ ему доселѣ и не грезилось. Прибавимъ къ этому, что то—натура воспріимчивая, легко увлекающаяся, и вотъ питомецъ благочестивой семьи, воспитанный въ страхѣ Божіемъ, въ воздержаніи во всѣхъ его видахъ, какъ разнузданный конь, несется куда глаза глядятъ; прелести свободной жизни, со всѣми ея чарами, овладѣваютъ всѣмъ существомъ этого молодаго человѣка,— онъ тонетъ въ нихъ и погибаетъ.

Теперь припомнимъ семейную, да и семинарскую школу, которую прошли наши Чернышевскіе, впослѣдствіи заразившіеся свободомысліемъ и новизнами разныхъ лжеученій, и мы поймемъ, почему они оказались таковыми же, какъ вышереченный сынъ купца. Но не всѣ же купеческіе сынки таковы, не могутъ быть таковыми и всѣ питомцы духовныхъ школъ. Такая судьба можетъ быть удѣломъ только особымъ образомъ сложившихся натуръ; а на такія натуры позволительно смотрѣть какъ на исключенія *).

Да по мотамъ-купеческимъ сынкамъ и по вѣроотступникамъ семинаристамъ нельзя заключить, что и всѣ купеческія дѣти или семинаристы таковы. А потому великою было бы неправдою по Чернышевскому и подобнымъ ему судить о всѣхъ питомцахъ духовной школы. Это было бы такою же неправдою,

---

*) Къ малоподвижнымъ, въ извѣстномъ отношеніи, натурамъ принадлежу и я, какъ и самое огромное большинство питомцевъ духовныхъ школъ. Помню, преосвящ. Аѳанасій, котораго расположеніемъ я пользовался, предлагалъ мнѣ прочитать Штрауса. Я отвѣчалъ: а если онъ собьетъ меня съ пути православія, при которомъ мнѣ хорошо живется?— Ну, отвѣчалъ владыка, если боитесь, то лучше не читать. И я не читалъ.

какъ обвинять въ расшатанности извѣстной части нашего молодого поколѣнія—семьи. И дѣйствительно, если зарожденіе грѣховъ легкомыслія въ покойномъ Чернышевскомъ относить къ семинаріи; то его можно бы отнести и на семью, въ которой онъ воспитывался и жилъ болѣе въ ней, чѣмъ въ семинаріи. Но мы видѣли, какъ отецъ воспитывалъ его, храня это сокровище своего сердца, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ зѣницу собственнаго ока. Положительно можно сказать, что Чернышевскій ни изъ подъ отеческаго крова, ни изъ стѣнъ семинаріи не могъ вынести ни одного тернія или волчца. Открывшійся для него въ столицѣ иной міръ овладѣлъ всѣмъ его существомъ, стремившимся къ чему-то высшему и лучшему,—овладѣлъ до такой степени, что ему представлялся тѣснымъ тотъ кругъ міросозерцанія, въ которомъ онъ до этой поры жилъ. Мы прожили смутное время, слѣды котораго не изгладились и доселѣ. Послѣ аплодисментовъ Вѣрѣ Засуличъ, послѣ убійствъ слугъ царскихъ и самаго царя—благороднѣйшаго изъ всѣхъ владыкъ земныхъ, мы стали чувствовать, что живемъ въ самой удушливо грозной атмосферѣ, что у насъ дѣлаются подкопы подъ тѣ вѣковые основы, на которыя вѣками наслаивалась наша народно-государственная жизнь и созидалось великое Русское царство, стали чувствовать и кинулись во всѣ углы отыскивать виновниковъ этого грознаго зла. Вотъ предъ нами Чернышевскій, какъ глашатай разрушительныхъ идей. Откуда онъ? Изъ Саратова, изъ тамошней духовной семинаріи. Найденъ мутный источникъ!—А столица? Ея на нашей картѣ, т. е. при нашихъ поискахъ, не оказалось. Такъ-то мы любимъ держаться Русской поговорки: валить все съ больной головы на здоровую.

Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что вліяніе новаго времени не коснулось и нашихъ духовныхъ школъ, когда оно, это вліяніе, благодаря свободѣ печатнаго слова, проникло въ самыя глухія уголки широкой Русской земли; но были ли хоть слабые признаки этого вліянія въ духовныхъ школахъ въ то время, когда учился въ Саратовской семинаріи Чернышевскій? Я самъ прошелъ полный курсъ этой школы, между тѣмъ какъ Чернышевскій пробылъ въ ней всего четыре года, и очень хорошо ее помню. Питомцы Саратовской семинаріи, равно какъ и другихъ, были такъ поставлены, что любой грамотный дворникъ настоящаго времени легче и скорѣе можетъ напитаться разнаго рода лжеученіями, чѣмъ питомцы духовныхъ среднихъ учебныхъ школъ 20-хъ, 30-хъ и начала 40-хъ годовъ. Трудно повѣрить, но это такъ. Мы не слышали даже слова политика. Еще можетъ быть труднѣе повѣрить, если я скажу, что едвали изо ста питомцевъ семинарій (по крайней мѣрѣ Саратовской) одинъ видѣлъ въ печати басни Крылова, стихотворенія Пушкина, Жуковскаго и т. д. Положительно можно сказать, что ихъ не было и въ самой библіотекѣ семинаріи. Но мы знали, что они не только существуютъ, но заучивали ихъ даже наизустъ. Случайно они кѣмъ-нибудь списывались, потомъ переписывались, и у рѣдкаго ученика не было довольно объемистой, тщательно

переписанной тетради, въ которой первый листъ занимала ода Богъ, псалмы, переложенные въ Русскіе стихи Глинкою, затѣмъ шелъ столь любимый всѣми Громобой, Кавказскій Плѣнникъ и т. д. Учебники и книги духовнаго содержанія—вотъ чѣмъ духовно питались мы, и начальство довольно строго преслѣдовало чтеніе свѣтскихъ книгъ, даже такихъ невинныхъ, какъ Юрій Милославскій, Рославлевъ и т. д. Не вѣрится мнѣ самому, что я въ теченіе всего семинарскаго курса ни разу не видѣлъ листа газеты. Разъ какъ-то мнѣ привелось увидѣть какую-то книжку Библіотеки для Чтенія (она врѣзалась въ моей памяти по загнутому печатному углу на ея обложкѣ). Припоминаю одинъ случай. Нашъ старшо́й [1]) живя въ семинарскомъ корпусѣ казеннокоштнымъ, давалъ уроки въ одномъ господскомъ домѣ и оттуда однажды принесъ книжку журнала (Отечечественныхъ Записокъ или Библіотеки, не помню), въ которой въ первый разъ была напечатана первая половина Конька-Горбунка Ершова. Онъ объявилъ намъ, что послѣ подготовки уроковъ (вечеромъ) прочитаетъ эту сказку. Вѣсть разнеслась по всѣмъ комнатамъ, все сбѣжалось слушать; давка была страшная. Стихи были прочтены, всѣ пришли въ неописанный восторгъ; но какъ не имѣть такого сокровища въ своихъ тетрадкахъ? Попросили позволенія списать; позволеніе старшимъ дано; но такъ какъ книга была взята на одну ночь, то надобно было поспѣшить, и ребята такъ ухитрились, что вдругъ переписывалось съ четырехъ страницъ [2]).

Конечно жившіе на квартирахъ имѣли больше возможности читать свѣтскія книги; но что̀ въ нихъ тогда было похожаго на нашу литературу позднѣйшаго времени? Высшій слой обыкновенно читалъ Французскія произведенія, можетъ быть, и не совсѣмъ безпорочнаго содержанія; но эти книги были недоступны питомцамъ духовной школы, по слабому знанію этого языка. На Иринарха Введенскаго (извѣстнаго переводчика произведеній Диккенса), еще въ Саратовской семинаріи свободно читавшаго и говорившаго по французски, смотрѣли какъ на самое рѣдкое явленіе. Онъ могъ знать этотъ языкъ, такъ какъ въ дѣтствѣ воспитывался въ одномъ барскомъ домѣ, вмѣстѣ съ дѣтьми барина.

Итакъ, съ какой стороны ни посмотрѣть на духовную семинарію разсматриваемаго нами стараго времени, нельзя не придти къ заключенію, что она не могла быть разсадникомъ легкомыслія и тѣмъ болѣе—идей,

---

[1]) Ив. Халколивановъ, впослѣдствіи одинъ изъ лучшихъ магистровъ М. Д. Академіи, умеръ каѳедральнымъ протоіереемъ г. Самары и оставилъ по себѣ собраніе замѣчательныхъ поученій.

[2]) Можетъ быть, на бумажкахъ, которыми мы побирались въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Хотя это было болѣе въ обычаѣ у учениковъ училища; но риторы, равно какъ и философы, при крайней нуждѣ также прибѣгали къ этой мѣрѣ, т. е. къ собиранію милостыни, полулистами, четвертушками и даже восьмушками. Характеристично! Но что̀ было дѣлать?

направляющихся къ разрушенію вѣры, семьи и государства; а на батюшку-царя воистину тогда смотрѣли какъ на земнаго Бога. Заключеніе въ противномъ смыслѣ есть грубый извѣтъ, безъ всякой исторической подкладки, или не менѣе, какъ грѣхъ невѣдѣнія.

Немало въ этой школѣ было грубоватаго, неотесаннаго, противнаго эстетическому образу жизни; о самыхъ представителяхъ духовной власти тогдашняго времени говорили, что въ нихъ течетъ дьячковская кровь. Но благодаря строгой и вмѣстѣ съ тѣмъ отеческой дисциплинѣ, довольно суровому и бѣдному образу жизни (разумѣемъ пищу, одежду, помѣщеніе и т. д.) и наклонности къ труду (который особенно вызывался классицизмомъ, такъ какъ всѣ главные предметы читались на Латинскомъ языкѣ) изъ этой школы выходили люди съ крѣпкимъ закаломъ здороваго ума и добраго сердца. Въ этомъ порукою исторія. Семинаристовъ того времени укоряютъ въ одномъ грѣхѣ – въ пьянствѣ и подъ пьяную руку—въ буянствѣ. Но студенты университетовъ и другихъ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеній были также причастны этимъ грѣхамъ. Мнѣ думается, что если отводили первенствующее мѣсто на этомъ поприщѣ семинаристамъ, то по преданію отъ временъ Тараса-Бульбы. За тридцатые и сороковые года мы вполнѣ можемъ поручиться, что любившіе выпить и побезчинничать составляли самое скромное число. Но не можемъ не отмѣтить и слѣдующаго въ тѣ времена нерѣдкаго явленія: немалое число воспитанниковъ богословскаго класса, готовившихся во іереи, были такъ проникнуты духомъ церковности, что въ первую недѣлю Великаго поста и въ Страстную, готовясь къ исповѣди и святому Причастію, въ теченіи пяти дней недѣли вкушали пищу какихъ-нибудь раза два, и притомъ пищу во образѣ кусочка чернаго хлѣба и водицы. Повторяются ли подобныя явленія въ наше время среди будущихъ пастырей православной церкви? Не утверждаемъ и не отрицаемъ.

Но вотъ еще черты духовныхъ школъ стараго времени. Однажды, разговаривая о нихъ съ преосвящ. Аѳанасіемъ (бывшимъ епископомъ Саратовскимъ и умершимъ въ санѣ архіепископа Астраханскаго), вотъ что я услышалъ отъ него. „Много худаго говорятъ о нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно уличаютъ ихъ въ пьянствѣ, что́ далеко отъ правды; но эти заведенія имѣютъ то, что́ едва ли имѣютъ свѣтскія. Когда я былъ ректоромъ Духовной Академіи *), на мнѣ, какъ на отцѣ ввѣренной мнѣ семьи, лежалъ долгъ слѣдить за ея нравственнымъ направленіемъ. И вотъ что̀ я дѣлалъ, не оставляя, конечно, и другихъ путей для достиженія моей цѣли. Послѣ исповѣди на первой недѣлѣ Великаго поста и Страстной я призывалъ къ себѣ духовника и, не касаясь личностей, спрашивалъ у него о порочныхъ наклонностяхъ всего учащагося состава Академіи; и что́ же, вы думаете, я обыкновенно слышалъ? Изъ 80 или около того питомцевъ оказывалось 5—6—7 согрѣшившихъ противъ цѣломудрія,

и это, замѣтьте, въ возрастѣ между 22—26 годами. Отъ того-то мы и имѣемъ здоровыхъ работниковъ, на какую работу ни пошли ихъ. Съ нарушеніемъ цѣломудрія въ раннемъ возрастѣ начинается разложеніе человѣка".

Это показаніе почившаго святителя могутъ подтвердить многіе бывшіе питомцы духовныхъ школъ, украшенные теперь почтенными сѣдинами.

Послѣднее слово. Если плевелы могутъ заглушать пшеницу, то и пшеница, посѣянная опытною рукою, при дружномъ ростѣ, также можетъ заглушить плевелы. Долгъ каждаго сына Русской земли—если есть разумныя силы—сѣять и сѣять сѣмена вѣры, правды и добра, которыми столько вѣковъ питался православный Русскій народъ и выросъ въ міровую семью, имѣющую во главѣ своей не только самодержавнаго вождя, но и отца. Таковъ завѣтъ всей прожитой Русскимъ народомъ многовѣковой жизни. Помнить мы должны, если хотимъ добра родной землѣ, что и „лѣнивыхъ рабовъ" очищаетъ тотъ же судъ совѣсти, отчизны и верховнаго Судіи Бога, какъ и сѣятелей терній и волчцовъ. Не знаемъ, чтò ожидаетъ Чернышевскихъ; но лѣнивыхъ рабовъ, по словамъ Небесной Истины,—„тьма кромѣшная".

Ив. Палимсестовъ.

Февраля 24-го 1890 г.
Москва.

*) С.-Петербургской.

ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

1712 годъ не былъ счастливымъ годомъ для нашего отечества. Такъ называемый Прутскій походъ не удался, и эта неудача имѣла ближайшимъ слѣдствіемъ то, что Петръ пріостановилъ предпріятія на Востокѣ, обративъ свои мысли и работы къ укрѣпленію нашего значенія на Сѣверѣ. Во время Прутскаго похода нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ былъ комнатный стольникъ П. А. Толстой, тотъ самый, котораго путевыя записки по Италіи напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 года.

Со всѣмъ персоналомъ посольства онъ былъ сажаемъ въ *Едикуле* (Семибашенный замокъ) на берегу Мраморнаго моря и такъ называемыхъ золотыхъ воротъ. Въ числѣ «заключенныхъ» находился и «капелланъ», посольскій священникъ Андрей Игнатьевъ, описавшій свою поѣздку въ Іерусалимъ. Слѣдовательно онъ могъ описать и *троекратное* заключеніе посла и его свиты въ Едикуле, а можетъ быть и сдѣлалъ это; но записки его не дошли до насъ. Тѣмъ интереснѣе сохранить и то малое, что̀ случайно нашлось записаннымъ на память однимъ изъ *очевидцевъ*.

Намъ попалась рукопись: «Краткій Лѣтописецъ», по всѣмъ примѣтамъ принадлежавшая въ началѣ XVIII вѣка упомянутому выше «капеллану» Андрею Игнатьеву. Запись въ ней гласитъ слѣдующее: «1712 г. Марта 14 дня въ началѣ бысть трясеніе земли въ Царьградѣ таковое, отъ него же на многихъ мѣстахъ скрушахуся стѣны каменнаго зданія, въ великій постъ, въ пятокъ второй недѣли, токмо начахомъ пѣти псаломъ: «благослови душе моя Господа» идѣже есть написано: «призираяй на землю и творяй ю̂ трястися». Мы же бѣхомъ съ оное время съ превосходительнѣйшимъ господиномъ посломъ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ у Турокъ въ Едикуле, въ исходѣ шестнадцатаго мѣсяца, отнелѣ же посаждены бѣхомъ въ ню. А отъ онаго крѣпкаго трясенія земли и отъ тресвновенія храмовъ, едва возмогохомъ убѣжати, не дочитавъ онаго псалма. Потомъ мало погодя, въ другой разъ потрясеся мало».

«Въ 15-й день (Марта), въ 4 часу въ началѣ, паки мало что легчае вышеписаннаго перваго восколебанія. Воистину ужасъ бѣ видѣти оное колебаніе. Человѣцы, которые бяху на земли, не можаху кто устояти о себѣ, яко на мори въ колеблющемся суднѣ».

(Сообщилъ о. архимандритъ Леонидъ).

ПИСЬМО КНЯЗЯ КУТУЗОВА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ.
(1812)

Всемилостивѣйшая Государыня.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 15-го Августа имѣлъ я счастіе получить, и всѣ письма при ономъ препровожденныя доставилъ немедленно къ тѣмъ особамъ, къ которымъ угодно было Вашему Величеству адресовать. Участіе, которое Вы изволите принимать въ жребіи господина Адлерберга *), служащаго лейбъ-гвардіи въ Литовскомъ полку, изъ уваженія къ особеннымъ достоинствамъ матери его, обязываетъ меня имѣть о немъ особенное попеченіе, и я надѣюсь, что онъ вскорѣ доставитъ мнѣ случай быть ему полезнымъ. Чувствительнѣйше признателенъ я также Вашему Величеству за столь лестныя на мой счетъ выраженія. Цѣль желаній моихъ будетъ всегда заслуживать Всемилостивѣйшее Ваше ко мнѣ благоволеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій «Князь Михаилъ Голенищевъ-Кутузовъ».

Августа 28 дня 1812 года
при Можайскѣ.

(Сообщилъ Е. С. Шумигорскій).

---

*) Впослѣдствіи министра императорскаго двора, графа Владимира Ѳедоровича, тогда только что выпущеннаго изъ Пажескаго Корпуса вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Пестелемъ. Мать его въ 1812 году была начальницей Смольнаго монастыря. П. Б.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Въ статьѣ „Повѣсть о судѣ Шемяки“, напечатанной въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1890 годъ № 1, стр. 102—114, помѣщено переложеніе „Суда Шемяки“ К. Н. Льдова.

По поводу этого переложенія въ означенной статьѣ, между прочимъ, говорится: „Въ 1794 году, въ Москвѣ, нѣкій А. О. (Оленинъ, по мнѣнію г. Сухомлинова) издалъ лубочное стихотворное переложеніе повѣсти (съ моральнымъ оттѣнкомъ), сдѣланное дубовыми виршами“. Вышеприведенное мнѣніе академика Сухомлинова раздѣляетъ и авторъ почтеннаго труда „Русскія народныя картинки“ Д. А. Ровинскій (т. IV, стр. 167).

Съ такимъ мнѣніемъ уважаемыхъ ученыхъ я имѣю основаніе не согласиться.

Въ моей библіотекѣ находится та самая книга, сочиненіе которой приписывается А. Оленину. Книга эта по моему экземпляру уже описана нашимъ извѣстнымъ библіографомъ Н. В. Губерти (т. II, стр. 74). Она носитъ слѣдующее заглавіе:

Судъ
Шемякинъ,
съ изображеніемъ дѣйствующихъ
лицъ и съ пріобщеніемъ нравоучи-
тельныхъ басенъ.
Ижди. А. Осипова.
Москва,
1794.

Итакъ, изъ заглавнаго листа „Суда Шемяки“ видно, что онъ изданъ А. Осиповымъ. Вслѣдъ за заглавнымъ листомъ помѣщено слѣдующее предисловіе: „Стихи по нынѣшнему употребленію представляютъ старинную повѣсть Шемякина Суда, который рѣдокъ стариною своею; онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія Уложенія, ибо на Спаскомъ мосту въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ продавался тогдашняго стиля виршами и съ картинами; уповательно, что онъ забавнымъ своимъ происшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ и въ младенчествѣ законодавцу Соборнаго Уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ народѣ, какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ, весьма употребительнымъ. За излишне почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякой читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.“

Итакъ, изъ вышеприведеннаго предисловія видно, что изображеніе, помѣщенное въ книгѣ, рисовалъ и гравировалъ А. О. Очевидно, что эти инпціалы того же лица, о которомъ упомянуто на заглавномъ листѣ книги, то-есть А. Осиповъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что издателемъ книги „Судъ Шемякинъ", напечатанной въ 1794 г., рисовальщикомъ и граверомъ помѣщенныхъ въ ней изображеній былъ одно и то же лицо—А. Осиповъ.

Вотъ и все, что́ только можно вывести изъ данныхъ, представляемыхъ заглавнымъ листомъ описываемой книги и предисловіемъ. Но эти данныя рѣшительно не даютъ никакого основанія относить стихи о „Судѣ Шемяки", помѣщенные въ изданіи 1794 года, А. Оленину, какъ то предполагаютъ гг. Сухомлиновъ и Ровинскій.

Въ числѣ писателей дѣйствительно есть А. Оленинъ; но А. Оленинъ есть никто иной какъ Алексѣй Николаевичъ — директоръ Императорской Публичной Библіотеки и президентъ Императорской Академіи Художествъ, извѣстный любитель искусствъ и археологъ. Всѣ печатные труды его касались только археологіи и искусствъ, и труды его издавались только въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, въ которой изданъ „Судъ Шемякинъ" въ 1794 году.

Что же касается А. Осипова, издавшаго въ 1794 г. „Судъ Шемякинъ", то онъ, учившись рисовать у І. Кинеля и гравировать у Соколова, былъ трудолюбивымъ граверомъ и оставилъ послѣ себя многое число гравюръ, которыя поименованы К. Тромонинымъ въ „Очеркахъ съ лучшихъ произведеній живописи, гравированія, ваянія и зодчества", изданныхъ въ 1839 г., т. І, стр. 107—110, и Д. А. Ровинскимъ въ подробномъ словарѣ Русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. ІѴ, стр. 716 и 717. Картинки, помѣщенныя въ „Судѣ Шемякинѣ", награвированы Осиповымъ, когда ему было только 14 лѣтъ; онъ родился, по удостовѣренію Д. А. Ровинскаго, въ 1770 г. и, вѣроятно, эти картинки суть первыя его произведенія.

Иду далѣе. На основаніи данныхъ, имѣющихся у меня, я долженъ удостовѣрить, что стихи о судѣ Шемяки, напечатанные въ изданіи 1794 года, были напечатаны въ первый разъ въ 1780 году.

Въ моей библіотекѣ имѣется и сіе первое изданіе. Заглавіе его слѣдующее:

Судъ
Шемякинъ.
Печатано въ Санктпетербургѣ.
1780 года.

Это первое изданіе Суда Шемяки описано Сопиковымъ подъ № 11595, Плавильщиковымъ подъ № 5155 и Смирдинымъ подъ № 6818.

Чтобы не быть голословнымъ въ удостовѣреніи того, что стихи, помѣщенные въ изданіи „Суда Шемяки" 1794 г., есть почти буквальная перепечатка съ изданія 1780 г., я приведу здѣсь нѣсколько стиховъ изъ начала и конца того и другаго изданія:

Начало изъ изданія 1794 года.

Утробою одной два брата рождены,
Но счастьемъ лишь они неравнымъ снабдѣны;
Въ довольствѣ одному жить вѣкъ судьба судила,
Но игомъ бѣдности другаго тяготила.
Погрѣться бѣдненькой зимою захотѣлъ,
Возъ дровъ къ себѣ тащилъ и жѣстоко потѣлъ;
Изъ силы выбившись онъ къ брату потащился,
Смиренно богачу бѣдняга поклонился;
Лошадки съ хомутомъ онъ проситъ у него
И милости сей ждетъ отъ брата своего.

Начало изъ изданія 1780 года.

Утробою одной два брата рождены,
Но счастьемъ лишь они неравнымъ снабдены;
Въ довольствѣ одному жить вѣкъ судьба судила,
Но игомъ бѣдности другова тяготила.
Погрѣться бѣднинкой зимою захотѣлъ,
Возъ дровъ къ себѣ тащилъ и жѣстоко потѣлъ;
Изъ силы выбившись, онъ къ брату потащился,
Смиренно богачу бѣдняга поклонился;
Лошадки съ хомутомъ онъ проситъ у него
И милости сей ждетъ у брата своего.

Конецъ изъ изданія 1794 года.

Услышавъ то судья, свой лобъ перекрестилъ,
Въ судейскихъ что грѣхахъ онъ духъ не испустилъ.
Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезенъ:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Конецъ изъ изданія 1780 года.

Услышавъ то Судья, свой лобъ перекрестилъ,
Въ судейскихъ что грѣхахъ онъ духъ не испустилъ.
Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезенъ:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый сталъ не бѣденъ.

Смирдинъ (или вѣрнѣе сказать Анастасевичъ, такъ какъ онъ составилъ Смирдинскую роспись книгамъ) относитъ „Судъ Шемякинъ", изд. 1780 г. къ сочиненію Ѳедора Задубскаго. Но такое указаніе я также признаю невѣрнымъ.

Ошибочное указаніе Смирдина вѣроятно основано на томъ, что подъ гравюрой, изображающей „Судъ Шемякинъ" есть надпись: „Изобразилъ Федоръ Задубской, Антикъ Гетруской". Но если сообразить эту надпись съ предисловіемъ, которое помѣщено въ описываемомъ мною изданіи „Суда Шемяки", то не представится основанія согласиться съ мнѣніемъ Смирди-

на. Предисловіе слѣдующее: „Стихи по нынѣшному употребленію представляютъ старинную повѣсть Шемякина Суда, которой рѣдокъ стариною своею, что до временъ сочиненія Уложенья былъ извѣстенъ, потому что на Спаскомъ мосту въ Москвѣ еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ рисунками, которой въ чаяніи и двору царскому быть могъ извѣстнымъ. То мыслить можно, что Законодавцу, Сочинителю Соборнаго Уложенья, въ младенчествѣ забавнымъ своимъ происшествіемъ былъ увеселеніемъ, а въ народѣ весьма употребляемъ забавнымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ родился 1629 года, сдѣлалъ Соборное Уложеніе, котораго закона ненарушимая святость рожденною 1729 года премудрою Монархинею утверждается и прославляется, и коль премудро, что не разрушеніемъ стараго новые свои законы поставляетъ, но истинное свое понятіе влагаетъ своимъ попеченіемъ о блаженствѣ подданныхъ; человѣколюбіе и правосудіе соединяя, дѣлаетъ жизнь каждаго подданнаго усладительною въ несеніи всякаго званія, и тѣмъ подаетъ вездѣ выгоды; а они производятъ сущую отраду, гдѣ увеселенія и забавы въ препровожденіи каждой имѣетъ, и въ такомъ случаѣ довольно есть время желающему позабавиться сими стихами и предложеннымъ сначала изображеніемъ, которое я самъ рисовалъ и гридировалъ. Ѳ. З.“

Изъ надписи подъ гравюрой и изъ приведеннаго предисловія только и можно вывести заключеніе, что изображеніе помѣщенное въ описываемой мною книжкѣ рисовалъ и гравировалъ Ѳедоръ Задубскій.

Если бы тотъ же Задубскій былъ и сочинителемъ стиховъ, то, конечно, онъ въ своемъ предисловіи болѣе нашелъ бы нужнымъ сказать объ этомъ, нежели о картинкѣ, которая помѣщена въ изданіи, такъ какъ картинки въ сочиненіяхъ имѣютъ меньшее, нежели самое сочиненіе, такъ сказать, служебное значеніе.

Къ этимъ простымъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще и то, что въ числѣ писателей Ѳедоръ Задубскій не значится; объ семъ лицѣ нѣтъ указаній, а о томъ, что онъ былъ граверомъ—это извѣстно: онъ еще въ 1756 году награвировалъ фейерверкъ, сожженный по случаю тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны. Объ этомъ есть указаніе въ сочиненіи Д. А. Ровинскаго „Русскіе граверы и ихъ произведенія“, стр. 191.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что стихи, помѣщенные въ „Судѣ Шемякинѣ“, изданномъ въ 1794 г., не принадлежатъ, вопреки мнѣніямъ гг. Сухомлинова и Д. А. Ровинскаго, А. Оленину, 2) что стихи, помѣщенные въ означенномъ изданіи, есть буквальная перепечатка съ изданія 1780 года; 3) что стихи, помѣщенные въ изданіи 1780 г., не принадлежатъ, вопреки указанію Смирдина, Ѳ. Задубскому и 4) что, слѣдовательно, авторъ стиховъ, помѣщенныхъ въ „Судѣ Шемякинѣ“, изданномъ въ 1780 и 1794 годахъ—неизвѣстенъ, и вопросъ объ этомъ остается открытымъ.

Тула. 1890.

И. Остроглазовъ.

О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ПѢНІИ.

Слѣдующая за этимъ предисловіемъ замѣтка была написана въ 1878 году, чтобы привести въ порядокъ разныя соображенія о нашей народной пѣснѣ по поводу споровъ о ней послѣ Русскихъ концертовъ на Парижской выставкѣ [1]). На этотъ вопросъ у насъ немногими обращается вниманія, не смотря на требованія, которыя постоянно и теперь возбуждаются о правильномъ устройствѣ нашихъ школъ, о возстановленіи при этомъ нашего церковнаго и вообще народнаго пѣнія и т. п. Вотъ почему полезно, кажется, было бы подумать, что этотъ вопросъ имѣетъ не одну музыкальную сторону, для инструментовъ или голосовъ, но что онъ тѣсно связанъ съ выраженіемъ нашего языка, а это касается многаго. Напр. прежде научались молитвамъ, когда слушали наше обиходное церковное пѣніе отъ причта; а теперь, у пѣвчихъ, нельзя и понять, что̀ они поютъ, несмотря на хорошее исполненіе и такихъ сочинителей, какъ напр. Бортнянскій. И это оттого, что наука не образовываетъ у насъ слуха, чтобы объяснить природную музыкальную сторону нашего языка, и вотъ почему теперь коренной Русской человѣкъ не можетъ понять, что̀ говорятъ, поютъ и пишутъ образованные нашими школами Русскіе люди. Мы довѣряемъ Европейскимъ способамъ воспитанія, а что главный способъ разумѣнія есть свой природный языкъ, объ этомъ мы совсѣмъ забыли. Несмотря на то, что мы имѣемъ въ нашихъ нотныхъ церковныхъ книгахъ [2]) усвоенную уже нашему языку древнюю Греческую науку, образцы высокаго музыкальнаго краснорѣчія, а въ народѣ жива того же музыкальнаго закона многоголосная пѣсня [3]), чего и древній міръ намъ не оставилъ: мы ищемъ не объясненія нашей природы, а какихъ-то другихъ для нея основаній въ иностранныхъ понятіяхъ классицизма, реализма, контрапункта и т. п.

Въ послѣднее время было немало споровъ о Русской музыкѣ по поводу выставки въ Парижѣ, и общій вопросъ вышелъ, кажется, такой: какими музыкальными сочиненіями мы можемъ заявить нашу народную музыку? Въ этомъ дѣлѣ мнѣнія музыкальныхъ кружковъ, безъ сомнѣнія, очень важны; но можетъ быть не будетъ безполезенъ взглядъ и съ другой стороны, именно со стороны народной практики.

---

[1]) Ближайшая цѣль была посредствомъ записи многоголосной Русской пѣсни привести въ извѣстность законы нашего народнаго пѣнія.

[2]) Изданіе Св. Синода 1777 г.

[3]) Точная запись ея (Сборникъ Мельгунова 1879 г.) ясно показываетъ этотъ законъ.

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія что нашу пѣсню вѣрнѣе всѣхъ другихъ сочинителей понялъ и передалъ Глинка. Его сочиненія и духовныя Львова, Бортнянскаго и частію ихъ послѣдователей, конечно, лучшее, чтò мы могли отъ себя поставить на выставку. Теперь своевременно обсудить: вполнѣ ли наши сочинители выразили и выражаютъ свою народную пѣсню и чего намъ остается еще желать?

Чтобы понятнѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, умѣстно вспомнить о развитіи народнаго склада въ нашемъ литературномъ стихосложеніи. Это вѣдь тоже развитіе слуха, какъ и въ музыкѣ и, если мы сравнимъ успѣхи стихосложенія въ этомъ развитіи съ такими же успѣхами музыки, тогда и виднѣе будетъ, чего мы можемъ желать.

Дѣло представляется такимъ образомъ. Наша музыка и стихотворенія (письменныя, а не изустныя народныя) шли по одной дорогѣ, брали готовыя рамки отъ западной науки и въ нихъ старались укладывать свою пѣсню. Обѣ поняли неудобность этихъ рамокъ и по немногу начали изучать свой складъ пѣсни. По настоящее время литература хоть и мала, но имѣетъ произведенія, написанныя народнымъ языкомъ: пѣсню о купцѣ Калашниковѣ Лермонтова и другія въ этомъ родѣ у Кольцова, графа А. Толстаго и проч. всякой крестьянинъ пойметъ. О музыкѣ этого сказать нельзя: то чтò мы слышимъ до сихъ изъ написаннаго никакой простой Русской человѣкъ не признáетъ за свою пѣсню; развѣ только мѣстами покажется похожа, да и это сходство теряется на Итальянской манерѣ исполненія. Самъ Глинка, какъ извѣстно [1]) былъ недоволенъ итальянщиной въ «Жизни за Царя», а народнѣе этого произведенія, да оперетки Верстовскаго «Аскольдова Могила» (тоже съ итальянщиной, но замѣчательной по музыкальному выраженію слова) мы и до сихъ поръ ничего не имѣемъ. Въ церковной сочиненной музыкѣ мы еще меньше слышимъ народнаго, чѣмъ въ свѣтской.

Сравненіе это можетъ показаться неправильнымъ, потому что передать народное слово легче, чѣмъ многоголосную пѣсню. Это можетъ быть и справедливо; но повидимому стихъ и музыкальное выраженіе его должны бы идти рука въ руку. Насколько литература ушла отъ музыки въ дѣлѣ самопознанія, это видно при сравненіи сборниковъ пѣсенъ той и другой. Литературные сборники даютъ полное понятіе о неиспорченной народной рѣчи нашей, а въ лучшемъ изъ музы-

[1]) Записки Ростислава (Толстаго).

кальныхъ сборниковъ [2]) вѣрно записанныя пѣсни перепорчены сочиненной гармонизаціей, и въ большинствѣ они даютъ только дурное понятіе о Русской пѣснѣ. Чтобы еще ближе сдѣлать это сравненіе, нужно посмотрѣть гармонизацію къ напѣвамъ духовныхъ стиховъ (Калѣки Перехожіе). Стихи и напѣвы ихъ (не говоря о списанныхъ) переданы такъ, какъ ихъ говоритъ и поетъ народъ, а гармонія къ напѣвамъ, придѣланная музыкальной наукой, это уже совсѣмъ другое: эта наука даже и нѣкоторые напѣвы *исправила* сообразно своимъ законамъ. Исключеніе можно сдѣлать для гармоніи князя Одоевскаго и въ церковномъ пѣніи для Н. М. Потулова, близкихъ къ правдѣ; но имъ-то и не видно подражателей. Видно, напротивъ, въ новѣйшихъ сборникахъ нѣсколько шаговъ назадъ отъ нихъ [3]).

Какая же причина, что мы не можемъ понять своей пѣсни и не слышимъ въ прибавляемыхъ къ ней голосахъ самыхъ рѣзкихъ несвойственныхъ ей звуковъ? Винить въ этомъ нашихъ безспорно талантливыхъ композиторовъ, которые трудятся для ея разработки, было бы несправедливо; да отчасти тутъ причиной и выборъ полурусскихъ стиховъ для Русской музыки. Но воспитаніе слуха винить слѣдуетъ. Князь Одоевскій писалъ: «повторяю и не перестану повторять, что «совершенная гибель для нашей народной мелодіи—вторженіе въ нашу «среду новой Италіянской музыки» [4]). Тоже, разумѣется, можно сказать и о гармоніи; и замѣнимъ ли мы итальянщину «Вагнеромъ или кѣмъ другимъ, это все равно.

При этомъ долженъ быть поставленъ другой вопросъ: вѣрны ли употребляемые для Русской музыки гармоническіе законы? На это могутъ отвѣчать тѣ, кто слышалъ неиспорченный хоръ и туже пѣсню у пѣвчихъ, какъ это дѣлалъ бывшій директоръ придворной капеллы А. Ѳ. Львовъ. Онъ (въ своемъ сочиненіи о ритмѣ) отдаетъ преимущество неученымъ пѣсенникамъ предъ учеными, и въ справедливости этого мнѣнія и теперь можетъ всякій убѣдиться. Что наука, удаляясь отъ природы, часто заблуждается, это всякому извѣстно; стоитъ при этомъ указать на статью проф. Вестфаля о Русскихъ глаголахъ, что̀ близко къ нашему вопросу (Русск. Вѣстн. 1876, № 10). И изслѣдованіе живой гармоніи нашихъ пѣсенъ въ сравненіи съ сочиненной ясно показываетъ на разницу ихъ законовъ; а между тѣмъ нельзя отвергать справедливости замѣчанія, что, «если гармонія основана на зако-

---

[2]) Балакирева.

[3]) Напр. въ Сборникѣ Римскаго-Корсакова.

[4]) „Русскій Архивъ“ 1863.

нахъ природы, то и правила для положенія ея на бумагу должны быть общими для всѣхъ родовъ музыки» (Львовъ о ритмѣ). И въ наукѣ, видимо, нѣтъ вѣры въ свои законы: одни и тѣже пѣсни она гармонизируетъ разнообразно, и одно съ другимъ не сходится; а природный законъ давно стоитъ непоколебимо. Хоть къ пѣснямъ прибавляются и разные подголоски множествомъ народа и изъ разныхъ, далекихъ одно отъ другаго мѣстъ, а все вмѣстѣ выходитъ складно и вѣрно.

Почему же мы не принимаемъ въ основаніе науки природный законъ, существующій у насъ, а слѣдуемъ тѣмъ, которые искажаютъ нашу пѣсню?

Тутъ встрѣчается непонятное, повидимому, положеніе дѣла. Руководящей наукѣ наши природные законы неизвѣстны. Это видно изъ всей напечатанной до сихъ поръ Русской музыки, и это же подтверждаютъ высказанныя по поводу концертовъ на Парижской выставкѣ серьезныя убѣжденія въ вѣрности принятыхъ наукой правилъ и въ невозможности новыхъ. Безъ сомнѣнія справедливо, что новыхъ правилъ, помимо естественныхъ, быть не можетъ; но въ убѣжденіи музыкальной науки, вѣроятно, есть недоразумѣніе въ томъ, что она считаетъ принятыя ею правила старыми, естественными, между тѣмъ какъ очевидно, при сравненіи ихъ съ природными, что они новыя (хоть можетъ быть и давнишнія) и испорченныя. Вотъ поэтому-то испортили и продолжаютъ портить нашу пѣсню. Отъ какихъ историческихъ причинъ зашла къ намъ эта порча, объ этомъ есть уже въ литературѣ изслѣдованіе: «Калѣки Перехожіе», въ 4-мъ выпускѣ, въ связи съ изслѣдованіемъ духовныхъ стиховъ, между прочимъ о псалмахъ и кантахъ. Правда, князь Одоевскій трудился и писалъ о возстановленіи нашей исконной пѣсни и, кажется, не такъ давно устраивалось для этого общество стараніями собирателей нашей старины; но въ спорахъ о Русской музыкѣ и именъ ихъ не встрѣчается. Не встрѣчается также имени и А. Ѳ. Львова, который еще 20 лѣтъ назадъ сомнѣвался въ законности принятыхъ музыкой правилъ (хотя и не рѣшился признать ихъ невѣрными, покоряясь, вѣроятно, понятію своего времени). Вотъ его слова (соч. о ритмѣ): «Не сопровождаемъ ли мы наши напѣвы гармоніею, законы которой мы изучили и идея которой утвердилась въ нашемъ представленіи лишь вслѣдствіе усилій нашихъ наставниковъ?»

Сомнѣніе это нельзя назвать неосновательнымъ: стоитъ только прослѣдить дѣйствіе школьной практики на природныхъ пѣвцовъ, чтобы убѣдиться, что никто другой, какъ эта школьная практика и испортила

нашъ слухъ. Мы слышимъ, какъ поетъ нашъ неученый народъ, безъ приготовленія, хоромъ, мѣняетъ выраженіе словъ и общую гармонію, каждый по своему вдохновенію, не нарушая этимъ склада пѣсни, и легко убѣдиться, что такъ пѣть въ настоящее время никакой ученый хоръ не можетъ. Не можетъ потому, что привыкъ выпѣвать ноты, а не слова, не разсказъ; оттого, что запутали свой слухъ чужимъ напѣвомъ и складомъ, сравнительно мелкимъ и невѣрнымъ въ примѣненіи къ нашей, да по всей вѣроятности ко всякой природной пѣснѣ. И вотъ почему для слуха самыхъ талантливыхъ исполнителей и сочинителей, которые прошли школьную науку, становится не подъ силу эта наша «несущаяся во всю длину и ширину свою отъ моря до моря Русская пѣсня» [1]). «Такимъ чернымъ волшебствомъ, говоритъ Грибоѣдовъ, мы стали чужими между своими» [2]).

А между тѣмъ наши ученые музыканты больше или меньше понимаютъ силу и значеніе этой пѣсни, и нѣтъ сомнѣнія въ желаніи образованныхъ и серьезныхъ людей возстановить нашу исконную Русскую музыку. Это показываютъ и сборники Русскихъ пѣсенъ, и новыя Русскія оперы, и даже споры о выставкѣ. Но они же показываютъ, что мы все еще не освободились отъ вѣры въ непогрѣшимость музыкальныхъ законовъ Запада, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще до установленія этихъ законовъ, потерялъ возможность провѣрить ихъ съ природою; показываютъ и на «чужеземствованіе наше въ землѣ своей» [3]): потому что мы не замѣчаемъ у насъ того, чтѝ и западная музыка не откажется принять за основаніе, именно естественный законъ для одиночнаго и многоголоснаго пѣнія. Что онъ у насъ есть, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія для близко знающихъ нашу пѣсню. Не говоримъ уже о необходимости этого закона для музыкальной науки вообще, и на сколько необходимы для насъ его знаніе и практика на его основаніяхъ, это можно сообразить изъ того, что законъ этотъ, помогая намъ вѣрно понять чувство нашей народной жизни, которая выражается въ нашихъ пѣсняхъ, даетъ возможность оцѣнить и разработать и тѣ нетронутыя музыкальной наукой богатства, которыя сохранила наша церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ; онѣ основаны на тѣхъ же естественныхъ законахъ, которыми держится строй нашей народной пѣсни. Безспорная древность этихъ пѣснопѣній видна и въ единствѣ ихъ музыкальнаго основанія съ народнымъ преданіемъ. Вѣроятно это были законы древней Греческой

---

[1]) Гоголь, Мертвыя Души.

[2]) О хороводной пѣснѣ.

[3]) Гоголь, Переписка съ друзьями.

вѣрной музыкальной науки, сохраненной нашей церковью и народомъ (но не свѣтскими школами) и едвали не вездѣ потерянной. Отцы церкви, установившіе эти пѣснопѣнія, видимо, знали эти законы и знали ихъ въ связи съ законами словесности. Важность этого признаетъ и современная наука, соединивши языковѣдѣніе съ музыкой[1]), и нѣтъ сомнѣнія, что безъ знанія и неуклоннаго исполненія этихъ законовъ мы не можемъ ни понять, ни оцѣнить, ни передать нашей пѣсни, ея смысла и чувства и той простоты величія, которое имѣетъ въ себѣ наше церковное пѣніе.

Западная наука не вѣритъ въ свои музыкальные законы и сама ищетъ для нихъ старыхъ, природныхъ основаній; слѣдовательно дальше разработки механическихъ подробностей съ ней идти некуда. Основнаго закона она, вѣроятно, не ошибется, если будетъ искать у насъ. Мы владѣемъ коренными его началами, и какого развитія музыки можно намъ при этомъ желать, это очевидно для всякаго, какъ очевидно должно быть и то, что представленіе себѣ «музыки будущаго», завезенное къ намъ съ Запада, есть ничто иное, какъ болѣзнь слуха. Вотъ отъ этой болѣзни и можетъ избавить насъ наша школа, если сдѣлается вполнѣ Русскою, и тогда, конечно, она будетъ имѣть право на благодарность своего народа и уваженіе чужихъ.

Для заключенія можно привести слова Карамзина: «Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою. Есть всему предѣлъ и мѣра. Какъ человѣкъ, такъ и народъ, начинаетъ подражаніемъ; хорошо и должно учиться, но горе и человѣку, и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ».

Карпъ Шапошниковъ.

---

[1]) Напр. изданіе Р. Вестфаля и Ю. Мельгунова (1878) фугъ Баха, которыя, кстати сказать, могутъ служить дорогой къ правдѣ для потерявшихъ ее и образцомъ того, какъ замѣчательный сочинитель старался къ ней приблизиться, но никакъ не руководствомъ къ знанію основательной музыки для тѣхъ, кто имѣетъ для этого чистый и богатый свой природный источникъ.

О СЛОВѢ КОПЕЙКА.

Въ Мартовской книжкѣ «Р. Архива» авторъ статьи: «Какъ писать копѣйка или копейка», говоритъ, что, основываясь на указаніяхъ и одобреніи своего профессора, Д. И. Мейера, пришелъ онъ къ убѣжденію, что слова копейка слѣдуетъ производить отъ *копья*, такъ какъ изображеніе всадника съ *копьемъ* встрѣчается на многихъ изъ нашихъ древнихъ монетъ *). Затѣмъ авторъ ссылается на Герберштейна, который повѣствуетъ, что съ того времени, какъ обрѣзанныя деньги были изъяты изъ употребленія, «начали тѣ деньги называться копійными».

Нимало не сомнѣваясь въ существованіи приведеннаго названія, позволю себѣ замѣтить, что изъ того обстоятельства, что изображеніе *копья* уничтожалось вслѣдствіе обрѣзки монеты (таковыя находятся въ моей коллекціи) еще никакъ не слѣдуетъ заключать, что слово *копейка* должно было производить отъ *копья*. Если монета получила свое прозваніе отъ находящагося на ней изображенія, то позволено спросить: на какомъ основаніи это названіе пріурочено именно къ едва замѣтному знаку копья, а не къ болѣе бросающейся въ глаза фигурѣ коня? По аналогіи гораздо естественнѣе было бы назвать монету съ изображеніемъ всадника (Св. Георгія Побѣдоносца) конкой, лошадкой, а не копейкой.

Мнѣ думается, что происхожденіе слова *копейка* или *копѣйка* слѣдуетъ искать нѣсколько далѣе, именно на Востокѣ, откуда немало словъ перешло въ Русскій языкъ. Мнѣніе свое утверждаю я на авторитетѣ извѣстнаго оріенталиста, профессора С.-Петербургскаго университета (1835—1863) А. О. Мухлинскаго, отличнаго знатока восточныхъ нарѣчій. Онъ утверждалъ, что слово *копейка* происходитъ отъ Татарскаго (Тюркскаго) слова *копека*, *капека*, что́ означаетъ «собака», такъ какъ

---

*) Нѣсколько серебряныхъ копеекъ съ такимъ всадникомъ царствованія Петра I-го находится моемъ въ собраніи монетъ. А. Ч.

на Татарскихъ монетахъ находилось изображеніе бѣгущей собаки: аллегорическое указаніе на назначеніе денежныхъ знаковъ переходить изъ рукъ въ руки (la monnaie *courante*). Находимыя у насъ въ большомъ количествѣ древнія Арабскія монеты не свидѣтельствуютъ ли о томъ, что первыя металическія деньги на Руси были происхожденія восточнаго и что самое слово копейка принесено къ намъ было съ Монгольскимъ нашествіемъ, если еще не ранѣе?

Вѣроятно также слово *деньги* происхожденія восточнаго. По крайней мѣрѣ на Персидскомъ языкѣ деньги—тэнкэ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что споръ о происхожденіи слова копейка можетъ быть рѣшенъ лишь съ помощью хорошихъ знатоковъ восточныхъ языковъ. Вообще нужно замѣтить, что безъ хорошаго знакомства съ исторіей и языками какъ Востока, такъ и Скандинавскаго Сѣвера многое въ нашей исторіи и языкѣ останется неразъясненнымъ.

Ревель. 1890.

А. Чуминовъ.

Лаврентій.

2-го Сентября. Въ этотъ день Французы ворвались въ Москву, захватили и мой домъ, наровнѣ съ прочими; но, благостію Бога, онъ спасся отъ огня, а люди, въ немъ оставшіеся, отъ меча вражія. Честь и хвала воспоминаемому служителю!

Лаврентій, вольной и препьяной человѣкъ, которому, однако, я очень много обязанъ при выѣздѣ нашемъ изъ Москвы и по вступленіи въ оную непріятеля. Лаврентій, будучи у меня въ услугѣ, оставался въ моемъ домѣ безъ всякаго порученія. Могъ ли я вообразить, что онъ отстоитъ и сохранитъ мой домъ? Однако такъ случилось. Ко мнѣ поставлены были два генерала. Лаврентій сдѣлался у нихъ и слуга, и шутъ, съ солдатами вмѣстѣ пилъ и гулялъ, а съ начальниками приблаживалъ и такъ имъ понравился, что онъ былъ у нихъ дворецкимъ и распорядителемъ ихъ увеселеній; сперва его били и даже ранили одинъ разъ, а потомъ уже онъ могъ другихъ протежировать. Онъ служилъ при столѣ господъ генераловъ, прибиралъ трупы солдатъ, которыхъ они разстрѣливали, таскалъ къ нимъ, вмѣстѣ съ ихъ денщиками, всякую добычу, при чемъ, вѣроятно, не забывалъ и себя; но при всемъ томъ, когда загорѣлось въ моемъ домѣ, онъ просилъ ихъ, чтобъ они помогли его отстоять, и генералы велѣли солдатамъ работать. Домъ мой такимъ образомъ спасся отъ всеобщаго пожара, и стѣны мои остались цѣлы. Важнѣе всѣхъ услугъ въ глазахъ моихъ было то, что Лаврентій успѣлъ изъ домовой церкви нашей вытащить антиминсъ, найденной имъ на полу, и спряталъ его до времени, а съ сохраненіемъ онаго я не лишился права послѣ возобновить престолъ свой. За всѣ сіи подвиги, которыхъ трезвой слуга, можетъ быть, мнѣ и не оказалъ бы, я положилъ ему 10 рубл. ежемѣсячной пенсіи, которую онъ получаетъ акуратно, и далъ ему свободу жить и служить, гдѣ хочетъ: ибо пьяной человѣкъ можетъ иногда быть очень полезенъ, но за то тысячу разъ въ другихъ случаяхъ опасенъ и даже вреденъ. Сіе заключеніе, однако, не освобождаетъ меня отъ при-

знательности, которой, доколѣ я проживу, назначенной отъ меня пенсіонъ пребудетъ залогомъ и прочнымъ для него доказательствомъ.

Ланская.

12-го Октября. Елисавета Ивановна. Съ ней мы въ дружескомъ отношеніи уже болѣе 30 лѣтъ, которое донынѣ продолжается. Она по себѣ была Виламова, дочь небогатыхъ иноземцевъ, кои пріютились въ Россіи. Мать ея помѣщена была дамой надзирательницей надъ классами въ Смольномъ монастырѣ, въ которомъ воспитывались и обѣ дочери ея, Елисавета и Анна. Первая была очень дружна съ покойной женой моей отъ самой нѣжной юности. Это заставило меня искать знакомства съ Луизой (такъ ее звали въ монастырѣ), когда я влюбился въ подругу ея Смирную: у двора и черезъ нее я нашелъ случай сближаться сердцемъ съ моей Евгеніей. Судьбы человѣческія, по какимъ-то недовѣдомымъ намъ случаямъ, чрезвычайно играютъ нами. Когда дѣвица Виламова была бѣдная только монастырка и едва имѣла чѣмъ одѣться, тогда Смирная, взятая ко двору привыкала всякой день къ прекраснѣйшимъ надеждамъ и питала ихъ въ душѣ своей. Не такъ устроилъ Богъ взаимныя ихъ обстоятельства въ будущемъ: Виламова попала также ко двору въ учительницы Великаго Князя Александра Павловича и проложила себѣ дорогу гораздо вѣрнѣе моей жены полезными своими трудами. Великая Княгиня полюбила ее, привыкла къ ней, возвысила ея жребій, и когда Виламова, влюбясь въ молодаго офицера гвардіи Ланскаго, испросила позволенія за него выйти, то награждена была хорошимъ пенсіономъ. При вступленіи Павла на престолъ, мужъ ея сдѣлался камергеромъ, ей пожаловано 600 душъ, и она вышла барыня. Моя жена, напротивъ, съ великою пышностію выданная за меня при дворѣ, ничего не могла со мной дѣлить кромѣ роковыхъ моихъ несчастій и уничиженій и, отъ высокихъ благотворителей своихъ не получа ничего, кромѣ обыкновеннаго приданаго изъ нарядовъ и ожерельевъ, прожила ихъ скоро со мною вмѣстѣ и нашла въ удѣлъ себѣ недостатки всякаго рода. Такимъ образомъ въ политическомъ

мірѣ Виламова стала по времени столько выше жены моей, сколько ниже ея была, при появленіи ихъ обѣихъ изъ Смольнаго къ одному и тому же двору. Подобная разница въ обстоятельствахъ расторгаетъ часто связи дружества, но здѣсь онѣ были прочно основаны, и потому Ланская съ женой моей остались искренними между собой навсегда. Бывали по временамъ отъ разлукъ и разныхъ недоразумѣній краткія между нами остуды, но мы всегда возвращались съ большимъ жаромъ къ прежнимъ нашимъ отношеніямъ, и даже, по вдовствѣ моемъ, Ланская сама, потерявъ мужа своего, достигшаго сенаторскаго званія, сохранила ко мнѣ и дѣтямъ моимъ то самое расположеніе, въ какомъ я нашелъ ее противъ себя, когда мы начинали еще свыкаться въ дружбѣ. Я съ ней велъ постоянную переписку, изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ розно съ ней жилъ; писывали мы другъ къ другу не слишкомъ часто, но постоянно отовсюду и въ одинаковомъ духѣ пріязни. Я ей обязанъ многими полезными совѣтами въ разныхъ случаяхъ жизни; она всегда принимала искреннее участіе въ моихъ обстоятельствахъ; во время приключеній моихъ въ Пензѣ много способствовала женѣ моей по связямъ своимъ у двора къ повороту въ пользу мою расположенія императора Павла, и хотя онъ меня пересталъ уже жаловать, восшедши на тронъ, но по крайней мѣрѣ не раздражался противъ меня до такого звѣрскаго степени, до какого онъ доходилъ съ другими, неидравными ему людьми. Во время невзгодъ самой Ланской (ибо кто ихъ не имѣлъ при Павлѣ)? когда и они не надолго сосланы были въ Псковскія свои деревни, я учащалъ свою съ ней переписку и, не боясь угрозъ шпіонскихъ, удержалъ прежнія мои дружескія отношенія. Сей знакъ моей искренности стократно заплаченъ былъ мнѣ ею въ дни моихъ новыхъ бѣдствій, когда я отрѣшенъ изъ губернаторовъ. Тутъ она развернула весь свой доброжелательный характеръ, просила обо мнѣ министровъ, наклоняла ихъ въ мою пользу, хлопотала всячески, и когда не могла мнѣ быть полезной, умѣла сострадать мнѣ и плакать вмѣстѣ со мною. Въ ближайшія къ намъ времена, оказывала разныя вспоможенія сыновьямъ моимъ, служащимъ въ Питерѣ и терпящимъ нужду, словомъ, иска-

ла всегда, вездѣ, ищетъ и донынѣ всѣхъ средствъ доказать мнѣ, что она, искренно меня полюбивъ съ начала, не мѣняется ни въ чувствѣ дружества, ни въ поступкахъ, кои отъ него истекать должны. И потому я обязанъ во всю жизнь мою помнить Ланскую, бывшую Луизу Виламову, быть ей всегда благодаренъ и отзываться объ ней съ той непринужденной похвалою, которую заслуживаютъ любовь истинная и благородныя ея пожертвованія.

Ланская.

28-го Мая. Прасковья Николаевна, урожденная княжна Долгорукая, дочь той самой княгини, съ которой я былъ въ такой короткой связи (см. княгиня Наталья Долгорукая). По знакомству моему со всѣми ея родными, я съ ней всегда обращался ласково, но пріязни искренней никогда между нами не было. Она два раза выходила замужъ и два раза овдовѣла; было время въ жизни моей, въ которое она оказала мнѣ самой высокой знакъ своей довѣренности. Когда я отправлялъ сыновей моихъ въ чужіе краи учиться съ Венцомъ, она ему же поручила своихъ двухъ сыновей отъ перваго брака и испросила моего согласія на воспитаніе ихъ вмѣстѣ съ моими, не стѣсняя, впрочемъ, ни въ чемъ моихъ собственныхъ распоряженій, словомъ, приняла ихъ себѣ за правила и послѣдовала онымъ. Я сохранилъ донынѣ письма ея ко мнѣ того времени, изъ коихъ видно, сколь далеко простиралась ея ко мнѣ довѣренность; но, при всемъ томъ, наши свойства и состоянія были такъ различны, что я не могу похвастать тою искреннею пріязнью въ отношеніяхъ моихъ къ ней, какой пользовался въ домѣ матери ея и дяди, истиннаго моего милостивца. Мы старались съ ней казаться между собой друзьями, помня старинныя связи, но въ самомъ дѣлѣ никогда ими не были, и одно путешествіе дѣтей нашихъ вмѣстѣ дѣлаетъ г-жу Ланскую навсегда мнѣ памятной.

Ланской.

2-го Іюля. Дмитрій Сергѣевичъ, родной деверь Елисаветы Ивановны, бывшей Виламовой. По ея ходатайству и связи со мной, онъ нѣкогда хотѣлъ сдѣлаться благодѣтелемъ моихъ

сыновей, и потому сталъ для меня болѣе нежели простой знакомой, какихъ у меня, въ несчетной толпѣ людей, населяющихъ большой свѣтъ, было множество. Сыновья мои, Павелъ и Дмитрій, вступя въ службу, были имъ очень обласканы. Ланской, будучи директоромъ цѣлаго департамента въ Министерствѣ Финансовъ, выманивалъ къ себѣ Павла моего, которой служилъ въ Министерствѣ Военномъ и, насуля ему множество выгодъ, завербовалъ у себя. Нѣсколько лѣтъ спустя потомъ, и Дмитрій, меньшой сынъ мой, явясь на службу въ Питеръ, попалъ, подъ покровительствомъ старшаго своего брата, къ нему же, и Ланской, назнача Павлу жалованья полторы тысячи, думалъ, что онъ уже крайне обязалъ его и весь домъ нашъ. Впрочемъ, онъ ему никакихъ выгодъ пріятныхъ не доставилъ и не исходатайствовалъ ему никакого знака отличія, не смотря на трудолюбіе сына моего и акуратную его службу. Можно сказать, что онъ добился одними урочными годами чина надворнаго совѣтника, и никакого особеннаго вниманія отъ Ланскаго ему оказано не было; а Дмитрій, тотъ года два числился при Ланскомъ въ чинѣ губернскаго регистратора, а не могъ, при всемъ томъ, что онъ былъ студентъ, добиться офицерскаго класса, и такъ уже отошелъ отъ него въ Иностранную Коллегію, гдѣ и произведенъ въ офицеры. Таковы были мои отношенія къ г-ну Ланскому, котораго я не могу назвать себѣ ни другомъ, ни пріятелемъ, узнавъ въ немъ, по поступкамъ его съ моими сыновьями, егоиста и хитраго человѣкоугодника, ищущаго только своей пользы и нимало неспособнаго быть въ самомъ дѣлѣ такимъ благодѣтелемъ, какимъ онъ себя любилъ выказывать.

Лафермьеръ.

12-го Сентября. Иностранецъ Швейцарской націи (Lafermière). Я его узналъ при дворѣ Великаго Князя, при которомъ онъ находился чтецомъ и занималъ его въ досужные пополуденные часы словесностію. Онъ сочинилъ для благороднаго театра ихъ высочествъ двѣ оперы, одну подъ названіемъ: „Le Faucon“, а другую: „Don Carlos“, которыя съ успѣхомъ и всей возможной пышностью въ одѣяніяхъ и деко-

раціяхъ были нами разыграны въ Павловскѣ и на Каменномъ острову; я въ первой игралъ доктора, а въ послѣдней отца и былъ одѣтъ во всѣ брильянты Великаго Князя. Сей иноземецъ былъ хорошо ко мнѣ расположенъ, и я часто съ нимъ бесѣдовалъ. Потомъ онъ жилъ въ Володимирской губ., у графа Александра Романовича Воронцова, гдѣ и умеръ и схороненъ на монастырѣ или въ оградѣ сельскаго храма, и надъ гробомъ его воздвигнутъ графомъ прекрасной памятникъ. Я никогда не забуду пріятныхъ часовъ, которые дѣлилъ у двора въ обществѣ съ Лафермьеромъ и, очень долго спустя послѣ свиданій моихъ съ нимъ, пріѣхавши въ деревню графа Воронцова, уже по смерти того и другаго, я какъ очарованъ былъ, войдя въ комнату, обитаемую иностранцемъ. Тамъ я нашелъ портреты многихъ лицъ, коихъ онъ зналъ у двора въ ближайшемъ кругу Великаго Князя. Всѣ они были очень похожи, всѣ такъ живо представили мнѣ золотые дни моей цвѣтущей молодости, что я заплакалъ отъ сильнаго вліянія событій прошедшихъ на настоящее мое тогдашнее положеніе. Всѣ бы чины свои отдалъ за то, чтобъ быть тѣмъ офицеромъ гвардіи, которому было весело, которой былъ счастливъ и не умѣлъ ничего пожелать кромѣ чистѣйшихъ удовольствій сердца. Имя Лафермьера всегда тѣ же возбудитъ во мнѣ ощущенія, и довольно было ему принадлежать тому двору, при которомъ взлелѣяна была Евгенія, имъ любимая съ нѣжностію, довольно, чтобъ я никогда не забылъ объ немъ и сохранилъ ему право на мою память и уваженіе.

Лафонша.

17-го Февраля. Подъ симъ числомъ возобновляется день черной въ памяти моей: сегодня занемогла жена моя къ смерти и уже не выздоравливала. Припомнимъ здѣсь юность ея и молвимъ слово о главномъ лицѣ, участвовавшемъ въ ея воспитаніи.

„Madame la Font“, надзирательница Смольнаго монастыря при Екатеринѣ и Павлѣ, знатная барыня и, наконецъ, даже статсъ-дама. Жена моя, какъ и всѣ монастырки, имѣла къ ней неограниченную довѣренность и почтеніе, и та ее люби-

ла преимущественно. Сколько ни желала жена моя, чтобъ она приглашена была на свадьбу ея во дворецъ, однако не успѣла въ томъ, и madame la Font, которая тогда не имѣла еще высокаго своего степени у двора, подозрѣвая, что жена моя сама не захотѣла изъ благодарности къ ней выпросить этого у ихъ высочествъ, крѣпко журила, какъ за сіе, такъ и за то, что, послѣ свадьбы, мы не на завтра, а на третій день пріѣхали къ ней съ визитомъ. Жена моя, не смотря, что уже не зависѣла отъ нея, такъ растрогалась ея выговоромъ, что неутѣшно плакала и какъ ребенокъ просила у нея прощенья, не будучи ни въ чемъ виновата; ибо то, за чтó она сердилась, конечно, не зависѣло отъ ея воспитанницы. По тому уваженію, которое оказывала ей жена моя до послѣдняго издыханія, я не могу и самъ забыть госпожи Лафонъ, хотя, впрочемъ, не входилъ никогда съ ней, ни до случая ея, ни послѣ, ни въ какое непосредственное отношеніе, но, будучи женатъ два раза на монастыркахъ, привыкъ слышать произношеніе ея имени съ такимъ благоговѣніемъ, что еслибъ и хотѣлъ объ ней забыть, то все таки вспомню иногда и нерѣдко madame la Font, во все продолженіе моей жизни.

Леванда.

15-го Августа. Протоіерей Кіевскаго Софійскаго собора, превосходной витій и знаменитѣйшій проповѣдникъ своего времени. Я такъ много слыхалъ о немъ изъ дѣтства, такъ восхищенъ былъ его предиками, что нетерпѣливо желалъ имѣть случай видѣть его и бесѣдовать съ нимъ. Обстоятельства мнѣ оной представили: я ѣздилъ въ Кіевъ и тамъ, въ 1810 году, ознакомился съ нимъ. Онъ уже былъ старъ, но еще занимался ученіемъ и проповѣдывалъ слово Божіе раза три. Я его посѣтилъ и бесѣдовалъ съ нимъ. Разговоръ его былъ пріятенъ, выраженіе плѣнительно, голосъ нѣженъ. Его-то можно назвать: „мужъ сладкоглаголивый“. Онъ, какъ философъ, принималъ насъ безъ чиновъ, въ маленькой своей горницѣ, заваленъ книгами, журналами, рукописями и въ скромномъ подрясникѣ; подъ окошками его небольшой садъ, за которымъ онъ самъ присматривалъ; въ обращеніи простъ

и благодушенъ. Я съ отмѣнною пріятностью воспользовался нѣсколькими часами его досуговъ. Не удалось мнѣ видѣть его въ служеніи, но увѣренъ, что онъ сановитъ въ наружности и благочестивъ въ чувствахъ, дѣйствуя по званію своему передъ престоломъ Господнимъ. Онъ привлекъ единственно талантами своими на себя вниманіе двора, всего своего начальства и просвѣщенной публики. Имя Леванды никогда не забудется въ Россіи. Во второе мое путешествіе въ Кіевъ я уже его не засталъ и поклонился съ благоговѣніемъ смертнымъ останкамъ его, погребеннымъ въ томъ же Софійскомъ соборѣ, въ которомъ онъ столь долго и славно служилъ Богу Живому предъ избраннымъ Его народомъ: ибо Кіевъ, и именно сей соборъ, есть мать всѣхъ церквей Россійскихъ. Между моими двумя путешествіями въ тамошній край, я удостоенъ былъ заочно его вниманій. Онъ мнѣ нѣсколько разъ писалъ; всѣ письма его коротки, но сильны и означаютъ высокую степень его добротъ и дарованій; я ихъ старался сохранить со всякой бережливостью. Онъ мнѣ присылалъ свои проповѣди, тѣ, кои произнесъ послѣ нашего знакомства, и я о семъ знаменитомъ учителѣ церковномъ никогда не забуду. Подобные служители вѣры еще весьма рѣдки въ отечествѣ нашемъ, и едва ли можно кого сравнить въ ораторскомъ краснорѣчіи съ Левандой, какъ изъ многихъ предшествовавшихъ ему, такъ и изъ современниковъ его, наипаче же въ одинаковомъ съ нимъ состояніи, т.-е., бѣломъ духовенствѣ.

Левашовъ.

6-го Генваря. Василій Ивановичъ, маіоръ Семеновскаго полку. Служа съ нимъ лѣтъ десять, я долго былъ подъ командою его и вспоминаю то время, когда я былъ адъютантомъ полковымъ, съ живымъ удовольствіемъ донынѣ. Онъ со мной обходился очень хорошо; я ни на какой худой поступокъ его со мной по службѣ пожаловаться не могу; но, какъ человѣкъ, онъ имѣлъ свои странности, капризы и разные недостатки, къ которымъ я не всегда умѣлъ или хотѣлъ примѣняться, и тогда происходили между нами минутныя

сшибки, въ которыхъ, натурально, побѣда всегда оставалась за нимъ; но подобныя горячія вспышки не имѣли никакихъ злобныхъ послѣдствій, и потому были очень сносны, а иногда даже только забавны. Напримѣръ: однажды я съ утреннимъ рапортомъ не засталъ его дома, потому что онъ ночевалъ въ Мѣщанской, у какой-то дѣвки; я бросился къ нему туда, онъ разсердился, раскричался, и послѣ самъ со мной такому странному нашему свиданью расхохотался. Въ другой разъ онъ, въ досадѣ на лѣкарей за то, что въ лазаретѣ выкинуло изъ трубы, въ чемъ они не могли быть виноваты, велѣлъ мнѣ ихъ связать; я буквально исполнилъ приказанье, и маіоръ съ адъютантомъ доставили публикѣ случай надъ собой посмѣяться. Много могъ бы я насказать, въ память ему, подобныхъ анекдотовъ; но довольно и сихъ двухъ, чтобъ дать понятіе о томъ образѣ службы, которой тогда былъ въ обычаѣ. Всего забавнѣе слѣдующее. Обыкновенно, 6 Генваря, по случаю Крещенія, бывалъ военной парадъ на Невѣ, вся гвардія и прочіе полки подъ ружьемъ; командовалъ очередной штабъ-офицеръ гвардіи. Довелось однажды отправлять сіе торжество Левашову. Онъ взялъ меня съ собой. Намъ должно было обоимъ парадировать верхами; онъ и я равно трусовато садились на своихъ лошадей. Страхъ сближаетъ чины, и какъ мой буцефалъ былъ смирнѣе его, то онъ все пожимался ко мнѣ, отъ чего при фрунтѣ представлялось потѣшное зрѣлище. Я никогда этого утра не забуду. Великой Князь, стоя на балконѣ, чрезвычайно смѣялся надъ нами, и мы очень неудачно донкишотствовали.

Левашовъ былъ остеръ, уменъ, забавенъ и потому имѣлъ счастіе нравиться Государынѣ, которая допускала его къ себѣ съ особенной милостью. Тогда цѣну человѣку давала голова, а не шпоры и сапожная глянцовитая вакса. По духу тогдашняго времени, Левашовъ былъ прекрасной начальникъ въ полку гвардіи, а теперь онъ бы и въ капралы въ нее не годился. Я всегда вспомню проказы его съ улыбкой, а хорошее обращеніе съ признательностью.

Леховой.

12-го Августа. Семенъ Семеновичъ, тайной совѣтникъ, человѣкъ, съ которымъ я не только не знакόмъ, но мало зналъ и по службѣ, да и встрѣтя нынѣ, едва узнàю его въ лицо. Съ нимъ меня поставилъ въ отношеніе, и самое короткое, заочно, другъ мой, а его хорошій пріятель, Киріякъ (см. лит. К.): онъ, при смерти своей, назначилъ Лехововa своимъ душеприкащикомъ. Когда тотъ скончался, этотъ, собравши, по его приказанію, всю мою съ нимъ переписку, возвратилъ оную ко мнѣ, и симъ началась новая между нами. Потомъ жена моя покойная перевела на имя Лехововa довѣренность, данную Киріяку, на полученіе и пересылку къ ней царскаго пенсіона, состоящаго въ 300 р. Всѣ порученія, какія мы возлагали на Киріяка. обращались къ Леховову, и онъ охотно ихъ исполнялъ. По кончинѣ жены моей связь наша разорвалась дѣлъ у меня до него и съ нимъ никакихъ уже не было; нѣсколько писемъ его остались одни свидѣтельствомъ нашего заочнаго знакомства и тѣхъ услугъ, кои г-нъ Леховой, въ память друга своего, рачительно мнѣ оказывать старался и за которыя обязанъ я ему своей признательностію.

Ливенъ.

17-го Генваря. День прекрасный въ моей жизни: я могъ назвать моей невѣстой ту, въ которую былъ влюбленъ и получилъ на то публичное право, при сродникахъ моихъ, въ покояхъ генеральши Ливенъ. Стану говорить нынѣ о сей женщинѣ, столь памятной мнѣ по счастливому началу судьбы моей.

Графиня Шарлота Карловна Ливенъ (нынѣ статсъ-дама и кавалеръ св. Екатерины), будучи еще простой вдовой генералъ-маіора, вывезена изъ Риги ко двору при Екатеринѣ и приставлена главной надзирательницей за воспитаніемъ великихъ княженъ. Совершивъ оное съ желаемымъ успѣхомъ, получила чины, отличія, имѣніе и все, чтó нужно для возведенія ея на первую степень знаменитости между особами сво-

его пола, она и нынѣ живетъ въ самомъ дворцѣ. Я съ ней ознакомился тогда еще, какъ служилъ въ гвардіи, въ которой сыновья ея были моими товарищами. При помолвкѣ моей на дѣвицѣ Смирной, государынѣ Марьѣ Өеодоровнѣ угодно было приказать, чтобъ всѣ свиданія мои съ невѣстой были въ покояхъ госпожи Ливенъ, при ней; и такъ я, пробывъ двѣ недѣли женихомъ, безпрестанно почти былъ у нея, и она напоминаетъ мнѣ лучшіе дни моей жизни. У нея готовилось въ комнатахъ все приданое моей невѣсты; то она, Ливенша, то я, всякой изъ насъ, что-нибудь или шилъ, или металъ, или кроилъ; такія занятія, какъ ни мелки, никогда не забываются, по причинѣ, отъ которой происходятъ. Тутъ неоднократно имѣлъ я счастіе встрѣчать юныхъ наслѣдниковъ Павла, самого Цесаревича, супругу его, удостоивался ихъ приватной бесѣдой, имѣлъ разные знаки ихъ милости. Понынѣ еще живъ въ памяти моей день отпуска приданаго, въ которой, ужинавши съ невѣстой у Ливенши, были мы оба съ ней предметомъ любезной шутливости Павла, приходившаго на насъ взглянуть и потѣшиться общимъ нашимъ смущеніемъ. Послѣ нашей свадьбы мы сохранили все должное уваженіе къ генеральшѣ, посѣщали ее, и въ праздники, и въ будни, почтительно и за просто. Она всегда принимала насъ ласково и обходилась съ нами добродушно. О всякомъ важномъ событіи нашего семейства я ее извѣщалъ, и нѣкоторыя письма ея у меня долго сохранялись. Скоро по отставкѣ моей изъ гвардіи я продалъ пристройку мою полковую (такъ назывались наши домы) ея сыновьямъ. По кончинѣ жены я остался съ ней на такой же ногѣ знакомства и всегда былъ принятъ ею благосклонно, даже и въ послѣднее нынѣшнее время, по изгнаніи меня изъ Володимера, когда дворъ былъ въ Москвѣ, я посѣщалъ ее съ дѣтьми моими и второй моей женой. Генеральша нимало не перемѣнила своего обращенія со мной, которымъ я долженъ быть доволенъ; ибо, не имѣя права на особенныя ея благодѣянія или подвиги чрезвычайные въ мою пользу, я и то почитаю диковинкой при нынѣшнемъ вѣкѣ, приносящей ей особенную честь, что она, дойдя до такой высокой степени у двора, съ удовольствіемъ и безъ надменности принимала стараго своего знакомца. По всѣмъ симъ об-

стоятельствамъ госпожа Ливенъ занимать будетъ всегда большое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ.

Литта.

2-го Октября. Графиня Катерина Васильевна, урожденная Энгельгардова, племянница князя Потемкина, женщина прекраснѣйшая собой. Ихъ было нѣсколько сестеръ, всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью. Любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь. Дошла очередь до Катерины Васильевны: она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатой графъ Скавронской, братъ мой двоюродной (матери наши были родныя сестры). Онъ влюбился, его заманили и женили на этой Энгельгардовой. Тогда умеръ князь Долгорукой, главнокомандующій въ Москвѣ, при которомъ я служилъ. Меня привезли къ батюшкѣ въ Петербургъ; я оставался безъ мѣста и занятій, надобно было куда-нибудь попасть. Скавронской обошелся со мной какъ самой ближайшій родственникъ, безъ малѣйшаго чванства; его ласкали при дворѣ для Потемкина выгодъ. Онъ его попросилъ обо мнѣ, и по этому случаю я попалъ въ гвардію. Послѣ того я живалъ часто на дачѣ у Скавронскаго лѣтомъ и сошелся съ нимъ довольно коротко, ѣзжалъ въ его каруселяхъ, пользовался, словомъ, всѣми его роскошными забавами и весело проводилъ время. Скавронской скоро попалъ въ министры въ Неаполь, я вышелъ въ штатскую службу, и мы съ нимъ разстались навсегда; ибо онъ тамъ скончался, а жена его, повдовѣвши нѣсколько, вышла за нынѣшняго своего супруга, морскаго генерала и Итальянскаго графа Литту. Хотя симъ супружествомъ всякое родство между нами кончилось, однакожъ графиня усильнымъ образомъ старалась его поддержать наружными ласками, и когда мнѣ случилось видѣться съ ней въ Петербургѣ, всегда пригла-

шала къ себѣ, называла mon cousin, и казалось, что мы очень близки другъ къ другу. Въ бытность мою въ Володимерѣ, я имѣлъ случай оказывать ей разныя услуги. Она тамъ покупала черезъ меня недвижимыя собственности, давала мнѣ полныя довѣренности и употребляла меня во всѣ свои финансовыя предпріятія, безъ всякой, впрочемъ, для меня пользы въ общемъ смыслѣ, и, смѣю сказать, съ большими выгодами для себя; ибо она избѣгала тѣхъ убытковъ, коихъ потребовали бы повѣренные и разные другіе расходы. Вотъ на какой ногѣ мы были съ ней знакомы. По отставкѣ моей я уже не имѣлъ случая съ ней видѣться и, кажется, совсѣмъ забытъ ею, о чемъ тужить не стану, а съ пріятностью вспомню всегда, что она была нечаяннымъ орудіемъ по замужству своему съ моимъ братомъ къ моему возвышенію въ чины, чрезъ вступленіе въ гвардію, въ которую я попалъ, такъ сказать, по милости и изъ снисхожденія къ Скавронскому, имѣвшему тогда право потребовать отъ нея сей услуги, въ возмездіе за всѣ тѣ блага, кои онъ доставилъ ей женитьбой своею на всю жизнь ея, ибо все имѣніе его перешло въ ея руки. Что́ лежитъ до втораго мужа ея, графа Литты, я бы забылъ о немъ совершенно, естьлибъ не приходилъ мнѣ часто на мысль тотъ прекраснѣйшій лѣтній день, во время нашего Финляндскаго похода, въ которой я, будучи въ Фридрихсгамѣ, изъ любопытства катался на морѣ и заѣзжалъ къ этому Литтѣ на галеру посмотрѣть, какъ тамъ живутъ наши однополчане.

Лицына.

5-го Генваря. Катерина Александровна, дочь побочная оберъ-камергера князя Голицына, вышедшая за дядю моего двоюроднаго, князя Долгорукаго. Въ самой первой молодости моей я имѣлъ случай часто съ ней видаться въ общемъ родственномъ домѣ, у дяди моего князя Голицына, брата роднова ея отца; тамъ мы всякое Воскресенье съѣзжались обѣдать вмѣстѣ и цѣлой день до вечера проводили въ танцахъ. Она мнѣ очень нравилась, но я былъ ея моложе, и потому не смѣлъ къ ней очень пристраститься, боясь, что ея за меня не отдадутъ. Кажется, я въ этомъ ошибался. Оберъ-камергеръ

очень хотѣлъ выдать дочерей своихъ за фамильныхъ жениховъ, дабы покрыть стыдъ ихъ рожденья, чему доказательствомъ служить можетъ то, что онъ согласился выдать ее за дядю моего, глухова и глупова человѣка, ради того только, чтобъ ввести дочь свою побочную въ хорошій родъ. Лицына была дѣвушка умная, воспитана прекрасно, непригожа собой, но богато одарена природой и щедро награждена отцомъ своимъ со стороны фортуны, слѣдовательно не рисковала остаться въ дѣвушкахъ. Вышедши за моего дядю, она, такъ сказать, исчезла: никто ея послѣ того не видалъ, никуда не показывалась. Мужъ заперся, заключилъ ее съ собой, и я, въ теченіе 20-ти лѣтъ, ужъ двухъ разъ не встрѣчался съ ней. Мнѣ всегда будетъ жаль, что такая милая и достойная дѣвушка потеряна для свѣта, для котораго была такъ счастливо и удачно образована.

Князь Лобановъ.

8-го Августа. Князь Дмитрій Ивановичъ. Я съ нимъ служилъ въ одномъ полку, и въ Семеновскомъ, и долго были въ однихъ чинахъ, стояли рядомъ въ спискахъ; но потомъ онъ скоро вышелъ въ армію, имѣлъ случай отличиться храбростью, наконецъ сдѣлался генералъ-аншефъ, Андреевской кавалеръ и генералъ-прокуроръ, чѣмъ и теперь служитъ. Я съ нимъ никогда не былъ знакóмъ, а нынѣ почитаю его врагомъ своимъ и, кромѣ презрѣнія, ничего ему оказывать не могу. Вотъ тому причина. Въ самой тотъ годъ, когда Государь отставилъ меня, и набѣгъ Французовъ скоро потомъ нанесъ тяжкія напасти всей Москвѣ, князь Лобановъ формировалъ полки во Владимирской губерніи. Государь изволилъ прибыть въ Москву одинъ и, за большимъ столомъ съ Сенатомъ и первыми чинами, разговорясь о Владимирѣ съ княземъ Лобановымъ, спрашивалъ о тамошнихъ обстоятельствахъ. Князь Лобановъ чернилъ меня всячески и, не смотря на Русскую благородную нашихъ предковъ пословицу: „Лежачаго не бьютъ", раздражалъ противъ меня Государя, и такъ уже оказавшаго мнѣ полное негодованіе. Спрашивается: такой поступокъ князя Лобанова, который, впрочемъ, ни меня, ни

дѣлъ моихъ, не зналъ, соотвѣтствуетъ ли правдивому и высокому характеру? Я о семъ въ тотъ же день узналъ, и съ тѣхъ поръ одинъ видъ Лобанова есть уже для меня самой непріятной предметъ.

Лопухина.

23-го Ноября. Анна Александровна, тетка моя двоюродная по отцѣ, вдова, урожденная княгиня Долгорукая. Бывши случайно въ Владимирѣ, когда я еще былъ женатъ на первой женѣ моей и только что вступилъ въ управленіе губерніи, она разсудила подарить меньшихъ дѣтей моихъ 300 рублей, которые, сколь ни уничижительно мнѣ было принять, но, уважая родство, которое ей давало на то право (тѣмъ болѣе, что ей, по должности моей, никакого до меня дѣла не было), я остался ей благодаренъ за сіе вниманіе и ласку къ моимъ ребятишкамъ. Кромѣ сего поступка я никакого ни близкаго знакомства, ни связи съ ней не имѣлъ, и мы, какъ до того были, такъ и послѣ, понынѣ остались другъ отъ друга очень далеки. Сей ничтожной подарокъ былъ какъ камень, брошенной мнѣ подъ ноги, о которой я споткнулся и крѣпко ушибся. 300 рублей эти мнѣ вѣчно будутъ памятны, по ихъ непредвидимымъ и ужаснымъ послѣдствіямъ. У Лопухиной былъ побочной братъ, Рукинъ, котораго она поручила въ покровительство мое и просила опредѣлить къ мѣсту. Старинная вражда между нашими стариками, дѣдомъ моимъ, умершимъ на плахѣ, и братомъ его роднымъ, отцомъ сей Лопухиной, вражда, которая не смягчилась и между потомками (ибо отецъ мой худо со всѣми съ ними былъ знако́мъ), вражда, которою я самъ былъ напитанъ съ младенчества, не могла сдѣлать мнѣ пріятнымъ ни подарка Лопухиной, ни расположить меня къ охотнымъ ей и брату ея услугамъ. Но, будучи еще въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя мы такъ легко обольщаемся героизмомъ великихъ подвиговъ, я почелъ себя въ обязанности за подарокъ Лопухиной стократъ больше ей отплатить, принудя себя, въ удовольствіе ея, сдѣлать добро сыну, или потомку, ненавистнаго мнѣ племени. Я опредѣлилъ сперва Рукина въ приставы, потомъ и въ полицеймейстеры. Онъ былъ

расторопенъ, но безъ поведенія; я никакихъ проступковъ его не смѣлъ наказывать съ надлежащей строгостью, боясь самъ себя, чтобъ, подъ предлогомъ правильнаго взысканія, не питать внутренняго расположенія къ мщенію и не ожесточаться по тому только, что онъ сынъ врага; и такъ старался, побѣждая себя, снисходить ему. Побужденія мои, смѣю сказать, были чисты и благородны и текли изъ источника великодушнаго; но Рукинъ, худо образованной, воспользовался во зло себѣ моимъ снисхожденіемъ, попустилъ себя на разные безпорядки и довелъ участь свою до того, что его сослали въ Сибирь, а я, по фальшивому понятію о моихъ поступкахъ, въ правительствѣ былъ признанъ сообщникомъ въ его шалостяхъ и лишился службы. Вотъ чтó произвели 300 рублей, которые тетка, полюбя малолѣтныхъ ребятъ, бросила къ нимъ въ колыбель, и можетъ быть изъ одного чванства; а я, рабски покоряясь долгу благодарности, согрѣлъ, ради ея, змѣю за пазухой и былъ отъ нея жестоко уязвленъ. Не странной ли промыслъ рока? Изъ всѣхъ людей, кои именуются въ этомъ спискѣ, можетъ быть, ни одного лица нѣтъ, съ которымъ бы былъ я менѣе знакóмъ, какъ съ этой теткой, и никто, однако, не сдѣлался для меня столь памятенъ по событіямъ, какъ она.

Лопухина.

30-го Апрѣля. Дарья Николаевна, родня моя по мужѣ. Она Павлова по себѣ, богатая наслѣдница и вышла за богатаго же брата моего внучатнаго, Лопухина, котораго я, будучи еще сущимъ ребенкомъ, лѣтъ пяти, вмѣстѣ съ сестрой его такимъ же младенцемъ, крестилъ, и потому жена его всегда шутя называла меня своимъ свекромъ. Говоря объ ней, ничего болѣе припомнить нельзя: дама умная, пышная, всегда хорошо съ нами обходилась, давала пиры и на всѣ насъ приглашала самымъ дружелюбнымъ родственнымъ образомъ; при помолвкѣ дочери моей подарила ей прекраснѣйшее блондовое платье, цѣнимое въ полторы тысячи рублей. Я всегда доволенъ былъ ея со мной обхожденіемъ; но значительнѣе того, чтó сказано выше, къ повѣсти моей объ ней прибавить

нечего, развѣ вспомнить, что я въ ея домѣ видалъ всякую недѣлю цѣлую зиму Персидскаго посла, которой, будучи въ Москвѣ, ѣзжалъ къ ней на балы и всѣмъ далъ разглядѣть свои ожерелья алмазныя и густую Азіятскую бороду.

Лопухина.

22-го Марта. Прасковья Ивановна, урожденная Левшина, милая и пригожая женщина. Я случайно съ ней ознакомился вотъ какъ и когда. Я служилъ въ гвардіи и жилъ при отцѣ своемъ въ Петербургѣ, матушка съ сестрами находилась въ Москвѣ. Однажды батюшка отпустилъ меня повидаться съ домашними: это былъ первой мой отпускъ въ гвардіи. Мнѣ приказано было непремѣнно явиться къ сроку. Проведя зиму до весны дома, я собрался изъ Москвы за недѣлю до срока, съ тѣмъ, чтобъ порадовать батюшку моей исправностью. Пріѣзжаю въ Тверь, останавливаюсь у старыхъ пріятелей моего отца, въ семействѣ Чириковыхъ, кои тамъ служили. Планъ мой былъ, повидавшись съ ними, проведя вечеръ, поотдохнувши въ ночь, очень рано съ утра пуститься въ остальную дорогу. Тогда Лопухинъ, мужъ ея, былъ тутъ губернаторомъ. На бѣду мою въ этотъ самый день былъ у него балъ. Чириковы званы и не могли для меня остаться дома. Губернаторъ узналъ о моемъ пріѣздѣ въ городъ, плясуны ему надобны, онъ присылаетъ ординарца съ билетомъ пригласительнымъ на балъ. Учтивость требовала моего согласія. Я пріѣхалъ, увидѣлъ хозяйку. ей было съ небольшимъ 20 лѣтъ; влюбляюсь въ нее мгновенно, танцую съ ней поминутно и возвращаюсь въ восторгахъ на квартиру. На завтра зовутъ меня опять обѣдать, я ѣду, послѣ завтра катанье на Волгѣ, я и туда ѣду; словомъ, я дѣлаюсь домашнимъ у Лопухина, всякой часъ дня съ ними или у нихъ, и Тверь становится для меня раемъ. Такъ прожилъ я тутъ съ недѣлю. Всѣ сроки забылъ, всѣ приличія потеряны, и естьли бъ Чириковы, увидя, что эта бабочка далеко меня увлечетъ, не выпроводили изъ города вонъ почти насильно, я готовъ былъ остаться въ Твери на вѣки. Просрочивши нѣсколько дней, пріѣзжаю въ полкъ, и разсказываю батюшкѣ Тверское мое похо-

жденіе. Доброй мой отецъ пожурилъ меня, потомъ улыбнулся, крѣпко прижалъ къ сердцу, а я Лопухину забылъ и послѣ нигдѣ съ нею не встрѣчался. Узнавши о смерти ея, я искренно тужилъ объ ней и понынѣ помню пріятные тѣ часы и слишкомъ краткіе, кои проводилъ съ нею.

Лопухинъ.

1-го Октября. Александръ Васильевичъ, отставной полковникъ, братъ родной свѣтлѣйшаго, упрямой и непросвѣщенной Русской дворянинъ, помѣщикъ неважнаго имѣнія въ Володимирской губерніи. въ которой онъ женился Богъ знаетъ на комъ, и мнимой былъ отецъ многихъ чужихъ дѣтей разныхъ племенъ и народовъ. Между прочими подарила ему жена сынка, отъ сожитія съ Владимирскимъ полицеймейстеромъ, Нѣмецкимъ барономъ Бутомъ, пріобрѣтеннаго. Я былъ губернаторъ и начальникъ барона. Г-нъ Лопухинъ пригласилъ меня окрестить его Николиньку. Изъ уваженія къ свѣтлѣйшему. я отправился къ нему въ деревню и тамъ сдѣлался отцемъ крестнымъ чужаго подкидыша, получившаго имя Лопухина. Вотъ главный и достопамятнѣйшій случай, которой напоминаетъ мнѣ всегда знакомство мое съ этимъ гнуснымъ семействомъ; ибо скоро тотъ же баронъ Бутъ, прижившій съ матерью ребенка, женился на дочери ея и сдѣлался хозяинъ въ домѣ. Такой развратъ заставилъ меня войти въ переписку непріятную съ княземъ. Онъ дѣлалъ мнѣ разныя досады за то, что я гласно вооружился противъ безпорядковъ, происходящихъ въ семействѣ брата его. Бутъ попалъ въ прокуроры, нарядился въ орденъ Владимирской по протекціи князя, сталъ задирать меня бумагами, начертилъ пропасть вздорныхъ дѣлъ, и дома, и по службѣ, далъ волю своему буйному молодечеству и вынудилъ меня къ мѣрамъ строгимъ; отъ одной исторіи безпрестанно раждались новыя. Какъ иначе при подобномъ распутствѣ цѣлаго семейства? Я писалъ, представлялъ, жаловался, выводилъ наружу всѣ ихъ мерзости. Князь по пословицѣ: свой своему по неволѣ другъ, вступался всегда за брата, а я отъ ихъ связей. на соблазнѣ явномъ основанныхъ, вытерпѣлъ множество непріятностей, кои въ исто-

ріи моей службы большое заняли мѣсто и здѣсь новой подробности не требуютъ. Впрочемъ полковникъ Лопухинъ до того былъ тупъ, что можно было во всемъ его увѣрить; но при первой оглядкѣ, онъ по характеру способенъ былъ и кинжаломъ поподчивать всякаго того, кто навлечетъ на себя его подозрѣніе. Всѣ они и теперь живы, но я съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Владимирскую губернію уже никакого съ ними отношенія не имѣлъ. Лопухинъ сохранялъ ко мнѣ всегда приличное уваженіе, боялся меня и никогда при мнѣ не выходилъ изъ предѣловъ благопристойности. Я обязанъ даже вспомнить его пріятную услугу: передъ отставкой моей безвременной, имѣя нужду въ деньгахъ, дабы съѣздить въ Питеръ, я черезъ третье лицо адресовался къ нему, и онъ тотчасъ меня ссудилъ на вексель 2000 рубл., кои я ему по прошествіи срока съ процентами отдалъ.

Лопухинъ.

18-го Сентября. Иванъ Владимировичъ, сенаторъ. Говоря о немъ въ смыслѣ публичномъ, онъ не заслуживалъ похвалъ народныхъ, ибо слылъ человѣкомъ не самыхъ честныхъ правилъ; но я здѣсь, разсуждая о всѣхъ тѣхъ людяхъ, коихъ имена найдутся въ моемъ лексиконѣ, не по отношеніямъ ихъ къ міру вообще, а ко мнѣ лично, обязанъ и похвалить его и возблагодарить за его со мной обращеніе и услуги, имъ мнѣ въ разныя времена оказанныя. Во-первыхъ, онъ, посланъ будучи въ Володимеръ ревизировать не губернію, а образъ устроенія первыхъ ополченій, поступалъ со мной благородно, какъ сенаторъ, а отнюдь не такъ, какъ фискалъ, снисходительно наставлялъ меня въ столь тяжкомъ и новомъ дѣлѣ, осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ и, съ искреннимъ желаніемъ мнѣ добра, поспѣшилъ рекомендовать меня Государю. По его представленію, согласно желанію моему, которое онъ прописалъ въ своемъ рапортѣ, сынъ мой старшій, находившійся тогда въ чужихъ краяхъ, произведенъ изъ коллегіи юнкеровъ въ титулярные совѣтники. Во-вторыхъ, когда меня отставили и попалъ я подъ слѣдствіе въ тотъ департаментъ Сената, въ которомъ присутствовалъ Лопухинъ, онъ

съ жаркимъ участіемъ вступился за меня, не приставалъ никогда къ моимъ злодѣямъ и громко держался выгоднаго обо мнѣ мнѣнія. Сими двумя поступками онъ пріобрѣлъ искреннюю мою признательность, и я остался до смерти ему преданъ. Впрочемъ, онъ и безъ всякихъ дѣлъ со мной хорошо былъ знакóмъ; онъ любилъ ученость и словесныя науки: это меня приближило къ нему. Я сохранилъ нѣсколько писемъ его, изъ коихъ видны главныя черты добраго ко мнѣ расположенія. Въ этомъ широкомъ океанѣ, который въ столицахъ именуютъ большимъ свѣтомъ, мы съ нимъ иногда то часто, то рѣдко, сталкивались, по связямъ и отношеніямъ стороннимъ; но вездѣ и всегда я съ нимъ сходился пріятно и ни одного поступка противъ себя не могу припомнить такого, которой бы давалъ мнѣ право, послѣ собственныхъ моихъ опытовъ, приставать къ тѣмъ людямъ, кои, зная ближе приватную жизнь его, злословятъ память и отзываются объ немъ худо. Для меня онъ былъ человѣкъ услужливый, добрый, и я обязанъ о немъ вспомнить всегда съ благодарностію. Въ книгахъ моихъ напечатаны стихи подъ названіемъ: „Савинское“, его подмосковное, которые отъ меня ему и были посвящены.

Лопухинъ.

28-го Іюня. Свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ. Случайной баринъ Павлова времени: при немъ и по причинѣ страсти царской къ его дочери, онъ сдѣлался изъ рядовыхъ дворянъ первостатейнымъ и богатѣйшимъ вельможей. Будучи генералъ-прокуроромъ, когда я служилъ губернаторомъ, я въ частыхъ былъ съ нимъ отношеніяхъ по службѣ и никогда не имѣлъ случая похвалиться особеннымъ его ко мнѣ благоволеніемъ: эгоистъ по характеру и чувству, и равнодушенъ къ родинѣ, престолу и ближнему, живучи для одной только плоти, онъ и добро и зло дѣлалъ только по встрѣчѣ, безъ умысла и намѣренія. Я началъ его знать еще тогда, какъ онъ при Екатеринѣ служилъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ. Никогда не забуду того времени, въ которое я какъ-то съ нимъ вмѣстѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, свелъ любовную интригу. Ему назначались часы, мнѣ другіе: я ѣз-

жалъ, а къ нему ѣзжали. Отъ такого осторожнаго распорядка мы никогда не могли столкнуться вмѣстѣ, но, будучи оба не безъ догадки, всегда при свиданіяхъ нашихъ въ посторонних домахъ, съ улыбкой коварной другъ на друга посматривали, боясь взаимно преимущества въ успѣхахъ. Памятенъ также будетъ мнѣ всегда тотъ моментъ, когда Лопухинъ, будучи уже князь и нося на груди алмазной портретъ Государя Павла, становился передо мной на колѣни, изъ того, чтобъ убѣдить меня играть комедію съ одной любимой его Француженкой въ домѣ извѣстной и благородной дамы, за которой онъ также отъ скуки иногда волочился. Хотя это колѣнопреклоненіе происходило въ шести глазахъ только, однако достаточно сего анекдота, чтобъ сдѣлать себѣ прямое понятіе о свойствѣ князя Лопухина и удостовѣриться, что онъ кромѣ себя ничего не любитъ, кромѣ своего удовольствія ничѣмъ не дорожитъ, покупая оное всѣми средствами, отъ него зависящими, безъ разбора ихъ качества. Таковъ былъ Петръ Васильевичъ и таковы мои связи съ нимъ, начиная отъ молодости до лѣтъ сосѣднихъ съ старостью. Много я провелъ въ обращеніи съ нимъ то пріятныхъ, то жестокихъ минутъ; а лучшія изъ нихъ, о которыхъ я вспоминать буду всегда съ удовольствіемъ, были тѣ, кои мы вмѣстѣ съ нимъ убивали на волокитства и праздныя забавы суетной жизни.

Лубяновской.

25-го Августа. Сегодня я получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени. Не хочу никому иному воздать за то моей признательности, кромѣ г-на Лубяновскаго.

Ѳедоръ Петровичъ нынѣ губернаторомъ въ Пензѣ. Я съ нимъ сошелся знакомствомъ, когда онъ былъ производителемъ дѣлъ при графѣ Кочубеѣ, во время его министерства. Онъ оказалъ мнѣ самую важную услугу въ критическую минуту, которой я никогда не забуду. Въ то время, какъ, по доносамъ въ истребленіи лѣсовъ по Тамбовской и Владимирской губерніямъ, наряженъ былъ отъ князя Куракина чиновникъ 4-го класса, г-нъ Арсеньевъ, производить изслѣдованіе, я былъ отпущенъ, при концѣ того слѣдствія, для личныхъ о

немъ объясненій, въ Петербургъ и явился къ министру, князю Куракину. Тутъ, по старому со мной знакомству, Лубяновской принялся за мои дѣла, обработывалъ ихъ съ крайнимъ прилежаніемъ и доброхотствомъ, видался со мной безъ затрудненія, выслушивалъ меня терпѣливо, соединенными со мной силами опровергалъ, въ докладныхъ своихъ запискахъ, вздорные рапорты Арсеньева, которыхъ открывши всю неосновательность министру, побудилъ его искать средствъ удовлетворить меня за нанесенныя мнѣ разныя отъ Арсеньева обиды и оградить противъ дальнѣйшихъ его ухищреній. Сіе слѣдствіе обратилось въ мою пользу такъ выгодно, что мнѣ пожалована Анненская лента, къ полученію которой, откровенно скажу, способствовали мнѣ усердіе и дѣятельность г-на Лубяновскаго болѣе, нежели протекція Салтыкова, которой прашивалъ тогда министра обо мнѣ, когда зналъ, что министръ самъ готовъ что-нибудь сдѣлать болѣе, нежели ходатайствовалъ мнимой протекторъ; да и самъ князь Куракинъ не рѣшился бы вступиться за меня, естьли бъ обработанныя Лубяновскимъ бумаги не показали ему, что онъ будетъ крайне несправедливъ, когда, выдавъ меня, такъ сказать, на жертву Арсеньеву, по пустымъ наклепамъ, дастъ ему еще и силу меня неповинно задавить. И такъ, хотя князь Куракинъ, какъ министръ, представившій меня къ ордену, и имѣетъ нѣкоторое право на мою признательность, но мнѣ пріятно здѣсь откровенно исповѣдать, что я ей гораздо болѣе одолженъ трудамъ и благорасположенію ко мнѣ г-на Лубяновскаго, котораго потому во всю жизнь мою помнить буду съ пріязнью. Впрочемъ, состоянія наши и образъ жизни такъ различны, что мы оба, въ Москвѣ живучи, очень рѣдко видались, и ко всему сказанному я добавить долженъ, что Ѳедоръ Петровичъ, дѣлавши мнѣ добро, ничѣмъ, кромѣ пріязни моей, не былъ никогда заплаченъ, и тѣмъ сильнѣе я обязанъ ему быть навсегда благодарнымъ и уважать благородныя свойства его сердца.

Львова.

1-го Іюля. Анна Васильевна, молодая дѣвушка, сирота, монастырка, жившая въ домѣ генеральши Бороздиной, подъ названіемъ „барышни". Она изрядно была воспитана, поль-

зовалась нѣкоторыми талантами, но слишкомъ снисходительна и готова угождать всѣмъ домашнимъ. У Бороздиной былъ мужъ и трое сыновей, а у всей этой семьи одна Львова въ сотоварищахъ. Чтобы ни занадобилось сыграть, пропѣть, съѣздить, зазвать, удержать, заманить, словомъ, все попадало въ должность Львовой, и она не могла ни отъ чего отговориться. Домъ Бороздиной наполненъ былъ мущинъ, игроковъ и всякой всячины; за Львовой и тотъ и другой волочился: отвѣчаетъ — бѣда, не сдается — другая; словомъ, положеніе ея было непріятнѣйшее; но кусокъ хлѣба ее туда загналъ, не хотѣлось его лишиться. Когда у Бороздиной составился благородный театръ, я игралъ съ ней въ Сивильскомъ Цырюльникѣ, разумѣется, по-французски: тогда Русской языкъ былъ еще подъ анаѳемой. Она представляла Розину, а я Альмавиву. Не потаю грѣха, что я, подъ Испанской епанчой моего названія, любилъ и самъ приволачиваться за ней, не только за кулисами, но и сойдя съ театра. Роли наши насъ такъ соединили, что уже мнѣ скучно было, когда нѣтъ репетиціи; а потому я, какъ директоръ этого театра, назначалъ ихъ разъ по шести въ недѣлю, и думаю, что мы съ полгода комедію нашу пробовали, дабы, подъ предлогомъ симъ, протянуть время нашихъ свиданій и дать имъ какъ бы законное право необходимости. Львова была весела, смѣшлива, я рѣдко задумывался: прекрасное сочетаніе нравовъ! Помню донынѣ съ удовольствіемъ всѣ наши проказы, ссоры, дуэли, сплетни и круговеньки, которыя украшаютъ въ памяти моей время пылкой моей молодости. Послѣ того я ея уже и не видалъ нигдѣ и не слыхалъ о ней ничего: общая участь всѣхъ, наипаче временныхъ, отношеній: свяжется узелъ, кажется, крѣпко, затянешь его еще туже, а время, разслабляющее всѣ связи, расширитъ его и, мало-помалу, разорветъ такъ, что уже во вѣки конецъ той же нитки съ другимъ концомъ не сойдется. Жива ли ты, или умерла, милая Львова, но прими здѣсь дань моихъ о тебѣ воспоминаній, какъ бѣдную жертву сердца, которое причислило тебя къ списку идоловъ моего капища.

Ляпуновъ.

5-го Іюля. Иванъ Петровичъ, секретарь гвардіи Семеновскаго полку, фактотумъ всѣхъ его дѣлъ, человѣкъ умной, смѣтливой, осторожной; онъ умѣлъ овладѣть довѣренностью всѣхъ своихъ начальниковъ, и ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ его совѣтовъ. При Брюсѣ онъ дѣлалъ что́ хотѣлъ; тоже происходило и при Салтыковѣ. Мнѣ онъ былъ хорошій пріятель и готовъ на услугу. Ему я обязанъ назначеніемъ меня въ полковые адъютанты, ему же скорымъ и весьма неожиданнымъ повышеніемъ въ чинъ капитанъ-поручика, котораго бы я не могъ получить прежде, какъ еще черезъ годъ; онъ же вывелъ меня изъ послѣднихъ капитановъ въ бригадиры къ штатскимъ дѣламъ. Все сіе заставило меня быть ему благодарнымъ. Онъ не во всѣхъ офицерахъ былъ равно счастливъ; тѣмъ болѣе обязанъ я ему за его отличное ко мнѣ расположеніе. Во всю службу мою въ гвардіи, послѣ которой мы съ нимъ совсѣмъ разстались, я ни минуты не имѣлъ случая быть имъ недоволенъ, и обращеніе его, хорошо начавшись, не измѣнялось во всѣ восемь лѣтъ совокупнаго нашего служенія. Какъ же не молвить и о немъ въ такой книгѣ, въ которой представляются воображенію моему многочисленные ряды людей,. имѣющихъ право на мои воспоминанія?

Мальтицъ.

14-го Октября. Баронъ Петръ Ѳедоровичъ. Онъ первой былъ мой частной начальникъ въ гвардіи, командовалъ 2-й ротой, въ которую я былъ причисленъ прапорщикомъ; по этому сталъ мнѣ памятенъ. Онъ былъ пріятнаго обращенія человѣкъ, хорошо воспитанной, и всѣ имѣлъ вкусы свѣтскіе. Я много заимствовалъ пользы изъ его бесѣды; онъ хорошо со мной обходился, ласково принималъ. Мы часто ѣзжали по дачамъ вмѣстѣ, и много, и много веселыхъ случаевъ раздѣляли съ нимъ. Вышедши изъ гвардіи, онъ попалъ въ посланники, жилъ въ чужихъ краяхъ, и мы съ нимъ уже нигдѣ не встрѣчались. Будучи въ одномъ полку, я дорожилъ его зна-

комствомъ болѣе многихъ другихъ сотоварищей нашихъ; ибо онъ былъ пріятно образованъ, и я говорю здѣсь объ немъ, какъ объ человѣкѣ, съ которымъ мы были чрезмѣрно согласны во вкусахъ. Тогда знакомство такого офицера было пріобрѣтеніе для молодаго рекрута, какъ я, въ большомъ свѣтѣ.

Мальцова.

25-го Января. Анна Сергѣевна, урожденная княжна Мещерская, милая и достойная женщина. Мужъ ея былъ со мной знакóмъ по публикѣ, имѣя огромные стеклянные заводы въ Владимирской губерніи; сдѣлался хорошимъ мнѣ пріятелемъ, когда я правилъ ею, и постоянно остался такимъ, даже и тогда, какъ я ему ни на какую услугу не былъ нуженъ, чтó заслуживаетъ особеннаго замѣчанія въ нынѣшнее время. По близкому сосѣдству нашихъ домовъ въ Москвѣ, мы часто посѣщали другъ друга, и Анна Сергѣевна въ одномъ случаѣ такую оказала намъ услугу, которой не отъ всякаго новомоднаго друга дождешься. Мы за нее обязаны навсегда ей быть благодарными. Многіе почитаютъ благодѣяніемъ и одолженіемъ отъ ближняго только то, чтó приноситъ имъ корысть денежную или какую-нибудь суетную почесть. Я совсѣмъ иначе думаю и нахожу, что благонамѣренной и дружеской поступокъ, даже безуспѣшной, но показывающій внутреннее расположеніе сердца, гораздо дороже кучи золота и всякой пестрой ленты. Таковъ былъ подвигъ Анны Сергѣевны. Мнѣ пріятно здѣсь, наруша скромность, выставить его къ общему свѣдѣнію: о немъ вѣрно никто не слыхивалъ; Анна Сергѣевна не искала имъ тщеславиться. Вотъ въ чемъ дѣло. Меньшой сынъ моей жены Филипъ, служа нѣсколько лѣтъ унтеръ-офицеромъ въ армейскомъ полку, долго не могъ выбиться въ офицеры, частью отъ своихъ собственныхъ шалостей, а больше отъ холодности начальниковъ; ибо мы видимъ, что, при протекціи, не только шалуны, но и записные пострѣлы попадаютъ въ важные чины. Жена моя часто горевала при Аннѣ Сергѣевнѣ о сей неудачѣ, и та раздѣляла ея прискорбіе. Во время открытія монумента князя Пожар-

скаго въ Москвѣ *), госпожа Мальцова вздумала воспользоваться сходствомъ имени моего пасынка съ героемъ и, не сказавъ о томъ ни слова женѣ моей, употребила всякое стараніе къ тому, чтобъ возбудить восторгъ въ особахъ военнаго званія, приближенныхъ къ Государю и, въ честь какъ бы великому сподвижнику, произвесть въ офицеры молодаго человѣка, носящаго его имя, и тѣмъ какъ бы удвоить уваженіе къ праху его. Этого не удалось: Государь не соизволилъ, потому что онъ хотя носилъ одно имя, но не происходилъ прямо отъ того, кого прославляла Россія. Тѣмъ не меньше, однакожъ, Анна Сергѣевна сдѣлала все, что́ отъ нея могло зависѣть къ утѣшенію жены моей. Мы свѣдали о семъ не отъ нея; но она, имѣя хорошія связи у двора, такъ быстро и дѣятельно хлопотала, что даже записка подана была Государю о производствѣ пасынка моего предъ отъѣздомъ его изъ Москвы, въ самой тотъ день, когда монументъ открывался. Что́ можетъ быть трогательнѣе такого нѣжнаго и благороднаго поступка, котораго цѣна усиливается мрачностью и потаеннымъ ходатайствомъ? О, гдѣ бы я ни былъ, я, конечно, безъ умиленія сердечнаго не вспомню ни имени Анны Сергѣевны, ни великодушнаго ея поступка.

Мамоновъ.

23-го Апрѣля. Александръ Матвѣевичъ, фаворитъ Екатерины, надменной и несносной человѣкъ въ короткомъ отношеніи. Мое знакомство съ нимъ началось съ юности: у него и у меня одинъ и тотъ же былъ наставникъ, Езуитъ г-нъ Совере; сперва онъ жилъ въ ихъ домѣ семь лѣтъ и, вышедши оттуда, жилъ у насъ столько же времени. Сходство нашего воспитанія должно было, казалось, сдѣлать связь между нами прочною; она такова и была до нѣкотораго времени. Мамоновъ и я въ одной степени родства находились съ дядей моимъ роднымъ, барономъ Александромъ Николаевичемъ Строгановымъ: онъ по женѣ его, а я по немъ самомъ. И такъ, живучи въ Петербургѣ въ одно время, хотя въ разной служ-

*) Въ Февралѣ 1818 года. „Капище“ писалось въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. П. Б.

бѣ (потому что я шелъ по гвардіи, а онъ числился въ штатѣ князя Потемкина) мы въ домѣ дяди безпрестанно бывали вмѣстѣ, а онъ даже и жилъ у него на его коштѣ. Скоро влюбился онъ въ дочь дяди моего, и началась между ими цыдулочная интрига. Дядюшка узналъ о томъ изъ откровенности дочери своей, которая, объявя о склонности своей къ Мамонову, просила дозволенія выйти за него замужъ. Баронъ разсердился на Мамонова, какъ на соблазнителя, отказалъ въ ихъ союзѣ, имѣя хорошимъ предлогомъ родство, и велѣлъ тотчасъ ему съѣхать со двора. Мамоновъ, не зная куда дѣться, рѣшился скакать въ Москву и въ отчаяніи пріѣхалъ прямо ко мнѣ въ полкъ. Я еще былъ холостъ и принялъ его въ свои объятія, какъ искреннѣйшаго моего друга. Молодыми умами руководствуетъ одно сердце, а надъ сердцемъ тогда владычествуетъ не столько истинное чувство, какъ восторгъ и энтузіазмъ. Зная, что дядя мой выгналъ его изъ дому, чувствуя, что я худо поступаю, давая ему убѣжище у себя и явно, такъ сказать, становясь его сообщникомъ противъ дяди, я только думалъ о томъ, что онъ мнѣ другъ, что я обязанъ всѣмъ ему пожертвовать; словомъ, я вообразилъ, что я буду подобенъ Римскимъ витязямъ, когда жарко вступлюсь за Мамонова, и на сихъ началахъ съ горяча основалъ мои тогдашніе поступки: не только принялъ Мамонова, но, прощаясь, далъ ему слово помогать въ его страсти и сдѣлался между имъ и сестрой моей двоюродной передаточной сумой ихъ любовныхъ записочекъ, которыя ко мнѣ почта Московская отъ него возила всякую недѣлю. Я питалъ взаимную ихъ страсть, помогая ихъ перепискѣ, и нимало не воображалъ, чтобъ это было дурно; напротивъ, въ глазахъ моихъ такая услуга казалась геройскимъ подвигомъ; ибо я сдѣлался предметомъ подозрѣній моего дяди и не замедлилъ самъ подпасть подъ гнѣвъ его, которой я дѣйствительно заслуживалъ. Между тѣмъ Мамоновъ влюбился въ Москвѣ въ другую, пересталъ писать къ Строгановой. разумѣется, забылъ скоро и меня, и, воротясь на службу въ Питеръ, жилъ самъ собой; къ дядюшкѣ не смѣлъ показаться, а со мной сохранилъ еще какую-то личину пріязни, которую скоро сорвалъ самымъ подлымъ образомъ, но уже я испыталъ его, и сталъ

умнѣе. Скоро Фортуна очутилась у Мамонова соннаго въ головахъ: надобно было подставить Екатеринѣ новаго фаворита. Потемкинъ рекомендовалъ его. Онъ былъ прекрасной мужчина, ловкой, статной, и въ нѣсколько дней Мамоновъ явился у двора флигель-адъютантомъ. Общая тогдашняя вывѣска постельныхъ заслугъ въ царской спальнѣ. Тутъ-то совсѣмъ перевернулся листъ, и Мамоновъ началъ, мало-помалу входя въ силу, воздыматься, какъ Фараонъ. Весь нравъ его вышелъ наружу. Дядя мой благороднымъ образомъ выдержалъ свой характеръ и ни разу къ нему не ходилъ на поклонъ. Я, напитанъ будучи правилами восторга, ставилъ себѣ въ новую добродѣтель также не являться къ нему, дабы дать чувствовать, что я любилъ его безъ видовъ корысти, и ожидалъ, чтобъ онъ пригласилъ меня къ себѣ, вспомня прежнюю нашу свычку и, смѣю сказать, тяжкія мои услуги, оказанныя ему на счетъ собственнаго моего спокойства; ибо я удалялъ, какъ выше видно, отъ себя сердце дяди моего и терялъ въ немъ необходимаго себѣ благодѣтеля. Подлинно, на минуту удалось мнѣ мое геройство. Нечаянно встрѣтилъ меня во дворцѣ Мамоновъ, бросился ко мнѣ на шею, пенялъ, что я къ нему не хожу и звалъ, когда хочу, безъ разбора времени. Это движеніе происходило отъ умирающаго порыва юношеской нашей связи, которая невольно долго еще на насъ дѣйствуетъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Неучтиво было бы мнѣ тогда не посѣтить его. Я къ нему пошелъ, былъ принятъ очень просто и ласково и зачастилъ мои посѣщенія. Мамоновъ тѣмъ охотнѣе меня допустилъ въ свои покои. что, изъ всей толпы его посѣтителей, одинъ я ни о чемъ его не просилъ; а я, съ моей стороны, посѣщалъ его съ сугубымъ удовольствіемъ, потому что не имѣлъ никакой нужды въ его протекціи и, видя у него весь дворъ на поклонѣ, нигдѣ такъ не выучился цѣнить людей, какъ тутъ, и скоро вылѣчился отъ юношескихъ своихъ восторговъ, въ чемъ особенно послужилъ мнѣ на пользу нечаянной случай, которой все мое спокойство разрушилъ, принудя отступить отъ стоической твердости, съ какой я прежде глядѣлъ на фаворита и толпился въ его парадныхъ покояхъ. Пока все сіе происходило въ Петербургѣ, въ Москвѣ отецъ мой по-

молвилъ сестру мою, Анну, за графа Ефимовскаго, сержанта гвардіи, и батюшка, зная связь мою съ Мамоновымъ, писалъ ко мнѣ, чтобъ я черезъ него постарался доставить ему скорѣй чинъ офицера гвардіи. Для Мамонова это было ничего, но для меня жестокое искушеніе обратиться изъ свободнаго гостя въ челобитчика у столь надменнаго человѣка. Но воля отца и судьба сестры моей требовали сей жертвы, и я не замѣшкался рѣшиться на ходатайство. При первомъ послѣ того свиданіи съ Мамоновымъ, я попросилъ у него минутъ пять приватной поговорки. Онъ меня отвелъ въ свой кабинетъ, я ему сказалъ въ чемъ дѣло, онъ чрезвычайно охотно за это взялся, и отвѣтъ его я до сихъ поръ помню: „Повѣрьте мнѣ, что я не васъ одолжаю, а себѣ вмѣню въ честь все, что́ можно будетъ мнѣ сдѣлать къ удовольствію вашему, и теперь тѣмъ охотнѣе исполню твою просьбу, что я самъ долго былъ унтеръ-офицеромъ гвардіи и знаю, какъ непріятно таскать кожаной темлякъ. Считайте на меня; это дѣло сдѣлано!“ Сей отвѣтъ сообщилъ я батюшкѣ, въ надеждѣ, что зять скоро будетъ пожалованъ; свадьба отсрочилась до офицерскаго чина. Спустя мѣсяцъ, видя, что нѣтъ успѣха, я опять нашелъ случай повторить мою просьбу Мамонову. Опять тѣ же ласки, то же пожиманіе руки, никакой перемѣны въ наружномъ обращеніи со мной, и вторичное обѣщаніе: непремѣнно чинъ офицерской выпросить Ефимовскому къ коронаціи, т.-е., къ 22-му Сентября, а это было въ половинѣ мѣсяца. Ждать не долго, думалъ я; посмотримъ, что́ будетъ. 22-е наступило. Ничего не вышло. Я сбираюсь къ фавориту идти съ новой и послѣдней моей докукой, но, къ удивленію моему, встрѣчаю его во дворцѣ, и онъ уже меня не узнаётъ, мнѣ не кланяется. Я пораженъ былъ, какъ громомъ. Съ тѣхъ поръ нога моя не была у него, и я свѣдалъ послѣ, что сдѣланъ былъ реестръ, кого къ нему принимать, въ которомъ моего имени не выставлено. Такъ кончились мои отношенія съ симъ высокомѣрнымъ честолюбцемъ. Онъ упалъ скоро самъ и больно расшибся, доживалъ вѣкъ въ Москвѣ, брошенъ всѣми, запершись одинъ съ женой, которая была несчастлива и опередила его въ вѣчность. Онъ умеръ, не бывъ никѣмъ оплаканъ, и вся его слава, какъ дымъ, исчезла. Я

долго думалъ о странной перемѣнѣ его со мной и, кажется, не ошибся въ слѣдующемъ заключеніи. Мамоновъ, будучи очень гордъ, почиталъ для себя высочайшимъ трофеемъ заставить дядю моего ходить къ себѣ и, зная, что онъ непремѣнно участвуетъ въ судьбѣ будущаго своего племянника, а моего зятя, не думалъ ли онъ вынудить его просить себя объ немъ и черезъ то достигнуть своей цѣли, чтобъ видѣть прежняго своего благодѣтеля на ряду со всѣми въ своей прихожей? Такое скаредное побужденіе достойно было гнилаго сердца Мамонова; но дядя мой устоялъ и къ Мамонову не ходилъ, а между тѣмъ другими легчайшими средствами зять мой въ тотъ же годъ, по докладу Измайловскаго полка, произведенъ въ офицеры Генваря 1-го (см. Арбеневъ). Вотъ картина моей связи съ Мамоновымъ, въ которой я игралъ роль очень похожую на юнаго Филибера, каковъ онъ изображенъ въ переведенномъ мной романѣ сочиненія г-на Коцебу. Сколько подобныхъ ложныхъ друзей мы пріобрѣтаемъ въ молодости, прежде нежели доищемся одного надежнаго, на котораго можно положиться и любить безъ боязни и обмана!

Мансурова.

28-го Авг. Катерина Александровна. Бѣдная дворянка, прославившаяся своей красотой, которая доставила ей блистательнѣйшую Фортуну; ибо она, не имѣя никакого состоянія, попала замужъ за богатаго князя Трубецкаго и весь вѣкъ свой донынѣ проводитъ въ изобиліи и всякомъ довольствѣ. Ихъ было нѣсколько сестеръ при старушкѣ-вдовѣ, домъ ихъ былъ очень бѣденъ. Я съ ними ознакомился у Молчановыхъ, посѣщая ихъ каждый день; тамъ по часту бывали веселыя пирушки. Будучи офицеромъ гвардіи тогда, я волочился за Катериной Мансуровой, танцовывалъ съ ней безпрестанно, но скоро знакомство наше юношеское прекратилось. Потомъ она, сдѣлавшись богатой дамой и Московской жительницей, имѣла у себя въ домѣ благородной спектакль, въ которой я попалъ и неоднократно игралъ у нихъ въ домѣ: театръ былъ очень хорошъ, лучшіе люди въ городѣ къ нимъ съѣзжались. Балы и ве-

ликолѣпные вечера опять меня съ ней сблизили, но уже прелести ея измѣнились, и мое стремленіе къ ней было тише. Я продолжалъ это знакомство не для нея собственно, а для забавъ и удовольствій, которыми я у нея наслаждался нѣсколько лѣтъ безъ малѣйшаго возмущенія. Изъ всѣхъ представленій, кои тамъ даны были, удачнѣе всѣхъ шла комедія „Le Bon Ton", въ которой успѣхи мои донынѣ мнѣ памятны; а, вмѣстѣ съ ними, воспоминая мѣсто славы моей, не могу забыть и виновницы многихъ моихъ удовольствій, Катерины Александровны Мансуровой, въ честь коей помѣщается имя ея въ семъ спискѣ моихъ сердечныхъ обывателей. Нынѣ она стала стара; дѣти заступили ея мѣсто. Домъ ихъ не такъ пышно содержится, и знакомства моего съ ними въ поминѣ нѣтъ.

Марія Ѳеодоровна.

31-го Января. День, напоминающій мнѣ неизъяснимые восторги любви и радости; день, который я могъ назвать треблаженнымъ въ моей жизни: потому что я въ сіе число женился на безподобной Евгеніи, которой обязанъ былъ счастіемъ лучшихъ лѣтъ моихъ! О комъ приличнѣе въ этотъ день произнести слово, какъ не о той высокой особѣ, которая соизволила соединить меня съ воспитанницей своей?

Марья Ѳеодоровна, Императрица, мать Россійскаго императора Александра (см. Павелъ). Она изволила участвовать во всѣхъ тѣхъ милостяхъ и благодѣяніяхъ, какія супругъ ея, будучи Великимъ Княземъ, женѣ моей покойной и мнѣ оказывалъ. Евгенія изъ монастыря, гдѣ была воспитана на ихъ иждивеніи, принята ко двору и до дня замужества за меня при ономъ находилась, играя комедіи въ обществѣ Великаго Князя, во всѣхъ городскихъ и загородныхъ его дворцахъ. Я всегда былъ отмѣнно принятъ Ихъ Высочествами, и они меня оба изволили жаловать. По началамъ ихъ милости къ намъ, казалось, что мы будемъ всю жизнь нашу ими взысканы; но поѣздка моя на службу въ Пензу и, слѣдовательно, продолжительная разлука съ дворомъ, такъ насъ истребила изъ памяти Ихъ Высочествъ, что они отказались совершенно устроить судьбу нашу, когда дошла очередь и до нихъ сѣсть ря-

домъ на тронъ Екатерины. Говоря здѣсь объ одномъ лицѣ императрицы Маріи, приведу на память разные ея съ нами поступки, кои покажутъ читателю, сколь противоположно было обращеніе Императрицы и Великой Княгини противъ меня и жены моей. Правда, что на самыхъ первыхъ порахъ, при вступленіи ихъ въ самодержавное званіе, когда Павелъ отставилъ меня изъ службы, супруга его, принявъ жену мою очень милостиво, сильно ходатайствовала о томъ, чтобъ я опредѣленъ былъ паки къ должности, въ чемъ и успѣла; но потомъ остуда ея, по мѣрѣ, какъ она привыкала къ высокому сану, стала становиться рѣшительнѣе и сильнѣе. Тогда Императоръ раздавалъ многимъ вотчины; но ни я, ни жена моя, не удостоились этой щедрости, и Марія Ѳеодоровна изволила назначить женѣ моей изъ кармана своего только 300 рублей пенсіи въ годъ. Можно ли назвать такую милостиню благодѣяніемъ, особливо тогда, какъ простыя прислужницы получали по 200 и по 500 душъ? Я служилъ и жилъ въ Москвѣ, терпя всякіе недостатки. Жена моя напоминала о себѣ разными письмами Императрицѣ, и только одинъ разъ удостоена была отъ нея церемоніальныхъ пяти строчекъ, за кошелекъ ея работы, который она поднесла ей въ день ея имeнинъ. Не любить могли сіи цари-супруги меня; но за что привязывали къ злосчастной участи моей судьбу неповинной предъ ними ихъ воспитанницы, которую отягощали мои недостатки? Всѣ прежнія сношеніи были забыты. Ужаснѣе всѣхъ прочихъ примѣръ ихъ равнодушія къ намъ изложу въ слѣдующемъ поступкѣ. Жена моя была въ чахоткѣ; врачи совѣтывали ей, для подкрѣпленія жизненныхъ силъ, переѣхать за городъ въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было врачеваться испареніемъ навоза. Всего удобнѣе намъ казалось переѣхать для сего на скотный дворъ Воспитательнаго Дома и тамъ, занявъ два-три покоя, провести хорошее время года. Надобно было на это просить дозволенія Императрицы; жена писала и получила отказъ. По смерти Павла I-го, дворъ былъ въ Москвѣ. Жена явилась къ Императрицѣ, и та приказалъ ей привесть показать дѣтей своихъ. Жена, самъ четвертъ, пріѣхала во дворецъ, допущена къ Императрицѣ и въ недужномъ ея состояніи ничего другаго не удостоилась, какъ нѣ-

сколькихъ карамелей для ея малютокъ. И мы, бѣдные партикулярные люди, стыдимся отпускать такимъ образомъ отъ себя нашихъ малолѣтнихъ крестниковъ, когда ихъ привозятъ къ намъ знакомые родители. Живучи въ Володимерѣ, жена моя, предъ самой кончиной своей, просила убѣдительнѣйшимъ письмомъ Императрицу не оставить послѣ нея ея дѣтей и утѣшить ее еще при жизни фрейленскимъ вензелемъ для старшей дочери нашей, Маріи. Ни слова отвѣту и ни малѣйшаго вниманія. По смерти ея прекратился и нищенской годовой пенсіонъ. Такъ кончились отношеніи сей Императрицы съ женой моей; продолжались они къ моимъ дѣтямъ нѣкоторое время, но весьма холодно. Въ послѣднее пребываніе двора въ Москвѣ, послѣ Француза, жена моя представляла оставшихся двухъ дочерей моихъ Императрицѣ, и она, говоря дворскимъ языкомъ, очень милостиво изволила ихъ принять, потрепала ту и другую по щекѣ, называла своими дѣтьми; тѣмъ и ограничилось все ея благоволеніе, отъ котораго дочери мои ни на волосъ пользы существенной не пріобрѣли. По случаю кончины королевы Виртембергской, Екатерины Павловны, я сочинилъ стихи, которые, по совѣту многихъ моихъ пріятелей, посвятилъ государынѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и она изволила отблагодарить меня учтивымъ и благопріятнымъ письмомъ. Вотъ все, что́ могу собрать о ней, воспоминая время моихъ отношеній къ симъ священнымъ особамъ. Пусть читатель опредѣлитъ самъ мѣру и степень моей благодарности къ такимъ мнимымъ благодѣтелямъ; а мой долгъ, написавъ это, замолчать и забыть все то зло. которое нанесли мнѣ въ разныя времена сіе порфироносные владыки, ради неоцѣненнаго сокровища, которое я принялъ отъ рукъ ихъ, дражайшей моей Евгеніи.

Марковъ.

25-го Маія. Николай Ивановичъ, полковникъ перваго Московскаго пѣхотнаго полку, въ которомъ я началъ службу свою прапорщикомъ, бывъ пожалованъ симъ чиномъ, при выпускѣ моемъ изъ студентовъ Московскаго университета. Полкъ этотъ стоялъ въ Москвѣ; я въ немъ только числился и тотчасъ откомандированъ на безсмѣнные ординарцы къ

князю Долгорукому, главнокомандующему въ Москвѣ; однако, нося того полка эполеты, я бывалъ иногда въ зависимости отъ властей его и не имѣлъ случая пожаловаться ни на полковника, ни на брата его, маіора Гераклія: оба они обходились со мной очень хорошо, а Гераклій и въ позднее уже время жизни моей не отрекся оказать мнѣ важной услуги. Будучи во время войны съ Французами начальникомъ Московскаго ополченія, онъ записалъ въ него сына моего, Александру и пасынка Алексѣя, и былъ къ нимъ очень милостивъ, даже до излишняго благоснисхожденія, которымъ я обязанъ воспоминанію прежнихъ моихъ съ нимъ и братомъ его отношеній въ Московскомъ пѣхотномъ полку. Всѣ тѣ люди, кои, попадаясь мнѣ навстрѣчу въ молодости моей, любили меня и хорошо со мной обращались, всѣ живутъ донынѣ въ памяти моей: я люблю съ ними вмѣстѣ приводить себѣ на мысль тогдашнее блаженное время, и два брата Марковыхъ всегда въ ней присутствуютъ.

Мартынова.

13-го Марта. Проснувшись, вспомнилъ, что сегодня я лишился Петруши; мысленно гляжу на гробъ его въ Пензѣ, и воображенію моему представляется та почтенная старушка, о которой говорить стану.

Катерина Ивановна, мать и мачиха огромнаго потомства мужа ея, за которымъ она была третья. Я вошелъ въ дружескую связь съ ихъ семействомъ, живучи въ Пензѣ. Кончина этой доброй женщины будетъ для меня всегда разительнымъ памятникомъ; по участію въ ихъ домѣ, я вмѣшался во всѣ распорядки ея похоронъ и такъ наглядѣлся на мертвое ея тѣло, что, послѣ нѣсколькихъ безсонницъ, натура разстроила мое воображеніе до такой степени, что я занемогъ жестокой гипохондріей. Не имѣя никакой болѣзни, едва не сошелъ съ ума, боялся попа, иконъ, и приходилъ въ трепетъ отъ малѣйшей нечаянности, ежедневно готовился умирать, жену свою и домъ держалъ въ безпрестанномъ страхѣ, не имѣя вовсе спокойнаго сна и, будучи въ такомъ жалкомъ положеніи, не много старѣе 30 лѣтъ, прохворалъ съ полго-

да. Лѣтній воздухъ и разсѣяніе возвратили мнѣ прежнюю свободу мыслей и обыкновенное мое благосостояніе. Я и понынѣ не могу этой эпохи вспомнить безъ ужаса, и съ тѣхъ поръ уже не видывалъ и не смѣлъ взглянуть ни на одного открытаго мертвеца, боясь, чтобъ тѣ же впечатлѣнія не разстроили меня и теперь такъ, какъ тогда: въ старости не такъ-то легко ужъ было бы и вылѣчиться. Странно начало и послѣдствіе сего припадка. Это произошло въ великомъ постѣ; я уже заготовленъ былъ скукой, которая начинала отъ разныхъ обстоятельствъ крайне угнетать меня въ Пензѣ. Мнѣ хотѣлось перемѣнить мѣсто. Не было еще удачи. Желчь между тѣмъ готовила мнѣ сокровенной недугъ. Въ Четвергъ на первой недѣлѣ поста мы отпустили въ первой разъ изъ дома сына своего, Павла, въ Москву обучаться; на второй недѣлѣ, въ Четвергъ же, умеръ на рукахъ моихъ сорокадневной младенецъ, нашъ Петруша, котораго я самъ, своими руками, опустилъ въ могилу. Все это, казалось, прошло, но внутренно давило и мысль и душу. На третьей недѣлѣ, въ Четвергъ же, я хоронилъ Мартынову, и тутъ открылась сильнѣйшая, черная меланхолія, которая совсѣмъ меня съ ногъ свалила, и я сдѣлался почти безумнымъ. Дорого стоило мнѣ неумѣренное мое участіе въ помянутой старушкѣ, и она вѣчно мнѣ будетъ памятна; я долго, долго не могъ привыкнуть къ тому, чтобъ не бояться Четверговъ, и лишь день этотъ подходилъ, то я отъ всякаго вздора содрогался. Послѣ, гораздо послѣ, я овдовѣлъ въ Четвергъ, но уже этотъ ударъ не произвелъ подобнаго дѣйствія, хотя былъ сильнѣе; ясно, что тогдашняя болѣзнь была приготовлена длиннымъ рядомъ безпокойныхъ случаевъ, коихъ искра вспыхла на гробѣ Мартыновой. Славу Богу, съ тѣхъ поръ я уже не имѣлъ подобныхъ нервическихъ припадковъ отъ меланхолія, хотя я къ ней отъ природы очень склоненъ, и, кажется, могла бы она неоднократно возобновиться съ вящшею силою послѣ тѣхъ ударовъ и скорбей, кои я донынѣ осужденъ былъ переносить. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ разстроить воображеніе. Что̀ душу тронетъ, тому время поможетъ; а что̀ на голову подѣйствуетъ, отъ того рѣдко уврачуешься.

Машенька.

6-го Декабря. Первая горничная дѣвушка покойной жены моей, при которой она вошла ко мнѣ въ домъ. Она была Нѣмецкаго происхожденія, вѣрна въ услугахъ и очень привязана къ Евгеніи, которая не могла долго безъ нея обойтись. Я никогда не забуду того смѣшного происшествія, какъ жена моя, въ первую ночь послѣ нашей свадьбы, потребовала, чтобъ Машенька ея ночевала у ея кровати; та, будучи въ лѣтахъ уже и, слѣдовательно, опытнѣе жены моей, которая, по новости ея положенія и совершенной простотѣ во нравѣ, не могла рѣшиться остаться одна съ мущиной на ночь, хотя этотъ мущина былъ ея мужъ, та, сколько ни отговаривалась, не могла отбиться до тѣхъ поръ, какъ я далъ ей способъ ускользнуть невзначай вонъ изъ нашей спальни. До сихъ поръ помню ихъ общее треволненіе въ эту минуту и мой тогдашній неумѣренной смѣхъ надъ обѣими. Жена принуждена была, наконецъ, совсѣмъ съ ней разстаться; ибо Машенька, по болѣзненнымъ припадкамъ, уже не могла быть при ея услугахъ; а какъ она была вольная, то и должны были мы ее отпустить. Время все пожинаетъ: и барыня скончалась, и Машенька ея тамъ же!

Мелиссино.

1-го Февраля. Иванъ Ивановичъ. Онъ былъ кураторомъ Московскаго университета, когда я въономъ обучался, старикъ почтенный, котораго милости я обязанъ помнить всегда. При немъ я произведенъ въ студенты и удостоенъ особеннаго его одобренія, когда читалъ рѣчь въ торжественномъ собраніи, по случаю рожденія нынѣшняго Императора. Съ юношествомъ моимъ прекратилось всякое между нами отношеніе. Осталось одно воспоминаніе его покровительства и снисхожденія.

Княжна Меньшикова. † 1837. *)

27-го Апрѣля. Въ это число батюшка продалъ домъ свой на Тверской въ 1784 годѣ, въ которомъ всего чаще приходитъ мнѣ на память Меньшикова, и объ ней я говорить хочу.

Княжна Елена Петровна, внучатная сестра моя. Мать ея, урожденная княжна Долгорукая, была въ короткой связи съ нашимъ домомъ и, во время отлучки батюшкиной на службу въ Петербургъ, ѣзжала почти всякой вечеръ играть съ матушкой въ карты. Изъ двухъ ея дочерей, меньшая, Елена, была отмѣнно остра и затѣйлива; ей было тогда около 14 лѣтъ, а мнѣ лѣтъ 18. Ежедневное свиданіе, не сопровождаемое никакимъ другимъ разсѣяніемъ, скоро насъ привязало другъ къ другу: мы вмѣстѣ привыкли бѣгать, играть, рѣзвиться. Отъ искры загорается пожаръ: открылась между нами взаимная симпатія въ чувствахъ, и скоро мы другъ въ друга влюбились. Это была, такъ сказать, моя страсть первоученка. Новы оба въ чувствѣ любви, всякая малѣйшая ласковость казалась намъ блаженствомъ, и мы спѣшили имъ наслаждаться. Чтобъ показать, сколько хитрости бываетъ въ умахъ незрѣлыхъ нашего тогдашняго возраста, я скажу, что старшая сестра ея, Елисавета, полюбя меня безъ взаимности, ревновала къ сестрѣ своей; а поелику она была любимая дочь у матери, то наши свиданія съ Еленой зависѣли совершенно отъ мѣры вліянія сестры ея на мать ихъ, и потому мнѣ надлежало очень много интриговать, дабы Елисавета, находя сама собственное удовольствіе быть у насъ, располагала къ посѣщенію сему мать свою. Отъ сихъ перепутанныхъ между нами интересовъ я принужденъ былъ каждой вечеръ жертвовать нѣсколькими четвертьми часа на то, чтобъ казаться влюбленнымъ въ Елисавету и въ уединенныхъ съ нею бесѣдахъ, получа честное слово, что она опять на завтра къ намъ будетъ, обращался къ моему предмету, къ Еленѣ, въ которую я влюбленъ былъ смертельно и украдкой срывалъ на устахъ ея жарчайшіе поцѣлуи. Чѣмъ больше

*) Это позднѣйшая отмѣтка на рукописи, но не самаго автора. П. Б.

тайны въ любви, тѣмъ она пламеннѣе разгорается. Онѣ бывали у насъ каждой вечеръ, я хаживалъ къ нимъ пѣшкомъ по утрамъ; милліоны поцѣлуевъ, принужденныхъ съ одной сестрою, и сладострастныхъ съ другой, на которые всегда любовники минуту сыщутъ, такъ насъ соединяли крѣпко, что я готовъ былъ, во что бы то ни стало, жениться на Еленѣ. Италіянецъ, у котораго я бралъ уроки нарочно для того, что онъ и Елену обучалъ по-италіянски, перенашивалъ отъ насъ пламенныя цыдулочки (см. лит. И.); все насъ разжигало и очаровывало, никто изъ нашихъ родственниковъ не примѣчалъ этого и, изъ довѣренности къ нашимъ ребячьимъ лѣтамъ, не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія ни мать ихъ, ни моя. Интрига наша шла прекрасно. Вотъ что ее разстроило. Однажды случилось мнѣ, стоя за стуломъ у Елены, когда она играла на фортепіано въ общей гостиной, шепнуть ей, что я хочу на ней жениться. Она возразила со вздохомъ: „Нельзя, мы родня!"—„Что за нужда! отвѣчалъ я. Примѣры бывали: Орловъ женился на двоюродной сестрѣ своей". Мать, вошедшая въ комнату, такъ что я этого не замѣтилъ, вслушалась въ послѣднія мои слова и потребовала изъясненія нашего разговора. Я признался въ моей страсти; мать увидѣла пропасть, въ которую мы оба готовы были устремиться, поворотила все это въ шутку, но приняла строгую осторожность въ обращеніи дочерей ея со мною. Такъ разорвались или только затруднились наши свиданія, но мы другъ другу поклялись въ вѣрности непреоборимой. Скоро настало мнѣ время отправиться въ Питеръ къ батюшкѣ: онъ меня потребовалъ къ себѣ. Я простился съ Еленой и въ отчаяніи поѣхалъ. Долго продолжалась между нами потаенная переписка. Въ довѣренности нашей была меньшая сестра моя: Елена отдавала ей свои письма, а та ихъ ко мнѣ пересылала въ своемъ пакетѣ, адресуя, однако, на имя батюшки, которой безъ всякаго подозрѣнія отдавалъ мнѣ ихъ, не раскрывая. Много труда стоило намъ это; потому что я боялся, съ одной стороны, чтобъ батюшка не узналъ нашей интриги, съ другой, чтобъ не открыла ее въ Москвѣ Еленина сестра, поджигаемая ревностью, примѣтивъ изъ вышеписанныхъ происшествій, какъ она лукаво была обманута нами и далеко

увлечена своимъ обольщеніемъ; однако письма наши шли порядочно одно другому, и я ихъ набралъ изрядное множество. Выдержавши съ годъ постоянно роль любовника, я случайно отправленъ былъ въ Москву и предвкушалъ уже то удовольствіе, которое меня ожидаетъ въ объятіяхъ Елены. Я уже не мальчикъ, а офицеръ гвардіи, видѣлъ свѣтъ, извѣстенъ въ немъ; сколько, думалъ я, новыхъ преимуществъ будутъ охранять мое счастіе. Увы! ошибся въ разсчетѣ. Я еще не умѣлъ, судя самъ по себѣ, отгадать, что наличные глаза могутъ быть милѣе отдаленнаго взора. Елена безъ меня вывезена въ большой свѣтъ, начала казаться въ собраніяхъ. Будучи мила, заманчива и рѣзва, скоро пріучила слоняться за собой молодыхъ людей, развернулось женское самолюбіе; оно научило кокетству и, словомъ, Елена моя уже другимъ плѣнялась, когда я въ первой разъ встрѣтился на балѣ съ нею въ клобѣ. Я скоро это замѣтилъ, приревновалъ, разсердился, грустилъ съ недѣлю и, видя, что тоска моя уже не дѣйствуетъ на ея сердце, захотѣлъ похвастать своими правилами и постоянствомъ, выпросилъ у нея свиданье, въ которомъ, послѣ жаркаго изъясненія, рѣшились мы разстаться сердцами. Я выпросилъ у нея позволеніе при ней сжечь всѣ ея письма, на что она согласилась и возвратила мнѣ мои, съ моимъ портретомъ вмѣстѣ, которой я для нея украдкой списалъ за довольно дорогую цѣну и подарилъ въ табакеркѣ подъ секретомъ. Все это мнѣ возвращено, какъ ненужные пожитки, и она съ довольнымъ равнодушіемъ высмотрѣла auto da fe, которой я произвелъ изъ ея переписки, заставя ее, по ревнивому побужденію, тирански выслушать содержаніе каждаго письма, прежде нежели оно кидалось въ огонь. Таковъ былъ конецъ первой и самой пылкой моей страсти; я объ ней донынѣ воспоминать не могу безъ восторга. Такъ какъ мы были въ близкомъ между собой родствѣ, то должны были и видаться и часто быть вмѣстѣ, но уже не прежнее было между нами обращеніе; потомъ мы часто и надолго разставались, по нѣскольку лѣтъ другъ друга не видали: она была въ чужихъ краяхъ, долго жила сама собой, безъ матери, въ полной своей волѣ, не выходя ни за кого замужъ. Когда она жила на дачѣ подъ Москвой,

я у нея бывалъ, игралъ съ ней комедію и, переставши быть любовникомъ, мы остались навсегда искренними друзьями: исчезли восторги, и мѣсто ихъ заступила пріязнь, которая продолжится, уповательно, между нами до послѣднихъ нашихъ дней. Она очень поздно вышла замужъ, влюбясь въ молодца прекраснаго Неѣлова, который былъ ея моложе, и теперь живетъ съ нимъ въ Москвѣ, не имѣя дѣтей, одна своимъ домомъ. Умъ никогда не старѣется; и такъ она все еще мила и любезна, и мнѣ кажется такой болѣе другихъ, по воспоминаніямъ нашей молодости. Елисавета вышла въ мое время замужъ, народила дѣтей и умерла. Мать ихъ давно скончалась. Я первые мои стихи посвящалъ Еленѣ: въ собраніи моихъ сочиненій есть очень много пѣсенъ стариннаго вкуса и работы, которыя точно ей принадлежали по обстоятельствамъ нашимъ на то время. Что́ можетъ быть пріятнѣе, какъ воспоминать и живо вообразить счастье юныхъ дней нашей жизни! Въ нихъ-то и самая жизнь настоящая: они ее скрашиваютъ, и въ морщинахъ старости играетъ улыбка, когда вспомнишь первой огонь страстей своихъ. Такъ точно и я становлюсь изъ угрюмаго человѣка пріятнымъ собесѣдникомъ, когда встрѣчаю взоръ той, которая нѣкогда столь волшебно наполняла все бытіе мое собою.

Миклашевичева.

19-го Апрѣля. Варвара Семеновна, жена магистратскаго прокурора въ Пензѣ, съ которой я, будучи тамъ въ службѣ, свелъ пріятное знакомство. Она была барыня молодая, умная и достойная, но увлекалась часто романическими восторгами и отъ того много дурачествъ въ свой вѣкъ надѣлала; она была не хороша, и потому мало считала волокитъ за собою: отъ этой самой причины и я не попалъ въ число ихъ. Во время моихъ несчастныхъ тамошнихъ приключеній, о которыхъ говориться будетъ подъ другими именами, она самымъ благороднымъ образомъ поступила и обязала меня чистѣйшей благодарностью. Я оставался одинъ въ городѣ, угнетенъ и презрѣнъ всѣми, потому что губернаторъ со мной былъ въ ссорѣ; жены моей не было со мною: она ѣздила въ Мо-

скву родить. Ни одна дама не пріѣхала бы навѣстить меня, чтобъ не сдѣлаться предметомъ недостойной молвы; одна Варвара Семеновна все это презрѣла и, зная, что въ моемъ положеніи сообщество мнѣ нужнѣе было, чѣмъ когда-нибудь, всякой вечеръ пріѣзжала ко мнѣ сидѣть и бесѣдой своей, весьма пріятной, разсѣивала мрачныя мысли, коими я былъ до крайности разстроенъ въ духѣ. Мало, конечно, людей, способныхъ сдѣлать изъ чистаго побужденія благороднаго свойства подобное пожертвованіе. Память тѣхъ дней привязала меня къ ней навсегда. Я ее видалъ и послѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ разныхъ положеніяхъ, то счастливу, то злополучну, всегда принималъ въ ней участіе искреннее и пользовался полной ея ко мнѣ довѣренностью. Несчастная! Она имѣла одного сына, взростила его, лишилась его, не могла жить для мужа, которой ея не стоилъ, и потеряла совершенно разсудокъ.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

17-го Сентября. Великій Князь. Когда онъ, будучи въ ребячествѣ еще, воспитывался, мнѣ довелось быть ему представлену его наставникомъ, генераломъ Ламсдорфомъ. Я служилъ губернаторомъ. Онъ меня удивилъ до крайности своимъ вопросомъ. Я считалъ, что, поцѣловавъ у него руку и низко поклонясь, выду изъ комнаты, едва примѣтя взоръ его и наружность; но онъ меня спросилъ: „Любятъ ли науки въ губерніи, и какіе успѣхи имѣетъ просвѣщеніе?“ Въ устахъ ребенка, хотя онъ былъ и царской сынъ, такое любопытство меня поразило, и я вышелъ отъ него гораздо довольнѣе сей аудіенціей, нежели могъ и долженъ ожидать по возрасту Его Высочества. Я искренно въ эту минуту пожелалъ, чтобъ кто-нибудь изъ династіи Павла привязался къ наукамъ и полюбилъ просвѣщеніе, не въ превратномъ, а въ настоящемъ его смыслѣ. Но врядъ исполнится ли такое желаніе?

Могилевской.

27-го Іюля. Александръ Ивановичъ, молодой Кіевлянинъ, учившійся съ успѣхомъ въ Московскомъ университетѣ, откуда попался мнѣ подъ начальство. Назначенъ будучи въ губернаторы въ Володимеръ, я имѣлъ нужду въ грамотномъ

человѣкѣ и искалъ его между студентами университета. Мнѣ рекомендовали Могилевскаго, я его взялъ съ собой, и онъ былъ при мнѣ нѣсколько лѣтъ секретаремъ. Онъ хорошо былъ обученъ словесности, имѣлъ, сверхъ наружныхъ преимуществъ, всѣ тѣ дарованія, которыя отличаютъ въ обществѣ, зналъ иностранные языки, и я былъ отмѣнно имъ доволенъ. Онъ жилъ у насъ въ домѣ; поутру мы съ нимъ служили, а въ вечеру онъ въ нашемъ обществѣ рѣзвился, танцовалъ, игралъ комедіи и соединялъ въ себѣ человѣка дѣловаго съ пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ домѣ моемъ всегда было людно, весело; онъ велъ себя благородно и далекъ былъ отъ того круга простыхъ приказнослужителей, которые развращаютъ молодыхъ людей и въ одномъ порокѣ ищутъ своихъ выгодъ. Во время вдовства моего онъ сдѣлался мнѣ необходимъ для товарищества; я съ нимъ раздѣлялъ унылые часы мрачной тогдашней моей жизни. Послѣ покойной жены моей одна оставалась у меня приманка для молодаго человѣка—Анна Михайловна Богданова (см. лит. Б). Могилевской скоро въ нее влюбился; онъ равномѣрно ей понравился, и я почти готовился соединить ихъ, какъ вдругъ судьба насъ разлучила. У него старшій братъ былъ правителемъ дѣлъ при Циціановѣ, въ Грузіи. Этотъ генералъ, нуждаясь въ людяхъ письменныхъ, вздумалъ его потребовать, и Государь приказалъ мнѣ его къ нему отправить. Такимъ образомъ я лишился секретаря и вмѣстѣ, смѣло могу сказать, хорошаго пріятеля. Первымъ могъ быть у меня всякой, потому что я самъ любилъ работу гражданскую и упражнялся въ ней неусыпно, но послѣдняго нескоро найдешь въ толпѣ скитающихся чиновниковъ по прихожимъ губернаторскимъ въ провинціяхъ. Разставаясь съ нимъ, мы другъ о другѣ весьма много сожалѣли, и отношенія мои съ нимъ дали ему право помѣститься въ этомъ алфавитѣ. Между тѣмъ Циціановъ погибъ отъ кинжала разъяреннаго Перса. Могилевской, не доѣхавъ до него, узналъ о семъ и воротился ко мнѣ. Я не могъ уже принять его въ мой штатъ, ибо онъ попалъ подъ непосредственное распоряженіе верховной власти; но, снабдя его письмами къ министру и Сперанскому, просилъ о неоставленіи его. Ходатайство мое получило благопріятной

успѣхъ: онъ причисленъ къ канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, потомъ попалъ въ штатъ принца Ольденбургскаго, гдѣ онъ достигъ чина колежскаго совѣтника и получилъ два ордена. Теперь онъ все служитъ при водяныхъ коммуникаціяхъ. Время и разлука прекратили прежнія наши связи. На все есть часъ. Ничто такъ не изглаживается въ жизни нашей, какъ отношенія; ихъ уподобить можно волнамъ морскимъ: такъ точно было время, когда мы съ Могилевскимъ плыли вмѣстѣ и съ одного берегу смотрѣли на валы морскіе, кои разбивались у ногъ нашихъ, или пробѣгали мимо; а нынѣ мы уже такъ далеки стали, что я не знаю, ни гдѣ онъ, ни что́ онъ? Подобно и онъ обо мнѣ едва ли извѣстенъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ его помнить, любить заочно и, вспоминая время службы его при мнѣ, отдавать всю справедливость въ познаніяхъ, какъ секретарю, и въ чувствахъ сердца, какъ человѣку близкому ко мнѣ и нѣкогда почти назначенному быть моимъ домашнимъ. Судьба строитъ все по своему. Во время пребыванія его у меня въ домѣ, я обязанъ ему перепиской нѣсколькихъ тетрадей изъ моей исторіи, съ моего почерка набѣло, что́ ему стоило большаго труда и, не входя въ кругъ занятій его по службѣ, есть, съ одной стороны, пріятельское одолженіе его ко мнѣ, котораго я не забуду, а съ другой—вѣрнѣйшій знакъ моей къ нему довѣренности, слѣдовательно и уваженія къ личнымъ его достоинствамъ.

Моисей.

25-го Марта. Архіерей Ѳеодосійской и Маріупольскій. Я его зналъ еще въ свѣтскомъ состояніи, когда онъ просто назывался Михайла Гумылевской. Онъ хаживалъ къ намъ въ домъ по часамъ преподавать мнѣ Катехизисъ и обучать Закону Божію. Съ тѣхъ поръ я его зналъ въ разныхъ степеняхъ духовныхъ, не видалъ только архіереемъ; ибо онъ, завезенъ бывъ Потемкинымъ въ новопріобрѣтенные края на Черномъ морѣ, скоро тамъ умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умной и весьма свѣдующій. Я до сихъ поръ его помню, и у меня хранится портретъ, которой на него очень похожъ.

Молдаванка.

19-го Іюля. День знаменитой въ жизни моей по событію, которое опишется при выше-писанномъ имени рабы, меня спасшей отъ ужасной смерти.

Горничная служанка нынѣшней моей жены, которой я обязанъ жизнью. Какъ же ее забыть? Можетъ ли услуга какая нибудь быть важнѣе сей? Мы ѣхали на Макарьевскую ярмонку и переправлялись на паромѣ черезъ рѣку Лугъ, въ селѣ князя Ѳедора Николаевича Голицына, Мытахъ, въ Володимерской губерніи. Разсудилось мнѣ пройти по лавамъ; жена мнѣ отсовѣтывала, но я нетерпѣливо хотѣлъ переправиться, а паро́мъ долго не шелъ. И такъ, перейдя одну часть рѣки съ дѣтьми и частью людей нашихъ, я увидѣлъ, что надобно, пройдя небольшую отмель, опять по другимъ лавамъ перебираться на настоящій матерой берегъ; паро́мъ между тѣмъ шелъ къ женѣ, а гребцы кричали мнѣ, что дальнія лавы плохи. Надобно было воротиться; я, перепустя предъ собой всѣхъ домашнихъ, побрелъ за ними по тѣмъ же лавамъ, по которымъ шелъ уже за четверть часа прежде; глаза у меня вдругъ какъ-то помутились, и я упалъ въ воду во весь ростъ съ картузомъ на головѣ. Дна не доставши, я не вспомнился и не знаю, какимъ образомъ успѣлъ ухватиться за жердину, на которой держались лавы. По счастью, за мной шла Молдаванка; она увидѣла руку мою надъ водой, подбѣжала и успѣла схватить меня подъ мышки, прежде нежели я сорвался совсѣмъ. Освободя такимъ образомъ мнѣ голову, она доставила случай опомниться, и я, прыгнувши съ усиліемъ, попалъ ляжкой на лаву и присѣлъ, послѣ чего нетрудно уже было мнѣ спастись и быть живу. Я подалъ тотчасъ голосъ женѣ, которая, видя все происшествіе съ берегу, лежала уже безъ памяти, и вся дорожная услуга была при ней. Дѣти также совались безъ ума и памяти по берегу и не умѣли сыскать себѣ помощи отъ страха и тоски. При мнѣ была одна Молдаванка въ эту ужасную и для меня, и для нея минуту: ибо, естьли бъ она, нагнувшись до половины тѣла, чтобъ вытащить меня подъ плеча, потеряла перевѣсъ, буду-

чи увлечена мною и моимъ грузомъ, то бы и я не спасся, и она всеконечно погибла. Сильной подвигъ усердія ея ко мнѣ, за которой я остался ей обязанъ на всю жизнь мою; само Провидѣніе поставило ее тутъ какъ бы для того, чтобъ сдѣлать ее, а не другаго кого, орудіемъ моего спасенія; безъ нея я совершенно погибалъ въ волнахъ. Всѣ ближніе мои потерялись и не знали, что́ дѣлать, увидѣвши, что я упалъ въ воду и головы не видать. Она бросилась, не соображая, что сама можетъ утонуть, высвободила меня и стала навсегда предметомъ уваженія и признательности моего семейства. Ахъ, этой ужасной минуты я безъ трепета донынѣ вспомнить не могу; но, слава Богу, сей случай не имѣлъ никакихъ опасныхъ послѣдствій въ здоровьѣ ни для меня, ни для жены и дѣтей, которыя вытерпѣли только самой жестокой страхъ, а я почти безъ чувствъ былъ, доколѣ не присѣлъ на лавы и не увидѣлъ, что Богъ благоволилъ избавить меня отъ насильственной и ужасной смерти, а домъ мой отъ плачевнаго сиротства. Убо да будетъ Богъ препрославленъ, и да ущедритъ милостію Своею избавительницу мою, Молдаванку (такъ прозванную женой моей; ибо она, впрочемъ Русская и настоящее имя ея Марья, жена деревенскаго нашего садовника).

Моложениновъ.

4-го Сентября. Иванъ Николаевичъ, отставной полковникъ, человѣкъ холостой, нестарой, но больной и отмѣнно угрюмой. Моралистъ жестокой: всякое слово нравственное—проповѣдь! Я съ нимъ познакомился въ домѣ князя Волконскаго, въ которомъ онъ взросъ, воспитанъ и жилъ почти безвыходно, хотя самъ по себѣ имѣлъ состояніе изрядное. Во то время, какъ я былъ въ связи съ княжной Варварой Петровной (см. лит. В.), я его боялся, какъ царя и владыки, и вліяніе его на меня сильнѣе дѣйствовало, чѣмъ чье-либо иное во всю жизнь мою. Я въ безпрестанной былъ работѣ, стараясь, чтобъ онъ не примѣтилъ моей интриги съ княжной, и угождалъ ему, какъ рабъ господину своему, дабы пріобрѣсть его вниманіе и тѣмъ усилить права̀ мои быть короткимъ въ этомъ домѣ:

ибо Моложениновъ былъ оракулъ всего семейства, и всякой, отъ хозяина до послѣдняго гостя, уважалъ его. Раскрывая здѣсь картину моего сердца во всей наготѣ его, я признаюсь, что онъ былъ причиной моего разрыва съ Волконской, и отъ него точно я не женился на ней. По нѣкоторомъ времени моего вдовства, продолжая любовную съ княжной переписку и, согласно съ ней, предполагая, что мы, при первомъ удобномъ случаѣ, обвѣнчаемся, я получилъ отъ нея одно письмо, въ которомъ, между прочимъ, она, бесѣдуя со мной о разныхъ подробностяхъ будущаго нашего соединенія, внушала мнѣ, что Моложениновъ, какъ человѣкъ порядочной, расчетливой, бережливой, словомъ совершеннѣйшій, можетъ жить въ нашемъ домѣ и управлять нашимъ хозяйствомъ. Я такъ испугался этого сухаго, холоднаго и угрюмаго мизантропа, что тутъ же сталъ колебаться; дочь моя довершила мою рѣшимость, и княжна потеряла случай навсегда сдѣлаться моей супругой. Съ одной стороны будучи ревнивъ, я остерегался того преимущества, которымъ пользовался исключительно Моложениновъ въ домѣ Волконскихъ, и боялся скрытой страсти его къ княжнѣ, такой же, какова была моя; съ другой, самолюбіе мое страдало: я боялся попасть къ нему подъ опеку и принужденнымъ быть дѣйствовать по его наставленію и произволу во всякомъ дѣлѣ. Сіи два страха такъ овладѣли моимъ разсудкомъ, что я, при всей любви моей къ княжнѣ, за мѣсяцъ, можетъ быть, только передъ тѣмъ какъ надѣялся въ объятіяхъ ея увѣнчать давнишнюю мою къ ней склонность, охолодѣлъ вдругъ до того, что рѣшился, наруша, можно сказать, всѣ приличія, отказать, безъ всякой причины гласной, такой союзъ, на которой самъ вызвалъ со всей пылкостью взволнованной души. Вотъ въ какомъ я нашелся отношеніи съ г. Моложениновымъ! Вотъ какъ онъ сильно подѣйствовалъ на судьбу мою! Я, переставши быть съ нимъ знакóмъ, не могу, однакоже, позабыть его донынѣ и вѣрно во всю жизнь мою эпоху связи моей съ нимъ (весьма, впрочемъ, побочной и принужденной) помнить буду. Какъ не сказать, воспоминая подобныя мятежи сердца человѣческаго, что оно есть бѣдное игралище страстей?

Молчановъ.

28-го Февраля. Николай Андреевичъ. Я именую его, какъ главу семейства; но лицо интересное для меня въ ономъ была дочь, „Анна Николаевна", воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, дѣвушка любезная, благонравная. У стариковъ было нѣсколько сыновей и дочерей. Отецъ и мать люди добрые и почтенные; они любили жить весело и заманивали къ себѣ всю молодежь Семеновскаго полка, потому что старшій сынъ ихъ служилъ въ ономъ. Мы были пріятели, и поэтому я всегда принятъ отлично въ ихъ домѣ. Они жили въ самомъ полку, и близость нашихъ жилищъ сдѣлала меня у нихъ не гостемъ: отслужа утреннее время и отобѣдавши у какого-нибудь большаго барина, я, подъ вечеръ, надѣвалъ фракъ и ходилъ къ Молчановымъ искать веселаго отдохновенія; тамъ часто бывали балы и пирушки. Мы рѣзвились безпрестанно: игрывали въ фанты, въ короли, и когда мнѣ доводилось быть царемъ, то я очень любезничалъ, наряжалъ всю бесѣду въ ордена, жаловалъ въ чины, и въ этой привольной жизни безъ принужденія, безъ этикетовъ, время летѣло какъ молнія. Молодому человѣку подобныя забавы рѣдко даромъ съ рукъ сходятъ. Я пристрастился къ Аннѣ Николаевнѣ, началъ за нею волочиться и, можетъ быть, рѣшился бы свататься на ней, ежели бъ она не повстрѣчала опаснѣйшую для себя совмѣстницу въ княжнѣ Щербатовой (см. Щ); но та, будучи гораздо блистательнѣе ея, воспитана и гораздо приманчивѣе, такъ круто приковала меня къ своей колесницѣ, что я не могъ ни на чтó иное быть полезенъ въ домѣ Молчановыхъ, какъ на одушевленіе ихъ компаніи своей рѣзвостью и разными фарсами, а къ симъ послѣднимъ я всегда былъ готовъ и охотно расположенъ; они-то иногда составляютъ весь характеръ тѣхъ, кои славятся любезностью; тѣмъ же прославился и я, и Молчановы требовали частыхъ моихъ посѣщеній. Весьма кстати помѣстить здѣсь презабавной анекдотъ. Я по вечерамъ ѣзжалъ только въ два дома: или къ Щербатовымъ, или къ Молчановымъ. Когда я вздумалъ въ изступленіи стрѣляться съ досады, что Щербатова за меня не пошла, дядя мой, ба-

ронъ Строгановъ, узнавъ о семъ и приписывая такой поступокъ любовной страсти, ошибся только въ догадкѣ и счелъ, что я влюбленъ въ Молчанову и, по этому подозрѣнію, пріѣхавши, вмѣстѣ съ старикомъ гр. Строгановымъ, спасать меня на мою квартиру и, узнавъ, что я пошелъ на вечеръ къ Молчановымъ, пустились туда, остановились у воротъ и хотѣли выемкой оттуда меня вытащить. Старики, понявъ ихъ намѣреніе, огорчились такимъ наглымъ ихъ посѣщеніемъ, и я внутренно хохоталъ надъ ихъ грубой ошибкой, и понынѣ безъ смѣха не могу вспомнить такого забавнаго приступа двухъ дядей-стариковъ къ чужому дому, въ которомъ племянникъ ихъ благополучно сидѣлъ въ пріятной засадѣ. Доколѣ я служилъ въ полку, ничто не прекращало моего знакомства въ ихъ домѣ, и по женитьбѣ моей я остался съ ними со всѣми хорошимъ пріятелемъ. Къ тѣмъ же временамъ принадлежитъ еще одно рыцарское мое происшествіе. Сынъ ихъ старшій, Николай, и я, мы были секундантами: я у Ржевскаго, онъ у Данилова. Никто объ этомъ не зналъ; это побоище происходило рано поутру. Ржевскаго ранили въ руку, я ему далъ свой плащъ на возвратномъ пути домой, а самъ безъ осторожности, надѣлъ его сюртукъ, забрызганной кровью и разрубленной въ рукавѣ. Въ этомъ одѣяніи я съ Молчановымъ пріѣхалъ къ нему въ домъ, и старики были до крайности испуганы, увидя меня въ крови: имъ пришло въ голову, что я вѣрно дрался съ ихъ сыномъ. Вотъ важнѣйшіе два случая, кои часто мнѣ напоминаютъ семейство Молчановыхъ. Отставка моя изъ гвардіи положила конецъ нашимъ отношеніямъ. Я объ нихъ и послѣ навѣдывался, ѣзжалъ къ нимъ, но уже не такъ былъ коротокъ, какъ прежде: улетѣла юность, и кровь сдѣлалась холоднѣе. Иныя изъ дочерей вышли замужъ, сыновья поженились, и старшій въ молодости умеръ; старикъ отецъ дослужился до сенаторства, потомъ въ параличѣ привезенъ въ Москву, поселился въ ней и умеръ; за нимъ скоро убралась въ вѣчность достойная жена его, Варвара Андреевна, которую я очень почиталъ. Анна Николаевна пріютилась къ сестрѣ своей, Александрѣ, вышедшей выгодно замужъ и, оставшись въ дѣвушкахъ, состарѣлась. Она такъ перемѣнилась, что я едва узналъ ее, увидѣвши не-

давно послѣ очень долгой разлуки. Семейство Молчановыхъ имѣетъ полное право на всегдашнія мои воспоминанія и любовь; ибо я въ немъ былъ любимъ и всегда принятъ съ особеннымъ отличіемъ отъ моей братьи, прочихъ офицеровъ. Въ этомъ домѣ мнѣ бывало весело, пріятно. Сколько разъ я тамъ бывалъ счастливъ, доволенъ, обрадованъ! Пустяками? скажутъ мнѣ. Согласенъ, но не тогда ли жизнь наша стоитъ чего-нибудь, когда она наполнена химерами, мечтами и всякими бездѣлками?

Жизнь смертнаго въ однихъ обманахъ хороша.

Монестроль.

9-го Апрѣля. Le Comte Monestrol, Французской выходецъ. Болтунъ краснобай и пустой человѣкъ. Во время Французской революціи онъ, со многими другими, бѣжалъ изъ отечества и прискакалъ въ Питеръ; тамъ онъ удостоился особеннаго покровительства у двора потому, что онъ въ какой-то былъ связи по женѣ съ кормилицей несчастнаго короля. По сему уваженію Екатерина восхотѣла его отличить отъ многихъ другихъ изгнанниковъ, пожаловала ему пансіонъ, состоящій изъ 600 р. серебромъ, и назначила ему пребываніе въ Пензѣ, ради тамошней дешевизны, ибо она знала, что 600 р. не широки. Тутъ-то я съ нимъ сошелся знакомствомъ: онъ былъ мнѣ отъ многихъ рекомендованъ, я его принялъ прекрасно. Ему это полюбилось, онъ посѣщалъ меня всякой день, и мы по вечерамъ наслушались отъ него разныхъ Французскихъ проказъ. Такимъ образомъ знакомство мое съ нимъ осталось у меня на всегда въ памяти. По смерти Екатерины все перемѣнилось въ Россіи. Я скоро выѣхалъ изъ Пензы, а Монестроль возвратился въ свое отечество; съ тѣхъ поръ мы съ нимъ уже не видались. Настоящій былъ Французъ, болталъ безъ умолку, и очень часто, послѣ цѣлаго вечера, проведеннаго въ жаркомъ съ нимъ спорѣ, я не могъ еще понять, чего онъ хочетъ, чего держится и въ чемъ состоятъ коренныя его правила. Получа свободу выѣхать изъ Пензы, онъ укатилъ, не сказавъ никому спасибо за услуги.

каждымъ почти помѣщикомъ ему оказанныя. Чистой Французъ! Въ тоже время жилъ у меня другой его соотечественникъ Мишеле (Michelet), которой нѣкогда обучалъ жену мою Французской грамотѣ, когда она, при покойной Великой Княгинѣ, воспитывалась еще во дворцѣ до отдачи въ Смольной. Онъ обучалъ моихъ ребятишекъ; я ихъ бывало по вечерамъ стравлю, и они заспорятъ. Всякой доказываетъ свое, и оба нещадно лгали, и когда Michelet поражалъ Монестроля, то этотъ только ротъ разинетъ въ удивленіи и скажетъ: „C'est vigoureux!" Это его пословица донынѣ мнѣ памятна, и я многіе тогдашніе вечера нарочно себѣ воображаю, когда мнѣ соскучится, только для того, чтобъ улыбнуться.

Мордвиновъ.

18-го Іюня. Ему, ему принадлежитъ вся моя мысль сегодня день, въ которой я вспоминаю рожденье милой дочери, уже не существующей.

Алексѣй Николаевичъ, близкой родственикъ второй жены моей. Я до гроба не забуду доказательства его къ намъ усердія, которое сколько дѣлаетъ чести его чувствамъ и правиламъ, столько обязательно для насъ, а паче для меня. При послѣднемъ концѣ жизни меньшой дочери моей, Евгеніи, которая, бывъ очень короткое время больна, на двадцатомъ году умерла чахоткой, онъ, узнавъ о худомъ ея положеніи, по цѣлымъ, можно сказать, суткамъ жилъ у насъ, не отходилъ отъ больной до послѣдняго ея издыханія, и послѣ навѣщалъ по нѣскольку разъ въ день, былъ при погребеніи ея, выносилъ тѣло ея изъ дому, снабдилъ меня на всѣ сіи издержки деньгами, коихъ тогда у меня не случилось, и словомъ, я не знаю, могъ ли кто изъ самыхъ домашнихъ моихъ принять болѣе участіе, чѣмъ онъ въ столь жестокой для меня потерѣ. Впрочемъ, онъ самой угрюмой философъ, не отдаетъ визиту, не пріѣдетъ на званой пиръ, нарушитъ всѣ житейскіе принятые обряды; но гдѣ надобны его услуги, помощь, состраданіе, онъ тутъ прежде всѣхъ и готовъ все сдѣлать, чтó отъ него зависитъ, къ отрадѣ или облегченію недужнаго и огорченнаго. Рѣдкой характеръ, котораго нельзя не удостоить уваженія.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
РУССКАГО АРХИВА 1890 ГОДА.
(Тетради 1, 2, 3 и 4).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1890 года.

(Годъ двадцать восьмой).

Русскій Архивъ въ 1890 году издается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія XXVII лѣтъ.

Двѣнадцать тетрадей „Русскаго Архива" 1890 года составятъ три отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1890 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887, 1888 и 1889 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ.**